

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

5 6105 128 007 106

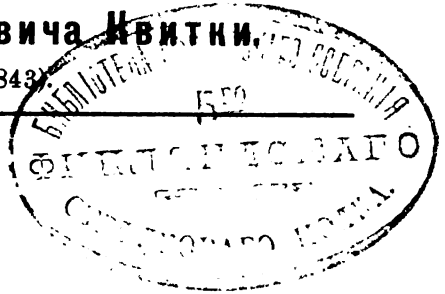

Russ.
Mosc.

Квитка, Н. Ф.

C

СОЧИНЕНІЯ
Григорія Федоровича Квитки,
(р. 1778, † 1843)

МАЛОРОССІЙСКІЯ ПОВѢСТИ

РАЗСКАЗАННЫЯ

Грыцькомъ Основьяненкомъ.

ТОМЪ I.

Изданіе Харьковскаго Уѣзднаго Земства въ пользу народнаго училища, учрежденнаго на Основѣ въ память Григорія Федоровича Квитки (Основьяненка).

Подъ редакцію А. А. Потебни.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Каплана и Бирюкова, Рыбная, № 30.
1887.

Ке

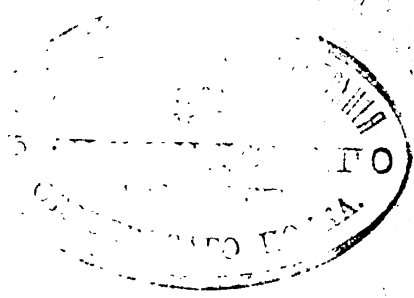
Доволено цензурою. Кієвъ, 20-го іюля 1885 года.

PG 3948

K87

1887

v. 1-2

ОГЛАВЛЕНИЕ I-го ТОМА.

ПОВЕСТИ.

	Стр.
I. Салдацкий патреть	1
II. Маруся	27
III. Мертвецкий велик-день	115
IV. Добре робы, добре и буде	139
V. Конотопська видьма	175

Мысль о настоящемъ изданіи сочиненій Григорія Федоровича Квитки (Грыцька Основьяненка) возникла еще въ то время, когда харьковское общество готовилось праздновать столѣтіе (исполнившееся 18 ноября 1878 г.) со дня рожденія этого замѣчательнаго украинскаго писателя и выдающагося общественнаго дѣятеля своего времени. Починъ принадлежалъ земскому собранію Харьковскаго уѣзда. Прочитанная въ его засѣданіи записка Ф. А. Павловскаго (бывшаго члена управы и училищнаго совѣта) и словесное заявленіе покойнаго гласнаго о. Александра Подольскаго (настоятеля церкви въ селѣ Основѣ) вызвали общее сочувствіе, сказавшееся въ слѣдующемъ постановленіи 16 июня 1878 г.: учредить въ с. Основѣ, на родинѣ писателя, школу съ преподаваніемъ садоводства и огородничества, и ходатайствовать о присвоеніи этой школѣ имени Г. Ф. Квитки. Содержаніе школы принято на средства земства съ небольшимъ пособіемъ, какое по приговору обязалось ежегодно вносить мѣстное сельское общество. Четыре десятины земли подъ школу подарены земству Андреемъ и Валерьяномъ Валерьяновичами и Елизаветою Карловною Квитками. На постройку употребленъ матеріаль отъ большаго амбара, пожертвованнаго крестьянскимъ обществомъ, и отъ старой церкви (по предложенію протоіерея Подольскаго и съ разрѣшенія епархіальнаго начальства), а также особый капиталъ (около 2000 р.), составившійся въ управѣ ранѣе изъ пожертвованій, и всѣ остатки отъ земскихъ ассигновокъ по школѣ на Ос-

II.

новѣ. Заботы по учрежденію школы, выработкѣ программы и проч., а также по устройству юбилейнаго торжества возложены были земствомъ на особый комитетъ, подѣ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, какъ преемника той обязанности, которую много лѣтъ несъ покойный писатель. Въ составъ комитета первоначально вошли: Ф. А. Павловскій (секретарь комитета), о. Александръ Подольскій и А. Е. Зайкевичъ (профессоръ агрономіи въ Харьковскомъ университетѣ).

Утвержденная г. министромъ внутреннихъ дѣлъ программа празднованія юбилея включила въ обязанность комитета заботы объ изданіи сочиненій Г. Θ. Квитки. Право изданія уступлено внуками писателя А. В. и В. В. Квитками въ собственность земства Харьковскаго уѣзда, подѣ условіемъ, чтобы чистый доходъ поступалъ въ пользу школы, построенной на Основѣ въ память Г. Θ. Квитки. Фондомъ же изданія послужили отнюдь не земскія ассигновки, какъ ошибочно сообщалось въ одной газетѣ, а спеціальныя пожертвованія отъ многихъ лицъ, поступившія въ комитетъ, начавшій дѣло изданія, продолженіе котораго, по постановленію земскаго собранія, поручено уѣздною управѣ.

Вотъ списокъ пожертвованій, поступившихъ въ комитетъ и переданныхъ имъ земскою управѣ:

1) Отъ профессора Ал. Ав. Потебни (взяшаго на себя и трудъ редакціи) сборъ съ его публичной лекціи въ день юбилея—200 руб. и пожертвованные присутствовавшими на лекціи—100 р. (А. К. и Х. Д. Алчевскими по 25 р., Е. С. Гордѣнкомъ—6 р., А. Н. Стояновымъ и г-жей Вишневецкой по 5 р., Н. Н. Бекетовымъ, М. Θ. Ковальскимъ, О. И. Пѣховскимъ, подп. Гвоздиковымъ, А. Д. Ивановой, М. Д. Раевской, И. И. Слатинымъ, В. Оболовской и N по 3 р., Н. В. Масловичемъ и X по 2 р., г. Геттихъ и М. Линдой по 1 р., Баранниковымъ и Давидовымъ по 50 к.).

2) Отъ Ник. Ник. Сабо—сборъ съ устроенной имъ выставки картинъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ,—290 руб.

3) Сборъ съ вечера въ дворянскомъ собраніи 7 декабря 1882 г.—50 руб. 15 коп. (переданы чиновникомъ особ. поруч. А. М. Андреевымъ).

III.

4) Отъ Ф. А. Павловскаго—100 р.; чрезъ него же поступили пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ: Александра Павловскаго—100 р., Б. Г. Филонова—100 р., N—500 р., П. Н. Горлова—125 р., шт.-кап. М. И. Силакова, Н. П. Пассека, А. Л. Пестржецкаго, П. Я. Огненка, Х. Д. Алчевской и Ник. Евст. Ковалевскаго по 25 р., душеприкащикъ Сысоева—16 р., Л. Д. Журавлева—15 р., И. К. Грипенка—12 р., М. Д. Линды, В. Г. Пономарева, Н. П., С. Я. Бѣликова, С. М. А., Т. С. Кульшина, Г. А. Коренева, Е. И. Цвѣтковой и NN по 10 р., Н. В. Орлова, Е. В. Хлѣбникова, А. Ст. Дмитріева и трехъ NN по 5 р.; И. П. Сокальскаго, Г. В. Цѣхановецкаго, В. А. Савича, Д. Т. Губенка, І. М. Зеленскаго, П. Я., М. И. Попова по 3 р., сельскаго учителя—1 р.; при письмѣ П. С. Ефименка изъ Чернигова—102 р. (отъ X.—25 р., А. Карпинскаго—16 р. 50 к., неизв. 8 р. 50 коп., Н. Милорадовичъ, Рашевскаго и Барсука по 5 р., П. С. Ефименка 3 р. 50 к., Н. Константиновича, А. Тищинскаго, В. Хижникова, К. Милорадовичъ, Шрага, Лизогуба по 3 р., В. Варзерь, А. Ханенка, Сорокина и Константинова по 2 р., Д. Лавриненка, Вл. Филонова, Заики, Селюка, Фурсенка, Л. Глѣбова, Дороненка по 1 р., П. Исаевича—50 к.); отъ служащихъ Харьковской контрольной палаты—19 р. (И. И. Киселева 3 руб., И. Петропавловскаго—1 р. 50 к., А. Алексѣева, Джунковскаго, Якименка и М. Рогожина по 1 р., И. Засядко, А. Гребенникова, И. Лесевича, Н. Михайлова, Д. Линды, Н. Морощкина, И. Вышемірскаго, Л. Кандыбы, И. Семейкина, М. Лиханскаго, Краля, Праведникова. И. Козаченка, Я. Миллера, Ф. Гречки и Н. Гречки по 50 к., Гр. Иваненка 40 к., А. Аксененко—35 к., Казина, Фоменка, Свиридова, М. Михайлова, И. Несмачного по 30 к., Харламова—25 к.); отъ А. С. Фесенка—5 р., итого 1386 р.

5) Отъ протоіерея Александра Подольскаго изъ с. Основы—10 р.; черезъ него же отъ: И. Д. Яковенка—25 р., П. Пасѣчника, Е. Мухи, П. Сидоренка, С. Кубрака, М. Меланьча, К. Томаха, Л. Левшина, М. Зайдорожного, В. Скляра, Т. Кубрака, А. Кубрака, С. Кудя, С. Никитенка, А. Шевченка, И. Овищенко, К. Клетикова, Д. Деканя, П. Плехна по 1 р.; Павла Торяника, В. Томаха, И. Томаха, С. Деканя, П. Даниленка, Н. Деканя, А. Богомаза по 50 к., П. Кубрака, В. Передерія, В. Томаха, Д. Кудя, Н. Шевченка по 40 к., Е. Кудя—35 к., Гр. Бондаренка, И. Даниленка по 30 к., Р. Деканя, Н. Задорожного, Н. Кудя, И. Иванова по 20 к., А. Азарова, С. Шевченка по 15 к., К. Андрусенка—10 к., итого 60 р. 65 к.

6) Чрезъ Ив. Мих. Буговскаго: отъ М. С. Косенка—6 р., отъ трехъ Заикивчанъ—3 р., отъ А. Бырдина, Ал. Деллена, М. Д. Журавлева, А. Л. Пестржецкаго, Н. Салько, Е. А. Сѣрикова, N и N по 3 р., Ад. Фр. Ф., А. А. Ясинскаго и С. И. Д. по 2 р., В. М. Мандрыкина, Е. Т. Сумцова, В. Ф. Михайлова, Студенцова, Данилова, Г. И. Сапелькова, Е. Д. Зайцова, Ал. Жидкова, Максима, М. Андреева, Н. О. Юхновича, П. А. Яс., П. Груздева, Л. Л. Ч., Н. Полтавки, В. Ев. Л., Н. К. Ал., З. П. Труфанова, А. Е. Засядко, Ф. Г. Готовицкаго, М. Ф. Зубкова, М. М. Дикарева, А. Л. Боженка, Станковича, А. В. Шнурко, Н. Лысогоренка, Ф. Запорина, М. Пл. К., А. М. Маркова, А. Савченка, П. Д. Кохановскаго, К. Г. Квитки, П. Чугаева, А. А. Мерхалева, Ал. Тим. Павлов., В. С. Тутасва, И. Т. Смирнова и восьми N по 1 р., отъ С. Д. Ильницкаго и М. Ф. Подковщикова по 50 к., итого 85 р.

7) Отъ Зах. Макс. Новицкаго изъ села Основы 10 руб.; чрезъ него же отъ: Сем. Ст. Сѣрика 10 р., А. Любарскаго, Г. А. Савченка, В. И. Золотарева, свящ. Руднева, С. Кокина по 2 р.; отъ свящ. Н. Жиликова, урядника

IV.

Машенка, Лв. Ив. Тарапаты и К. Дейчмана по 1 р.; Петра Лаптія, Сем. Зайцева по 50 к.; И. Киктенка, Н. Наумова, Д. Соломахи по 30 коп., рядового Н. Уманца 25 к., Гр. Завадскаго, П. Маликова, Н. Шорна и Г. И. Завадскаго по 20 к., Ф. Шевченка 15 к., М. Звѣрева 20 к., итого 37 р. 30 к.

8) Черезъ доктора Вл. Ст. Александрова отъ П. Ж. 24 р., А. С. Румянцева 3 р. 40 к., священ. М. Румянцева 2 р., священ. В. Лихницкаго и Ел. Вертеловской по 1 р., итого 31 р. 40 к.

9) Отъ Ал. Ром. Шидловскаго 4 р.; черезъ него же отъ: Кн. Голицына и N по 3 р.; Красовскаго и Я. Н. по 2 р., отъ Л. Линницкаго, «кого-то» и еще пяти N по 1 р., итого 21 р.

10) Отъ В. П. Рославлева 10 р.; черезъ него же отъ: Варв. Рославлевой 5 р. Марьи Андр., Настасьи Андр. и Анны Андр. ур. Антоновыхъ (бывшихъ Харьк. институтокъ) по 3 руб., М. М. Безпечниковой 1 р., итого 25 р.

11) Начислено % по 9 апр. 1886 г., т. е. по день передачи комитетомъ всѣхъ счетовъ въ уѣздную земскую управу, 525 р. 70 к.

А всего двѣ тысячи восемьсотъ двѣнадцать рублей двадцать копѣекъ (2812 р. 20 к.).

I.

САЛДАЦЬКІЙ ПАТРЕТЪ.

Латыська побрехѣнька по нашому розказана.

СУПЛИКА ДО ПАНА ИЗДАТЕЛЯ 3

Любѣзный мій прыятелю!

Дойшла до мене чѣтка, що ты хочеш и въ насъ, по Москвѣській мѣди, збыты книжечку..... а якъ їи по нашому назваты, невмію; бо й Москалі — не ти Москалі, що живуть у Мѣскви, а такі, що не зъ нашихъ, а зъ Рассѣйськыхъ — що крѣпко въ нихъ кохаютьця, и ті, невмівши їи по свѣдому назваты, зовуть по-німѣцьки. Такъ нехай-же по нашому буде: збірникъ. Спасѣйби тобі за сюю працю. Черезъ тебе будемо знаты, хто зъ нашихъ Слобожанъ, та й зъ Гатманцивъ, що и якъ конпонуе. Ще-жъ я чувъ, буцѣмъ-то хочеш ты тутъ-же прыгулыты дѣ-що и по нашому пысаного. За сюю выгадку ажъ трычи тобі дякую. Нехай-же знають и нашихъ! Бо е такі люде на-свити, що зъ насъ кепкуютъ и говорють, та й пышуть, буцѣмъ-то зъ нашихъ нихтѣ невтнѣ, щобъ булѣ, якъ вонѣ кажутъ, и звычайне, и нѣжненьке, и розумне, и полѣзне; и що, стало-быть, по нашому, опрѣчь лайкы та глужованья надъ дѣрнемъ, бѣлшъ ничѣго немѣжно й напысаты.

О бодай ихъ вже зъ такою дѣмкою! Хыба-жъ не живо вчыстывъ панъ Котлярѣвськый Енея? Эгѣ! объ нимъ и дѣси Мѣсква товчѣ и перетѣвкѣ, и зъ якѣго бѣку ни зайдѣ, сплеснѣ рукамы, та й каз: «ну такъ, славно!» А панъ Артемѣвськый-Гулакъ мѣло понапысовавъ про Твердѣвського, про Солопѣя, про Собѣку, або Гарѣськовы Оды не мѣдро розказавъ по нашому? Що, мѣже, у ѣншого, хто чытавъ, такъ и дѣси кышкѣ болѣять видѣ смѣху, а въ ѣншого — якъ тамъ

*) Напечатана въ альманахѣ „Утренняя Звѣзда“, Харьковъ, 1833, кн. 2, какъ предисловіе къ повѣсти „Садацкѣй патреть“.

кажуть — трохи-льшень шапка не загорілась. Такъ хыба винь просто пысавъ? Аждѣ и тепѣрь бажаютъ у мѣсячни або и въ тыжѣнни книжечкы хочъ пивтретя ѣго стыха! Нехай-же й пань Гребѣнкынъ выкыне Полтаву, що перероблюе зъ Москѡвськой; нехай, кажу, небойтця ничѡго та, якъ тамъ кажуть, издасть їи тыпомъ; такъ тамъ и такѣ бѣде, що хочъ нехочешъ, а заколупнѣ тебе за дѣшу, а дѣ—й сѣрденько защемишь; бѣде й такѣ, що, чытаючи, сливонькы тѣлки капъ, капъ, капъ! Та е й други-прѡчи, що на стыхахъ—на стыхахъ, а тѡ такы и просто розмѡвою пышуть.... Такъ що-жъ бѣдемо робыты? Невторѡпаютъ по нашому, та й ворчатъ на наши книжкы: «Ета нѣшто па чухонськи... Зачымъ печататъ, кагда ни хто нерозуміе»?—Гай, гай! Хыба-жъ тѣлки й свѣта, що у викни? Трывайте бо, панѡве, недѣже сикайтесь! Е ще на-свити православне хрыстыянство, що вмѣютъ и люблятъ по нашому чытаты. Не усѣ-жъ для Москаливъ: мѡже-бъ трѣба и для насъ що-небудъ, щобъ и мы... знаете, не усѣ... а такъ... дѣ-що... по трѡху дѣ-чого зналы; а тѡ, по вашому, такъ мы... такъ-соби... дѣ намъ за вѡмы?..... Гмъ! на догадъ бурякывъ, щобъ капѣсты далы.

Та щѣ-жъ на своімъ вику выдавъ и такыхъ, щѡ якъ попадѣ нашу книжку, та переворѡчуе їи, переворѡчуе, мѡвъ голѡдна беззѣба собѡка шкорынку, котрѡи невкусыть, та нерозчѣхавшы щѡ, для чѡго и прѡтивъ чѡго пысано, зѡразъ, щобъ абы що-небудъ сказаты, абы чымъ-небудъ нашого брѡччыка занехаять, а самѡму похвастаты, зѡразъ, кажу, и гукнѣ: «кавыка не тамъ! оксія не туды! Хвалшь! трѣба нашъ-ѣры—ны—ны! Я усѣ знаю и зѡразъ побѡчу, дѣ щѡ не такъ». — Ой, гляды-льшень, пане усѣ-знаю, щобъ небулѡ и зъ тобою тогѡ, що зъ Терѣшкомъ шевцѣмъ!

А щѡ тамъ зъ нымъ булѡ? Ты, мѡже, прыятелю, непозабувавъ тогѡ, що з-мѡлу у шкѡли вчывъ, такъ и згадаешъ якусь латынську побрехѣнку, що я тоби по свѡему розкажѣ, якъ чѣвъ їи видъ Панаѡса Пистряка, а винь чѣвъ їи ще въ шкѡли, видъ самѣсинького нашого дяка пана Олексія.

Од-же-то, колы-хѡчъ, то й прылипы сю побрехѣнку у свѣй збирныкъ. Мѡже-такы котры й изъ скалызубивъ, охѡчы й другыхъ гѣдыты, а самѡму талану нема що-небудъ пѣтѣвъ напысаты, захѡче покѣпковѡты надъ твоєю Зѣрочкою, та на-

ше, хочъ незовсімъ по верхамъ, а хочъ и по складамъ прочытá и черезъ десяте-п'яте уторбае, та й почуха потылыцю и усомъ закрутыть, та й... помовчыть; то й то добре: одною брехнею на свѣти мѣншь буде.

Колы-жь будешъ їи печатать, то пожалуйста доглядай, щобъ у мойй побрехеньци ненавернякалы якѡи нашої мѡвы на москѡвський ладъ. Нехай наши, якъ хтѡ зна, такъ свое й пыше; а я дѹмаю, що якъ говѡремо, такъ и пысаты треба. О! добре-бъ, брãтику, булѡ, якъ-бы мы такъ говорылы, якъ у кныжкахъ пышуть; а якъ-бы ще такъ и робылы, такъ-бы й небулѡ нã-свити ничѡго лѹччого!

Нехай-же тоби, брãтику, Богъ помагá на дѡбрее дѣло. А менѣ вѣрь, що я тебе и поважãю и шанѹю, и дѹже дякую за твою працю для славы Слобожанъ и для нашої потѣхы и пѡлзы, и що я по-вѣкъ тоби

на услѹгу щѣро готовый

Грыцькѡ Основьяненко.

Лыпця у п'ятое чыслѡ
1833 року.

САЛДАЦЬКІЙ ПАТРЕТЬ. *)

Латынська побрехенька по нашому розказана.

Бувъ собі колись-то якійсь-то маляръ..... ось на умі мотаєтця, якъ ёго звали, та негадаю... Ну, дарма; маляръ, та й маляръ. И що то бувъ за скусный! Тамъ морбка ёго зна, якъ-то гарно малёвавъ! Чы вы, братики, що чытаєте, або слухаете сюю кныжку, думаете, що винъ такъ малёвавъ собі просто, абы якъ, що тилки розмишя краску: чы червону, чы бурякову, чы жовту, та такъ просто й маже чы стиль, чы скрыню? Э, ні; трывайте-лышень! Такы що вздрить, такъ зъ него патреть и вчеше; хочъ бы тоби видро, або свиня, такы живисинько вонó й ё; тилки посвыстышь, та й годи! А ще було якъ намалюе що-небудь, та пидпыше—бо й пысьмённый бувъ собі—що сё не кавунъ, а слыва, такъ-такы точнисинька слыва. Разъ.... (о! смиху було! хлопци ажъ кышкы порвали видь рёготу) змалёвавъ винъ такы нашого отця-Мыкыты кобылу, та якъ-же жыво вчыстывъ, такъ на вдывовыжу! Ну, намалёвавшы, та й каз намъ: «теперь, хлопци, дывитесь, що за кумедья буде». А мы каэмо: «а ну, ну; що-тамъ буде»? А винъ каз: «а йдять лышень за мною, та й несить патреть

*) *Примьчаніе.* Первое изданіе въ альманахъ „Утренняя звезда“ на 1833 годъ (Харьковъ, въ Университетской типографіи 1834 г.; помѣтка цензора: Декабря 1-го дня 1833 г.); второе — въ „*Малороссійскія повѣсти, рассказы-оаемя* Грицькомъ Основьяненко“, кн. 1, Москва, 1834 г.; помѣтка цензора: Октябра 4-го дня 1833 г.; третье — подъ тѣмъ-же общимъ заглавіемъ, кн. 1, Харьковъ, 1841 г.; четвертое — въ „*Повісті Григорія Квітки (Основьяненка)*“. Т. 1. Издавъ П. А. Кулішъ. Спб. 1858 г.

Въ выносахъ первое изданіе обозначено посредствомъ X. 1.

попдоўі кобылы». Отъ мы, узявши, та й пішлы, та по ёго наущэньку и постановылы быля пан-отцёвога двора; пидперлы й гарнёнько; такы точнісінько якъ кобыла стойть: и на однò око слипá, и хвистъ вырваный, и рёбра йй повылазылы, та ще й голову понурыла, мовъ пасётца. Отъ якъ постановылы йй, а самы узявши, та й попрысидáлы по-пидъ плóтомъ, у бурьянахъ, та й ждемó батюшку, а самы тўлымося яко мóга, щобъ переготáтыся. Ажъ ось, зыркь! идé нашъ отёць-Мыкыта; та щé, мабуте, булò и у голóвци; идé, та собй пидъ нисъ *всемьрну* мугыче; а дали и вздривъ кобылу, та й кáэ: «щò за ледáщò мйй Охримъ!» (а ёго батракá та звалы Охримомъ) «кобыла, кáэ, зйшла протйвъ-ночи зъ двора, а вйнь и байдужé; колыбъ-то мынй йй пйймáты!» А дáлы знявъ зъ себé поясъ, завязавъ пётлю, та й стáвъ до ней пидкрадáтысь, та знай пмока, та прыговóрюе: «тпрусё, рябá, тпрусё!» а дáлы, якъ пидйшòвъ близэнько, якъ закыне йй на шыю поясъ, якъ крыкне *тпруу!* якъ потягне до себé, а кобыла якъ впадé, а мы такъ и зареготáлысь, та на-втикачá! А отёць Мыкыта и zostáвьсь; стойть, якъ укòпаний, и рúкы и нóги одубылы, и ни зъ мйсця; а кобыла передъ нымъ лежыть до горы ногáмы; и пидширкы невдёржалы, якъ потягнувъ йй до себé, щобъ невтеклá. Та вже опислá розкáзовавъ, щò й дóвго бъ стоявъ, та попадá побáчыла, та й незнала, щò зъ нымъ и робыты: и виддувáла, и водою брызкала, та на превелыку сылу зъ мйсця звелá и увелá у хáту; такъ—кáэ—цйлисйнку нйчъ трясця ёго была, а кобыла усé вь вйчи лйзла, ажъ пòкы шалхвёи напывся.

Такъ ось такйй-то бувъ скýсный малáрь..... те, те, те, тепёръ згадáвъ: ёго звалы Кузьмóю, а по батюсци Трохымовычъ. Якъ тепёръ ёго бáчу: у сынйй юнци, тяжыновыхъ шырёкыхъ штáняхъ, каламайковымъ поясомъ пúзо пидперэзана, а звёрхъ кытаёва черкёска; на шыи, повёрхъ бйлого комыря, бумажнйй краснйй платóкъ повязанный, шкапови чóботы дóбри, зъ пидкóвамы; волбсься чóрне, пидъ чубъ пидстрыжене, а úсы собй рыжёнкы, та густй, та дóвгы; нечáсто голывьсь, такъ борода́ усегда́ якъ щйтка. Горйлкы невжывáвъ тáкъ, щобъ чéрезъ край, а якъ зъ прыятелямы у кушáныи, тáкъ непрольвáвъ; дóбре булò на крыласи спивá и глáсы знáвъ: чáсто обь нёго спотыкáвьсь и пáнь Ахвтанáсйй, óть-такы нашъ дáкъ; тйлки вже ту проклáту кабáку тáкъ вжывáвъ, щò не тó щò!

хліба святога нейстыме, а безь тій пѳгани и дыхаты немѳже. Бувь соби пузаты добре, а рѳдомь—колы чувалы—зь Борысивки, Кўрськой губѳрны; а у тій слободі що-налуччи богомѳзы, иконопысьци и усякіи малярї, такь и винь-то видтиля рѳдомь бувь, а вь нась у селї зеленївь нову дзвинїцю. И такы нїгде правды дїты: що вже нїхтѳ лучче ненамалѳе, ни розмалѳе, якь богомѳз зь Борысивки; вже нежалко и грѳшей! Якь же москѳль ѳзметця за сѳе дїло, нў! тїлки почўхайся, та й видїдї. Торгуетця и трѳбуе багацько: дай єму и кѳшту, и грѳшей скїлки забажѳ, а якь удерѳт!—гай, гай! Єму кѳшпъ—блакїтна, а винь товчѳ: «сїня-ста». Єму кѳшпъ—негодїтця; а винь чўхаецця, та кѳз: «ничавѳ-ста; для хѳхлѳвь и такѳй богь брядѳ».—Тфу! на ихь гѳлову!

Такь про сѳгѳ-то Кузьмў Трохїмовыча прочувь якїй-сь-то пѳнъ, що дўже кохѳвсь ув-огорѳдахь; такь бѳчъ, бїдѳ: горобцї, що лїто, повыклѳвують усѳ, шѳ винь ни понасивѳ. Такь винь-то позвѳвь Кузьмў Трохїмовича, та й поеднѳвь єгѳ, шѳбь спысѳвь єму салдѳта, та шѳбь такїй, якь жывїй бувь, шѳбь и горобцї боѳлыся; «а бѳде якѳ хвѳлшъ, прыкїну, кѳз, тобї». Оть и зторжїлыся за дѳсять рублївь грѳшей и восьмўху горїлки. Од-же-жъ-то и змалѳѳвь винь салдѳта, та ще якь? Що, ѳ-жъ кажѳ, що й жывїй небѳде такїй брыдкїй, якь тѳ бувь намалѳѳванїй: пыкѳтый, мордѳтый, та щѳ зь здоровѳнными ўсамы, що нетїлки горобцѳви, та й чѳловїкови страшнїй. Мундѳръ на нѳму лѳпськїй, гўдзыками позашѳпованїй, що ажъ сѳѳе. А оружьѳ? такь погѳбель єгѳ знѳ, якь-то жїво зпысѳвь! Оть-такь бѳчытця и стрелнѳ, що и прыступїтыся страшнѳ! А якь задѳвысся на нѳго, такь, бѳчытця, вже и ворупїтця, и ўсомь моргѳ, и очѳма повѳдыть, и рукѳмы дѳрга, и ногѳмы дрыгѳ, такы такь и дўмаешъ: ѳтъ побяжїть..... ѳтъ бїтеметь! Такь-то скўсно бувь намалѳѳванїй!

Ну, змалѳѳавшы Кузьмѳ Трохїмовичъ и дўма: «мѳже невгожѳ пѳновї; тогдї пропѳлы и грѳши и рѳбѳта. Повезѳ куды на ѳрмарокъ, та й поставлю на базѳри и бѳду слўхаты, шѳ бѳдуть лѳѳе казѳты? Колы бѳдуть єгѳ жахѳтыся и лякѳтыся, тогдї пѳвно: беры, Кўзьмо, грѳши; колыжъ огўдють, то щѳ пїдправлѳтѳему, ажъ пѳкы до кїнцѳ доведѳ».

Зїбрѳвсь нашъ Кузьмѳ Трохїмовычъ, та й повїзъ свогѳ салдѳта—колы хто знѳ—ажъ вь Лїпци. Оть, у самѳ глухѳ

півничъ, якъ ще усї и ярмаркóви былі вовівъ, и хазáйство по хáтамъ спáлы, и по шынкáмъ народъ порозхóдывся и свѣтло погасылы; винъ и поставывъ той патреть на самій ярманци и попидспиравъ ще лúчче, чымъ попивську кобылу, щобъ ни витерь незвалывъ, и щобъ якый пъяный, якъ потóчытця, абó свынá, звичáйно, хóдючи по базáрю, якъ прýйде чúхатысь до нёго, то щобъ незвалылы. А самъ за тымъ патрето́мъ напъявъ я́точку, та й сивъ, щобъ прислухатысь, щó бóде народъ казáть про ёго салдáта; та тóтъ-же наклáвъ на палитру красокъ, що «колы—каз—щó негáкъ, то я й пидмáлюю». Упóравшысь зо всимъ, прысивъ, понóурывъ гóлову, та й задримавъ соби трóхы, пóкы ще до дáла.

Ажъ óсь стáло и нá-свить заньмáтця. Ищё непопрытухáлы усї зирочкы, а вже нашъ Кузьмá Трохы́мовычъ и зскóчывъ; понюхавъ кабáкы, прочáвсь, протёръ óчи полою, бо вже тóтъ-пакъ нѣколы булó пó-воду йты, щобъ вмытысь; пидперэзавсь знову и пóясъ прытягнóвъ лéпсько, насóнувъ шáпку по самый нѣсь, тай рукавычкы достáвъ,—бо сé, знáете, булó об́ь пёршыхъ пъятинкáхъ, такъ вже зóри холóдни булы—и сивъ у своій я́тци, щобъ прислухатысь.

Пёршь усёго блыснуло свѣтло у кабаці..... Гай-гай! Уже и въ Лыпцяхъ завелысь кабаки, ненáче—нехáй Бóгъ мылуе!—у Рассѣи. Видкиля-жъ-то се узялось?—Общество насъ такъ прыкрутыло, щобъ, бачъ, видкущы́хъ за насъ, хто нездúжа, знóсывъ грóши у подúшне; такъ узявсь не зъ спрáжнихъ видкущыкы́въ, а—такы́ ничого грихá тайты!—знайшóвсь изъ нáшыхъ, хрещёныхъ людéй, що уступывъ у ихъ вѣру, та якъ той Юда, узявсь держáть и Лыпци, и другыи слóбоды на москóвський лáдь; и вже въ ны́хъ не шынокъ зоветця, а кабáкъ, и тáмъ вже усá москóвська натúра, и тáмъ усé москáль на-го-ло́, якъ у Турéччыни тóркы; та усé народъ провóрный: ни дойсть, ни доспыть, усé об́ь тымъ тѣлки и дúма, щобъ заробыть копѣйку. Такá вже їхъ москóвська поведёнця! А якъ-тѣлки нáшого брáччыка, хочъ бы и у кабаці, обдúрюють, такъ ну, ну, нý! От-сé, колы прыйшóвъ зъ посúдыною, щобъ купыты до хазáйства на скылки трéба горылкы, та хочъ трóхы заслúхайся абó задывысь, то й недольé пóвної мѣры, та мерщій и всыпá у твою посúдыну и вже, хочъ спóрь, хочъ лáйся, а винъ тебé выпроводыть геть. Колыжъ тóтъ хочешъ вышы-

ты, то будзімь-то й добрый: за грывню зачеркне изъ джыкы такы повнісіньку; тутъ станешъ ўсы розглажоваты, та втыраэся, та поцмокаешъ хорошенько и збираэся, якъ-то гарненько на тощакъ выпьешъ, та тїлки що рўку пиднявъ, и ще и до рота недонїсь, якъ, урагова ёго маты вперде... москалчá у гáспыда óзметця, такы нынáче якъ той що... Духъ Свѣтъ пры нашій хáти!... пидбижыть, пидтовне... плось! билшь половына чáрки назадь у джыкы. Дыхо та й годї! Пъешъ мерщїй, бо розывáльщыкъ ще стáне и чáрку выднїмáты. Выпывъ... такъ щóжъ-бо?... Якъ тамъ джэдуць: по бородї потекло, а у ротъ непонало; а вкэ й некажы, що по животу пышло; нїчого-було гараздъ и проковтнуть. Отъ така-то ихъ москóвська вїра, щóбъ зо всякого зидраты; такъ куды имъ и спáты довго? Та такы тутъ спыть, а тутъ дума: якъ-бы-то и дé-бъ-то пожывытысь.

Такъ óтъ, якъ засвтылы у кабаці, та й выслалы на двіръ пидтóвкачку, чы не вздрыть когò на вўлыци, щóбъ заманыты у кабаць. Выбигло чортя и озыраетця... Подывытесъ на нёго: на щó-то вонò похóжò? Щóбъ-то ёму гóлову гарненько пидъ чўбчыкъ пидстрыты, якъ и вь людéй? а тó патлáтый, патлáтый! Зь пéреди ажъ у вичи ёму волосься лїзе, ўха закывáе, по потылыци плéпаецця; ажъ, сердэка, усе знай гóловóю потрáхуе, щóбъ тыи пáтлы немотáлысь. И сорóчка на нёму—не якъ у людéй: замїсьць бїлон, якъ закóнъ повелївá, вонá вь нёго або червóна, або сыня; та безъ кóмыря, а зъ гаплыкóмъ, та на плечї и зацїбнé; тákъ що, хто зь рóду у пéрше москалá побáче, тó й невгадá, щó-то вонò и ё.

Отъ-такы́й-то стáвъ былá кабацькыхъ дверей, поглядáвъ, поглядáвъ—и вздрівъ, що стоить салдáтъ на калавўри зъ оружжóмъ, та й ставъ гукáты на нёго: «Слўжба!» кáэ, «пáйдь-ка сюдá! Стáнь тутечка-здéся, штóбъ падъ чáсь бóде дрáка, такъ недáй насъ увъ абéду; а пóрцїя адъ насъ бóде». Стоить салдáтъ, неворушытыя! Москалчá крывнуло у дрўге, крывыть и у трéтъ—салдáтъ ни зъ мїсця! Дáли москалчá злякáлось, щóбъ винъ нерозсёрдывсь, та недáвъ бы ёму щыпкы, покынувъ ёго, та мерщїй у кабаць. та й зачынывсь. Кузьмá Трохымовычъ чўвъ сёе всé, усмихнўвсь, моргнувъ ўсомъ, та й подўмавъ собї: «побáчымо, щó-то дáлшь бóде; ще невелыка штўка москалá одурыть»!

За тымъ вѣткнулось и сѣнечко. Тутъ стѣлы рушатъ и наші, що зъ бѣрошномъ понаизжѣлы то зъ Деркачѣвъ, то зъ Вильшанѣи, та булы ажъ изъ Колѣмака. Щѣ-то, батечку, изъ якѣхъ-то мѣсць на той ярмарокѣ не понавѣылы усякого хлѣба! Такы вѣдымо-невѣдымо ихъ тутъ стояло! Колы сказѣть, що пидвѣдъ двѣдцѣть ихъ тутъ було, тѣ, ей-же-то-Бѣгу-моему! бѣлшѣ. Хмѣра хмѣрою. Тутъ и жыто, и овѣсь, и ячмѣнь, и пшѣныця, и грѣчка, и усѣ, усѣ було. Знаѣете, прѣйшлѣ урѣмья подѣшнѣ знѣсыть, такъ усякому грѣши трѣба. Нашѣ брѣачыкѣ не бабакѣ; винѣ жеде порѣы. Слава тобѣ Гѣсподы! винѣ, нехай Бѣгъ борѣныть, не москаль, щѣбъ ѣму, покѣнувшы жѣнку, дѣточѣкѣ и худѣбѣнью, та за тыѣко бѣдною копѣйчыною шлѣтысь по усѣмъ усѣодамъ и швѣндыты ажѣ на край свѣта, та кровавымъ пѣтомъ и зарѣбѣты. Та чоѣ тутъ и верѣдовѣть? Колы вродѣвъ Бѣгъ хлѣбця, та давѣ ѣгѣ зѣбраты, то и до-жыдѣй, покы прѣйде нѣжда, що якъ десѣцькы у вѣлѣсть потѣгнуть за подѣшнѣ и за общѣственнѣ, а тутъ жѣнка забажѣ лѣну, щѣбъ на сорѣчкѣ прѣсты, та новѣго очѣпка, та дочкѣмъ плахѣть, або свѣтъ, та и усяка напѣсть постѣгне, що прыть-момѣ трѣба грѣшей; тогдѣ вже нѣгде дѣтысь: вѣзы хочъ вер-стѣвъ за двѣдцѣть, та чы стѣла цѣна, чы нестѣла, а ты пѣр-вого торѣгу некѣдаѣся; за що продѣвъ, абѣыбъ довѣго нестойты, та и урываѣ до дѣму, та и рошѣтуй собѣ, щѣбъ и сюдѣ и тудѣ стѣло. А якъ удовѣльѣвъ усѣхъ, отъ тогдѣ вже справнѣый козѣкѣ! Лежѣ собѣ на печѣ, у прѣси, покы до новѣи нѣжды: тогдѣ жѣ бѣдемо и дѣматы, дѣ щѣ узѣты.

Такъ от-такѣ-то тамъ булы, и ихъ вже и сѣнѣ небравѣ. Сѣнечко вѣйшлѣ, вѣны и позхѣплювалысь, щѣбъ, знаѣете, купцѣ неветѣрѣть. Отъ-то гарнѣнько повставѣвшы, помѣлылись до цер-ковѣ Бѣгу, та и послѣлы одноѣ зъ тѣбору пѣ-воду, бо вже порѣ була и кѣши варѣты. Потѣгъ Охрѣмъ зъ двѣма бѣкла-гѣмы до крѣныци, ажѣ гѣть пѣдъ гѣру, та иѣде вѣулицѣю.... Лѣупъ очѣма! стойть салдѣть... Охрѣмъ бувѣ собѣ парѣнь звы-чѣйненѣкѣый, знявѣ шѣпку, поклонѣвъсь, тай кѣзъ: «Дѣбры-дѣнь, гѣспѣдѣ служѣвыѣ!».... А салдѣть мѣвчѣть.... Отъ Охрѣмъ и пѣшѣвъ своѣю дорогѣю, а Кузьма Трохѣмѣвычѣ и всмѣхнѣвъсь, та и подѣмавъ: «одурѣвъ и своѣхъ! щѣ-то дѣлшѣ бѣде»? Ну! набравѣшы Охрѣмъ водѣ та вертѣючысь до тѣбора, дѣма: «бѣд-жежѣ тутъ ѣ постѣй! А щѣ, якъ спытѣю, чы не трѣба имѣ, бува, кѣнямъ овсѣ, або якѣго бѣрошна»? Та якъ порѣвнѣвъсь

протывь салдацького патрэта, та й каэ: «Господь москаль! А скажыть, будьте ласкавы, вашому камандьрству: колы треба вивса, або якого бошна, то нехай прыйдуть ось до табора, та спытають Охрыма Супоню; а въ мене овесець важненькый, дешёво виддамь и мира людьска: висимь зь верхомь и трычи по-боку вдарыты. Пужалуста жь незабудьте; а могорычъ нашъ буде. А на почынь, нате-лышень, понюхаймо кабаки». Сее кажучы, доставь зь халявы рижокъ, постукавь обь каблукъ и вытрусывь на долоню; самъ понюхавь, покректавь, пиднись салдату та ще й прыговоруе: «Кабака гарна ¹⁾), терла жинка Гавна; старь маты вчыла йи мняты; дочкы розтырала, у рижкы насыпала. Ось подозволте-лышень!» Салдаты ни чычъркъ! и усомь неморгне. Неборакъ Охрымъ узывь соби на розумь: «Цурь ёму!» каэ соби на думци: «щобь ще по пьци недавь, бо винъ на те салдаты»... Пиднявши боклагы та мерщій до табору, неоглядаючысь... А Кузьма Трохымовычъ, сее чувшы, та «кыхъ, кыхъ, кыхъ, кыхъ!» та ажъ за боки брався регбучы.

Поки-жъ сее діялось, пиднялыся на мисто йты бублейныци, палянныци, и тй, що кухлыкамы шпона, а ложкамы олию продають. За нымы пидтупцемъ поспишала зь пырижкамы, зь печенымь мясомь, зь вареными хлякамы, горохвяныкамы и усякымы ласоцамы, чого тилки душа забажь на свидання. А танокъ вела Явдохь Колупайчыха, молодьця гарна, неузывь йи кать: чорнява, мордата, тршкы кырпатенька, та й румьяна якъ рожь; та такы й одягна: очипокъ, хочь винъ соби и зовсимь вытертый, самй ныткы, а бувъ колысь парчевый; кожухъ бйлыхъ смушкывь пидъ тяжыною и бабакомь обложеньй, тилки що скрызъ на нему диркы, и по-пидъ рукамы, и на бокахъ, такъ що выдно була и уся одежа, и такы не прбста, а мищанська, бо вона узята була у Лыпци ажъ изъ самисинького Харькова, и не прбтого, а мищаньского роду: пушунъ набойчатый, спидныця каламайкава, тилки що нембжно було угадаты, якого вонд е цвйту, бо дуже було замазано олию; вона-бо пекла и бублыкы, и сластене, а дколо сего дйла нембжно чысто ходыты: заразь выпачкаесся, якъ той чортъ, що до видьмы черезъ трубу лазыть.

Отъ молодьци и крычатъ Явдоси: «А ну, паньматко! выбирай мисце на щаслыву продажу. Ты въ насъ голова; де

¹⁾ X. 1. „Кабака гарна, Вильшаньска, понюхайте, колы ласка паньска“.

ты сядешь, то и мы были тебе». Явдоха и узяла зь чужої коробкы паляныцю, стала на ¹⁾ сходь сонця, трычи перехрестылася, та й покотыла паляныцю на-впакы сонця. Котылась та паляныця, котылась, та й незьопенылась нигде, а прямисинько плюснула была салдацкого патрета. «Охь мені лихо!» сказала Явдоха, пиднявши тую паляныцю, та мерщій пхнула їи межь свій товарь: «якъ-такы была москаля сидаты? Винь намь такодо лыха наробыть, що не то що! У водни щыпне, у другои хватне... та туть такэ буде, що й коробокъ невозбираемо». — «Выбирай же друте місце» гукнулы молодыци: «може й нестакъ щаслыве буде, та усэ такы луччэ, чымь даты москалю орудоваты надь нашымь крамомь».

Перевелá Явдоха свій цэхъ чэрэзь дорóгу; поворожыла впьять другою, тежэ чужою бұлкою и межь свой положыла; а де паляныця впала, тамь самá зь своимь товаромь сила, а молодыць розсадыла, де якій якъ по чэрзи прыпало, а чэргу зробыла самá жэ такы Явдоха: якы булы побагачши, такъ до себе бльжче, а бйдну на товарь, такъ на самыи хвисть, у кутокъ, де й школяръ, що зь малымы гришмы купуе самыи дешевый товарь, їи незнайде; та за чэргу коженъ базарь и лұпыть зь ныхъ, що зможе. О! та баба жэ козырь була! Одно вже тэ, що харькивська рóдомь, а цокотуха, та й цокотуха! Узялася надь усймы перэкупками отамановаты и видь десятицькыхъ, видь головы, та й видь самого пьсара оборонять; тилки щобъ усй перэкупкы їи слұхалы и що скаже, щобъ зполнялы, и чоғо потребуе, щобъ поставлялы. Та нехай бы и непослұхавъ їи хто? Такъ заразы и нашлеть: абд свынá бұлкы похвата, абд собака олю выпше, абд пьяный поточытця, та коробку перевёрне, а вже даромь неприяде.

Тилки що молодыци любенько посидáлы и кожна зь своимь крамомь розташовалась, ажэ... тю! Москаля нечыстый и вродывъ зь стовпцáмы была ныхъ. Якъ же напўстютця на него перэкупкы! «За чымь туть стáвь? Пиды соби геть; стáнь де йнше, немишáй православный товарь продаваты, а самъ иды хочь до чортывъ, опрыч хлїба святого». Отъ, якъ затуркалы, затуркалы — бо звисно, якъ наши молодыци, скылки ихъ ни буде, та якъ заговóрють разомь усй ув-одынъ гóлосъ, такъ ничоґо и невторóпаешь: мовъ на лотокахъ водá шумыть, ажэ

¹⁾ Х. 1. противь сходь сонця...

у вухах ляпчыць! — а москаль и байдужэ, а знай собі крычыць: «гречышныкы гарячі!»! Шчо туть на-свити робыты? Оть бачуть молодыцы, що не перэлывки, прыстáлы до Явдохы: «Робы, що знаешть роботы, а москаля збу́дь!»!

Ничого Явдоси роботы, узяла — та усé такы не зь своёи корбкы — тры в'язкы бублыкывъ и пишла до патрэта, та й... дáлеби що прáвда! поклонылась ёму, мовъ живому, та й прóсьгы: «Вáше благородые, господá салдáтство! б́удьте лáскавы, зведіть зь нашого мѣсця от-того навиженого, католицького, бусурмѣньского москаля, що стáвъ быля бублѣйныць зь стовпцáмы». Сёе кáжучы, бáчыть, що салдáть и недывытця на неѣ, та й стáла ёму соваты бублыкы у рúку, та й прыговоруе: «Кѣте, озьміть, вáше благородые! Пожáлуйте; дóма здáсь-ця». Салдáть — ни пáры зь усть! Якъ же роздывытця нáша Явдохá, що сé манá, що сé не спражній солдáть, а тѣлки ёго парсуна, — засорóмылась, почервонѣла, якъ рáкъ, та швѣдче неоглядáючысь — видъ нѣго, та бублыкы — у свою корбкы, и сѣла. Шчо вже ни пытáлы їи молодыцы, шчо їи тамъ було видъ москаля, такъ мовчыць, та й мовчыць, и кáз ¹⁾: «Аджэ збу́ла москаля? чо́го жъ вамъ бѣлшь?».... Бо москаль справди, шчэ якъ побáчывъ, що Явдохá пишла жáлитысь на нѣго, злякáвъсь, та й зчезъ зь стовпцáмы своѣмы. А Кузьмá Трохѣмовычь, дывывшысь на сёе, посмѣявъсь собі ныщечкомъ, таѣ кáз: «Отъ-тáкъ нáши знаѣ! Вжé до насъ, мовъ до живого, зь поклóнамы хóдють, ненáче до засидáтеля».

А тымъ чáсомъ позихóдылося наро́ду вже чы-мáло! Такы куды бкомъ ни глянешъ, то усé люде, усé люде, якъ саранá у пóли. И чо́го-то-туды непонанóсылы, абó непонавóзылы? Такы такы́й ярмарокъ, що нынáче у Хáрькови объ Пречыстѣй: усякого товáру, яко́го тѣлки подумáешъ, усé ё. Чы гру́шь? Такъ и на возáхъ гру́ши, и въ мишкáхъ гру́ши, и кúпамы гру́ши: прыѣды, торгúй скѣлки тобѣ трѣба, та зь якоѣ хочъ кúпы⁶ и скѣлки хочъ куштúй, нихтó тобѣ и непоборóныть. А тамъ Мóсква зь лáптямы та зь лыкамы; булы въ ныхъ и мыскы, ложкы, и тарѣлкы розмáлѣвани; булы й рѣшѣта, и ночóвки, дѣжи, лопáты, сѣвцы; черевыкы, чоботы зь пидкóвами и нимѣцькы, тѣлки гвиздóчками попидб́ывувани. Тутъ Сýздальцы зь богáмы та зь кныжкáмы завáлящымы; а по-

¹⁾ Х. 1. „Але, пидить лишень самы, та й спытайте“.

былі ихъ сластённыця зъ грубкою: тилки спытаі, на скілки тобі трэба, сластёныхъ, такъ жыво пиднїме пелену, та й зніме стару онучу, що нею горщыгъ зъ тїстомъ накрытый, щобъ, знаєте, тїсто на холоди непростывало, и затымъ пидъ пеленою у себе дёржыть; отъ палци послїне, щобъ тїсто непростывало, та й вщыпнѣ тїста, та на сквороду ув-олїю, ажъ шкварчѣть! та заразы и пражѣть, и подаѣ, а вже олією некупытця, бо такъ зъ палцивъ и течѣ, тилки знай обсмѣтуе. Тутъ-же былі неї продавалася терта кабака и тютюнъ у папушахъ; а тамъ — залїзныи товаръ: пидкѣвы, гвиздѣчки, сокыры, пидїскы, ухналі и усѣ, чогѣ трэба. А тутъ вже — лавкы зъ краснымъ товаромъ для панївъ: струковатыи перецъ на нїткахъ, родзынкы, хвыгы, цыбуля, усякы слывы, горїхы, мыло, медянычкы, свичкы, тараня ще по веснї зъ Дѣну навезеная, и суха, и солѣна; кавьяръ, оселѣдци, яловычына, нижкы, шпылькы, голкы, гапкы и для нашого брата свынїна. Дѣготъ и въ шерїтвасахъ, и въ мазныцяхъ; продавалысь и самї квачї; а побылі ихъ стоялы бублыкы, буханцї, горѣхвяныкы, грѣчанкы, носылы у ночѣвочкахъ печеню шматкы покряну: на скілки тобі трэба, на стїлки й беры. А тамъ купамы капуста, бурякы, мѣрка огорѣня — а хатнїи наші жинкы непродають, дёржыть про нїжду на нашу гѣлову — цуръ їй! — Тутъ же бувъ хрїнь, рїпа, кгартохли, що вже швыдко хлїбъ святый зъ свїта Бѣжого зженуть. А тутъ зъ Водолагы горшкы, калї, мыскы, покышыкы, глѣчыкы, кўхлыкы... та я жъ кажу: нема тогѣ на-свїти, чогѣ небуло на тому ярмарку, и якъ-бы грѣшей до сына, то накупывъ бы усѣгѣ, та й ивъ бы цилїсинькый гѣдъ! А щѣ ще обїдѣдя, колїсь! вїяя, двїяла, люшнї! Булы й свыты прѣстого уразивського и мыльного сукна; булы кожухы, усякы поясы, шапкы и козацькы и каплоухы. Бувъ и дивчачый товаръ: стричкы, скїндячкы, сѣргы, баєвы юпкы, плахты, шыты рукава и хусткы. Жинѣцкы: очїпкы, серпанкы, запаскы, караблыкы, рушныкы и шыты и зъ мерѣжкамы; циткы, грѣбнї, дныщя, веретѣна, сїль товчѣна, глына жѣвта, запанкы гѣловьянї; перстнї, черевыкы.... ажъ утѣмысья розказуючы. Чогѣ-то-тамъ небуло!

А прѣмѣжъ такїи прѣпасты товару, щѣ-то народу булѣ! Крыї Маты Бѣжы! Ще трѣха чы не бїлшъ, нїжъ на Воскресѣные у вутрени, якъ Хрыста дочытуютця, абѣ на Іордани; такъ щѣ й прѣтѣпытысь немѣжно. Тѣй купуѣ, тѣй торгуѣ,

той божытця, той прыціняецца, той спорыць, той товарыство склыка; той на жинку гукá, ти лаютця, ти йдуть могорычй запываты, жиноцство щёбече, усй разомь розказують и ни одна неслуха, старцй спивають Лазаря, кобылы ржуть, колёса скрыплять, той вóзомь ййде, та крычыть: пó-глыну, пó-глыну! а на зўстричь ёму выкрыкуе: пó-горшкы, пó-горшкы! Дйты, погубывшы матерывь, пыщаты; тамь скавучыть собака, тамь прыдушылы порося: выжчыть на весь базарь, а свынй, хрю-какочы, пробираецца промёжь народомь; тамь перекункы хватають за-полы парубкывь, та школярывь: «Ходы сюды, дя-дюшка!» крычаты: «возьмы вь мене, паныченьку! Оть бублыкы гарячёнкы, зь мачкомь..... Оть палянйця легесенька, тйлки цо зь пёчи»... та-та-та-та, та й нерозберешь, цо вони тамь и крычаты, бо усюды гомонять, стукотяты, крычаты... точнй-синько якь у млынй, якь на всй меле и товчэ ¹⁾! А тамь, чўте, скрыпка гра зь цымбалами: Матвий Шпóнь та продавь сйль, роцытавьс и грóшыкы вчыстывь, та й нанавь тройсту и вóдытця зь нёю по ярмарци. Вже й шапкы кать-мá, десь кынувь йи на когось, та й видбйгь. Идэ и спивае, а де калюжа, туть и вдарыть тропакá. Забрызкавсь, захлюставсь.... эгé! та немйшай ёму! Винь гуля! У воднй рудй пляшка, а у другйй чарка; когò ни зострйне:— «Пйй, сўчый сыне, дя-дюшка любёзный! пйй! Матвий Шпóнь гуля! пйй у ёгò голову, щобь ты подавьс! Будь здорóвь на мнóги литá!» Выпье и пóштуе ёгò; колы той несхóче, такь до-дóлу горилку вьлье, а ёгò лае, та й стане другóго пóштуваты; отцэ жь ще незовсймь допывь зь пляшкы, зàразь пляшку óбь землю и гукá: «Шын-карю! подавай Шпоню зно́ва. Музы́ка грай!» та й пйшовь дáлпш. Идэ и побачывь дигтярывь. Шубóвсть у шеритвась зь чóботамы зовсймь и крычыть: «Дигтярю, нежурысь! Шпóнь видвйчá грó-

¹⁾ Х. 1. А туть чумаць, продавшы сйль, цо зь хурою прйшовь зь Крыму, нанавь тронсту музыку, та йде по ярмарци: скрыпки рыплять, цымбалы бражчаты, а самь чумаць иде за ними, якь бувь у дорози, и батожокь закнувь за спину, рукава у дётганю сорочки позасучувавь, та й несе увь однй рудй повнйсьнйй штохвь горилкы, а у другйй рудй чарку, та, кого здря, такь и частуе; а якь наливае, то такь на доливку и лье, и нежалкуе. Якь же порывавсь против дигтярывь, та вздривь шеритвась зь дётгемь, то такь у нёго и вскочывь зь чóботамы, ажь вышче колйна, та й гукнувь на халяина: „видвйчаю, зважь описля, скилки дегтю чоботы наберуть. Гуляй душа у роскоши!“ Та ще и ставь ногами тулотиты и дегтемь позабрызкувавь чимало туть народу. А тамь чуте ведмидь....

шамы». Та й выкіне ёму зь кышэни повнісіньку жмэню грóшей, а самъ зно́ву крычы́ть: «Не абéдно? Неміша́й же! Музыка, гра́й!» Та й ста́не хлю́патця у дэгтеви, якъ малá дыты́на у калóжи. Щó-то, якъ чоловѣкъ у ща́сти, та у ра́досты! Чогó-то винъ невѣдума? Ничóго нежа́луе, и ни об́ чѣмъ нежа́лкуе!

А та́мъ, чу́те, ведмі́дь реве́ и танцю́е, а цы́ганъ выкры́куе: «а ну, Гавры́лку, якъ старі́и бабы́ пъя́ни валя́ютця...?» Цы́ганка воро́жыть, та прыговóрбуе: «и щаслі́вый, уродлі́вый; чорня́ва молоды́ця за то́бою вбыва́ецця; положи́ жъ пята́чка на рúченьку, усю́ пра́вду скажу́....» Цы́ганча́та танцю́ють халля́ндры та крыча́тъ несвой́мъ го́лосомъ, мовъ зь ныхъ чо́ртъ лы́ка дере́. Стары́й цы́ганъ туды́ жъ зь сво́єю шка́пою. Зна́й бóжытця и жинко́ю, и дѣ́тмы, та прокля́на свою́ ду́шу, и ба́тька, и ма́тирь, а усё за тымъ, щобъ стару́, слипу́, сапа́ту и зь вы́бытою ного́ю кобы́лу продáты замѣ́сь молодóи, здо́ровои. Та якъ обстúплять на́шого бра́та цы́ганське навождѣ́ныя, такъ незна́ешъ, щó й робы́ть. Якъ напúстятъ мару́, такъ и са́мъ бачы́шъ, що́ шка́па трѣ́хъ дэнежо́къ нестóить, та тѣлки дывы́сся, та лúпаешъ очы́ма и незна́ешъ, куды́ видъ ныхъ дѣ́тысь. То́й бóжытця, дру́гый суне́ тоби́ у рúку об́ротъ зь шка́пою, трѣ́тій тя́гне зь тво́еи кышэ́ни ху́стку, де гамане́ць зь грóшамы завъязаны́й, а сѣ́й вже и зда́чи дае́, та усѣ́ гурто́мъ волочу́ть тебе́ пидъ я́тку мого́рычѣ запыва́ты. Та́къ що́, я́ жъ кажú: пòкы схаменѣ́ся, дывы́сь: хотѣ́въ сво́е леда́що про́дáты, а прокля́ти цы́гане усúнули тоби́ у рúку такú паты́ку, що́ й ски́пкáми гы́дко узáты; та за такú цѣ́ну виддалы́, що́ мо́жно бъ, бува́, и вола́ купы́ты; та ще́ жъ за мой грóши и горѣ́лку купова́лы и пылы́; а да́ли, замѣ́сь дя́кы, у вѣ́чи насмі́ялысь: «Шка́па тво́й, ка́жуть, трóхы, чоловѣ́че, недобачá; такъ купы́ йѣ́ окуля́ры, та й почепы́ на-вѣ́чи, якъ паны́чѣ у гóроди но́сють, то́ ще́ потя́гне»....

Отъ такé-то тамъ бу́ло, що́ й розказа́ты усёго́ немóжно. И усáкый наро́дъ, хтó тамъ ни бу́въ, що́ йде́ бы́ля тогò салда́цького патрета́, усáкъ ша́пку зніме́, та́й ска́же або́ добры́день, або́: «зра́стуйте, господа́ слúжба!» а слúжба́ ни чычы́ркъ: сто́ить собѣ́ гарне́нько, и па́льцемъ не́кывне́, и очы́ма не́поведе́, и усомъ́ неморгне́. Та́кы́ нѣхтó, нѣхтó негда́въ, що́ то́ нама́лэваны́й. А Кузьма́ Трохы́мовычъ, сѣ́дючы у сво́ей я́тци, ба́-

чывъ сее всё, та й дума: «добра наше діло; побачымо, што далшъ буде»¹⁾).

Ажъ ось, де узався салдаты, та вже спражній салдаты и жывісінкэй, отъ якъ мы зъ вами. Ходыть винъ по базарю, вызыра, вызыра... и вже одынъ рушнычокъ у молодычкы зъ кupy и вчыстывъ и у кышёню запаковавъ; зтягнувъ у чугуньской перекупкы бумажну хустку, такъ, що грывень пійсть стойть; видризавъ зъ воза и винокъ цыбули и заразы за пивцины й продавъ, та усё такъ хытро та мудо зробывъ, що ни жоденъ хазяинъ и незчувсь. Дали прыйшовъ де груши продають, бачыть що пры возахъ самы хлопцы, та й ты роты порозивлялы и дывлютця на ведмедивъ. Винъ такы й положи въ руку на мишокъ — нхто небаче; потягнувъ ёго до себе — нхто небаче; положи въ гарненько на плечё — нхто небаче... та неозыраючысь и чкурнувъ, куды ёму треба! Ажъ ось кынулось хазяйство, бачуть, що москаль безъ спроса узавъ повнісінкый мишокъ грушъ, та й прётъ ёго, мовъ свое; разомъ гукнулы на него, та й побылы за нымъ у догоню. Нехытрый же й москаль! Чымъ бы на втикача, а винъ идё соби любенько, мишокъ зъ грушамы несё, та й²⁾ мугыче соби пидъ нисъ писеньку! а тутъ ёго за мишокъ — сипъ! «На-що ты груши узавъ? сякый-такый сыну!» пытаютця ёго ув-одынь голось. Стоить сердцека, очи вывалывъ, мовъ баранъ, дали озырнувсь, та й каэ: «Ншта то ваши груши-ста?» — Аджежь не чый, якъ наши. — А винъ якъ крыкне на ныхъ: «Ахъ вы хахлы безмозглы!...» (а заразы лаятысь! щобъ-то перше розпытаты, та тогды бъ вже и лаявсь, скылки хотывъ). «А за чымъ вы, каэ, мені тагда неказалы, какъ я зъ воза мишокъ узавъ?» та до ныхъ зъ пенёу: «Вы, каэ, зиваете по старанамъ, а я вотъ нисъ, нисъ, да вотъ какъ умарылся, да амуныцю патерь. Вотъ вышъ, мундёръ запачкаль! давай сюда денъги на вычыстку». Наше хазяйство щобъ то и сюды и туды, такъ дёжь! ни прыступу, та ще й лае. А дали ухватывъ за комиръ и тыгне, и крычыть: «давай на вычыстку, та за праходку; я казённый мундёръ патерь и сапагы тапталъ, давай та и толька!» Наши ни видхрыстютця, ни видмолютця: «цуръ тоби», кажутъ, «батечку! здылай мылость, господъ служ-

¹⁾ Х. 1. сміявся-сміявся, реготався-реготався, а дали узався за боки, та й здыхнувъ и каэ: охъ! а дали ручки посладавъ, та й мовчыть, сыдючи у свой атця, та й дума: що-то далшъ буде. ²⁾ сипва: „Малодка, малодка, маладал!“

ба, озьмы собі и груши зъ мишкѡмъ, тѣжки цуръ тоби! видчепысь и пусты!»! Такъ дѣ! Такъ репгяхѡмъ и узавсь и кѡз: «Мынѣ чужѡво ненада; нехачу вапыхъ грушъ, а подай маѣ...» Щѡ тутъ на-свити робыты? Ищѣ такы подумалы сѣкь-такъ щѡбъ вывернутысь: хотѣлы йты до волостногѡ правленія, такъ москаль не тѣи спива: «Вонъ маѣ каманда!» таѣ показуе на салдацькѣй патреть: пайдѣмъ икъ нѣму». Наши бачуть, що не перѣльвкы, страшно! кынули ѣму пгьтыалгынного — такъ ни: ведѣ до йткы, поставъ за прохѡдку кварту водкы. Ничѡго робыты, поставылы, абы бѣ видчепысь, та невѣвъ до салдѣта, що зъ оружѡмъ стоить. Якъ же опислѣ розслухалы, та роздывылысь и видгадалы, що тѡ салдѣтъ малѣваный, такъ ажъ ѡбъ-полы вдарылы рукамы, та — фить, фить! посвыстѣлы, та й пишлы до возывъ. А Кузьма Трохымовычъ у своѣй йтци смѣявсь-смѣявсь, що ажъ качѣетця, а дѣли кѡз: охъ! таѣ сивъ, аложышы рѣкы, прыглядѣтысь, щѡ ще бѣде за кумѣдыя.

Ужѣ булѡ геть-геть. Ось и дивчѣта зибралыся йты на ярмарокъ, бо усѣ пиджыдалы, щѡбъ порѣдшало нарѡду на мѣсци; а тѡ, якъ у тиснѡти, такъ думалы, що ихъ нетѣкъ и розглядють. Ось и тѣгнетця нѣзка ихъ, та усѣ на пидборъ: одна видѣ дрѡгой чорнявиша, одна видѣ дрѡгой краца. Порозрѣжувани такъ, що Гѡсподы! Середѣ-дня сонечко прыгрѣло, такъ вонѡ й теплѣнчко: ѡтъ воны и повыхѡплювалысь безъ свѣтѡкъ, въ самыхъ баѣвыхъ червѡныхъ юпкѣхъ, що такъ якъ макъ цвитѣ! Скиндячкы на головахъ усѣ по-хѣркъивськѣи положени, кѡсы у дрибушкы позаплитовани, и жѡвтымы гвоздыкамы та барвинкомъ позаквѣччувани: у сорѡчѡкѣ и рукава и ляживкы повыпывани, та повымерѣжувани; на шыяхъ намѣста у кожнои разкывъ по дѣсять, колы ще не бѣлшъ, ажъ гѡлову гне! Золотѣ дукѣты та сребни хресты такъ и ссѣють, плахты картѣцкы, запаскы и шѡвкѡвы и колицѣасты. поясы каламайкѡвы; та усѣ якъ одна у червѡныхъ черевычкахъ, и у бѣлыхъ та у сынихъ панчышкахъ. А за дѣломъ же воны й выйшлы? А якъ же? Вытришкывъ купѡваты, та щѡбъ чы непожартѣють парубкы зъ нѣмы. Вже звѣсна дивчѣта натѣра, хочъ у пѣнстви, хочъ у мужыцтѣви.

Отъ хѡдють по ярмарку, дѣ-що собѣ выгадуютъ и регѡчутця; якъ одна — зыркъ! таѣ кѡз нѣщечкомъ: «Дивчѣтка! дывитесь: у насъ постѡй, салдѣты!» «Брѣшышь! Дѣ ты ихъ

уздріла?» пытаюцца і розглядаюць усюды. «Та ёнде, ёнде, была дихтэрной лавкы стоіць зь оружжомь калавурный.....» «Такь и ё!» гукнулы усі, та й почалы шэбетаты та сміятыся, зь місця на місце пераходюць, то адна адну пха, то буцімь спотыкаюцца; а самы знай озыраюцца, та якь тїи павы выхыляюцца, шобь салдаты до ныхь озырнуць, та зачепыць бы котру. Оть-туть бы имь и лахвэ; туть бы вонь і сталы ёгò розпытуваты, чы туть прохodomь, чы постбемь? оть туть и сказады бь ёму, шобь зь товарыствомь прыходылы до ныхь на вечэрныци, бо вже вонь дуже давнò бачылы шò пўтнє, а свой парубкы остылы и обрыды.

Оть и вїзвалася зь ныхь Домаха, та й кэз: «А тры-вайце-лышнєнь, я пиду побыля ёго; та вжежь не я буду, шобь винь менє незнайвь; ось дывітєсь-лышнєнь. Та глядїть, колы трэба будє, то видкыкайтєсь до мєнє». Оть и пшплэ, буцімь то й не вонэ. То сюды, то туды озырнєтця, то пісєнькы пидь нись соби мугычє, то хўсточкою помэхує, то нахылытця пидвўязку пидвўязоваты..... оть вже и до салдата доходыть, та неначє зь кымь-нєбудь и розмовля: «Дє-то-туть шпалфры та шумыха продаєтця?... Колыбь мєнї хто показавь?...» та й заспывэ соби нышкомь.... О! шò-то-вжє за дївка? Вонэ незнала, якь пидь кòго пидвєрнутысь? Вонэ невмила, якь комў прышвы прышыты? Ну, ну! И провòрна и жартовлыва була, та такы и свїта выдалэ: ажь два гòды у Хэрькови по мойкамь заробляла, такь ій вжє невчыты: усє знала.

Якь побачылы пòдругы, шò вонэ вжє блызєнькò была салдата, а винь ій шє й незачипэ, мабуть небачыть, та й гукнулы до нєй рэзomь: «А куды ты, Домахо, пшплэ?» А вонэ была салдата стоіць и хўсточкою махэє, та гòлосно и крычыть: «Ось кушю шумыхы на квиткы, колы якый чорть непєрєпынє». А нашь салдаты стоіць! ни зачиплэє, ни перєпынэє и ничымь ій незаймэ! «Шò за недòбра маты?» дўмає Домаха: «такы была самїсїнькòго ёгò йшла, а винь менє и незаймэ. Хыбэ несміє, чы шò? Та вжєжь вєрнўсь шє...» Оть и вєрнулася и такы была самїсїнькыхь ёгò нїгь идє.... и впусыла хўстку, бўцимь загубыла, дўмаючы, шò салдаты гукнє на нєй, шобь вєрнулась и пиднялэ хўстку; оть вонэ туть зь нымь и заговорыла бь и пожартовала, а тамь бы и пшплэ лады.... Нє зь чòрта жь хытра й Домаха! Такь шò жь бо?

Хўстка лежыць, а салдаць і вóлосомь недвыга. Стала наша Домаха, та й оглядаецця і каз гóлосно: «Охь мені лыхо! загубыла хўстку... колыбь хто пиднявь, та виддавь, то я вже знаю, якъ бы ёму подяковала!»

Озыраецця сердешна и поглядà изь пидлiбья, та ба! Стоить салдаць и на хўстку недвыгыця. Нiгде Домаси дiтысь — трéба вертáтысь... Отъ-бы-то и пидбига, и выжыда, и каз и гóворыць: «Отъ бидà! лежыць мой хўсточка былi самiсинького салдата... Якъ тутъ узiты?... Я боiсь, щóбъ винь менè невхопывь, абò щóбъ зь оружжà незастрéлывь...» Пидiшла, и нахыляецця и ненахыляецця, и берè бь то й неберè.... а усè выжыда салдата.... Такъ щó жь бо: не на такiвського наскóчыла! Дали нахылылась и простягà рúку, нынàче неившы, а самà усè дывыгыця на нёго.... а дàли якъ прыдывылась... якъ зарегóчетця на усю вóльцю... а дивчáта и видозвáлыся до нèи: «А щó винь тоби тамь гóворыць? Домахо, Домахо! Кажы-бо, щó винь гóворыць!» — «Алè, гóворыць....» крычыць Домаха, та скийки зрi видтiль, та за смiхомь и слóва невiмовыть.

«Щó... щó такè?... щó винь тоби сказавь?» обступiвши дивчáта Домаху, ув-одынь гóлось выпытуютъ. — «Эгè! щó казавь?» каз Домаха: «то не живый салдаць, а то ёгò парсуна!» — «Йо!» гукнулы дивчáта и пидбиглы розглядаты: ажь справды намалёваный! Реготáлысь, реготáлысь; выгáдовалы дèщó, та й пишлы гèть по ярмарку. А сèе чýвшы и багáто дè-кто пидхóдылы вже небоячысь: розглядятця, роздывлятця, та й скажутъ: «такъ и ё, щó намалёваный!» та й пiдутъ собi.

Посмiявшысь зь сèгò дóбре Кузьмà Трохiмовычь, дàли подумавь, щó вже порà знимáты свогò салдата та укладатысь нà-визь и чухрáты до дóму.... ажь-óсь почувь крыкь, гáлась, тупотню, рэгить, писни, сопилку.... та мерши и прысiвь у ýтци.

То наступáло парубóцтво: шéвчыкы, крáвчыкы, ковалi, свiтныкы, ганчарi и зó усякого ремéства бурлáцтво, наньмытi видь хазiйства, бáтьковы сыны — зибралыся на ярмарокъ погулять. Ищè зь рáнку, хтò попрóдавь свiй товáрь, а хтò, покупывши чогò кому трéба и попывши могорычi, тепèрь, попидгóлювавшысь любèнько, понадивáлы, хтò нову свi-

ту, хто кытаёву юпку, хто ще бацькивскій, хочь и старый, та жупань, попидперізовавшысь шпётненько хто каламайкóвымь, а хто й суконнымь поясамы, понадівалы на пидгòлени гòловы шапкы козацькы зь решетыливськых смúшкивь, то зь червòнымы, то зь зелèнымы, то зь сынымы вершкàмы; у тяжыновыхь штàняхь, у юхтовыхь чòботахь зь пидбòрамы, а хто й у шкапòвыхь, та такь повымàзованыхь, що дèготь такь зь ныхь и течè, а пидкòвы троха не на пьàдь. Оть, позакрúчувавшы úсы, идúть лàвою, зь бòку на-бикь перевàлюютця, рукамы розмàхують, люлькы тàгнуть, та що è гòлосу, ажь кривлятця та жмúрятця, спивàючи москòвськои пíсни: «*Пры данилусяи стоала*»; и де йдúть, то такь видь ныхь люде и розступàютця, бо вже непопадàйсь имь на дорòзи нихтò: чы перèкупкы зь коробкàмы, чы москàль зь квàсомь, чы слипцй зь поводàтаремь, чы бàба старà, чы дивка молодà имь на зúстричь, — никòму немà розбòру, невважàють никòго, такь усàкого прàмо лàвою и прúть, и мнúть, и зь нигь вàляють; а самы й байдúже; нынàче и небàчуть ничòго и буцимь то й не вонь.

Отцè-то вонь задрившы дивчàть, потягнúлы за нымь, щòбь такь стинòю на ныхь и напèрты; а якь вонь розбижàтця, такь туть и ловыты, и пожартовàть, и поженыхàтысь... Звèсно, молодèцьке, парубòцьке дèло! А щòбь ихь хто мигь зопыныты? Ну, ну! кусàла така! Вонь усèю громàдою не разь и самòму пьисарю давàлы такòи пьинхвы, що на сылу прочàвсь; а десàцькы такь-такь видь ныхь и ховàютця по бурьянàмь та за плотàмы. Такь туть вже ничòго!... Усàкь имь поважà: «нехàй, кàэ, хлòпци нагуляютця: билшь копы лыха ненарòблять».

Оть идúть, и якь накынули вòкомь на дивчàть, и пишлы побыля малèваного салдàта, а ихь ватажòкь, Терèшко швèць, знявь перèдь нымь шапку, та й кàэ: «Здрàстуйте, госпòдà слúжба!...» Туть якь зарегòчетця нарòдь, и перèкупкы, и купцй, и тй що пры возàхь, та якь крýкнуть на нèго: «Тю-тò, дурный! Та то не жывый, то намалèваный. Хыбà тоби повьлазыло? От-тò оглашèнный, нерозберè....»

Напикь же пань Терèшко рàкивь, якь и самь розглядивь, що справды салдàть намалèваный и що увèсь базàрь зь нèго глузúе! «Тепèрь, дúма сердèка, небúде мени прòсвит-

ку; будуць мені сміятыся і чэрез сее не-знаць-що будуць прыкладаты. — Йо не Йо! што туть мыні на-свिति робыты?» Стоить зажурывшыся, та й дума. А дали скаменувся, зареготавсь, та й каз: «Бўцимь я й небачывь, що се не живый, а що се тилки патреть. А поклонывсь ёму за тымь, щобь подратоваць зь маяра!.... Чы такь-же-то й малюють? О! бо дай ёго мара малёвала! Се й слипый розглядить, що се патреть, а не живый чоловікь... Хыба туть булы такі дурни, що прыймалы ёго за живого? — Незнаю!... Тфу! чор-зна-що й надрыпано. Дывітесь, люде добри: хыба такь шьётця чобить? Я швець на все село; такь я-вже знаю, що халыва ось-якь бува (та й ставь пальцемь по патрету надрыповаты); оть и вь пидборахь брехня; та й пидьемь не такь... та такы и усё не такь. Цурь-ёму! пайдёмь, хлѡпци, далшь; намалёвавь же якыйсь-то дурень...» Оть и пишлы соби своєю дорогою, и Терешко дуже радый бувь, що зпокутовавь изь себе биду.

Та й закрутивь же носомь нашь Кузьма Трохымовичь, нынече тертого хрину понюхавь! Зь биса-бо ёму досадно стало, що увесь ярмарокь, и що то на мисти народу було, такы мабуть душь зь пьядесятъ, колы ищё не билшь, та усйжь-то до едыного, усй непизналы, що салдаты намалёваный, а думалы, що живый; а туть, чортъ ёго зна видкиля узывся швець, та й закепковавь ёго роботу ни на що. «Сё вже — каз соби — курамь буде на-смихь. Я такы, правда, обь чоботахь недуже й доглядавсь; може вонд що-небудь и нетакь. Я тилки й старавсь, щобь ёму тварь, и щобь винь увесь, и мундѣрь, и оружжѡ, щобь такь було нынече живе, а обь чоботахь и байдуже; бо недумавь, щобь хто вже туды ставь пылно доглядатысь, де и нужды мало, и куды неусякь и дывытця. Нехай-же такь буде, якь швець каз: перемалюю, щобь и ёго уконтентоваты и щобь ниякого хвалшу небуло у мойй работи».

Вылизь изь своєї яткы, доставь палитру зь краскамы и пензиль, пидмалёвавь, якь тамь швець надрыпавь, та й опьять полизь, та й каз: «Нехай пидожду, покы краска пидсохне, а тамь и вбиратемуся до дому. Теперь швець нескаже, що нетакь чобить намалёваный».

Ажъ, гулькь! Терешко зь парубкамы, недогнавши дивчатъ, вернулысь навпереймы, и йдутъ вьять побыля салдацкого патрета. Оть одынь парубокъ розглядивь ёго, та й каз:

«Дывысь, Терэшку! маляръ тебе послухавъ; бачъ, перемалёвавъ чобить, якъ ты сказаваъ». «Эгэ! ищэ бъ то й непослухавъ?» сказаваъ Терэшко, пидсунувшы шапку на саме тымъя и узавшысь у бѣкы: «*Я вже сылу знаю и заразъ побачу, що не до шмыгы!*» А якъ ёму и дѣсе досадно було на малярá и на патреть, що черэзъ ныхъ ёму люде сміялыся, отъ и думавъ щэ-такы занехаять, щобъ малярá збыты зъ пантылыку и щобъ народъ думавъ, що винъ велыку сылу у малярсьтви зна, посвыстáвши й кáз: «Отъ и сѣгѣ невтерплю, скажѹ, бо вже бачу, що нетáкъ. Чѣботы теперъ якъ чѣботы, якъ я навчывъ, такъ мундѣръ нетуды дывитця. Трѣба, щобъ рукава ось такъ....»

«*А зась незнаешъ?*» обизвався Кузьма Трохымовычъ зъ своѣй яткы: «*швецъ знай свое шевство, а у кравецтво немшайся!*»

Якъ же зарегѣчетця увесь базаръ, слухаючи сюю кумѣдыю и що Кузьма Трохымовычъ такъ видрйзавъ Терэшку шевцю! Якъ пиднялы Терэшка нá-смихъ! Реготáлысь зъ нѣго, реготáлысь, та такъ-же то, дáлеби, що не тѣ що, що ажъ за рйчкою чѹте було. А Терэшко зостáвся, мовъ облываный, та якъ потягне неоглядаючысь, та ажъ забигъ незнáть куды. Кузьма жъ Трохымовычъ тыхѣнко собй посмйявшысь, та зибравшысь зъ патретьомъ и зъ усймъ своймъ крáмомъ, пойхавъ до свогѣ пáна, та по уговѣру грѣшыкы и горйлочку зъ нѣго зчыстывъ, та й прáвъ.

Ярмарокъ розйшовсь. Тылки вже Терэшкови ввирвáлась нытка верховѣдыты хочъ на вулыци, або на вечерныцяхъ, або и у пынку. Тылки що забалаянтрáсыть, а тѹтъ-ѣму хто-нѣбуду и видрйже: «*Швецъ знай свое шевство, а у кравецтво немшайся!*» —то такъ языкъ и прыкѹсыть и вже ни чычѣркъ.

Отъ и вся.

II.

МАРУСЯ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Аннѣ Григорьевнѣ Квиткѣ.

МАРУСЯ. *)

Часто мені прыходыць на думку: чогó-бъ-то чоловiкови такъ дуже прыстращатысь на симъ свiти до чого-небудь, не то, щобъ до якiи вiщи, а то хочъ бы и до наймылiйшыхъ людeй: жiнкы, диточокъ, щiрыхъ прыятелей и другыхъ? Пiрше усeго подумаймо: чы мы-жъ на симъ свiти вiчни? И що e у насъ, хочъ скотынка, хочъ хлiбець на току, худобынка у скрыньцы, такъ сeму такъ усe безъ порчи й буты?—Нi; нема тутъ ничога вiчнeго! Та й мы самы що? Сeгодня жывъ, завтра — що Богъ дасть! Аджeжъ жывучы прамежъ людeй, тилкы и чуешъ: тамъ двонюць по душы, тамъ голдсютъ по покiйныку, тамъ справляють старцямъ обидь.... Що въ Бога дeнь тоби говорюць: ось той недужъ, той вмира, а той вмeръ... Ты и неоглядыся и незчyеся, якъ и зоставсь самъ собi на свiти; хочъ и зъ людмы и прамежъ людeй, та ба! Усe тоби або не такi прыятелi, якыхъ поховавъ, або и зовсымъ незвiсни; та вонó тоби усe ровнó, що блукaешъ у дрымучому лiси! Ось стань про прыятельв згадувать, то уся твоя пiсня на одынъ ладъ: отъ зъ тымъ мы хлóпцямы булы — и вже вiнь вмeръ; а зъ тымъ до шкóлы у кiпи ходылы — и той вмeръ; зъ тымъ парубковалы — и той вмeръ; и сей и той, и той и сей, уся повмиралы. Колыжъ се такъ e, такъ и памъятуй собi дóбре, що незабудуть и тебe на симъ свiти, óзмуть, и небудуть пытатысь: чы хочешъ до гурту, чы щeбъ, мdже, погулявъ?

*) *Примъчанiе.* Первое изданiе въ „Малороссiйскiя повiсти, рассказы-газеты Грыцькомъ Основьяненко“, кн. 1, Москва, 1834 г.; помiтка цензора: Октябра 4-го дня 1833 г.; второе — подъ тымъ-же общиымъ заглавiемъ, кн. 1, Харьковъ, 1841 г.; третье — въ „Повiстi Григорiя Квитки (Основьяненка)“. Т. 1. Издавъ П. А. Кулiшъ. Спб. 1858 г.

А пiсля такои думкы, чо годжъ бы намъ, невичнымъ, та прыстращатысь до урэменного? Чо му бъ такъ не робыть: наградывъ тебѣ Богъ щастямъ, що батько й маты твой живуть пры тобѣ и дякують добрымъ словомъ, що ты ихъ пры старосты и кохашь, и поважашь; або жинкою до тебе доброю, послушною, хазяйкою невсыпущою; або диточкамы покիրнымы, та слухняными—хвалы за се Бѣга и лягаючы и устаючы, а ихъ шануй и кохай, и для ныхъ нежалй, не тилки ниякыхъ трудывъ, худобы, та колы нужда звельтъ, душу свою за ныхъ положи, роспынайся, умры за ныхъ, та усѣ-таки памъятауй: що й воны на симъ свѣти такижъ гбсьци, якъ ты и усякый чоловікъ, чы царь, чы пань, чы архерей, чы салдатъ, чы лычмань. Колы Отець нашъ мылосѣрдный когдъ зъ насъ поклыче, проважай зъ жалѣмъ, та безъ укору и попрѣкывъ; перехрестысь, та й скажы, якъ що-дня у Отче-нашй чытаешъ: Господы! буды воля Твоя зъ нами грѣшнымы! и неудавайся у тугу, щобъ вонъ тобѣ вику неукоротыла: бо грѣхъ смертѣльный наклады на себе, не тилки смѣрть, и саму бѣлисть, хочъ бы яку-нѣбудь; бо непоберигшы тѣла, загубышь и душу на выкы вичны! Бйльшь усѣго памъятауй, що ты ховашь сѣгодня, а тебѣ заховаютъ завтра; и усѣ будемо у кѣпи, у Господа мылосѣрдного на вичный радосты; и вже тамъ не буде ниякои розлѣкы, и ниякѣ горе, и ниякѣ лыхо насъ не постыгне.

Ище жъ и се мы думаемо, що якъ постыгне кого-нѣбудь бѣда и нещастя, що поховъ когдъ изъ своѣи симѣи, або и рѣдычывъ, то бѣцымъ-то сѣе чоловікови прыхѣдыть за ёгдъ грѣхы и неправды прѣжнй. Нй; не такъ се ё! Ось слухайте-лышень, якъ намъ пан-отець у цѣрквы чыта, що Господъ Небѣсный намъ, якъ отецъ дѣтямъ. А пiсля сѣго не грѣхъ намъ буде и такѣ прыминѣты: отъ зберѣтця дѣты на вѣлицю граы, та будуть промежъ нѣмы шалислѣвы, та усѣ-бъ-то имъ, замѣсць йграшкы, бытысь та лаятысь, а межъ нѣмы буде дытына плохѣнка, смырнъ, покирнъ и що усякъ йи мѣже зобѣдыты. Адже правда, що батько тыѣи дытыны, щобъ вонъ непереняла хѣда видъ своевольныкывъ, жалкѣючы объ нй, клыкне зъ вѣлицы до себе, и щобъ вондъ за товарѣствомъ нескучало, посадытъ быля себе, та й прыголѣбыть, и понйжыть, и чогдъ вондъ забажъ, усѣго йи дасть. Пожалуй, хлѣпци, що на вѣлицы зосталысь, незнаючы якѣ добрѣ тѣи дытыны у батька, будуть жал-

коваты, що узять видь ныхъ товарышъ. Дарма, нехай жалкуютъ, а ёму у отця дуже-дуже добре!—Отъ-такъ и Небесный нашъ Отець зъ нами робыть: бережеть насъ видь усякою биды и береть насъ прямисинько до Себе, де ё такэ добрô, такэ добрô... що ни розказаты, ни здуматы немджно! Та ще й такъ подумаймо: чувствуешъ ты, чоловіче, що се Богъ за грихы твой пославъ биду? Такъ же и розсуды: якый батько покыне овси дитокъ, щобъ безъ науы ледацилы? Усякий, усякий отецъ стараетця навчыты дитей усему доброму; а неслухняныхъ по батькивски повчыть, та по батькивски и пожалуе. Не дурно сказано: ледача та дытына, котрой батько невчывъ! Сежъ люде такъ зъ своимы дитымы робыть, а то Отець Небесный, що мылосердыю Ёго и мйры нема! Той колы и поплé за грихы яку биду, то винъ же и помылуе! Тилки покарайся Ёму! А пился сего, небудемо журытысь, що намъ Богъ мылосердный ни пошлетъ терпты, и перекрестывшысь скажемо: «Господы! навчы мене, гришного, якъ сполнять волю Твою Святу!» то й побачышь, що опился усé гараздъ буде.

Такъ робывъ Наумъ Дрôть....

Отъ ёго-то постыгла лыхая бидá! Щôжъ винъ? Ничôго. Хвалывъ Бога и зъ тымъ прожывъ викъ, що невадся въ тугу; а пысьменный незтерпывъ....

Отъ-якъ се булô.

Наумъ Дрôть бувъ парень на усé селô, де жывъ. Батькови и матери слухняный, старшымъ себе покирный, межъ товариствомъ друзьяка, ни пив-слова никôлы небрехавъ, горилкы непыывавсь и пъяныць нетерпывъ, зъ ледачымы неводывсь, а до цёрквы? такъ хочъ бы и маленький празныкъ, тилки пипъ у дзвинъ,—винъ вже й тамъ: свичечку обмыныть, старцямъ грошенятъ роздасть и прыньметця за дило; колы прочуе яку бидность, надилыть по своій сыли и совитъ добрый дасть. За ёго правду неоставывъ же ёго и Богъ мылосердный: щобъ-то ни задумавъ, усé ёму Господь и посылавъ. Наградывъ ёго жинкою дброю, роботящою, хазайкою, слухняною; и що булô Наумъ ни забажá, що ни задума, Настя (такъ йи звáлы) ноци неспыть, усюды стараетця, бьетця, достае и вже зрôбыть и достае, чогô мужыкови хотылось. Поважавъ же и винъ йи скылкы мйгъ, и любывъ йи, якъ свою

дúшу. Небуло межъ нýмы не тилки бйкы, та й нйкòи лйкы. Щò-дèнь хвалылы Бòга за Ёгò мýлòсты.

У воднймъ тилки була въ ныхъ журбá: недавávъ имъ Богъ диточòкъ. Такъ щòжъ? Нáстя, якъ здúма про се, то за-разъ у слèзы та въ гòлòсь; а Наумъ перехрыстытця, прочытá Отче-нашъ, то ёмú и стáне на сёрдци веселишъ и пишòвъ за своимъ дйломъ, чы въ пòле, чы на тикъ, чы у загороду, або до батракívъ, бо бýвъ соби заможенёнькый: було й вòлыкивъ паръ зъ гýать, була й шкáпа, булы й батракы; було чымъ и пánщыну видбувáты, и у дорòгу ходыты; була жъ и нýвка, однá и дрúга ще дидивська, а трётю винъ сáмъ вже купывъ, такъ було ёмú чымъ орудоваты.

Отъ-тымъ-то Нáстя дýвлячысь на худòбу, та й журы-лась: щò комú-то вонò, кáз, пислá насъ достáнетця? Небúде намъ ни слáвы, ни пáм'яты; хтò насъ поховáе, хтò насъ пом'яне? розтрáтють, щò мы зибрáлы, а намъ и спасёби не скáжуть. А Наумъ йй було и кáз: «чòловíкови трéба труды-тыся до сáмои смёрты; дáсть Богъ диточòкъ, дйткамъ зостáнетця, а недáсть,—Ёгò вòля святáя! Винъ знá, для чòго щò рòбытця. Нищò не нáше, усе Бòже. Достáнетця нáше дòбрее дòброму, винъ за насъ и на чáсточку подáсть, и мýсочку постáвить и старцямъ роздáсть. А колы бúde наслйдоваты недòбрый, ёмú грихъ буде, а насъ усé-такы Бòгъ мылосёрд-ный пом'яне, колы мы те заслужымо. Нежурысь, Нáсте, объ худòби: вонá нáша, а не мý йй. Стережысь, щòбъ вонá тоби неперепеньла дорòгы до Цáрства небёсного. Сатанá знá, чымъ пидштрыкнúты; молысь Бòгу, чытáй: «избáвы насъ одъ лука-вого», то усé гарáздъ буде.

Ажъ óсь, за отцёвськи и матерынськи молытвы, давъ имъ Богъ и дòчечку. Та й рáди жъ булы оббе, и Наумъ, и Нáстя; такы зъ рúкъ йй неспускалы. Колыжъ було куды дыгына побижыть, чы до сосйдивъ, чы на вúлицю, то вже котрый-нёбудь, або бáтько, або мáты, такъ слидкòмъ за нею и ходють. Та й щò-то за дыгына була! Ще малёнъке було, а знáла и Отче-нашъ, и Богорòдыцю, и Святый Бòже, и поло-выну Вйрую. А тилки було зачýе двйнгъ, то вже ни заграетця, ни засыдытця дòма и кáз: «мáмо! пидú до цёрквы, бáчь дзвò-нять; грйшка нейты; тáту, дай шажòкъ на свйчечку, а дрúгый

старцю Божому податы». И въ цѣркви вже ни запусъе и ни до-кого незаговорыть, та все мѡлытця, та поклѡны бѣе.

Отъ и вѣросла имъ на втѣху. Та щѡжь-то за дѣвка була! Висѡка, прѣмесенька якъ стрѣлочка, чорнѣвенька, очыци якъ тернѡви ягідкѣ, брѡвонькы якъ на шнурѡчку, лѣчкомъ червѡна якъ пѡньска рѡжа, що у садѣ цвитѣ, носѡчокъ такъ-соби прѣменькый зъ горбѡчкомъ, а гѣбонькы якъ цвитѡчки розцвѣтають и межъ нѣмы зѣбонькы, неначе жарнѣвкы, якъ одна, на нѣтотци нанѣзани. Колѣ було заговорыть, то усѣ такъ звѣчайнѡ, розѣмно, такъ неначе сопѣлочка заграѣ стѣха, що тѣлки бѣ їи и слѣхавъ; а якъ усмихнѣтця, та очыцѣмы поведѣ, а самѡ зачервонѣтця, такъ ѡтъ неначе шевѣвою хѣсточкою обитрѣтъ смѣжнѣи устѡ. Кѡсы у неѣ якъ смѡль чѡрныи, та дѡвги-дѡвги, ажъ за колѣно; у прѣзныкъ, або хочъ и въ недѣльѣу такъ гѣрно ихъ повбирѡ, дрибѣшка за дрибѣшку, та все самѡ собѣ заплитѡ; та якъ покладѣ ихъ на гѡлову, повѣрхъ скиндѡчѡкъ винкѡмъ, та заквичѡ квіткѡми, кинцѣ у лѣнты ажъ гетъ порозпуска; усѣ грѣды такъ и обнѣзани дѡбрымъ намѣстомъ зъ червѡнцѣмы, такъ що разкѣвъ двѡдцѣтъ бѣде, колѣ и не бѣлшъ, а на шѣи... та й шѣя жѣ билѣсенька, билѣсенька, ѡтъ якъ-бы зъ крѣйды чѣпурнѣнько вѣстругана; повѣрхъ такѡи-то шѣи, на чѡрнѣй бѡрхатци, ширѡкѣй, такъ що пѡльця мѡботѣ у двѡ, золотѣй ѣднусь и у кольцѣ звѣрху каминѣць червѡнѣнькѣй... такъ-такъ и ссѣе! Та якъ вѣрядѣтця у баѣву червѡну юпку, застѣбнетця пидъ самѣ дѣшу, щѡбъ ничѡгѣсинько невѣдно було, що незвѣчайнѡ... вжѣжь-пакъ не такъ, якъ городѣньски дѣвкѣ, що у панѣвѣ понавѡчалысь: цѣръ имъ! Зогришѣшь тѣлки, дѣвлячысь на такѣхъ!

Не такъ було у нашої Марѣси, Наѣумовѣи та Настѣиноѣи дѡчкѣ, ось що я розкѡзую, а їи, знѡете, звѡлы Марѣсею. Щѡ було, то й було, такъ Бѡгъ давъ! та якъ прыкрыто, та закрыто, то и дѣя дѣвчыны чѣпурнѣшъ, и хто на неѣ дѣвитця, и хто зъ нею говѡрыть, то всѣ-такѣ звѣчайнѣшъ.

Сѡрѡчка на нѣй билѣнька, тонѣнька, самѡ прѣла и пѣшныи рѣкава самѡ вышѣвѡла червѡнымы нѣткѡми. Плѡхта на нѣй картѡцька, черчѡта, ще матерѣнська-прѣдѡна; тепѣрь вже такѣхъ нерѡблять. И якѣхъ-то цвитѣвъ тамъ небуло? бѡтечку мѣй, та й гѡди! Запѡска шѡвкѡва, морѣва; каламайкѡвый пѡясъ, та якъ пидперѣжетця, такъ-такъ рѣкѡю и обхвѡтышь,—

щѣ-жѣ-то недѣже и стѣгнетця. Хусточка у пояса мерѣжована и зѣ выштытымы орламы и лѣхивка зѣ пидѣ плахты тожѣ вымерѣжована и зѣ кытычкамы; панчишкы сѣни суконни и червони черевычкы. Отѣ-такѣ якѣ выйде, такѣ щѣ и твоя панночка! Идѣ якѣ павычка, недѣже по усѣмъ усѣодамъ розглядѣ, а тѣлки дѣвытця пидѣ-ногы. Колы зѣ старшымъ сѣбе зострылась, зарѣзь нызѣнько поклонылась, та й кѣз: «здрѣстуйте дѣдюшка!» або: «здоровы титѣсю!» И такы хочѣ-быто малѣ дытѣна булѣ, то вже неприйде прѣсто, усѣкому поклонитця и лѣсково заговѣрыть. А щѣбѣ якыи парубокѣ та по смивѣ-бы ии заняты? Ну, нѣ; незнаю! Вона й нелѣятеметця и ни слѣва й не скаже, а тѣлки подѣвытця на нѣго такѣ пылно, та буцимъ и жалибно и сердытенько, — хтѣ ии зна, якѣ-то вона тамѣ зглѣне, — такѣ хочѣ-бы якыи бувѣ, то зарѣзь шапку зѣ головы схѣпе, поклонывся звычайненько и ни пары зѣ устѣ немѣвыть и видѣйде дѣлшѣ. О, тамѣ вже на все селѣ булѣ и красыва, и розѣмна, и багѣта, звычайна, та щѣ-жѣ кѣ томѣ тыха, и смѣрна, и усѣкому покирна.

На вѣлыцю и некажы, щѣбѣ колы зѣ подругамы пишла. Булѣ маты стѣне ии казѣты: «Пишла бѣ, дѣцю, на вѣлыцю: бѣчѣ, тепѣрѣ веснѣ, вона рѣзѣ краснѣ. Погрѣла бѣ зѣ подруженькамы у хрѣщыка, писенѣкѣ бы поспивѣла». Такѣ дѣжѣ! «Лѣчѣе я — кѣз — на те мѣсце, упѣравшыся, та лѣжу спѣты и за те рѣнше устѣну, заминѣю твою старѣсть: обѣдаты наварѣю и бѣтькови у полѣ понесѣ. А на вѣлыци щѣ я забулѣ? ии грашкы та пустѣта, та, глѣды, стѣнетця, хочѣ и не зо мною, хочѣ и абѣ-зѣ-кымѣ, якѣ прычына, та опислѣ и страшнѣо видвѣчатѣ за те однѣ, щѣ й я тамѣ булѣ! Нехѣй имѣ выѣяснитця, не пидѣ!» А про вечерныи такѣ и непомынаи! Булѣ и дрѣгыхѣ дивчѣтѣ видвѣдыть, та ажѣ плаче та прѣсыть: «Будѣте лѣскавы, сестрычкы, голѣбочкы, не ходѣте на тѣе проклѣте збѣрыще! Та тамѣ немѣ някогѣсинького добрѣ; тамѣ усѣ злѣ, та лыхѣе! Збирѣютця буцимѣ-то прѣсты, та замѣсць тѣго пустѣютѣ, жартѣютѣ, та вчѣтця горѣлочку пыты; видѣ матерѣвѣ курѣи крадѣты, та тудѣ нѣсѣютѣ, та ще и такѣ тамѣ дѣтця, щѣ сѣромѣ и казѣты. Чы-мѣло-жѣ-то своѣи слѣвы загубылы хѣдячы на тѣю поганѣ: отѣ хочѣ бы и Явдѣха, и Кулына, и Прѣска. Адѣжѣжѣ и пѣпѣ пан-отѣцѣ невелѣты и кѣз, щѣ грѣхѣ смертѣльный тудѣ ходѣты. Та дывѣтѣся жѣ и на мѣне: отѣ я дѣма бѣлшѣ усѣихѣ васѣ напѣядѣ, чымѣ вы хѣдячы».

Отъ-такъ було говорыть-говорыть, то гляды, одна перестане ходыты, дали дру́га, трэ́тя; а дали и зовымъ мо́да перестане, щобъ ходыты. То й дякують добри лю́де, а най-быльш матері. А тамъ описля, нечысты́й такы-впя́ть сы́лу озьме; пидцюкне и потягне ны́зку добо́ру до погы́белы.

Ты́лки було на́ша Мару́ся у ряды́-годы зберётца до подруженьки на весі́лля у дружечкы. Та й то́ небуде вона́ у субо́ту бы́гаты зь ны́ми по ву́лицы, та го́рло дра́ты, мовь скаже́на, якъ усі́ рбблють; а прыйде вже у неде́леньку, поси́дуть, пообі́да, а якъ выведуть молоды́х на дві́рь танцева́ты, вона́ тутъ чы побула́, чы непобула́, мерщій до до́му; рози́бра-лась, роздя́глась, дава́й пичь топы́ты и вече́рять наставля́ты, и вже ма́ты за не́ю було́ ние́блы непоспи́шытця.

Отта́къ разъ, на кле́чалний неде́ли, була́ Мару́ся у своєи́ подругы́ у дружкѧ́х на весі́лля и сяды́ла за сто́ломъ. Проти́въ дружечо́къ, звычайно́, сяды́лы бо́йре. Ста́ршымъ бо́йрыномъ́ бувъ зь го́рода па́рубокъ, свѣ́тныкъ Васи́ль. Хло́пецъ га́рны́й, руся́вый, чы́сто пидго́блений; чу́бъ чыпу́рны́й, у́сы коза́цьки, о́чи веселёны́и якъ зирочкы́; на выду́ румя́ны́й, мото́рны́й, звычайны́й; жу́панъ на не́му сы́ній и кытаёва́ ю́пка, по́ясомъ зь а́глыцькои́ калама́йкы пидперезаны́й, у тяжыно́выхъ шта́няхъ; чо́боты до́бри, шкапо́ви, зь пидко́вамы. Якъ прышы́ва́лы бо́йрамъ до шапо́къ квіткы́, то усі́ кла́лы по шагу́, хто-хто́ два́, та й лакгей зь па́нського двора́, и то́й пъя́ть шагівъ́ положи́въ, що́ усі́ здывова́лысь; а Васи́ль усё выжыда́въ, та усё́ у кыше́ни до́вба́въ; а да́ли вы́тягъ ка́пшучо́къ, а та́мъ-такы́ де-що́ бряжча́ло, засу́нувъ па́льцы, до́ста́въ, та й положи́въ на вы́купъ ша́пки, за кві́тку, цилі́синькы́й гры́венныкъ!... Якъ бря́знувъ, такъ усі́, хто́ бувъ на весі́ллях, такъ и вжахну́лысь, а дру́жкы́ ажъ и спива́ты перестала́. А винь со́би и дарма́: потря́сь па́тламы, та за ло́жку, и ставъ ло́кшыну дои́да́ты, бу́цимъ ты́лки ко́пійку да́въ.

Отъ, сядючы́ за сто́ломъ, якъ́ вже попрынима́лы стра́ву, дава́й то́гди Васи́ль дивча́ть розгляда́ть, що́ бу́лы у дру́жкѧ́х. Зы́ркь! и вздрывъ́ Мару́сю, а вона́ ажъ́ у трэ́тихъ сяды́ла, бо ста́ршою дру́жкою, ски́лки було́́ їй де́ ни про́сють, нико́лы нехо́че: «Неха́й, ка́э, дру́ги сйда́ють, а мені́ и ту́тъ до́бре».

Ста́въ нашъ Васи́ль и са́мъ не сві́й и, якъ́ тамъ ка́жуть, якъ́ опаре́ны́й. То́ бувъ шу́тлывы́й, жартовлы́вы́й, на вы́гад-

*

кы, на прыкладкы—поперёдъ усіхъ: тількі ёго и чўте, видь нёго весь рэгіць ійдэ; тепёръ-жэ тобї хочъ бы пивслўва промўвывь: гўлову посўпывь, рўкы поклавъ пидъ стїль и нидо-кўго ни чычўркэ; усё тїлки погляне на Марўсю, тїжко здыхнэ и пўстыть ўчы пидъ лўбъ.

Познїмалы страўу и поставылы горїхы на стїль. Дружечкы заразъ кынулысь зъ боўрамы цятўтця; щёбчуть, рёгўчутця, выгўдують дё-що про-мїжъ весїльных писенёкъ, а нашъ Васыль сыдыть, мовъ у лїсў, самъ собї одынь; ни до-кўго незаговўрыть и ни-кўды негляне, тїлки на Марўсю; тїлко вонў ёмў и бўчытця, тїлки объ нїй и дўма; нынўче увёсь свїть пропавъ, а тїлки вїнь зъ Марўсею и zostўвся: ни-до-чўго и ни-до-кўго немў ёмў нїякого дїла.

Щожъ Марўся? И вонў, сердешна, щось измїнылась: тў була, якъ и завсегдў, невесёла, а тўтъ вже прытёмомъ хочъ до дўму ійты. Чогўсь-то ій стўло млўсно и нўдно, и якъ подывытця на Васыля, такъ-такъ ій ёго жаль стўне! а чогў? и самў незна. Хыба тымъ, що й вїнь сыдыть такыи невесёлыи. А ще найпўще, якъ одынь на одного рўзомъ зглянуть, такъ Марўсю мовъ лыхорўдка, такъ изъ за плечей и ўзьме и все бъ вонў плакала, а Васыль—мовъ у самїй душнїй хўти, ненўче ёго хтў трёмў кожухўмы вкрывъ и гарўчымъ збытнемъ наповў. Отъ мерщїй и вїдвёрнутця одынь видъ дрўгого, и бўчытця и недывлютця; то и глядъ: Васыль тїлки рукўю поведё, або голўбўю мотнэ, то вже Марўся и почервонїла, и впъять и ззырнўтця межъ собью.

Дўмае сердешна Марўся, що мўботе сё зъ очей ій стўло, та й кўз собї: пидў-лышень до дўму; такъ дўмка такў нападё: «онъ-тўй боўрынъ, що у сынимъ жупўни, чы вїнь чы недўжъ, чы щў? то якъ пидў, то щобъ вїнь ще гїршъ незадўжавъ, и нїхтў ёмў непомўжетъ; бўчъ, якъ жўлибно дывытця на мёне и бучимъ-то й прўсыть: будъ лўскава, Марўсю, невтїкай вїдсїля! Дўбре, дўбре, zostўнусь!»

А Васыль собї нўдыть свїтомъ и незна, на яку ступыты. Розчўмавь трўхы, що боўре цятўютця, та й дўма: «кёлышень, поцятўюсь я онъ-зъ-тўю дївчыною, що сыдыть смутнў-невесёла». Тїлки, сердёка, протягнўвь рўку, такъ ненўче ёмў хто й шепнўвь: незнамўай ій, ще розсёрдытця; бўчъ якў вонў одягнў, та пышна! сё мўботъ мїщўнка: вонў зъ то-

бю и говорыты незахоче. Поблидніе нашъ Васыль, та выпяты и похмурытця. Дали збиравсь-збиравсь, та якъ дружечкы дужче почалы спиваты, а весяльный батько зъ матирью частышъ сталы горылочкою подштувать и пиднявсь гоминь по хаты; винъ такы хватывъ у жменю горыхивъ, та до Маруси: «чы цыть, чы лышка?» Та якъ се промовывъ, такъ ажъ трохы невпавъ изъ ослона на спыну: голова ёму закрутылась, въ очахъ потемнило и незтямывсь овси.

Та й Маруси жъ добре було! Якъ заговорывъ до неи Васыль, такъ вона такъ злякалась, якъ тогды, якъ маты на неи розсердылась; а се тилки однимъ-одынъ разъ и було на йи вику, якъ прынисшы вона видъ ричкы платяты, загубыла материну хустку, що ще видъ йи покойной матери, такъ за те-то на неи маты сердылась було, и хочъ недовго, та вона, крый Бже! якъ було злякалась. Одже и теперь такъ йи було прыйшло: якъ бы можно, скривъ землю-бъ провалылась або забыгла куды, щобъ и недывытыся на сего боарына. Та й що ёму казаты? Якъ скажу «не-чыть», то винъ подума, що я чванна и нехочу билшъ зъ нымъ цятатысь, а винъ и такъ, чы смутный, чы сердытый, а тилки жалко на него дывытыся. Скажу «цыть». Щожъ? якъ стала сыловатысь, щобъ промовыть слово, такъ ни-ждною мирою неможе сказать: губы злыплысь, языкъ мовъ деревьяный, а духъ такъ и захватыло. Дывытця, що й Васыль зъ неи очей неспустыть и горыхы у жмени держыть и жде, що вона ёму скаже; отъ йи ёго жалко стало, на велыку сылу, та тыхесенько, такъ що ниhto й нечувъ, промовыла: цыть! та ззырнула зъ нымъ. И сама вже незтямылась, якъ узяла зъ Васылевои жмени горыхы, та якъ скаменулась, якъ засоромылась!... крый Маты Бже!... Ажъ ось на щастя ихъ крыкнувъ дружко: «Старосты, паны пидстаросты! благословите молодыхъ вывесты изъ хаты, на двиръ погуляты». Тутъ и уей рушылы изъ-за стола, та, хто куды понавъ, мерщій на двиръ, дывытыся якъ будуть танцеваты. Отъ и Маруси и Васылеви неначе свить пиднявсь, полехшало на души, выйшлы й воны зъ хаты.

Троїста музика гра, що е духу: рыплять скрыпкы, брязчатъ цымбалы; а замисць баса, самъ скрыпныкъ скрызъ зубы гуде та прыцмокуе. Отъ и розколыхалысь наши дивчата: выйшла пара, а тамъ друга, пышлы у дрибушкы. Нижкамы

тупотя́ть, підкивкáмы бряжча́ть, побравшысь за рúченькы выворóчуютця; то вгьятъ розй́дутця, та якъ ўтинкы плавно плыву́ть, тй́лки голóвкaмы побóжуютъ; то вгьятъ у дрибу́шкы... Вже й потомы́лись, вже и хусточкáмы утыра́ютця, вже бь имь и гóди, вже и дрúгымь хóчетця потанц́евать... такъ щó-жъ бо? музýка грá, та й грá! Вже однá изъ дивчáть, Одаркa Макотрúсивна, лéдвe нóгы волóчыть, пítъ зь нeй такъ и течé, прытьмомь прóсыть музýку: «та гóди-бо дядьку!... та перестáньте-бо... ось вже нездúжаю!»... Такъ щóжъ? музýка грá, та й грá!... Дáли скрýпшыкь закинчáвъ и пýты скрýпчочкою попрóсьвь... Отъ дивчáтамь гóди, поклоны́лись музýци и пшлý до гýрту.

«А ну гóрлыци!» гукну́въ зь кúчи Дeнысь Дeканéнко, розтовкáвъ людéй кулáччaмь, потягъ до сéбе зь кúчи Пáзькy Левусiвну и стáвъ зь нeю, и дождыáетця, пòкы почастýють музýку. Розстáвывъ нóгы, у бóкы узя́всь, шáпка высóкa, сйрыхъ смúшкивъ, зь червóнымь сукнянымь вёрхомь, нá-бикъ ёмú похылýлась, ўсамы помóргуе, на всихъ поглядá и прыговóрюе: «Оджe узя́вся танц́евáты, та мóже и невмию! Повчы́тысь-булò у кривòго Хомы, щò на дерев'янци хóдыть». Якъ се почúлы людe, такъ и зареготáлись. Кузьмá, такы стары́й Коровáй, той и кáз: «отъ-такъ! отъ-тóй навчы́ть дóбре, сáмъ хóдячы на однiй нозi». А Юхымъ Перепелы́ця смiявсь-смiявсь, áжъ ёмú слéзы потеклý, та й кáз: «отцéй невы́гада! Ну вже тákъ!» А Дeнысь стоить, ненáче и не вiнь, и невсмiхнётця.

Напýвшысь горылкы, музýка и вчы́стыла гóрлыци. Якъ же розходýвсь нашъ Дeнысь, тákъ щò бáтечкы! Тамъ ёгò морóкa знa, якъ-то мúдро тогди́ танц́евáвъ! якъ же вдрáвъ на впрýсыядку, такъ ногáмы до землi недотóркуетця, то поповзé на вкóлишкы, то черезъ гóлову перекýнетця, скакнé, у долóшкы плеснé, свýсне, щò ажъ у вúхахъ залящýть, та вгьятъ вь бóкы, та тропакá-тропакá, щò ажъ земля́ гудé; а тамъ стáне выкýдоваты ногáмы, ненáче вонý ёмú повылómлювани; а дaли пидскóчыть, тá вгьятъ на-впрýсыядку, та óколо Пáзькы такъ кругомь и вьётця, та прыговóрюе:

Ой дiвчына гóрлыця
 До козакá гóрнетця;
 А козакъ, якъ орéль,
 Якъ побáчывъ, та и вмерь....

Добре було Денісови такъ брышкаты безъ Васыля; а той бы ёго заткнувъ за поясъ чы у танцяхъ, чы такъ у речяхъ, або въ молодѣцтви, бо вінъ-собі бувъ на те уродливый. Колы-було озьметця за танци, такъ и некажы, що годі: перетанцюе яку-хочъ музыку; колыжъ пидвернетця до дивчатъ, то вже ни-на-кого билищъ и недывлютця, тилки на него и ёго одного слухають, а на опрочыхъ плюють; колы жъ пидседе до старышыхъ, та стане загынаты имъ свой балантрасы, такъ усї, и старї и молодї, сыдять, та порозивлявши роты слухають, хочъ до пїзнои нѣчи.

Такый-то бувъ нашъ Васыль до сего часу. Теперъ-же вінъ мовъ остуженый. Выйшовшы зъ хаты, де-бъ-то йти до гурту, та взявши дивчыну, туды-бъ и собї танцеваты; нї, пишѳвъ-собі, сердека, стороню видъ людѣй; схлывсь на плитъ, та й дума: «Щѳ се менї сталося? Таки ничѳго нечюю, ничѳго й не бачу, тилко одну сю чорняву дивчыну! Вона въ мене и передъ очыма и на думци!... Чѳмъ же незайму йї? Але! Бачытця и несмію, або й боюсь, щѳбъ и нерозсердылась... А якъ здумаю, що вона на мене мусыть розсердытысь и колы пидїйдю до неї, то вона пидвернетця видъ мене и прожене, то видъ сїй думкы и свить менї немылый, и самъ незнаю, щѳ зъ собою робыты!... Пишѳвъ бы й до-дому, такъ от-тутъ нынѳче прыкованый. Нудно мыни на сее весылля и дывытысь; а очѣй невидведу видъ тый хаты, що онъ на прыспи сыдыть моя дивчына, та щѳсь зъ подругю розговѳрюе, та, чы мыни такъ вже здаѣтця, чы такы справды, що на мене поглядяють, мѳже про мене....»

«Чѳго такъ зажурывсь, Семѣновичъ?» сказавъ ёму Левко Цѣмкаль, пидстаршый боярынъ, та й вдарывъ ёго по плечамъ. «На дивчатъ заглядывсь, чи-щѳ? Нѳ-лыщъ, потягны люлькы, то повеселїшаешъ; та й ходимъ танцеваты. Бачъ, якы бѳйки дивчата зъ гѳрода повахѳдылы.»

— Нехѳчу люлькы, кѳз Васыль: трохы не вона менї и завѳдыла. Такъ щѳсь незѳрово! Або отцѣ до дому утикаты, абѳ-щѳ? Кинчай тутъ за мене порѳдокъ.

«Цуръ ёму, кѳз Левко: щѣ погуляймо. Мѳбуте, чы нема тобі чѳгѳ зъ очѣй? то прохѳдысь по вѳлыци, вѳнѳ й мынетця; або йды, лѳчче усѳго, та подывысь, якъ дивчата танцюють. Ну щѳ вже Кубракывна вдрѳла, такъ тамъ вже за всїхъ. Щѳ

за танцюра! Та й дівка, брать, важна! Колибь до осены не втекла, то немые мойх рукъ».

Мовь лыхоманка стрепенула Васыля; поблидъ якъ полотно, та ажъ рукамы схопывсь за коляку, щобъ невпасты видь журбы. Винь-бо думавь, що се ёго дивчыну Левко выхваля; бо звисно, коли хто котру любить, то й дума, що вона и усимъ така хороба и любязна здаётця, якъ и ёму. Послухавь трохы чмеливь, дали зхаменувсь и на хитроци пиднявсь; давай ёго выпытоваты:

«Дё Кубракивна? какъ: чы не та чорнява, що повна шыя намыста зъ хрестамы?» (се бь то Маруся).

— Ни, какъ Левко: намъ до тыеи далёко. Мой, онъ бачь, русява, що трешкы кырпатенька, у свыти, та рушныкомъ пидперезана.

Полехшало нашому Васылеви; ажъ здохнувь и очыци якъ ясочки загралы, якъ почувь, що не ёго дивчыну Левко любыть. Теперь ёму дарма и Кубракивна, чы тутъ вона, чы дё, а давай мерщй допытоватысь про свою, та й какъ Левкови:

«А то про яку ты каэшъ, що до неи тоби далёко? Хыба тутъ ё попивна або прыказчыкивна?»

— Ни, какъ Левко: тутъ усе наши ривни; а я кажю про нашу Марусю.

«А щобъ-то за Маруся?» спытавсь Васыль, та й бчи повурывь у землю, бцимъ ёму и дарма, а у самого, не тилки що вуха, та щб-то, усяка жылочка неначе слуха; а винь, сердешный, и духъ прытайвь, и бойтця, щобъ ни-ждного словечка непрослухаты, що ёму буде Левко розказоваты.

Отъ и почавь ёму Левко про Марусю казаты усе, що знавь: и чья вона дочка, и якый йи батько багатый, и якъ винь свою дочку кохае; а дали й про Марусыну натуру: якъ вона усихъ жахаётця, що ниhto йи небачывь нетилки щобъ на вечерницяхъ або у колядци, та й на вулицю, и на Купала, и ни-на-яки йгры неходьтъ; чы така вже соби пышна, або може несмыльва; а що роботяца! и на батька и на матирь, и на себе пряде, шые, мые, и сама усе одна, безъ наньмычки, и варыть, и пече; а маты сыдыть, ручкы склавшы.

Непишла жь и Маруся до танцивь, а сила соби сумуючы на прыспи былъ хаты та ти горышкы, що увяла у Ва-

сылѣ, усѣ у жмѣни перемынѣ, та нѣзырцемъ за Васылѣмъ поглядѣ. Що жъ у неѣ на дѣмци, того й самѣ нерозберѣ. То часомъ стане йй вѣсело, такъ що заразъ бѣгла бѣ до мѣтери, та й прыголѣбылась бы до неѣ, то впѣять засумѣе и слизонькы хѣсточкою обѣтре и бажѣ бѣтенька, щобъ розвѣвъ йй тѣгу; то всѣмизнѣтця, то засорѣмытця; и дѣма, щобъ-то й до-дѣму ййты (такъ-було попѣреду усѣ робѣла: чы посѣдыть, чы непосѣдыть на-весѣльи зѣ дружкѣмы, та мерщѣй и до-дѣму), та якъ ровглядѣть, що трѣба побылѣ Васылѣ ййты, та й передѣма. А сѣгѣ вонѣ й самѣ незнала, що вѣ неѣ на дѣмци булѣ: «колыбѣ от-тѣй пѣрубѣвъ прыйшѣвъ, та поговорѣвъ-бы зо мною, то ненѣче бѣ менѣ на душѣ лѣгше сталѣ». Якъ-же тѣлки подѣмала обѣ симъ, та якъ засорѣмытця! Почервонѣла якъ калѣна, закрьлѣась рученькѣмы и гѣлову похылыла.

Отъ-тѣ й прыйшла до неѣ Олѣна Кубракѣвна, переганцѣ-вѣвшы, та й сѣла былѣ неѣ виддыхѣты.

«Чѣгѣ ты, Марусю, такъ сыдѣшь? Чы плѣчешъ, чы-щѣ?»

— Нѣ, неплѣчу, кѣз Марусѣ; и говорѣты бѣ то, и замѣшалѣась, що й незнаѣ, що й казѣты. «Отцѣ йймъ, кѣз, мѣчени кыслѣци, та булѣ подавѣлась. А ты чѣгѣ такъ засѣпалѣась?»

«Та переганцѣвалѣась собѣ нѣ лыхѣ, кѣз Олѣна. Якъ попѣвъ мѣне онъ-тѣй боѣрынъ, такъ усѣ крутѣвъ, крутѣвъ, поворѣчувавъ менѣ, поворѣчувавъ, а тѣтъ ще нѣ лыхѣ музѣка неперѣстаѣ; такъ нетѣлки що нѣгы, та й рѣкы болять, и гѣловѣ крутѣтця. Та вжѣжъ и танцѣора! у насъ такѣго и на усѣй слѣбѣдѣ нема. Я казѣла своймъ хлѣпцѣмъ, щобъ прывѣдылы ѣгѣ до насъ на вѣлыцю....»

Отъ Марусѣ трѣшки и зрѣдовалѣась, що мѣже Олѣна знѣ тогѣ пѣрубка, що йй такъ у дѣшу запѣвъ, бо й вонѣ на свѣй пѣй дѣмала, що вжѣ крѣще йй пѣрубка и на свѣити нема, и що се ѣгѣ вонѣ такъ выхваля. Отъ и давѣй про нѣго выпѣтовѣть:

«А якѣй жѣ боѣрынъ, чы не стѣршый?»

— И вжѣ стѣршый, забормѣтѣла Олѣна: сыдѣть собѣ, якъ понѣра, ни-на-кѣго и недѣвытця, и дѣвѣтъ ни котѣрой незѣнѣме. Нѣхѣй-лышенъ сѣдутъ за стѣль, вжѣ не ѣ буду, щобъ не прыспѣвала ѣмѣ:

Стѣршый боѣрынъ — якъ болѣвѣнъ:

Вѣтрищѣвъ ѣчи, якъ барѣнъ.

Обручáмы голова збыта,
 Мочулою свѣтка спыта,
 Лычкомъ пидперезався,
 У бо́яре прыбрáвся.

Отъ-якъ ёму прыспивáю. Нехай зна́ и на́шыхъ дивча́тъ. Винь, може, дума, що селя́не невмію́ть танце́ваты? Ну, ну! Ще ёго ба́тька навча́тъ.

«А мо́же винь и невміе?» спытала Мару́ся, а сама́ закрывáлась руко́ю, щобъ небáчыла Олёна, якъ вона́ видъ сёго соромы́тця.

— Хто́? Васы́ль невміе? ажъ скры́кнула Олёна.

«Та я й незна́ю, чы винь Васы́ль, чы винь хто́; и чы винь вміе танце́ваты, чы невміе, я незна́ю; та й ёго зовсы́м незна́ю».

Сказáвши сее, Мару́ся и скамену́лась, щобъ незамóвчала Олёна про не́го розка́зуваты; бо йй крпико хотило́сь знáты, хто́ винь и видкиля́; и тйлки що хоты́ла выпы́товаты, ажъ тутъ Олёну розноси́ло зъ своймъ бо́ярыномъ: дава́й вгя́тъ жа́литця, якъ винь йй рýкы повыкру́чувавъ, якъ йй вморы́въ, и сё и те, и до́вго усё про не́го говори́ла.

До́вго слухала Мару́ся и незна́ла, якъ Олёну и спыны́ты, бо та́ радэсенька бу́ла хочъ до вэ́чера товкты́ про свогò бо́ярына. Дáли, б́удимъ-то невторóпала, про ко́го вона́ розка́зуе, та й кáз:

«Прыспивáй же ёму́ вже до́бре, та до́бре».

— Та се не ёму́! хыба́ ты нечу́ешъ? кры́кнула на не́н Олёна: се я Васы́леви хòчу прыспивáты.

«Та щò-тамъ за Васы́ль тоби́ да́вся?» кáз Мару́ся (а сё́ вже у дивча́тъ така́ нату́ра, що кòтра якòго па́рубка полю́быть, то зна́рошне ста́не коры́ты, щобъ дру́ги ёгò похваля́лы). «Отъ, невы́дала твогò Васы́ля, кáз, и видкиля́ винь тутъ узя́всь? и зъ якòи слободы́ забривъ сюды́?»

— Алé! ма́боть чы не зъ слободы́! Винь зъ гòрода, винь свѣтныкъ, колы́ чу́ла. Та щò́ вже за завзя́тый! Уже де по́явытця, то усй дивча́та ðколо не́го. И танце́ваты, и жарто́ваты, неузя́въ ёгò бйсь. Та й красы́вый же! Ба́ць якъ выхы́ляецця, за ты́нь дёржачысь! Спы́на такъ и гвѣтця, ненáче

молодой ясенокъ, а въ виду ягъ намалёванный; очи ёму якъ зирочки, а пátлы такъ и мотáютця: бачъ, по купеческому....

«Мáбуте ты ёгò любышь, такъ тымъ и хвалышь», ледве промóвыла Маруся, ховаючи очи у рукавъ, а самá ягъ на вогни горыла видъ Оленыныхъ розказивъ.

— Потурáй що люблю! Пожалуй бы любила, такъ винъ на такыхъ и неподывытця. Кажуть, що ёгò хазяинъ та хоче ёгò у прыймы узяты, а дочкá красыва. та й красыва и дуже багáта. Винъ и сáмъ ма копйчыну: адже ты бáчыла, що й за шáпку, та выкынувъ ажъ грывенныка; отъ такъ и усюды винъ робыть. Вжé ягъ бы не булó....

Тутъ пидбйгъ Денысь, та й потягъ Олену до тáнцю за рукавъ. Вжé вона ёгò и лáяла, и кулáччамъ у спыну товкмáчыла, такъ ничòго и незробыла: потягъ, та й потягъ. А й пылно хотылось въ Марусею посыдыты, та про парубкывъ наговорытыся.

Зостáлася Маруся самá. Узялы й думкы та гáдки; а якъ згадáла, що Олена казáла, що ёгò хазяинъ та берé ёгò у прыймы, и що видáе дочкú и красыву и багáту, та й зажурылася! Схылыла голóвоньку на бйлую рúчку, а слизонькы зъ очыць такъ и капотáть! Отъ обтёрла ихъ хусточкою, закрьлася рúченькою, та й дума: «Охъ лыхо мени тáжке! Лúчче бъ я ёгò небáчыла!... Якъ-то мени ёгò забувáты?... Тымъ-то городяньскы дивчáта.... у нихъ и парубкы свой, не такы якъ у насъ, що нй-на що и дывытысь.... Пидú швыдче до-дóму (а самá ни зъ мйсьця), стáну поратысь, робыты, то мòже й забúду... тáкъ-то й забúду! Охъ, дóленько моá лыхáя!... Теперъ сыхъ горышкывъ нидé неподивáю, тáкъ пры собй й носытému, бйльшъ нй-на-що, тйлки на пáмьятъ. Хочъ бы на смйхъ вони мени сказáлы....» (та сёе думавшы, потряслá у жмени горышкы, та гóлосно й промóвыла:) «чы винъ менé любыть? Цйтъ, чы лышка?»

— Цйтъ! и любыть тебé видъ щырого сэрця! обизвáвсь Васыль, що вже давнò стоáвъ быля неи и дывывьсь на й смýту, та незнавъ якъ занáты.

«Охъ мени лышенько!» скрыкнула Маруся и стрепенúлась, якъ тáя рыбонька, ускочывшы увъ ятырь. «Хто такый? Про кòго вы говорыте?» пытá й самá незна, для чòго и объ чымъ.

— Тбй тебе любыть.... про кбго.... ты думала.... казавъ Васыль задыхаючысь видъ несмылости и зъ ляку, якъ почувъ, що вона ма когдсь на думци.

«Та я.... ни-про-кбго.... недумала.... я такъ....» сказала бидна дівка, та й злякалася гриха, що зъ рбду уперше збрехала; а описля й каз: «хтббъ-то мене й полкббывъ?...»

— Марусю, Марусю! каз Васыль, тяжко, видъ сёрца здохнүвши; та й впгыть на-сылу дүхъ перевивъ, и каз: я знаю такбго....

«Марусю, Марусю! а ходы-ке сюды!» такъ клькнула йй тажъ Олена. Маруся ни жыва ни мёртва! Злякалася тогб, що Васыль ставъ зъ нею говорыты, та ще такъ гблосно; а тутъ ще й тб, що Олена бачыть, що вона зъ чужымъ парубкомъ розговорюе, а описля и смйятеметця йй; а що найбйльшъ тб йй булб страшно и жалко, и нйбы досадно, що Васыль каз про когдсь дрүгого, що йй, любыть; а йй-бы хотйлось, щобъ винъ йй казавъ, що винъ самъ йй любыть. Отъ якъ злякалася, зкбчыла зъ мысьця, та й нембже и ступыты; а Олена знай йй кльче: «Та йды сюды; ось-бзде я». А Васыль тежъ ставъ якъ укбпаный и незна билшъ, що йй казаты. На думци бъ-то йй багато дб-чого ё, такъ языкъ неслүха, непошевеленшъ ёгб; а тутъ ще на бидү пидслухавъ, що Маруся объ комүсь вже дума, и що ёмү нйчого тутъ убыватыся; а тутъ ще Олена збыла ёгб зъ тбвку... Отъ и стойтъ вони оббе, сердешни, и незнають, на яку ступыты, и чы ййты имъ куды, чы шб робыты?

Вже сама Олена прыйшла до Маруси и пытаетця: чы вона тутечкы довго ббде?

«Нй, каз Маруся, ужб мени порб йй до-дбму. Нйчого бйльшъ тутъ дожыдатысь». Та сбе кажучы, такъ важко здохнула, що крый Маты Ббжа!

— И я отцб йдү до-дбму, каз йй Олена: маты прыслала за мною. Чы знаешъ що? Ходимъ завтра у кбпи на мысто; маты казала дб-що куповаты, такъ ходимъ зо мною; ты-такы усб лүчче знаешъ».

«Дббре, ходимъ. Мой матуся шбсь нездүжа, такъ шб намъ трбба, я йй куплю; захбдъ тылки за мною», казала йй Маруся.

— Зайдú, зайдú. Жды мене до зходь сóнця. Ходимъ же теперъ у кúпи до-дóму, та въ перéкупкы кúпымъ кыслычóкь.

Отъ подруженькы, побравшысь за руки, и пишлы соби.

Зоставсь Васыль и стоить самъ не свий. По ёгò думци, винъ, бачытця, закынувъ Маруси на догадъ, що се винъ їй любыть, и дума: «колыбъ вона немала когò на примéти, та щобъ ёгò хочъ трòхы любыла, то билшъ-бы ёму ничòго и не-треба; нехотивъ-бы ни грóшей, ни панства. Такъ-бо почерво-нила, якъ я їй ставъ закыдаты, що їй полюбывъ, и очыци опустыла у зéмлю, а рученятамы усè хусточку крутыла, вже вёрно зъ сёрця; а якъ пишлá за Олёною, то нетилки ёму и словця неказала, та й неглянула на нёго.

Сумовавшы пишòвъ винъ назырцемъ за Марусею и ба-чывъ, що вона ажъ пòкы ввийшла у дрóгу вóлицю, то ажъ трýчи оглядалась, а чогò? Хтò їй зна! Дивчачу натóру трóдно розгадаты; бо вони, чáсто, бóцимъ-то и нелюблять, хто ихъ займае, и бóцимъ-то й сёрдютця, а тамъ соби, нышкомъ, такъ ёгò люблять, шо й сказаты немòжно! Та такы и тый правды нигде диты, що йнша дівочка, ще молодёнька, що зъ роду въ пёрше побачыть такòго пáрубка, що їй прыйде по сёрцю, то й самá себè нерозгадá, щò зъ нёю дiетця. На думци, такъ-бы на нёго усè и дывылась-бы, и говорыла-бъ усè зъ нымъ зъ однýmъ, и сила-бъ была нёго, такъ чогòсь-то усè стыдно; хочъ ни душй нема близько, а їй здаётця, бóцимъ-то усй люде такъ на нён и дывлятця; або хочъ и не-дывлятця, такъ по óчамъ визнають, що вона зъ пáрубкомъ говорыла. Отъ-тымъ-то така и жахаетця, и втикае, ни слóва неказавшы пáрубкови, що залыцается до нён; якъ же вид-бижыть видъ нёго, то й самá жалкúе, та ба! вже немòжно дiла поправыты! Дóбрежъ, колы пáрубокъ неровсёрдытця, та ще и у дрóге стáне лáсы пидпускаты, такъ ще незовсимъ бидá; а якъ-же подума: «Лыхо їй мáтери, якá пышна! Цуръ їй!» та й пидвернетця до дрóгои, такъ тогди-вже зовсимъ лыхо! И сумуе сердешна, и нышкомъ поплáче, та прытьмомъ ничòго робыть! и вжежъ самий ёгò не заньматы, щобъ неказавъ: «самá, кáэ, на шыю вишаетця».

Смутнá прыйшла до-дóму нáша Маруся, та тилки не обь-тимъ. Вона думала, що Васыль їй нелюбыть, а колыбъ любывъ, то зàразъ прýмо й казавъ-бы, а тó про кòгòсь дрóгого казавъ,

а объ собі ни пив-слѡва. «Та й Олена-жь казала, що хазяинъ берѣ ёгѡ у прыймы, такъ се вже певно, що винъ любыть хазяйску дочку. Та якъ їй и нелюбыть? Вона-собѣ городянка, мищанка, та, кажуть, хорѡша, та й хорѡша! А думаю, якъ уберѣтця, такъ намыста ще бѣлшъ чымъ у мене; а скрыня зъ добромъ мала? та ще, думаю, и не одна; тамъ, може, такѣ велыки, та розмалѣвани, та на колѣсахъ; а подушѡкъ, подушѡкъ! такъ, може, пидъ саму стѣлю.... Такъ куды-вже ёму до мене! винъ на такыхъ и неподѣвтыця». Ось-такъ думала Маруся, прыйшовшы до дому и сѣвши у хати на лави.

Дывылася старѣ Настя, маты їй, лѣжучы на полѣ, та стѡгнучы видъ недугы, що дочка їй сыдыть смутнѣ и невесѣла, и ничѡго про весѣлья и нерозказые, и за дѣло непрыньмаѣтця; дывылася довго, а дали стала пытаты:

«Чѡгѡ ты, дѡню, такѣ невесѣла, мовъ у воду опушена? Чы не занедужала, нехай Бѡгъ борѡныть? Гляды-лышъ, якъ ще й ты звѣлыся, що бѣтько зъ нами бѡде робыты! Кажыбо, що въ тебѣ болыть?»

— Ничѡго, мамо! каз Маруся.

«Чы не порвала намыста, жартѡкучы на весѣльи?» пыта Настя.

— Нѣ, мамо!

«Чы не зобыдывъ тебѣ хтѡ? то бѣтькови скажы, винъ заразъ уступытця».

— Нѣ, мамо!

«Такъ колыжъ немѣ ничѡго, такъ чѡгѡ такъ сыдыты? Їйшла бѣ по-воду: порѣ наставляты вечеряты».

— Заразъ, мамо! сказала Маруся, а самѣ ни зъ мѣсяця.

Дождыдала маты, дождыдала, дали впѣять за неѣ: и уговорювала їй, а дали и сварылась на неѣ; такъ вже на сылу, та на превелыку сылу розколыхала їй, що вона роздыглась и, непоховавшы гаряздъ ни скиндычѡкъ, ни намыста и нѣякои одѣжи, узяла кѡшыкъ, щобъ-то ув-огорѡди зѣлья нарваты, та замисць огорѡда, пѣйшла до крыныци по-воду. ненѣче зъ видрамы; їйде и байдужѣ; та вже якъ прыйшла до крыныци и якъ стали надъ нею люде тамъ смѣятысь, такъ вона тогды экзаменулась и мерщѣй до-дому. Щѡжь? и до-дому вернувшысь, нелучча була: затопыла у печѣ, и приставля горшкы по-

рѳжни; замисць пшона́, щобъ замняты бѳрщъ, вона сйль тре у ма́кортети, та пидлыва́ борщү.... И що ни ѳзьме, до чо́го ни кынетця, усѳ нета́къ, усѳ не до шмыгы, такъ що и старый Наумъ, верну́вшысь до-дѳму и дывлячысь на такѳ йй пѳранья, ажъ са́мъ дывова́всь.

Сякъ-такъ видда́вши вечерю, Мару́ся пишла до корѳвъ, а Настя стала журы́тыся и ка́з Наумови:

«Охъ-менй лы́шенько тѳжкѳ! Щѳжь-отцѳ зъ Мару́сею дѳтця? Ка́же—зовсімъ здоро́ва, а за-що ни пры́нметця, що ни почне́ робы́ты, усѳ не до ладу́, усѳ нета́къ якъ тре́ба. Та чо́гѳсь-собй чы журы́тця, чы щѳ? Нехай Бо́гъ борды́ты, чы не зъ очѳй йй ста́лось?»

— У ва́сь, у жинѳкъ, усѳ зъ очѳй, заворча́въ Наумъ: чы дыты́на зме́рзла на хо́лоди, чы дыты́ни ду́шно въ ха́ти, вы ка́жете: зъ очѳй; голо́дна, ййсты прѳсыть—зъ очѳй; найвшысь нехѳче,—и то́ зъ очѳй; чы засмія́лась, чы зажуры́лась, чы сйла, чы встала—усѳ зъ очѳй; усѳ про все́ у ва́сь ѳчи. А щѳ очи мо́жуть зрѳбы́ты? Ничѳго; дывля́тця-собй на свйть Бѳжый, та й гѳди. Рукѳю чоло́вйкови биду́ зрѳбы́шь, а языко́мъ ще й гйршу, а ѳчи ничѳму непрывы́нни.

«А чому́жь бабы́, кѳтри зна́ють, та й злы́зують и шѳпчуть? якъ-бы-вонѳ ничѳго, то ничѳго-бъ и нерѳбы́лы, а то....»

— На те шѳпчуть и злы́зують, щѳбъ такы́хъ дурны́кывъ дуры́ты, якъ ты́ и прѳчйи. Потура́й ты́лки имъ: вони́, пожа́луй, ра́ди, щѳбъ тобй за все́, про все́ шѳпта́ты, абы́-бъ грѳшы́кы лупы́ты. А хтѳ що мо́же чоло́вйкови зрѳбы́ты, опры́чъ Бѳга мылосѳрдного? Винъ на́шле биду́, Винъ и помы́луе; ты́лки мо́лысь и Ё́гѳ одно́гѳ зна́й; а зъ то́ю бисѳвщыно́ю, зъ ворожва́мы, та зъ знахура́мы, неводы́сь. Помолы́сь, Насте, хочъ ле́жачы, Бѳгу, колы́ нездү́жаешъ пидвесты́сь; и я́-такы́ помолы́сь, то й гляды́, що Мару́ся на́ша за́втра зовсімъ здоро́ва бу́де. Мовчы́-жь, ѳнь-вона́ ййде́.

Мару́ся, зовсімъ упѳравшысь и попрыбира́вши, розпы́товала ма́тирь, чо́гѳ тре́ба на мйсти купы́ты и узяла́ у ба́тька ски́лки-тре́ба грѳшей, посла́лась на ла́ви, помолы́лась Бѳгу, и свѳрхъ-усѳго, вдары́ла тры́ покло́ны, щѳбъ вже билшь недү́маты про Васи́ля. Йй такъ ба́тько вчы́въ: колы́, ка́з, тобй чо́гѳ тре́ба, або журба́ тебе́ ѳзьме, зара́з до Бѳга. Вдарь тры

поклѣны и просы объ чому тобі нўжда и жды пѣвно видѣ Нѣго мѣлосты; Винѣ нашѣ Отѣць, Винѣ знá, щѣ кому и у якѣ урѣмья послáть».

Отъ зѣ такою думкою лягла Маруся. Такѣ щѣожѣ? И сонѣ йи неберѣ. Те й дѣло щѣ дўма.... та не объ Васылѣви, дѣ-то вже! Вона ёгѣ и знáты нехѣче... та й нá-щѣ-йи винѣ... «Винѣ дѣсе вже посвáтаний; аджѣ и хўсточка у нѣго, щѣ зѣ кышѣни вынѣмáвѣ, то не хлопѣяча, а прытѣмѣмъ дивѣча, и вже вѣрно вона ёму подаровáла.... та винѣ-жѣ невесѣлый на весѣльи бувѣ.... отъ-тѣ, мáбутѣ, скучáвѣ за своєю голўбокою.... та щѣ щѣобѣ я объ нѣму дўмала? Якѣ-бы не тákъ! Винѣ-собѣ и сы-дѣвѣ, ненáче одѣнѣ у лѣси, ни на кѣго и недѣвѣвѣсь....» Дáли здохнўла и дўма: «и менѣ занявѣ тѣмы горѣхамы, абѣ-бѣ-то вже, такѣ!... Нѣ, Васылю, не нáшымъ дивчáтамъ объ тоби дўматы, у тѣбе е своá.... Отъ-ужѣ лўбѣть йи, дўмаю?.... Бá-чытця, усѣ объ нѣй такѣ и дўмавѣ, бо у вѣчахъ такѣ и вѣдко булѣ слизонѣкы.... тепѣрѣ-вжѣ вона дѣсе у кўпочци... и она вже, вѣрно, цѣлўе ёгѣ у тѣи ѣченькы, щѣ якѣ блѣскавка, якѣ згляне, такѣ и ссáе.... ѣтѣ вже нецѣлўе вона ихѣ!... Тѣгѣжѣ-то-винѣ по нѣй мáвѣ плáкаты.... Чѣгѣжѣ я отъ-сѣ плáчу?.... Охѣ, гѣрѣчко менѣ тѣжкѣ!... Колѣбѣ булѣ знáла, нехѣдыла-бѣ на те весѣлья!... Нá-щѣ булѣ роспытовáты Олѣну про нѣго!... Та дармá; я вже зовсѣмъ про нѣго и недўмаю.... та й винѣ-жѣ про мѣне тѣжѣ. Мѣже винѣ дўмавѣ, щѣ.... тѣе-то.... я бѣ то.... щѣ. кáз: я знáю такѣгѣ, щѣ тебѣ лўбѣть, а ёму-бѣ-то-вжѣ немѣжно, щѣ вжѣ-винѣ посвáтаний... Богѣ зѣ тобѣю! Нехáй тоби Бѣгѣ помогá! И ѣженѣся, и лўбѣся.... Та чѣгѣ-жѣ я усѣ плáчу?.... Отъ-тѣгѣ и тугá такá, щѣ за-чѣмъ я на те весѣлья ходѣла.... Тепѣрѣ заснў вже.... Зáвтра, чѣмъ-свѣтѣ устану, пѣдў на тѣргѣ, та й розѣбѣю свою тўту. Колѣжѣ зѣ нѣмъ зострѣчусѣ на мѣсти, то бўдимъ ёгѣ и незнáю, и не-бўду на нѣго и дѣвѣтысь.... А вжѣ винѣ, вѣрно, зѣ нѣю ходѣтеме по базáрю, та дѣ-щѣ куповáтемутѣ.... бо, мáбутѣ, и весѣлья шѣвѣдко бўде.... Тѣ-то вже винѣ бўде рáдѣ, якѣ ѣжѣ-нитця!... А она?... Чѣгѣжѣ я залѣвáюсь слизонѣкáмы?... Охѣ, бѣдонѣкá моя!... Охѣ, гѣрѣчко моѣ! Чѣгѣ-такы я на те весѣлья ходѣла?....»

Отъ-тáкѣ-то бѣдна Маруся, нехѣтѣвшы и зпѣмынáты про Васыля, тѣлки объ нѣмъ одѣнѣмъ и дўмала и хѣчѣ-бы-тоби на

часыночку очыццямі звелà; плакала та журылася цилисінку нічъ. А й дѡвга нічъ у насъ на клечàльный недѣля? Вечірня зорà ще непогàсне, а свитовà вже й заньмàетця; блыснè Вязь¹⁾, та вже докоты́вшысь до сходь сòнца.

Отъ и тепèрь. Тылки що зирочкы зассялы у Бòга мылосèрдного на небесахъ, тылки що розсвityтысь, та й тó незосымъ ясно, а ненàче скрызъ серпàнокъ.... соловейко зтыхъ была своèи самочки, щобъ выспалась хорошенъко, нежахàючысь; витерèць заснувъ и гилочкы по садкамъ дримàючы лèдвè-лèдвè кольшпутьця; тылки й чутè, що черезъ-грèблю на лотокахъ водыця пидытця и мовъ хто ныщечкомъ кàзку кàже, що такъ и дримàетця, а тó усюды тыхèсенъко.... ажъ ось — недѡво: зирочка покотылась.... дали друта.... трèтя — и поховàлысь у сынèму нèби, мовъ у мòре кàнулы; а прощàючысь зъ землèю трòшки зпакнулы.... òтъ видъ ихъ слизонèкъ пàла росà на зèмлю. Кàнула йи крапелька, зашелестыла у àери — и прокынувся витерèць, та й поколыхàвъ тыхèнъко гилочкы по садкамъ та по лискамъ.... Отъ и попрокыдалысь птычи самочки, лупнулы очыццямы, зацмокалы нòсыкамы.... тутъ зàразъ ихъ самчыкы, що быля-ныхъ дримàлы, попробурковалысь, и зъ рàдощивъ — що настаè впгàть Бòжий дèнь и воны бóдутъ зъ своими самочкàми литàты, грàтысь, любытысь, и що мòже якà и яèчко знесè — зъ такыхъ-то рàдощивъ заспывàлы своыхъ писенèкъ, що рàно й вèчиръ хвàлять Гòспода Небèсного, Отця, мылосèрдного якъ чоловико́ви, такъ усякому звирю, птыци, та й самий манюсиньций комàшычци, що й òкомъ невздрыпть. А не-хтò-вже выпивувать, якъ соловейко! Защèбетàвъ, залящàвъ, зачыркавъ, засвыстàвъ, затрищàвъ... то зтыхне, нбы пошèпче своий самочки. якъ йи любыть, а вонà ёму, мабуть, скàже, що й вонà ёгò любыть и похвалà ёгò писенькы, то зъ рàдощивъ и гукнè на увèсь садòкъ... а якъ промежь тóго, ще й нòсычкамы поцилуютця.... тутъ винъ вже и незтымытця.... зажмурытця, защèбече, затерчыть, що-ажъ-ненàче охрыпне, та знòву ще дужче лясне. Задрыбòче, що ажъ духъ ёму запираетця.... Та усè-жь-то такъ гàрно, такъ гàрно, що розказàты немòжно, а на души вèсело!

Отъ на берèзахъ и лысты зашупотылы промежь-сèбе, що й воны, по ласци Бòжий, бóдутъ красовàтысь на яснòму сò-

¹⁾ Вязь — Большая Медвѣдица или Колесница.

нечку. Заменулася травонька, якъ зкропыла їй небесная рясочка; пиднялысь стебелынки, розпукалысь цвѣточкы и порозывавшы риточки свой, надыхалы на усю долину такымъ пахомъ, що почувшы ёго, забудешъ про усё и тилки, здыхнувши, подумаешъ: «Бже мылосѣрдный! Отець нашъ Небесный! И се усё, що тилки ё на землі, у воді, пидъ небесаы, се усё Ты тилки по едыному мылосѣрдыю Своёму для чоловіка сотворылъ есѣ? А винъ, сѣе мызѣрнее созданые, ся былына, ся пыль и порошына, чы винъ-же Тоби благодарыть? и якъ?... О Бже праведный! Бўды и усегда мылостывъ намъ грѣшнымъ!...» Билшъ-сѣго невміемо, що и сказаць!...

Отъ и ридесенькій туманецъ павъ на риченьку, мовъ парубокъ прыголубывсь до дивчынонькы и укўпи зъ нею побиглы ховатысь межъ крутымы берегаы. Дали и хмарочки сталы розходытысь, порідчалы и сталы звертатысь кўпкамы, мовъ клубочки, розступатысь, щобъ дати дорόгу для якогось пышного, важного гбсыця, нибы царя якого, діющого добрѣ усѣму мўру, и покотылысь геть-геть за крутыи гόры, щобъ тилки видтыля дывытыся на тѣ, що тутъ бўде!... Ось и зачервонило на тій дорόзи, де ёму треба йты, и розислалось мовъ сукно, якъ кармазынъ красне; дали, нынече срыбни цвѣткы по нѣму хто посыпавъ; а тутъ и увѣсь пўть ставъ мовъ золотымъ пыскомъ по червѣному пѣлю посыпаныи.... Зазолотылысь и верхивья дѣрева по лисамъ..... и ось золотый по ныхъ писокѣ сыплетця по дѣреву ныжче, усѣ ныжче... ныжче... Усѣ зтыхло.... Чогось ждѣ!... Стало вынырять зъ-за землі.... щѣ? И свѣтъ, и огѣнь, и краса.... И вже и на краёкѣ ёго немѣжно зырнўты ѳкомъ, щѣ жъ бўде якъ усѣ явытця мўру?... и золоті промыны видъ нѣго обсыпалы усю зѣмлю, и самыи небеса сталы нибы щѣ крапче.... Усѣ мовчыть, жада, щобъ швѣдче явлыся у полноті краса мўру!... Идѣтъ.... выкотылось зовсімъ.... озырнўло зѣмлю и.... нынече повеливало: «Хваліте Гбспода, що создавъ и менѣ, и васъ, и кѣжный дѣнь посыла менѣ даватъ усѣму мўру свѣтъ и усякому дыханью жыть!...» Тутъ знѣва пташечкы, нынече по чыѣму научѣныю, защебеталы, усѣ мовъ знѣва ожылѣ, чоловікъ знѣвъ прынявсь за дїло своѣ.... и щѣ то: увѣсь мўръ израдовався!

.

Ось вѣйшовъ и Васыль изъ садка. Винъ дѣбре чѣвъ, що Маруся зъ Оленою змѣвылысь укѣпи йты на мѣсто, такъ винъ и непишовъ вже до-дѣму у гѣродъ, а у тимъ-же селѣ, видъ гѣрода верстовъ зъ чотыри, скытався усю ничъ, и якъ стало свитаты, то винъ вже и беригъ ихъ. Вызыравшы изъ садѣчка, побачывъ, що двѣ дѣвчыны геть-геть видстали видъ прѣчого нарѣду, тыхенько йдѣуть собѣ и розговѣрюють; винъ зѣразъ видгадавъ, що хтѣ то йдѣ, бо сѣрце у нѣго тѣхнуло и подалѣ звѣстку; отъ-тѣ винъ и пишовъ, бѣцимъ-то у гѣродъ, тыхѣю ступѣю, похылышы гѣлову, мѣвъ задѣмався; а у самѣго ажъ жыжкѣ трѣсятця и дѣхъ ѣму захватѣе видъ радѣщывъ, що ще побачыть Марусю и поговѣрыть зъ нѣю.

Отъ идѣуть дѣвчѣта; Олена, якъ та сорѣка, скрыгѣче що на ѣмъ збрѣдѣ, а Маруся бѣцимъ-то и слѣха, та усѣ про своѣ гада.... ажъ зыркѣ!... и пизнала своѣгѣ Васыля!... Рѣкы й нѣгы затрусѣлыся, у жывѣтѣ похолѣнуло, и дѣхъ занѣвсь и самѣ ни зъ мѣсця.

«Та йдѣ-бо швѣдче», крѣкнула на нѣи Олена: «чѣгѣ ты зѣпынаѣсся? и тѣкъ опизнылыся».

— Та хтѣ ѣгѣ зна, чы спиткнѣулась, чы щѣ, кѣз Маруся, самѣ-жъ ни зъ мѣсця, хочъ тѣкъ-бы и летѣла до Васыля, якъ та голѣбка до голѣуба; бо вже й забѣла, що, мабуть, винъ не йнъ лѣбыть, що винъ вже посвѣтанынъ на хазѣйскѣй дочцѣ.... усѣ забѣла, а тѣлки тогѣ й бажѣ, щѣбъ бѣты у кѣпци зъ своймъ Васылечкомъ.

Отъ якъ почѣвъ Васыль, що дѣвчѣта вже за нымъ гѣмонѣть, озырнѣвъ до ныхъ, знявъ шапочку, поклонѣвъсь и кѣз:

«Добрѣ-дѣнь, дѣвчѣта. Бѣже вамъ помагѣй!»

— Спасѣби! нехѣй и вамъ Богъ помагѣ! сказѣлы ѣму увѣдѣнъ гѣлѣсѣ дѣвчѣта.

Отъ имъ и кѣз Васыль: «Чы небѣгла прѣтывъ-вѣсь якѣ собѣака?»

— Цѣръ йнъ пѣкъ видъ насъ! кѣз Олена; мы йнъ небѣчылы; хыбѣ дѣ бѣга?

«Ось тѣтѣчка тѣлки прѣдѣь вѣмы кѣдалася на лѣудѣй», казѣвъ Васыль; «то проженѣуть йнъ, а вѣна видтылѣя забижѣть, та й незнаѣшъ, видкѣлѣя йнъ и стерѣгтыся. Та такѣ сѣрдѣта, на

*

всихъ такъ и кыдаецця. Такъ я отцѣ вѣломывъ собѣ коляку, та йдѹ и озыраюсь».

— Охъ лышечко! я й боюсь! Вернімось, Марусю? кая Олена.

«Небійтесъ, дивчѣтка; адже вы у городъ и я у городъ: то я зъ вама буду йты, а колы набжыть, то васъ обороню».

— Отъ за се спасыби! Теперъ намъ, Марусю, нестрашно, сказала Олена, а сама радисинька була, що зъ парубкомъ буде йты усю дорѹгу. Отъ-такъ и пшпы собѣ у кунци.

Зовсімъ-же-то нашъ Васыль збрехавъ, що бѹдето тамъ бигала яка-бъ-то собака. Се винъ знарошне ихъ налякавъ, щобъ вони прыпросылы ёго проводыты ихъ и щобъ нецеремонылыся зъ нымъ йты.

Ось якъ йдѹтъ, и Васыль ихъ попережѣ — звысно вже, молодѣцька похѹдка прѹтивъ дивчѣчон — та й пиджыда ихъ; отъ Маруся збиралася, якъ-бы-то зъ нымъ заговорыты, а дали й кая:

«Бачыте, якъ мы тихѣнько йдемѹ и вы насъ пиджыдаѣте. Може мы вамъ борѹнымо?»

— А чымъ? кая Васыль.

А Маруся кая: «Тымъ, що може вамъ ...пылно трѣба у городи бѹты? Може васъ хая... хаяинъ ждѣ?» Сѣбъ-то на догадъ бурякывъ, щобъ выпытаты ёго, чы нескѣже чогѹ про хаяйську дочкѹ.

— И вже менѣ теперъ городъ! Забѹвъ про ёго и дѹматы, сказавъ Васыль, а дали, тѣжко здохнѹшы, и кая: одно въ мене на дѹмци; колыбъ-то Богъ помѣтъ! Тилки за тымъ и пидѹ до хаяина, щобъ....

«А чомѹ вы учѹра на весѣльи нетанцѣвалы?» перебыла ёмѹ Олена, та й почала зъ нымъ пащыковаты. Винъ й слово нехотя чы скаже, чы нескѣже, а она ёмѹ дѣсятъ; та такъ и стрыжѣ, такъ и стрыжѣ, та выгадуе, та докладѣе, та прыдыраѣтця, що вже Васыль нѣякымъ побытомъ и невидчѣпытця видъ неѣ.

А сердѣшна-жъ-то Маруся зачѣпыла булѹ Васыля, — теперъ и сама нерада. Вжежъ теперъ винъ нетаючысь сказавъ, що у неѹ щось ѣ на дѹмци и що за тымъ тилки и йдѣ до хаяина. Се вже певно, щобъ домѹвытця объ свѣтаньи на ёго дочцѣ.

Отъ у такыхъ думкахъ та гадкахъ, ійдэ не ійдэ, и нѡгы неслужать; и сѣрдытця на сѣбе, чоґо вона на торґъ пишла; сѣрдытця на Васыля, чоґо винъ имъ на зустрічъ попався, и вже мовъ засвѣтаний, а зъ чужымы дивчатамы ходытеме по базарю; сѣрдытця и на Олену, чоґо вона така весѣла, чоґо такъ зъ засвѣтанымъ парубкомъ пащыкуе; сѣрдытця на усіхъ и за всѣ, а сама незна, на коґо и за-що.

Отъ прыйшлы у гѡродъ, походылы по базарю; Олена за-разъ скупыла усѣ, що трѣба їй булѡ, а Маруся тилки ходыть за нею та свѣтомъ нудыть и усѣ нападаецця на Олену, що прытьмомъ порѣ до-дому. А Васыль усѣ зъ нѣмы ходыть, та— якъ той михонѡша у колядци—носыть Марусынъ кошыкъ, та складѣ, що Олена купуе. Дѣли осмыливсь якось-то спытаты Марусю (бо бачышы, що вона усю дорѡгу мовчала, думавъ пѣвно, що вона на нѣґѡ сѣрдытця), та й пыта:

«А ты, Марусю, чѡмъ ничѡґо некупуешъ?»

— Та мені небаґацько.... дѣ-чого й купваты.... кѣз Маруся, та й видвернулась видъ нѣґѡ, щобъ и недывытысь на чужѡґо женихѣ: тилки й трѣба купыты матери.... кресѣло на люльку.... а бѣтькови.... нѣтокъ красныхъ.... на мерѣжки до хустѡкъ.... та яловычыны.... на Петривку....»

Отъ-такъ наверхъ нашла наша Маруся, що трохы й самъ Васыль їй у вѣчи не насмѣивсь; ще тѡ дѡбре, що нечула сѣґѡ Олена, торґуючы у перекупки шпылькы.

Васыль тилки собѣ тыхѣсенько усмихнувсь, бо догадавсь, що щѡсь нетѣкъ вонѡ е, та й узѣвсь, що трѣба булѡ Маруси, купыты. Покупышы и поскладавшы у кошыкъ усѣ до кupy, кѣз:

«Вжежъ якъ хочете, дивчѣтка, а я васъ опровожу ажь до-дому, щобъ оборонѣты васъ видъ собаки; та й мені такы и вашимъ селѣ е до чоловіка дѣло».

Опѣять-такы Васыль збрѣхавъ: небулѡ ёму нѣякѡґо дѣла ни до якѡґо чоловіка, а хотѣлось ёму.... та побачымо, що бѡде далшь.

Отъ и пишлы вони собѣ вѣпѣть у кyпци зъ гѡрода. Тилки що вѣйшлы зъ улыць на степѡкъ, отъ Олена якъ крѣкне:

«Охъ я дурнѣ та божевѣльна! Забула зайты до шевцѣ по бѣтьковы чѡботы. Щѡ тутъ мені на-свити робыты?»

Потолковавшысь, порадылысь, щобь Олена сама вернў-лась у гóродь за чоботамы, за тымь, що недалёко и у вў-льцяхь нестрашно; а Васыль щобь зостався быля Марўси и щобь туть-же дожыдалы Олены, а вона мўсыла швыдёньюкò вернўтысь.

Отъ якъ зосталыся у-двóхъ Васыль зъ Марўсею, та й посидалы на гóрбыку; заравъ Васыль йи и кáз:

«Марўсю! хочь ты розсёрдыся на мене, хочь проженешь видь себе, хочь незвелышь никòлы нá-очи попадатысь, а я такы тоби теперь договорю, що учóра хотивъ сказаыты...»

— Щó тамъ такé? спыталася Марўся, а сама злякалася такъ, що немòжно й росказаыты, а сама незна чогò.

«Марўсю! Чы я жь одынь бўвь-бы такый на свїти, щобь побачывшы тебе, не полюбывъ шыро? Люблю тебе, Марўсенько, усимь сэрцемь моймь, люблю тебе билшь усёго на свїти!... Несёрдыся на мене, невидворóчуйся, незатулай очыць твойхь былою рўченькою; дай йи менй сюды, нехай прыгорнў йи до свогò сёрденька, та тогды хочь и вмрў, колы тоби невгòдна шырая моя любóвь!... Щó-жь ты мовчышь? Чомь неглянешь на мене?... Промóвь до мене хочь пив-словéчка: скажы, що ты несёрдыся за мою любóвь. Роззнавай менè, розпытуй про мене, мòже-такы про мене що-небудь и дóбре почуешь».

Тылки що стáвь такъ Васыль говорыты, то Марўся и незтáмылася: сёрденько вь нèй такъ и бьётця, а сама якъ у лыхомáнци, такъ и трўсытця; бойтця, и сама незна чогò; колыбь земля розступылася, такъ-бы вона и кынулася туды, та й... Васыля потягнўла-бь за собóю; колы-бь йи крыла, полетыла-бь на край свїта.... та не сама, а усé-бь такы зъ Васылёмь. Щóжь йи робыты? Земля нерозступаётця, крыль у нèй нема, нóгы неначе не йи, однў рўку вхватывь Васыль та й дёржыть быля свогò сёрця, а вонò такъ-же колóтытця, якъ и вь нèй; очыцями зовсимь свїта небачыть, а щé-такы другòю рукòю закрыла ихь, та й пытаётця Васыля такъ тыхéсенько, що й сама гарáздь нечула:

«Адже-жь ты просвáтаный?...»

— Нй, Марўсю, ни на кóму я несвáтаный и ни обь однй дывчыни до сйèй поры и недумавь. Побачывшы тебе учóра, свїть менй повернўся; безь тебе нехòчу жыты, та бачу

й самъ, що неможно мені безъ тебе й дýchаты. Та и гдѣ я найдú краще тебе?

«А хазяйська дочка? Аджѣ винъ тебѣ берѣ у прыймы?» сказала Маруся, вже трóшки смилйшь, бо на сѣрци йй не такъ вже вáжко стало.

— Нетйлки хазяйська дочка, та хочъ бы королйвна, хочъ княгыня, та хочъ-бы и сама охвыцерйвна,— неподвйлось ни на кого, усйхъ презрю для тебе. Одна мой втйха, одно мое щáстя, колы ты менѣ бúдешъ хочъ трóпечкы любыты!... Ропытай про мене: цйлый гóдь ждáтему, тйлки....

«Э! гóдь!... такъ дóвго-бо....»

— Скйлки хочъ, що хочъ робы зо мндю, тйлки непроганый видъ себѣ, несѣрдься....»

«Та я й несѣржусь....»

— Чогó-жъ ты закрывáеся, чогó видвертáеся видъ мѣне? Може любышь когó дрúтого? Кажы, несорóмся; нехáй я се самъ почúю видъ тебе, та й пидú свить за очыма!

«Нй бо.... я дрúтого нелюбú....»

— Такъ зглянь-же на мѣне, незакрывайся!

«Алѣ! щѣбъ и незакрываысь.... Мени-бо стыдно....»

— Чогó-жъ тобі стыдно, скажы? Тутъ нема ничóго, що я кажú....

«А тожъ и нестыдно сказаы.... що я тебѣ.... любú? Ни-зá-що у свйти нескажú....» та сее сказаышы, якъ заплаче гирко и стала ёгó прохáты: «Васылечку, голубчыку, соколыку мйй! Нвыпытуй-же въ мѣне, чы любú я тебѣ; я сѣгò тобй зъ рóду нескажú, щобъ ты непосмйявся надо-мндю... Я й самá незнаю, щó зо мндю стáлося: я ще никгò нелюбыла, никгò нехотйла любыты, цурáлася парубкйвъ: а якъ побáчыла тебѣ, свить менй незмылывся, усймъ я нудыла, усюды я скучáла; а якъ сказаы, що ты просвáтаный, такъ я й самá незнала, що й робыты....»

— Марусенько мой, лебйдочко, зйрочко мой, рыбочко, перепйлочко! прыговóрювавъ Васыль, обнимаючы свою Марусю. Я жъ землй пидъ собдю нечúю.... я мовъ у раю! Чы не сплú лышень я?.... Такъ сѣ правда, що ты любышь менѣ, Марусенько? Скажы менй, правда?

«Нескажў, Васыльчу; ей Бóгу, нескажў!»

— Чóмъ-же нехóчешь завірыты обь моймъ щáсти?

«Сты́дно-бо!»

— Мару́сю! óдже поцилўю, колы неска́жешь.

«Та хочь дэ́сятъ разъ цилу́й, абы не я тебе; а усé-та-кы нескажў....»

— Отъ та́кже.... отъ та́къ.... отъ та́кже!... прыговóрю-вавъ Васы́ль, ци́лўочы йй разъ по пъя́тэ невиддыхáючы, та впъя́тэ зно́ву за тэ́жъ.... та ажъ вже незмигъ и слóва промó-выты.... а Мару́ся лежы́тэ у нёгò на рука́хъ и самá себе не-тjáмытэ, чы вонá у раю́, чы вонá дé? Такъ йй хороше́ будò! Хóче щось сказа́ты, и слóва непромóвытэ; хóче видь нёгò вёрватця, такъ ненáче прыкóвана до Васы́левои шыи; хóче зажму́рытысь, такъ óчи, прóтивъ йй во́ли, такъ и зазыра́ють у Васы́леви óчи, що якъ ўтильля на вогни́ пала́ють; хóче видь нёгò видверну́тысь, а и самá незна́, якъ гóрнетця до нёгò.... А вiнъ?... Вiнъ тiльки розгляда́ йй, ненáче ййсть йй очы́ма; забўвъ увéсь свiтъ; хочъ-бы ёму́ тутъ зь пўшо́къ палы́лы, хочъ-бы хтò ёгò ни клы́кавъ, ничы́мъ-бы нева́жывъ, тiльки що розгляда́ свою́ Мару́сеньку, дэ́ржачы йй на свойхъ рука́хъ.

Дáли схаменўлась вонá; здыхну́ла тjáжко и скривъ слё-зы сказа́ла:

«Васы́льчу! щó це зо мно́ю ста́лось? Ничòго нетjáмлю, незнаю́ самá себе; тiльки у мéне йй на дўмци, що ты́ менé лóбышь, що ты́ мiй.... та бiлшь мени́ ничòго и нетрэба!... Бою́сь тiльки, чы нема́ мени́ за те грихá?»

— Зá що, мой Мару́сенько? сказа́въ Васы́ль, прыгор-ну́вши йй до свогò сёрденька и поци́ловавъ щы́ро.

«Охъ, нецилу́й менé, мiй сызы́й голу́боньку! Мени́ усé здаётця, що грихъ намъ за се.... Бою́сь прогнiвыты́ Бóга!...»

— Такъ я́ жь тоби́, мой Мару́сенько, тымъ-же Бóгомъ божўся, що нема́ у сёму́ някого грихá. Вiнъ повели́въ бўты мўжу и жонi; заповiда́въ, щобъ воны́ лóбылы оды́нъ-òдного и щобъ до смёрты́ нерозлучáлыся. Тепéрь мы лóбымося; дáсть Богъ, спóльнымъ святый́ закóнъ, тогди́ нерозлўчымося на вiкъ нашъ; а до тогò чáсу, якъ зiйдемося, намъ мóжно безъ грихá и лóбытыся, и голу́бытыся....

«А недай Бѡже, якъ....» сказала Маруся, та й прытулылася до Васылёваго плечá; и недоказала, и бойтця зглянуты на нёго.

— Недоведы до тѡго Бѡже! ажъ скрыкнувъ Васыль и ажъ злякáвсь, подумавшы, про щѡ Маруся ёму тилки нагадоваты стала. Буду—каэ—тебѣ, мой возуленько, якъ ѡка берегты. Ніяка скверная, бисѡвська думка и на сѣрци небу́де. Не бійсь менѣ; я знаю Бѡга небеснаго! Винъ покарá за злѣе дѣло, усе равна, щѡ за душегубство. Небійся, кажú, менѣ; и колыбъ вже й такъ прыйшлось, щѡбъ ты стала забувáты и Бѡга, и стыдъ людскый, то я тебе обережú, якъ братикъ сестрыцю....

«Братыку мый мылѣсеный!» скрыкнула Маруся и обняла ёгѡ рученятамы; дѡвго дывылася ёму у вичи, якъ тая ясочка, а дали й каэ: «теперъ я сама тебе поцилúю ажъ трычи, бо знаю, щѡ й въ тебе на думци нема́ нійкаго худа». Та й прыпала ёму на плечѣ, зазыраючы ёму у вичи, та такъ пылно, нобы той баранчыкъ, щѡ ёгѡ хотятъ ризаты, а винъ жáлибно дывытця, такъ и вона зырнула на Васыля, а слѣзынка, ненáче тая рѡсочка на цвѣточку, такъ у не́и въ очыцяхъ засяла; та такъ жáлибно, якъ тая сопылочка заграла, такъ вона ёгѡ спытала: «якъ-же ты менѣ писля сѣго покынешь?»

— Неговоры менѣ сѣго, Маню! и недумай объ симъ, мой крышечко! Грѣхъ божытысь, а я, отъ смертѣлноу клятвою побожуся, колы менѣ невырышь....

«Вірю, вірю, мый сокѡлыку, мый лебѣдыку! и щѡбъ ты менѣ ни сказа́въ, усѣму вірыты буду!...»

Багато розказоваты, щѡ тамъ Васыль зъ Марусею розмовлялы: забúлы про увѣсь свѣтъ и дѣ вони ё, и щѡ кругѡмъ ныхъ; и якъ-бы негукнула ще зъ дáлека на ныхъ Олена, то-бъ пидкравшысь тихенько, бачыла-бъ усѣ, якъ вони поговѡрють-поговѡрють, та й знова цилуютця. Якъ-же почúлы Олену, такъ заразы и розризнылыся, ненáче и не вони: Васыль ставъ, бупимъ малá дытына, писѡчкомъ пересыпáтысь, а Маруся тут-же знайшла черепѡчки, та давай у креймахы грáты, а самы и неззырнутця межъ собою.

Отъ пишылы усѣ у кúпи до-дѡму. Олена подумала: «щѡ се сталося зъ нашою Марусею? Никѡлы небула вона така весѣла и говорлыва, та ще зъ пáрубкомъ, щѡ було ихъ жахаѣтця,

якъ не-знать чо́го, а тепе́рь сама́ загово́рюе, жарту́е, выга́дуе и зна́й смеі́тця зъ Васы́лёмъ, а мене́ бу́димъ и нема́ зъ нею. У ра́нци якъ і́йшлы, такъ па́ры зъ усть непу́стыла, а тепе́рь незамо́вчытъ ни на часы́нку; у ра́нци на сы́лу і́йшла и на мене́ напада́лась, чо́го я спашу́, а ту́тъ попере́дь усьі́хъ бижы́тъ, земли́ пидъ со́бю нечу́е, та зна́й кыдае на Васы́ла то писо́чкомъ, то скипо́чкамы, а винъ і́й лóвытъ, а пійма́вшы... ажъ ру́кы кру́тытъ. Се́ щось недáромъ! Тры́вай-лыпешъ, ты смы́рна, що́ на́сь бу́ло за і́грашкы зъ парубка́мы коры́пшъ: я́ тоби́ видд́ячу».

Ста́лы дохо́дыты до села́, отъ Васы́ль и ка́з:

«Тепе́рь-же проща́йте, дивча́тка. Мени́ такъ весе́ло бу́ло зъ ва́ми; спасы́би вамъ и дуже́ спасы́би за все́, за все́, за все́. Незна́ю, колы́-то зъ ва́мы побáчусь?» (А у Мару́си ажъ слизо́нкы покоты́лысь; обте́рла швы́дче хусточкою, щобъ Оле́на небáчыла, та й ста́ла бу́димъ-то писе́нку мугы́каты и нева́че пидта́нцюе пидъ не́и, а сама́ пы́лно ды́вытця у ви́чи Васы́лю) «На́те-жъ усё, ка́з Васы́ль, ва́ше до́бро; выбира́йте зъ ко́шыка; мо́же чы́ незагу́бывъ я чо́го? А я́ вже пиду́ своёю до́рогою».

Отъ дивча́та ста́лы выбира́ты. Оле́на усё забра́ла и покла́ла за па́зуху, а Мару́ся, перегля́дывшы, поскла́дала у ко́шыкъ, и пи́плы собі. Тылки́ що́ виді́йшовъ видъ ны́хъ Васы́ль чы́мáло, ажъ Мару́ся бу́димъ-то зха́мену́лась и згада́ла, и ка́з:

«Отъ-та́кже! усё позабира́ла, а сы́ній ками́нець, що́ ба́тько звели́въ купы́ты, я́ й невзя́ла у Васы́ля. Побижу́, дожену́ ё́го!» Догана́, а сама́ зна́й крычы́тъ, щобъ винъ пидо́ждáвъ. Вжежъ щобъ-то Васы́ль та непочу́въ-бы Мару́сыного го́лосу? Незна́ю! Стои́тъ якъ на шпы́чка́хъ и дожди́да, щобъ Мару́ся пидб́игла до не́го и що́-то вона́ ё́му ска́же?

Ось-що́ вона́, догна́вшы ё́го, каза́ла: «Я́ зна́рошне, бу́димъ-то забу́ла у тебе́ сы́ній ками́нець, щобъ тоби́ ны́шкомъ ска́заты: прыхо́дь се́годня на озе́ра, що́ у на́шому бору́, я тамъ бу́ду; то ще́ погово́рымо. Пу́стыжъ, незаньма́й мене́, щобъ Оле́на недогада́лась. Ке-сю́ды ками́нець и проща́й, мій соко́лыку мы́лий! прыхо́дь-же!» сказа́вшы, та ски́лки ё́ ду́ху до Оле́ны.

Оле́на-жъ усё пидгля́дала, та й ду́ма собі: «До́бре-жъ до яко́го ча́су! Небу́де мене́ тепе́рь зупы́няты».

Прийшла Маруся до-дому; батечку! весела, моторна, и говорыть, и розказуе, и пораетця за трэхъ, такъ що маты, дывлячысь на неі, ажъ повеселишала и ій полэгшало. Хотіла булò сварытысь на дочкү, за чымъ довго проходыла, такъ та-жъ якъ узяла о́коло неі лэстытысь, и прыговорюваты, и розважаты ій, а сама пічъ топыты, зилля крышыты, горшкы наставляты, такъ що горыть у неі діло.

Невспіла маты оглянутысь, вже у Маруси и готòвъ обидь; сіла, рүчки зложыла, и знай матери розказуе, якъ-то ій добре булò ійти на базарь холодкòмъ, шò бачыла на мйсьци, якъ торговалась, якъ куповала; и когò бачыла, и зъ кымъ говорыла, и яка проява лучалась, усé-усé до посліднёго разъ по п'яты розказовала; тільки про Васыля ничычүркь! Вона-бъ-то й хотіла матери розказаты, та незнала, зъ якòго кинця узятысь, та й подумала: «нехай-же спытаюсь у Васыля; вінъ менè навчыть, якъ про сè розказаты».

Прийшовъ и старый Нау́мъ; обіда и думá: «зъ роду Маруся такогò мұдрогò борщү неварыла, якъ сёгòдня; и мн'ясо дòбре спечене, и усé-такы гараздъ, а лүчче усёгò, що сама така веселёнка, и усé выгадуе и жартуе». Дали и кáз Нáсти: «Бáчъ, яжъ казавъ, що нетрèба ни злызоваты, ни шептаты; самò мынётця».

Писля обидь, чы прыбрала Маруся, чы неприбрала, мерщій вхопыла глэчычокъ, та й кáз: «Пидүжъ я, мамо, назбираю вамъ суньць: тамъ такыхъ багачько на базари булò; и наші дивчáтá горщечкамы такъ и но́сють. И вамъ назбираю, и мòже дé-щò и продáмъ». Ще маты ій ничòгò на се и неказала, а вона вже и за ворóтамы, и пр'ямо поспишá у бирь на озера. Хочъ и бачыть по дорòзи суньци, та незбира, а дүма: «Васыль менè вже мабу́те ждé; пидү шв'йдче до нёгò; а якъ посыжу зъ нымъ, та вертáтемусь до-дому, тогдй и ягидòкъ назбираю».

Недòвго шукáла вона свогò Васыля: тутъ зáразъ и ё. Якъ-же зиплысь, такъ дармá, що тільки мòже часивъ трй небачылысь, а такъ, ненáче дёсять гòдь рòзно булы. Обнимаютця, цилуе одынь одного, розговорюють, розказують; то побравшыся за рүченькы хòдють, то вп'яты посидáють, то вп'яты за тэжъ. И незчүлысь, якъ вже стáло вечериты. И тóжъ-бо прáвда,

що колы будешь у кўпци зь тымъ, когò любышь, то дѣнь такъ швыдко пробижыть, якъ часыночка.

Отъ Марўся перша крыкнула: «Охъ мені лышенько! чы бачь, де вже сонце?»

— Такъ щòжъ? пытае Васыль.

«А тѣ, какъ Марўся: якъ я до-дому пиду?»

— Небійсь ничòго, я тебѣ опровожу.

«Не тѣ, щòбъ я боялась, а тѣ, що ягидокъ незбирала; а я за нѣмы и просылась у матери. Щò мені тутъ на-свити робыты? Розкажу матери, що заговорылась зь тобою, та й забўла».

— Нї, Марўсенько, потрываї ще матери объ мені говорыты.

«А чомў-жъ?»

— Щѣ, моѣ сѣрденько, не урѣмья. Трѣба подождаты.

«А якъ се мòжно? Матери и батькови трѣба усѣ заразъ розказуваты, и никòлы передъ нѣмы небрѣхаты. Щòжъ я тепѣрь скажу, що ненабрала сунычòкъ?»

— Щò хочъ, Маню, те й скажы, а тилки неговоры про мене; я самъ, якъ прыйде порá, я самъ скажу.

«Такъ грѣхъ-же брѣхаты и передъ кымъ-нѣбудь, а не тилки....»

— Се небуде брѣхнїя, и имъ трѣба усѣ розказаты; тилки якъ скажешь тепѣрь, а вони менѣ незнавшы подумаютъ, що я якый-нѣбудь лѣдащо, що тилки звòжу тебѣ зь умá, тебѣ бўдутъ лаяты, менѣ стануть цуратысь и бўдутъ насъ розлучаты. Потерпы, моя рыбочко, хочъ чѣрезъ Петрывку; я такъ наведу, що вони про мене бўдутъ знаты и чўты що-нѣбудь непогане; тогдї прышлю людѣй, тогдї имъ усѣ и розкажешь. Тò брѣхнїя и грѣхъ, якъ зовсімъ потайты, а тò мы тилки прѣжде якòго часу имъ ничòго нескáжемо. Чы такъ, моя паняночка? спытавь, та й поциловавь їй щѣро, видъ сѣрця.

«Мòже вонò и такъ, довго подумавши Марўся сказала. Я вже ничòго незнаю, а усѣ робытому, щò мені скажешь. Тилки вже, Васыльчку, мий козаченьку! якъ соби хочъ, а я вже бїлшь до тебе невыйду ни скуды, ни на вўлыцю, ни на базарь, никўды.

— А сѣ-жъ-то чомў? спытавь Васыль, злякавшысь.

«Якъ собі хочъ, а тилки, по моїй думци, се вже грїхъ, колы чогò немòжно мáтери сказáты, та тée и робыты нышкомъ видъ нєи. Хочъ розсёрдысь зовсїмъ, нетїлки такъ на-супся, якъ теперъ, тїлки вже я непрыйдú и недожыдаї менè, и нешукáй менè. Инше дїло, якъ-бы я посвáтана булá, тогдї-бъ и ничòго; а тó хто-нèбудь побáчыть, та про мєне ще и слáва пїде? Нехòчу, нехòчу! Нехáй Бòгъ борòныть! Менї теперъ и Олєны страшно; вона щось дывылася на насъ пылнєнько, якъ вернóлася зъ гòрода, и усè щось собі пидъ нїсь бормотáла. Зáразъ-же прыйшòвшы, пидú до нєи и усè їй розкажú и попрошú, щòбъ до чáсу нїкòму неговорýла. Прощáй-же, мїй сокòлыку, мїй Васýлечку! Несёрдысь-жъ-бо на мєне; аджè ты кáжешъ, щò скòро прыплешъ старостывъ? отъ мы не нá-довго розлучáемось».

Скїлки ни просївъ, якъ-то ни молывъ їй Васýль, щòбъ такы выхòдыла сюдý хотъ черезъ дєнь, або черезъ двá; такъ ни за щò на свїти незахотїла и зъ тымъ пїшла до-дòму, незвелївшы ємú їтý за собòю. Винъ пїшòвъ, понúрывшы гòлову, горòю до-дòму, а вонá бòромъ, та ї здумáла, щòбъ не такъ-то передъ мáтирью у брехúхахъ зостáтысь: пїшла противъ череды, знáвшы, щò ї Олєна кáжного вєчера тòжъ выхòдыть. Отъ и хотїла їй усè про Васýля розказáты и просьбы, щòбъ мовчáла.

Олєна невыйшла противъ череды и дивчáта сказáлы, щò сєгòдня рáнкомъ, пòкы вонá булá на мїсьци, прыййхалы старосты и женыхъ, ажъ зъ хуторывъ; та неподывылысь ни на закòнъ и ни нá щò, бо чоловікъ крїпко хорòший, и рушныкы рáнкомъ подавáлы, дáли звинчáлы и, узывшы їй зъ бáтькомъ и мáтирью, поййхалы, и тáмъ на хуторáхъ, ажъ верстòвъ за двáдцять, и весїлья бóдуть справлáты.

Агú! нáшїй Маруси трòшки лєгше стáло, щò небóде свыдїтеля, якъ вонá подружýла зъ Васýлємъ.

Прышòвшы до-дòму, тáжко їй булò видбрехуватысь передъ мáтирью, щò непрынеслá ягидòкъ; бо зъ рòду небрехáвшы ни вь чїмъ, незнáла, якъ и выкрутитись и щò сказáты? Сякъ-тáкъ, то чередòю, то Олєною, затёрла, замъяла дїло—и кинци у вòду.

Пòкы пòралась та прыбирáла и булá зъ мáтирью, такъ їй и вєсело булò, а тымъ бїлшъ, щò мáтери стáло лєгше и

вже піднялась зь постѣли; батько тóжъ весѣлый и ласкавый бувъ до неї; отъ вона нетїлки нежурьлася, та ще самá собї дїковала, що такъ зь Васылёмъ зробїла; и хóдячы, и порáючысь усѣ думала: «колы-бъ швѣдче мóжно булò имъ розказаты про Васыля, то якъ-бы грїхъ зь души».

Якъ-же лягла на постїль, такъ и неподумала, щобъ спáты. Заразъ прыйшовъ їй на думку Васыль, якъ-то винъ, мабуть, журытця, що нескóро зь нею побáчытця; та якъ и їй буть? якъ, небáчышысь зь Васылёмъ недїлю, або мóже, нехай Бóгъ борòныть! и двї, якъ и жыты на свити.... «Ищѣ такы учóра, дума собї, ще я нетакъ ёгò любыла, якъ сѣгòдня, пїсля тогò часу, якъ винъ сказавъ, що менѣ любыть, та ще.... якъ поцїловáвъ!» Та здумавшы се, якъ засорóмылася! и пó-ночи чѣе, що вїдъ у неї якъ жаръ горыть! «Щóжъ от-се я наробыла? дума собї: чы сежъ я, що и слухаты нехотїла обь хлòпцяхъ? Скризь зѣмлю-бъ пїшла видъ стыдà и сóрому! А щò, якъ ще Васыль надо мнòю смїѣтця?...» Тутъ їй ще душнїшъ стáло; а дáли, якъ роздумала, що Васыль зовсїмъ нетакый, щобъ ёму смїятись, и що винъ божывся, що їй крїпко любыть, то и утыхомырылася, и тїлки тогò сорóмылася, що.... цїловáлася зь нымъ и у борú довго зь нымъ сьдїла. «Та сѣжъ вже, такъ дума, и вперше, и вь останнѣ. Се на мене любовъ напáла, а матуся казала, що любовъ якъ сонъ: ни зайисы, ни заспышъ, и що робышъ незнаѣшъ, мовъ вви снї. Бороны, Маты Бóжа, щобъ я гїршого чогò незробыла! Та якъ небуду зь нымъ бáчытись, то и жартоваты нї-зъ-кымъ бóде. Дóбрежъ я зробыла и самá собї дáкую, що незвелїла ёму до себе ходыты».

Такъ собї порáдышысь, устáла (бо вже и розсвїлò), и зàразъ прынялася поратысь. Щóжъ? Тутъ корóву дóить, а самá озыраѣтця, чы нейдѣ Васыль. Пó-воду пїшла, оглядаѣтця Васыля; у хáти сáло товчѣ, а на двѣри поглядá, чы не Васыль ихъ видчыня. За стїль сїла обїдаты, а самá у вїкòнце усѣ зыркъ, та зыркъ, чы нейдѣ Васыль. И ждѣ ёгò и неждѣ, и хóче, щобъ прыйшовъ, и бойтця, щобъ непрыйшовъ.

Пїсля обїдъ, у хáти сьдїячы, дума: «колы-бъ неввїйшовъ! пиду на вдвїрья»; на двїръ вїйде: «колы-бъ нейшовъ вўлыцею, та щобъ менѣ непобáчывъ; пиду лучче у хáту». И такъ знай свїтомъ нудыть у дѣнь, а нїчью мáло чогò й спыть,

усё йй тэ на думци, що колы-то вона побачыць Васыля, и колы-то небуде зь нымь розлучагысь.

И Васыль нелуччый бувъ йй. Нетилки роботу, покынувъ хазяйна, и городъ; знай блука кругъ села, де жыла Маруся. Ходыть, ходыть, у бйрь пиде, надъ озерамы, де зь нею сядывъ, сяде—нема Маруси, нейде Маруся. По селу вулыцямь ходыть, та незна, де йй хата, незна якъ и батыка йй зовуть и прозывають. Маруся та й Маруся, билшь ёму ничого нетреба було знаты; и винъ йй непытавъ, за тымь, що николи було: усё йй розказувавъ, якъ йй любыть, абб слухавъ, якъ она розказовала, що якъ она ёго любыть.

Отъ вже и пущанья пройшло; тыждень Петрывки мынаеця; ходыть нашъ Васыль и незна, що вже ёму и робыты. Ажъ ось, иде своею дорогою, бачыть, чоловікъ вйзь мишкы видъ витряка, та вйсь ёму и уломылась. Чоловикъ той хоче, щобъ пидвъязаты якъ-небудь, такъ шкапа нестойть; и той чоловікъ мучытця зь нею, а друге йй тэ, що йй вёза непиднйме, бо вже собй старёнькый бувъ.

Отъ Васыль, парень-друзяка, побачывшы сее, пидйшовъ до него, поздорбкався и каз: «кё-лышень, дядку, я тобй поможу, а то не зь твоёю сылою зправытысь зь мишкымы и зь шкапою». Чоловикъ той подяковавъ и попросывъ помогты. Васыль якъ прынявся, разомъ зправылы вйзь и сякь-такъ, на трёхъ колесахъ, мжно було дойхаты. Чоловикъ ще билшь дяковавъ Васылеви и просывъ, колы по дорози, проводыты ёго до двора, щобъ часомъ непорозвъязовалося: тогдй винъ впяты нездужа зправыты, а вже йй вечерыло.

Васыль пйшовъ за нымь по-малу и ничого нерозпытовавъ, бо ёму до всего було байдуже, тилки знай обб Маруси йй думавъ. Отъ ййде, та ййде за вёзомъ,—бачыть, чоловікъ у тымь селй де Маруся жывё, та повернувъ у вулыцю; Васыль зрадовався: «отъ, дума, тутъ пробуду, то мже що-небудь прочую про Марусю, якъ-то она, мой галочка, пожывае».

Ажъ отъ зывжае чоловікъ на двйрь. Васыль зырк! бйжыть ёго Маруся на зустрйчь до чоловіка и крычыть: «Дё се вы, тату булы? Мы вже васъ....» та й замбкла, якъ уздрйла свого лебёдыка, та зь радощывъ уже незна, що йй робыты: вернулась у хату, та ажъ трусытця и незна, що йй казаты.

Наўмъ (се-то винъ и бѣвъ), позносывши мишкы у ко-
мору, розпрѣгшы кобылу и упоравшы усѣ зъ Васылѣмъ, ввійшыи
у хату, посидѣлы, поговорылы. Васыль вже немовчавъ, то про
сѣ, то про тѣ розпытувавъ; про сѣбе розказувавъ, якъ жывѣ,
де слѣжыть; звычайный бѣвъ противъ Нѣсти, а на Марусю,
що тутъ мыкалась то въ кимнату, то въ хату, то зъ хаты у
сыны, то зъ синѣй впѣять у хату, и недывывъсь зовсимъ и
бѣдимъ-то й не винъ. И вона собѣ дарма, неначе ёго зъ роду
вперше бачыть.

Посыдившы Васыль и наговорывшысь, ставъ збиратысь
до-дому. Наўмъ и каз: «приходь, Васылю, колы хочъ, до насъ
завтра обидаты; недиленька свята, ищѣ наговоремось». Васыль
сказавъ, що прыйде, поклонивсь и пишовъ зъ хаты, а Наўмъ
и клыкнувъ: «А дѣ ты, Марусю? проведы Васыля видь со-
баки за ворота».

Маруся на-руку ковынька: мерщій зъ хаты, и ще Ва-
сылъ невыйшовъ изъ синѣй, вона вже и была нѣго и зчепы-
лысь рѣченькамы. Вона ёму и каз:

«Васылечку! якъ-бы щѣ тебѣ непобачыла хочъ дѣнь, тобъ
и вмерла».

— Завтра, Масю, и я тоби розкажу, якъ я страждавъ
безъ тебѣ. Тепѣрь здилай мылость прислухайся, що старі про
мене казатемуть: чы бѣдутъ хвалыты, чы корыты? Та й роз-
кажешъ мени, щобъ я знавъ, якъ наше дѣло начинаты.

«А ось-що я зроблю, Васылечку: колы мой старі бѣдутъ
тебѣ хвалыты, то я повязжу на голову червону скиндичку и
косы покладу; колыжъ, недай Бѣже, що ни, то повязжу чѣр-
ну стричку безъ кысь. Ты тилки прыйдешъ, такъ на мене и
дывысь, то й знатемешъ. Прощай-же, мій лебѣдыку, до завтраго».

Увѣсь вѣчиръ Маруся, хочъ ложка, мыскы перемывала,
мысныкы змывала, пичъ мазала, мылася, та все такъ тыхѣнь-
ко робыла, що йи нечѣте булѣ вѣнси; боялась-бо вона, щобъ
черезъ свій шѣлестъ непропустыты якѣго слѣва, що бѣтько и
мѣты казатемуть про Васыля: а ти знай ёго хвалютъ. Нѣстя
те й дѣло розказуе, якый винъ звычайный, якый собѣю кра-
сыый; а Наўмъ хвалыть, якый-то винъ розумный, неначе
пысьменный; «я — каз — знаю ёго весь ридъ; ридъ чѣстный, дядь-
кы замѣжененьки, хочъ винъ собѣ сыротѣ, та бѣ! и отцѣвскый
сынъ небѣде такый бравый козакъ; ничого казѣть».

Маруся не пропустила ни-жодного словечка и ще зь вѣчера наготовыла червону скиндячку, щобъ завтра на голову положыты, и зь весѣлостью, изь радостью лягла спаты, тѣлки тѣго вже немѣжно вѣрно сказаыты, чы спала вона ту ничь хоть часынку?

У ранци вѣрядылась що накраще: попелѣа кѣсы у самѣ миленьки дрибѣшкы и винкомъ на голову поклѣла, повъязѣла якѣ булы луччи скиндячкы, а зверху усѣхъ положыла червону и квитѣчкамы заквиччалась. Чы патнѣлась тамъ, чы якъ, а вже и обѣдаты у неѣ поспѣло: борщыкъ зь жывоѣ рыбкою (бѣгала самѣ зь вѣчера до сусѣда, рыбѣлки, та ѣ выпрохала), каша пшонѣна до оли, солѣна тарѣня зь пшенишнымы галѣшечкамы, та варѣныкы зь симъянѣю макѣхою. Упѣравшысь, ще зь бѣткомъ до цѣрквы зходила.

Тѣлки що вернѣлись зь цѣрквы, Маруся зыркъ у викиѣ, ажъ Васыль ужѣ и ѣдѣ; зарѣзъ выбигла, бѣцимъ борѣныты ѣгѣ видѣ собѣкы, а билшъ за тѣмъ, щобъ подывѣвсь, що на нѣй червѣна скиндячка. Отъ выбигла, та мерщѣй и крычѣты: «небѣйсъ, небѣйсъ!» а рукою повѣдыты по лѣбови, нынѣче кѣз: «небѣйсъ, ось бѣчъ, що червѣна скиндячка!»

Нѣ, якъ тамъ булѣ, пообѣдали гарнѣнъко и наговорѣлись. Писля обѣдъ Наѣмъ лигъ до Нѣсти съѣатысь, та ѣ заснѣвъ, а дѣли и Нѣстя схлылылась, та ѣ собѣ заснѣла. А молодѣи, знѣй собѣ голѣблятыця, та мылѣютця. Дѣли, якъ старѣ проснѣлись, та ѣ сыдѣли то въ хѣти, то пидъ комѣрою у холодкѣ, ажъ пѣкы зовсѣмъ у вѣчери Васыль пишѣвъ до-дѣму.

Унадѣвся-жъ нашъ Васыль до старѣго Наѣма що-бѣжый дѣнъ: тѣ дѣло булѣ до ковалѣ, тѣ до бѣндарѣ, то тѣкъ до чоловѣка прыхѣдывъ за дѣломъ, та усѣкый рѣзъ и зѣйде до Наѣма; колѣ застанѣ, то зь нѣмъ, а колѣ незастанѣ, то зь Нѣстею посѣдыты, поговѣрыты; и тѣкъ вони вже до нѣго прывыклы, що колѣ якѣй дѣнъ хочъ трѣхы забѣрытыця, то вжѣ вони и скучѣютъ, и тѣй и тѣ кажутъ: «немѣ-жъ нашѣго Васыля! неѣдѣ обѣдаты». Бо усѣкый рѣзъ вони ѣгѣ зоставлялы у себѣ обѣдаты. А Маруся? Маруся себѣ нетѣмыла видѣ радѣщывъ. Васыль прыѣде, то вона вже найде мѣспѣчко, дѣ зь нѣмъ обо всѣмъ тыхѣнъко переговѣрыты и намылѣютця; а колѣ и безъ нѣго, то тѣлки ѣ чѣе, що старѣ ѣгѣ выхваляютъ.

Отъ дождалысь и Петра, розговѣлысь.

На самого полу-Петра, такъ вже передъ вѣчеромъ, вбигѣ Настя въ хату, ажъ задыхалась, та й крычѣть:

«Наўме, Наўме! лыбонь старосты ійдуть».

— До кѣго?

«Та до насъ, до насъ; отъ вже у дворѣ. Сидѣй швѣдче на лаву, а ты, Марусю, бижи хутко у кимнату, та вбирайся».

Маруся, якъ тѣлки почула про старостивъ, то що було у рукахъ, усѣ попускала, и нестымытця, що й робыты, тѣлки дывытця на матирь, а очыци якъ жарь, такъ и горять; а сама була румьяна, а то почервонила якъ калына. Отъ маты мерщій пхнула їй у кимнату, и стала їй убираты у нову плахту и усѣ що трѣба, по-дивчачи.

За тымъ ось стукнуло пидъ дверью палыцею трѣчи.

Наўмъ хутко доставъ нову свѣту, новий поясъ, одягаеця, пидперизуетця, а самъ трусытця, неначе зъ переляку, и кѣз собѣ ныщечкомъ: «Гѣсподы мылосѣрдный! даї мой дѣчечци дѣброго чоловика; не за мой грихы, а за їй дѣбрость пошлы їй щастя».

Отъ вже стукнули и вдрѣте, тежь трѣчи, палыцею.

Наўмъ, одягшысь зовсѣмъ, измивъ изъ скатерти, що на столѣ, и посунувшы хлѣбъ, що завсегдѣ лежить на столѣ, кѣ покутку (а за тымъ Настя засвѣтила свѣчечку передъ богѣмы), сивъ на лавку въ кинці столѣ и дожыдаеця.

Ажь ось стукнули пидъ двермы и въ трѣтѣ, тежь трѣчи.

Тогдѣ Наўмъ перекрестывся и кѣз до нихъ:

«Колы дѣбри люде, та зъ дѣбрымъ слѣвомъ, то прѣсымо до гѣсподы. Насте! ійдыжь сидѣй и ты».

Отъ Настя, за тымъ управшы Марусю, вѣйшла и перекрестывшысь трѣчи, сѣла быля Наўма.

За Наўмовымъ слѣвомъ вѣйшлы въ хату двѣ старостивъ, люде хорѣши, мищѣне, у сѣннихъ жупѣнахъ, аглыцькою каламаїкы поясами попидперизувани, зъ палычкамы, и у старшого старосты хлѣбъ святый у рукахъ. За нѣмы вѣйшовъ Васыль.... крыї Матерь Бѣжа! ни живый, ни мѣртвый: бѣлый якъ стѣна.

Прышѣдшы у хату, старосты помолымысь Бѣгу святѣму, и поклонымысь хазяину и хазяїци.

Заразъ Нау́мъ (хочъ и знавъ ихъ дуже́ добре, а тѣлки для зако́ну) пы́та:

«Що вы за лю́ды и видкы́лі, и за чѣмъ васъ Богъ прыні́сь?»

Старш́ый староста и ка́з: «Прѣ́жде усѣ́го подово́лте вамъ поклоны́тысь, и до́брымъ сло́вомъ прыслу́жытысь. Непозгну́щайтесь выслу́хатъ насъ: и колы́ бѹде тѣе, то мы́ и онее́; колы́жъ на́ше сло́во бѹде не въ ла́дѣ, то мы́ и пй́демо наза́дѣ. А що́ мы лю́де чѣсныи и безъ худби́ нау́кы, то о́тъ-вамъ хлѣ́бъ свята́ый у ру́кы».

Нау́мъ, узавшы́ хлѣ́бъ, поцило́вавъ, и положи́вшы на стѣ́ль край сво́го хлѣ́ба, ка́з:

«Хлѣ́бъ свята́ый прыйма́емо, а васъ послу́хаемо. Сида́йте, лю́де до́бри! до чо́го ще́ дй́детця, а вы́ свойхъ ни́гъ негурбу́йте, мо́же й та́къ зда́лека і́шлы. А зъ яко́го ца́рства, зъ яко́го госуда́рства?»

Старш́ый староста и ка́з: «Мы́ е́ лю́де нѣме́цькїи, а і́демо зъ землі́ Туре́цькой. Мы́ собі́ ловці́, уда́лыи молодці́. Ра́зъ, до́ма, у на́шїи землі́, выпала́ поро́ша. Я́ и кажú́ това́рышу: «чо́го намъ дывы́тысь на таку́ шквѣ́рю, ходї́мъ съка́ты уся́кого звѣ́рю» — и пішлы́. Йїзды́лы, слїды́лы, и ничо́го неполу́чылы. Назу́стричь намъ́ якъ ра́зъ, йїде́ на воро́ному коню́ отце́й кня́зь (а Васи́ль уста́въ, та́ й кла́няетця, бо се́ про не́го говоры́лы). Отъ після́ зустрѣ́чи, вїнь ка́з-говоры́ть намъ́ такы́и рѣчи: «э́й вы ловці́, до́бри молодці́! услу́жите мѣ́нї слў́жбу, пока́жите дру́жбу: ось́ якъ ра́зъ попáлась мѣ́нї лысы́ця, або́ куны́ця, а тро́ха чы́ не кра́сна дивы́ця. Йїсты-пы́ты нежа́лаю, достáты і́и жа́лаю. Помо́жите, пй́йма́йте; чо́го ду́ша захоче́, усѣ́го вїдь мѣ́не бажа́йте. Де́сять горо́довъ вамъ́ дамъ́ и скы́рду хлѣ́ба». Отъ ловца́мъ-моло́дцямъ́ то́го и трѣ́ба. Пішлы́ мы́ по слїда́мъ, по усї́мъ горо́дамъ́. Пѣ́ршъ слї́дъ пішо́въ у Нѣме́ччыну, а да́ли у Турѣ́ччыну; хо́дымо, шу́каемо, а і́и непі́ймаемо. Усї́ ца́рства-госуда́рства прї́шлы, а і́и незнайшлы́; отъ́ и ка́жемо́ кня́зю: «не́тїлки звѣ́ря въ́ по́ли, що́ куны́ця; пошукáемо́ де́ йїнде, на́йдетця́ и кра́сная дивы́ця». Такъ́ нашъ́ кня́зь зата́всь, пры́ свойй дум́ци зоста́всь. «Скы́лки, ка́з-говоры́ть, по́ свїту́ ни йїзжа́въ, у́ якы́хъ ца́рствахъ-госуда́рствахъ́ небу́вавъ, а та́кди́ куны́ци, нї́бы кра́снои дивы́ци, не́выда́въ». Отъ́ мы́

*

усе по-слиду йшли, та и въ се село—якъ зовѣтця, незнаемо—прыйшли. Тутъ впяты пала пороша, мы ловци-молодци давай ходыть, давай слидыть; сѣгодня рано усталы и заразъ на слѣдъ напали. Пшобъ нашъ звѣрь, та до васъ у двѣрь, и зъ двора до хаты; теперъ жалаемо ёго пѣматы. Пѣвно вже наша кунѣця—у васъ у хати красна дивѣця. Нашому слову кинѣць, а вы зробіте нашему дѣлу винѣць. Виддайте нашему князю кунѣцю, вашу красную дивѣцю! Чы виддасте, чы нехай шдросте?»

Покы староста се законне слово казавъ, Маруся у кимнати усѣ поклѣны была, щобъ бѣтько виддавъ йи за Васыля, а винъ, сѣдючи на лавци, скрызъ дѣвери дѣвытця на неи, та тожь то здыхне, то зъ нею переглянетця. Якъ-же усѣ староста розказавъ, и прыйшлося бѣтькови отвѣтне слово казаты, вона такъ и прыпала до дверей и слуха.

Отъ Наумъ усѣ насупывшысь слухавъ; помѣчавъ, а дали и каз:

«Невмию я до прыкладу у сѣмъ дѣли сказаы. Спасыби вамъ за вашу працю. Йдетѣ вы зъ дальной дорѣгы, то мѣже-бъ вышылы по чарци?»

Маруся якъ се почувла, та въ гѣлосъ; Настя ажъ обѣ полы рукамы вдарыла, та й крѣкнула:

«Охъ мени лыхо? А чому-жѣ се такъ?»

А Васыль такъ обѣ зѣмлю и кынувся, та ажъ прыпѣвзъ на вкѣлишкахъ до Наумовыхъ нѣгъ, та цилѣе ихъ, та гѣрко плаче и прѣсыть:

«Будьте мени бѣтенькомъ ридненькымъ! негнуцайтесь бѣднымъ сыротѣю!... За що въ мене дѣшу виднимаєте?... Немѣжу безъ вашои Маруси жыты! Буду вамъ за батрака вѣчно служыты..... Буду усякую вашу волю зполняты..... Що хотѣть, те й робѣть зо мнѣю! дайте сыротыноци ще на-свити прожыты!...»

Тутъ и Маруся, забувшы, щѣ йи гѣже и щѣ ни, выбѣгла тожь собѣ и впала до нѣгъ отцѣвськихъ и прѣсыть, и плаче, то кынетця до матери, и рѣкы ихъ цилѣе, и прыговѣрюе:

«Тѣточку! голубчыку, соколыку, лебѣдыку! Мѣтинко моя риднесѣнька! утинко моя, перепѣлочко, голубчѣчко! непогубляйте свѣгѣ дѣтѣты; дайте мени бѣдненькѣй ще на свѣти пожыты!

нерозлуча́йте мене́ зь моймъ Васы́лечкомъ.... Неде́ржыть мене́ якъ дѣчку, нехай я бѹду вамъ замѣсьць наньмычкы: уся́ку робѣту, що ска́жете, бѹду робы́ты, и небу́хну. Недава́йте менѣ ніяко́и худѣбонькы: бѹду сама́ на себе заробля́ты, бѹду васъ догляда́ты и шанова́ты, ажъ по́кы жы́ва. Хочъ оды́нь годѣчокъ да́йте менѣ зь Васы́лечкомъ прожы́ты, щобъ и я зна́ла, що то за ра́дисть на світи!...»

Отъ-такъ и Мару́ся, и Васы́ль оды́нь передъ одны́мъ усѣ просы́лы свойхъ стары́хъ, та такъ жа́либно, що старосты́ обы́два повстава́лы и зна́й по́ламы слѣзы утыра́ють. Да́ли ста́рший ста́роста невы́терпывъ и ка́з:

«Охъ панѣве-сва́тове! неслѣдъ менѣ, бѹвшы у се́мъ ва́жному чы́нѹ, лы́пнѣ сло́во гово́рыть: моѣ дѣло такѣ: сказа́въ, що зако́нъ велѣ́тъ, та й жды́ одвіту; що почу́ешъ, зь тымъ нава́дѣ йды́. Ска́зано, да́тъ намъ по ча́рци, такъ вже тутъ нічо́го дѣброго жда́ты. Одне́че, вы́дючи ихъ слѣзы и убыв́ство, якось-то мо́торошно и намъ несказáты чо́го-небу́дь. А що́-па́къ, Олексі́евычу? нѣде дѣтысь: благосло́вы дѣто́къ; нехай Мару́ся насъ повѣ́же».

Нау́мъ тѣлки покру́тнѹвъ голово́ю, обте́рь слѣзку рука́вомъ, та й вшпа́ть пону́ривъ го́лову и мовчы́ть.

Ста́роста ка́з: «Мо́же ста́ра ма́ты сеѣ усѣ вереду́е?»

— О ба́течкы мой! за́разъ ка́з ста́ра Настя: чы́ я́жъ-бы нехотѣла ща́стыя свое́мѹ дѣты́ты? А́дже вона́ моя́ утѣрба. Та де́жъ намъ лу́тчого Васы́ля ська́ты? Вѣнъ дѣты́на розу́мна, покѣ́рна; уся́къ-бы намъ позавѣ́довавъ. Такъ хыба́-жъ я не жо́на свое́мѹ му́жу, щобъ нема́ла ёго́ слѹхаты? У насъ йде́ по бѣ́жому, та по старосвѣ́цькы; вѣнъ менѣ зако́нъ, а не я ё́мѹ. А чо́му вѣнъ невидда́е, я незна́ю; вѣнъ Васы́ля завсе́гда лю́бывъ. Кажы́-бо, Нау́ме, що́ се ты рѣбы́шь?

Тутъ зно́ва прысту́пылы и дѣты пла́чучы, и ста́ра Настя го́лосючы, и старосты́ кланяючысь, та зна́й прѣсю́ть Нау́ма.

Мовча́въ вѣнъ, мовча́въ, тѣлки зна́й слѣзы ко́втá, да́ли уста́въ, здо́хнувъ жа́либно, перекресты́всь передъ Го́сподомъ мы́лосѣрднымъ, та й ка́з:

«О́дна вѣ мене́ на світи ра́дисть, мо́я Мару́сенька! що́-бѣжы́й де́нь молю́сь, щобъ вона́ була́ ща́слыва; такъ якъ-же, мо́лывшысь объ одны́мъ, бѹду са́мъ робы́ты дру́ге; мо́лывшысь

объ їй щасти, самъ бѹду їй топыты? Прощайте, панѡве-сватѡве! Колы хочете, то справды вѣшыйте по чарци, колы-жъ нї, то нездывуйте; дайте и мени покой, бо.... Охъ, нехотїлось було сѣгѡ казаты, та вѣ менѣ розжалобылы!... бо мени дѹже жалко, що рипаюся Васыля, та нїгде дїтысь. Прощайте, люде дѡбри; идїть собї, нездывуйте».

Тутъ впѣяты усї прыступылы до нѣго, що колы, кажутъ, лѡбышь Васыля, такъ чомъ невиддаешъ за нѣго Марусї? Маруся-жъ такъ и повѣсла емѹ на шыю и обмыва ѣгѡ слизенькымы, а Васыль тѡжъ прыпававъ на-вкѡлишки, та гїрко плаче, та знай прѡсыть.

«Алѣ? чомѹ невиддаю?» сказавъ Наумъ здохнѹвшы: «бо жалъ свогѡ рождѣныя. Не той часъ; пры такому важному дїли, якъ ѣ свѣтанья, немѡжно усѣго говорыты. Прыйдї, Васылю, завтра, та самъ, безъ людѣй; отъ-тутъ я тобї усѣ розкажѹ. Билшь нїчого и говорыты; прощайте! отъ вамъ вашъ и хлїбъ святый».

Чы хотїлы, чы нехотїлы старосты, узявшы хлїбъ назадъ, пишлы зъ хаты зъ Васылемъ; або такъ сказаты, що повелы ѣгѡ, бо винъ самъ нездѹжавъ и їты.

Зостався Наумъ изъ своею симѣю, сївъ собї и сумѣе. Маруся ажъ звалылася на пїль видъ слїзъ, и Настя плачу-чы сыдїла надъ нѣю и дывовалася: що се старому сталося, що разомъ загѹдывъ Васыля? Объ вечѣри нїхтѡ й недѹмавъ: нїкому було поратысь и нїхтѡ нехотївъ нїчого йїсты.

Отъ сыдївъ Наумъ, сыдївъ; дѹмавъ та дѹмавъ; а дѣли и обивався:

«Гѡди плакаты, Марусю! устанъ, та слѹхай, чогѡ я пытатему».

Не той бувъ Наумъ бѣтько, щобъ ѣгѡ мѹсыла Маруся непослѹхаты. Чы здѹжала, чы нездѹжала, а колы бѣтько каже безъ жартивъ, та троха чы й не сердытый, то треба устаты. Устала и втерла слизенькы, и ждѣ, що винъ їй скаже.

«Ты, бачу, Васыля знала ще першь, чымъ я ѣгѡ прывївъ?»

— Знала, пан-ѡтченьку! и затрусылася, якъ осыжковий лыстѡчокъ и опустыла свой дѡвгїи вїи на-очи, щобъ небачывъ бѣтько, якъ їй стало стыдно.

«Якъ-же се було?» спытавъ винъ грізно.

Тутъ Маруся, хочъ и запынаючыся, а розказала ёму усё: якъ побачыла ёго у перше на весілля, якъ ій стало ёго жалко, якъ вінъ цятався горішкамы, якъ вона ёго соромылася и усё, усё розказала: якъ и на базаръ идучы вйшлыся, якъ зъ базарю верталыся, що говорылы и — нігде було правды диты! — якъ и цюловалыся....

«Ну, ну! що далшъ; а почынь хоробый», каз Наумъ, а самъ и вйдно, що якъ на ножахъ сыдыть.

Отъ Маруся сплакнўшы, веселіше стала було розказуваты, якъ змобылыся зъ нымъ зйтыся у бйръ на озера и якъ зйтшыся, и якъ....

«Годи, годи!» закрывавъ несвоймъ голосомъ съ сёрца Наумъ. «То вже розкажуй матери, що невміла тебе берегты и видъ хўда видвдыты», а самъ, схопывши шапку, хотывъ було втыкаты на двйръ, такъ Маруся такъ и вчепылася ёму за шыю и каз:

— Нй, таточку, нй, мій сызый голубчыку! непогубыла себе твой дочка и непогубыть. Матиночко мой риднэсенька! лўтче менй усяку мўку прынаты, на смёрть пидў.... а непрынесу тобі ніякого безчэстыя ни для якдо пана, ни для якдо однораля; я памъятую ваши молытвы, я знаю, що я ваша дочка, такъ чы мўжно, щобъ я на свою погыбель йшла? а ось-якъ у насъ було.... Тутъ вона й розказала, що собй зъ Васылёмъ говорылы, и якъ у ныхъ тамъ було, и якъ вона запретыла Васылеви ходыты до себе и для чоґо. Розказала й тэ, якъ скучала и журылася безъ нёго; усё розказала до послыднёго часу, якъ що було.

Наумъ щэ такы спытався: «Гляды-лышень, чы все сёму правда и чы непотайла ты чоґо?»

— Усю правду вамъ сказаля и що ничдо непотайла, такъ колы велышъ, тату, щобъ побожылася, то якъ хочъ, такъ и побожўсь.

«Грыхъ велыкый, каз Наумъ, божытыся, а ще пўще, якъ напрасно; я жъ тобі и безъ божбы вйрю. Тепёръ слўхай мене, Марусю: не разъ тобі казавъ, що дивкою тобі зоставатыся немўжно, трэба замижъ йты. Прыказовавъ тобі, що тїлки коґд полюбышъ, заразъ менй скажы прямо: а я, побачышы, що оно такэ ё, такъ-бы дїло и кинчавъ: колы менй

негодывсь, то я бѣ тобѣ сказаѣвъ: нетрѣба, незнай ёгò; а колыжѣ-бы годывсь, тобѣ ёму поперѣдѣ усѣго сказаѣвъ-бы, щобѣ и ты незнала: прысылай, козаче, за рушныкѣамы; за тѣмѣ, щобѣ пòкы до свѣтанья, такѣ щобѣ небуло у васѣ нѣяко жєныхѣанья, бо вонò до добра недòводыть. Щастя и твоѣ, и наше зѣ Настєю, щò Васыль такы чѣсны и богòбòязны; а дрúты, и незчúлася-бѣ, якѣ-бы навязавѣ тобѣ кѣминь на шыю, щò й повикѣ-бы ёгò незнала, хыба-бѣ зѣ мòсту, та у вòду. Якѣ-бы я знаѣвъ зѣ сѣмого пѣршу обѣ Васылєви, то я-бѣ тобѣ сказаѣвъ, за чымѣ невидѣамѣ за нѣго; и ты-бѣ такѣ не прыстала до нѣго и тобѣ лѣгше булò-бѣ ёгò забуваты. А тепѣрь якѣ хочѣ, такѣ и терпы, бо невидѣамѣ».

Тутѣ Маруся, якѣ розказала передѣ своимѣ усю правду, то й стало йй на душы веселѣше и на сѣрци полѣгшало; почала знòва просыты бѣтька, щобѣ такы видѣавѣ за Васыля, а щò вонà хочѣ выкѣ у дивкѣхѣ сыдѣтєме, а ни-за-кòго не пѣде, опричѣ ёго.

«Говоры! кѣз Наумъ: а знаѣшь ты, гòлово, щò бѣтько лутчє бачыть твоѣ щастя, чымѣ ты? Ты молодѣ, дурнѣ! Лягай-жє, дивко, спѣты; зѣвтра бѣдєшь старѣша, чымѣ сѣгодня, а видѣ тòго и умнѣша». Перехрестывѣ йй та й пишòвъ собѣ видѣ нєи.

Ни свѣтъ, ни зорѣ, а вѣже Васыль и вѣ Наума. То сѣкѣ, то такѣ пробулы до обѣдѣ. И варывшы обѣдѣ, и подававшы на стѣлѣ, Маруся залывалася слизонькѣамы, видѣгадовавшы пѣвно, щò вѣ остѣннѣ бачыть свòгò Васылєчка. Та правду сказаѣты, такѣ и всѣ невесѣли сыдѣли, а за обѣдомѣ до стрѣвы нхтò й неприяѣвсь.

Отѣ якѣ позбирѣлы зѣ столѣ, Наумъ и кѣз жѣнцы и дочцѣ: «Идѣть собѣ або у кимнѣту, або пѣдѣ комòру на простòрь шыты, а намѣ тутѣ зѣ Васылємѣ немишѣйте».

Отѣ, якѣ повыхòдылы вонѣ, Наумъ и кѣз:

«Васылю! сѣдѣ-лышєнь былѣ мѣне, та слѣхай неперєбывѣючы, щò я тобѣ скажѣ. Не по моѣй правдѣ, бо у мѣне опричѣ грихѣвъ, нємѣ ничòго, а за отцѣвськѣи и матерѣвськѣи молытвы, наградывѣ мѣнѣ Богѣ мылосѣрднѣй жѣнкою дòброю, роботѣщòю, покѣрною и несварлывою. Бѣтькѣвщыны мы зѣ нѣю нерòзтрѣтылы, а по трòху, Богѣ благòсловлѣє, усѣ дòба-

вляемо. Велика мѣлость Бѣжа! утро и вечерь дякую за наше неоставленые, а що найбилша мѣлость Бѣжая до насъ грѣшныхъ у тѣмъ, що наградывъ насъ дочкою; та ще якою? Се не чоловікъ, се янголъ святый....

— Охъ, правда, дядечку.... перебывъ ёму Васыль, а винъ ёго заразь зошынывъ и каз:

«Цыть-бо, Васылю, мовчы та слухай, и неперебывай мене. Се ты, бачышы йи очи або щѣки, и що вона во всѣмъ собѣю красывенька, та й хвалышь йи; а я не про йи тѣло, я кажю про йи дѣшу. Яка-то вона тихая, слухьяная; Бѣга небесного зна, и лѣобыть, и бойтця прогнывыть ёго; насъ шануе и бережѣтця яко мога, щобъ ни въ чѣмъ насъ непрогнывыты. Жалослыва не то що до чоловіка, та ажъ до манисинькои комашечкы. Худа нѣкогого и по дѣху незна, и бойтця самои дѣмки объ нимъ. Яка сама добра и незлѣбна, такъ и про усѣхъ дѣма: усѣкому повѣрыть; и Бѣгъ йи сохранувъ, що вона тебе, а не когд лѣдѣчого полюбыла; зъ дѣругымъ-бы пропала на выкы вишнии. Та й ты йи, сердешну, збывъ булѣ зъ панталыку; знаю усѣ. Охъ! грѣхъ такъ робыты!»

— Дядьку! обизывавъ булѣ Васыль.

«Мовчы, племяннику; ты розкажешъ описля. Такую-то дытыну намъ Бѣгъ мылосѣрдный давъ; хочъ я и бѣтко йи, а немѣжу прѣтивъ правды казаты. Щѣжъ мы называемся за родытели, щобъ недѣматы объ щѣсти свогд дытѣты? Яжъ кажу: колы-бъ вже и сяка и така, ну, такъ-бы й бытъ. А за йи добристь, за йи смырнѣту, покѣрнись, трѣба йи такгд мужыка, щобъ йи бувъ якъ отецъ; щобъ винъ йи кохавъ, жаловавъ, щобъ—недай Богъ!—колы и трапылось якѣе хѣдо, чы дѣломъ, чы дѣмкою, такъ винъ-бы йи видвѣдывъ, вчѣвъ-бы йи на усѣ добре, недававъ-бы йи кому зря зобыждѣты; а покѣрну та смѣрну, якъ вона, хто захѣче, той и зобыдыты. Чымъ насъ Бѣгъ благословывъ у сѣмъ свѣти, чы худбынкою, чы скотынкою, усѣ тутъ-бы зосталосѣ зѣтеви, за тѣмъ, що я хѣчу зѣтя, колы Бѣгъ благословыты, узѣты до сѣбе у прѣймы. Такъ сѣ вже не чѣе, якъ моѣ дѣло, глядыты дѣже пылно, щобъ винъ бувъ хазѣинъ добрый, щобъ хѣтъ-бы вже нерозтратывъ и нероветѣрѣвъ, що видъ насъ прѣйме, и щобъ и йи недовывъ ни до якои нѣжды; а колы Бѣгъ благословыты диточѣамы, такъ щобъ и ихъ до путѣ черезъ науку довесты,

и дѣ-що и имъ zostавыть. Тепѣрь скажы мени, Васылю, не правду я кажѹ?»

— Правду, пан-отче, святѹ правду вы говорыте. Колыбъ вапа мѣлость, щобъ менѣ наградылы Марусею, я бѹ усѣ те зпѣлнывъ, що вы тепѣрь розказуєте.

«Немѣжно, Васылю: небѹдешъ ты йи такымъ мѹжомъ и хазяиномъ, якъ хочешъ, бо сѣ не видѣ тебе. Колыжъ я знаю, що сѣмѹ немѣжно бѹты и бачу свою Марусю, що зовсімъ рѹзумъ погубыла полюбывшы тебе.... она тепѣрь рада за тобю хочъ на край свѣта; ищѣ-то Господѣ йи незовсімъ покынувъ, а то дѹмаю.... Крый Маты Бѹжа! (ажъ скрыкнувъ Наумъ и перекрестывся). Отъ по сѣмѹ-то, прошѹ тебе ласкою, та й прыказую, якъ отѣць могѣ дытати: покынь йи, забѹдь, не ходы до насъ и незнай йи, хочъ бы она тоби дѣ и повстричалася. Непогубляй йи и душы йи, та й насъ непхай жывыхъ у яму, прошѹ тебе обѣ сѣмь... (сказавъ и гѣрко заплакавъ) дай намъ спокѣйно вику дожыты и недовѣды насъ видвичаты за неи на тѣмъ свѣти!»

— Та чѣмъ же вы, Наумъ Семѣновичъ, дѹмаете, що я небѹду дѣбрымъ йи мѹжомъ и хорѣшымъ хазяиномъ?

«Ты жѣ мени розказувавъ про сѣбе. Ты сыротѣ; у дядькывъ твоихъ по двѣ, по трѣ сыны, и ты зъ нымъ у однѣй скѣзци. Скѣзка ваша девѣятѹдушна, дядькови хлѣпци мали; а якъ прѣйде набѣръ, то пѣвно тоби лѣбъ забрыютъ, бо ты сыротѣ, за тебе никому заступытысь; и дядькы скажутъ: мы тебе пойлы, водигалы и до рѣзуму довелы, служы за нашу чѣргу. А щѣ тогди бѹде зъ Марусею?—Ни жѣнка, ни удовѣ; звысно, якъ салдѣтокъ шанѹють: якъ саму послѣдню пѣплюгу, и нхтѣ и невѣрыть, щобъ була салдѣтка, та й чѣсна. Та й троха чы й не такъ! Дѣ йи за полками таскатысь? А молодѣ, дурнѣ, попадѣтця лѣдѣчымъ людемъ, наведѹтъ на усѣ злѣе. Худѣбу розтаскѣють, повиднимѣють, хтѣ йи защытыть? Диточки безъ доглядныня, у бѣдности, у ныщѣтѣ, безъ науки, безъ усѣго, помрѹтъ, абѣ, не дай Боже! бездѣлныкамы стануть. А она за тѣмъ истѣриѣтця, нѣмоци одолѹють, бѣдность, калѣчество.... тѣлки що въ шпыталь, до старцѣвъ!» (сказавъ се, та й заплакавъ, якъ малѣ дѣтѣна). «Непрывѣды, Господы, и вѣрогу нашому такѣ судьбы!... Такъ бѣтъ, Васылю, якъ бы я тебе ни любывъ,—а скажѹ по правди: такъ я тебе по-

любывъ, такъ мени тебѣ жалко, якъ рідного сына!—а нехò-чу загубыты своєї дочки, и такои, якъ наша Маруся. Тепèрь самъ-здоровъ бачышь, по чòму немòжу тебѣ зятемъ прыняты».

Дòвго Васыль думавъ, похылывши гòлову, а дали ажъ повеселивъ, та й кáз: «А якъ я найму за себе наёмщыка?»

«Наёмщыка?» подумавъ Наумъ, а дали й кáз: «А зъ чòго жъ ты наймешъ, колы тилки получаешъ видъ хазяина висимдесять рубливъ у гòдь, а бáтьковой копйчыны нема».

— Дядькы помòжутъ.

«Непòтурай на те, Васылю; помòжутъ та не тоби, а соби. До чòго дйдетця, тоби за тебе лобъ забрыють, а наёмщыкъ описля пиде за дядьковыхъ хлопщывъ. Рáдь-бы и я тоби помогты, такъ усè не тè. Якъ знáтемутъ, що въ тебе жинка багáта, то такъ тягну́темутъ, що тилки держысь, и усè до кинця недоведуть, усè зоставля́темутъ, щобъ булò за що вчепытысь. Колыбъ ты самъ, своєю копйкою здужавъ нанáты, такъ-бы-такъ! Васылю! Отъ-тоби óбразъ Царя Небèсного и ёго Мáтери Пречыстои, и Мыколáя Святòго! прынесы бумагу, що наёмщыкъ прынятъ за самòго тебè, и за твой грòпи—òтъ-тоби заразъ, обомá рукамы виддамъ Марусю».

Якъ удáрыте Васыль, выслушавшы усè, рукамы объ груды, якъ прыпадè на стилъ, якъ заплаче, а дали сказа́вшы: «усèму кинèць» кынувся на шыю, обнявъ Наума крйпко и кáз: «Прощай, мий....! Колыжъ тоби хочъ трòхы жалъ бидного Васыля, будь-ласкавъ, будь жалислывъ: поклычъ сюды Марусю, нехáй я пры тоби попроцаюсь зъ нею!»

«Дòбре, Васылю» кáз Наумъ: та глядыжъ: попроцайся! Чы розумешъ?

— Усè знаю и усè зроблю, якъ мени кáжете.

Отъ вйшла Маруся, а за нею и Настя.

Васыль, узявшы Марусю за руку, и кáз: «Марусенько! Правду, велыку правду сказа́въ мени твй бáтько. Трèба намъ розлучытысь!»

— И на вйкы?» черезъ велыку сылу спытала Маруся.

«Побáчымося.... и бóдешъ ты моèю, колы не на сймъ свити, такъ на тймъ! Прощай мой Ма.... и не договорывъ, якъ вона зомлыла и покотылась ёму нá руки. Вйнь й прыгорнувъ до сèрця крйпко, поццловавъ, видавъ й нечувствèн-

ну бацькови на руки, поціловавъ руку ёму и Насті.... и пішэвъ швэідэ, неоглядаючись....

Небудэмо розказоваты, якъ крѣпко и якъ доўго Маруся за нымъ журылася. Лѣдвэ-лѣдвэ, сэрдэшна, зъ журбы не вмерла. Скѣлки вже бацько зъ матирью їй ни розважэлы, усѣ нічога; а тымъ ище пўще, що незнала вонэ, за чымъ и куды Васыль їй дивэвся; чы надовго винъ зкрыўся; чы вѣрнетця, и колы-щэ-то будэ? Пыталася неразь и бацька,—щожъ? незнаю, та й незнаю. Бо й зправды винъ незнавъ, зъ якою думкою и куды винъ скрыўся.

Що-бжый дѣнь, переберѣ горѣшкі, що ще на весѣльях, якъ побачылысь у-пѣрше, та винъ їй давъ, переберѣ, перепилуе, та впўятъ до сѣрця и полбжытъ. Абѣ колы, гуляшчымъ днѣмъ, піде у бѣрѣ на озѣра, де зъ нымъ разъ гуляла; тамъ посьдытъ, поплаче, и зъ тымъ и до-дому вѣрнетця. Мэты не дўже їй заставляла пѣратысь и робыты, такъ сама брэлася за всѣ: «мені, кэз, не такъ на сѣрденьку тэжко, якъ я щонѣбудъ роблю». Зъ пѣдругамы ніколы негрэла и вже бвси до ныхъ и невыхѣдыла.

Одробылысь у пѣлі, стэлы видѣ Сѣмена зъ вѣчэра сыдѣты, Маруся прынялася прэсты; а зъ Покрѣвы у дѣ-свита встаѣ, прядѣ, шўе, пѣраетця, и все журытця, и частѣнько, якъ заберѣтця куды-нѣбудъ сама-собѣ, то плаче—плаче, такъ що й Гѣсподы! бо абѣ Васылѣви ни чўтэки, ни вѣсточкы; якъ у вѣду впавъ.

Отъ и Пылыпівка; отъ и Гэанныно Зачэтыѣ, зачалы парубкы засылэты старостѣмъ до дивчэть. Знай людѣ швэндэюць по вўлыцямъ зъ палычкамы у рукахъ. То гляды: идўть двѣ поперецьязувани рушныкэмы, бодрэтця, выхваляютця; отъ тамъ и тамъ такў-то за такога прѣсвэталы. А їншы свынэчою стѣжкою, по-пидь-плотэмы, мѣвчэки собѣ идўть и пидь плечэмъ, замѣсць хлѣба святѣго, несўть.... гарбўзъ! Эгѣ! нїгдѣ дѣтысь; якъ заробылы, такъ и видвчэать.

Не одні старосты захѣдылы и до старѣго Дрѣота свэататы Маруся; такъ щожъ? «Тэточку мѣй риднѣсенькѣй! я имъ, кэже, пиднесу по чэрци!» Старый булѣ грѣмне на нѣи: «чы ты дурнэ, та божевѣльна! Чомъ ты нейдѣш! Людѣ хорѣши, чѣсного рѣду, пэренъ бѣйкы; чы тобѣ попѣвчыца, чы купцэ трѣба?»

«Васылія, а колы не Васылія, то й нікого!....» каз было Маруся. Маты йі у слёзы, а бацько было ажъ розсёрдыцца, та й крыкне:

— Та дэ тогò Васылія бьёмемо? Теперъ ты людэй цураёся, а тамъ стануть и тебе люде цуратысь и досыдысья до сиды косы.

«Дарма, таточку! Безъ Васылія не страшна мені и домовына, не тó сидыя коса.»

Здыгнэ тилки плёчамы Наумъ, подума: «нехай ще до тогò гóду» та й замовчыть. И ёму жалко было, що про Васылія небуло ніякой чыткы; бо вінъ ёгò дуже любывъ и усё надявсь, що вінъ зъ собю що-небудъ до-путя зрбыть.

Отъ и мясьныци пройшы и усюды пшлэ слава, що Дротывна Маруся и гóрда и пышна; за тутешныхъ парубкывъ нехóче, а жде собі паныча изъ-за моря. Вона про сюю славу знала, сміялась и каз было: «дарма! и подожду.» Парубкамъ-же хочъ и крпко досадно было, що така красыва и багата дывка у ладъ недаётца, та нічого было робыть: сылюю не бьёмешъ.

Пройшовъ и пистъ, видговылысь и, слава тоби Гбсподы! дождалысь Воскресеныя. Маруся, у велыкодну суббту, сама учыныла паску, положила туды ячокъ, имберю, сибкывъ, шапрану, и спеклася паска и высóка, и жóвта, и ще у печі зарумянылась. Полагодыла усё що трéба, а на самый Велыкденъ уранци зъ батракамы понесла до цёрквы на посвяченые паску, баранця печёного, порося, ковбасу, крапанокъ зъ десятокъ, сало и грóдку солы, и розиславшы на цвынтари у ряду зъ другымы хустку, розложила усё гарнёнько, якъ йі маты навчыла, бо Настя пшлэ недугы непишла зъ двора. Наумъ же ставъ у цёркви Божій и молытця.

Колы Наумъ прыходывъ до цёрквы молытысь, то вже справды молывся, а неловывъ витривъ, нерозглядывъ и сюды и туды; а стойвъ, якъ и трéба, неначе передъ самымъ Гбсподомъ, Царёмъ Небеснымъ, и тилки слухавъ, що чытають и спивають. А сёгò-дня, у такый велыкий празныкъ, вінъ ще былшъ молывся, и на сёрци такъ ёму было вёсело, якъ и усякому богобоязному, кого прыведэ Богъ дождатысь Велыкодня.

Отъ, якъ винъ стоить и мольтця, служба Божая спиваетця, вѣйшовъ на серѣдь цѣрквы чытаты Апостола.... и хто-жъ? Васыль!.... Наумъ дывытця, и самъ собѣ невѣрыть, чы се винъ, чы не винъ? Розглядывъ хорошенъко — ажъ зовсімъ винъ! «Та винъ же овси непысьмѣнный! Якъ же винъ бѣде чытаты? Може навманнѣ, безъ кнѣжкы; може вѣтвердывъ на памѣять? Побачымъ!»

Отъ Васыль вже и «Павла-чтѣные» сказавъ, та й почавъ.... та що за гѣлосъ важный! Чыстый, гѣлосный пидбасокъ, та понятный!... Отъ Наумъ и дѣма: «бачывъ я слипорожденного, що чытавъ Псалтырь, такъ-же безъ кнѣжкы; а Васыль такъ у кнѣжку дывытця.... хыбѣ чы не хвѣста? Мѣже на памѣять видъ дяка перенявъ, та бѣцимъ-то й пысьмѣнный?.... Такъ ѡдже за тѣтлу булѣ зачепѣвся, та й розибравъ по-трѣху.... отъ и дочытавъ безъ помылкы; отъ и Алылуйю по закладкамъ знайшовъ.... Ни! якъ бѣ непысьмѣнный, то незумѣвъ бы Апостола, та ще й на самыи Велыкъ-денъ прочытаты!»

Прыслушаетця Наумъ, Васыль спивѣ. Якъ же почавъ Херувымську, такъ такѣ, що й самъ дякъ невмѣвъ у ладъ узѣты, а Васыль безъ запынкы такъ усѣ гѣлосѣ и покрывѣ, и переводы вывѣдыть, самъ и кинчѣ, самъ вгѣять и почына. Тогдѣ вже Наумъ зовсімъ положѣвся, що Васыль ставъ пысьмѣннымъ: та колѣ-жъ-винъ зправывсь и дѣ пробувавъ? Нехѣй, дѣма собѣ, опислѣ знѣтему.

Якъ вѣйшовъ пан-отѣць зѣ-хресты паску свяченую почѣтоваты и нарѣдъ рѣшывъ зѣ цѣрквы, Наумъ зопенывъ Васыля, та заразъ и кѣз: «Хрыстѣсъ воскресѣ!» Отъ, похрыстѣсувавшысь зѣ нымъ, якъ довгъ велѣтъ, и кѣз ѣму Наумъ: чы щѣ ты насъ, Васылю, незабѣвъ?

— Нехѣй менѣ Бѣгъ забѣде, колѣ.....

«Дѣбрежъ, дѣбре, сыну! тепѣрь не до тѣго. Прыхѣдъ до насъ розговѣтысь; а хочъ и пообѣдаешъ, колѣ непадешъ до-дѣму?»

— Вѣ менѣ и дѣмъ, вѣ й родѣтели....

«Дѣбре-жъ, дѣбре. Прыхѣдъ-же, незабѣдъ; я ждѣтему».

Сказавшы сѣе, Наумъ поспивавъ до-дѣму и дорѣгою собѣ дѣма: «недѣже-жъ я дѣбре зрѣбывъ, що нерозпытавшы Васыля, щѣ винъ и щѣ зѣ нымъ, та й поклыкавъ ѣгѣ до сѣбе.

Можє винъ вже объ Маруси и недума, а може вже и жонатъ, а я тилки потурбую Марусю и знова розважу їй тоску. Та хочъ бы и не тѣ; такъ може ще винъ невидкупився видъ некрутшыны, такъ щѣ тогдѣ робыты! Та вжѣ-жъ! побачу. Дастъ Богъ розговѣтысь, а тамъ буду поправляты, що набортывъ зъ радощивъ, що побачывъ нежданно Васыля, та ще й пысьмѣнного! Видкиля ёму Богъ такъ благодать пославъ? Правда, дытына розумна! ёму бѣ тилки дякомъ бѣты».

Зъ такою думкою прыйшовъ до-дому и некаже жѣнци ничѣго, що когѣ винъ бачывъ. Прыйшла и Маруса и прынесла усѣ свячене, и байдуже! бо вона, якъ нестояла у цѣркви, а пры паскахъ, то й небачыла Васыля. Розстановыла усѣ на столѣ, якъ трѣба, и налагодыла, та й дывѣтця зъ матирью, що батько несидѣ розговлятысь, а хѣдыть собѣ по хѣти, та дума.

Ажъ ось двѣри—рыпъ! и Васыль у хѣту. Маруса такъ и незѣмылась и крѣкнула несвоемъ гѣлосомъ: «Охъ, мѣй Васыльчку!» та й стала якъ укѣпана. Старѣ Настя тожъ зрадовалась, нынѣче Богъ-зна чому, и кѣнулась до Васыля и похрыстѣсувалась. Отъ Наумъ бачыть, що Васыль зъ Марусею стоять и тилки поглядѣють, винъ на неѣ, а вона на нѣго, нынѣче зроду впѣрше бачатця, отъ и кѣже имъ: «Чѣмъ же вы не-хрыстѣсуєтесь?» А Васыль и кѣз: «Несмію, пан-ѣтче!»— «Чѣмъ несміты? кѣз Наумъ. Законъ повеливѣ хрыстѣсуватця зо всякымъ и хочъ бы зъ смертѣльнымъ урагомъ. Похрыстѣсуйтесь же по закону трычи, та нехай васъ Богъ борѣныть видъ усякою поганѣю думкѣю! Тяжкѣй грѣхъ у такому святѣму дѣля думаты лукаве!

Отъ и похрыстѣсувалысь гарнѣнько.

Маруса кѣнулась до нѣго зъ розпрѣсами: Дѣ-се-ты, Васыльчку, бувъ....?

«Знай-бо урѣмья,» перебывъ їй Наумъ: «одно що-небудъ: або розговлятысь, або говорѣты. Богъ давъ прѣзныкъ и паску свячену; дякуючы Бога мылосѣрдного, трѣба розрипѣты безъ усякыхъ хлопѣть и зъ весѣлою душѣю, а говорѣты бѣдемо описля. Сидѣйте-лышенъ. Гѣсподы благословѣ!»

Старѣ Настя сѣла за столѣмъ на лѣви, а Маруса быля неѣ зъ краѣю, щобъ блѣжче пѣратысь, Васыль сѣвъ на ослѣни, старѣй на пѣкути, а батракѣ въ концѣ столѣ. Отъ перекре-

сты́вшысь Наўмъ и прочыта́вшы тры́чи: *Хрысто́съ воскресъ зъ мертвы́хъ*, за́разъ ви́дрывавъ па́скы свя́ченой и положи́въ передъ уся́кымъ по куску́. Покуштова́вшы їй бе́рижно, щобъ крѣхоть нерозсы́паты пидъ стѣль, уся́къ перекрестѣ́всь и сказа́въ: «спасѣ́би Бо́гу мылосе́рдному! Да́й Бо́же и на то́й годъ дижда́ты!» Тутъ-вже прыня́лыся за пече́не: пойлы́ баранця́, поросѣ́тыны; а кисточо́къ пидъ стѣль не́кыдалы, а кла́лы на стѣль, щобъ описля́ покы́даты у пѣчъ. Да́ли йлы́ ковбасу́, сала кусочкамы́ нари́зали и крашано́къ облупы́лы и пори́зали на тари́лочци. Отъ-се́е зкинча́вшы, Мару́ся усѣ́ прыбра́ла, и зъ стола́ тожь бе́рижно змела́, и усѣ́ крѣхты, и кисточкы́, и лупы́шня зъ яе́ць повкы́дала у пѣчъ, та тогди́-вже ста́ла подава́ты стра́ву.

Стары́й Наўмъ вы́пывъ ча́рку горѣ́лки передъ оби́домъ, а Васи́ль не́ста́въ; бо, ка́з, ще́ непочына́въ їй пы́ты. Отъ и по́далы бо́рщъ, а да́ли я́ловычыну́ покрышы́лы на дере́вьяни́й тари́лочци, посолы́лы та й йлы́—вже, звы́сно що́ не по па́ньски, бо выде́локъ нево́дытця—па́льцямы. Описля́ подалы́ ю́шку зъ хля́камы, пече́не бу́ло бара́нына, а та́мъ молдша́на ка́ша, та й го́ди, билшъ́ и ничо́го.

Мару́ся чы́ йла́ що́, чы́ нейла́; їй лу́чче уся́кыхъ ро́зговинъ—опри́чь пра́зныка́ свято́го—те́, що́ Васи́ль верну́вся и жы́въ и здо́ровъ. Захы́лывшы́сь за ма́тир, щобъ ба́тько неба́чывъ, якъ я́сочка ды́выласъ на сво́го Васи́лечка, а сама́ бу́дто ло́жкой достае́ зъ мы́скы, абы́бъ-то ны́нче и вона́ йи́сть. Куды́ їй вже́ йи́сты! У не́и одно́ на думци́, якъ и у Васи́ля! Такъ то́й вже́ черезъ сы́лу йивъ́, бо бы́ла Наўма́ сы́дывъ́ и немо́жно бу́ло ё́му злука́вноваты́, щобъ хороше́нько поды́выты́сь на свою́ Мару́сю.

Пооби́давшы́ и подя́ковавшы́ Бо́гу, и ба́тькови́ зъ ма́тирю, якъ попры́бирала́ усѣ́ Мару́ся, отъ Наўмъ́ и ка́же:

«А въ́ насъ но́вый дя́къ се́годня́ Апосто́ла чы́та́въ».

Настя́ за́разъ и пы́тае́тця: «А кто́ такы́й и ви́дкиля́?»

— Озьде́ винъ́, панъ Васи́ль, сказа́въ Наўмъ́, та й вси́хну́вся.

«Хы́ба-жь Васи́ль пы́сьме́нный, щобъ ё́му Апосто́ла чы́таты́?» спы́талася́ Настя́; а Мару́ся такъ ў́ха и насто́рощы́ла, щобъ чу́ты усѣ́, що́ бу́дуть гово́рыты́.

«Бўвъ непысьмённай, а тепёръ Богъ ёму рóзумъ послáвъ; а якъ и щó? Я й сáмъ незнаю. Розкажы менй, здйлай мý-лость, Васылю, якъ-се тобй свйтъ видкрывся? Сё менй на вдывовыжу: ще й гóду нема, якъ ты пишóвъ видъ насъ, а навчывся пысьма, и спывáты вмёшь, якъ и самъ дýкъ. Дё ты побуваъ?»

«Я, дядьку, небўвъ дўже далёко», стáвъ розказоваты Васыль. «Отъ якъ вы менй видкрылы свйтъ и розтолковáлы менй, щó й á бóду пропáцый и чужый вйкъ займй, колы незнайдў за себе наёмщыка, то я дўмавъ - дўмавъ, и трóхы зъ умá незйшóвъ. Прáвду вы казалы, щó за грóши висим-десáтъ рублйвъ, щó я видъ хазяина бравъ? Тйлки щó на одёжу. Щó-жъ тутъ менй булò робыты? Якъ-то Богъ послáвъ на дўмку: пиды до куцйвъ; у ныхъ хорóшный заробйтокъ. Прйшóвъ я до залезнякá: вйнь менё трóхы знáвъ; розказáвъ ёму всё своё лýхо. Вйнь, подўмавшы, прынявъ менё за пядесáтъ рублйвъ нá годъ зъ тымъ, щó колы бóду у своймъ дйли справный, то вйнь менй и бйлшь прыбавыты и усё будё прыбавляты, бáчывшы моё старáны. Я зрáдовався, почўвшы, щó бйлшь ничòго нетрёба, щóбъ грóши заробыты, якъ тйлки бўты чёснымъ и своё дйло нелинўючысь зправляты. Зъ товáрыщамы, хочъ усё й москáли булы, зáразъ поладнáвъ. Тйлки бáчу, щó воны усй пысьмённы и хто бйлшь чòгò знá, бйлшь получа жалованья. Отъ якъ сйвъ, якъ сйвъ.... и прáвду вамъ, дядюшка, скажў, щó ничъ и дёнь вчывсь и Богъ менй даровáны послáвъ; и тё-такы прáвду сказáты, щó нáшого брáччыка куды ни питкны, хочъ у наўку, хочъ у якё ремёство, то зъ нёго путь бóуде; непропáци за нёго грóши. Отъ-тó я видъ Спáсивкы та до Рыздвá вйвчывсь чыгáты и церкóвне и граждáнське, пысáты по-трóху вмйю, цыхвйру знáю и на щётахъ, хочъ тысьáчъ десáтъ пудйвъ у роздрóбъ на хвунты, непомыляючысь положў; хўрщыкывъ рощытáю и хазяйського добрá гляжў якъ óка, щóбъ и копйлка нигдё даромъ недывáлась. Товáрыщи, знáете, охóтныкы на крýласи спывáты замисьць пйвчеськой; отъ и менё, якъ побáчылы, щó гóлосъ ё, то й прывчйлы трóхы. Пóкы себё непостáвывъ на пўть, нейшóвъ до васъ, дядюшка; и якъ ни тяжко менй булò, небáчывшы Маруси, та пáмъятуючы вáше слóво, сáмъ себё морывъ и неходывъ сюды. И тóжъ-такы, щó хазяинъ, знáвшы мою чёсность, посылавъ менё не за велькымы дйламы по малёнкыхъ

ярмаркѣхъ; а пилія Хрещеныя посылавъ ужѣ и далшгь, и я тилки шо передь празныкомъ отцѣ прививъ ему немалу суму грошей. Якъ-же винъ менѣ потишывъ добрымъ словомъ и розвивъ мою тугу, то я вже певно й прийшовъ до васъ на празныкъ, а щобъ вы увирьылися, шо я незледашивъ, отъ и ставъ я на крыласи спиваты и апостола прочытавъ».

Наумъ, выслушавшы его, незтерпивъ, та ажъ поцеловавъ его у голову, и дума: «шо за премыла дытына! Недаромъ его люблю! Такой непропадѣ». Дали и пыта:

«Скылки-жъ ты жалованья получаешъ теперь?»

— Жалованья не щотъ, каз Васыль: а-бы-бъ стало на одѣжу, а те важнйшъ усего, шо хазяинъ, знавшы мою нужду, чого я боюся и черезъ шо вы невиддаете за мене Маруси, самъ хлопоче объ менѣ: теперь посыла менѣ зъ хурою у Водѣсу, а видтиля пиду у Москву, и на заводы, и тилки вернусь сюды икъ Пречыстий, а винъ менѣ сыскае наемщыка, каже, хочъ пять-сотъ рубливъ потеряю; ув-осены, якъ скажутъ наборъ, самъ и виддасть, а гроши, каз, будешъ одслужоваты.

«Нехай тоби Богъ помога!» сказавъ Наумъ; а дали, подумавшы, й каз: «чогб-жъ билше думаты? Прысылай у вивторокъ, пилія завтра, людѣй, беры рушныкы; и тоби веселише буде у дорози, и Маруся тутъ свитомъ ненудытеме. Теперь ничого боятысь. Се вже певно, шо ты наемщыка поставышъ. Дасть Богъ, вернесся, ув-осены и весилля».

Не можно й розказаты, якъ зрадоцилы и Васыль, и Маруся! Заразъ кынулыся ажъ до нигъ батьковыхъ, и цилуютъ ихъ, и руки ему цилуютъ, и самы обнимутця, и зновъ до него кынутця, и дякують ему, то до матери, то впять до него, и нетямлять себе, и шо робыты незнають.

Довго дывывся на ныхъ Наумъ, та все нышкомъ смѣтця та дума: «то-то диты!» Дали й каз:

«Годи-жъ, годи! Пустите-жъ менѣ; мы ляжемо зъ старюю спаты, бо я усю ничъ стоявъ на Одианын, ажъ покы Хрыста дочыталысь; а вы, хочете — дома сыдите, або гуляты идите до колысобе; та тилки самы некачайтесь, бо грихъ для такого празныка зъ сею пустотою возытысь».

Якъ вже той денъ у Васыля та въ Маруси будо, намъ нужды мало; бо звысно, чы ходылы, чы сыдылы, а усѣ объ

однімъ говорылы: якъ одынъ безъ одного скучавъ; колы, що, и якъ думавъ; якъ, ни думано, ни гадано, вони побачылысь; якъ ще радость буде, якъ ужэ посватаютця—оттакэ усэ говорылы, та голубылыся, та мылованыся.

Одже и вивторокъ наставъ. Икъ вечеру стáлы дождыдаты старостывъ: прыбрáлы хату, засвityлы свичечку передь богамы; старй нарядылыся, якъ довгъ велыть, а що Маруся прыбрáлася, такъ вже ничего й казаты. Отъ постукалы и рязъ, и у друге, и у третъ, и ввийшы старосты, и подалы хлйбъ, и говорылы старосты законни речи про куныцю, якъ и попередь сего булò.

Зáразъ Наумъ—а раденькый же такый!—и кáз, бунимъ-то зъ сэрцемъ: «Та що се за напастъ така? Жйнкò! що будемо робыты? Дòчка! а ходы-кэ сюды на порáду!»

Маруся, ввийшовшы изъ кимнаты, засорóмылась—Гбсподы! почервонйла, що твй мáкъ; и непоклонывшысь, зáразъ стáла быля печи, та й колупá йй пáльцемъ.

Отъ Наумъ и кáз: «бáчыте, ловци-молодци, що вы наробылы? Менé зъ жйнкою смутылы, дочкú прыстыдылы, що скòро пйчъ зовсымъ повáлыть, мабуть дума тутъ билшъ нежыты! Гай, гай! Такъ óсь-що мы зрòбымо: хлйбъ святый прыньмаемо, дòброго слòва нецурáемося, а щобъ вы насъ непорòбылы, що мы передержуемъ куныци, та крáсни дивыци, такъ мы васъ повъáжемо и тогди усé дòбре вамъ скáжемо. Дòчка! прыйшла й наша черга до прыкляду казаты: годи-лышенъ пйчъ колупаты, а чы немá чымъ сыхъ ловцивъ-молодцивъ повъязаты».

Ище не чáсь булò Маруси послухаты; знай колупá.

Отъ вже маты йй кáз: «Чы чýешъ, Марусю, що бáтько кáже? Идыжъ, йды, та давай, чымъ людéй повъязаты. Або мòже ничòго непрыдбáла, та зъ сòрому пйчъ колупáешъ? Невмйла мáтери слухаты, невчылася прысты, незаробыла рушныкывъ; такъ вьяжы хочъ вáломъ, колы и тòй ще ё».

Пишла Маруся у кимнату, и вынесла на деревяной тарйлочци два рушныкá довгыхъ та мúдро вышытыхъ, хрестъ-на-хрестъ покляденыхъ, и положила на хлйбови святому, а самá стáла передь образомъ, та й вдáрыла тры поклòны, дали отцю трычи поклòнылася у нòги и поцйловáла у рúку, и нёнцы тáкже; и узавшы рушныкы, пиднеслá на тарйлочци перше

*

стáршому стáрости, а тамъ и дрúтому. Вони, уставшы, тóжь поклоны́лыся, узялы рушныкы́ и ка́жуть: «спасы́би ба́тькови и ма́тери, що своє дятя́ рано будылы, и дóброму дýлу вчылы. Спасы́би и дівочци, що рано уставáла, тóнко пря́ла, и хороше́ньки рушнычкы́ прыдбáла».

Повязáвши собі оды́нь одному́ рушныкы́, отъ стáроста й ка́же: «Робы́ть-же дýло зъ кинце́мъ, розвídaйтесь зъ княземъ-молодце́мъ: мы, приведе́нни, не с-тáкъ выновáти; въя́жите приво́дця, щóбъ невты́къ зъ хáты».

Отъ ма́ты й ка́з: «А нý дóню! Ты́-жъ менй казáла, що на те́ по пъя́тинкáмъ заробля́ла, щóбъ шовкóву хýстку прыдбáты, та ею́ пеню́ звъя́заты. Тепе́рь на тебе́ пеня́ напáла, що неусы́хъ повязáла».

Вынесла́ Мару́ся замисць хýстки шовкóвый платóкъ, красны́й та хоро́шый, якъ самá. Наумъ́ йй и ка́з: «Сёмý, дóчко, самá чипляй, за по́ясъ хýстку затыка́й, та до се́бе прытыга́й, та слухáй ёго́, та шану́й; а тепе́рь ёго́ й поцилу́й».

Отъ вони́ й поцйовáлись, а Васы́ль и вы́кынувъ Ма́руси на талйрку́ цйлкóвого.

Писля́ сёго́ стáроста звелы́въ посвáтанымъ, щóбъ клáнялысь першъ ба́тькови у нóгы тры́чи; а якъ поклоны́лысь у трётъ́, та й лежа́ть, а ба́тько имъ́ и ка́з: «Гляды́-жъ, зя́ту! Жы́нку свою́ бый и у ра́нци и у ве́чери, и встаючы́ и ляга́ючы, и за дýло и безъ дýла, а свары́сь зъ нею́ по уся́къ часъ. Несправляй́ йй ни пла́тьтя, ни одёжи; дóма несы́ды, таска́йся по шы́нкáмъ, та по чужы́мъ жы́нкáмъ; то зъ жы́нкою у па́рци, и зъ диточкáми, якъ разъ пйдете́ у стáрци. А ты́, дóчко, мужы́ку непуска́й и ни у чымъ ёму́ неповажа́й; колы́ дурны́й бóде, та пойде́ у по́ле до хлйба́, а ты́ йды́ у шыно́къ, пропыва́й оста́нны́й шматóкъ; пы́й, гуляй, а вы́нь нехай голоду́е; та и въ печй́ никóлы неклопочы́; нехай пауты́ннямъ застéлетця пйчы́; óтъ вамъ́ и уся́ рйчы́. Вы немалё́нькы́ вже, самы́ рóзумъ ма́ете, и щó я вамъ́ кажú, и я́къ вамъ́ жы́ты, знáете».

А стáроста и кры́кнувъ: «За такú навúку, цйлуйте́, дйты, ба́тька въ рýку».

Поцйовáвши. поклоня́лысь ма́тери тежъ́ тры́чи. Ма́ты неказáла имъ́ ничóго; йй закóнь велы́ть, благословля́ючы дйточóкъ, ты́лки пла́каты.

Дали староста сивъ и каэ трычи: «Хрыстоць воскресь!»
А старі ёму у водвѣтъ тежъ трычи: «Войстыну воскресь!»

Старосты кажутъ: «Панове-сватове!» А сваты кажутъ:
«А мы рады слухаты!»

Старосты кажутъ: «Що вы жалалы, то мы здилалы; а
за сіи рѣчи дайте намъ горѣлки грѣчи». А старі й кажутъ:
«Просьмо мылосты на хлѣбъ, на сѣль и на свѣтанья».

Після сѣго посватаныхъ и посадылы, звычайно, на по-
кутъ, на посадь. Батько сивъ былія зятя, а маты, звисно,
пбралась, сама и страву на стѣль подавала, бо вже Маруся
негодылося зъ посаду уставаты. Старосты сѣлы на ослѣни,
былія стола.

Покы маты страву носыла, батько ставъ частоваты ста-
ростивъ. Першый староста покуштовавъ, покругивъ головою,
поцмокавъ, та й каэ:

«Штѣ се, свѣтушка-панушка, за напытки? Скилки мы по
свиту ни йизжалы, а такыхъ напыткивъ и нечувалы, и не-
выдалы, и некуштовалы».

— Сѣ мы такѣ для любезныхъ свативъ зъ-за моря пры-
дбалы, каэ Наумъ и просьты: ось нуте-жъ, усю покүшайте.
Зверху хорѣша, а на спѣди самыи гѣрныи смѣкъ!

Бышывъ староста, змѣрщывся, закректавъ, та й каэ: «Видь
сѣго зъ рѣзу почервонѣшь, якъ макъ. Глядите-лышень, свѣ-
тушка-панушка; чы ненапойлы вы насъ такымъ, що, мѣже, й
на-стины полѣземо?»

— Та што се вы на насъ зъ пенѣю? казавъ Наумъ: тутъ-
такы, що мѣдре само по собѣ, а то ще ось-що: йшла баба
видь Ляхивъ, та несла здорѣвья симъ михивъ, такъ мы у неѣ
купылы, симъ золотыхъ заплатылы, та въ напытокъ пустылы.

А староста й каэ: «Нѣ, що мѣдре, то вже справды мѣдре!
А нѣ, товѣрышу, попрѣбуй и ты, та й скажы: чы пылы мы
такѣ у Турѣччыни, або хочъ и въ Нимѣччыни, та и въ Рас-
сѣи непывалы сѣи».

Бышывъ и другый староста, тежъ прыцмокуючы, и тежъ
прывовлявъ, похваляючы.

Проговорившы усѣ законныи рѣчи, стѣлы частоватысь по
просту, зъ своймы выгадкамы, а дали, тѣлки що стѣлы вечѣ-
ряты, и обизвалысь дивчѣата, що Маруся ще завидна просыла
до сѣбе на свѣтанья, и спивалы, ухѣдячы у хѣту, сѣю пісенку:

Та ты дүшенько, наша Мәрьечко!

Обмита́йте двори́,
Застыма́йте столы́,
Кладите́ ложечкы́,
Срѣбни блю́дечкы,
Золоті мысочкы́:
Отъ идуть дружечкы́!

Отъ якъ переспива́лы, та й поклоны́лись нызѣнько, та й ка́жуть:

«Да́й Бо́же вамъ вѣчирь до́брый; помага́й-би вамъ на усе́ до́бре!»

Старà Настя така́ вже радисинька, що Бо́гъ прививъ їй дожда́ты одны́мъ одну́ до́чечку просва́таты за хоро́шого чоловѣка, та ще їй любязно́го: землі пидъ собдо́ю нечу́е, по́раеця ху́тко и де́ та сы́ла увяла́ся, ажъ бѣга видъ стола́ до пѣчи, и стра́ву сама́ но́сыть и поря́докъ да́е. Кы́нулася за́разъ до дружечо́к и ка́з: «Спасы́би! прѣсымо на хлѣбъ, на сы́ль и на स्वा́ганья». Та й усады́ла ихъ по чы́ну, видъ Мару́си скривъ по ла́ви, та й ка́з: «Сида́йте, дружечкы́, мой голу́бочкы! та безъ соромá брусу́йте, а ты́, ста́росто, имъ бату́й!» Такъ дивча́тамъ вже не до ййжи: одно́ те́, що сты́дно пры лю́дяхъ ййсты, щобъ неказа́лы люде́: «отъ-то голо́дна! ма́буть, до́ма ничого ййсты, такъ бѣга по чужы́мъ лю́дямъ, та й поживля́етця: онъ, ба́чть, якъ запыха́етця»; а дру́ге й те́, що тре́ба своѐ дѣло справля́ты; та небра́вшысь за ложечкы́, и заспива́лы:

Ой чо́му, чо́му
У симъ нѣвимъ до́му
Такъ ра́но засві́чено?
Ма́речка вста́ла,
Кѣсу чеса́ла,
Ба́тенька поража́ла:
«Пора́дь мене́,
Мій ба́теньку,
Кого́ въ дружечкы́ бра́ты?»
—Беры́, до́ненько,
Соби́ рѣвненьку,
Щобъ небуло́ гнѣвненько.
Садо́вы, до́ненько,
И вы́шче и ны́жче,
А свою́ роды́ноньку блы́жче

Якъ-же побачылы, що старà Настя, видь такòи жалиб-
но̀и пiснi, покынувшы пòратысь, стала тjàжко плакаты, такъ
воньы стала спивàты iншыхъ.

Дé-жъ бувь сéлезень,
Дé-жъ була ўтинка?
Сéлезень на ставкú,
Утинка на плавкú.
А тепéрь-же воньы
На однiмъ плавкú.
Та йидя́ть-же воньы
Дрибную ряску;
Ой пью́ть-же воньы
Холодную вóду.

Дé-жъ бувь Васылько,
Дé-жъ була Ма́рьечка?
Васылько у ба́тенька,
Ма́рьечка у свогó.
А тепéрь-же воньы
Ув-однiй свiтлоньци.
Ой пью́ть-же воньы
Зелéне вынó:
Та йидя́ть-же воньы
Дрибныи калачи,
У мéдь умокаючы,
Ма́комъ обсыпаючы.

* *

Та вь недiленьку рáно,
Чогóсь тое та мóре гра́ло;
Тамъ Ма́рьечка та потопáла,
Къ собi ба́тенька бажáла.
А ба́тенько та на бережéчку,
Е чóвнычокъ и весéлечко:
«Потопáй, мое сёрдечко!»

Та вь недiленьку рáно,
Чогóсь тое та мóре гра́ло;
Тамъ Ма́рьечка та потопáла,
Къ собi ма́тинку бажáла.
А ма́тинка та на бережéчку,
Е чóвнычокъ и весéлечко:
«Потопáй, мое сёрдечко!»

Та въ неділеньку рано,
 Чогось тое та море градо;
 Тамъ Марьечка та потопапа,
 Къ собѣ Васылька бажала.
 А Васылько та на бережечку,
 Е човнычокъ и веселечко:
 «Непотопаѣй, мое сѣрдечко!»

Дали дивчата, бачучы, що просватани собѣ сыдѣть и опричь себѣ никого небачуть и ничого, що быля ныхъ робытця, нечуютъ, захотѣлы ихъ зачепыты и повеселыты, та й заспывалы:

Та въ саду соловейко нещebetавъ,
 Тымъ Васыль Маруси нециловавъ;
 Якъ-же соловейко защebetавъ,
 Васылько Марусю поциловавъ.

Тутъ усѣ зареготалысь на усю хату и Наумъ напавсь, щобъ-такы дѣты поциловалысь, а имъ те и на-руку ковѣнка!... Дали дивчата, бѣдимъ-то жартуючы, и заспывалы:

Та ты дѣшечко, наша Марьечко!
 Ламлите роженьку.
 Стелить дороженьку,
 Щобъ м'ягко ступаты,
 На двѣрь танцѣваты,
 Зъ скрыпкы, зъ цымбаламы,
 Зъ хордшымы боѣрамы.

Якъ-же вслухався у се Наумъ, та якъ розходывсь! Прытьмомъ: давай музыку, та й давай! Нигде дѣтысь: побѣгла моторниша изъ усѣхъ, отъ-такы Домаха Третьякѣвна, до скрыпныка, та й прыклькала ёго. Бѣтечкы! пиднялыся тѣнци, та скѣкы, такъ що ну! Набѣгла пѣвна хата людѣй, якъ почулы, що старый Дротъ та просватавъ свою дочку. То ще мало, що у хати, а то и около вѣконъ було багачко, такъ и зазырають; а быля хаты дивчата зъ парубкымы носятця; дивчата дрибѣшкы выбывають, парубѣцтво гопакѣ гарцюе, бѣтько зъ матирью, знай, людѣй частуютъ.... такѣ гуляня була, що крыи Бѣже! Трохѣ чы не дѣ-свита гулялы. Тѣлки Васыль та Маруся никого небачылы и дывовалыся, що такъ швидко народъ розѣйшовся. За голубеннямъ та за мылованнямъ незчулыся, якъ и ничъ мынулася.

Недай Боже чоловікови печáлы або якби напáсты, то урémья идé-нейдé, мовь рáкъ повзè. А якъ-же у рáдосты, то и незчúеся, якъ вонò бижить: якъ лáстивка проплывè. Дúмаешь, одынь дéнь пройшовь, ажъ, гляды, вже й тыжня нема. Такъ булò зь Васылémь и зь Марúсею: усè у кúпци, та вь кúпци, якъ голубь зь голубкою. И у горòдь, и на мýсто, и до колысòкъ, и на вгорòдь, усè у кúпи соби хòдють. И у манастýрь на богомòлья у кúпци ходылы и молéбень нань-мáлы, що Марúся обицáлася, колы бúde посвáтана за Васылá.

Тыкы-прытыкы, ажъ óсь и Прòводы! У сèе урémья хазáинь ёгò высылá хúру, и Васылéви зь нёю трéба выступáты.

«Охъ намь лышечко!» скрызь слízь кáжуть оббе. «Мы-жъ и ненаговорылысь, мы й ненадывылысь одынь на óдного..... неначе сèгòдня тилки зйшлысь».

— Неплáчь, Васылечку, кáже ёмú Марúся. Ты у дорòзи и незчúеся, якъ и Спáсивка настыгне, тогдй вёрнесся сюды и бúdeмо у кúпци. Гляды тилки, щòбъ ты бувь здоровый; нескучай и неудавáйся у тúгу безь мéне; а я, оставшыся безь тебе, рáно й вéчирь бúду слизонькáмы вмывáтыся....

«Гòди-жъ, гòди, мой перепíлочко! Неплáчь, мой лебидочко!» кáэ йй Васыль, прыгортáючы до свогò сёрденька: «Нехай я на чужий сторонй одынь бúду гòре знáты, а ты, тúть zostáвшысь, будь здорова и весéла, та дождыдай менè. А щòбъ намь одраднишь булò, такъ прошú тебе: вéчирня зйрочка якъ зйде, то ты, спомынаючы менè, поглядай на нèи; у ту пору я стáну зорéвáты, глянó на тую зйрочку и знáтему, що ты на нèи дывысся, то менй одраднишь бúde, неначе я дывлюся на твой очыци, що якъ зйрочкы ссяють. Неплáчь-же, неплáчь!...»

Отъ-такъ-то воны у остáннии чáсы розмовлялы и оббе плакалы безперéстанно! А якъ-же прыйшлò зовсímь процáтысь, такъ щò тамь булò!... Колы вже и старый Наумь такъ и хлыпа, якъ малá дыгына, а мáты, глядячы на слéзы, та на тúгу Марúсыну, ажъ зляглá; такъ щò про молодыхъ и казáты!.... На процáньни выпрохала Марúся у Васылá свáтаный платòкъ, що замисыць хúстки ёмú дала, за тымь, щòбъ чáсомь дорòгою незагубывь, и що вонá на нèи, мовь на нёго, дывытетеця. Повáживь йй Васыль, виддавь, а вонá положила у той платòкъ горипкы, ще тй, що зь пёрва-на-пёрва Васыль давь йй на весильи, завязáла, та й положила до сёрденька,

та й кáз: «Тўтъ вонò лежáтыме, ажъ пòеы ты вёрнесся и самъ óзмешъ».

Сякъ-тáкъ, Васыль на сылу вырвався видь старыхъ, а Марўся пишла ёгò провожáты. То булò на самй Прòводы, и трéба булò черезъ клáдвыще йты, де на гробáхъ у той дèнь усй помынають свойхъ рòдычивъ. Отъ Марўся узьялá й мýсочку, щòбъ и свойхъ помьянўты. Положыла кўрку варèну, тры в'язкы бўблыкивь, буханецъ, два кнышá, та звèрху п'ятакòвый медяныкъ, тá узьялá мáтерыну калытку зъ гришмы, щòбъ старцáмъ подáты; а Васыль тожъ зъ нёю нисъ у хўстци ажъ тры дèсятка крашанòкъ.

Прыйшлы на гробы, ажъ пан-отецъ вже й тáмъ, и збирáетця правыты панахýду. Марўся постáвыла до гўрту и свою мýсочку и граматку бáткюсци подалá, щòбъ помьянўвъ йй рòдычивъ.

Марўся смутнá й невесела усè молылася, та знай поклòны была; якъ-же заспивáлы дякы *ни печалы, ни воздыханья*, такъ вонá такъ и захлыпала, та й кáз:

«Якъ ты вёрнесся, Васыльчку, то мòже менé на симъ клáдвыщи бўдешъ такъ помынáты».

Васыль ажъ здрыгнувъ писля такòго слòва и хотивъ йй зопыныты, щòбъ выкынула такú дўмку зъ головы, такъ и у самогò слèзá такъ и бьé, а на сёрци тутá такá пàла, щò ёмú дўхъ такъ и захвáтуе; и сáмъ незна, видь чòго ёмú такъ é.

Отслужылы панахýду, подалá Марўся мýсочку пан-отцèви, а старцйвъ бòжыхъ обдиыла крашанкáмы и гришмы за цáрство небесне помёршыхъ. Посидáлы люде на гробáхъ трапéзоваты и помынáты рòдычивъ, а Марўси вже не до тòго: Васыль лèдвè промòвывъ, щò вже порá ёмú йты до хазйства.

Бáтечкы! якъ заголòсыть Марўся, та такъ и повысла ёмú на шыю! Выцёлвала ёгò.... щò то? и вь вичи, и у лòбь, и у щòкы, и у шыю.... дáли, ненáче хто йй направывъ, рáзомъ покынула ёгò, очыци вассялы, то булá блиднá, а тўтечка почервонйла, та такъ гòлосно, нйбы не вонá, сказáла Васылèви незопынаючысь:

«Васылю! на клáдвыщи менé покыдáешъ, на клáдвыщи менé й знáйдешъ!... Помынай менé, неудавáйся у тўту.... прощáй на-вйкы вични!... Тáмъ побáчымось!»

Сёе сказаўшы, неозыраючыся пшпала до-дому швѣдко, ступаючы такъ легесенько, неначе и землі недоторкаецця. А Васыль? неначе гримъ быля ёго вдарывъ! стойть якъ укбапный.... дали дуже тѣжко здохнувъ, пиднявъ очи до Бѣга, перехрестывъсь, вдарывъ поклѣнь и прыпавшы на те мѣсце, де стояла Маруся, циловавъ зѣмлю замисць їй, боячысь и самѣи думкы объ тѣмъ, що сказа́ла ёму Маруся; а дали промовывъ: «Гѣсподы мылосѣрдный! Нехай я одынь усѣ бѣды претѣрплю, нехай я вмру, тѣлки помылуй мою Марусю! Дай намъ побыты на симъ свѣти, а въ тѣмъ—якъ Твоя воля свята!» та й пшпѣвъ тыхѣю ступѣю до гѣспѣды.

Чы давнѣ наша Маруся була веселѣнька якъ весѣнняя зѣронька, говорѣва якъ горѣбчыкъ, провѣрна и жартовѣва якъ ластивочка, а тепѣрь точнѣсенько якъ у вѣду опу́щена. Говорыты, мало й говорыть; саде шыты, то чы стибну́ла гѣлкою, чы нѣ, чы выведе нѣтку, чы нѣ, а заразы и задумаецця, и рученята посклада; пѣде ув-огорѣдъ полѣты, стѣне надъ гѣрдкою, та хочъ цѣлый дѣнь стоѣтѣметъ ничѣго невробывшы, пѣкы мѣты їй непоклѣче; прыста́выть обѣдаты, то абѣ у нетѣплѣну пѣчь, абѣ забѣде чоѣо положыты, абѣ усѣ у нѣи перекрыпыть, що й йѣсты немѣжно; та до тѣо довелѣ, що—ничѣо робыты!—узаялѣсь мѣты выпѣать самѣа пѣратысь. Чѣсто грѣмавъ на нѣн бѣтѣко и лѣскою угѣвѣрѣвавъ, щобъ нежурѣлася, щобъ у тѣгу невдавалѣся, що тугѣа зѣйѣсть їй здорѣвья, зачѣхне, занѣдѣжа, и якѣй одѣить дастъ Бѣгу, що ни найлѣччу мѣлѣсть бѣжу, здорѣвья, невмѣла зберѣгты и занѣпастыла ѣвси.

Щѣ-жъ? тѣлки їй и рѣчѣй: «Тѣточку, бѣтѣчку и ты мѣтинко рѣднѣсенъка! Щѣжъ менѣ робыты, колы немѣжу забѣты свѣоѣ гѣря! немѣжу недѣматы ѣбъ моѣму Васыльчѣкови! Свѣтъ менѣ немѣлыи и ни-щѣо нерѣзвесѣлѣе. Сѣрце моѣ розрѣваѣецця, дѣвлячысь на васъ, що вы ѣбъ менѣ убывѣаетѣсь, та щѣо бѣду робыты! Я й самѣа своѣй тузѣ нерѣада; тѣлки у менѣ й дѣмкы: дѣ-то тепѣрь мѣй Васыль? Знаю, що чѣсь, що дѣнь, винъ видѣ мѣне усѣ дѣлшъ; ѣтъ менѣ тутѣа й дѣшыть! Невѣрушѣте менѣ, незанѣмаѣйте менѣ, неначе вы й небѣчете ничѣго; нерѣзвѣжаѣйте менѣ; менѣ неначе лѣгше, якъ я журѣюся у вѣлю и нѣхтѣо мѣнѣ немѣша!»

Пѣрадывшысь межъ собѣю, старѣи далѣи їй вѣлю; нехай, кажутъ, якъ собѣи зна, такъ зѣ собѣю и робыты. Надѣлѣвъ їй

Богъ рѣзумомъ, вона ѣ богобоязлива и богомѡлна, такъ ѣи Отѣць мылосѣрдный неоставыть. Нехай поступа, якъ зна!

Ищѣ зъ того дня, якъ проводыла Васыля, ненадивала Маруся нѣякою скиндячки, нѣякою стрѣчки; якъ повязала гѡлову чѡрнымъ шовковымъ платкомъ, такъ и пишло, усѣ чѡрный платокъ, та ѣ годѣ! То охѡча була по недѣлямъ, та по празныкамъ, до цѣрквы ходыты, а тѡ и у бѣдень, колы почуе, що дѡвѡнять, то мерщѣй и ѣидѣ. Що бѡжый дѣнь, любыме мѣсце, куды було ходыть, се у бѣрь на озѣра, де зъ Васылѣмъ у пѣрше ходыла; сѣде тамъ пидъ сѡсонкою, розгѡрне платокъ, що Васылъ ѣи zostавывъ, дѣвытця на нѣго, та свой горѣшкы пересыпа у руцѣ, та ѣ поплаче..... Тѣлки-жѣ що начнѣ вечерѣты, вона вже ѣ сыдыть на прыспѣи и выглядѣ вечерной зѣронькы.... Блыснѣ вона.... тутъ Маруся заразъ и стѣне така рада, така рада, що не тѡ що! «Онѣ мѣй Васылѣ!» сама собѣ розмовля: «Винъ дѣвытця на сѣю зѣрочку и зна, що ѣ я дывлюсь!... Отъ такъ блестятъ и ѣгѡ очѣнци, якъ було бѣжѣ ѣмѣ назѣстричь....» И вже тутъ ѣи хочъ клычъ - не клычъ, хочъ що хочъ робѣи, а вже ни зъ мѣсця непѣде и очѣи видѣ зѣркы незведѣ, ажъ пѡкы вона зовсѣмъ незаѣде; тогдѣ тѣжко вдохнѣ и скаже: «Прощѣй-же, мѣй Васылѣчку! но-чѣй зъ Бѡгомъ, та вертайсь швѣдче до твоѣи бѣднои Марусѣи!» Увѣйшовшы-жѣ у хѣту, перецѣлуе усѣякий горѣшокъ, и платокъ разывъ стѡ поцѣлуе, та згорнѣвшы, прылѡжыть до сѣрця, та такъ и заночуе, а вже ѣ некажѣ, щобъ спѣла дѡбре, якъ трѣба!

Сѣякъ-такъ, то зъ журбѡю, то зъ тугѡю, промаячыла Маруся до Спасѣивкы; а у Спасѣивку, икѣ Прѣчыстѣй, казавъ Васылѣ, бѣде неодмѣнно. Хочъ и незовсѣмъ Маруся повесѣлишала, та усѣ такы ненѣче стѣла по-трѡху оживѣаты. Вона ѣ дѡма пѡраетця, вона и зъ бѣтькомъ у пѡли, чы громадѣты, чы жѣаты; бо вже ѣ Наѣумъ, дѣвлячысь на нѣи, що вона стѣла розважѣатысь, и собѣ повесѣлишавъ и дѣума: «Слѣва Тѡбѣ, Гѡсподы! Щѣ тѣлки Спасѣивка наступѣа, а вже Маруся зовсѣмъ не тѣа, якъ унѡвъ народѣлася; тѣужь-тѣужь и Васылѣ бѣде; тогдѣ вдѣрю лѣхомъ ѡбъ землю, мерщѣй справлю весѣлля, та ѣ нехай собѣ жывѣуть». Отъ колы куды ѣидѣ на хазѣяство, то ѣ дочкѣ берѣ зъ собѡю, щобъ ѣи лѣчче розважѣаты. Колы-жѣ вона чѣсомъ zostанетця дѡма, то впѡравшысь ѣидѣ у бѣрь за гѣбамы; та такы такъ сказѣаты, що дѣнь за-дѣнь, та стѣла впѣять и

до робѣты проворненька, и у усякимъ дѣли моторнѣша, и що у Бѣга дѣнь, то усѣ веселѣшъ, усѣ рошчытуе: «отъ Пречыста недалѣко, отъ-отъ Васыль вѣрнетця».

Разъ у Спасивку, на третій дѣнь пѣсля Спаса, виддавшы она обѣдаты и по-прыбѣравшы усѣ, пѣшла у бѣръ за гѣбамы и вже никѣды билшъ, якъ на ти-жъ озѣра. Напала на рыжыкы, та такъ же ихъ багацько булѣ, та такі мѣдри; и хочъ и побродыла по водѣ, та назбѣрала ихъ повнѣсиньке видрѣ, ище й кѣшыкъ. Отъ щѣ-бъ-то ихъ брала, такъ якъ же пѣшѣвъ дѣщъ, та прѣстрашѣнный, якъ зъ видрѣ, та зъ холѣднымъ вѣтромъ; а она булѣ у воднѣй тяжынѣвѣй юпци, и свѣтыны небрала. Щѣ-й-тутъ на-свити робѣты? Никѣды и некажы, щѣбъ забѣгты та пересѣдѣты; бо до села булѣ далѣчѣнько, а дѣщъ такъ и полывѣ! Нѣгде дѣтысь, трѣба бѣгты до-дѣму. Йшла, а дѣ и пѣдбѣгцемъ, та пѣкы прѣйшла до-дѣму, такъ однѣ тѣ, що утомыласъ, а другѣ, змѣкла якъ хлѣцца, такъ зъ нѣй и течѣ; а змѣрзла-жъ-то такъ, що зубъ зъ зѣбомъ невѣдѣ, такъ и трѣсытця.

Зъ лѣхомъ по-полѣмъ добѣгла до-дѣму. А дѣма-жъ-то, мѣты старѣнька и усѣ собѣ немощнѣ, нездѣжала пѣднѣтысь и у пѣчѣ затопыты. Лѣхо, та й гѣди, нашѣй Марусѣ! Нѣткы сухѣи на нѣй нема, а нѣгде обсушытысь; змѣрзла нынѣче зѣмѣю, а нѣгде обѣгрѣтысь. Злѣзла на пѣчъ, та якъ не на тѣ-плѣну, такъ ще пѣще змѣрзла. Укрыласъ и кожѣхомъ, ничѣго! Такъ лѣхорѣдка й и бѣе!

Прѣйшѣвъ и Наумъ, упѣравшысь зъ батракамы. Нѣкому ѣму ни вечѣраты дѣты, та й ничѣго. Першъ булѣ розсѣрдывсь, а дѣли якъ розслѣхавъ, щѣ ѣму Настя стѣгнучы розказала, та й замѣвкъ; дѣли назырнѣвъ Марусю, та ажъ злякѣвсь: Гѣспѣды Твоѣ воля! Самѣ якъ вѣгонь гарѣча, а й трѣсыть такъ, що й сказаы немѣжно!

Тѣхнуло у жывоѣ въ нашѣго Наума! Подѣмавъ, подѣмавъ, та й ставъ Бѣгу молѣтысь. Сѣ вже у нѣго такѣ булѣ натѣра: чы хочъ трѣхы бѣдѣ, чы радѣсть ѣ ѣму якѣ, зарѣзъ до Бѣга; такъ и тутъ. Помолѣвсь, перѣхрыстѣвъ трѣчи Марусю и лѣгъ собѣ. Прѣслухѣетця, трѣха Марусѣ не заснѣла! «Дѣй Гѣспѣды щѣбъ заснѣла, и щѣбъ зѣвтра здѣрѣва булѣ!» сказаышы сѣе, лѣгъ и.... заснѣвъ.

Тільки що у саму глузу півниць, будуть ёго Настя яко мого и каз:

«Подывысь, Науме, що зь Марусею діетця? стогне часъ видь часу дужче.... отъ усє дужче.... ажъ крычыть....»

Наумъ вже быля недужои: «Що тобі, Маруско?... Чого ты стогнешъ?... що въ тебе болыть?....»

— Таточку.... батечку!.... Охъ, недайте пропасты.... колетъ.... охъ тяжко мені!.... робить що знаете.... ко.... колетъ менє!....

«Дє саме колетъ, Машечко?»

— Отъ.... у бикъ.... охъ, охъ!.... У ливымъ ббци.... Поможить мені!.... незтерплю....

Кынувся Наумъ, выкресавъ вогню, засвтитывъ свѣтло— ажъ и Настя вже встала; де та й сыла узялась? До Маруси.... а вона усє дужче стогне....

Що робыты? и самы незнають. Сякъ-такъ, старі у-двохъ затопылы пичъ, укрылы йи кожухаы.... такъ крычыть: дупно! невлєжу на печі.... положить менє на лави... охъ, дупно мені!.... охъ, ваько мені! Болыть-же бикъ.... охъ болыть!....»

Послалы мерщій на лави; узялысь обде старі звдыты Марусю.... вона нездужа йты, старі нездужають йи весты.... тягнутця, сылкуютця, спотыкаютця.... Наумъ сєрдытця, крычыть на жинку, що ёму непомага; Настя ворчыть на него, що винъ дочку на неи схыля.... Маруся стогне, плаче, а старі, дывлячысь на неи, соби плачуть.

Черезъ превельку сылу дотаскалы Марусю, положылы на лави, вкрылы рядномъ, бо усє каже, що йи дупно; а самы сталы радытысь, що зь нею робыты? Настя—проби бигты до знахуркы, щобъ вмыла або злызала; бо се йи, мабутъ, зъ очей; або нехай переполхъ выыва, або трясьцю видшєптуе; нехай що зна, те й робыть. Такъ же Наумъ не тій; бо дуже нелюбывъ ни знахурокъ, ни ворожокъ, що тилки дурныкивъ обдурюють, та зъ ныхъ гршыкы дуплять, а самы неможуть ніякого добра никдму зробыты, хыба тилки биду, такъ-такъ! Отъ винъ заразь доставъ Йорданьскои воды, та й звелівъ Наси, щобъ нею натєрла Маруси бикъ, де болыть, и давъ тыєи жь воды тршкы напытысь, а самъ пидєурювавъ йи Херувымськимъ велыкоднымъ ладаномъ, помолывъсь зь На-

стею Бóгу.... ажь ось и Мару́ся прыгты́хла и ста́ла-бъ-то за-сыпа́ты. Ста́ри вже хоты́лы зъ ра́досты гасы́ты и самы́ ля-га́ты.... якъ тутъ впя́ять Мару́ся несвоймъ гблосомъ закры-ча́ла: «охъ лышечко! ко́леть менè, ко́леть у бйкъ, печè.... Охъ, т́рудно мени́! Ба́тиночку ридне́нькый, ма́тиночка моя, го-лубочко! Рату́йте!.... поможы́ть мени́!.... Смерть моя́!.... недаè.... мени́ дыхаты!....»

Ба́чыть Нау́мъ, що зовсы́мъ бидá, трéба що-небудь и ро-бы́ты, схопы́въ ша́нку, побйгъ до сусы́ды, розбуды́въ, попро-ха́въ йй, щобъ ййшла́ швы́дче на по́мичъ до Насти; по́кы упрá-вывьсь, по́кы допрыводы́въ йй до двора́, ажь вже и свита́. Не заходячы до-дóму, пишóвъ у гóродъ. Бувъ у нёго знако́мый прыя́тель, цылю́рыкъ, та щè й Мару́сынъ кúмъ, вона́ въ нёго ажь трéхъ диточо́къ хресты́ла, такъ до нёго пишóвъ винъ ра-дытысь, щó трéба робы́ты; а колы́ мóжно, то щобъ и самъ прыйшóвъ, та й подывы́вьсь на боля́щу.

Такъ-то старо́му швы́дко й дйты́! Ййде́ и, ба́чытця, усè на одны́мъ мй́сци; ста́не поспы́пать—зады́хаётця, нóгы споты́каютця, зовсы́мъ хочъ впáсты. Жалкúе Нау́мъ, що незбу-ды́въ когò зъ батраки́въ, що въ солóми на току́ спáлы, такъ щó-жь бо? Хочъ бы́ и швы́дче дйшóвъ, такъ невмы́въ бы такъ усèго розказа́ты; а якъ бы цылю́рыкъ незахоты́въ ййты́, то батра́къ невмы́въ бы ёгò и упроха́ты, якъ самъ отéць.

Сбне́чко пидняло́сь, тогдй Нау́мъ дотю́павъ до цылю́ры-ка. По́кы ёгò збуды́лы... бо вы́нъ собй́ бóвъ вже багатéнькый, а черезъ корóвьячу вй́спу, ста́въ вже у па́нскимъ ка́птáни ходы́ты, такъ трéба вже туды́ жъ, за па́намы, дóвго ра́нкомъ спáты. Отъ, по́кы зогры́лы ёму́ самова́ръ, по́кы вы́нъ напы́вьсь тогò ча́ю, прысмóктуячы лю́льку, якъ нашъ спрáвныкъ, по́кы то выйшóвъ, потяга́ючысь, до Нау́ма, ажь вже булò геть-геть! Та вже за те́ спасы́би, що якъ розпыта́въ, чымъ Ма-ру́ся недúжа, такъ разо́мъ и зйбра́вьсь. Схопы́въ швы́дче щось-такè за па́зуху, та зы́явъ скля́нку зъ чымъ-тосъ, та й ка́з: «Нау́мъ Семёновыч! Хúдо дйло; трéба поспы́пать якъ мóжно. Непоскупы́сь наня́ты збйржу, Мени́ ничóго и проходы́-тысь, та трéба поспы́пать». Нау́мъ зара́зъ шатну́вьсь, наня́въ збйржаны́ка и побйглы́ що е дúху зъ цылю́рыкомъ до-дóму.

Якъ огляды́въ цылю́рыкъ Мару́сю, та ажь зацмо́кавъ! Ста́въ йй розпы́товаты, де́ са́ме и якъ у нёй болы́тъ? Такъ

вона за кашлемъ и слова не скаже. Цылюрыкъ ажъ головою покрутивъ, та й казъ соби тыхенько: «овва! худо дило!» А Наумъ се почувъ, та й рѹкы опустывъ....

Кынувся цылюрыкъ и яко мога поспиша; та й кынувь йй руду зъ рукы, дали розвѣзавъ пляшку, ажъ тамъ усѣ пъявки, та й попрыскавъ ихъ до боку. Пдыкы сѣ, пдыкы тѣ дялось, Наумъ такъ, що ни живый, ни мѣртвый; то пиде, то стѣне, то сѣде, та усѣ здыхаючы рѹкы ламѣ; а пѹще тѣ ёго змутыло, що цылюрыкъ бувъ невесѣлый. А Настя, бѣдна Настя и байдужѣ соби! Вона тамъ около Маруси и помагѣ, и дѣржыть, и що трѣба рѣбыть, и такъ зправлѣетця, що нынѣче и небулѣ недѹжа. Такъ-то велыке горѣ и бидѣ якъ постыгне, то вже мѣньше и забѹдешъ, и неповажѣешъ ёго.

Управывшысь, цылюрыкъ выйшовъ у сѣны виддыхнѹты. Наумъ прыставъ до него зъ рѣпыткамы. «Худо дило!» сказавъ цылюрыкъ. Наумъ такъ и кынувся ёму у нѣги и ажъ плаче, и говорыть: «Прыѣтелю мѣй, Кондрѣте Ивановычъ! робыть що знаѣшъ, тилки непогубы могѣ дытѣты! неположы менѣ живѣго у яму!.... Вѣкъ бѹду бѣтькомъ рѣднымъ звѣты! берыть що хочъ, берыть усю худѣбу.... тилки выличы Марусю!....»

Цылюрыкъ ажъ заплакавъ и казъ: «Друже мѣй, Науме Семеновычъ! Хыбѣ жѣ менѣ не жалъ своѣи кумы? Щѣ-бъ-то я робывъ, щобъ выличыты хрещѣну матиръ свойхъ дѣтѣкъ? Та якъ нема Бѣжои воли, такъ нашъ браччыкъ, хочъ зъ десятию головами, ничѣго не рѣбыть!»

— Такъ моѣй Маруси нежывотѣты? ажъ скрыкнувъ Наумъ.

«Одынъ Богъ зна!» сказавъ цылюрыкъ, та й пидшѣвъ впѣѣть до недѹжои.

Подывывшысь на неѣ и подѣржавшы за жылу довгѣнько, казъ: «Молысь, Семеновычу, Богу! колы засне, то нѣ-объчимъ и журѣтысь; здаѣтця що скѣро засне». Отъ и видступылыся видъ неѣ тыхѣсенъко, щобъ йй немишѣты спѣты....

Такъ куды-жѣ-то!... Тилки що нѣбы стѣла дримѣты, якъ пиднѣметця кашель, та прездоровѣнный; такъ и пидступѣ пидъ грѹды и дыхаты йй, сердѣшний, не дѣе; а тѹтъ у бѣкъ знѣвъ стѣло шпыгѣты.

Дѣвго тогѣ розказоваты, якъ вона тры днѣ такъ страждала! Щѣ такы цылюрыкъ личывъ, а тѣ винъ и нѣмця пры-

вдзвѣвъ; и тѣй и масть до бѣку прыкладавъ, и чо́го то вже неробывъ.... такъ нема́ лѣхше, та й нема́! и що́ дали то усѣ гіршъ бу́д.

Наўмъ дававъ имъ волю, що хотѣлы, робылы; а самъ, запѣршысь, усѣ Бо́гу молывъсь; впаде́ навкѣлишкы, рѣкы ламà; якъ вдàрыть поклѣнъ, та зъ пивчасà лежыть и усѣ мо́лытця: «Гѣсподы мылосѣрдны́! Неосыроты́ насъ! Невиднимай видъ насъ нашо́й радѣсты! Рипы́ мене́ усій худѣбы; озмы́ мене́ старо́го, немоцно́го, озмы́ мене́ до се́бе; а нехай вона́ поживе́ на свѣти....» дали́ й закинча́: «Да бу́детъ во́ля Тво́я Свята́я зо мно́ю грѣшнымъ! Ты́ усѣ зна́ешъ, Ты́ лу́чче зрѣбышъ, чымъ мы́, грѣшны́, дѣумаемо!» Пидйде́ до нѣмця, прѣсыть, рѣкы ё́му цилѣе.... вы́нисъ скрѣньку зъ грѣшамы, а ма́буть бу́дѣ у нѣй сотъ трѣ́ рубливъ, и прѣсыть: «Беры́, ка́з, скѣлки хочъ, усѣ озмы́, усѣ худѣбу озмы́, усѣго рипѣсь, у старцѣ́ пидѣ́, тѣлки вы́личы моѣ́ дытѣ́; вона́ вѣ мене́ однѣсинька.... Безъ не́и на-що́ мене́ жыты́? Небу́де мене́ нѣякды радѣсты.... хтѣ́ мене́ догляне.... хтѣ́....» та такъ и заголѣсыть.

Дарма́ що́ нѣмець, та й вѣнъ заплакавъ, и хочъ-бы тобѣ́ копѣчку узывъ. У оста́нній разъ́ якъ бу́въ, и вѣпѣ́тъ чо́го то неробывъ, а дали́ сказа́въ: «Ничѣ́го немо́жно зрѣбыты!» Зъ тѣмъ и пойхавъ.

Молывъсь Наўмъ, молывъсь.... и що́-то вже плакавъ! Такъ и пидшывѣ́ слѣза́мы. Дали́ выйшовъ́ изъ кимнàты, подывывѣсь на Марусю́, ба́чыть, що́ вона́ якъ та́я свѣчечка догѣрюе, перехрѣсты́въсь и на-думци ка́з собѣ́: «Гѣсподы! Тво́я во́ля свѣта́я! Просты́ насъ, грѣшныхъ, и навчы́, що́ намъ рѣбыты́ и якъ тебе́ слѣхаты?» Та зъ сымъ сло́вомъ и пѣшовъ.

Йде́ и за слѣза́мы свѣта́ неба́чыть. Позва́въ пан-отцѣ́; тѣй ажъ здывовавъсь, що́ така́ здоро́ва дѣвка, у трѣ́ днѣ́, якъ занедѣ́жала, а вже́ й на бѣжѣ́й дорѣзи.

По́кы пан-оте́ць прѣйшовъ́ зъ свѣтѣ́стю, Наўмъ верну́въсь и криплячы́сь, що́бъ неплакаты́, черезъ ве́лыку сы́лу ка́з Марусѣ́:

«Дѣню! за́прычастымѣ́ тебе́! Чы́ неда́сть Богъ швѣ́дчъ здоро́вѣя?»

— Я се́гѣ хотѣла́ проха́ты.... та боя́лась васъ потурѣ́баты.... И вже́ здоро́вѣя!... Хыба́ спасѣ́ння ду́шы.... колы́-бъ тѣлки швѣ́дче....» лѣ́двѣ промѣ́вила се́е Марусѣ́.

Кынуласть Нэстя хату прыбрэты и сiны упораты, а Наўмъ засвiтiвъ свiчечку и ладаномъ покурывъ; ажъ ось и батюшка прыйшдвѣ.

Поки Маруся сповiдалася, Наўмъ изъ Нэстѣю, и хто щѣ бувъ у ныхъ изъ сусiдiвъ, выйшлы у сiны. Отъ Нэстя и кэз мужыкдвi:

«На-що ты iй такъ сполбавъ? Вона тепѣръ подума, що вже зовсiмъ вмира, колi прывелi пан-отця?»

— Що-жъ, старэ, будемо робыты? здохнувши тяжко, сказаў Наўмъ. А яковѣ-жъ-бы намъ булѣ, якъ-бы вона вмерла безъ покаяныя?

«Та що-бо ты, старый, гаворышъ? Дѣ iй ще вмираты? Ще тiлки сѣгодня четвѣртый дѣнь, якъ гараздъ и занедужала....»

— Алѣ, четвѣртый! У Бѣга усѣ готѣво, Ёгѣ свята вѣленька! Повелiтъ, то я ще швiдшъ iй вмиру, дарма, що вона вже на ладанъ дiше. Сказаў Наўмъ та iй видiшдвѣ, гiрко заплакавши, и кэже собi тыхѣнько: «И колi-бъ-то Господъ послаў мени сюю мiлость! Вѣля Твоя, Гѣсподы!»

Задумалася и Нэстя. та iй дума: «Чы правду-жъ-то Наўмъ кэз? Якъ-такi, ни горывшы ни болившы, та iй вмираты? Хочъ-бы тыжнявъ двэ пролѣжала, а тѣ....»

Тутъ пан-отѣць вкiкнувъ, щобъ усi iйшлы у хату, будѣ iй прычащаты. Наўмъ тiлки самъ жывыi та теплыi, ще здужавъ пидвесты iй до святагѣ прычастья.... Маруся прыняла Тэiны Хрыстѣвы, якъ янголъ бѣжый; пѣтимъ лягла, перекрестылася, пидвелэ очыци у гѣру и веселѣнько проговорила: «Колi мени... такэ радистъ тутъ... пiслэ святагѣ прычастья... що-жъ-то будѣ у царствi небеснимъ? Прыимы и менѣ, Гѣсподы, у царство Твое святѣ!» Пан-отѣць, посидившы и поговоривши дѣ-чѣго зъ пысьма, пiшдвѣ до-дѣму.

Трѣшки погодя, чують, що кашель вѣ Маруси нiбы переставъ, и вже вона хочъ и нестѣгне, и будимъ-то спыты, такъ у гѣрли стало дужѣ хрыпiты, а у грудяхъ ажъ клекотыты....

Отъ Нэстя и кэз до старѣго: «Та ей-Бѣгу, вона невмрѣ; бачъ, iй полѣхшало».

— Мовчы, та молысь Бѣгу! сказаў iй Наўмъ, а самъ ажъ трусытця. Тепѣръ, кэз, янголы святiи литэють надъ нею Страшный часъ тогдi настаѣ, якъ праведная душа кончытця Намъ грiшнымъ треба тiлки молытысь Бѣгу!

«Господы мылостывыи! Ты самъ бойся, та й менé лякаешъ». Такъ казала Настя, небачачы свои биды, а Наумъ знавъ дóбре усé и знавъ, щó до-чóго, и писля чóго щó идé, та й каз: «Колы-бъ-то Бóгъ мылосéрдный сотворывъ такде чúдо!» Дáли засвитувъ страшнú свичку, поставывъ передь образáмы, а самъ пишóвъ у кимнáту.... и щó-то вже молы́всь Бóгу! Куды-то необищавсь и́ты на богомóбля? Скилки худóбы роздаты на церквы, старцáмъ....

Якь óсь Маруся такы дужéнько промóвила: «Тáточку!... мáтинко!... а пидйды́ть до мене....»

Отъ воны й пидйшлы. Наумъ бáчыть, щó Маруся зóвсймъ зминылась на лыци: стáла соби румя́ненька, якь зóренька передь схóдь сóнца; очыци якь ясочкы грають; веселéнька, и видь нéи ненáче ссáе. Винъ знавъ, до чóго се прыхóдытця, здрыгнувъ увéсь, зкрипывъ сéрце, а слéзы знай глытá, та думкою тилки такъ помолы́всь: «Чáсь прыйшóвъ.... Гóсподы, неостáвь менé!...»

Маруся имъ и каз: «Бáтеньку, мáтинко, мой риднэсеньки! Просты́те менé грйшную!... Попрощáймося на сймъ свити.... пòкы Бóгъ зведé насъ до кúпы у своймъ цáрстви». Тутъ стáла имъ рúкы цилóваты; а воны такъ и розлывáютця, плачуть и йй цилóють. Отъ вонá имъ и каз впя́ть, та такъ веселéнько и усé усмихáючысь:

«Спасы́би вамъ, мой риднэсеньки, щó вы менé любы́лы... и кохáлы менé.... Просты́ть менé, мóже колы васъ непослúхала... або сéрдyla... Мени́ Бóгъ грйхы просты́въ... просты́ть и вы!.. Невбывáйте дúже за мною, бо се грйхъ... та помьянитъ мою грйшную дúшу.... нежалуйте худóбы; усé земля и пыль.... Годы-жь, гóди, неплáчте.... Бáчыте, якá я весéла.... тáмъ мени́ бóде прехóроше!... Колы-жь-небóдуть трéба и вмéрты... Мы недóвго бóдемо ризно; тáмъ гóдь—якь часы́ночка... Бáчыте, я нежалкúю за вáмы... бо скóро побáчымось... Васы́!... ох! Васы́лечка могò якъ побáчыте, скажы́ть, щобъ невбывáвсь.... скóро побáчымось.... Я ёгò дúже, дúже любы́ла!... Горы́пкы мой положы́ть мени́ у рúку, якъ помрú; а платóкъ.... верните ёму́.... А дé вы?... Я щóсь васъ небáчу.... Тáточку! Чытáй мени́.... гóлосно молы́твы... а ты, мáтиночко.... хресты́ менé.... По-бла-го-словы́ть-же.... менé....»

*

Наўмъ ставъ чытаты молитвы, а Марўся сылковалася, та неадужала за нымъ и сло́ва сказа́ты; а винъ, що ска́же слѣво, та й залѣтця слѣза́мы, перепла́че, та впя́ть чыта́. На́стя чы перехресты́ла двѣчи, та й знемогла́ и ту́тъ-же впала́. Сосѣда подала́ Марўси́ у ру́кы свѣчку, и вже на сы́лу ру́ку розпра́вила, бо вже ста́ла застыва́ты.... Отъ вже и гл́асу їй неста́ло чу́ты.... Наўмъ нахлы́бсь, та надъ ухóмъ їй го́лосно чыта́: «Ви́рую во еди́ного Бо́га», та Богорóдыцю.... а се вона́—зы́ркь очы́ма, та й сказа́ла го́лосно: «Чы вы чу́ете?... Що́ се такé?» Наўмъ впа́вь на вкóлишкы и ка́з: «Мо́літєся усї́! Янголы прылетѣ́лы по їй д́ушу!» Дáли Марўся щé спыта́ла: «Чы вы ба́чытє?» Та й замóвкла.... здохну́ла ва́жко.... тѣлки й промóвила: «Ма́ты Бо́жа!... прыймѣ....» и успоко́илась на-вѣкы!...

Наўмъ зкóчывъ, сплесну́въ рука́мы, пидня́въ очі́ вь го́ру и сто́явъ такъ довгѣнько Дáли па́вь передъ обра́зэмы на вкóлишкы и мо́лѣвсь: «Неоста́вь менѣ́, Го́споды, Отѣ́ць мылосѣ́рдный, у сюю го́ркую годѣ́ну! Цѣ́лый вѣ́къ ты менѣ́ мѣ́ловавъ; а на ста́росты, якъ менѣ́ трѣ́ба бу́дэ у зѣ́млю ляга́ты, посла́вь Ты менѣ́ такé го́ренько!... Укри́пѣ менѣ́, Го́споды! що́-бъ я незогри́шѣвъ передъ Тобѣ́ю!»

Кыну́вся до Марўси́; прыпа́вь до не́и, вѣ́щиловавъ їй ру́кы, щóкы, шы́ю, лóбъ, и усѣ́ прыговóрюе: «Про́цай, мо́я дóнечко, утѣ́ха, ра́дисть мо́я! Завѣ́яла ты, якъ садо́вый цви́точокъ; засóхла, якъ бы́лынка! Що́ я безъ те́бе тепѣ́рь зоста́всь? Сыротá! Пў́ще малóи ды́тѣны. Объ ды́тѣны жалкúють, ды́тѣну прыглядя́ть, а менѣ́ хтó тепѣ́рь прыгля́не?... Тепѣ́рь ты у но́вѣмъ свѣ́ти, межъ я́нголамы свѣ́тымы; зна́єшь, якъ менѣ́ та́жко, якъ менѣ́ гѣ́рко безъ те́бе: мо́лѣсь, щобъ и менѣ́ Богъ до те́бе узя́в!... Закрыва́ю тво́й óченькы до стра́шнóго сýду! Непобáчу у ныхъ сво́ей ра́досты билшъ! Склада́ю тво́й рúченъкы, що́ менѣ́ годувáлы, опáтрувалы, обнима́лы....»

Винъ-бы й до́вго коло не́и вбывáвся, такъ ту́тъ сосѣда пидѣ́йшла та й ка́з: «Пу́сты, дя́дку! вже́ ты їй непиднѣ́мєшь; а óсь прышлѣ́ дѣ́вчата убѣ́ра́ты Марўсю; ты ї́йды, та дава́й поря́докъ, бо ба́чъ, На́стя безчувствѣ́нна те́жъ ле́жыть».

Наўмъ ставъ надъ На́стею, впя́ть гѣ́рко запла́кавъ, та́ й ка́з: «Устава́й, ма́ты! дру́жечкы́ прышлѣ́; неха́й убѣ́рають до винца́ на́шу молодú.... а я́ пиду́ ла́годыты весѣ́лья!...»

Прышэдчы винь до пан-отця, незмігъ и сло́ва сказа́ты, а тѣлки що пла́че, такъ що й Гбсподы! Пѣнь зара́зь дога́давсь, та й каа: «Ца́рство небесе́нн ій! Пра́ведная ду́ша́ бу́ла: упоко́й ій Гбсподы со свѣты́мы!» А помолѣ́вшысь и ста́въ розважа́ты Нау́ма, пѣкы позихо́дылыся дякы; да́ли пишлы у це́ркву; пѣнь ста́въ службы́ты панахѣ́ду, а по ду́шѣ звелѣ́въ дзвонѣ́ты на Непорѣ́чни, якъ по старо́му и по почѣ́тному чо́ловѣ́кови; та й посла́въ сукно́ и ставны́къ, и звелѣ́въ іѣ́ты чыта́ты Псалты́ри.

Увѣ́дшы Нау́мъ у це́ркву, такъ и па́въ передъ обра́зѣ́мы, та й мо́лѣвсь, що́ такы́ за впоко́й ду́шѣ́ свогѣ́ дыга́ты, а то́ такы́ зна́й увыва́въ: «Гбсподы мы́лосе́рдны́! Да́й менѣ́ ро́зумъ, що́-бъ я́, пры та́кѣ́й тѣ́жцѣ́й бѣ́дѣ́, непрогнѣ́вѣ́-бы Тебе́́ нетѣ́лки сло́вомъ, та́ нижѣ́ дѣ́умкою!»

Якъ-же заспѣ́валы *вечную памѣ́ть*, такъ и са́мъ почѣ́всь, що́ ё́му́ я́кось-то ста́ло ле́хше на ду́шѣ́ и, хочъ и жа́ль ё́му́ дочкы́, що́-то вже́ и ка́заты, кри́чко жа́ль! та́ зара́зь и подѣ́ума: «во́ля Бо́жа! Во́на́ тепѣ́рычка у ца́рствѣ́; а за та́кѣ́е го́ре, що́ мы́ тепѣ́ръ терпы́мб, Бо́гъ и на́сь сподѣ́быть зъ не́ко́ бу́ты!»

Бо́дро дѣ́йшо́въ до-до́му. Вже́́ Мару́сю наряды́лы и поло́жылы на ла́ви, бы́ля ви́кна. Ста́въ Нау́мъ надъ не́ю, помо́лѣвсь, зложѣ́въ ру́кы на́-хрестъ, та́ й ста́въ прыговѣ́риваты: «До́бенько́ мо́я мѣ́лая! Мару́сенько́ мо́я незабу́тная! Що́-жъ ты негля́нешь ка́рѣ́нькымы сво́ймы оче́ня́тама на свогѣ́ ба́тенька рѣ́дного? Що́-жъ некі́нешся ру́ченькамы обня́ты егѣ́?... Що́ непроговѣ́рышь до не́го ни сло́вѣ́чка?... Ты́-жъ мене́ та́къ за-всегда́ зо́стрича́ла.... а тепѣ́ръ.... за́крыла сво́ю оче́нькы, пѣкы вздрѣ́шь Гбспода́ на стра́шнѣ́му су́ди; зложы́ла ру́ченькы, пѣкы зъ сы́мъ хрестѣ́мъ, що́ тепѣ́ръ де́ржышь, вы́йдешь зъ до́мовы́ны назу́стричь Ё́му; скри́пыла уста́, покы́ зъ я́нголамы не́станешь хва́лыты Ё́го!... На ко́гѣ-жъ ты на́сь покы́нула?... Узя́ла на́ши ра́доци зъ со́бою; хтѣ́ на́сь бу́де весѣ́лыты та́кѣ́ю до́брѣ́стью, якъ ты́? Хтѣ́ на́сь, сы́рыть, на ста́росты́ бу́де жа́ловаты?... Хтѣ́ на́сь, якъ бы́лыночокъ у по́ли, бу́де догля́даты?... Хтѣ́ зо́пыны́ты на́ши го́рю́чѣ́ слѣ́зы?... Хтѣ́ обитре́ намъ сма́жны́ уста́?... Хтѣ́ у до́блѣ́зѣ́хъ про́мѣ́чыть намъ за́пѣ́кшы́й я́зыкъ?... Неповесѣ́лыла ты на́сь, жы́вучы́ зъ сво́ймъ Васи́лѣ́мъ! Непора́довала на́сь сво́ймъ весѣ́льячкомъ!... Бе́решь своѣ́ диво́ва́нья

у сырў зэмлю!... За те подруженькы убрамы твою рўсюю кóсу, якъ до винця: скиндячечкы полбжени.... квітчкáмы заквйччани.... и зъ прáвого бóку то-жь квіткa; нехай люде бáчуть, що ты будá дивою на землi, дiвою iйдешь и на тóй свитъ».

Якый зибрався нарóдь—а вже такы повнiсинька була хáта и въ викнó багáто дывiлося—такъ усi на-взрыдъ плачуть!... Та й якъ мóжно будó утёрпиты, дывлячысь на чоловика, що зовсимъ у старóсты, сидóго якъ лунь, немоцнóго—стойть надъ своимъ дытáтею, що однимъ-одна й була ёму на-свити, и тó пережывъ, и тó, на самимъ цвиту, ховá, а самъ застаётця на свити зъ старiстю, зъ недугамы, зъ горемъ, одынъ собi зъ старóю до якóго чáсу! Якá вже ихъ жывъ буде?... Та щó й казáты!... Та щé-жь якá й дытына! Колы-бъ ужé яка-нé-будь, такъ-соби, такъ-бы и сюды й туды; а то-жь дiвка, не то що на усé селó, та врдъ, чы де й блызько така була: богобоялыва, богомiлна, до усякого дiла невсыпуца, слухяна, покiрна, звычайна, тыха, розумна, и що вже красыва, такъ вже нiчого й говорыты! И щó-то: хто й знáвъ iй, хто й незнáвъ, то усякъ любывъ и поважавъ, и якъ почулы, що вона вмёрла, то всi-жь-то, и старi, и молодi, та й малá дытына, усi за нёю жалковáлы и збiглыся дывытысь на нёи и по нiй журытысь.

Объ старiй Нáсти вже нiчого й говорыты: нездужала не то що порядку давáты, та й зъ мiсця невставáла; усé сыдiла быля покiйныци, и вже неплáкала, бо и слёзъ нестáло, а тiлки тáжко здыхáла и ни пив-слóва нездужала голдсáчы прыговóрваты.

Послухавшы Псалтырi, що дякъ усé чытáвъ, Наумъ сивъ быля своei старóи, та й кáз: «Щó, старá! Управылысь мы зъ тобóю? Збирáлысь весiлля граты, ажъ ось пóхороны! Охъ-охъ-óхъ! Хвалы, Нáсте, Бóга!»

— Сé намъ за грихы нáши, Науме, Богъ наказаные по-слáвъ! сказáла ёму Нáстя.

«За грихы!» сказáвъ подумавшы Наумъ. «Чы ё такá кáра, щобъ нёю удовлýты за нáши грихы?... Що-дёнъ, що-чáсь мы тáжко согришáемъ передъ Гóсподомъ нáшимъ; такъ чóго-жь мы достóйни?... Якъ-бы Отець нашъ небесный робывъ зъ нáмы не по мылосёрдыю, а по прáвди Свойi святiй, такъ мы-бъ

и давнѣ недостѣйни и на свѣтъ дывытысь. Міры нема Ёгѣ добристы!»

— За чымъ-же винъ узявъ у насъ одну нашу радисть? Щѣ мы теперь бѣдемъ?

«За чымъ? Дурна, дурна! За чымъ узявъ? Щѣ-бѣ дытына добрая, за добристь и Емѣ мылая, пожившы у сѣмѣ злому свѣти, та бачачы дрѣтыхъ, непишла у слидъ за тымы, щѣ не по Ёгѣ воли рѣблять; щѣ-бѣ нестала й вона така, котрыхъ Винъ нелюбѣть. А за лыхѣ и злѣе дытя Богъ карма отца и матирь, такъ-бы мы булы-бѣ и за неи у одвѣти; а теперь, колы дытя наше будѣ добрее, то черезъ неи и намъ щѣ-небудъ Богъ зъ грихивъ простыть».

— На когѣ-жѣ мы теперь застаемѣсь? и хтѣ насъ у старосты та у немошахъ догляне? пытала щѣ-таки Настя.

«И я тѣ-жѣ дѣмавъ зъ першого часу», каэ Наѣмъ, «а дѣли, по мой молытви, Богъ такыи менѣ рѣзумъ давъ: небудѣ у насъ дытѣты, самы по собѣ жылы, бѣдемъ и безъ неи. Ты скажешъ: тогдѣ булы молодѣ та здорѣви; а теперь старѣ, нездѣжаемо рѣбыты на себѣ. Насте, Насте! И у молодыи литѣ, не самы по собѣ мы и жылы, и рѣбылы, и пропытѣлыся; Богъ намъ помогѣвъ; Винъ-же намъ и теперь недасть пропѣсты. Поживемѣ щѣ, потерпымо щѣ за грихы наши на сѣмѣ свѣти; по Ёгѣ волонци прѣйде и наша годына. Ты менѣ закрьешъ ѳчи, а тебѣ.... тогдѣ крѣглу сыротѣ, у бидѣ, щѣ й лѣчче непокыне Тѣй, щѣ й маленьку комѣшечку догляда, та й зберѣтъ насъ до кѣпы, и наша Марѣся насъ тамечка зострѣне. Колы-жѣ-небудъ прѣйде сѣй часъ; не стѣ литъ бѣдемъ тутъ бѣдствоваы.... та хочъ-бы и стѣ литъ, хочъ-бы и бѣлшъ, и хочъ-бы щѣ гѣршу бѣдѣ намъ Богъ послѣвъ — колы ѣ щѣ якѣ гѣрша сѣи — такъ чы мѣже-жѣ-то и зровнѣтысь противъ тѣго, щѣ намъ бѣде у Гѣспѣда мылѣсѣрдного, и де теперь наша Марѣся? Годѣ-жѣ, гѣди, неплѣчь, та давай порѣдокъ. Жывыи жывѣ гада, такъ и мѣ; трѣба усѣ полѣгодыты, якъ звычѣйно и якъ тыяки мѣжемо щѣ зрѣбыты и за дѣшу и за слѣву нашей Марѣси».

Стѣло надъ-вечиръ. Пѣдъ комѣроу знакомыи Наѣмови малѣрь малѣе трунѣ — та щѣ за слѣвна була! Дубѣви дѣпкы, та товстѣ, та сухѣ якъ зализо, та й зрѣблена чѣсто, якъ столѣрна; бо й тѣсли, щѣ й рѣбылы, жалкѣючы ѳбъ Марѣси и люблячы Наѣма, видѣ щѣрого сѣрца й рѣбылы. А якъ щѣ

маляръ вѣчернывъ їй та на крыпши змалёвавъ хрѣсть святый, та кругомъ попысавъ слова усякымы красками, у головахъ намалёвавъ янгола божого, а у ногахъ зпысавъ патрѣтъ изъ смѣрты, зъ кисткамы, та такъ живо, що якъ настояща смѣрть; такъ така домовына, що хочъ-бы и усякому доброму чоловікови такъ Богъ прививъ. У хати и у кимнати жинкы поралысь, то дижу наставлялы, то муку сїялы, то локшыну крышлы, то птыцю патралы; а народъ, то была мѣртвои, то была видчыненого викна, що надъ нею, дывылыся; а обде старї изъ журбы такъ вже зтяглыся, що ажъ зляглы... якъ разомъ—крыкъ! Хтось дуже застогнавъ, ажъ закрывавъ.... народъ за викномъ тожь крыкнувъ: «Васыль, Васыль» — и розступивсь. Наумъ, почувшы сее, зкочывъ, зїркъ у викно..... лежыть бідный Васыль была викна, мовъ мѣртвый зовсімъ!...

У ти поры, якъ дзвонылы по душы Маруси, йїхавъ мѣмо цѣрквы сердека Васыль и поспишавъ яко мѣга до хазяїна зъ радостью, бо усє зробывъ, якъ тїлки лѣчче мѣжно було и визъ єму велькы барышы. Якъ йїде, и чѣе, що дзвонють; здрыгнувъ крыпко, неначе єму хто снїгу за спыну насыпавъ, а у животї такъ и похолонуло и на душу така журба пала, що й самъ незна, що винъ такє ставъ. Перехрестывсь и сказавъ: «дай Бѣже царство небесне, вѣчный покѣй помѣршому!» а самъ по кѣнямъ погнавъ, щобъ швѣдче одчѣтъ виддаты хазяїну, та й до Маруси, и щобъ вже зъ нею нерозлучатыся, ажъ до весїлля.

Такъ отъ-якє весїлля знайшовъ Васыль! А якъ побачывъ свою Марусю, замїсць, щобъ на посади сыдытъ, лежыть на лави пидъ цѣрквнымъ сукнѣмъ, хочъ и ўбрана и заквиччана, та не до винця зъ нымъ, а у яму видъ нѣго йты! Якъ се побачывъ, закрывавъ жалїбно, застогнавъ, поблїдъ якъ смѣрть, та тутъ-же и впавъ, мовъ нежывый!...

На сылу, та на превельку сылу єго видволѣдалы. Вже й водою облывалы и трусылы..... ажъ осъ зырнувъ, повивъ кругомъ очыма, та й сказавъ тыхєсенко: «Марусю!... де моя Маруся?....»

— И вже, сыну, Маруся ни твой, ни наша, Бѣжа! ставъ єму Наумъ казагы. Покинула насъ!» Васыль сыдытъ, якъ окамъяниый, и небаче, и нечѣе ничѣго. Отъ Наумъ подумавъ, бачыть, що трѣба єго розжалобыты, щобъ тїлки винъ заплакавъ,

то ёму и лѣхшѣ бѹде; отъ и ставъ до нѣго говорѹты.... Та вже-жѣ якъ-то жалибно говорѹвъ, що й подѹматы такъ немѹжно, якъ-то винъ ёму усѣ розказовавъ: якъ ёгѹ Маруся любѹла, якъ за нымъ убывалася, якъ занедѹжала, и вмираючы, що ёму наказовала.... Васыль сѣе слѹхавшы, якъ заплаче.... зарыдѹ! якъ кынетця до неѹ.... прыпавъ, циловѹвъ їѹ рѹкы.... и невѣсмовытъ ничѹго, тѹлки: «Марѹсю.... моя Марѹсенько!» То покынетъ їѹ, плаче та вбывѹетця, та впѣять до неѹ.... а народъ такы увѣсь, та що-то: и малѹ дѹты такъ и голѹсють, дѹвлячысь на нѣго и старѹхъ, що обплакують и ёгѹ, ненѹче мѣртвого.

Отъ-такъ булѹ усѣ до вѣчера. Народъ помалѣньку розѹйшовсь, и вже ничѹю Наумъ, знемѹгшысь зовсѹмъ, трѹшки задримѹвъ. Прокынувсь, дѹвытця, що Васыль и недѹма видѹйтѹ видъ вмѣршой; стоѹтъ былѹ неѹ на вкѹлишкахъ, та знаѹ рѹкы їѹ цѹлѹе, та щось и прыговѹрюе зъ горѹючими слѣзамы. Отъ Наумъ ёму и казъ:

«Спочынь, сыну, хочъ трѹхы! Зѹвтра тобѹ тяжкѹй дѣнь бѹде; зберѹйся зъ сылою. Бѹчышь, и я, вже менѹ билшь їѹ жалко, та й я такы трѹхы задримѹвъ, щобъ хочъ малѹ голѹви лѣхшѣ булѹ».

— Вамъ їѹ билшь жалъ? казъ Васыль, та якъ се мѹжно и подѹматы? Я їѹ любѹвъ у сто разъ билшь, чымъ вы!

«Вже сѣго немѹжно розибрѹты: ты кажешъ, що ты билшь, а я знаѹ, що я їѹ отѣць, старъ чоловікъ, и вже въ мѣне дочкы небѹде; а ты собѹ, якъ захѹчешъ, дѹвку и зѹвтра знаѹдешъ....»

— Тѹту, тѹту! жалибно сказѹвъ Васыль: и вамъ негрѹхъ такъ говорѹты.... и у яку пѹру и у якѹмъ мѹсци?.... Дѹли подывѹвсь на нѣго зъ грозѹю изъ шидлѹбѹя, та й ставъ, ненѹче не у своѣму умѹ, самъ собѹ розговѹрювати: «ихъ правда.... скѹро посѹватаюсь.... та и оженѹсь.... зѹйдетесь на весѹлля.... та незѹвѹтъ попѹ.... а мѹже.... дармѹ!...»

Слѹхавшы такѹя ёгѹ рѣчи, Наумъ дѹже злякѹвсь, бо дѹмавъ, чы немѹ у нѣго помыслу, щобъ — нехай Бѹгъ борѹнытъ — самѹму собѹ смѣрть запѹдѹять; ставъ ёгѹ розважѹты и розказовати, якѹй се смѣртѣльный грѹхъ, щобъ противъ бѹжѹи вѹли смѣрты сѹкѹты, и що такаѹ душѹ непрѹшѣна видъ Бѹга у вѹкы вѹчнѹи; дѹли ставъ ёгѹ навчѹты, щобъ молѹвсь Бѹгу и

щобъ положи́всь на мѣлость Ёгд.... и багáто дѣ-чого ёму́ дѣ-брого говорѣвъ, бо бувъ дѣже розумный, хочъ и пысьмá невчѣвсь, а у бесѣди частисинько и пѣпъ незнавъ, що противъ него говорѣты, а дѣкъ, такъ и незхвѣчувався зъ нымъ.

Васкѣль на усї ёгд рѣчи стоявъ мѣвчкы, чѣсомъ усмихнѣтця, то насупытци, то забормѣче: «молѣтця? молѣтсь вѣ!» . А самъ вѣдно своё дѣмавъ. Наумъ-же, говорѣвши ёму́ дѣвго, подѣмавъ: «щѣ ёму́ тепѣрь товковѣты? Винъ и себѣ нетѣмыть. Нехай на слобѣди прѣймѣсь за него и розтолкѣю ёму́, щѣ чѣсомъ ёгд душá непропáла» .

Якъ обвѣднѣло трѣхы на двѣри, зѣразъ зибрѣлыся нѣжни люде у двѣрь до Наума: розложылы середѣ двѣрѣ вѣгѣнь; жинкы стѣлы пѣратысь, попрыставлѣлы казанкы та горшкы, и вѣрють борщѣ, лѣкшыну, квасѣкъ, печѣне крѣшуть шматкѣмы; а тамъ кутѣ у мыскы накладѣють, та сытѣю розвѣдѣють, горѣлку по пляшкѣмъ розлѣвають, щѣбъ частѣваты, лѣжкы перемѣвають, мыскы лѣгодѣть, дошкы кладѣть и усѣ гѣтѣють, якъ трѣба, щѣбъ и людемъ пообѣдѣты и старцѣмъ бѣжыкъ нагодѣваты.

Ставъ дѣнь, задзвѣнылы у старшѣй дзвѣнъ повѣгомъ, звѣчайно, якъ на збѣрь. Гѣспѣды! якъ повѣлыть нарѣдъ—такъ вѣдымо-невѣдымо! Щѣ свой сѣляне, а то и зъ гѣрода понахѣдыло и понайизжало; та булы-такы й паны, щѣбъ подѣвытыся, якъ по старовынѣ, що вѣже тепѣрь вѣвѣдытця зъ мѣды, бѣдѣть дѣвкѣ хѣваты.

Отъ, якъ видѣбрѣвъ усѣхъ, та й ставъ имъ клѣнѣтысь и просѣты: «Люде дѣбри, сусѣды любѣзныи! Панѣве-старыкы, жинѣчкы пань-мѣткы, и вѣы, парубѣцтво чѣсне, и ты, дѣвчѣ молодѣнька! незѣгнущѣйтсь послѣхѣты менѣ старѣго, бѣтъка нещѣсногѣ!» (а самъ такъ и рыдѣ). «Непрывѣвъ менѣ Бѣгъ—вѣля Ёгд свѣтá!—зѣмижъ дѣчкы вѣдѣты и зъ вѣмы, прѣятѣлѣмы, хлѣба-сѣлы роздѣлыты и повесѣлытысь, а спѣдобѣвъ менѣ, грѣшного, вѣдѣты Ёму́ однѣ однѣсинькѣ дѣбѣчкѣ, чѣсту и непѣрѣчнѣ, якъ гѣлуба бѣлого. Збѣраюсь тепѣрь похѣваты йѣ дѣвовѣннѣячкѣ, якъ закѣнъ вѣлыть и якъ йѣ слѣва заслѣжыла. Потрудѣтсь пѣты за нѣю у почѣти, проводѣте йѣ дѣвовѣннѣя на вѣшнюю жызнъ, не у новѣ хѣту и не до мѣлого мѣжа, а у сырѣ зѣмлю и у тѣмнѣ домовѣннѣ! Потѣпште своймъ послѣхѣянствомъ и менѣ старыкѣ, бѣтъка скорѣячѣго,

що своєю утробу....» Та хотівъ поклонѣтись, та ажъ впавъ до землі и гирко-гирко заплакавъ, а увесь народъ за нимъ.

Дали, уставшы и виддохнүвши, каз: «А дѣ старá маты? Нехай роздає подаркы сватамъ, та побиздъ знаяжá». Отъ поклькала Настю, а замисць їй поставылы друту жинку, щобъ голосыла надъ покійною, та прыговорювала, до якого часу треба.

Не самá вийшла Настя, а вѣвелы їй до почоту, бо вже зовсімъ нездужала. За нею вынеслы хлопцы скрыню зъ подарками и видчынылы. Отъ Настя заразъ поклькала до себе дивчаты, та й каз: «Непорáдовалася мой душа, щобъ побачыты, якъ мой мыла Марусенька, по вўлоньци ходячы, та збирала бъ васъ у дружечкы на радисть свою; а прывівъ мене Господъ самій, у старосты, гиркымы слизонькамы облываючысь, просыты, щобъ вы проводылы їй дивованьячко до темной ямы. Не довелося мені чўты вашихъ весильныхъ писенекъ до моєи Маруси, а мисць-того побачу ваши слизонькы, що зо мною прольватемете, якъ заспивають їй вишнюю пам'ятъ. Непогнѣвайтесь, що замисць весильныхъ медянычкѣвъ, або коровайныхъ пышечокъ, дає вамъ маты, нещасная, горкая, дає воскови свичекы. Засвитіте ихъ, проводіте мою Марусеньку и видайте: якъ горятъ ваши свичекы, такъ горитъ моє сѣрденько видъ журбы велькои, ховаючы однимъ одну дѣчечку, утиху мою.... а самá застаюся пры старосты, якъ былыночка у полі, и слизонькамы умываючысь». Тутъ имъ и роздавала грывенни свичекы и усє зелєного воску.

Дали достала той рушныкъ, шырбкый та довгый, та щото-вже гарно вышытыи бувъ! и що мався пидислатись пры винци пидъ нѣгы молодымъ, та й пов'язала на хрестъ святий, велькый, що по-пѣреду нѣсють.

А тамъ попереvязовалы дружкá и пидружого разъ—рушныкамы довгымы-довгымы, зъ плечá ажъ до доливки, та усє повышывовани заполоччу орламы та квиточкамы; а дали и по другомъ на-хрестъ, бѣлого полотна, довги, такъ що аршынѣвъ по чотыри, и усє пообшывани заснивками. Такымы-жъ рушныкамы попереvязовалы и свашокъ, та ще имъ и по квитци прыколды до очипкѣвъ. Старость тежъ попереvязовалы по одному рушныку, по одному, та хорѣшному. Свитылочци зробылы мечъ, якъ-такы вѣдытця на весылы: навязалы ласкавцивъ, чернѣрѣвцивъ, васылькѣвъ и позолочен-

нои шумыхою калыны, и свичечку ярого воску засвѣтылы; и мечъ обвязалы и свѣтылочку перевязалы рупныками тожь гърнымы, и усѣ выпыванымы. Бойрамъ понашывалы на шапкы шовкѣви квиткы и прави рѣкы поперевязовалы платкымы, усѣ бумажнымы, краснымы, якъ одынь, и такымы, що по тры копы жѣдѣнь. Ту хустку, тожь бумажну, що малѣся молодымъ рѣкы пидъ винцемъ звязаты, тѣ подала на срыбный хрѣсть, що пѣгъ у рукахъ несѣ, а такы окрѣме кажному попови и дякону на свичечку подалы платкы бумажни, сыни, и усякому дяку далы по хусточци. Кылымъ велькый та хорбый положылы на крышу у труны, а коць вѣжный, зъ розвѣдамы, и по серѣдыни велькый орѣль, такъ той послалы на мары пидъ трунѣ; и щобъ усѣ тѣ пишло на цѣрковъ бѣжу за дѣшу помѣршой.

Дали Настя стала роздавати изъ скрыни усѣ добрѣ, яке було: що дивѣче, чы плахточку, чы запасочку, чы сорѣчечку, чы хусточку, чы що-нѣ-будь, роздавала вѣбгымъ дивчѣтамъ, та сыротамъ, що ни бѣтка ни мѣтери, и що имъ нигдѣ узѣты; а жинѣче, то серпанкы, то очѣпочки билѣньки, то платкы на гѣлову, що було наготѣвлено йи дѣчѣцци, такымъ же жинѣчкѣмъ та удѣвамъ, усѣ вѣбгымъ; такъ що, якѣ-то велька скрыня була повнѣсинька, а тѣтъ тоби хочъ бы що зосталѣся; усѣ пороздавала, и скрыню виддала на цѣрковъ Бѣжу; и подушкы, и рѣдна, усѣ позбувала за Цѣрство Небѣсне Маруси и за дѣшу своѣю и Наумову; а дали и кѣз перекрѣстѣвшыся: «Слѣва тоби, Гѣсподы, що було що роздѣты за дѣшу моѣи мылои Марусенькы и обдилѣты дѣбрѣхъ людѣй. Нащо мѣни тѣе прыдѣне йи, колы я и йи рѣшылась....!» а переплакавши и кѣз: «Дѣ-жъ нашъ ще молодой?»

Отъ ѣго и привелѣ до неѣ. Обняла она ѣго крѣпко: цѣлуѣ, плаче и прыговѣрюѣ; «Зѣтечку мѣй мылыи!.... сыночку мѣй коханыи!.... якъ порохъ у вѣдци, такъ ты мѣни зостѣвѣся. Одже твой хусточка свѣтаная! Марусѣ безъ тебѣ усѣ йи была сѣрдѣця носыла, а вмиряючы заповѣдала прычѣпыты йи тоби, якъ бѣдутъ йи хѣваты.... Незабувѣй моѣи Маруси и якъ она тебѣ вѣрно до смѣрты любыла!.... Незабувѣй нашѣи зъ бѣткомъ старѣсты!.... Непокынь насъ.... прыглянь насъ у нѣмощахъ!.... Никѣму-жъ намъ бѣде и очѣй закрыты и помѣянуты насъ!....

Василь, блідный-блідный якъ тая настояща смёрть, во-лѣсься ёму роскудѣчене, очи, мовъ у мёртвого, дывлятця и небачуть ничѣго; рѹкы нынѣче сѹдорогы покѣрчылы, а самъ якъ лысть трѹсытця; и невчѹвся, якъ тѹю хѹстку ёму почепылы за поясъ; насылу промовывъ до Настя: «Мѣтинко риднѣнка!....» Та бйльшь ничѣго незмигъ и сказаыты. Отъ прычепывшы хѹстку, Настя перекрестыла ёго, та й каа:

«Бѣгъ тебе, мій сѣночку, сыротыночку, удовѣць безъ винця, благословыты и Мѣтирь Егѣ Бѣжа на усѣ дѣбрее, тилки непокыдай насъ...!» Сказавшы сѣе, пишла голосыты надъ дочкѣю.

Отъ якъ зовсымъ упрѣвылысь, попы почалы прѣвыты цѣ трѣба, покропылы домовыну святѣю водѣю, боѣре положиы Марѹсю у трунѹ, а дружечкы поправылы на нѣй кѣсы та цвитѣчки, и на гѣлову положиы ще винѣчокъ (бо ще не була винчана), цѣ самы звѣязалы, то зъ жѣвтыхъ гвоздыкывъ, та зъ ромѣну, та зъ разныхъ цвиткывъ.

Сердѣшный Наѹмъ лѣдвѣ нѣгы переставля, а щѣ-такы хотывъ законъ спѣлныты: пидйшовъ до труны, перекрестывъ Марѹсю, и каа: «поздоровляю тебе, Марѹсенько, на новосылли.... Бѣгъ пославъ тобѣ сѣй домъ; почывай у нимъ; нехай ни одынъ злыи чоловикъ неповорышыть твоихъ кистѣчѣкъ ни рукамы, ни языкѣмъ; щѣбъ такъ тыхо, якъ тѣперъ лежышь, пролѣжала до страшного сѹду и зъ радѣстю усталѣ зъ сымъ святымъ хрѣстомъ».

Писля сѣго боѣре й понѣслы зъ хѣты трунѹ, а Наѹмъ такы ще у слѣдъ, хочъ гѣрко плаче, а щѣ-такы посылокѣвѣся сказаыты: «Прощай Марѹсю зъ мѣгѣ дому! недѣвго ты вѣ мене гостыла, та зъ тобѣю усѣгда радистъ була.... Ты невѣрнесся во вѣкы, и я радѣсты немѣтему тѣжъ во вѣкы!»

Отъ и понеслы: попереѣдъ усѣго хрѣсть святый зъ корѣвѣмы, дѣли крыша зъ мѣрь сукномъ мѣртымъ покрыта, неслы чѣтыри хлѣпчыка якъ янѣолы, и вѣ нихъ хустѣчкы. За тымъ крыша зъ труны кылымомъ покрыта, а несѹтъ й чѣтыри боѣрына; за нѣмы попы зъ свичкѣмы и дѣконъ зъ кадѣломъ, а тамъ дякы, та такъ прѣхѣроше та жѣлибно спываѹть, цѣ хочъ-нехѣчь, такъ залѣчешъ. Отъ тутъ пишлы дружечкы по пѣрци, уси у свѣтахъ и тѣлко самѣ чѣрни лѣнты покладѣны на головахъ, безъ усякого нарядѹ, и у кѣжной

у рукахъ зелена свѣчечка пала. За дружечкѣмы ййшла сама собѣ свитѣлочка зъ мечѣмъ; за нею свашкы, дали дружкѣ и пиддружкы, а за нымы вже неслы трунѣ на марахъ боѣре; а Васыль, якъ молодый, ййшовъ зъ правого боку; на превелыку сылу ййде и ныначе й не вѣнъ: ни-до-чоґо ёму дѣла нема, що ёму скажуть, те й рѣбе и туды ййде, й очѣй незведѣ зъ своѣи Маруси.... А вона, мой сердѣшна, лежыть, мой голубочка, тымъ серпанкомъ, що мався йй на весѣлыи покрываты, покрыта усѣ, тѣдки выдѣ незакрытый; и здаѣтця, що вона, лёжучы, зъ высока усюды поглядѣ; та щѣ, якъ вона хѣроше вмирала, то такъ и усмѣшечка у неѣ на выдѣ зосталася, и она ныбы усмѣхаѣтця и потишаѣтця, що йй такъ хѣроше ховають.

Васыль бы-то мѣже бѣ и незйшовъ бы зъ мѣсця, бо въ нѣго и памѣяты небуло, такъ ёґо велы два старосты у рушныкахъ пидѣ рѣкы.

За домовыною ййшлы, або велы сусѣды и прыѣтели Наума и Настю, що такъ и розлываютьця, якъ тѣя рѣчка. А дзвѣны? такъ Господы! неперестають и усѣ дзвѣнять. А народу, народу! и за домовыною, и побыля домовыны, и по вѣлыци на пѣреди, и по ворѣтамъ, и по плотамъ.... що то и сказѣть немѣжно, скылки ихъ тамъ було.

Пѣкы донеслы до цѣрквы, то ажѣ дванадцѣть разывъ зостановлялыся чытѣты Овангелыя и усѣкый рѣзъ пидстылалы бумажныи платѣкъ. Якый пипъ прочыта, тому й платѣкъ.

Видслужывшы у цѣрквы службу Бѣжу и пѣхороны, якъ слѣдуе, понеслы тымъ же чыномъ и на кладвыще. Якъ стѣлы опускаты трунѣ у яму, то выдѣ Настѣ подалы двѣдцѣть аршыныивъ нерозрѣзанныхъ рушныкывъ, та на ныхъ и впустьылы домовыну.... и що-то! Увѣсь народъ такъ и голѣсыть! а Наумъ кынувь на вкѣлишкы, пиднявь рѣкы до горы, та й мѣлытця: «Господы праведный! Твоѣю волею осыротывъ я, старѣць немощный! Тѣло моеѣ дѣчечкы выдѣаю мѣтери нашой, землѣ; а дѣшу прыимы у Цѣрство Своѣ.... и неостѣвь менѣ грѣшного!»

Дѣлы ставъ чытѣты Отче-нашь, ажѣ пѣкы зовсымъ опускалы трунѣ и пошы мѣлытвою запѣчаталы яму. Тутъ Наумъ устѣвь, узѣывъ землѣ у жмѣню.... трѣсытця, сердѣшный, та плаче, плаче! Кынувь зѣмлю и кѣз: «дѣй намъ, Господы, у

воднімъ царстві быты зъ нею!... прощай, Марусю, ув-остань-ній разъ! Нехай надъ тобою земля перомъ!» Тожь и Настя такъ зробыла. Якъ же прыйшлось Васыльєви кыдаты, схватывъ земли у жменю, якъ зарыдъ... затрусытця, пальцы ёму звелю и рукы немуже розправыты, щобъ сыпнuty землю у яму... трясся-трясса,—такъ и впавъ нечувствённый....

Тутъ увесь народъ, кожный хочъ по миньци, кыдали землю у яму, щобъ быты зъ нею ув-однѣе царства, а дали бояре засыпали лопатамы и зовсімъ разжачыли и верхъ вы-вели, и у головахъ поставылы хресты высокыи та товстыи и зелёною краскою обмалёванный....

Отъ и уся Маруси памъять!....

Прышэдшы до-дому, и попы, и увесь народъ, и тради-щи, стлы лагодытыся обидаты; Настя перша кынулась: «дѣ-жь нашъ Васыль? нехай, мій голубчыкъ, мій женыхъ-удовѣць, нехай сядъ на посадь самъ соби». Васыля нема! Сюды-туды, дѣ Васыль?.... Нема нигдѣ....

Ськалы, ськалы.... нема! Та вже одынъ старый розска-зовавъ, що ще на кладвыщи пиднявъ ёго, и трусывъ, и водю брызжавъ, и на превельку сылу винъ очунявъ, и вид-дыхнывшы трохы, сказавъ, що пиде проходытысь. Чоловикъ пустывъ ёго и пидовъ до гурту, а дѣ-уже-винъ дився, винъ неглядывъ.

Кынулысь бояре, хто помоторнишыи, ськаты ёго; шука-лы и на кладвыщи, и по бору, и дѣ-то-уже ёго не шукалы.... нема та й нема!—ничого робыть, безъ него пообидалы.

Писля обидъ, якъ усй, дякуючы Наума и Настю и помынаючы Марусю, поровиходылысь и якъ ужѣ дома усѣ по-прыбиралы, пославъ Наумъ у городъ до Васыльєвого хазяина, чы не тамъ винъ? — Небуло, нема! Пославъ до родычивъ — нечулы и небачылы!

Справлялы Наумъ и Настя вгяты и третыны и девятыны, и полусорочыны, и сорочыны, якъ трѣба по хрысты-янськи.... И щд то за обиды булы? На усѣ село. Багато и старцямы мылостыны подавалы. Васыля-жь небуло, та й небуло! И слухъ объ нимъ запавъ! Найбильш журывсь за нимъ Наумъ, боячысь, щобъ винъ самъ соби незаподявъ смёрты. Сумуючы объ симъ, частенько плакавъ, а рано и вѣчиръ мо-

лыўсь за нёго Бóгу, щобь ёгò сохраниўь и на рóзумь навивь, и прывивь бы ёго до нёго, щобь булò комў ихь доглядiты.

Вже й годь мынўвь пiсля Марўси. Старi видпомыналы iй, якь трéба, и попамь заплаылы за сороковўсты, що нань-малы ажь у трéхь церквахь а у четвэртимь манастырi, и дякамь за псалтырь, що пишть недиль, пòкы Марўсына дўшà литала кругь iй грóба, чыталы надь нымь. Старà Нàстя журытця, ныначе сёгòдня поховала дочкў, а Наумь усè тiльки iй розважá и кáз: «Щожь робыть? молюсь Бóгу! перетерпымо тўть, бўде дòбре тамь! Ёгò свята вóля! Оть Васыльа мени жалчишь, що—не-дáй-Бòже!—чы не пропавь винь и зь тiломь и зь душэю!» А самь усимь хазайствомь розпоряжáвь, и усè дбáвь, а що змигь, то й самь робывь нелинўючысь. А що тiльки зберé хочь трóхы чогò, такь и роздаè бiднымь та неимўщымь. Усiхь обдиля,

Стáне булò Нàстя казаты: «Та чогò ты такь клопóчешь? Нà-що намь се? Чы вонò ё, чы нема, усè рóвно. Нашь вiкь—день!»

— Та хочь бы й чась, кáз Наумь; не собi я роблю, не для сéбе дбáю. Усè у рукахь Бóга мылосёрднаго, усè Ёгò, а я тiльки робóтныкь Ёгò. Передаю черезь старцивь бòжыхь у Ёгò святи рўкы. Грiхь лэжучы хлiбь йiсты; пòкы здўжаю, довжонь и робыты, и бiднымь подаваты. Повельiть iйты до Марўси, пидў хвалячы Бóга, а комў сè зостáнетця, той и спасыби скаже, и видпомына нась, колы зхóче, а незхóче—якь хóче; я своè дiло роблю, пòкы е сыла».

Мынўвь вже и дрўгий годь. На трéтэму прыйшóвь до ныхь чоловiкь зь гóрода, а винь тогò лiта ходывь у Кiйивь, та й кáз: «клáняся вамь вашь Васыль!»

Наумь такь и зкрыкнувь видь радóсты! «Дé ты ёгò бачывь?» та й гукнўвь на Нàстю (бо вжé собi на старóсты стáла глухэнька), щобь iйшла блыжче слўхаты про Васыльа. Зрадовалася и Нàстя, бо й вона дўже жалковала, що небулò обь нёму нiякои чўтки; пидсила до тогò чоловiка и просыла, щобь розказáвь, дé винь ёгò бачивь и якь ёмў повóдытця.

Оть чоловiкь и кáз: «Бачывь ёгò у Кiйиви и вжé винь не Васыль, а.... отець Венедiхть....»

«Якъ се такъ?» закрычали обе старі.

— А такъ, какъ чоловікъ, що винъ тамъ пишовъ у ченци.

«У ченци?» сказали впяты обе, та й стали Богу молытыся и дяковаты, що довивъ ёго до спасёного путя.

Винъ — у Печёрському манастырѣви и вже дякономъ, и пры мені» — такъ-то розказовавъ той чоловікъ — «служывъ службу Богу. А якъ розпытавъ мене, що я зъ сыхъ мйсть и васъ знаю, такъ закликавъ до себе и казавъ: «Кланяйся имъ, я ихъ», какъ, «якъ отця и матирь почытую, и що-дня, якъ служу, то и ихъ, и вмёршу дочку ихъ на Божій служби помынаю, и скылки дасть Богъ вику прожыть, що-дня буду ихъ помынаты. Черезъ ихъ молытвы Богъ мене спасъ и вырвавъ зъ рукъ дявола: якъ вмёрла Маруся, то я, грйшний, быля неи заклывся самому собі смёрть заподяты, и якъ поховалы Марусю, я тыхенько видъ ныхъ, щобъ мене не зпынлы, пишовъ свить за очыма, узывшы тилки у жмёню земли зъ Марусыного гроба, щобъ хочъ зъ одною землею, що їй покрыва, укупи лежаты. Якъ я йшовъ и куды йшовъ черезъ цилысинькій день и нйчь, и впяты день, — я ничого не тямлю. Схаменувъсь вже надъ рйчкою: стою на кручи, а якысь два ченця мене окрещують и святою водою обкрослюють, та говорють мені премудры рѣчи. Довго того бул, покы я у розумъ», какъ Васыль, «прыйшовъ, а за тымъ ти ченци прывезлы мене у Кыивъ, у Печёрський манастыр. Отъ мене тутъ прынялы и довго розважалы, а дали, якъ прыйшло видъ общества моё уволнёне, то й пострылы у ченци, а за гблосъ и дякономъ настановылы. Кланяйся жъ», какъ, «моймъ родытелямъ; отъ имъ и проскура свята и нехай до мене прыбудуть, колы ще прожыву на свити, бо тилки моёи и думкы, тилки й помышленя, щобъ швйдче буть у купи зъ Марусею».

Узавъ Наумъ проскуру, поцоловавъ, та й задумавъсь, а дали й какъ до Васыля, нынече винъ тютечка передъ нымъ стойть: «Адже ты вже теперь отецъ Венедыхть.... ты служышь службу Богу.... чоґо-жъ ты спотыкаеся? Эй, молысь, щыро молысь! памъятуй, що у Отче-наші чытаешъ: да будеть воля Твоя, избавы насъ одъ лукавого!....»

На тымъ же мйсьци и у той же часъ обипавъсь Наумъ изъ старою у Кыивъ йыхаты. Богъ ихъ туды й прынясь. Пи-

шлы по манастыря́мъ; за́разъ у Печерському спыта́лыся про дьякона зъ такыхъ и такыхъ мѣсть, про отца Венедыхта. Отъ имъ черне́ць и каэ: «И вже, помьяните ёго за впокóй! Винъ и прыйшо́въ немошный, та такы́ себѣ непоберига́въ; неслухавъ никóго, ськавъ усякой бóлисты и заморывъ себѣ во-всѣмъ. Дали ча́хъ, ча́хъ, та óтъ, недиль зó-двѣ, якъ и помѣръ. Та щѣ-такы́ видъ суеты́ незбавывсь: вмираючы, просывъ, яко мóга, щобъ ёму́ у туну́ положи́лы якóсь земли́, що́ у нѣго́ у платку́ була́ завязана, а плато́къ шовко́вый, красны́й, хоро́пшый плато́къ, просывъ положи́ты ёму́ пидъ гóловы. То якъ законъ запрещá мона́хови такіи прымхы, то ёго́ и не-послу́халы».

Тя́жко здохну́въ Нау́мъ, дали доська́вся ёго́ грóба и пры-шѣдшы зъ Насте́ку, нанялы́ тутъ по нимъ панахы́ду и у гра-матку́ свою́ запыса́лы.

До́вго, до́вго сто́явъ Нау́мъ надъ грóбомъ ёго́!... Дали здых-ну́въ, перекресты́вся и каэ: «Да́й, Гóсподы мылосѣрдный, щобъ ты *тамъ* знайшо́въ свою́ Мару́сю!....»

III.

МЕРТВЕЦЬКЫЙ ВЕЛЫКЪ-ДЕНЬ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Казаку Владимиру Луианскому.

МЕРТВЕЦЬКЫЙ ВЕЛЫК-ДЕНЬ. *)

Бувъ собі чоловікъ та жінка. Чоловіка звѣлы Нечыпоромъ, а жінку Приською; вона була хорѣшого рѣду и однѣмъ одна дочка у бѣтька, дѣже багѣтого: була й скотынка, и усяка худѣба, а сына небуло, тѣлки дочка. Такъ бѣтько йй, подѣумавшы, та узѣвъ сыротѣ, сѣго Нечыпора, замисць дытыны, та й вѣгодовавъ ёго, и доглядѣвъ, и до рѣзуму довѣдывъ. А Нечыпоривъ бѣтько та бувъ собі велыка ледащычка: зпывся и звѣвся ни-на-що, та колысь пидъ тыномъ пѣяный и одубѣвъ; жінка, одно тѣ, що немѣла ничѣго, а другѣ, невмила робѣты, пишла по-пидъ вѣконню; а хлопѣя за Хрыста-рады узѣвъ, я-жъ кажѣ, Присьчынь бѣтько. Такъ щѣ-жъ-бо! Недѣрно кажуть: недалѣко видѣѣтытця яблучко видѣ яблунькы: у Нечыпора була уся бѣтькова натѣра. Злодѣяка такѣй, що ни зъ чымъ нерозмынѣтця: и цѣгана обдѣурить, и старѣя обикраде; а пыты? такъ перепѣе ёго и Даньлка, бѣтъ що у того пѣана, що былы насъ живѣ, та що за ёго рыдѣаномъ зъ-заду тѣусытця у цѣвахѣваному каптѣани, та у мерѣжованимъ брылѣи, якъ той варѣныкъ звѣрченимъ: той здѣрово пѣе, а Нечыпиръ ищѣ гиршъ ёго. Ищѣ-жъ-такѣи пѣкы парубковѣвъ, то й сюды й тудѣ: було пѣе нѣчь, гуляе, зъ парубкѣмы бурлакѣе, а у дѣнь—якъ скѣло передѣ хазаиномъ: и рѣбыть що трѣба, и послухѣ у всѣкимъ дѣили, и поважѣ старѣго. Колы-жъ було ёго на волнѣи, або на вечернѣицѣяхъ, потасѣють дѣбре... бо такѣе задѣрне собі було, що до усякого такъ у вѣчи и лѣзе, якъ тѣя осѣ, хочъ бы тоби десѣцькѣи, або й сбѣцькѣи, та такѣи и самѣму отѣману недѣже поважѣвъ, такъ и зчѣпытця; ну, то й звѣсно, що ёму на-

*) Въ изданіи 1884 г. помѣтка цензора: Октября 4, 1883 г.

гирше и доставалось. Та щё на лыко соби бувъ такыи невеличкыи, щедущныи, та й сылы небилгы було, якъ у слюпюи попювои кобылы, що було нездужае у Пылышпывку попывськыхъ халтурокъ по селу возыты. Такъ зъ кымъ ни зчепытця, то усякъ ёго попибё, та й правъ. А иногди протывъ лавы одынъ пиде, такъ тутъ вже достанетця ёму на горыхы: пыку ёму порозывають, волосья пообрывають, одёжу — а одёжа багатово хазяина, такъ добра була — порозывають, та такыхъ ёму тусаныв надають, та такъ ёму бёльбахы повидывають, що на сылу у-дб-свита рачкы до-дому доливе.

Такъ що-жъ бо! Передъ хазяиномъ видбрешетця: то ничью рою ловывъ, такъ бджолы ёму пыку покусалы; то видьма прыходыла ничью хазяйськыхъ коровъ доиты, а винъ почавъ видгоныты, а вона перекынулася собакою, та кынулася на него и одёжу ёму порвала и усёго подряпала. То було старый и вйрыть, и гоить ёго, та щё видъ переляку, щобъ ненапавъ переполохъ, и горилочкою ёго пидпюе. Отъ нашому Нечыпору и на руку ковывька! Лежыть на печи, та оха, та горилочку потягуе, мовъ и добрый, а усй коло него паныкаютця. Отъ такъ точнысенько, якъ бува, що нйжна соби жынка та забажя новди запасы, та нападётця на мужыка: «купы та й купы; хочъ пропады, та купы, а то вмру». Та й ляже на пичъ и почне не-знать-що провадыты, бұцимъ-то ув-огни. Винъ, сердешный, тутъ изъ знахуркымы, изъ ворожкымы колд неи заходытця, а ты, звисно, гршыкы беруть, а ёму кажуть: «Купы ий чогд бажя, а то вмреть». Отъ до неи: «чогд тоби бажяетця? кажы.» Тутъ вона й почне выгадоваты: и медянычкывъ, и рижкывъ, и мочёныхъ кыслычокъ; а дали, якъ уже бачыты, що мужыкъ потратывъ чы-малу суму гршпей, та вже тогди и закрычыты проби: «купы нову запаску!» Чухае, небога, потылыцю и хочъ-то грши треба-бъ несты у волисть, выдаваты за подущне и за обществённе, та вже нигде дитысь! Купуе запаску, щобъ справды ще не вмрла; тогди похоронъ такю сумою и невидбудешъ.

Отъ-такъ-то вередовавъ и нашъ Нечыпиръ. И що-то, що нхто й незнавъ, що винъ такё ледашо и такы зовсымъ бездылныкъ, а невнавшы, та й оддалы за него Приську. А якъ пшыя сёго незабарёмъ умеръ у неи батько, а тамъ и маты, то й остався нашъ Нечыпиръ самъ соби господарёмъ.

Недѣво-жѣ нагосподарѣваѣ. У тры гѣды ршысь зовсімь. Що була скотынка, повбуваѣ, а грѣшыкы попропываѣ; земельку позакладуваѣ, а грѣшыкы попропываѣ; а що було опричь тѣго, те видѣ недѣгяду попропадаѣ самѣ. Пѣе та краѣе, та лѣвытця; бѣетця та позываѣтця; а звѣсно, що тѣлки пѣдешѣ зѣ жалобамы та зѣ пѣзывкамы, то вже й трѣба «прыйдѣте поклонѣмося». Бо сказано: безѣ пѣджѣгы и дрѣва негорѣть. А якѣ десѣцькому даѣй, сѣцькому даѣй, пѣсарю даѣй, отаману даѣй, а все такѣ до вѣлѣсты видѣпруѣть (не ймѣ же однѣмѣ хлѣбѣ йѣсты); а якѣ, не даѣй Бѣже! та у ту пѣру набѣжѣть засѣдѣтель, та, борѣны Бѣже лѣхѣго чѣсу, зѣ пысьмовѣдытелемѣ: такѣ тогдѣ вже й зовсімь пропѣвъ! Пѣшутѣ-пѣшутѣ, берѣуть-берѣуть, та тѣлки тогдѣ пѣстѣять, якѣ вже нѣчого й взѣты; а тѣ, колѣ зѣстѣлись якѣ вышкваркы, такѣ ищѣ у сѣдѣ запровадѣють,—ну! тамѣ уже и амѣнь! Такѣ чѣ на дѣво-жѣ-то Нечѣпѣровѣ, пры ѣгѣ дурнѣй головѣ, стѣло усѣе тѣстѣевой худѣбы? Фѣть-фѣть! пѣшла по дѣбрымѣ людѣямѣ, та по пынѣчкамѣ, а вѣнѣ звѣвѣсь нѣ-нѣ-що.

Сердѣшна Прысѣка выкупѣла ѣгѣ не десѣть разѣвъ и изѣпѣидѣ калавѣру, и изѣ колѣды, а разѣ прѣйшлѣся и зѣ острогѣ выкупѣты. Вѣже якѣй бы ны бѣвъ, а все вѣнѣ йѣ мѣжѣ, нѣгде було дѣтысь. А черѣзѣ такѣ лѣхо поперевадыла и вѣ сѣбе, що було у скрѣпѣ изѣ хорѣшой одѣжѣ, и намѣсто, и дѣкѣты, и хрѣсты, и усѣкую худѣбу.

Журѣлась вѣна, журѣлась, даѣли трѣба за рѣзумѣ узѣтысь, щѣбѣ зѣ плѣчѣй усѣгѣ непопропываѣвъ йѣ пѣяныцѣ. Нѣчого некажѣчы, стѣла ѣгѣ у хѣти запѣратѣ, а самѣ пѣде або бакшѣ полѣты, або конѣшли брѣты, щѣбѣ було чѣмѣ пропытѣтысь. Що-жѣ? вѣрнетцѣ до-дѣму, хѣта пѣстѣсинька! Прѣклятыѣ Нечѣпѣирѣ вылизѣ у вѣкнѣ, та й шукаѣй ѣгѣ. Трѣба йѣ патнѣтысь по пынкѣмѣ: дѣ пѣясѣ застѣвленнѣй, дѣ шѣпка залѣжена; выкупѣ, сердѣшна, на остѣннѣ грѣпѣ! Даѣли, знаѣде ѣгѣ де-небудѣ у пынкѣ пѣдѣ лѣвою, або пѣдѣ плѣтомѣ; розбѣудѣть, розѣтовка, тащѣть до-дѣму, и выговѣрюе, и лѣе, а самѣ, черѣзѣ такѣ лѣхѣ годѣыну, тѣлки що плаѣче.

Даѣли, бѣчѣвшѣ, що ѣгѣ й лѣйка небѣрѣе, и вѣнѣ знаѣ своеѣ товчѣ—пѣты та й пѣты!—нѣчого робѣть, дѣма: хочѣ грѣха нѣ душу озѣмѣ, а вже недѣмѣ ѣмѣ вѣли. Прывѣвшѣ ѣгѣ разѣ зѣ вѣлноѣ, увѣла у хѣту, защѣпнѣла дѣвѣри, та й каѣзѣ:

«А що, Нечыпоре? а до-чого отцè ты менè довивь? Лайкы неслухаешь, гбря могò неповажаешь, пгьешь у свою гóлову; по-прошывавь усю батькившину, а через тебе и я свою мате-рызну потратыла, то платячы за тебе, то выкупаючы тебе зь шынкывь; а тепèрь довивь, що я межь людьмы була такы якь трéба, а тепèрь тилки за старцямы ийти; була я хорóшого, чéсного рòду, а якь утопыла свою гóлову за тебе, прырож-дённого пгьяныцю, та по тоби и я стала послыднша усых на сели. Хыба хочешь такь пропасты, якь и батько твий? Такь пропадай-же соби якь знаешь, а я знаю, що пòкы я жыва, такь недамь тоби вòли шлэтыся, та пгьянствоваты. Дòкы мени и терпэты? Черезь законь переступлю, а по свбему зроблю». Та позасучовавшы рукава у сорòчки, каз: «хочь грэхь, хочь двá жинци мўжа быты, а нехай Бòгь простыть!» та зь сымь слóвомь—чёркь ёго у пыку, а дали у друте, у трётэ, у десэте, та за волòсься, та тусанамы—бо баба соби здорова була, а винь такый, що ни-на-що и дывытысь булò; та ще перепывсь, такь нездўжавь и скипкы пидняты, не тó щòбь оборонытыся видь жинкы. А вона ёгò бэе, а вона ёгò тасуе, та знай прыговòрюе: «Непый, непгьянствуй, непропывай худòбы; сыды дòма, заробляй чымь-нèбудь, та годуй и себе, и бидну жинку; ось такь тоби.... ось такь тоби, бусур-мèну, католицькому, гаспыдському мужыкòви!...» Была, была, та ажь утомылась и сила на лавку, и каз: «А бодай тебе сей та тóй, що ты менè и до грэхá довивь и втомывь менè ни-на-що. Устань, кажэ тоби! (бо вже сердешный Нечыпирь ажь незмигь и стоэты, та прысывь дòли). Устань, та кланяйся жонй, щòбь я тебе простыла, що ты такь менè втомывь».

Нигде Нечыпорови дэтысь! Кланяетця сердéка, прòсыть жинкы, щòбь вона ёгò простыла за тэ, що втомылась бывшы ёгò, и обещавсь вже непыты и невтикаты зь дóму, хыба вона ёгò куды пйшле.

Видпочывшы Приська, помыловала мужыка и каз: «Нежурись, сякый-такый сыну! За бытого двòх небытыхь дэють, та ще й неберуть. А колы небудешь слухаты, то оть тоби кажэ, що ще бóду быты, та описля и пан-отцэви высповидаюсь, що прòтивь закону пйшла.»

Эгé! та наша Приська направила мужыка! Уже нетò, щòбь винь непывь: непролывавь козакь, якь де лучалася

чарка; та тилки у кунпаньы, чы на весільли, чы на хрестынахъ; та вже нете, щобъ ёму шлѣтысь по шынкамъ, та за чарку горѣлки чортякамъ дѣшу видаваты: сыдыть дома и зъ двора ни-чычыркъ! Узѣвсь —ничого робыты! —лататы старѣ кожухы; стала й копійчына перепадаты. Прѣска усѣ збирѣ, та радуеця, та й дѣма: зъ ледѣчого, мабутъ, бѣде щонебудъ и пѣтнѣ.

Отъ-такъ прѣйшлы Риздвѣнськи мѣясныци, прѣйшла й мѣсныця. Що-то вже кортыло нашому Нечѣпорови, щобъ якъ бы-то дрѣла дѣты, та погулѣты на останньихъ днѣхъ; такъ зовсімъ немѣжно: Прѣска такъ репѣяхомъ за нѣго и дѣржытця и немѣжно ёму безъ-просѣ вѣйти зъ хѣты; а свѣта, и чѣботы, и шапка — у неѣ у скрѣни.

На самѣ пѣщаньня, що на пѣстѣ, вона ёму и кѣз: «Пидѣ-лышень, Нечѣпоре, до слѣжбы; на симъ тѣжни бѣдешъ говѣты. Та гляды жѣ менѣ: щобъ ты зѣразъ зъ цѣрквы и бѣвъ тутъ. Колы прѣйдешъ зѣразъ, то дамъ тобѣ обѣдаты, бо въ насъ ё й варѣныкы: я прѣдбѣла и мѣслычка, и сметѣнки; а колы дѣбра бѣду, то й чарку горѣлки дамъ, та й заговѣмо, якъ довѣгъ велѣть. Колы-жѣ зѣразъ невѣрнеся, та пѣдешъ куды пѣты, то отъ побожѣсь тобѣ, що такымы товчѣныкамы тебѣ нагодѣю, що бѣдешъ менѣ довѣго тѣмыты!» Далѣ ёму и свѣту, и шапку, и проводыла, усѣ одно товкѣючы.

Пишѣвъ нашъ Нечѣпиръ, та тилки-жѣ мы ёго й бѣчылы! Налѣгодыла Прѣска и обѣдаты, а ёго нема. Пообѣдавшы, пишлѣ до сусѣды сѣкѣтысь, дѣли вернѣлась до-дѣму, а ёго нема. Пополѣдновала самѣ, а ёго нема. Вѣйшла на вдѣирѣя, кѣжного, хто йдѣ, пытѣеця: чы небѣчылы мужыкѣ? Ничто небѣчывъ. Ужѣ й вѣчиръ, а ёго нема! На сѣлу вже, гѣлькѣ! — лѣзе до-дѣму у пѣзнѣй вѣчиръ ни живѣй, ни мѣртвѣй, и слѣва непрѣмѣвытъ: азѣкъ одубѣвъ, и самъ себѣ не тѣмытъ, и дѣ винъ, и щѣ винъ ё такѣ на свѣти. Сопѣ та мовчѣтъ, и очѣй, щѣ заплылы ёму горѣлкою, нерозведѣ. «Пѣбыла менѣ лыхѣ годѣна та нещаслѣва» гукнѣла на нѣго Прѣска, «отъ изъ сымъ дѣрнемъ, пѣяныцею, волоцѣгою! Дѣ ты тамъ у гѣспыда таскѣвсь? Ищѣ на вдѣвовѣжѣ, якъ-то добрѣвъ и знайшѣвъ своѣ хѣту. Бачъ, якъ нарѣзався, щѣ й слѣва непрѣмѣвытъ! Бѣгъ давъ лѣдѣямъ пѣщаньня, щѣбъ заговѣлы любѣнько зъ жинкѣмы та зъ дѣточкѣмы; а я за сли-

зонькѣмы свѣта небачыла, сѣдѣчы самѣ собѣ у хѣти, якъ у темнѣщи. Одже дѣлеби тобѣ кажѣ, що выпѣть прыймѣсь за тебе, та такъ тебѣ повчѣ, що й до вѣку небымессѣ за чѣрку. Такъ що-жѣ-бо: хочъ ёмѣ кажѣ, хочъ некажѣ, винѣ ничо-го и нетѣмьтъ!»

И правѣда-жѣ-бо булѣ. Сыдѣтъ Нечѣпирѣ, та тѣлки здыхѣ, бо горѣлка зъ нѣго дѣхъ пре; мѣсытъ щось-то и сказѣты, такъ и рѣта нероззѣвѣтъ и языкѣ неперверне, нынѣче винѣ ёмѣ повстанѣнѣй; тѣлки, якъ той сѣчѣ, лѣпа бровѣмы, бо вже очѣй ђвси невидно: позападѣлы и злипылѣсы.

Лѣяла ёгѣ жѣнка, лѣяла, якъ тамѣ кажуть, на вси зѣставки, дѣли такѣ сѣкъ не такъ, жалко ёгѣ стѣло, бо усѣ винѣ такѣ бувѣ йѣ мѣжѣ, а тутѣ же и пѣщанѣня: якъ такѣ незаговѣвшѣ? «Чѣ нехѣчешѣ вечѣратѣ?» пытѣ Прѣська. «Чѣ ты тѣмышѣ, якѣй сѣгѣдня дѣнѣ? Чѣ такъ, якъ собѣка, и лѣжешѣ?» А Нечѣпирѣ мѣвѣ щось сказѣты, та й нездѣжавѣ, и тѣлки дѣжче засѣпѣ. А Прѣська усѣ ёмѣ такѣ зѣ вечѣрею; постановѣла, та й кѣз: «На-жѣ, ѡтъ-тобѣ мѣкотертѣ зѣ варѣныкамѣ; йѣжѣ, та лягѣй спѣты, та уставѣй до вѣтрени, щѣбѣ тѣ менѣ говѣвѣ на симѣ тѣжнѣ. Нѣ, пѣяныѣ, ѡтъ-тобѣ й свѣтло: повечѣряй, погасѣ, та й лягѣй; вже нерѣно». Сѣе кажучѣ, постановѣла ёмѣ мѣкотертѣ зѣ варѣныкамѣ и каганѣцѣ; а самѣ, лягѣючы спѣты, щѣ такѣ ёмѣ прыказуе: «Глядыжѣ, якъ повечѣряешѣ, то ѡнде у водѣяныку водѣ, пополощѣ гарнѣнько рѣтъ, щѣбѣ неозѣталѣся у рѣти сѣпру, щѣбѣ чѣсомѣ зѣвѣтра, нехѣтячѣ, не оскорѣмывѣся». А дѣли, разѣвѣ зѣ пѣять тѣжко здыхнѣвшѣ, повернѣлась и заснѣла.

Хѣчѣ Нечѣпирѣ и крѣпко пѣяныѣ бувѣ, а такѣ, якъ запѣхлы ёмѣ варѣныкѣ, то й очунѣвѣ трѣхы, та за лѣжку, та у мѣкотертѣ, и ставѣ ихѣ глытѣты. Щѣ ёмѣ тамѣ жѣнка ни наказѣвала, винѣ собѣ и бѣйдѣже: йѣсть собѣ, небѣга, та сопѣ на усѣю хѣту. Вже й жѣнка заснѣла, а винѣ знай мѣтѣ варѣныкѣ.... дѣли ставѣ кунѣты, а самѣ знай пѣкѣ у гѣрло.... дѣли уложѣвѣ рѣку у мѣкотертѣ.... похылѣвѣсь.... тутѣ и каганѣцѣ погасѣ.... захрѣпѣ нашѣ небѣракѣ на усѣю хѣту!

Скѣлки винѣ тамѣ спѣвѣ, хѣтѣ ёгѣ знѣ; ажѣ бѣсь, поворохнѣвшѣсь, чѣе, дѣвѣнѣтъ до-цѣрквы. Щѣ тутѣ робѣты? Винѣ бы и непишѣвѣ, такъ жѣнка загадѣла ёмѣ говѣты и щѣбѣ неотмѣнно йѣшѣвѣ до вѣтрени. «Непослѣхѣты йѣ, дѣма собѣ,

такъ бѣтеме за сѣ, та бѣтеме й за тѣ, що я учѣра грѣяный бувъ; а якъ пиду́, то мѣже за учѣрашню гульню́, якъ стану просытысь, то и змылосѣрдытця. Пиду́!....»

Отъ, схопывъсь швыдѣнюкѣ, помацкы знайшовъ (самъ описля розказовавъ) шапку, та й выйшовъ мерщій зъ хаты, а про тѣ, що жинка наказовала, щобъ рѣть выполоскавъ, ёму и не въ тямкы́ було, та трѣхѣ такы́, чы й чувъ винь се учѣра.

Ничъ була тѣмна, а цѣрква не-с-такъ далѣко. Дѣвытця Нечыпирь, а у цѣркви свѣтитця и на дзвоньци дзвѣнтють у склыканчыкѣ що на корѣмысли, звычайно якъ у пистъ. Винь и ставъ поспина́ты до цѣрквы.

Увийшовъ у цвѣнтарь, ажъ дитвѣры, дитвѣры.... вѣдымо-невѣдымо! Манюсиньки, та усѣ у бѣлыхъ сорочечка́хъ, та бѣгають кругъ цѣрквы, та прѣсютця у двѣри, та щѣбѣчуть, якъ тѣй цыганчѣта, та ляцѣтъ, крычѣтъ, пороцѣтъ: «Пусты́, мамо; пусты́, мамо, и менѣ на прѣзныкѣ! Зачымъ менѣ породѣла, нехрѣщѣну зхорѣла, пидъ порѣгомъ положила, та й до сѣбе непрынямаешъ!»

«Тю! на ва́шу гѣлову! показылысь дѣты» сказа́въ Нечыпирь, та нерозглядѣючи—швыдшъ до двѣрѣй. Постукавъ, ёму и видчынылы, винь и ввийшовъ.... Повнѣсинька цѣрква людѣй! Винь, нерозглядѣючи ничѣго, помолывъсь, поклонывъсь, якъ до́вгъ велытъ, на усѣ стѣроны, положи́въ шапку у кутѣкъ, де завсегдѣ влавъ, та й ставъ быля́ крылѣса и прыслу́хаѣтця, щѣ дякъ чытѣ. Пову́рившы гѣлову, стоить и слѣха, та й дѣума: «щѣ за недѣбра ма́ты стѣлася зъ на́шымъ дякомъ, па́номъ Степа́номъ? у нѣго бувъ цапы́ный голосѣкъ, а сѣ вже звѣвся, мѣвъ соба́ка мурныче та ще й гугня́вѣ.» Зырну́въ на нѣго зъ бѣку.... нѣса нема́, тѣлки сама́ ямка. Ставъ пыляни́шъ прыдывлятысь.... «Гѣспѣды, Твѣя во́ля! Та сѣ не панъ Степа́нъ.... Сѣ ще панъ Олексѣй, щѣ ще вмѣрь тогдѣ, якъ я ще пидпарубѣчимъ бувъ, та я жъ и на по́хорѣнахъ ёго бувъ и труну́ нисъ».

На вдывовы́жу ёму́, щѣ людѣй у цѣркви бага́цько, а никтѣ недогадаѣтця, щѣ чытѣ мертвѣць: та й самѣму попѣви, ма́буте, ну́жды ма́ло, бо чу́те, винь у вивтарѣ щѣсь собѣ мурныче зъ паламарѣмъ.

Отъ Нечыпирь, томѣ, щѣ быля́ ёго стоить, хотѣвъ про се каза́ты, ажъ зыркѣ! щѣ за недѣбра ма́ты! то стоить быля́ нѣго

Охрїмъ Супбня, що ще торїкъ вмеръ.... Озырнўсь на дрўгого—Юхымъ Кандзюбенко; зъ нымъ у кўпи парубковалы и винъ пїслѣ побївѣ на вечернїцяхъ пры нѣмѣ и вмеръ, та й сўдъ выїзжавъ, и нїмець ёго потрошївъ. Оглянетця туды— и тамъ мертвецъ; озырнѣтця сюды— и тутъ мертвецъ; куды ни глїане, усѣ мертвецї, усѣ мертвецї, такі, що й недѣвно по-вмиралы, и такі, що щѣ винъ тїлки ихъ зазнавъ; булы й такі, що й немѣжно ихъ и пїзнѣты, хтѣ винъ такїй и ё, бо небуло ни нѣса, ни очѣй, ни ўхивъ, ни губївъ: тїлки самї ямкї у головї.

Тѣ трѣхы було Нечыпиръ проспѣвъ свїй хмїль, а тепѣрь, якъ розглядївъ, у якїй винъ кунпаны опынївся, такъ и увѣсь хмїль пропавъ и стѣло ёго трусїты, мовъ на лыхорадку, а цыганськїй пїть такъ и проньмѣ.... А то-жъ и нестрашно, скажете, щѣбъ живѣму чоловїкови, та попѣстысь межъ мертпївъ? Чогѣ тутъ дѣброго ждѣты? зовсїмъ выдїюща смѣрть!

Поглѣдѣ нашъ Нечыпиръ сюды, туды; дѣкъ собї чытѣ, а паравїяне, якъ звычайно, тымъ часѣмъ куняють.... Отъ Нечыпиръ и здўмавъ утектї видъ ныхъ; та й стѣвъ видступѣтысь крадькомѣ, та усѣ до дверѣй блїжче, усѣ блїжче; ужѣ кѣтъ беры и шѣпку, а-бы-бъ гѣлову цїлу до-дѣму донесты, бо, якъ тамъ кѣжуть, не до поросѣтъ, колы свынїю смѣлють; и тїлки що видступївъсь гегь-гѣтъ, ажъ пан-отѣць гўлькѣ изъ вивтарѣ.... А хтѣ-жъ-то й пан-отѣць? Отѣць Мыкыта, що годївъ зъ дѣсѣтокъ, або трѣхѣ ще й небїлшъ, якъ вже вмеръ!

Отъ вїйшовшы винъ и кѣзъ: «А нўте, панѣве-мыряне, годї дрімѣты: отъ дѣкъ ужѣ дочѣтуетця Хрыстѣ, скѣро выпуцу». Прочѣхалысь мертпї. Хтѣ протыра, у кѣго ё, вѣчи, а хтѣ тїлки кистлѣвымъ пѣльцемъ проштрїкуе у нѣси ямкѣ, замїсць кабѣкы, та й чхнѣ. Нечыпиръ дўма: тепѣрь немѣжно и втектї, щѣбъ хѣлены видъ ныхъ небуло. Недѣвно достѣты; побѣчу, щѣ вони тутъ робїтемуть».

Ажъ бѣсъ панъ Олексїй покынувъ чытѣты, та якъ загугнїтъ зъ своїми школярѣми, та усѣ-такї зъ мертвецѣми, та ненѣче зъ бѣчки якъ загулы: «Хрыстѣсъ воскресє!» а отѣць Мыкыта, щѣбъ ихъ зопынїты, собї туды-жъ пїдтѣгуе, та й пїшѣвъ по цѣрквї кадыломъ кадыты; а народъ якъ ставъ видъ нѣго видступѣтысь, такъ-такъ и чўте, якъ кисткѣ хрустѣять.

Слѹха Нечѹпирь сю ихъ церемѹною, та й дѹма: «отъ-такъ ты на пѹщанья погуляй, якъ напш мертвецѹ, що зъ перепѹю забѹлы, якѹй сѹгодня й дѹнь. Я добре пѹяный бувъ, а вонѹ мабуть ще и гиршъ мѹне. Я такѹ тѹмлю, що тепѹрь пѹсть тѹлки ще почынаѹтця, а имъ здаѹтця, що тепѹрь велѹк-дѹнь. Отъ непѹяни учѹра булы? Замисць говѹнья, велѹк-дѹнь справляють! Справды, що зъ глѹзду позпывалысь, лѹжучы со-бѹ безъ усякои робѹты.

Спивѹ дѹкѹ, ажъ за бѹкы беручысь, а отѹць Мыкѹта пидйшовъ до нѹго, та й кѹз: «Не все-лышень выспивуй; по-кыдѹй дробыну на той свить ченцѹмъ на манастырѹ, бо вже нерѹно». Отъ панъ Олексѹй сюды-тудѹ мѹхъ и «во ўтрые избывахъ» якъ разъ поспило, та й закинчѹвъ. А отѹць Мыкѹта вѹйшовъ, та й кѹз-говѹрыть: «Слѹхайте, панѹве-мырѹне! тепѹрь хрыстѹскуйтесь, та бережнѹько, щобъ кѹстка обѹ кѹстку остан-нихъ непорозбывѹлы. Та й нерозхѹдтесь: бо тепѹрь намъ не якъ торѹкъ, що на шѹ-серце полягѹлы по домовѹнамъ и нѹчымы бѹдѹ розговѹтысь. Отъ зъ того свѹта чоловикъ до насъ на празныкъ прѹйшовъ и варѹныкивъ прѹнысь, такъ винъ роз-дѹлыть на усѹ брѹтыю. Аминь!»

Нечѹпирь се слѹхавшы, бѹчыть, що вже неперѹльвкы, и до нѹго чѹрга дойшла, осмыливсь, та сѹпъ попѹ за рызы, та й кѹз: «А що, панѹче-чеснѹче! не во гнѹвъ вамъ бѹде, що я вамъ скажѹ: чы вѹ, мабуте, учѹра для пѹщанья.... тѹе-то.... чы неpidгулялы трѹхы, та мѹже незовсимъ проспѹлысь? Або мѹже, лѹжучы собѹ по домовѹнамъ, якъ бува у прѹси на пе-чѹ, та позабувалы и днѹ? Якѹй тепѹрь велѹк-дѹнь? щѹ тѹлки чѹстый понедѹлокъ, що й лѹжкѹ гуляють....»

— Эгѹ! Вамъ пѹсть, вамъ чѹстый понедѹлокъ, кѹз ѹмѹ отѹць Мыкѹта, а напш велѹк-дѹнь; бо за вамѹ до цѹрквы не-дѹтѹвпысья, такъ мѹ у такѹ урѹмья справляѹмо велѹк-дѹнь, якъ вѹ на тѹмъ свѹти лѹжытѹ смертѹлно пѹяни, що васъ нѹжкѹмы дзвѹнамы до цѹркѹвъ и незбѹдышъ. Тѹ-жъ намъ, гля-дѹ, що прѹнысь варѹныка, то усѹмъ роздилѹ, щобъ намъ не на тоцака лягѹты по ѹмамъ».

«А дѹ-жъ я вамъ ихъ озьмѹ?» сказавъ Нечѹпирь. «Не-звѹать чогѹ вы забѹжѹлы, ненѹче вередлыва жѹнка: дай того, чогѹ нема. У якѹго сына е хочъ пив-варѹныка?»

— А бнѣ у тебе межѣ зубамы стерчыть якъ разѣ пив-варёныка, сказаѣвъ отѣць Мыкыта, та кнсткою, що зосталася ёму замисць пѣлца, якъ штрыкнѣ ёму у ротѣ, ажѣ зѣбы забрявчѣлы и трохы зѣ десѣтокъ ихъ не розсыпалось. Глядѣ-жѣ, недивѣй нидѣ, дѣкы потребуѣю.» Сказаѣвъ, та й видвернѣвъсь порѣдокъ даѣаты, бо усѣ громада, якъ тѣя хѣвѣля, насѣнула зѣ попомъ цнловѣтысь.

Повернѣвъ Нечѣшпирѣ языкѣмъ у рѣти.... ажѣ такъ и ѣ! намацаѣвъ пив-варёныка, що застрѣло у кѣтннхъ зубѣхъ. «Щѣ тутѣ менѣ на-свнты робыты?» дѣма собѣ. «Се бнда! Отѣ-тѣ я бувѣ крнпко пѣяный, та йнѣвъ варёныкы, та надѣ нѣмы й заснѣвъ, непроковтнѣвшы остѣньнѣго. А морѣка, та й гѣдн! Сѣ менѣ такѣго лѣха нарѣбѣла, не хтѣ, якъ моѣ Прнсьска! На якѣго трѣсьця вѣна менѣ ихъ даѣала? А бѣдѣй васѣ зѣ жннкѣмы! На якѣго гѣспыда вѣны вѣгадалы варёныкы? Хтѣ ихъ вѣдумавѣ липѣты? Якѣй нечѣстыѣ звелнѣвъ ихъ по пѣщаннѣямъ йнсты? Якѣй бесурмѣнѣ вѣгадаѣвъ ихъ пѣяному даѣаты! Охѣ, се усѣ наші жнночкы! Вндѣ нѣхъ намѣ усѣ лѣхо! Черѣзъ своѣю и я тепѣрь пропадаю.... якъ-такы пив-варёныкомъ уснхъ обднлыты? Та лѣчче усѣго, утечѣ. Тепѣрь имѣ не до мѣне. Прѣлнзу прѣмежѣ нѣхъ, то нхтѣ менѣ и некннетѣця, хочѣ-бы й самѣ отѣць Мыкыта, що тнлки й знѣ цнлѣтетѣця зѣ свонымы парѣхѣянамы.»

Отѣ-такъ собѣ подѣумавшы, и ставѣ собѣ назѣдъ прѣтѣв-пнюватыся. Такъ щѣ-жѣ, сердѣка! Куды нн пнткнѣтѣця, такъ усюдѣ нарѣдѣ такъ лѣвою и вѣлыть до попа, що нн пропѣхѣтыся ёму межѣ нѣмы, нн просѣнутыся нн-жѣдною мнрою немѣжно. Вннѣ-бы й посылковѣвъсь, такъ бойтѣця, що якъ якѣго дѣже пхнѣ, такъ щѣбѣ буѣа кнсткы непорѣсыпѣлысь, и щѣбѣ ёму впѣять такѣнн пѣнн небулѣ, якъ у шынкѣ, якъ-то разѣ напѣвшысь дѣже, та зчѣпѣвся зѣ шынкарѣмъ, та потѣвкѣ ёму усѣ пляшкы й усѣ чаркы, а опислѣ й прыплатѣвъсь, трѣхѣчы не на сѣрокъ алтннѣ; а якъ—дѣма собѣ—розсыпѣлю якѣго мертѣця, такъ мѣже и карѣбѣванцемъ невидѣдѣшѣ. Снкавсѣ-снкавсѣ, щѣбѣ просѣнутыся, даѣлн бѣчыть, що не перѣлывкы, ставѣ собѣ, опустѣвъ рѣкы, понѣрѣвъ гѣлову, та й дѣма: «Ну, кѣтъ васѣ беры! що буѣде, то й буѣде! Бѣду дывѣтыся на вѣашу кумѣдѣю». Отѣ и дѣвытѣця, щѣ тнлки вѣны рѣблѣютѣ: тѣй лнѣе и втѣраѣтѣця, а вѣже и губнѣвъ немѣ, тнлки самѣ зѣбы стерчѣтъ;

а у йншого и зубйвъ нема, сама пасть, що йнша голова ёму у ротъ улизе; та все-жь-то до пона, та все замисць того, щобъ цмокнутысь, якъ поцилуёцца, а тутъ тилки кистка объ кистку: стукъ-стукъ! А якъ пишли молодьци та дивчата, такъ нашъ Нечыпиръ добре посмиавсь: йнша йдэ и дума, що на нй и досе очипокъ парчевый, а винъ вже не то що полынявъ, и зовсімъ розсыпався, що й нытокъ вже недуже густо зосталося; а ще-такы выхыляетця, та озыраетця, и щобъ дывылыся на неи люде, що яка-то вона хороба у парчевому очипкови, знай поводыть головою, що ажъ рыпыть на кисткахъ, неначе хвйртка на поржавилыхъ завйсахъ. А ось дивка дума, що вона й теперъ ще хороба, и чорнява, и повновыда, и румьяна, якъ була на сймъ свйти; тилки вже въ неи носа нема, одной губы непытай, очи позападалы, бровы повывазылы, замисць гладесенькыхъ та повнесенькыхъ шокъ, сталы жовти, сухы, позморщувани, якъ тая губка, що у грекывъ въ бакалейной лавци межъ хвйгамы та родзынкамы продаетця; на голове волосься повывазыло и замисць кйсь шматочки видъ скиндячокъ позоставалысь; отъ-такя пидйде до пона, та щобъ поцйловатысь зъ нымъ, протягне губу, та й засоромытця, — бачь-бы-то стыдно дивци цйловатысь — та и втретця кистьявою рукою, бо вже ни одежи, ни сорочки незосталось, усё повидлежувала; то гляды, попхнутъ йи зъ заду, щобъ мерщй кинчала, то вона впыать до пона.... та мерщй: стукъ! кистка объ кистку! та й зосоромытця ищэ гырше, и ти ямки, де колысь булы воци, закрые рукою, та похылышы голову — бачь, йи стыдно, що поцйловалась — и бижыть назадъ; та якъ ще пробйраетця побыля того парубка, зъ которымъ вона на сймъ свйти женихалася, а винъ йи, щобъ згадала старовыну, за тую плахтыну — смыкъ! то вона ще й дужче засоромытця и ховаетця промежъ людэй.... А Нечыпиръ на сее усэ дывывъсь, та покывавъ головою, та й дума: «горбатого и могола незправыть. Яки булы на сймъ свйти, таки ё й тамъ. Дивчача натура усюды однаковйсинька: промежъ людэй, такъ и соромытця, нехай-же на самотй, такъ ну!...»

Дали ставъ и объ собй дыматы та гадаты: «Що мени, каэ, на-свити робыты? Прыйшлось у лыха граты зъ сымъ гаспыдськымъ — кромэ хлыба святэго — варёныкомъ! Проковтнувъ-бы ёгд, та й конецъ дилу; такъ грйхъ, пйсть зайшовъ. Выкынуты? такъ отецъ Мыкыта казавъ, щобъ я ёгд нидэ не-

дивавъ, а непослѣхаты ёго, то щѣ опрѣчь биды, заставыть себѣ у рѣшети возыты, та й покуту накыне, що й нашъ живый отецъ Павло невидчыгта....» Ажъ ось дывытця—прыятель ёго, Радько Похыленко, стоить окромѣ усѣхъ у куточку, та дрима. Нечыширь соби й дѹма: «Пидїйдѹ-лышень до нѣго та порозпытаюсь, чы немѣжно якъ-нѣбудь видъ ныхъ и навтикача; бо винъ ще тилки гѣдивъ зъ пѣять якъ вмѣрь, то щѣ мѣже недѹже зъ нѣмы зѣякпався, и мѣже за живымъ швыдче рѹку потягне». Отъ и пидїйшовъ, та й каз:

«Здорѣвъ, Радько! чы ще менѣ незабѹвъ?»

— Здорѣвъ, Нечыпоре, каз Радько: якъ тебѣ й забѹты? Я й тепѣрь чѣсто згѣдую, якъ-то мы зъ тобѣю на тѣмъ свѣтъ гулялы.

«А якъ соби поживаешъ?»

— Та зо всячыною. Якъ тамъ кажутъ: чѣсомъ зъ квѣсомъ, порѣю зъ водѣю. Дѣбре вы, живы люде, рѣбете, що недѹже сѣкаетесь на нашъ свѣтъ.

«А що? хыба у васъ не такъ, якъ у насъ?» спытавъ Нечыширь.

— Нї, брѣтику! казавъ Радько. Тѹтъ вже увирвалася нѣтка. Вонѣ-бъ-то для кого й дѣбре: лежы скылки хочъ, панщыны незагадують, за подѹшне нетягнууть, отѣмана катъ-мѣ, жѣнка негрызѣ головы и мѣрквы нескромадыть, робѣты нѣякои, ни объ ййжи, ни объ одѣжи неvbывайся.... усѣ, усѣ-такы дѣбре, та бѣ! Нї зъ кымъ бесѣды водѣты, нї зъ кымъ слѣва промѣвыты. Гробакы, та жѣбы, та усѣяка погань; отъ билшъ и немѣ никого.

«Адже вы чѣсто навѣдуетесь и на нашъ свѣтъ?»

— Та тѣ вже, брѣтику, зъ нудыгы. Лежышь соби, та й зпомынаешъ: якъ у кого була жѣнка, то й дѹмаешъ, якъ-то вона, сердѣшна, соби поживаѣ? Отъ и вѣнырнешъ на вашъ свѣтъ; ажъ гулькѣ! у твоѣй хѣти, та вже йншыи хазѣинъ, и все нетакъ, якъ пры тобѣ було: и господѣрство нетуды ййде; и объ тобѣ вже нѣякои пѣмѣяты немѣ, тѣлки що у грѣматци запысаный; и дѣточкы твоѣ, якъ сырѣточкы: и голенькы, и бѣси, и голѣдни, и зовсѣмъ обыждени видъ вѣтчѣма та видъ новыхъ дѣтѣй. Отъ и ѣзьме сѣрце, зарѣзъ сѣннѣй жѣнци и надаешъ тусанѣвъ: нехайъ вѣзытця зъ знахуркѣма, та зъ во-

рожкѣмы; а ты своё узявѣ, та й правѣ. Отъ-такъ и парубѣцтво кынетця пидглядѣты за своймы дивчѣтамы, що божылыся, що покы жыва бѣду, любытему тебе, а ты вмрѣшь, и я за тобѣю, щобѣ и лежѣты у кѣпци. Ты, якъ дѣренѣ, вмрѣшь, та ждѣшь йи, ждѣшь зѣ москѣвскѣй мѣсяць—немѣ!... Гѣлькѣ на вѣшь свѣтъ! А вона вже й замѣжѣт пѣшла, и у колѣсци колѣше дытѣну, або дѣвѣючы, зѣ дрѣгымы перекудѣетця та регѣчетця, а чѣсомъ и тебе недѣбрымъ слѣвомъ спомына.... Нѣчого робѣтъ. Почѣхаесся, та й засѣдѣшь пѣдѣ плѣтомъ, покы йтѣме зѣ вечерныць, та тѣтъ йи пѣстышь яку-нѣбудь марѣ, щобѣ зѣ лѣку трѣсьця зхѣпыло.... Колѣ-жѣ йншыи бувѣ гулѣка, що безѣ чѣрки ѣгѣ и за жывить брѣло, отъ и здѣма: «пѣдѣ хочѣ подѣвлѣюсь, якъ дѣбри лѣде на тѣмъ свѣти пѣють...» Прѣйде, такъ що-жѣ? Усѣ не тѣ, що прѣ емѣ булѣ: замѣсць шынкарѣ сыдѣтъ цѣловѣлныкѣ, не у цѣркви ѣгѣ згѣдуючы; замѣсць осѣмѣхы, вже йдѣ квѣрта, та й горѣлка розвѣдена бѣлшѣ чѣмъ на половѣну, и цѣна нѣлѣдѣска. Отъ изѣ сѣрця, що емѣ робѣты? Катѣльцького бузувѣра, цѣловѣлныка, учѣстытъ по лѣсыни, або пѣтлы обѣрве, що вѣнѣ и незнѣ, вѣдкѣль емѣ и бѣдѣ стѣлася; кѣторжногѣ пѣдтѣвкѣчку головою у дѣжку до горѣ ногѣмы постѣвытъ; анѣцѣхрыстову посѣдыну усѣю перебѣе, нарѣдѣ изѣ кабака розженѣ и такѣ славу наведѣ, що й самыи невсыпѣщѣй пѣяныця тры днѣ непѣсмѣ ногою у кабаць ступѣты.

«От-сѣ ты, Радѣкѣ, дѣбре нагадѣвъ про горѣлку», казѣвъ емѣ Нѣчыпѣрь. «Чѣ нехѣтъ по чѣрци, рады вѣшого прѣзныка? Хѣдѣмъ до мѣне; у мѣне е дѣбра горѣлка, ажѣ изѣ вѣлнои, крадѣкомѣ вѣдѣ обѣйзчыкѣвъ прѣнѣсь обѣ мѣсныци». Сѣ-жѣ Нѣчыпѣрь кѣжучѣ, брѣхѣвъ; якѣй сынѣ у нѣго и крѣпля булѣ у госпѣди? однѣ тѣ, що нѣ за що булѣ сѣгѣ дѣбра й кѣпыты, а дрѣге, що й Прѣська нѣтакѣвскѣ булѣ, щобѣ держѣты горѣлку дѣма, бо Нѣчыпѣрь дѣбрѣвсь-бы до нѣи, дѣ-бѣ вона нѣ булѣ захѣвана; а се Радѣкѣ вѣнѣ пѣдмѣвлѣвъ, абѣ-бѣ тѣлки зѣ цѣревы вѣйтѣ, а тѣмъ-бы вѣнѣ и вдрѣвъ кудѣ здрѣ, нѣхѣй-бы ѣгѣ Радѣкѣ опѣслѣ позѣвѣвъ за брѣхнѣю. Такъ що-жѣ-бо! и тѣтъ сѣрдѣшному Нѣчыпѣровѣ невдѣха! Радѣкѣ емѣ, крѣпко здыхнѣвши, кѣз:

«Нѣ, брѣатику, нѣ! сѣгѣ вже и незгѣдуи. Рѣда-бѣ мѣма за пѣана, такъ пѣанѣ небѣрѣ. Пѣшѣвъ-бы за тѣю чѣркою, не тѣ що до тѣбе, та хѣтъ-бы и за дѣсять верѣтовѣ, такъ що-жѣ!

кудѣ я їи пытѣму? Бачь, жывотá катъ-мá! У горло вилю, а вона й выбижыть, и мени смáку недасть, тѣлки добрô занаша-щѣ; нехай застаѣтця дôбрымъ людямъ.»

— Такъ кѣ-лышень, понюхаймо кабáкы; ось выйдимъ-лышень зъ цѣрквы», казавъ Нечыпиръ, усѣ-таки пиднимаючысь на хытрощи.

«И сѣгô добра невжывáю. Виддýчуютъ тутъ дôбре за сýю поваду.»

— «Якъ такъ?» пытавъ Нечыпиръ.

— А óтъ якъ, казавъ Радькô: отъ бачь, я здôрово нюхавъ кабáку на тѣмъ свѣти, такъ óсь мени повнисинькѣй нѣсь гробакѣвъ, та такъ, брáтику, лыскôчуть и въ дѣнь и въ ноцѣ, що не тó що, по усѣй домовѣни мѣсця незнайдешъ. Свербыть у нôси, та й свербыть, а нечхнѣшь.

«Бачь, якъ у васъ повôдытця», казавъ дывýючысь Нечыпиръ. «Такъ хыбá е кáра у васъ за грѣхы?»

— Дѣ-то вже немá! кáз Радькô. За кабáку нѣсь видвичá; отъ я-жъ-такы любѣвъ тягнѣты горѣлочку, такъ усѣ кышкы рáзомъ и пропáлы, такъ що хотъ видѣрко улѣй, то незоста-нетця ни крапли. Хто охôчий бувъ бытысь, томѣ зáразъ кулакы повѣдпадають и рѣкы скандзюбыть у тры погыбелы. А жѣнкáмъ, брáтику, жѣнкáмъ, такъ щô-то достаѣтця! Оввá! Якá булá цокотѣха та щѣбетѣха, такъ тѣлки що питкнѣтця на нашъ свѣтъ, та й дѣма-бъ-то по старовыни, щôбъ и тѣтъ пащыковáты, та прынѣметця за звôды та за перевôды; а тѣтъ їй зáразъ у ротъ и сѣла жáба, та й квáка, та такъ учѣпытця за языкъ та за пѣднебѣнья, що нѣякô сýлою їи и не видѣрвешъ. А котôра, нетѣлки молодѣця, та й дѣвчына, колы булá моргѣха, та очыцямы повôдыла чы на парубкѣвъ, чы хотъ и на нашого брáччыка, та жôдному ныщечкомъ признавалася, що тѣлки ѣгô одногô любыть, а зо усѣякымъ жѣныхáлася; а колы жѣнка, та видъ мужыкá дрѣгымъ сорочкы мѣла.... та стѣжкы у кôмирь давáла, та й дрѣте що-нѣбудъ.... такъ такымы вже зáразъ óчи й пропáлы, а замѣсть ѣхъ, у ямкáхъ гробакы ажъ кыпáть, брôвы повылázать, та й дрѣте-прôчее, такъ що сôромъ и у люде показáтысь. Е тутъ усѣмъ хáлепа! Або котрá жѣнка протѣвъ закôну пѣде, та стáне мужыкá вчѣты...

«Такъ щô такѣй?» мерщѣй перехопѣвъ Нечыпиръ.

— Та що? кая Радько: звісно: котузи по заслузи; языку, щобь на мужыка негрымала, достаётця своё: жаба у него выпётця, а руки позкорчуе та поведыть, такь що й коваль молотомь непорозправляе.

«Знаешь-же що, Прокіповычъ?» ставь прохаты Нечыпирь Радька: «будь ласкавь, згадай, що колысь и я тоби на нашому світи бувь у прыгоди: ходимь, здилай млыость, на часынку до мене до-дому, та отце усё, яка у вась наука е усякымь жинкамь, розкажы мойй Присыци, чы нескаменулась-бы вона хочь трохы, та чы неперестала-бь вона мню орудоваты, та мені воли недаваты, та мене вчыты. Тилки на часынку ходимь, я тоби велыке спасыби скажу и дуже буду дяковаты».

— Ні, Нечыпоре: кусала така, кая ёму Радько: се-бь-то ты мене мусышь пидь манастырь пидвесты. Я вже бачу твою думку та гадку. Ты тилки хочешь мене одурыты, абы-бь я тебе вывивь изь цёрквы, а тамь ты и згынешь зь очей, та й шукай витра у поли. Ні, братику, не пиду и тебе непуцу; бо й я радисинькій твогь варёныка хочь покуштоваты. Оть скылки годивь, якь я вже вмёрь, а сякій-такый сынь, хто ёго и вь вичи бачывь. Пожалуй, на проводы наносють сюды на гробы чы-мало чогь: чы кути, чы буханцивь, чы крапанокь, чы пирогивь; такь ничогь зь тогь нашому браччыкови и недостаётця за вашыми пошамы та дякамы. Тогди и нашь отець Мыкыта, выгладяючы на те, що дитця на кладвыщи, тилки посмоктуе та попламкуе, та ажь обь полы бьётця рукамы: що-бь-то робывь? По бороді течё, а у роть непопадё. А нашь брать такь и мовчы. Такь бачь, якь мені тебе пустыты, колы я видь тебе маю розговитысь варёныкомь? Ні, козаче! выкынь изь головы, щобь видсиля втекты. Мовчы та дышь; а то щобь й тебе на локшыну непокрышылы.

«Ну, ще-жь я тебе хочу пытаты», подумавшы кая Нечыпирь: «покажы мені, будь ласкавь, де туть е мій тэсть або тэца; я ще вь ныхь хочу прохатысь, чы незаступылысь-бы вони за мене хочь трохы, щобь я туть непропавь видь вась, такь що й сердешна жинка незнатеме, де я и динусь».

— Тэсть або тэца? сказавь Радько: помынай ихь, якь звалы. Вони, бачь, вйшлы зь нашою парави, хочь и тучка лежать. Вони, знаешь, усё вередовалы на тымь світи:

*

усё старцямъ подавалы, та бідныхъ зодягала, та зъ неймущымъ послїднимъ кускомъ хлїба розділялысь, такъ ихъ усї старці и обляглы, та ихъ що-дѣнь, що-нїчъ усё й забавляють: то Лазаря, то Сквородыны псалмы имъ спивають, а вонї, лѣжачы, потишаютьця и видъ насъ зовсімъ видуралыся, а про вашъ свить нехочуть и зпомянаты. Старому такы, тїлки що очи сюды показавъ, далы спершу дѣбру прочуханку, що втопывъ свою дочку, виддавшы їй за такє ледашо, якъ ты, не во гнївъ тоби сѣе слѣво (зъ пїсни слѣво невыкдаѣтця), та описля и помылувалы; такъ ты ихъ непобачышь зъ нами. Тожъ и батько твій не сѣго прыхѣду, а жыдївського, бо пьяный пидъ тыномъ дѣба давъ, такъ ёго зъ нашої ревызы зключылы.

Почухався Нечыпиръ пїсля такої розмовы крїпко, та й кая собї ныщечкомъ: «а щобъ вы выздыхалы зъ вашою выгадкою йсты варѣныкы!» та понурывшы голову ставъ думаты, якъ-бы-то видъ ныхъ видкрутыгысь. Отъ думавъ-думавъ, та й надумавъ; та зъ радощивъ ажъ усы собї розглядывъ, та й кая собї: «Дѣбре-жъ, йстемете трясыця, а не варѣныкы».

Отъ, якъ перециловалысь усї, та й неросхѣдотця, ждѣть розговинь. Отѣць Мыкыта звелївъ дякови гасыты свичкы, а кныжкы и усѣ позкладаты, якъ було, а самъ узявъ Нечыпора за руку, та й повївъ зъ цѣрквы и кая: «А нѣте, панѣве-мыряне! ходитъ за нами, бѣдемо розговлятысь». Отъ, якъ повыхѣдылы усї, и позамыкалы и цѣркву, и цвынтаръ и вїйшлы на кладвыще, отѣць Мыкыта й кая: «А нѣ, чоловїче зъ того свїта! вынѣмай свїй гостынець, та гляды, щобъ ты подилывъ ёго на часты, щобъ кожному, скылки тутъ насъ ё, щобъ усякому достало: менї, попови, звысно, у чѣтверо протывъ прѣстого, дякови у двѣе, паламарѣви у пивторы протывъ прѣстого; а за тымъ и старому, и малому, усїмъ поровну; и щобъ нїѣдному ни бїлшъ, ни мѣншъ; колы-жъ гараздъ неподилывъ, що кому нестане, або кому бїлшъ, а йншому мѣншъ бѣде, то тутъ тоби и амїнь! Такы тутъ тебѣ и розїрвемо на мани-синькы кусѣчки. Отъ-щѣ!»

«Та щѣ се за напасть така?» гукнувъ вже на ныхъ Нечыпиръ, якъ розглядывъ, що тутъ, до чѣго прїйдетця, можно й драла даты. «Якъ такы можно такымъ манѣсенькымъ кусѣчкомъ варѣныка, та усю вашу громаду обдилыты? Сѣ-

бачу тїлки ваши вїгадки, пеня москѡвська, щобъ менє за-напастыты! Ходимъ - лыпень до ратуши, та збудїмо пїсаря, та хочъ и вїнъ зо мнѡю учбра цїпко пїяный бувъ, та вжє-мабутъ и проспавсь, такъ вїнъ намъ на щетяхъ розщыта, що немѡжно такїмъ кусѡчкомъ усїхъ васъ обдилыты».

— Алє! намъ нї-чого до пїсаря, зашыпїла уся громада. Вїнъ уже намъ не сїуть началныкъ; мї тутъ старши!

«Колы-жъ вы тутъ старши, такъ цїрь же вамъ!» крїкнувъ на ныхъ Нечыпирь; та якъ позасїуче рукава, якъ зтїлыть кулакы, якъ кїнетця у кїчу, щобъ пробытысь межъ нїмы, та удраты до-дѡму.... такъ що-жъ! Бачытця й бѣе, ще й дїуже бѣе: когѡ по пїщи бѣха, когѡ у груды тасує, и ногамы товчє.... такъ, сердєка, тїлки собї кулакы позбывавъ и трохы нїгъ своихъ объ ихъ нѡгы непорозлѡмлювавъ, а ихъ ничѡго и недошкїлывъ, бо звїсно кїстка! шѡ кїстыци зрѡбышъ? Такы ничогїсїнько! тїлки пїще ихъ розсєрдывъ.... бо якъ кїнулысь усї на нѣго, якъ заревуть: «Такъ утїкаты? Осъ мї тобї дамѡ! Дилы-жъ, сякїй-такїй сїну! а не тѡ, осъ мї тутъ тебє розїрвемо на шматѡчки».

Прїйшлѡсь Нечыпорови зовсїмъ пропадаты! Вжє невыдумаетъ, шѡ єму и дїяты, та зъ перелїку ставъ просытысь: «Пустите, батечкы-голїбчыкы, пустите! Ой не давїтъ же менє вашымы холѡдными кїсткїамы.... О, та й змєрзъ же я, але такъ и трушїусь. Бїдьте ласкави: вынеситъ менї шапку, забївъ у цєркви; ўха такъ помєрзлы, шѡ не тѡ шѡ!»

— Якѡ тобї шапка? видозвалысь до нѣго вїгратъ мертцї. «Робы своє дїло; бачъ, вжє нерѡно!»

«Те-те-те-тє! тепєрь догадавсь!» шєпнївъ собї Нечыпирь, та й глїнувъ на зѡри, ажъ Вїзъ ужє докѡчуєтця геть-геть; отъ, розгладывшы ўсы, та й кѡже имъ: «Бачу тепєрь, люде дѡбри, шѡ зъ вамы нїчого робыты; я булѡ хотївъ пожартоваты, ажъ бачу, вы сєгѡ нєлюбыте. Колы дилыты, такъ дилыты. А кажїтъ: хтѡ надъ вамы тутъ є отѡманъ, чы якїй старшїй?»

— Немѡ никѡго старшѡго, мы тутъ усї рївни; мынїлось пѡнство!» загулы мертцї.

«Такъ хтѡ жъ знѡ, скїлки є тутъ васъ шѡтомъ?» пытѡвъ Нечыпирь.

— Дилы безъ шѡту. Тогдї побачемо, якъ кому нестѡне.

«Цурь дўрня, та мѣсла грудка!» гукнуў вѣ на ныхъ Нечыспирь, усѣ поглядяючы на зѳри: «якъ вась кѣтъ розберѣ: йншыѣ, мѳже, по двѣ дѳбли хвататеметь на мою гѳлову. Безь щѳту нехѳчу: личить, тогдѣ й дилытему». Та видвернуўся видь ныхъ, узѣвсь у бѳкы, якъ комысарь, та й хѳдыть межь нѳмы и неважѣ, якъ и тѳѣ, громѣды.

— Та дѳкы сѣгѳ бѳде?» загулы вѣгѣть мертцѣ: «небѳде тобѣ щѳту, личѣ сѣмь».

«Лѣха мѣтери вамъ!» кѣз Нечыспирь: «Личѣ; колѣ-жъ я лививъ незнаю. Двѣдцѣтеро-дѣсѣтеро наличѣ, а дѣли й тѣррѣ! Ну, такъ поклычте-жъ зъ рѣтуши пѣсаря, такъ тѳѣ вась переличѣть». Та усмихнуўшысь и кѣз нѣщечкомъ: «нагѣйкою, якъ у степѣ косаривъ».

— Э! та тѣ бо ще й торгѣсся?» зашыпила громѣда: «дилѣ мерщѣѣ, а то мѣ тебе подѣлемо!»

«А щѳбѣ вы выздыхалы!» розсѣрдывшысь налѣявъ ихъ Нечыспирь: «якъ же вась тѣтъ у громѣды усѣхъ менѣ подилыты? Сидѣйте - лыпень усѣ по кѣпамъ: старѣ до старѣхъ, молодѣ до молодѣхъ; дидѣ осѳбе, и бабѣ осѳбе; тожъ и парубкѣ, и дивчѣта....

— А парубкѣмъ зъ дивчѣтамы сидѣты? пытавъ одѣнъ парубокъ, вѣскалившы зубы.

«Ось ѣ вамъ дѣмъ до дивчѣтъ! Алѣ й тѣтъ у вась жѣныхѣнѣна на дѣмѣци. Гѣтъ!» прыкрыкнувъ на парубѳцтво грѣзно: «Сидѣѣ окрѳме, и дивчѣта окрѳме».

— О, бѳдѣѣ тебе розсудыло! зашыпили усѣ дивчѣта.

Ажъ тѣлки забряжчѣлы кисткѣ, якъ почалѣ мертцѣ усѣ-жуватысь; та усѣ кѣпа побылѣ кѣпы. Старѣ дидѣ й бабѣ щѣ такѣ звычѣйнишъ булѣ, ти нѣ-ризно посидѣлы; а щѳ молодѣци, дивчѣта, та такѣ й чоловикѣ, якѣ ще недѣже старѣ булѣ, а щѳ набилшъ парубѳцтво, такъ вѣже тѣкъ помѣжъ собѳю помишѣлысь, щѳ й розибрѣаты ихъ немѳжно булѳ. Та пиднялѣ промѣжъ сѣбе йтрашкѣ, та смихотнѳ, рѣди щѳ до кѣпки зибрѣлысь, та выгѣдуванѣя, нынѣче колѣсь имъ булѳ на вечернѣщѣяхъ; та тѣкъ, щѳ скѣлки старѣ, та й самъ отѣцъ-Мыкѣта, ихъ ни зупынѣлы, такъ ничѳго и незрѳблѣтъ; а нашъ Нечыспирь имъ и неборѳнытъ: «Нехѣѣ, нехѣѣ!» дѣма собѣ, та ще й рѣдъ, щѳ вони гудѣтъ, якъ тѣѣ бѳжѳлы.

Тїлки що тї усажувались, ажъ та дитворá, що бїгала кругъ цѣрквы, сюды-жь прысыпала и сїкаютця до Нечыпора, и знай своё товчуть: «Насъ маты породыла, нехрещёныхъ зхороныла, пидъ порóгомъ положила.... давай и намъ, дáдку, варёныка; а якъ недасы, залыскóчемо у смёрть....»

«А зась, цыганчáта!» крýкнувъ на ныхъ Нечыпиръ, та ажъ тупнувъ ногою. «Чыпъ видсиля! вы не сѣгò прыхóду. Пожалуй, е васъ багацько такыхъ, що й по пидъ плотáмы покыдани, и у глечыкахъ потòплени; та якъ мени усїхъ обдїляты, такъ сѣ въ мене, нетилки варёныка, та й волóбсья нестáне....»

— Зовсімъ! обдїляй мерщїй! заклекотыла мертцывська громáда, посадавшы и утыхомыгrywшысь.

«Добре, колы зовсімъ!» видозавсь до ныхъ и Нечыпиръ, щѣ такы поглядывшы на зóри: «вы зовсімъ, отъ и я скòро зовсімъ». Отъ и ставъ по-пидъ ногáмы на снигу ськáты, та и знайшовъ скыпочку; выковырявъ нею тогò пив-варёныка, показуе имъ и кáз: «Нáте-жь, люде дóбри! та знайте мою дóбристь. Глядїте-жь, йййте неспшачы, що-бъ котрый ще неподавывсь; то ще мени бидá бóде: прыййде сýдь зъ лїкаремъ васъ свыдїтельствоваты, та ще скажутъ, що я васъ отруивъ, та прыкынуть пеню, що й копою невидбóдешъ. Нáте-жь!» Та й ставъ рощыпуваты варёныкъ и кáз: «отцѣ одному, отцѣ другóму, отцѣ трѣтѣму....» Кукуруку! заспивавъ пивень.... Шарáсть! розсыпалысь нáши мертвецї и кисткы забряжчáлы, ненáче хто мшпóкъ пятакывъ высыпавъ!!!....

Дывытця Нечыпиръ: немá ни отця Мыкыты, ни пáна дякá, ни старыхъ, ни молодыхъ, ни дивчáтъ, ни парубкывъ.... зостáлысь самї гробы на кладвыщи, якъ и учóра булы.

«Цуръ палїчча!» закрывавъ Нечыпиръ, сѣе бáчучы. Сѣ-жь винъ знáрошне ихъ до трѣтихъ пивнивъ и манывъ, бо чýвъ видъ старыхъ людѣй, що тїлки самї чортякы видъ пѣршого пивня зчезáютъ; а що видьмы, та мертвецї, упырї, вовкулакы и усяка нечысть шляютця до другыхъ, а йнши и до трѣтихъ пивнивъ. Отъ винъ тїлки ихъ и дожыдавъ.

«Фить, фїть!» подывывшысь по усимъ усюдамъ, чы незостáвь котрый на сїмъ свїти, Нечыпиръ посвыставъ, та й кáз: «А щó? найлысь варёныкывъ? нездывўйте. Мўсылы менѣ занапастытъ, тепѣрь на щѣ-серце спочывáйте; та вже бїлшъ

менё незаманыте.... Що-жъ мени тепёръ робыты? Питы до-дому, жинка неповырыть, што йй буду розказоваты, та ще й попибье, думаючы, що мѡже я де по шынкамъ ходывъ. До церкѡвъ, пѡкы жывы попы задзвѡняты, ще нешвыдко; ляжу тутъ спаты, та й спатему; задзвѡняты, я тутъ и ё. Отъ соби прылыгъ на гѡрбыку, якъ-разъ быля хвиртки, куды народъ у цвынтарь ййде, згорнўсь, та й захрыпъ соби гарнёнько.

Спавъ-спавъ, ажъ-ѡсь чўе, що ёгѡ сипають и таскають то сюды, то туды. Отъ ёму и здаецця, що сё ёгѡ мертцы рвуть на шматкы, та зъ просѡнья давай яко мѡга крычаты: «кукуруку!» та «кукуруку!» щобъ мертцы зчезлы видъ нѡго, та порозсыпалысь, думаючы, що то пивень крычѡтъ. Дали чўе, що кругъ нѡго люде вѡзютця та регѡчутця, и хочъ ёгѡ й дѡргаютъ, та нервутъ на шматкы, а ще й гѡворють: «Нечыпоре!... Устанъ... устанъ!» отъ винъ очыма—лўпъ! ажъ—зыркъ! передъ нымъ пипъ..... та вже не отецъ Мыкыта, а отецъ Павлѡ, жывыи пипъ, и дякъ, панъ Степанъ, и усѡ люде, скылки ихъ тутъ нибачыты, усё жывы люде, и сусѡды, и прыѡтели ёгѡ; а тутъ и пысаръ зъ ратуши, зъ котрымъ винъ учѡра дѡбре заговлявъ.

Уставъ напъ сердѡка и бчи продыра, и чўаецця, и незна, що ёму казаты, що ёгѡ и пипъ и усѡ громада лають, и пьяныцею узывають и що цылу ничъ шлявѡся, та такъ, де прыпало, тамъ и валяецця.

«Алѡ, пьяныця!» дали надумавшысь каз имъ Нечыпиръ: «тутъ не пьяныця, а ѡсь мени якѡ прыведѡные булѡ. Осъ слўхайте-лышень, и вы, панѡтче, и вы, люде дѡбри». Отъ и почавъ имъ усѡ розказоваты: якъ бувъ учѡра пьяныи, якъ до дѡму прыйшовъ, якъ заснўвъ и якъ пиповъ до вўтрени, и щѡ тутъ зъ нымъ булѡ, и якъ мертцы хотылы ёгѡ розирваты за варёныкъ, и якъ пивень заспивавъ, и якъ воны пропалы, и якъ винъ тутъ заснўвъ.....

«Та неслўхайте ёгѡ, пьяныци!» загомѡнивъ на нѡго пан-отецъ, бачачы, що увѡсь народъ около нѡго обступывъ и порозивлявшы роты слўхаютъ ёгѡ; та ище каз: «неслўхайте, се винъ перепывъсь, та зъ-пьяну хымѡры погнавъ».

— Та якы тутъ, панѡтче-честнѡче, хымѡры; именно такъ булѡ, якъ я кажў. Осъ видимкните-лышень цѡркву, то й знайдете тамъ мою шапку. Вона тамъ; мертвецѡи недалы мени йй и узѡты; я-жъ кажў, що вона тамъ. Я нелазывъ-пакъ у вик-

но, щобъ їй знáропше тамъ положыты. Та й лúчче роздывiтесъ по цѣркви, чы немá якòи шеòды....»

Отъ и выдимкнулы цѣркву, вiйшли; ажъ справды, де казавъ Нечыпирь, що положывъ шапку, тамъ вона й ё; а по цѣркви усё було справно и немòжно було прымытыты, щобъ мертвецi у ноцi тутъ булы.

Що-то дывовáлыся усi люòе про тѣ, що розказувавъ Нечыпирь! А найбiльшъ отъ-сá шапка, хочъ комú, такъ на вдывовыжу була: якъ-пакъ такы вона-òь зайшла у цѣркву, якъ-бы не винъ їй занисъ? а якъ-бы винъ їй занисъ, якъ-бы цѣрка невидчынена була? а хтò-жь їй у ноцi видчынывъ и хтò дзвонiвъ? Отъ и стало-буть, що сѣ мертвецi такъ пòралысь. Такъ и старi люòе говòрють, що було колысь, у якiмсь-то селi, якòмусь-то чоловiкови такѣе-жь прыведѣные, що дúмавъ на вúтреню прытыты, ажъ прыйшовъ.... мертвецi слúжаты собi по-сво̀ему, та у пiсть справляють велыкдень. Та вонò-жь такъ и ё: у насъ пiсть, а въ ныхъ велыкдень. Та òдже и Нечыпорови казáлы, що, кáжуть, колы-жь имъ ёòò и справляты, якъ не тогдi, якъ цѣрка и дзвòны гуляють, а люòе пiсля пúщанья смертѣлно пьяни. «Такъ, такъ и ё, такъ и ё!» закичала ув-одынь гòлосъ усá громаòа.

Отъ якъ такъ промѣжь собòю люòе толковáлыся, а вже не хтò, якъ старi бабы, та такы й молодыци, ажъ òсь и обивавсь одынь чоловiкъ и кáз: «Та Нечыпирь учòра увесѣнычкы пьяный ходывъ безъ шапки; и я ёòò пытавъ, дѣ винъ прощывъ шапку, такъ кáз, ищѣ якъ бувъ ранкомъ у слúжби, такъ у цѣркви забúвъ, спiшачы зъ прыятелемъ до пàна дякá на розгришѣные».

— Та и я бачывъ, казавъ щѣ одынь чоловiкъ, якъ винъ їй учòра у слúжби клáвъ и якъ пишовъ безъ шапки, и смiявсь зъ нѣго. Сѣ ёмú пьяному прыснылася такá нисенiтныця....

«А, сѣ ёмú прыснылося.... Се винъ зъ-пьяну хымѣры погнавъ!...» загулá выпяты громаòа, що якъ якiй чоловiкъ скаже слòво, то вона нерозчухáючы, щò, и для чòго, зарáзь и крычыть «такъ-такы, такъ, такъ!» и у всáкимъ дiли такъ.

«Эгѣ! мабуть, що хымѣры! мабуть, що прыснылося! Нi, сѣмú такы прáвда». Такъ казáла менi старá Куцайка, розказуючы сiю повiсть, та й божылася, що «сѣмú», кáз, «именно прáвда була. А менi, кáз, розказувала про се покiйна кова-

лыха Оксана, а вона чула видь Явдохы, дядыны старой Потыпы, що була описля за Денысомъ Бупемъ. Такъ тутъ, каэ, нигде дитысь: правда, та й правда, що було прыйшовъ Нечыпирь на *Мертвецький велик-день*.

Отъ такъ-то! отъ до чого ся горилочка доводьты, що ёму такее приведеные було, що крый Боже и усякого хрыстьянына. Цурь-же йй, тий горилци. Пыты йй можно, та ненапыватысь; чарку, друту у кунпаныи, а не такъ вже, якъ Нечыпирь, що й худобу попропывавъ, и звывся ни-на-що, та ще й души троха було незанастывъ. Эй, бережытеса, хлощи! неудавайтеса у тее пыанство!

Годи-жь для першой книжки! Буду лагодыты друту. Незнаю, чы вгожу и сиею? Колы що нетакъ, нелайте; а за помылки выбачайте, бо ихъ тутъ усихъ, де якихъ по троху, е й багатенько. Не пры мени печатано и я небувъ у друкарни, та й про Москву незнаю, якъ у неи и двери видчынаютця.

IV.

ДОБРЕ РОБЫ, ДОБРЕ И БУДЕ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Тимовею Романовичу Подольскому.

ДОБРЕ РОБЫ, ДОБРЕ И БУДЕ. *)

Нихтò незабóде голòдного гóду, щò Богъ послáвъ намъ за грихы нáши. И якъ забóты бидú такú, щò й диды нáши нетерпíлы, та недáй Бòже и унóкамъ, та и усéму рóду, и чúты про такú лыхú годýну! А розсúдымо ще й тákъ: за грихы нáши постыгла насъ кáра Бóжа? Эгé! Такъ и тúть-же бáчымо, щò нашъ Отéць, Цáрь Небéсный, не до кинцá прогнивляетця на насъ, а усé ждé, щòбъ мы зхаменúлыся, покáялыся и вернúлыся до закóну Ёгò святòго и робылы Ёгò вóлю. Якú? Мòже дúже важкú? мòже труднú? Мòже повеливá самотúжкы гóры зъ мíсьця на мíсьце перетягáты? Мòже вельть жмёнямы мóре выливáты? Незнáю! Тилки и ё Ёгò повелиные: любы Ёгò, якъ Создáтеля свогò, щò видъ Нёго усé мáешть: и свíть, и хлiбъ, и худóбу, и симью, и усé, усé, и щò дóбрсты и мылосёрдыю Ёгò и мiры немá; та любы усéкого чоловiка, якъ щырого свогò брáта и сына Бòжого, бо Винъ, Госпòдь нашъ, повеливъ Себé у молытви звáты Отцёмъ, якъ щò-дня чытáете: «Отче нашъ, иже есы на небесы». Такъ мы вже усé Ёмú такы любязны, якъ дiты бáтькови; а затымъ-то трéба, щòбъ и мы любылы одынъ-òдного, якъ брáта, у нуждi помагáлы, одынъ видъ òдного бидú видвóдылы и колы до чòго прыхóдытця, одынъ за òдного страждали и бидú терпíлы. Отъ тогдi-то мы Бóгу угодымó и цáрство видъ Нёго полúчымо. Такъ чы не для тóго-лышень, бiды Винъ намъ посылá, щòбъ на дiли вчылыся дóбрó робыты? Пожáлуй: на словáхъ мы усé бiйки, усé рòбымо гарáздъ; «я сякый,» кáже iншы, «я такый, я мылостывый, я старцямъ подаю, я бiдныхъ обдиляю....» Прыйды-жь до нёго у нуждi, просы голòд-

*) На первомъ изданiи помётка цензора: Москва, Октября 4, 1893 г.

ный сухаря, неимущий светыны—ей! и сухаря недасть и за руку выведе зъ хаты, колы ще и у потылицю нестукне. Отъ тымъ-то бида вчыть пизнаваты людѣй и видь дѣлаго добра переньматы. Черезъ биду знаемо, якый хто е, и по ёго дѣлови такъ ёго и шанѣмо. Чы бачывъ хто зъ рѣду, щобъ на дѣбрый яблони та родылы рѣпьяхы? Такъ и тутъ: щобъ колы чоловікъ що дѣбре рѣбыть, такъ щобъ объ нимъ недѣбра слава йшла? Спершу-бъ-то й такъ: першъ зашыпотятъ, мовъ гадюкы, дали загудѣть, мовъ злыи шершени, а тамъ загавкають, мовъ собаки, и кынутця, щобъ зовсімъ чоловіка зыйсты.... такъ-же Господь мылосѣрдный неведѣ до того, неведѣ, оборонитъ и передъ усимы явитъ такого, що небаячыся перѣсудивъ, недывѣвся ни на кого, рѣбивъ дѣбро для своего брата, бо любывъ и слѣхавъ закону Отця нашего Небѣсного! Тогдѣ такому и станетця: дѣбре рѣбы, дѣбре и будѣ! и хочъ и не на симъ свѣти—бо що тутъ е вишнѣ?—такъ вже пѣвно тамъ, тамъ у Царствѣ Святимъ, де будѣ такъ гараздъ, такъ хороше, що й святѣ невмылы розказаты, а тѣлки напысали намъ: що ни око небачыло, ни ухо нечуло, и здуматы такъ немѣжно, якъ хороше и гарно будѣ тымъ, що любылы Бога мылосѣрдного, сполнялы Ёго святый законъ, люблячы кожного чоловіка, и помагали бѣднымъ у нуждѣ.

А послухаймо, якъ у лыху годѣну справлявся Тыхонъ Брусъ и що винъ рѣбивъ, и що зарѣбивъ тутъ. Мѣже дѣже тяжко та важко ёму було, що мѣже йншый и незтерпыть? Або що-небудъ рѣбивъ такѣ труднѣ, що дрѣтый и незумѣе? Послухаймо.

Порозтавали снѣгы, зйшла пѣвидь, позбигала скрызъ вода, а ще землѣ зовсімъ-же-то и невидѣрзла. Людѣ, хто знавъ, мовчатъ та прымичають; йнши кажутъ: «байдужѣ! землѣ видъ сонця разомъ видѣрзне, тогдѣ пидуть дощѣ и усѣ гараздъ будѣ»; а Тыхонъ Брусъ послуха, що людѣ кажутъ, кывнѣ головою, та видѣйде и скаже: «незнаю, якъ будѣ; а будѣ такъ, якъ Господь мылосѣрдный пошле».

Тыхонъ Брусъ бувъ старъ чоловікъ, розумный на усѣ те село, де живъ, та розумъ мавъ про себѣ, недѣже зъ нымъ выхвачовався. Треба пылно було ёго просыты, щобъ давъ яку порадѣ; колы-жъ що було скаже, то вже вонѣ такъ и е, и такъ и будѣ. Колы бачыть, що у йншого батька сыны, чы пид-

нялыся на ногы, чы нй, а мерщй жёнйтися; поженывшысь, чы оглядйлися, чы нй, а вже мерщй видь бѣтка зъ двора, на своё господѣрство, то Брусъ и кѣже: «Небуде, дѣты, зъ такыхъ хазяинивъ добра; переведутьця ни на сѣ, ни на тѣ; однимъ воломъ небагато вробышь; и цылыну хыба брютъ парою? ну, нѹ! Такъ и у господѣрстви: чымъ билшь рѹкъ, то и швыдче дѣло поспѣе; а однимы рукамы небагато вробышь». То гляды, такъ якъ-разъ и ё: бувъ у новѣго хазяина свй плугъ, а тѣ вже у супрѹты идѣ, а далшь, далшь, вже й пишый; була свой хѣта, а тѣ вже пишѣвъ у сосиды и звйвся ни-на-що.

Колы було Тыхонъ дывытця, що зъ якѣи симъ жйнка — якъ на вдвйрѣи, та на вдвйрѣи, знай зъ жиночкамы та зъ проходѣщымы шебѣче; а дѣчкы, покыдавши непѣлоти огорѣды и немѣзани хѣты, та бѣгають то на вѹлыцю, то на вечерныци, то винъ махнѣ рудю, та й скѣже: «поваростають-же и воны недѣброю славою, пообсыпѣетця и усѣ ихъ господѣрство, якъ и шпаруны около хѣты». Гляды, такъ якъ-разъ и ё: и худѣба, и дѣбра слава — усѣ пишлѣ за вѣтромъ.

Колы було побачыть, що чоловикъ безъ посѹдыны идѣ у шынокъ (бо се вже звѣсно, що не дѣма, зъ кунпѣанею та зъ дѣбрымы людъмѣ, а у шынку самъ собѣ пытеме), то Тыхонъ и скѣже: «Туды лѣдѣчому и дорѣга! Осъ побачыте, що от-сѣ самъ ходыть, а дали и усю худѣбу перенѣсыть». То такъ и буде: розшпѣетця, попропывѣетця, по-пидъ плотамы валяетця, а жйнка зъ дѣточкамы пишлы по-пидъ вѣконью мѣркаты.

Отъ такыи-то бувъ Тыхонъ Брусъ. И тепѣрычкы винъ усѣ сумѣе, усѣ сыдѣтъ та дѹма; то пидѣ оглядѣты свй хлѣбець на току и у комѣри по закрамахъ та по дѣжкахъ. Обглядѣтъ у сѣбе, пидѣ и по вѹлыци, розглядѣ на токѣ, де ё замѣжнѣнькы люде, та идучѣ до-дѣму, усѣ щѣсь по пальцямъ лычыть.

Ажъ осъ: зарѣаннѣ стѣло сѣнечко прыпѣкаты, ненѣче о правѣи середѣ, а ще тѣлки середохрѣстѣтя. Якѣ була мѣрзла землѣ, зарѣазъ усѣ порозтавалѣ, та усѣ-жъ-то — у рѣнци тумѣнцемъ, у дѣнь сѣнечкомъ, а у вѣчери морѣзцемъ — повытѣговало зъ неи усю сѣрысть, усю влѣгу; отъ, вѣсохла зарѣазъ землѣ, що ажъ пыль идѣ.

Вербу побра́лы, святкы́ видгуля́лы.... а до́щыку нитò й крапелы́нкі небачывъ. Не щò робыты! не зкля́шы-жъ ру́кы сыдыты?... Жынкы́ покопала́ вогорòды, пообсива́лысь люде арыно́ю.... а дощ́у нема́.

Тылкы́ й чу́ты промежъ людéй, якъ зйдутца́ абò до ра́туши, абò до шы́нку бесéдоваты: «Недаé намъ Богъ дощ́у! Прогны́вылы Гòспода мылосéрдного!... Се лы́хо намъ б́уде!...» Щò у Бòга сл́ужба, то пан-отéць и звелы́ть уся́м на вкòлишкы прыпа́сты, чыта́ молитвы́, а самъ ажъ пла́че..... Де булы́ колодзя́, и на ставкú, усюды́ вòду посвяты́лы..... Вже и пра́ва середá, а дощ́у нема́, та й нема́!

Оповысты́въ бáтюшка, щòбъ отъ у недéлю, та щòбъ усí, сыйкы́ é у селí людéй, щòбъ и старé и малé, щòбъ усí зибра́лыся до цéрквы. «Видпра́вышы», ка́же, «Бòжу сл́ужбу, пйдéмо, сыйкы́ насъ é, у пòле; старòго й немо́щного веды́ть, малú дыты́ну несы́ть, а щòбъ усí ййшы́; пйдéмо скрызъ пò-полю, б́удемо вòду свята́ты, б́удемо ланы́ окропля́ты, б́удемо молы́тыся, щòбъ насъ помы́ловавъ Отéць нашъ мылосéрдный, Гòспòдь пра́ведный!»

Такъ и зробы́лы. Щò-жъ-то зибра́лося нарòду, такъ Гòсподы́ Тво́я воля́! Вже спра́вды, щò никòго по хата́мъ незоста́лося. Дитвòра, котòре бижы́ть, котòрго на рука́хъ несýть; престары́хъ и боля́щихъ пид-рукы́ ведуть..... усí, усí пышы́ зò-хресты́ у пòле. А у пòли-жъ щò?... Гòсподы́ мылосты́выы! Ажъ сýмно.... Ры́злы, куды́ ни глянь, усюды́ чорны́ють. Озы́ме у восены́ черезъ зáсуху незхòдыло, колы́-жъ якé и зййшлò, такъ щò на ны́ви мòжно перелы́чыты, такъ и те пока́рýвило и пидъ ногáмы хрусты́ть. Вы́дно, вже д́уже вы́дно булò, щò колы́ непомы́луе Гòспòдь мылосéрдный, то неб́уде зъ нёго́ путьтá. А яровы́ны́ и непыта́й!....

Видсвята́лы вòду, помолéбствовали.... и щò-то: увесь на-рòдъ прыпа́въ на-вкòлишкы.... Бáтюшка за слы́змы́ и молитву́ черезъ велы́ку сы́лу мòже чыта́ты.... Хтò прыпаде́ до землí, та ажъ хлы́па.... а малы́ дыты́, звы́сно, ты ще ничòго незна́ють, ды́влячысь на стары́хъ, дава́й собí пла́каты ажъ у гòлосъ....

Пообкрòплювавши скрызъ пò-полю, верну́лысь до-дòму, ажъ ось стáлы хма́ркы збйра́тыся..... усé бйльшъ, густы́шъ..... да́лы й чòрни хма́ры пòзвы́лыся, такъ зовсы́мъ якъ на до́щъ и на грíмъ..... Нарòдъ зра́довався, уся́къ ка́же: «Отъ, Бòгъ

мылосёрдный змылуецця надъ намы, пошлетъ дощыкъ, то й непропадемо». Отъ хма́ры усё находятъ, усё находятъ.... ажъ тутъ зно́вь пиднявся бурей видъ сходъ сонця, самы́й сухы́й витерь, що нико́лы не навие дощ́у и якы́й и зберётця, то винъ ёго розжене́. Сей-то витерь виявъ и въ осены, вие и зъ само́и весны, и тепе́рь якъ дмухну́въ, такъ де́ и хма́ры подивалыся, и вгя́ть выяснылося и сонечко ста́ло жарыты передъ Ушэстамъ, якъ посере́дь лита, объ Прокыпши.

Тыхонъ-же ще за-здалегидъ те́ й дило, що зъ своимы сына́мы молотыть хли́бъ, якы́й бу́въ у него на току́, а винъ бу́въ соби́ крпичко замóжненькый. Дали якъ далшъ, далшъ вы́дымо, що зовсімъ бидá, винъ, якъ зибралася грома́да радытысь, що ма́ють робыты, якъ неда́й Бо́же, що й óвси хли́ба небу́де, такъ винъ тутъ и обизавъсь: «А що, пане голова́ и вы, панове грома́да! Незнаю, якъ вы, а я-бъ-то соби́ такъ думавъ: отъ-той хли́бъ, що зъ гамази́въ до́бри лю́де розибра́лы, чы не́треба-бъ ёго поповныты?»

— От-се такъ! загу́ла грома́да: колы́ чоловико́ви бидá, такъ ту́тъ зъ него оста́ннюю шку́ру деры! Хочъ и ё́ у ко́го хли́бца, такъ и оста́нний видда́ты? Отъ-такъ ты вы́гадай! Чымъ виддава́ты хли́бъ у гамази́ю, такъ винъ и соби́ прыгоды́тця.

«Послу́шайте-лышень, лю́де до́бри!» казавъ Бру́сь: «я недо́вжонъ у гамази́ю ничо́го, и за се́бе и за своихъ хлбщивъ видсы́паю за-здалегидъ; а, прыме́ромъ ка́жучы, якъ-бы зъ мене́ слидовало до́бра́ты четвёрть бброшна, то вже звы́сно, що то́ю четвёртьто́ю я недо́вго пропыта́юся, а якъ йи́ знесу́ и уся́къ знесе́, що до́вжонъ, такъ отъ и зберётця ёго́ чымáло и до́брымъ лю́дымъ ёго́ на до́вго потя́гне, абы-бъ по поря́дку обди́ляты.....»

— Та немо́жно се́му ста́тыся, стали що на́-дужчъ гомо́ниты такы́, що билшъ опрётчыхъ вы́нни булы́ у гамази́ю бброшна: видда́мъ свое́, та пиду́ до зброшчыки́въ клáнятысь, та изъ-за свогó до́бра́ проха́ты; та ще́ чы даду́тъ, чы ны́, хто ёго́ зна́?» и усё проче́ клеко́тыла грома́да и загово́рылы усй́, ничо́го и нерозберéшь.

Чуючы се́е, стары́й Бру́сь махну́въ руко́ю, видйшо́въ соби́ видъ ны́хъ, сивъ на пры́сьпи бы́ля волосно́го правлэ́нья, похы́лывъ го́лову и усё щось по писќу пáлычкою копы́рсá.

Рáдылысь люде, рáдылысь довгёнъко усè объ однѣмъ: щò имь у такѣй бидѣ робыты? Рáдютця и умá незберуть. Безь хлѣба жыты немóжно, а хлѣба нема; жывымь у яму лягáты нехóчетця, а непрядумаютъ ничòго, щò робыты, щòбь пропытáтысь. Дáли—ничòго робыты!—впъять до Тыхона: «Нў-бо, дáдъку!» кáжутъ ёму: «скáжы-бо, щò намь робыты? Чѣмь биду видвесты?»

— Щò я знаю? кáже винъ: молѣтсь Бóгу! колы нашъ Отець небесный незмылосердытця надъ нами, то щò мы мóжемо зробыты? Безь Ёгò святой воли и манёнъка комáшка ни нарóдытця, ни вмрè, а ще пўще чоловѣкъ, щò, якъ чытáють у цèркви Бóже слово: «и волось твѣй непадè безь Ёгò велиныя». Такъ щò тутъ и робыты билшъ, якъ тѣлки молытысь.

«И молылыся, и мóлымося, якъ сáмъ здорòвъ, Степáно-вычу, знаешъ; такъ Господь на насъ прогнѣвався и непосылá намь мýлосты Своєи».

— Тымъ-то й гóре, щò й самъ мылосердный Господь, щò мылосердыю Ёгò и мѣры нема, та й тóй незмыловався надъ нашымы, або дѣтцькымы слизьмѣ. Адже-жь чýлы, якъ пán-отець бáтюшка намь розкáзовавъ, якъ у старовыну Господь прогнѣвався на людѣй у однѣмъ гóроди, щò видступылыся видъ Создáтеля, Царя свогò, та почалы пѣянствоваты, бездѣлнычаты, крáсты, промежь сèбе убѣйство и усѣкыи скверныи дѣлá робыты, и обьявѣвъ имь, щò на усѣхъ васъ, кáже, пошлю вогòнь зъ нѣба и попалю усѣхъ; колы-жь обрѣтѣтця межъ вамы хочь однá праведная душа, такъ черезъ такогò тѣлки усѣхъ васъ помы́лю. Якъ-же незнайплòся промежь ныхъ ни óдного праведного, то воны усѣ и погыблы на-выкы вѣшнѣи. Такъ и въ насъ тепѣрычкы: нема въ насъ ни óднои праведной души, чыю-бъ молытву Богъ послухавъ и насъ помы́ловавъ. За грѣхы наши насъ Господь и наказые. Чы дóбре-жь мы передъ Нымъ живемó? Чы хóдымо-жь у правныкы до цèрквы? Швѣдче куды до бесѣды, або и у шынокъ, а не у дómъ бóжый. Колы-жь и прѣйдемò, то чы мóлымося-жь мы, якъ трѣба хрыстыянамъ? Рукóю махаемъ, а думкою скрѣзь литáемъ. Чы помагáемо комóу у нуждѣ? Швѣдче послѣдню сорóчку зъ чоловѣка, та хочь-бы и зъ прѣятеля, здеремó, а свогò и клáптыка невпўстымо. Адже-жь за грѣхы наши послáвъ булò Богъ халèру, такъ тогдѣ трóшки и зхаменулысь. Якъ-же мы-

нўлася бидѣ, такъ и некажутъ, що то була бидѣ видѣ Бога за грихы наши и що винъ насъ помыловавъ тїлки по мылосердыю Своєму, а незнаѣтъ що выгадуютъ: бўцимъ-то тўркъ колодязи потруйлы, бўцимъ-то нїмци ликарївъ пидвупылы, щобъ увесь народъ выморылы. За грихы и теперъ терпымо; плачмо-жъ та й кажимо: умылосердѣся, Гўсподы, и помылуй насъ грїшныхъ!

«Такъ от-сѣ такъ, рўкы повкладавшы, та ямы покопавшы, такъ и дожыдаты голїдной смерты?» казала громада.

— Нї, панїве громада! каже Тыхонъ: по мой дўмпцї нетакъ. Чўете, що у цѣркви чытають: «непожалкўй ничїго для свогї брата»; а братъ нашъ усакъ чоловїкъ, хочъ зъ нашого села, хочъ зъ дрўтого, хочъ зъ гїрода, хочъ нїмець, хочъ тўрокъ,— усє чоловїкъ, усє Бїже созданыє. А що найпрыятнїшъ Бїгу, колы за кїго нетїлки що худїбы рїшншся, та й дўшу полїжышъ. Отъ теперъ прїйшла така годына, чымъ мїжемо умылосердыты Гўспода, Отця нашого, за наши грихы и видвесты бидў видѣ сѣбе и видѣ усїхъ. Отъ-що зробїмъ: скїлки у кїго є хлїба, знесїмъ увесь до зернѣ и до пылїночкы у кўпу; прыставымо старыкївъ, щобъ вони єгїо сохранялы и кїжної недїли, або мїсяця, щобъ давалы на кїжну симбїю, по чїмъ тамъ прїйдетця нѣ душу, тїлки щобъ пропытатысь, а не залїшнї. Якъ я дывлюся, такъ вѣ насъ дѣ-в-кого, слава Тобї, Гўсподы! стїлки хлїба бїде, що зїбравшы до кўпы, та зъ порядкомъ, мїжно бїде пропытатыся до новгїо. Кїмў трѣба на насїньня, щобъ у восенї посїяты, попрїсымо, щобъ зъ гамазїн видпустылы, та й то тїлки бїднїшымъ, а багатѣнькы и на сторонї собї добўде. А вы, панє голова! поперепысуйте, у кїго скїлки хлїба бзыметця, а якъ урїдыть Богъ новгїо, тогдї рощытаете, по скїлки прїйдетця зъ душї, то зберемї у гўртъ, и виддамї жїдному. Послўхайте менѣ, зробїмо такъ: отъ я попередъ усїхъ виддаю усѣ, що є у закрамѣхъ и що тїлки знаїдетця вѣ мѣне; усѣ знесў, тїлки пособерїтъ, кїмў виддаты.

«Потураты ємў», заклекотїлы якї замїжнї: «щобъ-то своє виддаты на-вїщо и про-вїщо, а дали й ходы за своїмъ добромъ. Сказано: виддай рукамы, та невыходышъ и ногамы.... Нетрѣба сїго.... самы сѣбѣ пропытаемо....»

— Алє! пропытаемо! впїяты такы каже Тыхонъ. Дякуйте Бїгу мылосердному, у кїго є чымъ пропытатыся; та у такў

*

годыну згляньтеса и на неймұщыхъ: видкыля воны ѓвмутъ? чымъ пропытають манюсинькыхъ диточокъ, та старыхъ и немощныхъ родытеливъ?... Эй, люде добри! незабувайте, що вы е православни хрыстыяне! Дұмайте, якъ лұчче. Бұдьте мылосердни, щобъ и Господъ бувъ до насъ мылосердный.

«Небұде сєгò.... Тепєрь усякому до себе....» загула громада и стали розхѓдытись. А Тыхонъ zostавсь тамъ-такы на прысьпи, похылывъ гѓлову, тяжко здыха и усє палычкою колупа зємлю.

Отъ трѓшки зъ гѓдомъ, вернұдысь до Брусa дє-кто и посидали край єго. Отъ одынь зъ нихъ и каже: «А що, Степановычу! якъ мы розпыталысь промежь себе, такъ отъ-що зробимъ: отъ насъ тўтечка симъ хазяинивъ; злѓжымся скылки у кѓго е грѓшей, щобъ мѓжно булѓ купыты четвєртивъ—на малу мїру—сотъ зѓ-тры зъ зальшкомъ. Давай намъ порадокъ: кұпымо и позсыпаємо, а якъ нуждa людымъ прыйде, отъ мы й станемо продаваты, глядячы на цїну, яка по-сторонамъ бұде, та накынемо зльшку по кѓпи, чы й по рублю, то ей! розберуть дѓ-чыста. Бо лыхо усякому прыпадє,—непожалкує рубля, щобъ тылки нейыздыты далєко. А мы, якъ вырұчымо свою йсту, та й мотнемѓсь, кұпымо у Рассѓи подешєвшъ, та впыаьт зъ барышємъ бұдемо продаваты. От-такєчки копйчыну дѓ-бру зарѓбымо».

Тыхонъ ажъ зкѓчывъ зъ мїсьця и ставъ хрєстытысь; каже: «Гѓсподы мылостывый! неведѓ менє до смертєльного грѓха, щобъ я крѓвь хрыстыянську ставъ пыты, мовъ вѓду! Благодарю Бѓга мылосердного! я не жыдъ и не татарынь, щобъ менй видъ людськой биды корысть маты. Нй, люде добри! колы хочете законъ бѓжый сполняты, добрѓ братьтямъ своимъ рѓбыты, недұмаймо объ анахтемськимъ барышєви. У симъ дїли Господъ подастъ зарѓботокъ у Царстви Своєму; такъ и нетрѓба дұматы, що якъ-бы намъ лұчче, а тылки тє, що якъ-бы томұ помогты, кому нуждa».

— Якъ такъ рѓбыты, то грѓши потрaтымо, а нетылки прыбылы небұде, та й йсту утерaємо. Якъ собй, Степановычу Тыхоне, хочъ, а мы своє дїло бұдемо рѓбыты, якъ знаємо», сказали си люде и розйшлысь.

Довгєнько ще сыдывъ нашъ Тыхонъ быля рaтуши и щѓсь усє дұмавъ; дали устaвъ, тяжко, видъ сєрця здыхнұвъ и пшѓвъ собй тыхѓю ступѓю до-дѓму.

«А ну, старà!» такъ казàвъ винъ, прѣйшовшы до жінкы.
«Якú тоби и дочкамъ треба одѣжу, саму нанужнѣшу, тѣ соби видберы и доглядáйте якъ бка, щобъ нà-годъ и бѣлшъ стáло, бо небúду вамъ ничòго новòго зправлáты, ажъ покы насъ Гос-подь непомылуе; а залышнѣ усé подáй».

— А тоби нà-щò? пытáла жінка.

«Алé! я то вже знáю, нà-щò. Видбирáй-же швѣдчъ, та й кé сюды».

— Щò-жъ тамъ видбирáты? се-бъ-то и плахты, и юпкы, и намыстá и мой очѣпки?

«А тó-жъ! усé, до чòго теперъ дѣла немá, усé подáй менѣ».

— Та щò от-сé ты выгадавъ? А у чымъ-же я, або дивчáта, на прáзныкъ вѣйдемо у люде?

«Мынóлысь нàши прáзныкы и гулáнья! Теперъ дúмаймо, якъ пропытáтысь, та й людямъ помичъ дáты.... Та годи довго базáкаты: колы нехòчъ вынмáты, такъ кé клòчъ видъ скрýни...»

Ще Тыхонъ и недоговорывъ, а вже Стéха, ёгò жінка, и рвонóла клòчъ видъ пòяса и кынула ёмú пид-ногы, а самá й вѣбигла до дочокъ, щобъ имъ пожáлитысь; бо вже знáла нà-туру свогò старòго, щò колы щò надúмавъ, то хочъ спòрь, хочъ лáйся, а вже винъ видъ свогò невидстúпытця. И вже небúде багáто говорыты та намагáтысь, а мòвчкы зрòбе, якъ хотѣвъ.

Пиднявъ Тыхонъ, некажучы ни слòва, клòчъ, видомкнóвъ скрýню и, усé-такы мòвчкы, ставъ розбирáты. Щò имъ вид-кладá, щò осòбе видбирá; а якъ докинчáвъ зовсѣмъ, пиднявъ своё, та йдучы у кимнáту, кáже жінци и дочкамъ: «Позкля-дáйте-жъ любéнько, щò вамъ зостáлося».

А Стéха зъ дочкамы, зибрáвшысь у сны, нàвзрыдъ плá-чуть и мовъ—крый Бòже—по мёртвому голòсять; а Тыхонъ ихъ и неважá. Якъ-же пишòвъ винъ у кимнáту, воны кы-нулысь глядѣты, щò винъ имъ зостáвывъ.

«Охъ, мой годѣнонько лыхáя та нещаслывáя! Зъ чымъ-же я теперъ нà-свити зостáлася? Позабирáвъ и очѣпки и сер-панкы..... Чымъ-же я прыкрыю свою голòвоньку..... Немá и баёвои юпкы.... немá.....» Такъ прыговòрòвала Стéха, а дáли й заголосыла.

Стáрша дочкá, Натáлка, туды-жъ за нею и голòсыть и прыговòрюе: «Немá могò намыстечка.... Немá й платòчка бу-мáжного... и сынихъ, новѣсинькыхъ панчѣшкывъ... и сѣргы-жъ-то узáвъ!.....»

Середу́ша, Хвеська, тієи-жь: «Запасочка-жь мой коліс-
часта.... стрічечкы мой блакытныи.... хусточки выпывани....
червычкы червоненьки....»

Мотря, що на-менша, и ще-бъ и мале дивча, та й та
туды-жь за нымы голосыть, що й їй нову плахтыну батько
узявъ.....

Ще негараздъ и позкладалы, що зосталося, а вже ма-
тери и нема; вже й побігла до сусідъ, и до кумівъ, и до
атаманыхы, и до писарькы, и до паламарькы..... и усимъ,
усимъ жаліетця, що мужыкъ позабравъ у неи и у дочокъ
усе, и що винъ буде робыты, вона незна; а що вони тепе-
рычкы зосталыся пуще старця, що усю-жь-то одѣжу позаби-
равъ, и хресты, и намыста, и рушныкы и усякы подаркы,
що понапрыдбала було за дочкамы даваты, усє, усє позаби-
равъ и що їй теперь на-свити робыты, сама незна..... Було
тамъ усєго; булы тамъ добри помыны нашому Тыхонови.

А винъ мовчы свое зна. Позкладавъ жиноче и дивоче
усє до кupy, зибравъ и хлопьячи, яки луччи, и поясы, и
шапкы, и юпкы, та й пойхавъ по селамъ, де чувъ и де знавъ
багатенькыхъ людцывъ, та кому хресты, кому плахту, кому
шапку, кому ще прочее, усє-жь-то позакладовавъ, хочъ и не-
с-такъ за велику цыну, та усє-такы роздобувъ тыхъ гроше-
нать чымало.

Невспивъ вернутысь до-дому, вже й бижыть за нымъ
десяцькый, щобъ ійшовъ у ратушу до головы. Тылки що по-
бачывъ єго голова, такъ и напустывъ: «Якъ ты, сякый-такый
сыну, переводышь худбу, та збираєся на-слободу?» Сє-то усє
такъ жиночкы єму у вуха налящалы. О! до сєго торгу во-
ны пишкы.

«Та несєрдьтєсь бо, пане голова! и нетурбуйтєсь такъ»,
ставъ Брусъ єму казаты тыхенько, та звычайненько: «нетакъ
се було. Се мое дїло: чы продавъ що, чы позакладавъ, не-
мишайтєсь. Я тутъ увєсь передъ вами. Колы на-слободу іты,
то самъ неpidу, я вже старъ чоловикъ; а ійдучы, прыйшлосъ-
бы браты и жинку, и диточокъ; а сєго безъ началства, та безъ
ихъ воли неможно; а бачыте, вони овси нехотятъ. Сє, бачу,
вони вамъ и обжаловалыся, та бачыте самы, що сєму немож-
но статыся. Такъ колы нема на мене нїякои пенї, то й пу-
скайте мене, бо менї нїколы».

— На що-жъ ты худобу продаёшь? пытавъ голова.

«Та ні-бо; непродававъ ще ничого, а тїлки позастановлявъ дє-що; треба булò грошенятъ....»

Мыржавъ, мыржавъ коло нєго голова зъ пысаремъ, та ба-чуть, що ні въ чимъ до нєго прысыкатысь, такъ и видпустылы.

Невпокѡй-жє нашому Брусови и дѡма: тїлки що увїде винь у хату, то Стєха и пиднїме сварку та лайку: «Зачымъ повидбиравъ худобу и їй и дїтську, зачымъ позастановлявъ, де гроши подивавъ?.....» то Тыхонь мовчыть, мовчыть, и колы у хати нема нїякого дїла, то й пшѡвъ собї.

Сїде, сердека, де-небудь собї на вўлыци, куды шляхъ їдє, и колы побачыть чумака, або такъ пройизжающихъ, то заразъ у розпрѡсь: и розпытує, зъ якыхъ мисьпївъ и якъ тамъ повѡдытця? Яковї хлиба, яка цїна на нєго и чоґò сподива-тыся далшь?

Ажъ слєзы єґѡ ѡзьмутъ; бо видкиля-бъ хто ни їйхавъ, такъ усє однѡ, усє бида! Небулѡ дощў зъ сѡмон весны, усє у пѡли повыґорювало; нарѡдъ сумує и незна, що робыты; тїлки и чўте, що є хлибъ у Курьскїй та увъ Орловьскїй губер-ны, та й то цїна на нєго усюды пиднимаєтця.

Мынулыся и Троєцькї святкы—непосыла Госпѡдь мыло-сєрдный дощў, хочъ и мѡлытця нарѡдъ. Прогнивали Царя Небєсного! Нї-на-що вже надїятысь! попропадало усє и на-поли и по-вґорѡдамъ. Бида людямъ, бида й скотыни! небудє ѡвси ни хлиба, ни на-зиму огорѡдыны, небудє и пѡши скотыни!

Заразъ у Петрївку, якъ заговїлы, на сѡми Рѡзыгры, тїлки що повиньмѡлы хлибъ зъ пєчи, Тыхонь и позабиравъ єґѡ увєсь до сєбе. Стєха дывытця, щѡ зъ тоґѡ будє, а самѡ такъ и лю-тує. Полагѡдылы обїдаты; Тыхонь доставъ хлибъ, покраявъ на шматкы и на бєзмени порозважовавъ, щѡбъ кѡжному до-сталосѡ на пѡй по два хвўнта. «Нѡте, дїткы, от-сє кѡжному тутъ и на-обїдъ, и на-пѡлудень, и на-вечєрю. Ховай самъ своє, бо бїлшь недѡмъ». Сказавъ та й собї и жїнци стїлки-жъ видважывъ, а остѡнне заховавъ до сєбе.

Стєха заразъ за своє, у гѡлосъ. «Зъ рѡду, каже, сєґѡ небулѡ, щѡбъ хлибъ ваґыты на душу.... ненѡче колѡдныкамъ, такъ и намъ по твоїй дурнїй гѡловї прыїшлѡ....»

— Зъ рѳду-жь-бо и биды такѳи небулѳ, кѳже йй Тыхонъ, та усѳ такъ зъ-тыхѳ, дѳмаючы, що чы незопыныты винъ йй хочъ трѳхы. «Онъ и старйши менѳ люде е, а й самы небачылы и видъ батькйвъ нечѳлы такѳи биды. Ййжь, старѳ! та дякуй Бѳга и за тѳ. Господъ мылосѳрдный знѳ, що далшь бѳде!..

«А, щобъ нйхтѳ недиждавъ, щобъ я вѳженный хлйбъ ййла! по-пидъ вйконьямъ пидѳ, а нехѳчу твоеѳ хлйба, що ты даѳшь и трѳсысса».

— Нй-бо, Стѳхо, неправда; я нетрушѳся, а хѳчу, щобъ якъ сѳгодня удѳволь ѳ хлйбца, такъ щобъ Господъ благословйвъ и повсяѳ дѳнь по стйлки-жь, пѳкы бидѳ прййде. Побѳчышъ самѳ опислѳ, що нйчого бйлшь робыты. Нецарамѳнся, ййжь, та хвалы Бѳга....

«Щобъ ты и рйдъ твйй недиждавъ, щобъ я ййла! Нехѳчу, нехѳчу и неййстему....» Та зъ сымъ слѳвомъ шѳсть зъ хѳты (а такы калытку незабула ухопыты) та до жинѳкъ, та першъ усймъ розказѳла, якѳй-то Тыхонъ ставъ скупый, що вже и хлйбъ вѳгомъ даѳ; а дали туды-жь зъ жинѳкѳмы давай зкладѳтыся на горйлочку; бачъ, трѳба гуляты: празныкъ. Якѳй-же-то празныкъ? Рѳзыгры. Отъ такъ-то бабы повыгадавалы! Бачъ, то усѳ булы празныкы, то свѳткы, а якъ вже трѳба за дйло прынѳмѳтыся, такъ ѳтъ въ ныкъ и Рѳзыгры.... Чѳгѳ-то вонѳ невягадаютъ, абы-бъ гуляты, та горйлочку смѳктѳты!....

Якъ-же Стѳха побйгла зъ хѳты, а Тыхонъ и кѳже: «Заховѳйте-жь, дйткы, матерынську дѳлю, бо прййде необйдавшы, захѳче ййсты, а я вже бйлшь недамъ». Такъ и ѳ. Прййшла у вѳчери: хочъ и пылѳ тамъ скйлки горйлки, а такы ййсты нйхтѳ недавъ. Нйгде дйтыся: прыняласъ и за вѳженный хлйбъ.

Тыхонъ недѳже йй потурѳвъ. У рѳнци впѳять повидѳжавѳвъ кѳжному и кѳже жйнци: «Хѳчь ййжь, хочъ на вѳчеръ зховѳй». Некореныла-жь вѳна ѳгѳ нйтрѳхы! Куды! на вси зѳставки. Булѳ й ѳмѳ, булѳ и усѳмѳ рѳдови; булѳ дали й томѳ, хто й бѳзминъ вѳгадавъ и хто ѳгѳ продаѳ.... а такы, нйгде дйтыся, свйй паѳкъ видбйрѳла справно.

Эгѳ! хочъ-же и самѳ бачыла, що дѳбре вѳгадавъ йй мужыкъ: бо хлйбъ булѳ въ ныкъ печѳтъ трѳчы на тѳждѳнь, а вже за Тыхоновымъ порѳдкомъ вже тйлки двйчи и бѳропина меншь ййдѳ; бо Тыхонъ такъ усѳ розчытѳвъ, щобъ якъ равъ

на ихъ симью становылося и нигдѣ щобъ ни пылыночки не-дивялося; а усѣ-такы була ёму добра молытва, якъ зъ коморы вагомъ берѣ муку, якъ выпеченый хлѣбъ ёму виддаѣ и якъ видѣ нѣго хвунтамы на день получа. А Тыховъ чѹе усѣ, та й байдужѣ: дѹма объ своймъ.

Хто pozyчавъ у нѣго грѣши, до усѣхъ кынувся; въ кого ѓзме грѣшмы, саму вже йсту, а рѣсту и непытѣ и неберѣ, хочъ хто и даѣ: «нехай», каже, «колы-небудь виддасы; тепѣрычкы усякому нужда». Колы-жъ хто незпомѣжетця грѣшмы, то винъ берѣ усячыною, по согласыю: ѓзме и одѣжу, и виъзъ, и ярѣ, нецураетця и важныци, абы-бъ що-небудь узѣты, бо въ нѣго щось булѣ на дѹмци. Берѣ, колы до чоґо чоловѣкови прыхѣдытця, що нездѹжа вызимоваты, берѣ, кажѹ, и скотыну, и колы за нѣи якѣ цина, що довгу мѣншь, то ще хазяину и доплѣтыть. Та такечкы и зибравъ: то свойхъ булѣ вѣлыкыивъ дѣсять парокъ, а тепѣрь вже въ нѣго двѣдцѣтеро паръ; е й возы и усѣ справа. Ёґѣ два сыны, а тѣ узѣвъ пѣять хлѣпцѣвъ сырыть, такыхъ, що ще до якѣи поры, а вже имъ прыйшлѣся по-пидъ виконью шлѣтыся, а винъ ихъ узѣвъ и на свою одѣжу и на харчъ, и каже: «якъ пидростѹть, надилю ихъ усячыною и хазяинамы зроблю, колы-то ще жывъ буду!»

Людѣ, дывлячыся на Тыхонове поранья, смѣютця зъ нѣго у вѣчи. «Щѣ се ты дѹмаешъ?» кажуть ёму: «тутъ дай Бѣже самѣму зъ симью пропытѣтыся, а винъ ще и дармойидивъ набирѣ; пѣши зовсымъ на-зиму небуде, а винъ видусилѣ скотыну збирѣ. О щѣбъ ёґѣ зъ ёґѣ мѹдрошамы!» Та ажъ слѣзы втырають смѣючысь, а винъ и байдужѣ: «Щѣ-жъ, каже, колы менѣ здаѣтця, що такъ трѣба робыты!»

Прийшлы и жныва. Недовѣды Гѣсподы до такои жѣтвы до кинця вѣку усякого православного хрыстыянына, та й самѣхъ тѹркыивъ, хранцѹзыивъ, нѣмцыивъ и такы усякого чоловѣка!... То не жныва булы, а гѣре и бидѣ!... Нихтѣ й недѹмавъ серпывъ лаґодыты. Выйдуть на нѣвку, мужыкъ тою косою махѣ, махѣ,—ажъ гѣть прѣйде..... а жѣнка за нымъ гѣть-гѣть пидбирѣ, та на сѣлу той снѣпъ звѣяже, та такыи, що й малѣ дыгына до домѹ донесѣ; ще-жъ и перевѣсла зъ бурьяну. Такъ якъ выкосють нѣвку, повѣяжуть снопы, поскладѣють у кѣпы.... та й нѣву польвають и кѣпы змѣчуютъ гиркымы слизымы; бо булѣ посѣяно, прымѣромъ кажучы, шистъ мишѣчкыивъ, а колы

вѣмолотытця насѣньня, то й гараздъ; бо снопы такі, що за вѣтромъ полетѣть, сама солома. Багато й такого було, що й косою незачѣпыть: рвали люде выбираючи по стеблини; такъ тутъ вже ждѣ добра!....

Отъ тогдѣ вже Брусъ прынявъ за свое. Полагодывши, що треба було, пишовъ зъ сынами и зъ батраками до цѣркви, нанявъ молебень, помолывъ Бѣгу и попрохавъ пан-отця до себе. Що Бѣгъ давъ пообидалы, позапрягалы возы, бѣтюшка одсвятывъ воду, кропывъ Тыхона, сынивъ, батракивъ и возы, та й рупылы зъ Бѣжою помѣщю.

Хочъ Тыхонъ и неказавъ никѣму, куды и за чѣмъ винъ йде, хочъ ѣму дѣ-кто зновъ смѣялы и докладалы—одынъ скаже: «збравъ нашъ Брусъ на Дѣнь за рѣбою, замѣщъ весны, та посередѣ лѣта; рипытця и воливъ и усѣго, самъ зъ батожкомъ вѣрнетця, бо у саму голѣдну стѣрону пойхавъ»; другый скаже: «Тыхонъ бѣче, що бѣда, та покынувъ жѣнку зъ дѣчкамы, а самъ пишовъ на-слободу»; инный щѣ що прылѣжыть, такъ що зовсімъ чоловика осмѣялы;—одначе булы й такі, що догадѣлыся, що-то Тыхонъ надумавъ, и куды и за чѣмъ пойхавъ. «Бѣчъ, кажутъ, що винъ вѣгадавъ. От-се такъ: тепѣрь зарѣбыть копѣйку. А кѣте, прыньмемося и мы за те-жъ».

Отъ ти-то люде, що пидбывалы Тыхона хлѣбомъ торговаты, такъ вони-то се такъ рѣдылысь. Отъ и зложылыся сумѣю, збралыся, пойхалы. Та колы-бъ-же-то сыкалы, де хлѣбъ дешѣвшый, а то у пѣршимъ мѣсци, де трапылося, абы швѣдче, тамъ и набралы, нерозбираючи цѣны, та ажъ по пѣятнадцѣть удралы и понавдылы до-дѣму, а тутъ вже и бѣда настѣгла! Вже въ-кѣго що було, пойлы, а новѣго дасть Вѣгъ! Нѣгде дѣтысь, треба купуваты. Отъ вони и установылы цѣну, ажъ симнадцѣть.... бѣчыте, захотылы зарѣвъ барышъ учыстыты и разомъ розбагатиты....

Такъ тутъ имъ якъ разъ Тыхонъ зъ хурою и насунувъ. Винъ ходывъ не на Дѣнь и не у Чорномѣрью и никѣды на-слободу, а пишовъ у Рассѣю, прѣмѣсенько у Курьску губерню, де вже винъ добре чѣвъ, що Бѣгъ благословывъ хлѣбомъ и на все добрымъ урожаемъ и що, хочъ и тамъ цѣна пиднимаѣтця, та щѣ такы мѣжно вмѣючи захватѣты дешѣвшъ противъ людѣй. Отъ тамъ-то Тыхонъ кыдавъ сюды-туды, йивдыть,

розпытуе, и напавсь на дѣброго чоловѣчка, що ёму вступивъ хлѣба по дванѣдцять на усю суму; а у нѣго будѣ грошенѣяты такы чымало: тысячи такъ що мабуть тры; та ще зъ такымъ уговѣромъ, що, «колы потребуеця тоби ще скылки хлѣба, то я, каже, противъ цины озьму двома ныжче.»

От-сѣ-жѣ-то Тыхонъ, що—на свой наклавъ, а що—нанявъ до сѣбе хурщыкивъ, та й прыставывъ до-дому. Що—въ сѣбе, а що—въ людѣй понаньмавъ комѣры (тогда усюды бувъ простиръ), позсыпавъ и борошно, и зѣрномъ, що прывязъ, та й ставъ прыслухатысь, що и якъ у ныхъ у селѣ повѣдытця?

Почувшы, що ти люде, що першъ ёго понавѣзылы хлѣба, установылы цину по симнѣдцять, винъ зибравъ другыхъ, та й каже: «Недѣбре се дѣло! ще тилки почалы люде страждаты, та тутъ зъ ныхъ и тягты? Ни, непрыхѣдытця. Колы ще за-здалегидъ та вытгнешъ у чоловика останьнѣ, то що ёму прыйдетця робыты икъ веснѣ, якъ хлѣбъ ще дорѣгшыи будѣ, а достѣтку ни въ кого нестане? Та й вѣлыкий-же грѣхъ у чоловика пры нуждѣ послѣднѣ тягнуты. Поженемѣся за барышѣмъ, а скылки кривѣ брѣтнѣи напьемѣся! бо усѣкъ зъ насъ, бѣачачы, якъ жѣнка, дѣтки будуть прыставаты, та хлѣба прохаты, такъ тутъ нетилки усю худѣбу, а именно крѣвь свою, дѣшу виддасы, щобъ тилко вонѣ неголодовѣлы. Треба дѣматы, якъ лѣчче. Въ мѣне хлѣбця свѣго ё тамъ що-нѣбудъ; берите, люде дѣбри!....»

— А якъ въ тѣбе, дѣдъку, цина будѣ? пыталысь въ нѣго.

«Яка цина? Якъ се мѣжно, щобъ я хлѣбъ, що менѣ Господъ безъ усѣго пославъ, та ставъ бы я свому брѣту продаваты? Ни, небудѣ сѣго. Берите на пропытѣныи изъ моѣго домѣшнѣго, а купѣваныи будѣмо сѣяты, якъ прыйде порѣ.»

Почувшы сѣе, люде такъ и шарѣхнулы до старѣго Брусѣ. «Якъ намъ, дѣдъку, будѣшъ даваты хлѣба?»

— А ѣтъ якъ: держѣ свѣи оклѣнокъ.... ѣтъ насыпавъ.... ѣтъ и иды собѣ; тутъ тоби на мѣсяць, въ тѣбе чѣтыри дѣши; гляды-жѣ щобъ стѣло. Прыхѣдъ черезъ мѣсяць, впѣяты стѣлки насыплю; а колы нестане, то и непрыхѣдъ; до мѣсяця недамъ.

«А грѣши?....»

— Гроши несы до-дому. Чы продае хто Божый світъ? такъ и тутъ. Богъ пославъ хлѣбъ святой усимъ людамъ, а не мени одному; за-що я буду зъ тебе гроши браты?

Иный скаже: «Одже, дядьку, ты мени на п'ять дупъ давъ, а въ мене вонѣ ще мале, четвертый годокъ....»

— Говоры, г'олово, що четвертый годокъ! Хыба-жь вонѣ нехоче йсты? Таке з'ясть билпъ велького. Ты знаешъ биду и бачышъ наше лыхо, такъ ты и йсы по-трѣху и перетерпюешъ рѣблячы; а вонѣ що зна? Зхопылося у р'анци: «дай, мамо хлѣба». Чы побигало тамъ трѣхы, знобъ «дай, мамо, хлѣба;» та усѣ хлѣба та хлѣба, ротъ ёгѣ невгавае; ныначе якъ та — просты Боже гриха! — саранá. Щѣ-жь булѣ у добрый годъ, захнепъ ёму ротъ або огиркомъ, або грушамы, або картѣхлямы; теперъ-же тогѣ ничѣго нема, а вонѣ тогѣ незна и немѣже вважыты, та знай прѣсыты. Якъ такы на ёгѣ дѣлю недаты?... Берить, берить!

Багато булѣ рѣботы нашому Тыхонови! Нарѣдъ якъ плавъ плывѣ; ёгѣ сыны и батракы знай видважують, а винъ тѣлки роздае.... та неусимъ же безъ розбѣру и дае: иного за-руку сипъ! та й каже: «Трывай бо, сынку! Алѣ й ты за хлѣбомъ? Ты ще парень молодой и жѣнка тѣжъ, дитѣчокъ дастъ-Бигъ; ийдите зарѣбляйте, а видъ неимущого невиднимайте». А иному говорыты: «У тебе, кѣме, и у самого хлѣба—д'якуй Богу! такъ за чѣмъ ты у бѣдного дѣлю хочешъ виднаты? Ты й самъ здѣжаешъ ёму часточку податы». Эгѣ! та й видучывъ, кому нетрѣба, щобъ прыхѣдылы до него, а роздававъ тѣлки бѣднымъ, та въ кого пры недостаткахъ велька симья, та б'атько й маты стары, а дѣткы малесенькы, та ще колы е кто у симья недужый. А що малыхъ дѣтѣй прывчывъ, такъ и зъ усѣгѣ села! Тѣлки що дастъ Бигъ ранокъ, то усѣ до него, ажъ лопотятъ!

«Дѣду! дай хлѣбця....» то винъ ихъ за-руку, та у хату; а тамъ вже хлѣбъ напеченый и на шматкы покраяный....

А хто-жь-то ёгѣ понапика? Чы не Брусѣха Стѣха? Незнаю! Такѣвська! И сама непрыньмаетця и дѣчкамъ невелыты; а що вже мужыка свѣгѣ, такъ вельчá скылки мѣга! Винъ въ неи и дурный, и божевѣльный, и розорытель, и що черезъ него вонá зъ дѣтмы у старцѣ пѣде, що винъ усѣ худѣбу порздае, попроидá.... и усѣ ёму выпытувала. А винъ и бай-

дуже! якъ бачывъ, що жінка и самá не слуха и дочкамъ невелыть, такъ винъ знайшовъ бідныхъ, роботящыхъ жіночокъ, та й нанявъ ихъ хлібъ пекты, що въ Бога день, на роздачу дитвори и старцямъ, що вже пишлы по-пидь вѣконью зо всихъ сѣль.

Що-жъ робылы ти люде, що понакуповувалы хліба, та малы ёго въ барышѣмъ продаваты? Эгѣ! чухають собѣ потылицю, та плямкають, та ныщечкомъ лають усѣ такы того-жъ Тыхона, що имъ такъ пынхву давъ! Позачынялы свой коморы, познималы терезы и порозиходылысь. «Нехай, кажуть, Брусъ справляетця; недовго буде брышкаты; скоро увѣсь рипыть; тогди кынутця и купваты, та нигде бйше, якъ у насъ. Тогди певно по двадцять будемо браты, бо вже скрызъ така цина. Отъ и озьмемо свій барышъ». Побачымо.

Прышла порá сѣяты, а въ людѣй нема ни зѣрна. Тыхонъ видчынывъ свой коморы и каже: «Берить, люде добри, скылки кому на посивъ трѣба. Нежалуйте зѣрна, кыдайте ёго у зѣмлю; бо черезъ зѣму насъ Богъ пропытаѣ, а якъ непосіємо, то Господь за лѣность нашу накажетъ насъ ще гѣрше. Сѣ-бъ-то мы зовсімъ перестанемо вѣроваты, що Господь нашъ е промыслѣрдный, колы побоимось сѣяты зѣрно, хочъ намъ и нѣжне. Винъ наказавъ насъ, якъ Царь Небесный, за грѣхы наши, та й помылуе, якъ Отець дитѣй свойхъ. Пѣшлетъ намъ урожай такый, якдо и давнѣ небачылы, за тѣ, що мы нынѣче у Ёго рѣкы свѣтыи покыдаемо зѣрно».

«А якъ цина буде?» пытають люде.

— А цина такá, що я не на грѣши, а у виддачу. Урѣдыть вамъ Богъ, виддастѣ, скылки хто озьме.

«Та якъ се мѣжно? У такый гѣдь, та безъ грѣшей?....»

— Слава Тобѣ Господы! я не жыдъ и не пѣганъ; я знаю законъ хрыстыянскый. Чогѣ-бъ я достѣинъ бувъ, якъ-бы дѣ, нехай Богъ борѣныть, на пожѣжу та я вѣвывъзъ бы воду, та тутъ бы йнѣ видрамы продававъ? Такъ и сѣ. Якъ мѣжно пробуты безъ хліба чоловѣкови? Якъ же у такый нуждѣ та ёго біднымъ продаваты, та ще й дѣрого? Богъ тогѣ побѣе въ сѣмъ свѣти и на дѣтяхъ, и на худѣби, а на тѣмъ ще щѣ буде! Берить же хлібъ свѣтый, та кыдайте мерщѣй у мѣтеръ нашу зѣмлю, щѣбъ по Бѣжому велѣныю вона насъ на тѣй гѣдь прогѣдовала.

Се-жь такъ Тыхонъ по́раетця, а тамъ ворогы на нѣго, такъ чоґо-бъ-то невѣдумалы, чоґо-бъ то неробылы, щобъ ёґо втопыты, зовсімъ зъйысты! Крѣпко-жь-бо имъ доса́дно бу́ло, що воны потра́тылысь, накупылы хлѣба дороґю цѣндо, щобъ пры людськѣй нуждѣ, та хочъ-бы удво́е ёґо продаты, а тутъ сѣй, такы́й-сякы́й стары́й дѣдко, недаё ни пылыны про́даты: тамъ роздава́въ, нехай вже свѣй, усѣмъ да́ромъ; а то́-вже и купова́ный, що вже зна́емо, що и́менно по дороґѣй цѣни купова́въ, и то́й роздаё безъ гро́шей, ныбы у по́зычку.... «Те, те, те, те! Трыва́йте лы́шени!» ка́же зъ ныхъ одынь: я ёґо пидцькую. Небу́де бры́шкаты. Зведу ёґо на те, що й самъ по-пидъ ви́конью пѣде и су́харѣви ра́дъ бу́де....»

А тутъ звѣрху жѣнка напада, такъ що бѣдному Тыхонови и прѣсвитку нема́: «Сякы́й-такы́й, лы́сый дидуга́! Умъ видста́ривъ. Пообира́въ диточо́къ и мене́ на ста́росты, та все-жь попроцвѣндрюва́въ на той хлѣбъ.... Тутъ бы у такы́й голо́дный го́дь и заробы́ты ко́пѣчыну, а винъ лю́дямъ ёґо ду́рно роздаё... Тю-тю, ду́рный! Чы ба́чывъ хто такоґо ду́рня? Чѣр-зна кому́ роздаё и у ра́нци и у ве́чери, а мы, уся ёґо сямѣя́, та голоду́емо, та йи́мо видва́жений па́й, мовъ рѣштѣн-ты.... Отъ та́къ ты оду́рѣй на ста́росты....» То Тыхонъ бу́ло слѣха, слѣха, да́ли схѣпыть себѣ за́-голову та: «А вжѣ́жъ менѣ́ ся́я мо́рква!» ска́же, та мерщѣ́й зъ ха́ты, до терезѣвъ, де ёґо хлѣ́пци роздаю́тъ лю́дямъ хлѣбъ. Та́мъ ёму́ тѣлки и ве́село, бо самъ ба́чытъ, зъ я́кди нужды́ Бо́гъ ёму́ да́въ лю́дей выкупа́ты.

По́къ сѣе дѣ́лося, дѣ́йшла́ черезъ нача́лныкѣвъ така́ чу́тка до самѣ́синькоґо Ца́ря, що у такѣ́й и у такѣ́й губѣ́рныи ве́лыкы́й неврожѣ́й, що хлѣ́ба ѓвси́ нема́ и що зовсімъ го́лодь.... Го́споды мы́лостѣ́выи, я́къ-то-тутъ пи́шло! За́разъ на-ййхавъ спра́вныкъ зъ па́намы и попере́пысовалы, ски́лки въ коґо у симѣ́й ду́шъ, ски́лки ё́ у коґноґо ха́зяина хлѣ́ба и розщѣ́талы, на ски́лки ёґо ста́не, та й да́лы на уся́ку симѣ́ю бама́гу, щобъ я́къ у коґо неста́не своґо хлѣ́ба, такъ во́лно ёму́ бра́ты зъ гама́зи по ста́лки и по ста́лки на ми́сяць. У коґоґоже́ небу́ло вже ни́чоґо, тѣ́мъ прыка́зано за́разъ да́ваты. На́станѣ́лы до гама́зѣвъ нача́лныхъ, та усѣ́ зъ па́нѣвъ, та пы́сьме́нныхъ, щобъ и цѣ́тъ зна́въ и то́вкъ да́въ. Такъ бо по гама́зѣмъ не́ду́же-то по́вно бу́ло хлѣ́ба, бо у до́бру го́дыну

хтѡ ёгѡ и дѹмавъ знѡсыты? Хоть булѡ и голова приказуе и де-сѣпки загадуютъ, такъ нхтѡ-жь-то ѡ неподѹмавъ. «А за чѣмъ знѡсыть? кѣжутъ булѡ: «щѡбъ погнѣвъ по закрамѣхъ? Нынѣче бидѣ ийдѣ, абѡ-щѡ. Слава тобѣ Господы! голодовѣты небѹдемо». Тѡ-то и ё! пѡкы чоловікъ у добрѣ та у щѣсти, такъ винъ дѹма, щѡ вжѣ ёмѹ и усѣ такъ бѹде, и нежѹрытця ни обѣ чѣмъ и неготѹе собѣ ничѡго; якъ же постыгне бидѣ, такъ тогдѣ и ѡбѣ-полы бѣѣтця и волѡсься скѹбѣ, та вжѣ не-помѡжешѣ, хочъ усѡ голову обирвѣ. Такъ и тѹтъ булѡ: щѡбъ робѣлы, якъ бы попѡвныты гамазію, та ба! Тогдѣ згадалы щѡ ѡ Тѣхонѣ рѣавѣ, щѡбъ позбирѣты увѣсь хлѣбъ, хтѡ вѣ-ненѣ бѹвѣ, такъ непослѹхалы бо.

Пѡкы-жь булѣ началныкы у селѣ, то люде промежь сѣ-бе порѣялысь та изсовѣтовалы, та такѣ нигдѣ правды дѣты, и самъ голова до тѣй рѣды прыстѣвъ, щѡбъ про Тѣхона нхтѡ ни чычѣркѣ, щѡ винъ пропытуе людѣй, а тѡ, кѣжутъ, якъ дочѹютця, то небѹдутъ зѣ гамазіи никѡму видпѹскѣты. А се-жь за тѣмъ такъ зконпоновѣлы, щѡбъ про Тѣхона неприѣ-шла дѡбра слава и щѡ-бѣ ёмѹ чѣсомъ видѣ началства небѹ-лѡ якѡи дѣкы. А Тѣхонѣ и байдѹже! винъ ще ѡ раднѣшнѣй, щѡ про нѣго мѡвчѣлы и якъ пыталѡ ёго началство, чѣ багѣ-то вѣ нѣго хлѣба? такъ винъ сказѣвъ: «благодарю Бѡга мы-лосѣрдного, пропытаѣмося до новѡго; менѣ нетрѣба нѣякои дѣчи». Про купѡваннѣй-же хлѣбъ якъ спыталы ёгѡ нѣ-щѡ винъ и дѣя чѡго, и по якѣй цинѣ винъ маѣ ёгѡ продаватѣ? такъ Тѣхонѣ такѣй одвѣтъ дѣвъ: «Побѣчу ще, щѡ дѣлшѣ бѹде, тогдѣ ѡ скажѹ». Якъ же ёгѡ ворогѣвъ, тѣхъ щѡ понакупѣ-валы попѣреду хлѣба, та за Тѣхономъ недовѡдылося имъ про-даватѣ, зпыталы, такъ ти сказѣлы: «Комѹ нуждѣ бѹде, томѹ продаватѣмемо по двѣдцѣть и по пѣять». Справнѣкъ махнѹвъ рукѡю, та ѡ зпысѣвъ ихъ, скѣлки ёго вѣ ныхъ булѡ, и тѣ запысѣвъ, щѡ вонѣ, маѹчы свѣй хлѣбъ, просѣлы зѣ гамазіи, бо тѡ бачъ вонѣ несвоѣмъ щыталы, а купѡваннѣмъ.

Якъ же рѡпыталы, щѡ тогѡ хлѣба, щѡ по гамазіямъ, не стѣне нѣ-довго, та ѡ зпысѣлы обѣ тимъ до Цѣря, такъ зѣ-разъ такѣ Цѣрь изѣ собѡственныхъ свѡихъ, изѣ своѣи цѣрѣсь-кои казнѣ прыслѣвъ грѡшей, щѡбъ якѡ мѡга швѣдчѣ закупѣ-лы хлѣба, щѡбъ булѡ чѣмъ и пропытѣтысь и, щѡ ще пѹще, посѣяты дѣя тогѡ гѡду. Отъ-то грѡшей прыслѣно! Намъ и тѣ-сѣчу рублѣвъ и то сумѣ страшнѣ, щѡ намъ комѹ-то комѹ-то

достаётца у яку-то годы и зъ якумы трудамы прыдбаты, а то прыслано такыхъ тысячи тысячивъ, якъ нашъ пан-отець, та такы и пысарь, кажутъ, що то зовётца мыллыбонь, що нашому браччыку нето щобъ зъумыты ёго перелычыты, та й думкою додуматыся, скылки у тымъ мыллыбонви е рубльв, нйакъ неможно. Та такыхъ-то мыллыбонивъ прыслано у кожду губерныю не одынъ и не два... А скылки-жъ губернный такыхъ, що Богъ прогнйався на народъ, та пославъ на ныхъ голодъ? А у кожной губерныи народу ё тежъ мыллыбонь, а де й два. Такъ якуи треба головы, щобъ розщтытаты, на скылки мыллыбонивъ прыслано грбшей? Се-жъ тылки розщтытаты нхто неможе, хыба нашъ казначей, що у казню подушне прынма, та на щетахъ якъ овме, та зерната мовъ горыхы, пересыпа и ни въ одній копйци непомылытца, такъ разомъ и выщтыта; а даты-жъ стылки грбшей, хто може, якъ не царь нашъ, государь премыосердныи... и усё-то за тымъ и трата така, щобъ бидный народъ нестраждавъ безъ хлйба.... Отъ истынно отецъ икъ своимъ дйтамъ! И хыба-жъ тылки у него и ё, що мы? Эгё! Слава Тобй Господы! ё нашего народу чымало, а тожъ ще и расфйського, и нймецкого, и татарського, и колмыцького... и якуго-то народу нема! И усй-жъ-то идуть пидъ нашу державу, бо дуже хороше усймъ жыты! И усё-жъ-то нашъ мылосердныи царь объ усйхъ убываётца и жалкуе, якъ отецъ диточкбъ своихъ. Хыба-жъ хто въ насъ чувъ такё, що розказовавъ Демкд Плескачь, якъ вернувся зъ службы: дё-то вже вынъ неходывъ у походахъ, у якухъ зёмляхъ непобувавъ, такъ, каже, бувъ и въ аглыцкыхъ нймцивъ, а городъ такый якъ нашъ Петербурхъ и самъ царь ихъ тамъ живе. Такъ, каже, йдешъ по вўлыци, валяетца чоловыкъ.... Чогó-то вынъ?—Зъ голоду вмира! А усй-жъ-то ходють и дывлятца и всймъ нужды мало. Отъ такё-то началство! И дывлятца, и бачуть, и своему царёви недокладаютъ, и царь зъ ныхъ невзыскуе. Ну, ну! якъ-бы въ насъ такъ? Колы нашъ царь дозна, що одного браччыка хто зобыдыты и недадутъ ёму помочи, то десятёхъ началныкывъ змйныты; а якъ-бы одна душа выдъ недосмотру вмёрла? Не знаю, щобъ тутъ було! Подержы-жъ ёго, Господы, и зъ царыцею, и на нашъ выкъ, и дйтей, и унукывъ нашихъ, щобъ и ты хвалылы Бóга за такого царя и встаючы и лягаючы, молылы за него Бóга, якъ мы рбымо!

Началство, принявши казню, зараз потнулося прослухаты, де хочь мало дешёвшый хлѣбъ, и поровсылало, щобъ яко мѡга ёго накупыты и швыдчъ по сѣламъ поставляты. Пѡкы жъ ёго понавѡзылы и наддалы, Тыхонъ знай попраетця зъ своимъ, знай роздаѣ.... ажъ ось прыйшѡвъ до нѣго чоловічокъ зъ добрымъ слѡвомъ: «Що, дядьку Степановичу! роздаѣшь ты хлѣбъ, а чымъ ёго вѣрнешъ?»

— Хто добрый буде, виддасть, якъ зпоможетця; а нѣ, такъ и нѣ. Що за нуждѣ! Такъ казавъ Тыхонъ, насыпаючи удовѣ оклунѡкъ мукѡю.

«Такъ йншыи позабува, скѣлки бѣзме. Колы-бы ты зпысовавъ, кому скѣлки даѣшь».

— Я самъ непысьмѣнный, а наняты? Нѣ-що вонѡ? Нехѡчу.

«Та я тоби безъ наньмѣ буду пысѣты; я трѡшки цыхвиру знаю. Хочъ незатымъ, щобъ опислѣ зъ ныхъ збирѣты, а такъ, щобъ и для себѣ знѣты, скѣлки розйдетця хлѣба. Подозволь-лышень, дядьку; я заразъ усѣ зпышю».

— Та й зпысуи, колы тоби нѣколы.

Отъ той чоловікъ и зпысуе крѣйдою на стинѣ у комѡри.... Зпытѣ Брусѣ: «Хведьку давѣвъ?» — «Давѣвъ». То винъ и пыше скѣлки хоче крѣстыкивъ, сѣ-бъ-то четвертѣй, та пальчѡкъ замисць мирокъ. «Прудкогяду давѣвъ?» «Нѣ.» А чоловікъ такы пыше.... Та такъ у дѣнь и у двѣ зпысѣвъ по Тыхоновыхъ комѡрахъ усѣ стѣны, а дали и зчѣзъ, и нейдѣ пысѣты. А Тыхонъ ще й радъ, що вже винъ нейдѣ и немишѣ ёму порядковѣты.

Отъ-тутъ ворогы ёго и пидлѣзлы пидъ справнычѡго пысьмоводѣтеля. Хытри зъ бѣса! знѣють зъ якѡго кинцѣ дѣло почѣты. Той выслухавъ ихъ и зчыстывъ зъ ныхъ, що ёму трѣба будѡ, та и ставъ справныкови натѣрковаты, що, каже, у такимъ-то селѣ ё великый мошѣнныйкъ, Тыхонъ Брусъ; той поперевадывъ усю худѡбу, и свою, и жинѡчу, на грѡши, та накупывъ хлѣба, та продаѣ дѣже непѡмирною цинѡю; а якъ люде у нуждѣ, то усѣ збувають, та хлѣбъ купѡють; а Тыхонъ въ ныхъ позабирѣвъ и скѡтынку, и возы, и щѡ-то! изъ мазныцеу нерозмынѡвсь, пообгѡлювавъ увѣсь мѣрь; якъ-же вже ничѡго брѣты, такъ нѣ-боръ роздаѣ, та тѣлки кому дасть четверть, а запыше тры; кому мѣрку, а запыше два мишкы; и дѣма,

що якъ от-сє прїйде бидá, стáнутъ люде обжывáтыся, то Тыхонъ дума усїхъ обибрáты, щобъ тїлки самóму розбагáтиты, а усїхъ у старцї пустыты. «Такъ, казавъ пысьмоводытель, трєба неотмїнно слїдствые учыныты; отъ-бы я, ваше благо-рòдые, пойхавъ-бы туды, та усє-бъ розыскавъ за одынь дєнь и тогдї-бъ тїлки, щобъ вы повелїлы зъ такымъ мошєннымъ робыты.....»

Эгє! Та не на такївського ты, браччыку, наскòчыть! Якъ-бы тóй справныкъ, що торїкъ змынылы, тóй-бы усєму повїрывъ и бїдного-бъ Тыхона обидралы-бъ, якъ тую молодєнку лышку, а ще пўще, недалы-бъ єму докинчáты свогò дїла; а сєй-же справныкъ усє выслухавъ, та й каже: «Се такєє дїло, що трєба менї самóму розбòрь здїлать». И прыбїгъ у сєлò.

Нехытро-жъ и справныкъ узãвся! Пєршъ пыпытывавъ тыхъ, що враждáлы на Тыхона, и тогò чоловїчка, що запысовавъ Тыхоновї забòрь хлїба, що прыкынувся, бўцїмъ-то й дòбрыи, а сє вїнь вїдъ ныхъ и пїдпўщєный бувъ. Чогò-то вже вонї на Брўса ненаговорылы? Хоть гòлову єму зãразъ знїмáй. Дáли мотнўсь сюды-туды, розпытує, такъ усї—и щò-то!—и малї дїты, и тї про Тыхона, якъ про рїдного бáтька кáжутъ, якъ вїнь усїмъ хлїбъ и бброшномъ, кому трєба, а кому насїннямъ на сїйбў дає и усє безъ грòшей, дармá, що вь нєго купòванный хлїбъ, а у вїддáчу, якъ Бòгъ зарòдыть новòго; що вїнь и незапысовавъ нїкòды, якъ давáвъ, що и малымъ дїтямъ щò-днã роздає печєного хлїба, та якъ тепєрычкы усюды бидá, такъ и чужї, и є ажъ издáлека, якъ плáвъ плывўть, и усє до нєго, и вїнь усїмъ роздає и усїхъ пропытує.

Отъ тогдї вже справныкъ прамїсинько пшпòвъ до Тыхона. Увїйшòвшы у хáту, помолывсь Бòгу и зãразъ зпытáвъ хазãйна. Тыхонъ, немáвшы за собòю нїякой вынї, небоячысь вїйшòвъ до нєго, поклонывсь.... ажъ справныкъ до нєго, узãвъ єгò зã-голову, поциловáвъ и каже: «Поштєнный старычòкъ! черезъ такыхъ людєй и насъ Бòгъ мьлує!» а дáли—отъ ей-Бòгу, що прáвда—поклонывсь єму нызєсєнько и каже: «Благòдарю тебє, старыкъ, що ты у такюю нещаслывую годїну дїлаєшь тáкъ, якъ Бòгу прыãтно, и бїднымъ людямъ у нуждї помагáешь». Дáли сївъ и Брўса посадывъ быля сєбе и ставъ спысоваты: скїлки у Тыхона булò свòйхъ грòшей, скїлки по-

зЫчывъ и кому що позакладавъ, скийки хлиба купывъ, скийки роздавъ и скийки ёго zostалося (а вже сама малисть застава-лася); якъ ще дума старатыся, щобъ пропытоваты, якый буде неймущый, бо вже усимъ казенный хлибъ роздавали; якъ дума розданыи на сийбу хлибъ зибраты..... усё, усё познысывавъ; такъ на останньи Тыхонъ каже: «А якъ зибраты? колы виддадуть, озьму; а ни, такъ ни. Се такё».

— Якъ-же можно? каже справныкъ: ты усй свой грёши на хлибъ потратывъ и zostанесся у бидности?

«Одынь Богъ багаты! ваше благородые. Треба *тамъ* заробляты, щобъ *тамъ* видъ Нёго мылость получыты. Дёбре робы, дёбре и бúde».

— А жинка и диты твой? Адже ты и ихъ усёго ршывъ?

«Небуло въ ныхъ напередъ ничого; робылы, трудылыся и Богъ намъ давъ. Впьяты треба робыты, трудытыся, и насъ Богъ неоставыть, колы й комарыка и манюсиньку комашечку доглядá.....»

Справныкъ пысавъ щось довго, дали и каже: «Старыкъ! Богъ тебё неоставыть и на сймъ свити: пошлеть тоби мылость свою черезъ нашего Государя. Робы, какъ робышь, и небойся никого, и я тоби скажу: дёбре робы, дёбре и бúde. Прощай!»

Отъ, видъ Тыхона справныкъ прямо до тыхъ людёй, що малы утопыты Бруса. Порозпытовавъ ихъ, дё и почымъ хлибъ куповали и за чымъ непродають? Вони такъ и розказавы, що черезъ сякого та такдо Бруса, неможно имъ було ни зерна продаты, а теперычки ждуть весны, якъ цина ще вышче бúde....

«А што-бъ вы недождалы хрыстыянську кровъ пыть!» сказавъ справныкъ, та до ихъ коморъ, и позапечатовавъ, и прыказавъ голови, щобъ калавуръ бувъ, щобъ нихто нерозпечатавъ до якого часу, и пойхавъ соби далшь.

Батечку мий! Якъ пиднялыся на Тыхона си ёго ворогы! «Винъ», кажуть, «оббрехавъ насъ справныкови, винъ ёму щонебудъ пиднись, щобъ нашимъ хлибомъ орудоваты....» та тамъ такого говорылы на него, що и крыи Боже! Такъ що-жь-бо зробылы? Ничогисинько. Якъ витерь у поли вявъ, такъ и ихъ брехня! Нихто имъ невйрывъ и неслухавъ.

Ажъ ось незабаромъ набигъ впьяты у селё справныкъ, та не до волосты, а прямисинько до стардо Тыхона, а за нымъ

*

у коляси генераль, зъ золотымы кытыцямы на плечахъ, на грудяхъ золотà звиздà, а на шыи усè хресты, та ажъ ссяе. Старый Тыхонъ, якъ побачывъ такихъ гостей, та ажъ затрудился, не злякавшись, а дывующысь, що такой великий панъ до него прыйхавъ и за чымъ-бы-то?

Отъ, увидевшы у хату, справныкъ заразы и сказавъ, що се генераль прыйхавъ видъ самого Царя; що Царь, такы пославшы усюды гроби на хлѣбъ и повеливши усимъ порядкомъ роздаваты, ще такы пославъ и генераливъ, и кожному давъ по великой суми, щобъ такъ, якого вдрять бѣднаго, старого, немощного, калику, щобъ по рукамъ на ихъ бѣдность роздавалы, щобъ швидче, кому нужда, помичъ податы. Такъ от-се генераль сей зайхавъ у нашъ уездъ и прочувшы про Тыхона, хоче ему скилки тысячивъ виддаты, щобъ винъ, якъ почавъ бѣдныхъ обдиляты, такъ щобъ тымъ-же порядкомъ и царски гроби на мылостыну роздававъ, або хлѣбъ купуючы, хлѣбомъ обдилявъ.

Тыхонъ ще тилки почувъ, що се генераль, прысланный видъ самисинького Царя, та такъ и впавъ передъ нимъ въ ноги, а генераль ажъ крыкнувъ на него, та звеливъ устаты та слухаты. Отъ Тыхонъ усè й стоявъ передъ нимъ, похылывшы голову, звычайно, якъ передъ великымъ паномъ. Дали-жъ, якъ розказавъ усè справныкъ, генераль ще знова казавъ, щобъ Тыхонъ видъ справныка прынмавъ по скилки ему треба буде грошей и щобъ робывъ, якъ лучче зна, абы-бъ бѣднымъ помагаты, и щобъ воны зналы, що сся помичъ видъ Царя и Царыци ийдѣ, такъ щобъ воны за нихъ моылыся Богу.

Тыхонъ и вдруте впавъ було до его ногъ, якъ выслушавъ усè, и каже: «Чы я-жъ достойнъ такой чѣсты, щобъ царську казню.....»

А генераль и перебывъ ему и вдарывъ его рукою по плечамъ и ставъ казаты, що винъ чувъ, що Тыхонъ чоловикъ розсудливый и знае, кому якъ у нужди помагаты. Повеливавъ, щобъ узавъ у справныка скилки-тамъ сумы, та й прошукывавъ якыхъ бѣднѣшыхъ, та заразы-бы имъ и помичъ подававъ. Дали пытавъ у него, якъ винъ дума лучче: чы хлѣбомъ роздаваты, чы грошамы по рукамъ роздаваты, и скилки ему треба на першый случай сумы видличыты.

Отъ Тыхонъ, нерябиючи ничого, такъ прямо и ставъ казаты: «Подозволте мени, ваше.... благо....родые.... сыятельство....»

звыніць, мы мужыкы прости, невміемо, якъ такога пана и вельчыты, нетилки зъ нымы говорыты, такъ нехай буде по нашому, не во гнівъ вамъ: добродію!» та й уклонывсь передъ нымъ.

Генераль, звісно, невторопавъ, що ёму Тыхонъ по нашому казавъ, та зпытавъ справныка. Якъ-же той ёму розтолковавъ, «що», каже, «добродію знача, що добрѣ діе, або робыть добрѣ», такъ генераль ажъ засміявся, та й говорыть: «Харашѣ, харашѣ, мужычокъ! Взывай мене добродію, это палучче сыятельства».

Тыхонъ вгяты уклонывсь и ставъ свое казаты: «Моя думка, добродію, така, що усяки прдсять помочи: иншыи видъ нужды, а иншыи, щобъ бездилнычаты. Колы-жъ хто прдсять видъ нужды, той раднйшъ буде хлібови святому, бо за грѣши, ще ёму треба ийти, щобъ куповаты, а винъ може вже третій дѣнь, якъ хлѣбъ бачывъ. Колы-жъ якый мошѣнный, такъ той хлібови и нерадѣ буде: ёму давай грѣшей, щобъ пъянствоваты, або що друге такее-жъ лыхее робыты. Такъ лучче усѣго будемо даваты хлібомъ; а черезъ тѣ усї, хто биду терпыть, усї до насъ зберутця, а ти, що плутуютъ, почувшы, що въ насъ грѣшей нероздають, шарахнутъ видъ насъ гѣтъ».

— Правда, правда твоя, казавъ генераль: дѣлай, какъ самъ знаешъ. А сколько-жъ тобі сумы одпустыть? Я даль справныку пѣять тысячъ. Хочъ усї беры, я тобі вірю.

«Покѣрно благодаремѣ, добродію!» казавъ уклонывшысь Тыхонъ: «якъ ѡка повиненъ беретты царську и копійку, не то що; та тилки ѡтъ-що: тепѣрь по царській мѣлосты увѣсь народъ зъ гамазивъ хлѣбъ берѣ и голодного нема никѣго, а котѣри—пшплы на заробѣткы по усимъ усюдамъ, и черезъ таку велыку мѣлостъ царську—подѣржъ ёго Господы на свѣти!—усякъ черезъ зѣму пропытѣетця; такъ черезъ зѣму доволно буде и одній тысячи; удоволимѣ, колы хто явытця голоднй; а ѡтъ вже весною, та пѣкы до новѣго хлѣба, тутъ ще бѣлшъ нуждѣ постыгне: пойдятъ усѣ, попрѣдають усѣ, заробѣтокъ вже не той, стануть вертѣтыся до-дѣму, по дорѣзи недѣже де выпросятъ, такъ ѡтъ тутъ-то бѣдѣ така прѣйде, що и крыѣ Бѣже! такъ ѡтъ тутъ ти чѣтыри тысячи у велыкій прыбѣди стануть.....»

— Правда, правда твоя, старычокъ, правда. Такъ и дѣлай, казавъ генераль, та й повеливавъ справныку, щобъ у

тыхъ людей, що накупылы у восены, та малы дорогою циню продаваты, такъ увесь той хлѣбъ узѣты и виддѣты Тыхонови на роздѣчу бѣднымъ за царське здорѣвѣя, а имъ зплатыты зъ казнѣ грѣши, по чымъ вони ёго закупылы, и рѣсту щѣ положыты за сѣи мѣсяци, та имъ прыказаты, щѣбъ у дрѣте неквапылысь черезъ людську бидѣ барышнѣ брѣты, а зъ людей шкѣру дрѣты. Дѣли генерѣль, видѣйизжѣвшы, усмихнѣвшысь кѣже Тыхонови: «Прощѣй, добродѣю!».

Тыхонъ zostѣвшысь, самъ себѣ незнавъ, чы сѣ ёмѣ на явѣ, чы такъ у ви-снѣ, що винъ такѣи чѣсты джѣдѣвся, що ёмѣ генерѣль видѣ самисинького Царѣ сѣму повирѣ казѣнну и чымѣленьку-такѣи, и ще зъ нымъ и жартѣе и добродѣемъ ёго у шѣтку узывѣ; отъ якъ задѣмѣвся обѣ симъ, а тутъ справныкъ и покльѣкавъ ёго до дѣла. Пишлы до тыхъ людей, що ворогы Тыхоновы; справныкъ рошчытѣвъ ихъ и заплатѣвъ имъ усѣ до чыстѣ, а якъ-же прыбѣвѣвъ и рѣсту, за скѣлки мѣсяцивъ прыхѣдылось, такъ вони и зрадовалысь, бо вже и самы зхамѣнѣлысь, що недѣбре булѣ выдумалы. Отъ справныкъ ихъ зъ Тыхонѣмъ помырывъ и стѣлы прыѣтели; и хлѣбъ Тыхонъ видѣ ныхъ прынявъ и ставъ по свѣому порядковѣты.

Щѣ-жѣ такѣи сѣй хлѣбъ, та купленѣй за царськи грѣши, а тѣ Тыхонъ повбувѣвъ и волы, и возы, и усѣ, якъ ув-осенѣ прыйшлѣ, що вже ничымъ булѣ годовѣты, усѣ повбувѣвъ, усѣгѣ рипѣвся, та на хлѣбъ поперебѣдывъ, та пропытовѣвъ народѣ.

Ажѣ ось — спасѣибы мылосѣрдному Бѣгу! — перебулы сякѣ-такѣ голѣдну зѣму, джѣдѣлысь веснѣ.... Зимѣю булы велѣки снѣгы, такѣ де-инде закѣдало, що аршынивъ у трѣ булѣ, а усѣоды на рѣвномѣ и небулѣ меншь аршына. Якъ вкрѣвъ снѣгъ зѣмлю, тогдѣ вдѣрылы морѣзы, та й цупкѣ-жѣ булы! Уже доставѣлося лысымъ та плишѣвымъ! Не однѣ двѣнадцѣты ихъ налѣчовалы, щѣбъ морѣзъ лѣшнѣвъ, такъ ничѣго и неподѣстѣя. Тѣлки такѣи що повернѣло сѣнце на весну, якъ рѣзъ пѣсля Сѣрокъ Святыхъ, зарѣзъ и стѣло розтаваты. А люде свѣе и загулы: «отъ велѣкѣнна пѣвидѣ бѣде! Отъ залѣе усѣихъ! пропѣлы грѣбли; неждѣржѣты ни ѣдна, якъ насѣне водѣ». А Тыхонъ покрутнѣ головѣю, та й кѣже: «пѣбѣчымо, чы такѣ-то вѣнѣ бѣде!»

Пѣвѣе тѣплѣй вѣтерѣць, прыгрѣе сѣнечко..... «отъ-ѣтъ на ничѣ водѣ въ ставкѣ прыбѣде!» кѣжутъ люде, дожѣдѣютѣця,—

нема воды! Увесь снігъ узявся водою, а вода нигдѣ неби-
жыть и усѣ, що дѣнь, воды меншь и снігу меншь. Черезъ
недѣлю и снігу нема, и воды нема, и у пѣли некално, а су-
хисинько усюды. «Дѣ-се вода подивалася?» дывуютьця люде:
«мабуть, у зѣмку усѣ вйшла?» «Не щѣ», каже имъ Брусъ:
«молятьсѣ тилки Богу; видъ Нѣго одногѣ усѣ мылость».

Якъ-же прыщечѣ сонечко, якъ и торыкъ! якъ хватыла
супа! Люде у журбѣ: «Небудѣ и сѣй годъ хлѣба!» ажъ пла-
чуть дѣ-яки: «ничого билшь робыты, покопаемо ямы, та й
полягаемо за-здалегидъ; ничого билшь робыты!» Дощу нема,
сонечко прыпика, по дорѣзи ажъ пыль видъ засухы.... а хлѣ-
бець ростѣ, знай ростѣ, и трава у пѣли, якъ тамъ кажутъ,
ажъ шумыть, лязучы зъ земли.... Люде дывуютьця и бачачы,
що хлѣбѣ дѣнь видъ дня усѣ лѣчче, усѣ крѣшче, вже нежѣ-
ратця, та знай зъ ярыною поспышають. Вже й тѣ Богъ по-
годывъ: якъ щитка!

Тыхонъ и самъ, дывуючысь на такѣ вѣснѣ, каже людемъ:
«Никѣлы нетрѣба гнивѣты мылосѣрдного Гбспода пересудамы:
за чымъ от-тѣ, за чымъ от-сѣ? Чомѣ те нетакъ, а сѣ несякъ?
Чы мы мѣжемо знѣты, щѣ и колы трѣба? Чы мѣжемо розу-
мыты, щѣ и для чога рѣбыты? Чы чоловиково дѣло розсуж-
дѣты про сылы Бжи? Винъ старѣй хазяинъ, Винъ одынъ усѣ
знѣ, щѣ, колы и скылки чога послѣты. Намъ тилки трѣба мо-
лытыся Ёмѣ, щѣбъ насъ мыловавъ, щѣбъ посылавъ благодѣть
Свою не по грѣхамъ нашымъ, а по Своему мылосѣрдыю; та
дѣковаты по усякъ часѣ и за тѣ, що жывемо, и що свѣтъ
божѣй бачымо, що пропытуемося, що Богъ давъ кому—жын-
ку, дитѣчѣкъ, кому—щырыхъ прыятельвъ....» Такъ усѣ твер-
дывъ Тыхонъ, а самъ робывъ свое.

Щѣ у концѣ зимѣ виддавъ ёмѣ справныхъ усѣ сумѣ
цѣрську и понашысовавъ по усѣмъ мѣстамъ, де Богъ благосло-
вывъ хлѣбомъ: щѣбъ Тыхону усяку помичъ давалы и чога ёмѣ
трѣба будѣ, щѣбъ достачалы, якъ такѣму, що за пыльнымъ ка-
зѣннымъ дѣломъ посланый, и ти бамагы виддавъ Тыхону и
пославъ ёго.

Шатнѣвсь-мотнѣвсь нашъ Брусъ такъ шо нѣ! И моло-
дѣй такъ несправытця, а ёмѣ и старѣсты нема, бо Богъ ёго
пидкрыплавъ, шо за дѣбре дѣло узявся. Дѣ хлѣба прыторгѣе,
дѣ пидвѣды наньме, та усѣ недѣрого и дешѣвшь противъ усѣхъ,

що тогдї во усїхъ голѣдныхъ мїсць понабїгáлы закупáты; та хочъ вонї булї й панї и охвыцєры, та усє недалѣся имъ такъ зправытыся, якъ прѣстому мужыкѣ Тыхону Брусу, зъ сидѣю борѣдѣю та зъ превелькѣнною лысыною.

Збїглысь разъ на мисткѣ и такі панї, якъ ихъ тогдї звáлы, комысáры, и Тыхонъ, и постановылысь, бо черезъ мистѣкъ хѣра йшла, такъ що возывъ двáдцять зъ одногѣ бѣку, та зъ дрѣтого, на зѣстричь, мабуте булѣ зъ дванáдцять. Се-жъ вже звїсно, що нáши, хочъ скылки шлѣхомъ будѣ йтѣ, то й ничѣго; тѣлки-жъ ввїдѣуть у тиснѣ мїсцьце, чы на грѣбли де, чы на мисткѣ, чы у провѣлку, то зáразъ перѣднїй и гукнѣ: «А трывáйте, хлѣпци! А кѣ, Харькѣ, кабáкы; твоя мицнá». Або трѣба вогнѣю вкресáты на лѣольку, або постолы пидвѣзáты, або що-нѣбудь, а вже неотмїнно тутъ стáнуть та й патякають, а тамъ, що пройнажáющи стоáть та дождыдáють, пѣкы вонї зъ тисногѣ мїсцьця ввїдѣуть, такъ тѣ имъ и дармá, хыбá якы́й догадлывыи зкѣче видѣ коней, та почнѣ имъ по спыни та черезъ спыну рушныкы плитьтѣю давáты, такъ тогдї взамѣнѣтця, та замахають батижкамы и ввїдѣуть на простѣрь..., та тѣуть вже пѣчнуть кореныты и бáтька, и мáтирь, и увѣсь ридѣ тогѣ, що ихъ бывъ, а себѣ-бъ бѣлшъ трѣба лáяты, що нероздѣумавшы и нерозглядывшы постановылысь и застановышы лѣюдямъ дорѣгу.

Такъ такъ-то й тѣуть булѣ. Идѣ хѣра, а на зѣстричь дрѣта. Цѣбѣ та цѣбѣ, а сáмъ знáй махá батижкамъ и недывытця, що є у перѣди, та й доцѣбалысь до мисткá. Одынь кáже: «Верны цѣбѣ и я озьмѣ цѣбѣ, то й розыйдѣмося». А зустрѣчний кáже: «Якъ-же мы розыйдѣмося, колы мистѣчѣвъ узѣнькыи; вертáй ты назадъ». «Алѣ!» пѣршыи вгѣять кáже: «якъ я повернѣ, колы, бáчь, круто-бѣрежно; хыбá на пѣчь подерѣсь?» — «Такъ и є: що-жъ тутъ нá-свити робыты? Фить, фить!» а той собї: «фить, фить!» Та такъ собї и фить-фить-кають, а дáли за рижкы, та похваляють одынь ѣдного кабáку; а дáли розпытѣють, хто зъ чѣмъ, и видкляя, и куды йдѣ, и дѣ зорѣвалы, и дѣ водá крапчá; патя та патя, та и розпатякалысь ненáче цѣлыи вѣкъ имъ у кѣпи на симъ мѣсцьцѣ жыты; а що дзвѣныкы лящыть, и вже недалѣко, и що Тыхонивъ погѣнычъ гукáвъ на ныхъ, гукáвъ, а то вже ставъ и лáяты, такъ вонї тогѣ и нечѣють. Та вже пидбѣгъ комысáрь,

та зъ своимъ козакомъ першъ поперехрыщовалы сѣгд та того нагайкамы, а дали поклыкалы усихъ хурщыкивъ, повидкыдалы воы, та й попереизжялы, а хуры й покынули, нехай соби якъ знають, такъ и зправляютця.

Отъ пры сѣмъ-то перевози комысаръ и розпытовавъ Тыхона, що винъ за чоловикъ и куды йде. Якъ-же ёму Тыхонъ розказавъ усё, и дё, и у кого, и по чѣмъ хлибъ купывъ, такъ комысаръ ажъ здывовався, що й винъ у того-жъ у самого купця хлибъ купывъ, що й Тыхонъ, такъ двомъ рублямы дорогше.

«Видъ чо́го се вонд такъ ё?» пытавъ комысаръ.

— А видъ то́го, пане! казавъ Тыхонъ: вы паны, и усё хочете по-паньски робыты. Непрогнйвайтесь за сёе сло́во. Вы, якъ торгуетесь, то, мовъ прыказуете, щобъ усї зналы, що вы суть панъ; а мы прбсымо та прбсымо, та мблымо; и за тымъ рублёмъ, абд за копою, та мы й дѣнь лыпний живемо, и лыпноу чарку пьемд, и усё рбемо, якъ-бы пидлѣстытыся та хочъ що-небудъ выторговаты, бо намъ царьскои сумы жалко. Хочъ и мы знаемо, що у Царя грдшей багато, та такъ соби зъ простоты розсуждаемо, що и багато ё, де ёму и диваты; такъ я тутъ выторгую якого рубля, а винъ у другимъ мѣсци пиде до-дѣла; отъ я и вслужывъ, и царьскій казнй усё-такы лѣгшъ. Я-жъ, почимъ купывъ, такъ и щотъ веду и у кныгу прыказую такъ запысаты, а непрыщытую ни одної копѣйки; бо грѣхъ смертѣльный казню красты и по кныгамъ брѣшучы запысоваты.... Прощайте, пане комысарю! мдже вамъ никола?... Панай, хлбче! какыкнувъ соби Тыхонъ, та й пойхавъ дѣлшъ. И комысаръ-же пойхавъ, та усё щось ворчавъ, та зплѣвувавъ, ажъ покы геть-геть зайхавъ.

Дѣма-жъ-то, ненадасть Тыхонъ нѣякъ хлиба. Народу, народу! одынъ за однымъ якъ плавъ плывуть. Усї румылы зъ заробиткывъ до-дому; пропытуючыся-жъ такъ зтяглыся, що вже нетѣлки, що дѣма восталося, та й на плѣчахъ одѣжа тужь-тужь дѣржытця; продаты и застановыты овси ничого; такъ усї до Тыхона.... тамъ своєю рукою берутъ и бѣрошномъ, и печенымъ. А якъ прѣйшла слава усюде, що у такимъ-то сели ё царьска сума и що зъ неи роздають усимъ хлибъ, такъ зо всихъ мѣсць народъ такъ и хлынувъ.

Вже тужь-тужь хлиба стаё, вже такъ, що по закрамахъ мѣркою и днѣ черкаётця, та вже Тыхонъ и нетужыть, хочъ

и царську суму усю рипшывъ и у самого нетилко колы-бъ якъ копійчына, та й одѣжа старѣнька, тѣлки тѣ, що на нѣмъ та на жинци и на дѣтяхъ. И нѣгде вже ничого и узѣты: такѣ бѣдность, такѣ бѣдность, що крый Мѣты Бѣжа!... а Тѣхонъ ничѣмъ и невважѣ и неслѣха, якъ ёго Стѣха и костыть и кореныть; ёму усѣ дармѣ, бо бачыть, якъ Господь мылосѣрдный, Отець нашъ небѣсный, пославъ благодѣть у новѣму хлѣбови. Та й хлѣбъ-же Богъ уродывъ! Стари люде, що лѣтъ по симъ-десять живуть на-свити, незатѣмлять такого. Якъ-же прыспывъ, якъ кѣнулося усѣ, хто тѣлки здѣжа: и чоловікы, и жинѣцтво, и хлопчѣцтво, та й дитворѣ туды-жѣ; хто жнѣ, хто перевѣсла крутыть, хто звѣязуе, а хто нѣсыть снопы, та такѣ, що здоровѣму чоловікови билшъ двѣохъ немѣжно и пидняты; а одногѣ и погѣнець недонесѣ. Якъ-же по токѣмъ вдѣрылы у цишы!... такъ що копѣ, то й чѣтверть!... Отъ вже хвалѣлы Гѣспода мылосѣрдного!

А якъ-же прывивъ мылосѣрдный Создѣтель нашъ розговѣтысь новѣмъ хлѣбомъ!... Отъ вже радѣсть булѣ! Такѣ имен-но, якъ на Вѣлык-день — хто живѣй дѣжде! — розговѣлялысь паскою свячѣною, такъ усѣмъ прынѣмѣвъ новѣй хлѣбъ у першый рѣзь и вже першого кускѣ незѣйивъ ёго сухого.... обилѣ ёго слизмы, дѣякуе видѣ щѣрого сѣрця Гѣспода мылосѣрдного, та тогдѣ и зѣйѣсть....

Щѣ-жѣ самы поийлы, а щѣ стѣлы неимѣщыхъ та проходящихъ обдѣляты. Вѣ иншого-же пѣвна тѣрба, а тѣтъ щѣ ёму тѣкають хлѣбъ: «озымы», кажуть, «пожалуста озымы, здѣлай мылѣсть, будѣ лѣскавъ, озымы». Такъ-то усѣмъ, якъ пизнѣ нѣжду, такъ по-невѣли дѣбрымъ стѣне....

Щѣ-жѣ зъ нашымъ Тѣхономъ? Мѣже люде у щѣсти ёго зовсѣмъ и забѣлы? Ну, нѣ; незнаю, щѣбъ такогѣ старѣтеля забѣлы! Чы булѣ у сѣлѣ такѣ душѣ, хочъ старѣ, хочъ малѣ, щѣбъ ёму недѣковала? И якъ-же мѣжно? Усѣмъ бачывъ, що винъ рипшывся и грѣшей, и скотыны, и усѣи худѣбы, обибравъ и жинку, и дѣтѣй, самъ звѣвся ни-на-що, и усѣ за тѣмъ, щѣбъ пропѣгѣты людѣй, не то вже, що бѣдныхъ, неимѣщыхъ, та такѣ и усѣхъ; бо гѣлодь усѣмъ рѣвнѣй бувъ. А що найпѣще, що винъ дѣже мѣдро зробывъ, роздѣвшы людемъ зѣрна на сѣйбѣ. Щѣбъ тепѣрь робѣлы? и якъ-бы пиднялыся вѣгѣать зъ бѣды? Черезъ нѣго-жѣ и царскѣй генерѣль zostавывъ тутъ

царську казню и нею пропыталыся у саме злее урёмтя! Такъ якъ-бы-то вже ёго забуты? Одже-жь-то, якъ тилки хлѣбъ поспѣвъ, такъ заразь видъ усякого двора вѣйшло по женцю и ув-одынъ дѣнь увѣсь ланъ Тыхонивъ и зжалы, и повязалы, и у копы поклалы. А якъ пеклы новѣй хлѣбъ, такъ ждѣнь хазяинъ прынѣсь або прыславъ ёму по новому хлѣбови.

Се було на самого Прокіпця. Якъ тилки наставъ дѣнь божѣй, такъ и повалѣвъ народъ до Тыхона.... Чоловикъ увѣйде, помолытця, хлѣбъ святыи положыть, та Тыхонови и прыпадѣ до нигъ и скрызъ слѣзы говорыть: «Прыимы, дядьку, хлѣбець святыи, що черезъ тебѣ Богъ пославъ менѣ зъ симъею моею, що ты ихъ пропытавъ у таку нещаслыву годыну». Тамъ дытына вбизыть, та те-жь хлѣбець несѣ, та лепѣче: «От-сѣ, дидусю, мама тоби прыслала вже нашого, за тѣ, що ты, спасыби тоби, насъ черезъ усю зиму прогудувавъ. Я якъ и велыкый бѣду, то усѣ тоби бѣду дяковаты и тоби хлѣбець носыты, що черезъ тебѣ моя бабуся невмерла и я зъ голоду непролавъ». Тамъ увѣйдѣ дивчѣ, та усѣ зъ хлѣбомъ, та зъ дякою, що ихъ, сырѣть, безъ бѣтька и безъ матери, винъ прокормлювавъ и недѣвъ имъ у нужди загынуты. Тамъ сѣй, тамъ той, и усѣ дякують, усѣ хлѣбъ несуть ёму, якъ попередъ сѣго видъ него хлѣбъ бралы. Прынмавъ винъ, прынмавъ ти хлѣбы, зкладавъ ихъ усѣ на стѣль, — а самъ знай тилки слѣзы втыра, — покы наклавъ ихъ повнисынкый стѣль; ставъ надъ тымъ хлѣбомъ, зложѣвъ на-хрестъ рѣкы, пиднявъ очи до Бога, та якъ заплаче, якъ кынетця навкѣлишки, и ставъ тыхесенько молытсы.... а дали уставъ, ставъ дяковаты людымъ, що прынеслы коженъ ёму вже свого нового хлѣба, а дали и каже: «Нѣ-за-що менѣ дяковаты за пропытаные ваше. Господъ насъ усѣхъ по мылосѣрдю Своѣму неоставывъ и пославъ намъ такдого мылосѣрдного Царя, що й мѣры нема. Безъ ёго любви, хлѣпѣть и старанья объ насъ, щѣбъ зъ насъ було? Пропалы-бъ мы усѣ. Гамазѣи, ти що по ёго повелыню намъ давнѣ треба було поповныты, а мѣ объ тымъ и недумалы, та увѣсь хлѣбъ пойдѣлы, чы могли-бъ насъ удоволныты, хочъ-бы и зовсѣмъ пѣвни булы? Нѣ, не на-долго-бъ стало и того хлѣба. Такъ винъ намъ прыславъ свою казню, повелѣвъ по усѣмъ-усюдамъ куповаты хлѣбъ и насъ пропытаты; повелѣвъ, щѣбъ, хто хоче, розихѣдылысь у луччи мѣста на заробѣткы, и за былѣты неповелѣвъ зъ насъ грѣшей браты и про пѣдушне незвелѣвъ дѣже турбо-

ваты; такъ отъ-хто насъ видъ биды видивъ! А я що? що я мигъ самъ зробіты? Ничогисинько. Та й описля, я зполнявъ тилки волю царську и начальникивъ: когд-бъ зъ васъ ни прыстановылы, усякъ-бы тѣ-жъ зробівъ. Такъ не мені треба дяковаты; вжѣ вы мені и такъ багато помочи дали, убираючи хлібець. Тепѣрь подякуймо першъ усѣго Бѣгу мылосѣрдному, Отцю на небесахъ, а дали Царѣви нашому, щедрому отцю на землі, та й будемо робыты, що намъ повеливають: Господь вельть любыты и помагаты одынъ одному, и Царь тѣ-жъ повелива. А намъ ще треба знаты, що безъ грѣшей немѣжно ничого зробіты, якъ и самы пры сій лыхій годѣни бачылы; такъ и Царѣви нашому безъ казны немѣжно ни вѣйска содержаты, и нѣякого порядку дати. А казны багато потрачено у сей годъ, ни на когд-жъ билше, якъ на насъ, по усѣмъ губерныямъ, де голодъ бувъ; такъ и намъ тепѣрь треба яко мѣга кынутыся та заробляты, та пѣдушне знѣсыты, та недѣимку, на кому ѣ, уплячуваты; тогдѣ и Царь насъ пожауе и Господь помылуе, и бачачы, що мы дѣбрыи и покѣрныи дѣты, непошлетъ намъ билшъ нѣякои такди биды и Царя нашего продѣржыты на симъ свѣти, для нашего-жъ щастя, на многы лѣта!»

Тутъ увѣсь народъ — а було ихъ такы чымало самыхъ старыкѣвъ — такъ и загулы: «Подѣржъ ѣго, Господы, для нашего и дѣцького щастя на многы лѣта!....»

Ажъ тутъ де узався дзвѣныкъ.... и прыбѣгъ справныкъ та прѣмо до Тыхона у хату, та й крѣкнувъ заразы: «Ступайте увѣсь народъ до волосты; губернаторъ прѣййхавъ, збирайтесь усѣ; есть дѣло. Тыхонъ! пайдѣмъ са мной, изъ жѣнкою и зъ дѣтьмы».

Отъ народъ и рѣшывъ увѣсь до волосты, а по-дворамъ десяцьки бѣгають та збирають, щобъ и старѣ, и малѣ, усѣ щобъ йшлы туды, бо дѣло ѣ. Зибралася громада, а тутъ и справныкъ прѣйшѣвъ и за нымъ Тыхонъ, и Стѣха, и дѣты ихъ. Стѣха-бъ-то йшлѣ, та на-двое дѣмала, за чѣмъ йи зъ дѣтьмы ведуть до губернатора? «Або-жѣ менѣ выпаряты, зачѣмъ я усѣ лѣялася зъ Тыхономъ; або билшъ того, що ѣго пони-бѣють, зачѣмъ обиравъ у мене усю одѣжу.... и колы-бъ такы дѣбре, та дѣбре.....»

Тилки що стѣлы до волосты дохѣдыты, тутъ выйшовъ до громады самъ губернаторъ и пытаѣтця, де Тыхонъ Брусъ?

Отъ справныкъ и пидвѣвъ ёго. Губернаторъ узавъ ёго за-руку и поставовѣвъ край себе и каже: «Стань здѣсь, поштѣнной старычѣкъ!» та й давъ справныку бамагу и звелѣвъ гѣлосно чытаты..... Гѣсподы мѣлостывый! щѣ-жъ-то тамъ напысано булѣ!.....

До самѣсинького Царя дѣйшла чѣтка, щѣ у сей голѣд-ный гѣдъ Тѣхонъ робывъ, якъ старався, якъ людѣй пропы-товавъ и якъ за царську казнѣ куповавъ справно хлѣбъ и на порядеахъ ёго усѣмъ роздававъ; а щѣ найбѣлшъ, щѣ самъ усѣи своѣи худѣбы рипывся и усѣ положывъ на пропытаные лю-дѣй у своѣму селѣ; такъ за усѣ сѣе Царь прыславъ ёму медалю сребну, велѣку, а на нѣй самѣ такы настояще царське лице, и повелѣивавъ тую медалю надѣты на Тѣхона на лѣнти шы-рокой та червѣной, якъ звывчѣйно бува кавалерѣя. Та ще зверхъ тѣго повелѣивавъ изъ своѣи царської казнѣ пывыкупуваты усю худѣбу, щѣ позакладовавъ Тѣхонъ и свою, и жинѣчу, и дѣтську, и попѣвныты ёму усѣ грѣши, сѣйлки винъ потратывъ на пропытаные людськѣ.

Якъ се прочыталы, такъ народъ и вжахнѣвся видъ ра-дощывъ, а Тѣхонъ стоить уклонывшы гѣлову и нетѣмытъ себѣ, чы винъ въ раю, чы дѣ? Чы малѣи-жъ чѣсты винъ дожывся?

Заразъ губернаторъ доставъ зъ ящыка тую царську ме-далю и повѣсывъ на лѣнти на шыю Тѣхонови, а тѣй такъ и прыпавъ навѣдѣлшкы, та плаче-жъ-то тѣкъ зъ радощывъ, якъ малѣ дытѣна. А тутъ и Стѣха зъ дѣчкамы те-жъ пры-пала до нѣгъ губернатора, та цилѣють ихъ, тѣлки вже незвѣсно, чы вона рада була медали, щѣ мужыку йи надѣлы, чы томѣ, щѣ вернѣлыся йи очѣпки, и плахты, и намысто, и усѣ....

Отъ губернаторъ, надышы медалю, пиднявъ Тѣхона и поциловавъ ёго у гѣлову и сказавъ: «Поздравляю тебѣ, пош-тѣнной старычѣкъ, зъ царською мѣлостыю». Дѣлы звелѣвъ справныкови усѣ добрѣ Тѣхоново, щѣ тутъ булѣ вже прывѣ-зено и зъ-пидъ закладу выкуплено, и грѣши, сѣйлки повели-валѣся, виддаты усѣ Тѣхонови, а обществѣ прыказаты, щѣбъ усѣ Тѣхона и пановалы, и почытовалы. А жѣнцы прыказо-вавъ, щѣбъ неспѣрыла и нелаялася зъ мѣжомъ, а слѣхала-бъ ёго у всѣмъ и дѣтѣй вѣыла слѣхаты бѣтька, бо винъ щѣ ни здѣма, то усѣ на добрѣ. Дѣлы — впѣять до Тѣхона, и каже: «Вы-дышъ, старѣкъ! Ты необшыбся. Дѣбре робылъ, вотъ и тобѣ

добрó!» Дали поклонѣвсь нарѣдови, сидаючы у свою колясу, та й сказаѣвъ: «Прощаѣйте, люде добри! молитесь за Царя!» та й поѣхавъ скѣро соби.

А нарѣдъ-же-то увѣсь, позкыдаѣвши шапкы и пидняѣвши рѣкы до Бога, такъ ув-одынь гѣлосъ и загулѣ:

«Подѣржы ёгѣ, Господы, у щасты и у здорѣвѣи на симъ свѣити и пры насъ, и пры нашихъ дѣтяхъ и унѣкахъ, що вынь насъ у самую злѣую гѣдыну непокынувъ и пропытаѣвъ насъ, якъ отѣць дѣтѣй, и тогѣ наградыѣвъ, хто вѣываѣвся за насъ. Пошлѣ, Господы мѣлостывый! и Царѣви нашому, и Царѣщи усѣ, чогѣ вонѣ видѣ Тебе жалаюць и що Ты знаѣшь, за ихъ дѣбрѣсть, имъ послаты!»

От-такъ-то мы мѣлымося по усякъ день и дѣтѣй ѣчымо, за те дѣбрѣ, що Вынь намъ посыла по усякъ дѣнь!

v.

РОНОТОПСЬКА ВИДЬМА.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Михаилу Акимовичу Бедратъ.

КОНОТОПСЬКА ВИДЬМА *).

I.

Смутный и невеселый сидѣвъ собі на лавци, у новій свитлыци, що видгородѣвъ видь протѣвной хаты, Конотопськый пань сотникъ Мыкыта Уласовичъ Забрѣха. Хочъ парень собі и чепурный бувъ, а тутъ и у недѣленьку святу небравъ бѣлои сорочки, та й—прощайте у симъ слѣви—кытаѣвыхъ сынихъ штанивъ на-ничъ незнимавъ, такъ, сердца, у ныхъ и ночувавъ, радъ-радъ що за пѣвничъ допхався додому; а тамъ чы заснувъ, чы нѣ, вже ёгѣ, ще сонце незходило, збудылы. Заразъ схопивсь, выповихався, вычухався, помолывсь Бѣгу, нюхнувъ разывъ трычи криккѣи Ромѣнськой кабаки, прослухавъ що ёму чыталы, давъ порадокъ, и зоставшысь самъ у свитлыци, сивъ на лавци: голова ёму нечесана, чубъ непидгѣлений, пыка невмыта, бѣи заспани, усы розкудѣвчани, сорочка розхристана; край ёго на столѣ люлька и гаманѣць, каламаръ, гребинѣць и пѣвна карватка ще торѣшнѣи дуливкы, що ще зъ вѣчера наточыла ёму Пазька у пляшкѣ, а винъ, хочъ и насышавъ у карваткѣ, щобъ то, знаете, зъ журбы вышыты, та якъ зажурывсь зноба, та й забувъ, такъ и лигъ та й заснувъ; та й тепѣрь, уставшы, недуже на тую дуливкѣ квѣпывся, бо ще новѣ лыхо зовсымъ ёгѣ зкрутыло и винъ и самъ себѣ зъ журбы нетямывъ.

Якѣ-жъ-то-тамъ ёму лыхо зиклѣлося и видъ чога така журба ёгѣ узяла? Алѣ! трывайте-лышень; я вамъ усѣ розкажѣ: и видкыля винъ такъ пѣзно прыйхавъ, и за чымъ недалѣ ёму добре й выспатысь. Осъ кѣте-лышень кабаки, въ кого мицнѣша, та й слухайте.

*) На первомъ изданіи помѣтка цензора: Москва, Октября 4, 1833 г.

Пань сотныкъ Уласовычъ бувъ чесного и вѣжного рѣду. Такы хто скылки ни зазна, то сотенною старшыною усѣ булы Забрѣхы; а диды и прѣдиды Мыкытовы усѣ булы у славному сотенному мистѣчкови Конотѣпи сотныкѣмы; такъ видѣ отця до сына такъ сотѣнство и переходыло. Отъ якъ и старый Уласъ Забрѣха, такы сотныкъ Конотѣпський, якъ помѣрь... и щѣ-то жалковало за нымъ козацтво! та такы и усѣ люде, и старѣ, и малѣ, усѣ плакалы. А якъ ховалы, такъ труну ёго неслы черезъ усѣ село на рукахъ, мовъ дѣтського бѣтка, та быля цѣрквы й поховалы, и дѣбре на усѣхъ обѣдахъ помѣянулы. Якъ же видпылы сорочыны и громада зибралася на порѣду, когѣ начыныты сотныкомъ; то усѣ ув-одынь гѣлосъ такъ и гукнулы: «А кому жѣ быть? Уласовычу, Забрѣпченку; якого намъ луччого сѣкаты?» Отъ такъ-то и настановылы ёго сотныкомъ и ставъ винъ изъ Забрѣпченка вже й самъ Забрѣха.

Отъ винъ, поховавшы бѣтка, сюды-туды оглядывсь, ажъ вже ёму гѣдивъ двѣдцѣть пѣять; нигде дѣтысь, трѣба женытыся, трѣба дѣвки сѣкаты.... Бѣтко-бо ёго, старый Уласъ, бувъ собѣ скупѣнькый и колы було Мыкыта, якъ ѡзме ёго за сѣрце, стане бѣтка прохаты, щѣбъ ёго оженивъ, то старый насупыть бѣровы, зырнѣ на него стѣрчь, та й скаже: «Нехай-лышень вѣяснытця, бачъ нахмарыло. Який тепѣрь сякий-такий сынъ женытця? Бачъ, хлѣбъ дорогой, по пѣать алтынъ мишѣкъ, та й тѣсно намъ бѣде, якъ тобѣ жѣнку ѡзвемо: тѣлки и ё щѣ хѣта зъ кимнатою, та черезъ сыны прѣтивна хѣта, та й гѣди; дѣ менѣ васъ мистыты зъ дѣтворѣю, щѣ вже знаю, щѣ такъ и обсыпле. Нехай-лышень описля подѣмаемо». То було Мыкыта почухаетця, та зъ тымъ ѡблызнемъ и пѣде. Тепѣрь-же, якъ старый вмѣрь, ёму свой воля. Зѣразъ узѣвшы прѣтивну хѣту перегорѣвъ, отъ ёму ё й свѣтлыця, ё й простѣрь. Дали ставъ дѣвки сѣкаты и сивъ дѣматы. Уже на яку-то винъ недѣмавъ? Пѣршъ-бы-то такъ, щѣ й дѣ! Зѣразъ на Чернигивську прѣтопѣвну закынувъ, та й самъ злякавъ видѣ нерѣвни: одной одѣжи на два вѣза невберѣшь, а намѣста, кажуть, мѣркѣмы бѣтко видсыпле; та такы и нѣ-чого: тамъ и богосѣловы йилы печѣни гарбузы, такъ нашому бѣрѣчыку нѣчого туды квѣпытысь. Отъ винъ и зпустывсь ныжче; перебирѣвъ-перебирѣвъ, дѣмавъ-дѣмавъ..... дали якъ сплеснѣ у долѣшкы, якъ загомѣныть самъ собѣ у

хати: «отсє такъ! отсє моа! Хлѡпче! сидай мерщій коня!» Чы избравсь, чы нї, мерщій нашъ Уласовычъ сивъ на коня... и якъ затупотївъ, такъ тїлки що ѡкомъ єго задрыпшъ.

Куды-жъ-то винъ такъ потягъ прѹдко? — Эгє! колысь-то, дєсь-то на ярмарку бачывъ винъ хорунживну Олену, отъ що на Сухій Балци хутирь, прозываетця Безвєрхый. Винъ дывлячысь тогдї дѹже дывовався, що дывчынка й молодєнка, а купѹе бѡрошна багацько; а якъ ставъ розпытоваты людєй, такъ єму й розказалы, що у нєи нєма ни батька, ни матєри, а тїлки самый братъ; що вонá хазайка невсыпѹща, самá и около корѡвъ, самá и у-пѡли пры косаряxъ и пры женцяxъ, а зимѡю у вѣнныци самá доглядá, и се бѡрошно зкѹпе на вѣнныцю. Братъ йї хорунженко, хочъ парєнь и молодой, та нехѡче женытись, а дѹма у чєнци, бо якъ бувъ недѹжъ, такъ обцáвсь: «колы, каже, выдужаю, то пидѹ у чєнци, виддавшы сестрѹ замижъ». Отъ и выдужавъ, и дожыдá дѡброго чоловика, щобъ єму и господарство, и сестрѹ виддаты, и вже ни до-чѡго єму дїла нєма, усє тїлки кныжкы чыта, а Олена за нєго усѡды по господарству поворѡчуєтця.

Отъ-туды-то потягъ нашъ панъ сѡтныкъ Забрєха. Незвѣвъ же єго чѡртъ на выгадки! Чѹе кишка де сáло лєжыть: однѡ тє, що дѡвка здорѡва, молодá, огряднá, чернобрыва, повновѣда, а худѡбы-худѡбы — такъ бáтєчкы! Свѣй хутирь, лисѡкъ, вѣннычка, млынѡкъ, витрячѡкъ, а скотыны та овечѡкъ, такъ ничѡго й казаты! И усє то йї достаєтця. За тымъ-то такъ нашъ Уласовычъ и поспишá, що й конєви нєдасть здыхнѹты и самъ, необидавшы, трыдцять семысѡтныxъ вєрстъ, ищє зъ гѡномъ, неспочывáючы перейхавъ и якъ добѣгъ до тогѡ Безвєрхого хѹтора и устáвъ зъ коня быля хорунженковой хаты, такъ такъ и хытаєтця, мѡвъ пѣяный, а я жъ кажѹ, що винъ и необидавъ нигдє.

Поздорѡвавшысь зъ панѡмъ хорунженкомъ и посидавшы у хати, отъ наши и розговорылысь прѡмєжъ сєбе и прызналысь, що ще й батькы ихъ прѡмєжъ сєбе дружылы, то и имъ трєба нецурáтысь одѣнь дрѹгого. Дали хорунженко пытáвъ пана сѡтныка, що куды єго Богъ несє и за чымъ? Заразъ нашъ Уласовычъ и ставъ брєхаты, бо старї люде кажуть: тїлки ще задѹмаєшь свáтатысь, то й стáнєшь заразъ брєхаты, и що безъ брєхнї ниждєнь чоловикъ несвáтався. Одже-жъ-

* *

то сѣтныкъ и каже, що бѹдимъ-то ёмѹ трѣба брагу для воливѣ наняты на-зиму (а ще дѣ та й зима? ищѣ тѣлки Петрѣвка ийдѣ), такъ винъ почѹвъ, що у пана хорунженка у вынныци барда дѣбра и дѣбре скотыны доглядяють, прыйхавъ наняты и зторжытысь.

«Незнаю я сѣгѣ дѣла и ни въ вѣщо немишаюсь; про тѣ сестра зна», сказавъ ёмѹ на одвѣтъ панъ хорунженко.

«А де-жь Ёсыповна Олена? Мѣже-бъ бува йи поклькалаы, то мы зъ нею и зкинчаемо дѣло», казавъ Забрѣха.

— Алѣ! сестра у пѣли; пойхалы тамъ трѣшки просьця посѣяты, такъ вона доглядя, бо вже безъ неѣ нхтѣ ничѣго нетямыть зрѣбыты. А вы, Уласовычъ, нескучайте; вона надъ-вечиръ и бѹде. Пѣкы вона вѣрнетця—дѣвко! а вточы лышь слывѣянкы!—то мы по кѹхлычку, по дрѹтому вѣшьемо. Та вже вы у насъ, пане сѣтныку, и заночѹете, бо вже нерано», сказавъ хорунженко.

«Панська воля!» одвѣтъ давъ Мыкыта—и радѣсенькый собѣ.

Отъ якъ вѣщидылы вони самотѹжкы глѣкъ слывѣянкы, а дѣли и тернѣвкы покуштовалы чы-трѣкы, прыбѣгла и нашла Олена зъ пѣля. Бачыть, що чужый чоловѣкъ, заразы мѣгнулася, звѣлила изъ ставка потягты карасѣвъ и загадала вечерю варѣты; сюды-туды шатнѹлася и увѣсь порадѣкъ дала, що й на зѣвтре робыты и комѹ, куды и за чѣмъ ййхаты, а дѣли одягласъ такы любѣнько, якъ звычаино панноци, та ще й хорунживни: до старѣнькои плѣхты та почѣпыла лустрынову запѣску, одягла тожь шѣвковѹ юпку, та на шыю дукать на бархатци, та червѣни черевычкы узяла, а на голову хорѣшу стрѣчку покляла, та й выйшла и поклонылася пану Уласовычу низѣнько.

Нашъ Забрѣха, якъ побачывъ такѹ панночку, що не тѣлки що зъ рѣду небачывъ такѣи, та вона ёмѹ и неснылася така, та ажъ задрыжавъ и нетямыть вже, що ёмѹ и казаты, та вже хорунженко нагадавъ, та й каже: «Од-же, пане сѣтныку, вамъ и хазѣйка; радътеся изъ нею, вона усѣмѹ голова».

Такъ що-жь-бо нашъ Уласовычъ? Ни пары зъ усть. Дѣли прынявся, мнявкавъ-мнявкавъ, та й начнѣ про волы, а кинча про голубы, дѹма обѣ барди, а скаже обѣ тернѣвци,

та якъ замѣвъ, та й замѣвъ, та знай слынку ковта, дывлячысь на таку крапо.

Олена собі дівка ббйка була. Хочъ панъ сотныкъ и сюды и туды загынавъ, а вона ёго заразы розчухала, що винъ такѣ ё и за чымъ прыййхавъ, таже й каэ ёму и говорыть: «Добре жъ, паньченьку; допывайте жъ на здоровья тернивовку, та повечеряете, та ляжете спаты, а завтра—дасть Богъ свить, дасть и совить, то й порадимось, що треба робыты».

Забрѣха, почувшы сее, та ажъ самъ не стямывся видъ радоцивъ; дума: «отъ дило и зовсімъ, завтра тилки рушныкы браты»; та за кухлыкъ, та давай зновъ смоктаты зъ паномъ хорунженкомъ, що у ченци збираетця, а такы сего дила не кыдаетця и ще й дуже полюбя.

Олена такы частенько до панычывъ увиходыла. такъ, будимъ за якымъ диломъ, а тилки щобъ билшъ розглядиты Мыкыту Уласовыча, що вонѣ ё; то якъ увиде, та поведѣ очыщамы, що якъ тернь-ягидкы, на пана сотныка, то въ него языкъ стәне мовъ повстаный и неповерне ёго, а самъ ажъ пала. Полагодывши вечерю, вона вже билшъ и невходыла; сами панычы повечерялы и докинчавшы глѣкъ зъ тернивовкою, панъ хорунженко хотивъ вже йты спаты, ажъ ось напъ Забрѣха поплямкавъ, выкашлявся, поцмокавъ, потѣрь усы, та й ставъ ту рацею казаты, що ёму дякъ зконпонувавъ вже давненько для такодо случая; отъ и каже:

«Ось послушайте, панычу Ёсыповычу, що я вамъ скажу: несоразмирно суть чоловичеству единопробываные и въ дому, и у господарствы. Всякое дыханые шануетця у двойствы; едино чоловиковы на потребу—пояты жону и имиты чада. И азъ ныжайшыи возмихъ сыю мысль и неукротимое желаные. Пламень мяя раждываётъ и неотыду, дондеже несовокуплюся съ липообразною, превелѣбнѣйшою Кат....» Та й замѣвъ. Сѣто-ёму дякъ такѣ зпысавъ, якъ винъ було думавъ зальщитця до протопивны зъ Черныгова, и Забрѣха дочытавъ до самодо кинца такъ, якъ було тогди на памъять вытвердивъ, та якъ згадавъ, що хорунживна не Катерына, а Олена, и не превелѣбна, а такъ—панночка, отъ тогдо-то й замѣвъ, та ни туды ни сюды. Хорунженко зовсімъ було дримавъ, а на сю рацію прыслунавъ-прыслунавъ, та й каже:

«Що-бо вы, пане сотнику, от-се говорыте? Щось я нічого невторбаю. Чы не після тернивкы от-се вы такі стали?»

Здыхнувь Уласовычъ, та й каже: «Бодай ёго пысала морока! Се мени такє напысавъ нашъ воскресенський дякъ....»

«Та що вонò такє ё?» зпытавъ Ёсыповычъ. «Чы се вірша, чы що?»

— Алé! я й самъ незнаю, що вонò и для чо́го, каже Забрéха.

«Такъ на-що-жъ вы мени протівь-ночи такє говорыте? Менé вже зъ-за плечей берè».

— Та я бъ и неговорывъ, такъ лыхо прыпало!

«Та якè тамъ лыхо? Кажить швидче, спаты хочу».

— Алé! кому спаты, а кому й ни! сказавъ Уласовычъ, та здыхнувши важко, поклонывсь хорунженку низесенько, та й каже: «виддайте за мене Олену, сестрыцю вапу!»

«Ё!» сказавъ хорунженко, задумавсь, ставъ чухаты потылицю, и плечи, и спыну: а дали каже: «Побачу, що сестра скаже, нехай до завтраго, лагайте-лыпенъ спаты», та й пішовъ видъ него.

Лигъ нашъ Забрéха спаты, такъ ёму и неспытця; жде свита, недіжде, щобъ швидче ёму почуты, що скаже Олена... Ну! сякь-такъ дождалысь свита, повставалы панычй и позиходылысь. Заразъ панъ Уласовычъ и пыта: «А що-жъ вы мени, панычу, скажете? Чы наша ричъ до діла, то я бъ побитъ мерщй, та зъ старостамы и явывсь сюды законъ зполныты. Кажить-бо?»

Сопыть нашъ хорунженко и нічо́го ёму неказавъ, тилки гукнувь у кимнату: «А ну, сестро! дай намъ поспидаты, що ты-тамъ прыдбала?»

Війшла зъ кимнаты наньмычка, поклонылась, та й постановыла на столи передъ паномъ Уласовычемъ на сковороди.... печеный гарбузь!.... Якъ розглядывъ нашъ Забрéха таку пынхву, якъ скочыть изъ-за стола, якъ выбижыть зъ хаты! ажъ тутъ батракъ вже й держыть ёго коня, и вже осидланого; винъ мерщй на коня, та навтикача по-быля хать; тилки й чуе, що люде зъ него регочутця; ёму ще й бйльшъ стыдно, ще й бйльшъ коня поганя, та якъ выбигъ зъ хутора, розглядывъ: що за недобра маты? щось тылипаецця на шыи у

коня! Колы-жь дывытця—верёвка; потягнувъ тую верёвку—ажь и тутъ гарбузь сырый прычеплений!.... Кынувъ ёго ажь геть, а самъ за нагайку, знай коня паня, знай паня.... Одно тѣ, що сѣромъ, а тутъ и такби дивкы жалко, та ще-жь ни йившы, ни пывшы! Отъ вже нашъ Уласовычъ и до-дому зъ гарбузомъ такъ бижить, якъ бигъ до дивкы, думачы рушныкы брѣты. И самому лыхо и кинь мореный, такъ на сылуна-сылу допхавсь до-дому ажь о-пивночи и—ажь розказувавъ—мерщій литъ спѣты.

II.

Смутный и невеселый сыдивъ у свитлыци на лавци Конотопський панъ сѣтныкъ, Мыкыта Уласовычъ Забрѣха, а объ чымъ винь сумовавъ, мы вже знаемо..... Эгѣ! та невосимъ: хыбѣ чы недасть намъ тѣвку от-сѣй, що лизе у свитлыцю до пана сѣтныка? А хтѣ-жь-то лизе? Щѣ-жь се винь такъ тамъ мордуетця? То питкнѣтця у двѣри, та й назадъ напш. От-тѣ хворостына, що несѣ у рукахъ, тѣ ёго зпынѣ: колы дѣржыть йи по-передъ сѣбе, то тѣлки ще нась у двѣри ткнѣ, а вже хворостына и обипѣрлась объ угѣль; колы-жь йи волочѣ за собѣю, то зовсимъ увѣиде у свитлыцю, а вона за нымъ волбчытця, и чиплѣ ёго, якъ та сварлыва жѣнка за пѣяныцею мужыкомъ; у поперекъ-же и некажы йи всунуты у свитлыцю, бо крѣпко довга була. Лизе-то не хтѣ, якъ Прѣкипъ Рыгоровычъ Пистрякъ, сѣтанный Конотопський пысаръ и щѣрый прыятель пана сѣтныка Конотопського, Мыкыты Уласовыча Забрѣхы, бо винь безъ нѣго ни чѣркъ горѣлки, ни ложки борщу до рѣта невиднесѣ; а вже на порѣди, якъ Пистрякъ Рыгоровычъ сказавъ, такъ вонѣ такъ и ѣ, такъ и бѣде, и вже и до сто бѣбъ неходѣ, такъ ни хтѣ неперемѣже. Щѣ-жь-то винь за хворостыну пре у свитлыцю до пана сѣтныка? Алѣ! лѣчче усѣго послѣхаймо, якъ и объ чымъ вонѣ собѣ бѣдутъ розмовляты, то тогдѣ усѣ знатемемо. Та ще-жь и тѣ знайте, що панъ Пистрякъ суть пысаръ: дванѣдцѣть гѣдъ вчѣвся у дяка у шкѣли: у гѣдъ вчѣстывъ грамѣтку, два гѣды вчѣвъ часлѣвѣць, пивчѣвѣрта гѣда сыдивъ надъ псалтырѣмъ, и зъ молытвамы зовсимъ вѣвчѣвъ, та пивчѣята гѣда вчѣвся пысѣты, а цѣлѣсинькѣй гѣдъ вчѣвся на щѣтахъ; а промежь тѣмъ, ходячы на крылась, понявъ глѣсы, и ермолѣйни догмѣтыкы, и Ско-

вородыні херувымськи, туды-жъ за дякомъ и пиддичымъ оксентуе, и Павла чтёные, колы небагацько закладокъ, утне на усю цёркву гдосно; а вже на ричахъ, такъ ббйкый, що якъ розговбрытця-розговбрытця, та усё непбпросту, усё зъ пысаныя, такъ и нашъ отёць Костянтыйнъ, даромъ що до сынтаксысу ходывъ, слуха ёго, слуха, та здвыгнё плечыма, та й видйде видъ нёго, кажучы: «Хто тебе, чоловіче, зна, що ты тамъ говбрышь!» Отъ-такый-то бувъ у насъ у Конотопи пысарь, от-сёй Прёкипъ Рыгбровычъ Пистрякъ; такъ якъ стане винъ зъ паномъ сотныкомъ Забрёхою розмовляты, такъ вы тйлки слухайте, а вже чы второбаєте що, незнаю, бо винъ у насъ чоловікъ зъ учёною головою, говдре такъ, що изъ десятима прбстыми головама нерожуешъ.

Одже-то якъ панъ сотныкъ бачыть, що панъ ~~писарь~~ невлізе у ёго свитлыцю за тою довгою хворостыною, та й пыта: «Та щб-то вы, пане пысарю, якдого чбрта до мене у свитлыцю претё?»

— Та сё, доббрдію, лепбртъ объ сотённымъ народосчыслёныи, въ налычносты предстоящихъ по мановёнью вашому, та—бодай винъ сокрушывся въ прахъ и пёпель!—невмыстымъ есть въ чертогъ вашъ. Подобаеть, або стйну протяты, або стёлю пидняты, бо невлізу до вашой вельможносты! сказавъ Пистрякъ, та й почавъ знова возытысь съ тою хворостыною.

«Щб-жъ-то за лепбртъ такый довгый? Хворостына-жъ ёму, мабуть, замисць хвостá, чы щб?»

— Хворостына сія, хочá есть и хворостына, но бная не суть ужё хворостына, понёже ўбо суть на ній вмистылыще дўшь козацькыхъ прехваброи сотни Конотопської, за ненахождёныемъ пысательнаго существа и трепетаныемъ десныци и кўпно шўйци». Отъ-такъ видсыпавъ нашъ Пистрякъ.

«Та кажіте мені пб-просту, пане пысарю! О, вже мені те пысьмб остыло та опоганыло, що ничдого и невторобаю, що вы кажете-говбрыте. Тутъ и безъ васъ нудьга узяла, и печинкы до сёрця, такъ и чую, якъ пидступаютъ», сказавъ панъ сотныкъ, та й зкышывсь на-руку, та троха такы, чы й непустывъ слизочокъ пары-другои.

— Горе мені, пане сотныку! казавъ Пистрякъ: мымошёдшую седмыцю глумляхся зъ молодыцями по шыночкамъ

здѣшной палестыны и, вѣчеру сѹщу мынѹвшаго днѣ, быхъ неподвыженъ, аky клáда, и нѣмъ, аky рыба морская. И сѣ внезáпная вѣсть потрясѣ мою унѹтреннюю утробу, а пáче и пáче, егда прочтѣхъ и уразумѣхъ повелѣныя мѣлостывого начáлства збирáтыся у походъ ажъ до Чернѣгова. Сыѣ, пáне сѣтныку, пышутъ, щадя дѹши нáша, да не кѣгда страхъ и трѣпетъ обуяеть нáмы и мы скѣрбни падѣмъ на лѣжа нáша и ўснемъ въ смѣрть; и тогѣ рады скрѣтность умыслыша, аky-бы у Чернѣговъ, а хтѣ-вѣсть? Чы недáлшъ ищѣ. О гѣре, гѣре! и пáкы реку: гѣре!

«О гѣре, гѣре, Рыгѣровычъ!»

— О гѣре, гѣре, Улáсовычъ!

Отъ-тáкъ-то горѣвáлы панъ сѣтныкъ зъ пáномъ пысаремъ, що прыслано имъ предпысáныя йты у Чернѣговъ зо всею сѣтнею и збирáтыся зо всѣмъ прыбѣромъ и узáты провѣнту для сѣбе и кѣней нá-двѣ недѣли. Отъ якъ горѣють панъ сѣтныкъ у свѣтлыци, а панъ пысаръ за порѣгомъ, дáли сѣй и выгадавъ — бо вже на-выгадки завзýтый бувъ — та й кáже: «соблаговолите, пáне сѣтныку, дáты мени повелѣныя, о сокрупытѣльномъ преломлѣныи сѣи трыкратно опогáнившои хворостыны, я-же нынѣ суть у рáнзи лепѣрта, бо самы соверцаете яснымы, хочá и невмытымы, вáпымы очесáмы, що неумистымы есмъ зъ нѣю у чертѣгъ вашъ.

Почѹхавъ гѣлову панъ Улáсовычъ, дѣвго дѹмавъ, дáли й кáже: «Сѣ-бъ-то, по нáшому, переломыты хворостыну; такъ ты-бо кáжешъ, що сѣ вже не хворостына, а лепѣртъ объ нáшій сѣтни, такъ щѣбъ чáсомъ небулѣ нáтрускы видѣ старшыхъ; бо и сáмъ-здорѣвъ знáешъ, що панъ полковый пысаръ щѣсь до насъ добираѣтця и такъ и пидглядá, щѣбъ мѣкрымъ ряднѣмъ на насъ напáсты».

— Неубоймся, неустрашимся супѣстáта зо усѣю ѣгѣ враждѣбною сѣлюю. Сегѣ рады довлѣеть намъ прѣтывъ нѣго бѹты мѹдрымы и сѣ послѣдне-речѣнное предпысáныя неупустытѣльно зпѣлныты, и тогѣ-длѣ повелы, велмѣжный пáне, да сокрупы сѣю пáлыцю. Такъ, покрѹчувавшы ўсы и бчи у стѣлю утопырывшы, казавъ панъ Пыстрýкъ, а дáли бáчытъ, що панъ Мыкыта ѣмѹ ни пáры зъ усть, бо й дѣсе ще невторѣпавъ, щѣ той ѣмѹ кáже, та й зкрыкнувъ: «Такъ ламáты?»

«Та ламáй, пáне пысарю!»

Хрۇсь! Пань пýсарь и переломýвъ хворостýну. «Преломýшася», ка́же, «и се нýни мóжу вмистýтыся въ чертóгъ тво́й». Та сёе ка́жучы и ули́з у свитлы́цю, и клáняетця пáну сóтныку, и подаё ёмý зъ двóхъ рýкъ по цурпáлку, и ка́же: «Подозво́лте, прыньмите!»

— Та щó ты менí от-сё, пàне пýсарю, ты́каешъ у вичи? чы ихъ выштрыкаты хóчешъ, чы щó? пытаётця ёгò пань сóтныкъ, прытýлюючысь до стины́; а боячысь дýма: чы непогна́въ Рыгóровычъ впы́ать хымёръ, якъ булò пислý перепóю на Велькòдны́хъ святка́хъ. «Щò вонò такè ё? кажы́ менí по-просту, безъ пысьма!»

«Сые сýть, пàне сóтныку, замíсьць спýска на́шой сóтнi», ка́же пýсарь, «егò-же невозмогòхъ зпы́саты за дрыжа́нымъ деснýщи мое́й, видъ глумлénныя пы́анственнаго зъ выше-изъяснénными молоды́цями и тогò рады узýхъ хворостýну и на нiй назнамена́хъ кòгегождо козака́ и сё сýть вiрное чыслò: у кòжному десýтци по дёсять козакiвъ, а усiхъ таковы́хъ десýткiвъ сýть та́кожде дёсять; слiдовáтельно усá сóтня, якъ склò. Сблагово́лите, пàне сóтныку, щётъ iй учы́ныть по сiй хворостýни, и лы́цемъ къ лы́цю самýю естество́нную сóтню, зибравшю́ся былá палестýны Кузьмы́хы, крывòи шынка́ркъы, очесáмы обозрыты».

— Эгé, пàне пýсарю! ка́же ёмý пань Улáсовычъ: я-бъ, пожа́луй, сблагово́лывъ, такъ ликивъ билшъ тры́дцятi незнаю. Личы́ самъ и робы́ якъ знаешъ, ты́ на тè пýсарь; а я усё опислý пидпы́шý, бо я на тè сóтныкъ, щобъ неличи́ты, а тiлки пидпы́соваты.

Отъ и стáвъ пань Пистрýкъ личы́ты: личыть-личи́ть, а у пýятiй сóтнi одногò козака́ недоличи́тця. «Щò за пры́чта?» ажъ зкры́кнувъ: «сопы́тахъ и булы́ усi и се едiнъ необри́таётця. Ивы́ду и пáкы учы́ню пèрепысь, хто зъ оглашénныхъ, недáвъ менí и предъ óчи ва́ши стáты, бижá и скры́са. Не хтò, якъ, уповáтельно, Илькò Нáлюшня».

Отъ и пишòвъ на двиръ до козакiвъ личы́ты, а пань сóтныкъ зàразъ кýнувся до карвáтки зъ дулiвкою, та невиды́хаючы, журбý-рады, та iй вы́смоктавъ iй дó-чыста. Ажъ óсь и пань Рыгóровычъ зъ своймы цурпáлкамы лiве у двèри, и веселénькый, и швы́дче, щобъ втiшыты пàна сóтныка, и

каже: «Нежурітесь, добродію! Усє козацтво наше у кўпи, ни-ждєнь непошвандяв никўды; ось де вони є». И прынявсь личыты,—впьять у пьятимь десятку нема, та й нема козака!

Якъ затупотыть Рыгоровычъ ногамы, якъ ухвате себє за-чубь, якъ почавъ кореныты и батька и матирь, и увєсь рѳдъ того пресўчого сына козака, якый ховаєтця, пѳкы винь ле-пѳртъ унесє у хату до пана сѳтныка. Якъ на двѳри личе, такъ усї до едыного, а у хати личе, то одынь, та усє у пьятому десятку, такъ и вчєзне, неначе єгѳ влїдєнь злыже! Вернўсь пань Пистрякъ до сѳтни, переличывъ козакывъ,—усї; вернўсь до пана сѳтныка, личыть по хворостыни, що кожного позарўблювавъ,—каты-ма одногѳ, хтось утикъ. Впьять вєрнетця до сѳтни, щѳбъ томў, хто ховаєтця, гѳлову побыты, такъ бо усї якъ рязъ, а у свитлыци по зарубкамъ нема одногѳ. Та разывъ дєсятъ такє ємў булѳ привєдєныє. Вже ажъ засапавсь сердєш-ный, бїгаючы зъ хаты, то вь хату, то до сѳтни, то видь сѳт-ни, що вже й пань Уласовычъ убравсь и зовсымь вырядывсь, и вже шапку узявъ, щѳбъ йты до сѳтни, такъ у пана пы-саря одынь козакъ усє утика и хтѳ такый—невїсно, бо усї на збѳри и одынь-ѳдного дєржыть за пѳясъ, щѳбъ неутикъ никто, пѳкы ихъ по хворостыни переличуютъ.

«Та гѳди тобї, Рыгоровычу, шастатысь. Хѳдїмъ та у двоухъ во мною переличымо. Колы тамъ усї, а на хворостыни нема одногѳ, такъ каты єгѳ беры! нехай тѳй и пропадѳ, абы жывы усї булы». Такъ сказавъ пань сѳтныкъ, та й прыгля-дѳетця пылно на пысаря, чы до дїла-то винь сказавъ и що, чы негрѳмне винь на нєго за нисєнитныцю, якъ вѳнд й чѳ-сто бува.

Дѳвго слўхавъ се Прѳкипъ Рыгоровычъ и пальцемъ по-вѳдывъ, а далѳ якъ пѳѳкне, якъ пидскѳче, якъ крїкне: «Отъ сѳя рїчь до дїла! Утрѳбою сожалью, що таковє мештанєе изыде изъ главы моеѳ и уклонїся у дѳбри пустынныя. Та вамъ, пане сѳтныку, довлїєть и полковымъ суддєю бѳты за таковє неограныченное и мўдрое рїшєныє, єгѳ-же и азъ нево-зымїхъ. Хѳдїмо-же, батьку! Ныни возвесєлїся утрѳба мой отъ цїлѳсты сѳтни и зкончавшы дїло, урємья и подєриплєныє вчыныты».

Отъ и пышлї. Агў! и напѳ пань сѳтныкъ повесєлїшавъ трѳхы, що якосъ-то нидўмано-нигѳдано, та прыдўмавъ до-ла-

дү, та ще й такъ, що й самъ Прѣкипъ Рыгѣровичъ Пистрѣкъ, Конотопський сотѣнный пѣсарь, та й той ёго за вигадку зъ рѣду вперше похвалѣе. А Рыгѣровичъ йдѣ за сотныкомъ, та своѣ гада та дүма: «Се на бидү вже йдѣ, колы пань сотныкъ та бѣде розумный мѣне. На-що-жѣ ёму и пѣсарь, колы самъ бѣде и выдүмуваты, и пидпѣсуваты? От-сѣ тѣлки невѣдно, що самъ бѣде й пѣсаты, та мѣже й на щетахъ выкыдаты. Та недѣмся бо!... Я ёму хукá усучү».

Пидійшлѣ до сáмого шынку Кузьмышыного, ажѣ тутъ и сотня стойть, и поскыдаючы шалкы, поклонымысь пану сотныку.

«Здоровы булы, дѣты! Чы всѣ вы тутъ?» зпытáвъ ихъ пань сотныкъ и, узявшысь у бѣкы, обглядáвъ ихъ ѡкомъ, не-наче обличовавъ, або розгядовавъ кѣжного у пѣку; а вишь— я-жѣ кажү—билшь трыдцяты лѣку незнавъ, а козакá ниоднѣ-синького у твáрь незнавъ и нетямывъ, хто зъ нихъ Демкѣ, хто Процькѣ.

— Здоровъ, бáтьку! торѣхнула ёму громада. Усѣ мы тѣ-течка-здѣсь до едыного.

«А переличы, пѣсарю; чы незховáвсь якый», повеливáвъ пань сотныкъ, надүвшысь, якъ той сычъ.

Отъ пѣсарю Рыгѣровичу впѣять бидá. Усѣ козакы и, якъ зтулывъ хворостыну до кѣпы, такъ и по зарубкамъ усѣ.

— Та якый-же тамъ чѣртъ мандровавъ, якъ я увихѣ-дывъ до пана сотныка? крѣкнувъ Пистрѣкъ зъ сѣрця, та ажѣ ногою тѣпнувъ.

«Та трывáй-лышень, Рыгѣровичъ!» сказавъ ёму, усмихаючысь, пань Уласовычъ. «Адже и козакы усѣ, и зъ хворостыны ни-жѣдынь невтѣкавъ. Сѣ ты якъ переломывъ хворостыну, такъ вона якъ рáзь на козакѣви хрѣснула. Отъ ты, дѣржачы йи на двѣ половыны, тѣмъ одного и недоличувався».

А козáцтво, сѣе слѣхаючы, якъ пиднѣме рѣгитъ: «такъ-такы, вельмѣжный бáтьку, такъ!» знай крѣчáть и кажуть: «отъ-такый бáчу нашъ пѣсарь! О! бодáй ёго.»

— А бодáй вы показылысь изъ козакáмы, изъ хворостыною, изъ лѣкамы, изъ началствомъ, крѣчáвъ на усю вѣ-лицю Рыгѣровичъ, а самъ якъ нелѣпне зъ сѣрця. Ухопывъ тѣю хворостыну, поламáвъ, потроцьывъ йи на шматѣкы, та й кынувъ козакáмъ у вѣчи, прыговѣрюючы: «Цүрь вамъ, пѣкъ

вамъ, осынá вамъ; нехай вамъ стонадцять лыхорадокъ и пивтора стылки-жь чырячòкъ и болячòкъ, колы знайшовсь вже розумниый мéне. На-що я вамъ?». Та й почавъ впьять зъ пысьма: «Изыйду у пустыню и уселюся у горахъ Араратськыхъ, у послéднихъ мóря. Цуръ вамъ!»

Отъ панъ сòтныкъ ёгò и зпынóвъ, и узавшы за руку и каже: «Гòди-жь, Рыгðровычу, несёрдыся. У ряды-годы довелось мени зъ тебе покепковаты, а ты вже и сёрдыся. А тямпышь, якъ мени пидсунувъ лепòртъ, а я ничòго-пакъ невмючы пысаты, та на нёму стòртъ и пидпысавъ. А панъ полковныкъ и видпысавъ, що, каже, Конотòпскый сòтныку, пане Мыкыто, ты есы дурень! Та я за те на тебе и несёрдыся, хочъ ты и дòвго мени обь тймь дòкладкы докладавъ, и въ вичи насмихався. Гòди-жь, гòди! Ходимо обидаты.....

— Нехай вамъ сёй та той изъ вашымъ обидомъ, окрòме хлїба святого. Бодай той подавивсь, хто таку мудрацию мени втявь!.... Замотавъ рукамы нашъ Пистрякъ, усё сёрдячысь, та й потягъ неоглядаючысь до-дóму, та й бормоче самъ соби: «подавышся, якъ я тобі галúшку пиднесу..... Пидведу тебе пидъ манастыр..... Бóде у Конотòпи сòтныкъ, та не Забрéха..... кланятемутця и Пистряку».

«А намъ-же яка порáда бóде?» загулы козакы, дывлячысь, що усё ихъ началство чы переказылось, чы кáть ихъ зна: пысарь, мовъ писля дурману, повиявсь соби до-дóму, а панъ сòтныкъ понóрывъ гóлову, та те-жь потягъ до своёи хаты. Отъ вертають пана сòтныка и пытаютця, щò имъ робыты и для чо́го ихъ зибралы?»

— А лысый дїдко васъ зна! крýкнувъ на ныхъ Мыкыта Уласовычъ, лаючы и въ бáтька и въ мáтирь: цуръ вамъ, видчепитесь видъ мéне. Вийтесъ соби куды хочете, хочъ на шыбеныцю. Якый я порáдокъ дамъ, колы пысарь вказывся. У нёго лепòртъ (се панъ Уласовычъ усяку бумагу узывавъ лепòртомъ, невмючы вымовыты, чы тамъ предпысаные, чы щò бувало); нехай, каже, чы непроспытця, бо винъ часто хымеры гòныть, такъ тогди и розтолкуёмось, а теперь —ныколы. Та й шпòвъ тыхòю ступòю до-дóму.

На те дывлячысь и козацтво рúшыло: хто у шынкъ, хто у солóму, писля такди мúштры, зпочываты; а йнши мотнулысь на вгорòды дивчáтъ полòхаты.....

III.

Смутный и невеселый сидивъ собі на лавци, та вже не въ свитлыци, а у великій хати, Конотопський панъ сотныкъ Мыкыта Уласовычъ Забрѣха, вернувшисьъ після огляду козацькою сотни. До того лыха, що ёму учора Ёсыповна Олена, панна хорунживна, пиднесла, мовъ тертои пидъ нисъ кабаки, печеного гарбузця; що винъ після учорапнёго дня ще ни пывъ, ни йивъ, а тутъ ще невыспався; що треба ёму збиратыся зъ своєю сотнею у походъ ажъ у самисинькій Черниговъ; та я-жъ кажю, після такои биды, ще й нове лыхо зиклялося ёму, що розсердывъ свогò сотённого пана пьсаря, Прѣкопа Рыгоровыча Пистряка, а розсердывшисьъ, вже винъ небуде ниякои порады даваты, якъ началство прышло объ чимъ лепортъ, чы якъ-тамъ ёгò; тогди що чыныты? Отъ зъ такою-то бидою, якъ ёму и небуты смутному и невеселому? Эгè! Сыдыты собі, сердека, у великій хати на лави, кинци стола, гòлову понурывъ ажъ трохы чы не до колинъ! Сыдыты вже винъ вже не часъ и не два.... ажъ ось изъ кимнаты и обизвалась до него наньмычка. «Чогò-бо вы, паньченьку, сумуєте и сыдыте мовчки? Чы не порá вже лагодыты обидаты?»

— Нехòчу! сказавъ Уласовычъ, та й здыхнувъ тяжко та вáжко на всю хату, и пидпёръ гòлову рукою.

Отъ наньмычка, погодывшы, и выйшла зъ кимнаты та дывлячысь на него веселенько, якъ тая ясочка, и каже: «Або мòже вы вже пообидаты, такъ мòже, абò ськатысь хòчете.... абò-що?....»

— Нехòчу! одынъ одвить даè Уласовычъ и недывытця на неи.

Посуывшысь вернулась наньмычка у кимнату, та й сила у кутòкъ ворчачы: «От-тò вже, мабутъ, бувъ у попá, та мабуте тамъ и обидавъ; бо вже ти попивны, хочъ до кòго, такъ пидибьютця». И усè, сьдючы собі, знай кореныла попивень.

А Мыкыта Уласовычъ знай собі сыдыты и дума про своё. Ажъ ось..... рыпъ!.... хтось увийшовъ у хату..... Панъ сотныкъ зыркъ!.... ажъ-то вийшовъ не хтò, якъ нашъ Рыгоровычъ. Мабуте видсердывся? Нй, винъ невидсердывся, а прыпшовъ зъ хытрощамы до пана Мыкыты; ось слухайте, що тучъ буде.... Отъ увийшовшы, та мовчки и ставъ быля дверей.

Незрадовався-жь и пань Уласовычь, якъ вздривъ щырого своего прыятеля, а пуще тымъ, що думавъ соби: «отъ теперычкы вже винъ несэрдытця и дасть мені пораду у мойй биди». Такъ Рыгоровычь-бо нетуды гне: якъ ставъ былъ двей, та и ставъ, и мовчыть соби и ни пары зъ усть непустыть.

«Що скажешъ, Рыгоровычу?» пытавъ пьсаря пань сотныкъ; а той ёму одвить даё, незходячы зъ мьсця:

— А що поведыте, пане сотныку?

«Та ну соби у болото зъ своимъ сотнычествомъ! Хыба незнаешъ мои натұры? Передъ козакамы, такъ я сотныкъ, а ты пьсарь; а колы мы у двохъ у хати, такъ мы соби браты. Сидай-же, будемо обьдаты». Такъ казавъ Уласовычь.

— Дякую! я вже обьдавъ. Та й кывнұвъ головою Рыгоровычь, сёе кажучы.

«Отъ-тò вже и бреше!» каже сотныкъ: «такъ сидай такы, я обьдатеу, а ты пый дуливку; що за мўдра, торышня, ще тьлки на симъ тьжни почалы, такъ тамъ така, що и пьешъ и хочетця».

— Ишыхъ тресугубую чашу бьдствий, казавъ здыхнұвшы пьсарь: и вже немогұ вмистыты бдле суетлывои дуливкы, да не кòгда обряцетця во устахъ мойхъ яко польнь.

«Та щò-бо вы, пане пьсарю», ставъ до нёго сотныкъ любьязнò говорыты: «якòго чòрта и дòсе на мене адомъ дышете? За вицо и про вицо? и самъ старый цыганъ нерозберè».

— Нелипо есть, пане сотныку, совокуплыты фараоныцкое всебьинство зъ намы правовирнымы. Тутъ и безъ цыгана мòжно возгрёбие сотворыты. Егда поднесòша мені трысугуботреклятую пьнхву, ўбо чтò есмь пьсля сёго? Акы конь и мёскъ! Тфу! паче и обаче!

«Та якá-жь тамъ, пане пьсарю, пьнхва? Отъ тьлки що ты невторòпавъ тьей проклятои хворостыны.....»

— Да погыбнетъ она съ шўмомъ въ пещи огнепалыщей! А вамъ булò, пане сотныку, дывлячысь на моё глумлёные, мовчаные учыныты и не пры громади, акы лёвъ рыкающе, вознепщеваты на мья, но особъ менè появше, повьдаты булò менй йстыну, да невозсмьютця надо мною наши козакы и рекутъ ныни: «пьсарь нашъ суть дурень; невмивъ розьбраты, що хворостына суть удобосокрушáемая». Адаже я вамъ дòбре,

ще у свитлыці повідавъ: п'янь быхъ и неізтрезвѣхся еще во оное урѣм'я; и аще рѹци мой дрожаща, аки дрѣвесно лѣствые, то якова бысть глава зо всѣмы помышлѣны? Бысть яко треволненное море. Того-для подобало було вамъ, пане сотнику, всп'яты зря, покриты прегришенѣя брата вашого, сѣричь: устамы ко ўху повѣдаты ёмѹ, а не во все козацькое услышаные.

«Одже твой правда, Рыгоровичу; теперъ я и самъ бачу, що вонѹ такъ ё», казавъ нашъ Уласовичъ. А сѣ було заведга такъ: що щѹ Пистрякъ ни здѹма, що ни скаже, то вже панъ сотникъ мерщій и каже: такъ, такъ вонѹ ё. Отъ якъ и теперъ пидтакнувъ и дѣвлячысь ёмѹ у вичи, побачывъ, що сѣ Рыгоровичу—якъ по губамъ варѣныкомъ зъ масломъ; отъ и ставъ смилишь зъ нымъ розговѹриваты и зашѹчоваты, и каже: «Сидай-же, прѣятелю; якдо-бо ты чѹрта тамъ была порѹга майчышь, якъ той цѹцыкъ на верѣвци? йды-жь, йды; сидай была мене; я буду обѣдаты, а ты тягны дуливку. Пазько! А внесы-лышень повну носатку дуливкы!»

Выйшла Пазька зъ кимнаты, и переходячы черѣзъ вѣлыку хату, вже веселѣнько глянула на свого паныча. А Прѹкипъ Рыгоровичъ дѹмавъ-дѹмавъ, дали ставъ по хати ходыты и спива собѣ йдѣ-нись псалму: «Склонитесь вики со чело-вѣкы»; а дали якъ брѣвне шапку объ-землю, якъ здыхнѣ, та й пидйшовъ до пана Уласовича, и закручючы ўсы, ставъ ёмѹ казаты: «Ей, истынно, нелгѹ! И да пожрѣтъ менѣ обща матеръ наша земля на соньмыщи, аще збрешѹ хочъ пив-слово. Недовлѣтъ ни едыному началнику угобзѣныя творыты своѣй деснѣй руци, сѣричь пѣсарю; понѣже и поелыку: усякъ чоловікъ иматъ главу, глава иматъ розумъ, розумъ иматъ волю, а сѣя рекѹмая воля повеливаетъ и десныцею, и шѹйцею и усякымъ членомъ. Но сѣе суть прыкладъ и сыщевѹе розумѣные: чоловікъ—Конотѹпська сотня; глава—панъ сотникъ; розумъ во главѣ—азъ мызѣрный пѣсарь: азъ имѣю волю, сѣричь дарованые напысаты бумагу, такъ що негли и самъ полковѣй пѣсаръ утнѣ подѹбную. Аще лы ўбо чоловікъ неповынѣтця лавѣ, ўне йѣ есть.... такожде и глава розуму; во оное урѣм'я иматъ бѣити смѣтѣные и содроганые; тако и здѣ: аще сотня неймать повинѹтыся пану сотнику, а сѣй вопрекы иматъ творыты менѣ хѹждшему и, що паче усѣго, неприкрываты ёго

незна́ний, но ещѣ и глумы́тыся? Оле! по щѣ я й на свѣти перебуваю!» Та наговоры́вши тако́го, сивъ на лавку и рукдо пидперся, та й жу́рытця. А Мыкы́ти Уласовычу ёго и жалко стало, и ка́же ёму́:

«Колы́ пра́вду, бра́тику, сказа́ты, то я невторо́павъ ничогы́синько, щѣ от-се́ ты мені́ розка́зовавъ; бо се́, бачь, зъ пысьма́, а ты зна́ешь, що я ёго невтну́ и що вонó мені́ за́разъ зава́дыть, якъ хто зъ нымъ до мене пидвѣрнетця. Зди́лай-же дру́жбу, несѣрдься на мене, та зъ се́рця неговоры́ мені́ зъ пысьма́, а кажы́ прѣсто. Тутъ и такъ, не тоби́ ка́жучы, лы́хо та ще зъ лы́хомъ, а тۇ́тъ ще у походъ и́йти.... Ось дава́й про се́ толкова́тысь, щѣ намъ по томۇ́ лепорту робы́ты....»

— Чѣр-зна-бо, щѣ вы говоры́те, загомони́въ пы́сарь на пана со́тныка: чы подоба́еть-же отъ нача́лства до подчы́ненности пы́саты лепорть? Повелі́ныє. Несме́тное мно́жество рази́въ каза́хъ вамъ, и се усѣ́ всѣе.

«Та усѣ́-жь-то лепорть, не щѣ́ бйльшѣ. Я радъ, що й лепорть вы́твердывъ, а дру́того, що ты ка́жешь, такъ я невы́мовлю. Та ка́тъ ихъ беры́ зъ лепорта́мы, а отъ дава́й товкова́тысь, якъ у походъ збира́тысь. А́дже со́тня уса́, то й дѣ́бре; ну, да́льшѣ кажы́, щѣ́ робы́ты?»

— Гмь! гмь! ставъ ка́шляты Ры́горовычъ, якъ згада́въ, якъ винъ личы́въ со́тню. Отъ и ста́въ пидъ не́го пидкѣ́пува́тысь, щѣ́бъ пана со́тныка втопы́ты, а са́мому.... Ну, та небу́демо попере́дъ розка́зоваты, а слۇ́хатемемо, якъ тамъ бу́ло; ѡ́дже винъ и ка́же: «Щѣ́ повелы́ть, панъ со́тныкъ, ма́ю невпу́сты́тельно сполна́ты».

«Та зди́лай мы́лость, Ры́горовычу, го́ди мені́ се́го докла́даты!» каза́въ панъ со́тныкъ, та й си́да за сты́ль, бо Па́зька внесла́ обѣ́даты и по́вну носа́тку дулі́вки. «Си́да́й, ка́же, зо мно́ю; а ко́лы нехѣ́чь обѣ́даты, такъ тя́гны дулі́вку, та обѣ́дила́хъ мені́ недоку́ца́й».

Отъ со́тныкъ мо́вчы обѣ́дає, а пы́сарь сы́дывъ-сы́дывъ; мо́вчавъ-мо́вчавъ; да́ли за ло́жку, та у ту-жь мы́ску.... та й поча́въ, якъ винъ ка́же, сокруша́ты першъ бо́рщъ гаря́чий зъ уса́кою мйлкою ры́бкою, тамъ пшо́няну ка́шу до оли́, да́ли захо́лѣжува́ный бо́рщъ зъ лы́намы, а тамъ ю́шку зъ мы́нька́мы та зъ пше́нышнымы галуше́чка́мы, та печѣ́ни кара́си, та бйльшѣ́ и ничѣ́го. Хочъ на́шь Ры́горовычъ и обѣ́давъ до́ма не

мѣншь того, що тепѣрь йивъ и въ пана сѣтныка, такъ ёму се ничѣго: винъ у дяка у шкѣли вчѣвся, такъ за гѣлосъ, що булѣ якъ на обѣдахъ пиднѣме, такъ якъ той дзвѣныкъ, на усю вѣлицю чѣте, що ажъ у вѣхахъ лящѣть, такъ ёгѣ панъ дякъ булѣ по обѣдамъ и вѣдыть; то зъ нѣмы прывчѣвся и нашъ Рыгѣровычъ и ёму нестрашно булѣ, хочъ шистъ обѣдивъ обѣдаты; такъ тѣмъ-то изъ Уласовычомъ, якъ побачывъ дѣбру страву, та ще зъ свѣжою рѣбою, такъ и прынявсь молотѣты, неначе ще ничѣго зъ ранку и нейивъ.

Якъ йивъ, йивъ дѣбре, що ажъ за вѣхамы лящало, дали зхопѣвъ носатку, та неналываючы у карватку, такъ зъ ней усю дуливку и вѣщидывъ. Дали, уставшы зъ-за стола, подѣковавъ Бѣгу и хазѣину, сивъ на лѣви, вѣкашлявсь, усю розгладывъ и каже:

«Дѣбрыя рады трапезы и преотмѣнныя дуливкы, предаю вишному забвѣныю прыскѣрбые моѣ. Да непомѣявѣтця къ тому треклѣтая хворостѣна, преломлѣнемъ своимъ похѣтившая булѣ едѣного козака. Цѣръ їй! Да пребѣдетъ вона тресгугубанѣхтема проклѣтая и да згорѣть въ пещѣ халдѣйской, а ще лѣчче, якъ въ гѣenni ѣгненнѣй. Давай-ще дѣло говорѣты и дѣло творѣты. Да бѣдетъ вамъ, пане добрѣдѣю, вѣдомо, що намъ невозможнѣ у походѣ вѣступыты!» О! и почавъ карлючкы гнѣты.

— Ё! ажъ зкрѣкнувъ панъ Уласовычъ зъ радощивъ и пидбѣгъ до нѣго, щобъ выпѣтоваты, и каже: «Якъ-же се можнѣно? А лепѣртъ?....»

«Алѣ! вѣ такы усѣ своѣ!» каже Рыгѣровычъ: «вамъ хочъ вѣтъ на головѣ тешы, то въ васъ усѣ лепѣртъ. Нѣ, дарма! Хѣть-бы вони якъ нирозпѣсовалы, а намъ немѣжно їты; намъ не суть удѣбно, намъ нѣколы!»

— А чѣмѣ-жъ намъ нѣколы? Здѣлай любовъ, розжѣй менѣ сѣе слѣво: чѣмѣ намъ нѣколы?

«Гмъ, гмъ!» вѣкашлявшысь и подѣмавшы, казавъ Рыгѣровычъ: «яковѣя намъ сопрыкосновѣнность до Чернѣгова и до самѣи полковѣй старшыны, ѣще мѣръ весь погыбаеть?»

— Якъ-се-то? злякѣвшысь, пытѣвъ панъ Мыкѣта; видѣ чѣго мѣръ погыба? Щѣ-жъ се такѣ? Я, Конѣтопсѣкѣй сѣтныкъ, та й незнаю, що мѣръ погыба? Та кажы-бо, будѣ лѣскавъ,

видь чо́го винь погыба́ и чы немо́жемо ё́го якъ-небудь оборо-
ныты або пидпёрты?

«Погыба́еть!» здыхну́вши ка́же Пистря́къ: «всѣмъ зря-
щымъ и дывѹющымся, ни́хто-же о по́моци нерады́тъ. Зрите,
па́не со́тнику Ула́совичу, и ужа́сайтесь! Тры седмы́ци и по́ль
до́ждь неспаде́, и земля́ неодожды́ся, и не́бо заключы́ся; вся
претворы́шася въ прахъ и пѣпель, вся прозябе́ныя изсхо́ша
и еды́ная пы́ль но́сытця у на́шихъ вселѣ́нний и— о го́ре мнѣ́ грѣш-
ныку! — пы́ль сы́я водворя́етця въ непоро́чнымъ досѣлѣ́ но́си
моѣмъ и дѣ́йствуетъ чыха́нымъ, подобно́ акы-бы отъ нюхо-
вѣныя нестерпы́мыя и треока́йныя—тфу́!—каба́кы, отъ не́я-
же чы́сть быхъ и непоро́ченъ отъ утробы́ ма́тере мое́я до зды́.
О го́ре!»

— Такъ видь чо́го тутъ мы́ру погыба́ты; каза́въ пань
Забрѣ́ха: колы́ ты, па́не пы́сарю, чха́ешъ?...

«Але́! чха́ешъ!» покруты́вши голово́ю, каза́въ Рыго́ровичъ.
«Чхне́тъ и неты́лки а́, та хочъ-бы́ й са́мъ полковы́й пы́сарь,
та що́-то й каза́ты: чхне́ и нашъ на́йяснѣ́йшій и на́йвельмо́ж-
нѣ́йшій пань гетьма́нь, якъ о́ная зломѣ́рзкая каба́ка возгниз-
ды́тця у но́си ё́го ясневельмо́жности; а йй, ока́йннои, подбо́ые
су́ть сыцева́я пы́ль витро́мъ возмета́емая. И а́ще несотвори́мъ
внеза́пного одождѣ́нїя, усѣ́ изсхне́тъ и погы́бнетъ! зѣ́лые и зла́къ
извѣ́днетъ и небу́детъ хлибенна́го произра́стїныя; тогды́ и мы́
нето́чыю возчыха́емъ, но и ў́мремъ отъ гла́да и жа́жды вне-
за́пною сме́ртыю. Розу́мно вамъ реку́: подоба́еть одожды́ты бѣд-
ствую́щую зѣ́млю на́шу!»

— Одже́ я ты́лки черезъ де́сяте-пѣ́яте уторо́павъ, що́ ты,
па́не пы́сарю, менѣ́ говори́шь. Аджѣ́ ты ка́жешъ, що́ дощѹ́ въ
на́съ нема́? Такъ що́ бу́демо робы́ты. Чы мы́ можемо́ сы́лы
небе́сни знѣ́ты и можемо́ зробы́ты, щобъ дощѹ́ ййшы́?

«Мо́жемо!» закрыча́въ на усю́ ха́ту на́шъ Пистря́къ, а
да́ли якъ стѹ́кне кулако́мъ по столу́ и ще́ дѹ́жче кры́кнувъ:
«И па́кы реку́, мо́жемо».

— А ка́жы, ка́жы, па́не пы́сарю, якъ? Я и Ко́нотопськы́й
со́тныкъ, а щось и до́се се́го незна́ю», пыта́въ пань Забрѣ́ха.

«Вныма́йте, па́не со́тнику! Та бу́дьте ла́сковы, Мы́кыто
Ула́совичъ, уторо́пайте, що́ я вамъ каза́тому, щобъ менѣ́ по
де́сять разѹ́въ нетовкты́ вамъ одно́го. Е на́ свѣ́ти нечесты́выи
бабы́, ча́ятельно отъ пле́мене Ха́наанського, по толковѣ́нню, ка-

*

на́лского, иже вѣдѣлася Веельзеву́лу и ёго́ бисовсьскому́ мудро-
ва́ню, и ймутъ упражнёныя у видѣмства, иже ночьюмъ
урѣменемъ, намъ возлежащымъ и сплящымъ, сій нечестывыи
изхѣдють изъ домовъ своихъ и воздѣвше на ся билую сорѣч-
ку, розпускають власы́ свойяко вельблѣжии; и прышѣдше до
сосѣдскихъ и дрѹтыхъ жытелей пребыва́ный, увхѣдють у кра́в-
ныцю, прѣсто рещы́, хлѣвъ, и имають тамо́ кра́въ, и дѣять и
ихъ, и крѣткихъ овечать, и быстронѣгихъ кобылицъ, и сѹкъ
зла́го собачого изча́дыя и, что́ реку́? воздоють дряплѣвыхъ
кишокъ, вредонѣсныхъ мышѣй, разтлѣнныхъ жа́бъ.... и усякое
дыха́ныя ползѹщее и скачущее, имѹщее млековмистымыя устроѣ-
ныя, дѣять имъ то́кмо нечестывымъ извѣснымъ художествомъ;
и собравше усй сій млѣка, дыяволськымъ обая́нымъ претво-
ряють ђное у чѣры и абые производять усѣ по своѣму на́ми-
ренню, яко-то: выкрадають ссѹщихъ младѣнцѣвъ зъ утрѣбъ
мѣтерныхъ и влагають увѣныя або жа́бу, або мѣшу, або
ещѣ и щеня́; поселяють враждѹ и раздѣръ промѣжь супрѣж-
нёго пребыва́ныя; возбуждають любовное преклонѣныя у юноши
къ дѣви, и отъ ђныя къ ђному, и прѣчее зло́ неудоборѣкомое;
а па́че усѣго, затворяють хлѣбы небѣсныи и возпрещаютъ дож-
дѣви орошаты́ зѣмлю, да погы́бнетъ рѣдъ чоловичьскый. Чы
поня́тно вамъ тепѣрычкы, добродѣю, видкѣль сѣя на́пасть по-
сты́же на́шу палесты́ну, яко неймамы ни кра́пли дощѹ, да́же
и до днесъ? Ну́те-бо, непозиха́йте, та кажѣть: чы уразумѣлы
глаго́ланыя моѣ?»

— А якъ-же? Хочъ и по...зи...хаю, а усѣ урозумѣвъ.
Ты от-сѣ мени розказувавъ, що́ въ насъ чы дощѹ нема́, чы-що́?

«Такъ, такъ. Но чрезъ когѣ сыѣ бысть?»

— Чы чѣрезъ..... жа́бъ, чы..... чѣрезъ когѣ..... я щось
нерозслѹхавъ.

«Та якыхъ тамъ жа́бъ? Чѣрезъ видѣмъ, чѣрезъ видѣмъ,
реку́ вамъ».

— Та цѹрь имъ, незпомынай ихъ мени, па́не пы́сарю!
Хочъ ще до вѣчера и далѣко, а якъ налякаѣшь мене́, то я усѣ
ничъ бѹду жахаты́сь и неспѣтому; усѣ видѣмъ бѹду боѣты́сь.

«Та намъ неподѣаетъ ихъ устрашаты́сь, а довлѣеть из-
кореняты́ до трѣтѣго рѣду».

— Якъ-же ты ихъ, Рыгѣровычу, зкоренѣшь? Ты за не́и,
а вона́ перекинетця клубкомъ, кы́нетця тоби пѣдъ-ногы, зибѣе

тебѣ, та й зчѣзне. Хыба-жъ небува сѣгò? Чы мало старі люде такого розказують, такъ що, наслухавшысь, цілу нічъ дрыжакы спаты непадуть.

«Нетòчыю старіи люде, но и азъ мòжу вамъ повідаты про таковде глумленые. Единожды, вѣчеру сущу, парубòцтво йпа мья и поведòша на вечерныци, идиже ядòхомъ, гуляхомъ довлòно, а пыхомъ безъ мйры, елыко можэху; и ещё мені у твѣрдосты сущу, ийдòхъ у своё мистопребываные и, недоходящу мы хыжныны старòи Цымбалыхы, внезапно подь нòзи мой вѣржеса нй-чтось; глава моя закружыся и азъ шатахся и мотэхся симо и овамò и, немогущу мы удѣржатыся, падòхъ акы клада и успòхъ, и спàхъ тамò недвѣжымъ акы мѣртвь, дондеже возсыя ўтро. Сыѣ-же бысть не инòе, яко навождѣные преокайнной видьмы. Подобаетъ убò ихъ дòбре прывтòжыты, да изльютъ дòждь изъ своихъ сокровѣнностей и да оросятъ зѣмлю».

— Якъ-же намъ, пане Рыгòровычу, за нихъ увятысь, щòбъ вони вернòлы дощй и щòбъ намъ ненаробылы описля якòи кàпосты?

«Неустрашымся и неубоимся!» сказавъ панъ Пистрякъ. «Блаженныя и вичныя славы достòйныя памѣяты, приснопомынаемый родытель вашъ и отѣць, Уласъ Панасовычъ, велипный панъ сòтныкъ прехвòброи Конотòпської сòтни, егò-же мўдрому управлѣнью уся вселенная дывовася,—и да почыеть надъ нымъ земля перòмъ,—тòй зъ сымы бабамы Егыпетськымы, прòсто рещы, видьмамы, управлявся благочестывомўдренно. Довлѣеть и вамъ, добрòдїю, по прымиру òному невпустытелно сотворѣные учыныты».

— А щò-жъ покійный пан-отѣць зъ нымы робывъ? Кажылышень, мòже и я тѣ-жъ зьумію зрòбыты?

«Частопомынаемый отѣць вашъ ихъ възхыщаше и у ряци топляше. Аще кая суть видьма, та непогрязнетъ на днò ричнòе, аще и кàмень жернòвный на выи ея прычѣплють; аще-же непрычасна есть злò сему, абы погрязнетъ у воді. Повелитъ, пане сòтныку, чы топыть ихъ?»

— Та топыть ихъ! Нà-щò ледàщò жаловать? рипывъ Уласовычъ.

«Блàго есть», каже пысарь: «ўтру сущу, повелю уся устрòбиты, яко-же обычай пры такòму кàзуси буваетъ и усѣ бòдетъ благойпно; а у Чернйговъ вже непідемо?»

— Та ні, пане пісарю, не підемо. Тільки.... якъ-бы видкрутытысь видъ ныхъ?

«Та видкрутымося, пане сотнику; и сего рады абые-немедлинно пошлемо гинця, пишкы, кривдого Илька Хверлущенка, да шкандыбають до вышшого начальства зъ лепортомъ, що намъ неможно у походъ йты, зане-же мы обаче погружаемо видёмъ у бядну нашого ставка, иже тцятця погубыты увесь мйръ, сокрывше дождь у сокровённостяхъ своихъ».

— Добре, добре, пане пісарю; от-се мы дуже мудро прыдумалы. Идйть-же, та пишйть лепорть, а я щось, розговорюючи зъ вами, крпико спаты захотйвъ. Мавъ було розказаты и про свою биду, такъ нездужаю, такъ и куняю.... Такъ казавъ панъ сотникъ, крпико позихаючи.

Отъ Прокпй Рыгоровычъ пишовъ порадокъ даваты, якъ завтра видёмъ топыты, а Мыкыта Уласовычъ лигъ спочывать, та напередъ троха чы й не ськавсь.

На-руку ковинька нашому пану Пистряку. Зробйвъ зъ паномъ сотникомъ, що ему треба було и чогд ему давно хотйлось. Пошйвъ у дурни, пидвйвъ, щобъ неслухавъ предпысанныя начальства, нейшовъ у Черниговъ, може видъ Татаръ або видъ Ляхйвъ видбывагысь; а покы кривый Хверлущенко зъ одною ногою дошкандыба и начальство прочыта лепорть, що панъ Конотопський сотникъ, замйсь дйла, прынявсь видёмъ топыты, подума, що вйгъ, то бувъ нерозумный, а то вже й зовсймъ одурйвъ... «Певно ёгд змйнять, а сотникомъ настановлять... вже-жъ никого бйлшъ якъ менё». Такъ дума собй Рыгоровычъ; та какыкнувшы, якъ панъ дякъ збираючысь чытаты полунбщныцю, дума: «И ураговымъ бабамъ и молодыцямъ, хто мени яку капость робйвъ, абд..... тее-то..... несотворыша послушаныя.... знаю такйвськыхъ..... усймъ виддйчу, позапольскую ихъ добре! Спасыби, що мйй дурень гне шыю и лйзе у биду, якъ вйль у ярмд. Теперъ, Прокпе, тйлки панйй!» Дали здыхнувъ, та самъ собй ажъ голосно казавъ: «Зилд для нашого браччыка, хйтрого та розумного пйсаря, любезное дйло есть, егда начальствующый такйй дурень, якъ нашъ приснопомынаемый панъ Забрёха! Неоскудйе и десныця, и шуиця, и восполняетця кышёня и скрыня. Невменшы Бдже такйвськыхъ!

IV.

Смўтно и невёсело булò разь у рáнци у слáвному сотённому мистёчкови Конотопи. Хочь до зходь сòнця, пòкы ще й мiсяць негарáздь зховáвсь, и пиднiвсь булò по усiмь вўлицямь гóминь, бiганья, крiкь, гáлась; та й зтiхло, и увёсь нарòдь зчёзъ, такъ що ни по хáтамь, ни по вўлицямь нема никогiсинько, мовъ у шынкú на велiк-день передь вўтренею. Тiлки и чўте, що корòвы скилки ё дўху ревўть, за тiмь, що хазайкi нейдўть ихъ доиты и недўмають выганiти ихъ до черець; телiята по хливцямь, чўючы, що ихъ маткi ревўть, мёкають и подають гóлосъ, нiбы прёсячысь, щòбь и ихъ швидче выпускалы; овёчки мекекекають; кòзы собi те-жь за нiмы, та тупотiть, та бiгають по вáгороди, шукáють, кудi-бь-то выскочыты и за собю овечáть повесты; кòни ржўть на усё селò, ажъ лунá по ворi iйдё; по хливцямь гўсы кгекекають, качкы кáккають, квочкы кудкудакають — бо усiкое дыхáные безь чоловiчои пòмощи стражда; а чўючы такiй гвáлтъ, собáкы, тó брехáлы, а тó вже стáлы выты; мали дитенiята, такi, що ще недўжають ходыты, лáзють кругь своёи запертои хáты, та учепiвшысь рученiятамы за прыспу, сылкўючысь пиднiметця на ноженiята, та знáйде на прысьпи скипочку, та узiвшы у рòтъ и смòкче замисць кiстки, та якъ стáне у рукахъ iй поворòчуваты, невдёржытця, та..... плiосъ впiять на доливку, та й залáче; а тутъ цуценiá хòдячы блызько, знáешъ, и собi голòдне, пидiйде та й облызье ёмў слизонькi и край нòса, и вь рòти языкомь вылыже, то тутъ дытiна, невмiючы оборонiтысь видь цуценiаты, ще й дўжче ваголòсыть, дўмаючы, що хто-нёбудь прыблiжыть ёгò оборонiты и обитёрты..... Такъ щò-жь-бо! хáты по усёмў мистёчкови позапiрованы; возы, плугы, бòроны, рáла, дё булы зь вёчера поналáгожовани, тáкь собi и стоiть; волы, поийвши свою солòмку и бáчачы, що нихтò ихъ ненаповá и незапрягá, позрынáлы и пишли собi по вўлицямь и, де не вздрiть калáчыкы або ромёнъ и усiкый бурьянёць, то тамъ и па-сўтця.....

Былi дякови шкòлы — хочь-бы тоби одiнъ школiр! И пань Сымеонь, дождыдiючы ихъ, хòдыть былi шкòлы, лáгодячысь на пòхороны и спомынаючы про кутыò зь медомь, та пылнёнько прызырáетця на двiрь старòго Кiрыка, що вчòра

вже и маслосвѣтые надъ нымъ правылы, такъ чы некурѣтця въ нѣго зъ трубы, що мѣже вже и обѣдъ варють, колы вже винь вмѣръ; такъ ба! и труба некурѣтця и у дворѣ нѣхто нешѣстаетця.

«Эхѣ, эхѣ! нѣглы возстанеть отъ одра болѣзны?» дѣла пань Сымеонъ и розсудѣ, хѣдячы по надвѣрю, якѣ-то люде тепѣрь тугѣ на здоровья та довговѣчни стѣлы; зпомьянѣ про халѣру, якъ-то имъ тогдѣ булѣ мѣдро жыты, та здыхнѣ вѣжко, увѣйде у хѣту, та й стѣне ризкѣ вѣзѣаты на школярѣвѣ, щобъ надъ кымъ-нѣбудъ сѣрце своѣ зигнѣты.....

По-вгорѣдамъ бурьянѣць и велычѣнькѣй, та нѣхто-жѣ-то ѣдѣ и недѣла полѣты, хочъ сапкѣ и лежѣть быдѣ нѣго; а промѣжъ грядѣкъ зъ росѣдою, та бурякамъ, та прѣчою ѣвоцою, дѣбре справляютьця, хрюкають, свѣны зъ поросѣтамы, и байдужѣ, щобъ що-нѣбудъ хазѣйкамъ zostавыты: усѣ повывѣдають и носомъ копають такѣ новѣ грядкѣ, що лѣха мѣтери опислѣ нѣхкѣ хазѣйка и у два днѣ у лѣдѣ доведѣ; а тепѣрь нѣкому ихъ и выгнѣты, бо немѣ нѣкого..... Та и що-то: и у самѣхъ шынкѣхъ пустѣсинько: шынкѣрь дрѣмѣ собѣ на лѣви, бо нѣкогѣсинько, не тѣ, щобъ горѣлку пыты, та й жѣнкѣ зъ неvistкамъ немѣ, такъ тѣмъ-то нѣхто ѣму неборѣныты и дрѣмѣты; посѣдына вѣ нѣго, якъ ще зъ вѣчера попереполисѣовавъ та порозставлявъ, тѣкъ вонѣ и стойть, и нѣхто ненавѣрнетця у шынокъ и ногѣю.....

Та чѣго-жѣ се такъ у славному сотѣнному мѣстѣчѣкови, у Конотѣпи, чѣго такъ стѣло тѣхо и смѣтно, що нечѣте нѣякого ни видѣ кѣго глѣсу? и ни на однѣй вѣлыци незострѣнешъ ни ѣдного чоловѣка, неѣче — нехѣй Бѣгъ мѣлуе! — усѣ люде у усѣмъ мѣстѣчѣкови повывѣмѣралы, абѣ — и тѣ нелѣчѣе смѣрты — Крымскѣ Татарѣ похапѣлы? Дѣ се вонѣ подивѣлысь, що повывѣбѣгѣлы и хазѣйства своѣ, и дѣточѣкъ манѣсенькѣхъ? Та нехѣй-бы вѣже жѣнкѣ: имъ хочъ цѣлый дѣнь, зѣбрѣвшись у кѣчу, теревѣни правыты, а що мужыкѣ ихъ та дѣты безъ обѣда, такъ тѣ имъ и дармѣ; а то-жѣ и ни ѣдного чоловѣка у селѣ немѣ, та що-то: и такѣ дѣтыны, що вѣже бѣга, и такѣ незострѣнешъ!... Дѣ-жѣ-то вонѣ ѣ?... Эгѣ! Ажѣ генъ-генъ усѣ зѣбрѣлыся кругъ ставкѣ, та й дѣвлятця..... А навѣщо дѣвлятця, такъ гѣй, гѣй! Такѣго прывѣдѣны на вѣрдъ чы ѣ хто у нашѣму селѣ самѣй старѣй, щобъ тѣмъывѣ, якѣ тепѣрычка бѣде у Конотѣпи..... Та що-жѣ тамъ такѣ?

Посередѣ ста́ву уби́то чоты́ри па́ли товсте́нькихъ, а у горі́ повъязовано верёвкѣ́мы, та впѣ́ать, я́кось-то хы́тро та му́дро попере́плутовано; та у ка́жній па́ли у горі́ дірка про- довбана и туды́ верёвка просу́нута..... А по ставкѣ́ ййздя́ть лю́де у човна́хъ; а вони́ не рыба́лки, бо въ ны́хъ на човна́хъ не се́ти и не въяте́ри, а те-жѣ́ верёвкы́..... А що́ на бе́рези, такъ та́мъ-то от-то́ увесе́ наро́дъ ивъ сла́вного соте́нного ми- стѣ́чка Коно́топа ище́ зибра́всь, якъ и со́нце невхо́дыло и ми́ сяцъ негара́здъ зайшо́въ.... От-та́мъ-то и матері́, що́ покы́дали и ха́ты, и мане́нькихъ диточо́къ, и порося́токъ, и пты́цю, и корово́къ, и по пе́чамъ нетопы́лы. От-та́мъ-то и чолові́кы, що́ покы́дали до́ма недужы́хъ жино́къ, и скоты́ну, и позабува́лы, що́ тре́ба у по́ле ййхаты.... усі́, усі́ повзбира́лыся дывы́тыся, якá тутъ бу́де про́ява.....

Та чы́ ма́ло-жѣ́ ихъ тутъ и бу́ло? И по усѣ́му бе́регу, и круго́мъ по го́рбыкамъ, отъ якъ зе́рна у мишо́къ набра́ты, та́къ ихъ тамъ ти́сно бу́ло. А хлѣ́пци та пидпарубб́чи, котры́мъ изъ-за люде́й ничо́го невѣ́дко, такъ ажъ на ве́рбы позла́зылы и веры́лы ихъ, мовъ ти́ галкы́.....

А кры́къ, а го́минь видѣ́ то́го наро́ду, ба́течкы! Нена́че вода́ шумы́ть, якъ у по́видь гре́блю прѣ́ре; усі́, усі́ разо́мъ гово́рють и ни́хто́ ни́кого неслѣ́ха, а вже́ ни́хто́, якъ на́ши жиночкы́ цокоту́хы! Отъ-та́мъ-то и шы́нка́рка зъ неві́сткѣ́- мы сво́ймы, що́ безъ ны́хъ ты́лки шы́нка́реви и вы́спатысь: гово́рють, ще́бечуть, розка́зують: хто́ вчо́ра бувъ въ ны́хъ у шы́нку́, на ски́лки вы́шывъ за грѣ́ши, на ски́лки хто́ на-боръ уза́въ, хто́ що́ васта́вывъ, хто́ зъ кы́мъ и якъ пола́явся, ко́го, прѣ́йшла́ жинка́, та заняла́ зъ шы́нку, хто́ жинку́ у поты́лицю погна́въ и очі́покъ зъ не́и збы́въ, що́ во́лосомъ на всю́ ву́лицю засвѣты́ла; якъ дивча́та, обманю́чы, замѣ́сь бу́димъ- то ба́тькови, для се́бе купу́ють горѣ́лку, та по-вгоро́дамъ ны́ щечкомъ зъ парубкѣ́мы пѣ́ють, та понапы́вавшыся пере́кыда́- лыся, та боро́лыся, та..... «Гѣ́ди-бо! не усѣ́ розка́зуй!» заго- монѣ́ла шы́нка́рка на неві́стку, такъ та й замо́вкла; а щось, ма́буть, до́бре хотѣ́ла казѣ́ты.....

А та́мъ, зъ дру́ого кинця́, край ве́рбъ, школя́ри, замѣ́сь то́го, що́бъ у шко́лу ййты́, та ко́му зъ часло́вця, ко́му зъ псал- ты́ря стыхы́ тверды́ты, а ко́му мно-то́ зклада́ты, вони́ зи- бра́вшыся у кў́нку, та зконпонова́лы ви́ршу на сво́го дя́ка, та ны́щечкомъ на шѣ́стый гла́съ и вы́спѣвують:

«Прийдіте усї прыхожаны,
 Подывітєсь, наші усї дякы гяни,
 А найбїльше Сымеонь-обаче:
 Одъ горїлки ничго небаче,
 Й на крыласи невміє спиваты,
 И псалтыря забувъ читаты,
 Тїлки й вміє шкволярамъ субїткї даваты.
 Днесъ дячыха разъ ёму голову мыла,
 А измывшы свїтло погасыла....».

Якъ-же вріже ихъ на симъ слови панъ Сымеонъ рязкою, що зъ дому прынісь; та якъ пожене ихъ нею до шкѳлы, а самъ, поганяючы ихъ, бѳжитця, що за сїю прыкладку, опрїчъ субїткы, що по закону подоба, бѳде ихъ шкварыты що въ Бѳга дѳнь, цїлий мїсяць....

А тамъ, побыля млынѳка, от-тамъ що дїетця! Гай, гай! Ажъ трїдцять козакївъ, хто зъ пїкою, хто зъ нагаїкою, хто зъ дѳбрымъ кыѳмъ, хто зъ верѳвкою, а хто зъ колякою, та усї-жъ-то дѳржутця мїцно за верѳвкы, а тѳмы верѳвкымы звяязано ажъ симъ бѳбъ..... А що то за бѳбы, такъ я вамъ розкажѳ.

Пѳрша—збѳдъ-вїѳъ Прїська Чырячка, зъ мѳлоду нерѳзъ сыдїла у кунї, позволдыла на тѳй свїть ажъ трѳхъ мужыкївъ и усю худѳбу попереводдыла на зїльля, та на коринцї, та на усѳкы лїкы, та й лїчыть людѳй, чы вїдѳ лыхомѳнкы, чы вїдѳ грѳзы, и вїдѳ заўшныць, бо вона зъ мѳлоду давѳла зїнське щѳнѳ; знімѳ остѳду, переполѳхъ выльвѳ, злѳуе вїдѳ урѳкївъ, сѳняшныци завѳрѳе..... и чоѳ-то вона незнѳла? и до неї зъ усїхъ мїсць, ажъ верстѳвъ за двѳдцѳть, найизжалы боляци; то їншѳму, комѳ жѳты, то й помѳже, а комѳ вмѳр-ты, то зарѳвъ пїслѳ їй воды и вмѳре; то Прїська и каже: «Неѳакъ вїнѳ недѳжавѳ, щобѳ ёму жывотїты!» Рѳзъ панъ Пїстрѳкъ, та просыѳв ѳй, щобѳ далѳ ёму лѳбощївъ, щобѳ ѳѳд усѳка, чы дѳвка, чы мѳлодыци, на якѳ ѳкомѳ накыне, щобѳ ѳѳд полюбыла; ѳдже-жъ-то вѳпыѳв тыѳ лѳбощївъ, та й пїшѳвъ на вечернѳци, та тїлки булѳ що розходѳвсь..... якъ-же ёму завѳдыть! такъ и до дому недѳбїгѳ. Отъ зъ тоѳо чѳсу и стѳвъ на неї гонѳтель!

Дрѳга булѳ Хѳмка Рябокѳбылыха, старѳ чоловїкъ, замїрѳла на своймѳ вїкѳ; и вѳже колы въ кѳѳо що пропадѳ, то й

недúмай йтý до ворóжкы; вона самий умýлий брехнó задáсть, а скáже на тóго, на кóго хóче, та на кóго сердýта. А йй якъ невýрыты, колы вона замирáвши бáчыла, якé на тýмъ свýти ё мучéныи и злодýлкамъ, и табáшныкамъ, и брехунáмъ, и мандрéхамъ; такъ булò когò и до рáтуши приведúть, пýймавши на бакшý зъ огиркáмы, або у комóри зъ сáломъ, то колы Хýмка скáже, що не винъ вкрáвъ, то булò зáразъ и пúстать, та прыньмáютця за тóго, на кóго Хýмка скáже, хочъ ёгò тогдý и у селý небулò. От-тáкъ булò скáзала разъ и на пана Пистрякá — щò-то! и старшыны немýнула! — що бúцимъ-то винъ у чоловiка бджóлы пидрýзавъ. Вонò ёмý такъ и мынýлося, звiсно, якъ пýсарю, тiлки вже винъ на неи зъ тýи порý нацýльвъ.

Третья—Явдóха Зубýха, старá-старá та престарéнна! Алé старý дидý, що вже на сýлу нóгы волòчуть, та розкáзують, що щё якъ булы вонý пидпарубóчымы, такъ вона вже и тогдý такá старá була, якъ и тепéryчки; тáкъ що, колы-бъ небрехáты, булò йй литъ пýядесáть зъ рóду. И кáжуть про неи люде, що вона якъ у дéнь, то и старá, а якъ сóнце захóдыть, такъ вона и молодiе; а у самý глупú пiвничъ стáне молодёнькою дiвчынкою, а тамъ и стáне старитыся, и до зхóдъ сóнца впýять стáне такá старá, якъ була учóра. Такъ вона якъ помолодiе, то й надiне билу сорóчку, и кóсы розпúстыть якъ дiвка, та й пiде доиты по селý корóвъ, овечáтъ, кiзъ, кобыль, собáкъ, кiшóкъ, а по болóтамъ жáбъ, ящерыць, гадóкъ..... Ужé-пакъ такá нездóить, когò задúма! хочъ и нi-за-що и ничóго нема, то вона такы óзме своё. Рáзъ панъ пýсарь Рыбóровычъ чытáвъ передъ громадóю якéсь-то предпысáныи видъ началства и хочъ передъ тýмъ днiвъ зъ пýять крiпко курывъ, а тúтъ зкладáвъ дóбре и вже булò по верхáмъ увiвсь, якъ óсь и йдé Зубýха, та й глянóла на нёго, и тiлки и всёго, що всмихнóлась; такъ щò-жъ? винъ зáразъ бумагу óбъ землю, пидтыкався, та й давáй векгери скакáты передъ громадóю. Смихú булò такóго, що не тó-щò! Та зъ тогò чáсу и стáвъ панъ Пистрякъ, тiлки хочъ трóшкы погуля, то зáразъ и поженé хýмёры. От-такá-то була ся Явдóха

Четвёрта—Пáзька Псючýха, не-с-тáкъ старá. Такъ тá усé нышкомъ, нехвáлячысь чаклúе. Тiлки и бáчуть йй, що якъ усá полягáють спáты, а вона й выйде на двиръ, та й махне

рукюю. То куды махнула, туды и хмары пйдуть. А хтѣ-бѣ-то до неї ни прыйшѣвъ, щѣбъ або поворожыла, або дала якыхъ лѣкывъ, або хочъ що-нѣбудь такѣ, такъ хочъ щѣ-бѣ їй поклѣну ни прынісь, ничѣго и небыме и кѣже: «Я ничѣго незнаю; идѣть собѣ гѣть!» Ну, ну! така-то й незна!

Пя́та була Дома́ха Карлючкѣвна. Якъ ще зъ мѣлоду дивовѣла, такъ така була хороша, що и розказѣты немѣжно. Зрѣстомъ собѣ невелѣчка: хочъ у яку хѣту вѣйде, то головою стѣли достѣне; сухѣ, та цебѣта; на головѣ волѣсься, якъ на кѣжели вѣвна; а колѣ розвѣвуть рѣтъ, такъ и лопѣта улѣзе; нисѣчокъ якъ у рѣбця; а якъ дѣвѣтця зъ Конотѣпа очѣпцѣмы, такъ однимъ у Кѣевъ, а другимъ у Бѣлѣгородъ, та й тѣ мѣвъ смѣтѣною залѣплени; а лѣгкомъ билѣнька, якъ чумѣцька сорѣчка, та щѣ кѣ томѣ мѣвъ граблѣмы усѣ тѣвѣр ѣй подрѣпана. Отъ зъ такою-то красѣю дивовѣла вѣна, дивовѣла; пѣршъ жадала попѣвычѣвъ, дали зпустѣла на пысарѣвъ зъ рѣтуши, забажѣла опислѣ вже и хлѣборѣба, такъ бѣ! и лѣчманѣ недѣвѣтця! Нѣчѣго робѣть! повѣязѣла сидѣ гѣлову, пѣрейшла жѣты у пѣстку, що на лѣвѣди, надъ болѣтомъ, та й сталѣ чакловѣты та лѣдѣямъ кѣпѣсты робѣты. Вже и недѣмай їй нѣхтѣ занѣты! ѣсь тѣлки непѣклонѣсь їй звѣчайнѣнько, або пхнѣ небѣчучы, або що-нѣбудь, то зѣразъ и залѣпцѣтъ: «Бѣдѣшь мѣнѣ, пѣськѣй сынѣ, тѣмыты; трывѣй-лѣпѣнь!» То такъ и ѣ: або хѣдѣчы спѣткнѣшся, або за обѣдомъ подѣвѣшся, або пѣяный що-нѣбудь загѣбышь, а вже немѣнѣтця тѣкъ тобѣ: хочъ—якъ тамъ кѣжѣтъ—не тепѣръ, а въ четвѣръ, хочъ чѣрезъ гѣдъ, тѣлки вже непѣйде тобѣ дѣромъ. Ажъ стрѣшно бѣлѣшь про неї и розказѣваты. Цѣръ їй! ще щѣбъ непѣрыснѣлась.....

Шѣста була Вѣкла, старѣго Шѣтыри невѣстка, а сѣма Устѣ Жѣлобѣха; такъ нехѣй вже хтѣ инѣшѣй розказѣуе, а мѣнѣ нѣ-колы: чѣгѣсь Конотѣпськѣй нарѣдъ загомѣнѣвъ и закопѣшѣвъсь, и комѣсь розступѣютця и даѣтъ до ставкѣ дѣрогу, такъ вжѣ-пакъ не до порѣсѣтъ, колѣ свѣнѣю смѣлѣють.

V.

Смутный и невесѣлый, надѣвшысь якъ той индѣкъ пѣредъ индѣчкамы, хѣвѣброи Конотѣпськѣи сѣтни панѣ сѣтныкъ, Мыкѣта Улѣсовычъ Забрѣха, идѣ до Конотѣпськѣи ставкѣ.

Хочь на нѣму и черкѣска сѣня, зъ позакѣдувананы назадь вылѣтамы, и татарськимъ поясомъ пидперѣвана, и нѣжыкъ на ланцюжкѣ за нѣго застрѣмленый, и пыка вмѣта, и борода выголена, и на головѣ шапка, та якъ ѣму булы ѳчи заспани и надѣти, то й вѣдно було, що винъ цѣлу ничъ гулявъ. Та й правда-жь була: зъ журбы, цилѣсиньку ничъ смоктавъ носѣтку, а Пѣзка, наньмычка ѣго, знай доливала. Такъ пѣсля такои рѣботы, колѣ невѣспышся, то й бѣдешъ довго чмелѣвъ слухаты; я вже се знаю. Такъ куды-жь ѣму небѣты смутнѣму и невесѣлому? Хочь и пидѣйшовъ до людѣй, що передъ нѣмъ усѣ шапкы познималы и поклоняютця ѣму; а винъ идѣ собѣ надѣвшысь, и ни на кого и недѣвытця, тѣлки щѣкы роздува, щобъ усѣ зналы, що винъ тутъ-здѣсь ѣ старшый.

Отъ пидѣйшовъ до ставка, кынувъ ѳкомъ сюды-туды, та й крѣкнувъ грѣзно: «А щѣ?»

— Совершѣные уготовасы, видизвався до нѣго Конотѣпськои сѣтни пѣсарь. Прѣкипъ Рыгѣровычъ Пѣстрякъ, стѣячы былы калавѣрныхъ, що стереглы нѣзку видѣмъ и прыдывляючысь пылно, щобъ котра зъ ныхъ, перекынувшысь або сорѣкою, абѣ свынѣю, та недалѣ-ѣ дѣру; а якъ почѣвъ гѣминъ своѣо начѣлныка, такъ заразь, знявшы шапочку, и пидѣйшовъ до нѣго, и поклонѣвся ѣму нызѣнъко, и каже: «Вожделѣнного умоисступлѣныя, зъ дневнѣмъ мѣстопребывѣняемъ, вамъ, пане сѣтныку, утресугубляемо!»

«Спасѣби!» сказавъ гѣлосно Уласовычъ, нерозчѣхавшы, щѣ ѣму наговорѣвъ панъ Пѣстрякъ, тѣ-жь невмѣвшый до ладѣ слова сказагы, а такъ, що на умъ збрѣдѣ; та пры тимъ слѣви тѣлки трѣхы пиднявъ шапку зъ головы, та мерщѣй ѣи и наплюснувъ впѣять на гѣлову, та й сказавъ повагомъ, усѣхъ озыраючы и ни на кого недѣвлячысь: «Здорѣвы!» А сѣ вже звѣсно, и усѣды такъ повѣдытця, що чѣмъ начѣлныкъ дурнѣшый, тѣмъ винъ гордѣшый, и знай дмѣтця, мовъ шкура-тѣкъ на вогнѣ.

— Здорѣвъ бувъ, бѣтѣку, вельмѣжный пане сѣтныку! за-клекотѣла громада, загулы чоловѣкы, залящѣло жинѣцтво, запыщѣла дѣтворѣ, та й поклонѣлысь ѣму нызѣсенъко.....

Отъ Рыгѣровычъ и шѣпче пану Мыкѣтови на-вухо: «Сотворяйте-жь дѣловачынаные, утѣбзѣте у нашѣй палѣстѣни порѣдокъ.....»

— Цурь дурня, та масла грудка! шепнѹвъ ёмѹ на видѣть пань Уласовычъ: якъ менѣ укѣбзыты, чы якъ тамъ, колы ничѣго и невторѣпаю, щѣ се такѣ и ё.

«Такъ нетворѣте-жѣ менѣ возклонѣныя ни у едѣномъ дѣли!» сказаѡвъ пысарь, та й пишѣвъ до свогѣ дѣла.

Эгѣ! та хочъ нашъ пань сѣтныкъ, Мыкыта Уласовычъ, и немаѡвъ девѣятои клѣпки, та щѣ-такы стѣлки глѹзду стѣло, щѣбъ розибрѣты, щѣ колы—каже—не пѣпъ, то й немайкайся въ рѣвы. Зовсымъ нетѣмыѡвъ дѣла, такъ и невередуѡвъ-же ничѣго, не такъ, якъ нашъ генерѣлный суддѣя, нехай царствѹе! Той булѣ—и недумаѣй ёгѣ зопынѣты: чы до дѣла, чы не до дѣла, знаѣй пѣдпысуе, щѣ попадѣя. Пысарь булѣ зопынае, такъ дѣ! «Нехѣчу, каже, щѣбъ дѣло вѣлялося; пѣдпышѹ, отъ ёмѹ и кинѣць». То булѣ пысарь, колы тѣлки побѣачыть, щѣ суддѣя у коллѣгыню йдѣе, зарѣзъ и хѣвѣ усѣ бумѣжкы, а тѣ винъ ихъ усѣ зарѣзъ и попѣдчыщѹе. Рѣзъ—о, смѣхѹ булѣ! (я щѣ служѣвъ тогдѣ у коллѣгыни и вчыѡвъ складѣ пысѣты, бо бувъ щѣ хлопѣя по девѣятнадцѣтому гѣду)—пысарѣта узѣлы, та й зпысѣлы такѹ бумѣгу, щѣбъ суддѣѡи у чѣнци пострѣгтысь, а ёгѣ жѣнку видѣты зѣмижъ за пѣна обѣзногѣ, щѣ зъ нею булѣ частѣнько у лѣсокѣ за гѹбамы хѣдыть. Ну, та й положѣлы той лысть перѣдъ суддѣю; тѣлки такы, щѣ вѣйшѣвъ, сѣѡвъ, побѣачыѡвъ той лысть, потѣгъ до сѣбе, перѣхрѣстыѡвъ, та й каже: «Щѣбъ недѣвгѣ морѣты! Нехѣй менѣ дѣякують, щѣ шѡдыко дѣло рѣшыѡвъ; а вынѣватый нехай жалкѹе на сѣбе». Та чыркѣ! и пѣдпысѣѡвъ «рукѣю влѣсною». А хлопѣци—кыхъ, кыхъ, кыхъ, кыхъ! Насылу пысарь ихъ у потѣлыцю попрѣгѣнюѡвъ и розтолковѣѡвъ суддѣѡи той лысть, порѡѡвъ ёгѣ на шматкы..... Та дармѣ; бѹдемо своѣ догѣвѣрюѡваты.

Отъ пань Уласовычъ стоѣть собѣ узѣѡвшысь у бѣкы, якъ той хѣртъ, щѣ у кѣѡвськый грамѣтци, ажъ ось и пѣдѣйшѣвъ до нѣго Хѣмѣ Калыбердѣ, старъ чолоѡвѣкъ; та знѣѡвшы шѣлку, поклонѣѡвъ ёмѹ разѣѡвъ зъ пѣѣтъ, а дѣли осмѣлыѡвъ и каже: «Спасѣбѣ вамъ, пѣне Уласовычу, щѣ кохѣаетесь у старѡвынѣ. Щѣ покѣйный вашъ дѣдѹсь, пань Опанѣсь, такы Забрѣха, нехай надъ нымъ землѣ перѣмъ! и той недаѡѡвъ насъ зѣбыждѣты. Хочъ трѣхы булѣ засѹха ухѡѣте, то винъ зарѣзъ за погѣньськыхъ видѣмъ; та якъ трѣхъ-чѣтырѣхъ втѣпыть, то дѣ той и дѣщъ ѣзметѣця? И усѣ булѣ гарѣздъ! Щѣ-то старѡвына! Любѣзне дѣло!.....

— Бўде й новына непогана, сказаў повягомъ панъ Забрѣха, та й видступивсь видъ Калыберды, щобъ той недуже налязывъ на него и щобъ часомъ непозапанибратавсь зъ нымъ; та щобъ швидче видъ него видчепытысь, гукнуў на Рыгоровыча и каже: «А що?»

А той, упоравшысь зовсімъ, ійдэ до него, и кахыкае, и ўсы закручуе—сэ вже така звѣстка, що зъ пысьма стане говорыты—та й каже: «Прыспі урэмъя совокупленые сотворыты и погрузыты нечыстоту во источныкы водныя.—А ну́те, бра́tie! дерза́йте!»

Калавурне козацтво, якъ почулы пысарське повеліные, заразъ и видчепылы зъ видёмськой нызкы Вёклу Штырыху; ухопылы й мерщій за-рукы и за-ногы цупко, щобъ невѣкрутылась, та регочучы и помчалы до човнѣвъ.... Вона крычыть: проби! дѣточки бижать за нею та голбсютъ, неначе вже вона и нежыва; старый Штыря туды-жъ за нѣмы шкандыба, та плаче, та лае и козакѣвъ, и сотныка, а найпуще пысаря.... Такъ нхтѣ ихъ и неважѣ, а ще дѣ-яки зъ кучи крычатъ: «Держы-бо, Ёсыпе, дужче! бачъ пручаетця....» А инший каже: «Попалась? А що? Сэ тоби не корѣвъ у пивничъ дойты....» Та й багато дѣ-чого прыкладовалы, ажъ покы й до човна донесли, утербылы у чѣвень, и тутъ ще пущъ держалы. Якъ-же довели до палѣ, тутъ зкрутылы й верѣвкѣмы рѣкы и ногы гярненько; та верѣвкы и попродивалы у пѣтли що на паляхъ, та пидсунувшы й верѣвкѣмы у гѣру, якъ плѣснули разомъ у воду.... такъ якъ каминюка пишла на дно, ажъ тилки бѣльбашкы забулькотылы!.....

• «Тягнитъ назадъ, тягнитъ!... Не видьма вона, не видьма!» загула громада ув-одынъ гѣлосъ, а хто молѣдшый, та блыжче стоивъ, такъ ажъ кынулысь помичъ даты тымъ, що была верѣвѣкъ.....

— Погружайте, погружайте паче и паче тресугѣбо-окаинную дщѣрь Хананѣйскую! якъ вѣль ревѣвъ Прѣкипъ Рыгоровычъ и зпынявъ людѣй, щобъ невытаскувалы назадъ Вѣклы.

«Слѣхайте менѣ», на усѣ заводы крычавъ Уласовычъ: «Адже я сотныкъ. Я повеливаю: тягнитъ назадъ! Адже незнырнула, такъ вона и не видьма».

— Не видьма, не видьма; незнырнула, не видьма; тягнитъ назадъ!» крычавъ увѣсь народъ и вже пысаря нхтѣ не-

послу́хавъ и вы́тягли Вѣклу зовсімъ мѣртву, видчепылы видъ верѣвѣкъ и, некладовывшы на зѣмлю, стáлы на рука́хъ видка́човаты.

Пѣкы сѣе дѣялося, панъ сѣтныкъ, видпочывшы описля крѣку та турба́ци, пидкы́кавъ до себе Ры́горовы́ча, та й зпыта́всь: «Скажы́ мені́ на мѣ́лость: за́-що́ йи́ повели́въ топы́ты? Жы́нка ще нестарá, и багáтого и чѣсного рѣду; нечúте бу́ло за нею́ нѣякои́ пры́мхы».

— Суждú по правоті́ и безъ уся́кого возклонѣ́ныя дивствую, сказа́въ Ры́горовы́ч: она́я суть хочá ищѣ́ и безъ ста́росты жонá, но ймáть пінязей до бѣса. Просы́хъ—и недалá; позыча́хъ—и неповѣрыла; стра́жи преда́хъ—и невидкупáлася, яко-же дру́гii-прѣчи́и. Сѣгѣ́ ра́ды розмыслыхъ ю́ погрузы́ты и неизто́ргнуты отто́ли, дѣндеже неда́сть мені́, чегѣ́ и колы́ко прошú. Жыву́ща, ма́тери йи́ дúля, тресугúбо жыву́ща. Зрю́, що́ вже́ йи́ видтрусы́лы. Нехáй благодѣнствуетъ до яко́го часу́. А возда́йте сюды́ Устю́ Вечѣрыху! гукну́въ Ры́горовы́ч на калавúрныхъ.

Прытаска́лы Устю́ и тѣ-жъ усѣ́ бу́ло, що́ й зъ Вѣклою, тѣ́лки Устя́, якъ плѣ́снулы йи́ у во́ду, такъ тúть́ йи́ и а́ми́нь! Хочъ́ и трусы́лы, та́ и невидка́чалы, та́къ и зоста́лась.

Пыта́всь панъ сѣтныкъ у пы́саря и про сю́, такъ ны́щечкомъ́ ёму́ прызна́всь: «що́, ка́же, желя́хъ совокупы́тыся зъ́ йи́ дщѣ́рю Ода́рію, дúже липообра́зною, и вона́ тресугúбо-нечестыва́я, замисць́ желя́емой дивы́ци, возклоны́ла у кыпѣ́ню мою́ тысящекля́тый гарбу́зъ и покрý прѣ́дняя и за́дняя мо́я срамотю́, яко́ рúбыщемъ́. Такъ́ сѣ́ йи́ за́ ѓное́ дѣ́ло такова́я пынхва́....»

Ажъ́ ѓсь́ и переми́шавъ́ имъ́ Тале́ми́нь Лѣвурда́, клáняючысь́ ны́зѣсенько́, и прѣ́сыть: «Бúдьте́ лáсковы, па́не сѣтныку́ Ула́совычу́, мо́же-бъ́ зполоска́лы и мою́ жы́нку трѣ́хы, бо трѣ́ха́ вона́ чы́ не видьму́е.....»

— Дава́й йи́ сюды́! ненáче проспивáвъ, такъ́ заговори́въ панъ́ Забрѣ́ха. «У́ насъ́ непопада́йсь, за́разъ́ провчы́мо, а найбы́лшь тыхъ́, що́ дѣ́брыхъ́ люде́й, замисць́́ рушныкы́въ, та́ годую́ть гарбу́зáмы». Та́ здúмавъ́ своѣ́ лыхо́, здыхну́въ́ вáжко, та́ го́лову пону́ривъ́ и стои́ть.

А Прѣ́кипъ́ Ры́горовы́ч ще́ тѣ́лки почу́въ, объ́ чимъ́ Лѣвурда́ ставъ́ прохáты, та́ такъ́ и затрусы́всь, ны́нáче цы́ганъ́ на морѣ́зи, ѓчи́ ёму́ такъ́ и заблы́скалы, пы́ка́ почервонѣ́ла,

губы задрыжались и ледве-ледве може слово промовыты: «А якъ ты... а за що... твою жінку потопляты?... хыба-жь вона вольшебствуе?»

— А якъ-же невольшебствуе? казавъ Талеминъ Лёвурда Уласовичу. Ось слухайте сюды, добродію! Разивъ зъ десятокъ také мени приведеные було, що у саму глупу пивничъ, хтось и стўка у ви́кно; стўка, стўка, ажъ покы мой Стёха, знаете жінка, прокынетця; прокынетця, та й выйде зъ хаты, а я й засну; та вже передъ свитомъ вернетця; то я й пытаю, де ты, кажю, була? То вона й каже: «ходыла до коровъ, та от-се змерзла, та й ляжу». А я кажю—лягай, а вона и ляже, та, каже, змерзла, а сама якъ вогонь. Такъ се, бачыте, добродію, вона не до коровъ уставала, а чакловаты, певне чакловаты. А то на тій неділи, такъ я вже именно бачывъ чорта жывисинького, отъ якъ я васъ, пане сотныку, бодай вы здорови булы. Ось бачыте якъ: пойихавъ я на ярмарокъ, та мавсь тамъ пробўты тры дни, та якъ мени завадыло, такъ я у той-же день и вернувь пизно у ноцї. Стукъ-стўкъ у хату—жінка невидчынїя и зъ кым-тось розмовля та регочетця, и свитло е въ нихъ. Я якъ рвонувъ двєри, такъ защипка и видскочыла, я й вийшовъ; дывлюсь.... ажъ въ нєн въ гостяхъ чортъ, та отъ якъ бачыте, словнисинько якъ панъ пысаръ Прѣкипъ Рыгоровычъ, нехай здоровъ буде; така ёму и пыка, и одєжа, и усє také. Я до чорта, а винъ видъ мене; я за нымъ, а проклятый чортяка та у си́ны (а синєш-ни двєри засунувъ я такы); винъ бачыте, що неперєлывки, та у трубў; я якъ злякаюсь, якъ вернусь у хату, та на пиль, та що-то: й кожухомъ вкрывсь, а самъ дрыжу зъ переляку, що бачывъ чорта и що мой жінка зъ нымъ дружыть. Отъ я вамъ и кажю: непевна мой жінка, зовсімъ непевна. Зполощать їй хочъ трѣхы, може тогдї дбощ пиде.

«А що-жь? Такъ и зполоснуты. Ппанє пысарю! а ну!» Такъ-то сказавъ панъ сотныкъ Рыгоровичу. Якъ-же той крикне на нєго, такъ що ну! «Чы вы обуялы?» закрывавъ на нєго: «Чы вы такы по-просту одурылы? Вамъ недовліє нїякого ршєныя выпускаты, безъ потребности моєи, за тымъ, що трєба усякое дїло угобзыты и закладное прысовокупленые соединыты. А ты, гаспыдська Лёвурда! отъ-що касатєлно тебе законъ повелив: дного неключымого Талымона Лёвурду, на-

важдéниемъ своимъ привéдшого сожытые своё, сыричь жынку, до дружелюбія зъ сатанюю, — дүхъ свять пры васъ, пане Уласовычь! — убо подобаетъ забыты сякому-такому сыну нозі у кладу. А-гóвъ, хлопци! Пойміте ёго и водворіте у ратушу и прысовоючите нозі ёго до клады, бо самъ сознаные учыны, що выдивъ и осязавъ живого чбрта; убо вінъ є калдунъ, чаклунъ; во ўтрые избыю кіямы сёго грішныка.»

Поки сé Пистрякъ розказувавъ, а сердешного Лёвурду вже й помчэлы до ратуши, а Рыгóровычь повывъ окомъ, та зъ якоюсь молодыцею чорнявенькою ззырнүвсь, усмихнүвсь, покрутывъ ўсь, та й гукнүвъ на калавүрныхъ козакывъ: «А нүте, водворіте у преиспдніи вóды Домаху Карючкывну!» И після Карючкывны тилки забулькотило.... А громада, бачачы що вона невырына, загомонила: «Нй, вона небула видьма, небула!»

И Приську Чырячку, и Хымку Рябокобылху, и Пазьку Псючыху топылы, и котру втопылы, а котру видволбдалы, що народъ ажъ обь-полы рукамы бье, та дывуецця, що, каже, «де-жъ тая видьма? отъ усйхъ топылы и усяка порына, а видьма незнаходытця». Мыкыта Уласовычь вже й дрімэты ставъ; по ёго, такъ вже-бъ порэ и до-дóму: чы бóдутъ дощй йты, чы нй, ёму нүжды мáло; нестане свогó хлйба, ёму прынесуть; Конотопъ не малé селó: безъ сваркы и лайкы и безъ позыванья необйдетця. Усё знай позиха, та поглядá на свогó Пистряка, що задүмавсь, та пáлцемъ знай штрыка то у либъ, то у нисъ; дүмавъ-дүмавъ, та й крыкнувъ: «Давай остáнки во языцяхъ. Водворы-ке сюды Явдóху Зубыху!»

Прыперлы й тó, видопхэлы чóвномъ до пáль, пидввэзэлы верёвкэмы, пиднялы до-горы.... плюсь! Якъ обь дóшку. такъ наша Явдóха обь вóду, и непорына, а якъ рыбонька поверхъ воды, такъ и лежыть, и бóвтаецця звязанымы рукамы та ногэмы, выхлыя чéревомъ и поперекомъ и прыговóркое: «Кўпочки-купўси, кўпочки-кўпонькы!»

Увёсь народъ такъ и жажнүвсь! «Отъ видьма, такъ тákъ!» закрычэлы усй; а Мыкыта Уласовычь якъ позихавъ, та побачывъ сée дыво, та тákъ ёму рóтъ роззэвленный и зостáвсь; а Прóкипъ Рыгóровычь такъ ажъ танцюе по-надъ бéрегомъ, та знай на трудящыхъ крычыть: «Возтягните щé! Вёрзите во тьмó водную!» Такъ щó-жъ-бо? якъ ни пащыкўе,

а Явдоси ничого незробыть. Пидтягнуть, гѣпнуть їй скылки сылы у воду.... такъ непорына, та й непорына, та ще и глузуе надъ усима, та усѣ знай товчѣ: «кѹпочкы-кѹпонькы».

«А вознесить сѣмо камѣныя и плынхводиланя!» здѹмавъ пань Пистрякъ, и такъ и народылася цилісинька кѹча цѣглы и каминюкъ усякыхъ, що хлѣпци, почѹвши прыказъ, зразу мотнѹлись и нанесли.

«Возложите камѣныя на нечестѹвую вѣю їй, и на рупи и на нозі їй, и пакы потопляйте їй». Такъ кумандувавъ Рыгоровычъ, ажъ пидскокуючы кругъ ставка, та зъ сѣрця ажъ зубамы скрегѣче.

Нав'язали моторниши цилісиньку нѣзку кам'янюкъ на верѣвку и пидвѣзшы на човнахъ, ажъ насылу тры чоловика пидняли тѹю нѣзку, та й нахынули Явдоси Зубыси на шыю и дѹмають: отъ пирнѣ! А вона, урагова баба, и недѹма; плава поверхъ воды, та що ослобонѣлы їй рѹку изъ верѣвки, такъ она нею полѣщетьца, та й жартѹе: «А щѣ-жъ? намыстечко мені на шыю почепѣлы, а перстнивь и нема? Эгѣ! бачъ якы дѣбри! кѣте и перстнивь на-руки и замѣсть черевѣчкы чогѣ на-ногы».

— Сокрушайте тресугѹбо-окаинную кощѹнку Ханаанскую, дщѣрь Халдейскую! крычавъ якъ опѣченный Прѣкипъ Рыгоровычъ, та ажъ запинывся, якъ скажѣный, бачачы, що ничого видѣми незробыть и що она надъ нымъ кепкѹе.

Нав'язали їй на-руки и на-ногы каминючка—божѣвсь той чоловикъ, що мені про сѣ розказовавъ; а хто й казавъ, колы знаѣте, Ёхымъ Хвайда, що по-за-торикъ вмѣрь—такъ божѣвсь, що пудѣвъ двадцять нав'язали їй на шыю, на-руки и на-ногы, та видчепѣвши видъ верѣвѣкъ, такъ їй й пустылы у воду.... Такъ щѣ-жъ бо бѹдешъ зъ сѹчою-пресѹчою бабою робыты? Такъ и плава поверхъ воды, и рукамы и ногамы бѣвтаетца, та знай прыговорѹе: «кѹпочкы-кѹпѹси!». А дали урагова баба обизвалася и до пѣсаря, та й почала ёго вѣккаты: «А ходы, Прѣкипочку, сюды! Нѹмо у кѹпци купатысь. Ходы-бо, несорѣмсь! Осъ надину на тебе намыстечко и перстнивь тобѣ дамъ....» А Рыгоровычъ ажъ увѣсь чѹбъ собѣ обирвавъ зъ сѣрця, що и поганѣнка-бѣ-то баба, та надъ нымъ глузуе; дали кынувсь до Уласовыча, та й каже: «Несумнѣтелно сыя баба суть отъ бабъ Егѣпетскихъ. Она,

*

ехідна прелюта, похытыла дождевыя капли и скры у себе у чванци, або у іному місцеві. Повелы, пане сотнику, возмутыты ій розанамы, да претерпыть до нестерпимосты и да розпустыты хлябы водны и да оросытця земля».

— Невторопаку, пане писарю, що вы говорыте; а кажу вамъ, робить що знаєте, тилки швыдче, бо вже обидня поря. Я-бъ вже давно давъ дѣру, такъ хочетця дывытысь на сюю кумѣдю, що на баби цилисинькій вивъ каминья, а вона не-тоне, а плава поверхъ воды. Робить собѣ, що знаєте, а я буду на готѣве дывытысь; я на тѣ у Конотѣпи сотникъ.

Повелывъ Рыгѣровычъ пийматы у водѣ видьму Явдѣху, такъ дѣ! Хлѣпци човнамы ій и нездоженуть, и верѣвкымы на-кыдають, такъ усѣ ничѣго; такъ прудко плава, якъ тая щу-ка, тилки попереду и позаду хвѣля устаѣ, бо звѣсно, якъ видьма плава: вже пакъ не по нашому! Плавала-плавала, шныряла-шныряла; та якъ бачыть, що усихъ потомыла, такъ и пиддалась....

Щѣ-жъ-то зрадовався народъ, якъ злапалы видьму Явдѣху Зубыху! Усѣ крычять, гомонять, бижать до неѣ, против неѣ; усѣ якъ хоче тусана або запотымышныка ій даты.... та й ѣ за що! нехай некраде зъ нѣба хмаръ, нехова дощю у себе на мысныку.... Ось, якъ усѣ бижать кругъ неѣ, то за нею, а ій ажъ на рукахъ несуть, боячысь щобъ невырва-лась, та невтеклá; а вона й байдужѣ! Вона спивá весѣлнон писеньки, якъ молодá зъ дружкымы ходыть. А нашъ Рыгѣро-вычъ передъ ведѣ, та ажъ бижыть зъ радощивъ, що такы напавъ на видьму и що винъ ій тепѣрь зкрутыть и выму-чыть зъ неѣ, щобъ виддала дощѣ назадъ, що покрала, та зъ радощивъ такы балясы тѣчыть, що нетылки хтѣ, та й самъ себе нерозберѣ, що винъ и говорыть. Дали закрычавъ: «А дадите сѣмо вербовыхъ и удвойте лозовыхъ и возглумите ій, елыко сылы вашоѣ буде!»

Де взялысь и ризкы. Зкрутылы Зубыху Явдѣху; тилки що клáсты ій, вона якъ-то рѣку выпручала, та й повелá нею кругѣмъ по народу; ѣдже-жъ слѣхайте, що зъ того буде. Отъ и положилы ій; по двá парубка сѣло на-рукы и на-ногы, а двá узялѣ здорѣвѣнни пучкы ризѣкъ, та й почалы чысты-ты: дже-дже, дже-дже! ажъ засáпалысь бьючы; бьють-бьють и вже цурпáлки летять.... А що-жъ Явдѣха?—Лежачы пидъ

ризкэмы, кáзку кáже: «Бўвь соби чоловiкь Сáжка, на нѣму сира сирмяжка, повстанá шáпочка, на спыни лáточка; чы хорóша мой кáзочка?»

«Та быйте окаянную Ханаáнку!» ажъ заревiвъ Пистрiякь.

Хлóпци деруть, що мóга, а Явдóха свое: «И вы кáжете: та быйте окаянную Ханаáнку, и я кáжу: та быйте окаянную Ханаáнку; бўвь соби чоловiкь Сáжка, на нѣму сира сирмяжка, повстанá шáпочка, на спыни лáточка; чы хорóша мой кáзочка?»

«Та дерить дўжче!» крыкнувъ що ё мóчи самъ панъ сóтныкь Конотóпськый, Мыкыта Улáсовычъ Забрѣха, що вже ёго дўже брало за жывiтъ и печинкы пидъ сёрце пидступалы, бо необидавъ и дóсе.

Хлóпци переминылысь, узялы новы пучкы и стáлы порóты, а Зубыха знай свое товчѣ: «И вы кáжете: та дерить дўжче, и я кáжу: та дерить дўжче; бўвь соби чоловiкь Сáжка, на нѣму сира сирмяжка, повстанá шáпочка, на спыни лáточка; чы хорóша мой кáзочка?»

«Соплетите розонацiю зъ тёрныя и удвóйте iй поругáныя на лядви!» зкомáндовавъ панъ Пистрiякь, дóвго дўмавши, щóбъ-то iй щѣ прыдўмать.

Хлóпци чѣшуть Явдóху тёрновымы, а Явдóха свое товчѣ: «И вы кáжете: соплетите розонацiю зъ тёрныя и удвóйте поругáныя на лядви, и я кáжу: соплетите розонацiю зъ тёрныя и удвóйте поругáныя на лядви; бўвь соби чоловiкь Сáжка, на нѣму сира сирмяжка, повстанá шáпочка, на спыни лáточка, чы хорóша мой кáзочка?.....

Та й до вѣчера непереговóрышь усѣго, що тамъ булó! Уже нетилки Рыгóровычъ Пистрiякь, та й самъ сóтныкь Забрѣха почавъ сёрдытысь, що нема кинцá дiлу: бьють-бьють бисовську бабу, скылки хлóпцивъ переминылося, скылки ризокъ перебралы, и вербóвыхъ, и берёзовыхъ, и тёрновыхъ; а iй непозначылось ничóго, ненáче тiлки що ляглá и ни трышечкы и небыта; а вона соби знай товчѣ чоловiка Сáжку.....

Одже-жъ-то якъ сѣе дiетця и гáспыдську, католикóву Явдóху бьють, проливъ скризъ нарóдъ, що такъ и обступылы Явдóху та й ненадывўютця, Демкó Швандюра, старъ чоловiкь и непѣвный. Подывывся-подывывся, помотавъ головóю, та й кáже:

«А щò се вамъ за йграшки далыся? Чы то пану сòт-ныкови знать скўчно стало, такъ вы ёго забавляете, якъ малу дытыну, щò ризканы порете, неначе когò пўтнёго, вербòву колòду?»

— Якъ колòду? Щò се винь каже? Дè тамъ колòду бьють? загула громада и дывўчысь рознытуе.

«Де колòда? Небачыте? Дывйтця-жъ!» сказаў Швандюра, та й повивъ рукою по народу навпакы сонця..... Такъ щò-жъ? Удывленые та й годи! Тогдй усй побачылы, щò лежыть товста вербòва колòда, поперепўтована верёвканы, и сыдять на нй чотыри хлопця здоревенныхъ и держуть йй, яко мòга, щòбъ непручалась, а чотыри бьють тую колòду зо всеи сылы дòбрымы ризканы, неначе когò пўтнёго. А была тйен колòды лежыть сама по собй Явдоха Зубыха и незвьязана, и регòчетця дывлячысь, якъ працюютця люде замисць йй та надъ колòдою. Такъ, скажете, се и не удывленые? Се вона, якъ йй покладалы парыты, такъ вона рукою повела, та й напустила на усйхъ, хто тутъ бўвъ, мару, а Демкò зъ свйжымы очыма прыйшòвъ и бачывъ, щò твòрытця, и якъ дè-щò знавъ и вмивъ противъ чòго щò-небудъ зрòбыты, то винь и видвивъ мару видъ людёй. Отъ тогдй тйлки побачылы, щò былы не Явдоху, а вербòву колòду.

«Кыхъ, кыхъ, кыхъ, кыхъ!....» зарегòтався народъ. Вже на-щò панъ пйсарь, щò сёрдывсь крйпко, а тутъ и самъ розрегòтавсь, якъ уздривъ таку кумедью. И щò-жъ бўдешъ рòбыты? Звйсно, щò противъ насылки ничòго незрòбышь, колы невмйешъ, якъ йй видвесты. Ну, посмйавшысь, прынялысь радытысь, щò зъ Явдохю рòбыты. Той тè, другый друге каже, а Демкò Швандюра той гараздъ навчывъ: «Такы, каже, ничòго недумайте, а положывшы, дайте дòбру хлòсту, пòкы вёрне дощй та рòсы, щò, зная, вь ней на мысныкахъ, та на польци. Та небййтесь ничòго. Пры мени нездужа навесты. Колы-жъ и наведè, то я видведу. Хочъ вона и видьма, та й мы, хочъ не усè, а щò-небудъ такы знаямо. Нехай вона и прырождèнна, а я тйлки вчèный, та дарма! Побачымо!»

— Такъ возклонить-же йй пакы!» закрычавъ Рыгòровычъ, «и сотворить йй школярську сикўцию, яко-же и намъ во òное урёмья субйткы твòрыша.....» Ще дòбре и невёмовывъ, а хлопця вже и мотнулысь: розперезалы, положылы,

сичуть..... и вже нашіЙ Явдоси не до казкы; вже и въ неи у самби на спыни.... латокъ зъ симдесять, якъ у чоловіка Сажкы.... Мовчала-мовчала, хотїла видтерпитись.... такъ ще неродывсь той чоловікъ, щобъ утершивъ пидъ ризкамы! Дали якъ заскавучыть, якъ заскыглыть..... а дали якъ стане крычаты: «Небуду до суду, до вику!.... батечкы, голубчыкы!.... пустыть, пустыть!.... верну й дощї, верну й росы..... буду тоби, пане сотныку... и тоби, Рыгоровичу.... у великїй прыгди..... тїлки пустыть.....»

«Гбди!» повивъ Мыкыта Уласовычъ голосомъ поважно. А Пистрякъ знай свое: «Усугубляйте паче и паче!» Хлбпци незнають, когд й слухаты: половына бьє, а друта ждє.

«А бодай васъ, пане сотныку!» такъ загарчавъ на него панъ Рыгоровычъ: «ищє булò упьятерыть подобало за таковде злодїяныє.... Се вона менї зробыла, що я писля перепбю хымеры погнавъ. Отъ такє злодїяныє.....»

— Алє! злодїяныє! казавъ панъ Забрєха: тоби-бъ усє тїлки злодїяныє и робыты. Тутъ тїлки трыхы та мнїхы, а вже обидаты пора. Ще чы будє писля такдо парла дбщъ, чы нї, хтò єгд зна, а що мы голодїємо, такъ се певно. А що намъ суча баба зъ сєрця утнєть якїй бєшкетъ, такъ и тогò трєба боятыся. Звель-лышень покынуты Явдоху, нехай видпочыне писля такди бани. Нехай тепєрь ханькы мне, мы ще доберемся до неи. Ходимо, Прдкопе Рыгоровичу, до мене. Пазька наварыла мўдрого борщў. А писля обидъ небуду ськатысь, та розкажў тоби, якїй менї бєшкетъ зробылы позавчбра у Безвєрхимъ хўтори. Ты ще сєгò незнаєшь.

Сказавшы сєє, потягъ панъ Уласовычъ до-дому.

Прдкыть Рыгоровычъ нашъ zostавсь и стойть мовъ обпеченыЙ. Узялы єгд дўмки та гадкы, якїй-то тамъ бєшкетъ зробылы пану сотныку у Безвєрхимъ хўтори? Дўмавъ-дўмавъ, а Явдоху за тымъ знай чєшуть, ажъ цурпалкы летять! дали пиднявъ палець до горы и каже: «Догадавсь! э, э, э, э! Сєгò менї и трєба булò! А покыньте, хлбпци, бидну бабу позанапрасно мўчыты. Панъ сотныкъ звельивъ булò йї парыты до вєчера, а я йї помылую».

Пидвелы Явдоху и лєдвє-лєдвє жыву поволоклы йї до-дому. Нарòдъ такъ и заклекотивъ за нею, усє крычачы: «видьма, видьма! Покрала зъ нєба дощї!» А Рыгоровычъ йїдє собї,

та щось дума, а дали и каже: «Такби мені и треба!... Підобрюсь до неї; вона поможє ёго втопыты, а мені вынырнуты зь пысарства та на панство.....» Та й потягъ до пана Мыкыты Уласовыча обідаты.

VI.

Смутна и невесела ходыла по своїй хати, проводывшы когось видъ себе и зачынывши двѣри, Конотопська видьма Явдохъ Зубыха, після прочуханкы, що їй далы край ставка пры усій громаді за чаклованья. Хто-жь-то бувъ у неї тогды, якъ усякъ їй цурався, бачывшы, що вона е прырождѣнна видьма, що и у воді зь каменюками нетоне, и дощі зь нѣба краде, и мару на людѣй насыла? Алѣ! хто? не хто, якъ нашъ Прдкпъ Рыгоровычъ Пистрякъ, Конотопський панъ пысаръ. Винъ-то, почувшы видъ пана сотныка Уласовыча, що ёму було у Безверхимъ хутори видъ панночкы Олены, винъ заразъ узявъ на думку, якъ-бы-то ёму свого сотныка зовсімъ зыйсты. Отъ видъ обідъ прыйшовъ до Явдохы, прынісь їй усякыхъ гостынцывъ и помыривсь зь нею, що бѣцымъ се не самъ винъ звеливъ їй и топыты, и парыты, а що сѣ самъ панъ сотныкъ выгадавъ, и що бѣцымъ-то хотивъ винъ їй до вѣчера парыты, а винъ-же взявъ на свою голову; и ставъ їй пылно прохаты, що якъ-бы тогдъ пана Мыкыту зовсімъ у дѣрни пошыты: що винъ от-се у вѣчери прыйде їй прохаты, щобъ Явдохъ такъ зробыла, щобъ Ёсыповна ёго полюбыла и за него замижъ пишла; а винъ якъ пиддастыця у чаклованья, такъ тѣтъ ёго и начыныты дѣрнемъ, щобъ и сотѣнства видцурався; а намисць ёго та настановыты сотныкомъ ёго Пистряка; и обещавсь, що тогды Явдоси свой воля бѣде чакловаты, якъ и скылки хоче.

Хытра Явдохъ неначе и пиддалася. Подарункы забрала и обижала усѣ зробыты, чогдъ Рыгоровычъ бажавъ, и проводыла ёго от-сѣ зь хаты. Дѣвго вона після него ходыла по хати та щось думала; вже-бъ-то їй и сѣсты хѣтетця, такъ незможє прыгулытысь..... такъ-то шыро їй повчылы! Вона лежала и на печі, и на лави; такъ невлѣжытъ дѣвго, бо тилки и можно животомъ лежаты, а горичерева або бѣкомъ—и недумай: такъ їй усюды зпысали.

Ходыть по хати, ходыть, та й поглядá на свой глечыкы, гóрщыкы, кúхлыкы, де зь усякого звíря и зь усякою гáдыны е молоко, що вона зь ныхь понадбóвала, перевертáючысь до кóжнои мáткы усè рíзно, щобь нежахáлысь и давáлысь дойтыся. А усí тíи глечыкы, гóрщыкы, водáнчыкы, кúхлыкы стоялы дè-яке на польци, инше на мысныкú, булò й на прыпичку, булò й на самíй печí; якé вже поставлене на сметáну, а якé ще стояло пидь лáвкою та край помóйныци. Пидь полóмь лежалы усякы травы и корíння: мнáта, любýстокь, терлýчъ, пáпороть, собаче мыло, дурмáнь, усякы репгякы, кúряча слипотá, та й багáто дè-чого. На полú на подушкáхъ лежавъ китъ муруговатый та усáтый, и тилки ёмú й дила, що йивъ та спáвь, та колы що булò надúма, то зáразь до своєи хазáйки и озовётця: «нявь, нявь!» а вона усмихнётця, та й скáже: «тáкъ-такы, котусю, тáкъ!» А колы вона що надúма, то й пытаетця ёгò: «чы тáкъ, котусю?» То винъ до неи: «нявь, нявь!» Эгè! и знáлы одýнъ одного, що говóрють. Бýлпшь у неи небулò нíякого хазáйства, та й нá-що йй? Чогò забажáла, то у ночí перекубулась чы собакою, чы мýшою, чы жáбою, чы рýбою, и чогò йй трéба, усèгò достáла и é у неи.

Такъ вона-то сумýючи ходыла по своíй хати и, поглядáючи на своè збрáння, казáла соби на думци: «Е усяке; неpidú до людéй позычáты». Дáли зырнула на двéри, що—я-жъ кажú — тилки що зачыныла, проводывши когòсь-то зь хаты, и кáже: «Прывòдь тилки швýдпшь проклятого сòтныка, я ёмú виддáчу. Я-бъ и тоби, Рыгòровычу, хукá усучыла, та нехáй-лышень опислá; тепёръ ты менí прыслугóбуй, а якъ зыймъ гáспыдського Забрéху, тогдí приймусь и за тебе, сучый Пистрáче! Хорошé, що от-сé ты менí розказáвь про Забрéху та про Олену: ось я ёгò оженю.... достáнетця и тоби, що менè такъ занапастýлы, що и сýсты немòжу, и згнуцáлысь надо мною, що пры парубкáхъ порвáлы на менí и плáхту, и сорóчку, и пáзуху розирвáлы, и очипокъ збýлы, що я вóлосомь освитыла, та бýлы менè.... о, та й бýлы-жъ менè! окъ, бýлы-жъ менè, бýлы, бýлы, бýлы! що ни сýсты, ни лягты немòжно; а усè от-той Швандюра, що знявь зь ныхь марú.....»

Отъ-тáкъ вона и дóвго самá соби розмовлáла, ажъ пòкы у хати зовсímъ стáло тёмно, що хочь óко выколы.... Ажъ óсь

на вўлыци загавкала собáкы, вона й каже: «А нў, котўсю, видкрий свой очыци и посвйти, чы не воны се йдўть?» Китъ якъ розплўщытця, якъ гяне своимы очыма, такъ-такъ якъ жаръ зассялы, а Явдоха и бачыть, що йде Мыкыта Уласовычъ Забрѣха, Конотопський панъ сѣтныкъ, а за нымъ писарь ёго, Прѣкипъ Рыгоровычъ панъ Пистрѣкъ, и щось у рукахъ, и пидъ плечёмъ щось несўть; отъ вона заразъ шатнўлась, достала каганецъ, пиднесла до котá, тернўла ёго противъ шерсты, такъ йскры зъ нѣго и посыпалы, и вона засвѣтила каганецъ, поставыла на стїль, а самá полїзла пидъ стїль чогось-то доставаты.

Ажъ ось — рўпъ у двѣри, и ввійшлы панъ сѣтныкъ зъ писаремъ, шапкы зъ палычкамы постановылы быля двѣри, а самы и стáлы озырáтысь, и панъ Забрѣха и каже: «Свїтло горыть, а йї, бачу, и дѣма нема».

— Дѣ-то вже нема! обизвалася Зубы́ха, лїзучы зъ-пидъ пѣкутя и таскаючы превелькѣнный горщѣкъ, ганчїркою завязаный: «ось де я була; от-сѣ доставала горщѣкъ зъ хмáрами, що було заховала ихъ на трыдевять рїкъ, такъ одже панъ Конотопський сѣтныкъ прысылувавъ менѣ выпуска́ты хмáры и дощї пустыты».

«Та вже, титўсю, гѣди объ симъ», поклонївсь панъ Забрѣха и ставъ гостынець доставаты. «Ось тоби хўсточка, що менї пощївна вышывала та подаровала, такъ от-сѣ поклоняюсь нѣю вамъ, та ѳт-ще ажъ цїлїсьинька копá грошей, тїлки будь лáскава, тїтко, несѣрдься на мене и выбачáй, що такъ зъ тобою прыйшлѣся..... Се такъ..... тѣе-то..... якось-то нехотячы.....»

— Якъ нехотячы? ажъ запыщала крѣкнувшы Явдоха: «якъ нехотячы? колы-бъ тоби такъ хто пѣку зпысáвъ..... то ты-бъ не тѣ сказáвъ... Нехѣчу твоихъ подарункивъ; цўрь тоби! пѣкъ тоби! вїйся зъ нымы! немишáй: йдў дощї выпуска́ты, а то впя́ятъ пеня́ бѣде и зáвтра такъ менѣ зновъ выпарю́ть, що сѣгодня незможу сыдїты, а зáвтра вже и несто́ятему. Пустїть менѣ, пидў дощъ выпуска́ты».

«Тїточко, мáтиночко!» ажъ вь нѣгы впáвъ сердѣшний Мыкыта Уласовычъ та кистляви рўкы видѣмськи цїлўе, та прѣсыйть: «Небўду вже тебе турбовáты та й щѣ менї за дїло, що нема дощў? Отъ-такъ-пакъ! Я тутъ ѣ сѣтныкъ, голодова́-

ты небуду: той прыйде зъ хлібомъ, той зъ паланыцею, той зъ буханцёмъ, а іншыі и мипечокъ бброшна привезе; абы-бъ тилки позывалысь, то намъ, старшыні, и дощї не пидь часъ, хочъ-бы ты ихъ, титусю, и по вїкъ держала у себе пидь покутемъ. Отъ мой бидї поможы! Нателышень, пожалуйста: отъ пляшка дулївки, отъ пивсотни тарани, ще свїжа була по веснї; оаде-жъ и серпаночокъ.... тилки здылайте мыдость, пособить мой бидї, ось що я вамъ розкажю.....»

— Знаю, знаю про твою биду, якого тобі мўдрого печеного гарбуза пиднесла Ёсыповна Олена, що зъ Безверхого хўтора, и якъ ты писля него на сылу на другый денъ очунавъ! Знаю, знаю усє.

Ажъ и здывовавсь панъ Забрѣха, що видкиля се, каже, вона усє зна, неначе тутъ була, та й ставъ їй пўще прохаты, щобъ вона вже несєрдылась и заступылась за него.

— А що я тобі робытему? пыта Явдоха. «Нейдє за тебе хорунжївна, такъ менї якє тутъ дїло? Нейдє, такъ ськай друго!».

«Та дє їй у гаспыда ськаты!» здыхнўшы каже Уласовычъ: «одно тє, що непридумая де другу ськаты, а друге тє, що далеби нехочу, бо смертєлно улюбывъ Ёсыповну Олену, такъ хочъ-бы менї и судьдївна, або хочъ и полковныкївна, такъ я и неподывлюсь на нихъ, бо улюбывъ Олену усимъ тиломъ и душею, и сєрцемъ, и усимъ животомъ, и бачу самъ, що колы їй неостау, то або утоплюсь, або удавлюсь, або свить за очыма пиду.... Поможы, паньматиночко!» та беркыць їй у нўгы, та ажъ плаче, та прбсыть, щобъ недалá емў не-своею смєртю пропасть, та щобъ якъ-небудъ прыворожыла, щобъ вона за него захотыла йты.

— Та якъ за тебе и йты такїй дївчыни? впьятъ каже Явдоха. «Вона дївка-кўзырь, чы одєжою, чы на выдў собї, такъ зовсімъ дївка, а худбы и грбшей до кáта, а ты що? Куды ты годысься?»

«Та дарма, титочко, матинко, дарма! Нехай я и стыдкый, и брыдкый, и усякый; а ты такы такъ зроби, щобъ вона мене полюбыла, та щобъ за мене замижъ пишла. Шо копá, то копá от-сє на столї лежыть, а то отъ сброкъ алтынъ, та ще.....»

— Ні, каже Явдоха, та й видсунула видь себе гроби: «мені сихъ креймахивъ нетрёба, на-що вони мені? У мене усё ё и чоґо забажаю, усёго достану; а колы такъ пылно прбсышь, то нехай вже и змылосердюсь надъ тобою, тилки зроби мені бть-що.....»

«Що звелышь, паньматусю, усё зроблю. Чы звелышь Конотопъ зпалыты, такъ разомъ зъ чотырѣхъ кинцивъ и запалю; чы звелышь усю Конотопську дитвору—що вы, видьмы, нелюбыте—такъ за одынъ день усихъ до едного и потрошю.....»

— И то гараздъ, та мені тепѣрь бть-що трѣба. Озмыты от-того сучого та пресучого сына Швандюру, що знявъ мару зъ людѣй, що я було наслала, якъ мені сикуюцію давали, такъ озмыты ёґо пидъ арешты, бѣчимъ винъ або прокравсь, або тебѣ лааявъ, або що хочъ на него набрешы, и звезды пеню, та обберы у него усю худобу—бо винъ соби заможнѣнькый—та щобъ на тебе родычи ёґо негрймалы, такъ ты виддай теє усее пану пысарю Рыборовичу.....

«Блаґде діло и мѣдрое ршѣныє пани Зубыхы, ёй! истынно!» такъ обизвавьсь панъ Пистрякъ, сѣдючи соби на лавци край викна.

А Явдоха й каже:... «бо ёму, сыротѣ, нигде узяты, тилки що спадкамы жывытысь; а Швандюру озмыты и выжнены изъ села, щобъ ёґо и дѣхъ непахъ. Отъ колы се мені зробышь, то и я тоби.....»

«Мурлу, нявь, мурлу!» обизвавьсь видѣмськый китъ, и Зубыха зхаменулась, та й каже:

«Э, ні, щѣ, щѣ, ось слѣхай щѣ. Домашына ятрѣвка Хвѣнна Зозулыха... немѣжно мені быля й хаты йты, такъ и докладá мені про те полотно, що въ неи зъ огорода пропаало та якось-то опенылось у мене у скрыни, такъ вона мене злодѣйкою узывá и усѣки докладкы докладá; такъ чы немѣжно йи, пидрѣзавшы, те-жъ зъ села выгнаты?»

— Та для чоґо немѣжно? Тилки кажы, усё зроблю..... Такъ казавъ панъ Уласовичъ, повеселишавшы, що вже видьма стала до него добрыша.

— От-сѣ усё колы зробышь, то и я....

Мурлу, мурлу! замурыкавъ впяты китъ и Зубыха зновъ стала договорюватись, и каже:

«Та ще ось у чимъ пожаліюсь. Демкò Сироштáнь прò-святку мені недає: позавчòра хвалівсь, що могò котá вб'є; якъ ёгò ни берегт́ьму, а винъ такы вб'є. Такъ ёгò-то, пане сòтныку, провч́ь та провч́ь....»

— Та провч́у-жъ, провч́у, тит́усю, такъ що до новы́хъ виныкивъ б́уде т́ьмыты; т́ьлки зроби́ и моє д́ило....» пы́лно прыстаючы прохавъ и́й панъ Забрёха, и чо́гò-бъ-то винъ не-обищався и́й зроби́ты, абы́-бъ вона такъ почи́ла, щòбъ хо-рунживна за нёго пишла.

«Ну, добрè-жъ, сы́нку, колы́-жъ такъ, то й такъ. Б́уде за тоб́ю б́игаты хорунживна Олèна и нòчи неспáты, якъ и т́ь за нёю. Ќыцю ќыцю, ќыцю ќыцю».

Мурл́у, няв́ь, мурл́у няв́ь!

«Дòбре-жъ», казала Явдòха «А и́ды, пане Уласовычъ, зо мнòю зъ хáты, та й уступы́ зъ порòга ливо́ю ного́ю на писòкъ, щòбъ тв́ий слидъ обизна́чывсь на писку́». Отъ и вы́вела ёгò зъ хáты и слидъ ёгò зибрала у х́усточку и зав'язала; а да-ли, верну́вшись у хáту, посадила на лáви край столá, а Ры-гòровычу звелйла каганцёмъ свиты́ты, а самá, узáвши пàна Забрёху за ливы́й усъ, и стáла волòсься виддиля́ты. Заколуп-нè нòгтемъ волòсь, та й л́ичыть: разъ, два, тры.... та якъ видберè дев'я́ть волоси́въ, та дев'я́тый и рвонè зовсймъ.... Панъ сòтныкъ крыч́ить, панъ пы́сарь регòчетця, Явдòха Зу-бы́ха щòсь шéпче та зплёуе, а ќить мурн́ыче на усю хá-ту.... Отъ такъ-то у б́идного Мыкы́ты Уласовыча видьма вы-рывала дев'я́те волòсься зъ ливого́ уса и нарвала ихъ усихъ ажъ вòсьмеро, достáла шматòкъ папèру и заверну́ла туды тее волòсься, а панъ Забрёха, пови́тыравшы слèзы, що такъ ёму́ и теклы́ видъ скуби́ння, ставъ пы́тáты видьму, що колы́, ка-же, вже зовсймъ поворожы́ла, то вже я й пид́у?

«И́ды, сы́нку, здорòвь до-дòму, та ляга́й спáты, та й жды́ видъ хорунживны прысы́лу, щòбъ слáвъ за рушныкáмы».

Панъ Уласовычъ сее почу́вши, та за шáлку, та зъ хá-ты, та неоглядáючысь — до-дòму, щòбъ видьма неадумала щè-де в́ь нёго выривáты волòсься. Побиѓь, сердèшний, недож-давсь и свого́ пы́саря, бо тóй зостáвсь щè у видьмы́ и щòсь дòвго зъ нёю гомонивъ, и ќить зъ ны́мы мурн́ыкавъ; а якъ выхòдывъ панъ Пистрýкъ зъ Явдòшынои хáты, такъ ч́у-

те було, що казавъ:«И усє благонамирєнно устроївше, грядѹ у свою палєстѹну. Прощавайте!»

— Идѣть здоровѣ! сказала Явдѡха, зачѣняючы за нѣмъ двѣри у хату, та й одизвѣлась до котѣ: «Кѣцю, кѣцю, кѣцю, кѣцю!....»

Мурлѹ, нявь, мурррлѹ!

Тутъ заразъ узѣвши, зняла зъ головѣ очѣпокъ, сидѹ якъ молокѡ кѡсу розпустила, узала билу сорѡчку, та й надѣла на сѣбе, та ни пѡяса, ни плѣхты непидвѣязала, такъ и стѣла по хати ходѣты, та шептѣты усѣке калдовствѡ, та у всѣкимъ углѣ трѣчи зплѣвувала; дали узала жлѹкто, та й положила єгѡ середъ хати и стѣла зновъ щось по-видѣмськи бормотѣты; дали узала зъ кѹхлыка якѡсь водѣ, та усє бормѡчучы, побрызкала тѡю водѡю и сѣбѣ и жлѹкто у середѣни.... А кѣтъ що є дѹху нявчѣтъ, а дали ажъ нѣ ноги устѣвъ, та потягнувъ и засвитѣвъ очѣма ще дѹжче, чѣмъ каганѣць у хати палѣвъ.... Тутъ Явдѡха мерщѣй у жлѹкто и полизла.... а якъ вѣлизла, такъ стѣла дѣвкою! Та й дѣвка жъ немѹдра? И молодѣ, и хорѡша, и чорнѣва, и щѣ, мабуть, красѣвиша видѣ Чернѣговськои протѡпѡливны!

Отъ якъ переродѣлась нѣша видѣма, узала жѣбѣячѡи сметѣнки, та кобылячѡго сѣру, головѡкъ видѣ тарѣни, и поскладѣвши на тарѣлочку, постѣвила передъ свогѡ котусѣ и кѣже: «колѣ, котѹсю, захѡчешъ безъ мѣне йѣсты, такъ ѡтъ тобѣ лѣсощивъ; нескучѣй безъ мѣне, пѡкы я вернѹсь». А самѣ, достѣвши ажъ пѣять дѣйнычѡкъ, погасѣла каганѣць и пѣшла зъ хати, доѣты когѡ йѣ трѣба було.

Тѣлки такѣ що дрѹгѣй пѣвень крѣкнувъ, тутъ Явдѡха що є дѹху ускѡчыла у хату и впѣла мѡвь нежывѣ. А якъ виддыхнѹла и устѣла.... такъ впѣтъ стѣла старѡю бѣбою, якъ и булѣ. Заразъ кѣнулась до свогѡ котѣ и розкѣзує, мѡвь чѡловѣкови: «Котѹсю, кѣценьку! Чѣ нескучѣвъ же ты безъ мѣне? Я трѡшки забарѣлась: пѡкы пообдѡила усѣхъ корѡвъ, овѡчѡкъ, а сѣ ще мѣни трѣба було щѹчого молокѣ на однѡ дѣло; кѣнулась до ставкѣ, та пѡкы врѣжу щѹку зѡпыныла, пѡкы йѣ замѡвила, щѡбъ далѣся здѡйты, ажъ и крѣкнувъ пѣршѣй пѣвень; та хочъ винъ намъ нестрашный, та усє такѣ трѣба було поспѣшѣты, щѡбъ незаспѣвавъ дрѹгѣй; тогдѣ-бъ такъ на вѹлицѣ простѣгѣлась, якъ тепѣрь тѹтѣчка....»

А кить знай хвостомъ помахуе, та ўсамы поморгуе; та що є дўху нявчѣть: такъ-то радъ бувъ своій хазайци, що вернулася.

Отъ вона ёму постановѣла ще усякого молока и сметаны, и стала поратись, та дѣ-що мишаты та варыты на чаклованья, ажъ ось и свѣтъ!.... А тутъ трохы погодя и прыйшла до неи жінка, уся голова обвѣязана, и йде и оха, и прыйшла оха, и сила и усѣ оха.

«А видкыля ты, молодыце?» пыта ій Явдоха.

— Та я здалека! каже молодыця охачуы: «колы знаѣте хўтирь, що на Сухій Балци, а зоветця Безвѣрхый... охъ!...

Явдоха моргонула на котѣ, та й каже: «Нї, нечула и зъ рѣду небула, и незнаю, хтѣ тамъ и живѣ.... Ты-жъ чогѣ до-мене прыйшла?»

— Та не вамъ кажучы, прыкынулася бешыха, та усю пыку мені роздуло.... охъ!.... Такъ от-сѣ менѣ люде нараялы, щобъ до васъ йты.... Здѣлайте мѣлость, титусю, робить що знаѣте, тѣлки поможить, щобъ я сѣгодня-ще выспила до панянки нашои хорунживны, Ёсыповны Олены....» та сѣе кажучы и положила на стѣль буханѣць, пѣятирко яѣць и шага грѣшей.

Зубыха заразъ и кынулася, положила дѣли нѣжъ и звѣлила молодыци стѣты на нѣму бѣсою ногою противъ тѣи щокы, де самѣй дўжчий ѣпухъ; а сама достѣла у покырышку жару, и положила тудѣ кусѣкъ страшнѣи свѣчки, та лѣдану, та клѣптыкъ тѣи хўстки, на чимъ станѣвлять паску пидъ свѣченѣѣ, а молодыцю закутала-закутала, щобъ увѣсь дѣмъ никуды билшь неійшовъ, тѣлки на неи, а сама знай шѣпче, та силѣвуе, та дмѣ на жаръ, а кить нявчѣть на всю хѣту. Отъ кўрыть та кўрыть, якъ тутъ молодыця.... гѣпъ! и впѣла на доливку, мовъ неживѣ. Зубыха ій видволѣдала и посадыла на лѣвку, та й каже:

«Нежурѣся-жъ тепѣрь: мынѣтця, якъ на собацѣ прысѣхне; се зъ очѣй; якѣй-то чорнѣвый пѣрубѣкъ, та на тѣбе дывѣвсь, та завѣдовавъ....

— Такъ и є! Сѣ-жъ нашъ панѣчъ, казѣла молодыця: Такы якъ менѣ ни вздрѣть, такъ у вичѣ и заглядѣ; а на тѣй недѣли узѣвъ, та рукѣю поглядывъ менѣ по щѣцѣ, та й ска-

завъ: «Що за въ чорта гърна молодычка!» Я такъ и згорѣла, та видь того часу такъ менѣ и узяло....

Тутъ Явдоха и стала їй розпытоваты.... объ чимъ їй треба було.... а дали и проводыла зъ хаты, та й каже: «Отъ теперъ добре! Теперъ усѣ знаю, що менї треба....»

VII.

Смутна и невесѣла сыдила на прысыпи была своєї хаты панночка Ёсыповна Олена, хорунживна, на своєму Бевѣрхому хѹтори, що на Сухій Балци, а бѣлыми рученятами коперсала у головї братику свому, пану хорунженку. Винь, сердѣшний, той дѣнь зъ пан-отцемъ, що зайизжавъ до него, поховавшы когось на другимъ хѹтори, та за обѣдомъ, поившы добре варѣныкивъ та карасивъ у сметани жарѣныхъ, та запившы зколотынамы (бо сѣ вже діялось писля Пѣтра), вытягли самотужкы по носатци тернивки, а выпшивкою на дорѹгу запылы; а пидвечѣркуючи, панычъ убравъ ажъ пѣять мандрѣкъ та гѹрщечокъ маслякивъ у маслычку та у сметанци прѣжѣныхъ, що дѹже ихъ любивъ, такъ ёго, хто ёго зна и видь чоґо, и завадыло: отъ винь и прылигъ до сестрыци на колина, та якъ та ёму ськала, а винь и заснувъ. Тутъ прыйшлы зъ поля и корѹвы, и овецѣта; отъ ихъ тутъ была панночки и доють, и молоко у глѣчыкы зльвають.... а вона и байдужѣ! їй выначе ни-до-чоґо и дѣла нема! Забула дывытысь и на дѣиво, забула братику и у голѹвци ськаты, тилки у неи и на дѹмци, що....

Тилки що хотивъ було розказаты, объ чимъ наша хорунживна дѹмала и чоґо була смутна и невесѣла, ажъ ось и прыйшла до неи бабѹся, така старѣнька, така старѣнька, що на превелыку сылу дыбле; отъ пидійшла до неи, та й каже: «Дай Боже вамъ, панночко, вѣчѣрь добрый! Нехай вамъ Богъ помагѣ!»

Ажъ здрыгнула Ёсыповна, що й небачыла, видкыля вона и узяласъ и якъ передъ нею стала; а дали, трѹхы зхаменушысь, и каже:

«Здорѹва, бабѹско! а видкыля тебѣ Богъ прынысь?»

— Та я такъ собѣ... Я и здалеку и нездалеку, я и тутѣшня, я й зовсімъ невидсиль; я и ничоґо незнаю и усѣ

знаю; и хто и по чому журытця, я и знаю и незнаю; и що подіяты, и вмю и невмю....

«Охъ, бабўсю, та ты не прѣста?» пыгаецця Олена.

— Та прѣстисинька, бачъ! Не вѣшого, пѣньскаго рѣду, а прѣста собѣ старѣ баба, незнаю ничѣи журбы, незнаю, хто сѣдячы на прысьпи, журытця обѣ Демьянови, що пишѣвъ у похѣдѣ зъ козакамы; я такы и тогѣ незнаю, хто былѣ колѣдзяя усю ниченьку зъ нымъ просѣдила и на прощѣння зняла зъ рукы сѣбный перстень и видалѣ зъ хусточкою, що самѣ усѣкымы шовкамы вышивѣла....

— Охъ менѣ льхо, бабўско! Та ты усѣ знаѣшь?.... Негомонѣ, будь лѣскова, бѣтѣкъ прокѣнетця, та почѣе, та менѣ смѣятемѣтця.... Нехѣй пѣсля вечѣри я тебѣ поклѣчу, то ты вѣ мене ночувѣтемѣшъ, та й поговѣрѣмо зъ тобѣю!

«Пѣдѣ пѣвнѣ мѣсяцѣ, тепѣрь-то и робѣты що трѣба. Нехѣй бѣтѣкъ ийдѣ до сѣбе у хѣту, збудѣ ёгѣ; а я тобѣ скажу, що трѣба робѣты, та дѣломъ спѣшѣты. Я знѣрошне до тебе сѣгѣдня пѣсля вечѣрни зъ Кѣева пѣшла...»

— Якъ се мѣжно? Зъ самѣсинькаго Кѣева? Пѣсля вечѣрни? Та сѣмѣ немѣжно стѣтысь!» пытѣ Олена дывѣючысь. «Якъ такы мѣжно видѣ Кѣева такъ скѣро дѣты? И блѣзенькы свѣтъ?»

— Пожѣлуй, дѣты немѣжно, такъ мѣ-то знаѣмо, якъ вѣно робѣтця. Збудѣ лышѣнь бѣтѣка швѣдчѣ, нехѣй ийдѣ до свѣгѣ дѣла, менѣ трѣба швѣдчѣ поспѣшѣты.

«Та бѣтѣку щѣсь завѣдыло, трѣха не зъ очѣй. И бувѣ здѣрѣвѣй, та якъ глѣнула на нѣго от-тѣ чѣрнѣва молодѣця, що коло корѣвы хѣдыть, та глѣнула, та й усмѣхнѣлась, я самѣ бѣчыла, та пѣсля тѣго такъ ёгѣ за жывѣтъ и узѣло; чѣ сѣняшнѣцы, нехѣй Бѣгѣ борѣныть! чѣ-щѣ?»

— Се все бѣчи, усѣ бѣчи нарѣбылы; та нежурѣсь, я видѣвѣдѣ. Осѣ збудѣ бѣтѣка, а я навѣчѣ молодѣцю, що ёмѣ трѣба робѣты. Видѣ нѣи стѣлося, вѣнѣ нехѣй и знимѣ.

Олена стѣла бѣтѣка будѣты, що хрѣпѣ на весь двѣрь, а бабўся пѣдѣшла до молодѣци.... а та зъ рѣзу и крѣкнула: «Охъ, тѣтѣско! И вѣ до насѣ прѣйшлѣ?...»

— Алѣ! некрѣчы лышѣнь, кѣже бабўся: «а отѣ-щѣ зробѣ: озвѣмы.... шупѣ-шупѣ-шупѣ.... Ничѣго немѣжно будѣ ровѣ-

слухаты, що їй тамь бабўся шептала, тїлки описля молодїця и каже: «Та дбре, дбре; забавте тїлки панночку.»

— А вже, каже бабўся, сє вже моє дїло. Ходї-жє сюды за мною». Та й прывелá молодїцю до панночки, та й каже: «Ось я навчыла молодїцю, якъ зъ панычá соняшныци зняты; їдї жъ, панїченьку, швїдчъ зъ нею, вона зрбыть тобї, що я звелїла; та швїдчъ робїть, а тó тебе такъ розберє, що й на стїну полїзешъ.»

«Охъ лыпечко! казала злякáвшысь хорунжївна: «Идї-жъ, брáтику, їдї швїдче. Робї ёму, Мотре, якъ бабўся казала. Та робї гарáздъ, неспїшачы....»

Отъ панъ хорунжєнко пшпóвъ зъ молодїцею у хáту, а бабўся, плїось! былá панночы сыла, та й каже:

«Тўжышъ, моя зовўленько, за своїмъ сызымъ голўбонькомъ, та бá! Немá ёгò тўтечка; пшпóвъ далєко, далєко, ажъ до Чернїгова....»

— Та по чóму ты, бабўсе, усє знáешъ? Хтó се тобї розказовавъ, що я тамъ,... чы журюся, чы.... що тамъ такє.... я й незнáю! пытала сорóмлячысь Ёсыповна.

«Вжє-то я незнáю!» каже бабўся: «Нá що-жъ намъ и збóри, колы намъ на нїхъ недывытысї? Гляну зъ вєчера, гляну и о пивнóчи, подывлюсь и передъ свїтомъ, та й знáю, дє що дїетця».

— Колы-жъ ты знáешъ усюды, дє що дїетця, то скажї менї, бабўсю, що рбыть теперь.... сказала Олена, та й почервонїла якъ кармазынь и языкъ ставъ мовъ повстанїй.

А бабўся перехопїла, та й каже: «Демьянъ?»

— Э, ге, ге, ге!

«Суддєнко Халáвський, Омеляновичъ?»

— А тóжъ!

«Ось слўхай, доню, що винъ рбыть: от-сє бўвъ зъ закоамы на мўштри передъ паномъ полкóвныкомъ, та втомївшысь, прыйшпóвъ до-дбму, роздáгсь, розперзáвсь, та й лїгъ сумўючы объ тобї, та й жўрытця, що, дўма, нешвїдко тебе побáчыть....»

— И кáжуть такы, що нешвїдко ихъ зпўстятъ!

«Нежурїсь; мдже ты ёгò и сєгò вєчера побáчышъ....»

— Дѣ-то вже, бабўско, менї ёго побачыты, та щѣ и сѣго вѣчера. Винъ не птыця, щобъ ёму до мене прылетѣты!

«Хочъ и не птыця, а прылетѣты и урбдытця от-тўты передъ тобою, якъ от-сѣ я. Чы хочъ, щобъ прылетѣвъ?»

— Дѣ то вже, моя голўбочко, нехочу! Ажъ жыжкы трўсятця, щобъ хочъ бы ёго побачыты.... Здїлай мўлысть, нехай прылетѣты до мене.... та чы небўде ёму якби видъ то-го надсады?

«Такы ажъ ничогїсинько; винъ на те козакъ».

— Прыкльчъ-же ёго, паньматочко, хоть на часыночку, хочъ на годыночку; хочъ бы я на нѣго подывбўлася! Щд знаешъ, тѣ и робы, а я ничо-го непожалкўю. Усѣ тутъ моѣ, дамъ тоби усѣго, чо-го забажашъ....

«Добре-жъ, дўню, дўбре. Ходимъ своѣ робыты».

Отъ и ввїйшлы у велыку хату, позаципалы и дверї и вїкна, а вже и сўнечко стало заходыты; панночка затопыла въ печї, сама зходыла пў-воду, а ийшла пў-воду, якъ бабўся їй навчыла: не прямо до крыныци, а вўлыцямы обхдыла на-впакы сўнця; прыйшла до крыныци, набрала видро воды, та й вўлыла на схдъ сўнця; дрўте набрала и вўлыла на заходъ сўнця, а трѣтѣ набравшы—що е дўху, неоглядаючысь, и вгпять не прямо, а вўлыцею за сўнцемъ. Отъ якъ прынесла, та й настановыла кашныкъ зъ водою; а бабўся достала зъ за пазухы зїлля: любыстку, матерынки, чорнобрывцю, цвїту папороти, тырлычу, та усѣго по пўчеци всыпала въ кашныкъ, та й прыстановыла до вогню; а сама узала мукы пшенишнои, замисыла водою, та й выняла зъ калыткы у папирци кўшачо-го мўзку, видколупала пўлцемъ, та й положила у те тїсто; дали достала у себѣ зъ хўстки, що бувъ завязанный, сльдъ пана Забрѣхы, та й роздильла пополамъ и одну часточку всыпала у тѣ-жъ такы тїсто, замисыла и вкачала кўржыкъ, посадыла въ пїчъ нектысь, и усѣ зъ прыговоркамы та сплѣвуваньямъ, а хорунжївни звелїла сдыты на полу, пидибравшы нўгы пидъ себѣ, нежахатысь, и що вздрѣтъ, небоятысь ничо-го и усѣ дўматы про сво-го мылодана.

Отъ якъ кўржыкъ зпїкся, вона й дала ёго згїсты Олѣни за тры разы, запываючы зъ водянчыка водою, що на-шпѣтала бабўся; а за тымъ и горщокъ зъ зїллямъ ставъ за-

*

кыпаты. Бабуся, гукнувши на Ёсыповну, щобь ничого не жахалась, узяла другу частку слида Уласовычового, та й всипала у кыпьячий горщык и стала мишаты, а сама ажъ у пичъ мовъ улизла, та що е дѹху и крычыть: «Терлычь, терлычь! десятѣхъ прыклычь, а зъ десятѣхъ девъятѣхъ, а зъ девъятѣхъ восьмырѣхъ, а зъ восьмырѣхъ семырѣхъ, а зъ семырѣхъ шестырѣхъ, а зъ шестырѣхъ пъятырѣхъ, а зъ пъятырѣхъ чотырѣхъ, а зъ чотырѣхъ трѣхъ, а зъ трѣхъ двѣхъ, а зъ двѣхъ одногъ та доброго». Та й примовыла ныщечкомъ, щобь хорунживна нечула: «пана сотныка Конотопського Забрѣху, Уласовыча Мыкыту; а хто жде та дождѣа, такъ нехай соби дрима». Та й дмухнула на Олену, а та ни зъ сѣго ни зъ того и стала соби дриматы.

Впьять вража баба стала горщыкъ мишаты и впьять крычыть у коминъ тѣи-жь рѣчи: «Терлычь, терлычь! десятѣхъ прыклычь.... та й звела на одногъ, усѣ такы пана Уласовыча, дали й примовыла ныщечкомъ: «а хто сыдыть та ждѣть, той нехай соби заснѣть.» Та впьять дмухнула на хорунживну, а вона, сердешна, такъ и заснула....

Стала бабуся у трѣтѣ мишаты зильля и вжѣ що е дѹху у трубу крычыть на терлычь; и якъ довелѣ до одногъ, такъ ажъ запыщала видѣ натугы, крычачы зо всеи сѣлы, та зовучы пана Уласовыча, а на хорунживну дмухнула и говорить: «а хто спыть та сопѣ, такъ нехай и захропѣ.» А видѣ сѣго пѣнна Ёсыповна—бѣбѣхъ у подушкы, та й захропѣла на всю хату.... А тутъ щось изъ синѣй у хатни двѣри—гѣпъ! та й стѣгне, и щось мурныче, и ѡхка.... Побачымъ описля, що-то-тамъ булѣ....

VIII.

Смутный и невесѣлый стоѣвъ, рѹкы зложывши, хвѣброн Конотопської сотни панъ сотныкъ, Уласовычь Мыкыта Забрѣха, у славному сотѣнному мистѣчку Конотопи, на вѹльци, была шынку, де усегдѣ збиралася сотня чы на мѹштру, чы на перелику, що чы невтѣкъ котѣрый козакъ часомъ бува. Стоить винъ, сердцеа, рѹкы зложывши, голову понѹрывшы, мовъ вѣль передѣ ярмомъ; а козакы на-чысто, усѣ сотня якъ склѣ, передѣ нымъ стинѣю стоять, шапкы поскладавши на прысыпи у шынку, щобъ якъ бѹде якѣ мѹштра, такъ щобъ

непознадали зъ голóвъ, а дитвóра, що тутъ такъ и бита кругъ козацтва, щобъ неpidибра́лы, та незапротóрылы куды геть. Такъ от-тò стоять козаки и ждуть, щò зъ нými бóдутъ робыты и якый прыказъ бóде, та промèжь сéбе дèщо и базикають, мовъ водá на лотокахъ шумыть, ажъ луна йдè; та достáвши зъ халявъ, хто рижóкъ зъ кабакою, та нюхають, та чхають; а хто люльку, та туть ий розпалывши и смòкче.

Панъ Забрéха сèгò ничòго неважá, и небáчыть, и нечúе, щò край ёго дiетця. Ёмý здаётця, що винъ и дóсе слýха, що чытавъ ёмý панъ пýсарь Конотòпської сòтни, Прòкипъ Рыгóровычъ Пистрýкъ. А сèй давнò вже прочытавъ, що трéба, та зложывши бомáгу, кладè у кышèню.... Ажъ óсь панъ Уласовычъ здыхнóвъ тóжко та вáжко, мовъ ковальскый мýхъ, та й пыта пýсаря:

«Здýлай мýлость, прыятелю Рыгóровычу! розкажы менй словáмы, щò ты тамъ у лепóрти чытавъ? Ты знаэшъ, що я ничòго пысьмèнного неровжую, хочъ и у шкóли вчывся, и вiрую почáвъ булò вчыты, та на «же за ны», якъ затýвсь, та й покýнувъ пысьмò. Такъ ты менй нечытай, а розкажы, щò от-се за лепóртъ прынись козакъ зъ Чернiгова? Адже мы посла́лы лепóртъ, що у похòдъ неpidемо, хочъ нехай киль на головй тèпуть; намъ нýколы, дрýге дiло зайшлò; такъ чо́го ще вони пащыкúють?»

— Уся спýрра Чернiговська безúмыю удадèся! ставъ казáты прокáшлявшысь панъ Пистрýкъ: «возпысúють предпысáные и лáють васъ, пàне сòтныку, и менè — гмъ, гмъ! — возсозывáють — прощáйте у симъ слòви — дýрными, занèже мы возгнуцáлыся ихъ повеливáнымъ и ненаправыхомъ стопы нàша до Чернiгова».

— Догадáвсь, хочъ черезъ десáте пýте уторòпавъ, щò ты, пàне пýсарю, говорышь; такъ сè-бъ-то намъ усè-такы збирáтысь до Чернiгова?

«Не инáче, якъ обáче!» сказавъ Рыгóровычъ моргнувши úсомъ.

«Такъ трýсьця-жъ ихъ мáтери! Отъ имъ дýля пидъ нысь!» Та зложывши дýли, и ставъ крутыты. Крутывъ, крутывъ, та на Чернiговъ и посыла, та усè прыцмòкуе. А дáли якъ

крыкне: «Непиду; я имъ пославъ черезъ кривого лепорть, що намъ ніколы».

А панъ Пистрякъ и каже: «Та нашъ кривый ищѣ не-сотворивъ дошкандыбаня и до половыны путі. Невозмущайтесь, пане сотныку; мы неизыдемо, дондеже неполучымо от-витствованыя на наше сомнытелство».

— Такъ-такы, Рыгоровичу, нейдѣмо. Бачъ, якъ я мѣдро законпонававъ? Нейдѣмо та й нейдѣмо. Ну, хлопци! Сонечко заходыть, розходьтесь вечеряты, а завтра чымъ свить зъ ко-самы косыты мені. А ходимъ, пане пысарю, до мене вечеряты; Пазька налипыла мѣдрыхъ вареныкивъ та зпругла яѣшню.... Ой, лышечко! ой, ратуйте! ой, бидá! ставъ панъ Уласовичъ не-своймъ гóлосомъ прѣби крычаты та за-бокы хвататысь.... Панъ Пистрякъ и козацтво кынулось до нѣго, що щѣ ёму тамъ сталося? Ажъ винь.... шелѣсть!... пиднявъсь до горы и полетивъ, якъ птыця, усѣ такы крычачы, що ё гóлосу....

Щѣ-жъ-то ужажнулыся усї люде у славному сотенному мистѣчкови Конотопи, якъ побачылы, що ихъ прехабромъ сотни панъ сотныкъ, Мыкыта Уласовичъ Забрѣха, та пиднявъсь пидъ самисиньки небеса и безъ крыль, та летыть, якъ тая птыця! И жинкы, и мужыкы, и малá дитвора, та щѣ-то! и старі по-выповзали зъ хатъ дывыгысь на таку пройву, и усї-жъ-то позадырала гóловы и дывлютця, якъ панъ Забрѣха, мовъ птахъ якый замѣрсьый, летыть по-пидъ небесамы: рукамы бѣвта, мовъ крыламы, черкѣска ёму роздуваѣтця, ногамы дрыгá, шаравары напужылысь, самъ употивъ нибы у гарячий бани, и летыть и крычыть, и де заздрить на зѣмли чоловіка, то скил-ки ё гóлосу пыты прѣсыть. Сѣе бачачы, старі люде плюють, жахаютьця; жинкы голосять зъ переляку, а малымъ дитямъ не одному довелся переполохъ выываты. А то-жъ и нестрашно?...

Прѣкипъ Рыгоровичъ, бачачы такѣе дѣво, ставъ задрáвшы до горы гóлову, ротъ роззявивъ, ажъ горлянку выдно, очи вылушывъ та рукамы знай розмахуе, що-бъ-то пиньматы та вдѣржаты пана сотныка, що полетивъ якъ гусакъ. Та й ко-зацтво усѣ, такы усѣ до одного дывовалыся на сѣю кумѣ-дюю.... Та якъ и недывоватысь, бачачы, що чоловікъ о своймъ умі ни зъ тѣго, ни зъ сѣго полетивъ якъ птахъ. И колы-бъ се о-пивнѣчи, якъ усѣка нѣчысть товчѣтця, а то ще й со-нечко тѣлки-тѣлки що зайшло....

Старá Лёзныха лёдвè видь старосты та видь недугы вѣйшла на вдвѣрѣя и дѣвлячысь на козакѣвъ, якъ вонѣ збирáлысь, якъ промежь сѣбе жартовáлы, якъ лагодылысь муштру выкыдáты, здыхну́ла, та й кáже: «Слáва тобѣ, Гбсподы, що я не козáкъ! Нездужаю и черезъ хáту перейты, а тó-бъ трѣба бѣгаты та борóтысь, та муштровáтысь! Нехóчу, нехóчу козакóмъ бѣты!» та й задывѣлась на ныхъ, а дáли..... зѣркь! Летѣть по-надъ нею щось такѣ страшнѣ.... Розглядѣвши, потюпала до козакѣвъ и стáла имъ розкáзоваты, щóбъ вже не дожыдáлы пáна сóтныка, бо вже винъ у вѣрѣй полетѣвъ. «Я, кáже, самá бáчыла: летѣть мовъ ворóна, тѣлки що не крáка, а знай пѣты прóсыть.....»

Панъ пѣсарь и козакѣ —ничого робѣть —порозихóдылысь и порозкáзовалы, хто небáчывъ, якъ Конотопськѣй панъ сóтныкъ, Мыкѣта Улáсовычъ Забрѣха, полетѣвъ мовъ ворóна..... И усѣ-жъ-то, хто про сѣ не почѣе, здвыгнѣ плечѣма, та й дывѣетця и кáже: «Жды-жъ добрá, колы и начáлство нáше обвѣдмылось!» А Прóкипъ Рыгóровычъ знá де рáкы зимѣють! Винъ хочъ и перелякáвъсь, та незабѣвъ ни про варѣныкы, ни про яѣшню, ни про Пáзьку: гѣлькъ до неѣ на вечѣрю..... та про пáна сóтныка вже и незгáдовалы.

А нашъ панъ сóтныкъ летѣвъ, сердѣшний, летѣвъ видь сáмого Конотопу и незнá, де винъ опѣнытця, и що зъ нымъ бѣде, ажъ гѣлькъ! —хѣтирь, и винъ чѣе, що ставъ зпускáтысь усѣ нѣжче, нѣжче..... Розглядáетця, прыдывлѣетця, —ажъ сѣ хѣтирь Безвѣрхѣй, що на Сухѣй Балци.... Отъ летѣть та летѣть по надъ хáтамы, та въ хорунжѣвнынъ двѣрь, дѣ вже винъ разъ бѣвъ.... Отъ якъ улетѣвъ у двѣрь та до хорунжѣвныноѣ хáты, та у сѣны, та прямѣсинько у хáтнѣ двѣри, що зачѣнени и изъ серѣдыны защѣпнути булы, гѣпъ! мовъ дóвбнею, та тутъ и простягнѣвъсь якъ колóда и недѣше, и невóрушытця.....

От-сѣ-то гѣпнуло у хáтнѣ двѣри, де чакловáла надъ хорунжѣвною Конотопська видьма, Явдóха Зубѣха.

Отъ Явдóха зáразъ и обизвáлась до него: «Нестогнѣ дѣже и небóхай, щóбъ хто непочѣвъ, та йдѣ швыдчъ у хáту». Видщепну́ла ёму двѣри, клѣче ёго, клѣче; ажъ немá глáсу, ни послушáныя: лежѣть нашъ панъ сóтныкъ, мовъ одубѣвъ! Нѣчого Явдóси робѣты, поволоклá ёго самотѣжкы у хáту и якъ

переволоклá на дрúте мйсце, винь и застогнавъ и очыма лупь! и непызнае, де винь се опынйвьсь? Розглядаючы усюды, пызнавъ Зубыху, заразы, стóгнучы, и почавъ кореныты батька и матирь йй, шо зробыла надь нымъ такú кáпость. А Явдоха тйлки знай своё товчэ: «Незнаешь свогò щáстя! Та некрычы-бо, розбúдышь усю двйрню. Щó-жь бúдешь дйаты: злякавсь, злякавсь; нйгде дйтысь. Нйколы теперь тобй переполоху выльваты. Нá-лышень, понюхай сёгò». Та й пиднеслá емú пидь нйсь тёртого хрйну. Винь якъ нюхнувъ, та й чхнувъ ажь трычи, а дáли стáвъ просыты пыты. Явдоха узялá воды, пошептáла надь нёю, збрызнула ёгò тою водою, дáли злызала языкóмъ хресть-нá-хресть черезъ вьдъ, щобъ зъ очей чогò нестáлось, та й далá емú тйй воды напытысь. Винь за одынъ ковтóкъ чымáлый водйнчыкъ такъ и высушывь, та й кáже: «Дáй, титусю, щé». «Алé!» кáже Зубыха: «я тебе не пыты сюды прыклькала. Покынь трыхы та мныхы, та прыньмайсь за дйло. Бáчъ, якá крáля лежыть!»

Пань Забрéха озырнувъ очыма, ажь и вздрйвъ, шо на полу спыть пáнна Олéна.... та такъ и задрыжавъ, мовъ опáренный. Та й спáвды-жь-бо крáля булá! Тó хорóша булá, а тò, якъ ровиспáлась, та и розчервонйлась, шо твйй кармáзынь, або рóжа у садú; карсетъ розщепнувся, сорóчка розхрйсталась..... кóсы тйлки, якъ порозпускáлысь, такъ тй вже прыкрылы пáзуху, та й то незовсймъ.....

Улáсовычъ нашъ якъ вздрйвъ такú крáлю, та такъ и заходывсь кругъ сóднои, мовъ павычъ; тйлки навспынячкы танцюе быля нёи та розглядá, та плáмка, та слынку ковтá; забувъ и прáцю свою, шо стйлки перелетывъ, и забувъ, шо й пыты просывъ. Нейдэ на умъ ни ййдá, ни водá, шо передъ очыма бидá!

Винь-бы шо-небудь и прыдумавъ... гмь! такъ Явдоха ёгò зá полу сйпъ и прытягнóла до пéчи и кáже: «Схаменыялышень, блáзню! Трёба дйло робыты, а не хáнькы мнйаты. Нá-лышень от-сю жáбу, та й зкруты йй голóвку нáбикъ, и ще жывú, неадóхпу, укынь мерщйй у пйчъ за жáрь». Отъ пань сóтныкъ и зробывъ усé, якъ велйла емú Явдоха, и ще жáба пыщáла, а винь йй и вкынувъ у пйчъ, видкылá Зубыха увесъ огòнь выгромадыла на прыщичокъ.

Якъ зпеклась и зсупылась тая жаба, Явдоха достала їй, обирвала усє мнѧсо, а кисточки повбирала и стала зъ ныхъ выбираты: отъ и знайшла одну, точнѧсинько якъ выдєлочка, и навчыла Уласовыча, що зъ нею робыты.

Пань Забрєха прытулывъ тую выдєлочку до сєрця пѧнны хорунживны.... вона зѧразъ зъ проснѧня и заговорила и кѧже: «....И вжє мєнѧ пань Халѧвськый!... плюю на нєго.... Мыкыточку, мѧй голубчыку! дє ты? прыбуди до мєне: хочьбы я на тебе подывылась.....»

Уласовычъ зъ рѧдощивъ якъ зарєгочетця на усю хѧту и якъ-бы неспынула єго Явдоха, то такъ-бы и кынувь на хорунживну; такъ тѧ єго за-руку—дєргъ! видвелѧ, та й навчыла, що ще трєба робыты.

Отъ пань сѧтныкъ и стоить былѧ нєи та знай зъ одной кышєни выньме каменючки, то каминьци, крѧймашкы, скляночки, жарнивки—се все надавала єму Зубыха—отъ выньме жмєну сєгѧ добра, подєржыты на руци, побрызчыты, та й пересыпле у другу кышєню, и такъ довго робывъ, а пѧнна хорунживна знай зъ-проснѧня проговѧрює: «Мыкыточку, дѧшко Уласовычу! часъ видъ часу дѧжче тебе люблю!»

Дѧли Явдоха подалѧ єму жѧбьячу кисточку, що ненѧче карлючка, и по їй наущєнню, тѧлки пань Забрєха заколупнѧвъ хорунживну легєсенько пидъ сєрцемъ, такъ вона такъ и розпѧлѧлася и стала казѧты: «Нехѧчу..... за Халѧвського..... несылуйте мєнє..... видѧйте мєнє за Забрєху..... колы невидѧстє..... утечу.....»

Туть Явдоха видвелѧ Уласовыча видъ пѧннѧчки и кѧже: «Бѧчь, якъ я зробыла, що вона тепєрь на Халѧвського плєвѧтєме, а за тобою вбывѧтетця. Тепєрь зовсѧмъ: порѧ до-дѧму.....»

— Якъ до-дѧму? Тѧлки усєгѧ и бѧдє? пытѧвъ пань Мыкыта.

«Бѧдє зъ тебе и сєгѧ; чогѧ тоби билшъ?» кѧже Зубыха, «Тепєрь нежурѧся ни объ чѧмъ и жды, якъ вѧны по тебе бѧдутъ прысылѧты и пѧнькатысь коло тебе. Тепєрь пойдѧмо до-дѧму».

— Якъ-жє мы, тѧтко, пойдѧмо? Колы впѧять летѧты, то цѧрь єму; єй! немѧжу!....

«И ни вже, сынку, и мени тебе жаль. Теперъ пойдѣмо, та хочь ты дорѣгою дримай, хочь и спи, то небійсь ничѣго. Перѣдь свитомъ будѣмъ дѣма. Я завтра вгяять тутъ буду и дамъ панни Олѣни от-сїй жабьячїи кисточкы, щѣбъ носыла пры собї; помы будѣ носыты, поты будѣ тебе любыты. Ходимо-жъ зъ хаты та й пойдѣмо; а то вже скѣро панночка прокынетпя».

Отъ Зубыха позбирала усѣ свое, позкладала, якъ їй трѣба було, узяла дныще и веретѣно, и выйшла зъ Уласовычемъ зъ хаты. Выйшовшы, каже пану Забрѣси: «Сидай на дныще по козацьки, мовь на коня; а я де-небудь прычеплюсь; мени не первына».

Тяжки такы шо Уласовычъ занїсь нѣгу, Явдоха якъ свѣсне, якъ цмокну!.... дныще пиднялося у гѣру, на нѣму панъ сѣтныкъ вѣрхы, а зъ-заду пидсїла Явдоха та знай веретѣномъ поганя, та цмока, та прыговорюе, мовь на кобылу, и пиднялыся пидъ самы небеса!....

Сыдыть нашъ Конотопскый сѣтныкъ Мыкыта Уласовычъ Забрѣха на дныщи, мовь на коня; нѣгы ѣму безъ стремѣнъ такъ и телипаютьця и, щѣбъ невпасты, рукамы держытця за тѣе дныще, а вонд чкурыть! вонд чкурыть, ще прѣдче, чымъ Яцькова прыблѣда; а на-зади Уласовыча прычепылася Зубыха, та ажъ скыглыть видъ холоду, бо витерѣць продувавъ, и їй крѣпко скубѣнты¹ докучалы.

Невспылы воны дѣбре оглядытись, ажъ вже и Конотѣпъ недалѣко. Явдоха щѣсь забормотала, ажъ ось дныще усѣ ныжче, усѣ ныжче..... та плѣсь! быля Забрѣшыныхъ ворить и впало.... Панъ Уласовычъ якъ гѣпнуть, та ажъ нестямывся и невздривъ, якъ Явдоха зъ дныщемъ зчѣзла, и невглядивъ, хтѣ зъ ѣго хвѣрткы шморгнувъ, тылки и бачыть, шо Пазька когѣсь проважала.

«Чы се вы, паныченьку?» пыта вѣна своѣго Уласовыча: «Дѣ се вы пропадалы и дѣсе..... я от-сѣ усѣ за вѣмы журылася.....»

— Чогѣ-жъ ты выйшла за ворѣта? розпытовавъ їй панъ сѣтныкъ.

«Изъ журбы!» каже Пазька.

¹ У Кулиша—дрыжаки.

— А когò-жъ ты провожала зъ двора?

«Та тамъ.... чужый бычòкъ забравсь булò, до вашои скотыны, такъ я.....»

— Бычòкъ! до скотыны! Гмъ! ворчавъ соби пидъ нисъ панъ Мыкыта ухòдячы у хату, та й звеливъ засвтыты свитло, бо у хати булò пò-ночи.

Унесла Пазька свитло.... дывытця панъ Забрèха, що на столй недойдени вареныкы, и дви лòжки, и дви тарылкы, и носатка, вже порòжня, а дулывкы катъ-мá!... Помòршывьсь, закопыльвь гýбу, та поворчавшы: «Бычòкъ... до скотыны!» та й пипòвь у свитлыцю, погасывь свитло та й бебèхнувъ на лйжку, та подумавшы: «катъ ихъ беры! въ мене ё теперь хорунживна!....» та й захригъ на всю хату.

IX.

Смутна и невесела, прокынувшысь, сыдла на лйжку пánна хорунживна Олена Ёсыповна у своий хати, у Безвèр-хому хутори, що на Сухий Бálци. Сыдыть, позиха, очыци протыра и сама себе нерозберё, дё вона, щò вона, щò зъ нею робылось, щò йй такё снылось и видъ чòго йй такъ тажко та нудно.

Ажъ ось, де неузялась Конопòпська видьма Явдòха Зубыха. Увишэдшы у хату й каже: «Добры-день тобі, пánночко! Чòго ты така смутна та невесела?»

— Охъ, бабýсю! теперь я усё згадала!... Щò се ты зо мною наробыла?... Такъ òхàючы казала пánна хорунживна.

«Алè! мовчы та дышь!» каже Явдòха: «на-лышень отсей капшучòкъ та на шнурòчку почепы на шыю, то усё гараздъ бóде». Та сёе кажучы и почепыла йй на шыю капшучòкъ, а въ тимъ капшутци жабьяча задня права лапка та зъ неи-жъ пересушене сёрце та лобовà кисточка, та Мыкытòвого слйду трòхы. Тылки що се йй почепыла, такъ пánна Олена и повеселишала, якъ зъ воды выйшла. Очыци такъ и палають, щòкы зачервонылы, а сама и на лйжку невсыдыть, кынулась до Зубыхы, та ажъ плаче та прòсыть:

— Титýсю, голубочко, паньмáточко! Щò хочъ робы, тылки виддай менё за Конопòпського пана сòтныка Забрèху, я такы гараздъ и незнаю, якъ ёгò зовуть. Виддай, виддай швидчъ менё за нёго.

«Адже вінъ тебе сватавъ та ты ёму пиднесла печёного гарбуза?»

— Та то я була дурна та божевильна..... нерозгляділа ёго дёбре, нерозпыталася людёй, непослухала братака..... Тепёрь мені свить немыль безъ него!....

«Адже-жь ты любышь паныча Халівського, Омеляновича, суддёнка?»

— Та то я була дурна та божевильна! Видь учорашиёго дня и цурь ёму и пекъ ёму видь мене; и незпомынай про него. Одно въ мене на думци, що хочъ абы побачыты пана Забрёху та надывытысь на него, та прыголубыты ёго, та щобъ вінъ менё взявъ.... Та сёе кажучы, беркыць зъ лйжка до нигъ Зубышыныхъ, та й лежыть, и плаче, и прёсыть: «Зробы, титусю, щобъ вінъ менё узявъ, я тебе тры го́ды буду ридною ма́тирью зва́ты, буду тебе и поважа́ты и шанова́ты. Колы-жь вінъ видь мене видцураётця, пиду свить за очыма, сама собі сме́рть заподію.....»

«Та го́ди-жь, го́ди, угамуйся!» казала їй Явдо́ха и пидняла їй зъ до́лу та й посадыла на лавци: «Ось увиде твій братакы, ты ёму несоромлячысь усё розкажы; нехай йиде мерщій у Ко́нотопъ до пана Забрёхы та й скаже, щобъ прысылавъ людёй за рупныкамы. Онде-жь и братакы йиде до тебе, а я пиду у Ко́нотопъ та зъ Забрёхою зроблю, що треба; нежурысь, та диломъ поспишай». Та сёе кажучы и пишла зъ ха́ты, а панна хорунживна їй у слидь крычыть: «и хустку, и весильну шышку тобі дамь.....»

Ажь ось ввійшовъ до неї у ха́ту братакы їй, панъ хорунженко, на лычку вже веселёный, неначе и небувъ недужъ, такъ дёбре помогло ёму видь зава́ру со́няшныць.

«Що, братаку, чы ты здоро́въ?» пытала ёго сестрыця, панна хорунживна.

— Тилки передъ свитомъ зпочывъ пился зава́ру со́няшныць та й заснувъ на вси за́ставки. Та тепёрь и ничёго. Такъ казавъ панъ хорунженко.

«Ну, братаку! Нежурыся; скоро́ вже тобі буде во́ля йты у чёнци», стала казаты панна Олёна, посу́пившы очыци у зёмлю. Я вже.... выбрала.... собі жениха.....» казала Олёна та й засоромылася и почервоніла якъ ра́къ.

— А когб?

«Пана сѣтныка Конотопського, Забрѣху».

— Що печенымъ гарбузомъ подѣштувала?

«Эгѣ!»

— Адже ты, бачытця, щось пылѣнько прылыпала до пана Халѣвського?

«Цуръ ёму! и незгадуй про него. А здилай мѣлость, пойдь до него у Конотѣць та й скажы и попросы, щобъ сѣгодня, або хочъ завтра, нехай прысыла людѣй за рушныкамы, а у недѣлю и весѣлля».

— Та щѣ се тобі такъ никола прыпало? пытавъ йи панъ хорунженко, а самогѣ ажъ за живѣть узялѣ, що вже и ёму недѣвго брышкаты у мыру. «Щѣ-бъ мѣже хочъ трѣхы оглядилася, а то шыты-бѣлыты, завтра велик-день!»

«Умру, колы черезъ тыждень непиду за пана сѣтныка! Я ёгѣ сѣгодня бачыла уви-снѣ: що за хорѣшый! якъ намалѣванный; а багатый? такъ и мѣры нема: такъ и пересыпа зъ кышѣни у кышѣню и грѣши усяки, и сребни, и золотѣ, и жѣмчугъ, и усяке дорогѣ камѣнѣя.... Здилай мѣлость, брѣтику. сокѣлыку, лебѣдыку! Поспишай яко мѣга. Привезы и ёгѣ зъ собѣю, привезы и людѣй, щобъ кому швѣдчъ рушныкѣ подаваты.... або людѣй нетрѣба, и тутъ назбираемо; тѣлки ёгѣ мерщѣй, ёгѣ до мене везы!»

Такъ урагова Конотопська вѣдьма нарѣбыла, що бѣдна дѣвка ажъ на-стину дерѣтця та прѣби бажѣ пана сѣтныка Уласовыча Забрѣху.

Нѣчого пану хорунженку рѣбыты! Звелѣвъ снѣдаты подѣты, йѣсть и дѣма. Неудовѣльсѣя и ненадѣмавсѣя, забажѣвъ обѣдаты; обѣда и дѣма. Дѣдали якъ пообѣдавъ та й надѣмавсѣя и кѣже самъ собѣ: «Панъ Халѣвський и у рѣтъ ничѣго неберѣ, а панъ Забрѣха—неузѣвъ ёгѣ чѣртъ, непролыва; щѣ щобъ и и менѣ перепѣвъ. Ну, дарма! видѣдамъ сестру за него та зъ годъ мѣсѣця зъ молодѣмы поживу». Такъ порѣявшы самъ зъ собѣю, сѣвъ на визѣкъ та й чкурнувъ у Конотѣць, прѣямѣ-синько до пана сѣтныка, Мыкѣты Уласовыча Забрѣхы.

Тутъ наша пѣннѣчка и заходѣласѣя пѣратысѣя и кѣ свѣтаньню прыбирѣтысѣя: хѣту мѣе, столѣы, лавкѣы, мысныкѣы змыва, шыцю пѣтра, лѣкшыну крѣше, горшкѣы наставлѣя, рушныкѣы налагожуе..... такъ, що вси нанѣмычкы ажъ позасѣповалысѣя видѣ такого пѣранѣнѣя.

X.

Смутный и невеселый сидив пань судденко, Демьянъ Омеляновичъ Халявський у своимъ хутори, у пустій хати, видкиль повыганявъ усихъ изъ сёрца. И знай то сёрдивсь, то сумовавъ, то лаёвъ усякого, хто тилки на думку ёму прыходывъ, то світомъ нудивъ, и зъ журбы ажъ захлявъ. Якъ-же ёму було и нежурытысь? Панна хорунживна, що зъ Безвёрхого хутора на Сухій Бάλци, Олена Ёсыповна, котра побожылась и заклялася, що ни за кого замижъ нейдё, опрйчь ёго, що не одынъ вечиръ винъ зъ нею до пивночи просыдивъ пидъ вербою, быля крыныци, зъ котрою винъ и перстенямы обминывьсь, котра ёму святою Пятинкою забожылася, що тилки винъ вернетця зъ походу видъ Чернигова та прыпле людёй, то вона заразъ и подаё рушныкы.... а винъ на сёе понадявшысь та у Чернигови ажъ пятаь кйпъ протрясь, щобъ ёго недержалы та видпустылы оженытысь...; що винъ, вырвавшысь зъ Чернигова, бигъ якъ скажёный до своего хутора, бигъ и ничъ и дёнъ, и коня занастывъ и самъ ажъ засапавшысь ускочывъ у хату, та мерщй и гукнувъ на Хиврю, такы свою наньмычку, щобъ бигла, дядкывъ та троюродныхъ братывъ до него прыклькала, щобъ мерщй бралы хлйбъ святый та палычкы, та йихалы-бъ до панны хорунживны за рушныкамы...; ажъ тутъ ёму Хивря и пиднесла пынхву: «що, каже, панну хорунживну вже просваталы за пана сотныка Конотопського, Мыкыту Уласовыча Забрёху, що вже й рушныкы подавалы, и сватанья запылы такъ що ну! що тилки той, хто небувъ на сватаньи, той небувъ пьяный, а то усй лоскомъ лежалы ажъ до другою пивдня; що завтра буде и весылья, що вже панночка зъ розпущеною косою, звысно якъ сыротá, по вулицямъ у Конотопи зъ писенькамы ходыть и дружечокъ збира; що ёго дядыны понаряжовалысь и пышлы у Безвёрхый хутирь короваю бгаты; що самъ панъ Забрёха прыиздывъ и поеднавъ имъ слипого скрыпныка на весыльи граты....» Сёе усё якъ повыслуховувавъ панъ Халявський, та якъ роззявивъ ротъ слухаючы, то винъ такъ ёму и zostавсь, ажъ патёкы потеклы. А дали якъ затрусытця, неначе у лыхоманци, очи ажъ на лобъ повылазылы, та мовъ горятъ, та якъ зложывъ кулакы, якъ хрыпне себё по головй, що на сылу устоявъ и довго чмеливъ слухавъ, дали вже якъ почавъ, мовъ розперё-

заний, лаяты и панну Ёсыповну, и пана хорунженка, и пана Забрёху, и дядьківъ, и дядынъ, и бративъ, и невестокъ, и дружокъ; и коровайныць, и слипого скрыпника, и наньмычку Хіврю.... вже коренівъ-коренівъ; вычытувавъ-вычытувавъ, ажъ піна ёму зъ рота бѣе, мовъ у скаженого.... а дали якъ кынетця до Хіври..... такъ-бы їй и розтерзавъ, якъ-бы не догадалася та невтеклá.

Отъ-то винъ zostавсь самъ собі у хати та й сумовавъ, и журывсь, и зъ сёрця понарывавъ собі зъ головы волосься півни жмѣни.... та якъ здума, що вже неможно ни-чымъ дѣла поправыты, та такъ и заголосыты, ажъ завѣе, мовъ пан-отцевський хиртъ, та й подерётця на-стину.

Вже въ десѣте товкмачывъ себѣ то по головѣ, то по грудямъ кулаччамъ и тилки що надумавъ було головою обѣ-стину товктысь.... ажъ.... рыпъ!.... и увійшла у хату бабуся старá та престарѣнна, згёрбылася, черезъ сылу ногы волочѣ и палычкою пидпираетця. Війшла, поклонылася, та й каже: «Добры-день тобі, паныченьку!»

А панычъ мовчытъ, вытрищывъ очи, та сопѣ.

«Чому такы въ тебѣ нема ни-якого поранья?» каже баба, непотураючы, що винъ дывытця на неи мовъ скаже-ный. «Ни птыци непатрають, ни баранця незарызано и мукы на локшыну нихто некрыше! Отъ-такъ прыберысь! Завтра въ него весільля, а винъ собі и ов-ва!....

Незнаю, дѣ-бъ то опенылася сѣя баба и якъ-бы захру-стылы їй кисточки, и хтѣ-бъ-то ихъ и зъ цуцыкомъ позби-равъ, якъ бы Демьянъ Омеляновичъ нерозсёрдывсь за сій ба-бусыны рѣчи такъ, що вже неможно былшъ! Пины ёму пѣв-ный рѣтъ, ажъ черезъ край течѣ, и языка неповѣрне, тилки трусытця, та кулакы зтулывъ, та скыглытъ, мовъ кривый цу-цыкъ. Думка така, що якъ-бы щѣ трѣхы, то винъ-бы зъ сёр-ця лѣннувъ. Та якъ такы и зтѣршиты? Тутъ чоловікови зо-всімъ бидá! Тилки було налагодывсь женытыся и людѣй по-сылаты зъ хлѣбомъ, а тутъ ёму дѣвка и пиднесла печѣного гарбуза! Та ще жъ яка й дѣвка? Та що любылася зъ нымъ трѣхá чы не былшъ гѣду, що не одну ничъ просыдила зъ нымъ пидъ вербѣю былля крыныци и тутъ божылася и запрысягла-ся, що ни за кѣго не-пидѣ, опрѣчь ёго; а тутъ, одно тѣ, що їйдѣ за дрѣтого; а дрѣте тѣ, що їйдѣ за пана Конотопського

сѳтныка, Забрѣху, надъ котрымъ вона и за-очи и въ вичи насмихалася. Такъ якъ-тутъ було пану суддѣнку зтѣршиты, що писля такѳи биды, прыйшла бабуся, та ще й така, що гыдко скипкѳамы узѳты, та й тѳ надъ нымъ кепкѳе. Виньбы, кажѳ, потрощѳвъ бы ий на на шматкы, якъ старый деркачь, такъ ѳмѳ дѳхъ заперло и винъ нездѳжа и поворущѳтысь, а вона тымъ чѳсомъ и каже:

«Чогѳ-бо ты такъ лютѳешь? Мовчѳ та дышь, та слѳхай мене. Бѳду я сѳча дѳвѳка, колы пѳнна хорунжѳвна Олена, що зъ Безвѣрхого хѳтора, небѳде за тобѳю ще зѳвтра чымъ свѳтъ».

Якъ сказаѳла ѳмѳ се бабуся, такъ винъ зъ рѳдощѳвъ ажъ задрыжѳвъ, та щѳсь хотѳвъ сказаѳты, та й незмигъ; а тѳлки вывалѳвъ ѳчи, та сылкѳуючысь, лѳдѳе-лѳдѳе промовѳвъ: «ѳ?»

«Та бѳдь я шельмѳвська, анѳхтемська дочкѳ! щѳбъ менѳ ѳчи повылазылы, щѳбъ менѳ рѳкы и нѳгы покѳрчыло, щѳбъ менѳ трѳсьця, щѳбъ на моѳй тѳвари силѳ симѳѳтъ пѳстрячѳкъ та болячѳкъ» та и усѳкымы видѳмьскымы прокльнѳнѳнымы стѳла прокльнѳтысь — «колы — каже — незроблѳ тѳкъ, що ты зъ Оленою зѳвтра у вѳтрени обвѳнчаѳшь; тѳлки слѳхай мене: адже ты мене дѳбре знѳешь?»

Якъ такы сѳму панѳчѳви и незнѳты Конѳтопськѳи видѳмы, Явѳхы Зубѳхы (бо се вона була), колы вона ѳму разъ язычѳкъ пѳднимѳла, у-дрѳге остѳду знимѳла; такъ вже далѳся вона ѳмѳ знѳтысь. Отъ-тѳ якъ почѳвъ винъ се видѳ неи, такъ на душѳ стѳло ѳму лѳгше; зѳразъ и орозумѳвъ, щѳ ѳму трѳба рѳбыты, та мерщѳй ий беркыць въ нѳгы, та й прѳсыть: «Тѳточко, голѳбочко! Зробѳть, якъ знѳете зробѳть, щѳбъ моѳ була Олена; цѳлисиныкѳй гѳдь бѳду васъ рѳдною мѳтирѳю звѳты; куплѳ плѳхту, очѳпокъ, серпѳнокъ, чогѳ забажѳ душѳ вѳша и вѳшого котѳ.... Тѳлки дѳвѳйтесь-лышень: вже Олена дружечѳкъ збирѳ, корѳвѳйныци вже дѳсе дижѳ по хѳти поносѳмы, а панъ сѳтныкъ Конѳтопськѳый, Мыкыта Улѳсовѳчь, нанѳвъ слипѳго скрѳпныка на весѳльи грѳты, такъ дѳ вже....

«Хыбѳ-жѳ я не Явѳха? Я ѳмѳ зроблѳю весѳльѳ! Нехѳй-лышень укуштѳетѳця, нехѳй прѳтрѳсыть бѳтьковѳ карбѳванчыкы для тебе, а я и ѳгѳ оженѳ! Нехѳй и Олена збирѳ дружечѳкъ, нехѳй почиѳють прыспѳивѳваты Мыкытови, а я знѳю, що зведѳть на Дѳмѳянѳка. Прыньмѳйся-жѳ хѳтко; кажѳ,

щобъ у господи и пеклы и варылы, и чогò треба наточылы, а ты бижы збирай боярь, свашку, свитылку, старостивъ, та якогò нѣбудь батька знайды, щобъ порáдокъ давáвъ».

Агу! панъ суддѣнко повеселишавъ; хватывъ поясъ и ставъ пидперизоватысь, та за шапку братысь, щобъ йты за пѣиздомъ, а Явдоха, выхòдючи зъ хаты, стала весильной спиваты, та ще й прыскакуе:

У Демьянка та батькывъ много,
 А ридного та ни óдного.
 Та все такй, що напытыся,
 А нїкому й пожурытыся.
 Усе такй, що пыты-гуляты,
 А нїкому та порáдонькы даты.

XI.

Смутна и невесѣла убиралася у своій хати панна хорунживна, Ёсыповна Олена, на своёму Безвѣрхому хутори, що на Сухій бálци. И вбираетця и невбираетця; треба-бъ-то поспыты, бо вже у селі передзвонылы до вутрени ув-одынъ дзвинъ и стáлы уво всі дзвòны дзвоныты; треба йй поспытаты до цѣрквы, бо учòра на домòвынахъ такъ порáдылысь, щобъ йй тутъ у вутрени и звинчатысь зъ Конотòпськымъ сòтныкомъ, паномъ Забрѣхою, Мыкытою Уласовичемъ, а видъ хутора до селá бóде верстòвъ зъ пѣять, або двй; такъ òтъ треба йй поспытаты, щобъ вѣспиты, такъ щось рýкы непиднимаютця. Ужѣ вона и розчесалася; вже и кòсы у дрибúшки поплелá, стала лѣнты покладаты... зыркь! що ни на-лучча скиндячка—що йй подарувáвъ панъ суддѣнко... йй такъ и узало изъ-за плечѣй; згадавшы ёгò, засумовала и трòшки зпакнула. Зубыха-жъ тутъ такъ и розсыпáетця. И сюды патнѣтця, и туды мотнѣтця; и намысто Олени навѣязуе на шыю и голову квичá; а якъ нарядыла зовсймъ, то йй выбигла мерщй на двйрь; повернулася на одній нозй противъ сòнця трычи, зашепотыла щось такѣ собй ныщечкомъ, обвелá рукòю туды де селò, та йй сказáла:

«Хто маѣ поспытаты,
 Нехай невѣйде зъ хаты,
 И щобъ до сходъ сòнця
 Незнайшòвъ ни дверѣй, ни викòнця».

Увишѣдшы вп'яты у хату, стала знаряжаты п'анночку Олену до винця: звел'яла їй трычи поклон'ытыся у н'огы б'атькови и м'атери, що для такогo случаю знайшлы, а дали їй б'рат'ькови р'идному. Ст'аршій д'ружци дала п'ару свичечок' п'ятаков'ыхъ до винця, х'устку р'уки зв'язаты, рушнык' пидъ н'огы и шаг'а пидъ рушнык' паламар'єви за ставнык', а дали тых'єсенко, щоб' н'ихт' небачыв', дала т'єж д'ружци як'усь к'источку та якыйсь-то реп'яшок' и навчыла їй, ш'д и колы з' н'ымы робыты. От' и пишла на'ша молод'а з' ст'аршою д'ружкою у сел'о, поспиш'аючи до в'утрени, щоб' там' шл'юб' прын'ям'аты з' п'аном' Забр'єхоу, Конотопськым' с'отныком', Мык'ытоу Уласовычом'.

Що-ж' робыла Явд'оха, zostавшыся на Безв'єрхим' х'утори? Там' дивов'ала годив' с'брок' д'івка, а зв'ялы їй Сол'оха. Бидна та перебидна: ни од'єжи у н'єй небул'о и нич'ог'о. Та ще на одн'о о'ко слип'а, вид' п'аршив' вол'осься повыв'азило и голова гол'исинька, як' дол'оня; ус'я ш'ия у чырякахъ та в' пистрякахъ, аж' теч'є; на щ'оц'ї о'гнык', зубив' недол'ик', горб'атенька, курн'оса, тилки ямка замисць н'оса; на одн'у н'огу крив'а и п'равою скар'люченою рук'ы до р'ота непиднес'є. От' так'у-то кр'алю Зубыха уз'явши, та їй убр'ала у л'єнты, и замисць к'ис', порозпускала кинц'ї, удягла у чуж'у св'иту, выпрохала нам'єста з' хрест'амы и пов'язала їй на ш'юу, та як' вже зовс'им' убр'ала, Явд'оха посадыла їй в'єрхы на п'алычку, а сам'а сила на д'ругу, цм'окнула, н'єкнула.... палычкы чкурн'улы скылки д'уху, аж' п'ылъ за н'ымы хм'ароу. Прыбигшы у сел'о до ц'єрквы, Явд'оха їй к'аже Сол'оси: «Ст'їй-же ты, д'івко, на рундук'у, быля куны, та держ'ї у руц'ї от-сю м'акивку. Якый коз'акъ пр'ийде та о'зме теб'є з'а-руку, та увед'є винч'атыся, недроч'ись, нец'арам'онься, винч'айся см'ыливо. Гляды-ж'є, дожыдай до сход'ь с'онця». Сол'оха стала и дожыда, а Явд'оха мотн'улася до свог'о д'їла.

Олена-ж'є з' ст'аршою д'ружкою знай їдуть та поспиш'ають у сел'о, щоб' посп'иты до в'утрени. Олена, що їд'є, то ус'є выхваля п'ана Забр'єху, якый-то винь г'арный, чорнявий, повнов'ыдый, як'ї-то в' н'єго у'сы шт'єнни и якый сам'ь ув'єсь л'єпськый та мот'орный. Як'же їдучы, де тилки з'йдуть на перехр'єстя, то ст'арша д'ружечка к'источкою, що дала Явд'оха, трычи п'анну Олену у сп'ыну тых'єнько: стукъ, стукъ стукъ!

та и примовыть: «а геть, нелюбе!»; то Олена їй и пыта: «що ты, сестрычко, мене въ спыну товчешь?» — «Та то я, панночко, пирьячко зняла, на кунтуши було прылыпло». То Олена и стане впьять про пана Уласовыча казаты, та вже не с-такъ ёго похваляе: то въ него нема такихъ очыць, якъ у пана судденка; на другимъ перехрестыти и усы поганиши, чымъ у пана Халывського; дали вже винъ и сякый и такый, и стыдкый и брыдкый, и поганыи и мерзёный. А якъ дшлы до цёрквы, то старша дръжечка тыхенько зъ-заду и розв'язала шнурочокъ, на чимъ повышеныи бувъ капшучокъ, а у тимъ капшущи була жабьяча задня права лапка, та зъ неи-жь пересушене серце, та лобова кисточка, та Мыкытого слиду трохы. Отъ якъ розв'язала, а той капшучокъ и зпавъ, такъ що Олена и незчулася; отъ вона заразъ и крыкнула: «Цурь-же ёму, пекъ ёму, тому Забрёси, нехочу та й нехочу за него замизь. Вернилося, сестро, до дому». «Та чогó-жь вертатця?» каже дръжечка. «Постіймо хочъ трохы у цёркви; колы-жь панъ сóтныкъ до тебе пидйде, щобъ шлюбъ прынматы, то ты тутъ и видкынся. Сё ще ёму стыдныишъ бúde, що пры людяхъ такый бешкетъ ёму зрбышь». «От-сё справды що такъ,» каже Олена: «такы тутъ ёму межы-очи и плюну. Ходимъ-же у цёркву».

Увійшлы у цёркву. Панна Ёсыповна зыркъ-збыркъ по цёркви — нема пана Уласовыча. Вже швйдко и вййдуть, а ёго нема; отъ вона то почервоние якъ макъ, то побиліе якъ полотно; усё, сердешна, бойтця, щобъ винъ неввійшовъ, та щобъ непотягнувъ їй до шлюбу. Ажъ ось, тилки що дочыталыся до «Во ўтрые избывахъ», ажъ шастъ у двери: свашкы, свитылкы, бояре, дружкó, пиддружый, старосты; та усё непрóсти, усё зъ панства, у кунтушахъ, у черкёскахъ, у сукняхъ такихъ, що тилки поцмокай! Ще важнишъ булы, чымъ у нашого поповыча, що до хвылозóхвыи ходывъ, та оженывшыся на нашій дякывни, у насъ у сели попомъ ставъ. А за такимъ-то поиздомъ увййшовъ и молодой... Хтò-жь-то такый? Олена такъ и затрусылася, якъ вздріла, що се не панъ сóтныкъ Конотопський, Уласовычъ, а суть панъ судденко Халывський, Омельяновычъ, когò вона такъ щыро любыла. А старша дръжечка мерщій тымъ репьяхомъ, що видьма дала, та їй у спыну товкъ! та й примовыла тыхенько: «Прычепысь впьять». Олена писля сёго такъ и згорыла, та промежъ

*

нарбду пропхалася до пана Халівського, та ёго за руку сипг! и каже: «Беры мене! якъ хочь, а беры! Колы-жь вь тебе е друта, то покажы, де вона, я йй, сўци, туть-же бчи выдряпаю. Тё я було обожеволила, а теперь вмру, колы мене покынешь....» — «Та я жь за тымь, панночко, и прыйшбвь, щобь зь тобою законь прыняты», сказавь пань судденко, та й потягь йй за-руку до стильця; а вже пипь бувь поеднаний. Незабарылысь, проспывалы «лбу плодовиу», окрутылы кругь стильця, звелылы молодымь поциловатысь, вчыстылы зь молодого пив-кобы та й видпустылы до-дому, а самы zostалыся то свичкы гасыты, то-що.

ХІІ.

Смутный и невеселый ходыть по хати пань Конотопский сотникь, Мыкыта Уласовичь Забрёха, урядывшысь якъ можно гарнишь и выголывшысь чыстесенько, и чубь пидстрыгышы любесенько. Ходыть винь по хати, куды ще зь веча прыхавь зь Конотопа у селб, щобь у вўтрени винчатыся зь панною хорунживною Ёсыповною, якъ учора домбылыся. Тилки що вдарылы вь дзвинь до вўтрени, вже винь и зкочывь, и розбудывь пана пьсаря Пистряка, Рыгоровча, що поклыкавь ёго у старши бояре.

Пды дзвонылы, наше козацтво голылося, обувалося, одягалося; и якъ вже була пора, одягнувши новы крёмськых смўшкывь кожухы, сталы выходыты....

«Та отверзайте, пане Уласовичь, безь претеновеня. Прыспи бо чась. Нўте-жь, нўте! Пошто надь защипкою глумляетесь? Сокрушайте йй; отверзайте врата у сины». Такь кумандовавь пань Рыгоровичь на пана сотника, що знай маца по дверямь, та невидчыня.

— Але! каже Мыкыта Уласовичь, отверзай ты, кды знайдешь. Бачь, нема дверей!....

«Чесо рады сые бысть?» каже пань пьсарь: «двери суть на прازی, а прагь на дверяхь. Возтягнить лышень плямку....»

— Та яка туть у чорта плямка? Стина гола, а дверей кать-ма. Отъ самь подывысь.

Кынувсь пань Пистрякъ.... хапъ, хапъ! мацъ, мацъ! нема дверей, та й плямки неналапа; сама стина стала передь нымы. Шукá одынъ, шука—ажь употіе; сварытця другый и перемінныть ёго; стане скрызь обмацоваты,—нема та й нема!

«Що за недобра маты? Дё у гаспыда подивáлыся двери?» ажь скыглыть пань Забрёха; та зъ сёрця ажь зубáмы клаца, бо вже давно у усй дзвоны передзвонылы.

— Выдихъ двери, отверзáющися симо и овáмо, и сё не бй». Такъ гарчáвъ Рыгоровычъ, ажь пáтлы на собй рвучы. Дáли кáже: «А що сотворимо, пáne сòтныку? развёрзимъ объáтыя и прыступимъ на прыкосновёные, дондеже сотворымо совокуплёные».

«Та кажы менй прòсто, пáne пысарю! Теперь не до пысьмá!» казáвъ ёму ажь плáчучы пань Уласовычъ: «Я й такъ себё нетяплю, а винъ ще пысьмомъ бчи ковыря. Кажы-бо прòсто».

— Прыкосновёные, осязáные, сыричъ мацáные. Дадите вáшу десныцю у мою шуйцю, та й бúdeмо рáзомъ мацáные воспроизвóдыты кругъ усй хáты, чы несокрышася де двери во онимъ мисци, або чы не якый врагъ, ненавидяй добра, похыты ихъ.

Насылу розчухавъ пань Мыкыта, щó пысарь хóче робыты. Отъ и прынялыся мацаты по стинй. Одынъ идё уводынъ бикъ, а другый у другый: мацъ, мацъ! хапъ, хапъ! «Чы ё, Рыгоровычъ?» «Нистъ! изчезòша яко дымъ». »Ходимъ дáлшъ». Впгáть пишы. «Чы обрылы, пáne Уласовычу?» «Тфу! Бодáй воны зслызлы! А вже и «достóйно» дзвоняты. А! морòка, та й гóди!...»

Облáпають усю хáту, зййдутця впгáть до кúпы.... нема дверей, та й нема. Впгáть розййдутця; той по сòнцю, а другый на-впакы сòнця.... лáпають.... Зййдутця.... нема! вже-бъ рáди, хочъ бы викòнце намацáты, такъ и тё катъ ёго знá де дйлося. Ажь плáчуть обыдва. Пань Уласовычъ Мыкыта сивъ на доливци, та давай у гóлосъ: «Вже дòсе и вóтряня видйшла, а менё пáнна хорунжйвна дожыдáлась-дожыдáлась, та мòже вже и до-дóму пишла. Ой лёлечко, лёлечко!» А пань Пистрякъ, знáть, щось своё надумавъ; якъ ставъ середь хáты, розвóдыть пáльцáмы и тилки що хотйвъ щось сказáты, ажь ось.... брязъ плямка! рыпъ двери!... шáсть у хáту—Явдòха

Зубы́ха, ихъ прыя́телька, Коното́пська вѣдьма, що сама́ таку́ мару́ на нихъ напусти́ла и двѣри видѣ́ нихъ зховала́. Отъ и загоно́ила на нихъ:

«Чы вы подури́лы, чы показы́лися? Якого́ гаспы́да вы тутъ робы́те? Чому́ не йдете́ винча́тыся? Але́ за то́го вѣй-дуть зъ вѣтрени́, и молодá зъ дружка́мы да́вно жде́, а вони́ тутъ ха́ньгы мнутьъ».

— Охъ, титу́сю!» насы́лу промовы́въ панъ Забрѣ́ха: «тутъ зовсы́мь бидá».

«Сму́щеные вѣ́лые учы́ныся, казавъ Ры́горовычъ, зъ пидли́бья прыгляда́ючыся на Зубы́ху: «Сы́я двѣ́рь, въ ню́-же произведе́ные сотворя́еть увѣ́сь ро́дъ чоловѣ́ський, бысть по-гы́бшая; и се па́кы обрете́ся, но ка́ко? невѣ́мь!»

— Розкажы́ ты́, пане Мы́кыто, мені́ полю́дськи, а ё́го ни-хтò невто́ропа. Щò тутъ вамъ за прыведе́ные було́?» Такъ пы́тала Явдо́ха, бу́цимъ-то и незна́ла ничòго.

«Та ту́тъ такé було́,» казавъ панъ Забрѣ́ха, «що я́къ ё́го и розкажа́ты. Хтòсь було́ двѣ́ри въ насъ вкра́въ! Вже́ мы ихъ ла́палы-ла́палы, обма́цовалы-обма́цовалы; прыйшлòсь було́ про́би крыча́ты, а ты́ тутъ и ввѣ́йшла».

— Те, те, те! Знаю́, знаю́!» ка́же вѣдьма: «Ба́чъ, сучá до́нька що́ було́ наро́была? Та я́ їй переспòрю. Вона́ ще́ ї не такé хòче зъ тобдо́ю зробы́ты, та ты непоту́рай. Иды́-лы-шень зъ бо́ярыномъ швѣ́дче до́ цѣ́рквы, та ї беры́ свою́ дѣв-ку. Нерозгляда́й, чы вона́ Олѣ́на, чы не Олѣ́на, а тѣ́лки беры́ ту́, що стои́тъ на рунду́ку, быля́ куны́, та у рука́хъ чер-вòну ма́кивку дѣржы́ть. Гляды́-жь, недуже́ вереду́й, и на Олѣ́ну, хочъ ї́ и побáчышь де, неква́пся: то бу́де не вона́, а зъ ма́кивкою тво́я. Ба́чъ, прыбѣ́гла зъ Кы́ева дяды́на пана суд-де́нка Халя́вського, ще́ зли́ша ме́не, та не-с-такъ зна́, якъ я́. Вона́ першъ́ въ те́бе двѣ́ри вкра́ла, а тепѣ́рь на панно́чку Олѣ́ну насла́ла мару́, бу́цимъ-то вона́ и сли́па, и крыва́, и чы-ряковáта, и корòстява, и бу́цимъ-то вона́ зовсы́мь не вона́. Одже́ ты неца́рамòнься, щобò псяю́ха не посмѣ́лася надъ на́мы. Винча́йся смѣ́ливо; а якъ прыйде́те видѣ́ винця́, такъ я усѣ́ зле́е видверну́ и ї́, стару́ сѣ́ку, прожену́. Бижы́ть-же швѣ́дшъ.» Та сѣе́ ка́жучы, глянула́ на Ры́горовыча, та ї мор-гону́ла ё́му, а той кахы́кнувъ по дяки́вськи, та ї сказа́въ самъ со́би: «Дога́давсь!»

Отъ наші хлопці, подяковавши Явдоси усякъ за своє, мерщій пішли собі. Поки дійшли до цѣркви, ажъ вже усі повыходили, тільки самі попи zostалися, дѣ-що прыбираючи, та зъ людѣй дѣ-хто, то свичечкы миняючи, тѣ-що. А пана Халявського зъ молодію та зъ побиздомъ и дѣху незосталося. А Солѡха стоить собі на рундукѣ, быля куны, макивку у рукахъ мнѣ и женихѣ жде. Панъ Мыкыта на нѣй зыркѣ! такъ у нѣго у животѣ и похолѣнуло. Хорѡша краля!

Дывывсь, сердешный, на нѣй, та здохнѣвши важко и каже: «щѣ то за проява стоить?»

«Мнѣ, каже пысарь «яко сый есть едина изъ семидесяты дщѣрей царя Ирода, ихъ-же винъ окаянный породы пагубы рады рѣда хрыстыянського. Едина суть лыхорадка, друга лыхоманка, трѣтя трясыця, четверта напрасныця, пята поганка и прочыи, и прочыи, имъ-же нѣсть чысла. Азъ-же мню....

— Та не мнѣ бо, пане пысарю, а кажы дѣло. Чы се перѣвертень, чы се вона справды така?

«Ей, господине! Егда воззрю на нѣй умными очыма, то зрю панну Олену, хорунживну, Ёсыповну, превелелипную дивыцю; егда же разсмотряю їй гриховными, плѣтскими очыма, то обрѣтаю їй извѣдомою паршамы паче усѣхъ мѣрзостей усегѣ лиця землы. Азъ же мнѣ, яко сые есть обаваны Явдохы велемудрой, рѣкше Зубыхы, еже устрои посміяныя рады тресутѣбо-анахтемськы-проклятой видьмы Кыйвської».

— Такъ щѣ-жъ, пане пысарю, браты?»

«Та берить, добродію. Аще совѣсть неззрыть, берить. Сотворите совокупленые, а по совокупленымъ усякоѣ обаваны исчезаетъ яко дымъ и разточаетця яко прахъ перстный».

Отъ панъ Уласовычъ пидтягъ живить, та пидійшовъ до Солѡхы, та й каже:

«Чы несоизволяете, панночко, зо мнѣю шлюбъ прыняты?» А Солѡха и загугнявила: «соизволяю». Мерщій побравшысь за рѣченкы, якъ голубъ зъ голубкою, и вѣйшли у цѣркву, та до стильця.

Незаварылысь и ихъ обкрутыты. Пан-отѣць и каже «А поцилуйтесь!» Панъ Забрѣха недуже розглядавъ, обтѣрь ұсы, та свою гарну молодѣ цмокъ! на усю цѣркву, та зъ радощавъ и выгнувъ попѣви ажъ пять алтынъ, та усѣ денеж-

камы и пишóвъ зъ своєю молодóю у Безвѣрхый хутирь. А старшій боáрынъ, панъ Пистрякъ, кышкы рве зó-смиху, та бйга по селу, та збирá свій поиздь, щобъ швѣдче на посадь молодыхъ садовыты.

ХІІІ.

Смутный и невеселый стоявъ, понурывши голову ажъ до грудей, панъ Конотопський сотникъ, Мыкыта Уласовычъ Забрѣха, у Безвѣрхоу хутори была панськихъ хатъ, дѣвлячысь, що панна хорунживна, Олена Ёсыповна, сыдыть на посади зъ паномъ суддѣнкомъ, Демьяномъ Омельяновичемъ Халѣвськимъ; а была нѣго стойть.... Солóха! Дѣвка гáрна, чепурна, одягна.... бо що було на ній до винця позычено, чы плáхта, чы намѣсто, чы скиндячкы, то усѣ люде своѣ познимáлы, а вона й zostалась голомóза, бóса, сорóчка чóрна, дирѣва, розхристана, и тѣлки що шматкомъ старди плáхты запъялась, та й годѣ. Отъ усѣ убранья на ній! От-такъ-то ёму удружыла Явдоха Зубыха, Конотопська видьма, за той бѣшкетъ, що винъ їй и на рѣчци, и надъ рѣчкоу пры усій громади зробивъ. А й не винъ-же-то, колы по правди сказаты: то поравсь надъ нѣю панъ Пистрякъ; винъ и пана сотника на сѣ навивъ; ну, та знаете, що нá-свити усѣ такъ їдѣ: що пысарь збездилныча, такъ ёму и ничóго; а суддѣ зъ дурю, незнаючы дѣла, пидпыше, такъ винъ и у видвити; на нѣму усѣ лыхо и зкладѣтця.

Стоявъ-стоявъ панъ Уласовычъ довгѣнко и рóзуму не прылòжыть, що ёму тепѣрычкы нá-свити и робыты! Забѣгыбы на край свѣта, такъ усѣ шлюбу нерозырве: казавъ бо пры винчаньни, що «непокыну їй ажъ до смѣрты». А якъ гяне у викно, — ёго панна Олена сыдыть край пана Халѣвського; якъ послуха, що дружечкы прыспивують вже нетáкъ, якъ учóра, замисць Мыкыткы, та вже Демьянка, а слипый скрыпныкъ, сѣдючи у сѣняхъ, що ё духу скрыпыть Дербѣньський маршь, а бѣсова видьма, Явдоха Зубыха, замѣсь мáтери сыдыть у червóныхъ юхтóвыхъ чóботахъ съ пидковамы у пѣядѣ, а на головѣ кыбáлка, що усѣ-то зѣть, панъ Халѣвський надаровавъ, та ще вона вызырне до нѣго у виконце, та й глузуе надъ нымъ: такъ ажъ объ-полы бѣетця рукамы и зубáмы клáца.

Пань Рыгоровычъ мавъ було покынуты и своё боарынство и прытулытыся до чужого весылля, бо бачывъ, що тутъ и страва усяка мўдра, и горылкы багачько, и поштуютъ на подрядъ усїхъ, нерозбїраючы, хто першу пье, а хто вже и пьюту. Питкнўсь було, такъ ёму и чаркы понюхаты недалы и у хату ходу недалы. «Иды, кажуть, собї на своё весылля». Отъ винъ подумавъ, що, каже, «живѣ покыну, а мёртвого пиду ськаты», плїонувъ имъ черезъ порїгъ, та й пишовъ до свого пбїизду.

Отъ ихъ дружкб зибравъ усїхъ и каже: «А щб-жь, пане сбтнику! якдо пыва наварылы, такѣ бўдемо й пьты. Чого тўтечка бўдемо розглядаты? Треба своё дїло справляты. Пойдем-лышень у Конотопъ, треба, якъ почалы, такъ по закнѣ и скинчаты; вже й нерано».

Пойихалы, прыйихалы, сякъ-такъ далы порадокъ; досталы дѣ-чого у пана Уласовыча зъ матерызны, прыкрылы грїшне Солдшпыне тїло, стала хочъ трбхы не-с-такъ брыдка; посадылы молодїхъ за стїль; стравы-жь було усякои наварено, була-жь и горылка, була й варѣна. Такы ничого сказаты: було дїло зъ порадкомъ.

Чы спивалы дружечкы, чы неспивалы; чы танцевалы парубкы зъ дивчатамы, чы нетанцевалы, а мерщїй подилылы коровай, та й положилы молодїхъ спаты.... Здыхнўвъ не разъ тяжко та важко пань Уласовычъ, згадуючы, на якїхъ-бы-то мякѣсенькыхъ подушечкахъ спавъ-бы винъ зъ панною хорунживною и усѣ..... и тѣе..... а тўтъ довелось лягаты на своїй панычѣвськїй перыни, та ще зъ корбствявою Солдохю.... Та ще на ту биду, збїраючысь на панни Ёсыповни женытыся, Пазьку, такы наньмычку свою, що ёму усегда пїсля обїдъ у голбци ськала, видпустывъ до пана пьсаря до того-жь дїла. А сьдючы на посади зъ своєю Солдохю, якъ вздривъ Пазьку, що прыйшла на весылля дывытыся, такъ.... ажъ оскбма ёго узяла.....

Нў, сякъ-такъ, переночвалы. Якъ ни була Срлбха, а прыйшлось тїй, що замисць матери, по закнѣ хомўть надиваты, якъ вбдытця часомъ по весыллямъ у гбродї.... Ще-жь дўжче пана Уласовыча узявъ жалъ, якъ панъ Халывськый зъ своєю молодю прыйбгъ тарадайкою у гбродъ покрыватыся. Попѣреду везуть на превысоченному дрютьцї запаску шовкбву

та червону-червону, якъ ё сама настояща калына.... и конамъ чубы, и музыци и рѹкы, и скрѣпку, и чѹбъ, и ўсы червонными лѣнтамы поперевязовалы; и покрывалы молодѣхъ у цѣркви. А въ пана Мыкыты Уласовыча Забрѣхы, хочъ ё и стѣжкы, ё й хусткы, та ба! невывезло. Повѣвъ Солѹху покрываты дружкѹ.... на смѣтѣтя, по закону. Лыхо нашому панови Забрѣси та й гѹди!!!

Зибралыся люде, лагодятця калачъ роздилыты, змовляютьця, чымъ пана Забрѣху дароваты: «сякый-такый, а винъ ё сѹтныкъ надъ сѹтнею, старшына, жменею прядева невидбѹдешъ; а колы не такъ, то винъ такы своё колы-небудъ видячыть». Отъ рядютця промежъ себе: той хоче баранця, той порося, той телушку даты, и вже панъ Пистрякъ, звычайно, якъ пысарь, узявши вѹголь у рѹкы, хоче запысоваты на стѣнѣ, хтѹ щѹ подарѹе; а дружкѹ збираетця выкрываты такымы голосамы, яку хтѹ скотыну подарѹе..... ажъ ѹсь и вбѣгъ козакъ изъ Чернигова и заразы подавъ пысьмѹ до пана сѹтныка видъ самѣсинького пана полковныка Черниговського.

Надѹвсь нашъ панъ Забрѣха, мовъ индыкъ, и ставъ шыкаты, щѹбъ усѣ замѹвчалы, и каже: «Цытѣте-лышень, мовчыть! Пане пысарю! а прочытай-ке сей лепѹртъ. Бачъ, мени николы; я тепѣрычкы на посади сыжѹ, я молодой. А чытай, чытай! Чы нема якѹи новыны, абѹ якѹи мылѹсты? Та голоснишь чытай!»

Пѹкы панъ Пистрякъ чытавъ по складамъ та зопынявся надъ слѹво-тытла, такъ ще ничѹго; якъ-же ставъ по верхамъ чытаты, такъ нѹ! — фить, фить!.... та й тилки. Тамъ булѹ такѣ пысано, щѹ пана Забрѣху, такы нашого Мыкыту Уласовыча, зачѹмъ непослѹхавъ пана полковныка Черниговського та непрыйшовъ зъ хвѹброю Конотѹпською сѹтнею у Черниговъ, якъ ёмѹ булѹ пысано, а замѣсь того запопысковавъ у ставку Конотѹпськихъ молодѣцъ та старѣхъ бабѣ, мовъ плѣтѣтя, та зъ пив-дѣсятка ихъ на смерть утопывъ; а далѣ якъ вышукавъ промежъ ныхъ видѹму, та й и пиддався, и чортяци дѹшу закрепостывъ, та й литавъ у вырѣй, мовъ той птѣхъ замѹрськый, щѹ усѣ люде бачылы и дывовалысь, и полякалысь, а дѣ-якымы малымъ дѣтямъ и переполохъ выывалы, такъ-то добре кумѹндовавъ панъ сѹтныкъ надъ своѹею сѹтнею; такъ за тѣ ёгѹ зъ сѹтнычества и зминыты.....

Якъ се почу́въ наро́дъ, такъ и вжахну́лись, и сто́ять роты́ пороззя́влѣвавши, а нашъ сердѣшний Забрѣха сыды́тъ, мовъ гаря́чимъ борщѣмъ похлыну́вся..... и казаты-бъ-то, и у горли застрѣло; и поблѣдъ, и посы́нивъ, и запѣнився, и слѣзы пусты́въ. А Рыгоровычъ ёму и ка́же: «От-та́кже пане со́т.... чы-то-па́къ вже пане Мыкы́то! та́къ тоби́ и трѣба. Ты́ вже бу́ло дѣже розибра́вся и вже й пы́саря неслѣухавъ и мавъ умни́шый ёго́ бѣты, та ба́чъ, у вѣри́й литавъ, та со́тнычество и пролитавъ. Сѣ-жѣ ще на пе́ршому лысткѣ такъ пы́сано, а ось перевернемо на дру́гый, що́-то та́мъ прочита́емо. Мо́же й нашъ верхъ бу́де. Цы́тьте-жѣ усѣ́, слѣхайте; ко́гдъ начыта́ю надъ ва́мы со́тныкомъ, такъ за́разъ покланя́йтесь ёму́ и на рале́ць зъ госты́нцями ййди́те».

Та й переверну́въ папы́ръ, усѣ́ розгла́дивъ, озырну́въ усѣ́хъ, щобъ дывы́лыся на не́го и кахы́кнувъ трѣ́чи по школя́рськи, и ста́въ чыта́ты.... якъ-же начыта́въ, що́ Конотопськы́мъ со́тныкомъ настановы́лы не ёго́, якъ винъ бажавъ и шы́ро надѣвся, и зъ тымъ и Забрѣху зкруты́въ зъ со́тнычества, а зъ дру́гой со́тни узялы́ судѣнка, Демья́на Омеля́новича пана Халя́вського; та й пы́сьмо упусти́въ и го́лову похылы́въ, и до́вго дѣмавъ, дѣмавъ, да́ли пидня́въ го́лову та й ка́же собі́: «Дарма́! пидибью́сь пидъ ново́го та й бу́ду имъ ору́доваты. Недо́вго бу́де панова́ты. Пошью́ и сѣго́ у дѣрни, ёго́ и зми́нять, то́гдѣ вже певно́ я́ бу́ду. Остава́йся-жѣ, пане со́т..... чы-то-па́къ пане Мыкы́то, зъ своєю́ Соло́хою, а я́ пидѣ́ до ново́го пана со́тныка, Демья́на Омеля́новича, и той подару́нокъ, що́ ла́годывъ тоби́ на весѣ́лья, понесу́ ёму́ на рале́ць. А хтѣ́, хлѣ́пци, зо мно́ю?»

— Я! я! я! заревла́ грома́да и потяглы́ зъ ха́ты, неважа́ючи, що́ й чаркы́ поналы́вани и кала́чь дру́жкѣ покра́ивъ. И що́-то сказа́ты: усѣ́, и дру́жкѣ, и пиддру́жый, и бо́йре, и усѣ́ розийшлы́сь; зоста́вся самъ Мыкы́та зъ Соло́хою; ни́кому бу́ло и стра́вы ййсты, що́ на обѣ́дъ понавара́вали. От-такѣ́-то бу́ло весѣ́лья у Мыкы́ты Уласовы́ча Забрѣ́хы, що́ бу́въ ко́лысь у сла́вному со́тѣнному мистѣ́чкови па́номъ со́тныкомъ!

XIV.

Смутны́й и невеселы́й увѣйшо́въ на дру́гый де́нь у ха́ту до Мыкы́ты Уласовы́ча Забрѣ́хы панъ Конотопськы́й пы́сарь,

Прѣкинь Рыгѣровычъ Пистрякъ. Та ввишѣдчы, такъ и поточѣвся на лѣву, зхылывся на стѣль та й заголосѣвъ.....

«Незадавай жалю, Рыгѣровычъ!» каже ёму Уласовычъ: «тутъ и такъ нудно на свѣтъ дывытысь. Чогѣ-бо ты выѣшь, неначе собака? Хыба чы ненапала и на твою Пазьку корбста, якъ на мою Солѣху?»

— Бодай усї на-свити и Солѣхы, и Пазькы, и Явѣхы, усї, усї покорѣстывили, то мени й байдужѣ. Гѣре, Уласовычу! гѣре постыже мою утрѣбу до раздражѣнья!

«А мени щѣ за нуджа?» казавъ Мыкыта, згадавши, якъ видѣйшовъ видъ нѣго Пистрякъ, почувшы, що ёгѣ зминили, и недавъ ёму нѣякои порадонькы, та ще у вици и насмѣявся:

— Невозпомгяны мойхъ первыхъ беззаконныи, друже! Ныни и азъ грѣшный у простѣти содержуся.

«Якъ-такъ?» зпытавъ Уласовычъ; а Пистрякъ по-своѣму, по-пысьмѣнськи и розказавъ, якъ винъ прѣйшовъ до новѣго сѣтныка прехваброи Конотѣпськой сѣтни, Демьяна Омеляновича пана Халѣвського и якъ той, каже: «воззрѣвъ на нѣго гѣрдымъ ѣкомъ и нечыстымъ сѣрцемъ, акы на пса смердяща», и звеливъ ёму пысаты до вельможного пана полковника лепѣртъ обѣ такымъ и обѣ такымъ дѣли. Рыгѣровычъ захотѣвъ помудроваты и щобъ зъ першой поры зануздаты пана сѣтныка по своѣму, щобъ недуже брышкавъ протывъ пысаря, напысавъ по-своѣму. Панъ сѣтныкъ розчухавъ, що нетакъ, бо й самъ бувъ пысьмѣнный, каже пысареви: «нетакъ!» а пысарь ёму у одвить: «такъ! я вже знаю, що по-моѣму лучче бѣде». Панъ сѣтныкъ крѣкнувъ: «пышы по-моѣму!» а пысарь каже: «я на те пысарь, я знаю, якъ и щѣ трѣба!» Якъ-же панъ сѣтныкъ розлютетця, якъ крѣкне: «такъ ты вже не пысарь, сякый-такый сѣгну!» и почавъ коренѣты и бѣтка й матиръ, поперѣдъ Забрѣшыныхъ, а дали й Пистряковыхъ, и ввѣсь рѣдъ ихъ, а дали самѣго Пистряка лѣявъ-лѣявъ на вси бѣкы, та въ потылицю и выгнавъ ёгѣ зъ хѣты, и зминывъ ёгѣ зъ пысарства, а намѣсць ёго настановѣвъ пидпысчого, хлѣпця, блѣзня, «егѣ-же», такъ закинчавъ Пистрякъ, «неедѣножды за возлѣбы чухрахъ и по лѣдвѣямъ поруганые чыныхъ».

«Скажи мени на мылость, Рыгѣровычъ», пытавъ Мыкыта Уласовычъ: «хтѣ сѣ намъ такы пакость укрутывъ?»

— Олѣ мені! здыхнўшы казавъ Пистрѣкъ: «врагъ рода чоловічеського, Явдохъ Зубыха, великоименытая видьма преславной слободы Конотопа. Сый-то увозмездыла, що й полетивъ еси, акы птыця пернѣтая; вона обуяла и панну хорунживну, ныни паню Халѣвську, та ще—охъ!—и сѣтнычку, во еже-бы имѣты непереткновѣнное намирѣныє соитыся зъ тобдою у бракъ; вона и до убѣтку тебѣ препроведѣ; вона и глумлѣныє надъ нами вчыныла, похытившы въ насъ двѣры; вона превраты гнуснообразную твою паню Солдоху—нехай здорѣва буде!—замѣсьцъ липообразной панны Олены и одружы тебѣ зъ нею; вона, она всѣмъ злѣ суть и вына, и прычына, и предметъ. А все сые учыны у отмщѣныє за поруганыє надъ лядвѣямы ея. Вотщѣ мы йи, друзе, замѣсьцъ прочуханкы, несожгохомъ, яко язычныцю, хварысѣйку, садукѣйку и мытарку, у пещи халдѣйськой!»

«Такъ подаймо на неи лепѣрты!» казавъ Забрѣха: «нехай вона намъ заплаыты за безчѣсты, що насъ позминялы, та ще мене на Солѣси оженылы. Нехай йи посадыть у колоду.....»

— Ова! здыхнўвъ Рыгѣровычъ, и каже: «Неимать ныни власты надъ нею нихтѣ. Пани сѣтнычка учыныла йи парцѣве возглавыє, сыричъ очипокъ, и нову намытку, и плахту; а панъ сѣтныкъ Халѣвський прыстаы до йи раба и дадѣ коня и мѣска, и дилателя, щобъ и дрѣва рубавъ, и воду возывъ, и котѣ годувавъ. И дана йи власть на усѣмъ лыци земному и чаклуваты, и обаяты, и глумытыся цѣлое врѣмя и польвремены».

«Такъ знаешъ, що зрѣбымо? Заклычемъ йи, мовъ добри, до себе въ гѣсти. Першъ почастуемъ, а дали надаемъ тусанывъ, и щѣкы йи попибѣемъ, и зѣбы останни повыбываемъ».

— Плюнь, друзе, на сию Явдоху! А паче усѣго повелы, господине, унести носѣтку чого-небудъ. Осъ вышыймо журбы рады, то лучче буде паче и обаче.

«Та й вышыймо-жь!»

Отъ Уласовычъ и гукнўвъ на Солдоху, а вона имъ уточыла и унесла чогѣ треба булѣ. Стѣлы кружаты. Пovyцѣжовавши гарненько скылки тамъ носѣтокъ, зъ журбы лёдвѣ розийшлысь по хѣтамъ. И писля того, що дѣнь, то и зхѣдылыся журытыся та знай кулыкалы, бо ничого имъ булѣ былшъ робыты. Мынўлося панство.

ЗАБИНЧАНЬЕ.

А сюю півисть, абò казку, та розказовавъ мені покойный Панась Месюра—колы знаєте; и вона дуже довга. Тамъ е такé, що й панъ Халявський, Демьянъ такы Омеляновичъ, бть що настановылы сотныкомъ у славному сотённому мистечкови Конотопи намйсьць Мыкыты Уласовыча пана Забрёхы. дуже швйдко передь началствомъ щось процвйндывъ и ёгò зь сотёнства зминылы. А ёгò жйнка, се-бъ-то Олена Ёсыповна, що була пánна хорунживна и попереу жыла у Безверхому хўтори, що на Сухий Бáлци, такъ щось тамъ.... якось-то.... гмь! пробóрила.... незнаю, щò и якъ.... тйлки мужыкъ йй и очипокъ збывъ, усй пáтлы пообрывáвъ, и бчи попидбывáвъ, а дáли пидрйзану водывъ по усёму Конотопу, по вўлицямъ, а пысарю, що намйсьць Прóкопа Рыгòровыча Пистрякá ставъ, молодой пáрень, собòю чорнявый та красывый, та узывъ, та пив-головы ёму у подòвшъ обрывъ, та й прогнавъ видъ себе.....

Усймъ-же имъ се стáлося бсь за щò. Пáну Забрёси—щобъ нездавався на пысаря, а робывъ сáмъ, якъ винъ е началныкъ, та щобъ робывъ по-пáвды; щобъ слухавъ, що прыказано видъ началства, а тó ёму началство предпысуе у походъ ййты, мòже бороныты нарòдъ видъ неприятеля, а винъ узывсь заполюсковаты жинòкъ, бачъ топыты видёмъ, щобъ вернулы дóщъ на зёмлю: бўцимъ-то видьмы мòжуть противъ небёсной сылы яку кáпость нá-свити зробыты? Усё ййдё по Бòжому повелиныю. Та щобъ нетоцывъ нарòду; бо пòкы до видьмы добрався, скойлки дўшь згубывъ позанапáсно? Щобъ неудавався у чакловáння, покынувшы Бòга мылосёрдного; бо чортяка зáразъ чёрезъ свою нáньмычку, Зубыху, попорався надъ нымъ дòбре, що и у вырйй полетывъ, мовъ гусáкъ, людямъ нá-смихъ!

Пистрякú Рыгòровычу, щобъ необдурёвавъ свогò началныка, непошывáвъ ёгò у дўрни, а щобъ робывъ и казавъ передь нымъ усю пáвду. Щобъ розсёрдывшысь на людей, неробывъ имъ биды, якъ тўтъ зь жинкáмы: на кòго сёрдывся, а скойлки дўшь занапастывъ, у водй потопывъ и сырйтъ зоставывъ? а що найпўще, щобъ непывъ такъ цўпко горйлки.

И пану Халявському зь ёго жінкою немынулося: непожылы у ладу. Зачымъ заразы кынулыся до видьмы? Зачымъ черезъ чаклованья та ворожыня, покынувшы законъ святыи, соби побралыся? Эге! Хочъ и прынялы шлюбъ, та якъ не черезъ Божу волю, а черезъ Явдоху, та черезъ ии рептяхы, та кисточки сушенои жабы, такъ вонд усє и пало прахомъ.

А що Зубыси досталося, такъ нехай Богъ бордныть! Покы панъ Халявський бувъ Конотопськымъ сѣтныкомъ, такъ пожыла у роскоши. Бувъ ии и батракъ, була й наньмычка видъ сѣтныка панщиною прыставлена, и на ралець ходылы до неи люде заразы пился сѣтнычки и ниhto несмывъ ии не тилки видьмою або чымъ взываты, та ще й вельчылы ии по мєнью: Семєновна, або пани Зубыха. Отъ до чога було прышло. Якъ же пана Халявського зминылы, такъ и на неи увєсь мѣрь плкунувъ. Та вона такы швыдко зачала зачала и скоро дуба дала. Та ще незаразы и вмєрла. Що вже страждала! Умира и невмира; и рукамы и ногамы недвига; а стои на усю хату, такъ що и на вулицы чути було. А тутъ ще китъ ии розходывся, та нявчытъ за нею, скидки е духу.... Отъ тамъ-то нестрашно було!.... Дали зирвалы стєпо.... тутъ де узався вѣронъ та чѣрный-чѣрный; улєтчы у хату, надкычъ надъ неи, крыламы махнувъ.... тутъ ии аминь.... тилки зuby выскалыла!... а китъ такъ и лѣпнувъ, якъ пузырь; а вѣронъ, хто ёго зна, дє и дивсь!... Никуды ии полѣдськи ховаты; вы-волоклы за сєлѣ, зарылы ныць у яму, прыбылы осыковымъ килкомъ та звєрху и заплишылы, щобъ ще незскѣчыла. Собаца смєрть!

Отъ вамъ и Конотопська видьма.

СОЧИНЕНІЯ
Григорія Федоровича Квитки.
(р. 1778, † 1843).

МАЛОРОССІЙСКІЯ ПОВѢСТИ

РАЗСКАЗАННЫЯ

Грыцькомъ Основьяненкомъ.

ТОМЪ II.

Изданіе Харьковскаго Уѣзднаго Земства въ пользу народнаго училища, учрежденнаго на Основѣ въ память Григорія Федоровича Квитки (Основьяненка).

Подъ редакцію А. А. Потебни.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Каплана и Бирюкова, Рывная, № 30.
1887.

Дозволено цензурою. Київъ, 20-го іюля 1885 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ II-го ТОМА.

ПОВѢСТИ.

	Стр.
VI. Отъ тоби и скарбъ	1
VII. Козырь-дивка	33
VIII. Сердешна Оксана	93
IX. Пархимове спиданья	149
X. На пуцанья—якъ завъязано	160
XI. Перекотыполе	161
XII. Пидбрехачъ	193
XIII. Божи диты	197
XIV. Щыра любовь	237
<hr/>	
XV. Лысты до любезныхъ землякивъ	305

VI.

ОТЪ ТОБИ И СКАРБЪ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ЛЮБЕЗНОМУ ВНУКУ

Андрею Александровичу Щербинъ.

ОТЪ ТОВИ И СКАРВЪ *)

Чому се по нашому селу, Джыгунівци, алє певыдно, щобъ хто по вўлыци шлївся? Такы и малди дытыны непобачышъ. У рїнци зхопылося сонєчко такє веселєнке и заразъ обогрїло усюды. Де була якє калюжка пїслї учорашнєго дбщыку, незабарылася высохнута, а дє ще дуже у холодку зостався снижочокъ, такъ и той усє по-трѣху пропадавъ, бо весїньнѣ сонєчко дє єгд тїлки забачувало, такъ єгд и злызовало. На нєбї хочъ-бы тоби хмарыночка: пташечкы спївають веселєнке; травонька по-вгорѣдамъ зеленїє, якъ тє сукно; дєрево, а вже не якє, якъ та верба, розпукуетця. Отъ-тѣ дєсїта була мїсна и Юрїя прыпадало на вєлыкѣднїхъ свѣятахъ, такъ и веснї прїйшла у пѣру и до Вєлыкѣдня зїйшла пѣвидь, и у пѣли усє якъ-рїзъ їйдє дѣбре и ѓтъ объ Юрїи ворѣна у жытї зхѡвїетця, и тымъ-то на сєй дєнь такъ на двѣри теплєнке и усюды мѡвь рїй, такъ вєсело!

Чому-жъ се, колы на вўлыци такъ гарно и вєсело, чому нїкѣго непобачышъ, щобъ хто вѣйшовъ на-вдвїрѣя, або овгорѣдъ копавъ, або за якымъ дїломъ куды їйшовъ? Эгє! Бо то вєлыкѣдна була пѣятныця, такъ усїмъ такє нїколы прыпало, що ї сказаты немѣжно! У кѣжнїмъ двѣрї хазїйство рѣбыть своє дїло: старый, обпїтравшы кабанã, роздїля єгд на шматкы и розсылã мєншымы хлѣпцямы, що у хãту до жїнкы, на ковбãсы та на калусту на прãзныкъ; а що трѣба на дãлшъ, на свѣяткы, такъ посылã до молодїи невїсткы у комѣру, щобъ хѡвãла, пѣкы ще до чѣго дїйдетця. А сю невїстку узãлы тїлки що на пушãлнїй, такъ ще недуже щѣ тãмыла по госпѣдãрству, та ще собї зъ бїднѡсты узãта, такъ и незнãла, щѣ

*) Москва, 1837 г. Помѣтка цензора: Ноября 11, 1834 г.

*

и якъ за вищо узятися, такъ тымъ їй и послалы у комору, щобъ усє попрыбирала: якє нужнїшъ, такъ щобъ клала бльжче дє, на верси, а чогò празныкамъ непотрєбуєтця, такъ щобъ далшъ застановыла.

Такъ у неї-бо дїло зовсїмъ непоспїша.... Чы пересуне шò, чы переложыть, а сама зыркъ зъ комòры на дрывїтню, бо тамъ їй Васыль на усї празныкы нарўблює дривець. Вызырне вона зъ комòры та и пытá мужыкà..... а объ чимъ? Пїйдїте-жь! Такъ; абы-бъ що-нєбудь зъ нымъ поговорыты, або хочъ подывытысь на нєго, бо, бачыте, немòжно ни їй, ни ємú дїла покынуты та й зїйтысь, щобъ поговорыты. Колы-жь нї объ чимъ мужыкà зпытáты, такъ хочъ глянuty на нєго, бо, бачыте, давнò бачылысь!... О, щобъ васъ зъ молодожòнамы! Якъ я и себє згадаю, такъ.... ну! усєгò бувало; и празныкы вь нетямывь.... нетеперь зпòмынкы! Эхъ! усє-то мынулося!

И Васыль-же нехытрый! кòле колòду та чы вдáрывь обухомъ рáзъ, або двá.... та й зыркъ на комòрячи двєри.... такъ якъ рáзъ и є: тамъ Хвєнна вызырнула..... Дывлятця одынъ на одного, якъ тїи ясочкы..... вона пытá объ видрї, а вїнъ їй про мотовыло.... шò-то, якъ-бы зпустыты ихъ до кўпы?... Такъ-бò старыї, удравшы кабанá, прыньмáетця рїзаты баранцá, такъ знай покрыкує на Васыля, щобъ мершїй рубавъ дрòва, бо наньмычка выйшла зъ хáты за дрòвамы та й стоить порожнякòмъ, бо нїчого узяты, ненарубавъ Васыль; вжє вона ємú и кáже, вжє вона и говорыть, та знай прòсыть..... такъ нїколы-бо ємú: дывытця на свою Хвєнну голубку и слухаючы, шò вона ємú щє скáже, нїчòго нечýє, хочъ ємú шò надъ ўхомъ говорыть..... А шò вь нєго на думци, такъ нїчого й розкáзоваты, бо и самы здорòвы догадаєтєсь!

А у хáти тїєи наньмычки крїпко бажáють и ось нехáйлышень ввїде, то зáразъ на неї и напўстятця: чомú забарылась, зачымъ трòхы дрòвь унесла; бо тїлки шò вчынылы тїсто на пáску, такъ пїчъ трєба дўже натòплюваты, щобъ у хáти булò дўже тєпло та дўшно, а то тїсто перекысне и пáска невдáстця. Тогдї лыхò старшїй невїстци, шò хочъ и третїй годъ, якъ узята, та ще у пєрше сама печє пáску, бо старá маты, будучы їй свєкрўха, вжє стáла собї немошнєнка и сєї годъ непрыньмáетця ни-за-вищо, а тїлки, сьдячы на-полú, порáдокъ дає та знай грымає, звїсно—на невїстку: тогò переложыла, тогò мáло положыла, то сє нетуды, то тє не-

такъ, звичайно, якъ свекрѹха, що вже знайде, за-що мѳркву скромადыты. А у бидной невѳсткы и рѹкы и нѳгы трѹсятця.... Оборонѳ Бѳже, якъ пѳска невдѳсытця! Тогдѳ ѳй прѳсвитку небѹде: свекрѹха сварытетемця та поприкѳатеме, що за тры гѳды ничѳго ненавчылася и що, хочѳ и самѳ ѳйшла зѳ багѳтой симѳй, та, мабуть, дѳма бѳйдакы была, а господѳрства невчылася.... такъ сѳ ѳй попрѳкы пѹще найусѳго! Се-жѳ свекрѹха; а то и свѳкорѳ: винѳ хочѳ и нелѳятеме, та мѳвчачы сѳрдытетемця, що пѳска невдѳха и що ѳмѹ стыдно ѳй несты межѳ лѹде до цѳрквы на посвящѳныя.... А ятѳрѳвка, що така собѳ шутлыѳва та жартовлыѳва, та на прыкладкы бѳйка; такъ тѳ такогѳ попрыкладѳ, такѹ квѳтку прышпылыть, що и черезѳ тѳждень сѳрому небѹдешѳ. А що найпѹще, такъ отѳ тѳи зовѳщи! тѳи вже по усѳмѳ усѳодамѳ шѳйдуть слѳвыты, що невѳстка незумѳла хорѳше пѳскы вчыныты и непрыглядѳла, якъ вѳна пеклѳсь, та и дрѹге прѳчее на неѳ почнѹть выгѳдоваты; а черезѳ нѳхѳ и печѳ рѳкы!

А нехѳтри-жѳ и вѳны! Покынулы самѹ невѳстку зѳ нанѳмычкою пѳратысь: вѳна ѳ мукѳ насѳяла, вѳна ѳ калгѳнѳ, вѳна и бибкѳы, вѳна и пѳрець, и сѳль, вѳна усѳ перетовклѳ, вѳна ѳ опѳру постановѳла, вѳна ѳ процидѳла, вѳна и дѳжѹ зѳ тѳстомѳ на пѳчь поставѳла, вѳна и яѳць набѳла; тепѳрычы збирѳетця тѳсто мѳсыты и пѳску липыты, та пѳкы ще до чѳго, а вѳна вже такъ вѳтомѳлася, що и рѹкѳ и нѳгѳ нечѹе; а тутѳ свекрѹха знаѳ мѳркву скромадыть; трѳба-жѳ и до малѳи дытѳны кынутысь, пѳдложыты сухѹ пѳлюшку, хочѳ трѳхѳ погодѳваты, бо бѳдне вже давнѳ прѳсыть та крычыть несвоемѳ голѳсомѳ. А старшѳй хлѳпчыкѳ лѳзыть по хѳти та нетѳмлячы, якѳй сѳгѳдня дѳнь, що никѳму немѳжно у рѳтъ и рѳскы узѳты, знаѳ голѳсыть та докучѳ мѳтери, прѳсячы пѳпы. А тѳй бѳднѳй мѳтери такѳ хѳлепа прѳйшла, що незнѳ кудѳ и метнѹтысь. Та ще на-бѳдѹ и мужыкѳ ѳй немѳ дѳма; зѳ ѳй дѳверѳмы, стѳло-быть зѳ своемы братѳмы, вже пѳдпарубѳчымы, та погнѳлы у слѳбѳду на краснѳй тѳргѳ якѹ залпыню скѳтынку продѳты, та купыты, бачѳ трѳба, до пѳятой пѳры борозѳнного, та дѳйну корѳву зѳ телѳмѳ, бо дѳтѳвѳры прѳбывѳ: у старшѳой невѳсткы двѳе дѳточѳкѳ та и мѳнѳша вже видѳ середохрѳстыѳа почѹлася....

Дѳ-жѳ нѳши зовѳщи? Эгѳ! Якъ мѳты усѳ ихѳ нѳжыть, такъ вѳны ѳ бѳйдужѳ! Покынулы невѳстку, а самѳ и за хо-

лѣдну вѣду непрѣнмутьца. Забрáлыся собѣ у протѣвну хату та пысанкы оправляють, що цѣлый писть пысáлы. Та й мѣдри-жъ и пысанкы! Зелѣни гвоздѣчки зъ блакѣтнымъ лыстямъ; а кохвѣйна рѣжа на усѣ яйцѣ и неупысáлася, такъ вже и лыстытьчѣко дрибнѣсенъке вже на самому кинцѣ лѣдѣ прытулылы; булы зъ жѣвтымы хвѣйлкымы, булы и безконѣчни. А що нá-краща булá, такъ тамъ вже старша, Орышка, що умудрылася, такъ-такъ! Тѣлки поцмѣкаешъ дѣвлячысь! Напысáла вышнѣвыхъ пташечѣкъ, що цѣлѣютьца, а кругѣмъ усѣгѣ яйцѣ та й пидпысáла слова, такы настоящи слова, що панъ Сымейѣнъ, дякъ такы, ихъ зконпоновáвъ и зпысáвъ на бумáзци:

«Хрыстѣсъ воскрѣсе вѣльце!

Поцилѣймося, моѣ сѣрце!»

такъ Орышка зъ тѣй бумáжки самá зпысовала, та тѣлки невмѣючы пысэмá, нá-лыхо собѣ почалá не зъ тѣи рукы, якъ трѣба, такъ хто пысэмѣнный, той ничѣго нерозберѣ и нескáже, що вѣнѣ й ѣ, чы то слова, чы такъ що надряпано; а якъ хто непысэмѣнный, то скажы ѣмѣ, що то слова, то вѣнъ и знáтеме, що то слова напысани и бѣде дывовáтысь, що дѣвка та ще й непысэмѣнна, зумѣла слова зпысáты.

Комѣ-жъ се вѣнá такѣ пысанку хорѣшу та гáрну прыдбáла? Эгѣ! Вжѣ пакъ не комѣ, якъ Тымѣси, пысаревѣму сыну, що от-сѣ пислѣ Прѣвидъ подаѣ за нѣго рупшыкы, а пислѣ Ушѣстьѣя, на Клѣчáльный, и весѣлья бѣде. Такъ от-сѣ-то вѣнá и збираѣтѣця на прáзныкъ пислѣ обѣдъ вѣйты до колысѣкъ, и тамъ зъ Тымѣхою гарнѣнько похрыстѣсоватыся и дáты ѣмѣ тѣю пысанку. Нехáй чытá, колы зѣумѣе; а вже вѣнá недѣрно ажъ чѣтыри шагы заплатыла пáну Сымейѣну за тѣю рѣхтму, якъ вѣнъ й взывá!

Сѣя-жъ пысанка Тымѣси, а усѣ прѣчи понесѣ вѣнá зъ сѣстрамы зáвтра, у вѣлыкѣдну субѣту, на мѣсто, у гѣродъ, та попрѣдавшы, накѣпцѣять скиндѣчѣкъ, стрѣчѣкъ, шпалѣрѣвъ на голубы, шумѣхы и усѣгѣ, чѣгѣ имъ трѣба; а чѣгѣ непопрѣдають, такъ празныкáмы, пидъ колыскáмы, наминають на горѣхы, на мѣчени кыслычкы, на горѣхвѣяныкы и на усѣяки лáсоци.

Отъ-такъ-то скрѣзь по усѣмъ хáтамъ тогдѣ булѣ, такъ нѣколы вже булѣ никѣму и нѣса на вѣлыцю вѣйтѣнуты, и хочъ усѣ сѣло обѣдѣ, такъ незострѣнешъ никѣго.... Ажъ бѣде, бѣде тѣлки хтѣсъ снѣу упѣдѣвжъ вѣлыци! То затѣпа, то впѣятъ

зашкандыба, то прислухаетца, то озыраетца, то пйде, то ста-не, то назадъ вернетца.... Хтѣ-жь-то такій? Мѣже захѣжый видкиля, що невторѣпа, куды ёму повернуты? Або мѣже-то.... та ничого тутъ довго розпытоваты, и нигде правды диты; тѣ — такы безъ соромѣ казка — то Хомѣ Маслякъ хѣдыть собѣ по селу та когдѣсь выжыдѣ.

Щѣ-жь-то за чоловикъ, той Хомѣ Маслякъ? Эгѣ! Ось бачыте: бѣтько ёгѣ бѣвъ кришко заможенѣнькый и усѣ чумаковѣвъ; ходывъ самъ по дорѣгамъ и сѣгѣ хлопѣя, Хому, прывчѣвъ. То отъ якъ де стануть зорѣваты, або попѣсоваты, то пѣкы каша укыпѣть, отъ чумацтво и розказуе, усѣкъ, дѣ хто ходывъ, що чувѣвъ и що выдѣвъ; а Хомѣ тутъ и слѣха; и найбѣльш усѣго, якъ стануть про скарбы розказоваты: якъ одынь чоловикъ зъ дидусѣмъ горбѣтенькымъ та на одну нѣгу крывѣмъ и на одно ѣко слипѣмъ та слѣнявымъ зострѣвъсь межъ горбѣмы; та злякѣвшысь той чоловикъ якъ учысте того дидусѣ пѣ-уху, такъ вынь такъ и розпѣвся на срѣбни грѣши, ажъ тѣлки забрякотѣлы; и той чоловикъ такъ розбагѣтивъ, що немѣжно ѣ подѣматы, та выскочывъ у панѣ и усѣ на подушкѣхъ лежѣвъ. Дрѣгый розказовѣвъ: якъ пѣяныця пѣзно у вѣчери ѣйшовъ зъ шынку, а тутъ ёму зъ берѣзныка назѣстричь шкандыба рыжа кобыла, корѣстява та сапѣта; нечувствѣнный пѣяныця питкнѣвъсь на неи та ѣ попхнѣвъ; а вона такъ и розсыпалась у золотѣ копѣчкы, що цѣлисенъкый тыждѣнь перенѣсывъ у запѣли; перестѣвъ пыты, купывъ лѣвадку, поставывъ витрѣкъ и до-выку ѣйвъ хлѣбъ.

Такъ от-такѣго нашъ Маслячѣнко якъ наслѣхався, такъ ёму вже и нехѣтылося трудову копѣйку зарѣбляты, а усѣ дѣмавъ: «отъ якъ знайдѣ скарбъ одынь и дрѣгый, тогдѣ вже разомъ розбагѣтѣю и накупѣлю усѣго, чогѣ трѣба.

Якъ-же поховѣвъ бѣтька, такъ тогдѣ зовсымъ покынувъ господарство: усѣ знаѣ вѣдытца то зъ донцѣмы, то зъ старымы запорѣзцѣмы, що якъ прочѣлы про такѣго, такъ до нѣго якъ плѣвъ плывѣтъ. Одынь розказуе, що гѣнь тамъ у Майцѣкѣй Зѣсици, якѣ-то печѣри довги та глыбѣки, позавѣлевани бѣчкѣмы зъ грѣшамы золотѣмы, дѣжкы зъ срѣбными рубѣлымы, казаны зъ мѣдными пѣятакѣмы, и що вынь прѣтивъ того скарбу знаѣ замѣву и заразы усѣ мѣже узѣты, тѣлки немѣ-чымъ довесты того добрѣ. Отъ Хомѣ и даѣ пару-дрѣгу воливъ, и посыдѣ, и ждѣ: ось-дѣсь хѣра зъ усѣкымы грѣшмы прѣйде, ось

прыйде; нетрѣба буде тогда робыты, тогда усѣго понакупае, и розбагатіе.... Фить-фить! Нема хұры, невернулъся волы, и запорозця, хто зна, де ёго съкаты, та й якъ ёго зваты незна, бо Хома було никды нерозпытуе, що за чоловікъ и видкля? а такъ, безъ усѣго усѣ ёму виддасть та и дожыда. И вже було никды нескаже, що ёго обмануто, а тилки каже: «чоловичокъ добрый бувъ; мабуть ёму яка прычына сталася».

Отъ-таки-то добри чоловічки, якъ разивъ дѣсять понавидовалъся до нашого Масляка, такъ и zostався винъ, сердека, пншый! Жннка було грызе ёму голову и у ранци и у вѣчери, такъ ничого; винъ усѣ свое: усѣ зъ добрымы чоловічками вдытця! Сй-жъ якъ побачылы, що вже ничымъ ёму за тымъ бочкамы посылаты, такъ стали ёму каваты, що у такимъ и такимъ мисци е скарбъ-жннка и недуже глыбкый, тилки на выкупъ требеу намыста, очпкивъ, серпанкивъ, плахоть и усѣго жиночого; тилки се положи, то винъ такъ заразы и дастьця; а добра-добра озьмешъ, такъ выдымо-невдымо!

Сѣе слухаючы, нашъ Маслякъ ажъ танцюе! Повиднимавъ у жннки усю йи худбу, виддавъ доброму чоловікови, и сподиваетця: ось-ось прыйде, ось-ось привезе. Пншовъ и сѣй добрый чоловічокъ за тымъ, котрыхъ тилки и бачылы! Далшь такъ рблячы, звивсь нашъ Маслякъ ни-на-вищо и жннку мовъ у старци пустывъ. Нема ни на нему, ни на жннци, ни на диточкахъ и одежи доброн; а йисты, колы жннка незаробыть, такъ и ложкы гуляють.

То просючы, то плачучы, протурыла ёго жннка объ Середохрестты на заробиткы, чы недобувъ-бы чого икъ свѣту, щобъ було чымъ розговитись. Потягъ Хома до слободы верствъ за-симъ, и йде и усѣ свое дума, якъ-бы-то на скарбъ наскочыты, забраты ёго та тогда-бъ и гадкы немаы. Ажъ ось.... дывытця.... на зустричъ йде дидусъ старенькый, маленькый, горбатенькый, та ще зигнувсь видъ старосты, такъ мовъ пры самій землі. Пыка ёму невмыта, волосься розкудочене, нисъ невтертый, слына зъ рота такъ и бѣе, ажъ запнывся по усій бороді.

Хома зъ радошывъ самъ себѣ нетямить! Чувъ, що и якъ треба у такимъ дили робыты, заразы пидбигъ до дидуса, втеръ ёму нисъ, обитеръ ёму ритъ.... ничого! Дидусъ нерозсыпавсь, а тилки..... мутыче щось такѣ, та веселенько усмихаючысь, знай ёму нызесенько кланяетця.

Хомá дума собі: «чому сей скáрбъ та нерозсыпáетця? Эгé, знаю!» Та зъ сымъ слóвомъ хряпъ дидуся по щоцi..... а той бебэхъ объ землю.... Эгé! та й лежыть цилiсинькiй, и скiягыть, и плаче, и стóгне, и ничòго неговóрыть. Хомá подумавъ, що ще трóхы ёгò товкмáчывъ, прынявъ лежáчого шкварыты..... дидусь нерозсыпáетця, а Хомá знай ёгò бебéхамы годýе.....

«А щó-то ты, чоловiче, рбýшь? Зá-що ты нáшого нiмòго стáрця б'ешь?» обiзвáвъсь до нёго чоловiкъ изъ надъулысься, та й гукнувъ на товарыство; а тi такъ и вiскочылы зъ лiсу, оборонiлы стáрця, а Хому, що хочъ булò и кынувся на-втикачá, однáче-жъ пiймáлы, рýкы ёму зкрутылы и видпровáдылы до вóлосты. А той дидусь та бóвъ собi зовсiмъ калiка, та ще й нiмiй, и iйшовъ по-сéламъ прохáты мýлостыны; отъ-тúть-то ёгò нашъ Маслякъ злáнавъ и почáвъ товкмáчыты, дýмаючы, що винъ е скáрбъ, «такъ нехáй, кáже, розсыплетця». О, щóбъ тебè! И смiхъ и лiхо зъ нымъ.

Якъ-же потяглы и нáшого Хому, такъ бóде знáты! Пёршь прыпёрлы до вóлосты; обiськáлы, розпытáлы, — нeмá и дóма ничòго, и у кышени гудè; ну, такъ ёгò у холòдну, а самы прынялыся допрóсы та лепóрты пысáты, та булò и забóлы; а дáли зхамеnúлыся та й видпровáдылы у сýдь. А тамъ звiсно, якъ-бы Хомá мáвъ що, такъ одынь передь óднымъ дè-що-бъ надрiяпáлы та й видпустылы-бъ ёгò любёнiкò, а то якъ прочытáлы допрóсы та подывылыся на карлючкы, що пысарь пидпысуючы у нiзъ позагынавъ, що, стáло-быть, хочъ наплiюй на нёго, а узáты нiчòго, такъ ёгò и ув-острóгъ, а тúть и почалы пысáты — не протiвъ ночи розкáзуючы — справкы та óчныи стáвки, та свыдiтельски показáныи видбирáты, та..... куды! усёгò и незгадáю и невiмòвлю, якъ тамъ у сýди зовётця; а тiлки звелòся на тé, що такы Хомi далы дóбру прочухáнку та ще узáлы и пидпыску: «що, кáже, довóленъ и жáловатыся нигдè небóду», та на самый чыстый четвёргъ и видпустылы.

От-сè-жъ вже нáдь-вечирь, якъ православни люде збирáлыся на стрáсты зъ свичечкáмы iйтi та усю нiчь молытыся Бóгу, а нашъ Хомá Маслякъ пiслá парлацiи ченчикýе до-дóму, ажъ зiркъ — цыгáнка сыдыть на степкú. Ще непрóвчёный, Хомá, що-бъ-то швiдче добресты до-дóму та провiдаты жiнку та диточóкъ, — ни; винъ ще до тыеи цыгáнкы. «Поворожы, кáже, мени, чы швiдко я розбагáтiю?» А тá ёму и

почалá: «И щаслывый, и таланлывый, и у щáсти у багáтстви поживёшь; а колы збрешу́, то щобъ на менí сорóчка пополотни́ла, щобъ я мёртвой зозу́ли непобáчыла, щобъ я на свойхъ пóхоронахъ поросáтыною подавы́лась! Отъ-що! А ты́, дáдьку, дожыда́й; зáвтра до васъ у селó прýйде нашъ старш́й, такъ ты́ ёгò непрогуля́й и усё дожыда́й; винь селомъ у васъ ййхатеме, та и нáвчыть тебе, де тв́й тала́нь и де твоё щáстя. Тепе́рь йды́ здорóвь». Отъ Хома́ и потя́г до-дóму. Прýйшовъ, ажъ хáта пустíсинька и дýха никóго нема́, и килóчкомъ зáткнута; бо ёгò ж́йнка, чýвшы, що зъ мужыкóмъ стáлася бидá, а тóуть икъ прáзныку нигде бу́дò ничóго узáты, забрáвшы диточóкъ, пишла́ на усí прáзныкы́ до своёи братовби.

Посту́кавшы скризъ и побáчывшы, що прытьмомъ нема́ никóго у хáти, Хома́ постóявъ, посумовáвъ, дали и прыли́гъ на прысьпи та тутъ и заночовáвъ, дожыда́ючы, хтó-то зáвтра прýйде и якýй ёму́ товкъ дасть, що якъ-бы-то той скáрбъ знайтý.

Отъ-тò-жь-то нашъ Хома́ Масля́къ, у велыкóдну пýятныцю, хóдыть по Джыгунíвци та розгляда́, чы нейдé якýйсь-то старш́й, що про нёго цыгáнка казáла. Хóдыть собí уподвжъ вóлыци та зно́въ вертáетця, та выгляда́, а до ж́йнкы и до дитóкъ ёму́ и дíла нема́! Ёму́ байдужé, що воны́ у чуж́й сим́й прáзныкъ прыньмáтемуть и чужóю пáскою розговлáтемутця.... ажъ зы́ркъ! щось з́йизжá на мíсть.... Хома́ такъ и кýнувся назúстричь....

Ййде то жыд́ивська бры́чка, пáра кóней у плéйкахъ, по-жыд́ивськи у дýшелъ запрýжени; погóнычъ сыды́ть у сукóднрыхъ штáняхъ и у ю́пци, скризъ повымерéжувана и зъ кы́тыцямы, мовъ у венгéрця, що зъ ликамы хóдыть, а на-голови́ превысочéнна шáпка зъ угла́мы на усí бóкы. Машталíрь той зна́й свойхъ паты́къ поганя́, та не батижкóмъ, а на кнутовы́щи у нёго ўдка зъ здорóвённымъ крюкóмъ; и винь зна́й цмо́ка та тóю ўдкою усю́ды помáхуе, та нёка, та прыговóрюе хымéрно, не тákъ, якъ усí лю́де кóней поганя́ють, що — «нё, пады́, шевелы́сь» — абб-що, а винь всё мовъ прысп́ивуе: «перéдни зъ нáмы, зáдни за нáмы; а усíхъ прóсымъ васъ: ййдите до насъ, до насъ; усíхъ прыньмáемо, усíхъ зклькáемо».

Розз́явившы рóтъ, стоить Масля́къ и слúхаючы дыву́етця, щó се такé ё? Ажъ óсь и пид́ййхала бры́чка и зъ нёи вы́лизъ, та тákъ пробóрно, вже стáрь чоловйкъ, чы купецъ-

москаль, чы жыдъ-шынкаръ, невгадаешъ. Борода-бъ-то ёму и ё, такъ цапына та ще й рыжа, очи сѣри, та такъ и бѣгаютъ, бровы густы та довги, та шырѳки, такъ и напужылысь, якъ шетына. Нѣсь довгый та карлючковатый и на кинцѣ заго-стренный нѣбы шпылька. Губы тоненькы, а рѣть.... такъ видъ уха та до вуха, а якъ заговорыть та роззавыть ёго, такъ здо-ровѣнна голова зъ шапкою зовсѣмъ улысь, а губы прытѣмѣмъ свынѣчи. Каптанъ на нѣмъ кытаецъ, шапка та довгый, а пуще полѳтныще зъ шпѣмъ, такъ и волочытыя, мовъ у тыѣи жѣнки нашого повѣрнаго, що якъ буда ми-щанкою, такъ ходыла у спидныцѣхъ, а якъ мужыцѣи имѳр-нѣвъ у дворяне, такъ почепыла такѣ плѣтыцѣхъ на спраж-ныхъ паньняхъ, що хвѣсть такъ и волочытыя. Закавѣщѣи у каптана те-жъ довги, шо усеи пѣльци закрывалы; коса зъ шы-шачый хвѳстыкъ тылипѣлась зъ-пидъ высокои дуже шапки зъ вуглѣмы та зъ кытыцѣмы. Нѳгы у жѳвтыхъ чѳбѳтяхъ зъ пѣль-цѣмы, мовъ рукавыцѣи, а на пѣяти тѣ-жъ бувъ пѣлець, якъ у собѣкы; а скрызъ тѣи пѣльци пролѣзылы кѳгти, мовъ у котѣ замѳрського.

Отъ-такый-то козѣкъ якъ зкѳчывъ зъ брычкы, такъ-бы усякъ злякався, а Хомѣ и нѣжды мѣло: такъ пылнѣнько та веселѣнько на нѣго дѣвытыця и зарѣвъ полюбывъ ёго, мовъ дѣдѣка рѣдного, та знявъ шапочку и уклонѣвъ ёму. А той.... ось слѣхайте, люде дѳбри, що тутъ бѣде! замѣсь тѳго, щобъ и самѳму зняты шапку и сказѣты або добрыдѣнь, або пома-гайби тоби,—ну, нѣ! винъ и шапки незнима и непокланѣютѣя ёму, а сказѣвъ: «Нашъ есы, прѣятелю!» та й узявъ за руку Хомѣ и пѣйшовъ зъ нымъ дорѳгою и розговѳрюе; а машталѣръ вѣаду кѳней поганѣ та свыстытъ, та знай своѣ прыговѳрюе: «Попѣвъсь, попѣвъсь; нашъ бѣде, насъ незбѣде.....» а Маслякъ и байдужѣ, у яку кунпѣныю ускѳчывъ.

Отъ якъ йдѣтъ, той що зъ Хомѳю и кѣже: «Ты менѣ, чоловѣче, незнаешъ?»

— Нѣ, дѣдюшка, кѣже Хомѣ.

«Бѣдешъ опислѣ зѣты и дѣковаты; а тепѣръ незовѣ менѣ дѣдюшкою, бо я швѣдко тоби стѣну за рѣдного бѣтька; а зовѣ менѣ панъ Юдѣне».

— Дѳбре, пане Юдѣне! сказѣвъ Хомѣ; а дѣли йшлы, йшлы, отъ Хомѣ и пытаѣтѣя: «Чы вы, бувѣ, не зъ жыдѣвъ, пане Юдѣне?»

«А по чимъ ты видгадуешъ?»

— Та такъ щось, що вы на речáхъ збывáетесь на жы-
дывство. (Бо й правда, що сей Юдунъ дзыдзыкавъ, мовъ спраж-
ній жыдъ).

«Нй, каже, я не жыдъ, а тилки щырыгй имъ прыятель.
Чы незнаешъ, чоловиче, дё тутъ постойлный? Треба коней по-
годоваты и за дйло прыньматысь.

Отъ Хома и прививъ ихъ до постойного.

Ось тутъ-то що булô, послухайте!

Ввийшлы у вельку хату, Юдунъ неперехрестывсь и шап-
кы незнявъ, такъ и сивъ; и на него глядючы и Хома не-
хрестывсь, а тилки шапку знявши, сивъ былá него. Шын-
каръ невыходьтъ, а Юдуну и нужды нема; заразь ляпъ себе
по кышени, щось и забрязкотило, винъ и вынявъ зъ кышени
повну пляшку зъ сывухою и чарку, наливъ йй повнисиньку
та разомъ и ковтнувъ нехрыстячысь и «будьте здоровы» не-
сказавъ. Дали наливъ щё, та й каже Хомй: «Пыйй, чоловиче,
колы хочешъ зъ нами у товарытви буть; недуже на те ды-
высь, що розказують; якъ ихъ слухаты, такъ и скарбу несекъ-
ты. Пыйй, кажу тоби, у мою голову». Хома вже давнô поза-
бувавъ, якый тогдй день бувъ и якый грэхъ пыты, найбйльшъ
тогдй, горилку; ажъ стрепенувся, якъ побачывъ чарку и ажъ
обыдвй рукы протягъ до неи; а Юдунъ ёму подаё та й каже:
«Пыйй-же, сынку, мовчачы, та немотай рукою» (се-бъ-то, не-
хрестысь. Бачъ!). У Хомы ажъ жыжкы трусятця, — куды вже
тутъ хрестытись! мерщй за чарку, та необмôкучоу губъ, такъ
и вливъ прокляту чортовой робôты сывуху прýмо у пельку....
Якъ проковтнувъ..... и ставъ несый!... И дывытця, и ничôго
небачытъ; повытрищавъ банькы и нетямытъ ничôго. А Юдунъ
ляпъ себе по другйй кышени, та й вынявъ ковбасу та тилки
не насъку, а нимецьку, отъ що и свыньюноу, и кошатыноу, и
конытыноу начынена, отъ — колы знаёте — що паны, цураю-
чысь нашой, у цымцивъ купують та у смакъ йидятъ. Вид-
ризавъ гарнёнько скыбочку собй и Маслякôви.... А винъ, тю-
тю дурный! глыта, мовъ попивъ мурло!

Закусывшы любенько, отъ Юдунъ пиднйсь упгяты по
чарци та й ляснувъ себе по щоци..... ажъ такъ и вродыласъ
пряжена яешня..... Отъ Юдунъ зъ Хомю и прынялысь йй
упысоваты. Трôщытъ йй Маслякъ на усй заставки, ажъ за
вухамы лящытъ. Отъ до него мôжно прымыныты: «чы зна

песъ п'ятныцю?» Хочъ-же винъ и дог'лядився, що у Юдуна п'альци довги, чорни, мохнати та криві, та зъ предовж'єнными, закарлюченными кохтямы, та ёму и байдуже; винъ п'сля горілки та п'сля ковбасы ще дужче полюбывъ Юдуна и ёму нужды мало, хочъ-бы винъ бувъ зъ п'ятьма рукамы.

Бес'єдуючы, вышылы и по третій. Юдунъ покрутивъ свой п'альци, ажъ такъ и вм'лося на столі печ'єне порос'я, та ажъ шкварч'ить, так'є гар'яче. Сокрушылы й т'є; Хома ажъ кисточки пересмоктавъ. А якъ поийлы ус'є, отъ Юдунъ уст'авъ и каже Хоми:

«Давно вже я на тебе нац'илывъ, пр'ятелю, за т'є, що ты неробышь такъ, якъ у васъ дурни р'блять. Недуже х'па'єшся тог'о хлиба роботы, недуже объ господ'рстві убив'а'єшся, а ус'є в'одышся зъ люб'язными мені люд'ьмы. Недуже дб'а'єшь тую худбу, а розсыла'єшь йн по скарбамъ; горілочку вжыв'а'єшь, зъ люд'ьмы зайд'а'єшся, жинку товч'єшь, а за ус'є с'єе ты мылишь мені и брата рідного. Отъ я тебе и знайшовъ, и теп'єрь ще дужче полюбывъ тебе и за тво'є послушн'яство, що ты недуже д'є-чого зпомина'єшь, а потрап'єзовавъ зо мною, такъ за т'є я тобі стану у великій прыгоди. Я ус'є знаю; знаю, що ты хоч'єшь знайти скарбъ.....»

— Х'бчу, т'аточку, б'атечку! перехопывъ Маслякъ, та ажъ до нигъ прып'авъ та пр'бсыть, щобъ навчывъ, д'є ёг'о знайти и якъ уз'аты.

«Ал'є, сынку!» каже Юдунъ: «безъ м'єне нихт'о незнайде и колы хто не мій, то й неозьме. Завтра зъ в'єчєра у васъ зах'одыть пр'азныкъ (та с'єе кажучы, такъ зкрывывся, що ще г'идший ст'авъ); такъ ты неходы зъ люд'ьмы..... куды тамъ вони йт'ымуть.... (бачыте, ёму т'яжко буд'о сказа'аты, що йт'ымуть до ц'єрквы), а надъ-вечиръ пр'ийды на узл'исься та й дожыдай, а якъ побачышь, що нен'аче св'ічечка пал'а, такъ ты и п'йды за н'єю, куды вона тебе завед'є. А тамъ — вже мо'є д'яло; буд'єшь д'яковаты. Прощай, мій м'ылый сынку!»

Дывытця Хома, що Юдунъ п'йшовъ, та невидчыняючы двер'єй, вже ёг'о и нема..... зч'єзъ! Хома подывывсь у вигно, нема машталир'а зъ брычкою, и к'оней чортъ-м'а, и вор'бта зач'инени и засувома засунути. Отъ и д'ума: «щ'о се так'є?» Ажъ ось пынкарь в'ыйшовъ зъ кимн'аты и каже: «Чог'о ты, Хома, пр'йшовъ и чог'о у х'ати самъ собі гомонивъ? йды до-дому;

тепёръ नेताки дні; я й проійизжыхъ непрынямаю, хыба доброго чоловіка протівъ-ночи; та й продажи на горілку тепёръ нема; мы, благодарю Бѣга! не жыды, знаемо Хрыстыянство». Почухався Хома, ставъ озыратысь, дывытця, — на столі поросячихъ кистокъ нема, а у рѣти чѣе смакъ видъ яешни и межъ зубамы завязла поросятына. Дій ёго чѣсты!.... сюды туды перемынаетця..... дали шмѣргъ зъ хаты мѣвчкы!....

Чудный мені нашъ Хома Маслякъ! Якъ такы винъ ничѣго невторѣпавъ? Колы-бъ сказаты пьяный бувъ, а то-жъ вызволившысь зъ пидъ калавѣру, ни йившы, ни пившы, поспивавъ до-дѣму, невечерявшы, та на-тощакъ-жъ и по селѣ блукавъ, пѣкы зъ Юдунѣмъ постричався. Такъ якъ винъ нерозглядивъ и нерозчѣмавъ ничѣго? А тутъ усѣ вѣдно, якъ склѣ! Чомѣ у Юдунѣвого каптана задѣтѣ полѣтныще такѣ довге, неначе у паней? Эгѣ! хвѣстъ закрывало. Чомѣ на нѣму така высока шапка та ще зъ вугламы? На рѣгы-бо надѣта. Чы чоловіча-жъ на нѣму тварь? И у ричахъ винъ дзыдыкавъ мовъ жѣдъ. Ажъ ѡсѣ и стѣло, що тѣ бувъ чѣртъ, спражній, настоящій чѣртъ! Адже усѣкъ, хто бачывъ чѣрта, усѣкъ розказуе, та й патрѣтъ ёго бачымо, що винъ зъ хвостѣмъ, зъ рогамы, зъ цапыною бородѣю, зъ карлючковатымъ нѣсомъ, зъ предовжѣнными пальцамы та зъ карлючковатымы кохтямы; а тутъ такъ усѣ и булѣ. Та й у речѣхъ пизнаты мѣжно булѣ: адже чѣрты ни-по-якомѣ билшь неговѣрютъ, якъ по-жыдывськи. Эгѣ! ѡтъ-що! А якъ сказавъ, що зовѣтъ ёго Юдунѣмъ, такъ тутъ вже хыба дѣрѣнь недогадався-бъ. Адже звѣсно, хто Юда; а тѣ ще старше ёго, Юдѣнь. Се такъ примѣромъ бѣдучы сказаты: когѣ вельчають: «ваше благородыѣ», а тогѣ вже «ваше высѣкоблагородыѣ»; то Юда, а то Юдѣнь. Справка чыстая! Ну щѣ-жъ: увѣйшлы у хату, Юдѣнь нехрѣстывся; сѣ ще дарма, бо ё й панѣ, якъ жыды, що нехрѣстытця, увишѣдшы куды у хату; такъ йивъ-же ковбасѣ! Эгѣ! от-тутъ-то и прычына! Щѣ булѣ Масляковѣ недогадатысь, що якый се жѣдъ, що йистъ ковбасѣ и поросятыну? колы-жъ сѣе усѣ йистъ, такъ винъ вже не жѣдъ, а пѣвно чѣртъ; та чѣртъ и черезъ рѣгы, и черезъ хвѣстъ, и черезъ рѣкы, и черезъ нѣгы, и черезъ имѣнныя, и черезъ ковбасѣ, и черезъ поросѣ, и черезъ усѣ, черезъ усѣ, чѣртъ та й чѣртъ. Хочъ до сто бѣбъ неходѣ, а вѣдно булѣ, що то спражній чѣртъ. А Маслякъ непизнавъ. А якъ-бѣ булѣ пизнавъ, то пѣвно видъ нѣго, а мѣже-бъ и видъ скарбу, вид-

курався. Тутъ-же, якъ увесь глүздъ загубывъ и прынявъ чортяку за доброго чоловіка та ще й батькомъ ёго назвавъ и ажъ до нигъ ёго прыпадавъ, такъ тутъ вже нежды доброго! Ще-бъ и теперъ мѣжно-бъ дѣло поправыты, такъ ёму усё байдуже и винъ вернүвсь у село, и идучы, билшь ни объ чымъ недума, «колы-бъ-то швыдче до заврѣго, щобъ пійты на узлісься та побачыты, якъ свѣчечка палатеме».... Та зъ сёю думкою прыйшовъ до свѣсты и незаходючы у хату, нүжды мало ни про жинку, ни про диточокъ, и чымъ вонѣ розговіютця (гараздъ, що самъ розговивсь у великодну пѣятныцю ковбасю та яешнею. О, бодай тебѣ!), пійшовъ на тѣкъ, залізъ у солбому, теплѣнью, любѣнью, тамъ и захрипъ писля чортячого бенкету.

От-же и великодна субѣта. Отъ и сонечко заходить. Смерка. Ударылы у великый дзвинъ до церквѣ на одіаные.... Хазайкы мотнүлыся лагодыты усё на заврѣ; горшкы поставылы по печамъ: ув-однімъ борщъ зъ яловычыною, у другимъ капуста зъ свынѣною, ищѣ юшка зъ лѣкшыною та зъ молодю бараныною, печѣный гусакъ годованый зъ пидлевою, та на закуску молѣшна каша. Отъ постановывшы по печамъ, затушковалы, нехай стоить, щобъ заврѣ вже, рады празныка, непобратысь коло нѣго. Дали старѣ звѣлила невесткамъ послаты на стиль скатерть та й становыты усё, що трѣба заврѣ на посвяченые. Постановылы заразы паску.... Та й мудра-жъ прыдалась!... высочѣнька, легесенька, чепурна, нерѣнула; а якъ їй помазалы звѣрху шапраномъ, такъ ажъ польскуетця, жѣлта та прежѣлта! Хочь-бы и у якого пана така була!... Затѣмъ-то старша невестка, унѣсючи їй у хату, идѣ, и зѣмли видъ радошивъ пидъ собѣю нечѣе, бо бачыть, що якъ уздрила їй свекрѣха, такъ и видно, що радесенька, и негрѣма на нѣй, и хочь-бъ-то всмихнүтысь та здѣржуетця, щобъ невестка закопылыла губы, що вже вона все зна. Отъ свекрѣха, оглядившы усю кругомъ, бачыть, що ничого прытѣмѣмъ сказаты, та усѣ-таки, звысно якъ свекрѣха, зырнѣла на старѣго, що лежавъ на полѣ, зпочывавъ писля трудивъ, та й каже: «якъ я ще була дѣвкою та жыла у дѣдыны, то було якъ зпечѣ паску, такъ от-такѣ!» Та й прымиря рукѣю у аршынъ за-ввышкы.

От-же-жъ невестка такы сѣгѣ їй непустила та заразы и видричала: «Адже-жъ вы, мамо, и тутечка усѣ порядковалы: и чоѣо скилки положыты, и якъ запарѣваты, и мисыты....»

Ничого свекрыси робыты, перехопыла заразь и каже: «а ба-равець де?»

Отъ постановылы невесткы и баранця, и порося, и крапанкы, и сало, и солы грудку, и хрину коринець, и усё, та й покрылы хусткамы, у чому завтра несты усё на посвященые.

Се-жь пораютця невесткы, а дочкы, дивкы де? Эге! Звясно, що маты ймы не такъ орудуе, якъ невесткамы. На невестку скаже: «а внесы, доню, дривець; а затопы, доню, пичь; а переставь сюды, доню, жлукто.....» та усё доню, та усё зь ласкою. А на дочку такъ усё грымаючы: «Чы довго тоби казаты, щобъ ты достала от-тамъ борщъ та пополудновала; чы ты, дурна, знаешъ, що якъ ты обидала та й досе ничого нейла!» Або: «Чы договорюсь я тоби, щобъ ты покынула прясты та ляговылась швидче спаты? Бачъ, якъ неслухяна! Лыхо зь нею!» От-такъ-то усй матерй наладають на дочокъ. Такъ и тутъ: маты застановыла дивчатъ-дочокъ свичечку за-свитыты та передь образамы прылипыты; голубы, що наробылы за пистъ зь шпалъривъ, попрычипляты до стёли.... Дали й гримнула на ныхъ: «Та докы вамъ тамъ возытысь? Йдыте швидче та вбирайтесь гарненько! Хыба нечуете, що до церквъ дзвонюць? Але усё крычы та ворчы на ныхъ!» А дали каже невесткамъ: «А вы, мой невесточки-голубочки, змыйте зь мысыка, попереполощите мысочки, талирочки, ложечкы поперемывайте, батькивь нйжь выгостритъ, печене краяты, лавочки помывайте, хату выметитъ та вже хочъ недуже прыбирайтесь, а поспышайте до церкви».

Дали озырнула до старого, ажъ у него слизенькы на очыцяхъ! «Чого-бо ты, Уласе, мовъ журысыя? Отъ празныкъ заходыть, хвалы Бога, та повеселишай. Уставай-же, уставай, та йды на одяные. Отъ бачъ, якъ паска у насъ хордша прыдалася? Отъ и печёный баранчыкъ и поросятко дуже мудро зпечене.... Та такы и усёго удоволь, якъ и у людёй; ничого гнивыты Бога мылосёрдного!....»

— Та я-жь от-се, Домахо, лежу, дывлюсь, що тутъ на-пбрано, та й згадавъ, якъ мы зь тобою побралыся: небуло въ насъ ни кола, ни двора, якъ тамъ кажуть: безъ чаркы горилкы и безъ жодной хусточки видбулы весилья свое; небуло въ насъ ни батькивь, ни людёй, ни музыкы, никому и нипидь-що було танцеваты; звясно, хто до сырыть та ще й до бидныхъ пиде? Невспылы одружытыся, ты по наньмамъ, а я

въ батраки.... усёго вышылы!.... Тепёръ-же, гляды, Домасю! ё й хата, ё й господарство, диточкамы Богъ благословивъ, и усимъ насъ наградивъ, що й самы доволны, и ё бідному за Хрыста-рады податы. Спасыби тоби....» Та якъ зкочыть зъ пѣлу, якъ прыгѣрне до сѣрця свою стару, якъ заплаче гѣрко, и каже: «Спасыби тоби, мой старѣнька! черезъ тебе, черезъ твою дѣбрость, черезъ твой труды насъ Богъ благословивъ усимъ, усимъ. Ходимо-жь до цѣркви, подякуймо за Ёго мѣлосты! Я усё одѣяные простѣю у цѣркви: чы дастъ Богъ джѣдаты на той годъ! Та й вы, молоді, небаритесь, ійдіте швыдче до цѣркви та несыдѣте на цвѣнтари: тамъ тѣлки пустѣта та гриховѣдство. Стійте у цѣркви та слухайте, ничъ недѣвга, незабарятця Хрыста дочытатысь; выспытєсь опислѣ.» Сказавъ та й пишѣвъ тыхѣю ступѣю, пидпирѣючысь пѣлычкою.

Старѣ стала Бѣгу молытєся, пѣкы молоді поубирѣютця, а тѣ собі и мотнѣлысь: отъ дивчѣата кынулыся у протѣвну хату; а тамъ на стині край викѣнца дѣэркало въ ныхъ булѣ, такъ шматѣчокъ, якъ зъ пѣятакъ; дѣ-то чы купылы, чы выпрохалы у пѣнськимъ дворі та й прылипылы тѣстомъ до стині. Отъ и кынулыся до того дѣэркала скиндякы на гѣлову собі покладаты, кѣсы квиччѣаты, намѣсто на шыѣо чиплѣты; плахты, запаскы, червѣни баѣви юпкы, сукѣднни панчѣшкы, червѣни черевычкы.... повдягѣлы нові бѣли свыткы, шытымы рушнычкамы пидперезѣлысь и пишлѣ собі мѣвчкы, якъ тѣм пѣвѣчкы....

Пѣкы-жь вѣны одягѣлыся, невѣсткы знай у протѣвну хату рыпъ та рыпъ! То бѣуцымъ-то вѣгнѣю достаты, то чаплиѣ узѣаты.... а тѣтъ абѣ-бѣ уздрѣты, якъ выйдутъ видтилѣ дивчѣата, бо й йѣмъ, молодѣцямъ, трѣба булѣ кынутысь до дѣэркала, такъ пры дивчѣатахъ-бо немѣжно: зарѣзъ смѣѣтемутця, що й зѣмужни, а чѣпурѣтця; хыбѣ безъ дѣэркала вѣже и невберѣтця? Якъ-же выйшлы дивчѣата, то й кынулысь молодѣцы до того дѣэркала: бѣчыте, у старшѣи невѣсткы два очѣпка, одѣнъ блакытныѣ, дрѣгый вышнѣвыѣ, та трѣтѣй карѣблыкъ; такъ вѣна хотѣла прымѣрѣты, що йѣ бѣде краѣце до лыѣя, чы яѣый очѣпокъ, чы карѣблыкъ? Такъ якъ ты ёгѣ безъ дѣэркала вѣгадѣешъ? А молѣдша невѣстка дурнѣѣ ще, недѣвно пишлѣ зѣмижь, незнѣ що до чоѣго: хотѣла-пакъ гѣлову повѣязѣты платѣкомъ; такъ старша незвѣлила, бо для такѣго празныка звычѣйныпъ узѣаты на гѣлову очѣпокъ. Отъ якъ вырѣдылысь, пишлѣ и сѣ.

А тамъ и парубѣцтво зъ старшымы, жонатымы братамы, попидгѣлювавши чубы, повдягавшы новы свѣты зъ Уразивскаго сукна, пидперезавшысь штѣпенько, повбувалы новы шкарѣви чѣботы зъ пидѣовамы, що ще зъ пѣятныци мѣклы у дѣгтя..... звисно, дѣты замѣжного бѣтка, такъ йимъ-то у роскоши и жыты! побравшы новы шапкы козацкы, повалылы лавою до цѣрквы; та не до цѣрквы: вже щобъ парубокъ та такъ прѣмо и дѣшовъ? Э, ни! Щѣ йимъ трѣба побыля цвѣнтаря засидаты та якъ йтыме кѣпка дивчатъ, такъ трѣба кѣнутысь на ныхъ, розпудыты йихъ, ту вщыпнѣты, ту помнѣты, тѣй тусанѣ дѣты... А тамъ ще й на цвѣнтари, и тамъ не безъ йграшокъ: де побачуть, що на рундукѣхъ полягалы дивчата, такъ йихъ и поперекидѣють; або де кѣпка сыдѣтъ, то пидкратѣтця та по-ведмѣжому и ревнѣтъ..... а ти зкѣплѣтця, бижѣтъ, регѣчѣтця, лѣють..... Щѣ-то молодыи литѣ! Булѣ се колысь и зъ нами! Эхъ! та мынѣлося! щѣ вже и спомнѣты!...

А бѣткы и матерѣ, и усякъ старыи народъ, усей у цѣрквы; повнисинька набралась. Стоѣтъ зъ позасвѣчуваными свѣчкамы, хто слѣха, а хто и окунивъ лѣвытъ, слѣхаючы, якъ славно чытѣ одѣяные попѣвычъ-хвылѣзопъ, що видпросѣвся зъ бѣрсы на празныкы до насъ у селѣ. Та щѣ за гѣлосъ! чытѣ, а самъ якъ кармазынъ червѣный видъ натѣты, пѣтъ зъ него такъ и кѣтытця, а винъ выкрыкуе та гѣлосъ вывѣдытъ не на точкѣхъ, а де строфѣ кинѣетця; хочъ на половыни слѣва, то такъ и выкрыкне, ажъ луна пѣ-лису пиде у одчыненѣ двѣри. Такъ гѣрно, такъ гѣрно, що усѣ-бъ ѣго и слѣхавъ. Ну, та й звисно-пакъ: вже винъ недѣромъ въ бѣрси вчытця: винъ на тѣ хвылѣзопъ!

Дѣ-жъ нашъ Маслякъ? Мѣже винъ быля попѣвыча стоѣтъ та прыслуѣетця, якъ той гѣрно чытѣ? Або мѣже прытулѣвшысь до стины промежъ старыхъ людѣй та туды-жъ зъ нымы дримѣ? Або чы не у тѣй кѣпци, що гѣнъ у кутѣчку зибралыся кругъ пѣна Сьмейѣна, нашого такы дякѣ, та слѣхають, якъ винъ тамъ шѣпчѣчы розкѣзуе, якѣ-то лыхо людымъ бѣде, якъ народытця анцѣхрысть та бѣде православныхъ людѣй мѣчыты, а за жыдѣвъ заступѣтысь и йихъ жаловаты; якъ набижѣтъ Гѣгы та Магѣгы, мовъ Крымська Татарѣва, та у тыхъ людѣй, що нешановалы духовного чѣну та нестановылы чѣсто обѣдивъ, та бѣдѣуть усю худѣбу одбирѣты, та нею жыдѣвъ та цыганѣвъ надѣлѣты; такъ, кажѣ, чы не промежъ тымы слѣ-

хателямы и нашъ Хомá? Незнаю! Якъ-бы-пакъ тамъ бѣвъ, то мѡже заплакнѣвъ, слѣхавъ пана дяка, якъ и старый Кырыкъ, що слѣхавъ-слѣхавъ, плакавъ-плакавъ, та дывлячысь на дяка, що той ажъ употѣвъ розказуочы, выныавъ зъ кышѣни гаманѣць, розвѣзавъ та й давъ цилѣсинького пѣтыалтынного на молитвы дяку; от-такѣ-бѣ дѡбре дѣло и Маслякъ зробѣвъ-бы, якъ-бы тамъ бѣвъ; такъ небуло-жѣ-то ёго тамъ..... та и по усій цѣркви ёго невидѣно.... Та дѣ-жѣ винъ?

Алѣ!... Дѣ! Винъ того незабѣвъ, що прѣятель ёго Юдѣнь та наказуавъ ёму дѡбре, щобъ зъ вѣчера, якъ люде зберѣтця у цѣркву, такъ щобъ винъ выйшовъ на взлисья; отъ-же-то винъ туды и потягъ, ще тѣлки сонечко стало спускатысь на захидъ. Лѣгъ, сердѣшний, край взлисья и дождыдаѣтця видѣ свого прѣятеля Юдуна звѣстки.....

Ажѣ ось.... ще негараздъ и смѣркло, а вже далшь у лѣси запалала, мовъ свѣчка, та нетакъ горючы, якъ такы свѣчка, щобъ огонь бувъ або червѡный, або жѡвтый, а чортѣчымымъ огнѣмъ, якъ горѣлка горѣтъ, сѣнимъ огнѣмъ. Отъ нашъ Маслякъ такъ и здрыгнѣвъ, та не зъ переляку (бо вже побрѣтавши зъ старшымъ чѡртомъ, винъ вже манѣнькихъ зовсімъ небоѣвся), а зъ радощивъ, що отъ Юдѣнь небрѣхавъ и що от-отъ дѣсть ёму скарбы; побѣчывшы тѣю свѣчку, мерщѣ до нѣи, а вона видѣ нѣго далшь у лѣсѣ; винъ за нѣю, а вона видѣ нѣго, та усѣ далшь, усѣ далшь у лѣсѣ... Ажѣ засапавсь нашъ Хомá бижучы до нѣи, такъ недоженѣ. Вжѣ вона ёго и далечѣнько завелá, вже Хомá, чипляючысь за голѣкы, то за пенькы, порвавъ и матню у штанивъ и рукава у свѣты, бо такъ напростѣць и чѣше: по колодѣямъ спотыкаѣтця и вже не дѣсять рѣзивъ лѡбомъ циловався зъ хамлѡмъ, що по-пидъ ногамы ёму плѣталося, и вже й шапки катъ-мá; тѡ ёму и байдужѣ: хочъ усѣго рѣшытыся, бо отъ вже швѣдко добижытъ до свѣчки, от-отъ вздыты скарбы.... Трѣвай-лышень, Хѡмо, Мыкѡлу звалышь, якъ тамъ кажутъ. Бижытъ-бижытъ, ажѣ ось ёму на зѣстрѣчь двѣ манѣнькихъ чортѣточокъ: хочъ на нѣхъ було и плѣтѣячко дѣвѡче та тѣлки наскрызъ и свѣтытця: и рѣкы гѡли, и шѣи гѡли, точнѣсинько, якъ на паньнѣхъ, що у гѡроди берлынамы розвизжають; а самы ти чортѣгнѣта чѡрни, мовъ цыганчѣта. Отъ заразъ и кынулысь до Масляка та й загыротѣлы не по-нашому, а по паньски, якъ той хрѣнцузъ вчѣтъ паньнѣтъ, що такы у нашому селѣ. Маслякъ вылупывъ

*

на ныхъ очи, дывытця и ничого невтороба, що вони ёму и говорють. Отъ чортенята зареготались, та и каже одна одній: «мы думалы, що винь пань якый та й заговорылы до него по-нашому, по-хранцюзьски; ажь винь, бачу, сего невтне». Та й стали кываты на него та й кажутъ по-свбему: «Ало, мусье, ало; венё исй». — «Отъ колы по-собачому», каже Хомá, «то и я розберу; бо чувáвъ, якъ панський Ивáнька розговóрюе зъ кгарсономъ». Та и пишóвъ за нымы. Недалёко видийшóвъ, ажь ось туть Юдунъ и ё, стойть и дожыда ёго. Жупанъ на нёму добрый, рукава зъ вылётамы и вже хочъ изъ-пидъ жупанá и вьсыть предовжённый хвистъ та Юдунъ ёго неховá, а Хомá ёго вже небойтця. Протягъ ёму мохнату руку и карлючкóватымы пальцямы узявъ Хому за руку и повывъ за собю до шатривъ та й каже: «Добре ты зрóbывъ, що прыйшóвъ; будешъ менё до вьку згáдуваты. А нуте!» Якъ сё тьлки гукнóвъ, такъ полы у шатра и впáлы; а пидъ шатромъ, чогó-то тамъ небуло? За довгымы столáмы, скатертáмы понакрыванымы, сыдять чорты зъ чортыхамы, попаровáвшысь. Та щó-жь-то за порозряжувани! У якыхъ-то каптанáхъ! У якыхъ ребронтахъ! Тьлки вже ни пидъ квиткáмы, ни пидъ пирьямы и ни пидъ якымъ брылёмъ, и ни пидъ якымы кучерямы немóжно було поховáты рóгивъ: такъ и стерчáть. Такы усй булы, якъ настоюще городськё панство.

А на столáхъ стрáвы-стрáвы, такъ бáтечку мий! Тамъ и и усякого мняса и печёного, и варёного, и въ юшкахъ изъ пидлёвою, тамъ и яёшни, и тёртый хринъ зъ сметáною до поросятыны, и холодцю зъ ракамы и зъ просёлною осятрынкою; було тамъ и сахарне морóжене, що москáль у гóроди продаё, и хвыгы, и родзынкы, и чорнослывъ, и горихы сами мышалóвки, и павыдла усяки..... Та чогó тамъ и небуло! Мыскы и тарилкы, и ножыкы зъ выдёлкамы, и ложкы, усё-жь-то срибряни; чарочкы усякою мьры и стакáны, усё хрустáльне, такъ и ссяе, мовъ у тий лáвци, що обь ярманци у гóроди тапшóетця. А пляшóкъ-же-то пляшóкъ зъ напыткамы? Було и рёнське, було и донськё, що по четвертаку бутылка; булы усякии вына, и червóне, и жóвте; булы пляшкы и засмóлювани, и дрóтомъ позаплитовани; була и вышнйвка, и тернивка, и дуливка; було и пыво кабацьке, такъ, дешёвеньке, для усякого розходу, та бувъ и грушёвый квáсь, вже спытый. А усякы горилкы окрóме стоялы; та и до биса-жь йихъ тамъ

було! Була и пинна, и полугарна, и запиканка, и полынъкова, и коринькова, и на калганъ, и на соснови шыпкы гната..... усяка, усяка була, якѡи якыи чортъ забажá, такъ усяка ёму ё. Прыдбалы добре; мабутъ небоялысь ни объйиздчикивъ, ни выёмкы. Пожалуй, такъ далёко у лисъ забравшысь, такъ мѡжно небоятысь и самогѡ главногѡ повирённѡгѡ зъ корчёмнымъ засидателемъ. Нехай-бы де у дыстанцы такъ розташовалысь, далы-бъ йимъ заразы перцю, хочъ-бы и перечортъ бувъ: заразы-бы потаскалы у польцю та затасовалы-бъ у яму, та къ допрѡсу..... пляшкы-бъ и усяка посудына порозпропадала-бъ и вже й нешукáй, а самъ, хочъ-бы самыи старшённыи чортъ, сыдывъ-бы пѡты у ями, ажъ пѡкы незнысь-бы грѡшей за усяку пляшку, якъ и за видрѡ. Воны и чѡрту неподывлютця у зѡбы; знаямо йихъ!

Отъ якъ от-сѣ усѣ Хома Маслякъ розглядáвъ, заразы Юдунъ ёму и каже: «Моѡи девятой жинкы пасербыця та у сѣме йдѣ замыжь ще за парубка, такъ я от-сѣ зправляю весилья. Сидáй, Хома, зъ намы, повечѣрай, а дѡло наше будѣ опислá». Та й посадывъ ёгѡ былá чортыхы, що самá собѡ безъ пары сумовала. Сывъ нашъ Маслякъ и розперезався, щобъ-то добре и найыстысь, и напытысь на чортячимъ весильи. Пиднеслы ёму горѡлки, и выпывъ такы пѡвну та невиддыхаючы заразы и по другѡй; отъ и поставылы ёму на талѡрочци капусты зъ яловычыною; винъ и прынявъсь за неѡ.... Якъ хлыснѣ, якъ опечѣтця!... Ажъ слѣзы ёму покотылыся, трѡхы некрыкнувъ. Зъ рѡду-пакъ нейывъ сребною лѡжкою, и незнавъ, що трѣба студыты. Отъ чортыха и стала ёгѡ вчыты, якъ тою лѡжкою трѣба йысты и якъ мясо краяты. Тѡлки-жѣ винъ зъ сѣю чортыхою заговорывъсь, зыркъ! Вжѣ талѡрки й нема; вжѣ йи и зчыстывъ чортѣнокъ у кѡртци, що талѡрки переминя. Зъ гѡлоду мабутъ; мѡже трѡ дни нейывъ, такъ ставъ гостѡй обдѡрѣваты: якыи задывытця, такъ винъ заразы талѡрку и хватá, хочъ-бы зовсымъ и непочатá. Дѣсь бачывъ, якъ у вѣлыкихъ панывъ хлопци рѡблютъ. Такъ Хома пустывъсь на хытрощи: якъ ёму подадѡтъ якѡу стрáву, то винъ одною рукѡю прыдѣржуѣ талѡрку, а другѡю мѡтá; якъ вычыстытъ зовсымъ, тогдѡ и ткнѣ йи у зѡбы хлопцевѡ. А напыткы, тѡлки якѡгѡ налыѡтъ, такъ мерщѡй у пѣлку. Недѡже и до чортыхы озывався, що усѣ ёгѡ занымала и дѣ-що выгáдувала и лыскотала ёгѡ потрѡху.

Эгэ! та хочь нашъ Маслякъ пывъ усякіи напыткы, якъ самъ описля розказувавъ, що, каже, «пывъ мадэру, шатайморгай, шатайм-на-хвистъ, реевее, барбоське, шальпанську и пречене пиво», и чого-то винъ тамъ непывъ. та зовсімъ-же-то непыяный уставъ изъ-за обидь. Бо тилки що поуставалы, заразъ Юдунъ и гукнувъ: «музыка грай!» Дё у чорта вона и узялась! Ажъ шестеро жыдкывъ, хто на скрыпку, хто на баса, хто на дудку, на цымбалы, на бубень, такъ и вчыстылы метельци. Якъ-же пиднялось усё чортятство.... батечкы! И самъ старый Юдунъ туды-жъ за молодымы, ажъ засапався. А Маслякъ-же-то нашъ, такъ той-то, щобъ удружыты свому названому батькови, такъ той-то нбсытця, отъ вже нбсытця! Трехъ чортыхъ перетанцевавъ, уей чботы свой пробывъ. выбывавочы гоцака и ще-жъ було ухопывъ двоухъ свйжыхъ чортыхъ, що повыряжувалыся дивкамы и косы на головы поклалы, и скиндячкы положылы, и плахты почиплялы, отъ ухопывъ йихъ та гукнувъ на музыку: «грай дудочки!» Такъ Юдунъ прыйшовъ до него, узявъ за руку, та й каже: «гбди-жъ, гбди, угамуйся. Вже бачъ розвилó, сё вже наша ничъ починаетця; треба молодыхъ спаты класты. Колы зхочешъ, побудешъ зъ нами до вечера; то пидуть прыданкы зъ перезвю гукаты, колы-то ще до того дйдетця, то й ты зъ нымы погуляешъ, а покы я обь твоимъ дйли поговорю».

— Батечку, голубчыку! Що хочь робы зо мною, тилки дай мени знайти скарбъ, хочъ зъ пивсотни джбокъ съ золотымы... Такъ казавъ Маслякъ, усё нызенько кланяючысь Юдуну.

«Що вже пивсотни йихъ и прохаты!» каже Юдунъ: «сё и мени стыдно такъ трóхы тоби даты. Я самъ знаю, скылки и чого тоби дамъ. Буде на увесъ твй викъ; жывы, пый, гуляй, на що хочъ тратъ, усё въ тебе бдутъ грóши безпереводно. Тилки чымъ ты мени виддячышь?»

— Та що потребуете, ажъ крыкнувъ Хома, думаючы, що от-отъ на него грóши такъ и посыплютця: «що потребуете, усё передъ вами; хочете дшу узаты, заразъ вамъ йи и заручу, тилки дайте довше погуляты».

«А на чорта мени такё смитьтя?» сказавъ Юдунъ: «Дшу! Та вона вже давнисянько моя. Та й прыслужывся добромъ! Знай, друже, такòи мызёрной души, якъ твой, въ мене и послдний хлопецъ за нюхъ кабакы неозьме. Мы и зъ кра-

щымы вже незнаемо, куды дитысь. Було колысь, такъ давно, що и за такою паршывою душюю, якъ твою, такъ усї табуромъ ходымъ, щобъ їи заповолныты, бо дуже въ насъ у пекли було просторно и нїкымъ було орудоваты. Самї чорты усю панщыну видбувалы. А теперъ вже нетакъ; нетакѣ вже, спасыби людымъ, и пекло стало, якъ—колы чувавъ—пань Котлярѣвскій зпысавъ. Першь було, якъ якый грїшныи попадѣ сюды, такъ и тѣ навдывовыжу; та й тѣ бувалы все то душогубци, то змінныкы, то харцызякы; а якъ колысь разъ прывелы одного скоромныка, що въ сѣреду йивъ, мовъ той пущыкъ, скоромне; а жинку, що видъ живого мужыка та..... прала другому сорочечку и усѣе прѣчее..... такъ такѣ наведенныя було, що ну! Усї чорты покыдалы роботу та хто на колодкы, а хто на плоты, на хаты, скрызъ тѣвплятыця, що якъбы-то подывытысь на такыхъ грїшныкывъ, що ще зъ рѣду йихъ и небачылы! Такы точнысенько якъ на ведмедивъ збїглыся дывытыся, такъ и на ныхъ. А дали, дали, спасыби людымъ, якъ розвередовалыся та розибралыся дѣбре, та пустылы на всї заставки, такъ и дѣтовпу нема у пекли! Та й чортѣмъ полѣхшало: першь було чорты и на дрывитни колоддѣ кѣлють, чорты и пичкурамы, чорты и за смолою, и за вугильлямъ; куды ни задумаи, усѣ воны, усѣ воны, сердешны, видбувалы, щобъ тилки тыхъ грїшныкывъ по казанѣмъ уконтентоваты; а виддыхнѣты, а пожартоваты межъ собѣю—бо и межъ нѣмы є и молодї, и усякои натѣры—хочъ поборѣтысь, або у скракї, та й до самого жєныханьня нїколы було. И нїчь и дѣнь, и нїчь и дѣнь на панщыни. Чѣртъ йихъ знѣ, якъ воны невѣздыхалы видъ такѣи надсѣды. Я й старшына надъ нѣмы та й менї лѣхо було: нїкого було и у двірѣ узѣты видъ панщыны; небудѣ въ мѣне ни кѣхаря, ни хлѣпця, ни машталирѣ; самъ собѣи було и обѣдаты варю, и конѣ наповаю, и чѣботы латаю, и щѣ скрызъ обѣгатаю та назырнѣ, дѣ и якъ хлѣпци мой справляютця. Тилки такѣ и була, що плѣтчатячко моѣ перемывала та колы було голѣвку змыѣ, а пислѣ обѣдъ поськѣе; вже безъ сѣго менї немѣжно, бо я трѣшкы собѣи паньскои натѣры. Якъ-жѣ надалѣи видъ васъ, незнаю пислѣ чѣго и видъ чѣго, тилки дѣ-кто розказуѣ, що якъ людѣ умнїши сталы, та якъ посыпалы до насъ, такъ бѣтечкы! Я незнавъ дѣ йихъ у сына и диваты. Такы такъ и сыплють, такъ и сыплють!»

«Отъ и вскóчылы якъсь-то жыдъ и хрѣнцузъ. Жыдъ зѣразъ порядывсь паровѣ пѣчи стрóиты, щобъ мѣншь кóшту трѣтыты, а гришныкивъ дѣжче прышкварюваты; та й перабравъ-же, вражый сынъ, до гѣспыда грóшей, и пообмѣнювавъ такы пекельного и клѣшныка, и токового и дѣ-якыхъ прóчыхъ прыказныхъ, та такы зробывъ паровыкы слѣвни, що наврѣдъ и у Водолазскыхъ вынокуривъ такъ дóбре, якъ у насъ у пѣкли. Тѣлки-жъ щó? Узѣвъ та й выивъ трубнѣцю у ту зѣмлю, де хрѣнцузъ живѣ; та якъ пустѣлы паровыкы на робóту, душныкы повидкрывѣлы, то дымъ зъ нашыхъ паровыкивъ и повалыть до хрѣнцуза. Тѣ заразъ показуютьця, збѣсятця..... давай рѣзатись! Йимъ-же тамъ и нѣжды мѣло, а мѣнѣ тогдѣ найгѣрше лѣхо. Якъ о пòводи вода, такъ дѣши посѣплютьця пислѣ тóго сюды, що нѣякымъ пòбытомъ и незрѣвышся. Тóй прыбѣгъ — пѣчепортъ показуе; тóй пытѣ, куды, у яку кучу, до якогò дѣла йтѣ; тóй свою бидѣ розказуе, щó винъ на тѣмъ свѣти покынувъ, хтó винъ тамъ бѣвъ, що робывъ; а вже пысьмѣнни! такъ тѣ мѣнѣ найгѣршъ усѣхъ! Якъ стануть мѣнѣ виршамы чытѣты, а дрѣги мѣнѣ зопынѣты, що я непротывъ грамѣтыкы якѣ слóво сказавъ, то я плѣну йимъ межы-очи та й утикаю до-дóму. От-такѣ-то мѣнѣ хѣлепа будѣ! Та спасыби, хрѣнцузъ, той, що зъ жыдомъ до мѣне ускóчывъ, той прынявъ порядковѣть; заразъ кѣже: «Нада-трѣба вамъ, мусѣ, по-пѣнськи жыты, а то гришныкы васъ замѣчуть».

— Що-жъ зъ тóго, що бѣду по-пѣнськи жыты? усѣ-жъ такы трѣба коло ныхъ пòратись; а коло мѣне и нѣкому пѣнъкатысь.

«Озьмимъ, кѣже, усѣхъ чортѣвъ у прыслѣгу».

— А на пѣнщыни хтó зостанетця? И пѣчкы погѣснуть, каваны и скòвороды попростывѣють.....

«Нó, нó, мусѣ», кѣже винъ: «усѣ бѣде фòрѣ-бѣе. Пòкы бѣдешъ прóсто жыты, усѣ робóта на тобѣ лежѣтемь, а якъ станешъ жыты по-пѣнськи, то и дѣла тобѣ нѣякого небѣде, бѣдешъ на подушкахъ дóвго спѣты, и пыты и гулѣты, а слѣва бѣде йтѣ, що усѣ ты сѣмъ трѣдышся. Лягѣй-лышенъ, мусѣ, спѣты; зѣвтра устанешъ, подывышся и сѣмъ скажешъ: «фòрѣ-бѣе!»

«Отъ я послѣхавъ ёгò и давъ ёму вóлю робыты, що винъ хóче. Прокынувъсь, ще стѣло нѣ-свить занѣмѣтысь, а хрѣнцузъ и тѣтъ: «нó, нó, мусѣ; кѣшь, кѣже, спѣ. Колы пѣнъ, такъ

и робы по-паньски: паны неустають до-свита; я тобі скажѹ, колы порá бѹде уставаты». Отъ я и захрипѹ вцѣять. Та вже середу-дня увійшовъ винъ до мене та й каже: «отъ теперъ порá, уставай, мусьє!» Заразъ и подавъ менѹ и чаю, и кохве гарячого та гарячого; ничого робыты: хочъ погане, а пью, бо паны пють и хрѹнцузъ вельють. Дали ввійшовъ я у свою свитльщю, ажъ побыля дверей стоять усѣ чорты у каптанѣхъ, позумѣнтамы пообшышованыхъ; стоять и неповорѹшутьця, и пылнѣнько менѹ въ вичи дывлятця. Я й ихъ ничого непытаю, вони менѹ ничого некажуть. Тилки що хотивъ я у кимнату пійты, заразъ ажъ трѣе кынулись й ихъ менѹ двѣри видчынѣты. «Эгѣ!» дѹмаю собѹ: «сѣ вже я паномъ ставъ, нетрѣба трудытця самѹму и дверей видчынѣты». Я зазырнувъ у прыхожу, ажъ тамъ гришныкивъ найшло новѣхъ до прѣпасты! А одынъ чѣртъ, у каптани у хорѹшому, кругъ й ихъ хѹдыть та й имъ розказуе: «нашому пану никола; такѹго дѣла прѣйшло, що не тѹ-що; прыхѹдьте завтра; а кому пылна нѹжда, подавайте бумагы». Повѣялысь мой гришныкы вѹнъ зъ хаты, а я зъ хрѹнцузомъ «кыхъ, кыхъ, кыхъ, кыхъ!» ажъ лягаемо та смѣюся, що пообдѹрювали нарѹдъ: вони дѹмають, що менѹ дѣла багачько, що никола и носа втерты, а мы тутъ зъ хрѹнцузомъ выпылы на калганъ гнѹтѹи та сокрушылы печене поросѣ, та прѣжену яѣшню. И хтѹ-бъ-то ни прыхѹдивъ описля, черезъ увѣсь дѣнь, заразъ мой лактѣи и кажуть: «пану никола, дѣла багачько!» А я увесдѣнычкы то на подушкѣхъ вѣлявся, то сѣдючы дримавъ, то зъ хрѹнцузомъ у дѹрня та въ дѣмкы грѣлы. А обѣдаты подалы вже намъ на въ заходъ сѹнця. Та щѹ-жъ-то за обѣдъ мѹдрый бѹвъ! чѹгѹ-то тамъ небудѹ? Ажъ пѣльци пообсмѹктувавъ. Аджѣ ты, Хѹмо, обѣдавъ въ мене, то й знаѣшь».

— Обѣдавъ, каже Хѹма, спасыби тобі и вмрѹ незабудѹ, якѣ-то усѣ смапнѣ булѹ и якѹ напыточкы булы мѹдри!

«Эгѣ, за сѣе всѣе дякую своѹму хрѹнцузѹ», казавъ Юдѹнъ: «винъ изъ чортѣвъ набравъ и кѹхаривъ, и клѹшныкивъ, лактѣивъ, и хлѹпщивъ; до мойхъ жинѹкъ, що й ихъ ѣ въ мене ажъ трѣ-дѣвѣять, попрыставлявъ и дѣвѹкъ, и прѣчѹкъ, и кѹхарѣкъ; та й дѹчокъ мойхъ, що ще якѹ ѣ манѣнькы, такъ и мамѹкъ, и нянѣкъ, и усѣго чѹгѹ дѣ трѣба, усѣкого народу ѣ, якъ и у вѣлыкого пана. И тѣ-жъ-такы якъ и у паньскимъ двѹри: вони бѣйдакы бѣють, у кѣрты грѣють, горѣлку дѹбре

пьють, по вечернїцямъ шляютця, дивчатъ обдурюють; якї дамъ гроби на закупку, чоґо — часомъ бува — треба, то вони половїну йихъ укрáдутъ, пропьють, а щотъ подадуть на всї, чїсто пишли у розхóдь».

«Бáчачы, що усюды-жь-то у прислужи чортї, усюды чортї, подумавъ собї: якый-же гáспыдъ коло казанївъ на заводи? и думавъ, що усї пѣчи мабуть погáслы, а грїшныкы дóсе поснұлы рады скұкы. Отъ хрáнцузъ, оповїстївшы напередъ, що пáнь пїйде заводъ обглядаты, щобъ усякъ бувъ пры своему мїсцю и щобъ робылы пылно, и щобъ до пáна нхтò непидхóдывъ ни зъ чымъ, отъ тогдї и повївъ менѣ обглядаты. Такъ бáтечку мїй! якъ-то булò усѣ хороше! Робòта такы ийдѣ, якъ и ийшла. Тилки замїсць тоґо, щобъ чортї булы на пáнщыни, такъ усѣ грїшныкы, такъ, якї зъ ныхъ поганѣнькы. Тї такы, що заробылы, такъ тї по казанáмъ та на скòвородахъ лежатъ, на крїочахъ высятъ и дѣ кому якъ треба; и йїмъ дóбре булò, що простòръ, нетїсно; а заваляци грїшныкы, такъ тї усї у робòти: жывжыкы, що дивчатъ и чужыхъ жинòкъ обдурювалы та передъ нымы, бұцимъ-то справды йихъ любылы, що усѣ óхалы, щобъ бачъ котòра-бъ-то пожалыла ёґò та и кынулась-бы ёмұ на шыю, такъ такї сыдїлы край ұстыя у печѣй та усѣ знай óхалы, якъ и въ вáсь, а черезъ тѣе йихъ óханьня, вогòнь роздувалы по пѣчамъ и винъ усѣ бїлшь палáвъ. У казанáхъ кыпьячу смòлу ополòныкамы мїшáлы и котрїй грїшныкъ вїнырне, то винъ ёґò гарáчою смолòю и обїльлѣ, не хтò, якъ тї, що по судáмъ бїлшь ничòго неробылы, тилки справкы выґадувалы та йихъ пысáлы и тымы справкы мїшáлы усѣ дїло, якъ у казанї смòлу, и допекалы тепѣрь грїшныкамъ кыпьячою смолòю, якъ жывымъ лóдыамъ справкы».

Сѣе слұхаючы нашъ Маслякъ, подумавъ собї: «Йихъ-бы годылося и у самый казанòкъ утопыты. Знаю я йихъ». Се то винъ зґадáвъ, якъ попáвсь булò у йихъ рўкы, якъ побывъ нимòго стáрця. А Юдунъ усѣ розкáзуе.

«На дрывїтнї колодьдї колòлы, у дрòва рубáлы и на лыпыну трощѣлы ти сынкы, що худòбу, якұ батькы позбїрáлы, такъ вони зъ велыкои поперевадылы незнáть на-вїщо, пьючы и гуляючы, и зъ недòбрымы прожывáючы. Смòлу гнáлы зъ пысьмѣнныхъ: що незнá у пысьмї нїякого тòвку, попадѣ квыжку-бъ-то и добрѣньку, та якъ она не по-вáшому

пѣсана, такъ винъ їи и перепѣше по-вашому; а невміючы не тѣлки чужбого язѣку та гараздъ и свого, та такъ навернѣяка, що зъ дѣброи кнѣжки зрѣбыть, хочъ їи покынь ѡвси. Такъ такыихъ-то—сюды до насъ коринѣня переводыты та зъ ныхъ гнаты смѣлу на-лыхо людыамъ. Побыля душныкывъ у пѣчахъ, щобъ дѣймъ та пѣръ лышнїй выпускаты, прывставлени тї, що булы судѣячымы та дѣла неробылы, тѣлки що пидпысовалы, що пѣсаръ скаже и що положыть передъ нѣймъ; хочъ до горы ногамы положы, то винъ и пидпыше. То якъ ёму тамъ пѣсаръ кумандувавъ: «пидпысуѣ!» то и тѣтъ нема ёму дрѣугои робѣты, якъ слѣхаты, якъ закрычатъ: «видвернѣ!» то винъ и видверне; нетруднѣ дѣло; по ёго рѣзуму и робѣта; а менї усѣ лѣхше, що вже чѣрта лышнѣго непрывставляѣ до такого лѣдѣаго дѣла. Клѣшныкамы пекѣлнымы настановѣлы одкупщыкывъ та не зъ тѣихъ самѣихъ велыкыхъ, що самъ ѡдкупъ содѣржыть, и не главныхъ повирѣнныхъ; тѣймъ немѣжно нѣякого дѣла уручыты, тѣ—у самимъ гарѣчѣшимъ казанї, на самимъ спѣди и невырынають нѣкѣлы на вѣрхъ, а тѣлки бѣльбахы пускають; а настановлени до роздѣаи зъ пидвалывъ смѣлы такї, що булы пидвальни, шынкарї, пидтѣвкачкы и усѣяка така дрѣанъ. Имъ сѣ дѣло, розлываты та розмыраты, знакомѣ; тѣлки вже ёму тѣжко та вѣжко, що немѣже нѣкого ѡмѣраты, ни пидтовкнѣты; бо що ѡстанѣтѣа за роздѣаю видъ кѣхвы, такъ розтѣплють, та кыпѣятѣкъ и вѣллють на нѣго. Такъ тѣ-то вже ёму, сердѣшному, мучѣные, якъ розлыва! ѡмѣрывъ-бы, пидтовкнѣвъ-бы, якъ робывъ зъ горѣлкою, такъ бѣдѣ бѣде; та вже, прѣтивъ своѣи натѣры, налыва якъ разъ пѣвну мѣру и тѣжко-тѣжко здыха. Та опрѣчъ робѣты на завѣди, ѣ поганѣнкымъ грѣшныкамъ и вѣ мене у дворї робѣта. Я вже, знѣаешъ, якъ вже ѣсть пѣанъ, такъ повѣчѣряю на усї заставкы та ї немѣжу швѣдко заснѣты, такъ менї казкѣ кажуть тѣ, що понапысовалы путѣчѣствыя, що у якыихъ зѣмляхъ вонѣ булы и якыи дывѣ выдѣалы, та не спрѣвды, що їнѣздылы, а такъ понапысовалы брѣхѣнѣкъ, що бѣцимъ булы у такїѣ землї, де люде до горы ногамы ходѣютъ и усѣе такѣе, що кнѣжка-бѣ-то товстѣа, та нема вѣ нїѣ ни лѣду, ни перѣладу; такъ я ёго за тѣ—казкѣ розказоватъ: нехай брѣше, що хѣче, а я бѣду пидъ нѣи спѣаты, неслѣхаючы ёго теревѣнывъ. И якъ я вже пѣанъ, то вже вѣ мене и грѣшей, и усѣякои худѣбы багацѣкѣ, такъ вже стрѣшно стѣло и злѣдѣивъ; отъ и трѣба собѣакъ: дѣ-жъ

Йихъ узѣты? От-же я и выгадавъ: дѣже-дѣже багато швандяе сюды гольтипакъ, що ничого невміючы и ничого незнаючы, туды хочуть за добрымы людьмы. Бачъ, пысали люде вирши, та такъ розумно напысали, що усякъ йихъ на пам'ять по-выучувавъ и йихъ имення усякъ зна; такъ кѣ стану и я вирши пысаты; та якъ завиршѣ..... такъ батечку мій!.... и скитлыть, и хрюка, и пыщыть, и скавучыть, и усѣ-бъ-то по ёго дѣмци такъ жалюбно та жалюбно!.... Куды мені зъ нымы диватыся? Дѣмавъ, дѣмавъ, дали, гайда на двіръ, брешыть у ноці замисць шавокъ. Що-жъ? Отъ послухаты! Той дѣма, що вже винъ меделянъ та й сылкетця гавкаты и щобъ-то и товсто, и страшно, такъ тѣлки смиху собѣ наробыть. Иншый заведѣ-заведѣ такъ що нѣ; та неведе кинцивъ. та тѣлки вже мовчки гарчыть на другыхъ. Та такъ усѣ дуріють, дуріють, а я, знѣнешъ, по-паньски, несплю та слѣхаю йихъ, та кышкы зѣ-смиху порву, а вони—на усѣ заводы. Эгѣ! та тутъ добрѣ рѣблютъ: скавучать, то гарчать, а народъ и бойитця до нихъ и прыступыты; отъ мені и нестрашно. А ще зъ нихъ такы є, що до нихъ ни прыступу! усѣ гарчыть, то и завые, та усѣ-бъ-то по ёго дѣмци на виршахъ, а вонѣ чѣртъ и ёго нерозберѣ, що вонѣ такѣ; та кыдаеця та мотаетця; такъ я вже ни-чого, ихъ на цѣпъ; бо на надвирныхъ виршаныкывъ часомъ нахѣдыть, такъ тѣ ще ничого, нехай у ноці брѣшуть, що мало хто и чѣе; а сѣи вже—и у ниць и у дѣнь, тѣлки народъ знуцають та кыдаютця усюды; такъ нехай-же посы-дять на цѣпку та виршамы гергѣчуть, то иншый побойтця и блызько до мого двора пидійты. А мені и на-руку ковынька!»

«Е въ менѣ робѣта и молодыцямъ, и дивчатамъ, и старымъ бабамъ зъ вашого рѣду. Отъ-тыхъ кывухъ, моргухъ, що маючы свойхъ мужыкывъ, та на чужыхъ або на парубкывъ кывалы та моргалы, та сюды та туды заводылы, такъ тѣ, до мене якъ появытця, такъ-такъ заравъ зачепывши за плѣхту або за спидныцю, та на высочѣнный дрючѣкъ и пиднимемо, нехай зъ горы розглядѣ та розслухѣ, видкыль витеръ повывѣ, та такъ и морга и кывѣ, згѣдуючы своѣ кыванья на люде; отъ у усѣмѣ пѣкли и є звѣстка, видкыль витеръ вѣ. Цокотухы та ляскухы, що покынувши и мужыкывъ, и господарство, и дитѣчѣкъ, зйдутця до кѣпы та усѣхъ осуждають, та пидбрѣхують другыхъ, та свѣрки та смѣтки заводютъ, такъ я тыхъ—у мой садѣ до ягидѣ, щобъ замисць трещѣтокъ тер-

ча́лы та горобци́въ видганя́лы. А ще бувають и такі, що бидный мужы́къ де хочь озьмы́, хочь д́ушу прода́й, у дитѣ́й оста́ньне заберы́, та купу́й їй то плахты́, то очипкы́, то стѣжкы́, сѣгодня́ одне́, за́втра дру́ге и усѣе таке́. та якъ уберѣтця́, такъ, що и усѣи худобы́ на-годъ неста́не, що люде́ смію́тця, та ажъ жаха́ютця видь не́и, а вона́ д́ума собі: якá я собі хороба́! Отъ-такá якъ попаде́тця до мене́, що, зна́ешъ, спра́жне́го пѣкла неза́служы́ла, а такъ попáла сюды́ тилки на панщы́ну, такъ я такы́хъ—на мой огоро́ды до струки́въ, замисц́ь опу́дала; нехай́ йихъ ляка́, якъ лякала́ людѣ́й. Та и уся́кимъ є́ у мене́ уся́ке добро́!»

«Доста́етця и пыса́чкамъ. Наплоды́лося до ка́та у васъ такы́хъ, що пы́шуть пѣвисты́ та рома́нци и уся́ки теревѣ́ни ¹⁾); такъ я́ йихъ.... бачъ, охѣчи туды́тыся.... у мой сады́, то на конюше́нный дві́ръ, то у вивча́рню, щобъ скри́зь гніе́къ до ќупокъ зми́талы та го́ры насыпа́лы; бачъ, якъ бува́ по панськы́мъ сада́мъ. Та якъ йихъ робѣ́та и ту́тъ така́, якъ и на ва́шому світови́, що зъ леда́щого леда́щымъ леда́що злиплене́, то вонѣ́, якъ и у васъ ни́кѣды негоды́лося, такъ и ту́тъ видь ві́тру розсыпа́етця, а йимъ зно́ву тре́ба липы́ты; та и липлю́ть-же хло́пци га́рно! Точни́синько, якъ колы́сь и кны́жкы злиплюва́лы! А ти, що д́ума, якъ-бы людѣ́й обира́ты та и обду́рыты... отъ и вы́гада: «я́, ка́же, напы́шу вамъ пивторá деся́тка кны́жкы; дайте-ке гро́шыкы сюды́, а кны́жкы описа́ прышлю́». Гро́ши, зкы́нулыся, далы́; а кны́жкы де? Овва́! Въ не́го неты́лки нема́ понапы́сованы́х кны́жокъ та у голо́ви и глѣ́зду нема́ на пив-кны́жкы, щобъ є́му объ тымъ и напыса́ты, за щѣ́ узя́вся; а є́му и байду́же! Винъ оду́рывъ мы́ръ та ци́лковы́мы у кыше́ни побра́куе, та гори́лочку похлы́стует. а ма́кухою зъ рогозо́мъ зайи́дае; звы́сно зъ роско́ши. Такъ ти въ мене́ прыста́влени малы́х дитѣ́й тышы́ты: то до го́ры нога́мы ходю́ть, то стовбу́ла пере́кыда́ютця, то бу́льбахы дму́тъ, то у вы́ворочены́х кожуха́х ра́чки ла́зять; абы́-бъ диты́ смія́лыся, якъ на ва́шимъ світи лю́де зъ ны́х смія́лыся. А ти́, що самы́ никѣ́лы ничѣ́го пѣ́тне́го ненапы́сáлы, а тилки вздрѣ́ть яку́ кны́жку, такъ їй и заке́пкуе: и нету́ды пы́сано, и нета́къ розка́зано, и те́ не та́къ, и се́ не ся́къ, та ча́сомъ тако́го прыбра́еше, що чо́го и у кны́жци то́го нема́ и чоло́викъ зъ ро́ду непы́сáвъ, а винъ ка́же що тамъ *сее* и *оное* є́ попы́-

¹⁾ Добралыся и до насъ. Отъ хыба лыхо буде!

сано, та каже: «я порядѣвся вамъ выказоваты, дѣ шѣ негакъ по книжкамъ ё, бо я усѣ знаю и я вже такъ напышѣ, що нхтѣ противъ мене неведерѣ»; якъ-жѣ вчыстыть, такъ хочъ ути-кай! и прочытаючы ёгѣ робѣты книжку, заравъ у хати курѣ, а то завадыть. Про другыхъ-же, такъ на вси заставки лае и кепкѣе. Такъ я ёгѣ и тутъ до такогѣ-жѣ дѣла: охѣчий бувъ доглядатысь, де не до шмыгы, де нечысто, неглядко; такъ чысты, голубчыку, пекѣлни прыгрѣбыци та по-пидь тынамы, по-пидь плотамы, усюды по куткамъ, по-пидь прыспамамы, и де помѣи выывають, и по трѣбахъ сэжу вычыщай, колы такый охѣчий вычыщаты; та ще ни винька, ни лопаты недаю: якый рѣкы на свити книжкы вычыщали, тымы рукамы и тутъ вычыщай, пидбирай, вывѣсь, выкыдай....»

«Та ну йихъ изо всѣмъ! Усѣихъ поганѣнькихъ грѣшныкѣвъ, такыхъ шо недѣже пекѣлну мѣку заробѣлы, такыхъ и неперелычышь; та стѣлки набѣраетця йихъ, шо я вже швѣдко непрѣдумую, якѣ и кару йимъ накладаты. Бачъ, люде стѣлы хытришь чѣрта: такѣ зло зконпѣе, шо незнаешъ, чымъ ёгѣ и караты. Такъ от-тымъ-то я вже на ваши лѣдаци дѣши и некваплюсь; а зъ твоѣю заплѣснявою, шо менѣ робѣты? Куды и на-шо вона менѣ прыгѣдна? Орѣдуй ёю до якогѣ часу. А колы хочешъ менѣ видѣковаты за тѣ, шо я тебѣ навчѣ, шо усѣякий скарбъ, якый тѣлки дѣ ё, усѣякий, колы захѣнешъ, такъ и забѣрешъ; такъ ѣтъ-чымъ менѣ виддружы... та гляды, не-полинѣйся и незбрѣшы....»

— Батечку риднѣсенъкий, таточку, голубчыку! ажъ за-скавучавъ нашъ Маслякъ, почѣвшы видъ Юдунѣ про такѣ добрѣ; и пидплыгуе, и прысидѣ, и за руки ёгѣ хватѣ, и усѣ обѣщѣетця: «незбрѣшѣ; ѣтъ тобѣ хрѣсть.....» та й перѣхрѣстѣвся..... Шарѣхъ!.... ажъ тѣлки загуло и мѣвь собѣка за-скѣглыла утикаючы въ лѣсь..... Озырнѣвся нашъ Маслякъ..... нема ни Юдунѣ, ни шатрѣвъ, ни чортѣвъ, ни чортыхъ, и му-зыкы катъ-мѣ! Стоить винъ, сердѣка, на узлѣсьси, у тернѣвыхъ куцахъ! Прыглядѣвся, ажъ надъ самѣсинъкою кручѣю прѣ-крутѣнною стоить, а у нызѣ рѣчка шумѣтъ та гудѣ, звѣсно якъ пѣсля пѣводи, на вѣлыкѣдныхъ свѣятахъ; тѣлки-бъ ще на ступѣнь ступѣвъ, тутъ-бы и чѣрту барѣвъ, попѣвся-бъ Юдунѣ у лапы. Побѣчывшы такѣю бѣдѣ, такъ сердѣшний Хомѣ ажѣхнѣвся, шо й самъ себѣ нестѣмывъ! Ухѣпѣвся, хочъ и рѣкы у крѣвъ зколѣвъ, за тернѣви кущѣ и стѣвъ прѣби крычатѣ!....»

Крычыть и розглядá, дé винъ и у якймъ есть именно мисти, ажъ ось и розглядывъ, що за ричкою—ёгò селò Джыгунивка и якъ разъ на тимъ бóци, на пищаному бéрези, празныкòви колыскы́ постанòвлени, и парубкы́ зъ дивчáтамы качáютця, дé-яки такъ хòдють та хрыстòсуютця, жартúють межъ собòю, хлопци на вбыткы бьютця червòными яйцями, дитвòра тò-жъ бйга промèжь жинкáмы, що вынеслы на прòдажь и крапанкы́, и горыхы, и мòчени кыслычкы́, и усяки празныкòви ласоци.

Пизнавъ Хома́ свойхъ людéй, ставъ ще дужче гукáты и на усé зáводы крычáты..... ажъ ось парубòцтво почúло, що чоловикъ крычыть, та незнають хтò; та вжè-жь хто ни ё, а трéба ратовáты. Отъ моторниши кынулысь до грéбли, видчепылы мирòшныкывъ чòвентъ, налагодылы ёгò, справылы усé, та й поийхалы вызволяты, хтò тамъ крычыть. Повылазывши зъ чòвна, пòкы-то ще на ту кручу зидралыся, а Хома́ усé прòби реве. Якъ вже пидийшлы до нёго, тогди тилки пизналы, що то ё Масля́къ; а видкиля винъ узáвся, такъ усé дывовáлыся, бо чúлы, що винъ сыдыть ув-острòзи, та незналы певно, чы за корчёмство, чы за яку́ дрúгу бидú; и колы винъ видгыля выслобонывся ничòго нечúлы. Стáлы ёгò розпытòваты, чогò винъ сюды зайшòвъ, чогò крычыть, чогò ажъ прыкипывъ до куцывъ? такъ винъ вже ничòго и нетáмыть, тилки знай крычыть: «Юдúне, Юдúне! батечку риднёнкый! давай грòши, озмы́ зъ менè дúшу.....» и усé такèе. Возылыся зъ нымъ хлопци, возылыся..... морòка та и гòди!.... Дáли ничòго робыты, звязáлы любёнкò ёму́ рúкы, щòбъ непручáвся, та й утèребылы у чòвентъ и прыйихалы на тóй бикъ. Тúть усé позбитáлыся дывытыся, когò хлопци привезлы? Зáразъ усé и пизналы, що тó есть именно Хома́ Масля́къ. До нёго зъ рòзпыткáмы, такъ винъ знай своё спивá; усé «Юдúнъ та Юдúнъ, дáй, тáточку, грòшей». А щò вонò ё и до чо́го се винъ каже, ни хтò ёгò и у тóвкь невьме!

Ажъ ось прыбыгла и жинка ёгò: стáла розпытòваты, и прòсуть, и лáеть, вже и голòсыть надъ нымъ, а винъ усé своё товчè. Видвелы ёгò до-дóму, положылы, зáразъ послáлы за знахуркáмы; вжè воны́ ёгò и злызовалы, и соняшныци завáрёвалы, и якъ-то вже нешептáлы, и по зóрямъ, и середуднá, и у самú глухú ничъ, такъ ничòго и незробылы. Та тры тыжня недúжавъ; та щò-то, якъ ёгò узялы зъ куцывъ, такъ и рíсочки у рòть небравъ: такъ-то налòпався чортячою стрá-

вы! Отъ, якъ недужавъ та недужавъ, и усё ёму що далшъ, усё булò труднйшъ, думала жинка, та такы и знахуркы, що от-от-отъ помрè, и у ночй вже и свйчку надъ нымъ свитылы, и сьдйлы надъ нымъ, и дожыдалы..... а винъ рáзомъ: лупъ! та й заговорывъ: «А поплитъ мени старòго дядька Кырыка Жабокрюка та брата у трèтихъ Пылына Шыкалку, та Талемона Нечóсу; я щось йимъ скажy». Жинка зрадовалася, що отъ мабуть одужа, пылно послала по тыхъ людèй, а самà—до нèго, та ажъ прыпада, та пыта, чы нехóче чогò зьйисты: «мòже буханця, або печеного ячка, або моченыхъ кыслычокъ?....» — «Нй, каже, ничòго нехóчу; я вже дòбре найвсья, бyде зъ мене..... нехай швьдче люде прыйдуть».

Якъ-же позиходылыся люде та прыйшлы дè-яки и лыш-ни, прыйшовъ и панъ Сымейонъ, дякъ такы зъ тогò села, такъ отъ йимъ сердешный Маслякъ и ставъ розказоваты про своё прыведеные, що въ нèго булò зъ проклятымъ Юдуномъ, и якъ винъ у нèго обйдавъ, якy страву йивъ, яки напыточкы пывъ, якъ танцèвавъ, и якъ Юдунъ ёму розказовавъ, що яки порядкы е у пèкли..... та якъ розказавъ усё, протытсь, хропнyвъ трычи та тутъ пры людяхъ и вмèрь.....

Кырыкъ Жабокрюка, старъ-чоловикъ, довго стоявъ надъ нымъ, покы ёгò вбиралы, думавъ-думавъ щось довго, дали здыхнyвъ та й сказавъ: «А щò, Хòмо! Отъ тоби и скарбь!»

От-такъ-то сiюю пòвисть розказовавъ мени панъ Сымейонъ. Джьгунивськй дякъ. Вже незнаю, чы правда сёмy була, чы пив-правды; чы такъ-то Юдунъ про пèкло розказовавъ Маслякòви, чы мòже дè-чого панъ дякъ и попрыбриховавъ, я незнаю; а тилки нигде правды диты, якъ почyвъ, яка ё панщына у пèкли на тыхъ, хто то пòвисты, то усяки ледáщи кныжкы пыше, такъ менè ажъ цыганськй пить пронявъ. Та вже-жъ, що бáби, то и громади. Колы товарыство перестàне пысаты, небyду и я; а то, дáлеби, що невтèрплю.

VI.

КОЗЫРЬ-ДИВКА.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Ольгѣ Яковлевнѣ Кашинцевой.

КОЗЫРЬ-ДИВКА. *)

Ничымъ мы такъ несогрипаемъ на свѣти, якъ языкомъ, осуждаючи одынь одного. Ийдѣ чоловікъ улыцею, ужѣ мы й знаемо, куды винъ ийдѣ и чоґо; задумаѡсь чоловікъ, ужѣ мы й знаемо, що въ ёго на думци. Отъ заразъ и сѹдымо: «Якъ такы за такымъ и такымъ дѣломъ ходыты! якъ такы такъ и такъ думаты! Чы се-жъ гѡже? Якъ такы такѡму чоловікови се й тѣ збиратысь робыты?» Та такъ осѹдымо, такъ пережоренымѡ ёґѡ, що ёмѹ й на думку неспадало такѣ робыты, а мы зовсымъ ёґѡ обыноватымо.

Чы се-жъ наше дѣло? чы намъ вѣлено надъ дрѹтымы доглядаты? Гай, гай! Знаймо самы себе, а про дрѹтого, хочъ певно знатымемо, чы бачытымемо, намъ нѹжды мало; бо буѡѡе й такъ, що намъ здѣстця и вси говорють, що такыѣ-то чоловікъ от-тѣ й тѣ зробыѡѡь, от-той чувъ одѣ такѡго, а такыѣ-то самъ бачыѡѡь.... згѣ! а якъ дѣйдетця до дѣла, такъ сѣ винъ робыѡѡь не на злѡ комѹ, а всимъ на дѡбре; або колы й шкѡду комѹ зробыѡѡь, то зовсымъ не той, на кѡго казѡлы, а такыѣ выновѡть, на кѡго й недѹмалы й неґадѡлы.

От-такъ булѡ прыйшлѡсь одному чоловікови за дрѹтого зовсымъ пропасты, и якъ-бы не дѣвка ёґѡ выратовала, то дѡси-бъ и кисточѡкъ ёґѡ небулѡ. Та й дѣвка-жъ козырь булѡ! Бѡтько йѣ, Трохымъ Макуха, дѹже йѣ поважѡѡь и що булѡ Йѣвґа (такъ йѣ зѡвалы) скаже, то вже й до десяти бѡбъ неходѣ, а такъ бѹде, якъ Йѣвґа сказала.

*) Перѡго изданѣя (Слб. 1838 г., in 16) у насъ небыло подъ руками, почему здѣсь эта повѣсть перепечатана изъ изд. П. А. Кулиша (Слб. 1858 г.). Перевѡдъ ея помѣщенъ въ Современникѣ 1840 г., т. XVII.

Добре булò старòму Макуси, що увірився дочці, та ще й розумній, такъ тымъ и невзявъ ёго сынъ; бо тамъ така була розумна, бóйка, мотòрна: щé ты йй тилки стань надогáдъ закъдаты, а вона вже й розкомпоновáла, щò куды йдé и до чо́го; а вже що выгадаты и якъ якé дило до кинця звесты, то, Макúхо, спытай Ййвгы: вона тебé на рòзумъ наведé и совить дòбрый дасть. Тымъ-то й господарство ёго ййшло лúчче, нижъ у кòго бншого. Винъ, ще оженившысь, послúхавъ жннки, одъ мужыцтва одставъ, а збывáвся трòшки на купецькый ладъ: торгúе булò, знáете, дéгтемъ, снльлю, часомъ хлнбомъ и всячыною, чымъ задúмае. Нецуравсь и шынкáрства, та не для всякого, а тилки для пройизжаюцыхъ, бо держáвъ постоянный двнрь, такъ тутъ ужé, звнсно, усячыну трéба держáты, бо звозчыкы та хурщыкы трéбують усéго, и жé тилки вмй распорядковáты, то бóде кошнчына перепадáты.

Якъ-бы самъ Трохымъ Макúха увесъ порядокъ у своймú господарствн давáвъ, то швндко-бъ у ёго и въ велькнй хáты, и въ кимнáты, що для пройизжаюцыхъ облáгодывъ, горобцн-бъ цвирннькалы, а въ комòрахъ, що посередь дворá стоялы насьпани пòвни вивсòмъ и усякымъ бòрошномъ, такъ-бы паутыньнямъ засновáлось; а-жé кажú, усé-бъ у ёго попереводылось и незбрáвъ-бы ничòго, якъ-бы орудовáвъ самъ, бо бóувъ собн... такъ..... Бòгъ зъ нымъ! недúже вмнвъ якъ, щò й колы прыдбáты; якъ тамъ кáжуть: колы съ тòпленою хáты йдé, то жé й дверей незачнннэ, бо, бачъ, тéпло, а тогò нерозсúдыть, що выстудыты хáту недòвго, и въ йй хòлодно бóуде. Колы стоить у горòди стижòкъ синця, а въ комòри ё вивсеця четвèртей зъ дéсятъ, то жé винъ и дúмае, що й черезъ дéсятъ годъ ёго невыпродáсть, та й сáде собн, ручкы поскладáвшы; такъ тутъ Ййвга й мотнётця: и сюды пòшле, й туды самá збнгае, тамъ купыла, тутъ нанялá, тутъ пидрядыла — и всé у неи справно, и все у неи ё. Дòбре, кажú, Макуси жыты за такòю дочкòю!

Незнáю, чы звнвъ-бы кинця, якъ-бы господарёвáвъ у кúпи зъ сынòмъ своймъ Тымòхою. Отъ пáрень бувъ такъ-такъ! За ёго порядкaмы, трòхá чы непроцвнндылы-бъ швндко и уснй худòбы. Тымòха козакъ штéпный бувъ: высòко пидгòлювавъ чубъ, úсы закрúчувавъ, незнáвъ, щò-то ё на свити свýта, а все жупáнь, то сукняный, то кытаёвый; поясы одынъ одъ

другого краше; шапка одна буденна, друга празныкова, одна одъ другой вышче; чоботы—одни на ногахъ, а други вже въ дѣтю такъ и мокнуть, щобъ тилки задумавъ, надивъ и шы-голай; одинъ съ пидковамы добрымы, а други на гвиздочкахъ. Хто, идучы по ўлицы, писень выпивуе? хто въ шынкѣ верховодыть? хто шынкареви посуду поровывавъ? хто за десятихъ выпье и непьяный? Нихто, якъ Тымѡха Макѹшченко. Одъ кого дивчата розбигаютьця, одъ кого шынкарь ховаецця? Ни одъ кого билшь, якъ одъ Тымѡхы Макѹшченка. О, та й парень бувъ на все злѣ! пье на всѣ заставки, бьетця съ кымъ попавшы, дивчатъ пиддѹрюе, у тры-лыста якъ сяде, то у всѣхъ грѡшыкы зчыстыть, та все по шынкамъ, та по вечерныцямъ таскае. Ще й злодѣяка бувъ добрый! Ййвга ёгѡ булѡ стережетця, якъ тогѡ татарына: що ни вздривъ у неѣ, то все утягне; а въ бѣтка, що тилки захоче, все выпросыть, бо бѣтко ёгѡ дѹже любивъ и нѣжывъ, и вважавъ, чогѡ захоче, дѹмаючи, що винъ у ёгѡ одынъ сынъ, «такъ нехай, дѹмае, дытына нагуляецця, покы молодѣ, та згаде, якъ добре булѡ за бѣтка жыты». Ййвга булѡ часомъ и поспѡрыть, и недасть, и на бѣтка стане грѣматы: на-що такѹ волю ёмѹ дае,—що той бѹдцямъ-то й скаменѣтця, а опислѣ и дасть ёмѹ грѡшей, скільки хлопѣць бажае.

Добре булѡ Тымѡси за такымъ бѣткомъ и гуляты, и верховодыты, и хочъ усякъ бачывъ, що Тымѡха вѣлыке ледащо, и усякъ знавъ, що одъ ёго у селѣ усѣ лыхо встае, та, эгѣ! нихто ёмѹ ни пив-слѡва, нихто незупынявъ ёгѡ, нихто нежаловавсь на ёго и неповывавъ ёгѡ нихто, бо багѡтого бѣткѣ сынъ бувъ. Бо й по сѣламъ така правда, якъ по городѣмъ та мижъ панѣмы: колы хто багѡтый, то хочъ що хочъ робы, хочъ догоры ногѣмы середѹ-дня по ўлицы пѣйды,—нихто ёгѡ непосмѣ зупыныты, та ще глядячы на ёго й собѣ робытымуть; хочъ зъ бѣдногѡ багѡтый останню сорѡчку зѣме, нихто непосмѣ заступытысь, а ще знайдутця, що й помагѣтымуть.

Хочъ и бувъ на Тымѡху гонытель, що знавъ про всѣ ёгѡ кѣверы, такъ щѡ-жь-бо? небулѡ ёмѹ воли. Се-то бувъ Левкѡ, прѣймытъ старѡго Макѹхы. Ще покѣйна жѣнка ёгѡ, Горпына, прочѹвши, що одъ бѣтка - одъ мѣтери, що повмирѣлы, зо-сталось симъ сыриточокъ малѡсенькихъ, и якъ йихъ стѣлы люде розбѣраты, то й она хлопчыка годовыкѣ, сѣгѡ Левкѣ, увялѣ у прѣймы.

Та хочь и сыротá, а Левкóви дóбре булò: бувь и обмытый, и обпáтранный, щò-недѣли булá й сорóчечка билѣнька, и буханѣць мякѣнькый, нá-зиму булѣ й чобиткѣ и, хочь старѣнькый, та бувь и кожѹшокъ. Бо Горпына дѹже дóбра жинка булá, душá богобоязлѣва и нежаловала на бѣдность подáты; булò старцѣ, не то, щò зь свогò села, та и зь чужыхъ, и зь усюды, идѹть до неѣ, якъ до мáтери: комѹ шажокъ подáсть, комѹ палыньцю, комѹ хѹсточку, и вже никòго тákъ неодѹстыть. А сѣгò сыротѹ, Левкá, узáвши на свой рѹки, дѹже жаловала; а найбѣлшъ тѣмъ, щò Тымòха ёгò нелюбѣвь и якъ бувь старшый одъ Левкá гòдивъ двá, то й подѹжовавь ёгò, и товкмáчывъ ёгò частѣсинько. Хлопцá прыбѣжыть, пожалуетця, не комѹ, якъ Горпыни, а та попобѣ Тымòху; Тымòха нажалуетця бáтькови, а старѣй попобѣ зновъ такѣ Левкá; за Левкá заступытця старá та грѣмае на мужыкá, а якъ мужыкъ бувь собѣ плохѣнькый и несмыльвый протывъ жинкы слóва сказáты, такъ винъ хочь и змóвчувавъ, а такы, де попадѣ Левкá, чы ё за щò, чы нѣ-за-щò, а такы заразь и дáсть ёмѹ щыпкы, а бѣногди такы й рѣзочкою дóбре повчыть, та й закáже, щòбъ нежаловався Горпыни, та такòго бѣдному хлопцáти холóду нагнавь, щò тѣлки ще Трохымъ поглáне на ёгò грѣзно, такъ винъ ужѣ й трѹсытця, якъ одъ лыхомáнны. Та нетѣлки боѣвся старòго, боѣвся неменшъ и ёгò хлопця, Тымòхы, щòбъ абò сáмъ непобѣвь, абò неpidбрехавъ бáтькови. Бáчачы-жъ, щò старѣ свáрятьця промижъ сѣбе за ёгò частѣсинько, такъ якъ ставъ пидростáты, такъ ужѣ недѹже й докучавъ жалѣньнямъ Горпыни, а тѣлки булò все Йѣвзи розкáзуе, щò винъ страждае. А Йѣвга одъ ёгò гòдивъ пѣять булá молòдша, такъ и тá ёмѹ нѣякои порáды незумѣла давáты, а тѣлки булò укѹпи зь нѣмъ поплáче.

Горпына булá у всѣмѹ домѹ хазáйка и усѣмѹ господарству головá. На мужыкá недѹже здавáлась, бо знáла ёгò плохѹ натуру. Пòкы здѹжала, то прывчыла дóбре Левкá, а дáли, якъ и Йѣвга пидрослá, та побáчыла, щò зь неѣ велѣкый и дóбрый пѹть бѹде, то й ѣѣ стáла порáдку вчыты по своѣму промыслу, щòбъ усѣ знáла, дѣ, щò и видкилѣ узáты и въ яку пòру щò прыдбáты, якъ зь зайизжымы людѣмѣ обиходытця и якъ йѣмъ усѣ продавáты, щòбъ и въ дрѹге йѣхъ нецурáлысь и до ныхъ зайизжáлы. У ныхъ у двòхъ, у Йѣвгы и въ Левкá, и ключѣ одъ комòры, у ныхъ и хлѣбъ, и сѣно, и усѣкый то-

вѣрь, у ныхъ и грѣши, и увѣсь розщѣтъ, а вона було тѣлки порядкуе. Хотѣла було й сына привчыты, та якъ побачыла, що винь, Бѣга небоячыся, проиизжыхъ обмиряе и обѣажуе, и обличуе, а дали напѣтця та заведѣтця зъ нѣмы лѣятысь, а часомъ и обикраде, та такъ бувъ славу навивъ на свѣй постояльный, що стѣлы булы люде й цурѣтысь, и покѣнулы-бъ йихъ булы й зовсимъ, такъ Горпына скаменѣлась, перестѣла ёму волю давати, а вмиряючи усѣ господарство приказала дочцѣ и усѣ йй добре розказала, и наказувала йимъ усимъ, щобъ Левкѣ держѣлы и незобыждѣлы ёго. «А колы», каже, «захоче стѣты хазѣнномъ самъ, то й одпуститъ ёго, а ты, дѣню, надилы ёго усимъ на новѣ господарство; ты знаешъ, у якѣй винь прыгѣди намъ бувъ и скѣлки черезъ ёго мы зароблялы, такъ ёго й награды. А колы», щѣ такы казала, «роздѣмаете та нерозѣдетесь, а поберетесь собѣ, то ще лѣчче зрѣбыте. Бѣдете обде господарѣваты добре и недастѣ пропасты бѣтькови, а Тымѣси недавайте воли: той переведе худѣбу, якъ ѣзме волю, и тебѣ продасть, и бѣтька пропѣ».

По смѣрты йй, Ййвга взяла усѣ господарство у свой рѣкы и недавала бѣтовѣ орудоваты, а тѣлки якѣ лѣчатця грѣши, то усѣ бѣтькови даѣ и якъ знѣла ёго натѣру, що зъ нымъ немѣжна лѣскою ничѣго зрѣбыты, от-тѣ вона було й грѣмне на ёго, а винь, якъ привчыкъ по всякъ часъ слѣхаты жѣнкы, такъ теперъ ставъ слѣхаты й дочкы, а бѣлшъ тымъ, що бѣчывъ, що вона все до путѣтя ведѣ. Тымѣха дѣже було чѣсто грѣши берѣ въ бѣтька, а той, невмѣючи одговорѣтысь и пѣстующы дѣрня, даѣ ёму, скѣлки винь забажѣе. Ййвга, бѣчачы сѣе, незвелѣла бѣтькови бѣлшъ Тымѣси давати, якъ почѣму тамъ у мѣсяцъ, а бѣлшъ того ни-за-щѣ недавати. Бѣтько такъ и робѣвъ. Надовго-жъ Тымѣси було тыхъ грѣшей? Зѣразъ йихъ у горѣлци и проковтнѣ, абѣ якъ-нѣбудъ прогулѣе, а тамъ и бѣдкаетця, покы до новѣго мѣсяця. А на Левкѣ гѣспыдомъ дѣше, дѣмаючи, що сѣ все черезъ ёго, и бѣчачы, що винь, дармѣ що прѣймытъ, та маѣ у всѣму волю, а винь, хочъ и сынъ, такъ немѣже ничѣго вѣаты. Отъ и ставъ ще гѣрше бѣтькови на ёго набрѣховаты, а той ще гѣрше почѣвъ по всякъ часъ на ёго нападѣтысь и лѣяты, якъ тѣлки побѣчытъ ёго; такъ, що бѣдному пѣрубку и прѣсвитку небуло. Вже винь-бы й одѣйшовъ одъ ныхъ, такъ полкѣбылысь собѣ зъ Ййвгоу, такъ що немѣжна! И Ййвга ёму запрѣсяглася, що «тѣлки», каже,

«брата ожёнымо, та виддилію ёгò й батька ёмў zostавлю, тогдї собї поберёмось и бѹдемò збывáтысь на своё господарство».

Тїлки для сёго Левкò терпївъ усю нáпасть и хочь якъ булò старый Макўха ёгò лае и коренїть, то винь усё мовчыть та знай такї рòбыть своё дїло и старáетця, яко мòга, обь господарствї. Якъ-же дїйшлòсь до тóго, що Йївга обїцáла за ёго йтї, то вже ставь и на свою копїйчыну збывáтысь. Позычыть у людёй скїлки тамь грòшей та й полòжыть у товарь, и зарòбыть, а тамь знòвъ, а тамь знòвъ; та вже и вь ёго булò сòбственныхь рубливъ зь пьятдесáть.

Такъ винь-то бувь гонїтель на Тымòху Макўшченка и, чўючы про всё, якъ той пьё, гуляе, грòши процвїндрюе, бьётця, позывáетця и щось велїку пáкость изрòбывъ, то Левкò узáвши та старòму Макўси й розказáвъ. Такъ щò-жь-бо! той непонáвъ вїры и кáже, що бѹцїмь-то Левкò изь ненавысты брèше на сына. Левкò прывївъ людёй, що когò той обїкравь, абò изòбыдывъ, то старый усё такї неповїрывь и кáже, що се винь навчївъ и напрохáвъ людёй, и сказáвъ, щòбь винь несмївъ на Тымòху говорыты, бо винь ёмў ни вь чòму неповїрыть и бáкы ёмў забьё. Нїчого Левкòви рòбыты, мовчáвъ, хочь чáсомь и дўже погáне дїло знáвъ за Тымòхою. «Щò», дўмае собї: «я тымь поможў? Дядько Трохымь невїрыть, а я тїлки бїлшь ёгò сёржу протывь сёбе. Мовчáтыму!»

Тїлки булò ёмў трòшкы на душї полéгшае, якъ своё льхо розкаже Йївзи; а дáлшь-дáлшь, якъ ужё не вь мòготў ёмў стáло нáпадкы терпїты одь старòго Макўхы, вонь й порáдылысь, щòбь ужё одружїтыся й одїты одь батька на своё господарство. Оть Йївга й кáже: «Вже я й самá, Лёвку, бáчу, що тобї немòжна зь батькомь жыты, а все черезь брата. Дòбре, скажў ёмў, щòбь выдáвáвъ менё за тебе, якъ и мáты прыказувала. Пожáлуй, винь ще й рáдь бѹде, щòбь вбўты нась и щòбь туть ёмў своя вòля булá сь Тымòхою пòратысь. Винь и весїлья выдѹде, и скрїню мою выддáсть, и мáтерыны подушкы; та грòшей недáсть намь на розжыву ни копїйкы, дармá, що то все мы ёмў поназбїрáлы. Тамь такїй скупїй, що крый Бòже! Адже у свїтыцю, де самь жывё, нїкòго не пўстыть и ключá нїкòму недáсть, хыбá вже дўже-дўже дáсть менї; а выдь скрїны своєи, де вь ёго грòши лежáть, нїкòму-нїкòму недáсть. Якъ выддáю ёмў грòши, такъ назырцёмь бáчу,

що чымала такы купка е; такъ съ тыхъ недаетъ намъ. кажѹ, ни трѹхы. А безъ грѹшей, що мы бѹдемо робыты? Эъ чымъ ѳзьмемось, чымъ пиднямемось? Вонѹ звысно, що мы-бѹ заразъ справылысь. Насъ люде бѹльшъ знають, нижь ёго, и вси-бѹ до насъ повернѹлы, такъ ни-за-що зачепытысь. У тебе, ка-жешъ, е свой грѹши: де вони въ тебе?»

— Щѹ мой грѹши! казавъ Левкѹ, а въ самѹго такъ у души й тѹхнуло, бо винъ якъ давъ по частци, щобъ вивса, чы дѣгтю, чы щѣ де-чого покупыты, та якъ давъ недобрѹму чоловікови, такъ тѹлки винъ и бачывъ и грѹши, и чоловіка. Такъ тымъ-то й засумовавъ, якъ Йивга про ныхъ нагадала, и каже: «Щѹ мой грѹши! Чы багачько-жь йихъ? Рубливъ тамъ зъ п'ятьдесятъ зъ рѹстомъ. Чы мѹжна-жь на ныхъ пиднятысь?»

«На першый часъ будѣ й сыхъ. Щѹ-жь робыты, колы нема бѹльшъ? Роздобѹдемо товару, часточку на грѹши купымо, а тѹ на-боргъ наберемѹ, та й почнемѹ держаты свѹй постоял-ный. Помалѣньку, Богъ помѹже, розжыватымемось. Осъ пѹды-лышѣнь до людѣй та озмы грѹши, та й бѹдемо прыйма-тысь за дѣло».

Не разъ, та й не двѹ такъ посылала ёгѹ Йивга до лю-дѣй за грошыма, а винъ тѹлки й знаѣ, що видбрѹхуетця: тѹ, казалы, черезъ тыждень, тамъ черезъ дрѹгый..... Щѹ-жь ёмѹ бѹльшъ булѹ робыты, якъ не брехаты? Бо дѹже пѣвно знавъ, що якъ-бѹ Йивга знала, якъ винъ йихъ попускавъ, то лаяла-бѹ ёгѹ дѹже; а винъ дѹмавъ, що тутъ передъ неѹ одбрѣшетця, а тамъ, мѹже, трапытця такый добрый чоловікъ, що й пови-рыть ёмѹ такѹ суму.

Дали разъ у день Йивга ёмѹ й каже: «Батька нема дѹма; пѹйшовъ ажъ до вѣчера. Менѹ пылно зъ тобѹ трѣба погово-рыты обѹ нашѹму дѣли. На тоби ключъ одѹ батьковои свѣт-лыци, пѹйды, та й жды мене тамъ. Я на часынку збѹгаю до сусѣды и заразъ вернѹсь, а ты сыды тамъ и дожыдай мене. Порадымось якъ лѹчче, щобъ пѣсля-завтрѣго й звинчатысь. Бачъ, проивжающыхъ багато и въ хати, и въ кимнати, нигде съ тобѹ й поговорыты. Сыды-жь тамъ, та будѹ ласкавъ, до бать-ковои скрыни и непидхѹды: тамъ такый, що все прымичаѣ, де що полѹжыть; усѣ бойтця, щобъ хто безъ ёго непрѹйшовъ та необякравъ ёгѹ».

Левко такъ и зробівъ. Управшысь изъ своимъ діломъ и пійшовъ у свитлычку.

Ййвго, Ййвго! чо́го-бо ты такъ довго засы́дилась у сусыды? Що́ тобі тамъ такъ ніколы прыпа́ло? По́кы ты тамъ бази́кала, а дома́ що́ робы́тця? Ось пры́йды та поды́вьсь!

Старый Макуха та верну́сь одъ люде́й швы́дче, ніжъ ёго́ жда́лы, та ще тро́шки бу́д и въ голо́вци. Тымо́ха, якъ уздрі́въ тако́го ба́тька, и зна́ючы, що́ вінъ ту́тъ до ёго́ до́брійшы́й, вы́йшовъ назу́стричь до ёго́ и ставъ дуже́ пы́лно проха́ты гро́шей; запро́сывъ бувъ ца́ять цилко́выхъ,—ба́тько ёго́ одопхну́въ; ставъ про́сыты трёхъ,—ба́тько ёго́ вы́лаявъ; про́сыты одно́го,—ба́тько ворчы́тъ, та нехо́че да́ть и полты́нныка. Тымо́ха все про́сыты, та ажъ до ни́гъ прыпа́дае. Ба́тько змы́лосерды́всь, намы́ривсь ёму́ да́ть четвертака́. Отъ пійшлы́ до свитлы́ци. Свитлы́ця одомкнута. Ба́тько й ка́же: «Ба́чь, Ййвга тамъ. Неха́й-же вы́йде, то безъ не́и да́мъ; а то́ бу́де гры́маты и незве́лыты́ тобі ни́чо́го да́ты».

— Та дарма́, та́ту, ка́же па́рубокъ: «колы́ бу́де ворча́ты то я и въ не́и попро́шу. Ходи́мъ».

Отъ и одчы́нылы двє́ри, увійшлы́..... Го́споды мы́лосты́-вы́й! Що́ се таке́?

Скры́ня Маку́шына одчы́нена, розбы́ты́й замо́къ лежы́тъ коло не́и на доли́вци, а надъ скры́нею стои́тъ..... Левко́! Та й немо́жна сказа́ты, чы то вінъ, чы то сме́рть ёго́. Блиды́й-блиды́й; о́чи ёму́ ажъ пидъ ло́бъ закоты́лысь; а въ руці́ дєр-жы́тъ капшукъ зъ гришмы́, а въ дру́гій повнйси́нька жме́ня усе́ цилко́выхъ. Та, ма́бутъ, ужє́ непєршу́ жме́ню потягну́въ съ капшукá, бо круго́мъ ёго́ доли́ все цилко́ви лежа́тъ: ма́бутъ порозсы́па́въ, таска́ючы зъ капшукá.

Якъ побáчывъ Макуха́ таку́ биду́, якъ уда́рыты́ обь-полы́ рука́мы, якъ кры́кне: «А що́ се ты, сякый-такый сы́ну, робы́шь?»

А Левко́-жь-то тру́сытця, якъ у лыхора́дци, та лє́двє про-мо́вивъ: «Се, дя́дюшка, не я.....»

«Не ты́, розбійныку́, а тилки катю́жни ру́кы тво́й! Бе-ры́ть ёго́! Хло́пци, сюды́!»

Ту́тъ ужє́ Тымо́ха й наскóчывъ зъ людьмы́, що́ покы́-кавъ зъ вєлы́кой ха́ты.

«Верить ёго! въяжить харцызяку!» крычатъ усї въ одынь гóлосъ. Схопылы сердешного Левкѣ. Заразь рабѹ бóжому рѹкы поясами звѣязали и нóгы спѹтала, щобъ непобигъ та невтѣкъ. Дали й повелы до волосного правленыя. Шпистъ чоловікъ дѣржать ёго мицно, щобъ невыкрутывсь. а чоловікивъ зъ десятитокъ, абó троха чы й небылшь, хто зъ кыемъ, хто зъ колякою, хто зъ рогачемъ, обступылы ёго и препровождаютъ мовъ рещтанта.

Що-жь бѣдныи Левкó? Звѣсно, щó вже ёмѹ робыты? ни пѣры зъ усть, непручаетця, а йдѣ тыхóю ступóю, изъ звѣязанымы ногѣмы, куды ёго провадють. На шпыи розбитый замокъ на верёвочци повѣшенный, а на предѣвгому дрючкѹ, мовъ запѣска у перезви, прычѣплений капшѹкъ, зъ котóрого винъ грóши кравъ, щобъ усї бѣчылы и дывылысь, що се злодѣя ведѹтъ.

Ще невыйшлы гараздъ и за ворóта, якъ збиглосъ нарбду выдымо-невыдымо! А жиночкѣмъ тутъ якъ разъ и прыпало дѣло. Вже одна одній розказуе, якъ Левкó, Макушынь годованецъ, та прыйшовъ до старóго, та до сонного, та мавъ ёго зарѣзаты, ажъ тутъ де взявсь Тымóха Макушченко, оборонѣвъ бѣтька и хотъ Левкó й ёго ажъ двѣчи шпырнѹвъ ножемъ у грѹды, а въ трѣтѣ по горлу ризонѹвъ, однакъ такы Макушченко ёго поборóвъ и рѹкы скрутѣвъ и гукнѹвъ на людѣй, а тутъ набѣгли, та ёго й схопылы.

От-такъ соби плетѹтъ и йдѹтъ за громадою, а людѣй усѣ билшь пидбавляетця, такъ що вже й просѹнутысь трѹдно. А дитвóра-жь-то, дитвóра, такъ ти—безъ соромѣ казка—ти, бижачы край ёго, ажъ у вѣчи ёмѹ зазырають та знай крычатъ: «Злодѣяка! харцызяка! дай цилкóвого!.... Покравъ, покравъ у бѣтька грóши!» и все прóчее вернякають: звѣсно, дѣты.

Що-жь Левкó? Йдѣ и на свѣтъ бóжый несміе дывытысь! Усѣ влѣ, щó про ёго розказують, чѹе; чѹе, якъ смѣютця зъ ёго; чѹе, якъ докладаютъ ёмѹ; йдѣ, йдѣ, та згяне до нѣба, та, вздыхнѹвши тыхенько, й скаже: «Гóсподы мылостывый! чы се я?.... Щó от-сѣ зо мною сталось?» Часомъ и озыраетця мижъ народомъ, чы непобачыть, когó ёмѹ трѣба.

На той гвалтъ выбигла Йѣвга одъ сусѣды и, незнаючы своѣи бѣды, пытаетця дѣ-кого: щó-то за проѣву ведѹтъ? Якъ-жѣ розказалы йѣ жиночкѣ по-своѣму, такъ вона такъ и не-

стамылась! Поблидла, затрусилась, зовсімь була впала, такъ кумá їй пиддёржала и хотила швидче весты до якось бабы, щобъ злызала, думаючи, що се їй зь очей сталося. Яки вже тутъ очи, колы їй парубокъ, на кого-бъ вона зовсімь и недумала, та наробывъ такого лыха! «Ни», каже, «кумочко-голубочко, ни, мой ридна титусю! вже мені не до знахуркы! Ходимъ до волосты, послухаемо, що винъ се наробывъ, та колы сему правда, такъ я тутъ передь нымъ ляжу, та и вмиру!»

Отъ прыйшлы до волосты и вже началныкы позбигались. якъ тыи мұхы до меду, бо вже звісно, що кому прыпаде бидá, кому лучытця лыхо, а судящымъ, то видсилá то видтиля, перепадуть хаптуркы, попаде дё-що и въ кышеню: вони на тє судящи.... Отъ-же голова й сивъ на покуть, якъ старшыня; побилá ёго старыкы, а въ кинци стола пысарь съ каламарёмъ и паперомъ, та знай кахыкае, вывóдючи черныломъ: «спрбоваты перá». Пысне, та й озырае людєй; колы хто въ простенькй одежи, то винъ на тыхъ и недывытца, а все поглядае, якъ кйтъ на сáло, тилки на жупанныхъ.

Отъ голова и звеливъ подаваты злодйáку, звеливъ пидйты старому Макуси и почавъ розпытоваты, якъ було дйло. Макуха все й розказавъ: якъ увйшовъ у свитлицю и якъ знайшовъ Левкá надъ скрынею зъ гришмы.

«А чы ё свидѣтели?» гукнувъ голова, поглядаючи на громаду.

Двадцáтеро обизвалося, що бачылы все тее и якъ зъ гришмы злапáлы Левкá.

«Ну, и кинецъ дйду!» сказавъ голова, устаючи зъ-за стола. «Пысарю! перепышы», каже, «свидѣтеливъ, та повидбирай въ ныхъ рұкы, та й пышы мерщй лепóртъ до судá; а мы ходимъ до Макухы свидѣлствоваты».

Отъ и пйшовъ, а за нымъ и судящи; а десятськымъ ставъ прыказоваты: «Глядйтъ-же мені, збирайте заравъ по селу курей та яецъ: бачыте, судъ найде сюды на слйдстве, такъ, може, днйвъ зó-два жытымуть, щобъ усёго було до-воли; та щобъ и рыба була: бачъ, середá зайде, а справныхъ мъяса нейсть: винъ у насъ богобозылывыи. Ходимъ. Веды до себе, Хведоровычу Трохыме!»

Тутъ и перечепывъ ёго пысарь и каже: «А щó-жь, пане голова, зъ учынывшого произшествовые трѣба-нада знáты доношєны, чы..... тее-то..... допрóсь».

— А на яко́го сына ще й допробь? Хыба небачывъ на пышн розбыты́й замо́къ и кашпукъ?....»

«Та вонò такъ», сказа́въ пысарь, почухавшысь, «справка чы́стая, та ще полы́шне непрыобщенò къ дѣлу! а вы зна́ете, ёгò благороды́е зара́зъ соизво́лыть востре́бовать.....»

— Я-то про те́ знаю. Ты́ мене, голубчыку, невчы́: я тоби́ не Явдо́кымъ, що змины́лы. Польшне въ мене, рещтан-та у холòдну. А ты́ посыла́й мерщй́ лепòртъ.

«А на ски́лки, панè голова́, потя́гъ Левкò? Вы й неспыта́лысь».

— Пышы́ бѣлгъ. Напышы́.... на двѣсти рублѣвъ.... по кўрсу. Чогò намъ жаловаты́ Левкà? Та хочь-бы́ й Макўху; що намъ до ёгò? Не наше пропа́ло. Ходимо-жь, панòве судя́щи. Я зъ Макўхою́ все на мѣсти преступлє́ныя розпоряжу́: на ски́лки и колы́, и я́къ».

Надўшысь голова́ и пàлычкою пидпира́ючысь, повѣвъ пєредь; а судя́щи, що сѣдючи за столòмъ, що голова́ съ пысаремъ ска́же, то воны́ знай пидда́кують, пйшшы́ за голово́ю; а за ны́мы Макўха зъ сыномъ и свѣдѣтелямы. А грома́да, тѣлки довелы́ Левкà до правлє́ныя, рўшыла на ведмєдивъ ды-вытысь, що цыгàне навелы́ въ селò.

Зоста́вь пысарь у правлє́ныи сáмъ и зара́зъ пидня́въ гòлову догоры́ и ста́въ командоваты: «А говь, дєсáтськи! набѣйте на орештанта за́лѣза, та поса́дите у холòдну, та щобъ калавўрни булы́. Сєгòдни вже лепòрта неодпра́вимо, заты́мъ, що голòва на слѣдствыи и вечєрятыме; а ёму́ трєба-на́да по-пєреду прочыта́ты, та тогдѣ одсыла́ты. Не якъ булò пры старòму голови́,—щòбъ васъ зъ новы́мы порядкамы!» сказа́въ; почухавшы чўбъ, и сѣвъ, щòбъ пысáты, що тамъ ёму́ трєба.

Ажь тутъ Ййвга — беркы́ць ёму́ въ нòгы и стàла прохáты: «Братику́ Киндрáтовичу, соко́лыку! що хочь возьмы́..... отъ намѣсто..... отъ и дукáты..... и щє тоби́ дяковатыму..... до-зволь мени́ зъ Левкòмъ на самотѣ́ переговори́ты..... розпыта́ты ёгò! Се не винъ зрòбывъ, сє щось не такъ..... тѣлки ёгò розпыта́ю».

Какы́кавъ пысарь, какы́кавъ, покру́чувавъ ўсы, покру́чувавъ, дàли устáвъ, походывъ по хáти, узя́вся у бòкы и кáже: «Евгє́ные Трохы́мовно! чы ты, сєрце моє, одури́ла, чы

обожеводила? И дивоцтво своё, и худобу хочешь занастыты зъ такымъ ровбышакою! Винь ужé рипывьсь: вичная кá-торга ёму предпышетца. Невбывайся, нетраться; недавай мени намыста и дукативъ; оддай мени себе усю изъ худобою. Я чоловікъ зъ дарованьемъ; посредствомъ твоёмъ худобы и моёмъ способности, выскочу въ засидатели; ты господарюватымешъ, а я на слідствыяхъ прыобритатому, такъ щó соби прыдбаемо! га? Бўде й намъ, бўде й диточкамъ! Покынь сёгò харцызяку; я ёгò запакую въ Сибірь, а самы зостанемось у спокойствыи и удоволствыи всякомъ. На всю ничъ потуркó ёгò до гóрода, а зáвтра прышлю людёй, и поберемó знакы.....»

«Щобъ ты недождáвъ и зъ твоимъ рóдомъ поганымъ пысарьскымъ!» такъ гукнула на ёгò Ййвга. «Чы мóжна, щобъ я проминяла могò Левкá, когò мени мáты покійна велгла шановáты, та на тебе мерзёного, пъявку людскý! Зóплете ёгò въ Сибірь, пйдú й я за нымъ. Та не у васъ и прáвда: я дйдú и въ гóродъ, и до судящихъ; усймъ розкажú, щó Левкó нетакывскый; сé, мóже, на ёгò такъ наслано. А ты соби и въ головахъ непокладай: потóчятца зъ хáты й старосты твоей....»

— Та запротóрю-жь ёгò въ Сибірь! сказавъ пысарь чмыхаючы, та вышхнувшы, трохы ажъ не въ потылицю, Ййвгу зъ правлэныя, а самъ мерщій сивъ пысаты, ажъ зубамы скрегоче та пыше, та знай писóчкомъ прысыпае, та хочъ у ёгò чубъ и дóбре спотивъ, а такы й сконпоновáвъ, щó якъ Левкá злáпалы надъ Макúшыною скрынею зъ гриппы, «кдохъ по обыску у кышэняхъ и за пáзухою оказáлося бóлие двухъ сотъ рублívъ по кóурсу, о похыщэныи кдохъ и намирэныи похытыть ещё и бóлие, дный Левкó учыныль сознáныи пры такыхъ и такыхъ свидителяхъ», та й попысавъ такыхъ, якыхъ тогдй и въ правлэныи небулò, та, глядíte-лышэнь, чы булы и въ селй; отъ и рúкы за ныхъ попыдысувавъ, та мерщій до Макúхы, де голова слідствыиe произвòдыть.

Якъ-же тамъ голова зъ понятымы слідствыиe произвòдютъ? Звйсно, якъ и въ зэмськыхъ бачылы. Зáразъ посидáлы за стиль, а Макúха знай представляе доказáтелства: то полынькóвои, то перчыкóвои; а тó вже старый Макúха добрався и до настóянои на калгáнь, щó Ййвга булá прыдбáла для пройизжáющихъ полúпанкивъ (настóянци все пьють солóдку и вòзять изъ собóю, а пынкáрьской невжывáютъ); выцидылы й

тú потрòху, бесèдуочы то объ жнывáхъ, то объ косовыци, а объ дили ще нхтò й ничычýркъ. А Макúшыны наймычкы ажъ засиплысь порáючысь: та лòкшыну крышыть, та варèныкы лшпыть, та кúрку пáтрае; вытáглы зъ сажкà гусакívъ зъ пáру, що Ййвга булà закынула; прыйшло и йймъ лыхо! Такый бèнкетъ справляють, що нý. А самди господáрки, Ййвгы, нхтò ни въ чймъ и непытáе; вона бо забрálась у новú ко-мòру, та не то що плаче, а голóсыть объ своúй лыхий годýни, що се Левкó такъ нарòбывъ,—тýлки свítъ йй завязавъ! А Тымóси тутъ нá-руку ковынька! Пóштуе всихъ, а себе попере-рèдъ усíхъ: непронесè никòго и себе незабувáе, та знáй Левкà костыть, та прыкладкы ёмú прыкладáе и чоò за нымъ и зъ рòду небувáло, тè ёмú такъ и прышпылюе, мовъ шпылькою.

Ще непойлы гарáздъ и стрáвы, и тýлки що почалы спычкáмы штрыкáты варèныкы, та обмóчуочы у ростòплене мáслечко и сметáнку, та глытáты мерщúй, щобъ прыймáтыся за тернívку, що пòвень штòхвъ йй унйсь старый Макúха, ажъ ужè пысарь бижыть, ажъ засыпся.

«Чы тúтечка-здéсечка голóвá зъ понятымы? чы вже со-вершылы сльдствые?» пытá въ йихъ.

А голóвá у одвítъ ёмú грízно: «И совершылы, и сокру-шылы. Тебè-бъ-то, паскúдного пысара, й дождытáты? Я тоби скýлки разывъ казавъ и прыказовавъ, що я вамъ не Явдо-кымъ, прèжний голóвá: въ мéне—щобъ дýло кыпыло и щобъ по всúй прáвды зрòблено булò! Пысавъ-пысавъ до пивнóчи, а щò тамъ прынйсь? Ще, мòже, тýлки начернò? Та ось пове-чèрявшы, я роздывлòсь и зáразъ тебè пйймаю въ неспрáвно-сты. Сидáй ужè вечеряй, немишáй дòбрымъ лúдыамъ».

Се ще панъ голóвá тýлки казавъ, а панъ пысарь ужè давнò выпывъ и прòстои, выпывъ и калганóвой, незабúвъ смоктонúты и перчыкóвой, попавъ пивкúрытыны, такъ йй й ршывъ, а гусакóву кобылку зъ ногòю мерщúй у кышèню, бо въ шкòли вчýвся, такъ некýдавсь дякывськой натúры, и вже мерщúй за варèныкы; отъ и догнавъ и ййжею, и напыткамы тыхъ, що попере-рèдъ ёгò, мáбутъ, за чáсь почалы, та промижь такымъ скорохвацькымъ дýломъ ще вспывъ и трычи кахык-нуты, якъ пысареву звычáйно. А про тè, що голóвá на ёгò грýмавъ, винъ недúже й прыслухáвся, бо знáвъ тè, що «не-бййся тыèи собáкы, що гáвкае», та прыминывсь и до голывъ:

якій билшь хвѣстае та велычаётца, та порядкы задае, той и нетямыть ничѣго и зрѣбыть неспѣрчы по твѣму. Отъ и тутъ такъ було.

Пойлы, попылы, повечѣрлы на всѣ заставки. Панъ голова лѣдвѣ языкъ ворѣчае, а прѣчыи судящи та понятыи скопылы мерщій палычкы та й хытаютця надъ нымы. Панъ голова ще змѣгъ такы подяковаты Макѹси, выкореныты Левкѣ и обиятысь, що пошле лепѣртъ объ усѣмѹ дѣли завтра до судѣ. А панъ пысарь, кахыкаючы надъ останнѣю молѣшною кѣшею, що дойидавъ, та поглядаючы на кѹхлыкъ тернѣвкы, знаѣ ѹсамы пидмѣргуе, дѹмаючы: «Не такъ вонѣ буде, якъ вы кѣжете».

Якъ-жѣ рипывъ усѣ и на потѹху останню выпывъ, та зѣразъ до головы: «Куды-жѣ утикаете? пидпышите лепѣртъ. Произшѣствыѣ важное, трѣба на всю ничъ послѣаты.....»

— У сѹдь! казѣвъ голова.

«Алѣ, у сѹдь!» казѣвъ пысарь: «а те й забѹлы естѣ, що панъ справныкъ повеливѣвъ, щобъ обо всякимъ важнымъ дѣли, де е польшине, прѣмо до ѣго представляты?»

Пидсѹнувъ лепѣртъ до пѣна головы, достѣвъ съ кышѣни каламаръ и тыкнѹвъ ѣмѹ въ рѹку перѣ и кѣже: «Пидпысуите-жѣ мерщій.... Та дѣ-жѣ вы пышете? Се вы сторчакѣ пидпысуете!»

Голова скаменуъсь, выпрямывъ бумагу и ставъ складѣты, та по слѣву пидпысоваты своѣ имѣнья, усѣ такы ворчачы на пысаря: «Я нелюблю непорѣдкывъ.... я вамъ не Явдокѣмъ.... въ мѣне неправдою невольмете.....»

Пысарь пидпысаный лепѣртъ скопывъ та мерщій зѣ хѣты..... Панъ голова ще такы добрѣвъ до своѣи хѣты, бо дѹже блызѣнько була; а прѣчи судящи зайшлы незнѣты куды, такъ що рѣнкомъ насылу йѣхъ позбирѣлы. Учынылы слѣдствыѣ дѣбре!

Нѹдытця нашъ Левкѣ у залѣвахъ, сѣдячы въ холѣднѣи, и дѣнь, и дрѹгый, вже й трѣтѣи. Караѹлни непидпускають Ййвги й блызъко, що ѣмѹ то йсточкы прынѣсыть, и билшь усѣго, щобъ ѣгѣ выпытаты, нѣ-що винъ ти проклятѣнни грѣши кравъ, и якъ-бы-то покрѣты сѣе дѣло, що—чы немѣжна, якъ чѣсомъ бувѣе, выкрутытысь одъ такѣи биды. Такъ-бѣ караѹлни такъ и женѹты йѣ одъ холѣднои. Пѣйде, сердѣшна, до-дѣму, за слизѣнкамы й свѣта небѣчыть.

А Тымоха-жь-то ажъ танцюе, що звивъ Левка, и вже господарюе усимъ, мовъ Йивзи вже й діла нема. А зъ пьсаремъ такъ и вѣдытця. И—отъ штѹка хыба!—не Тымоха ёму могорычї ставыть, а пьсарь ёму, та все ёму общае, що пійде Левко въ Сибірѣ, покоштовавшы плитей: «бо вже», каже: «я такъ діломъ заправывъ: попысавъ, якъ Левка надъ скрынею застала, якъ повныи кышени познаходьгы въ ёго краденыхъ грѣшей, якъ винъ пры такыхъ и пры такыхъ обывателяхъ у допрѣси признався, що й попередъ того не разъ до скрыни навидовався, и тѣгъ видтиля грѣши; усѣ добре зробывъ; збавлю», каже, «тебѣ одъ врага и супостата, а сестру вже за мене, хочъ прыслуй, а виддай; мени нетреба ни худобы и ничѣго, тѣлки йи одну; усѣ тоби зоставлю».

Се-жь винъ казавъ, та й брехавъ, щобъ ёму ничѣго нетреба було: ёму нѣжды небуло до Йивгы, абы-бъ худобу згарбаты; а якъ йи було до гаспыда, такъ винъ збирався Тымоху за качества оддѣть у салдаты, а самѣму всимъ орудоваты; а зъ старымъ Трохымомъ Махухомъ те-жь лагодывсь упратысь: «Пидведѹ штѹку, щобъ ёго, якъ багатшого на все село, зробылы зборщыкомъ и подѹшныхъ, и обществѣнныхъ, та въ щетахъ ёго й залѹтаю; отгѹть и поодбираю въ ёго усѣ, налякавши, що на поселѣные пійде. Якъ пиддастця, то й опрѣвлю ёго; колы-жь заспорыть, то невѣкрутытця. Туды ёму й дорѣга. Йивгу повчѹ разывъ зѣ-два, очипокъ зъ неи зибью, пѣтлы йи обирвѹ, то й дѣсть мени вѣлю. Тогдѣ я зъ худѣбою, пры моймъ дарованыи, певно бѹду засидѣтелемъ.... Хемъ, хемъ!»

И щѣ денькывъ зъ чотыри ничѣго нечѹты було.... Ажъ ось прыбѣгъ передовѣй козакъ, що бижыть за нымъ панъ справныкъ. Почалы курей по хатамъ одиматы, яйця одбѣраты; одомкнѹлы казѣнный ящыкъ, потягнѹлы чымало, турнѹлы въ гѣродъ и за рѣнськымъ, за хранцѣозькою вѣдкою; а якъ завтра прыпадала пѣятныця, а панъ справныкъ бувъ собѣ богомѣльный та богобоязнѣй и вже ни-зѣ-що душы нескверны-тыме скорѣмнымъ, такъ прыказано купыты и кавьяру, и крымського оселѣдцю, и свижопросѣлнои ослѣтрынky, и свиженькою рыбки хорѣшой, и ракивъ, и паляныць.

Ажъ ось прыбѣгъ и панъ справныкъ зъ двома дзѣвѣнками, и зъ пьсьмовѣдѣтелемъ. «А де кватыря?» Повелы до Махухы, и попередъ всехъ людѣй повыгѣнювалы, щобъ ни

якій билшъ хвѣстае та велычаётця, та порядкы задае, той и нетѣмытъ ничого и зробытъ неспорячы по твѣѣму. Отъ и туть такъ будѣ.

Пойлы, попылы, повечерялы на всѣ заставки. Панъ голова лёдвѣ язъкъ ворочае, а прѣчыи судящи та понятыи схопылы мерщій палычкы та й хытаютця надъ нымы. Панъ голова ще змигъ такы подяковаты Макуси, выкореныты Левка и обиятысь, що пошле лепортъ объ усѣму дѣли завтра до судѣ. А панъ пысарь, кахыкаючы надъ останнёю молдшною кашею, що дойидавъ, та поглядаючы на кухлыкъ тернивкы, знай усамы пидморгуе, думаючы: «Не такъ вонѣ будѣ, якъ вы кажете».

Якъ-жѣ рипшывъ усѣ и на потуху останню выпывъ, та заразь до головы: «Куды-жѣ утикаете? пидпышите лепортъ. Произшѣствыне важное, трѣба на всю ничъ послаты.....»

— У судъ! казавъ голова.

«Алѣ, у судъ!» казавъ пысарь: «а те й забулы естѣ, що панъ справныкъ повеливавъ, щобъ обо всякимъ важнымъ дѣли, де е польышне, прѣмо до ёго представляты?»

Пидсунувъ лепортъ до пана головы, доставъ съ кышени каламаръ и тыкнувъ ёму въ руку перѣ и каже: «Пидпысуйте-жѣ мерщій.... Та дѣ-жѣ вы пышете? Се вы сторчакѣ пидпысуете!»

Голова скаменувъсь, выпрямивъ бумагу и ставъ складаты, та по слову пидпысоваты своѣ имѣнья, усѣ такы ворчачы на пысаря: «Я нелюблѣ непорядкивъ.... я вамъ не Явдокымъ.... въ мене неправдою невѣзьмете.....»

Пысарь пидпысанный лепортъ схопывъ та мерщій зъ хаты..... Панъ голова ще такы добривъ до своѣи хаты, бо дѣже близѣнько була; а прѣчи судящи зайшлы незнатъ куды, такъ що ранкомъ насылу йихъ позбиралы. Учынылы слядствыне дѣбре!

Нудытця нашъ Левкѣ у зализахъ, сѣдячы въ холѣднѣи, и дѣнь, и друкый, вже й трѣтѣи. Караулни не пидпускають Йивги й близько, що ёму то йисточки прыносить, и билшъ усѣго, щобъ ёгѣ выпытаты, на-що винъ ти проклятѣнни грѣши кравъ, и якъ-бы-то покрьты сѣе дѣло, що—чы немѣжна, якъ часомъ бувѣе, выкрутытысь одъ такди биды. Такъ-бѣ караулни такъ и женуть йи одъ холѣднои. Пийде, сердѣшна, до-дѣму, за слизонькѣмы й свѣта небачытъ.

А Тымóха-жь-то ажъ танцюе, що звивъ Левка, и вже господарюе усимъ, мовъ Йивзи вже й дїла нема. А зъ пьсаремъ такъ и вóдытця. И—отъ штúка хыба!—не Тымóха ёму могорычї ставыть, а пьсарь ёму, та все ёму общае, що пйде Левко въ Сибірь, покоштовавшы плитей: «бо вже», каже: «я такъ дїломъ заправывъ: попысавъ, якъ Левка надъ скрынею застáлы, якъ повныи кышени познаходьлы въ ёго краденыхъ грóшей, якъ винъ пры такыхъ и пры такыхъ обывателяхъ у допрóси признáвся, що й попередъ того не разъ до скрыни навйдовався, и тãгъ видтиля грóши; усё дóбре зробывъ; збáвлю», каже, «тебё одъ врага и супостáта, а сестру вже за мене, хочъ прысылуй, а виддай; менї нетреба ни худобы и ничóго, тйяки йї одну; усё тобї zostáвлю».

Се-жь винъ казавъ, та й брехавъ, щóбъ ёму ничóго нетреба булò: ёму нýжды небулò до Йивгы, абы-бъ худобу згáрбаты; а якъ йї булò до гáспыда, такъ винъ збирався Тымóху за качества оддáть у салдáты, а самóму всимъ орудоваты; а зъ старымъ Трохымомъ Макúхою тé-жь лагодывсь упóратысь: «Пидведú штúку, щóбъ ёго. якъ багáтшого на все селò, зробылы збóрщыкомъ и подúпныхъ, и обществённыхъ, та въ щетáхъ ёго й заллúтаю; отгúть и поодбираю въ ёго усё, налякáвши, що на поселёные пйде. Якъ пиддáстця, то й опрáвлю ёго; колы-жь заспóрыть, то невыкрутитця. Туды ёму й дорóга. Йивгу повчú разивъ зó-два, очипокъ зъ неи зибью, пáтлы йї обирвú, то й дáсть менї вóлю. Тогдї я зъ худобою, пры моймъ даровáныи, певно бúду засидáтелемъ.... Хемъ, хемъ!»

И щё денькывъ зъ чотыри ничóго нечúты булò..... Ажъ ось прыбйгъ передовый козакъ, що бижыть за нымъ панъ справныкъ. Почалы курей по хáтамъ однимáты, яйця одбйраты; одомкнóлы казённый ящыкъ, потягнóлы чымáло, турнóлы въ гóродъ и за рёнськымъ, за хранцюзькою вóдкою; а якъ зáвтра прыпадала пьáтныця, а панъ справныкъ бувъ соби богомилный та богобоязный и вже ни-зá-що душй нескверны-тымъ сворóмнымъ, такъ прыказано купыты и кавьяру, и крымського оселёдцю, и свижопросёлной ослэтрынкы, и свиженькою рыбки хорóшой, и рáкывъ, и паляныць.

Ажъ ось прыбйгъ и панъ справныкъ зъ двомá дзвóны-камы, и зъ пьсымоводытелемъ. «А де кватыря?» Повелы до Макúхы, и попередъ всихъ людей повыгóнювалы, щóбъ ни

дѹха проиизжающихъ не булò на постоянному; а вже й такъ, безъ Йивгы та безъ Левкá, стáлы люде жахáтысь того двора и вже зовсѣмъ нестановѣлысь.

Увѣйшовъ справныкъ у хáту, помолѣвсь Бòгу, заразы и гукнувь: «А есть што абѣдать?»

— Е, вáше благор..... вáше высокоблагорòдые, одвѣть давъ пысарь, згадавшы, що се вже не прѣжній, капытанъ, а вже панъ майборъ. «Чы несоизвòлыте попереду слѣдстве....»

«Пашòль вòнь, дуракъ!» грѣмнувь на ёго ёгò высокоблагорòдые и соизвòлывь слѣдстве, що пысарь ёму пидносывь, у нѣсь ёму штрыкнóты. «Штò ты меня марышь дѣломъ? я и такъ утамылса. Снѣймы съ вòра дапрòсь и пакажи мнѣ, а мнѣ абѣдать давай».

Потюпавъ нашъ панъ пысарь, хòдючи передъ справныкомъ на-вспынячки, то въ сѣны, то за хáту, и ставъ допрòсь пысáты, мовъ роспытуючы Левкá, а винъ ёгò въ вѣчи небачывъ билшь тыжня. А панъ справныкъ затымъ обѣдае цупко!

Тѣлки такы що пообѣдавъ, ужè пысарь на-вспынячки и пидбѣгъ: «Чы несоизвòлыте допрòсь пидпысáты, вáше высокоблагорòдые?»

А ёгò высокоблагорòдые соизвòлывь ажъ ногою тупнóты, та вѣлаявь такы знòвь ёгò, що ёму недае ляговѣтысь спáты пѣсля обѣда, та й прогнавъ ёгò, звелѣвшы óбысѣ повáльный объ рѣштáнти вчынѣты.

Панъ справныкъ, пѣсля дòброго мырськòго обѣду, лягъ спочывáты, бо дѹже втомѣвся, троцьѣвши кўратыну та яѣшню; а пысьмоводѣтеля Тымòха Макушченко повѣвъ купáтысь, а тамъ за рѣчкою у озѣрахъ дивчáта конòпли мочылы та мнѣлы, такъ, молодецьке дѣло, трѣба булò йимъ и туды пробѣгатысь. А тымъ чáсомъ панъ пысарь збывь людѣй чымáло, попрывòдывь йихъ до прысáты, избравъ до вòлосты и ставъ пытáты: «А щò, люде дòбри! хто знáе, за Левкòмъ, Макушчынымъ прѣймытомъ, чы ё кáчества?» Та й замòвкъ, тѣлки повòдыть перòмъ по папѣру.

Старыкы здвыгнулы плечыма, хто какыкае, хто пáлычкою копырсае, а вси мовчáты. Отъ одѣнь зъ ныхъ вѣйшовъ и кáже: «Се-бъ-то про Левкá? про Макушчыного прѣймыта? чы ё въ ёгò кáчества? Нехáй Бòгъ борòныть! Немá за нымъ

ничого. Я присягу дававъ, я мѹшу по правди сказаты, що винъ дитына добра, хлопця смѣрне, роботяще, и якъ-бы не винъ у Макухы господарѣвавъ зъ Йивгою, то доси-бъ ничого и неосталось-бы.....»

— Чы такъ усї кажете? пытавъ писарь, а самого ёго ажъ за живить узяло, якъ стали похваляты Левка, та ба! ничого робыты!

«Усї, усї! у одно слово кажемо, якъ присягали!» загула громада.

— Добре-жъ, добре! давайते рѹкы, та ййдите до-дому.

Отъ поодбиравъ одъ ныхъ рѹкы, порозпускавъ людей и ставъ пысаты, що «сыи люде зъ пидъ присягы показовалы, що Левко и злодѣйка, и воряжка, що бродяжнычае по сѣламъ, къ домостроительству неспособень, въ воровствѣ, пѣянствѣ, дракахъ и прѹчихъ качествыхъ упражняетця частовременно и що йимъ доволно звѣстно, що хотивъ обикрасты хазяина своего, и затѣмъ вони нежелаютъ прыняты ёго на жытельство, а прѹсютъ абѹ у салдаты оддаты, абѹ у Сибирь на поселѣныя послаты». Непобоявся гриха панъ писарь такого обыску за всю громаду пидпысаты, що рѹкы ёму давали на добре и що за Левкомъ незналы нѣякого качества, а винъ, бачыте, куды нагнувъ! О, пысарська душа!

Та такы-жъ попысавъ и свѣдѣтельски показаныя: хто выймавъ у Левка зъ кышѣни гроши, хто йихъ перелѣчовавъ, якъ Левко йихъ однимавъ, якъ признававъсь, и усѣ, усѣ спысавъ, и рѹкы за тыхъ людей попидпысовавъ,—а вони сномъ и дѹхомъ того незнаютъ; и ставъ тѹпаты коло справныковой кватѣри.

А той, выспавшысь любѣнько, выпозихавшысь, потягнувшысь разивъ десятокъ, устави, та й веливъ себе чаемъ пѹшуваты. Чай пѣе, пидльываючи хранцѹзьку, а самъ люлька смѹкче. Ажъ ось писля сѣмой чашкы и гукнувъ: «Пысарь! пайды сюда!»

Отъ и ввійшовъ нашъ пысарь, тыхѣсенко ступаючи, що й нечѹты ёго, и ставъ коло дверей, пылно дѣвлячысь у вѣчи пану справныку, а дѹмка такъ бѣгае и сюды, й туды, що обѣ чѣмъ-бы-то ёго панъ справныкъ ни спытае, щобъ ёму тутъ якъ разъ одвить и дѣты: чы обѣ недоимци, чы обѣ дорогахъ,

*

чы обь проходзящй команди, чы обь надилёныи обывателей пблемь, — у ёгò все вже пидбрано, на все брехня гòтова и хочь ты якь хочь ёгò розпытуй, а винь одбрешетця, и не-просунешь пальця мижь ёгò рёчи.

«А щò слйдстве?» пытавъ пань справныкъ.

— Окòнчено, ваше благор..... чы-тò-пакь, ваше высоко-благорòдые! И допрòсь, и свйдителськыи показанья, и мётрыка, и обьыскь.....

«Покажы..... Ето пысьмоводытель пысавь?»

— Нйту, ваше высокоблагорòдые! Йихь благорòдые отлучалысь рады тилёсной чыстоты у òное мйсто, сыричь у рйчку, измыты плòть свою, а я, дабы неударжанно.....

Пань справныкъ переворòчувавь, переворòчувавь лысты, и каже: «Справно..... Харашò! Такь и нашь засидатель, Марко Побыйпичь, невыведе кинцйвь..... Харашò! Я дома попидпысуу. Велы лошадей запрягать..... Хто тамь хныче на крыльцй?....»

А то наша бйдна Ййвга, щò ждала справныка, якь ангела бòжого, думаючи, щò винь-то защытыть йй Левка, и якь винь прыййхавь, такь вона все пылновала край холòднои, щò якь поведуть йй Левка до справныка, такь и вона за нымь пйде и буде слухаты, щò тамь винь на допрòси казатеме: якый ёгò нечыстый навчывь одбываты батькову скрбнню и грòши браты?

А нашь пань пысарь проковтнувь душу и зибравсь брехаты. Прыгладывь чубь, кахыкнувь, пòясь пидтыгуе, а òчи у зёмлю устромывь, щòбь, бачыте, невыдно булò, щò вь бчыхь ёгò чоловйчкы догоры новамы сталы, якь у всякого, хто почне брехаты, та й каже: «То ваше благор..... чы-то-пакь, ваше высокоблагорòдые, казайська дочерь. Есть прослышениый рекрутськый наборь, такь ужасаетця, щòбь едыноутрòбногò у неи брата невозымлы.....»

«Хыбá-разви буваеть поведёныя не такь?....»

— Нйту, ваше высокоблагорòдые, качество за нымь нй-якыхь неиметця и суть двудушнаа сказка, но женськее дйло, глупость.....

«Скажы йй, щòбь ничòгò небойлась. Велы лошадей подаваты. А арештанта одправляй у гòродь сей-чась. Покуда

я прыйду, штобъ тамъ бувъ. Я ёго тѣчасъ рипу. Пастрѣже за нымъ сматрѣть, штобъ зъ дарѡгы невшѡль».

— Подозвѡлте, вапе высокоблагорѡдые, мені самѡму ёго препроводыты и квытанцыю получыты. Ще-жъ и дѣло иміетця у сѡди.....

«Харашѡ, веды самъ. Пашѡль! Пашлы мяѣ голову».

Панъ пѣсаръ повернѡвсь на однѣй носі, мѡвь та дзыга, тѣлки пѣтлы ёго мотнѡлысь, и зчѣзъ.

Заразъ за нымъ увѣйшовъ до справныка голова, и двѣри собі зачынылы. Щось довгѣнько розгѡворювалы собі и чѡты булѡ, щось бряжчѣло: хтѡ кѣже—полышне, зъ якымъ Левкѣ схопылы, перелѣчовалы, а хтѡ кѣже, що то чашкы бряжчѣлы, а мѡже и тѣ, й друге: мы тамъ небулы, такъ и незнаемо; та й ненаше дѣло: мы ровкѣзуемо про Левкѣ та про Ййвгу, а мижъ ныхъ немишѣемося, щѡбъ чѣсомъ чоѡдъ черезъ вѣрхъ неперѣбрѣхѣты, абѡ й недобрѣхѣты. Покыньмо йихъ та ходимъ пѡкы за пѣсаремъ; бѡдемъ дывытысь, що тѡй мудрѡе.

Отъ, вѣхопывшысь одъ справныка и ійдѡчы по-узъ Ййвгу, що стоить на мосткѡу та гирко рыдѣе, отъ винъ ій и кѣже: «Неплѣчь, голѡбко; просы пылнѣйшъ йихъ высокоблагорѡдые, пѣна справныка; винъ помылуе; мѡже, zostавыть Левкѣ дѡма; абы-бъ у салдѣты невзѣвъ. Просы, яко мѡга!» та й побить до своѡ дѣла. Вже въ ёго и караѡльни, и провѡжѣти, такъ и вмылося: недалѣ Левкѡви и здыхнѡты, ухопылы, рѡкы звѣзѣлы и повелы до гѡрода; а панъ пѣсаръ иззѣду ійдѣ и наглядѣе, щѡбъ справно булѡ.

Йихъ высокоблагорѡдые, панъ справныкъ, покинѣвшы своѡ дѣло зъ головою, вѣйшовъ сидѣты на повѡзку, ажъ тутъ, на мосткѡу, ёмѡ Ййвга беркыць у нѡги: «Бѣтечку, голѡбчыку! невиддавайте мѡѡдъ Левкѣ.....» та й заголосыла.

А справныкові й байдѡже, хто Левкѡ, а хто Мѣрко, и дѡмаючы, що вѡнѣ обѣ своѡму брѣтові прѡсыты, щѡбъ неоддавалы въ салдѣты, пхнувъ ій ногою, та й грѣмнувъ на неі: «Чѡвѡ ты, дѡра, бойшѣя? Небѡзмутъ, небѡзмутъ».

— Звелѣте-жъ ёго видпустыты, вѣже осѣятельство!» голосыла Ййвга, бижачы за нымъ до повѡзкы, та ажъ за-полы ёго хватѣе. А винъ, смѡкчучы лѡльку, ускѡчывъ у повѡзку

и каже йй: «Велю, велю. Ёго й небызмутъ. Пашолъ адъ нѣн скорѣича!»

Кѣни помчалы, двѣдныкы задзвенѣлы, два козакы попереду, а третій збѣку, рѣшылы; а йихъ высокоблагорѣдые, панъ справныкъ, протягсь у повѣзци, та й ставъ своё дѣматы; а пысьмоводытель, выкупавшысь гарненько и побѣгавшы за рѣчку зъ дивчатамы, тѣ-жъ ставъ своё дѣматы, и покрѣлысь швѣдко.

Чогѣ недокушало йихъ высокоблагорѣдые, знѣсенного зъ мѣру на четвѣргъ, и що купѣване на пѣятныцю, усѣ зоста-лось головѣ. Куды-жъ-пакъ ёго дѣты?

А ййвга-жъ-то, почѣвшы такѣ мылость одъ пана справныка, зъ радошывъ самѣ себѣ нетѣмлючы, мерщѣй до холѣднои..... «ажъ ужѣ, бачѣ (такѣ собѣ дѣмае), ёго одпустѣлы?» Двѣры одчѣнени, сторожѣвъ неѣма..... Вона у правлѣные..... якѣй тамъ нечыстый бѣде, колы вже выпроводылы пана справныка? Тепѣрь йихъ и въ трѣ дни незберѣшь! Хыбѣ зновѣ якѣ проява йывытця, що дождыдѣтѣмутъ зновѣ чы пана справныка, чы якѣго засидѣтеля.....

Отъ нашѣй ййвзи на душѣ такѣ повеселѣйшало, що вона вже и нѣжды мѣло. Дѣмае собѣ, що Левкѣ, по прыказу справнычому, якѣ выпустылы, то, мѣже, побѣгъ до рѣчки выкупатысь, а тамъ, мѣже, до своѣи дѣдыны побѣжыть голѣвоньку змыты та бѣлу сорѣчечку взѣты, бо у велькѣй нѣжди стѣлко дѣнь сыдѣвъ у холѣднѣй..... Отъ у такѣй дѣмци пѣйшла мерщѣй до-дѣму и, дождыдѣючы Левкѣ, давай прыйматысь зновѣ за господарство. Тѣ пойлы, тѣ попылы, тѣ розибралы, тогѣ недоглядѣлы..... розѣрь та й гѣди! Спакнѣла трѣшки, нѣчогѣ робыты, прыняласъ: прыбирае, збирае, ховае, пораетця и, знай, Левкѣ дождыдае..... «Мѣже, зостаъсь у дѣдыны пополуднова-ты? Та й дѣбре: що-бъ я ёму тутъ знайшла? Нѣнѣче послѣ татары, нѣчогѣ й незнайдешь!»

Отъ и вѣчѣрь. «Мѣже, винъ тамъ и заночѣе, щобъ спо-чыты дѣбре, а завтра прыйде, та й прыймѣтця за дѣло».

Отъ и ранѣкъ. Нѣйдѣ Левкѣ. «Эгѣ!» дѣмае ййвга: «знаю, знаю! От-сѣ-жъ винъ пѣйшовъ до людѣй збѣраты грѣши, що пороздававъ; мабутъ, хѣче, щобъ послѣ такѣи праці, швѣдче наше дѣло зкинчѣаты, щобъ выйты видъ бѣтька на наше вже господарство. Колы-бъ-же швѣдче збѣравъ та прыхѣдывъ! пан-

отѣць обещавсь заразь насъ обвинчаты и небагато, по нашій бѣдности, узаты».

И обидь, и полудень мынүвся, а Левка нема. Увѣчери вже Йивга стала тужыты. Одно те, що батько щось дуже сердытый: ходывь до головы, лаявся зъ нымъ за якысь грѣши, що невертають ёму; а голова каже, що то польшине, «не моя», каже: «воля». А тамъ Тымѡха..... хто ёго знае, дѣ вже винь и грѣшей берѣ: усѣ зъ людьмы, усѣ зъ людьмы навѡдытця до себѣ; та колы-бъ-же люде путни, а то пробышакы, якъ и самъ. Наведѣ йихъ повну хату; хочъ и навѣрнетця якый пройизжающый, винь усйхъ повыгоныть, пѣе, гулае, музыка та спывы; пляшкы, выкна бѣе; на сестру, мовъ на наймычку, крычыть и недаѣ йй, сердешный, дѡбре ни-за-вищо взатысь. Верховдыть та товчѣтця, мовъ Марко по пѣклу. Нема йй ни въ чому й воли! А тутъ ще й Левко нейдѣ; ни зъ кымъ йй и порады взыты!

Такъ вона дожыдала ёго дѣнь и другый. Нема, нейдѣ, невертаѣтця Левко! Може, одъ сорому, що усй-жѣ-то ёго тепѣрь злодѣякою зватымуть, бойтця очѣй показаты? Пйшла-бъ вона до людѣй, що ёму вынни, та й роспытала-бъ йихъ, чы не бувъ винь у нихъ, такъ незнае бо, хто ёму кименно вынний. Отъ ужѣ на третій дѣнь здумала пйты до ёго дядыны: та вже пѣвно знае, дѣ винь повѡдытця и що думае на свѣти зъ собою робыты. Отъ и пйшла.

Какъ-же вздрѣла йй Горпына, дядына Левкова, такъ и загерготѣла на неѣ: «Зыйлы, зыйлы мого Левка! Дѣ вы ёго заподѣлы? Хыба затѣмъ узылы бѣдного сыроту, щобъ зовсымъ занастыты ёго? Чы взывъ тамъ скылки грѣшей, чы ще тѣлки намырвся, а тутъ ужѣ швѣдче ёго й згубыты? Та хочъ-бы тамъ що и взывъ, такъ хыба винь вамъ незаробывъ того? Прймыть жывѣ, якъ сынъ у батька, а винъ бувъ у васъ, якъ крепакъ, и ничъ и дѣнь усѣ робывъ, доглядавъ, убывавсь, мовъ за своимъ добромъ. Дѡбре-жѣ вы ёму, мабуть, дяковалы, що чоловикъ у нѣжди знавъ, що нхто ёму ничѡго недасть, винь тыхѣнько и взывъ..... Ну й дарма! пймалы на злодѣйствѣ, такъ було дома й даты прочуханку; якъ схотѣлы, такъ-бы й навчылы; а то заперлы у холѡдну на цѣлый тыждень....»

— Та жѣ ёго, титочко, видтиля выпустылы; самъ справныкъ прйизжавъ, та й выпустывъ!

«А щобъ выпускала лыхая годына та нещаслива и вашого справныка, и старого лысого Макуху, зо всімъ вапымъ поганымъ рѣдомъ и прыплодомъ!» такъ залящала Горпына. «Выпустылы! От-такъ ты выпускай! Рѣкы ёму скрѣчени, стороживъ та калавѣрныхъ съ прездоровѣнными кыямы, неначе за якымъ душоубцемъ, настоящимъ харцызякою.... Пруть сердешного; може, до-городу ни разу ёму и спочыты недадутъ....»

— Зъ якымы кыямы?... до якого го... горо....да? лѣдвѣ промѣвила Ййга, а въ самои рѣкы й нѣгы затрусѣлысь, и сама такъ и пополотнѣла.

«Зъ якымы кыямы!» стала йй кривыты Горпына. «Ты голубочко, ничѣго й незнаешъ? Зъ такымы кыямы, що якъ-бы такымъ хочь однимъ разъ ушкварыты твоѣ дурноѣ бѣтка, такъ винъ-бы и зъ мѣсця неpidнявся; а тѣ бѣдне хлопъи за десяткомъ такыхъ повелы....»

— Та куды-бо повелы? Кажыть швыдче, титѣску!...

«Куды? Туды, де козамъ рѣгы правлять, куды-бъ запрѣтыты и твоѣ бѣтка, и твоѣ бѣтѣка, Тымѣху пробышѣку, и тебѣ, дѣбру пѣннѣчку, що тѣлки вмѣла хлопъца обдѣрѣваты, що бѣцимъ-то пѣйдешъ за нѣго, щобъ абы робывъ на васъ; якъ-жѣ побачылы, що вже й безъ ёго справытѣсь, такъ тогдѣ й трѣба ййсты чоловѣка. Ййды-жѣ тепѣрь та дрѣтыхъ обдѣрюй!» Та й стала Горпына плакаты за своимъ небѣжемъ.

На нѣи дѣвлячысь, стала и Ййвга гѣрко плакаты та прыпадѣты до Горпыны, щобъ хочь на нѣи несѣрдылась, и розказала Горпыни всѣ, якъ у нѣи булѣ зъ справнымъ, и якъ винъ обѣщѣвся выпустыты.

От-тѣтъ ужѣ Горпына одсѣрдылась трѣшки и стала йй розказоваты, якъ повелы Левка въ городъ, за якымъ караѣломъ и за якою сторожею, и що, каже, повелы прѣмыснѣю у острѣгъ.

Бѣтѣчки мой! якъ-то дѣже засумѣвала Ййвга! Ничѣго Горпыни некажучы, пѣйшла одъ нѣи до-дѣму. Плакала-плакала, дали що надѣмала? Стала збирѣтысь; навѣязала у тѣрбу, чоѣ йй трѣба булѣ... Ще-жѣ-то грѣшей трѣба; свойхъ немя: що зароблялось на господарствѣ, отдавала бѣтѣкови, а въ ёго просыты нехотѣла, щобъ неставъ выпытоваты, на-що йй грѣши? Пѣйшла до сусѣдъ, позастановѣла и намысто, и дукѣты, и

кресты, и материны плахты, добулась гробшей, поувязовала усё, якъ трéба, тóрбу на себе почепыла, свыту пидперезала, узяла палычку въ рúкы, помолылась до цёрквы Бóгу, гíрко сплакнóла, та й пйшла.

Йдéть, йдéть дорóгою, вже й далечéнько одйшла одъ свогò селá, а ни пыла-жъ-то, ни ййла зъ сáмого рáнку ничогýсинько. Дè вже йй и ййсты! ничòго й на дýмку нейдé! Ййшла-ййшла, ажъ ось бáчыть — и пизнала: пýсаревн кóни, щò частýсинько на ныхъ по селý бигае, назúстричь йдúть. Вонá й догадалась, щò и винъ тутъ è; мерщй у бурьяны, та й прыягла; а винъ и пробйгъ мýмо, небáчачы йй и въ увёсь гóлосъ спивáючы псáльму: «Склонитесь вики со чóловикы!»

Вже якъ зовсймъ стáло пýсаря невýдно, вонá стáла встáваты..... такъ щò-жъ? зовсймъ нездúжае! У гóрли пересóхло, нейивны отоцáла, нóгы потомылысь, а лыхо й бидá на дýмци усё якъ тóтъ. Пидняáсь, посылковáлась, лéдвe-лéдвe повзё, та ще нá-лыхо, никòго немá йй назúстричь, щòбъ хто пидвизъ. Вже смеркáючы, черезъ превельку сылу, мовъ рáчки, доповзá до гóрода; а въ гóроди булá въ нèи прыятелька, удóвá. Вонá до нèи. Тамъ йй й прынялы, и нагодовáлы, и далы спочыты.

У рáнци, якъ вонá вже розказáла, за якýmъ дýломъ йменно вонá прыйшла, порáдылысь изъ прыятелькою и пйшлы укúпи до острогá. За шагъ пйшóвъ садáть докладáты, щò такóму и такóму рештáнту прыйшы подáты сорóчечку та палынычку. Якъ-жè дозвóлылы, такъ ще грынню далы, пòкы ййхъ упустылы увъ острогъ. Тутъ до ныхъ и вййшовъ Левкó.... Мáты Бóжа! чы се-жъ винъ? Сорóчка на ёмú чóрна та пречóрна, та вся вже въ диркáхъ, бóсый, бородю зарйсь, пивгóловы уподóвжъ выголено, зовсймъ якъ на кáторгу йтý. Ййвга ёгò й непизнала-бъ, якъ-бы винъ необизвáвся: «Ййвго! щé ты менè незабóла?.... и тóтъ знайшла?»

Ййвга стоить якъ деревьяна, трýсытця, а въ очáхъ жовтíе. Лéдвe промóвила: «Щò се ты наробывъ?»

«Знаю, щò я наробывъ..... Небоюсь Бóга мылосёрдного, небоюсь и судá. Чомú зъ мене допрóсу незнимають? Якъ-бы менè у сýди спытáлы, тогдй-бъ я всё сказавъ».

— Розкажы мені..... нехай я буду знаты..... на-що се ты такъ зробівь?

«Тобі всю правду розкажў, та треба-жъ и допрось зъ мене знаты. Ось слўхай, та й судящымъ такъ скажы. Якъ я зоставсь у свитлыци.....»

— А чаво респтантъ зъ бабама разговоруеъ? закрычавъ, побачывшы, сержантъ, чы якыйся командъръ. «Вонъ йихъ жените. Подалы мылостыню, ну и вонъ!»

Заразъ Левка сталы заганяты; на сылу встыгла ёму Йивга податы сорбечку, убрання, хлїбець и паляныцю. Салдаты йихъ заразъ за плечє, та й вѣвивъ зъ острога.

Що теперь на-свити Йивзи робыты? Левка у сўди ще недопрощують. Винъ щось має розказаты, та й небойтця ничого. «Ужє-жъ що буде, то буде; пйдў у самисинькый сўдъ, попрошў, нехай швидче ёго допрощують, та й пускають, колы винъ невельмы вынний».

Незнаю, якъ-бы яка друга на йї мисти, чы вона-бъ осмїлылась йты ажъ у самый сўдъ? Та якъ-бы друга и допыталась до ёго? а йї и нўжды мало. Вже-бъ-то она недопыталась, она-бъ злякалась, щобъ нетїлки въ сўдъ прыйти, та й допытатысь чогд йї треба, — ну, ну! Проворна, моторна, смїлива, на ричахъ бойка, безъ пащыкованья, а такъ, тыхєсенько, звычайнєнько; та вже йї нхтд ни обдўрыть, ни залакає, ни зопыныть, ни зъ дўмки незібьє: колы щд надўмала, такъ она вже неподастця, доведє до кинця; та й розўмнєнька собї була: одъ матери набралась. Такъ така недїйде, куды йї треба и куды надўмала? Заразъ озырнўлась сюды-туды, перекрестїлась, пїйшла.

У пятаго, у десятого на сылу допыталась, дє той сўдъ, що справныкъ розсуждає. Увїйшла. Пысарївъ чы-мало; а народу-жъ-то, народу, — такъ и непролїзешъ. Тутъ и респтантивъ привелы, тутъ салдаты объ кватїряхъ, тутъ чоловикъ объ грєчци, що чужа скотына побыла, тутъ стара маты, що дїты нехдочуть годуваты; тутъ объ злодїяхъ, тутъ о пожєжи, тутъ о постыжно вмєршому, та й обо всякїй, обо всякїй нўжди клопдчутця; а судящи усїмъ тїлки порядокъ дають.

Оглядїлась трдшки наша Йивга, прислўхалась, роздывїлась и стала мижъ народомъ пропыхатысь. Отъ и долизала

до якогось пысарчукá у тяжыновому халáтыку, поклонылася и пытáетця: «Колы-бъ вы, паныченьку, вчынылы мýлость, та швýдче допросылы могò Левкá!»

— Якòго тамъ Левкá? Пйды собй къ нечыстй мáтери зъ нымъ!.... Тутъ нйколы, а вонá нòсытця зъ своимъ сякымъ та такымъ Левкомъ!

Ййвга незякалася и зàразъ на хýтрощи. «Се», дýмае собй: «невелыка птыця, що въ халáтыку. Заведýся зъ нымъ, то старшый и пидбжыть». Отъ вонá на ёго: «Чогò-жъ вы зàразъ лáетесь? Я ще тйлки васъ прошý, а вы, незнавшы чововика, зàразъ и посылаете ёгò сюды та туды! Самы-бъ пйшлы.....»

— Шцò? ты ще смйешъ на мене крычáты? Стóрожь! вышхай йй!

«И нй, невыпыхáйте!» ще голоснйшъ стáла казáты Ййвга. Я за дйломъ прйшлá: такъ вы, колы письмённи, такъ вы мене роспытáйте, а невыганáйте.....»

— Та шцò ты тутъ пащыкóешъ? вже й вйнъ крйкнувъ на Ййвгу. «Я тебе тутъ за пáтлы....» та й прыкусывъ языкъ, бо ввйшòвъ, такъ, трòшкы-бъ-то й на пáна похòжый. Пыка ёму червòна, бородю зарйсь, лысый, ув-окулйрахъ, у каптáни зъ гудзыкамы, у рукахъ дёржыть бумáгу, а перò за ўхомъ, и дýже вйдно булò, що дòбре кабáку вжывавъ. Якъ увйшòвъ и ставъ пытáты:

«Хтò смйе тутъ такъ крычáты?»

Пысарчукъ зàразъ-бы-то зъ донòсомъ, що от-такъ и такъ дйвка якáсь стáла тутъ завòдытысь. А Ййвга бáчыть, що дòбылася до свогò, выкыкала старшòго, осмйлылася и кáже: «И нй, паныченьку, небрешйте!» И розказáла, якъ булò дйло, якъ вонá стáла про Левкá пытáты и якъ вонý завелысь.

Отъ секретáрь (а се вйнъ-то й бýвъ) покынувъ ййхъ розбйраты, та мерщйй ухопывъсь и кáже: «Про якòго се Левкá? Се чы не про тогò, що двйсти рублйвъ укравъ у хазяйна?»

— И нй, сýдырю; ще ёгò допросйте. Вйнъ у допрòси все вамъ розкáже, шцò й нá-що вйнъ такъ робывъ. Ось пошлйте за нымъ, та пры мени допросйте, то ще, мòже, вйнъ незовсймъ и вйнный.

«От-такъ-пакъ!» сказавъ секретарь: «по дѣсять разивъ будемо черезъ тебе водѣтысь та допробуваты. Аджѣ винъ повинывся? Теперь винъ не въ нашому вже сѹди».

— А дѣ-жъ винъ, добродѣечку? Та сѣе кажучы, у нѣи въ животѣ такъ и похолбнуло, що вже бѹцимъ Левкѣ признався; и колы-бъ-то ёмѹ було й признаватись?

«Тамъ, де трѣба. Уже мы дѣло объ ёмѹ одислалы далшь», сказавъ секретарь и одвернувьсь одъ нѣи, и самъ пийшовъ далшь.

Щѣ тутъ Йивзи робыты? зовсімъ бидѣ! Левкѣ каже, що ёго недопробувалы, а въ сѹди сказалы, що винъ у всѣмѹ повинывся, и вже винъ не у сѣмѹ сѹди. У якймъ-же?

Пийшла Йивга зъ судѣ, нѹдячы свѣтомъ. «Пийдѹ», дѹмае собѣ: «до Левкѣ, тамъ зъ нымъ посумѹемо и порадимось, що менѣ теперь робыты?»

За обѣдомъ у прѣятелькы, чы пошла чогѣ, чы нѣи, мерщѣй наложыла усѣго, понесла до Левкѣ у острогъ.

«Неходѣ!» обизвавьсь до нѣи салдѣтъ зъ ружжѣмъ, хѣдячы кругъ острога.

— Та я, господѣ слѹжба, до Левкѣ прышла. Менѣ и вранци пускѣлы.

«У рѣнци пускѣлы, а теперь невѣлено».

— Та хтѣ-жъ невѣливъ?

«Зъ судѣ прынесена запѣска, щобъ никѣго до ёго непускѣтъ».

— Скажѣте, бѹдѣте лѣсковѣ, господѣ слѹжба; чы водѣлы Левкѣ сѣгѣдни въ допрѣсъ?»

«Ни. Сказано, що винъ такѣго нарѣбывъ, що ёмѹ и безъ допрѣсу бидѣ. Якъ привѣлы ёго сюды, такъ и запаковѣлы».

— О Господы милѣстѣвый! заплакавшы сказала Йивга: «щѣ винъ тамъ такѣ нарѣбывъ? Зовсімъ намѣрылысь изъйѣсты чоловика!.... Та ужѣ-жъ!....» И за слизонькамы небѣчыла кудѣ йтѣи.

Хѣчь и дѹже Йивга сумѣвала, хѣчь и вѣлмы журыласъ, а такы допытѣласъ, у якѣмѹ сѹди сѹдытѣя Левкѣ и хтѣ тамъ судѣици, и дѣ вѣны живѹтъ. Одѣнъ чоловикѣкъ наравѣвъ йй йтѣи до кѣжного до-дѣму: «та тамъ», каже: «и просы жѣд-

ного; а то якъ пійдешъ у сѹдь, то абò тебе недопѹстятъ, абò невыслушаютъ гараздъ, бо не однò твоё дѣло».

Пійшла наша Ййвга ранкомъ до одногò.

Гòрныци хорòпи. Увійшла, — сядятъ паньчй молоденьки кругъ столá, люлькы смòкчуть и въ карты грають, по-панськы, бачь. Кто дѹрень, той грòшыкы й плáтыть.

Ййвга, ничòго незнаючы, поклонылась усймъ и стáла ихъ жалбно прохáты: «Паны мои мыли, паны мои любезни! когò менй зъ васъ прохáты обь моёму Левкòви?»

Якъ-жè зырнѹлы на неи ти паньчй, якъ зарегòчутця, якъ стáлы йй на-смихъ пиднимáты, та усякы прыкладкы прыкладáты, такъ бйдна Ййвга незнала, куды йй и дывытысь. Дáли такы спрáвылась трòхы, та й кáже: «И негрйхъ-же вамъ, панòве, згнушáтысь изъ бйдной дйвкы, що вже, выдно, пылно йй прыпáло, що самá пійшла до васъ прохáты обь своему дйли, а вы зъ неи смйетесь! Нехáй-же вамъ сей та тóй! Колы у васъ уся сыла, то дармá; не по-вашому бѹде, я дййдѹ всюды. А тйлки вамъ скажѹ, що вамъ стыдъ и сòромъ: вы паны, вы пысьмєнни, вы чытáете у кныжкáхъ, якъ бйдному трєба помагáты, а вы, замйсть тòго, нероспытáвши, чогò я и зачымъ, та стáлы зъ мене смйáтысь! Хыбá-жъ на тє Бòгъ васъ прывйвъ судыты такыхъ-же людєй, якъ и самы вы, и товарйство васъ настановыло, мовъ дòбрыхъ, а вы, все тєе позабувáвши, граете въ дѹрни, а що бйдный пропадáе, такъ вамъ те й дармá? Грайте-жъ собй, грайте! нехáй бйдни по острогáмъ стрáждуть, вамъ нйколы.....»

Та такы й багáто дè-чòго одрйзала йймъ Ййвга одхòдючи, нехáй здорòви слухають. А тò-жъ-бо й неправда, скажете? Колы ты судьдй, такъ покынь и кáрты, и жáрты, и всякы скòкы. Дáвъ Богъ дєнь, — ййды до свогò дйла, та й розглядáй пылно, щобъ усє по прáвди зрòбыты; а пòсли вже й гуляй! Адже салдáтъ усє покыне, та й ййде на мѹштру, и пòты єгò непѹстятъ, пòкы недокинчáе всеи мѹштры; такъ и тѹть..... Ну, та не наше дйло панйвъ учыты: зачепы йихъ тйлки, то й самъ нерадъ бѹдешъ. Бѹдемо про Ййвгу розказуваты.

Отъ на дрѹгый дєнь пійшла вона до дрѹгòго судящòго. Бáчыть — панòкъ плохєнькый, невелычкый, сухєнькый, сывєнь-

кый, хóдыть соби по гóрныци. та щось дúмае. Ййивга, бачачы, що винь дывытця, якъ и добрый, поклонылась ёму нывенько и каже: «Дозвóлте, добродйечку, попрохаты васъ объ свой нýжди!»

— А объ якй нýжди? спытáвсь пánь, та й ставь йй слýхаты, понýрившы гóлову.

Отъ Ййивга й каже: «У могò батька, та бувь прйймыть, Левкó. Ёгò батько и брáть такы мйй тйяжко недлюбылы и пидвелы ёгò, що винь, нá лыхо соби, потйягъ зь батьковои скрýни грóшей; такъ ёгò узалы сюды, дёржаты у острóзи, а допрóсу незнимáють. Такъ бóдьте лáскочи, звелить зь ёго зняты допрóсь, та тогдй й робйть, що зняете».

— А батько-жь твйй дé? спытáвъ повáжно пánь.

«Та батько дóма, у селй.»

— Якъ-же мы зь ёго допрóсь знимемо, колы винь дóма?

«Та нй! не зь батька, а зь Левкá».

— Адже Левкò батько твйй?

«Та нй, Левкò прйймыть, а батько—такы батько».

— Адже Левкóвы грóши вкрадено; такъ зачымъ зь ёго допрóсь зниматы?

«Та нй! Левкò батьковы грóшы чы вкравъ, чи щó, такъ сыдыть у острóзи; я ёгò бачыла и винь мени казавъ, що ёгò недопрóшувалы».

— Ну, а теперь уже выпустылы тебе зь острога, чы якъ?

«Та нй! не я сыдила у острóзи, а Левкò сыдыть; такъ допрóсите ёгò, нá що винь батьковы грóшы бравъ».

— Якъ-же се? батька обикравъ, та батько и у острóзи?

«Та нй! батько не въ острóзи, а Левкò тамъ».

— Та тó-то-жь, тó-то-жь, я зняю. Сынь заместь батька пййшóвь у острóгъ, по свой охóти, чы щó?

«Та нй! Отсе нерозберетé! не сынъ, а прйймыть.»

— Та щó-жь ты мени дёсаты разывъ росказыешь, и все не такъ. Батько съ прйймытомъ тебе обикравъ, чы щó?

«Та нй! Ось дозвóлте, я все вамъ спёршу роскажý.»

И почалá зновъ зь кинця, и все ёму такъ гладко росказала, якъ на лыстý спысала.

А панъ судящій тѣлки все головою кывае та прыговорное: «Такъ; та знаю; знаю.» Дали и вдрáвъ, спытавшы: «Ну, тепèрь такъ, тепèрь, якъ розказала, такъ я й знаю. Такъ бачъ, чоґò ты прóсышь: щобъ твoгò брата вы́пустыты, а на мисто ёгò Левка посадыты. Такъ сёґò, голубочко, немóжна. Хто заробывъ, той нехай и одвичает; я на неправду непйду».

— Та ни! ажъ прыкрыкнула сердешна Ййвга, употывшы товкуючы: «Левка допросите! адже Левко вы́нный».

«Отъ изно́въ кажешъ— Левко вы́нный. Та тебе зъ де́сятьма головами нерозберешъ. Ййды соби до-дому: оттаку мени гòлову натуркала! Росказуе и все нетакъ. Ййды, ййды соби; мы й самы розберемо, що трéба робыты».

— Отъ хыба лыха годына съ такымы судящымы! скривъ слызъ говорыла Ййвга, вертаючысь до прыятелькы: «ниакъ не розберё, щò ёму товкуютъ. Лыхо та й гòди!»

«Пйды ще до самоґò суддй» казала прыятелька Ййвзи: «у ёму, кажуть, уся сыла; винъ що найстаршый надъ усима. Та знаешъ щò, Ййвго? Понесы ёму що-небудъ. Усе такы звычайнйше».

— Та чоґò-жь я ёму понесу, колы въ мене ничòго нема!

«Бублычкивъ парочку вьязочокъ. Винъ у насъ негордовлывый: я колысь пъять пасомъ валу виднесла, — винъ, спасыби ёму, непогордовавъ, узявъ и дйло зробывъ».

Трéба Ййвзи купыты две вьязки бублычкивъ и пйты зъ ными до суддй. Увйшла, а винъ высòкый та товстйй, трòшкы пыкатенькый, нисъ до горы задрáвся, а óчи, мовъ банкы, такъ и пови́трицáлысь, — и вже зибравсь зовсымъ у сýдь йты.

Отъ Ййвга помолылась Бóгу, поклонылась суддеви и положила бублычки на стиль, а сама стала про своё дйло росказоваты та прохаты. А суддйя, якъ уздрывъ бублыкы, такъ мерщй за ныхъ, та й ставъ у пельку пхаты. Ротъ великый, щòкы товсты, такъ-такъ бублыкъ и втырыть у ротъ; недуже й жуе, такъ цилкомъ и ковтае, ажъ давытця, ажъ слёзы ёму течуть: бачыте, поспышае въ сýдь до дйла.

Якъ же Ййвга розказала ёму все, а винъ затымъ погытавъ усь бублыкы, отъ Ййвга ёгò й пытае: «Щò-жь вы мени, ваше благородые, скажете?»

— А ось-що я тобі скаж́у, казавъ плямкаючы судья́, «а ось-що ты мені скаж́и... де се ты такыхъ му́дрыхъ бубльчкивъ купы́ла?»

«Та кұпайте на здоровья, ваше благородые! Де купы́ла? звисно, на мисти. Що-жъ вы скажете объ моёму дй́ли?»

— Отъ бублыки, такъ-такъ! облызуючысь та обсмо́кту-ючысь казавъ судья́. «Объ твоёму дй́ли?... та що я люблю, що ма́ку багато... объ дй́ли?... та й олі́йки такы багатенько... сма́чни, сма́чни!... объ твоёму дй́ли?... та пиджа́рювани... Прихòдь за́втра; я тамъ усё зроблю́, та за́втра тобі й скаж́у». Та зъ сымъ сло́вомъ, потрощывшы бублыки, потя́гъ зъ ха́ты усё прихва́люючы: «Отъ бублыки! будь я бестыя, колы такі й до́ма йивъ!»

Агу, нашй Ййвзи полэгшало на душй, що судья́ уподобавъ йй бублыки и сёгодня усё дйло зрòбыть, за́втра й вы́пустыть Левка. Та хочъ бы й попарылы, абы-бъ туть, щобъ тйлки у селò неводылы, щобъ стыда мижъ своймы небуло; а туть ёго нхто незнае, то й дарма́.

Веселенько пообыдала, дякуючы прыятельку; пошы́ла йй де-що, напры́ла трòхы, и побыгла до острòгу. Такъ щò-жъ-бо! «Неведено пускать!» закрыча́въ салда́тъ, и якъ роспыталася Ййвга, такъ ёго неводылы такы у допрòсь.

Отъ лыхо та й гòди! Бьётца, сердешна, якъ щу́ка объ лйде, и ничòго незрòбыть! Пййшла́ у ранци до судья́, — ка́жуть, поййхавъ на свй ху́тирь, празныкы пидйшы́лы, суда́ небу́де.

И сумуючы и плачучы, дйждала Ййвга и б́уднйвъ. Прййхавъ и судья́ зъ ху́тора; пййшла́ до ёго Ййвга и понесла́ вже чотыри вьязкы бублькйвъ, на самйй оліи печены́хъ и густо ма́комъ обсы́паныхъ.

Судья́ тйлки вздрйвъ йй, за́разъ за бублыки, давай тро́щыты, а йй ка́же «Выновать, зовсы́мъ забу́въ про твоё дйло! Та вже-жъ потёрпъ, рйпшымò».

— Незабудьте-жъ, ваше благородые, хочъ сёгодня!

«Забуду, ей Бо́гу забуду! У мене тако́го дйла, тако́го дйла, що нико́лы й вы́сякатысь. Отсе мерщйй поспышаю́ въ судъ». И ставъ збйратысь, а якыхъ бублькйвъ непогыта́въ, такъ ставъ у кышёню хова́ты.

Отъ Йивга бачачы й каже: «Отже, беретé въ судъ бублычки, то якъ станете йихъ кұшаты, то й згадаете, хтò йихъ прынісь, та й про дїло згадаете».

— Пожалуй! каже судьдї, «кұшаты бѹду, та згадаты не-згадаю. Во мени, бачъ, дїла багато: усѣ треба пидписываты; такъ я вже ни объ чимъ и непам'ятáю, тїлки все пидписую. А лѹчше всѣго, отъ що: ійдї, дѹшко, и ты до сѹду та тамъ дожыдай, и маячь, а я побáчу тебѣ, та й згадаю». Сѣе кажу-чы, й пїшшовъ.

Пїйшла за нымъ Йивга, ничого робыты! Ходыть, ходыть коло суда, у синци ввїйде, невідко ій судьдї, незгадуе винь про неї, непосылають за Левкомъ. «Вже дѹси пань судьдї усї бублыкы покұшавъ, то якъ незгадавъ менѣ, то тепѣрь и зовсімъ забѹде». Такъ дѹмала Йивга, сїдючи на рундукѹ.

Ажъ ось рѹшылы судящи зъ судивъ. Попѣреду йде судьдї; уздривъ Йивгу, заразъ и згадавъ: «И нї» каже, «братця, потрывáйте, потрывáйте. Е пылне дїло. Дивчыно! а пидїйдї суды та роскажї, якѣ твоѣ дїло?»

Отъ Йивга й стáла зъ сáмого пѣршу усѣ розказоваты, а тутъ секретáрь, зовсімъ п'яна пыка, пидскóчывъ та нюхаючы кабáку й сказавъ: «Та ѓное дїло мы вже ршылы».

— Колы? спытáвъ судьдї.

«Та ещѣ у мымошѣдшыи п'ятѹкѣ, и вы соизвѣлылы подпысаты ѓного вѹра, мошѣнныка, плитьмы та на поселѣные.

— Бачъ? сказавъ судьдї Йивзи; «я вже пидпысáвъ, такъ ужѣ немѹжна. Колы-бъ сѣгодня, а тѹ ще у п'ятныцю; скѹро тыждень....»

«Сѣ-то, пáночку, у той дѣнь, якъ я вамъ смачныхъ бублыкывъ прынесла!» сказала Йивга поприкаючы, а у самѹи слизонькы капъ, капъ, капъ!... Сердѣшна! щѹ пакъ вона почѹла!

А судьдї й ничогисинько, ищѣ пидтакуе: «Тáкъ, тáкъ, дѹшко, тáкъ; у сáмый той дѣнь, у п'ятныцю».

— Дѹбре зробылы! Богъ вамъ виддáсть! Чомѹ-жъ вы ёгѹ недопрѹшувалы?

«А щѹ, секретáрю, зачымъ мы ёгѹ недопрѹшувалы?» пытáвъ судьдї.

— Отгáкъ-пакъ! недопрѹшувалы! Адже вы на допрѹси пидпысáлысь.

«Та я-то підписаты підписавъ, та незнаю, щобъ ёго допрóшувалы. Та чы й бачывъ я ёго?»

— Та вы й никòлы ничòго нетямыте! одрýзавъ секретарь суддэви, та насунувъ шапку и пйшóвъ поперёдъ суддй. А суддй тóжъ потягъ додóму недывлячысь на Ййвгу.

«Щó-жъ мени на свити тепёръ робыты!» заголосыла Ййвга. «Такъ отсè ёго выпарють; та й пóплють?»

— Та щè нетужы, сказавъ одынь панычъ, выхòдючи зъ судá: «ще дйло пйшло у губэрныю, тамъ бóде зъ рýськый мисяць, та прышлють сюды, та тогдй вже пóплють...» и пйшóвъ собй.

Черезъ превельку сýлу добраля Ййвга до прыятелькы. Плакала-плакала, цилйсинькый дèнь непыла нейла, та й дóбре вычýтовала судящымъ! Та щó-жъ? стáнетця-жъ йимъ тè? Такы ничогýсинько!... Такъ, тýtъ нестáнетця, а нехáй лышèнь нйсь поткнýtъ оттуды! Згадаютця йимъ и бóблычкы, и сахарèць, и родзыночки, и усé, усé. Немынётця й тé, щó, незнаючы дйла, тйлки пидпысовалы за секретарёмъ; ни щó немынётця!

Уранци Ййвга розсудыла, щó журбóю ничòго незрòбышь, трéба щó-нèбудь робыты. «Дйло послалы у губэрныю, пйдý й я до губэрныи. А вже-жъ, щó Бóгъ дастъ!»

Недóвго йй збирáтысь: поскладáла у торбынку щó булò, почепыла на спыну, палычку въ рýкы, пйшла. Де дýже втóмытця, пидыййде, колы лúчытця дóбрый чоловйкъ, щó пидвезé; а де вже зовсімъ пидйбьетця, то й пересыдыть дèнь. То сáкъ, то такъ, добралась такы на́ша Ййвга й до губэрныи.

«Щó се такé?... крый Маты Бòжа!» ажъ скрыкнула Ййвга, зъ горы побачывшы вже не свйй, а губэрський гóродъ; сплесну́ла рукамы и незнае, куды й розглядáты. Такъ духъ и займáется, и въ животй похолòнуло. «Дывлюсь», кáже собй, «дывлюсь, и кинця невидно! А церкóвь-же-то, церкóвь!... А хорóмъ-же-то, хорóмъ!... Ну, тýtъ колы непропадý, то дóбра бóду... Та вже-жъ!...» Та й задумалась собй, сыдячы на вóзи, щó чоловйкъ йй пидвóзывъ, бо зовсімъ, пидхòдячы до гóрода, пидбылась. Колы-жъ задумалась, то й нестрашно за нèй, якъ вона самá собй, однымъ однá душéю, бóде повертáтыця у такóму велькóму гóроду и мижъ панáми. Бо въ гóроду не

якъ у селі, що тїлки й ё мужыкы; нї, тамъ усё панъ на-голо. Небійтесъ, вона прыдўмае, якъ и до ныхъ доступыты и объ своёмъ Левкови старатысь.

На своё щастя попала куды й прыстаты. Жїнка, одна собї зъ дивчамъ, прыняла їй за помичъ у робѣти и за ма-леньку плату, пѣкы їй тутъ трѣба жыты. То оддыхаючы, то полўднюючы, вона розказала хазайци, видкиля вона и объ якїй нўжди прїйшла у сей гѣродъ.

Хазайка пидперлася рукою и дўже покрутнула головою. «Незнаю», каже, «якъ ты тутъ вывернесся!» И почала Ёйви розказуваты, якъ у судящихъ панївъ повѣдытця; бо вона змалечку по господамъ служыла, та якъ добула дївчинку, такъ була мамкою у секретаря, такъ ужё дѣбре знала, якъ и зъ чымъ до ныхъ прыхѣдять и у якї дѣвери выхѣдять. «Ты», казала їй, «небійсь панївъ велыкыхъ. Що бїлшый панъ, то винъ бўде простїйшый и ласкавїйшый. Не такъ, якъ у му-жыкївъ: колы ставъ отаманомъ, такъ винъ ужё на тебе й не-дывытця; а головою,—такъ батечкы! несмій до ёго й близь-ко пидступыты. А паны нетакъ: говоры ёму усё смїлыво, не боячысь, та говоры правду, вже незбрешы ничѣго: заразы пидстережѣ и проженѣ».

— Що-жъ, титочко, якъ велыкому панови доведѣтця, що ёму на поклѣнь понесты?

«Бороны Бѣже! . . . Е, правда, старосвїтськи паны, що бўлочку, абы невельчку, прїйме, хлїбъ святый поцилўе, а тебе звелытъ попоштуваты и дїло выслухае. Та вже ся старовына вывѣдытця. Бїлшый такїй ё, що тїлки побачыть, що въ платкў несешъ чы бублычкы, чы яблучка, то й дїла не-стане слўхаты и заразы звелытъ прогнаты. Отъ ужё мѣнши панкы та полўпанкы, такъ ужё тїлки держкысь! И даешъ, и ненадасы: сторжкысь, виддасы,—щѣ мало, щѣ вытыгае. Нехай тебе Бѣгъ борѣныть видъ ныхъ! Пролазъ до старшыхъ!»

От-такъ увѣсь вѣчиръ хазайка усё розказовала, якъ по-вѣдытця въ панївъ, а Ёйвга всё, якъ тамъ кажуть, на ўсѣ мотала, дўмаючы, якъ їй узятысь за дїло.

Се-жъ було у субїтоньку вѣчери, а въ недїленьку свя-тў, Ёйвга, уставшы, убралась гарнѣнько, пїйшла гѣрода роз-глядаты. Розказовала описля, що, каже: «якъ у лїси хожў;

ажь сѹмно булѹ! Нарѹду на базари — непротѹвпысса, а нема-жѹ тоби никогѹсинького знакомого! Нихтѹ тоби некланяетца, нихтѹ ни обѹ чимѹ непытѹе. Слѹзы менѹ», каже: «пронялы! Блукѹю, якѹ та сыротѹ! Задзвонылы до церкѹвъ — та й двѹны-жѹ! ажѹ и дѹси вѹ ушѹхъ гудѹ! — я й пѹйшла до самои велыкои та до хорѹшой цѹрквы. Щѹбѹ-жѹ? менѹ салдѹты й непустылы. Ужѹ я й грывню давала, — непустылы та й непустылы. Я такы непѹйшла видѹ цѹрквы, усѹ дождыдалась, щѹбѹ блыжче на велыкыхъ панѹвъ подывытысь, бо, на бидѹ собѹ, небѹчыла зѹ рѹду никѹго старшѹго, якѹ пѹна справныка, чы двѹчи, чы трычи на своймѹ вику; а у своѹму гѹродѹ хочѹ и бѹчыла судѹящыхъ, такѹ пѹслѹ тѹго, щѹ вѹны зрѹбылы зо мною, я й незнаю, чы й панѹ вѹны?... Ажѹ ѹсѹ у обѹидню пѹру рѹшылы зѹ цѹрквы. Бѹтѹчки! щѹ нарѹду, а щѹ й панѹвъ! А тутѹ одѹнѹ йдѹ, такѹ и поперѹдѹ ѹго, и окрѹтѹ ѹго, и за нымѹ, усѹ панѹ, усѹ панѹ! А самѹ-же-то: кѹмирѹ увѹсь, и на рукавахъ, и на спыни вышыто, а на шыи хрѹстѹвъ, хрѹстѹвъ! На грѹдяхъ звѹздѹ, черезѹ плѹчѹ лѹнта шырѹка та червѹна, на плѹчахъ золѹтѹ кытыци якѹ жарѹ горѹть, а видѹ самого такѹ и сѹѹе, прѹсто й недывысь! Передѹ нымѹ панѹ бѹжѹть та нарѹдѹ розпыхують и позѹду всѹхъ штовхѹють, такѹ щѹ пылыни недадѹть на ѹмѹ сѹсты. Якѹ сѹвъ у свою колѹсу, такѹ кѹни ажѹ пѹдпылгують та прыськають, та летѹть якѹ мѹха..... а вѹнѹ тѹлки знаѹ головою мѹтѹе, щѹбѹ усѹмѹ-быто поклонѹтысь. Сподѹбылась и я ѹмѹ поклонѹтысь, та далѹчѹнько стояла, такѹ зѹ бѹку, мѹже, вѹнѹ менѹ й небѹчывъ. Спытѹала край сѹбе молодѹци: хто се пѹнѹ такыѹ? Такѹ сказѹла: самѹ губернѹторѹ. Дѹсь и нема, дѹмаю, щѹслывѹйшого надѹ губернѹтора! Хорѹши панѹ й позѹду ѹго йшлы, та все нетакѹ. Булы й старѹньки, и молодѹ, и зѹ кавалѹрыямы....

«Щѹ-то», казѹла пѹсли хазѹйци: «якѹ менѹ доведѹтца губернѹтора обѹ чимѹ прохѹты, то я незнаѹтѹму, якѹ передѹ нымѹ и стояты? Впадѹ та несмытѹму й устѹты!»

— Потурѹй! казѹла хазѹйка. «Тѹ вѹнѹ передѹ нарѹдомѹ такыѹ, щѹбѹ ѹго шанѹвалы та почытовалы; а прѹйдѹ до ѹго, такѹ прѹстѹйшого ѹго й нема. Дѹсять разѹвъ розпытѹе, та все зѹ лѹскою, та прывѹтливо, и колы мѹжно щѹ зрѹбыты, зарѹзѹ самѹ кыдаѹтца усюды, щѹбѹ швѹдче кѹнчѹлы дѹло; колы-жѹ немѹжна, то розкаже тѹвкомѹ, зачѹмѹ и чѹмѹ немѹжна; роз-

говори́ть, щобъ нежури́вся; совіть да́сть, що робы́ты; а колы́ хто бідный, то й пода́сть на бідность ёго́. Та́кый у насъ губерна́торъ!»

По́кы ще до ве́чера, Ййвга походи́ла по го́роду, вы́пнута́ла у дб́рого чоловѣчка, у я́кыхъ хоро́махъ суды́, почу́ла одъ ёго́, що йй́ треба шука́ты тогò суда́, що зовет́ця «угомо́нна пала́та»; обходи́ла кругъ ты́хъ хоро́мъ; де ба́чыла, що ййду́ть або́ ййду́ть паны́, усё на ны́хъ прыгля́дувалася, щобъ небо́йтись изъ ны́мы говори́ты. У важкы́хъ дума́хъ лягла́ зъ ве́чера спаты́..... та недуже́-жь-то й засну́ла одъ думо́къ та гадо́къ, що́ зъ нею́ за́втра бу́де!

Отъ прыйшлò й за́втра. Уста́вшы ране́нько, помолы́лась Бо́гу одъ са́мого шы́рого се́рця, ажъ сплакнóла, та й пійшла́. Хоро́мы зара́зь знайшла́, увійшла́ въ ны́хъ. Гб́споды! шо́ тутъ робы́ты! Усе́ двѣри, усё двѣри, усё двѣри! Туды́ поверны́— тамъ двѣри, схидци́, та зно́вь двѣри; сюды́ пійды́— схидци́ та двѣри, схидци́ та двѣри; билшь́ ничòго й нема́! А наро́дъ и сюды́ й туды́ усё швѣндяе́, паны́чы переби́гають, паны́ пидъйизжа́ють та ййду́ть, здоро́вкуют́ця, де проми́жь собдо́у розговору́ють. А на́ша серде́шна Ййвга стои́ть якъ у ліси́, незна́е, куды́ йй ійти́, и якъ пала́ту вызыва́ты, забóла. Хочъ когò и спыта́ецця: «де пала́та?» «Яка́?» пыта́ють йй, а вона́ й незна́е. Дали́ черезъ сы́лу згада́ла, що зовет́ця «угомо́нна», пійшла́, куды́ йй напра́вышы; разивъ́ зъ пъя́ть помы́лялася; дали́ увійшла́, ажъ салда́тъ сыды́ть.

«Кавò табѣ́ на́добно?» спыта́въ йй.

— Чы́ се́, дя́дюшка, пала́та угомо́нна?

«Ета́».

Отъ вона́ й увійшла́ въ го́рныцю́, а го́рныця́ до́вга, та все́ столы́, усё столы́, а за стола́мы паны́чы сыды́ть та все́ пы́шуть.

Отъ Ййвга увійшо́вшы помолы́лась, паны́чамъ нызе́нько поклоны́лась и сказа́ла: «Бо́же вамъ помага́й! зъ поне́дїлкомъ бу́дьте здоро́ви!»

Паны́чы ззырну́лысь, усмихну́лысь и мовча́ть. Ажь ось оды́нь трòпки згòдомъ уста́въ, пидйшо́въ до не́и и спыта́въ, такъ ты́хенько та лю́бязно: «Чавò табѣ́, дѣву́шка, тутъ тре́ба-на́да?»

— Чы вь вась, ваше благородые, дѣло объ Левкови?
«Обь какѡму Левкови?»

— Та объ нашѡму, бѣткѡвому прыймыту.

«Та ты мынѣ скажы, зѣ какѡго уизда?»

— Та хтѡ ѣгѡ знѣе! я вамъ не скажѡ сѣгѡ.

«Што онѣ здѣлалѣ такѡе?»

— Бѣчыте, кѣжутѣ, що винѣ у могѡ бѣткѡ грѡши верѣвь.

Отѣ, той пѣнѣ и ставѣ чытѣты по бумази и зѣразѣ ѣгѡ
ѣ начытѣвь; розпытуе Ёйвгу, — такѣ и ѣ, винѣ, винѣ!

«Такѣ што-жѣ табѣ наѡмно?»

— А отѣ що, бат..... ваше благородые: що ѣгѡ наші
судѣщи судѣлы та допрѡсу незнимѣлы. Когѡ-бѣ тутѣ прохѣты,
щѡбѣ зѣ ѣгѡ допрѡсѣ знялѣ? Винѣ щѡсѣ хѡче розказѣты.....

«Эгѣ, дѣвушка, опизнѣлась! Дѣло объ нимѣ ршѣлы, и
вжѣ вѡнѡ нетѣуть, вжѣ вѣ губернатѡра.....»

— Охѣ, моѣ годѣнонька бѣдна! Такѣ от-сѣ ѣгѡ пѡшлютѣ
у Сибирѣ?

Панѣчѣ тѣлки здвыгнѣвь плечѣма.

— Вчыните мыѡлость, ваше благородые, навчѣте менѣ,
бѣдну, щѡ менѣ на-свити робѣты? Я вамѣ дѣже, дѣже бѣду
дѣковѣты!.... ѣгѡ у допрѡсѣ непрывѡдылы!

«Ничѡго неможѣ здѣлѣть и вжѣ ѣмѣ ни хтѡ непомѡже.
Какѣ зарѡбѣвь, такѣ и видвичѣтыметѣ. А ты иѣдѣ собѣ, вид-
кѣль прыйшлѣ; тѣтъ тобѣ неможѣна бѣты». Сказѣвь та ѣ пѣй-
шѡвь до свѡгѡ дѣла, и бѣчачы, що Ёйвга вжѣ ажѣ голѡсыты
стѣла, махнѣвь рукѡю салѣату, а салѣатѣ иѣ за плечѣ та ѣ
вѣвивѣ легѣнько ажѣ у сѣны.

Тепѣрь напѣй Ёйвзи прыйшлѡ хочѣ скризѣ зѣмлю иѣты!

За гиркѣмы слизмы свѣту невздрилѣ, небѣчыла, кудѣ иѣ
и вѣйты! Хтѡ повстричѣетѣя, дѣвытѣя пѣлно на нѣи, а ни-
хтѡ-жѣ-то ѣ порѣдонькы иѣ недѣсть! То спѡтыкѣючысѣ зѣ
журбѣ, то помыѣяючысѣ, сѣкѣ-тѣкѣ вѣйшла на рунѣукѣ та
тутѣ и впѣла.

«Щѡ я тепѣрь, бѣдна, робѣтыму?» дѣмае Ёйвга лѣжу-
чы, а самѣ слизмы ажѣ пѣдплылѣ. «Тепѣрь ѣгѡ дѣло зѡвсѣмѣ
докинчѣлы..... пропѣвь сердѣшный Левкѡ!.... Послѣлы до гу-
бернатѡра, а той дѡси послѣвь, щѡбѣ ѣгѡ вѣпарылы..... охѣ

лышечко! та ще й плитьмы!.... та ще й пошлють у Сибір!.... И зо мною непопрощаетця!.... Колы-бъ хочъ мы повинчалысь, то й я за нымъ пйшла-бъ; а то теперь осталась якъ былына!.... Черезъ Тымоху й батько менѣ гонытыме..... зъидятъ зовсімъ! Пропадѣ й винъ безъ мене..... недйде!.... Я знаю, якъ винъ менѣ любывъ..... занудытця!.... колы-бъ хочъ подождалы, покы я прыйдѹ!.... Охъ лышечко! колы-жъ я туды настыгну?.... незастану вже ёгò! И світь мені немылый!... Прыхдытця самій на себе рѹкы пидняты!....»

«Што ты тутъ, дѣвушка, лежышь? чого ты плачешъ?» чѹе вона, що хтось пытає її. Пидняла голову, зырнула, — се панъ передъ нею стоять, и на выдѹ видно, що добра душа.

— Плачу я, батечку, объ своій недòли! Лыхо моє тяжке!...

Отъ винъ и почавъ її розважаты та розговорюваты; а вона, то плачучы, то оддыхаючы и розказала про свою бидѹ.

Дòвго винъ її пылно слѹхавъ, и якъ усѣ понявъ, то й сказавъ: «Жалко мынѣ тебе, дѣвушка; та ищѣ мòжно щò-небудь поправыть. Стань тутъ; отъ губернаторъ бѹде сюдà ийти, ты ёгò остановы и розкажы все дѣло. Мòже винъ за тебе застытця».

— Батечку, ваше благородыє!.... незнаю, якъ васъ и велычаты! чы осмйлюсь-же я ёмѹ якò слòво сказаты? Я й дывытысь на ёгò несмію».

«Небойся ничавò. Онъ зъ выдѹ грозный, а когда когò бачыть у нѹжди, тамъ самъ розпрòсыть обо всімъ, и помòжетъ у чымъ мòжна; тылки незрябій».

Такъ дòвго її навчавъ, щòбъ осмйлылась статы передъ губернаторомъ и пожалитысь объ своій нѹжди и такъ її розговорывъ та розважывъ, що вона пиднялась на-ногы, пйшла за нымъ и стала въ томѹ куткѹ, де винъ її показавъ, що вже пѣвно мѹмо того мѣсця пйде губернаторъ.

Ажъ ось незабаромъ стукотня, биготня..... ийдѣ губернаторъ, губернаторъ! Йивга наца й нестымылась! що й прядумала булà говорыты, такъ усѣ й позабувала, тылки ще вздрѣла ёгò, и трѹсытця, и бойтця, и скривъ зѣмлю провалылась-бы!

Тылки такы що ставъ дохòдыты губернаторъ, вона такъ и гѣгнула ёмѹ въ ногы, та якъ заголòсыть и слòва невымовыть, тылки рыдає въ увѣсь голòсь.

Що-жь? губернаторъ пиднявъ їй, та зъ ласкою, та пестуючи, ставъ їй выпытоваты, объ якій нүжди вона ёго прсыть?

А вона ёму й невымовыть ничого, тїлки знай усё прсыть: «Помылуйте, помылуйте!»

Довго винъ їй слухавъ и все уговорювавъ, щобъ вона розказала своё дїло, и якъ бачыть, що вона й себе нетямыть узявъ їй за-руку и сказавъ: «Послұшай-же, любезная; ты теперь испужалась и неможешъ говорыть, а мынѣ нѣкогда, у меня не одно дѣло. Іды ка мнѣ у дѣмъ, тамъ отдохны, покуда я прыѣду, и розкажешъ усё. Небѣйся, небѣйся меня; я тебѣ всё добро сдѣлаю. Жандаръ! проведы её тыхонько до меня, та необыды её дорогою и велы её пакармыть: можетъ, она кұпаты хѣчетъ».

Ййвзи неначе свїтъ пиднявся! Оддыхавшы трѣшки пѣсли слїзъ, пїйшла за жандаромъ до губернаторьского дѣму; тамъ винъ посадывъ їй у гѣрныци, щобъ дождыдала самого. Прынеслы їй и хлїба, и паляныци, и якои-то стравы непонаносылы! Такъ ничого їй и въ ротъ неїде! Чы пїйде-жь-пакъ ййжа на думку пры такїй бидї, якъ у Ййвгы, и чого їй ще ждаты?

Геть-геть, годынъ черезъ скїлки, прыбїгъ и губернаторъ; и тїлки що вскочывъ у двѣри, заразы и крыкнувъ: «А де дѣвушка?» Побачывшы Ййвгу, увывъ їй въ гѣрныцю. А въ гѣрныци тїй хѣроше та прехѣроше, гѣрно та прегѣрно! Ось якъ Ййвга разказовала: «Гѣрныци», каже: «превысочѣнни, вїкна велькї, мовъ двѣри; а двѣри якъ ворѣта; смилыво вѣзомъ, наклывшы дѣсять копыць сїна, уйвизжїй, — незачѣпысса. А стїны-жь-то усї и стѣля, и помїсть, усё розмалѣвано усїякымы цвїтамы, ажъ душа радуеця! А дзеркала? усюды дзеркала, такъ и ссїе, якъ море! Туды глянешъ, — тамъ тебѣ вїдно, сюды подывысса, — и тамъ ты; куды такы бкомъ ни кынешъ, усюды тебѣ вїдео, усюды мовъ жыва; ажъ сүмно, зъ рѣду вперше такѣ бачачы!»

Губернаторъ, побачывшы, що вона осторопїла, сказавъ їй: «Отдохны здѣсь, я заразы вїйду», и пїйшовъ у дрүгу гѣрныцю.

Оглядїлась Ййвга, и вже їй нетакъ моторошно стало, ажъ тутъ и губернаторъ увїйшовъ, и зъ ласкою та любязно

сказавъ: «Ну, дѣвушка, тепѣрь розказуй мени все, все: откуда ты, есть-лы отецъ и мать, и за какымъ ты дипломъ прыйшла сюда?»

От-тутъ ужѣ Ййвга и почала: и все, що зъ нею и зъ Левкомъ було, спѣршу ажъ до сѣгò дня, усѣ чѣсто розказала.

Губернаторъ выслухавъ усѣ и говорыть: «Нѣтъ, дѣвушка, твой Левко плутъ: зъ ёго у двоухъ судахъ допрòсь знималы и винъ рúку дававъ. Вотъ у менѣ все дѣло». Заразъ пийшовъ и вынись бумагы, перегортавъ—перегортавъ и показавъ: «Вотъ онъ признавса, що и неразъ кравъ деньги у твогò отца. Вотъ за ёго подписано и судьи слúшалы, пры ныхъ винъ признавса».

«Бáтечку, ваше благор... незнаю, якъ васъ вельчаты? паночку, губернаторчыку, голубчыку! сѣмú неправда: ёгò не допрòшувалы; я заприсягну у тимъ. Уже-бъ мени Левко сказавъ, а тò ажъ прòсыть, щобъ ёгò у допрòсь узялы и винъ мавъ щось розказаты дúже пыльне: такъ я ёмú вже лúчче повирю, чымъ вашому судди; хочъ винъ пидписавъ, що Левка допрòшувавъ, такъ винъ бреше; винъ тилки вмѣ бублыкы йисты, що прынòсють до ёго».

Губернаторъ ажъ засмíявсь, якъ згадавъ про бублыкы, а дали й каже: «Смотры, дѣвушка, се ты не бездѣлыцю розказуешъ; се ты на суддѣй доказуешъ, що вони допрòсу незнималы»....

«Незнималы, незнималы, ваше губернаторство!» ажъ скрыкнула Ййвга. «Дайте мени ихъ сюды, я имъ у вичи те-жь скажú. Уже не даромъ Левко каже»....

— Вотъ-же и люде съ-подъ присягы показалы, што твой Левко воряжка и недòброго поведѣнья», казавъ губернаторъ, перебираючи та перечытуючы усѣ бумагы.

«Брехня сѣмú, ей-же-то Бóгу, брехня!» такъ распалась Ййвга, вже осмíлывшысь зовсímъ. «Немá за нымъ нíякого качества: я ёгò билшь усíхъ знаю. Винъ зъ рòду ни пылынкы не вкрáвъ и на волосынку не збрехавъ. Та й люде—глядите лышень—мòже, показалы такъ, якъ и Левко допрòсь пидписавъ».

— Харашò, сказавъ губернаторъ, я сѣе дѣло розберú. Прыды ты завтра у палату, де тòе дѣло, я велю тебѣ туда довесты».

«Знаю я, добродіечку, на лыхо собі, и сама утомонну палату, и добре, прыйду завтра раненько. Глядите-жь, не забудьте й вы, прыйдите; тамь укупи розберемо дїло и побачымо, хто зь насъ бреше, чы я, чы ваши сўдьди¹⁾».

Отъ губернаторь, сміючысь, и одпустывъ їй. Пишла Ййвга и вже дуже веселенька, ажъ земли пидь собдоу нечѹе; а постричае старця абд слипого, то й подасть мѣлостыну; и вже цѣлый вѣчирь була веселенька.

Уранци, чымъ свитокъ, скочыла, чы помогла въ чому хазяйци, чы нї, зибралась, пишла до палаты; а їдучы поузь цѣрку, подала батюсци на часточку, якъ и вчора: «Помянитъ», каже, «объ Левковому дїли!»

Сѣгодня раншъ, нижъ учора, зибралысь судящи до утомонной палаты; незабарывся прыбгты й самъ губернаторь и, побачывшы Ййвгу, заразы повывъ їй за собдоу у ту палату и звелывъ їй себе дожыдаты, а самъ пїйшовъ до судящихъ и за нымъ якысь панъ понывъ бумагы, — мабуть, Левкове дїло.

Погомонывшы тамъ зь судящымы довгенько, выйшовъ до Ййвгы губернаторь зь судящымы; отъ винъ имъ и каже: «Вотъ, дѣвушка увиряеть, што орештанту допросу небуло. Говоры пры всѣхъ».

«Небуло, панове судящи!» смилыво казала Ййвга. «Хочъ щд мени хочете робите, а небуло ему допросу. Левко передо мною зроду небрехавъ: колы було скаже, на скылки за день уторговавъ, то такъ и е; у яку пору скаже выйде на улыцю, то якъ разъ и выйде, и вже раншъ и невыходъ. Уже въ брехни ни въ чымъ непрымитный; такъ я ему вїрю, що его у допросъ непрыводылы, и я готова за его запрысягты, цилисиньку жменю земли зымъ, що его правда, а не тыхъ сўддивъ, що брешучы попидписовалы. И той такы брехавъ, що за людѣй попысавъ, що бѣдимъ-то за Левкомъ е качества! Люде сего неказалы и нескажуть. Тутъ и спереду брехня, и ззаду брехня, та ще брехня брехню й покрывта. Ось-щд! не во гнивъ сѣе слово вамъ, панове судящи!»

— Ну, што теперь будете дѣлать? пытавъ губернаторь судящихъ. А ти ззырнұлысь, здвыгнулы плечыма и кажутъ: «Якъ вы знаете, а мы вже рипылы».

¹⁾ Прощайте-жь до которого часу. Совр. 1840, XVII, 69.

«Що-жь, що вы рипылы! Глядите лышёнъ, щобъ несогрипылы!» сказавъ имъ губернаторъ. «Вы сего незналы, що вона объявляе; вы смотрилы на бумагы, а въ бумагахъ все гладко. А вона тамъ була и все знае и запрысгяётця, що ёго недопрощувалы. Озьмите дило и переминыть; потрѣбуйте ёго сюда, допросить: по якій нѣжди винъ кравъ»....

— Та я наперѣдъ знаю, казала Ййвга, що винъ на те бравъ, щобъ було намъ на що одружытысь. Такъ тутъ нема нѣякои выны: я батькова, винъ батькивъ и грѣши батьковы. Тутъ просто можна розсудыты, що винъ невыновать, ни за що ёго въ Сыбирь ссылаты. Призовить ёго, допросить, и винъ вамъ скаже, що на те бравъ; отъ вы ёго и видпустить».

Бодай тебѣ, Ййвго, зъ твоєю правдою! Наробыла була сымъ словомъ такого, що троха вся твой праця непропала, бо одынь зъ судящихъ сказавъ, а за нымъ и вси прысталы, каже: «На що-бъ-то ни бравъ, та вже всё бравъ; и хоть-бы у ридного батька бравъ, та безъ спросу, та одбывшы сундукъ, такъ усѣ воръ».

Губернаторъ подумавъ трѣхы, зимьявъ соби чубъ, здыхнувъ и каже: «Такъ, ваша правда. Одначе поплить за нымъ, щобъ ёго привелы, та и допросить. Мѣже, за одно слово можна буде вчепытця, та ёго хоть одъ Сыбири ослобоныты. Напышитъ же, щобъ скорий ёго сюда прысылалы. А ты, дѣвушка, ступай домой и навѣдуйся сюда черезъ недѣлю, чи неприведуть твогѣ жениха». Та й приказавъ тутъ одному панку: «Напышитъ (куды-сь, ужѣ Ййвга невторопала), щобъ ии нетрѣгавъ и необыжавъ нихто. Я одынь ии знаю. А ты, дѣвушка, когда тоби лѣчытця нѣжда или обыда одъ когѣ, смѣлыво прыходъ до мене и просы, чогѣ тоби нада». И пйшѣвъ по своему дѣлу.

Отъ ужѣ незрадовалась Ййвга! И плаче, и регѣчетця, и кыдаецця губернаторови въ ногы, и рѣкы ловыть цыловаты ёму и всимъ судящимъ. Не дѣйшла, а долетела до хазяйки и ту выццеловала, хвалычысь, що ии Левка прыведуть сюды и допрѣсютъ и що, мѣже, непоплють у Сыбирь. Цѣлый дѣнь зъ радощивъ себѣ нетѣмыла.

На дрѣтый дѣнь, вже ничого—спасыби Бѣгу—по горѣ сноваты, прынялась за дѣло: такъ-такъ у неи дило й горыть! Писни... невтыхае, у выгадкахъ та прыкладкахъ незопынитця, такъ що хазяйка кышкы порвѣ зѣ смиху одъ ии баянтрасивъ;

а робѣта за робѣтою такъ и настыгáе: неvspылы одногѣ пошпыты, вже й новá робѣта настыгла. А грѣши видѣ-усюды такъ и сыплютця. А цѣ тыжня збитае такы Ййвга и въ угомонну палáту обѣ Левкѣви справытысь, такъ усѣ немá та й немá. Неблызѣнькый же й свѣтъ пивторáста верствѣвъ пшпыкы ёгѣ довесты!

Разъ якосъ понеслá Ййвга отдаваты робѣту и йдучы улыщею, бáчыть—якасъ проява. Багáцько народу зибралось, биржаныкы стоять и музы́ка грае, такъ цѣ ну! Вона думала, цѣ весыльля, та й пидйшла, цѣбѣ и самйй подывытысь, якъ-то у гѣроди справляють весыльля. Бáчыть—сѣ не весыльля: на переднйй збыржи тройста музы́ка¹⁾, та цѣ и зъ бубнами; на дрѣгйй сыдыть двѣ хорѣшыхъ людѣй и дѣржать пляшкы; а на трѣтйй збыржи сыдыть чоловйкъ у хорѣшому жупáни и шапка на нѣму козáцька, гáрна, шалѣвымъ червѣнымъ платкомъ пидперѣзаный, дрѣгйй на шыи намѣтаный, а трѣтйй у рукахъ и все йимъ утыраѣтця, и пресмертѣлно пъяный, и командѣ, цѣбѣ тй, цѣ на серѣднйй збыржи, та пѣштувалы горылкою и старѣго, и малѣго, и цѣ тѣтъ стоить, и цѣ на-зѣстричь йдѣ, и такы усáкого, усáкого; а цѣ нехѣче пыты, тогѣ лáе на всю улыщею, и на музы́ку знай покрыкуе, цѣбѣ дѣжче грáла; а дитѣй, цѣ за нымъ такъ якъ саранá бижáть, заставляе танцѣваты, а йимъ за тѣ жмѣнями медянычкы и всякы горышкы сыпле, цѣ у шовковѣму платкѣ, повнйсинькый, на краснйй лѣнти на шыи почѣпленый.

Отъ Ййвга дѣвытця на такѣ кумѣдыю и усѣ блыжче просувáетця, цѣбѣ лѣчче надывытысь, бо въ селйй такѣи мѣдрáци непѣбáчышь: на тѣ й гѣродѣ, цѣбѣ дѣрнямъ дѣ булѣ вередѣваты. Отъ, той чоловйкъ, потйшывшы дитѣй, scomáндувавъ: «Мáршь музы́ка дáлшь!» Музы́ка рѣшыла, а народъ и Ййвга за нымы. Идѣтъ поузь хорѣшу хáту,—вйкнѣ, такѣ гáрне, веселѣньке; зáразъ той пъяный чоловйкъ и крычыть: «Стѣй! Хазáинь сѣгѣ вйкнá, цѣ бзъмешъ, якъ я тобй ёгѣ розыбѣю?»

— Та я й цылковѣго нехѣчу; цѣръ тобй, поганйй дáлшь! сказáвъ хазáинь.

«Брѣшешъ, сякый-такый сыну!» та хрáпъ по вйкнѣ, а вонѣ брáзь! и до ѣднои шыбкы такъ и розлетѣлось. Хазáинь

¹⁾ Скрыпка, басъ, цымбалы, I. с. 73.

у крыкъ, а чоловикъ вынявъ красну бумажку, тыкнувъ ёму у руку и каже «Знай, сякый-такый сыну, що волный чоловикъ гуляе».

И що винъ тамъ робывъ, такъ и здуматы того неможна! Идѣ збытеньщыкъ; винъ уставъ та до ёго, та за баклагу; а збытеньщыкъ и дае, бо вже знае, що буде. Отъ-же винъ узавъ, збытень вымывъ, музыци звеливъ графы, а самъ пйшовъ по тому збытневи гоцака выбываты. Порозхлюповавъ, позабрывьковавъ усихъ, давъ збытеньщыкѣви пьять цилковыхъ, пойхавъ далшь кумедыи стрѣиты.

Йивга, идучы промижъ народомъ, стала у людей розпытываты: що се такѣ вонѣ е?

«Та се наёмщыкъ», йй сказаы, «нанявсь у некруты, такъ сѣгодня гуляе и що задумавъ, усѣ робыть и за все плаыты, бо взявъ грошей багачко; завтра-жъ ёму лѣбъ забрыють, такъ поспиае сѣгодня нагулятысь, щобъ було чымъ вѣлю спомьянѣты».

Отъ, наёмщыкъ ставъ и звеливъ своему сватови поиты дитѣй горилкою. Малѣ диты пьютъ, — йимъ и пожалуй! Дали звивъ йихъ на-кулачки и самъ йихъ прыщкѣвуе. Отъ Йивга усѣ до ёго блыжче, усѣ блыжче, усѣ прыглядаетця, усѣ прыдывляетця; дали якъ крыкне: «Тымѣхо!... се мѣй братъ!... що се ты робышь?»

— Гѣ?... хто... тамъ такый?... Та се Йивга, сестра моя! Дѣ ты у гаспыда узялася?... Якого чѣрта тутъ робышь?

«Ты що се зъ собѣю робышь? чы ты тямышь?»

— Сѣгодня тѣлки й тямлю, сѣгодня менѣ вѣля на всѣ, а завтра — «лѣвѣй, правѣй, лѣвѣй, правѣй!» и ставъ по ўлыци маршыроваты, а самъ хытаетця.

«Чы правда-жъ, Тымѣхо, що ты нанявсь у некруты?» пытала ёго Йивга, усѣ прыстаючы и неодхѣючы одъ ёго.

— Правда! Идѣ служыть Богу и государю у православне воинство... выслужусь охвыщѣромъ... и прыйдѣ до васъ...

«На кого-жъ ты бѣтка покынувъ? Чы у своему ты умй!»

— Бѣтка?... тепѣрь мѣжна покынуты; гроши... ёго — помынай якъ звѣлы: пйшлы по пынѣчкамъ та по молодычкамъ. Звивъ Левка... своя вѣля! Вычыстывъ бѣткову скрыню, фить-фить! ажъ гудѣ! тепѣрь у салдаты. Звивъ бы й тебѣ.... Осъ выйды лѣчче за нашего пѣсаря...

«Якъ-то ты зыйвъ Левка? Що се ты кажешъ?»

— Розказаты? немѡжна-бо. Пидцокнѡвъ.... пидвѡвъ.... Сполать, Макѡшченко! Бравый козакъ Тымѡха!

«Якъ-же ты ёгѡ пидвѡвъ? Розкажы менѡ». Сердѡшна дѡ-мала у пьяного вѡпытаты, щѡ и якъ тамъ винъ пидвѡвъ Левка, такъ бо свать ёгѡ, боячысь, щѡбъ сестра неодмѡвила ёгѡ одъ наѡмства и щѡбъ грѡши ёгѡ непропала, зкѡчывъ. повѡвъ ёгѡ до дрѡжокъ, силы и закрычала: «Ступай на волну!» Отъ музыка заграла Дербѡньского маршу, вдарылы въ бѡбны, поѡхалы, тѡлки пыль йихъ покрывъ!

Нарѡдъ посѡнувъ у друге мѡсце, а Йѡвга зосталась якъ опѡчена! Тяжко йѡ та вѡжко стало, щѡ однымъ-одынъ и якый-бы-то ни бѡвъ, та все братъ, покынувъ старѡго бѡтька и йѡде у салдаты! «Щѡсь казавъ, щѡ й бѡтькову скрыню вычыстывъ... мабуть, зовсимъ обикравъ, та и втѡкъ одъ ёгѡ? Та щѡ се винъ каже, щѡ пидвѡвъ Левка и щѡ зыйвъ ёгѡ? Тутъ-бы трѡба ёгѡ вѡпытаты, такъ люде недалы зъ нымъ и слѡва сказаты! Якъ бы ёгѡ зупыныты та до бѡтька видислаты? Такъ щѡ-жь-бо? якъ и бѡтька обибравъ (а безъ мене ёмѡ свой вѡля) и въ хазяина багѡто грѡшей за наѡмъ забравъ, бо бѡць, якъ гуляе? то чымъ мы бѡдемо виддаваты? Що на свити робыты, незнаю! А щѡ? пѡйдѡ до губернатѡра: винъ мѡни порѡду дасть; винъ-же дозвѡлывъ, яка бѡде йѡ нѡжда, прѡмо прыйты и ёмѡ сказаты».

Шатнѡлась, мѡтнѡлась, справила своѡ дѡло и пѡйшла до губернатѡра и вже небоячысь ничѡго, смѡлыво усѡ розказала, якъ бачыла Тымѡху и щѡ винъ йѡ казавъ.

Заразъ губернатѡръ пославъ жандаривъ шукаты Тымѡху, а Йѡвзи звеливъ тѡтъ дожыдаты.

Часивъ черезъ двѡ, везѡтъ раба бѡжого наризаного такъ, щѡ лѡдѡе тѡмыты себѡ. Губернатѡръ постановивъ Йѡвгу за полѡтняну стѡну и каже йѡ: «Слѡшай, щѡ винъ бѡде говорыты»; а ёгѡ звеливъ увѡсты до себѡ.

Тымѡха якъ ни пьяный бувъ, а розчѡхавъ, щѡ винъ передъ вѡлыкымъ лыцѡмъ, ставъ бодрытысь, выпрямлятысь, мѡвь и спражний салдѡтъ, та якъ вытягнетца, гѡлову захылыты, вѡна ёмѡ закрукытыця, то винъ такъ и тѡчытыця.

Губернатѡръ грѡзно на ёгѡ закрычавъ: «Зачымъ ты такѡй пьяной?»

— Эъ волею прощався, ваше про....исходьтелство! Завтра вже неможна буде: завтра скажутъ: «лѡбъ!» смѣливо такой одвить давъ Макушченко.

«За сколько ты нанявсь?»

Тымѡха думавъ-думавъ, хытавсь-хытавсь, засипъ, дали каже: «За триста та ще пятьдесятъ рубливъ».

«А сколько пропывъ?»

— Ще тѣлки пивтора-ста, ваше..... ваше.....

«Уси пропывъ! Чы осталося?»

— Уси рипывъ дѡ-чыста, справной козакъ, ваше про-исходьтелство! Хазяинъ болшъ недае, каже-говѡрыть: «нехай на дорогу». Прикажить, бѡтющка, виддѡтъ уси; я завтра рипу и си двѣсти рубливъ. У служби мени ненужни: буде й жалованья, буде й провянтъ.

«Зачѣмъ ты отъ отцѡ ушѡлъ?»

— Я неушѡлъ, а такъ пашѡлъ. Грѡшей, бѡтющка, не-стѡло, уси вычыстывъ.

«Хто вычыстывъ? ты, чы Левкѡ?»

— Ни, ни..... ни..... Левкѡ—душа святѡ! Я, бѡтющка, ваше..... ваше..... ну, нужды нема! я вытягъ у бѡтка все.

«А Левкѡ крѡвъ дѣньгы?»

— Ни..... нѣ..... никѡлы.....

«Какъ-же еѡ застѡлы надъ одбытымъ сундукѡмъ?»

— Ни..... нѣ..... Я увѣйшѡвъ, свѣтлыця була одѣмкнута, сундукъ..... а тамъ у сундукѡ..... у, грѡшей багѡто!.... Я..... никѡго небудѡ..... я й одбывъ и..... набравъ багѡто, багѡто!.... Та якъ набравъ та й пѣйшѡвъ..... и ставъ бѡтка навѡдыты на скрѣню, що будѡто не я одбывъ..... хотѣвъ на Левкѡ зве-сты..... и привѣвъ бѡтка..... ажъ Левкѡ вже берѣ й собѣ грѡ-ши..... Та вѡнѡ-бъ и ничѡго: въ насъ грѡшей багѡто, я-бъ мѡвчѡвъ, такъ пѣсарь нашъ каже: «Зѣймо Левкѡ, а Йѣвга за мене.....» Отъ ужѣ Левкѡ швѣдко и въ Сѣбирь.....

Губернѡторъ звѣливъ тутъ усѣ зпысѡты, що Тымѡха гѣ-ный розказовавъ, еѡ пѣдъ карауль оддѡтъ, пѡкы Левкѡ при-ведѡтъ, зъ хазяина зыскѡты остѡнни грѡши двѣсти рубливъ, що выненъ Тымѡси, а Йѣвгу одпустѣвъ, сказѡвшы: «Ну, когдѡ еѡ усѣ такъ и на дѣли буде, то мѡлысь Бѡгу, нетужкѣ: мѡ-жетъ, твой Левкѡ и невѣлмы выновѡтъ».

Дякуючы ёго дўже-дўже, пійшла Ёйвга до хазяйкы.

Після сёго незабаромъ, ще Ёйвга тільки разъ и була въ угомонній палати на прбвѣдахъ, чы непрывелы Левка, а про брата ще й недопыталась, де винъ и содържытця, якъ разъ прыбѣгъ до неѣ верхы жандаръ и звелѣвъ якъ мѡжна швѣдче йтѣ до губернатара.

Тѣхнуло въ Ёйвгы въ животѣ..... зибралась, пійшла.

Губернаторъ тільки вздрѣвъ йѣ, и каже: «Ну, прывелы-жъ твоѡ Левка; я ёго бѡду допрѡшувать, а ты станъ тутъ (изновъ такы постановывъ йѣ за полотняну стѣну) и слѡшай, щѡ винъ бѡде розказывать, какъ-то выплутаеця».

Ёйвга заступыла за тѣю стѣну и выглядаетъ въ дѣрочку, якъ вестымуть Левка..... Крыѣ Матеръ Бѡжая!..... Трохы некрыкнула вона, якъ побачыла ёго! Чы винъ, чы невѣнъ, немѡжна й пизнаты! Сухыѣ, блдыѣ, бородѡю зарѣсь, голова уподѡвжъ половына выголена, вже немѡжна тоѡ й назваты сорѡчкою, щѡ на ёму булѡ, та ще й рѣкы въ зализахъ. Плаче, сердешна, тыхенько; тяжко йѣ на такоѡ дывытысь! Якъ-бы йѣ воля, кынулась-бы вона до ёго, попередъ усѡго выциловала-бъ ёго всѡды, дарма, щѡ винъ увесъ у пылу и, мѡже, билшъ мѣсяця якъ умывався; рѣкы-бъ ёму перециловала, а билшъ, де пошморгани залѣзомъ. Такъ отъ-бо губернаторъ ставъ ёго допрѡшуваты и повелѣивавъ усѡ правду, якъ передъ Бѡгомъ, казаты. «Колы», каже: «мени всю правду скажешъ, то хочъ и вынѣ твоѣ якѣ бѡде, то я за правду збавлю тоби пенѣ».

Отъ Левкѡ перехрестывъ и ставъ признаватысь, а Ёйвга-жъ-то, такъ и недыхнѣ, щѡбъ йѣ якоѡ слѡва неутерѣты.

Отъ Левкѡ й розказавъ, якъ вони любылысь изъ Ёйвгою, якыѣ у неѣ батько недѡбрый бувъ до ёго, а Тымѡха якъ гулявъ собѣ, якыѣ злодѣяка бувъ, якъ гонывъ ёго и якъ черезъ ёго старыѣ ще й билшъ сѣрдывъ на Левка; дали й каже: «Якъ ужѣ намъ стѣло не въ моготѣ терпѣты одъ йѣхъ нападкывъ, мы зъ Ёйвгою хотѣлы порадѣтысь, якъ-бы намъ ужѣ швѣдче звѣнчатысь. А въ мене, якѣ булы грѡши, рублѣвъ тамъ зъ пятьдесятъ, та й тѣ попропадалы на людяхъ; отъ я й журывся, и непризнававъ Ёйвзи; та якъ вона стѣла прыставаты, щѡбъ швѣдче звѣнчатысь, отъ и змѡвылысь зѣйтѣсь у батькову свѣтлыцю поговорѣты, клѡчъ видъ неѣ мени далѣ,

а сама кудысь пйшла. Я увйшовъ у свитлыцю и сыжү собі та дүмаю..... ажъ ось чүю, що Тымóха гомоныть у сняхъ и йдѣ до свитлыци... Щó мени тутъ робыты? Застáne менѣ одного,—прычѣпытця, прывьяжетця, щобъ независся бытысь. Втекты вже нукуды: той ужѣ въ сняхъ; побачыть, якъ выхóдытму,—тѣ-жѣ прывьяжетця, зачымъ я тутъ бѣвъ, де ключъ узявъ? Нйчого мени робыты, я й пидлизъ пидъ стѣль.... дывлюсь зъ-пидъ столà, увйшовъ Тымóха, озырнѣвъсь, що нема никóго, у викно заглянувъ — нема никóго..... 'заразъ, узявшы въ куткѣ сокыру, хрѣпъ по замкóви!.... замкóкъ розсыпався. Одчыннѣвъ скрыню, недóвго шарывъ, тѣгне мишóкъ зъ гришмы! Хотивъ увѣсь понесты, роздүмавъсь, мерщй розвьязавъ... и ставъ жмѣнямы тягты грóши, та въ кышеню, та якъ-то поспивавъ, та й порозсыпавъ йихъ чы-трóхы. Тутъ загомннѣвъ старый Макóха, та щось и блызѣнько; Тымóха, мабуть, алякався, шастъ мерщй зъ хаты, а мишóкъ розвьязанный, грóши розсыпани и скрыню видчынѣну такъ и покынувъ. Тылки винъ утйкъ, я, якъ опѣченый, выскочывъ зъ-пидъ столà..... лыхорáдка такъ менѣ й бѣе!.... Гóсподы мылостывый!.... що тутъ мени на-свити робыты? Самъ себѣ нетямлю! Выйты такъ, усѣ покынувши,—хто побачыть, скажутъ на мене и Ййвга подүмае, бо мени вона ключъ видалà..... Подүмавъ собі, пйты заразъ старóму сказаты и прывесты сюды,—Тымóха видбрѣшетця, старый мени неповырыть и на мене падѣ велыка пеня. Зовсымъ бѣду злóдйй. Лүчче попрыбираю, поскладаю усѣ, свитлыцю замкнѣ, Ййвзи скажѣ и порáдымосъ, якъ намъ бáтькови сказаты. Отъ такъ подүмавши, тылки такы що пидйшовъ, боячысь Бóгъ знаѣ якъ, та розсыпани по скрыни цилкóви позбиравъ у жмѣню и хотивъ у мишóкъ зѣспаты и опислѣ зъ доливкы зибраты, якъ тутъ и набйгли!.... и крычатъ, и гвалтѣють.... «Злóдйй Левкó, злóдйй!» Я такъ и змертывѣ! И що вже дáлшь зо мною булò, що вони робылы зо мною, я ничогйсинько незнаю и нетямлю».

— Чы небойсса-жѣ ты, Левкó, Бóга? ажъ крыкнула Ййвга, выбигшы зъ свогò кутка: «чóмъ ты тогдй ще сѣгò мени неказавъ? я-бъ нестраждала такъ, дүмаючы, що ты справди злóдйй!» та зъ сымъ слóвомъ прямо ёмѣ на шыю, такъ и повысла! и плаче, и выцилóвуе ёгò, и регóчетця.... мовъ не въ своёмѣ умй.

«Дё се ты взялась..... моя крышечко?.... моя рыбочко!» нестѣмывшысь и забўвши, дё винь и передь кѣмь винь, та тилки й знае, що прыголубное свою Ййвгу, радесенькый, що вздривь йй тамь и тогда, якъ ни думавь, ни гадавь.

Губернаторь — спасыби ёму — ничого-жь-то й нерозсердывсь, а дѣвлячысь на ныхъ, що якъ голубы голубятця, ажъ сплакнўвь, та одвернўвь одъ ныхъ и ставь платочкомъ слёзы вытираы.

Перша скаменўлась Ййвга, та до губернатора: «Неположить», каже: «ваше проыходытелство (бо вже розпытала, жывучы у гóроди, якъ ёго вельчаты), неположить гниву, що мы пры вашому лыци такъ осмылылись..... Ей-же-то-Бóгу! я така рада, така рада!—одно те, що побачыла ёго, а друге, що винь зовсимь не злодй!— що забўла и вась, и себе не почувствовала».

— Ничевó, ничевó, голубушка! казавь губернаторь: «я й самь радъ, що винь невыновать..... Но правду-лы ты говорышь?»

«Ей-Бóгу правда, ей-Бóгу правда!....» перебыла ёго Ййвга, уступаючысь за Левка: «Сё такы такъ усё й було! Уже Левко небўде брехаты.....»

— Правда, судырю, добродию! сказавь Левко, нызенько поклонывшысь: «Чы мбжна, щобъ я передь вашимъ лыцемъ, що вы ё у насъ видь самго Царя постановлени, та щобъ я осмыльвсь и подуматы яку брехню абд неправду сказаы! Правда, ёменно правда!»

«Харашó!» сказавь губернаторь. «Зачымъ-же ты передь справнымкомъ прызнавсь, што ты краль денгы, и передь судомъ такъ сказаь?»

— Набрехано ваше высдко.....губернаторство, усё набрехано! Я ни справныка и никóго зъ судящихъ, що то ё, и въ вичи небачывь и якы воны ё на тварь, и незнаю, зовсимь незнаю. И въ суди ногá моя небула. Я-жь кажю: нетямлю собй и незнаю, якъ я опынывсь у холóдний, у нашйй такы волосты, и тамь троха непропавь, ни йившы, ни пывшы. Менё нихтò непытавь и я никóго небачывь; такъ менё схопылы и звязаного повелы у гóродь та прямисинько у острóгъ. Тамь я безвыходно й сыдывь, и въ суди ни разу небўвь. Адже пысарь менё и препровождавь до гóрода; винь усё знае; нехай и винь скаже.....

«Нү вже той скаже!» перехопыла Ййвга: «винь наговорыть на верби груши! Та винь, ваше происходытелство, радь Левка живого зыйсты, бо хоче, щобь я замисць Левка та пйшла за ёго! Нехай соби и въ головѣ сёго непокладае! Дүля ёму пидь нись, оть-що!»

— Харашо, мужычокъ! сказавъ губернаторъ: «скажешь ты такъ и въ сүди, и въ глаза справныку и сүдягь, що вонь тебе недопршувалы и що ты йихъ невыдавь?»

«Скажү, у вичи скажү, ваше..... якъ-бо ты, Ййвго, велычаешь?»

— Та происходытелство, кажы!

«Такъ-такъ, ваше..... оть якъ Ййвга каже; скажү и небоюсь ничога, бо ёменно правда моя!»

— Ну, сказавъ послѣ губернаторъ: «ступайте-жь. Ты, дёвушка, домой, а ёго розкуйте и одведить покүда до завтрёго у полицію. Завтра зь тебе у палати допрось знимуть и когда ты правду говоришь, такъ ты, дёвушка, тамъ своего жениха полүчышь на свой рүкы».

Такъ и брызнула она губернаторови до нигъ, а за нею й Левко. Хочь той йихъ пиднимавъ, хочь и гризно прыказувавъ устаты, такъ-такы нй: лежать та ногы цилүють, слизмы облывають, та все дякують, дякують, та Бога молятъ, що неначе йихъ на свитъ зновъ породывъ.

Вже Ййвга недала никому розкóвуваты Левка, сама зняла зализо и одпровядыла Левка и до полиціи, та такы и напросылась и сама тутъ сыднты зь Левкомъ. И вже некажы, щобь вонь спалы: усё одынъ одному розказовалы, якъ страждали, Левко безь людёй, а Ййвга мижь людьмы; винь, що никому було за ёго заступытысь и порадү даты, а она, що якъ на неи нападалы, и про всяку свою бидү розказала.

Уранци привелы Левка въ палату; прыйшла й Ййвга за нымъ, ажъ тамъ ужё й Тымóха, та вже пидь караүломъ, и за нымъ салдаты зь рүжжамы. Левко на допрси все якъ учора говорывъ (бо такъ вонё й було), такъ и тутъ сказавъ; а Тымóха вже протверезывся, хотывъ бувъ повернуты у Брехунівку, такъ увизвалы Ййвгу, такъ та ёму заразы бакы й забыла и змишала ёго, що повынывся у всему, якъ губернаторови казавъ. Отъ ёго почалы ще бйльшь выпытоваты, такъ

*

винь йимъ усё й розказавъ, що винъ дуже подружывъ зъ йихъ такы пьсаремъ, що той хоче взяты за себе ййвгу, такъ тымъ и топывъ усюды Левка: пидвйвъ справныка, щобъ недопръшувавъ Левка; чы звелылы ще, чы нй, а пьсарь и одпровадывъ Левка у острогъ; а въ судахъ пидсыпавъ добре, щобъ попысали такй допросы, якй пьсаревй хотылось, и хочъ судящи ёгò й въ вичи небачылы, а попидпысовалы, що йимъ пидложылы; бо воны на те судящи, щобъ пидпысоваты, а на те секретарй, щобъ пысаты, якъ йимъ хочетця. От-такъ-то Тымòха й позабрызьковавъ усйхъ, хтò що робывъ, хто й неробывъ чогò! Поспысовалы-жъ усё тутъ, що тйлки Тымòха казавъ и одослалы ёгò у острогъ, а Левка одпустылы, щобъ куды хотывъ, ййшовъ собй.

Тйлки що ййвга зъ Левкòмъ радылысь, якъ-бы-то йимъ до-дòму дйты и якъ пиднятысь на новè господарство, ажъ и прыбйгъ жандаръ и поклыкавъ йихъ до губернатòра. Пййшы воны, ничòго небоячысь, и увййшы прямйсынько до ёго. Отъ губернатòрь и каже ййвзи: «Ну, ты настояща козырь-дивка; вьхлопотала такы свогò женыхá, ослобоньла ёгò зъ Сыбйри! Вотъ тобй двйсти рублèй. Се одъ тогò хазяина, що нанавъ твòгò брата въ рекруты. Вйнъ тепèрь бóде салдатъ, ёму денгы ненужны; а якъ винъ обокравъ твòгò отца, такъ ты йихъ озмы на твою свáдьбу».

— Ни, вáше проыходытелство, нетакъ. Якъ-такы менй братову кровъ пыты? Винъ продавъ свою вòлю, а я щобъ на ти грòши справляла весйлья! Немòжна сèгò. Нехáй сй грòши братовй, ёму у ныхъ нужда бóде. Такъ сказала ййвга, клáняючысь та прòсочы губернатòра.

«Чымъ-же ты одбóдешъ свáдьбу и чымъ жытынешъ?» пытавъ губернатòрь.

— Весйлья въ насъ бóде сыртыське: безъ подáркивъ и чáрки горилкы, а замйсьць короваю, хлыбъ святый роздымо. А жыты якъ? Трòшки потèрпымо нужду, та бóдемо робыты, старáтысь, та господарèваты, то Бòгъ намъ и пòшле, що намъ трéба».

Такъ казала ййвга, а Левкò за нею, поклоняючысь, казавъ: «Бóдемо робыты, то й зарòбымо, вáше..... отъ якъ ййвга васъ велычае».

«Когда-жь такъ, такъ вотъ какъ!» сказавъ губернаторъ и пѣшбѣвъ до своихъ гостей, що ихъ тамъ, у другихъ горныцяхъ, сыла-сылою була, и незабаромъ вернѣвъ и заразъ до Йивгы й каже: «Отъ тоби трыста и двадцять рублѣй господѣ надавалы; озьмы соби на свѣдѣбу».

— Нй, вже сѣго небуде, ваше происходѣтельство! Нехочу и неозьмѣ, казала Йивга укланяючысь.

«Зачѣмъ неозьмешъ?» пытавъ губернаторъ.

— Затѣмъ, що неозьмѣ, казала Йивга. «Якъ сѣ такы мѣжна? У нашому селѣ усѣ знають, що я жыла у губернии и вернѣлась изъ такымы гришмы, що чоловікъ и въ годъ ихъ незарѣбыть, а я, соби дѣвка, дѣ ихъ узала? Та така слава пѣйде про мене, що й невидхрыстыся и невидбѣжыся! Такого навывадують, чоґо зъ роду й на дѣмци небуло, и небуде, и рѣдъ ихъ недыжде!»

«Возьмы, дѣра», ще такы казавъ губернаторъ. «Ты замужъ йдѣшъ; што за нѣжда, што про тебе бѣдуть говорѣть?»

— Та вже якъ хочете», казала Йивга: «хочъ я по-вашому й дѣра, хочъ якѣ хочете щѣ ймѣнныя прыкладайте, я неозьмѣ, ей-же-Бѣгу, неозьмѣ, хочъ менѣ ихъ грѣшей давайте, бо менѣ добра слава мылѣшъ усѣго. Що замѣжъ йдѣ, такъ ужѣ-бѣ-то менѣ и нетрѣба дѣброи славы? Незнаю! и малы дѣты кыркатымутъ на мене, почѣвшы, що хочъ недѣвго жыла у городѣ, та такѣ велѣку сѣму прынесла! Й зарѣбыты прѣсто немѣжна, а нхтѣ неповѣрыть, щобъ панѣ безъ усѣго надавалы. Соромъ бѣде и на людѣй дывѣтысь!»

«Ай, козырь-дѣвка!» ажъ скрыкнувъ губернаторъ. «Правда, правда твоя; ты умно розсудѣла: людѣ вездѣ одынакови, и по городѣмъ и по сѣламъ, и мѣжъ вамѣ и мѣжъ намѣ. Ну, а женыхѣ твоему мѣжна отдѣть дѣнѣгы?»

— Якъ вы знаете и якъ винъ знаѣ, сказала Йивга: «ще я ѣмѣ не жонѣ, неможѣ надѣ нымъ командоваты».

«Ну, такъ я ѣмѣ ихъ и отдѣмъ», сказавъ губернаторъ. «Винъ ѣзме за тѣ, що потерпѣвъ, сѣдючи у остроѣзи. Тепѣрь ты ступай собѣ домѣй, а винъ тѣтъ останетця, и пойде зъ чыновныкомъ докѣзавать у глазѣ тымъ сѣдѣямъ, що зъ ѣго допрѣсу незнимѣлы. Прощѣй, козырь-дѣвка!»

— Прощайте, ваше происхождение! сказала Йивга. «Благословить-же меня у плюбъ уступаючи: вы меня и батько, и отецъ, и благодитель! Безъ вашей мѣлости, пропавъ-бы Левкѣ зовсімъ, а безъ его, пропала-бъ и я». Та, сѣе кажучы, поклонѣлась губернаторови трычи въ нѣгы, якъ законъ велѣть передъ весильямъ, и поцѣловала его руку и одхѣячы сказала: «Зоставайте же здоровеньки! нехай вамъ Богъ видѣсть за всё те добре, що вы намъ зробылы! Дай Боже, щобъ ни вамъ, ни диточкамъ вашимъ нелучылось такы напасты терпыты, и щобъ зъ роду незналы судящихъ!» Такъ, усѣ молячы Бога, и пѣшла зъ Левкомъ.

Порядывшысь обо всѣмъ зъ Левкомъ, що теперъ трѣба робыты, узяла въ его часточку грѣшей, заплатила хазѣйци, хочъ та й зовсімъ нехотѣла ничѣго браты, наняла собѣ пидводу и поѣхала до-дому.

Застала батька зовсімъ немощного: зъ журбы трѣхы не пропавъ, що й дочка его покынула, и сынъ обикравъ и втѣкъ, и нечѣты его зовсімъ. Она розказала, дѣ була, якъ поворѣчувалась, якъ братикъ хорѣшый хотѣвъ зѣйѣсты Левкѣ и якъ она тамъ бѣдкалась та старалась, и якъ ослобонѣла Левкѣ, и що Тымѣха вже зовсімъ пропавъ, и якъ нанявся...

«Дурневи туды й дорога!» сказавъ батько. «Я и самъ дѣмавъ, дѣ обзовѣтця, щобъ его такы видѣть у салдаты. Не хай ему Богъ помагѣ!»

Йивга розказала, зачѣмъ ще Левкѣ непрыйхавъ и якъ она зъ нымъ обо всѣмъ порадылась. «А вы», каже: «тату, неговорить про Левкѣ никѣму ничѣго, бѣцѣмъ и чѣтки про его нема».

— Добре, дѣты! сказавъ батько: «робить, що знаѣте, абы-бъ коло мене булы, щобъ булѣ кому мене пры смѣрты доглядиты».

Ажъ ось у вѣчери лѣзе панъ пѣсаръ зъ старостамы до старого Макухы, сѣ-бъ-то за Йивгу рушныкы браты. Пѣсаръ попередъ усѣхъ и каже, що вже Левкѣ зовсімъ пропавъ. Запалы его и помчѣлы швидшъ у губерныю, та тамъ катѣга его кнутѣмъ бѣвъ, а дали й на каторгу послалы, и вже обѣсѣмъ и бумага прыйшла; та розвернувъ якусь бумагу и чытѣе замѣсць лепѣрта. А дали й ставъ казѣты, що вже Йивзи безъ

Левка ні-за-кого бйльшэ йты, тилки за ёго, такъ от-сэ винъ прыйшовъ за рушныкѣмы, и щобъ у неділю и весілыя....

«А дзускы, поганый!» обизвѣалась Ййвга зъ кимнѣты, та ажъ выскочыла у велыку хату, та до пысаря: «Вонъ, бездѣлныку, зъ нашой хаты! Я такѣму ледѣцу, нетылки дѣброго слѣва, и гарбузѣ недѣамъ! Пожывѣшъ и сѣмъ, напывшысь людскѣи крѣвы, що нассѣвъ зъ людѣй, пѣявка проклѣта! А вамъ, людѣ дѣбри, хочъ-бы вы старосты, хочъ-бы вы й хтѣ, одно слѣво кажѣ: и неговоритъ законныхъ ричѣй, йдѣть чѣстю зъ нашой хаты; а ось якъ зѣразъ непійдете, погашѣ свѣтло, вылазѣте тогдѣ помѣцкы зъ хаты, мовъ злѣдѣи; и безчѣстя вамъ незаплатѣ и всѣуды розказоватыму»¹⁾).

Ничѣго старостѣмъ робыты, мерщій за шапкы та за палычкы, та мерщій зъ пѣномъ пысаремъ зъ хаты! Закывѣалы пѣятѣмы, скылки выдѣно!

У рѣнци пысарь до головы й пидлизъ зъ хытрошамы, нерозказуючы ничѣго, якый ёмѣ бѣшкетъ Макѣхивна Ййвга зробыла, та й каже: «Пѣне голова! Трохымъ Макѣха старъ чоловикъ, прыймытъ пійшовъ на кѣторгу, сынъ у бигѣхъ; ёмѣ-бъ дѣты льѣгѣту: почалы людѣ знѣсыты общѣственѣне, а ёгѣ-бъ, по старѣсты литъ и по одынѣчѣству, помыловаты на сей годъ, чы неспѣмѣжетця на тѣй?»

— Щѣ се ты менѣ пидводышъ? грѣмнувъ на ёго голова: «чы ты знѣешъ, що я нелюблю неправды? Я вамъ не Явдокѣмъ, прѣжній голова, що вы зъ-за ёго, що хотылы тутъ, и робылы по вѣлѣсты! Я хѣчу сѣмъ усѣмъ комѣндоваты, а не черезъ васъ, пысаривъ. Зѣразъ озѣмы людѣй и нападѣ мѣкрымъ рѣднѣмъ на старѣго Макѣху, щобъ усѣо недѣбѣмку зѣразъ знисъ. Немѣ, скаже, грѣшей,—беры всю худѣбу, грѣбъ, розорѣй, продавай, самѣго тягнѣ въ холѣдну, облый водѣю, нехай мѣкне.....»

«А дочкѣ на господѣрѣствѣ остѣвыты?» пытѣвсь пысарь хытро, знѣавшы натѣру свѣгѣ головы.

— Осъ я тобѣ дамъ zostѣвыты! Я вамъ не Явдокѣмъ, щобъ вы по-свѣѣму робылы. Робы по-мѣѣму: озѣмы, тягнѣ й

¹⁾ Прим. авт. Самый оскорбительный жениху отказ на предложенное сватовство; но если такъ поступлено съ женихомъ или сватами, заслуживающими уваженія, то, по принесенной обиженными жалѣбѣ начальству, оскорбившіе присуждаются мѣромъ заплатить безчѣстье. I. с. 93.

ій; плахты, намыста продай; нестане, — кóсы обрйжъ та продай. Я ій дамъ, щобъ незалобігала першъ до пысаривъ. Не хай знае, що я голова!

Пысареви тогò й трéба булò; нахватавъ понятыхъ, циновщыкывъ, стороживъ! Набиглы хмáроу до Маку́хы: заразы-бы-то й скрыни розбиваты, и худòбу продаваты..... Такъ-бо Ййвга заразы и одсыпала грòши, скылки казавъ пысарь; и на щò вже винъ тамъ нетрéбовавъ, и на дорòгы, и на мосты, и на караульныхъ, и на свитло у холòдну; усé-усé Ййвга оплатыла, такъ що пысареви ничого булò робыты, тязки, почухавшы потыльцо, йты до-дòму зъ своимъ прычетомъ.

Упòравшысь изъ пысаремъ и знаючы, що вже ничого боытысь, Ййвга, бачучы, що вже недиленька блызько, давай поратысь: хаты помазала, столы, лавкы позмывала; штыцю купе, бо своєи вже дасть Богъ: Тымòха нагосподарювавъ! рйже, патрае, лòвшыну крышыть, палыныци вчынае. Горыть дило! У пьятныцю убралась, пйшла людєй прохаты: тогò дружкомъ, тогò пиддружымъ, тыхъ у старосты, тыхъ у боыре; напросыла свашòкъ, свитылòкъ, батькывъ, порядчыкывъ и всякого нарòду, якòго трéба на весылья, и у почòтъ, и до порядку. Хто ни спытае, за кòго вона йдє? «За Левка» — одынъ одыть.

— Та дє-жє ёгò взыты? ёгò вже повелы на каторгу?

«Та вже-жє, що буде, то й буде; а вже вы, дядьку, абò титко, невидказуйтесь, услужите сыроты».

Здыгнуть плечыма, а соби сміютця та думаютъ: «Чы неодурыла наша Ййвга зъ велького рòзуму? Збираетця на весылья, а женыхъ тамъ, де кòзамъ рòгы правляють! Побачымо, якый зъ сєго пыва мєдъ буде».

У субòту зибрала Ййвга коровайныць: бгають коровай, писєнь спиваютъ, пышкы липлять, а тисто по пазухамъ крадутъ; скрышыкы грають, дружкò поштуе, старый Маку́ха порадокъ дає, а самъ, хочъ хто ёгò й пытае, ничычыркъ, мовчыть. Отъ якъ усє готòво, жинкы поблагословылысь и сталы коровай липыты: у подòшву положылы вивса та грывню грòшей, а звєрху почалы накладаты пышкы, а тамъ черезъ увєсь положылы велькый хрєсть, а повєрхъ усєго все уточкы, уточкы, зъ тиста мудро налиплены. Якъ пичъ ужє поспыла, отъ коровай посадылы на лопату, дружкò й почавъ:

«Господы Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!»

— Амѣнь тому слову! крѣкнулы старосты.

«Спасыби за амѣнь».

— Старосты, паны пидстаросты!

«А мы рады слухаты».

— Благословить сей чесный и важный хлѣбъ у пѣчь посадыты!

«Боже благословы!»

— У друкый разъ.

«Боже благословы!»

— У третій разъ.

«Трычи разомъ, Боже благословы!»

Заразъ дружкѣ и шурхнѣвъ ёго у пѣчь, и затулылы; дви молодыци, такы, що вже знѣлы и слово, и що якъ у якому разѣ треба, силы коло пѣчи и пылновѣлы, щобъ нхтѣ й не пидхѣдывъ, и недывѣвсь пылно на пѣчь, а колы що, такъ заразъ и видговѣрювалы собѣ ныщечкомъ и сплѣвувалы черезъ плечѣ.

А дружкѣ, взѣвшы тѣю дижѣ, що вчынялы коровай, та й прылипывъ у середыни чотыри свѣчечкы восковыхъ, и позасвѣчовавъ йихъ, и накрывъ дижѣ крышкою; та взѣвшы зъ пиддрукымъ ти дви молодыци, якы знѣлы, що до чо́го, хрестъ на-хрестъ дижѣ, та й стали середъ хѣты, пидъ свѣлокомъ, и стали дижѣ носыты, спиваючы:

«Ой, пѣчь стойть на стовпѣхъ,

Дижѣ нѣсять на рукахъ.

Пѣче-жъ наша, пѣче,

Спечѣ намъ коровай кгрѣче!»

та й бѣють дижѣ трычи объ свѣлокъ, та й поцилѣютця промижъ собѣю, пара зъ парѣю; та трычи такъ робылы, а дѣлы й стали поштуватись; а музыка знай грае. А народѣ-жъ-то, народѣ! повенъ двѣрь и у вѣкна такъ и лѣзуть. Эгѣ, та хочъ и порядкѣютъ, хочъ и горѣлочкы нецѣраютця, що скрызъ усимъ пидносыють та частѣютъ, а все-такы надъ Йивгою смѣютця, що за ко́го вона ийдѣ? Чо́го вона такъ мордѣетця зъ сымъ весѣллямъ, колы молодого нема, та дѣ ёму й бѣты, колы вже винъ дѣси у самѣй Сибѣри! Та й самы дружечкы, що бѣгають за Йивгою по ўлыци та спивають весѣльныхъ писенѣкъ,

такъ тѣтъ приспѣвуютъ до Левкѣ, а промижъ себѣ тыхѣнько сміютця. Бѣншый зостричаѣтця, пытаѣ зъ хвоста: «Хыбѣ-жѣ молодой прыйихавъ?» — «Та ни! се такъ щось бѣде!» зарегочутця, та й пидбигають за друзьками.

Вздрывъ-же й панъ пѣсарь Ййвгу, що якъ краля йде попередъ дружечокъ зъ роспущеною косою, бо сыротѣ безъ матери, заквиччана та убрана, такъ, що нѣ! Уздрывъ — и ёго такъ и взяло за печинкы! Заразъ и надумавъ, якый-бы-то бѣшкетъ Ййвзи зробыты, що такы чы непйде вона за ёго? Пидвернувся до пана головы, — знавъ, зъ якдог кинця зайты, — а той заразъ и крыкнувъ: «Незаступайся за Макуху! Я знаю, що Левко втыкъ, а вони ёго ховають. Йды, перетрусы все, колы-же нема, беры и старого, и дочку, пры йихъ у холѣдну. Я вамъ не Явдокымъ; я люблю, щобъ по-моѣму робылось, а не по-вашому!»

Вернулась Ййвга зъ дружечками; ѳтъ-бы вже лагодытысь и на посадь сидаты, бо зовсімъ ужѣ вѣбралысь, такъ-бо молодого нема! Уси люде зыраютця, сміютця нышкомъ, щѣ зъ того бѣде, а Ййвзи й нѣжды мало: проворнѣнька, веселѣнька, скрызъ мотаѣтця, сюды зазырнѣ, туды загляне и збираѣтця дружечокъ усѣжоваты. Ажъ шѣсть! панъ пѣсарь зъ командою: «Дѣ вашъ Левко мандрованый?»

Ййвга веселѣнька, пидбигла до ёго быстрѣнько и каже: «Нетурбуйтесь, пане пѣсарю, винъ заразъ бѣде. Прѣсымо на хлѣбъ-на сѣль и на весѣлля!»

— Вы передѣржанци! ревнѣвъ пѣсарь: «вы передѣржете бѣглыхъ? Дѣсяцьки! шукайте скрызъ, выкыдайте усѣ на улѣцю, бѣйте, ламайте, шарте всѣоды, пѣкы знайдете злодѣяку. А затымъ берить старого, тащѣтъ ёго до правлѣныя зъ дивкою, обирвѣтъ зъ неи и квиткы, и лѣнты; вона рѣштѣнтка, пѣкы знайдѣтця Левко!»

«Та ѳсь-де я й знайшѣвся, нешукайте!» обивѣвъсь хто-сь за пѣсаремъ. Зыркѣ! ажъ то Левко!... Левко, такы самъ, гарный та бравый: у мищѣнскѣй свѣты, пѣясомъ каламаѣковымъ пидперѣзаный, шапка высока, зъ червѣнымъ вѣрхомъ и зъ сѣрою окѣлыцею, и за пѣясомъ ужѣ й хѣстка червѣна шовкова, зъ велыкымы квитками; такѣи по сѣламъ невѣдно. Ставъ передъ пѣсаремъ, узѣвшысь у бѣкы, и каже: «А на-що я вамъ, пане пѣсарю? Ось-ѳсь де я!»

— Бер.... бер.... бер.....рритъ ёгò! лѣдвѣ промòвывъ слово пѣсарь, зжахнѹвшысь, що той Левкò, про кòго винь дѹмавъ, що вже давнò у Сыбѣри, а винь тутъ и ё передь нымь: «беррритъ», каже: «ёгò, та въ колòду! Винь воряга, злодѣйка, шыбеныкъ, утѣкъ изь Сыбѣри!»

«Врѣшъ, бездѣльныкъ!» закрычавъ за нымь..... хтò-жь-то? пань, одь самòго губернатòра..... «Озмить ёгò подь караулъ!» Потаскалы раба бòжого самòго у тѹ ямѹ, що копавъ для дрѹгого! Такъ-то вонò буває!

Заразь пань ставъ розпрòшувать про Левкà. Усѣ-жь-то у одынъ гòлосъ сказады, що нема за нымь ни òдного качества, и що вонь й тогдѣ пѣсарю такъ говорылы, а щò винь пѣсавъ, вонь незнають. Та щò тутъ довго розказоваты? Бывивъ у сѣмѹ дѣли вси кинцѣ, якъ пѣсарь плутовавъ и тѹтъ, и по судамъ зь секретарямы. Дойшлò й до тòго, якъ и вòлосць обдыравъ зь-за головы; немынѹлося й голови, що ничòго незнавъ, а пѣсарь йимъ орудовавъ, а винь усѣ тѣлки крычавъ: «Я вамъ не Явдокымъ, прѣжнѣй голова!» а такы бувъ занѹзданыи пѣсаремъ дòбре.

Швиденько пань упòравсь и, попроцавшысь, казавъ Левкòви и Йивзи: «Начынайте тепѣрь свою свàдбу, а я пойду въ гòродъ, приймѹсь за судящихъ», и пойхавъ.

Заразь уродылось и весѣлля: дружечкы заспывалы, скрипкы заграды, пѣйшлы чаркы по дòбрымъ людямъ, пѣють по пòвнѣй, тѣлки знай чаркы на-лобъ перекидыають, та знай дывѹютця, якъ Йивга у губерныи мижь панамы та передь самѣсинькымъ губернатòромъ поворòчувалась, та старалась обь Левкòви и якъ такы выкрутыла ёгò зь биды. Старый Макѹха, сѣдючы на полѹ, знай людямъ усѣ розказовавъ, а ти тѣлки цòкають, та усѣ-жь-то у одынъ гòлосъ прыговòрюють: «Отъ козырь-дивка, такъ-такъ!»

А зàвтра-жь-то увѣсь почòтъ у прехорòшыхъ подàркахъ звинчàлы напыхъ молодѣхъ, та якъ учѣстылы весѣлля, такъ нѹ! Тры дни такъ дòбре пылы, що ни хтò такъ и незнае; и наряжалысь, хто журавлѣмъ, хто ведмѣдемъ, хто жыдѣвкою, булы й цыганкы, и тѹркы и усякымъ нарòдомъ переряжувалысь, усѣ зь радошывъ, що козырь-дивка взяла своѣ. Пѣйшла одь усѣхъ «козырь-дивка». А що вже обдаровалы молодѣхъ, таеъ гай, гай! Дружкò ажъ охрыпъ мекекѣкаючы, та хрѹкаючы, та ревучы усякою скотыною, що молодымъ даровалы.

Немынулося-жъ и секретарѣмъ, що бра́лы зъ пѣсаря грѣшнѣ, та Левкѣвѣ дѣло вертѣлы, якъ хотѣлы. Досталося одъ губернатора и справныку и всимъ судѣщымъ, що все здавалося на секретарѣвѣ, дѣла нехотѣлы знати, а підписовалы тѣ, що йимъ подавали. Видрыгну́лысь и самому судѣдѣ бублычкы, що тѣлки йихъ пхавъ у пѣлку, а хто страждавъ, такъ винъ того й знати нехотѣвъ. Пѣсарь першь слухавъ зъ холѣднои, якъ дѣбри люде гулялы на весѣльи, та ажъ пѣтлы собѣ рвавъ, що не ёму досталась козырь-дивка, а дали пѣшпѣвъ у ту доро́гу, куды мавъ запровадыты Левка, такы прѣмѣсинько у Сыбѣрь. Го́лову зминѣлы, щобъ небрышкавъ, що «ось мѣ-то! Я вамъ не Явдокѣмъ!» а самъ ничогѣсинько до ладѣ невмѣвъ розпорядковати.

А наші молодѣ пѣшпѣлы жыты выбрыкуючы! Йѣвга й тутъ мѣдро зробыла: що панѣ у гѣроди грѣшей йимъ надавали, вона на весѣльѣ недалѣ всѣхъ прогуляты; а якъ одпылы весѣльѣ, вона й прынялась знѣвъ изъ Левкѣмъ за господа́рство: стали знѣвъ до ныхъ люде зайизжати, завелась усячына и пѣшпѣло у ныхъ дѣже гараздѣ. И старѣму Макуси дѣже дѣбре було: ёго и почытовалы и шановалы по-старосвѣтськы и всѣго, чого забажѣе, усѣ ёму й ё. А Йѣвга, вже вона й замужемъ, вже вона й молодѣця, вже и дитѣчѣкъ навѣдыла, а въ людѣй усѣ вона козырь-дивка!

VIII.

СЕРДЕШНА ОРСАНА.

(Любий мой жинци Анни Григорівни К витка.)

СЕРДЕШНА ОКСАНА *).

Нема́ на-свити ничо́го лу́ччого и Бо́гу мылішого, якъ сёрце ма́тери до своїхъ диточо́къ! Скільки-бъ їхъ у неї ни бу́ло, чы де́сяткомъ Бо́гъ благослови́въ, чы тїлки однімъ-однó; для неїи рївни, жодного лю́бити, усіхъ рївно пестує, за уся́кимъ рївно вбыва́етця. Дев'ять здоровеньки край неїи, потиша́ють їй, а однó морщитця, кі́сне, недуже; вже вона́ за нымъ вбыва́етця, тужыть, вже и бойитця, що-бъ ще дужче незанедужало, або щобъ—нехай́ Бо́гъ боронити!—що-бъ ще и невмерло! Вона́ їхъ обмыва́, обпа́трює, обшыва́, зодяга́, и никóлыжъ-то невто́мытця, никóлы непоску́ча зъ ными, и уся́ка робóта на диточо́къ їй неваж́ка. Колы́ зъ дитей́ є якé шаливлїве, неслухня́не, то ба́тько—якъ ба́тько—грымне на тако́го, скубне́, щы́пки дасть, попибье́; а ма́ты—якъ ма́ты! Вона́ почне́ єго́ уговóрювати, пестовати: «Неробы́ такъ, сыночку! неходы́ туды́, голубчыку! Такъ негара́здъ. Ты́ мени́ досажда́ешъ. Я, гля́дючы на тебе́, частисенько́ плачу́, та думаю́: колы́бъ-то винъ́ зхамену́вся, та покыну́въ такé робы́ты, та слухавъ-бы ба́тькового́ вчєння́, та пожалковавъ бы мойихъ слизочо́къ; то ще́ зъ нє́го бу́въ бы чоловї́къ, ще-бъ я дождала́ на ста́росты́ ра́дуватися́, гля́дючы на нє́го».

Нехай́ же теперъ́ уся́къ про се́бе згада́—бо хтó небу́въ зъ мо́лоду́ шаловлївы́й?—видь чо́го билшъ́ жа́ль ви́зьме? Чы видь ба́тьковихъ́ скубо́къ, або хочъ́ и пужкы́, чы видь ма́терыного́ голублє́ння? А ще́ якъ яка́ ча́сомъ заплаче́? такъ—Госпо́ды мы́лостывый! Уси́ па́косты́ покы́нешъ, и на вечернї́ци зъ мїся́ць ненави́даешся́, и зрбы́шъ за трє́хъ. Щò то ма́ты! Святе́ дїло! Госпо́дь мы́лосєрдный́, якъ є́ Винъ́ на не-

*) Первое изд. въ „Ластівка“. Сочинєнія на малоросїйскомъ языкѣ. Собралъ Е. Гребенка. Спб. 1841; второе—Повїсті Григорія Квітки. Изд. П. А. Кулїшъ, Спб. 1858.

бесахъ, такъ замисць себе, давъ намъ на земли родытеливъ: батько—щобъ навчавъ та до розуму доводывъ; а щобъ чоловікъ молодый зъ дурю незатужывъ, та незбывся зъ панталыку, такъ тутъ маты зъ такою любовью, якъ е Самъ Господъ мылосердный до насъ грешныхъ.

Ось протывъ-чого я трѣшки закынувъ про матерынське сердце и дѣшу.

Була удова, Векла Ведмедыха, и щѣ-то жінка: на усѣ село! розумна, розсудлива, богобоязна и чесного роду. Було и самъ голова частисинько до неї за порадю и вона такой совить добрый дасть, що нетилки голова, та и усї старыкы такъ непрядумають, якъ вона скаже, и усѣ гараздъ буде по їй. Сама-жь було неходить до волосты и никѣлы нерозпытуе, чого и за чымъ зибралася громада? їй и нѣжды мало ни до чого. Прыйдѣ-жь до неї за порадю объ якимъ хочешъ дѣли, такъ-такъ! Вже добре навчыть. Тяжко розумна була!

Була собѣ и замѣжненька. Була въ неї земелька, скотынка, бувъ и витрячокъ, та якъ зосталася удовою, та и пороздавала усѣ: землю на скипщину, витрякъ зъ мѣрки, та усѣ чеснымъ, богобоязнымъ людемъ, щобъ незобыждали їй и щобъ у зрокъ знѣсылы що трѣба. Скотынку попрѣдала и стала собѣ зъ копѣйки жыты.

Вжѣ їй Охримъ вмѣрь, а тутъ стала ревѣзѣя. Отъ, пѣсля Сѣмена, пишла вона до волосты, почувшы, що громада зибралася. Отъ увишедшы вона, помолылась Бѣгу, поклонылась голови, и усимъ, якъ довгъ велыть, и стала казаты: «А щѣ, пане голова, и вы, панѣве громада! Отъ вже и Сѣмена прѣйшло, Покровы святѣи швѣдко дѣждемся, а десятныкъ до мене ни разу незаходывъ и незагадававъ объ подѣшнимъ».

— Та дже твѣй Охримъ вже вмѣрь? казавъ голова.

«И состоитъ исключѣннымъ изъ ревѣзскихъ сказокъ и зъ общественныхъ вѣдомостей», пидхопывъ пысарь, мотнѣвши патламы, и покынувъ пысаты.

— Та знаю, що вмѣрь» казала Векла «и стоитъ заключѣннымъ у вѣдомосты, якъ панъ пысарь по пысьменному каже. Та я-такы усѣ хочу за мого Охрима платыты, ажъ пѣкы жыва буду. Спасыби Бѣгу, менѣ е зъ чого знѣсыты и буде веселишь, що я за дѣшу Охрима, нехай царствѣе, буду

платыты, та й сама́ буду бодрытыся, що и я мовь чоловікъ на світи, туды-жь за добрымы людьмы, знóшу царєви и свою копйчыну на військо, що насъ оберига́. Та й зъ общественногo невыпысуйте, нехай и я́ буду знóсыты, почóму-тамъ зъ души́».

«Та якъ мóжно», казавъ голова, «що-бъ жєнська душа́ та платыла пóдаты?»

— «Казуснее дїло!» обизвавсь такы пýсарь, штрыкаючы себе́ пальцемъ у лóбь. «Неимієця прыміру. Треба-надобно изспросыть у господына исправныка розршєнія.

«Та ничогисинько сєгò нетрєба», сказала удовá. «Ты такы, пàне пýсарю, и нерозршайся и неказыся, а ось-що, панòве громада, зробить: выпышить лышень якòго каліку або бідного сыроту́, а зъ мєне справляйте. Нехай такы я не даромъ жы́тєму на свити.

— Хыба́ такъ, хыба́ такъ! загула́ громада, и зробылы по Вєклыному, и пишла́ по селу́ слава, що Вєкла стойить у ревызіи и поду́шне платыть. «Такъ и трєба», Вєкла булò уведвить каже: «лúчче-жь мені видъ достáтку платыты, чымъ зъ сыроты́ та зъ бідности трєбоваты. Адже и я́ у царі нашогò чоловікъ; змóжу за людьмы знóсыты! Дочкú виддамъ, пры́нмыть бóде, за двóхъ бóду платыты».

Вже тужь-тúжь Вєкла дожыдала зытя. Отъ-òть писли Зачáтыя, у Пылы́пивку, почнúть старосты́ швандяты до неї, бо вже йї дочка́, Окса́на, якъ дйждемо Риздвяныхъ мьясныць, то бóде йї шисна́дцятый гóдь. А щò-то за дивка була? Билявєнька, мотóрнєнька, швыдка́, прудка́, на ричахъ бóйка, протывъ уся́кого звычáйнєнька. Де вона́, тамъ зъ неї и рєготь, и смйхъ, и йграшкы и выга́дкы. Якъ-тò вь мáтери небулò нйякого хазáйства, а усє жыла́ зъ копйкы, то Окса́ни нйчогò и робыты булò. Чы вчыны́ла хлибця, чы зпекла́, мерщій до пóдругъ: тамъ йї ждúть, дожыдають, якъ обь веснй лáстивкы; бо якъ защебече, якъ забалянтрасыть, такъ усймъ вєсело, хочъ цйлый дєнь слúхавъ бы йї; а вже розсмийшыты, такъ подавай! Колы́бь мєртвый чувъ, якъ вона́ балясы тóчыть, то и тóй-бы розреготáвся, не тò-вже жывы́й, що такъ и лягають видъ смйху, де вона́ у бесєди. На вóлыци, на вечерны́цахъ, у коля́дци наша́ Окса́на пєредъ ведє; безъ неї незналы-бъ, що и робыты.

Мáты булò почнè їй зопыняты: «Сыды, дòню, дòма; чо-го такы битаешь? Чомъ неробышь? Озьмы лышень, абò пряды, абò шы́й: ничòго невміешъ».

Кы́нетця булò до мáтери на шыю, обнима́ їй, цилуе, прымовляты стàне: «Матусенько, риднєсенька, рыбочко, голубочко, переплòчко! Незопыный-же менè. Я-жь соби ще молодá; нехáй-же я погуляю, якъ тáя птычка на вòли пидь небесáмы литáе. Бúду згáдуваты своè дивовáння, що я вь тебе якъ рыбонька у ричечци гуляла, куды хотила, туды плавала, та тебе дяковала, що ты вь менè матусенька жалитлива, дòбра, пестувала менè. Отъ-вже якъ пиду́ за-мижь, надину очипокъ, тогди вже нíкуды гуляты, тогди вже зопынюся, тогди вже прынмусь робыты; рúкъ непокладатему: и мужыкá и диточòкъ бúду обшываты, и тебе, мáмочко, що ты вь мèне була такá дòбра, жаловала менè, пускала усюды гуляты».

— «Колы-то-ще бúде!» стàне старá казаты. «Звы́кла битаты та гуляты, такъ хтò тебе прысадыть за робòту. Та чы вміешъ що робыты? Ны́ткы невыведешъ.....

«И вже сèгò, мáмо, некажы́. Я, дывлячыся, якъ ты рòбышь, усèгò навчылася. Кé лышень грèбнь сюды». Зàраз выхопыла у мáтери грèбнь и почалá прясты—ажъ хурчыть веретèно, а вона ны́тку вывòдыть тонкú та дòвгу, а тутъ писенькы весняночки спивá. Старá дывытця та дыву́етця.

«А́ щò, мáмо, невмію, скажешъ, прясты?» та покы́не грèбнь, та за рушны́къ, що мáты вышывá їй-же на прыдàне, и почнè такы-жь квиткы ставыты, якъ и мáты, и заведè весильныхъ писенèкъ. То мáты ажъ сплеснè рукамы, и рáда-бъ-то, що такè добрò ростè, и вèсело-бъ-то їй зь нèю, и жалкúе їй зоставыты бия сèбе, щòбъ несумовáла, и бойитця їй пустыты, що-бъ часомъ..... дивчá молодé, щòбъ незагубыла слáвы..... Дáли, скризъ зúбы, ще тилки намирытця казаты: «Та їды-жь, їды».... вже тá и зхопылась, вже и на шы́и у мáтери, вже и выпиловала, вже и побигла.... и дверей незачыныла.... вже тилки чúте, по вúлыци їдè и выпывуе....

Нехáй-же колы́ мáты хочъ трòхы змòрщытця, що абò недúжа чымъ, або що такé; вже Оксáны зь хáты и невыженешъ, вже усè забúла, и вже хочъ у дрúжки сáма пèрша прыятелька клыкатеме, нешиде ни-зá-що. Вже видъ мáтери

ни на п'ядь; усё їй у вічи дывытыметця, усё пытатеме: «щó вь вась, мамо, болыть? Чоғó вы бажаете? Чы непоклыкаты знахуркы? Чы перозсёрдыла я вась чымь, та се вы некажете, та стóгнете, та жалкúете на мене». Тамь уже якь прыстане, та й видведé видь матери усяку журбóу, усяку тугу, та хочь бы й справди недúжа була, то Оксана їй розвадыть, розговóрыть, и лыхо забúде.

А хочь-бы якá весéла була, та побачыть старця, каліку, або погорылого, вжé вона усё покýне, заразь до нёго, розпытуе, розпрóшуе, óзме за-руку, поведé до себе, нагодúе, обдылыть, чымь Бóгь пославь, на дорóгу дасть и выпрово-дыть за селó; тилки и выдко їй, якь вона коло бидности вьётця, та знай слизонькы утыра. Обдылыла, выпроводыла, слизонькы втёрла, бижыть..... вже выпяць у бесéди, вже и верховóдыть выпяць, якь будá.

От-се-жь тилки що весна настáне, и сóнечко позлызуе снйгь дэ-зь-якыхь гóрбыкывь на пискú, вже Оксана и зибрала свою команду: патнóлась-мотнóлася зь кинцá вь кинéць, ведé нызку дивчáть и прыговорюе: «та чоғó вы бúдете сыдыты по хатáмь? Бóгь даé весну, сóнечко прыгривá, витерець теплénькый, гóди вамь по запычкамь тулытыся. Необрыдла вамь зима? Недокúчыло кыснуты у хáти? Бúдете старй, тогди ще налэжытеся по пéчамь, нагрýмаетеся зь мужыкáми, налаетеся зь дитвóрою. А чымь бúдете згадувать свои молодыи литá? А бодáй вамь весело булó! (сé вже вь нёи усимь и завсегдá такá лáйка була). А нúте, лышень, побижымó!..... а берытеся у хрэщыка, у вóрона, поведёмь крывóго тáнця, коровóда, кострúбонька, у жоны». Заразь и попарувáла усйхь. Вже усй дивчáта гáрни, усй прыбрани, усй повырýжовани.... та бá! їи знáты видь усйхь. Такá баéва юпка зь рукавами, такá и плахотка, и запáсочка, и кóсы такь ўбрани, и бáчытця й рушныкóмь такь-же пидперэзана, и усé, усé такь и вь нёи, якь на усйхь дивчáтахь.... эгé! та щось усé негáкь. Усé на ній такь штепнénько, чепурнénько, общыпано, такь усимь дивкáмь красá; тилки-бь на нёи одну и дывывся.

Тилки почúют дивчáчий гóминь на вóлыци, то й повзúть зь хать и диды, и бабы, и жинкы, и молодыци повыбигáют, та щó-то: и дитвóра уся высыпле зь хать, и усй

*

кажуть: «а ходімъ лышень на вдвѣрѣя, вже Оксана розгулялася»: И посидаютъ удѣвшъ по вѣлицы на завалынахъ, на колодкахъ и, де можно, по-пидъ тынамы. А парубѣство-жъ, вѣрядывшыся по свѣму, шапкы на-бакырѣ, люлькы позатыгають, та кѣпамы ходють кругѣмъ дивчатъ, та ажъ облызуютця, дѣвлячыся на Оксану. И вонѣ, и увѣсь народъ, що по вѣлицы дѣвытця, одну їй бачуть, на одну дѣвлятця, про одну Оксану говорють.....

Отъ и попарувалысь дивчата у хрѣщыка; отъ и грѣбы стаы.... да й чкурнулы..... фить-фить! Неродывся той чоловікъ, хто-бъ Оксану пѣймавъ! Хто-бъ грѣбамы ни ставъ, хоть бы зъ парубкѣвъ, хто прѣдко бѣга,—и некажкы, щобъ їй уловѣты! Хтѣ їй знѣ! Усѣ бѣгають—то пидъ нѣмы ажъ землѣ стугонѣтъ, засапаютця, задѣхаютця, спотыкаютця, ѣнша сторчакѣ дасть такоѣго, що.... тѣлки дрѣга бижѣтъ швѣдче закрывѣты їй.... Побижѣтъ-же Оксана, такъ на удывовѣжу! Бижѣтъ, ненѣче мѣха летѣтъ, до землѣ недоторкаетця, тѣлки знай нижкамы дрибнѣнько перебира, а рѣченьками немотѣ, а тѣлки бѣцимъ и протѣгне, щобъ-то пиддѣтыся, та тѣлки що пиддѣстытъ до себѣ близѣнько.... дрыбъ-дрыбъ-дрыбъ.... вже тѣлки й бачывъ. Самѣ-жъ-то ни зогнѣтця, ни зѣрбытця, якъ струнѣчка!

Набѣгалась у хрѣщыка, вѣморыла усѣхъ, даваѣй коровѣды водѣты. Повелѣ крывѣго танцѣ, такъ що дрѣги дивчата! Ёихъ и невѣдно за нѣю. Якъ зѣрѣчка вѣчѣрня межъ усѣмы зѣркамы; якъ ѣтинка по водѣ плывѣ, та выхыляетця, та голѣвкою повѣдытъ, та веселѣнько на усѣхъ поглядѣ..... а якъ заведѣ писенѣкъ, знѣете, що пры коровѣдахъ трѣба спивѣты, такъ якъ та сопилѣчка, або тыхѣсенъкый дзвѣныкъ..... Усѣ прѣчи спивѣють на увѣсь рѣтъ, а вонѣ и гѣбонѣкъ нероззѣвъ, та їй голѣсѣчокъ чѣтъ видѣ усѣхъ, що такъ за сѣрце и берѣ.... усѣ-бъ їй й слѣхавъ.....

Яковѣ-жъ-то булѣ Вѣкли, мѣтери їй, дывѣтысь на свою дѣонѣньку, що хочъ вонѣ булѣ и їй дытѣ, и що кѣжнѣй мѣтери свой дытына мѣла, а тутъ самѣ бачытъ, що їй Оксана красѣ усѣмѣ селѣ и що усѣ люде зѣбралысь за тѣмъ, щобъ подывѣтысь на Оксану, и що усѣ, ув-одѣнъ голѣсѣ. неперѣстаючы похваляють їй мѣлу Оксану. Якъ прѣйде вже до-дѣму зовсѣмъ у вѣчѣри, тутъ вже мѣты цѣлѣе-цѣлѣе свою дѣню, вѣцилуе їй усѣ, прыговѣрючы: «Тѣ мой дѣнѣчко.... тѣ мой

ластивочко..... ты моя краса, ты моя слава.... черезъ тебе я й весела, и здорова, и видь людей у почотги!... Ты мою старисть веселышь, ты мене на свѣти держышь!...» и усякими такымы прыговоркамы довго-довго пестуе свою дытну.

А Оксана-жь-то й мовчыть? Ну, ну! Та собѣ цилуе матери и рѹкы, и щокы, и голову, и собѣ ув-одвить: «Мамочко, голубочко, мой риднисенька! Та я-жь вся у тебе.... у мене твой натура..... А-бы-бъ ты була здорова, весела, та непереставала любыты мене, такъ я земли пидь соббою нечѹю, мени такъ лѣгко, полетѣла-бъ, мовъ тая птычка. Що ты любышь мене та жалуешь, видь того и я така веселенька и ни объ чимъ недѹмаю, тилки-бъ тоби вгодыты, розвеселыты тебе. Ты-жь въ мене сама матусенька! Нема въ мене ни батенька, ни братика, ни сестрыци; ты мени и сонечко, и мѣсяць, и здоровьячко, и щастыячко..... Я-жь знаю, що и я въ тебе одна, якъ тая порошокка ув-оци; то я себѣ такъ и держѹ, щобъ ты веселылася черезъ мене до кинця вѣку свого, щобъ радовалася, глядючы на мене и чѹючы добру объ мени славу. Матиночко, риднисенька! Невиддавай мене за-мижь. Мужыка треба любыты, а я нехочу никдо любыты, тилки тебе, матусеньку мою, зѣрочку мою!...

Вѣкла и слѹха йи и ненаслѹхаетця! Дывытця йи у тѣи бченькы, що якъ небо сынѣ блестять, дывытця, любѹетця, поцилуе йихъ, перекрыстыть дытѣ свое, здыхнѣ, пидведе свой бчи до Бога мылосердного, подѹма: «кому такѣ добро достанетця?» зпакнѣ, та й стане Богу молытысь.

Така дѣвка, якъ наша Оксана, не-вжѣ-жь-то невподобалась парубкамъ? Незнаю! Чы бѹвь-же-то хочъ одынъ зъ нихъ, щобъ негострывъ зубѣвъ на неи? Жѹдень-бы заславъ людей до неи попередъ усякъ; такъ боялысь-бо гарбузывъ. Не одынъ запытався занѣматы йи, такъ, знаете, на женихѣвське дѣло.... такъ куды-жь, ни прыступу! У бесѣди зо венѣма и говорыть, и регбчетця, и пидсмѣюе, и що хочъ кажѣ, бѹде слѹхаты. Запытѣйся-жь занѣматы йи, або пхнѹты, або ногу пидставыты, щобъ спитьнѹлась, якъ вѹдытця у парубкѣвъ, що зальцѣютця до дѣвки..... незнаю! Вона такъ видрѣже, такъ обсорбмыть усякого, що незнаете, на яку ступыты!

Дѣ-яки смилѣши, такъ ти такъ, напростѣць стануть казѣты: «Оксано! Я тебе полюбѣвъ; щѣро, крѣпко полюбѣвъ.

Отъ-такá и такá у мене худóба, от-тò и тó ё. Пйдепшь за мене? Прысылáты людéй?» Вона зàразъ ув-одвйтъ: «Спасы́би тобі, чоловіче дóбрый, що ты мене полюбывъ. Менй вéсело, якъ мене лóблять. А людéй нетурбу́й. Не тé, що за тебе б́менно нехóчу: я й ни за кóго нехóчу».

Тáкъ булò и мáтери скаже, що нехóче зáмижъ, якъ до не́й, до старóй, прыйдуть самй батькы, або матерй, щòбъ свáтаты Оксáну за сы́на. Старá Вéкла булò людéй розвáдыть, почасту́е, та зъ тымъ и видпúстыть, а самá прыньметця за дівку.

«Скажы ты менй, здылай мýлость, Оксáно, де твй рóзумъ, де головá? Чóмъ такы ты непйдепшь ось за сéгò? Такъ видризала й томú, й томú (туть усйхъ згадá, що свáтаты йй), отъ и туть тé-жъ. Колы-бъ, сказáты, люде яки-нéбудь, а то-жъ люде на усé селó. Щó ты зъ собдо дúмаепшь, мой дытыно?»

— А тé я зъ собдо дúмаю, мáмочко, що нехóчу зáмижъ за мужыкá.

«Щó се ты здúмала, дòню?» ажъ зкрыкнула Вéкла, сплешнóвшы рукамы. «Чы нездурила ты? За кóго-жъ ты дúмаешъ пйты?»

— Охъ, мáмочко риднйсенька! Я й самá чáсто про себе дúмаю, що, трохá чы необожево́лила я! А вжé що хóчь, лáй мене, хочъ б́йй, а якъ здúмаю йты за мужыкá, такъ менй и свйтъ немýлый! Ось бáчъ що. Якъ и стáла я нá-ногы зхвачуватця, и рослá, и выросла, то усé, и видъ тебе, и видъ людéй чýю, и самá бáчу, що я хороша та красыва, що й у селй у насъ такóй нема. Та якъ ще й натúра прыдалась у мене такá весéла, що мене усй лóблять, такъ у мене и заройлось у головй: нехóчу за мужыкá та й нехóчу. Пйшовшы за мужыкá, трéба покынуты объ собй дúматы, що якъ-бы нарядытысь, якъ-бы убратыся, а пиды-лышень на вгорóдь, у пóле, и дóма возысь изъ дитвóрою, товчысь, и тйлки и знáй, що дóма порайся, мужыкóви годы, и слúхай ёгò, и поважáй, а колы ще и попибéе, такъ ты и терпы. Нехóчу за мужыкá!

«Когó-жъ тобі трéба? За кóго ты дúмаешъ пйты?»

— А ось, мáмо, щó. Колы-бъ мы жылы у гóроди, то я-бъ зъ своёю красбо швы́дко-бъ знайшла собй якóго панычá. А якъ мы живемо туть, у селй, то я-бъ пйшла за купця,

або за поповыча. Охъ, матусенько мой!» та сее кажучы и кынулась до матери на шыю. «Якъ-бы мени такè щастытя! Щò-то люблю, щòбъ у рòскоши жыты! Непòратысь ничòго, а тилки хòроше жыты, щòбъ пыты й йысты и хòроше ходыты булò щò. Та якъ згадаю, щò якъ я тебе тогдй шановатыму на старосты, такъ и себе нетямлю видь радосты! Бúду тоби годыты, бúду тебе ныжыты, чòгò забажашь, усè поставлятому. Самá незыймь-низипью, а усè объ тоби убыватемуся.....»

Дòвго и пылно на неи дывылася старá Вèкла, дали якъ заплаче: «Гòсподы мылостывый!» каже: «Та справди, Оксано, чы объ свòему ты умй? Видкиля такй думкы тоби прыйшлы?... Се я вынна щò натолковала тоби объ твоий красй; матери усяка дытына хорòша здаётця. Та хочъ бы й такъ; хыба-жь усй хорòши йдуть за панычывъ або за купчывъ? Потурай, бúде хорòша якъ тая квитка, а такы йде за хлиборòба; и у пòли зъ нымъ рòбыть, и дòма пòраетця, и красá йй непропала; вона породыла диточòкъ и дякуе Бòгу! а дивчата йй тежь красыви, якъ и она була. Та отъ и я: и я була на усè селò дивка. Не тò щò по селу славылася, та и произжаюци паны, якъ уздрятъ менè, та ажъ зъ колясы отъ-пòты вылизе, та дывытця, та хвалыть, а ыншый ажъ шапку зниме, та скаже: «здрástуй, красавыця!» Та я-жь недуже щò подумала и незагордылася, а такы якъ лóчывся чòловикъ зъ нашыхъ, пишла за твогò батька, за Охрима, хочъ и удовецъ бувъ, та чèsна душа була; и жыла за нымъ, дякуючи Бòга мылосèрдного. Эй, дòню! кынь такй гòрди думкы. Сè тоби смущеные видь нечыстого, Гòсподы насъ бороны видь нèго! Гляды тилки, щò-бъ тебе си думкы незавелы у погыбель— нехай тебе сохранныть Маты Бòжа!» Та й обняла дочкy, стала йй цилваты и хрестыты.

Оксана й каже: «Якъ хòчъ, мамо, а пòкы такá думка è вь мене. Бúду слухаты, щò мени казатемешъ, бúду й самá розбираты».

От-такъ чáсто вони собй миркувалы; и старá, то прòсуючы, то плачучы, довелá такы дочкy до тòго, щò сказала: «Щò-жь, мамо! пиду и за мужыкá, а бы-бъ чèsный, та дòбрый бувъ прòтывь тебе....»

Ажь òсь и лóчывся швыдко пàрень вáжный. Одынь со-бй, ни батька, ни матери, никоМУ бúде орудоваты. Самъ со-

бѣ хазяинь, а добрѣ усякого, хочь скотыны, хочь поля, чымало; парень молодой, друзьяка, роботящый, смырный, непьющый, и вже ни зь кымъ ни залаётця, ни заведётця, та чорнявый, та красывый. Старѣ Вѣкла обома рукамы ухопылась за сѣгѣ (Петромъ ёго звалы), и сама Оксана и сюды ѣ туды, и вже недрочачысь сказала: «пиду, тилки нехай объ осены». — Дарма, ѣ пидбждемо, сказала Вѣкла зрадовавшыся.

Якъ тутъ..... и росказуваты нехѣтця!..... От-тѣ у ту слѣбоду, де жыла Вѣкла зь Оксаною, та прыйшлы салдаты на постѣй. Що-жь тогдѣ сталося зь дивчатамы!..., Самы себѣ нетямлють зь радощивъ!.... Ой, згадаймо-лышень, брѣтця, свой молодой литѣ, якъ ще мы парубковѣлы: чы в-тямкы вамъ, якъ булѣ прыйдемо на чужѣ вечерныци, то дивчѣта якъ ясочки коло насъ и вже на свойхъ нехѣчуть и дывытысь. Звѣсно ихъ дивчѣта натурѣ: сѣгѣдня уподобѣла червѣну скиндячку, зѣвтра зелѣну, а червѣну пидъ ногѣмы тѣпче, и байдужѣ. Сѣгѣдня бажѣ молѣшной кѣши, а зѣвтра вже и не трѣба, давай ѣй коржѣ зь саломъ. Сѣгѣдня мылый ѣй Стецькѣ, зь нымъ жартуе, зь нымъ женихѣетця; колы-жь побачыла зѣвтра Хведькѣ, та ще зь чужѣго сѣла, то вже Стецькови ѣ цуръ и пѣкъ, и незаньмай ѣй, и нерушь ѣй, вона тебѣ ѣ знѣть незна и видаты невидѣ; ѣй тилки и мылшыый усѣхъ Хведькѣ.... та ѣ тѣ на сѣгѣдня тилки, а зѣвтра знѣвъ когѣ уподѣбѣ. А вже найпѣче якъ вздрѣть служывыхъ!.... У! до сѣгѣ торгу вони пѣшкы. Якъ имъ мундѣръ. а ще пѣще усѣ и тилки побачыть доведѣтця, то вже усѣ забѣла, и ничѣго нечѣе, и никѣго небачыть, опрѣчь усѣвъ.... От-такѣ натурѣ усѣхъ дивчѣтъ. Усѣ вони однимъ мѣромъ мѣзани....

Такъ булѣ и тепѣрычкы. На тутѣшнихъ парубкѣвъ ничѣ зь дивчѣтъ и недѣвытця; усѣ-бъ имъ салдаты та салдаты; подавай ихъ и на вѣлицю, и на вечерныци, и усѣды. Такъ-бо царьски служывы не тѣ дѣмають: ёму трѣба мунѣцю справыты. мундѣръ налагодыты, зпочѣты; николы имъ за дивчѣтамы. Чымало вони свѣту прыйшлы и усѣды-жь-то дивчѣта имъ на шыю вышались, и вже стѣлы ни по-чѣму..... Дивчѣта, бѣчачы, що ихъ постѣйльцы незаньмають, прынялысь за свой хѣтропи: порозрѣжуютця, повбирѣютця такъ що нѣ, и сѣме у такѣ порѣ, якъ салдаты на мѣштру збирѣютця, отъ Мѣлашка ухѣпыть вѣдра и ѣйдѣ по воду якъ разъ про-

тывъ салдэтивъ. Зострылась зъ Наталкою, що ійдэ за-чымсь до дядька. Отъ якъ зострылся, та й давай базыкаты, то объ скиндычкахъ, то объ черевычкахъ, то ни-знать объ чймъ; якъ тутъ гулькь!—видтыля Домаха, видсиля Йивга, а тамъ Хвеська, та Педора, та ся, та та, та й назбираетця йихъ до сына. Балакають, балакають промежь собдю, та й посидаютъ на колодеахъ, усё балакаючы, а на салдэтивъ бұцимъ-то и недывлятця; а въ самыхъ ажъ жыжкы трусютця, думаютця: «колы-бъ от-той высокый та чорнявый занявъ менэ!» Та такъ усяка сыдытъ и дождыда ажъ до пизнёго вёчера. А матерй самы: ждуть дочокъ—нема; ничого робыты; сама воды наносыть, сама розведэ, пичъ затопыть вёчеряты варыть; нехай, каже, дивка погуля...

«Дэ то ты, доню, такъ довго була? Алэ вже й нерано. Дэ то такъ запизнылась?» пытала маты нашу Оксану, що прыйшла до-дому прытьмомъ у вёчери.

— Де була?—одвить дала Оксана, знимаютця свою билу нову свбту, зкыдаютця баёву червону юпку, а зъ головы лэнты та скиндычкы, и покладаютця усё гарнёнько, що на пиль, пидъ гблвы собй, а лэнты завордчуютця у бумажку и ховаютця зъ хрестамы и намыстомъ у свою скрыню. «Де була? Дывылась зъ дивчатамы на москаливъ. Що-то якъ гарно мұштру выкыдають! якъ одынь! То всё йихъ вчытъ йихъ старшый. Кажуть, нема и у всймъ сели старше видъ нёго. Та якый-же-то, мамо, розумный! Та якъ ёго усй слухаютъ! Що скаже, такъ усй мерщй и рблять. Колы крыкне на ныхъ, що-бъ пиднялы рушныци, такъ якъ разъ и пиднимуть, ажъ забрызкотытъ усюды.... Такъ вёсело, що неможно!.... И куды йимъ скаже йты, чы направо, чы наливо, тйлки крыкне, такъ ниhto й неспорытъ, усй стинбу такъ и йдуть. Що-то, десь, розумный. А що вже красывый, такъ и мйры.... Чы ты, мамо, солыла дроба?»

— Що ты, що ты, що ты? Богъ зъ тоббу!—крыкнула Вёкла на дочку, що вхопыла пшонэ у жмёню, та й почала по прыпичку посыпаты, мовъ солэть стрэву. Чы ты одурйла, чы обожевлила? Що се ты робышь?

«Бачы!.... тьфу!» зхаменулась Оксана и покынула пшонб, та ухопыла выныкъ, та давай хату месты.... Тутъ впыать маты гукнула на неи, поприкаютця, що не-знать що робытъ.

«Чы о своему ты умі? Чы то вже надывылася на салдаты, такъ воні у тебе у голові?»

— Та ні, мамо; цурь имь! Бўдто усё на ныхъ и дывытысь, якъ ихъ той старшій вчыть.... А якъ дўже крычыть! Ёго далёко чўть; вже такъ, що гóлосъ! Якъ стане передъ нымы, то якъ орель. Высочёнъкий, та прямёнъкий якъ стрілочка, и ўсы е невелычки; чорнявыи соби на выдў....»

«Хтó тамъ такій чорнявыи?» пытала маты, засмажуючы брщць, у Оксаны, що позкладовавши рўчки сыдыть на полў, та усё своё дўма и про тэ тилки й розказуе.

— Та тó я, мамо, такъ соби; то я про старшого...» та й задўмаецця.... а дали впгяць прыньметця розказуваты: почне про Явдоху, а зведэ на старшого; розказуе про Хиврю, а зведэ на старшого.... А маты, знявши про свою билорўчку, що вже непрыньметця ни-завйцо, и байдужэ; усё самá пóраецця и непрыслушаецця, що тамъ дочка розказуе.

И за вечерею Оксана закыдала про старшого, а маты й неслўха.... та десь и усю ничь нашій Оксани снбылысь салдаты.... а не такъ салдаты, якъ ихъ старшій....

У ранци, чы зробыла що, чы ні, по своій натурі, побыгла до подругь, що-бъ впгяць зыбратысь имь дывытысь на муштру. Пидмóвила, и веселёнъка. Негарáздъ зъ матирью пообидала, вже й чуркнўла, вже й на колодкахъ, вже й дывытця....

Ажъ вбйгла смеркомъ наша Оксана у хату до матери.... Радёнъка, веселёнъка, сміетця, щёбече, бйгае, сяде, впгяць скóчыть, кыдаецця матери на шыю, розказуе и де булá, й що бачыла, и зъ якю дівкою говорыла, и якъ салдаты муштровáлысь, а про старшого ни чычыркь. Кругомъ колó нёго що булó, усё розказуе, и тилки-бъ про нёго що сказаты, то й замовчыть, задўмаецця, и такъ якъ разъ якъ полómья зпыхне, зачервонетця, засорóмытця, рўченькамы закрьетця, перемóвчыть, та впгяць за своё: пóратысь кынетця, то й гляды, те розыльé, те перевёрне, те ровибьé.... Маты стане на неи грýматы, а вонá жартўе, регóчетця.... та й розвáдыть матирь.

Се-жъ така булá сёгóдня. Зávтра-жъ то якъ увйшла у хату, такъ ненáче и не-вонá. Смутнá, невесéла, дчи понўрыть, сыдыть — ни зъ мйсьця, и мовчыть якъ стинá. Чогó

мáты ни спытá: «Незнáю. Небачыла. Нечула. Недоглядáлась». Отъ и усá розмова. Мáты коло неи убывáетця: «мòже хочеш сéго, тогò?» розважá усимъ, а Оксáна й неслухá йй. Вечэраты незотыла, и лэжучы усé тэжко вдыхáла.

Що-жъ се стáлося зъ нáшою Оксáною? Мáбутъ що не дáромъ? Эгé!—тáкъ такы й ё недáромъ. Отъ бачыте: прышлы у ту слóбоду, де вонá жыла, салдáты на постий; а надъ нымы бувъ копытáнь, и збирáвъ ихъ на муштру надъ-вечиръ, а дивчáта вхóдылыся дывытыся на салдáтивъ, та розглядáты-бъ то, зъ якымъ-бы-то опислá пожартовáты. Отъ межъ нымы и нáша Оксáна. Вонá на салдáтивъ недуже й доглядáлася, а усé дывылася на копытáна: якый-то винъ брáвый, якый молодый, якый красывый, якый провóрный, и усé ёгò розгáдувала, тáкъ, що опричь ёго, никòго й ничòго небачыла. От-то у пёршый вéчиръ, такъ и хочетця, такъ и кортыть йй, усé про нёго мáтери й щебетáла.

На дрýгый день выйшла зарáни, а тóтъ и охвыцэры выйшылы и копытáнь зъ нымы, та якъ ще не усй салдáты позбирáлысь, такъ охвыцэры и давай зъ дивчáтамы розговóрваты, та смйáтыся, та дё-що выгáдуваты. А копытáнь на-кынувъ óкомъ Оксáну, та й почáвъ йй хвалыты: «Якá-то вонá, кáже, красáвыця! Скылки, кáже, ни походывъ пò-свиту, скылки чогò ни выдáвъ, та невыдáвъ такòи красáвыци и межъ панянкамы. Сё, кáже, чúдо!» Сё всё Оксáна чúла и якъ на вогни горила. Дáли, якъ пидийшóвъ до самои йй, такъ вонá-бъ скрызъ зёмлю провалылась, зчэзла-бъ, забигла на край свита. Винъ почáвъ йй розпытоваты.... такъ щò-жъ-бо! Пытá: «Де ты жывэшъ?» А вонá кáже: «Оксá—на».—Е вь тебе мáты? А вонá кáже: «позавчóра». И самá нетáмыть, що кáже. Дáли поглядывъ йй по щоцй, та й кáже: «Нестыдысь, дúшенька! Мы познакомымось зъ тобòю». Тóтъ вонá трóхы-трóхы не сказáла: «Та я вже й тáкъ васъ люблю!» Такъ-бò язýкъ вь неи неровернóвся, засорóмылась и свита непобáчыла. А дивчáта-жъ-то, пòдругы йй, ажъ регóчутця зъ своймы охвыцэрамы, нетáкъ, якъ Оксáна, що й слóва неpidберè, щò ёму й скавáты. Пòкы салдáты муштровáлысь, то копытáнь частисинько поглядáвъ на Оксáну, а тá зъ нёго очéй незвóдыла, такъ и пылновáла на нёго, и вже вь неи сёрденько такъ и бьётця, якъ тáя рыбонька на ўдочци; а на душы-жъ-то такъ

вёсело-прёвёсело, що й розказаты неможно! Описля усїхъ дивчатъ пишла до-дому Оксана, якъ розійшлысь салдаты, и якъ копытанъ, ійдучы била нѣи, знявъ шапочку та сказавъ: «прощай, красавиця!» такъ вона й незтѣмылась, и отъ-то така весѣла прыбїгла до матѣри.

На другый день побїгла Оксана поперѣдъ усїхъ на мўштру дывытысь. Щобъ?... дывытця, ажъ їй копытанъ вже зъ другою дивчиною стоить, жартує, заньма їй.... а вона-жъ то, и пры людяхъ, и посерѣдъ вўлыци, и ще куды-ще до вѣчера, а вона смїєтця, та регѣтетця, що вже радїсинька, що їй копытанъ занявъ. Такъ-то дўмала Оксана, дывлячысь на се; та їй чы досадно стало на копытана, що вінъ, де вздрївъ дївку, та й почавъ їй заньматы — и стыда ёму нема! чы стыдно за дївку, що невтика видъ нѣго, та й сама стоить зъ нымъ и розговѣрює; та видъ сѣго ажъ побїдла, затрусїлась, та мершїй и вернўлась до-дому.... А колы правду сказаты, Оксана и сама себѣ нетѣмыла: вона дўмала такъ, а сѣ їй булѣ досадно, що копытанъ занявъ другу, а не їй.... Знаете, сѣрденько въ нѣи молодѣньке, сама себѣ нерозберѣ; полубыла копытана, зацемыла сѣрденько, та якъ зъ рѣду въ пѣрше, такъ вона й сама незна, що зъ нѣю ё....

Отъ у такымъ горї вернўлася до-дому, лѣдвѣ-лѣдвѣ дїйшла.... и усѣ у їй на дўмци от-та дївка, що непостыдылася зъ копытаномъ розговѣрюваты, та й той копытанъ.... бачъ якый! нехай бы возывся зъ своймы салдатамы; якѣ ёму діло до дивчатъ? Хыба мы ёму рївня? Жартуй собї зъ панькамы!.... Такъ-бѣ ничѣго-бъ и небулѣ, якъ-бы вона втекла, а то й стоить, и регѣтетця.... у! безстыдныця! Побачыла-бъ їй маты, що-бъ тогдї їй булѣ?... От-такъ-то усѣ сѣрдылась и на нѣи, и на копытана увѣсь вѣчирь, и якъ спаты лягла, то усѣ у нѣи одни такї дўмки та гадкы.... ажъ заплакнѣ, сердѣшна, якъ їй допечѣ до сѣрця, що дївка себѣ непоберегла и що копытанъ описля посмїєтця зъ нѣи....

Чы спала, чы неспала, а вранци ухонїла вїдра и пишла по воду — и троха чы не пѣрше зъ рѣду! Бо й правда: дѣ крыныця, а вона потягнула ажъ гѣть вўлицею до базарю.... дўмаючи, тамъ блызько кватѣра копытанова, то мабутъ вже учорашня дївка снує коло нѣи, щобъ тїжки зъ нымъ побачытысь.... «Та вже не я бѣду,» ажъ крыкнула Оксана,

«колы тилки вздрю їй зъ нымъ, то дáleби, що мaтери їй скажу; нехай зопыныть їй; нехай вона перобыть славы на насъ усїхъ!»

Ажь — гутькь!.... копытaнь изъ-за хaты.... и пизнaвъ Окса́ну, та до неї: «Здрaствуй, Окса́но!»

А у Окса́ны и рѹкы и нoгы затрусѹлысь, стaла якъ укoпана, якъ прѹрослa до землї, ни зъ мїсьця, ни пaры зъ усть....

Копытaнь и стaвъ до неї казaты по нaшому, бо хочъ и зъ москаливъ бувъ, та, мaбуть, розѹмный бувъ, що й по нaшому вмивъ. «Штo ты невыхoдыла учoра на салдaцьке учeньня смотрїть, га?»

Окса́на мовчыть.

«Менї безъ тебе скѹчно булo».

Окса́на тѹть-бы ємѹ й сказа́ла, що ємѹ и безъ неї булo вeсело зъ дрѹгою дѹвкою, такъ позабувaла усє тe, що дѹмала зъ вeчора и у ночї. А якъ позабувaла, такъ и мовчыть, oченькы понѹрыла у зeмлю, ненaче лїчыть стеблїнкы, що пидъ ногaмы.

«Скѹпно булo безъ тебе. Я крапцoи дѹвки и невыдaвъ нигдe.... и полюбѹвъ тебе.... крѹпко полюбѹвъ....» та узявъ їй зa руку и кaже тыхeнько: «тилки полюбѹ мeне, я тебе щаслѹвою здїлаю!»

Окса́на якъ у раю! Вона, що нехoтїла ни за якого мужыкa їты, та усє дѹмала oбъ пaнствї, oбъ рoскоши, чѹе тепeрь, що їй лoбыть пaнь, молодый, хорoший, багaтый—бо по мундѹру усє у нeго зoлото; и мaбуть спражнїй пaнь, що усї-жъ-то салдaты єго слѹхаютъ и боѹтця, и такый пaнь кaже, що винъ їй лoбыть и щаслѹвою зрoбыть; вїрно винъ дѹма їй узяты за себe; oт-oть вона пaнею стaне.... Шo-жъ їй тутъ казaты? Вона видъ щѹрого сeрця тутъ и кaже: «Якъ-же васъ щe полюбѹты?.....»

«Полюбѹ oдъ щѹрого сeрця..... oбъ менї дѹмай..... выхoдь до мeне..... полюбѹ, якъ я тебе лoблю!»

— Та я-жъ такъ и..... лoблю..... та ще й дѹжче!....

Окса́но, Окса́но! якъ-бы ты бїлше пaнївъ знaла, тѹ-бъ сeго нїкoды нескaзaла; ты-бъ зъ пeршого слoва видбїгла-бъ видъ нeго, якъ видъ лыхoи гoдыны! Ты незнaла пaнївъ, чы

ще лүчче—панычывъ! Недыво йимъ одурѣты селянку, що зъ рѣду йихъ небачыла, нечула, якъ воны брѣпуть, якъ запрысягаютця, якъ опислѣ гублять тѣхъ, що йимъ пиддастця! Панычѣ звѣкыся на тыхъ бѣдныхъ, що озвуть видъ батька—видъ матери у двѣрь за панночкамы ходыты, заразы обстрыжуть йимъ кѣсы и пиднѣмуть на грибишѣкъ, що такъ и стырчыть на головѣ, мовъ на пивневи; зъ православної плахты, та нарядѣть йѣ у той проклѣтый компѣтъ; зъ Явдохы перевѣрнуть на Дунашку, изъ Йивгы на Евгѣнюю, зъ Прѣськы на Афрѣську..... Отъ вона й подума, що й вона стала панночкою, и чиплѣетця до панычывъ; и якъ тѣлки побачыть цилкѣвого, то й бижыть, и выпаетця йимъ на шыю... Такъ на такыхъ панычѣ звѣкшы, кыдаютця и по селянкамъ и обдурюють йихъ дѣже, а опислѣ хочъ плачь, хочъ пропадай, винь и байдужѣ, смѣетця, та дрѣту пидмвля.....

Незнала сѣгѣ наша Оксана! Вона-бо зъ малу начулася, що вона красыва—миры нема! Вона усѣ бажала выйты за пана, а теперъ панъ йѣ полюбывъ.... Вона и въ головахъ непокладала, щобъ панъ мѣсывъ збрѣхаты.... отъ и прызналася копытанови, що любыть ёгѣ..... Тѣлки сѣ вымовыла на-лыхо собѣ, тутъ вже копытанъ самъ не свѣй, кынувся до неѣ, обнявъ, поциловавъ..... ёму-жъ невдывовѣжу дивчатъ циловаты, мовъ горыхы лѣскаты; яковѣ-жъ-то булѣ нашѣй бѣднѣй Оксани?.... Земля пидъ нею запалала, небо надъ нею загорѣлося; сонечко, якъ макъ, почервонѣло; вона, мовъ птыченька, пиднялася видъ земли, щобъ полетѣты..... швыдѣнько вхопылася за свѣго копытана, обвылася коло негѣ рѣченькамы, щобъ нерозлучытыся зъ нымъ, щобъ винъ незостався самъ безъ неѣ.... обняла ёгѣ и щобъ щѣ йѣ такъ гарно булѣ, она вже ёгѣ поциловала.... та тутъ и зомлѣла и невидѣрветця видъ негѣ....

Згадайте-лышень, братця, якъ вамъ тогдѣ булѣ, якъ вы зъ рѣду въ перше поциловали ту дѣвчыну, котрѣ вы шыролюбылы! Чы мѣжно-жъ-то розказаты, або зпысаты, яковѣ вамъ тогдѣ булѣ? Нерозпытуйте-жъ и менѣ, яковѣ булѣ нашѣй Оксани: кыба-бъ жарѣмъ на пѣломъѣ пысаты та йскрамы засыпаты, такъ тогдѣ-бъ потрапывъ, якъ зпысаты..... А копытанови щѣ? Ничогѣсинько. Згадаймо-жъ такы впѣять. Якъ мы, хочъ и въ перше, циловали ту дѣвчыну, котрѣ, нелюблячы, тѣлки пиддурювали. Тѣлки що смѣчно, мовъ, пислѣ трѣхъ дѣвъ безъ люльки, ромѣньского тютюну смоктнѣшь.

И того такы небуду розказувать, що вони били промѣжь собдю розговорювали (бо се мамѣ и самѣмъ влякнѣ); якъ вона обнимаючи ёго пѣстovala: и «копытаныку мій», и «соколыку», и «голубчыку», и «лебѣдыку» — и усныкымы словамы прыговорювала ёму; и якъ винъ — по-нашому, якъ колысѣ, бувало — казавъ, що винъ мае йй дѣ-чого багачкы, розказавъ, такъ тепѣрь нѣколы, а просывъ йй, яко мога, що «колы», каже, «вѣрно любыть, такъ щобъ вѣйшла вечоркомъ до вербы, що протывъ йихъ двора». Тамъ-то винъ вже усѣ добре мавъ йй розказаты. Звѣсно, що Оксана обичалась вѣйты, бо ще ненаговорылася зъ своимъ мѣлымъ.

Нацеловавшысь, наговорывшись, побожывшись щѣ, що будуть щѣро любытыся до смѣрты, пишлы по своимъ мисцѣмъ: копытанъ до салдатывъ, а Оксана по-воду..... йдѣ й земли пидъ собдю нечѣе.... згадуе усяке слѣво, якѣ-то йй копытанъ казавъ, якъ йй любыть, якъ цилуавъ, якъ прыгортавъ до себе..... та у сыхъ дѣмкахъ, зайшла ажъ геть-гѣть, зовсимъ на край села.... «Охъ менѣ лыхо!» ажъ крѣкнула Оксана оглядывшись: «куды-жъ я от-сѣ йду? Та ба-чытця я-жъ по-воду пишля..... де-жъ мой вѣдра? Щѣ се зо мнѣю стѣлося? Де крыныця, а де я зопынылася? Чы я зъ ума зѣйшла, чы-щѣ?.... Охъ мой годынонько!» Ажъ закрылася рѣченкыма, якъ згадала, що вона середу-дня зъ копытаномъ стояла, и розговорювала, и обнималася... та й стояла, якъ укѣпана. «Щѣ-то добре», дѣма собі: «що не середъ вѣлыци, а у кутѣчку, пидъ тыномъ, на вуглѣ, що нхтѣ тамъ непобачыть..... тамъ-же я й вѣдра покыдала..... бѣде менѣ, якъ хто знайде! Бачъ, корыла Катрю, що учѣра зъ копытаномъ грѣлася, а тепѣрь сама чоґдъ наробыла? От-такъ-пакъ! Такъ винъ-бо розказувать, що винъ Катри ѣвси нелюбыть, що винъ йй занявъ такъ, шѣткы рады, и що вже билшъ небѣде йй заньматы, бо любыть менѣ одну..... та якъ-же крѣпко любыть! Якъ-то божывся, що, каже, усѣо нѣчь неспѣть, усѣо про мѣне дѣма.... Щѣ-жъ-то у вѣчери скаже? Мѣже домѣвытця, колы за рушныкыма прысылѣты. Пожалуй, хочъ сѣ-гѣдня.... Тѣ-то, якъ стѣну пѣнею!... ажъ дѣхъ захвачуе видъ радѣсты!... И матирь одягнѣ, якъ пѣаню, и бѣду йй нѣжыты й пѣстоваты.... поклычу до сѣбе свойхъ пѣдругъ, покажѣ йимъ, якѣ вѣ мѣне добрѣ бѣде: якы юпкы, шовкѣвы спидныци, пла-

- хотъ вже неносытому; сорочечкы будуть усѣ зъ Иванивського полотна, скрызъ повымерѣжовани шовкѣмы.....

«Чы се не твой видра, Оксано? Я ажъ генъ тамъ знайшовъ; лежалы порожни и коромысло край ныхъ». Се обизвався до неи парубокъ Петро, идучы назустричь еи.

Стоить Оксана противъ него, якъ деревьяна, и невторопа, що винъ їй каже. Та й якъ-же уторопаты? Вона тилки що була у своихъ панськихъ будынкахъ, видчыняла свой скрыни, показувала подругамъ свое добро, прымиряла Иванивськи сорочечкы шовкѣмы повымерѣжовани.... а тутъ де узявся Петро, де узялысь видра, що треба, покынувшы панство, та йты по-воду!

Стоить, мовчыть.... а дали зхаменулася, та такы й видбrehалася, кажучы: «Ось бачъ, де вони! Спасыби тоби, що знайшовъ. Я се пишла по-воду, такъ якъ напѣлы-жъ на мене Трохымови собаки, такъ я, якъ побигла видъ ныхъ, та й сама нетѣмыла зъ ляку, куды забигла. А дали вже й собакъ нема, я зхаменулася, та й шукаю видерець. Ажъ ось вони де!»

— Провожу-жъ я тебѣ, Оксано! Однаково-жъ мени побила крынци и ты.

«Проведить, спасыби вамъ». Отъ и пишлы.

— А що, Оксано! ставъ казѣты Петро, поспышаючы за нею, що мовъ лѣстивка летыть и до земли видъ радощивъ недоторкаетця: «Чы вже ты хочъ трѣхы надумалася? Казала, що пидешъ за мене, то неморы мене; нехай я прышлю людѣй, поберимося вже соби».

Яковѣ-жъ-то було Оксани сѣ вгѣять слухаты? Вона тилки що слухала копытана, якъ винъ божывся, запрысгався, що дуже-дуже любыть и безъ неи вмрѣ, такъ вже певно ѡзъме їй за сѣбе; отъ якъ не выдно — людѣй видъ сѣбе прышле; а тутъ Петро зъ своимы старостѣмы. Чы можно-жъ сѣму стѣтѣся? Ще вона неодурѣла! Вона-бъ усѣ розказала Петрови, щобъ вже покынувъ объ нѣй думаты, що вона вже пиде за копытана; усѣ-бъ ѣму розказала, такъ-бо копытанъ невелѣвъ и самѣй матери ни слова казѣты. «Я, каже, самъ описѣ усѣ розкажу». Отъ Оксана мовчала-мовчала, дали й каже. «Вы-бъ вже покынули объ сѣму й думаты».

— Ні, Оксано, не такъ я тебе полюбивъ, щобъ выкинувь сюю думку. Подумаь щё, Оксано! сказаь се Петро, та й пишовъ своєю дорогою.

Тільки що Оксана зъ водою у двѣри—мату на неї и напалася: и дѣ вона була, и чогó такъ довго ходыла, що вже у друте у пичъ дровецъ накладала, а їй нема, що вже й джжж зйшла, и усё, усё їй вычыговала. Такъ не на такывськубо напала! Попѣреду поставыла потыхеньку видра зъ водою, дали якъ кынетця до матери, якъ стане їй прыголублюваты, прыговорюваты: «несердсья-жъ, мой мамочко, рыбочко, перепйлочко, зовулечко! Просты-жъ менѣ. Якъ пишла пó-воду, а тамъ подруженькы зострылыся, та й почалы мені смійтыся, що я й билоручка, якъ вы менѣ, мамо, зоветѣ, та й я пишла пó-воду, та невмію видерь несты, коромысло нетакъ держу; зовсімъ обсмійлы; а тутъ Трохымови собакы якъ нападуть на мене, а я якъ побижу, якъ злякаюсь! Та вже, спасыби, Петро оборонывъ, и видра позбирывъ, що я зъ ляку покыдала, та проводывъ мене зновъ до крыныци.....»

Мату вже й забула, що й сёрдыласъ на неї. Вже й сама злякаласъ, почувшы про собакъ, и стала кругомъ оглядаты, чы непокусалы де, чы непорвалы де..... «Выпый», каже: «доню, воды трѣшкы..... або ляжъ на печі..... або чы нехóчь, онде молшна каша, учорашня, зыйжъ трѣшкы, то й мынетця.... або пиду я до Купайкы, нехай прыйде, та тоби переполохъ выше... Та якъ-же и тебе саму покынуты?...» Бйгае, мотаетця старя Вѣкла по хати и незна, за щó ухопытыся; трусытця. бойтця, думаючы, отъ щобъ дытына до вѣчера невмерла видъ переляку..... А дытына—якъ тая ясочка: «Та нй, мамочко, нй, риднйсенька! менй й ничóго. Я й неперелякаласъ; менй никóлы такъ вѣсело на душй небуло, якъ тепѣречкы. Я вѣ тебе, мамо, щаслыва дочка, що ты менѣ такъ жалуешъ и нй-жыла менѣ зъ малу. Благословы менѣ, щобъ я була щаслыва, щобъ..... усё те збулсья, чогó ты менй хóчешъ; то я тебе непокыну до вику, буду тебе покыты, нйжыты, чогó душа забажя, усё тоби поставлятему.....»

Та такъ одна друту пѣстуючы, одна объ другій жалкуючы, забулы було й объ обидови. И пичъ погасла, и джжж перейшла..... Насылу описля сякъ-такъ зправылыся.

Небизыты наша Оксана нигуды зь дому. Немыли йи и подруги, и писенькы на умь нейдутъ и щебетаты перестала. Ухопыла рукавь видь сорочки, узяла голку, протягла нитку, та й забула узлыка завязаты, та сила край виконця и давай-бы-то шыты. Знай вывобыты та вывобыты..... и спиху нема; незхватитця, моя голубочка, що узлыка нема, та й недогадаётця стибаяучы, бо знай у виконце погляда, чы високо сонечко? «Чого вонд такъ тыхенько котытця?» дума соби: «Колы-бъ я здужала, я-бъ ёго швыдче приволокла ажъ геть туды до лиску! Що сёгодня такый довгый день!.... И кинця ёму неввидно!.... Вербочко густенька! розпусты свое лыстытячко щё густышъ, покрый насъ, якъ зь мылымъ зйдемось пидъ тобою розмовляты, щобъ непобачывъ насъ никто!.... Вже я у вечери спытаюсь, якъ мий мыленький копытаныкъ дума, колы мае по мене старостивъ прысылаты?....» Та й почала думаты, якъ вона выйде за него, якъ стане панею, якъ у добри та у рёскоши жытеме..... та сё то тэ, та сё то тэ..... Отъ дждала и вечора.... «Нежды мене, мамо! Я пиду до Домахы та й посыжу тамъ довгенько.....» Та зь сымъ словомъ шастъ изъ хаты.... двичы-трычы стрыбонула.... вже й пидъ вербою!....

Копытана небуло. Вона розглядила ускыды.... нема никого, ничъ темна, никто непобачыть.... Незабаромъ бизыты и копытаны.... «Чы ты тутъ, Оксано?».

— Тутъ, край твогё серденька!—и прыпала до него..... зибралысь що-бъ поговорыты, та ничого и неказуть, знай цилуютця.... Дали вже й не йграшкы!.... Оксана ажъ злякалася.... Ничого йи робыты, треба вырыватыся та выпручуватысь.... Неберё ни цилковыхъ, ни бумажокъ; плачучы каже: «Зарыжь мене по-переду, та й робы зо мною що хочъ».

Не выпросылась, а выпручалась наша Оксана и якъ муха видъ него полетыла и ускычыла у хату.... Господы! блидна, трусытця, мовъ лыхоманка йи бье.... «Чого ты, чого ты?» Векла пытаётця, а Оксана и слова непромовыть.... Дали вже якъ-то зибралася зь сылою, та й давай матери брехаты, бупцимъ-то Домахы незастала, та идучы назадь, побачыла видьму, що клубомъ котылася, «такъ я—каже—такъ злякалася, що невозможно!» Маты й повырыла. А чы довго матирь, та ще й добру, довести до того, що повырыть усёму, що йи станы розказуваты?... Старя вже ни объ чымъ и недума, а бойитця,

щобъ дытына зъ переляку незанедужала, и стала йй на пичъ покладаты, и кожухомъ укрываты и водою напуваты.... Оксани й добре, що йй на печи маты положила, щобъ недывытыся йй у вичи, бо соромъ, бо стыдъ, що тыхенько видь матери почала зъ копытаномъ любытыся и зъ нымъ тыхенько зиходытыся.... Якъ бы маты тогди до неи прыстала, вона-бъ усю правду, видь щырого сёрца, усё-бъ йй розказала.

Сумуючы, чы вечеряла, чы невечеряла, троха чы й брала ложку у рўкы, звалылася на подушкы, та й стала тыхенько плакаты.... та й дўма соби: «Такъ-такъ-то винъ мене любыть?.... Такъ-то винъ объ мені жалкўе, що хотывъ посмйатысь надо мндо?.... Хыба-жь я тоби неказала, що я тебе дўже-дўже люблю! Не-треба мені ни панства, ни багатства; будь хочъ прдстый мужыкъ - лычманъ, я тебе усё рывно любытому!.... Нетреба мені ни золота, ни перстнивъ, ни намыста; нехай сонечко на мене несвитыть, нехай мйсяць для мене потўскне, нехай зирочки видь мене поховаютця, квиточки передо мндо завянутъ, пташечкы нещобечуть, ричечка высохне, свитъ змйнитця.... мені до сёго усёго нўжды мало, абы-бъ я бачыла тебе по усякъ часъ, дывылася у твой карйя очыци, слўхала, якъ ты мене зовёшь дўшкою Оксаною, якъ ты розказуешь, що якъ мене любышь.... отъ моё й шастыя, моё панство, моё царство у тимъ ув-однимъ! Я жъ дўмала, що й ты такъ любышь свою Оксану! Ажь, бачу, ты раднйсинькый згубыты йй, свитъ завязаты.... Богъ же зъ тобдо! Сказала-бъ я, що пйсля сёго небўду я тебе любыты: нй; щыро, вйрно тебе любытому до смёрты моёи; бо разъ чоловикъ рдытця й дўшу прыньме, такъ разъ и любыть. Казала-бъ я, що нехочу тебе любыты: нй; чы скаже чоловикъ, що нехоче на-свити жыты, нехоче соби здорўвья, шастыя? такъ и я: ты моя радисть, втиха, шастыя, увесь свитъ.... якъ же мені тебе перестаты любыты? А що правда, що нехочу до тебе выхдыты, нехочу говорыты зъ тобдо.... и такы непидў, непидў й непидў; и невййду до тебе, хочъ ты мені Богъ-зна-що робы, давай; слова тоби некажў, покы непоберёшь за мене рушныкывъ по закону....» Та зъ сымъ слўвомъ устала, вдарыла тры поклўны, та впяятъ и лягла, вже зъ дўшкою спокойнйшою.

Уранци пораетця зъ матирью, ажь ось изъ вблосты дёсатныы рышь у хату. Помолывшысь Богу, сказавшы: «дай

*

Бѡже вамъ дѣнь дѡбрый! нехай вамъ Бѡгъ помагà» дали й кàже: «Звѣлтеса, тѣтушка, до себѣ постѣй прыняты».

— Якый тамъ постѣй? ажъ зкрыкнула Вѣкла: «Черезъ вѣщо се? Сказàла-жь громада, якъ я просыла, щобъ у самыхъ жинѡкъ, де чоловика нема, щобъ тамъ никѡго нестàвыты? Я жъ ще плачѹ постѡялне у пѡмичъ бѣднымъ. Хтѡ-жь се зъ васъ вѣдумавъ? Якый тамъ постѣй?»

— Я, Улàсивно, незнаю, тѣлки послàвъ головà, нехай, кàже, прыньмàе до себѣ копытàна. Бàчь, твой хàта, кàже, крàшча, чимъ дѣ винъ стойть.

Подумала Вѣкла, подумала й кàже:

«Щѡ-жь менѣ зъ тобѡю говорыты? Ты пѡсланный. Я самà пидѹ до головы и розкажѹ усѣ».

— Дѡбре, тѣтушка, ходѣть; головà у вѡлосты.

Швыдѣнько зибрàлася Вѣкла, узяла палянычку, звычайно, якъ передъ гѡлову йты, и кàже Оксàни: «Сыды-жь. дѡчко, неходѣ зъ хàты, та запрѣ сыны, покы я прыйдѹ. Я зàразъ вернѹся». И пишла зъ десàтныкомъ.

Оксàна покачàла-покачàла головѡю, здыхнѹла, утѣрла слѣзку... позасѡбувала усюды дѣвери.

Вѣкла, прышѣдшы до головы, поклонѣлася, и стàла розпытуваты, зъ чѡго се узялѡся, що до неѣ постѣй становлять, та ще й копытàна?

«Эгѣ!» казàвъ головà повàгомъ: «Мы-бъ тебѣ, Улàсивно Вѣкло, и незачиплãлы, такъ-бо сѣгѡдня прыхѡдывъ самъ копытàнъ и трѣбувавъ, щобъ ёмѹ далы квартѣрю въ тебѣ. Мы такы, правда, и казàлы ёмѹ, що немѡжно по такѣй и такѣй прычыни, та якъ грѣмне на насъ, якъ затупотѣть ногãмы «давãй» крычыть несвоймъ гѡлосомъ», «давãй менѣ сѣй чãсть! Справныкъ васъ усѣхъ менѣ у комàнду виддàвъ. Той чãсь пошлы очыщàть квàтѣрю. Я зàразъ самъ тудѣ переберѹсь.» Мы, Улàсивно, такъ зъ пѣсаремъ перелякãлысь, що незналы, на яку и ступыты, та от-тѡ и послàлы до тебѣ».

— Гай, гай! стàла казàты Вѣкла: «вѣ-жь въ насъ головà, вѣ-жь намъ, беспѡмошнымъ, защыта! Якъ же се мѡжно? Вѣ мене однѣмъ однà дочкà, якъ тãя поропына ув-ѡци! У неѣ однѣмъ однà чѣсть — наше багàтство, наше здорѡвья, наше усѣ! Погѹбымо ёгѡ, куды мы на-свити годытемымося? Чы мѡжно

сіно зь огнём до кўпы зкладаты? Хоть я дўже дўбре свою дочкў знаю и несподиваюсь видь неи ничо́го недўброго, такь люды-жъ! такь языкы-жъ! Тако́го набрешуть, тако́го наплетуть, що хочь зь свѣта втикай! Лучче менѣ рўку утять, лучче менѣ очей рипытыся, чимь виддаты славу моєи дўбечкы на поругателство! Брехатемуть люде, звѣсно, брехатемуть, бо небўде тамь правды ничогисинько; та усє-жъ недўбре и видь одної славы. Недавайте, пане голова, насъ у абєду....»

«Потурай, Уласивно, мы от-сє усє казала ємў, такь ничо́го й неслўха.»

— Дўбре-жъ», подўмавши сказала Вєкла: «пидїте-жъ до нєго и скажїть ємў, нехай трѣшки згодыть, покы я зь дочкўю вѣберемося до сусїдъ».

«От-такъ-бы й давнѣ, сказаѣвъ голова, їдучы зь хаты. Вже звѣсно, що прѣтывъ копытана немѣжно спѣрыть.»

Отъ вернўсь голова, и каже, що ажъ засумоваѣвъ копытань, якъ почувъ, що ты, Уласивно, хѣпешъ выбиратыся у сусїды, и каже: «Чы немѣжно їй какъ небўдъ зопыныть?» А я кажў: «Ни-ждною мїрою немѣжно; баба дўже завзїта». «Такъ чѣртъ зь нєю!» Непрогнивайтесь, Уласивно, що винъ такъ сказаѣвъ: «ненадать и ей и хватїри їй». Такъ я узавъ та й пишѣвъ.

Всмїхнўлася Вєкла и пишлѣ радїсинька до-дѣму, що видвоювалася видь копытана, а дали їдучы й засумовала, що чы не пидбираєтця копытань до їй дочкы? И стала прымичаты.

Щѣ-жъ вона примытыть? За копытаномъ бы й такъ,— звѣсно, молодєцьке дїло. «Такъ-бо мой Оксана—такъ дўма собї—дарма що й шутлыва, и жартлыва, та вона незагўбыть себє, вона зна, що е грїхъ и погыбель; вона ненапўстыть на себє славы».

Та й правда-жъ-бо. Перестала Оксана жартуваты и до пѣдруть бїгаты; усє сыдыть дѣма, то шыє, то прядє. Попєреду сыдїла зь робѣтою пидъ викѣнцемъ, та якъ забачыла, що копытань почавъ, що у Бѣга дєнь, мѣмо викнѣ ходыты, та шѣпочку знявшы, поклонїтыся, колы вона глїєне на нєго; вона, се бачучы не рѣзъ и не двѣ, стала казаты мѣтери: «сыдїть, мѣмо, вы билѣ викнѣ. Вы старєнькы, недўже бачыте, а менѣ усюды выдѣко».

— От-такъ-пакъ! каже маты: «Чы годытця-жъ мени на старосты сыдѣты у викна, та усѣмъ показуваты свою старість? Ты молодъ чоловікъ, ты дівка; тобі подоба у виконця сыдѣты; йтѣме добрый чоловікъ, побачыть, полюбыть, буде залыцѣтысь за тебе».

«И вже, мамо, сѣго некажѣть! сказала Оксана, та й пересѣла до полу. Маты втишаѣтця, що дочка непидаѣтця ни на якѣ дурѣчество, и знай копырсѣ, слипѣючи, то очѣпки, то рушныкы на прыдане дочцѣ, а тогѣ й небачыть, якъ та, рѣблючи, знай слизонькѣмы вмывѣтця!.... Вона дѣбре розибрала, зъ якѣю дѣмкою копытанъ збирѣвся до ныхъ на кватѣрю!.... «Се-жъ винъ менѣ любыть?...» прыговорювала собѣ, лѣжучы на подушци, що хочъ выкруты видъ слизочѣкъ й!....

Непожывѣвся нашъ копытанъ кватѣрюю. Незабаромъ—рышъ у хату до Вѣклы старосты; одынъ такы сусѣдъ йи, а друкый пидтѣкачка, салдѣть. Почалы говорѣты законни рѣчи; Вѣкла слѣха, а Оксана зъ кимнѣты и непоказуѣтця, прыслухаѣтця, щѣ зъ тогѣ буде. Якъ договорѣлы до кинцѣ, такъ за когѣ-жъ се вони прыйшлы свѣтаты?—Эгѣ!.... за копытанового денщыкѣ!.... «Видѣй», кажуть старосты, «панимѣтко! Дочцѣ твой дѣбре буде: и у хѣроши похѣдыть, и у добры поживѣть» и сѣ й тѣ йи прыставлялы... Сердѣшна Оксана такъ и вдѣрылась у груды, та впала въ подушкы, щѣбъ маты непочѣла йи голосѣнныя, що такъ и рыдѣ! А старѣ Вѣкла, выслушавшы йихъ, та ще пидъ весѣлый чѣсь, нестѣла йимъ выговорюваты. бо дѣже дѣбре розибрала, до чѣго вона ѣ, та дѣвытця на ныхъ веселѣнько и каже: «А щѣ? Чы не зъ Брехунѣвки вы, лѣде дѣбри?»

— Щѣбъ то якъ? зпытѣвся пѣршый старѣста.

«Та такъ» каже маты. «Я бѣчу, щѣ вона ѣ. Немѣ у вашѣму дѣли ни словѣчка правды. Бѣчу, для чѣго вона рѣбытця. Такъ слѣхайте, лѣде дѣбри! Е на нѣби Бѣгъ мылѣсѣрдный! Винъ неповелѣвѣ гнушѣтыся надъ сырѣтствомъ! Тяжкый грѣхъ зобыждѣты и усѣякого чоловіка, не тѣ що сыротѣ. Якъ сонце на нѣби, такъ у усѣякого чоловіка слѣва. Лыхѣ томѣ, хто загѣбыть йи; лѣчче тогдѣ на свѣти нежѣты. Щѣ-жъ за чоловікъ, що пидкѣпуетця пидъ чужѣ слѣву, та ще пидъ дѣвѣчу, пидъ сырѣтську? Нехѣчу я ни зѣлота, ни срѣбла, колѣ за нѣго погубѣты слѣву моѣи дѣчечкы, моѣи утрѣбы, мо-

ёго нарождёныя!.... Лучче я маю своймы рукамы навязаты йй каминь на шыю, та утопыты у ричци, чымъ виддаты на согришённы, на поругательство!.... Господы мылостывый! Чымъ я тебе прогнивыла, що чую такэ мені посміяны?... Тутъ ажъ сплакнұла; дали йй каже: «Ййдіть, люде дббри, туды, видеиля прыйшлы, и до того, видъ кого прыслани. Грїхъ, стыдъ, сбромъ томұ копытанови! Винъ благородный, винъ пысьмённый, винъ знá, за що грїхъ и чоò нембжно робыты.... дрўтыхъ-бы навчавъ, а не такъ робыты....»

Отъ у такй слывкы ускбчылы нáши старосты! Піймáлы бблызня,—незнáю! Поточылыся зъ хаты неовырабчысь. Кажуть, якъ розкáзaлы копытанови, щб йимъ булò у Вёклы, такъ, кажуть, ажъ зубáмы заскреготáвъ.

Оксáно, Оксáно! дé твой шўткы та жарты? дé твой тáнци та скбкы? дé твой йгры та щebetáнья?... Усё мынұло-ся!.... Гай, гáй! Та-жъ дйвка, та вже не тá! Нигдé йй у бесёди небыдкo, у розговбрахъ нечўте. Сыдыть усё дбма та дбма, ни словёчка непрбмбвыть, ни пáры зъ устъ непўстыть! Дёр-жыть у рукахъ або рукавъ видъ сорбчки, а гблочка застрбм-лена спочывá..... або хочъ за грёбнемъ, то веретёно дбли ле-жыть и мычка на грёбни цилйсинька. Рўкы зпўстыть, гблову похылыть, дыбытця—и ничбго небáчыть; а чáсомъ слизбчкы тилки кáпъ-кáпъ! Булá червбна якъ мáкъ, тепёръ що дёнь усё блиднйша, усё блиднйша. Щбкы булы повнёнъкы, тепёрычкы позападáлы. Очыци, що грáлы якъ зирбчкы, тепёръ прытўх-лы и мовъ чымъ заволбчени, що мовъ и небáчутъ ничбго. Хочъ цйлы й дёнь зъ мáтирью сыдытеме, то колы тá до дочкы не-заговбрыть, то непочўешъ видъ нёи ни пив-словёчка. Колы що мáты и спытáе, «незнáю, мáмо!» одынъ у нёи одвйть. А чáсомъ и такъ бувáе, що мáты пытáе про лбжкы, а вонá йй каже про телá.....

«Щб зъ тоббю, мой дбнёнъко, стáлося? Чы вь тебе що болыть?» пытáе мáты.

— Незнáю, мáмо! Бачытця ничбго.

«Чы жўрышся объ чймъ?»

— Нй, мáмо!

«Такъ-бo я знáю, що ты жўрышся, и знáю объ чймъ. Ты объ тимъ сокрушáешся, що копытáнь думáвъ про насъ, що

мы пўстымося на грїхъ и що я продámъ твою славу, а черезъ неї и мою дўшу? Бодай винь сёгд недиждавь! И бодай ёму такъ тяжко и вáжко булò, якъ моёму сёрцю, бáчучы, що моё мýлее дытá, моá порошына ув-òци, мій квитòчокъ завья-дае, сòхне якъ былыночка....» Та й прыгòрне їй до сёрця.... и плачуть укўпи.

Пислá такòго пёствованья, та бáчучы мáтерыны слёзы, тужь-тўжь Оксáна непрызнаеця, що се вонá плаче, сумýе и вбывáеця абъ тїмъ, що любывшы дўже крїпко копытáна, чўла видь нёго и винь їй запрысгáвся, що любыть и їй видь шырога сёрця и що непокыне їй до вїку, и що вонá ёму и крáще и мыльше усїхъ..... та й чымáло чогò винь їй ненаговорывь!.... Та пислá сёго щò задўмавь? Якъ вонá видь нёго пидь вербòю насылу вырвалась; якъ винь хотывь у ныхъ на кватэри стáты, щòбъ швйдче згубыты їй славу; якъ хотывь узáты за свогò денщыкá, щòбъ опислá орудоваты ёю якъ-бы захотывь.... та збираючысь абъ симъ пожалытысь, стыдá рáды незмòже вымовыты ни словéчка, та тїлки що зплакнэ, та впьяты за свою дўмку, що якъ-то копытáнъ звывь їй.

Якъ невýдко булò на вўлыци и нигдэ Оксáны, то пòдругы їй часомъ булò прыхòдють до неї або шыты, або прáсты, щòбъ розвáжыты їй то писенькáмы, то усякымы розкáзамы; такъ усё ничòго! И дывытця, и слўха, та й невсмхнётця, якъ тїи регòчутця. Бїдна Векла, глáдючи на неї, жўрытця; накўпыты їй и горїшкывь, и медянычкывь, и тарáни, и горòху їй спряжэ.... покуштýе, бáчыть, що дрўги дивчáта йидяты, а вонá й байдужé!.... «Нехòчу, мáмо; у дўшу менї нищò неїйдэ.....» та худá собї нá-лыхо, що зовсїмъ тїлки що незвáлытця. Безъ знахурòкъ та безъ ворожòбъ необїйшлòсь: выльвáлы переполòхъ, вмывáлы видь урокывь, шептáлы видь очей и щò неробылы,—усё ничòго та й ничòго.....

Опрїчъ дивчáты, прыхòдылы провїдуваты Оксáну и жинкы й молодыци, бо Оксáну усї селòмъ любылы. Промежь нымы булá Мелáшка, молодыця провòрна; небулò тогò весїлля, де-бъ вонá небулá свáшкою; на мáсныци волочыты колòдку—вонá пёрша привòдныця; видколядўють дивчáта, вонá зыбрáла свїй ватажòкъ молодыць, пшплá попередъ усїхъ; зпароваты пáрубка зъ дивчыною їй подавай: вонá зведе. Отъ якъ стáла вонá ходыты до Оксáны, якъ стáла зъ нею шупў-шуп-

пў, ажъ гўлькь! наша Оксана стала потрѣшку виддыхаты. Вже й бѣршыку пойить, капусткы зъ свынѣною забажá, и вже часомъ и всмихнѣтця, якъ чомў. Дáли та дáли, вже й каже: «пидў я, мамо, прохожўся; або на вдвѣрѣи посыжў, або до Мелáшкы схожў».

Мáты радѣсинька, ще самá їй выпровожá. И що пиде Оксана до Мелáшкы, то вѣрнетця усѣ веселѣнька, усѣ нѣбы здоровѣша; дáли минулося усѣ лыхо: стала наша Оксана и здорѣва, и повновѣда, и румѣяна якъ булá; и наряжáетця, и чепурѣтця що-днá, и впѣять узялá свою натўру: и щѣбѣче, й смѣтця, и выгáдуе, и регѣтця, и до мáтери ластытця; ще трѣхá невеселѣше стала, чымъ попереду булá.

Щѣ-жъ-то їй такъ Мелáшка почыныла? Мáбуть ворожыла надъ нѣю, або що-нѣбудь такѣ зробыла, що якъ зъ воды вы-тягла нашу Оксану?.... Эгѣ! Вона дѣбре поворожыла; вона пид-лизла до Оксаны, та й стала їй розказуваты, якъ-то копы-тань їй любыть, якъ вбывáетця за нѣю, чўючы, що вона не-дўжа, и що й самъ—хочъ вмирáты, що небáчыть їй.

«Такъ-же-то й люблять, якъ винь», стала скривъ слѣзы казáты Оксана, а самѣй ажъ повеселѣшало трѣхы, що ѣ кому своѣ гѣре розказáты и про копытáна поговорѣты. «Якъ-бы любывъ справди, такъ винь-бы нехотѣвъ менѣ погубыты, винь-бы нетопѣвъ моѣи слáвы!....» Тутъ и розказáла усѣ, до чѣго копытáнь мавъ їй пидвесты; а самá такъ и залывáетця слизмы.

Мелáшка тутъ и пустыласъ зъ своїмы лáсами! Тѣлки їй того й трѣба булѣ, щѣбъ Оксана стала жáлитця на копы-тáна.... тўтъ вже вона и почалá, и почалá.... вже такá щѣ-бетўха невыбреше, якъ когѣ захѣче!.... И почалá шѣпчучы казáты, якъ и самъ копытáнь тепѣрь жалкўе, що такъ ро-бывъ; що вже тепѣрь небўде, и що вже въ нѣго вже й дўм-кы такѣи немá; що колѣ-бъ тѣлки ѣмў побáчытысь зъ Окса-ною, то винь їй розкаже, що дўма робыты.....

«Щѣ ѣмў зо мною робыты?» сказала Оксана. «Покынуты менѣ бѣдну; нехáй пропадáю!.... Неслўхаты булѣ ѣгѣ попереду, неспрызнавáтысь, що и я полюбыла ѣгѣ.... А тепѣрь щѣ? Винь менѣ небзьме, а на безчѣстытя я непидў, хочъ нехáй менѣ й печѣ й рѣже».

— Та тѣлки послўхáй ѣгѣ, що винь скаже! усѣ своѣ товклá Мелáшка, и що дѣнь усѣ объ сѣмъ товковáла.

Першь Оксана и рукамы й ногамы: «нехочу й нехочу. Я бачу, що я швѣдко вмирѣ; за-для-чѣго-жѣ винѣ менѣ. Нехай здоровѣ живѣ, та другыхъ пиддѣрюе». Дали, слухаючы Мелашкы, стала вже казаты: «Нехочу ёго бачыты, бо й менѣ жалко». Дали каже: «Я-бѣ и пишла, а якъ-же винѣ впѣять прѣйметця за своё?» Тутъ-же, якъ забожылася и запрысяглася Мелашка, що винѣ и недѣума ничѣмъ досаждаты, а тилки хочъ-бы побачытысь хочъ на часынку, то Оксана й сказала: «Пидѣ, колы маты пустыты». Отъ и пишла.

Не зъ бѣса-жѣ лукавый и копытанѣ! Ажѣ заплакавъ, якъ вздрѣвъ Оксану, и тилки що голѣбывъ їй, та крѣпко пылно просѣвъ, щобъ вона ни обѣ чымъ нежурѣлася, одѣжувала-бѣ швѣдче, и що винѣ маѣ такѣ гарне щось казаты, що йихъ щастѣтя усѣхъ бѣде.

Оксана, якъ дѣже крѣпко любѣла копытана, то й по-вѣрыла ёму, и бачучысь зъ нымъ частѣсинько, недѣмала про нѣго, щобъ винѣ йшѣвъ на погыбель їй. Знай прыхѣдыты до Мелашкы, що въ Бѣга дѣнь, бачытця зъ копытаномъ; а дали винѣ їй довѣвъ до тѣго, що чымъ до Мелашкы ходѣты далѣко, стали вони жѣденѣ вѣчорѣ зыхѣдытысь пидѣ вербѣю, бѣля Вѣкыной хаты.

Мабуты, що пидглядѣвъ Петрѣ про сѣ йихъ схѣдѣбыща, а вже нечѣвъ ни видѣ кого, бо ни хѣтѣ їй никѣлы небачывъ пидѣ вербѣю, якъ вони зыхѣдылысь. Хыбѣ, мѣже, тилки Петрѣ якъ-небудѣ пидѣздрѣвъ йихъ, бо пылно слѣдѣвъ за Оксаною, и колы й бачывъ, то вже никѣму ни словѣчка неказавъ, бо бѣвъ парѣнь чѣсный, дѣшу добру мавъ и берѣтся, щобъ когѣ заняты, абѣ слѣвомъ осудѣты. Якъ-то тамъ булѣ, мы невѣаемо, а тилки разъ наѣдѣ-вечирѣ прѣйшѣвъ винѣ до Вѣкы, впѣять за тѣмъ-же слѣвомъ.

«Якъ дочкѣ хоче», видѣты дала Вѣкла, «такѣ нехай и бѣде. Якъ-бѣ по менѣ, такѣ я-бѣ їй сѣгодня виддала. Та я нетака маты, сѣловаты небѣду. Кажѣ, дѣню, якъ знаѣшь».

Дѣмала Оксана, дѣмала; щыпала той рукавъ у сорѣчки довгѣнько, ажѣ ныткѣ повѣдѣргувала, и чѣрезъ сѣлу намирѣлась казаты: «Семѣновичу! Бачу я, що вы менѣ дѣже любѣте..... дѣкую вамъ за тѣ, що вы маѣте менѣ щаслывою зрѣбыты..... ни зъ кымъ небѣде менѣ такѣго щастѣтя, якъ зъ вами..... та пидожѣты щѣ.....» Дали зглянула на Бѣга, пе-

рехрестылася и каже: «Отъ вамъ хрѣсть святый! Колы до Покрѣвы.... невмру, або що-небудь.... тогди, мамо, якъ знаете, такъ и робить».

Здвигнувъ Петро плечыма, поковывавъ головою, та сказавшы: «Глядѣть, щобъ тогди вже непивно будѣ!» махнувъ рукою, та й пішовъ зъ хаты.

«Щѣ се за рѣчь така?» думавшы довго Вѣкла и дѣвлячысь на дочкѣ, зпытала їй.

— А хто ёго зна, мамо, щѣ се винъ сказавъ. Мѣже щонебудь до себе: абѣ у дорѣгу піде; або другу дѣвку знайде, такъ мы щѣбъ нежалковали.....

«Оксано, Оксано! гляды!....»

Вжѣ Оксана и на шѣи у матери, вже й обняла, и выцѣлюе їй. «Чы мѣжно, щѣбъ твоя Оксана, та довелá тебе хочъ слѣзынку объ своѣй доли зпустыты? Я тебѣ радоватему, я щáстья и тоби прынесу..... Никѣды незаплачешъ черезъ мене, нездыхнешъ объ менѣ..... бо й менѣ лѣчче от-тутъ заразъ передъ тобою на симъ столѣ лягты, чымъ погубыты себѣ, та нетѣлки погубыты, и славу пустыты на себѣ». Та се сказавшы, стрѣбъ-стрѣбъ зъ хаты до копытана, що вже дожыдавъ їй пидъ вербою.

«Щѣ-жъ, мѣй ѣрлыку! щѣ зъ сѣго нашого жениханья будѣ? До мене Петро прыстаѣ; маты швѣдко прысылуе, а дѣвчата чѣлы видѣ салдативъ, що вы швѣдко пидете видѣ насъ у походѣ....» Такъ казалá Оксана, сѣдючи у копытана на колѣнкахъ, обнявши ёго одною рукою, а другу винъ державъ. «Колы ты пидешъ, а мене тутъ покынешъ..... почѣшъ..... про мене.....»

— А ѣтъ що будѣ, сказавъ копытанъ: «мы збираѣмося у походѣ, я зъ тобою звинчаюсь и тебѣ озму зъ собою».

И стáлы вони любытысь, и скѣлки разъ ни зыхѣдылысь, у пѣрше ще копытанъ сказавъ, що ѣзме їй за себѣ.

Щѣ-жъ Оксана? Рукамы зплеснула, затрусылася усá..... и лѣдвѣ промѣвила: «И сѣму-жъ правда?.... Скажы-жъ менѣ, якъ передъ Богомъ!»

— Якъ передъ Богомъ кажѣ тоби, мой Оксаночко, що такъ оно ѣ. Я давнѣ узявъ-бы тебѣ, та бумага на наше винчанья непрыйшла ще зъ полку. Я думавъ, якъ вона прѣй-

де, некажучы ничòго, узáты тебе за-руку, та й повесты до цёрквы.....

«Такъ я-жь матери объ симъ скажy.....»

— Нй, мой Оксáночко, ще не часъ йй объ симъ казáты. Я думáю ось якъ: ни словéчка йй некажучы, мы звинчáемся и прыйдемо до матери, и прынесём йй и шовкóвыхъ плáтьивъ, и платкíвъ, и хустóкъ, и золотыхъ очíпкивъ, и усéго, що звичáйно для пáнеи, бо й вона стáне пáнею, якъ буде копытáньска тéца. А що тебе вже выряжу, такъ.....

«Менй ничòго нетрéба», кýнувшысь ёму на шыю, стáла ёго выпцлóвуваты та прыговóрюваты: «тылки-бъ менй у сiи чòрнии óченькы дывытыся, та йихъ цилóваты, и си щóбечки, и си гýбочкы.....»

Такъ, дóвго женихáвшысь и порáдывшысь зовсiмъ, щóбъ у недiлю имъ винчáтысь, и тогдi вже матери обьявiты, рóзийшлысь собй. Оксáна бижиць до-дóму и землi пидъ собдоу нечýе.... Копытáнь, котрòго вона такъ лóбыть, óзме йй, вона бóде пáнею, мáты бóде у рóскоши, у багáтствы жыты.... «Чы ё така щаслыва, якъ я?» дýмае Оксáна, убiгшы у хáту.... и досáдно йй, що мáты вже лягла спáты, якъ се й чáстёнькó бувáло, що недiждетця дочкы, та й лáже; а тепёръ Оксáни досáдно, що нiкого йй пёствоваты та нiжыты, бо самá себе нетáмыть зъ рáдосты.

Недiленька недалёко, трéба-бъ Оксáни збирáтысь замiжь; та чòго йй збирáтыся? Хочъ одéжа, хочъ сорочкы, вже йй сёго нетрéба, вже въ неи усё пáньське бóде.... и рушныкы-жь, и подáрки, въ ныхъ усё не по нáшому.... такъ дýма наша сердéшна Оксáна, и ни объ чiмъ недýма, колыбъ тылки швыдче недiленька прыйшла.

У субóтoньку у вéчери, тылки зiйшлысь пидъ вербóю, копытáнь и кáже Оксáни: «Знáешь що, дўшко? Зáвтра у рáнци мы ййдемó у похóдь....»

— А якъ-же се? ажъ зкрыкнула Оксáна, злякáвшысь.

«Алé! небiйся ничòго. Мой бумáга у полкóвныка. Я зáвтра видведy салдáтивъ до нёго, óзмy бумáгу, та й явлóсь тутъ икъ вéчery. Гляды, дожыдáй мене, незахóдя де далёко. И матери ни пивсловéчка некажy.... Що за гáрну спидныцю я йй зпáравывъ! люстрынóву; и кóпку парчёву.... Що вже на усю гýбу пáни бóде!.....»

Вже коли Оксана чула, що матері їй буде гараздъ, тутъ вже вона ни обь чимъ билшъ недумала, и хочъ що їй скажы, усє зробыть и у всимъ послуха. Тутъ стала зпомянаты, якъ маты здывуетця, якъ зрадуетця.... Колибъ у нашій цєркви винчатысь, щобъ и дивчата подывылысь, якъ я панею наряжуся!....»

Чогó-то-вже тутъ копытанъ небрехавъ? Чогò невыгадувавъ, щобъ тйлки одурыты нашу Оксану! А вона, сердешна, якъ рыбонька на удочку, такъ сама й кыдаецця, и чипляецця!....

Хочъ тйлки и до заврєго розхóдылысь вони, та Оксани щось дуже на сєрци жалко булò!.... Усє-бъ вона плакала и сама незна чогò!.... «Та сє, мабуть, видъ тóго, що я за-мижъ їйду, що маю покынуты и своє сєлò, и свою хату, и скрыню?... Нехай хто хóче забира; я вже панею бóду, пиду у походь.... Яковò-то ще мєнї на панствї бóде?....» Та й заплакнула.

Ранкомъ у недїлю проводылы салдативъ зъ сєлá, якъ дóвгъ вєлыть. Копытанъ вєрхы, кланявся и прощався зъ старыкáмы, и туды поклонывся, де жинкы и дивчата стоялы и Оксана зъ нымы; поклонывся, та й покrywся конємъ, ажъ скылки вйдно! Тутъ чогòсь пидйшовъ Петрò до тїй кúпы. де Оксана стояла, та розговóрючы зъ пòдругамы, реготáлась.... Петрò подывывсь на нєй, здвыгнувъ плєчымá, та й пшòвъ собї.

«От-такъ-ты, мамо, зробы, якъ наша Явдòха Горшкòвзивна!» сказáла веселєнько Оксана, вернўвшыся до матєри.

— А щò тамъ такє вона зробыла?—пытáла маты, крєшачы лòкшыну.

«Помандровáла за салдатамы».

— Ё?

«Дáлєби. Та ще сєреду-днá. Усї бáчылы, а вона увòбзи ховáецця. Дємкò їй смíявся, такъ ще й языкъ єму вь-солòпыла».

— Щò-жъ маты?

«Голóсыть, не щò».

— И невмєрла видъ тугы та видъ сòрòму людськòго?

«Ажъ жалко на неи дывытысь, якъ-то плаче. Зосталася на старосты якъ персть! У! якъ бы я пиймала от-ту бузавірку, я бъ ій голову видтала, щобъ некыдала матери, та неробыла стыда на усє село».

Такъ имъ сєє чўдно булò, що увєдєнычкы усє говорылы объ Явдоси и объ ій бідній матери. Оксана никўды зъ хаты невыхòдыть, хочъ маты и посыла ій до пòдругь. «Нехòчу, мамо. Мени и зъ тобòю вєсело». Тылки сонєчко повернуло, вжє вона й выгляда копытана, а єгò нема. Вжє й надъ-вечирь, нема. Сонєчко зайшлò, копытана нема, Оксана у слєзы.... «Щò-жъ?» каже «хочъ и обманўвь, та непосміявсья... Колы невмру зъ журбь, то змòжу забўты єгò. На соби усє лыхо перетєрплю, а вжє никòму, никòму не скажу».

Такъ сыдыть на завальни и свитомъ нўдыть, а вжє й смєркло. Якъ ось копытанъ халъ ій за-руку.... «Пойдємъ, Оксано, винчатысь».

У Оксаны такъ сєрце й захолонуло.... «Пидў-жъ я.... до матери», каже.

«Немòжно, Оксано. Описля прыїдемо».

— А благословытысь?

«Вона описля насъ поблагословыть. Ходимъ, дўшко, швыдче, пипъ дожыда».

Непишла Оксана, а винъ ій повивъ....

«Куды-жъ вы ійдетє? Ад-жє онде цєрква, а сє вжє зъ села....»

— Немòжно, дўшко; я полковый, такъ трєба, щобъ насъ винчавъ полковый пипъ....

«Такъ дє сє?....»

— Гєнъ у тимъ сєлї, дє полкъ ночує, пятнадцять верстòвъ видсиля.

«Такъ щò-жъ от-сє?...» вжє не ійдє, а копытанъ тащыть ій; и вь неи рўкы й нòгы одубылы!

«От-тò, що трєба швыдче поспышаты. И пипъ дожыда, и гòсьци на весылья зибралысь.... Скориншъ ійды, ось-дє й брычка моя. Пойїдемо».

— А маты?... Охъ, вернуся я, та скажу....

«Та куды ты будєшь вертатысь? Вона вжє далєко, а ось-дє й брычка. Швыдєнько сидай, мы заразъ до неи вернемося....»

— А необмáнюешъ ты менè?

Тутъ копытáнь и почáвъ божытыся й заприсыгáтыся, що усèму правдa, и що тилки полковый пiнгъ ихъ звинчá, такъ и вèрнутця до мáтери и óвзмутъ йи зъ собдою.... Та сее кáжучы, зовсiмъ нечувствèнну Оксáну упхнóвъ у брычку, сивъ сáмъ, крыкнувъ: «пашóль!» и помчáлысь кóни якъ стрилá!....

Оксáна нá-взрыдъ плáче, а копытáнь йи уговóрюе и усè йи прыставлá, якъ от-òть прыйидуть, звинчáютця и вèрнутця до мáтери....

Незabаромъ и добiглы. Копытáнь увiвъ Оксáну у свою кватырю ни жiву, ни мèртву..... такъ и впáла на постiль, та слизьмы облывáетця!....

Копытáнь зaráзъ и крыкнувъ: «Горбунóвъ! Бижы, скажы бáткюшци, щобъ йiшóвъ винчáть скорiше».

— Слúшаю, вáше благорóдые!—крыкнувъ сáлдáтъ, и побiгъ.

«Дáйте намъ чáю!» гукнóвъ копытáнь. «Напiйся, дúшко, чáю; ты зовсiмъ зомлiла, впадéшь пидъ винцёмъ».

— Я ёгò зъ рóду непылá и нехóчу. Видвези́тъ менè до мáтери.

«Трèба выпыты хочъ трóшки, привыкáй. Тепèрь бúдешъ пáнею, трèба усáкый дèнь пыты. Нà, хочъ лóжечку, колы любышь менè.

Нiчого Оксáни робыть, узялá лóжечку,—солóдке, гóрло промочыла, що дúже запеклóсь у неи..... «Нà щè лóжечку!» щè лóжечку прынялá. «Хлысны зъ чáшкы хочъ трóшки». хлыснóла, и у дрúге, и у трèтё, и у п'яте..... и выпыла усю чáшку.

Трóшки полéжавшы, пиднялáсь, вже й веселёнъка; невидмагáетця видъ дрúгой.... очыци посоловiлы.... защебетáла нáша Оксáна! Знай розкáзуе, якъ вонá нарядытця пидъ винèць, якъ прыйиде до мáтери, якъ та здывóуетця, зрáдуетця.... а тутъ самá трèтю чáшку, самá узялá и, выпывши, вже сыдiть у копытáна на колiнкахъ и самá собi весiльныхъ писенёкъ прыспiвуе... дáли щось забормотáла и гóлову похылыла...

Напылáсь Оксáна пáнського чáю! Бúдешъ, сердèшна, тiмъи и по вiкъ оскóмы незбúдешъ!

.

«Пропала я теперь на свѣти!... крѣкнула сердешна Оксана, якъ прокынулась у рѣнци, дывлячысь, дѣ вона и щѣ зъ нею сталося.... Гбсподы мѣлостывый!... стойте и на мѣсци неустѣить, блицна якъ смѣрть, трусытця усѣмъ тѣломъ, якъ зчѣпыла рѣкы, такъ вони въ нѣи и закостѣны; расплѣтени кѣсы повѣылы по плѣчамъ, очи й дывлятця, та небачуть, що тутъ лежѣтъ копытѣнь, погубѣтель йй, и спѣтъ, нечѣствуе, щѣ винъ нарѣбывъ!....»

Прокынувся винъ скѣро и бачучы такъ Оксану, що зовсѣмъ якъ смѣрть, кынувся до нѣи, щѣбъ уговорюваты йй, зхѣпывъ йй зѣ-рукы, рѣкъ нерозведе; посадывъ йй на постѣль, вона й сила.... хылытця.... хылытця, и впала зъ постѣли до дѣлу.... и нежывѣ зовсѣмъ.

То водѣю видлылы, то натырѣлы йй выскы, то ўкусу давалы нѣохаты, — сякъ-такъ зивнѣла сердешна.... звѣла очыпы до Бѣга.... и лѣдвѣ-лѣдвѣ промѣвыла: — «Зарѣйте.... менѣ.... зовсѣмъ....» Тутъ копытѣнь кынувся до нѣи, ставъ йй розважѣты, ставъ прохѣты, ставъ умолѣты, щѣбъ невбывѣлася такъ, щѣбъ нежурѣлася, що се ничѣго, що отъ же прыньмутъ законъ, звинчѣютця и усѣ винъ покрѣе, якъ дѣвѣ вѣлытъ....»

Оксана хочъ и дѣше, сѣдючи на лѣжку, кудѣ посадылы йй, и небачытъ, яѣтъ винъ коло нѣи вбывѣетця и щѣ винъ йй говорытъ; зырнѣла очыцямы.... «Мѣмочко!.... дѣ ты?....» промѣвыла.... та якъ зарыдѣ!....»

Горбуновъ, денщыкъ, и тѣй ставъ плакаты, дывлячысь на нѣи.

А копытѣнь усѣ вѣетця коло нѣи, та прѣсытъ, щѣбъ нежурѣлася, що се ничѣго, та щѣбъ убирѣлася швѣдче, що вже порѣ ййхаты....»

Неслѣхаючи ѣго ничѣго, такъ сердешна и повалылася ѣму у нѣгы. Охватыла ихъ рукамы, цилѣе, облыва слызмы гиркымы, не зъ очѣй вже, а видѣ самого сѣрця, и стала ѣго молыты:

«Копытанѣчку мѣй! Ваше благородые! Незнаю, якъ васъ щѣ вышче возвѣлычѣты? Бѣдѣте менѣ братикомъ, ще пѣшче: батенькомъ рѣднымы!.... Послѣхайте менѣ, бѣдную, погыбшую зовсѣмъ.... озмыте нѣжѣ, вырѣйте моѣю рукѣю сѣрце моѣ,

рйжете мою дўшу, заколіть мене!.... Я недостойна жыты на свіці Божому; мені немажно бўты зь людзьмі!.... Я вбыла матинку мою риднёсеньку! Шчо вона теперь безь мене?.... Вона непережыве такодо сбору!.... Я згубыла свою славу.... Я запропастыла дўшу свою!.... Рйжете, коліть мене, небоячысь гриха!.... Я й сёй грихъ озьму на свою дўшу.... На-що мені жыань безь славы, зь безчэстыямъ!.... Копытаныку, мій копытаныку, прямо у сэрце! Небійтесь гриха!.... вы вже мене гйршъ вбылы, вы погубылы мене на выкы вишніи; вы шўтычы, сміючысь, виднялы вь мене, що було у мене дорогшого, святишого.... дорйжете мене; се вже вамъ бўде за-мисць йграшкы!.... Я погыбшая на симъ свіці!.... Якъ згадаю про матиночку мою, жыва-бъ у зёмлю пшплла.... Матинко мой, риднёнская!.... Шчо я тоби наробыла!.... Чы се-жъ твоя Оксана?.... Чы се-жъ радисть твоя?....»

Тяжко жалібно прыговорювала Оксана, а сама першъ плакала-плакала, ажъ слизьмы пидплыла.... волосься на собі рве, у груды бьётця, а дали вп'яты зомляла й покотылась....

Салдаты убийть до копытана и крыкнувъ: «Пожалуйте, ваше благородые; усё готво, васъ ждуть».

Копытанъ, обтёршы слёзы, бо й самъ, хочъ и запекла душа, а зплакнўвъ такы трохы, ухватывъ безчувственну Оксану, завернўвъ у салдацьку шынелю и вынись йй на рукахъ и уложывъ у брычку.... Пойхалы далшъ!

Ни жыва, ни мёртва лежыть наша Оксана у брычци; оцўствуетця трохы, бачыть, везуть йй, денщыкъ быля неи. Згляне до Бога.... «Господы мылосёрдный!.... Чы се я? И от-се зо мною зробылося? Матиночко мой! Непроклынай же тїеи, що була твоєю доненькою....»

Сталы на кватерю на другу ничъ. Оксана злягла во всімъ. Ни йсты, ни пыты, ничого нехоче, и незгадуу йй.

«Чы не хочъ, дўшко, чаю?» зпытавъ копытанъ, хлѣбчучы ёго зь люлькою.

«Будь проклять винъ видъ мене! ажъ крыкнула, затрусывшысь, Оксана: «то не напытокъ, то пекельный вогонь.... и якъ замовкла—замовкла, и вже шчо копытанъ ни говорывъ до неи, якъ то вже нерозважавъ йй, такъ нїякого одвиту недала, а усё здыхала тяжко, а часомъ и перехрыстытця.... Мабуть що-нє-будь замышляла.

Якъ ось у ноці, прычуваецца Оксана, усї дбре спляць... вонà тыхэсеньку устала, чы обулася, чы нї, чы вдягла що, чы невдягла, та тыхою ступою ійдэ... ійдэ... ажэ дўх прытайла.... ійдэ... та до дверей... рыгь! и вьйшла. Туть ій вже лёгше стало дыхаты и вже смилішь пішла до дверей надвірныхъ.... Налалала поночи засувь и що-то-вже довго ёго двыгала, потыхэсеньку та помалэсеньку, щобь нестўкну-ты та неробудыты денщыкывь, що у хати спляць. И двыга засувь и бойтця, и усї трўсытця, и дўма собї, якь-то якь выскочыть на двірь, якь побижыть куды бчи, зховаецця де-небудь, пбкы свїть стәне, а тамь піде прамйсиньку до матери.... Видсўнула... и двери тыхеньку видчыняютця. спасыби й нерыплать... оть и зовсімь видчыныла.... «Хто ійдэ?» крыкнувь часовый, що туть бия двери стоавь..... Оксана такь и змертвила! Престрашєнный салдаты, зь предов-гымь оружжомь, якь зхопыть Оксану за руку, якь потаска ій у хату, та видчынывши двери, такь и вихнўвь ій, крык-нувшы: «Вы спытє, а дївка ваша уйшла булò....» Туть денщыкы прокынулись, пиднялы Оксану, що впала булò, якь ій салдаты пхнўвь. А туть и копытань прокынувся и ставь выговброваты Оксани, за чымь вонà дўма втикаты? Сєго вже немòжно й подуматы.

У ранци непойхалы никуды: трєба булò салдатамь перестояты. Оть и прыйшовь охвыцєрь до копытана; розглядавь Оксану и ставь єму завыдоваты, що таку красыву дивку добувь собї. Дали, бўцимь то й добрый, и каже, що ходывь, каже, винь до попá, щобь Оксану зь копытаномь винчать, такь зовсімь бы дїло, заразь-бы повинчалы, такь немá видь ій матери бамагы, а безь тóго немòжно винчаты. Послаы, каже, яко-мòга швїдче, щобь поспыла бамага, колы не сєгòдня, такь завтра чуть свїть.

Оксана сыдыть, похылывши гòлову, и ничòго имь некаже.

Дали той охвыцєрь и ставь казаыты, що копытанови немòжно у похòди дивкы зь собòю возыты, такь трєба ій нарядыты, мовь денщыкь. Трєба, каже, ій сїй кòсы видрїзаты и гòлову обстрыгыты.

Копытань гукнўвь на денщыка, щобь обстрыгь Оксану. Тылки що той прыступывь та намырився, вонà якь выхопыть нòжныцы, якь зкóчыла, и каже: «Недамь никòму ору-

доваты надъ мою косою! Невмила я зберегтї своєї славы, недостойна носыты и дивочои красы!» Та зъ сымъ слѣвомъ — чыркъ! Якъ небудь славнои, русои, довгои, густои та пышнои косы! Оксана зхопыла їй у руку, прыгорнула до сэрца, поццловала.... та гирко-гирко заплакала.... дали и по голови себе нѣжныцями чыркъ, чыркъ.... и пострыгла мисыцями усю голову.... збрала волосья и тежъ оплакала и каже: «Такъ тобї, Оксано, й трѣба. Згубыла свою славу, ходы-жъ обстрыжена!.... Я й забула, що менѣ трѣба будь ще вѣбра обстрыгты! Чѣсна дивка красуетця косою, а така, якъ я, завсегда обстрыжена буда.... Збрала свою косу и волосьячко усѣ, завернула у хусточку и прыгорнула до сэрца.

Охвыцеры думалы, що йимъ велыка морѣка буде, одягаючи їй по-хлопьячїй, и сталы заговѣриваты.... вона йимъ и каже: «Робитъ що хочете зъ стрыженою Оксаною.... вона усѣ погубыла: и славу свою, и косу, и розумъ; їй вже немѣжно ничѣго дивочога носыты!....»

Якъ їй одягали, якъ пострыгали по-хлопьячїй, вона не пручалася, ничѣго неказала, тїлки що плакала....

Сэрце болытъ розказуючы, якъ-то страждала наша сердешна Оксана и що терпїла видъ копытана, злого чоловика!.... Усѣго й пересказаты немѣжно. Якъ винь їй по походамъ взывъ зъ собою, якъ їй стереглы и нїчъ и дѣнь, щѣбъ невтекла. А зберутця до него охвыцеры, то вона щѣбъ стояла передъ нїмы, люлькы йимъ подавала, и хочъ усї зналы, що вона дивка, та переряжена по-хлопьячи, та взывали їй Иванькою, и жартовалы зъ нею, и выгадовалы дѣ-що. Вона-жъ якъ стина мовчытъ передъ нїмы и ни пѣры зъ усть непустытъ, тїлки здыхнѣ и подума: «Слухай, Оксано, якъ заробыла!»

Щѣ такы безсовистный копытанъ непереставѣв їй обдуриваты. Щѣ такы, якъ часомъ Оксана дуже розплачетця, та стане ёго поприкаты, та стане ёму приставляты, якый-то винь грїхъ надъ нею зробывъ; то будимъ-то й жалкуе и почнѣ впыять божытысь и клястысь, що винь зъ нею звинчаецця, тїлки отъ непрыйшла бумага видъ матери; и почнѣ їй усяки теревѣни правыты, розважяючи їй; то, сердешна, хочъ и незовсымъ, а часомъ будь трѣшки стане вїрыты: «мѣже», дума соби, «и зправды колы-небудь винь зхаменѣтця и покрѣе свїй грїхъ? Пидождѣ до слѣшного часу!»

*

Вже й хлопчыкъ въ неи явився!... Тутъ-то копытанъ, пры тій жинци, куды ще за-здалегидь завивъ їй для такдогo случаю, тутъ-то вже божывся, и образъ зъ стини знимавъ и заприсягнувъ, по тїлки Оксана незробытъ надъ собдою ничогo и благополучно рипытця, такъ заразы и звинчаётця зъ нею, щобъ и грїхъ покрыты и рабѣнка у законъ увесты. Ще недуже псля родынъ выходылась, а винъ вже и прывивъ їй впѣять до себе, боячысь, щобъ вона не текла, бо усѣ у неи на думци сѣ будо, и часомъ, якъ допечѣ їй журба, то вона й проговорытця.

Псля родынъ невинчаётця копытанъ. Стане Оксана плакаты, стане копытана выпытоваты, що винъ дума зъ нею? супостатъ засміетця, та й тїлки. Треба Оксани на хытроци пидниматися.

Стала веселѣнка, перестала тужыть, стала говорлыва, хочъ зъ копытаномъ, хочъ зъ охвыцѣрамы, якъ зїйдутця. Про мать незгадуе и про винчанья непомына..... Агу! їй стало бїлше воли. Стала прымичаты, вже за нею нетакъ доглядяють, а дали вже й некаравулять. Дали-дали, вже їй мѣжно, по-переду зъ салдатомъ, а дали й самїй, свою дытыну, свогo Мытрыка, одвидаты, що годувавсь у другимъ селї, недалѣчко. Вже їй мѣжно, колы захотїла, и по базарю самїй походыты, хочъ до пив-дня. Хбдыть вона по базарю и колы лучатця якї люде, що знають, бтъ вона и розпытуе, на якї и на якї миста дорѣга у такїй губернии до такдогo села? Кто зна, то й розказують їй. Вже вона сама не разъ чула, якъ зїйдутця охвыцѣры до копытана, та стануть той проклятѣнный чай пыть зъ якдою пидлывкою, видъ чоґo и она на вїкъ пропала, и копытанъ їимъ розказуе, що винъ и недумавъ никды винчатися зъ нею, а тїлки обдурювавъ. «А тепѣрь, щобъ усѣ покрыты, думаю», каже: «звинчаты їй зъ своимъ денщыкомъ, або вамъ кому, панѣве, програты у карты, бо вже вона мени надокуча».

Чула се Оксана и не одынъ разъ, и свою думку усѣ гадала.

Разъ, у вѣчери, зїйшлыся охвыцѣры, и багатѣнько їихъ, до копытана. У карты грають, люльки смѣкчуть, пуншъ пьютъ и по чарци незабувають; гомонятъ собї, одынъ-одного неслухаючы; а денщыкы, одынъ кушанья готовыть, а другыи побїтъ у трахтырь за напыткамы. Оксана, знаючы, що за нею

небўде ніякого дїла и що вона будò собї, пры такімъ банкетї, що до-свиту бѹдутъ гуляты, завсегдà ляговылася спаты, вона, узїавшы, шынелю свою звернула и положила на свою постїль, мовъ чоловікѣ лежыть, и якъ уложила, та зъ хаты, та зъ двора, и вўлыцями усє бїгла, ажъ пòкы выбїгла зъ тогò гòрода, та у селò, де годовався їй Мытрыкѣ.

Убїгшы у хату, такъ и брызнулась жїнци у нòгы, що доглядала їй Мытрыка, и розказала, щò вона задумала. Сїя молодїця знала усє, що зъ Оксаною повòдылось, и неразъ вона плакала зъ нею объ такїй їй годїни, подумала: «що вже», дўма собї: «менї заплачено упередъ гараздъ, а якъ Оксана зрòбыть, такъ якъ дўма, такъ на мене й пенї небўде». Узїавшы, нарядїла Оксану у своє жинòче, и голову їй покрїла; дала їй и кожўшокъ старенькїй, дытыны рады, закўтала Мытрыка, що вже трòхы не гòду бѹвъ, и положила їй на-руки. А тамъ, зїбравшы усю хлопьячу одѣжу, що Оксана зкїнула, та старенькыхъ пелюшòкъ дїтськихъ, и пишла зъ нею.... та до ставкà..... Ничъ; нїхтò їихъ небачывъ; положили на бє-рези усю тўю хлопьячу одѣжу, дїтськи пелюшкї, бѹцимъ-то Оксана зъ дытыною втопылась, дала Оксани грывню на дорòгу и выпроводыла їй ажъ геть по вўлицї.

Зосталася Оксана самá собї, у самў тёмну, глупў ничъ, якъ палець! И їты-бъ, и бойтця; и куды їты и незнà дò-бре: знà тїлки гòродà розпытуваты, на якї їй їты. Подумала-подумала собї Оксана, дали їй каже: «Умїла ты, Оксано, матирь покїнуты, умїй-же й знайтї їй! Небойлася мандруваты, небїсь-же и вертатысь! Мала у рòскоши жыты, терпї-жѣ теперь и голодъ, и хòлодъ, и усяку бидў!.... Щò-жѣ рòбыты! Щò ступлю, то дàлше видъ грихà, а блыжче до мàтери..... Гòсподы благословї!» Перехрестылася и пишла.

Хочъ и тёмна ничъ, а прыглядяючысь, дорòгу выдеò. И видъ страху, щòбъ їй тамъ неопынывъ хто, и видъ радощивъ, що вырвалася зъ пєкла, Оксана, якъ зъ хòлоду, такъ дрыжала, а тўтъ и пустылась їты швыдче, щòбъ зогрїтысь. Чы видїйшла скїлки, чы ще й недўже, а вже й зогрїлась. А тўтъ ще й кожўшокъ, и вѣ узлі пелюшкї для дытыны, и паяныця, и пив-хлїба дала хазїяка, спасыби їй! такъ вже Оксана такъ зогрїлась, що немòжно! Уже їдє-їдє, та й спочыне, и дўма собї: «От-се їдў я до матїночки моєи рид-

нёнкой! Чы жыва-то вона ще? Може зъ журбы та зъ тугы и помёрла, щобъ небачыты сóрому, якый я нанесла на йй старёнку гóлову? Колы незастану йй жывои, то вже звысно, що вона и вмираючы прокляла!... У! страшно!... Я проклята видь матери!... Неустану зъ йй грóба, тамъ лежáтому ни йй-шы, ни пывшы, пòкы самá невмрú!... Проклятйй видь мате-ри нетрèба жыты межъ людьмы!... земля нездèржыть!... Ко-лы-жъ ще живёнька?.... О, Господы! Якъ я явлюсь до неи?.... Сè та Оксана, що була йй радисть и втйха, и що ёю маты потишáлась и велычáлась!... Се Оксана, що смйáлася зъ Горш-ковóзивны, що помандрувала зъ салдáтамы; чýла, якъ маты дывовáлася, що Явдошына маты невмёрла видь тугы, що доч-ка йй покынула, а самá черезъ годыну туды-жъ помандру-вала!.... Явдоха-жъ може у вèчери и вернýлася, а Оксана, гóрдая та пышная, що и за мужыка недумала ййты, и що велычáлася надъ усима, сйя повисылась на шыю копытанови, захотйла рáзомъ пáнеку бúты; таскалась зъ нымъ по усёмú свйту, и дытыну добула!.... От-тобй, máмо, Мытрыкъ. Нянь-чысь зъ нымъ, тйпъ ёгò! се твои Оксаны заробйтокъ, що за охвыцерамы бигала. Прыдбáла тобй и чèсты, и радосты, и поважáнья. Беры ёгò, máмо, на-руку! выхòдь на вúлицю, похваляйсь дòбрымъ лóдымъ: óтъ мой Оксана якъ наробыла! Ни самá послйдня дйвка у нашому селй такъ-бы незробыла, якъ мой дочка, що поважáлася за саму пёршу!... Розступйся, сыра земля, прыймь менè, щобъ я небачыла матерыныхъ сли-зочòкъ, тяжкого стыдá йй, що я йй наробыла!»

Такъ прыговóрювала, и дýже гйрко плачучы, лежала на землй Оксана край свòго Мытрыка, що спáвъ закúтаный у пелюшкы та у кожухъ. Плакала-плакала, дывлячысь на сына, и кáже собй: «На-що винъ родывся на свйтъ? На стыдъ, на гóре. Прóсветку ёму небóде видь посмйшыща; зъ байстрюка невыхòдытеме. Мой маты ёгò бачыты незахòче, прокленè укú-пи зо мною; я бóду ховáтця зъ нымъ видь людéй!.... Пры-беры ёгò, Господы, пòкы ще я недйшла до матери! Колы-òъ звйрь, абò-що..... А я щò? хыба я чоловйкъ?» ажъ закры-чала Оксана, зкòчывшы зъ землй, и стáла, выпрямывшысь и озыраючысь быстро по усёмú пòлю. Ув-очáхъ у неи йскры загралы, волòсься дыбомъ стáло, руки якъ протягла, та й не-зведè йихъ. «Я лютйша усякого звйря!.... Я вбыла свою ма-тирь рйдну..... Я выпыла крòвь йй по капельци!.... Такъ по-

жалкую свогò дытáты? Вонò не дытá менí, вонò урагъ мíй!... Якъ я зъ нымъ покажуся до мáтери, у своè село? Вонò менí стыдъ, стрáмъ, посмíшыще!... Нетрèба ёгò..... Пропадáй вонò нечестывогò рòду, урагá могò, губытèля могò!... О-о-о! якъ-бы менí попáлась каменюка! Туть-бы ёму и амíнь! По голòвци гарнèнько-бъ..... и непыснуло-бъ. Нí, нетáкъ. Отъ-туть у канáви выкопаю ёму гарнèньку ямку, положу ёгò любèнько..... та рáзомъ землèю и засыплю и грòбыкъ выведу; вонò и незчúетця, мовъ заснè..... Нехáй копытáнь ськáе свогò сына!.....» Та сèе кáжучы и прынялась обомá рукамы у канáви, на рúшенíй землí, копáты ямку, а самá ажъ регòчетця, що якъ-то гарно выдумала: и прýйде у село и безчèстытя не-прынесè зъ собòю, и нхтò объ íй стыдí и незнáтème. Звíсно, що тогдí сердèшна Оксáна видъ велькòй журбы не объ своймъ умí булá.

Отъ выкопала ямку и якъ вже дòбре розсвилò, вычепурыла íй гарнèнько—зовсímъ гòтòво. Устáвшы нá-ногы, глянула на ямку, здрыгнула крýпко усímъ тíломъ..... дали зкрепылася на сèрци..... и хúтко пишла за дытáною, прыговòрюючи: «ступáй, Мýтрыку, гòди тобí спáты на гòлíй землí, копытáньскый сыну! От-тобí вíчна кватèря гòтòва!...» Пíдбигцемъ пидíйшла до дытáны, протягнула рúкы, щобъ узáты ёгò..... а вонò, сердèшнèньке! выспавшысь прокýнулось и собí протягнуло рученяточка, та смíётця такъ веселèнько, звíсно якъ годовычòкъ, та íй крýкнуло: «мáмо!... мáмо!...» та такъ жáлисно, словнísинько ненáче прòсытця, щобъ мáма ёгò негубыла. Здрыгнула Оксáна дúже..... дали перемоглась, якъ кýнетця, якъ ухòпыть дытáну..... а дытáна рученятамы и обнялò íй, и цилúе, и белькòче: «мáмо!... Бòзя!...» Оксáна такъ и зомляла, и незчúлася, якъ и впáла на землèю!...

Утренняя росá, та витерèць дмухнувь на нèй, óтъ вонá отямылася.... дывытця—и незнá, дè вонá. А дытáныткò лáзыть по нíй та усè, що вмíе, те íй белькòче: «мáмо.... Бòзя.....» Тутъ Оксáна згадáла, що вонá мáла зрòбыты. Згадáла—и морòзъ по нíй такъ и пройшòвь!... уздрýла ямку, що булò для своèй дытáны выкопала, рáзомъ зкòчыла, ухòпыла дытáну нá-рукы и якъ стрíлá побíгла видъ тогò мíсьця, и видбáгышы, кýнулася на вкòлишкы, положила дытáну и стáла Бòгу молытысь щýро, и поклòны быты, и обшòвáтысь, що ни-

за-що вже незробить ніякого худа дытыни, донесé ёго до-дому и колы й маты ёго неблагословить и видкыне видъ себе, и хочъ усé село гнушатеметця ёго и байстриюкомъ дражныте-муть, хочъ щó-бъ-то нибуло йй за дытыну, вона ёго непокыне, выгодуе ёго и до розуму доведётъ; а дали й каже: «Колы я невмыла б́уты дочкою, такъ б́уду вже матирью!» и стала впьять молытыся и Бóга прохаты, щóбъ простывъ йй сей тяжкый, смертелный грэхъ, щó вона хотила зробыты надъ дытыною. Тылки щó, помóлячысь, стала уставаты, тутъ якъ разъ сонечко зйшло, та такъ ясно и такъ пречысто..... Оксани стало на душы трóшки веселише, утерла слёзы, поспыдала трóшки, дала й дытыни палкы, завернула ёго, прыгорнула ёго до сёрца, де у неи лежала у платочку дивоча йй коса, и пишла зъ своєю думкою, чáсто здыхаючы, и усé зъ дытыною розмовляла: «Бóзя! мамо!» а Мытрыкъ щebetавъ за нею, смйавсь, лóвлячы йй слёзы, щó такъ на нёго й капалы, та й зашувъ собй.

Дóвго тогò розказуваты, якъ наша сердешна Оксана зъ своимъ Мытрыкомъ пробиралась черезъ усй мистá до свогò села. Чáсомъ дóбрыи чоловикъ лучався и пидвозывъ йй, а бйльшъ тогò, щó йшла. Рукъ нечула, несучы дытыну, ногы д́уже болилы видъ ходьбы; де выпросыть чогò зййсты, а де й ничогò недадутъ, то й голодовала чáсто, зоставляючы дытыни и послйдно крыхту. Отъ вже дохóдыть, вже усé б́лыжче, усé б́лыжче до свогò села..... а сёрце тйлки тэхъ-тэхъ! а на сёрци, такъ Бóгъ знá якй думкы! Якъ вона явытця матери?... щó маты скаже йй? Щё-то чы жыва маты?... Гóречко йй тяжке!

Скйлки вона тамъ йшла и якъ вже йшла, а такы дйшла. Ось верстóвъ зъ десáтокъ зосталося до свогò села. Д́ума собй: «хочъ и нерáно вже, а якъ поспиню́ у останне, то хочъ смеркомъ, а такы добреду́ до-дому.....» Якъ-же въ неи одна д́умка, щó якъ-то вона побачытця зъ матирью..... або знайде вже йй на кладбыщи; такъ йде йй ногы нейдуть, и спотыкаетця, и станóвытця, впьять пиде, дрыжыть усймъ тйломъ, у гóрли засыхá, де найде водыцю, промóчыть смáжни устá, впьять пиде..... д́ухъ йй захвáчуе, незд́ужа, сáде, чы виддохне хочъ трóхы, чы нй, впьять скóчыть, впьять пиде и впьять не на дóвго..... та такъ и опизнылась. Полуношна

зірка зійшла, а вона ще даліко видь села. Дыбала-дыбала, знемоглась зовсімъ; стало сиріты, забачыла, що маячыть йихъ цёрква, вона такъ и впала на колішкы..... «Цёрква свята! Я увиходыла у неї чыста й непорочна. Чы достойна-жь бѹду статы у ній зъ своїмы гряхамы!» И щѹ-то вже плакала стѹячы тамъ та молячысь!... Глянула, що зѣмку змочыла слізъмы, отъ и каже: «отъ-якый ралець прынесла я на родыму зѣмлю!... Недѹво бѹду я тебе скверныты, ступаючы по тобѹ!... Незступайся передо мною! прыймѹ грѣшнее тѣло въ себѣ по смѣрты, хочъ за тѣ, що бѹду тебе рано й вѣчиръ слізъмы польвааты!....»

Посылкувалася, щѹбъ устаты, незмогла, тутъ на дорѹзи и прыпала, стѹгнучы й плачучы.

Обвѹднѹло. Ййде чоловѹкъ дорѹгою у село. Бачыть, щѹсь лежыть на дорѹзи.... пидйшовъ блыжче—жѹнка зъ дытыною, мабуть недѹжа; лежыть, плаче, стѹгне и рѹкы лама. «Чоѹ ты тутъ, молодыце, на шляху лягла?» пытаецця чоловѹкъ.

Зырнѹла Оксана на гѹлосъ, прыдывылася пылно.... «Охъ, Гѹсподы!» крѹкнула, обернѹлася икъ землі, заплакала навзрыдъ и каже: «покрый мене, сыра зѣмле, нехай я небачу!....»

«Та щѹ ты такѹ? Чы недѹжа, чы-щѹ?»

Оксана некаже ничѹго, тѣлки гѣрко плаче.

«Та ну-бо! колы недѹжа, то я тебе пидвезу», сказавъ чоловѹкъ и ставъ йй поворѹчуваты, щѹбъ знаты, щѹ се такѹ ѣ.

— Убѹй мене, Пѣтре! крѹкнула Оксана. «Убѹй на сымъ мѣсцы: я за тебе бѹду Бѹга молыты!»

«Та хтѹ се такый? Щѹ-сь я тебе непизнаю».

— Убѹй Оксану! роздавы йй пѣятою.....

«Оксано! се ты?» крѹкнувъ Пѣтрѹ, и видступывся видь неї, зчѣпывъ рѹкы, и, дывѹючысь, дывытця на неї.....

И якъ ѣмѹ булѹ пизнаты Оксану? Вѹнь знавъ йй дѹвкою здорѹвою, повновѹдою, румѹяною, весѣлою, жартовлывою; сѣгѹдня розрадытця, а завтра щѹ лѹчче. А тепѣрь, бачыть, лежыть передъ нымъ щѹсь худѣ та прехудѣ, сухѣ, блѣдѣ, замилѣ, ажъ почорнѣла на выдѹ! Не одѣжа на нѹй, а старцево лѹхмѹтѣя на нѹй, и голова покрыта чѹрнымъ-пречѹрнымъ дѹрѹвнымъ очѹпочкомъ; лежыть, нездѹжае устаты, и гѣрко плаче.

Добра Петрова душа! Кынувся до неї, пиднявъ їй, посадывъ и самъ сивъ быля неї, розважавъ їй, самъ поплакавъ зъ нею, и якъ вона дуже выпытувала про матирь, чы жыва вона и якъ живе, то винъ и розказавъ:

«Маты твоя, Оксано, жыва, та що зъ того? Лѹчче-бъ їй Богъ смѣрть пославъ! Ось-що я тобі розкажѹ. У той вѣчирь, якъ ты... тѣе-то... якъ вже тебе небудо, вона и нехопылася, лягла спаты, дѹмаючы, що ты нерано прыйдешъ. Якъ-же вздрѣла у рѣнци, що тебе нема и що ты неночувала дома, отъ-тѹтъ вона вже незнала, що й робыты! Побыгла до сусиды на порѣду, на прѣвидкы..... черезъ годѣну усѣ село загуло, що Оксаны нема! Бѣдна твоя маты, и сказаты немѣжно, якъ журылася, та усѣ нихто недогадуеця, де ты дивалася. Нихто незнавъ, щобъ ты зъ кымъ изъ служавыхъ любылася, а обѣ копытѣнови й байдужѣ, нихто й недѹмавъ. «Колы-жъ вона не за москалямы побыгла», казали люде: «такъ абѣ втопылася, абѣ-що». Шукали и у ставку. Ажѣ ось и вернѹвсь нашъ Киндрѣтъ такы; ѣгѣ пидводу брали пидъ салдѣтивъ, а винъ ночувавъ у тимъ дворѣ у дѣдка, де й копытѣнъ на кватѣри стоявъ. Чѹе Киндрѣтъ, що люды розказують, що копытѣнъ прывѣзъ зъ нашего села якѹсь дѣвку. Винъ, щобъ подывытысь, хто тамъ така, чы не зъ дѣчокъ ѣгѣ хто, зыркъ у викно..... ажѣ Оксана сыдытъ у копытѣна на колынкахъ, и обнима ѣгѣ, й цилѹе, и веселѣнка, и весѣлни писенькы собѣ-жъ прыспѣвуе..... Правда-жѣ сѣмѹ, Оксано? було се?»

Оксана похылыла гѣлову и втерла слизочкы..... Петро їй каже:

«Нѹ, дарма, се винъ такъ розказувавъ. Винъ здывовався, та якъ не ѣгѣ дѣло, то й видыйшовъ. На другый, каже, дѣнь, копытѣнъ поставывъ вѣдки щось багато и для свойхъ людеѣ, и хазяинамъ. И Киндрѣтъ, каже, пывъ..... Неплѣчь, Оксано, и несорѣмся; я розказую, якъ винъ казавъ. Отъ-тѣ Киндрѣтъ, вернѹвшысь до Вѣклы, та прѣмо їй и каже: «нешукѣйте Оксаны своѣи: вона от-такъ и такъ, тамъ и тамъ.....» Тѹтъ вже незналы, щѣ зъ твоѣю матирью и робыты? Вона незаплакала, а тылки усѣ подеревѣянила..... Стѣлы їй розважаты, вона мовчытъ, та все у кутѣкъ пылно дѣвытця. Я тамъ бѹвъ и невидхѣдывъ видѣ неї.»

Оксана хотѣла щось сказаты, дякуючы ѣмѹ, та за слизѣмы не змогла.

«Отъ мовчала-мовчала и усё дывытця такъ страшно на усйхъ, дали и заговорыла такэ, що й сказаты неможно! То крычала, щобъ ловылы салдатывъ, що вкралы въ неи дүшу, що вжé въ неи нема души, що вжé вона не чоловікъ, що вона колода, ни-на-що непотрѣбна. То помовчыть, та й стане людéй прохаты до сѣбе на весілья, що вона йдэ за копытана, и почнэ повязуваты соби на голову що-небудь, замисць скиндячокъ, та й заведэ весільныхъ писенёкъ..... «а якъ», каже: «прыведу соби дoцю Оксаночку, гарну та перегарну....» та разомъ зъ сёрцемъ и крыкне: «то я йй за нижкы та обь лавку. Убью гадюку, убью змию!.... Вона зъ мене кровь высала, вона.....» та тутъ вже такэ понесэ, що нехочу тоби й розказуваты, бо й такъ дуже плачешь!....»

«Годи-жь, годи, перестань», казавъ Петро: «слухай, що дали тоби бду розказуваты. Страждала твой маты такъ довго. Мы думалы, що вона тронулась зъ умá; одначе сякъ-такъ, то молодыци, то знахури, видволóдалы йй, прыйшла вона до памъяты..... такъ щó-жь? Тутъ-то якé йй лыхо постыгло! Тутъ и напáлы на неи наши пъявкы! Заразь началство зъ громадою прьсудылы, якъ Векла ё бездүшная, и сына и прынмыта нема й небуде, то зэмлю йй узялы у обществэнну и подилылы началныкы межъ собою. Тутъ пьсарь по кныгамъ знайшовъ, що-бъ-то твй дидусъ та ёго дидови та выненъ бувъ пъятьдесать рубливъ, и обь тимъ и бумагу чытавъ передь громадою..... а щó громада зна? Отъ и прьсудылы вашъ двйръ виддаты пьсареви..... отъ твой маты и пишла у сусыды.....»

— Моя маты у сусыдахъ? крыкнула Оксана, рүкы ламаючы. «Се я йй такъ наробыла!» Та ажъ прыпала до землй плачучы.....

«Та якъ вййшла? Обьбрана зовсымъ! То на лыкы пишло, то бралы добри люды за якусь колысь-то пóзычку, а то й пидкрадалы, такъ що Векла, зъ багатои на усэ село, у чимъ стояла, у тимъ и перейшла до Мыкóлы Штыри. Я ходывъ у дорогу, сё безъ мене воны такъ упóралысь! Вернувсь, дывлюсь, зовсымъ занапастылы и звелы йй ни-на-що!.... Хотывъ уступытысь за неи..... «Нерупь!» сказала мени Векла: «Богъ зъ нымы! Сэ мени ничогисинько! Колы Оксана такъ зробыла, а вже люды!.... И на-що вонò мени безъ нея? Помру и безъ худобы. Вона пойыздыть зъ копытаномъ, заробыть багато грошей, у рóскопи поживэ, а я на смйтьти помру!....»

Що вже плакала та былася сердешна Оксана, такъ и мѣры нема! Якъ-бы що, сама-бъ на себе руки подняла, слухаючи, до якої биди довела вона матирь. Петро сякъ-такъ розважавъ їи и ставъ совѣтоватись, якъ їй до матери явитись; Оксана ничого того неслухала. «Пиду», каже: «просто до неї, якъ и помандрувала прѣсто. Умру била нѣтъ їи! Нехай, що хоче, те й робыть зо мною».

Петро довго сыдивъ та усѣ думавъ, дали й каже: «Якъ тоби, Оксано, и у наше село явитись? Тебѣ засмиють, закиркають, прѣсвитку тоби небуде. Послухай мене. Сидай на мій вѣзъ, я тебѣ провезу до того двора такъ, що ниhto й непобачить. Тамъ знайду материну плахту, и свытѣну, и очипокъ, та й прїйдемо по за вѣльцями до пан-отця, нехай насъ звинча, та тогди вже явимось и до матери. Вона, побачышы, що ты вже у законъ увѣдена, нетакъ буде на тебе жалковаты; а у селѣ ниhto непоміе зъ тебѣ смѣятись, бо ты вже будешъ мѣжняя жона.....»

Щѣ Петро гараздъ и недоговоривъ, а вже Оксана и была нѣтъ ёго! Хвата ѣихъ, цилѣе, слизьми обмыва, ажъ задыхаѣтця, и незможе слѣва сказаы. «Пѣтре!... Пѣтре!... ты не чоловікъ, ты янголъ божый!... Братикъ рїдний сѣго-бъ не прїдумавъ, щобъ такъ мене утїшыты!... Щѣ се ты здумавъ?... Чы достѣйна-жъ я того, щобъ ты й думавъ такъ? Якъ у твій чѣсный дѣмъ, що була богобоязлива симья зъ бѣтька, зъ дїда, та увесты мене, потаскѣху, що сбромъ на неї дывытысь, що земля недѣржыть?.....»

— Ты знаѣшъ, Оксано, що я тебѣ любывъ щїро и тепѣръ ще тебѣ люблю. Я знаю твою дѣшу. Ты зпиткнѣлась трышки. Хочъ що хочъ про копытана розказуй, а й ты вынна..... ну, та дарма, усѣ забуваю и ни-объ-чимъ згадуваты небуду, мовъ дївкою тебѣ беру.....

«Нї, Семѣновичу, неостыжѣ николы твоѣи славы, не запѣкощу твоѣи симьи й рѣду!..... Я проща на-вѣкы!..... Хыба небачышь, он-де й заробѣтокъ мїй.....»

— Винъ буде моймъ сыномъ рїднымъ. Черезъ тебѣ я и ёго любытему. Послухай мене: покрий свою славу, дай ёму бѣтька, а матери сына!....

«Ось-де мой слава», сказала Оксана и выняла платѣчокъ зъ своєю косѣю и показала Петрови. «Ось-де вона! Ни-

хтò немòже їй прыста́выты до мène! Нихтò їй неузья́в у мène, я сама́, своймы рукамы видрывала, якъ сама́ себè и погубы́ла. Прыста́выты їй и верну́ты мою сла́ву ниякъ вже немòжно. Хлòпця вьгодо́ую, якъ здужаю; ма́тери, колы́ ще допу́стыты до се́бе, бу́ду їй и сыно́мъ, и дочкòю, и робòтныцею, и крепа́чкою. Бу́ду ничъ и дèнь робы́ты, щòбъ їй пропы́туваты, за те добрò, щò через мène ршы́лась вона́. А чужòго вьку нехòчу зайида́ты, нехòчу, щòбъ ты́ за свою́ до́брость терпы́въ через мène.....»

Щò-то-вже до́вго уговòрювавъ їй Петро́, такъ вона́ ни за-що незахòтила зрòбыты по ёгò думци, хочъ зовсы́мъ ба́чыла, щò вьнъ дуже велькè добрò для не́и и для ма́тери робы́въ. Незахòтила щòбъ вьнъ їй проводы́въ через селò и видъ смьху обороны́въ, ни за-що незахòтила. «Якъ зарòбыла, такъ бу́ду й чы́ты. Я ще й не сèгò до́стойна!»

Пожалковавшы, пойхавъ Петро́ своєю́ дорòгою, а Окса́на, подумавшы - погадавшы, узяла́ сына́, перехресты́лась, пишла́ селòмъ....

Першь усèго зостры́лась зъ Окса́ною молоды́ця, прèжня їй пòдруга. Прыды́вылась — и крькнула: «Такъ и ё! се Окса́на. Мòтре! дывы́сь, Окса́на їдè!» Мòтря собй: «Та Окса́на-жъ! и зъ зарòбы́ткòмъ!» Одна́ по одній, и пишы́ по усèму селу́.... тьлки дохòдыть сердèшна Окса́на до яко́го двора́, дывы́тця, вже усй́ зъ хаты́ выйшы́, и дывуютця́ на не́и, и смьютця́ зъ не́и, и крьча́ть: «А щò? погуля́ла за салда́тамы? Добула́ славы́? Несы́ салда́тченка ма́тери на втиху. Чы байстрию́кòмъ ма́тери хвалы́тця їдèшь? Недывы́сь на мène, па́пшюго!» От-такà їй чèсть була́ зо всихъ двори́въ. А колы́ дивча́та выйдуть дывы́тыся на не́и, то матерй́ заганя́ють и ла́ють, щòбъ и недывы́лыся на не́и. «Вона́, ка́жуть, недо́стойна тогò, за своè мандрува́ння за салда́тамы. Остыды́ла усè селò!» А щò пущè дитвòра! Такъ ты́, чывшы усè видъ ста́ршыхъ, такъ ажъ на ву́лицю вы́биглы, и за помы́ їй сьпаку́ть, и крьча́ть, и вже й прыложы́лы: «Салда́тка їдè, байстра́ несè.... кыръ, кыръ, кыръ, кыръ!»

Окса́но, Окса́но! Чы ты́ усè чы́ешъ у ты́мъ-же селй́, де колы́сь тьлки вы́йдешъ на ву́лицю, то усй́ вы́бига́ють прòты́въ тебе́, щòбъ хотъ подывы́тыся на тебе́, та позавы́дуваты на твою́ красу́; а колы́ булò заговòрышь зъ кымъ, такъ и

той радисинькый, и усї збираютця кругъ тебе, щобь послу- хаты твойхъ ричей, шүтокъ та выгадокъ. И що-то: и самы́й престарённый дїдъ и немощный, що вывели ёго на вдвирья та посадылы на завалыни, и той якъ було проходышь мимо него, то такъ пылно дывытця на тебе, та ажъ невтерпыть и скаже: «Отъ дівка, такъ-такъ!» А теперь яка тобі чєсть!... Що то ще буде видъ матери?....

Середь тако́го вельчаныня, йде сердешна Оксана, и куды йде, незна, бо одъ стыда и свїта небачыть! Плакала-бъ, такъ вже й слїзъ нема, такъ вже сєрце запеклось, що й слизын- кы очи непустьять....

Сякъ-такъ добрєла черезъ сылу до Мыкollyной хаты, де чұла, що маты їй живє. Скрипыла сєрце, видчыныла сїны, посадыла хлопця доли, подумала, перекрестылась, видчыныла хату, глядь! Господы! Хтò-то лежыть?.... На полу, на ряднї, лежыть старєнька, худá-худá, якъ шкелєть, жовта, блида, очи запалы, зъ пидъ старєнького очипка свїтыть бїле, сидє волосься; вкрыта старєнькимъ кожұшкомъ и вїставыла рұку, а рука сухá-пресухá якъ скибка, и хочъ спыть, а стòгне.... «Хтò се? дұма Оксана. Чы не маты?—Такъ я жъ не такұ покынула їй! Хочъ вже й старєнька була, та була повновы- да и ще несидá.... Та хтò се?....» Стоить якъ укòпана.... трұ- сытця.... зовсымъ зомлыты.... Тутъ слєзы ажъ до сєрця пид- ступылы.... якъ побижать ричкою зъ очей.... недержалася, проговорыла хлыпаючы: «Матиночко! — рїд-венька!.... Чы се-жъ ты?....

Старá лұпнула очыма, быстро подывылась на Оксану, а тá ажъ за пиль ухватылась, невстòить на ногáхъ.... старá заплющылась, впыять пидняла очи и дұже пылно прыглядá- лась; дали струснұлась, стáло їй дєргаты по лыцю, глянула до Бòга, пидняла рұкы.... и тилки крыкнула—охъ!.... вже Оксана кынулася до нїгъ, достає ихъ, хватá щòбь поциловá- ты, а самá такъ и залывáетця слизымы.... Вєкла (се вона й була) выпручала нòгы, пиднялась и сїла на полу; трұсытця, до Бòга рұкы пидвòдыть, сылкұетця щось сказáты, и непро- мовыть.... Оксана лежыть доли, ажъ пидпылыá слизымы, пò- тимъ стáла на вкòлишкы, пїймáла рұку материны, и хочъ та виднимáла, а она такы дєржыть, та выциловує їй.... и собї незмòже слòва промовыты!

Довго сёго було; старá черезъ сыгу и сказа́ла «щò се ты наробы́ла зъ собо́ю?» та сказа́ла такъ тыхёнько, та лю́бязно; звысно, якъ ма́ты!

Хлы́па Окса́на, сто́ячы на-вкóблишкахъ, и слóва нескáже. Духъ їй захвáчуе.

«Ты, ба́чу, й сама́ зна́ешь, якъ себѣ звелá!» ста́ла казаты Вѣ́кла, и слóвъ незберѣ. Дáли, сылкю́чысь, промóвила: «ї́ды собі́ туды, куды́ видь мѣне пи́шла. На-щò я тобѣ!»

— Охъ, ма́мочко!.... — тилки й чу́ть видь Окса́ны.

«Мені́ безъ те́бе лѣгше було́!.... Я немо́жу на те́бе дывы́тысь!.... ї́ды собі́.... колы́ здужаю.... клы́кну тебѣ....»

Окса́на невста́е....

«Ма́мо!.... Бóзя!....» Се Мы́трыкъ, щò покы́нула ёгò ма́ты у сї́няхъ, ба́чучы, щò двѣри у ха́ту видчынени, полизъ-полизъ, перелизъ черезъ порі́гъ, долизъ до-середь ха́ты, сї́въ, розглядáвъ, глянóувъ на образы́, та показуе рúчкою и белькóче: «Ма́мо.... Бóзя!....»

Вѣ́кла глянóула на нёго пы́лно, здрогнóула, и пы́тае дочкы́: «Се вонó?»

— Вонó, ма́мочко!

«Подáй ме́йї ёгò».

Окса́на, сама́ себѣ нетя́млючы, ухопы́ла дыты́ну, положи́ла на́ руки ма́тери, и прыпа́ла до нїгъ ма́терыныхъ.

Вѣ́кла, узя́вши дыты́ну, дывы́лась на неї до́вго, перекресты́ла ёгò: «Во імьѣ Отцá, и Сы́на и Свято́го Дúха. Сла́ва тобѣ, Гóсподы, щò ты незвелá ёгò, невзя́ла новóго грї́ха на́ душу».

Мы́трыкъ, сї́дючи на рука́хъ у Вѣ́кы, байдужѣ, щò тутъ рóбитця, усѣ рúчкою показуе на образы́, та усѣ знай: «Ма́мо!.... Бóзя!.... ба́чъ....»

«Та́къ, мї́й я́нголе Бóжый!» сказа́ла Вѣ́кла, прыгорнóувшы дыты́ну до се́бе: «та́къ, Бóзя! Богъ и Са́мъ прощá грї́шныкы́въ и на́мъ грї́шнымъ велы́тъ прощáть ворога́мъ нашымъ.... устань Окса́но, ї́ды до сѣрця ма́терыного, бóдь моёю дыты́ною впы́ять....»

Гóсподы! и сказа́ты немо́жно, щò тутъ вже було́ межъ нѣмы, скы́лки воны́ пла́калы, обнима́лись.... Окса́на усѣ выпы́туе ма́терь, чы видь щы́рого сѣрця вонá їй прощáе, бо сама́ собі́ невїрыть видь ра́досты....

И увесь дeнь на тимъ пройшовъ, що усe вонѣ пeстoвалыся.... Старѣ Вeклѣ ажъ нынѣче здоровѣша стѣла, и усe до Бoга, усe до Бoга, щoбъ и Винъ такъ простывъ, якъ вoнѣ простыла дочкѣ своeю.

Нѣдѣ-вечирѣ бѣчыла Оксана, що Петрo прыхoдывъ до хазаина и розпытувавъ, щo тутъ у ныхъ булo, а до Вeклѣ й незахoдывъ.

Увeчери Оксана розказала мѣтери усe, якъ спизналася зъ копытаномъ и якъ усe булo, ажъ до послѣднeго часу. Вeклѣ усe пылно слухала, нерѣзъ зпакнула, слухаючы стражданья Оксаныно, а дѣли сказаала: «Небулo-бъ сeго ничoго, якъ-бы ты мeнѣ попереду сказаала, що полюбыла копытана, и зъ яeдo думкою. Я-бъ тебe видвелѣ видъ нeго. Дe такы сeмѣ стѣтысь, щoбъ пѣнь та узѣвъ мужычку? Колы и явытця такыи супостѣты и стѣне такe казѣты, то се нѣ-смѣхъ, на погыбeль. А якъ-бы ты негордылася, та недумала, щoбъ бѣты за пѣномъ, а выйшла-бъ за мужыкѣ, oтъ хочъ и за Петра, що дѣже мeнѣ у вeлыкыи прыгoди стѣвъ безъ тебe, то булo-бъ усe не тe.... Охъ, мoя годынонька лыхѣя!.... Нѣ, та вжe сказаано, Бoгъ простытъ!.... Бѣдемo, жыты, нынѣче ничoго и небулo; и незпомѣянемо ничымъ. А за копытана... нехѣй я бѣду молытысь! Спасыби Гoспoду мылосeрдному, що тобѣ на рoзумъ послѣвъ уклонѣтыся oтъ злѣ, що покынула есѣ своeго урагѣ, непудумала за нымъ таскѣтысь, кынула усeе злo, прыйшла до мeнe, и дытыну сохрѣныла. Черезъ сe ты знайшла вгыѣты мoе сeрцe. Гoди-жъ гoди, неплѣчы вжe. Зпoчынь пѣсля такoго турбовѣнья. Зѣвтра прыньмeмoсь за дѣло, якъ и попереду бувало».

Oтъ и справди, почалы жыты собѣ любeнькo. Вeклѣ чѣла, якъ сeлoмъ осмѣялы йи Оксану; чѣла и видъ Мыкoлы, хазаина дe жыла, що небудe держѣты «мандрѣхы», якъ усѣ узывѣлы Оксану; такъ oтъ вoнѣ и прызѣвала и своѣхъ хазаинѣвъ, и щe дe-кoго зъ розумныиыхъ людeй, та й розказала имъ про Оксаныно стражданья. Oтъ усѣ тутъ и розсудылы, що се бѣлшъ насылство булo, чымъ своѣ охoта.

Дѣли та дѣли, хочъ дe й побѣчуть людe Оксану, то усe мeншъ смѣютця Оксани и усe мeншъ прыкладѣють прыкладoкъ. Bo насмѣялысь, такъ вжe й гoди. Такъ Оксана-бo своe знала. Никѣды видъ мѣтери ни на пѣядѣ, и ни зъ кымъ вжe

нигдѣ неводѣлась и незналась. Одна собі у хати сидѣть та робыть; и матирь зодягá, и пропытуе їй, ничь и дѣнь рѣкъ непоклада. Тилки їй и проходкы, що до цѣркви Божои, та по-воду, та куды роботу виднести.

Якъ обжылыся трѣшкы, тогди ставъ Петрѣ ходыты до ныхъ; помагавъ имъ дѣ-у чимъ, и знай усѣ своё товковавъ, щобъ Оксана пишла за нѣго. Разъ, слѣхавшы ёго довго, що винъ їй объ симъ казавъ, вона просыла ёго, щобъ їйшовъ зъ нѣю. Отъ и пійшлы, и прыйшлы на кладбыще. Отъ Оксана й каже:

«Пѣтре! я завсегда знала твою добру дѣшу; знала, що ты чесный и розумный чоловікъ. Мені тебѣ жалко булѣ, що ты за мною убываєшся, и я скорышъ усѣхъ пишла-бъ за тебе, якъ-бы неявились.... винъ, погубцыкъ мій! Писля сѣго, що я зъ собдою зрѣбла, я недостѣйна нетилки тебѣ, та й посліднѣго лычмана. Тутъ, на батьковому грѣбови, де й сама колысь лежãтому, закопала я свою славу, що показувала тоби, якъ ще їйшла у селѣ, свою дивочую кѣсу, свою волю, до сѣду-до вику. Закопавшы, поклялася: якъ немѣжно прыставыты зноу моєи косы, такъ немѣжно мені статы достѣвною чесного чоловіка; непрынесу никѣму безчѣстыя, незавязжу чужѣго вику, неостыжу нїякои симы, непадѣ ни-за-кѣго. Пѣтре! Ты вбывавъ за мою матинку; якъ я згубыла булѣ їй, ты непокынувъ їй! Ты менѣ, якъ я у самій великій бидѣ булã, скрызъ зѣмлю пишла-бъ, ты непокынувъ менѣ на шляху, розважавъ менѣ, и якъ усѣ на мене напãлы, смїались зъ мене, поприкалы мені, плѣвали на мене й цурãлысь менѣ, ты самѣ тогди хотївъ менѣ узãты, покрыты мій стыдъ и сѣромъ, увѣсты менѣ межъ чесныхъ людѣй.... Хтѣ-жъ такъ зрѣбывъ-бы, якъ не сынъ моєи матери, братъ мій рїдний? Пѣтре! Бѣдъ мені братикомъ рїднѣнькымъ! Непокынь менѣ, колы менѣ усѣ люде покынули! Прыймѣ тутъ, де моя слава, де моя воля лежãтъ, де й я колысь лежãтому, прыймѣ моѣ прысагу, що непадѣ ни за тебе и ни за кѣго! Бѣду матери дочкѣю, якѣю колысь булã; бѣду сыну матирью, покы..... покы ёго бãтко..... колы-то ще невидцурãетця!....»

— Оксано! Жалко мені тебѣ рїшãтысь, бо, бачыть Богъ! и тепѣрь тебѣ такъ люблю, якъ спѣршу полюбовъ. Хотївъ покрыты твою славу; хотївъ показãты людымъ, що вони не-

праведно осуждають; хотівъ бѣты бѣтькомъ твоєму сыротѣ, бо на..... нѣго нічого сподива́тысь. Колы, кажешъ, хочешъ бѣты дочкою, якю й була, такъ у симъ дѣли послухаймо матери: якъ вона скаже, такъ нехай и бѣде.

Подумавшы, Оксана сказала: «Нехай бѣде, якъ маты скаже». Отъ и пишли до-дѣму.

Маты вѣслухала Петра, пѣтимъ вѣслухала и Оксану, и сказала: «Пѣтре, велѣка твоя душа! Бѣгъ тобѣ нехай видплатыть за усѣ, що робывъ для насъ и що тепѣрь хочешъ робыты. Дѣкы нашои тобѣ мѣло! Дѣже-бъ я сѣгѣ хотѣла, щобъ ще на своєму выкѣ побачыты моєи Оксаночки славу покрѣтою; та що-жъ робыты? Оксана правду каже. Ты мѣлодь чоловикъ, ты ще незнаєшь, що мѣжуть зробыты людскѣи рѣчи.... Хочъ по капельци дѣщыкъ крапа на каминь, а такѣ пройсть ѣгѣ; такъ и тѣтъ. Стануть говорыты, товковаты, судыты; ты сѣе усѣ чѣешъ; попереду тобѣ нічого; а дѣли станешъ прѣслухатысь, дѣматы, передѣмоваты; дѣли й повѣрышь, и станешъ жалкуваты, що узѣвъ такѣ..... зненавѣдышь ѣи..... А якѣ ѣи дѣля тогдѣ вже бѣде? Тепѣрь якѣ єсть вона, однымъ-одна душею, усѣ перестражда, усѣ перетѣрпыть. Такъ, Пѣтре! Правда, бачу, Оксанына. Бѣдь-же ѣи бѣратикомъ, непокѣнь ѣи зъ сыроткою, якъ я вмрѣ, а менѣ будь такымъ, якъ я и до сѣгѣ часу тебѣ бачу, и благословѣю тебѣ за сѣ».

— Мѣтинко рѣдна! поклонывсь ажъ у нѣгы Петро и каже: «Прѣймѣ-жъ менѣ, сыротѣ, у своѣ симѣю. Благословѣ менѣ, якъ сына! Нецурайтѣся менѣ и неборонѣть менѣ зодѣржаты васъ. Сѣстро! Оксано! Уручы-жъ менѣ твѣгѣ хлопця. Я прынѣмаю ѣгѣ замѣсць сына. Якъ ты прѣсягѣлася своєю славою, такъ и ѣ, отъ пѣредъ мѣтирѣю, запрысягѣюсь, що неженѣюсь никѣлы. Пѣсля мѣне винъ наслѣдуе и моѣ худѣу. Благословѣ, мѣмо!

Вѣкла поблагословѣла ѣихъ усѣхъ и виддалѣ Мытрыка Петрови рукамы, и сказала: «Нехай-же винъ бѣде Мытрѣ Завѣязѣивитъ, бо винъ намъ усѣмъ завѣязѣвъ свѣтъ.

Такъ и почалы хлопця звѣты и у сѣлскѣи спѣскы такъ ѣгѣ запысѣлы.

Вѣкла зъ дочкою немѣлы ни у чѣмъ нѣжды: Петро ѣимъ помогѣвъ и усѣмъ подѣлявся. Сѣкъ-такъ зѣбрѣлыся, купѣлы двѣрь и жылы собѣ, хвалючы Бѣга мылосѣрдного.

Разъ, такъ вже годивъ черезъ п'ять писля того, якъ се діялось, убѣгъ у хату Мытрыкъ и крычыть до Оксаны: «Мамо, мамо! а въ мене ё биленькый шажокъ. Ось-бачъ». И показуе грывенныкъ.

— А хто се тобі, сыну, давъ? пыта Оксана.

«Панъ давъ», каже.

— Якый-же тамъ панъ?

«А ось який», каже вже Петръ, що увійшовъ за нимъ у хату. «Копытанъ».

Оксана такъ и поблїдла и затрусилась.

«Та нелякайтесь, а слухайте, що було», казавъ Петръ. «Дывлюсь, на станціоннимъ дворї, що была мене, стоить брычка и ходыть по-двору такє, мовъ нашъ копытанъ. Я пидійшовъ блыжче..... дывлюсь..... винъ и ё. Я подумавъ, що зъ него буде? Поклыкавъ Мытрыка, та и ійдѹ у хату, бѹцимъ до смотрїтеля, а винъ менє и зопынивъ:

«Се твой малчыкъ?» каже.

— Нїту, ваше благородыє! кажѹ я: «се копытанскый». Такъ прѹмо й видрїзавъ.

«Какъ копытанскый?» Ажъ зкрыивувъ, и пидійшовъ до хлопця.

— Такъ, ваше благородыє! кажѹ: «Команда стояла тутъ, такъ копытанъ зманывъ у насъ дівку, Оксану. Такъ вона утекла видъ него, и прынесла сєго хлопчыка».

«Такъ это её сынъ? Да мошєнныкъ, какой бойкый!» та узывъ єго за чѹбчыкъ и поскубъ легєнько, та й каже: «Такъ она такы дойшла назадъ? А мени сказады, што она изъ сыномъ утопылась».

— Нї, ваше благородыє! казавъ я: «прыйшла сюды и живєтъ тутъ у велыкій бїдности.....»

«Вышь, какъ менє обманулы!» каже. «О, да плѹтъ будєть малчыкъ! Увєсь у меня».

Тутъ щє подєргавъ єго то за ўхо, то за чѹбчыкъ, а дали выннйавъ грывеннычка, та й давъ хлопцеви, и каже: «На, отдай матери, штобъ тобі оришковъ купыла». А самъ сывъ у брычку, и поийхавъ».

*

Такъ розказовавъ Петро.

Оксана узяла грывенныкъ, звелà очи до Бѣга, и кынула той грывенныкъ у викно, ажъ геть на вѹлицю, де дѣты гра-лысь; обняла Мѣтрыка и гѣрко-гѣрко заплакала!....

IX—X.

ПАРХИМОВЕ СНИДАНЬНЯ.

НА ПУЩАНЬНЯ—ЯКЪ ЗАВЪЯЗАНО.

ПАРХИМОВЕ СНИДАНЬНЯ *).

Небуло и на усій слободі дурнишого, якъ Пархимъ Шереврентень. А й слобода немалá була! Опрічь, що по неділямъ зыходылися бабы зъ слободы та зъ блыжчыхъ хуторівъ, и прыносылы на прдажъ и мáслычко, и смытáнку, и яéчокъ, и буханцівъ, и солы товчѣной и усякого такдого товару; а то ще двичи на годъ булы и ярмаркы у тій слободі: одна объ тёплому Олексію, а друта объ пѣршыхъ Параскахъ. И чо́го-то на тыхъ ярмаркахъ небуло? Ажъ зъ самдого гóрода прыйизжавъ крамарь зъ залызымы гвиздóчкамы, кому, знáете, трѣба чоботы пидбыты. Та бувавъ и купецъ зъ хордшымы товаромъ: зъ хвѣтамы та родзынкамы, и зъ сынимъ каминцемъ. А вже цыганівъ, от-тыхъ коноводівъ, мошѣнныкывъ, що обдурюють народъ, такъ и нерозмынѣся! Обманувъ, укравъ, обминавъ лычко на реминець, та й дáлшь.

Такъ черезъ такы ярмаркы, се вже не слобода звáлася, а мистѣчко. И скылки тамъ ни було народу, що тамъ жылы, и на ярмаркы найизжáлы, небуло дурнишого, якъ я кажú, Пархима Шереврентя.

Эгѣ! Дурный собы, та такы оженывся, знайшовъ собы жинку. Пожалуй, багатенькый-бо бувъ; а черезъ такú благодáть, дивчáта недуже дѣвлютця, чы хордшый, чы погáнный; чы ровúмный, чы прыдурковатый; абы у кышѣни пóвно було. Ось и тúть тáкычкы. Тылки задúмавъ женытця нашъ Пархимъ, якъ-разъ и выскочыла за нѣго дѣвка бóйка: самá й посвátала себѣ за нѣго, самá и весѣльямъ орудовала, и якъ хотѣла, такъ и впрáвылася.

*) „Ластóвка“, альманахъ, изд. Е. П. Гребенки, Спб. 1841.

Вона була попереду наньмычкою у гóроди, по купцямъ, такъ знала усякія поря́дки и свиту повы́дала. А якось-то наверхнулася у свою слободу, ба́чыть, що Пархімъ, зоста́вшысь пиеля́ ба́тька са́мъ собі господарь, незна́ ничо́го и невміе кинци́въ ни у чо́му звесты́, а худобыны́ до гáспыда! Вона́ и пидлизла до не́го зъ своїмы тереве́нями..... а за́втра вже и рушныкы́ подавала, а у неділеньку и весілля видбу́лы!

Люде дывова́лыся: «Чы не навижéнна с́я Насту́ся (такъ їй зва́лы), що їде́ прытьмо́мъ за дурня, за Пархіма Шерéвртня?» А вона́ собі й байдужé! «Нехай, ка́же, що хóчуть, говорю́ть, а я своé робы́тému!»

Та й прыня́лася-жъ дóбре! Усе́ попрыб́ирала до своїхъ рúкъ. Мужыко́ви, колы́ дасть-колы́ дóбре пооб́идаты, то-тó ёму́ и прáзныкъ; а не те́, такъ часті́синько окроме́ сухого хлѣба черезъ цы́лисинькый дéнь ничо́го непобáчыть.

Оде́жа на нёму абы́-яка, сорóчка розхрѣстана, чо́боты порвани, а часті́пшъ и зовсімъ бóсый. Пы́ка невмы́та, борода́ негблена.... и такы́ зъ ра́зу мóжно бу́ло ба́чыты, що́ винъ ё́.

Сама́-жъ? такъ ну́! Вы́ряжена ненáче мицáнка. Свекру́шыны и плахты́, и очіпки, и намыста́ одвича́ють по уся́къ дéнь! Лáсо йи́сть, на м'я́кóму спы́ть, и така́ вы́ходылася, що́ молоды́ця, хочъ куды́! А зúбата бу́ла! Вже неза́йдáйся зъ нею́ ни́хтó. Ты́лки заче́пы їй, такъ разомъ якъ заля́щыть, затри́щыть, загомоны́ть, перекорены́ть и ба́тька, й ма́тирь, и увéсь рѣдъ, и такы́хъ пры́кладокъ попры́клада, що́ й недодума́ешся, видки́ля вона́ усéго набра́лася? И вже́ їй ни-за́що непереговóрышъ. Якъ вода́, бува́, грéблю прорва́вшы, и би́жыть, и шумы́ть. и реве́, и клеко́че; такъ и Насту́ся, якъ зъ кымъ зче́пытця. Вже́-накъ недúрно сты́лки прожы́ла у гóроди.

Швѣ́дко ста́лы знáты їй и прои́взяющи. И купéць, и паны́чъ, и кра́марь, и ремéсний, и школя́рь, якъ ты́лки й́дуть черезъ слободу, то вже́ неодмінно и за́йдуть до Насту́си. И хочъ-бы́ якъ ще́ зарáньни бу́ло, що́ мóжно-бъ бу́ло версто́въ зъ десято́къ уйхаты́—ні́, и некажы́: воста́нутця но́чува́ты, хочъ якъ. Та умѣла-жъ усьи́хъ прыва́дыты до се́бе. Купце́ви за́разъ чайны́чокъ настанóвыть,—а усé ма́ла у се́бе; прóстому наро́ду дóброго борщú́ зъ са́ломъ постанóвыть; паны́че́ви молóшною ка́ши подáсть; старéньки паны́ неза́йизжáлы

до неї: заразъ скаже: «неприньмаю никòго». Та такъ участуе усїхъ, що довго вгадують Настусю.

А мужыкови їй, Пархиму, то небуло добра, а якъ зайдуть постояльци, такъ ёму зовсімъ халепа! Знай жінка посыла ёго по усїй слободі: бижы туды, достань того, принеси те. Набїгаеця лебедаха, утòмытця, засапаеця, дума ничью видпочты. Такъ куды-жь! Жінка протурить ёго до постояльцевыхъ коней: «и сина пидкладай, и дывысь, щòбъ безперестанно ййлы, и щòбъ хто коней некравъ, калавуръ и невидхòдъ видъ ныхъ; а у хату и недумаи забиратысь; не смій и носа показаты». То Пархимъ було и слуха жінкы: хòдыть кòло постояльцевыхъ коней, и тїлки чуе, якъ у хати чаркы брязчать, мыскы цокотять, и хазайка зъ постояльцями щебече, та не у лайку и не у спòрь. Вь ныхъ усє їдє до ладу.

А Пархимъ хòдыть, та голòдний дрыжакы йисть по холòдній зорі, немаючы у вищò и одягтысь!....

Терпівъ такы багато, сердєга, видъ такòи жінкы!

Якъ дїла нема дòма, пїде було блукаты по селу. Вже й зналы усї, щò винъ терпыть дòма видъ жінкы! Хтò було закльче, нагодє ёго, хтò й до-дòму палянычкы, або грòдку кáши дасть..... И Пархимъ, де було вздрьгть, що лòде чòго-небудь вїйшлыся, то и винъ тутьчка. Слуха собї гòтòвого, а вже свòго непытай. Наслухався, скїлки ёму трєба, и пшòвь. И тò зъ нєго.

Сїдючи разъ зъ людьмы была волоснòго правлєныя, слухавъ дє-чòго багато; и про те дали сталы розказуваты, якъ жінкы свойхъ мужыкывъ обдурюють. А що найпуще, якъ почне жінка вередуваты, забажючы або новòго очїнка, або яловычыны, чы усякои ласоци; або часомъ грòшей забажá. И стòгне вона, и недужа; и ни-знать-щò говорыть, и буцимъ щò їй преставляеця, и мужыка гòныть зъ очєй, и лає ёго на усї заставкы. И таку вòлю черезъ вередованья бзьме, що бїдному мужыкòви и пидступыты до неї немòжно. Хòдыть, сердєшний, по сїнямъ, рўкы лòмыть та вьбываеця за бїдною жінкою! Тутъ вже й знахурка поспїла. И щò-то! чòгò нерòбыть, чòгò нехїе: и пидкурює, и шєпче, и вьмывá, и злызує; ничòго нелєхша!

Мужыкъ ажъ до нѣтъ до знахуркы прыпада та прбсьты:
«Титусю! ослобонѣ жинку видѣ бидѣ! Цѣлый годѣ матирью
звѣтому; що хочѣ заплачѣ, тѣлки порятуѣ й!»

— Алѣ! вжѣ-бѣ я нерада йѣ помогты! каже знахурка:
«Такѣ шб-жѣ, колы дано, та ще й умючы. Сѣ, чоловѣче,
дала твоѣй жинци удовѣ, що мѣже и тѣ йѣ знаешѣ.....»

«Та якѣ-же? Знаю, знаю. Щѣ вона и дѣвкою була, такѣ
було.....»

— Та такѣ-же, такѣ. Се вона хоче звестѣ твою жинку,
щобѣ опислѣ самѣй за тебе вѣйти.

«А щобѣ вона неждѣла! Я вже лѣчче озьмѣ Хвѣнну,
бсѣ-що за Терѣшкомѣ Бѣльбахомѣ, колы овдовѣе, а йѣ нехѣчу».

— Такѣ бѣчѣ, незнаю, чымѣ и ослобонѣты твою жинку!

«Та вжѣ чымѣ хочѣ, а тѣлки зведѣ йѣ: я кошту непо-
жалю; бо якѣ вмрѣ, такѣ самѣй пѣхоронѣ билшѣ бѣде кош-
тувѣты, чымѣ лика».

— Такѣ хыба бсѣ-що зробимо: купѣ-лышень йѣ кавѣару
солѣного, та бѣлочку; нехѣй вона поѣсть. А якѣ послѣ сѣго
захѣчетѣ йѣ пыты, такѣ тѣ йѣ купѣ осьмѣху пыва; нехѣй
пѣе, скѣлки хочѣ. А дали вже, щобѣ негѣрко було послѣ пы-
ва, такѣ купѣ йѣ медянычкѣвѣ, родзѣнкѣвѣ, чорнѣслыву. Не-
хѣй найидѣетѣ дѣбре, пѣкы ажѣ зпотѣе. Та тогдѣ вже бѣдемо
прыслухѣтѣся, чоѣ вона зѣ нѣмоци забѣжа, та швѣдче йѣ и
кѣпышѣ, щобѣ лѣхо прогнѣты.

Сердѣга-мужыкѣ усѣго тоѣо накѣпыты; найѣстьѣ жинка,
напѣетѣ, та й почнѣ крычѣты: «Ой прѣби! Очѣпка хочѣ!
Очѣпка по вышнѣвѣй землѣ зѣ зелѣными розвѣдамы!... Прѣби!
такѣого хочѣ, якѣ и на дѣчѣси!....»

— Та купѣй, Охрѣме; купѣй мерцѣй! Бѣчѣ, чоѣ лѣхо-
манка забѣжала? Поставлѣй йѣ усѣ, а тѣо щобѣ до вѣчѣра не-
вмѣрла.

Побѣгѣ Охрѣмѣ, купѣвѣ, подаѣ жинци..... Тутѣ лѣхо-
манка, якѣ побѣчыты очѣпокѣ, та такѣ зтрянѣ болящѣ, що
наслѣу улѣжыты; а дали й почнѣ стогнѣты та бѣхаты и лѣдвѣ
каже: «Колы-бѣ ще менѣ..... тепѣрѣ..... та пѣять кѣпѣ.....
то-бѣ я и устѣла!....»

Тутѣ жинка стѣгне та бѣжа; а тутѣ знахурка нападаѣетѣ-
цѣ, щобѣ давѣв мерцѣй, щобѣ лѣхоманка, грѣши побѣчѣвшы,

зовсімъ видійшла видь неї. Нічого Охримови робыты! Вынь-ма зь кышени грóши, личыть п'ять кйпъ, та усє-жь-то новымы п'ятакамы! Кладє быля жинкы..... Жинка стóгнучы берє безь лыкы..... Загарбала усї и вже и устала, и пишла поратысь и сюды и туды..... и ще до вєчера разивъ трычи зь мужыкóмъ полаялась.

От-такй-то вередлыви жинкы у бідныхъ, сердєшныхъ, прóстыхъ людєй! Дóбре панамъ жыты, що вь нихъ жинкы и несміють, и незуміють такъ вередуваты! У нихъ жинкы передь мужыкамы якъ по струночци хóдють и прóтывь мужыкóвой воли ни у чымъ ничычыркъ!

Про такє жинóче вередуваньня слухавъ нашъ Пархимъ, та й узявъ соби на рóзумъ; та идучы до-дóму и каже самъ соби: «Не я-жь бóду, щобъ я незробывъ по-своєму! Выстачай, жинко, катъ бывъ-бы твою матирь! Выстачай усє!....»

Якъ прыйшовъ до-дóму, заразъ и почавъ стогнаты на усю хату и пробираєтця, щобъ-то злизты на пичь.....

«А якóго гаспыда ты тамъ стóгнепшь?» пытá ёгò Настўся, дывўючысь, що їй дўрєнь та осмиляєтця безь спрòсу лязты на пичь.

— Алє!... гаспыда!... Колы-жь я недўжь!... И у грўды кóле, и вь бйкъ штрыкá, и у спыну шпыгá, и на пóперекъ неpidнимўся.....

«Та щó се тобі стáлося?»

— Алє, щó!.... Незнаєпшь?.... вередўю.

«Щó..... що такє?....»

— Вередўю, кажў тобі. Хыбá незнаєпшь вередуваньня? Се вáша жинóча натўра на мєне напáла.

«Ось я тобі дамъ!.... Ще й винъ вередуваты! Устань, кажў тобі. Колы тебе напáла жинóча натўра, то я озьмў мужычу натўру, та тўть тебе такъ видвередўю, що ты й гáдки немагымєпшь!»

— Я такы й тó гáдки немаю, та лежў соби, та усє вередўю соби.

«О щóбъ тебе зь твоемы вьгадкамы! И смйхъ, и лыхо зь дўрнемъ! Скажы-жь мєнї на мылость: чогò такы ты вередўєпшь?»

— Такъ. Вередую та й вередую. Ласоцивъ хѳчу! Ой, хѳчу ласоцивъ!.... и пѳты усѳ вередуватуму, ажъ покы кѳпышь ласоцивъ.

«А рожна нехѳчъ? А трясыци та болячки?»

— Нехѳчу сѳгѳ ничѳго. Мени дай ласоцивъ, то я й перестану вередуваты. А недасы, то я и вмру, справди вмру.

«Та пропадай, вража лычыно! Колы-бъ вже й давнѳ зчезъ!»

— Такъ непропадѳ-бо, пѳкы недовередуюсь до свогѳ! Ой, вередую! Ой, лышечко, ласоцивъ хѳчу!....

«Та якыхъ тоби ласоцивъ? Здйлай мылость, некрычы; сусйды почѳють, ще бйльшъ смйятмутця; скажуть, що ты зо-всймъ одуривъ».

— Та й крычатему, и одурию, и вмру тоби, покы ласоцивъ некупышь.

«Та якыхъ-же, кажы мерщйй. Запхну тоби пѳльку, щобъ некрычавъ».

— И родзынкивъ купы, и рогозу купы, и горѳхвьянычкывъ.... и кавъяру.... и паслену.... и усѳгѳ ласого....

«Бачъ, чѳгѳ навередувавъ? Сѳ-бъ-то я покынула усѳ, та пишла по ярмарку усѳгѳ ѳму купуваты! А дзѳскы нехѳчешъ?»

— Я и дзѳскы, и трясыци твоѳи нехѳчу; мени купы тыхъ ласоцивъ, що я, вередуючы, хѳчу.

«Захотйлося гыри прѳтивъ-ночи киснычка! От-сѳ такъ и побижѳ, якъ — гѳнь — купци зъйизжають на двйрь. Гѳть, кажѳ тоби, зъ пѳчи! Вбирайся зъ хаты. Незнаѳешъ, що пры чужыхъ людяхъ тоби немѳжно тутъ бѳты».

— Знаю я, голѳбочко, усѳ! Ты дѳмаешъ, я ничѳго незнаю? Нй, я усѳ знаю. Тымъ-то и почавъ вередуваты, що я дѳ-що знаю. Отъ бачъ, и неустану, и непадѳ зъ хаты, хочъ тутъ що прыйизжи робытымуть. Неустану та й неустану. Бачъ, вередую, пѳкы дасы ласоцивъ. А тамъ ще й грѳшей забажю.

«Та на вже, цѳръ тоби, й грѳшей, тйлки втикай швѳдче зъ хаты». И далѳ ѳму тры шагы, знаѳучы, що винъ лйкывъ незна.

— Мени трѳба симъ кйпъ! Одначе узавъ грѳши, перекыдувавъ йихъ у руцй, перекыдувавъ; дали устаѳ и каже:

«Ну, так и ё!» Ухопывъ мерціѣй шапку, та навтикача зъ хаты; и пишобъвъ, сміючысь та думаючы собі: «От-такъ ты жінку провчы! Тямытеметь менѣ довго».

Пишобъ-же нашъ Пархѣмъ по ярмарку и нежуртыця ни объ чѣмъ. Грѣши ё; теперъ дума, чогѣ-бъ тѣлки накупыты? Отъ и дума: «Свыты въ мене катъ-ма! Незнаю, чы сынѣго сукна узѣты, чы хочъ и сѣрого, та тѣлки дѣброго, мыльного? та выбирѣтому довжѣнну та шыроку!..... Або, ось и чѣботы въ мене роты пороззявлѣлы, йѣсты прѣсютъ; такъ мѣже чѣботы лѣчче? И правда: шкапови куплю, зъ довгымы халѣвамы, зъ пидковамы, а дѣготъ такъ щобъ и тѣкъ!.... Цуръ дѣрня тобѣ, пѣне Пархѣме» (се усѣ самъ собі каже) «та маъла грѣдка на прыкуску. Чы недурный-же ты справди? На якѣго гѣспыда ты будешъ тратытысь? Одежу и чѣботы нехай тобѣ жінка постачытъ, а ты си грѣши, що вывередувавъ есы, проласуй на чѣмъ хѣчешъ, чогѣ душа забажѣ! От-сѣ рѣчь до дѣла. Такъ и зроблю. Накуплю усѣгѣ, що побачу, та й наймѣся, щобъ ажъ зъ души перло!.... Чогѣ-бъ-же-то накупыты?.... Э, гѣнь сластѣны; подавай йѣхъ сюды!....»

Отъ и пидйшобъ до сластѣнныци..... що за гѣрно дѣвлютця на голѣдного Пархѣма!..... и такъ и шкварчатъ у олійци!.....

«Подавай сластѣне!» гукнувъ Пархѣмъ на жінку, що йѣхъ тутъ прѣгла.

— А на скѣлки тобѣ трѣба? пытаѣтця вона.

«Подавай усѣ!» ажъ крычытъ вже Пархѣмъ, узѣвшысь у бѣкы.

— Та тутъ, дѣдюшка, якъ увѣсь товаръ ѣзьмешъ, такъ ѣгѣ будѣ на шѣсть золотыхъ.

«Увѣсь, увѣсь берѣ! на грѣши». Та й тѣче йѣ одѣнъ шагъ.

— Та щѣ се ты менѣ даѣшь? Се на-смѣхъ, чы щѣ? Ты давай бѣлшъ, давай усѣ; сѣрокъ алтынъ.

«Якъ-же я дамъ усѣ? От-сѣ я наймѣся, такъ и пыты захѣчетця. Такъ от-сѣ дрѣгый на збытѣнь, а сѣ ще, пидѣ до москалѣ, та родзынкѣвъ накуплю.....»

— Такъ ты, бачу, такый? Гѣтъ-же видѣ лѣвки, немишѣй людымъ въ мене товаръ розбѣраты. Сыхъ грѣшей трѣхы; або давай усѣ, або гѣтъ собі!....

Пишовъ сердега дѣлшъ, чупрыну чухаючы, и каже собѣ:
«Урагова баба скупѣ! Та дармѣ! Я й стовпцѣвъ наймся».

Пидійшовъ до москаля зъ стовпцѣмы. Такъ щѣ-жь-бо?
Даѣ москаль за ёгѣ грѣши тѣлки тры стовпцѣ....

«Цуръ и ёмѣ! Якѣй дорогѣй! Невмрѣ безъ ныхъ, знайдѣ
дѣ щѣ чогѣ смашнѣшого!....»

И пишовъ по базѣрю вѣтрипкѣвъ йѣсты! И щѣ-то: щѣ
вздрѣть, те й купѣвъ-бы. Та недѣма однѣ-двѣе купѣгы; нѣ,
давай усѣ! а грѣшей катъ-мѣ! Тѣлки тры шагѣ и ё!

Ходѣвъ нашъ Пархѣмъ, ходѣвъ по базѣрю! выбиравъ,
причинѣвся,—усѣ дѣрого: не по ёгѣ грѣшамъ!... Вжѣ винъ и
грѣчѣныкѣ, и горѣхвѣяныкѣ, и млынцѣ, и буханцѣ, и пы-
рижкѣ торгувавъ; кѣдався и на мочѣни кыслѣци, и на кга-
лѣни горѣхы, и на медѣяныкѣ.... Такъ ураговы лѣуде потрѣш-
ку даѣть за ёгѣ грѣши. Щѣ ёмѣ зъ однѣго, або зъ трѣхъ: ёмѣ
давай усѣ, багатѣ накладѣ ёмѣ, такъ-тѣкъ!

Ходѣвъ винъ, ходѣвъ, ажъ остѣло!.... Бѣчыть, жѣнка
продаѣ якѣсь корѣнцѣ, и усѣкъ хто йдѣ, то й купѣе тыхъ
корѣнцѣвъ и вжѣ кѣчка невелѣка зостаѣтѣця....

«От-жѣ, щѣобъ невпустѣты товѣру!» сказавъ Пархѣмъ,
и пидѣйгъ до жѣнки и пытѣ: «А скѣлки тобѣ, молодѣще, за
твѣй товѣръ?»

— А покажѣ-лыпенъ, скѣлки въ тѣбе грѣшей? зпытѣ-
лася молодѣця.

Пархѣмъ вѣнявъ своѣ сѣму на долѣню и брѣзка передѣ
молодѣцею....

— Дѣбре, дѣдюшка! берѣть увѣсь товѣръ. Кѣте грѣ-
ши скѣдѣ.

«Увѣсь?» пытѣ Пархѣмъ и самъ собѣ невѣрыть.

— Та увѣсь, увѣсь. Трѣба булѣ вамъ дѣнежку здѣчи дѣ-
гы, та пороздавала. Нехѣй за васъ подѣмъ на бѣдность.

Зибрѣлася молодѣця и покылася дѣлше, щѣобъ купѣць
нероздѣмавъ, та непыркѣнувъ-бы йѣ товѣру....

А Пархѣмъ такъ зрадѣвъ, щѣ ничѣго небѣчыть и нечѣе!
Вѣдымо-невѣдымо накупѣвъ лѣсощѣвъ!.... Забира у пѣлу—
невлѣзе; позашѣхувавъ за пѣзуху, и вжѣ остѣнни насылу зы-
бѣгѣвъ, та у жѣмени забравъ; а самъ усѣ прыговорѣе: «Некѣ-
дай, Пархѣме, ничѣго; незоставлѣй, забирай усѣ: тѣ за сѣ

ласоци грóпи платывъ. А ты, бисова жінко! Недіждешъ, щобъ я тобі и лызнуты давъ! Ни; самъ поймъ усѣ».

Отъ и вы́бравъ собі мисъце на гóрбыку. Знявъ свѣту, розисла́въ, позкла́дувавъ свѣй товаръ, позасу́кувавъ рука́ва и сиду́ючи ка́же: «Ось тепѣрь, Пархіме Уласовичу, поснидаешъ собі дóбре! Ййжъ у волю; ни́хто тобі непоми́ша..... Усѣ до оста́нньёго поймъ; та такъ обре́паюсь, що мо́же, черезъ сы́лу и до-до́му дй́ду.....

Та зъ сымъ сло́вомъ, зхопы́въ коринѣць, та..... кúсь!.... жу́е, серде́га!.... Тутъ жу́е, а тутъ у нисъ такъ и шпы́га, и слѣзы зъ очѣй такъ и бижáть..... Жу́е, жу́е и непроковтнѣ. Дáли утеръ слѣзы, ставъ виддыхáты, бо дúхъ ёму́ захвáчуе, и ка́же: «Бáчъ, якъ за пресу́чою жінкою давнó вже неласо-вáвъ, такъ ось ласоци и у гóрло нейдúть».

Та впѣять стáне ййсты; то по тры, то по чоты́ри ко-риньця́ вже пхá въ рóтъ, такъ щó-жъ-бо? Ни жовáты, ни ковтáты немóжно: нейдѣ у гóрло. Сѣ-бо бувъ хринь! Дѣ-жъ ёгò мóжно ййсты?

Лы́хо нáшому Пархімови! Вже скй́лки винъ ни потро-щывъ коринцьивъ, а кúчка нитрóшки непозначы́лась. Вже ажъ немй́гъ сыды́ты, прылй́гъ, и за жы́вить берѣтця.....

Видпочы́не, видпочы́не, та впѣять за хринь, и чúбъ ёму́ мóкрый, и пы́ку ажъ розду́ло, гúбы порѣпáлысь, а винъ сыл-кúетця ййсты.....

«Та й до биса-жъ я накупы́въ сыхъ ласоцивъ!» казавъ стóгну́чы, та слѣзы втыра́ючи Пархімъ. «Алѣ йймъ-йймъ, и кинця́ невѣдно. А слѣзы такъ и залывáютъ!.... Ажъ очи рó-гомъ лызуть!.... Охъ, лыщечко!.... Бáчылы чóртовы очи, що куповáлы; ййжте-жъ!»

Отъ зъ такóго-то Пархімового сніданья пй́шла межъ люде́й и пры́говорка.

НА ПУЩАНЬНЯ—ЯКЪ ЗАВЪЯЗАНО *).

Дижда́лыся пущанья на пѣсть. Хомá й ка́же жинци:
«Гляды-жь, Кулы́но! Нагодуй мене́ такъ, щобъ черезъ цили-
синькѣй пѣсть незахотилося мени́ йсты».

— Та дѣбре-жь, дѣбре. Ййжь тѣлки на здорѣвья, а то прыдбала усѣго, сказа́ла Кулы́на и постановы́ла передъ нымъ ма́котерть варѣныкывъ та повнѣсиньку мы́ску млынцѣвъ. Учѣ-
стывъ Хомá якъ ра́зъ, ма́слычкомъ полыва́ючы та у смыта́ну обмо́куючы.

Зибра́ла Кулы́на самѣ черипѣя, и постановы́ла обѣдаты:
бо́рщъ зъ суло́ю му́дрый, смыта́нкою засма́женный; ка́ша тоби́
пшоня́на такъ и пла́ва у ма́слычку; ло́кшына у молоці́, га-
лу́шечкы на я́ечкахъ, та те-жь зъ молоко́мъ; тарáня у ма́-
слычку напръя́ена, та молѣшно́и ка́ши пив-макѣтры; тѣлки
и усѣго́. Ажь повыскрома́жувавъ усѣ серде́шный Хомá, та на
поту́ху—пив-глекá молока́, та й сѣвъ и дри́ма.

Ще негара́здъ и прочуня́в, вже й полуднува́ты порá.
Тутъ и вроды́лася ка́ша до молока́; грѣчаны́кы гара́чи до ма́-
слычка; упыса́въ йихъ Хомá самоту́жкы ажь зо́-тры, та до-
бра́въ пѣятирко ры́бокъ тарáни у ма́сли шкварча́чыхъ.

«Щѣ-жь? недалѣко вже до вѣчера. Бѣдемо пидвечѣрку-
ваты». Такъ сказа́въ Хомá, лѣдвѣ ду́хъ переводючы.

Мысочку млынцѣвъ, та буханцѣвъ зо́-два у смыта́нку
обмо́куючы, отъ чоловѣкови́ й бѣде. «Неха́й», ка́же: «ще по-
вечѣряю чо́го-небу́дь».

Упобрався Хомá и зъ вѣчерею; доволикъ усѣ, що поста-
новы́ла жинка: и бо́рщыку, и ка́ши, и ры́бки, и млынцѣвъ
и буханцѣвъ; а да́ли тыры́ть и варѣныкывъ макѣтру: якъ ку-
лакы пла́вають у ма́сли. Сопѣ Хомá, дотро́щуе йихъ, та вже
спочыва́ючы. Розпереза́вся, сылкѣетця... отъ-отъ и днѣ вы́д-
ко, та ба́чыть, що лы́хо, отъ здыхну́вши и ка́же:

«Щѣ се, жинко, зо́ мно́ю ста́лося? Що-сь недо́йимъ».

— Охъ мени́ лы́хо! Чы не зъ очѣй?»

«Нѣ!» лѣдвѣ промо́вовъ, тяжко ды́хаючы, серде́шный
Хомá: «Ба́чу, на пущанья—якъ завъязано!»

*) Ластѣвка, 1841.

XI.

ПЕРЕКОТЫПОЛЕ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Евгенію Павловичу Гребенкѣ.

ПЕРЕКОТЫПОЛЕ. *)

Чы знаёте вы, люде добри, щò то ё сўдъ Бòжый? Чоловiкъ зъ злòсты зрòбыть якè лыхо другòму, вкраде щò, прыбьётъ, зовсiмъ вбьётъ, та якъ нихтò небáчыть тогò, щò винъ зрòбывъ, нихтò невiявыть на нёго, свыдiтели недокажутъ, такъ винъ собi и байдужè, и небойтця ничòго, и дўма, щò ёмў се такъ и мынётця. Хочъ ёгò и пидъ сўдъ виддадўть, та якъ докажчыкiвъ, свыдiтеливъ нема, такъ винъ и надiетця, щò ёмў усè такъ и мынётця, и винъ бўде правъ, ненáче ничòго и незрòбывъ, нiякого хўда..... Охъ, нi! Нетáкъ вонò ё. Есть надъ намы Создáтель нашъ! Винъ, бўдучи пресвятiйшый, самè iстынне добрò, самáя чыстая правда, Винъ непотёрпыть, щòбъ якè злèе дiло такъ и мынўлося! Хочъ чоловiкъ, зрòбывшы хўдо, и заховá кинцi такъ, щò ниждèнь чоловiкъ недошукáетця до правды, такъ Винъ, премўдрость вышняя, Винъ, знáющый наши дiлá, бáчащый самыи дўмки наши, Винъ непотёрпыть нiякои неправды. Винъ обьявыть твоè дiло черезъ тè, на щò ты и недўмаешъ, и ненáче рукою вкáжетъ: от-се тóй, щò зобыдывъ брáта и видвiвъ видъ себе пеню, щò хочъ на когò iншого подўмають, а тiлкы-бъ не на нёго, щòбъ самòму передъ людьмы бўты чыстому и правòму; а якъ трòшки забўдуть про сее дiло, такъ ще гiрше зрòбыть. Такòго все-непреминно и тáкъ обьявыть и пры такòму случáю, щò ты и несподивáешся, и черезъ такў бездiлыцю, щò ты óвси и ненадiешся. Та обьявывшы сè, тутъ видкрýютця и усi злыи дiлá, объ якiхъ вже люды забўлы и розыськуваты, бо кинцi дòбре булы захòвани. Тутъ усè явытця, усè видкрýетця, по

*) „Молодикъ“ на 1843 годъ. Украинскiй литературный сборникъ, издаваемый И. Бецкимъ, ч. II. Харьковъ. 1843. „Повiстi Гр. Кvitка“, изд. П. А. Кулiшъ. Слб. 1858.

ныточци—якъ тамъ кажуть—дійде и до клубочка. Бо спёршу Богъ, якъ отецъ надъ дѣтмы, усѣ ждавъ, усѣ довготерпивъ: мѵже скаменѣтця, мѵже покыне худо робыть, видмѵлыть свой грихы, то й прощѣныя получыть; колы-жъ нѣ, що нетылкы неперестаѣ злѣ робыты, нетылкы некаѣтця у прѣжнихъ грихѣхъ, та що дали, усѣ йдѣ на гѣршее, видъ худѵго йдѣ на худше,—тогдѣ гѵди! повелыть.... и комѣшка стѣне свѣдѣтелемъ, и ныточка заговѵрыть и черезъ нѣи видкрыютця велыки та мѣрзкы дѣлѣ!

У одному селѣ почалы пропадѣты кѵры: за ничъ у однімъ дворѣ пропадѣ кѵрка, у другимъ зо-тры; де й бѣлшъ. Хазяйкы журятця, жалѣютця мужыкамъ своимъ, а тѣ й бай-дужѣ: невелыке дѣло кѵрка; мѵже и тѣкъ де забѣгла; мѵже й задавѣло що. Дѣли та дѣли почалы усѣ бѣлшъ, усѣ бѣлшъ кѵры пропадѣты, та вже и незтѣрпѣло хазяйство, пѣйшлы до вѵлосты. «На кого маѣте пеню, скажѣть, я брата рѣдного непожалю; абы-бъ по правди доказъ бувъ». Такъ сказавъ голова. Почалы люды прымичѣты, чы небѵде якѵго слѣду на когѵ-небѵдъ. Що-жъ? кѵрку узѣто, понѣсено, кѵрку дорѵгою шѣпано, и пѣрѣя такъ слѣдомъ и пѣлы до дворѣ Явтѵшыного; тамъ-бо-то два хлѵпця и шалистѣвыи, такъ бѣлшъ недѣли, якъ нема ихъ дѵма, зъ бѣтькомъ пѣйшлы зъ хѵрою.

«Пенѣ!» сказавъ голова: «одынъ краде, на другѵго бѣдѵ звѵрѵчуе».

Тамъ геть-геть упавъ слѣдъ до Кахыбиды. Що-жъ? тамъ и хлѵпцѣвъ нема; однимъ-одынъ—дѣдѵсь, старѣй та нѣмош-ный: ѣмѵ вже прыхѵдытця не до курѣй; а у симѣ самѣ мо-лодыци та дѣвчѣта; нѣ що имъ и кѵры? своихъ е, бѣтѣчку мѣй! Такъ усѣ пропажа е, а слѣдъ видвѣдено; хтѵ ѣгѵ до правды доберѣтця?

Дѣли вже, гѵдивъ черезъ двѣ, вже нетылкы кѵры, вже стѣлы пропадѣты и поросѣта, а тамъ пѣдсвынкы; а зъ гѵдомъ-зъ гѵдомъ, то тѣлкы и чѵте: тамъ шкѣпу у хазяина звѣдено, де и вѵлыка, а колы що трѵхы, пѣдъ якѣй чѣсь, то й пѣры волѣвъ дѵбрыхъ нема. И що то? Тѣлкы що зъ дворѣ повѣдено, то якъ у вѵду! Ни слѣдивъ, ни кинѣивъ; хочъ дѣ хазяйство ни йиздыть, де ни розпѣтые, нема та й нема; якъ у вѵду кане. Сѵмѵе нарѵдъ и ненадѣвѣтця. «Що за недѵбра маты!» такъ промѣжъ себѣ совѣтѵютця: «Колы-бъ, сказѣты, въ

нась постой, то такъ-бы и буть: видъ москаля небережѣшся; а то-жъ нечѣте и за пѣятдесятъ верстовъ ни одного москалыка, и ненайизжѣ-жъ-то нихто до насъ у село; усѣ свой людъ, а е межъ намы злодѣй! Дѣй ёго чѣсты, на кого-бъ-то подуматы? Усѣ парубоцтво якъ одынь. Усѣхъ знаемо, усѣ чѣстни, усѣ дѣбри, усѣ смѣрни, негуля зъ ныхъ ни одынь, а усѣкъ зъ ныхъ жалкѣе, що намъ така е абѣда, и усѣкъ зъ ныхъ похваляетця, що тѣлкъ-бъ пѣймавсь хто, такъ вже непомыловаты такого и такою сына! Бѣчытця-жъ, и засидаютъ нанничъ, такъ николы-жъ ничѣго, и нѣякои прымѣты ни на кого. Вжѣ-жъ мы и ворожокъ пыталы, такъ, кажуть, найиздомъ буда: рыжый, кажуть, москаль; попереду, кажуть, нашле сонъ крѣпкый на усѣ село, та й пораетця, якъ у себѣ у хѣти. Такъ що-жъ ты протывъ лыхѣго слѣва зрѣбышь? Тѣлкъ жалкѣй видъ такои биды, та й мовчы».

И мовчатъ, та тѣлкъ чѣють, що вже Мырынъ зовсімъ опѣшывъ, послѣдню парку вѣлыкивъ вѣведено; а тамъ и Уласъ рѣшывся своѣи шкапы; у Марка зъ сажѣ ажъ трѣхъ кабанцѣвъ, и вже й сытѣнькихъ, узѣто. Кругѣмъ бидѣ, видъ-усиль пропажа!

Якъ ѡсь вже почѣлы, що у Демѣяна Ридкоплѣюя усѣю комоу забрато. Пидкопався, вѣажый сынъ! та що то? усѣ, усѣ позабиравъ: и жинѣче, и дивѣче, и що булѣ прыгосподарѣване, усѣ забрато, и слѣду нема, ненѣче зчѣзело.

Дывѣютця людъ, та хѣдячы колѣ вѣлосты, бѣютця ѡбъ-полы рукамы и усѣкъ на сѣю ничъ жде й собѣ такои напѣсты. Вжѣ и голова прыйшовъ и сказавъ, що винъ прытѣмомъ незна, що робѣты! «Пѣймайте, каже, менѣ злодѣя, хто се у насъ краде! Я ёго!... я ёму!... Винъ въ мене зогныѣ у холѣдний!»

«Пожалуй-бы пѣймалы, якъ бы зналы, хтѣ винъ ё» казалѣ громада, сумѣючи.

Ажъ ѡсь и обизвався одынь парубокъ, Денѣсъ Лыскотѣунъ, и каже: «колѣбъ подовѣлылы по дворѣмъ обыскѣаты. Вжѣ вѣдыме дѣло, що нихтѣ зъ чужѣхъ ненайизжѣ; се, пѣвно, свой».

— А що? винъ правду каже», розсудѣлы старыкѣ. «Звелѣте, пане голова, якимъ моторнѣшымъ, нехѣй по хѣтамъ скрѣзь обыскѣаютъ».

— Не когò-жь и послáты!» сказа́въ голова́: «нехай і́де Дены́сь, забравшы хло́щивъ....»

«Та мо́же мени неповірыте?» спыта́вся, уклони́вшись звычайненько, Дены́сь.

— Якъ-то тоби неповірыты? Кому́-жь и повірыты?» обизва́лысь стары́кі.

И якъ-таки Дены́сови неповірыты? щò-то за па́рень бра́вый бу́вь, да́ромъ що сыро́та, безь ба́тька! Ще́ тилки на́-ногы пидня́вся, до пидпарубо́чого дйшо́въ, а вже вы́дно бу́ло, що зь не́го бу́де чоловй́къ. Винь и нежы́въ дòма, винь недúже до мужы́цькои робòты, якъ усй прòчи. Якъ пйде-пйде по сéламъ,— хтò ёгò зна́, дé-то вже винь хòдыть на заробы́ткы!—та такъ щы́ро заробля́, що незабарёмъ вёрнетця, и чо́гò-то винь непрынесé! Самъ одя́гный, такы́ зовсімъ якъ мищаны́нь, и уся́ одёжа на нёму хорòша, ще пòвни кышèни грóшей нанесé. Мáтери сво́й, вже й старёнъкйй, тэ́жь прынесé колы́ платòкъ, пла́хотку, пòясъ, чобиткы́, а колы́ й серпа́нокъ; и у усймъ йй поважа́въ. Та бу́вь собòю красывый, мото́рный, прòтывъ уся́кого звычайны́й; на выга́дки та на прыкладкы ёгò подава́й. На вечерны́цяхъ тилки ёгò и чу́те. Небо́явсь никòлы и ничòго: у саму́ глухú пивничъ скажы́ ёму пйты́ на кла́дбыще, пйде и усé справы́ть, мовъ середú-дня́. Тилки й бо́явсь соба́къ, и щò-то нелюбы́въ йихъ! Бу́ло яку́ зна́ злышу соба́ку, то що ни да́сть, а да́сть, то й кúпыть йй, та на голя́ку и повисы́ть; и отру́юе бу́ло йихъ. «Щò-жь», ка́же: «нелюбу́ та й нелюбу́ соба́къ. Мени гы́дко на не́и дывы́тця. Ажъ дрыжу́, щòбъ яку́ соба́ку вбы́ты! Така́ вже моя́ нату́ра!» А що розу́мне бу́ло, такъ не узя́въ ёгò катъ. Хочъ и недúже пы́лно прыстава́въ до грома́ды, и неча́сто бу́ло и выхòдыть до во́лосты, та вже-жь колы́ выйде, послúха обь чимъ ра́да,—вже й вы́кыне слòво, та такé, що й дэ́сять старыкывъ, сиды́хъ якъ лúнь, и у тры гòды такъ не вы́думаютъ. Усй такы́, усй селòмъ, ув-оды́нь гòлосъ бу́ло ка́жутъ: «от-тò нашъ голова́ ростé!»

Такъ такòму-бъ-то неповірыты оглядй́ть дворы́, чы незнайде́тця де у кòго воривськы́хъ вещьй? Куды́! Тутъ ще ста́лы ёгò прохáты, щòбъ зды́лавъ мы́лоссть, забравшы якы́хъ парубкывъ са́мъ зна, пйшо́въ-бы и оглядывъ усйхъ, невы́нучы ни óдного двора́.

Ничого Денысови робыты, выбравь парубкiвъ, самъ и пiйшiвъ зъ нѣмы.

«Почынайте зъ мого двора», звелiвъ Денысъ.

— Та якъ се мѣжно, щобъ на тебе хто подумавъ?» казали парубкы: «Сѣ вже не знать щѣ, колы на тебе такъ пеню складаты».

«А щѣ-жь, братця, ничого робыть! Колы намъ велено усiхъ обыскуваты, такъ щѣ я за цiця, щобъ менѣ незаньматы? Шукайте, шукайте! мѣже щѣ и знайдете,» казавъ Денысъ усмихаючысь, та, узiвшысь у бѣкы, надiне тую козацькую шапку на бакырь, та й плiне черезъ гѣбу, по москѣвськи.

— Ну такъ, щѣ знайдемо!» скажуть парубкы и iйдуть за Денысомъ. Той йихъ и у хату уведѣ, и у комѣру, и на горiще, и де ѣ якiй закапѣлокъ, усюды, усiмъ, усѣ покажуть и скрiни повидчынi и у нiхъ усѣ перерыѣ. «Глядiть, каже, глядiть дѣбре!

Щѣ-жь? перерыють, переберуть усѣ; а якъ ничѣго нема, такъ и нема. Зъ тымъ и пiйдуть у другыи двирь.

Тутъ вже нетакъ; тутъ вже смiливише усi обыскуютъ и по хати, и пѣ-двору. А Денысъ самъ, неберучы зъ собѣю никѣго, полiзе на горiще и щѣ-то! усѣ тамъ перерыѣ, щѣ ни знайде, чы лѣнъ, чы прядево, чы корiньня якѣ, усѣ переберѣ и по стрiхамъ заглядѣ; такъ хочъ-бы нiтку зъ покраденого знайшѣвъ.

Эгѣ! Та неусюды-жь и такъ! У однiмъ дворi, на горiщи, на хати, Денысъ знайшѣвъ пѣясъ хорѣшый, каламайкавыи, и показавъ ѣгѣ хазiянови, щѣ тутъ зъ нымъ ходывъ. «Такъ и ѣ, козаچه! се мiй, ще бѣтькивськый пѣясъ, я ѣгѣ виддавъ сiнови носыты, а той положывъ у мѣтерыну скрiню. Такъ и ѣ! Усѣ зъ скрiни забрато; шукайте, здiлайте мѣлысть, чы не знайдете щѣ чѣгѣ!»

Тутъ вже Денысъ пѣшле парубкiвъ на хату ськаты, а самъ забирѣ хазiйство, рѣкы йимъ звязуе, и старѣго, и малѣго: усiхъ шле до волѣсты. Незнайшѣвшы тутъ билшъ ничѣго, iйдуть у другыи двирь. Тамъ впѣять черезъ скiлкы дворiвъ, впѣять знайдуть де хѣстку, де очiпокъ, або-щѣ такѣ; и усѣ знаходыть Денысъ по горiщамъ. Мѣбуть пылнiшъ усiхъ ськаѣ, щѣ нiхтѣ опрiчъ ѣго не знайде. Де щѣ знайдуть, то и

тамъ хазяйство до жѣдного забирають и пруть до вѣлосты, и вже пѣвну холѣдну натырылы и людѣй, и жинѣкъ, и дивчаты, и малыхъ дитѣй.

Почалы йихъ выпытываты, розпытываты, зъ жѣдного допрѣсь пысаты. Зъ кѣждою симьѣ усѣкъ ув-одно говѣрыть: «знать незнаемо! бачылы усѣ, що я дѣма небувъ; бѣтько ихъ недижде, щобъ я колы на такѣ сквѣрне дѣло пѣйшовъ.....» Такъ усѣ ув-одынь гѣлѣсъ кажуть; ни хтѣ непызнаѣтца, ни чымъ и докѣзоваты. «Щѣ зъ тѣго, що знайшлы на горѣщи пѣясъ чый, або де плѣхту? Мѣже якый бездѣлныкъ порався, комѣру вѣкравъ, та пороскыдѣвъ вѣщи по дрѣтымъ двѣрамъ, щобъ на нѣго пенѣ хтѣ незвѣвъ!» Такъ сказѣвъ Дѣнысъ Лыскотунъ, вынимѣючи зъ-за халѣвы лѣольку..... та що за чудѣсна булѣ! коринькѣва, зъ крѣшечкою, и зъ мѣднымъ лѣнцѣжкомъ! «Глядѣть, щобъ когѣ напрѣсно необвыновѣтылы».

— «Правда ѣго, правда!» сказѣвъ головѣ, що зѣбрѣвшы у жмѣню свою сидѣ бѣроду, сыдѣвъ собѣ мѣвчкы, та прыдѣмувавъ, що тутъ ѣмѣ на-свити робѣты? «Правда, кажѣ; выпустѣть людѣй зъ холѣдноу: вѣны невыновѣати; мѣже и справѣды, що йимъ пѣдкѣнуто. Щѣ за розѣумный зъ чѣрта от-сѣй Дѣнысъ! Зѣразь и догадѣвся. Ад-жѣ я и самъ додѣмувався и зъ старыкѣми радѣвся, такъ никѣму такѣ дѣмка неспѣла на рѣзумъ. Вжѣ зъ правѣды, що головѣ ростѣ, нехай собѣ здѣровъ бѣдѣ!»

Пѣгулявъ дѣнькѣвъ зѣ-дѣва по сѣлѣ Дѣнысъ, поѣрховѣдывъ на вѣлыци, неѣднѣй дѣвчыни тѣсунѣ давъ зъ любѣщѣвъ, неѣднѣй рукѣвъ порѣвъ, дѣржучы, щобъ неѣтикѣла видѣ ѣго; неѣодноѣ-дѣсѣтъ навчѣвъ парубкѣвъ писѣнь спѣвѣты москѣвськыхъ, що самъ поперенимѣвъ, хѣдѣчы по усѣхъ усѣодахъ; неѣоднѣ парѣ розѣвъ, що вжѣ булѣ зѣвсѣмъ хватѣлыся бѣтыся; неѣодынь совѣтъ давъ головѣ, що робѣты зъ неплѣтѣщѣмы общѣствѣнного, або отѣманѣви, загѣдучы пѣдѣвѣды на дѣрѣгы; неѣодномѣ хѣзѣину помѣгъ плѣтъ горѣдыты, скѣлкы кѣйтъ хлѣба цѣпомъ зѣбѣты: на усѣ рѣкы буѣвъ нашъ Дѣнысъ! Порѣбѣвшы и погулявшы такъ, вѣпѣятъ потѣгъ вѣнъ на зарѣбѣткы на скѣлкы тамъ неѣдѣль зъ свѣгѣ сѣлѣ. И щѣ-тѣ жалковѣлы за нымъ и хѣзѣины, и усѣ! а що вжѣ дѣвчѣта, такъ мѣры неѣма!

«Чѣй тобѣ, Трохѣyme, таланѣ неѣма, чѣ хтѣ тебѣ зна!» Такъ казѣла старѣ Вѣнгѣрыха, удѣва, свѣѣому сыновѣ, що ходѣвъ

на заробіткы ажъ у гóродъ и ажъ два ты́жни тамъ поробѣвъ, та тѣлкъы що тамъ прохарчѣвся, а до-дóму ничòго и непрѣнѣсь. Такъ от-сѣ-то мáты, жўрячысь, такъ ёмў казала. «Усї, усї такы заробляють и усѣ дбають на господáрство, та знай багатіють, а ты ось нїякъ нероздобўдешся ни нá-що, щобъ почáты господарѣвáты, якъ и люды. Що булò дѣ-чого небагá-то пислѣ бáтька, те потрáтыла жѣнчючы тебе; дўмала, опислѣ зарббымо, невїстка помòже. Невїстка-жъ ничъ и дѣнь рббыть, а я звалылася собї нá лыхо; трѣба вамъ, замисць помочи видъ мѣне, трѣба на мѣне рббыты. Тутъ пїйшлы дїты; хлòпчыкови вже шòстый годòкъ; попáвъ у ревызію, трѣба за нѣго знбсыты; дивчáточокъ двòе, рббыты ще не йїмъ, а йїсты прбсять, трѣба годувáты. Та усѣ-жъ-то дáй, усѣ дáй! А въ тебе, сынòчку, однї рўкы, ненадасы. Та я-жъ кажў, мáбуть и таланў нема. Люды ходять на заробіткы, або хочъ и тўтъ, та усѣ заробляють, усѣ дбають; а ты, хочъ и тўтъ порббышь що, хочъ де и прохòдышь, а усѣ тѣлкъы прокормлѣныє нашѣ, а щобъ по господáрству прыдбáты, такъ и некажы. Колы-бъ зпомїгся, хочъ якў нѣбудь патыку добўвъ бы, то усѣ-бъ лўчче булò, пїйшла-бъ дрўга рббта, дрўгый и заробїтокъ бўвъ бы».

— «Щò-жъ, мáмо, рббыты?» каже Трохымъ: я й сáмъ бáчу, що нема щáстья ни у чїмъ. Роблю, мáмо, до кровá-вого пòту и вже снагы нестáе. Хазáйство, дывлячысь на мѣне, що я собї такы млїлы и сухы, недўже у рббту прынмають. Дѣ тобї, кажуть, прòтывъ здорòвого зрббыты? та й дають мѣншу цїну прòтывъ дрўгыхъ. Рббышь щїро, нелїнўешся, и такы нїчого тайты, чáсомъ зрббышь и бїлшь и лўчче, чымъ здорòвый, а всѣ видъ хазáина однаковисинька честь: нездўжаешъ, каже, рббыты. А якъ плáта невелыка, такъ и нестáе ни на вїщо; тѣлкъы пропїтуємося, а до-дóму и некажы, щобъ щò прынести. Якъ бы не жїнка рббыла, то-бъ дòсе ходылы-бъ вы и бòси и гòли, и зимòю-бъ помѣрзлы».

«Трѣба-жъ, сынку, що-нѣбудь гадáты», казала мáты. Подывысь на людѣй, та порáдся зъ нїмы: куды-бъ-то пїйты тобї, де-бъ-то лўчче заробляты? Попытáвся-бъ ты у Лыско-тунá: той чòго вже незна? усѣ зна. Та й свїта такы набáчывся! А заробля-жъ-то по скїлкъы! Вже на щò ёгò мáты: биднїша менѣ булá; тепѣрь-же пїйды зъ нѣю! Одыгнá якъ мїщáнка. Або и вїнь: якъ вырядытця у прáздныкъ, та выйде

на вўлыцю, такъ куды и пїсарь нашъ! А грóшей и усякого добра́ ма́ло винъ прыно́сыть? Зпыта́йся, сы́нку, ёго́, неха́й-бы на́ра́явъ, куды-бъ то́би пї́ты; або-бъ у кўпи зъ нѣмъ пїйшо́въ?»

— Пыта́вся ёго́, ма́мо! Просы́въ, щобъ узя́въ мене́ зъ собо́ю; бу́демо, ка́жу, у кўпи робо́ты; якъ ты́, такъ и я́, не-видста́ну видъ тебе́».

«Що-жъ винъ то́би?»

— Але́! якъ се почу́въ, якъ вы́трипы́вся на мене́, а о́чи такъ и засы́ялы, а са́мъ ставъ якъ карма́зынь. Дывы́вся, дывы́вся до́вго на мене́, а да́ли насы́лу зпомі́гся сказа́ты: «Якъ заробля́ты? Робы́, ка́же, якъ и я́, то й розжыве́шся. Товары́ства ме́ни нетре́ба, шука́й кнпо́го. И пїйшо́въ швы́дко видъ мене́. Та пїсля́ се́го тїлкы́ що́ хóчу ёго́ объ чїмъ заче́пыты, то винъ такъ и выдохóдыть видъ мене́. А колы́-жъ у кўпи де́ бу́демо, то винъ ме́нї усё у вїчи прыгляда́етця, усё прыгляда́етця; я, щобъ до не́го, то винъ за́разъ видъ мене́. Неха́й винъ со́би тїмытця́! Винъ бага́тый, такъ и го́рдый проты́въ ме́не бїдно́го. Нехóчу ёго́ чипля́ты; бу́ду са́мъ по со́би. А щó, ма́мо? ду́маю ще́ і́ты у губе́рнюю; чы небу́де та́мъ ща́стыя?»

«Охъ, сыно́чку-жъ, мїй голу́бчыку! Чы близе́нькый-же свїть? Ажъ пивторáста версто́въ! На ко́го-жъ ты насъ покы́нешъ? Та якъ и са́мъ такú да́ль прїйде́шь? Сё мовъ на кін-ця́ свїта!»

— Вже-жъ, ма́мо, щó робо́ты! У оста́нње пїйду́; небу́де та́мъ ща́стыя, непїйду́ вже нїку́ды. Якъ бу́де, такъ и бу́де. Пидъ лежа́чыи ка́минь и вода́ небы́жыть.

Журы́лася ма́ты, пла́кала крїпко жїнка; а нїчого́ робо́ты! проводи́лы сво́го Трохы́ма ажъ у губе́рнюю; чу́те бу́ло, що́ тамъ збира́етця я́рмарокъ о́ Пречы́стїй, и бува́ превелы́ченый, и уся́кого купця́ изъ уся́кыхъ мїсць найи́зжае́, и уся́кого това́ру наво́зять, и чу́те, що́ е́ лю́дямъ заробіто́къ чыма́лый, якъ кому́ ща́стыя вы́паде́.

Дїйшо́въ нашъ Трохы́мъ и до губе́рнии. Допыта́вся, де ста́новытця я́рмарокъ. На́роду—на́роду! И протóвпытця не-мо́жно! Пробира́етця и винъ межъ лю́дыи, и са́мъ незна́, куды́ и для́ чо́го. Ду́ма, чы незна́йде́ тако́го мїсця́, де сы-

дять ёго братчыкы, що шукають робѣты..... ажъ ось хтось ёго сипъ за-руку и каже: «Землякъ! што, рабѣты иськаешъ, што-ли?»

Трохымъ зырнувъ, ажъ-то купецъ, та такый вже купецъ, що й броду гольты и по-панському ходыть; винъ ёму швѣдче шапку знявъ, поклонѣвся и каже: «Ськаемо, господâ купецъ, чы не пошле Богъ дѣброго хазяина».

— Чѣстный-ли ты чалавѣкъ, небездѣльныкъ? Нелиновый?

«Зъ роду незробѣвъ нѣякого худа: въ мене и думкы такѣи нема. А робѣты будемо, якъ самы побачыте.

— Ступай-же за мною.

Отъ и прывѣвъ ёго до своѣи хватѣри; а тамъ усѣ повозкы стоятъ, понакладовани ящыкы, коробкы, и усѣ зъ товаромъ, и усѣ позапакѣувани. Хазяинъ и прыказуе: «Смотры-жъ, какъ прыйдутъ звѣзчыкы зъ лошадымы, такъ пускай запрягають и веуть до моѣй лавкы; воны вже знають, дѣ вона. Ты будь пры ныхъ; изъ нѣмы перестановите усѣ ящыкы у лавку и неатхадѣть видѣ товару. Вотâ и товарышь твѣй».

Гляне Трохымъ на товарыша, ажъ то Денѣсъ Лыскотунъ, тѣлкъ вже нетакый бравый, якъ у своѣму селѣ бувъ; одѣжа на нѣму старѣнька и незнатъ-чымъ пидперѣзаныи, и шапка заваляца.

«Здорѣвъ, братѣ Денѣсе, бувъ!» заразъ одизвався до нѣго Трохымъ: «Видкиля се ты тутъ узався?»

— Алѣ, видкиля! Ад-же ты, изъ роду тутъ небувшы, та прыйшовъ; а я и чѣсто тутъ буваю.

Тутъ зкынулись по слову; Трохымъ розпытуе, якый е заробѣтокъ, яка цина у день и якъ щѣ повѣдытця; а Денѣсъ мовъ и говорыты зъ нымъ. нехѣче; скаже слово, мовъ нейившы, та й видвертаетьця видѣ нѣго.

«Якъ я бачу ёго», дума собѣ Трохымъ: «такъ винъ тѣ-течка ще й гордышый, чымъ у насъ у селѣ; та, бачъ, прыкыдаетьця, мовъ бѣдныи, щѣбъ билшу цину узѣты. Не зъ чѣрта-жъ хытрыи!»

Хазяинъ зрадовався, що обыдва робѣтныкы ёго та зъ одного селâ и прыѣтели промежъ собѣю, попрыказувавъ йимъ усѣ дѣло и пѣйшовъ собѣ; а цины и несказавъ, по чѣму платѣтеме Трохымови, чы у дѣнь, чы потыженно.

Зажурівся булò Трохымъ и пытá Деныса, що робыты? «А урагъ ёгò матирь беры! Колы не по нашому заплааты, то мы й самы себè наградымò. Держысь тилкы менè та слухай, то будемъ по вѣкъ хлѣбъ йсты».

Трохымъ здывувáвся трòшки, такè чуючы видъ Деныса, а описля и дармá. И подумавъ собѣ: «Щò се винъ каже? Хтò ёгò зна!» и ставъ обхòдыть обòвъ.

Ажъ òсь прыйшлы звòзчыкы зъ киньмы, позапргáлысь и поперевозылы товаръ до лáвки, позносылы, позкладáлы; ажъ òсь прыйшòвъ и хазяинъ, розсчитáвся зъ звòзчыкамы, видпустывъ йихъ, зачыннылы лáвку и стáлы видбывáты ящыкы и вынмáты товаръ.... Гòсподы мылостывый! усè-жъ-то сриблò та зòлото! Немá ничогисинько, щòбъ деревъяне, або костяне; усè срибне-золотè, усè срибне-золотè! И ложкы, и тарилкы, и ножи, и выдèлки; è й чашкы усяки по-панському зрòблени, и усякого товару; булò багáто й церковного, та усè-жъ-то срибне та золотè. А що кабатырокъ, а що серигъ, а що перстнивъ, такъ мишкы понакладáты мòжно!

Робòтныкы вынмáють та подають хазяину, а той усè розворòчуе та розставля.... Трохымъ бойтця и дывытыся на товаръ, бачачы, якè вонò è усè дорогè; а Денысови и нўжды мáло; ще якъ щò, то й прывáжуе на руци, мовъ сылу у нèму зна.

Хазяинъ усè найбилшъ Денысови прыказуе, чымъ Трохымови, бо той понятливыйшый и моторныйшый, та такы выдно, що ёму и непервына, и винъ бувавъ колò такòго дѣла; а Трохымъ щò? винъ зрòду упèрше и у губернии, и на панськый ярмарци, и такый товаръ бачыть, що ёму и неснылось никòлы; такъ винъ и торопѣ, и незна, якъ за що узятысь; такъ тымъ здаётця, що непровòрный и непонятливый.

Хазяинъ навчывъ Деныса, якъ замыкáть лáвку нѣмецкымы замкáмы. Тамъ такы прехымèрни! И назáдъ видмыкаетця. и нà-трое розпадаётця; и хтò ёгò зна, якъ вонò тамъ зрòблено! Якъ невмѣючы, то й невидимкнèшь и незамкнèшь. Позамыкáвъ хазяинъ замкы, давъ йимъ кòжному по полтынныку и сказавъ, щòбъ йшлы собѣ гуляты, куды хто хòче, а нáдъ вечерь щòбъ прыхòдылы на хватырю вечеряты.

Пйшлы наши землякы скрызъ по ярмарци. Такъ щò-жъ? До Деныса заразы и явылыся прыятèли, та усè зъ моска-

ливъ, мабуть прыятели ёго ще прѣжни: и здорѣваюцца зъ нымъ, и розпытуюцца де бѣвъ, и дали стѣлы шептѣты, та на Трохѣма поглядѣты, та щось про ёго говорѣты. Сѣмѣу стѣло страшно, винъ и видѣалывъ видъ ныхъ. Пѣйшовъ на свѣй базѣрь, купывъ хлѣба, огирѣивъ, пшеничкы, дѣню дубѣвку; прѣйшовъ на хватѣрю, пополѣдновавъ дѣбре, та й прѣлыгъ, дождѣяючы хазѣина. Нескѣро опислѣ прѣйшовъ и Денѣсь, и вѣдно булѣ, що булѣ трѣшки у голѣвци у нѣго, та мерщѣй и лигъ спѣты; и вечѣраты незахотѣвъ, кѣжучы, що голова болѣты.

Хазѣинъ, прѣйшовшы, давъ Трохѣмовѣ чѣрку вѣдки и вечѣраты. И щѣ-то за дѣбра страва булѣ! Борщъ зъ яловычною, каша зъ саломъ, ще й печѣне, чвѣртка барѣяча. Опислѣ усѣго, хазѣинъ ёмѣу и кѣже: «От-такѣ тобѣ платѣ и харчъ бѣде по усякѣй дѣнь черезъ ѣрмарокъ; тѣлкы служѣ чѣсно. Завтра чуть свѣтъ ѣйды до лѣвки; вѣйдуть мой прыкѣзчыкы, що застѣвлють,—слѣхай якъ менѣ; доглядѣй, сѣдючи былѣ лѣвки, щѣбъ хтѣ чѣго непѣтѣгъ; а у ночѣ бѣдете почѣрежно зъ Денѣсомъ, укѣпи зъ сторожѣмы, колѣ лѣвки ходѣты: одѣнъ до пивнѣчи, а дрѣгѣй до свѣта. Колѣ що запрѣмытышъ або побѣчышъ що недѣбре прѣтивъ моѣи лѣвки, зарѣзъ скажѣ менѣ, хочъ о-пивнѣчи розбудѣ. Опрѣчь подѣнної цѣны, я тѣбе й награжѣу за твоѣу прѣвду, и колѣ бѣдешъ чѣсный».

Видъ щѣрого сѣрца Трохѣмъ, лягѣючи спѣты, помѣлѣвся Бѣгу и подѣковавъ за Ёго мылѣсѣрдые, що такѣ ёмѣу робѣту послѣвъ! Харчѣтысь нетрѣба, харчъ дѣбра, якѣи дѣма и на Вѣлык-дѣнь небувѣ, и ще полтѣнныкъ по усякѣ дѣнь! «Дѣсятъ дѣнь ѣрмарку,—дѣсятъ полтѣнныкѣвъ: ажъ отъ пѣять карбѣванцѣвъ прѣнесѣу до-дѣму. Слѣва тобѣ Гѣспѣды!» И тѣтъ-же обѣщѣвся служѣты щѣро и за хазѣйскѣмъ добромъ вѣбѣватысь бѣлшъ, чымъ за своѣмъ.

Почѣвся ѣрмарокъ. Купцѣ, порозкѣдавшы свѣй товаръ, повѣдчынѣлы лѣвки; пишлѣ панѣ сновѣты. Хѣдѣютъ, розглядѣютъ, прѣцѣняюцца, торгѣютъ, купѣютъ. Нашъ Трохѣмъ на-дѣвѣвся на панѣвъ дѣбре.

Дѣвляючыся на нѣхъ, Трохѣмъ пылно доглядѣвся и на проходѣчыхъ, щѣбъ ѣйшовъ своѣю дорѣгою, а щѣбъ недѣже у лѣвку на товаръ заглядѣвъ, бо то вже прѣмыта недѣброго чѣловѣка. Колѣ-жъ булѣ хто стѣне былѣ лѣвки, та сюды-тудѣ розглядѣ, то Трохѣмъ—бѣзъ сорѣмѣ кѣзка—такѣго булѣ и про-

женé, бо такый стойть и б́удимъ-то и ничо́го; якъ-же побá-чывъ, що сторожа́ куды задывылысь, то тутъ винъ потя́гъ, що блыжче, а самъ шмыгну́въ дáлше. За такымъ Трохымъ билшь усéго пылнува́въ; а Денысь ни трóхы, бо ёму́ нико́лы бу́д. Ча́стисинько, якъ тѣлкъы що до лáвки паны поназбира́ютця, то тутъ де и вóзмутця: и моска́ли, и цыга́не, и жыды́, та усé до Деныса, и видведу́ть ёго гéть, и усé зъ нымъ по-потя́тъ и довгёнько базикають.

Трохымъ бу́д и спыта́ ёго, шд́ то за лю́ды и чо́го вони́ до нёго хóдють? то ажъ посу́пытця Денысь, та ажъ зъ сёр-цемъ ска́же: «Чо́го ты за дру́гымъ прыгляда́ешся? Зна́й себе́; я́ за тоб́ю непримичáю: недывысь и ты́ за мно́ю! То мой старо́давни знако́ми, я́ зъ нымы́ служы́въ по городáмъ».

А дé йимъ у бо́лти служы́ты де, що бу́лы усй такй об-шáрпани, обйрвани, що гы́дко бу́д на ныхъ и дывы́тця!

Разъ пидйшлá цыга́нка, та препаршы́ва собй на лыхо, мовъ ста́рець. Йдучы́ побиля́ лáвки и моргну́ла на Деныса; той зъ нёю, та у кутóкъ, и дава́й собй щось шептáты. Тро-хымъ надгляда́въ йихъ дóвго и щось у нёго у жывотй тѣх-нуло, ч́ючы щось недóбре. Поговоры́вшы собй, цыга́нка й пишла́. Денысь окрóме собй сыды́въ-сыды́въ, та й прыйшóвъ до Трохыма, та подывы́вшысь на нёго довгёнько и ка́же:

«Бидность тво́я велы́ка, та невміешъ якъ зъ нёю зпра-вытысь. Щы́ро сл́ужышь собй на лыхо. А на врьдъ тé ха-зйинъ да́сть, шд́ ты-бъ заробы́въ!»

— Якъ ты ёго заробы́шь билшь? сказа́въ Трохымъ. «Ад-же и тутъ плáта дóбра и робóта неважкá; а усé билшь не-мóжно заробы́ты».

«Мóжно».

— А якъ, скажы́?

«Потура́й тобй. А скажы́ менй, Трохыме, та́къ, по прáвди: чы пы́лно сл́ужышь хазйину?»

— А якъ-же и служы́ты, якъ не зо усéю щы́ристытю? Ска́зано: наня́вся—продáвся! Я хазййськои пы́лыны нехóчу, и ко́лы бáчывъ-бы, що й ридный брáтъ мйй недúмае объ ха-зййськимъ добрй и занáпащá ёго, то я-бъ и на брáта вы́явывъ.

«Сполáтъ тобй, Трохыме!» сказа́въ ёму́ Денысь, та й вдá-рывъ ёго злегёнька по плечу́. «Такъ и по вы́къ служы́; ров-

багатиешъ!» и видвернѹвьсь видъ нѣго, а Трохымъ и замѣтывъ, що винъ, видвернѹвьшысь видъ нѣго, усмихаѣтця.

«Що от-се сталося зъ нашимъ Денѣсомъ»? дѹма собѣ Трохымъ. «Алѣ винъ тѹтъ собѣ дрѹгый, чымъ у нашому селѣ».

Такъ собѣ сыдытъ, дѹмаючы про сѣ, ажъ ось впѣять та-жѣ-такы цыганка ійдѣ мымо лавкы, а Денѣсь пидійшовъ до неи и кѣже: «Дурный! ѣмѹ и неговоры. Мы и самы зрѣбымо».

А Трохымъ се й чѹе. Цыганка собѣ и пишла. Стало смеркѣтця. Прыказчыкы почалы розихѣдытця: хто у тыѣтру, хто у баню, хтѣ.... а кѣтъ йихъ знѣ, куды ѣншы пійшовъ! Останній попрыбирѣвъ, вѣйшовъ, и кѣже Денѣсови, якъ и по усякъ вѣчеръ бувало: «замкны лавку и подѣй сюды ключи». Денѣсь зачыня, прыкладѣ замкы, зкрѹчуе; ѣншы тугый, такъ ажъ крѣкче, прытягаючы та крѹтячы. Зовсімъ; отдавъ ключи; прыказчыкъ пийшовъ; Денѣсь що-сь видвернѹвсь; а Трохымъ тыхѣсенъко, крадькомѣ помацавъ замкы.... «Що за недѣбра маты? Хочъ-бы тобѣ одынъ замкнутый! Усѣ три вѣсятъ; а Денѣсь-же довго сылкувавсь, замыкаючы йихъ. Такъ такыи-то Денѣсь!»

Тѣлкъы що такъ собѣ Трохымъ дѹма, ажъ-ось Денѣсь и кѣже: «ійдѣ-жѣ, товѣрышу, на хватырю, та вынѣсь швѣдче вѣчерѣты, та лягай спѣты. Абѣ знѣешъ що? Тамъ дѹшно; я пробѹду усѣ ничъ на калавѹри; непрыхѣдъ зъ пивнѣчы; спѣ собѣ. Однаково мѣнѣ спѣты нехѣчетця, прокалавѹрю самъ усѣ ничъ».

— Ось-що вонѣ означѣ! Трѣвай-же! подѹмавъ собѣ Трохымъ и пійшовъ тыхѣю ступѣю, покы зъ пѣршу; якъ-же зайшовъ, що вже Денѣсь ѣгѣ небѣчытъ, такъ тѹтъ вже ничѣго робыты: ставъ пѣдбигцемъ поспишѣты, та мерщѣй до хазѣина. Якъ на тѣ, хазѣинъ дѣма и, наклѣкавшы гостѣй, пѣпше ихъ чѣемъ. Тутъ Трохымъ, увишѣдшы, прѣмо и розказѣвъ ѣмѹ усѣ, якъ винъ за Денѣсомъ запрымѣтывъ, якъ що робылось, и якъ винъ, бѹцимъ-то, лавку замкнѹвъ, а ѣгѣ видѣиль видпрѣторывъ.

Хазѣинъ, почѹвшы усѣ, спѣршу булѣ злякѣвсь тагъ, що ажъ поблѣдъ; далѣ ставъ дѣковаты Трохымѣви, що винъ такыи вѣрныи и пиднѣсь ѣмѹ ажъ двѣ чѣшкы чѣю, солѣдкого та пересолѣдкого, усѣ такы дѣкуючы за ѣгѣ правѣду и чѣсную дѹшу. А тѹтъ-же мерщѣй послѣвъ знѣиты прыказчыка

зъ ключа́мы. Насы́лу де-то ё́го знайшлы́. Хазя́инъ выхопы́въ ключи́, засвѣты́въ лыхта́рь, та сѣвшы на дро́жки—мерщѣ́й до ла́вки.

Пидби́гъ, огляди́въ, ажъ такъ и ё́! Ни оды́нъ замо́къ не-за́мкнутый! Поча́въ клы́каты Дены́са, а Дены́са и дѣху нема́!

Мабу́ть, що винъ и сыди́въ усѣ́ биля́ ла́вки, та якъ побачы́въ хазя́ина зъ лыхта́ремъ,—догада́вся, що се́ щось не-да́ромъ, такъ и прыта́йвся ту́тъ де, и неозыва́вся, дожыда́ючы, що́ зъ то́го бу́де.

Хазя́инъ ускочы́въ у ла́вку.... Сла́ва тоби́ Го́споды! Усе́ ци́ле, усѣ́ благополучно́! Зло́дій ще́ непочына́въ по́ратыся. Мабу́ть дожыда́въ глу́хди пѣвно́чы. Позамы́кавши́ уже́ са́мъ усѣ́ замкы́, якъ слы́довало, ту́тже изъ сторо́жывъ наня́въ дво́хъ, щобъ ви́дъ ё́го ла́вки невидихо́дылы́ черезъ усю́ ни́чь, верну́вся на хваты́рю.

И що́-то вже́ дякува́въ Трохы́мови! Ажъ поцилува́въ ё́го, що́ видви́въ ви́дъ не́го таку́ биду́ и за-зда́леги́дъ сказа́въ про таку́ на́пасть. Да́ли вы́нявъ ци́лкового́, и да́въ ё́му, и ка́же: «не по полты́нныку на́-день бу́ду тоби́ дава́ты, а ви́дъ се́годня по ци́лковому́. Отпуска́тыму,—награ́жду́ какъ са́мъ знаю́, за то́, що́ ты е́сть че́сный чоловѣ́къ. Стара́йся и упе́редь; що́ за́мытышь, що́ почу́ешъ,—за́разъ мени́ ска́зуй! Те́перь нехо́ды до ла́вки, щобъ то́тъ безды́лныкъ незробы́въ то́би́ яко́го ху́да. Тамъ е́ калаву́рни».

Якъ-же́ почу́лы ура́нцы, що́ ажъ тры́ ла́вки обигра́дено, такъ то́ди хазя́инъ ще́ бѣлшъ дя́ковавъ Трохы́мови, що́ остери́гъ ё́го. «Було́-бъ, ка́же, се́ и мени́. Тамъ же́, хочъ и ба́гато узя́то, та не на вѣлы́ку суму́, а у ме́не хочъ-бы́ и неба́гато чо́го потягну́въ, такъ усѣ́-бъ ты́сячы́въ на яку́ де́сятку».

Трохы́мъ такъ-таки́ и дѣ́мавъ, що́ зъ зло́діямы́ пѣвно́ бу́въ Дены́сь. «Го́споды мы́лосты́вый!»—дѣ́ма со́би—«якъ-то швы́дко чоловѣ́къ розледа́цивъ! Який́ бу́въ бра́вый па́рень, такъ що́ лу́ччого ё́го́ и не́треба́, а те́перь зовсы́мъ збезды́лнычався!» И пѣ́сля́ ти́еи но́чы, винъ ё́го́ и непобачы́въ вже́.

Разъ, сыды́тъ Трохы́мъ би́ля ла́вки, ды́вытця́: ве́дуть рѣштанты́; и по́переду́, и по́заду́ ихъ са́даты́ зъ ору́ж-жа́мы. Пры́гляда́етця́ Трохы́мъ, ажъ межъ ны́мы і́дѣ́ и Де́ны́сь. «Дожы́всь че́сты!» подѣ́мавъ Трохы́мъ, и ста́ло ё́му́ жа́лко зема́кѣ́. Пидби́гъ швы́дѣ́нько́ и пода́въ ё́му́, що́ тамъ

лучылось, на ёго заключёные. Що-жь Денысь? глянувъ быстро, бачыть, що се Трохымъ,—якъ заскрыгоче зубамы, а очи мовъ западалы; якъ кыне ту мылостыню геть, и сказавъ: «Щоббъ було ты лучче пропавъ. чымъ менё бачыты у такой нарузи!» и пйшовъ собі, неоглядаючысь.

Розказавъ се Трохымъ хазяинову, а винь и каже: «Перереловылы тыхъ усйхъ, што лавкы обекралы, узалы и нашого Деныса. На него доказують, што онъ зъ нымы заодно и хотѣлъ навесты на мою лавку, такъ онъ ни у чомъ не прывнаётца».

Покинчалы ярмарокъ. Розчыталыся усй; хазяинъ розчытавъ и Трохыма, и, на усякий дѣнь даючы ёму по цилковому, пры прощаньи давъ ёму ажъ сто рубливъ ¹⁾ и каже: «Озымы, Трохымушка! Ты мнѣ на десятки тысячей спасъ; благодарствую тебѣ».

Отъ ужѣ Трохымъ зрадувався! Та и якъ-же-пакъ! Скылкы винь гробшей прынесѣ до-дому! Зъ рѣду незароблявъ по стилкы! «Спасыби, що хазяинъ давъ золотымы, такъ ихъ можно такъ заховаты, що ни загублю и нхтѣ непрымитыть, що въ мене вони ё; а цилквы окромѣ положу. Отъ, узавшы, золоты позашывавъ у онучу; а срыбны якы булы, цилковы, и полтынныкы, и милочъ усяку, та позашывавъ у полусвыты, такъ що и пивнаты немѣжно було, що ё пры нёму гроши.

Зибравшысь, такъ и пйшовъ зъ губерны и не куды-жь, якъ прамѣ до-дому. «Чогѣ вже по другымъ мисьцямъ ходыты?» дѣма собі, дорогою йдучы. «Спасыби Бѣгу, заробывъ дѣбре; бѣде зъ насъ зо всйхъ. Заразъ кущю шкапу, справлю визъ, и пйшовъ луччий заробитокъ, чымъ видъ пйшого! Жйнци накушлю лёну, нехай прядѣ; нехай наньмычку наньме: у двѣхъ билшѣ нарѣблять. Матери бѣду усѣго постачаты, чогѣ забажя! Нехай, колы дѣсе бѣдкалась, нехай на старосты у рѣскоши поживѣ. Диточѣкъ прыодятну; на-зиму дровѣць роздобѣду и усѣго прыдѣаю, и бѣдемо жыты, гадкы немаючы...»

Сердѣшний!

Йдѣть винь такъ собі, йдѣть, поспышаючы до-дому, щѣбъ радисты имъ прынесы, що Богъ щастытя давъ.... и вже верстовъ зъ пѣатдесятъ zostалося йты до села свѣго.... якъ зыркь!.... доганя ёго.... хтѣ-жь? Денысь! Якъ уздрывъ ёго

¹⁾ Ассигнаціонныхъ. *Прим. ред.*

Трохымъ, такъ и рѣки и нѣги опустилисыя, и у животіи похолодуло, сердце такъ и трепечетца, и душа що-сь недобре почула. Незійтысь зъ нымъ немѣжно: по одной дорѣзи ійдуть. Пійты швидче, щобъ ненагнавъ, пѣки до села, а у селі можно пересѣдить дѣнь, пѣки винъ далѣко заїде; такъ Трохымъ-бо, стѣлки пройшовшы, вже прытомѣвся, и якъ-бы ни поспишавъ, Денѣсь ёго наженѣ, бо винъ здоровѣшый и прывѣшый билшъ ходыты.

Бачыть Трохымъ, що нічого робыты, подумавъ: «Що-жъ? Бѣжа воля! небѣду зъ нымъ ійти: бѣду собі окромѣ держатысь; бѣду прыставаты, неноспишакучы зъ нымъ; то винъ и видвѣжетца видъ мене!»

Ійдѣ-ійдѣ, якъ ось Денѣсь и наздогнавъ ёго; вдарывъ по плѣчамъ и каже:

«Здоровъ, товаришу! Невтѣкъ видъ мене?»

— Здоровъ, Денѣсе! дѣ се ты взявся?

«А ты думавъ, що Денѣсь вже ставъ бездѣльнымъ, пійде на каторгу; такъ отсѣ швидче бижышъ до-дому розказаты про мене, що я попался!»

— Господъ зъ тобою! Яка мені нѣжда до тебе? Я й самъ жалковавъ, побачывшы тебѣ у такій нѣжди.

«Жалковавъ? ты?»

— Далѣби, що жалковавъ. Ни ты мені нічого, ни я тобі нікѣды; такъ чо-го-жъ намъ? Скажы мені на мѣлость, якъ ты выкрутывся?

Тутъ Денѣсь такъ глянувъ на Трохыма, що у того уси жыжкы задрижалы и у души похолодуло. Дали и каже:

«Выкрутывся? Колы-жъ на мене напрасно сказалы! хыба небувá на чоловика наговоривъ?»

— Якъ-то безъ того! Ты-жъ мене повеселѣвъ, що ты небѣвъ зъ ными.

«Хыба-жъ я злодѣяка якый? Гá?» грязно крыкнувъ на него Денѣсь.

«Та хто про тебе такѣ дума? Зглянься на Бѣга!»

И замѣкылы обѣдва, и мовчаты, и ійдуть у кѣпи.

Геть-геть Денѣсь впѣять и одизвѣвся до Трохыма, та такымъ страшнымъ гѣлосомъ, неначѣ зовсімъ не винъ:

«Ты думаешь, що я черезъ твой замкы пропавъ?»

— Черезъ якы замкы?

«Черезъ такы, що думаешь, я ничого и незнаю?»

— Богъ зъ тобою! Я тилки чувъ про ся замкы, та й забувъ заразы.

«Забувъ?! Забудешь и справды». И выпяты замовкы.

Идучы такъ довгенько, переходылы черезъ невелике село. Трохымъ тутъ мавъ знакомого и хотывъ було зайты видпочыты. «Нетрэба сёгд!» вже крыкнувъ на него Денысь, а плохенькый Трохымъ и послухавъ ёгд, боячысь, що якъ винъ бувъ протывъ него утрде здоровишый, такъ щобъ незробывъ якого худа. Такъ думавъ соби Трохымъ: «Небуду ёгд сёрдыты; буду пиддаватця, нехай вередые, ажъ покы до своихъ мйсьц дйдю; тоди выеручусь видъ него».

Перешедшы те село, Денысь звернувъ зъ дорогы геть пидъ лисокъ и Трохыма поклыкавъ за собдю.

«От-тутъ видпочынемо!» сказавъ сидяючы Денысь пидъ грушу. «Давай, чы ё що въ тебе? такъ пообыдаемо, абд пополуднуемо».

— А що въ мене ё? сказавъ Трохымъ и доставъ изъ торбынкы хлйба, тарани скылкы та огирочкивъ.

Денысь доставъ изъ за халывы нйжъ престрашеный. Трохымъ, якъ побачывъ ёгд, такъ морозомъ обдало. Денысь розпорядкуе, мовъ самъ усё прыдбавъ: хлйба видрызавъ соби попереу, а дали ткнувъ шматокъ и Трохымови. Тежъ и тарани соби луччою узывъ, а де-що и огиркывъ кынувъ, мовъ собаца, Трохымови. Сей усё терпыть и мовчыть, та дума; «Донесы мене тилкы, Господы, до-дому! Цуръ тоби и зовсімъ! знаты тебё нехочу!»

«Знаешь що, пане брате?» найившись, ставъ казаты Денысь «Цуръ ёму у день ийти. Будемо у день виддыхаты; бачъ якъ душно! Ничью билшъ прйдемо, и дальше станемо. Якъ от-сё видпочынемо, а вечеркомъ зорёку, та холодекомъ ничью мотнемось, такъ мы писля завтра и дома будемо. Лягай та спочывай, покы до вечера».

Ляглы хлопци. Заснулы добре. Надъ захидь сонце; прокынулысь, пополудновалы — и усё такы Трохымовой харчи — и пишлы.

*

«У тебе, ба́чу, и нема́ ничо́го для доро́гы?» спыта́въ Трохы́мъ.

«А де́ я у чо́рта що́ озьму́? Ко́лы що́ й заробы́въ, бу́ло чо́го трóхы, такъ изтра́сь у тымъ ана́хтемськимъ остро́зи сыдывшы; а заробы́ты бы́лшъ ты́ неда́въ. А бу́ло-бъ и на твою́ до́лю. Га́дки-бъ нема́въ!»

— Ты́ мені́, Дены́се, на вдыво́выжу! Чы́ такы́й же ты́ бу́въ у насъ у селя́? Сё́ ты, ходы́вшы по усы́мъ усю́дамъ, набра́вся тако́го д́уху!»

«Цы́тъ, мовчы́, не твоё́ д́ило!»

И замóвкы, и і́йдуть.

Черезъ скы́лкы тамъ пройшо́вшы, вже́ Дены́сь вгы́ять и обива́вса: «А́ що́, това́рышу? Попередъ́ усё́го жы́нци розка́жешъ, а тамъ́ и до́ головы́ пй́дешъ, и по усё́му селу́́ бу́дешъ пропові́доваты, якъ́ Дены́сь Лы́скоту́нъ хоты́въ ла́вку обы́красы, и якъ́ ты́ остеры́гъ ха́яйна, и якъ́ Дены́са зъ́ остро́га пидъ́ калав́уromъ водо́лы къ́ до́прóсу».

— Ны́, Дены́се! незна́ешъ ты́ мене́. Се́ страшно́е д́ило, що́бъ́ про́ ко́го такё́ розка́зоваты. Неха́й тебе́́ Бо́гъ у́ сымъ́ д́или просты́тъ; а ты́ пока́ешся́ и покы́нешъ́ скве́рне такё́ д́ило. Що́жъ́? спиткн́вса, та́ й сха́мен́вса. А́ розка́зоваты́ не моё́ д́ило. Не ты́лкы́ жы́нци; я́ й са́мъ мо́лю́ Бо́га, що́бъ́ я́ забу́въ про́ се; бо, каж́у, ты́ пока́ешся.

«А́ якже́? Висты́ме д́ило, що́́ пока́юсь. Такъ́ и почну́́ моле́бни наньма́ты. Такъ́ гро́шей-бо́ нема́, недо́бувся; хы́ба ты́ мені́́ дасы́? А́ що́, Трохы́ме! Скажы́́ по пра́вди: ба́гато то́би ха́яинъ́ да́въ за те́, що́ ты́ про́ замкы́́ ё́му́ обя́влявъ?»

— Та́ не я́-жъ́-то обя́влявъ; вы́нъ са́мъ дозна́вся».

«Та́ якъ́ со́би тамъ́ зна́ешъ, а́ вже́́ вй́рно да́въ такы́́ що́́ не-бу́дь».

— Да́въ на́гражде́ныя, вы́дпуска́ючы, цы́лкво́ых зъ́́ па́ру».

«Та́ заробы́тныкъ́. Такъ́ скы́лкы́ несё́шъ до́-до́му?»

— Хто́ ё́го зна́! ка́завъ́ Трохы́мъ, а́ са́мъ такъ́́ и тры́-сытця́, бойтця́; бо́ ны́чъ, ихъ́ дво́е и Дены́сь́ здоро́вны́й ё́го. «Я́ такы́́ гара́здъ́́ и не́личы́въ; зложы́́въ, та́́ й пй́шóвъ».

— Ма́бутъ ба́гато, що́́ ны́колы́ бу́ло́ й́ перелы́чыты́? Чы́́ поды́лымося́-жъ́́ зо́ мндо́у?

«Щобъ-то якъ?»

— Такъ якъ дѣлютця, пополамъ. Чы, мѵже, усї виддасы? Отъ сполать-бы парень бувъ, якъ-бы усї виддавъ!»

«Що се ты, Денѵсе, говоришь?» лѣдвѣ вѣже промѵвивъ Трохѵмъ, бачачы, до чѵго вѣже дѣло дохѵдыть.

«Та нѵ, цѵрь тобѣ и зъ твоими грѣшмы, що, мабуть, у тебе ихъ до сына, що такъ злякався. Ты ще й сѣ розкажешъ, що я дорѵгою мавъ тебѣ обидраты».

— Та здѣлай мѵлость, недѵмай такъ про мене, Денѵсе! я тобѣ казавъ, що никѵму не скажѵ, и побожѵсь усѣмъ, и запрысягну.

«А нѵ, побожѵсь».

И Трохѵмъ почавъ божѵтыся такъ, що ажъ страшно було слѵхаты.

«А запрысягни!» каже Денѵсь и подавъ ѣмѵ жмѣню землѣ: «зѣйижь от-сю усю».

Трохѵмъ, якъ зъ щѣрымъ сѣрцемъ, небожѵсь ничѵго, и дѵмаючы такы, щобъ никѵму ни слѵва нерозказаты, зѣйивъ жмѣню землѣ, усѣ потрѵху ковтаючы.

«Ну такъ, тепѣрь товаришь. Тепѣрь пѣвень и я».

От-такъ-то Денѵсь усѣ зайидався зъ Трохѵмомъ. Чѵго нѣбудь, то й прывѣжетця; Трохѵмъ-же, якъ бувъ собѣ плохѣишый, то й усѣ подавався и такы не безъ тѵго, що й боѣвся ѣго, щобъ чѵго незробѵвъ ѣмѵ худѵго.

Тутъ ийшлы ничъ; рѣанкомъ скѣилкы прѣишлы, тутъ сѵнечко ще недѵже и пиднялѵся, а вѣже стѣло крѣпко пекты, то вѵны звернѵлы у лѣсокъ, та й полягѣлы спочывѣты.

Якъ пиднялѵся сѵнечко, щѵ-то вѣже жарыло! Ни вѣтеръ недыхнѣ и нищѵ неколышетця, такъ-такъ що лѣдвѣ дѣхаты мѵжно. Наши хлѵпци хочъ и заснѵлы було, такъ немѵжно нѣякъ и улѣжаты! Якъ прыпечѣ сѵнце, такъ мѣсьця незнайдуть. На взлисьи сѵнце е, жарыть; такъ вѵны зайдуть у гущѣню, такъ тамъ ще й гѣршь: ни видкѣль прохѵлды нѣякои, тѣилкы що зъ вѣрху пѣлыть, и малѣсенкѣй витрѣць не проходѣты. Знаишлы вѵду, невидѣпѣютця; тѣяко вѣже имъ и дѣхаты! Вѣкопаютъ кѵженъ собѣ ямку; прыляже туды, то

трѡхы ёму и лёгше, мѡжно хѡлодомъ трѡшки дыхну́ты. Зо-
грію́тця и ту́тъ, переходять на друге мѣсце; та такъ вѣмо-
рылысь, такъ знемоглысь, що невѣдужають и поворухну́тыся.
Цилисенькій дѣнь ни хмарыночки-жь-то.

Ажь-ось дуже къ вѣчеру жара затыхла трѡхы; товари-
ши нашѣ пиднялысь, здыхну́лы слободнишъ, поїлы чогѡ бу-
ло и пїшлы.

«Якъ неполинѣмося,» каже Трохы́мъ, «то свѣтомъ и
дѡма бѣдемо. Видь сѣгѡ лиску́ до нашого села́ тїлки двѣд-
цять верстѡвъ».

— И велѣя мѣлость, що бѣдемо, сказа́въ Дены́сь: «тїл-
ки невидстава́й; ты усѣ прыстаешъ. Поспиша́й».

Отъ якъ идуть, и верстѡвъ сѣмъ учѣстылы, зъ пѡлудня
стала показуватися мовъ стина́ чѡрна; дали видь неї стали
виддїлятысь, мовъ клубкы, густыи хмары зъ золотымы, видь
сѡнца, кругамы. Клубы вѣютця, до кѣпы збираю́тця, и сти-
на́ усѣ вѣшченько пидбыраетця. Сѡнечко за тѣчу сховало́сь
зараньгѣ, и птыця стала збиратися и чогѡ-сь жде на себе.
Сѣмчыкы сзывають самочо́къ и якъ мѡжно спїшатъ, у кѡго
е дѣточкы, такъ до нѣхъ; а котѡри собѣ гуля́нци, такъ по-
летѣлы ховатися. Де дали, де дали—усѣ зтыха́, ни тѣвка
неколышетця, усѣ чогѡ-сь жде вельыкого, страшного! Дали ста-
ло и гуготѣты далѣко-далѣко, мовъ клоко́че мѡре, або гудѣ
вельыкий вѣтеръ зъ далѣку, або сыла вельыка люде́й найизжа́,
що ще зда́леку земля пидъ кѣпмы стугонѣтъ. Блыскавка
одна́ тїлки и показуетця, а сѡнечко зовсѣмъ зайшло́; хмары
зпустѣлысь, такъ и невѣдно ничѡго.

«А що́ бѣдемо робѣты?» ставъ казѡты Дены́сь; «якъ
мы пїдемо? Скѡро зовсѣмъ бѣде тѣмно. Страшно безъ до-
ро́гы ійтѣ».

— Ажь ѡнь маячытъ лисѡкъ! сказа́въ Трохы́мъ; «по-
спїша́ймо туды».

— Де лисѡкъ? Я ни ёго, и ничѡго небачу́.

«Онъ, якъ блыснѣ блыскавка, такъ видь доро́гы на пра́-
ву рѣку. Ходѣмъ мерщїй; усѣ темнїше становытця».

Вонѣ спїшають. Пиднялася и стина́. Стало зовсѣмъ
тѣмно. Поки не блыснѣ, то ничогѣсинько и небачуть передъ

собдю. Стинà густá, чòрна, страшнá надв́ынула и простягáсь видь сòду до зàходу сòнца, и изъ усѣхъ мѣсьцъ блы́скавка знай блескá. Грѣмъ гудѣ зъ перелы́вомъ, мовъ де по гóрамъ громаднè камѣньня качáють и б́нше, мовъ упадѣ, стýкне, та й замòвкне.... а тутъ лунá и загрехоты́ть по усѣмý нѣбу, по усѣмъ куткáмъ сѣи велькoi хмáры. Замòвкнетъ-же грѣмъ, такъ чýте, щось гудѣ-клекòче, бурлы́ть страшнѣйше самòго грòму!.... А блы́скавка безперѣстанно! И якъ блыснѣ, такъ пѣсля нѣи пýще ничòго невиднò.

«А дѣ ты, Трохы́ме?» казàвъ дрижачы́ Дены́сь. «Озь-мы́ менѣ зá руку, та веды, я швѣдко впадý. Нѣгъ неpid-волочý.»

— Держы́сь за мѣне, кáже Трохы́мъ. «Тýть вже недáлечко. Онъ видъ блы́скавки вѣдно».

— Та я-бо сѣи блы́скавки бою́сь. Охъ, колы́-бъ швѣдче до лѣсу!.... Бачъ, якá стрáсть йдѣть! Ось и дòщыкъ.... Ой, швѣдче, швѣдче, поспѣшáй.

Зовсѣмъ повы́сь ёмý на руки Дены́сь; и Трохы́мъ самъ утомѣвся, и ёгò волочѣ; чѣрезъ велькy сы́лу доташы́въ ёгò пидъ густѣ дѣрево, положы́въ и самъ звалы́вся....

Тýть-же и уся́ тýча надв́ынула якъ рáзъ надъ той лѣсь и усю́ды нѣбо покрьла, якъ сáме чòрне сукнò; хочъ скѣлки хочъ дывы́ся,—ничòго пѣредъ собдю непòбачышь нѣякъ! Заревѣла престрашѣнна б́уря: шумы́ть пидъ небесáмы, нòсытця пò полю, упираѣтця у лѣсь, прѣть ёгò, мовъ зъ мѣсьця хòче ёгò зпыхнýты и зомнѣты óвси; голля́кы трищáть, ламáютця, пáдають.... Тутъ щось страшно загулò, ажъ свѣтыть на увѣсь лѣсь, грѣмъ покрьло.... и рáзомъ гѣпъ!.... впáло, ажъ землá здрòгнула!.... А тутъ грѣмъ якъ загремоты́ть, и впы́ять землá задрижáла!.... а тутъ впы́ять такы́й-же свѣсть, и шумъ, и впы́ять щось-то впáло, затрищáло!.... То б́уря пòраетця.... ви-ковѣ дубы́ валá, мовъ прýтця! Якъ-же хлы́не дòщъ и вже не йдѣ, а лѣ: пò лѣсу шумы́ть, зъ горы́ бижы́ть ричкáмы, клекòче.... и видъ нѣи, и видъ б́ури, що бушýе, и видъ грòму, що такъ и розрываѣтця надъ головáмы, шýмъ такы́й и грòхоть, що страшно и згадáты!.... А тутъ блы́скавка червòнымъ огнѣмъ óчи заслиплá!.... Ы́менно преставлѣны́е свѣту!

Дены́сь ни улѣжыть, ни усы́дыть, и непòстòбитъ на од-нсмý мѣсьци. Хòдыть, перебигá зъ-пидъ-однòго дѣрева пидъ

друте: рѹкы лóмыть, сáмъ себѣ нетямыть!.... «Трохыме, Трохыме! Ты спáшь, небойшся ничòго!» такъ гóлосно зъ óстраху сказáвъ винь.

«Ни, я несплю, та й небоюсь ничòго».

— Грѣмь убъеть!

«Вòля Бóжа. Я се зная, та хочь и лежѹ, та молюсь Бóгу.»

— Хыбá-жъ винь и помылуе, якъ ёмѹ молытыся?... Ухъ! якъ затрищало у лѣси впъять!....

«Помылуе, тѣлѣы покайся....»

— Якъ покаятыся такòму грѣшныку? Якъ менѣ Бòгъ мòже простыты?

«А щò-жъ? Кáйся видь шырого сёрця; твой грѣхы не якы велыки! ты такъ грѣшенъ, якъ и усякъ чòло.... Гóсподы! Щò се?»

Тѹтъ воны впáлы обѣдва на вкòлишкы!....

Огненна стрѣлá прорѣзала усѣ небо и, якъ óкомъ моргнуты, вдáрыла у те сáме дѣрево, пидъ котòрымъ попѣреду стоаявъ Денысь и от-сѣ прыйшòвъ до Трохыма. Дѣрево пре-высочѣнне буò; ёгò такъ до половыны у мѣлку щѣпу розбыò и усей гѣльѣ стѣрло и змѣяò, такъ щò и сльдѹ ихъ неостáлось.

Насылу пиднявся Денысь! а се видь ныхъ, де воны стоаялы, тѣжъ пидъ дѣревомъ, буò небѣлшъ, якъ саженивъ зъ десятокъ.

Очунявшы трохы, ухòпѣвъ Трохыма зá рѹкы и ставъ прохаты: «ходѣмъ, ходѣмъ видсилá! тутъ насъ Бòгъ побьѣ!»

— Куды-жъ мы заховáемось? кáже ёмѹ Трохымъ. «Бáчъ, якѣ лыхо по усѣмѹ лѣсу? От-тò грѣмь запалѣвъ дѣрево; бáчъ горыть? Ад-жѣ и далѣко видь насъ, та й по усѣмѹ лѣсу такá хáлепа!»

«Ой, стрáшно, стрáшно! А тò хтò сыдыть та дывытця на мѣне?»

— Бòгъ зъ тобюò! немá никòго. Молюсь лѹчче Бóгу.

«Менѣ и Бòгъ непомылуе! Ты думáешъ, я такы́й?... Охъ, лыцѣ запалыò!»

— Помылуе, молысь, кажү, та кайся.

«Дё вже мені покаяться? Я той, що вась обкрадавъ.... небуло другого злодія у селі.... се моё діло! Менё пидводили други.... Я обкрадавъ вась усіхъ.... передававъ цыганамъ, москалямъ.... бравъ гроши, та багативъ.... лавкы обкрававъ.... вывертися! Хотивъ и тебе такъ, якъ от-того, що сыдыть и дывитця гризно на мене....» Такъ казавъ, нетямлячы ничого, Денысь, и бьючы себе у груды кулаччамъ.

Туть разомъ якъ осяе ихъ блыскавка, якъ хрясне гримъ, мовъ небо на ныхъ впало!.... обыдва впалы нечувственно. Трохымъ, пидплывшы водою видъ дошү, трощкы очуствоався, бачыть: Денысь бига коло него, рүкы ламá, блидный якъ смёрть и, нетямлячы самъ себе, крычыть: «Я нетилкы злодій, я й душегубецъ! зарывавъ ныщого.... мавъ грошей у него знайти.... одёжу свою закровывывъ.... а винъ он-де сварытця.... Господы! и ты менё непомылуешь?»

И ставъ бигаты, якъ не о своёму умі. Спомігся трощкы Трохымъ, пиднявся на ноги, ставъ ёго розговорюваты, щобъ прыйшовъ у чүство.

«Нй», крычыть Денысь, «мені Богъ смёрть дастъ.... менё гримъ убьё.... Я злодій!... я прыкыдався добрымъ, на другыхъ пеню зводывъ, тебе мавъ зарываты, щобъ ты про лавку у селі нерозказавъ.... теперь кажы. Ось-ось менё Богъ вбьё; розкажы усимъ, якый я».

— Та Богъ съ тобою, Денысе, щд се ты думаешь? повирь не мені—Богу святому, що якъ я побожывся, такъ и незбрешү: буду держатысь прысягы, и тебе непопрекнү ни у чимъ.

Туть-же Трохымъ ёго разважуе, а тутъ гримъ такъ и рокотыть, а блыскавка ажъ очи палыть! Якъ стүкне, якъ грякне, якъ лясне, якъ затрищать дубы, якъ запала де верхъ деревыны якди, якъ шарахнутъ гилья, —туть Денысь и стане вни-ума, и впять своё розказуе, що винъ душегубецъ, злодій, прыкыдався добрымъ и усё такё. Дали прывставляеца ёму «старець, що сварытця на него; и винъ почне розказуваты, якъ убывъ ёго, и усё каже Трохымови: «усимъ, усимъ се розкажы: нехай бережүтця менё».

Гремивъ, торохтивъ гримъ, дали ставъ стыхаты, бо туча вже перейшла. Затыхъ и дощыкъ; тилкы блыскавка недавала ничого розглядиты; дали и та усё потрошку, усё тыхше, усё мѣнше, дали вже блыска тилкы здалеку.

Роздывився Трохымъ, ажъ вже стало на свѣтъ занимагтысь. «Ходимъ», каже: «Денысе! вже мы недалечко видъ свого села. Ходимъ швыдче».

— Братуку Трохыме! каже Денысь, несходячы зъ мѣсяца, «боюсь ворухнутысь! Усё мени чуетця гримъ, усё мени бачытця той анахтемський старець!... Трохымочку, голубчыку! Нерозказуй нікому ничого!»

Впьятъ Трохымови трѣба божытця; сякъ-такъ розговорывъ ёго, пишлы.

Що досвіткомъ, що вже й сонечко зйшло, йдуть и усё поспішають. Денысь черезъ усю дорогу хочъ бы пару зъ усть пустывъ, усё задумавшысь йдѣ; дали якъ крыкне: «А лѣчче-бъ менѣ гримъ убывъ!»

— Богъ-зна-що ты спомынаешъ! сказавъ Трохымъ и глянувъ на Деныса, та ажъ злякався: очи якъ жаръ горять, и самъ розлютованный, мовъ звѣрь якый. А усё розговорюе ёго: «Будь веселѣнькый», каже: «вжѣ тилкы пять верстовъ зосталося; сѣ вже наше поле».

«Тилкы пять верстовъ? Тилкы не вѣдно, якъ зъ кымъ-нѣбудь повстричаемся и менѣ виддасы. Пропадай-же ты одынъ!» Та зъ сымъ словомъ и повалывъ Трохыма, и насывъ ёго.

— Богъ зна.... що ты.... Денысе, робышъ! сказавъ, стогнучы, Трохымъ пидъ Денысомъ; дали ставъ просытгысь: «пусты менѣ, братуку, голубчыку, сокобыку! Ей-велыке слово, нікому ничого не скажу! Возьмы соби мой усѣ грѣши, що тутъ зо мною, тилкы негубы душы своѣи и моѣи! Несыроты мойхъ диточѣкъ, невбывай за жывота жинки; на кого моя старѣнька матинка зостанетця? Братукомъ, батькомъ риднымъ буду тебѣ цѣлый вѣкъ зваты! Недай мени безъ покаяныя вмерты! Дай-же мени хоть часыночку Богу помолытгысь!...»

«Помолышся и на тѣмъ свѣти!» лютуючы якъ звѣрь казавъ Денысь, одною рукою дѣржучы рѣкы Трохымовы и колыномъ ёго надавышы, а другою рукою достаючы изъ-за

халявы ніжъ свій; такъ якъ ни поспішá, неправытця
одныёю рукою. А Трохымъ знай прóсытця; здыхнўвъ и каже:
«Гóсподы мылостывый!... Ненесé Богъ никóго, щóбъ хто свы-
дїтелемъ бувъ моёи безвѣнної смёрты!» Тутъ пидкотылося
перекотыполе видъ вїтру и до самóго ёгó. Винъ глянувъ
жáлибно, та й каже: «нехáй се перекотыполе бóде свыдїте-
лемъ, щó ты менé безвѣнно погубляешъ!...»

— Нехáй свыдїтельствуе, скылкы хóче! Знáвъ-же, на кóго
и послáтысь!» казавъ, регóчучысь Денѣсь и рознимаючы ніжъ
зубáмы, той ніжъ, якымъ усю дорóгу крайвъ Трохымивъ
хлїбъ и пропытувався.

«Гóсподы милостывый! прїймѣ мою дўшу!... жїночка....
дїточкы.... тáту....»

Денѣсь змахнўвъ рукою.... хотївъ щось регóчучысь ска-
зáты.... такъ Ангель Бóжый, щóбъ недáты ёмў у сей часъ
насмїятысь, хлынувъ ёмў у ротъ брáтовою крóвью и, пры-
нявшы дўшу безвѣнного прáведныка, понїсь їи прямо на
небесá
.
.

Прыбїгли двде пастухївъ видъ чередѣ и обявѣлы го-
ловї, щó у такїмъ и такїмъ мїсти лежѣтъ зарїзанный чо-
ловїкъ; а хтó? вонѣ зъ ляку и нероздывѣлысь. Голова зá-
разъ сáмыхъ надѣжныхъ людѣй послáвъ, щóбъ бїля тогò за-
рїзаного калавўрылы, и щóбъ ни самы до нёго непидхóдылы,
и никóго недопускалы; а стáне хто навѣязуватысь, або щó
такее робыты, або казáты, то ёгó, якъ подозрѣтельного, узáтъ
и до вóлосты прывесты. Тўтъ же напысáлы лепóртъ до зём-
ського судá объ такїмъ случáи, щó «скоропостыжно вмёршый,
зарїзанный чоловїкъ, по Ымены и прозвáнню неизвѣстный,
лежѣтъ благополўчно на тимъ сáмимъ мїсти, де ёгò смёрть
постыгла.»

Де-яки зъ хазáйства пшплѣ зъ селá на заробѣткы и
ищэ непервѣталысь до дóму, та жинкѣ їхъ и ничóго, и нўжды
немá. Трохымова-жъ жїнка и мáты....: щó-то! почўвшы объ
симъ, ув-одынъ гóлосъ крѣкнулы: «Охъ, лыщечко! Се-жъ
Трохымъ, пѣвно Трохымъ!» и за-здадегїдъ стáлы голосѣты....
Сёрдце звїстку подáло!

Що-то вже вони просілы голову, щобъ подозво́львѣ пити оглядѣти, и колѣ винъ, такъ хорошенько ёго обмыты и вбраты, а колѣ можно, и до-дому привезты—звѣсно, жи-но́че дѣло: вони незнають порядку. Голова́—и не дай Бо́же никѣму и пидступѣты, кри́пко-на-кри́пко запрети́вѣ, по́кы судѣ невѣйиде и нерозва́же ёму ру́къ!

Ажъ ось, на дру́гый дѣнь явѣвся у село и Денѣсь. Та що-то одагный! Ищѣ лучче усѣ собѣ посправляѣвѣ, у чимъ по-пѣреду ходѣвѣ. Весѣлый, говорлѣвый, жартуе зъ усима, когѣ пострича́. Ба́чыть, що людѣ выхѣдѣтѣя усѣ до во́лосты, и винъ тудѣ. Ёму й розка́зуютъ, що знайшли варѣзаного; а винъ зара́зъ и невѣрпѣвѣ и пытаѣтѣя: «що́жъ ёго жѣнка та ма́ты ка́жутъ?»

— Чый?—дывѣючысь пыта́ ёго голова́.

«Ад-же вы.... чы хтѣ-на́къ ка́завъ?... що, ка́жутъ, то Трохѣмъ?»

— Ще невѣстно и ни́хтѣ зъ насѣ объ тѣмъ и недѣ-мавѣ, не тѣ, що ка́заты. Чы ма́ло йи́хъ повыхѣдыло зъ села́ на заробѣткы? Мо́же ще и не на́шь.

«Хто ни ёсть, неха́й собѣ ле́жыть, по́кы зведемо́» ска-за́вѣ, смѣючысь, Денѣсь. «А хто варѣзавѣ, свѣдѣтели ска́жутъ».

Де-яки молодці тутѣ булѣ, та ажъ зарегѣталѣсь, и ка́-жутъ: «О, щѣбѣ тебе́ зъ Денѣсомъ! Вже хочѣ щѣ, а лѣтку й прыста́выть. Де-жѣ-таки у чѣстѣму по́ли свѣдѣтели? Вжѣ колѣ по́рався, такъ самъ-на-самъ.....»

Ажъ ось дзвѣныкъ. Самѣ справныкъ прыбѣтъ, и зара́зъ крѣкнувѣ: «Гдѣ мѣртвое тѣло?»

— На мѣсти, ва́ше благо́роды! одвѣтъ давѣ голова́.

«Пѣсарь! отберѣ понѣты́хъ чѣсныхъ люде́й, возьмы́ зъ ны́хъ прыса́гу и ведѣ до тѣла; я сейча́сь бу́ду. Голова́! йдѣ за мной».

Увидѣши голову́ у ха́ту, зацепнѣвѣся и ставѣ ёго розпы́туваты, чы нема́ на ко́го яко́го сомнѣныя, хтѣ щѣ ка́завѣ пры се́му дѣли.

Голова́, якъ ма́вѣ Денѣса ва чѣсного, то и несказавѣ, якъ винъ було́ проговорѣвся, и незабры́зкавѣ ёго. Такъ и зоста́лося.

Пидьйихавъ и лікаръ; запрысяглы и понятї. Справныкъ побачывъ межъ нѣмы Денѣса и каже: «Зачымъ-же въ понятїи та такодо молодого парня поставылы? Тутъ надобно добросовѣстныхъ старыковъ».

— Сѣ, ваше благороды, казавъ голова: «хоть и мѡлодь чоловѣкъ, а у насъ въ старыкѣвъ немѡ такодо розумного, розсудывого, понятлывого, и якъ-то усѣ умно розберѣ!»

Се-жѣ голова казавъ справныкови тыхѣнько, самъ усѣ поглядѡючи на Денѣса, а той и бачыть. Якъ-же справныкъ, почувшы се видъ головы, сказавъ гблосно, и собѣ дѣвлячыся на Денѣса: «Харашѡ, подавай ѣгѡ сюдѡ!» то сѣе почувшы, Денѣсъ крѣпко поблѣдъ, а справныкъ и запрымѣтывъ, и бѣ-цимъ и ничѡго.

Зибралыся усѣ до мѣсца, де лежало тѣло; справныкъ велѣвъ понятымъ свѣдѣтельствоваты, чы немѡ боевыхъ знакѣвъ?

«Та немѡ!» гукнѣвъ Денѣсъ, здѡлеку стѡячы. «Дѣ вонѣ бѣдуть? Тутъ рѡзомъ ризонѣто ножѣмъ, та й амѣнь!»

Справныкъ замѣтывъ и сѣ, и мовчыть.

Оглядѡючи, знайшлы, що пѡлы у свѣты на кинцѣхъ по-вырѣзовани, и якъ бѣля тѡго знайшлы грѣвеннычокъ, такъ и догадѡлыся, що у свѣты булы грѡши, та вынѣято. Якъ-же роззѣлы чѡботы и онѣчи, то и знайшлы запѣтыхъ ажъ пѣять золотыхъ. Тутъ Денѣсъ ѡвси забѣвся, та ажѣ зкрыкнувъ: «Бѡчь, и непрывнѡвся!» Та сказавшы се, зхаменѣвся, вырнѣвъ, ажѣ справныкъ на нѣго пылно дѣвытця, — такъ винъ и незнѡвъ кудѣ ѣмѣ бѣчи дѣты: заморгѡвъ, поблѣдъ, та швѣдче межъ нарѡдѣ..... Справныкъ щѣ змовчѡвъ.

Якъ ѡсь настѣглы жѣнка и мѡты Трохѣмовы; за нѣмы учѣпывся и хлѡпчыкъ ѣгѡ по шѡстому гѡду. Щѣ й недѣйшлы гарѡздѣ, а вже жѣнка и пизнѡла, и крѣкнула: «Трохѣме, Трохѣме, мѣй Трохѣмочку!...» и прыпѡла до нѣго зъ мѡтирѣю, а хлѡпчыкъ, звѣсно дытына, плѡче, та кругѡмъ ѣгѡ облѡзыть та дѣвытця.....

Справныкъ булѡ повелѣвъ видвестѣ йихъ, щобѣ немѣшалы дѣло робѣты, а дали и сказавъ: «Пускай онѣ ѣгѡ оплачуть. Кровъ не водѡ. Мѣй своѣ дѣло успѣємо зправыты». И ставъ бѣля нѣхъ зъ лікарѣмъ, а Денѣсъ, якъ-то прывыкъ хвѡстаты, що усѣ попередѣ усѣхъ и усѣ-бѣ-то до панѣвъ ривнѣтыся, такъ и тепѣрь ставъ побѣля справныка.

И якъ-же-то дуже голосылы и жалюбно прыговорювали надъ Трохымомъ! Маты каже: «На ко́го ты менё, мій сыночку, лебедыку, покынувъ, пшэдши на заробіткы? Хтó менё, стару, нёмощну, догляне? Лүчче-бъ мені смёрть заподіано!....» и усё такé. А жінка прыговорювала: «Промовъ, мій Трохымочку, хочь однó словéчко! Дай мені порадо́ньку: якъ мені безъ тебе зъ дїтками бұты? Промовъ слóво, скажы, хто розлүчныкъ нашъ? Покажы, чы небуло якóго свядітеля, якъ тебе замўчуваы, якъ ты дұшу Гóсподу виддавъ?.....»

— А сé, мамо, щó?» крыкнуло хлопця, граючысь зъ чымъ-то, що выняло зъ бацьковои рукы.

Справныкъ, почувшы се, сказаъв Денысу, що край ёго, надувшысь та на бакыръ шапку маючы, стоявъ: «Посмотри, што тамъ такóе, и покажы сюда».

Денысь пийшовъ, вынявъ, подывывся, здрыгнувъ увесь, зомнявъ у рудцї и кынувъ геть. Самъ-же-то поблидъ-поблидъ, якъ стина!

«За чымъ ты бросывъ?» крыкнувъ на нёго справныкъ. «Штó тамъ такóе? Покажы сюда».

— Та сé ничóго, ва́ше благо́родые! се такъ.... бурья́нъ, ка́же Денысь, а само́го мовъ лыхора́дка трўсыть.

«Како́й бурья́нъ? покажы сюда!»

— Бурья́нъ, такъ, трава́. Мабу́ть, якъ поко́йныкъ вы́равъ, такъ за тра́ву ухопывся, такъ вона́ у нёго у рудцї и зоста́лася.

«Та кака́я-жъ-то трава́? Покажы сюда». Такъ допы́тувався справныкъ, ба́чачы, що Денысь ни зъ-за то́го, ни зъ-за сёго, усё бйлшъ, усё бйлшъ мишаётця.

— Та такъ пе.....пере.....коты.....поле, ледве промóвивъ Денысь.

Тутъ хлопця́ ухвати́ло перекоты́поле, що, якъ на те, прыкоты́лося туды́ йихъ бага́цько, та й показуе Денысови и ка́же зъ дұру: «Ось, дя́дку, щé такé! Йихъ ба́гато ко́ло та́та. Вони́ мабу́ть ба́чылы усé.....»

— Бре́шенъ! крыкнувъ Денысь, видпыхну́вши хлопца́ видъ себе, и вже нетя́млячы, що й кава́ты! Такъ-то вже у нёго Богъ и ро́зумъ видня́въ и язы́къ попу́тавъ!....

«Пóлно!» крикнувъ справныкъ: «говоры тепèрь усю правду. Ты знавь, що на мёртвому поббивъ нема; ты жалкувавъ, що винъ непризнався объ золотыхъ; тепèрь бойся перекотыполя! Говоры, чоґо ты бойся ёґо? Розказуй, какъ дѣло було!»

Денысь и сюды и туды, и видбрѣхуватысь-бы-то, такъ справныкъ на усякому слóви такъ ёґо и пѣйма; и тѣлкъ що покаже ёму перекотыполе, то Денысь такъ и затрусѣтця, и помертвѣе. А дали—ниґде дѣтысь!—уво-всѣмъ повынѣвся: за вищо, и черезъ вищо, якъ винъ заризавъ Трохыма; якъ той, сердѣшный, здався на перекотыполе; якъ, утикаючы видтиля, щобъ обмыты кровъ, усюды по-полю чиплялося ёму за ногы перекотыполе. И якъ-бы не вонó тепèрь, та не хлопѣя зъ нымъ у вичи прылѣзло, то мѡже-бъ ще и одбрѣхався.

«Такъ вѡтъ какѡй онъ бездѣлныкъ!» скававъ справныкъ, а дали напавъ на голову, и каже: «Какъ ты смѣвъ, голова, назначаыты у поняти такѡго ледачоґо?»

— Що-жъ, ваше благородые! прыступѣвъ голова, а за нымъ и усѣ поняти, усѣ старыкы, сидѣ та чѣсни. «Винъ въ насъ чѣсна душа: никѡму ничѡго. Колы-бъ усѣ такы булы, то-бъ и дѡбре було!»

«Небуло-жъ у васъ у селѣ якѡи шкѡды, и на кѡго вы думаєте?» зпытався справныкъ.

— Що-жъ? сказаылы люды: «хочъ часомъ и була шкѡда, такъ сѣ не винъ. Якъ обѣськовалы, такъ винъ було де самъ воривськы вѣщы знаходывъ».

«Говоры, признавайся, это твоѣ дѣло?» крикнувъ справныкъ на Деныса.

Той якъ затрусѣвся, и повынѣвся уво-всѣмъ, що якъ почавъ зъ курѣй красты, та бачачы, що грѡшыкы перепадають, такъ винъ и далшь; якъ завнавъ зъ москалямы, що великы прѡмыслы робылы, и по усѣмъ усюдамъ краылы, та зъ цыґанамы, прырожденнымы злодѣямы; якъ и дѣ зъ нѣмы и коґо обикравъ,—усѣ розказавъ; дали якъ и старґця нѣмопного заризавъ, надючысь у нѣго грѣшны поживѣтця; усѣ дѡчыста розказавъ, и якъ на дрѣтыхъ пеню звѡдывъ.

Люды, слѣхаючы ёґо, такъ и вжахнуылись, та ажъ дѡ-полы рукамы вдарылы и кажутъ: «Хто-жъ на нѣго надѣявся,

що вонó такè ледáщо? Мы думалы, що ёгò розумнѣшого, моторнѣшого и чеснѣшого и у селѣ нема, а вонó ось якè вѣявылось! Самыи первыи злодѣи, мошѣнныкѣ и душегубецѣ!»

— Хочѣ люды, незнаючы, и думаютѣ про кòго, що винѣ ё добрый, а колы бездѣльныча и кинцѣ ховà, то Богѣ ёгò хочѣ нескòро, а завсегдà вѣявыть, сказавѣ справныкѣ и велѣивѣ Денѣса препроводыть у гòродѣ.

Достàлося-жѣ Денѣсови Лыскотуну за усѣ ёгò дѣлà: котузи по заслужи. Польшкотавѣ ёгò катюга дòбре и спроважено до кунпàны, до товариства, туды, де козамѣ рòгы правляють!...

Такѣ-то судѣ Божый непотерпѣвѣ неправды; и хочѣ якѣ кинцѣ булы захòвани, такѣ Богѣ объявѣвѣ; и черезѣ яку бездѣлыцю? черезѣ бурѣянѣ, черезѣ перекотыполе.

ПИДБРЕХАЧЪ. *)

Дуже недобре діло брехаты! Брехнею, кажуть люды, свить прайдешь, та назадь не вернешся. Брехунъ собі ворогъ и людымъ злѣ рѣбыть. Усякий зна сю правду, одначе усякъ бреше. Не на-ривно. Одѣнъ бреше на усѣ заставки; ѣншый бреше по-тришку, оглядаючысь; а усѣ недобре діло брехаты. Хочь ты на пив-пальця збрешешь, а лѣха нарѣбышь на весь вѣкъ. Оглядѣтєся лѣшень кругъ насъ, на кого карлючка закарлючытця? Отъ-той якъ свѣтався, такъ казавъ, що въ него двѣ слободы и грѣшей пѣвни комѣры: одурывъ дѣвчыну; пѣйшла за него, та ѣ плачетця по-увесь вѣкъ; бо нетѣлки ничымъ содержуватыся зъ диточкамы, та глядѣть лѣшень, чы є що кусаты! Другыѣ позыча грѣши, бѣжытця: черезь годъ, каже, видѣамъ; а годъ мынѣвъ, — нетѣлки рѣсть, та ѣ ѣсте пропало! Ёншый каже: давайте попереу грѣшыкы: я вамъ мѣдрыхъ кныжѣкъ понапысую. Грѣшыкы зчыстывъ: а за кныжкамы хочь и не прыхѣдѣте. «Цуръ дѣрнѣвъ» каже, «одурывъ васъ, бѣде зъ менѣ; слѣхайте, дѣс вамъ кумѣды...» Та якъ усѣ розказуваты, якъ хто и колы збрехавъ, такъ и дѣ-свѣта не перекажешь ѣихъ. Мы тѣлки подѣмаймо объ тѣмъ, що недобре діло брехаты: недобре для себѣ; а друтому такого нарѣбышь, що ѣ ни видчытаешь ничымъ! Осъ слѣхайте.

Просѣвъ Пархѣмъ Остапа, щобъ пѣйшовъ за него старостю до Хѣври. Хѣвря була дѣвка годѣща; була хазѣйка, роботѣща; мѣла ѣ худѣбынку; а Пархѣмъ тѣжъ парубѣкъ голѣнный, хочь куды. Остапъ—ничого рѣбыты, каже: «Дѣбре, пѣйдѣ, абы-бъ товарыша зыскаты.

Зострѣвся зъ Самѣйломъ.

*) Молодыкъ на 1843 г. См. выше, стр. 163.

«Здѣлай мѣлость, Петровичу Самійло», каже Остапъ: «иды зо мнѣю пидбрѣхачемъ за Пархѣма до Хиври.

— Та чы зъумію лышень? каже Самійло. Зъ рѣду не бѣвъ у симъ дѣли!

«Та вонѣ нетрудно», каже Остапъ: «я бѣду почынаѣты брѣхаты, а ты пидбрѣхуй; звѣстно, якъ старосты брѣшуть про парубка, за когѣ свѣтають; а безъ брѣхнѣ вже немѣжно! Я збрѣшѣ на палець, а ты пидбрѣхуй на цѣмый лѣкоть; то й вакинчаемъ дѣло, запьемѣ могорычѣ; а молодѣ опислѣ нехай жывѣть, якъ знаѣють!»

— Дѣбре, Остапѣ! зъумію; пидѣ добѣду палычку и зайдѣ за тобѣю». Сказавъ Самійло и потягъ до дѣму.

Зибралыся старосты, якъ дѣвгъ велѣть, узалы хлѣбъ свѣтый пидѣ плечѣ, палычкы у рѣкы, пышлы до Хиври.

Увипѣдшы у хѣту помолѣлыся, хазѣину поклонѣлыся и почалы казѣты законныи рѣчи про порѣшу, про князя, про кунѣцю,—и звелы на красну дивѣцю.

Дѣбре усѣ. Старѣ Хиврыны усѣ слѣхаютъ; дѣли почалы розпытоваты, що ѣ у молодѣго?

«Та у нѣго чымѣло ѣ чогѣ», каже пѣршый старѣста.

— Дѣ-то чымѣло? каже пидбрѣхачъ. У нѣго усѣго ѣ багѣцько.

«Е й вѣлыкы».

— Та якѣ вѣлыкы? такѣ настоящи волы.

«Е й овечѣта», почына пѣршый старѣста.

— Та якѣ овечѣта? такѣ настоящи вѣвци! пидбрѣхуе Самійло.

«Е й хѣтына».

— Та якѣ хѣтына? настояща хѣта, новѣсинька, простѣрна.

«И у господарствѣ недѣже комѣ даѣ вѣли».

— Та такѣ и никѣму. Самъ усѣмъ орудѣе, и що хѣ-чѣть, те й рѣбыть.

Хиврыны старѣ ажъ плѣмкуютъ, що такѣ добрѣ достѣ-нетця йнѣх дочцѣ; та й почалы пытѣты, хто ѣменно парубѣкъ.

«Отъ колы знаѣте, Пархѣмъ», сказавъ Остапъ.

— Терѣшковичъ, Понѣра, договорѣвъ Самійло.

«Э! се-бѣ-то той кривѣый нѣ ногу?» спытѣла мѣты Хиврына.

«Та винъ такъ трѣшки храма, на одну ногу» сказавъ першый староста.

— Дѣ-то храма? и не на одну, а винъ и обомъ нездужа ходыты! пидправывъ пидбрѣхачъ.

«Та трохы чы не косый?» пыта батько Хиврынъ.

— Та такъ, косенькый на одно око, каже староста.

«Дѣ-то-уже на одно? и не косенькый овси; винъ и обомъ ничѣго небачыть!» доповнывъ пидбрѣхачъ.

— Та винъ щось горилку часто вжыва? пытаетця батько.

«Такъ, выше по-трѣшку, колы-та-колы», каже Остапъ.

— Дѣ-то-уже колы-та-колы? такы по-усякъ дѣнь; и такы не потрѣшку, а пье, покы звалытця.

«Та, кажуть, щось-тамъ нашѣбдывъ, такъ чы не бѣде ему биды?» допытуетця батько.

— Яка-тамъ бида? Можѣ провчатъ трѣшки, сказавъ староста.

«Якъ-то можно трѣшки? Ёго такы гарно катъ кнутѣмъ поибѣе, та й на Сыбиръ зѣплють», закичавъ пидбрѣхачъ....

Писля такди розмовы, щѣ батькови та матери Хиврынѣмъ робыты? Выпродылы нѣчестыю старостывъ и трѣхъ чы й непозывалы ще за бѣшкетъ, щѣ за такѣго жениха прыхдылы свѣтаты йихъ дочку. А на парня пустылы славу, щѣ й по-вѣкъ незбѣвъ!

Дуже недобре дѣло брѣхаты!

XIII.

БОЖИ ДИТЫ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Его Превосходительству

Петру Александровичу Плетневу.

БОЖИ ДИТЫ *).

Якъ-такы нелюбыты диточокъ, сыхъ янгелыкивъ Божыхъ? Вонд дывытця на тебе прыятненько, любязно, всмихаётця; хочъ ты ёгд и зобыдышь, пхнёшь, поскубёшь, — вонд заплакало, видійшлò, побачыло кошеняточко, йграшку яку-небудь, вже вонд и тамъ, вже вòзытця коло нёго, вже до тебе лязе, и сміётця тобѣ, колы ще слёзы зъ оченять краплють; вонд ихъ втыра, а другою рúчечкою хвалытця тобѣ цяцею и забуло про те, що ты ёго изобыдывъ. Лыха непамъятые; а прыголубъ-же ёгд, такъ воно ищè и пылнйшь бúde до тебе ластытыся.

Чы ё-жь такый чоловикъ на-свити, хто-бъ нелюбывъ диточокъ? Иншый хочъ и нелюбыть зъ ными пестоватысь и незуміе ихъ прыголубыты, та усè-такы любыть ихъ видь сёрца, втишаётця, и чогд-бъ то ёму недавъ, чогд-бъ незробывъ, щобъ вонд булò веселёнъке? Ни, нема такòго чоловика, щобъ ихъ нежаловавъ! И самый запеклый харцызяка, звисно, якъ о своёму умі, а не тогдѣ, якъ розлютуетця, що и нечúствуе ничòго, и въ тòго рука непиднйметця, щобъ якè злò зробыты дытыни!....

А якъ дытыточко та недуже? крый Бóже, якъ-то жадлибно дывытыся на нёго! Лежыть ув-огни, бачышь що стражда, чогò-сь бажá, кыдаётця, дывытця тобѣ у вичи, прòсыть чогò-сь, — незнаёшь, невторòпаешъ ёгд, щò воно сылкúетця промòвыты; жáль тебе озьме, проймуть слёзы и.... тутъ бы дúшу свою виддавъ, щобъ видгадаты, чогò ёму хочетця, и усè те

*) По рукописи Г. Ф. Квитки, находящейся въ библиотекѣ Императорскаго Харьковскаго Университета. Переводъ помѣщенъ въ альманахѣ „Утренняя Заря“ за 1840 годъ.

ѣму дѣты, щобъ вонѡ повеселишало. Тѣлки-жѣ вгадай, та дѣй ѣмѹ, то и бѣчышь, що вонѡ вже и забѹло лѣхо! А колы ты потрапывъ на лѣку, та ѣмѹ полѣгшало, то згадай-лышень, якъ на твой дѹши вѣсело стѣне! Ныначе самъ соби якѣ добро зробывъ; бѣлшь: ныначе вгодывъ самѡму Бѡгу мылосѣрдному, Создѣтелеви нашому, и отъ-отъ, видъ Ёго святой правды, ждѣшь соби велыкой мѣлосты!....

Вонѡ-жѣ такъ и ѣ. Такъ и Господъ повеливѣ: що зъ тѡго, що ты зрѡбышь якѣ добро такѡму, що тоби тѣмъ-же и видѣякуе? Нѣ, зрѡбы добро такѡму, що винъ тоби никѡлы невидѣастъ. Вже й не мѣ никѡго такѡго бѣлше, якъ дытѣна. Ты ѣгѡ нагодѹй, ты ѣгѡ оборонѣ видъ чоґо, що хочъ ѣмѹ зрѡбы, а вонѡ тоби и подѣковаты не вмѣе и поклонѣтыся не знѣ: побѣгло видъ тѣбе, выбрыкуючы. Ты-жѣ дѹмаешъ, що твой праця объ нѣму и самѣ пустѣ слѡво, чымъ втѣшывъ ѣгѡ, такъ и пропаѡло? Э, ни! Е Той, що видѣастъ тоби добромъ на сѣмъ свѣти, а на тѣмъ уведѣ тебе у царство Своѣ; бо ты вбывався за сырыточкою; трѣтывся на манѹсинькыхъ диточѡкъ, поставлявъ имъ усѣ, чоґѡ имъ трѣба буѡло; а найбѣлшь усѣго, помагавъ нѣмошнымъ та болящымъ диточкѣмъ, памѣятуючы и до тебе любовъ и мѣлосты самѡго Гѡспѡда, творѣя небесного.

Ось розкажѹ я вамъ, якъ Господъ самъ старѣетця объ манѹсинькыхъ диточкѣхъ, сохранѣя ихъ и посыла имъ благодѣтеливъ; неоставля и тѣхъ, хто вбывѣетця за диточкѣмъ, жалкуе объ нихъ и нежалѣе ничѡго, абы-бъ сыхъ малѣвочѡкъ сохранѣты видъ усякою бѣды.

Чы знѣ хто ту бѣдѹ, якъ куды, — нехай Бѡгъ борѡныть усюды! — увѣлытця, чы у сѣлѡ, та хочъ и у симѹю, якѣ бѡлизть? Отъ вже бѣдѣ тоґды, такъ-такъ! Недѹжный стражда, усѣ вбывѣаютця коло нѣго, ни хтѡ не знѣ, що ѣмѹ робыты, чымъ ѣмѹ помагаты. Недѹжный бажѣ солѡного, а вонѡ ѣмѹ негодытця; винъ хѡче на прохолѡду, а ѣмѹ-бъ трѣба лежѣты у теплѣ; ни кому навчыты; рѡблють по ѣгѡ, та пѣсля тѡго и хѡвають. Тутъ-же одно лежыть на Бѡжѣй дорѡзи, гляды — дѹге звѣлылось, трѣтѣ стѡгне, чѣсомъ и усѣ симѣя лѡскомъ ляже!..... Навѣдалысь-бы сусѣды, такъ и въ нихъ лѣхо и по усѣмъ хѣтамъ бѣдѣ, по усѣмѹ сѣлѹ скрызъ страждають! Ликарывъ не мѣ, ни кому порѣды дѣты; тѣлки знахуры та знахуркѣ тутъ вже пѡраютця, ажъ скѣлки выдно! Такѡго дадѹть, такымъ

пидправлять, що недужый и выдужавъ бы, швидко и уставъ бы, такъ же якъ выше ликы, такъ до вѣчера ёму и аминь! Тамъ у хати батька кладуть на стѣль; а у другій—мату п'ятѣхъ сыріточокъ покынула; тамъ дівку, замисць винця, та вбирають у домовину!.... Та такъ по усѣму селу, усюды бида!.... И непрыведы Господы!....

Такѣ лихо постыгло те село, де живъ Захарій Скъба. Уже незналы, що й робить видъ гарячки, що увалылась и побралась по селу вже билшъ чымъ два тѣжня. Що въ-Богадѣнь ховають! На однімъ кинці села ховають, зъ другою кинці бижать, що померъ такій-то. Городъ далеко, ликари ненайизжають; хто ще незвалывся, хѣдють по похоронамъ, та объ собі Бога просять щобъ помыловавъ видъ биды.

Захарій зъ жинкою своєю, Васською, ще держалысь; и якъ диточокъ дасть-Богъ, такъ вони объ собі и нетурбовалысь; знай ходылы по дворамъ: дѣ недужому яку помичъ давалы, а дѣ объ помершому трудылыся, щобъ помогты у похоронахъ; и тѣлки ихъ и дѣла було.

Поховалы вони сусѣда свого, щырого прыятеля, и уводынъ дѣнь, зъ ранку, сыдылы надъ ёго жинкою, що вже на ладанъ дыхала; якъ-ось клычуть ихъ, що жинчына дядына, на тѣмъ кинці села, за рѣчку, померла. Треба имъ йты їй ховаты. Пійшлы; и якъ тамечкы опизнылыся, то й заночувалы зъ диточкы. У ранци, давшы порядокъ дядынынымъ дѣтямъ, пійшлы до дому.

Йдучы быля того сусѣда, що померъ, а жинка учора вмирала, зайшлы вони въ хату, провидаты їй.... Господы мылостывый! Що тамъ робытця?.... Такы настояща пѣстка!.... Болящой жинкы вже нема. Выдно було, що якъ померла, такъ їй швидко и поховалы. Дѣ-що ще такы попрыбирано. хто-сь то й ночувавъ, та, мабуть, у ранци и пишѣвъ. Хата нетоплена, багато дѣ-чого порозкыданого лежить, а двѣ диточокъ, самы собі, валяютця по доливци. Дѣвчынка, тѣлки що ищѣ по другому годѣчку, мабуть, впала зъ пѣлу на доливку; а хлопчыкъ, такъ що по четвёртому году, вѣзытця коло неи, сылкетця пидняты їй, та нездужа: що озыметъ їй рученятамы пидъ плечыци, або незнаючи що робыты, стане пидниматы їй за ноженята, та якъ сылочки нема, а вона ёго переважыть, то винъ такъ и плѣхне на неи; и вона и винъ

плачуть собі, сердепни; и нетямлять ничого, тилки що плачуть.... лыхо та й годи!....

Якъ-же побачывъ хлопчыкъ, що увійшли люды, винь пиднявъ голівку та сьлжкуючысь и каже:— «Бачь!..... ляля бєбєся.... вава ляли.... паче ляля!....» и самò почалò плакаты...

Захарія та Ваську, дівлячысь на се, ажъ слєзы пронялы!.... Дали Захарій, думавшы-думавшы, перехрестывся, та й каже жинци:

«А щò?»

— А тбжь! сказала ємұ Васька, утыраючи слєзы.

Заразъ вони сталы мольтыся Бòгу, вдарылы пò тры поклоны та й узялы: Захарій Кòстя, сєгò такы хлопчыка, а Васька дівчынку, Мєласєю звалы; перехрестылысь ищє, та й пишли зъ хаты до сєбе. Заразъ попрохалы пан-отця, видправылы молєбєнь вь сєбе у хати и прынялы сыхъ сырїточокъ за ридныхъ соби дитєй.

Захарій бувъ чоловїкъ розсудывый: пишòвь до свогò началства, обявывъ, що такъ и такъ, винь прыньмає сырїточокъ замисць дитєй, а обь худòби, що у хати зосталася, такъ щòбъ началныкы далы порядокъ, якъ трєба.

Дòбре дїло. Началныкы далы порядокъ, що ажъ пальци знать булò. Якє зосталòся у хати збїжжа и на двори господарство, усє пишлò по рукамъ. Небравъ тилки тòй, хто нехотївъ; лавкы зъ хаты позабиралы, двєри познималы, стала хата пúсткою; пустовала-пустовала, дали, якъ стала завалєватися, то їи и розибралы и потребылы на мистòкъ, щòбъ дòбре булò калюжку перейизжаты. Пишлò усє по усїмъ усїодамъ, звїсно, якъ сырїтське.

Щòжь Захарій зъ своїмы дїтьмы?—Эгє! и сырòтамъ Бòгъ пославъ такòго чоловїка замисць батька, а жїнку єгò замисць матори; бо обде дòбри булы, такъ и ихъ Госпòдь мылосєрдный, за ихъ дòбре дїло, благословывъ у-во всїмъ.

Захарій бувъ не зъ замòжнихъ. Перебывався, сердега, де-бъ заробыты, та тилки тымъ и пропытовався. Часомъ, дужє крїпко чухавъ потылицю, щòбъ дє чòгò узяты? Жїнку ємұ Богъ давъ невередыву и роботящу; непокладала рúкъ и она, и що зароблять у двохъ, тилки у ныхъ и є. А якъ вмїлы дòбре порядковаты, то имъ и ставало на усє. Небу-

ло въ ныхъ багато одѣжи и залышнёго ничо́го, та й непоходылы-жъ и на старцывъ. На Захарію свѣта добра; хочъ вона и одна, та годылась промежь людѣй; що-недили сорочка на нѣму била, нелатана, и усѣ прочее, и чоботы, и шапка, и поясъ, усѣ було якъ и у людѣй. Васька тожъ ма́ла и плахтыну, хочъ и простѣньку, та неди́ряву; була й запасочка, и черевы́кы шкапо́ви, и очіпокъ парчѣвый, хочъ и дуже старѣнькый, ищѣ ма́терынъ, та годывся про правдыныкъ и у лю́ды куды́. А вже намыста або хреста́ и непыта́й. Незбулы́-бъ вони́ сѣго́ добра́, якъ-бы́ въ ныхъ попере́ду вонд було́; а то якъ небуло́, такъ незтяглы́ся добу́ты ёго́; бо, я-жъ кажѹ, хочъ и робы́лы, щы́ро робы́лы, та тѣлки що пропы́товалы себе́, зодяга́лысь, та протѣплювалы себе́ зимо́ю.

Узявши Захарій дито́къ до себе́, ка́же зъ Ваською: «Що́жъ? бѹдемо щѣ пы́лнйшѣ робы́ты, що́бъ ста́ло на до́лю дите́й на́шыхъ». Такъ и почалы́ робы́ты.

Эге́! и Бо́гъ благословывъ тру́да ихъ. Де Захарій мавъ заробы́ты рубля́, гя́не—ни видсиль, ни видгиль, набижы́тъ ёму́ два́. У такѣ уре́мья, якъ, дѹмае, нигдѣ непрочѹе робы́ты, и ка́же: «отъ бѹду́ що́ небу́дь коло́ хаты́, то у дво́рї справля́ты та лаго́дыты», дывы́тця,—кльчуть ёго́, и така́ трапля́етця робѣ́та и такы́й за не́й заробы́токъ, що́ винъ и на дѹмка́хъ непокла́давъ. Тежъ са́ме и у Васькы́ робы́тця. Ру́къ непокла́да, робы́ты не оберѣ́тця, та зна́й гро́шыкы чы́стыты. И свѣй, и мужыкы́въ заробы́токъ, усѣ до кѹпы, усѣ до кѹпы.... хва́лять Бо́га мылосѣ́рдного! Несы́длы го́лодомъ ни оды́нь дѣнь; сыры́токъ зодяглы́ у чымъ трѣ́ба було́, ще и гро́шей, скы́лки-тамъ, лежы́ть. Тре́ба имъ коро́вку купы́ты: непомо́рщылысь, гото́вымы запла́тылы, пы́шлѣ господарство́ якъ и у людѣ́й, а усѣ для́-ра́ды диточѣ́къ. А сѣ́ ихъ потиша́ють: рѣстѹ́тъ, гра́ютця, взы́вають ихъ тато́мъ та ма́мою, любля́тъ ихъ. Ста́лы трѣ́шкы розумы́ты; на́вчено ихъ Бо́гу молы́тыся, на́вчено до це́рквы Бо́жой ходы́ты, на́вчено, якъ-тамъ молы́тыся и передъ́ Кы́мъ тамъ и якъ сто́яты, на́вчено, якъ ста́рысть почы́таты́ и усѣхъ поважа́ты.

Пидня́всь Кость на́ ноги; вы́дыме дѣ́ло, що́ Бо́гъ надѣ́лывъ ёго́ ро́зумомъ и що́ хло́пя понятлы́веньке. Захарій, по́радывшысь зъ жынкою́, и ба́чачы що́ змо́же, вы́давъ Кѣ́стя у на́уку, у шко́лу до дяка́: «неха́й, ка́же, хло́пя прычы́тця

письма; хто ёго зна, що зъ него буде, до чого Богъ приведе.» Хлопця вчалося, до розуму доходило, було понятливе, звичайнынке, прыятливе до усякого.

Мелася була втixoю Васьци, а що вже Захарію, такъ и міры нема! Зъ рукъ неспускавъ. И вже було хочъ якъ, а знайде залышній шажокъ, щобъ своій Меласи, якъ йде зъ горада, або медянычокъ, або бублычокъ, або хочъ що небудь, такъ привезты. Пиднялася на нижкы, те и зна, що за веретено беретця. Звисно, якъ дытына, невміючы ще ничого, попсуе матери и мычку и ти выткы порвѣ, що маты напярала, вона ихъ по свбему зведе, а часомъ и веретено закыне, що й незнайдуть. Погрыма було на неи Васька, такъ, бұцимъ-то, та й ничого, бо бачыть, що дивча кыдаецця до роботы. Отъ якъ трошкы урозуміла, маты и почала ій показоваты, якъ що роботы, такъ куды! видъ грѣбня и невидженѣ, и шыты узалодся такы и гараздѣнько.

Нашому Захарію и у всймъ Богъ помагавъ. Незабарѣмъ розжывся чоловикъ и на шкапу. Друга робота, другый и заробитокъ. Котютця знай грѣшыкы, хочъ и невелыки, та усѣ такы зъ нұжды выйшовъ: про усячыну лѣжыть у него непочатыхъ рубливъ зъ пѣтьдѣсятъ. А се и усякому, такому якъ Захарій, сума немала; вже винъ недалѣко ставъ и видъ багатаго. Хвалють Бога Захарій и Васька, потишаютця диточкамы своймы, а найбилшъ ихъ послухѣянствомъ, звычаемъ, и що до усѣго добраго ретыви, а на злѣе дило въ ныхъ и дұмки нема, и цураютця видъ усѣго недобраго.

Небува на свити добра, щобъ за нымъ нейшла бидѣ. Якъ бы чоловикови усѣ добрѣ та щастыя, то винъ-бы забұвъ и Бога, и дұмавъ, що се ёму такъ добре не видъ кого йде, якъ винъ самъ соби заробляе; а те, що усѣ видъ Божои до насъ мылости йде, винъ-бы и неподұмавъ, та закопылышы губу, такъ-бы и дұмавъ, що ёму ниhto, якъ винъ. То отъ Господъ нашъ мылосѣрдный, якъ ё крѣпко люблящый насъ Отець, бережучы насъ, щобъ мы неспиткнұлысь, абд и ѳвси невпалы, пѣшле намъ бидұ, яку мѣжемо по сыламъ нашымъ зтерпѣты, та такы и тۇтъ неоставыть. Перетѣрпышъ, непрогнивляючы Создателя своего, Винъ тебѣ ще й билшъ наградыть.

Такъ прыйшлося и нашему Скыби. Его Васька, ёго добра жинка, що була хазяйка невоспұща, зодягала ёго зъ Кд-

стемъ и объ усѣмъ убывáлася, покýнула ёгò на сѣмъ свѣти, пронедúжавшы тыжднивъ зò-два. Поховáвъ їй Захáрій... и щò-то-вже вбывáвся та журывся, такъ и розказáты немòжно! Та немèншь тóго журывсь и Кòсть. Сáмъ надъ нею чытáвъ псалтырь—бо вже пысьмò дòбре знáвъ—та й надъ грòбомъ їй черезъ шість недѣль, щò у Бòга дèнь, видь ранку до вèчера, усè чытáвъ, бо любывъ їй, якъ ё риднèньку мáтирь. Чúствовавъ усè, щò вона за-для нèго зробыла, якъ выгодовала, якъ доглядáла, якъ обпáтрèвала ёгò, якъ зодягáла ёгò, якъ зь бáтькомъ, Захáриемъ, на усè дòбре вчыла; та якъ згáдовавъ се усè, та такъ и обильетця слизьмы, прыпадè на грòбъ їй и мòлытця, щòбъ мылосèрдный Госпòдь увивъ їй у цáрство Своè. Такú мòлытву видь дòбрыхъ дитèй Богъ за-всегдá прыйме! а такýchъ дòбрыхъ, якъ була Вáська, и собира до Сèбе, щòбъ нетерпíлы на сѣмъ свѣти, а щòбъ тáмъ, у цáрствѣ, прынялы розплáтку за те дòбрò, щò робылы на сѣмъ свѣти.

Пúще усèго вбывáвся Скýба объ свой Мелáси, дúмаючы: «щò я зь нею бúду робыты? Якъ я їй сáмъ, чоловѣкъ, доведú до резòнту? Се жинòче дѣло. Щò їй? Ще дванáдцáтый годòкъ, тутъ їй и вчыты, тутъ їй и порядòкъ дáты, щòбъ стáла на дòбрѣй дорòзи. А я, щò я знáю? Щè-жъ собѣ такá красывá! А якъ стáне пидростáты, чы я-жъ, зь стáристыгò своèю, чы я-жъ догляну їй якъ трèба? Зведúть їй зь умá, а грѣхъ падè на мою дúшу. Бидá, зовсѣмъ бидá!—Колы-бъ-пакъ, на моè щáстыя, та знáвъ-бы я, комú їй виддáты, щòбъ їй такъ булò хорòше, якъ и вь мèне, та щòбъ до рòзуму довелы лúчче, чымъ я мòжу. Эге! такъ дè-жъ такъ знáйдешь?... дè?— Мòлытысь Бòгу, то и неостáвить менè гришного, и сыротѣ щáстыя видкрые. Я пèвно вѣрую, щò не на погыбèль Богъ послáвъ їй до мèне. Бúду-жъ дожыдáты, щò и якъ Бòгъ повелыть!»

И мòлывся-жъ объ сѣмъ Захáрій рано и вèчирь. А якъ Кòсть поохòтився вчытыся и пысáты, и цыхвѣру на бумáзци выкладáты, бо дякъ бувъ зь бурсакывъ и такы дè-щò трòшки знáвъ и, бáчачы у Кòстя рòзумъ, не за велýку плáту ёгò и вчывъ (отъ за тымъ Кòсть бѣлшь усè у шкòли пробывáвъ); то Захáрій куды булò ййде, то й Мелáсю зь собòю берè и вона ёмú, якъ дè, и коня поганя, и быля вòза посыдыть и у всѣмъ ёмú прыслугòвуе, щò знá и щò здúжа.

Купывъ Захарій синця, тїлки що набошеного, скїлки тамъ копѣчокъ и почавъ ёго перевозыты. Мелася зъ нымъ: накладе сїна на вїзъ, та й всадыть туды своєю Меласю, що завжди чепурненька, у биленькій сорочечци, плахтынка на нїй звычайненька, скиндячечкы на голѣвци гърненьки, а тутъ ще, покы батько сїно зкладавъ, такъ вона бїгала по лугу, та нарвала квитѣчкывъ, та й заквиччалася ими, и якъ бїгаючи розкраснїлася, такъ теперъ сыдыть на возу така гърненька, румяна, чорнобрыва, зъ довгенькою косю, та лычкомъ собї биленька, хочъ намалѣваты; нынѣ панська дытына.

Захарій їде побыля шкѣпы и, де треба, пїдганя їй, и такъ переходыть черезъ панське село, що видъ Захарїевои слободы бѣде верстовъ зо-тры, и дорѣга ёму побыля самыхъ панськихъ ворїть. За ворѣтамы паны сыдыть и дїты коло ныхъ бїгають. Захарій, бѣчачы ихъ, знявъ шапку, поклонывсь и їде своєю дорѣгою. Невидїйшовъ и десятка саженивъ видъ панївъ, якъ чуе, що хтось гукѣ на него: «мужычѣкъ, мужычѣкъ!» Захарій озырнѣвъ.... що за дѣво?... самъ панъ, гукѣючи, їде до него, а за нымъ и пѣни, а за панею дїты ихъ пїдбигцемъ поспїшають зъ нянькѣмы своїмы.

Захарій дывѣючи, що-се такѣ ё, зпынѣвъ коня и, знявши шапку, їде назѣстричь пѣна; пїдїйшовшы, поклонывсь нызенько, и знѣвши, — сусїдське дїло, — що панъ добрый, пытѣ ёго:

«А чоґо звѣлыте, добрѣдїю?»

Панъ розпытовавъ Скѣбу, видкїля винъ, куды йїздывъ, де сїно купывъ, и усѣ, якъ повѣдытця у неспесївыхъ панївъ. А за тымъ пїдїйшла и пѣни, и стала пытѣты Захарїя, чы се ёго дочкѣ и якъ їй зовѣть?

Захарій, якъ невмївъ хытровѣты, — и для чоґо-бъ-то ёму булѣ? — винъ и розказавъ усѣ, якъ ёму достѣлыся сї дїты, якъ винъ ихъ содѣржуе, а якъ остався удѣвъ, такъ нї-на-кого Меласи дѣма покынуты, такъ винъ їи вѣзыть усюды зъ собѣю. Усѣ дѣ-чыста розказавъ.

А за тымъ панськы дїты, бїгаючи коло вѣза, стѣлы занѣматы Меласю, а вона до ныхъ всмїхаѣтця несмїливо; звїсно, якъ малѣ дивчѣ, нерозумїе ничѣго. Пѣни усѣ на нѣи прыглядаѣтця и стала їи гѣлосно хвалѣты, що якѣ-то гърна дивчынка. Мелася сѣе почѣвши, засорѣмылася, голѣвку зхы-

лыла и покрыла свои очыци, що ще у малёнькой, та-вже знáте булò, що багáто лыха нарòблять. Пáни, якъ вздрила їи такú, та ажъ зкрыкнула: «Ахъ, якá вòна хорòшенька! Се чúдо!»

Захàрий, розказавшы усé, объ чимъ ёгò пыталы, поклонывсь панáмъ, пийшовъ до шкапы, и пойхавъ своёю дорогою. А паны, якъ стáлы, та усé дывылыся у слидъ за нýмы, усé хвáлячы и дывúючыся, що якá-то хорòша дивчòнка. Мелáся-жъ чýе усé, и бúцимъ-то и нечýе, та знай, усé оглядаётця, то на дорогу, то на лисòкъ, тákъ, куды-нè-будъ, та й зырнè на панívъ; а ти усé їи хвáлють, ажъ пòкы видъйхалы геть-гётъ.

Такъ и мынúлося.

А сè днивъ черезъ двá, Захàрий щось робывъ соби у хáти, а Мелáся прýла, якъ-òсь рыпъ! у хáту.... хтò-жъ то? Той панъ, що от-сè недáвно у Захàрия розпытовавъ про Мелáсю.

Захàрий трòшки булò зрябívъ; а дáли, знáючи, що панъ ё дòбра и прòста душá, и ничогисинько. Кынувся лáвку зместы, и Мелáся ухопыла кылемòкъ и пидослала систы пáнови.

Панъ непогордывся ничогисинько, сívъ и почáвъ прòсто Захàрию казаты: «Знáешъ, чоловиче дòбрый, щò я тобі скажú?»

— А що звòлыте, добрòдiю? зпытавъ звычайненько Захàрий.

«От-щò, кáже панъ: «Твоё удовецъке дiло, ты соби одынокый. Якъ тобі вчыты и доглядаты твою.... якъ-пакъ їи зовуть?»

— Мелáся, добрòдiю! сказавъ Захàрий, а у самòго такъ сёрце и заколотылося, а самъ дúма: до чòго ся ричъ дiйде? А Мелáся, хочъ ще и дивчá булò, а зàразъ догадáлась, що се объ нiй щось хотáтъ рáдытыся, та мерщiй на пiчь, та видтиля и прыслухаетця и чáсомъ вызырне видтиля.

Отъ панъ и кáже: «Мы-то зъ жинкою, якъ ты пойхавъ видъ насъ, такъ мы довгèнько розговòрювалы, щò тобі зъ нèю робыты? хтò їи нáвчыть чòму трéба; хтò їи доглядаты, и хтò оборòныть видъ лыхыхъ людéй, що бáчачы, якá вòна красыва, такъ и нападúть на нèи, якъ рýбци на голúбку, и погúблять їи. Хтò їи видъ такòго лыха уберезé?»

— Бóгъ, добрòдiю! Винъ недáвъ iй пропáсты, якъ вонò зостáвшысь сыротòю у нýстци, мовъ былынка у пòли, що тужь-тужь бидá-бъ iй постыгла, та мылосёрдний Господь послáвъ-же насъ зъ жинкою, и намъ гришнымъ зподòбылось зполняты Ёгò святú волю, доглядити и выгодовать сырiтокъ. Той-же Богъ, Отéць нашъ, неостáвить iй и теперычки, и видведé видь усякого злá».

«Такъ трéба-жь, прыятелю, iй вчыты усёмú добрòму, тогдi и вонá розумитеметь, що добрè, а що хóдо; и бóде знáты, чогò цурáтыся и стерэгтысь, а чогò держáтыся».

— Прáвда вáша, добрòдiю, святá прáвда! Дéжь мени, пры моёму, бóдучы, одыночестви и пры моёму такы достáткови, навчыты iй чомú, чы ремéству якòму, чы щò у нихъ по дивòчому?—Стáло быть, нехáй прядé до якòго чáсу.

«Тобi, чоловiче, и нiчимъ, и нiгде томú iй обучыты, чомú я дóмаю. Знáешь щò? Господы благословi! Виддáй iй до мéне, у мою симбю. Жинка моя прòсыть тебè. Вонá бóде вь насъ замiсьць дытыны; вь насъ тiлки и ё, що сынòчокъ та дóчечка. Отъ, дóмаемо, що дóчечка нáша охотнише бóде вчытця, якъ и твой Мелáся зъ нёю вчытыметця».

Скыба, похылывшы гòлову, стоáвъ и мовчáвъ. Щò ёмú булò казáты, колы вь нёго сёрце такъ и трепéце видь рáдосты, що ёгò Мелáся, ёгò рáдисть и втiха, бóде у добрыхъ панiвъ замiсьць дытыны жыты, усёму навчытця, свiтъ iй видкрыетця и самá бóде мовъ панянка. Винъ сée усè подумавшы, незнавъ, щò ёмú казáты, якъ ёмú дýковаты пáнови за такú мылость. А пáвъ ёгò уговòрюе и кáже:

«Соглашáйся, старыi! Невиднимáй щáстья у сыроты. Я iй тé дамъ, чогò ты, якъ-бы ни хотiвъ, немòжешь дáты. Я iй усёмú навчú, награзú, по-вiкъ здiлаю щáстливою. А якъ ты сёмú поборòнышь, то гляды, щобъ небулò грихá на твой душi....»

Захарiй такъ и повалывъсь ёмú у нòгы и кáже: «чы мòжно, що-бъ я у свогò дытáты, у сыроты, виднимáвъ щáстья, що Бóгъ iй черезъ васъ посылá? Егò святá воля нехáй бóде зъ нáмы гришнымы! робитъ якъ знáете....»

— Тепèрь-же спытáймося iй, твоєи Мелáси, сказáвъ пáвъ, чы хóче-ще лышёнъ вонá? А на-врьдъ; бáчь, ще и ничòго, а вже плáче....

Старый Скъба кынувся до неи, вывивъ ии; вона, такы хочь плачучы, та сказа́ла: «Я нетого́ плачу, що нехочу до васъ, а мені жалко татуси. Я вже ёго́, мабу́ть, нико́лы и непоба́чу....»

— Якъ-се мо́жно? сказа́въ па́нь. Якъ захоче́шь, такъ и ба́чытемешъ ёго́ хочь що въ Бѡга де́нь....

«А бра́тика?» зпыта́ла Мелася, усмиха́ючысь, а слёзы такы втыра́ючы.

— И бра́тикъ неха́й хочь по-уса́къ де́нь прихдо́дыть. Ко́лы захоче́шь, тогди́ ёго́ и побачы́шь. Сама́ захоче́шь, то и пойде́шь; бо ты́ въ насъ пипкы неходи́темешъ.

«А пы́сьма вчы́темусь?»

— И пы́сьма, и усёго́ добро́го, чо́го мои дѣты вча́тця. Тилки ста́райсь сама́ объ собі.—Такъ каза́въ па́нь, прыго́лблюючы ии, а да́ли поцилова́въ у го́лову, и ка́же: Пойде́мо зо мно́ю; поживы́; ко́лы черезъ ты́ждень незахо́чешъ въ насъ жы́ты, то мы ви́дпу́стымо.

«До́бре-жь, пойду́. Неха́й-же бра́тикъ пры́йде».

Незабары́вся прыбѣгты и Ко́сть. Що́-жь-то зра́довася винь, якъ почу́въ, що́ такё ща́стыя тра́пылося сестри́. И па́нови дя́куе, и Скъбу про́сыть щобъ нежуры́вся, и сестри́ прыка́зуе, щобъ якъ мо́жно вчы́лася усёму́ и щобъ слухала́ и шанова́ла своихъ благоди́телихъ.

«Сестро!» ка́же винь ии: «нежуры́сь ни объ чѣмъ. Мы сы́роты, Бѡжи дѣты. Пѡмерлы на́ши рѣдни ба́тько й ма́ты, му́сылы и мы́ вже зъ го́лоду вме́рты. Ты просы́ла па́пы; я полизъ зъ по́лу пошукáты, чы незнайду́ де хлѣба, а ты полизла за-мно́ю, та й впа́ла на доли́вку. Уста́ты и злы́зты впы́ять на пѣль мы обде́ вже незду́жалы; прыйшло́сь бу́ло намъ обдѣмъ и голо́дною, и холо́дною сме́рттю вмира́ты; такъ-же Госпе́дь посла́въ намъ отъ-се́го́ янго́ла. Вѣнь зъ покѣйною жѣнкою своёю насъ непо́кынувъ, прызривъ и веде́ насъ до добра́. Бо́гъ узя́въ у насъ и дру́гу ма́тирѣ. Що́-бъ ты бу́ла безъ неи? Якъ-бы ты у своёму сы́ритствѣ пробува́ла? И пан-оте́ць и я журы́лыся, вбыва́лыся по-тоби́, мо́лылыся Гѡсподу мы́лосѣрдному; а тутъ и ё́ по́мичъ Ё́го свѣта́! Сестро, Меласю! непла́чь и нежуры́ся. Се́ такё тоби́ ща́стыя Бо́гъ посы́ла, що́ намъ и уви-снѣ несны́лося!»

— Та я нежурюся, казала Мелася, обнимаючи ёго, а плачу.... зь радосты.... та колы-бъ вы шведче зь пан-отцемъ менё провидалы....

Обицалы йи и ходыты и провидоваты частипшъ и усё йи обицалы; зибралы йи и проводылы; а такы неможно безъ того, що й Кость заплакнувъ; а що вже Захарий плакавъ, такъ неменьшъ, якъ и сама Мелася. Якъ ув-останьнѣ обняла ёго, такъ на-сылу рученята розвели; а усё такы нехотѣла зостатысь, бо бачыла, якѣ йи добрѣ буде. Пойихала-жъ наша Мелася, хочъ и зь свытынци, та у колясьци, мовъ панночка....

Старый Скыба журывсь крѣпко, одначе дяковавъ Бѣгу мылосердному, що сыротѣ такѣ щастытя лучылося. А усё такы хотивъ надъ-вечиръ побигты до пана, та подывытысь на свою Меласю; такъ-бѣ Кость сказавъ: «Нѣ, таточку, неходѣть ищѣ сѣгодня, та й завтра нейдѣмо. Нехай сестра роздывытця, розглядыть усѣ; бо вона тогѣ зь рѣду небачыла й небула межъ такымы людмы. Тепѣрь йи усѣ дыко, усѣ нетакъ, якъ вона знá; вона скучá, а якъ побачыть насъ, такъ и учѣпытця за насъ и рукамы и ногамы; прытьмомъ незахѣче тамъ зоставатысь».

— Дѣбре, сыну, нехай и по-твѣому. Перетѣрплю и за-втра; тѣлки незнаю, якъ-то перетѣрплю.

«А ось-якъ, таточку. Чы ё вамъ дѣло, чы нема, пойдѣте у гѣродъ. Пѣкы вѣрнетесь, отъ и вѣчиръ; то такъ и неачѣтеться, якъ дѣнь прѣйде».

— Такъ-такы и зроблю, сказавъ старый Захарий, и увѣсь вѣчиръ просумовавъ и непустывъ Кѣстя видѣ себе.

Дѣуже нехотачы поихавъ Скыба ранкомъ у гѣродъ, хочъ Кость ёму и дѣло знайшовъ, то тогѣ купыты, то тѣ у чоловика узѣты, за-тымъ щѣбъ винъ пробарывся у гѣродѣ увѣзѣнычкы.

Вернувсь смерѣкомъ до-дѣому, пославъ за Кѣстемъ; чы повечѣрялы, чы неповечѣрялы, а мерщѣй спáты. А и неспытъ-же-то старый ни трѣхы! Ёго и сонъ неберѣ. Чы проспывалы пѣрши пивни, вже винъ и зскѣчывъ, вже-бѣ-то запрягаты и бигты до Меласы.

Кость ставъ ёгѣ уговѣрюваты, що щѣ, каже, сама глупá пивничъ; такъ куды! Нашъ старый розходывся такъ що ну!

И по́кы, ка́же, дой́демо, то и де́нь бу́де; и па́ны, ви́нь знае, ду́же ра́но, о пивно́чи устаю́ть, и усе́ такэ, що́бъ прыть-мо́мъ зара́зь й́хаты; и посыла́ Кю́ста запряга́ты, и се́рдытця на не́го, що́ ви́нь такы́й непрова́рныи... Сякь-такь зибра́лыся, по́йхалы тѣлки-що́ ста́ло на-свить за́нма́тыся. Пры́йхалы... такь що́-жь-бо! У па́ньскимъ дво́ри и во́рота за́мкнути, и усе́ хвиртки позапы́рэвани, ни-куды ни увѣ́ты, ни ули́ты; и усе́ у дво́ри ло́скомъ спля́ть. Ни́чого имъ робо́ты; зайхалы до чо́лови́ка и перебу́лы, ажъ по́кы во́рота по́видчи́налы. Тогди́ пѣйшли́ у двѣ́рь. Невспѣ́лы увѣ́ты у па́ньски хоро́мы, якъ ось би́жыть до ны́х па́нночка.... та такь и по́высла ста́рому Ску́бы на шы́ю и облыва́ ёго́ слизъмы.... Той видступа́етця, вона́ за не́го.... «Та́точку-голу́бчыку! ты мене́ цура́ешся?...» Кы́нулася на шы́ю Кю́стеви: «Бра́тику-соко́лыку! и ты́ мене́ непи́знаешъ?...» Колы́-жь розгля́дютця, ажъ се́ ихъ Мелася́!... И такы́ ймено́ Мелася́, тѣлки вже́ вбра́на зовсы́мъ нета́кь якъ бу́ла. И пла́тця на нѣ́й хоро́ше, кра́сне та зъ цвѣ́ткамы, и го́ловка вже́ стры́жена, зъ косы́цямы, що́ у па́нночо́къ мо́таютця та ты́липа́ютця; и такы́ и обу́та, и пры́брана такы́ зовсы́мъ лу́чче, чымъ пры́дво́рни дивча́та.

Ста́рый Ску́ба, якъ тѣлки ми́гъ, вы́циловавши сво́ю Меласю́, ви́дда́въ йѣ́ бра́тику, а са́мъ, зложы́вши ру́кы, ды́вы́всь на не́и и опи́сля ка́же: «Я́ вже́ до-тебе́ бо́юсь и пры́ступы́ты. Чы́ се́ ты́, мо́я ды́тыно, чы́ не ты́? Ба́чь, яка́ ты пы́шна!»

— Та́ я́-жь, та́точку-лебе́дыку! Я́ такы́ ва́ша Мелася́, якъ и бу́ла, усе́ однакови́синька. О́ть ба́чыте, якъ мене́ на́ряды́лы, що́ я и́ще́ и са́ма се́бе́ не́тя́млю!... О, що́ мене́ тутъ, та́ту́ско, и ты́, бра́тику, хо́роше та́ прехо́роше! О́т-се́ убра́лы такъ; ко́лы-бъ-же вы́ побачы́лы, чымъ мене́ го́дую́ть, на чимъ я́ сплю́, якэ́ мене́ пла́тця ще́ шы́ють, такъ и уви́-снѣ́ немо́жно то́го побачы́ты!...

«Хва́лы, до́ню, за те́ Бо́га» сказа́въ ста́рый, «и по-уса́къ ча́сь дя́куй и мо́лысь Бо́гу за сво́йхъ благо́дѣ́телихъ....»

— А́ що́ найби́льшъ усё́го, зми́гъ вже́, пере́пла́кавши, Кю́сть сказа́ты: робо́ы те́, що́ имъ вго́дно. Вчы́сь, се́стро, яко́мо́га вчы́сь усё́му́ то́му, чо́го тебе́ бу́дутъ вчы́ты. Та́кь робо́ы, що́бъ не́тѣлки небу́ло́ на ду́ши гриха́, та́ що́-бъ до́сто́йна бу́ла ты́еи́ мѣ́лосты́ ви́дъ Бо́га, що́ ви́нь на те́бе, би́дну сы́роту́, посыла́́ чере́зь такы́хъ до́брыхъ па́ни́въ.

Та й багáто дé-чого розúмного говорýлы и Кóсть, и такý и самý Захарíй, усé навчáлы Мелáсю; а Мелáся усé имъ хвалýлася, що якъ-то панý люблять íй и жалують и усéмъ надилajúють.

Якъ-тúть и вызырнули и пáнь и пáни, що прислухáлысь, що бúдуть вони межь собóю розговóрюваты. Отъ якъ вýйшли, и стáлы ихъ за розúмныи рéчи похваляты; и Костусá похвалялы, що паренéкъ бувъ вже важнéнькый, бо вже ёмú бувъ шистнáдцятый гóдь, та зрóстомъ выгнало ёгò такъ, що дúматы мóжно булò, що ёмú ще й билшъ. Та бувъ собí красýвенькый, штéпно вбирáвся и одéжа на нёму лéпська, и бувъ собí звычáйнéнькый и на розúмни рéчи бóйкый. Отъ панý ёгò и полюбылы, розговóрюваты зъ нымъ про усé розúмне, и усé похвалялы. Дáли звелилы Мелáси попоштуваты свойхъ гостéй. Бáтечкы! чогò тамъ неподавалы? Звúсно, якъ у панívъ.

Погостювáвши тамъ до пивднá, трéба и до-дóму збирáтись. Пáни и далá Мелáси, що-бъ подаровáла, бúчимъ-то видъ сéбе, Кóстеви платóкъ на шыю бумáжныйй, красный та хорóпый; а старóму Захарíю пóясъ дóбрый. Та тутъ-же пáни и сказáла: «Колы бúдешъ, Мелáсю, хорóше вчытця и бúдешъ слухáйна, то и усáкый рáзь бúду тобí давалы, чымъ надилajúты твóйхъ рóдычívъ; и вамъ, кáже, бúду уво-всéмъ помагáты, у чымъ вамъ нúжда, абы-бъ она дóбра булá».

Мелáся кýнулася íй рúкы цилóваты, а Захарíй дякуючы, та осмылився и кáже: «А найпúще вамъ, добрòдíйко, за тé дякую, що Мелáся и въ васъ Мелáся. Бúдьте лáскавы, неперехрýщуйте íй на пáньске имéньня; нехáй zostaéтця такъ, якъ и у вíру уступýла: Мелáся, та й Мелáся».

--- Небíйся, старычòкъ! сказáла пáни: я й самá нелюблю переменяты имéньня. Нехáй zostaéтця по-вiкъ Мелáсею, щобъ часомъ незабúла зъ якòго она рóду, та щобъ незагордылась.

Зъ тымъ нáши и пiйшли. Землi пидъ собóю нечúють, що Мелáси лúчылося такé щáстья и що панý и до нýхъ дóбри.

Сéгò и розкáзоваты ничого, що Захарíй та Кóсть дúже частéнько провiдовалы свою Мелáсю и за усáкымъ рáзомъ усé билшъ бáчылы, що панý однаковiсинькò дóбри до неi, люблять íй и вбывáютця за нею. И Мелáся-бо дóбре робыла:

пысьма узялася якъ-разъ и незабарёмъ чытала дбре и церквнне и граждáнське; а пысала, такъ и у вóлосты такъ невмылы, якъ вона вміе: ривнёненько та дрибнёненько, нынáче мачкóмъ насыпано. А що-то за голосóкъ бувъ у нён, такъ точнйсыннько мовъ гúслы грають, якъ вона спывá; такъ-отъ и заставляють булò їй спывáты сюю пйсеньку:

Кудрявая березонька самá собй въ пóли.
 Ой тйажко їй, сердёненькйй, въ такйй лыхйй дóли!
 Вси нывонькы дрóбенъ дóщыкъ гараздъ польывáе;
 На зелёну-жь березоньку краплыны немае!
 Сóнце зъ вёрху прыпекае, сухый вйтеръ сýшыть;
 Нйхтó-жь-то обь березоньцы, нйхтò й непотúжыть!
 Розпусыла лысты своё, рысочки набрала;
 Покропыла корыньячко, здоровиша стала.

Отъ-такъ бйдна сырыточка самá собй маёче!
 Кругомъ їй хóдють лóды, а їй нйхтò небáче.
 Нйхтò незна сердёншой, нйхтò непрыголúбыть!
 Всйхъ у дóли вона бáчыть.... самá-жь свйтомъ нúдыть!
 «Сёгóдня лыхо, зáвтра гóре, й нй зъ кымъ роздылыты.
 «Недаёють менй дбры лóды гараздъ и потужыты.
 «Щемыть дúже моё сёрденько, сóхну, самá бáчу!
 «Тылкы моёй й порáдонькы, якъ гйрко я заплачу.»

Якъ-же стáне пйсною кывчáты, то невдёржытця и спрáвды заплаче, а паны и стáнутъ їй пёстоваты.

Чогó-то вона въ панйвъ не навчылася? Опрйчъ тóго, що навчылы їй Бóгу молытыся хóроше и усё по-кныжкáмъ, а то усю цыхвйру вывчыла и про усй цáрства знáла. Вмыла и цвытóчки малёваты, мовъ жывы. Та й щó-то: усё вмыла. Частйсыннько зъ панáмы пройызжáлась и зайыздыла до Захáрыя и до брáтыка; и вже булò безъ гостынцывъ непрыйде нйкóлы. Пáни самá їй чогó-нё-будъ дáсть и скáже: «Нá, Мелáсю; пойдешъ до свойхъ, такъ óтъ имъ на гостынецъ».

А прыдворни усй лóбылы їй, бо дúже дбра булá до ныхъ до усйхъ. Нй загордытця нй протывъ кóго, и незастáвыть кóгò, щобъ їй щó зрбылы; самá попереду кынетця и за дрúгого дйло зпрáвыть. Ще й лóбыла, якъ їй розпытуютъ, якъ вона у мужыцствй жылá, якъ прýла, мázала, мыла, якъ коня поганяла: усё булò безъ соромá розкáзуе.

А така жалостлива була до усїхъ! Коля́ було хто про-
брѣить, або и зъ-правды прошкѣдыть, що прытѣмѣмъ треба
провчыты, безъ чо́го вже немѣжно; то вона кынетця и до па-
неи, и до само́го пана, и про́сыть, и мо́лыть, и рѣ́кы имъ
цилуе, а вже безъ то́го невидїде, що выпросыть, та й вы-
просыть. Усї дворѣмъ їй дяковалы и Бѣ́га за неї мо́лылы, и
любылы бїлшъ, чымъ саму́ панночку, що такы трѣшкы сер-
дытенька була. Звїсно, видъ рѣскошы, нїжна собі була.

Що такы вдво́хъ, Скы́ба зъ Кѣ́стемъ, ходылы до Меласы,
а то й самъ Кѣ́сть бїгавъ до сестры у такѣ урѣмѣя, якъ їй
гуляты. Та якъ прыїде до неї, то и пїйдуть у садѣкъ и
посидаютъ у бесѣдци; то Меласы и чыта́ ёму усяки розу́м-
ни кныжкы, а Кѣ́сть, слѣхаючы, якъ що дѣ́бре натра́пыть,
то и замича́ собі на душы, щобъ такъ и робыты. А дѣ́ли
и самъ узявсь за граждѣ́нське. Тїлки сестра́ ёму показала,
винъ зара́зъ и понявъ, и незабарывсь самъ вже чытаты. То
було сестра́ ёму надаѣ кныжѣ́къ до-дѣ́му, та нетакы́хъ кны-
жѣ́къ пустомѣ́льныхъ; нї, винъ и самъ видъ ныхъ цура́всь;
а такы́хъ, де усякы на́у́кы и премѣ́дросты понапысовани;
такы́хъ було наберѣ́, та й чытае́, и вытвѣ́ржуе, и выпы́суе
для рады́ се́бе, що трѣ́ба.

Та й па́рень-же бувъ, такъ-та́къ! На усѣ село́. Уже ёму́
и девѣ́тнадцатый го́дь, а ё́го нигдѣ́ у худимъ дїли нечу́те
було, тїлки що дѣ́бра слава ійшла́. Парубкы́ ё́го поважѣ́лы и
усѣ перенима́лы зъ не́го. Старыкы́ дїтямъ показовалы на не́го,
що, хочъ и сыротѣ́, а яка́-то розу́мна, и тѣ́ха, и звыча́йна
дыты́на. А що вже дивча́та, такъ ну́! И снѣ́всья винъ имъ
кѣ́жній. Бо то́ бувъ га́рний, а якъ ще пидры́сь, то ставъ ще́
красы́вишый. Усы́, чѣ́рни якъ со́боль, узѣ́нько пидгѣ́лювавъ,
та на бї́лому лы́цѣ, та пры румѣ́яныхъ щѣ́кахъ, такъ настоя́-
ще якъ ё́ тѣ́я карты́нка! Брѣ́вы якъ на шнурѣ́чку, а очы́ци
чѣ́рни, бї́стри..... та якъ поведѣ́ ны́мы на яку́ дивчы́ну, такъ
небї́сь, невосы́дыть, побижы́ть за нымъ куды́ захѣ́че. А що
жартовлѣ́вый, та зъ пры́кладкамы́, та усѣ зъ розу́мнымы́, и
усѣ до дї́ла, такъ тї́лки одно́го-бъ ё́го и слѣ́хавъ.

Котры́ булы́ по селу́ красы́виши и багаты́ши дивча́та, ти
уже жа́далы — отъ-отъ пры́йдуть видъ Кѣ́стя старосты́; не-одна́
обїщалася двана́дцять пѣ́ятино́къ говы́ты, нейы́сты и непы́-
ты ничѣ́го, абы́-бъ Кѣ́сть їй узя́в; не-одна́, тыхѣ́нько видъ

мáтери, по п'ятинкáмъ прýла на свѣчечку, щобъ Кость їй узвѣвъ; а Кость и оввá! Хóдыть колò ныхъ, шáпка ёмý на-бáкыръ, люлька у зубáхъ, рýкы позаклáдовавъ по кышѣнямъ, та тѣлки, бýцимъ-то нехотячы, озырнѣтця туды, де прочуе, що про нѣго кáжуть. Та щò-жь? Зырнўвъ черезъ плечé, плюнувъ по-москѣовськи, пиднявши въ гóру лѣвыи́ ўсь, и нўжды ёмý нема́, моргонўвъ—и недывытця ни на óдну, хочъ якá-бъ хорóша ни булá.

Стáне булò ёмý Захàрїй казáты: «Оженївся-бъ вже ты, сýну! Слава тоби́ Господы, тоби́ вже дев'ятна́дцятий гóдь, порá стáты казáинномъ; и мою стáристь звеселївъ-бы, доплывшы до бѣрега, пїйшóвъ собї, якъ и усї дóбри люды. Нехáй вже Мелáся їйдé, якъ їй Бóгъ дáсть и якъ зъ нею паны́ зрòблють—скáзано, видрїзана скы́ба видъ нашого хлїба—а мы своё бۇдемо дўматы. Чы мáло дивчáть, що и я́ бáчу, колò тебе такъ и вьютця, якъ тїи я́сочки, и у вичи тоби́ заглядáють; колы́-бъ вмїлы, прыворожылы-бъ тебé до сéбе. Посо-беры, якý вгóдно. Вже я знáю, що тоби́ гарбузá непиднесўть хочъ-бы и въ Деныса Крутопля́са. Отъ дивка бóйка, такъ-тáкъ, на усé селó. Га?... кажы́, колы́ тáкъ, то й тáкъ, и зрòбымо такъ».

— Тáту! сказáвъ на те Кость: «ось послўхайте менé, щò я вамъ скажý. Ну, пожа́луй, я и оженю́ся, стáну казáинномъ, бۇду хлїбъ робыты, дякуючы попередъ Бóгу мылосёрдному, а дáли вамъ, їменно якъ бáтьку рїдному, що вбывáлыся за мнóю и надїяете мене чымалымъ добрómъ. Отъ я жы́тему у уся́кому прывóльли. Та тáкъ жывé и уся́къ, хто тѣлки за тымъ дўма жы́ты, щобъ зъ гóлоду невмерты. Нетáкъ вонò é, тáточку. Кóму мылосёрдный Бóгъ видкрывъ свїта черезъ пысьмò та черезъ рóзумъ, такъ трéба жы́ты нà-свити заты́мъ, щòбъ якé добрò робыты дрўгымъ: чы услóговуваты у чимъ, чы старáтысь за людéй та, що нўжды? хочъ и бидý якý потёрпыты, хочъ и постра́ждаты за кóго, щòбъ я недáромъ жы́въ нà-свити. Охъ, тáточку! Щò-то менї́ хочетця такé щò-нѣбудь зрòбыты, щòбъ видъ тóго добрò булò або бїдному, або хочъ нашóму селý, та готóвъ-бы дўшу свою́ положы́ты, абы́-бъ зрòбыты щò дóбре. От-такї дўмки якъ óзмуть менé, такъ тўтъ у мене у грўдяхъ мовъ щò кыпы́ть, а сёрце—такъ и чўю, якъ колóгытця. Такá дўмка и ошыбá менé, що я́ такы́

дождусь свого, натраплю на те, чогò такъ крѣпко бажаю; та затымъ-то нехòчу и одружытыся, нехòчу чужòго вѣку зайидаты. А то, пожалуй, ё дивчатъ и бойкыхъ, и мѹдрыхъ; пальцемъ кывнѹ, такъ десятками побижать за мною, куды захòчу. Цуръ имъ! Нехай ськають свого, а я бѹду дождыдаты свого».

То Захарій, слѹхаючы такє, махнє рукою, та й скаже: «Якъ собѣ знаєшь, сыну! Ты пысьмєнный, а я тємный собѣ, такъ я и невторòпаю тебє».

Тутъ-же видъ батька достаєтця Кòстєви, щòбъ оженывся, а тутъ, якъ прѣйде до сестры, побачуть паны и нападутця на нєго: «Жєнысь, Кòстю, женєсь! На весѣлья мы тобѣ помòжемо. Беры яку хòчь у насъ дѣвку зъ дворòвыхъ, сàмои лѹчшой непожалємо. безъ куньци видпѹстымо». Та, шѹтки рады, и гукнуть: «Дивчàта! йдѣть усѣ сюды! Выбѣрай, Кòстю, яку хòчєшь».

И набижать Мотрєшкы, Пєлажкы, Наташкы, Парашкы, Дуняшкы, скылкы ихъ тамъ бѹде у дворѣ; вѣлизє и Стєха, щò щє пры старыхъ панàхъ панськы полѹмыскы перемывала и щò й дòсє дивѹє, а тепєрь, дѹмаючы, чы неуподòба йѣ, вѣйде и вонà. Стàнуть передъ Кòстємъ: тà грыбшòкє свѣй у косѣ пыдтопырѹє, щòбъ щє вѣшчє стоявѣ; тà нижєнькàмы переступà, щòбъ побачывѣ, щò вонà у червòныхъ черевычєкахъ та у билєнькыхъ панчышкахъ; тà косынку свою знаѣ обсмѹкує, щò дѹже видтопырылась; тà передныкомъ граєтця, бѹцимъ йѣ и нѹжды мàло, а щòкы-жє-то якъ жарь; инша, захылывшысь за дрѹгыхъ, очыцямы пылно, якъ незѣйсть, дѣвытця на Кòстя, щòбъ—гмѣ! догадєсь..... та й розказаты усєгò немòжно, чогò вонѣ тамъ не робылы, щòбъ тѣлки Кòстє ихъ узѣвѣ. А паны, дѣвлячысь на сє, потишàютця та регòчутця.

А Кòстє стойть собѣ, мовѣ у лисѹ, и ємѹ нѹжды мàло до усѣхъ до ныхъ. Передывывшысь на сѹю кумєдѹю, подàкує панàмъ за ихъ лàску, щò обѣ нємѹ старàютця, поклòнытця и скаже: «Щє, до якòго чàсу, пидождѹ».

Мєлàся собѣ знаѣ нападà на брàтика, щòбъ оженывсь: «Жєнысь та женєсь. Осѣ я тобѣ знайдѹ дѣвчыну, щò вжє мынѣ спасыби скажєшь. Отъ озмы моє прѣятельку, Марфѹшу. Щò за дòбра душà! И розѹмна, и звывчàйна, и до робòты невсыпѹща; вонà усє и по мужыцтєву знà, непòзабувала. А щò вжє лѹбыть мєнє, такъ и Гòспòды! Та и я йѣ крѣпко лю-

блю: ни зъйимъ, ни зопью ничѣго безъ неи, и незасну, колы вона была мене нележыть..... Вона й тебе, брѣтику, крѣпко лубыть и прызнавалася мени, що «колы-бъ», каже: «твѣй брѣтикъ мене узывъ, то я по вѣкъ щаслыва була-бъ». Озьмы йи, брѣтику-соколыку! И тоби буде гараздъ и мени дуже добре, що мой прыятелька та буде мени невісткою».

— Нехай, сестро, описля! скаже було Кость, та й закъне на друкѣ на що-небудь.

Частисинько, якъ Мелася зъ Костемъ сыдѣть, то й Марфуша зъ нѣмы. И що-то вже передъ Костемъ вона и балѣсы тѣчыть, и усѣки выхылѣсы строить, щобъ-то Кость нацѣльвѣ на неи; а Кость—хтѣ ёго зна, що винъ думавъ? Сыдѣть було противъ неи, дѣвытця на неи, задумаетця, дали здыхнѣ, тѣпне ногѣю и пишѣвъ по хѣти мѣвчкы ходѣты.

Що годъ, то пѣни усѣ бѣлшѣ лубыла Меласю; и хочѣ йи бувъ ще шѣстьнадцѣтый годъ, то вона въ неи була усюды. Усѣ комѣры, усѣ инбары и кладѣви, усѣ було у неи на рукахъ и видѣ усѣго ключѣ у неи. Вона и за дѣвчѣтамы глядѣла, вона усѣ выдавала, и усѣ запысовала, скрѣзь вона; пѣни мѣло усѣго знѣла, а усѣ було на Меласи. Порѣдкомъ-же усѣ робѣла, ничѣго непропадало и нѣхтѣ на неи неплакавсь, а усѣ дворѣмъ йи лубылы. А що вже купѣваты для пѣнеи и для радѣ панѣнкы, та хочъ-бы и для самѣго пѣна, такъ такѣ рѣтѣва була, що ще хтѣ скаже: «от-тогѣ трѣба купѣты», то вже Мелася и бѣга, и збѣраетця, и трѣба йѣхать, и шѣвѣдче купѣваты; усѣке дѣло покѣне, та бѣжыть у гѣродъ. А що вже кѣпыть, такъ що самѣ ни-нѣ-лучче; а дешѣво тѣкъ, якъ вже нѣхтѣ такъ некѣпыть..... Мѣбуть вмѣла дѣбре торговѣтысь?....

Та нѣ, тутѣ не тѣ. Осѣ якъ вѣно дѣялось.

У гѣроди бувъ купѣць и торговѣвъ усѣкымъ крѣмомъ; чѣгѣ тѣлки панѣмъ трѣба, усѣ у нѣго було, усѣ до нѣго прыбѣгалы. А черезъ тѣ, бѣвъ собѣ крѣпко багѣтый, мѣвъ двѣ хорѣмѣвъ у гѣроди, и свѣи лѣвкы, та усѣ-жѣ-то мурѣвани. Пѣѣтъ прыкѣзчыкѣвъ йѣздыло по ярмаркѣмъ и знаѣ грѣши до нѣго звѣзылы. Винъ жѣвъ зъ усѣма прыѣтелно: панѣ ёгѣ лубылы и водѣлыся зъ нымъ, а прѣстѣый нарѣдъ шанѣвавъ и поважѣвъ ёгѣ. Жѣнѣка ёгѣ була дѣбра хѣзѣйка и госпѣдѣрство содѣржувала на порѣдкѣхъ. Хочъ по усѣкѣ дѣнь, то радѣ булы гѣстѣмъ, бо було зъ чѣго. Роздавалы и на бѣднѣсть; по-

мигъ велькою сумою на новостроющу церкву; до другои дзвигъ купивъ ажъ у сто пудивъ; а до третей цвынтарь обивъ мурованою стинюю.

Однимъ одынь бувъ у ныхъ сынокъ, Антонъ Васылёвычъ. Невидкотылося яблучко видъ яблуня. Такой-же бувъ и богобоязливый, и чесный, и розумный, и тыхый, якъ и батько. Красывый та красывый, и усё булò сыдыть у лавци, та книжкы чыта. И якъ батько ёму увесъ торгъ извирывъ, такъ винъ булò зъ лавкы и невыходьтъ; а ищё найбильшъ, тилки що пообидавъ, заразы и бижыть у лавку, ухопыть книжку у рѹкы, та троха чы и не стòрчъ, розгòрне, дёржыть передъ собою, а самъ очей неведе зъ дорòгы, що выдко, якъ хто у горòдъ уйизжа. Колы-жъ побачыть, що бижыть брычечка (вже винъ йи дòбре знàвъ), то вже винъ и самъ не свий. И прылавокъ змитà, и усякый товаръ налагожуе, и самъ незна, за щò узятысь, ажъ покы неускòчуть у лавку дви молоденьки, мовъ паняночки. Одна зъ ныхъ, чы поклоньласъ, чы нй, заразы и кàже: «Торгуй-же, Мелàсю, тутъ своё, а я пидѹ за своимъ диломъ». То Мелàся, хочъ и веселенька и поспишàючы ускòчыла у лавку, а тилки черезъ поригъ, то й почервонила и ни слòва непромòвыть; а Антонъ Васылёвычъ соби стойть, дывытця на неи, и спытавсь-бы-то, такъ забѹвъ, якъ и люды говорюють.....

Дали Мелàся зхаменётця и пыта: «Чы..... ё у васъ..... Антонъ Васылёвычъ..... тее..... отъ и забѹла..... постòйте..... згадаю.....»

— Я-жъ васъ просывъ», сударыня, кàже Антонъ Васылёвычъ: «щòбъ вы мени сказаы, якъ васъ вельчаты? Вы менё и по батюсьци клычете, а я незнаю якъ васъ.....»

«Та я-жъ вамъ казàла, що я не сударыня, а тилки Мелàся, и бильшъ мени нйкого вельчанья нетрèба. Вы усё дѹмаете, що я панянка, а я зъ рòду мужычка, прозываюсь Скъыбына, тилки що годòванка панеи, та закупàю йи усё....»

Отъ-такъ вони то объ сймъ, то объ тймъ и розговорюють, ажъ покы непрыйде до ныхъ Марфѹша (се то она завсегдà зъ Мелàсею йиздыла), та ненагадà, що вже порà йихаты; а то безъ неи, тà некупѹе, тòй непродае, тилки що розговорюють соби та поглядàють одынь на одного веселенько. Якъ-же нагадà имъ Марфѹша, тогди Мелàся и згада, чоò

ій треба; а Анто́нъ Васи́лѣвычъ подасть ій що на-лучшого то-вару и ціну озьме саму послідню, безъ усякого барыша́.

Эге!.... такъ тымъ-то Мелася и любила йиздыты купо-ваты, що Анто́нъ Васи́лѣвычъ ій дешево уступа́въ?... мо́же!.... Се-жъ такъ вони собі зъ першу розговѣрювали, що ни обь сымъ, ни обь тимъ, и незна́ть обь чимъ; а тамъ, дали-дали, вже вони и багатѣнько де-объ-чимъ розговѣрювали.

Разъ Анто́нъ Васи́лѣвычъ похвалы́всь Меласи, що винъ вже дума жены́тись. «Намы́тывъ», ка́же: «собі у одной па-ней годѣваночку, красывеньку та розумненьку, що міры нема́; она́ у неі и закупы́щця, и економша, и усѣ; и колы-бъ тил-ки она́ пишла за мене, то я бѣвъ-бы самы́ щаслы́вый чо-ловікъ на-свити.....»

Мелася, сѣе слѣхаючы, Госпо́ды! и червоніла, и соромы-лася, и незна́ла куды́ и ды́тись!... Утекла́-бъ зъ лавкы, такъ Марфу́ши нема́, и та ій незна́йде.... такъ и стоы́ть, похылы́в-шы́ голѣвку, та хусточку ту, що у рѣчечкахъ держала, вер-тила-вертила, ажъ у шматѣчки ій порвала́.....

Ажъ ось, на ій щасты́я, убы́гла Марфу́ша и пыта́етця: «А що́, Меласю, чы усѣ купы́ла? Пора́ вже йыхаты́».

— Ось за́разъ, тилки видмы́ряють. Мы́рте-жъ. Такъ ка́же Мелася и сама́ незна́, що́ и для чо́го мы́ряты́.

Нелѣучый-же бувъ и Анто́нъ Васи́лѣвычъ: попавъ якѣсь-то полѣтныще, що лежало́ передъ нымъ, та й давай мы́ряты!.... Знай мы́ряе та лычы́ть. Уже аршы́нывъ де́сять намы́рявъ, а усѣ лычы́ть: чоты́ри, чоты́ри, та выпя́ть чоты́ри.... А Мелася вы́няла, скылки захопы́ла, мѣлочи, та й зкладá передъ нымъ и ка́же: «Дава́йте-жъ зда́чу».

А Марфу́ша, такъ ажъ за́бокы берѣтця, такъ регѣ́тця зъ ныхъ..... Що́ бѣдешъ робы́ты зъ такымъ наро́домъ!.... Що́-жъ, булы́ колы́сь и мы́ такы́!.... Колы́ згада́ють и про мене мой тѣ, що булы́ колы́сь для мене Меласямы, то неда́дуть збрехаты́!....

Не де́сять разы́въ прыстава́въ зъ такымъ Анто́нъ Васи́лѣ-вычъ до Меласи, ажъ покы́ вже—и то черезъ Марфу́шу—добы́вся до свогѣ, що сказа́ла. «Якъ», ка́же: «мой благоды́-тельныця захѣче.... такъ и я.... зроблю́.... поблагословы́вшысь у мого́ ба́тенька, що мені бы́лшъ, чымъ ры́дны́й.... Та ще....

щобъ и ваши.... несказалы чогò? Я-жь кажú, що я ни щò бйльше, якъ мужычка, и братикъ въ мене прòстый».

Антонъ Васыльевичъ ажъ побожывъсь, що, каже: «и батюшка и матушка чúды про васъ усè дòбре; вже й бабылы васъ перазъ, полюбылы и благословляють», каже: «менè; и ось, тужь-тужь я зъ батюшкою прыййдемо до вашихъ благодителывъ за дòбрымы слòвомъ и за моймы щастыямъ».

От-такъ вони усè потолковавшы, и стáлы збиратысь почынаты своё дйло.

Се дйалось ув-осенй. Якъ ось прыйшла некрутчына. У Захаря бувъ братъ, Назаръ Скъба, и хочъ мавъ п'ять сынывъ, та, на-лыхо ёму, старшый горбатый и на-ногу кривый, а менши тры дуже малдо зрòсту, та замлыли, та худй, ныначе у якй бблизты; такъ собй зъ малу булы. Одынъ тйльки зъ усйей симьй, пидстаршый, Терешко, парень бувъ годящый, и здорòвый, и зрòсту хорòшого. Такъ щò-жь? Оженывся собй и вже прыдбавъ двоухъ хлòпчыкывъ и дивчá; такъ отъ и стáла скáзка велычёнька: шúточка! зъ бáтькомъ и малымы хлòпчыями, якъ пйсарь налычувавъ, восьмыдúшна!

Якъ прыйшла у се селò бумага, щòбъ стйлки и стйлки некрутъ постановыты, то й зибралася громада, а найпáче прытюпалы старыкы велыкосимейни, щòбъ послухаты, на кòго черга паде. Зъ нымы прыйшовъ и Назаръ Скъба, боячысь (незнаты, щò громада нарае), боячысь почúты и обь свойй бидй; такъ за тымъ и тулывся по за усима.

Якъ тйльки пйсарь начытавъ: «Назаръ Скъба, восьмыдúшный», такъ старыкы и загулы:

«Такъ-òт-же вамъ и некрутъ! Чогò-жь бйльш? Ат-же восьмыдúшный?... Зъ Скъбы зъ Назаря некрута.....»

Туть-же крычатъ, а туть мерщй и подають пйсареву рúкы, щò-ò за ныхъ пидпысовався, бо вже, по ихъ думци, порà и обидаты. Гарáздь нарòбылы! Нерозибралы дйла, нерозсудылы ничòго, втопылы усю симью.... якъ-то кусòкъ у горло пйде? Чы, мòже, и ничòго? Та такъ-такы. Нехай другый стражда, абы не въ мене болыло!....

Почувшы сее, Назаръ вылизъ изъ за кúчи и ставъ, кланяючысь, прохаты: чы немòжно-òь ёгò помыловаты на сей годъ, бо ныкого виддаты, тйльки щò Терешка....

«Такъ що-жь? И Терешка! не якє свѣято твій Терешко!» такъ сказа́ла рыжа́ борода́, що вы́сила въ кинці́ голомо́зои головы́; та якъ бу́въ винъ зъ са́мыхъ бага́тыхъ, такъ за нымъ усь и пидтягну́лы.

Ще такы́ обизва́всь Назаръ и ка́же: «Пры чому́ я зо-ста́нуся, колы́ рипу́сь Терешка?» Такъ и неда́лы ёму́ и сло́ва сказа́ты. Загоно́илы, закрыча́лы на не́го, винъ и замовкъ; и якъ ба́чыть, що зовсѣмъ би́да, мотну́всь швидче до бра́та, до Заха́рія, бо зна́въ, що то́й вмивъ розумни́ше го-воры́ты и що, ча́сомъ, грома́да поважа́ла ёго. Черезъ преве-лы́ку сы́лу дошва́ндявъ до бра́та и незду́жа сло́ва сказа́ты; сякь-такъ вы́мовивъ: «Лыбонь Терешка у салда́ты!»

Затрусѣ́вся Заха́рій, подума́въ, зибравъ са́мъ и ка́же Кб́стю: «Ййды, сы́ну, зо мно́ю. Се би́да! Тре́ба ихъ проха́ты. Зкы́немося по сло́ву, чы невмо́лымо».

Отъ и пѣйшли́, поспиша́ючы, у дво́хъ до рату́ши.

Старый Назаръ потю́павъ до до́му. Терешко щось ро-бы́въ у ха́ти, а ёго́ жѣнка коло диточо́къ возо́лася. А дру́ги хло́пци, звѣсно, якъ млы́ли та то́щи, недуже хвата́лись за робо́ту, а лежа́лы, хто на печа́и, хто на ла́ви, а йншы́й и на току́, та немолотѣ́въ, а дожды́даючы оби́да, хрופака́ дава́въ у солѣми.

Ище-жь ты́лки Назаръ увѣйшо́въ у ха́ту, вже́ Терешкова жѣнка и накы́нула ѓкомъ, що стары́й щось не те́, и ста́ла пыльнова́ты за свѣкромъ; а тому́ ни до чо́го дѣла нема́, мерщѣ́й нахылы́всь до Терешка, та ны́щечкомъ и ка́же: «Абѣ заби́жы куды-не-будь, абѣ-що; бо тебе́ наци́лылы у прыво́дъ». Го́споды мы́лосты́вый! Терешко ставъ якъ ме́ртвый! Блidýй та блidýй, и ѓчи ёму́ пидкото́ылысь!.... Якъ довба́въ щось долото́мъ, такъ и пу́стывъ ёго́ зъ рукъ.... Да́ли перехрестѣ́всь, узя́въ ша́пку, одя́гся и ка́же: «Нѣ, та́ту; нехо́чу бездѣ́льны-чаты; пиду́ са́мъ. Ййды, та́ту, зо мно́ю; непокы́дай мене́ те-пе́рь». Отъ и пѣйшли́, а куды́, и не сказа́лы.

Такъ що-жь-то жинкы́? Чы така́ вже въ ны́хъ душа́, чы що-не-будь такє́, що зара́зъ видга́да усе́? На́мъ ще тре́ба розтолкова́ты, розказа́ты, щѣ до чо́го, и якъ-бы то зробо́ыты; а жѣнка, ты́лки почу́ла що, зырну́ла, вже й зна́, щѣ до чо́го и куды́ усе́ ййде́. Ось и ту́тъ такъ. Нихто́ Терешкови́й жѣнцы

и неказавъ, якá бидá ихъ постыгла; та вона вже заразь догадалася, усё розибрала и, недумаючи багáто, знала, щò їй робыты у такій лыхій годыни.... Ухопывши диточокъ, и собі до ратуши за нымы, ныначе хто їй сказаъ, щò тамъ усё дїло.

Захарій зъ Кдстемъ першъ усїхъ добыгли. И якъ Захарій знавъ якъ поводытця, щò хто голоснїше говорыть, та покрыкуе на усїхъ, такъ тогò и слухають, то думаъ и тецерычкы залякаты ихъ грозю; отъ и загомонївъ: «Щò-се вы, панòве громада, тутечкы наробылы? Чы о своёму вы умї? Дё ваша правда? Дё вашъ товкъ? Якъ-такы мòжно на Назарёву симью положыты некрута? Такъ сё, стало бытъ, нехай и старый, и молодї, и маненькы, попухнутъ зъ голоду, бо нї-кому ихъ бóде пропытоваты? От-сё славно! А нў-те лышёнъ, на кòго тамъ слїдуеъ, опрїчь брáтовой симьї?»

— Слїдуеъ тé, Лукьяновичу, щò Назарёва скáзка восьмыдўшна — сказаъ одынъ зъ старыкївъ, маючи скáзку десятидўшну.

«Говоры, гòлово! восьмыдўшна! Такъ колы-жъ сїмъ нестоять ничòго дòброго: старый та калїка, немошнї та манюсинькы; отъ такá скáзка!» такъ казаъ Захарій, усё такы думаючи, щò винъ ихъ переспорыть.

Якъ-же пиднялыся усї ув-одынъ гòлосъ: «А намъ щò за нўжда? намъ велáтъ. Отъ скáзка велыка, и беры зъ Назаря».....

«Такъ вывезить-же менé по-передъ усёго, за жывотá, от-туды у провалья, щòбъ я нетерпївъ лыха и небáчывъ бы, якъ моá кровъ, моá болящи сыны та манюсинькы унўкы, бóдуть страждаты, и пухнуты зъ голоду, и вмираты несвоёю смёртьтю!» Такъ казаъ, гїрко плачучы, Назарь, бáтько Терешкївъ. Дáли якъ прыпадé до ныхъ на вкòлишкы, якъ кынетця до нїгъ головы и багáччыхъ старыкївъ, цїлуе кòжному нòгы и жалибно прòсыть: «Неосыротїть моá стáросты! Невидрїзуйте въ мéне правої рукы!.... Хочъ пгáть сынївъ маю, та щòжъ, колы вони немошнї, нездўжають, непрогодўють и себé, не тò щò менé зъ калїкою и зъ унўкамы! Вы бóдете душегубцы и моá, и отъ сыхъ сырїточокъ!»....

— Бáтечкы - голубчыкы! обизвалася жїнка Терешкова, убїгшы у ратушу, мовъ не о своёму умї; дивчòнку манюсиньку на рукахъ несла, а двоухъ хлопчыкївъ, одынъ по

восьмому, а другый по шбстому гѣду, увелá за собѣю, и кы-
нулась до нѣгъ старыкѣвъ, а на нѣи дѣвлячысь, и хлѣпчы-
кы прыпáлы, та жáлибно плáчуть, а молодыця прѣсѣуть:
«Бáтечки-голѣбчыкы, сокѣлыкы! Громáда чѣстна, и ты, пáне
головá! Щѣ от-се вы хѣчете во мнѣю робыты? Нá-що мени
свѣтъ завязуετε? Лѣтче рáвомъ побыйте от-сѣю дитвѣру!
Куды я зъ нѣю дѣнуся?..... Хтѣ ихъ пропытá и до рѣзуму
доведе? Хтѣ бáтька старѣго прогодѣе и хтѣ оплáтыть за нѣго?
Сыны? Зъ ныхъ тѣй кáликá, а тѣ видѣ вѣтру вáлѣтця. А си
манѣсиньки, що тѣлки свѣтъ Бѣжый вздрѣлы, та вѣже прѣй-
шлѣсь имъ и лѣхо терпѣты! Вонѣ зъ нѣжды швѣдче про-
падѣуть, чымъ дѣждáты видѣ ныхъ пѣмочи!..... Прѣшѣ и молѣю
васъ, лѣтче мени смѣрть запѣдѣйте, а мужыкá зостáвте; винѣ
ихъ и пропытá и лѣтче доглáдыть, чымъ я. Та знáю, що и
я зáразъ звáлюся. Чы не грѣхъ же вамъ тогдѣ бѣде? Чы бо-
итесъ вы Бѣга мылѣсѣрдного?.... Згáдáйте, що й вамъ трѣба
вмирáты! Якъ вы бѣдете одвѣчáты, що стилки дѣшѣ рáвомъ
погублáете?»....

И шѣ-то, Гѣспѣды мылѣстѣвѣый! Якъ-то вонá жáлибно
прѣсылá, та гѣрко, видѣ сѣрця, плáкала!... А тутъ, зъ дрѣ-
гого бѣку, старѣый, якъ молѣкѣ сидѣый чѣловѣкъ, зѣвсѣймъ
видѣ гѣря знемѣгся, та тожъ на вѣклишкáхъ стѣйтъ и зѣмлю
змочѣвъ слѣзьмы, та прѣсѣуть и собѣ, якъ молодыця за пла-
чѣмъ перестáвáла говорѣты..... А тутъ хлѣпчыкы собѣ, знáй
клáняютця у нѣгы та прѣсѣють; стáршенъкѣый кáже: «Не-
берѣть вѣ насъ тáтá! Мы пропадемѣ безъ нѣго, и мáты про-
падѣ, и дѣдѣусъ!... Нехáй я вѣрѣсту, такъ я пѣдѣ за нѣго....
а мѣншѣый перехѣпѣвъ, та шѣпелáютчы и кáже: «Пѣкы шѣ
брáтѣкъ вѣрѣсте, я тепѣрь охѣтою пѣдѣ у москáлѣ, тѣлки
тáтá видпѣустѣть»....

И бáгáто тамъ такѣго булѣ, що и рѣзкáзѣютчы дѣшá бо-
лѣть. А старыкѣ шѣ? Ничѣгѣсинькѣо. Сыдáть собѣ, понáду-
вáвшысь, та зѣмлю пáлычкáмы копѣрсáютъ. И незчѣвствѣютця.
Бо якъ Терѣшка ослобѣныты, такъ трѣба зъ ныхъ зъ когѣ
зъ симѣй нѣкрутá назнáчыты. Щѣ имъ за дѣло? Хѣчь усѣю
симѣю чужѣ погубыты, абѣ-бѣ свойхъ позашѣщáты. Дáли
головá незтѣрпѣвъ; мáбуть печинкѣ пѣдѣ сѣрце пѣдступáлы и
крѣпкѣ хотѣлося ѣмѣ обѣдáты, отъ и гукнѣувъ: «Та гѣди-жѣ,
гѣди! Усѣгѣ непѣрѣслѣхáемо и до вѣчѣра. Дѣсáнькѣ! а берѣть
Тѣрѣшка!»

Господы мылостывый! Старый Назарь такъ и впавъ безчувственный!... Жинка якъ кынетца на Терешка, такъ и обвылася коло него и ажъ крычытъ та голбсытъ; сыночки чыпляютца за батька, виднимають видъ десятицкихъ, ёго рѹкы, ногы, усёго затуляють; десятицки ихъ видпыхають и хотятъ ёму рѹкы зкрутыты... плачь, крыкъ, гоминь!... Страсть одна!...

Кость стаявъ окрѹме видъ усихъ, та тилки дывывся на усё що дѣтца; а самъ блидый-блидый якъ полотно! Бачытъ що усѣму кинѣць, перехрестывсь, пидйшовъ до Терешка—и якъ пыхорне десятицкихъ, такъ ажъ дѣ опынылысь, узавъ ёго за руку и виддавъ жинци. «Нежурывсь, сѣстро!» сказавъ й, «озьмы дѣтського батька; живить соби!» А самъ пидйшовъ до головы и каже: «Повелить Терешка видпустыты. Я йдѹ за него охѹтою». Та зъ сымъ слѹвомъ кынувся до Захаря, впавъ передъ нымъ на-вкѹлишки и каже: «Таточку риднёнький! Непоборонѹ менѹ у симъ рязи!... Благословѹ менѹ на новѹ щастытя!...»

-- Що... що-се-ты, сыну, задѹмавъ?... лѣдвѹ змигъ Захарий сказаты, та невстоявъ и прысывъ на лавку.

«Хѹчу дѹвгъ свѹй виддаты» сказавъ Кость бѹдро: «якъ вы менѹ пожаловалы, видъ выдымой смѣрты ослобонѹлы, такъ я тепѣрь, бачачы гиркѹ долѹ сыхъ сырѹтокъ, хѹчу ихъ защытыты, йдѹ за ихъ батька охѹтою Богу и Государю служыты. Неборонить менѹ, тату; благословить менѹ, нехай си страждуци оживѹтъ».

— Чы на тѣ-жъ я тебѹ прызривъ и выкохавъ, щобъ ты менѹ пры старѹсты, що вже одною ногою у ями стою, покынувъ безъ усякои помочи, якъ былѹну у пѹли, на усѹ лыха и биды?—сказавъ Захарий и заплакавъ якъ малѹ дытына. Який-бы нечувственный змигъ, безъ усёго, дывытыся на старыка, що видъ вѣлыкой биды плаче кровавымы слизьмы!... И пры такыхъ слѣзахъ, ще-такы змигъ Захарий говорыты и каже: «Зглянься на Бога! Побийся Ёго, невиддавай менѹ за тѹ добрѹ, що, мѹже, я дѹмавъ зробыты тоби, невиддавай менѹ вѣлыкымъ горемъ!... Ты менѹ живѹго у яму кладовышь!... Ты моѹ сѣрце на шматѹчки рвѣшь!... Грѣхъ тоби!...

«Нема, тату, нѹякого грѣха менѹ!» такъ казавъ на весь гѹлосъ Кость, а усѹ-жъ-то старыкы такъ и обступылы ихъ и слѹхають, що зъ ныхъ бѹде. Терешко-жъ стойтъ якъ

деревьяныи, нечувствуете ничого, що край ёго робытця. А жинка ёго впала передь образами на-вкוליшкы и хлопчыкывь свойхъ ностановыла, и тилки що дывытця на святыи образы, та незна, чоґо їй бажаыты: непродвыты слова, а жде видь Бѡга мылосты. Хлопчыкы незнають що робыты, плачуть та поклоны бьютъ!... Янголы святы вѣрно тутъ литаы и веселылыся, дывлячыся, що тутъ дѣтця!...

Кость-же каже свое: «Нема, таточку, тутъ мени нѣякого гриха! Ты ослобонѣвъ мене видь смѣрты не для себе, а для мыру Бѡжого и для усѣхъ людѣй. Ты мене до розуму довѣвъ; ты мени давъ урозумѣты, що мени трѣба межъ людмы зробыты для ныхъ. Якъ-же я, глѣдячы, що мѡжу ослобонѣты диточѡкъ видь такди смѣрты, видь якди мене ослобѡжено, якъ-бы я дывѣвсь тилки и непомѣгъ-бы имъ? Отъ я и выкупаю имъ бѣтька. Тепѣрь воны бѡдутъ щастлыви. Я одынокый, нихто черезъ мене непостражда; а Терѣшко занудѣвсь-бы, покынувшы сямьѡ.... сямья — велѣке дѣло!... а жинка ёго звелѣсь-бы ни на-вицо!...»

— А про мене, про моѡ сырѣтство пры старосты, про мой нѣмоци, ничого неподумаешъ? — сказавъ сердѣшный старый.

«Бѡгъ мени свидѣтель, що покыдаючы васъ, сѣрце моѡ такы точнѣсинько нынѣче рѣжетця тупымъ ножѣмъ, та ще й калѣнымъ.... Жѣлко мени васъ!» казавъ Кѡсть, та пшывѣнько и втѣрь слѣзку зъ очѣй. А тамъ впѣять ставъ бѡдро казаты: «Не однѣ вы, тѣту, зостаѣтѣсь. У пѣрвыхъ, Бѡгъ мылосѣрдный и передь нѣмъ — ваши дѡбрыи дѣла зъ намы, сѣротамы, и зъ дрѡтымы, котрымъ бѣднымъ помагѣлы. Воны, сѣи дѣла, прыклячуть на васъ мылостъ Бѡжу. У дрѡтыхъ, — сестра мой, Мелѣся, дочка вашѣ; она вже у такыхъ годѣхъ, що отъ тужь-тужь выйдѣть за хорѡшого чоловѣка, за купцѣя, що хѡче їй узѣты; отъ вамъ и сынъ бѡде; воны васъ доглянуть и недовѣдѡтъ васъ потерпѣты нѣякои бѣды. А ѡсь-же ищѣ: Терѣшко, иѣды сюды. Я тоби верѣаю и бѣтька, и жинку, и диточѡкъ, и щѣстыя; самъ-же иѣду на трѡдѣ, на нѣжду и — воля Бѡжа! — мѡже й на смѣрть. За сѣ, дѣй мени на дорѡгу самѣ тилки щѣстыя, бѣлшъ мени ничѡго нетрѣба. Прыимы могѡ отцѣя, мою радѣсть, мою втѣху, моѡ усѣ, що маю дорогѡго на сямъ свѣты! Прыимы ёго на свой рѡкы. Шануй ёго, бережы, недовѣды ёго ни до якои нѣжды.... и глѣды! колы ёго старѣсть що нѣбудъ потѣршыть, и винъ зплакнѣ, та

хочь здыхне черезъ тебе, то знай, що я тамъ, передъ Богомъ мылосерднымъ, де, якъ салдаты, швидче буду, чымъ ты. я вышлачу, я вымолю на тебе усї бѣды, усї нещастья тутъ, на симъ свити, а на тымъ, якъ явышся, я не дамъ тобі покою до сѹду-до вику, буду тобі поприкаты, буду тебе мучыты и непуцѹ у царство. Я нагадаю тогдї тобі и тепершню радисть твою и симьї твоєи.... тогдї тїлки розкажѹ, що терпыть теперычки моя душа; и того зъ тебе буде!... Пам'ятуй добре, що за слезынку батькову мало менї твоєи усєи и дитєй твоихъ кривї! Надїюсь на тебе, и за тымъ, небоячысь ничого, йдѹ у Богу дорѹгу. Благословї мене, тату; побитимъ—нась усїхъ... И я стражду, боюсь, якъ ты неподозво-лышь; а онъ и тї, ни живї, ни мѣртви, ждѹть своєи доли».

— Костю мїй мѣлый!—ставъ єго старшїй щє обниматы та прохаты: обдѹмайся, щѹ-се-ты рѹбышь? На якє мучєныє йдєшь? Описля роздѹмаєшь, будєшь и на мєне жалковаты.

«Тату! я не витєрь якшїй, я вже не клѹпецъ, не блазєнь. Я розумію, на якє велыке, на святє дїло йдѹ. Чоловїкови трєба, скылки єго сылы є, рѹбыты не для сєбе, а щѹбъ добрѹ будѹ усїмъ. Такъ я давнѹ думавъ и усє бажавъ, щѹбъ менї не прѹсто прожыты на-свити. Такъ менї Богъ и помїгъ. Йдѹ за брата, за єго дитѹчокъ; йдѹ за тебе, тату. Богъ, выдячы моє дїло, тебє неоставыть и наградыть. Йдѹ за увєсь мѣръ хрыстыянскїй, гѹтовъ крѹвъ пролываты. Вѹбѹють менє, заминѹ тымъ якѹго дѹброго чоловїка; а по смѣрты, Богъ царство дасть, якъ єсть я мучєныкъ!... Тутъ-бы я бувъ мужыкъ и бїлшь ничѹго, и наўка-бъ моєя пропаєла, и мѹже-бъ ищє и розбєздїлнычався; а тутъ я знаю, що я салдаты, зашчытытель и вїры святои, царя-отця нашого, и мѣру усєгѹ, и твїй, тату! Цѣрква за мєне мѹлытця, а описля помына-тємєть и безъ граматкы вапѹи.... Нї, тату! недєржы менє. Послѹхаю тебє, зостанусь зъ тобою; яковѹ-жъ тобі будє дывытысь на сыхъ сырїточокъ? Нєхай и нєпропадѹть вѹны: мы ихъ ѹзьмємо до-сєбе; та имъ батька, а матєри ихъ—мѹжа нєвѣрнємо. Яковѹ тобі, кажѹ, будє, якъ ты подѹмаєшь: чє-рєзъ мєне сѹ жїнка бѣдствує и дитѹчкы страждають!... Тогдї и те добрѹ, що намъ зрѹбывь, и тє тобі у грїхъ пїдє, а менє заставышь цїлыи вики тутъ нє жыты, а нудытысь!...»

И щѹ-то ємѹ багаты такѹго розѹмного говорывъ, щѹ вже Захарїй нєзнавь, щѹ и казаты... Зпакнѹвь, помѹлывься, пїд-

нявъ рѹкы до Бѹга и сказа́въ: «Бѹгъ мылосѣрдный, що тебе для сѣгѹ часу сохрани́въ видѣ я́внои смѣрты, и да́въ тоби такѹ дѹбру дѹшу, Тѹй, зъ небесы вы́дядчы твою дѹмку, нехай благослови́ть тебе рѹкѹ менѣ гришного, що зподобывъ вы́кохаты такѹ дыты́ну, що ёму́ и ми́ры нема!» Дали обня́въ ёгѹ кри́пко, заплака́въ дѹже и сказа́въ: «Кѹстю!... сы́ну мий!... Тя́жко мені... и ра́дисто!... Служы́!... ви́рю и нади́юсь, що за се дѣло Богъ тебе неоста́выты!...»

— Бѹзю! незоста́въ мого дя́дка, Кѹстю! — кры́енуло мѣнше хлопця́тко, а за нымъ и ста́рший, и ма́ты, и Терѣшко кы́нулыся поклѹны бы́ты и просы́ты Бѹга, щобъ незоста́вывъ ёгѹ. Ста́рый Наза́рь, що усе мо́лывъся на-вкѹлишкахъ, та́къ неустаю́чы и пры́повзъ до ны́гъ Кѹстевыхъ. Той пидня́въ ёгѹ и обня́лысь со́би. Наза́рь до́вго ды́вы́вся ёму́ у ви́чи, усе де́ржачы ёгѹ за́ рѹкы, да́ли и ка́же: «**Ч**ы ты чоло́викъ?... Ни́, ты я́нголь, видѣ Бѹга пры́сланный, щобъ менѣ помѹловаты, обороны́ты видѣ биды́....» и що́-то вже дя́ковавъ ёму́, що верну́въ ёгѹ на свѣтъ Бѹжый!... Немѹжно тогѹ ни розказа́ты, ни напыса́ты, що́ тамъ бу́ло! яка́ дя́ка Кѹстеви, яка́ мо́лытва за не́го?... А вы́нь-же-то веселѣ́нький, радѣ́нький, мовъ яка́ ща́стытя знайшо́въ, усѣхъ цѣлу́е, усѣхъ про́сыты, щобъ доглядѣ́лы ба́тенька ёгѹ; кы́нетця до не́го, ста́не ёгѹ розважа́ты, щобъ нежу́ры́вся за нымъ, щобъ нежалкова́въ на не́го, та усе такы́мы розѹмны́мы слова́мы, що да́ли до́вивъ до то́го, що ста́рый сказа́въ: «Тепѣ́рь я и са́мъ ба́чу, що ты́ дѹже ве́лыке и дѹбре дѣло зроби́въ! Я вже нежу́рюся, а про́шу Бѹга, щобъ тебе́ помѹловавъ и да́въ-бы мені́ ище́ побачы́ты тебе́».

— И побачы́те, и пора́дуетеся обѣ мені́. Бѹдемо ище́ у ща́стыти жы́ты, каза́въ Кѹсть и усе распоряжа́въ: що бу́ло ёгѹ, то дарова́въ кому́, то ба́тькови ви́ддава́въ про ёгѹ ну́жду; усе рѣша́въ, а са́мъ, мовъ на па́нство куды́ збира́вся: моторне́нький, радѣ́сенъкий, ажъ бѣга.

Голова́ незвели́въ ёгѹ у за́лиза кова́ты, хочъ вы́нь и не́круть бу́въ. Такы́ расуди́въ, що невте́чѣ, и що тако́му тре́ба да́ты во́лю, щобъ поря́докъ у хазя́йствѣ да́въ. То отъ Кѹсть и бу́въ до́ма у ба́тька; а туды́, опри́ч Наза́ревои симѣ́й, що дѣ́влятыця на Кѹстя, якъ на я́нгола небѣсного, позихѹды́лыся усѣ ро́дычи и зна́комѣ. И що́-то бу́ло назклада́лы ёму́: и гроше́й чымѢ́ло, и полотна́, и хусточѹ́къ, усе́-бъ-то ёму́ на дѹро́гу; такъ Кѹсть ничѹ́го и небере́.

*

мигъ велькою сумою на новострѣющу церкву; до дрѹгой дзвѣнъ купѣвъ ажъ у сто пудѣвъ; а до третей цвѣнтарь обвѣвъ муrowаною стиною.

Однимъ одѣнъ бувъ у ныхъ сынѣкъ, Антонъ Васылѣвычъ. Невидкотѣлося яблучко видъ яблунѣ. Такой-же бувъ и богобоязливый, и чесный, и розумный, и тихый, якъ и бѣтько. Красивый та красивый, и усѣ було сыдѣтъ у лавци, та книжки чытѣ. И якъ бѣтько ёму увѣсь торгъ извѣривъ, такъ винъ було зъ лавкы и невыкѣдытъ; а ищѣ найбилшъ, тѣлки що пообѣдавъ, заравъ и бижытъ у лавку, ухѣпытъ книжку у рѹкы, та троха чы и не стѣрчъ, розѣорне, дѣржытъ перѣдъ собѣю, а самъ очѣй неведѣ зъ дорогы, що выдѣко, якъ хто у гѣродъ уйизжѣ. Колы-жъ побачытъ, що бижытъ брычечка (вже винъ йѣ дѣбре знѣвъ), то вже винъ и самъ не свѣй. И прылавокъ змитѣ, и усѣкий товѣрь налагожуе, и самъ незна, за що узѣтысь, ажъ покы неускѣчуть у лавку двѣ молодѣнькы, мовъ панѣночкы. Одна зъ ныхъ, чы поклонѣлась, чы нѣ, заравъ и кѣже: «Торгѹй-же, Мелѣсю, тутъ свое, а я пидѹ за своимъ дѣломъ». То Мелѣся, хочъ и веселѣнька и поспѣшаючы ускѣчыла у лавку, а тѣлки черезъ порѣгъ, то й почервонѣла и ни слѣва непромѣвытъ; а Антонъ Васылѣвычъ собѣ стойтъ, дѣвытця на нѣи, и спытѣвсь-бы-то, такъ забѹвъ, якъ и лѹды говорѹють.....

Дѣли Мелѣся зхаменѣтця и пытѣ: «Чы..... ё у васъ..... Антонъ Васылѣвычъ..... тѣе..... отъ и забѹла..... постѣйте..... згадаю.....»

— Я-жъ васъ просѣвъ», сударыня, кѣже Антонъ Васылѣвычъ: «щѣбъ вы менѣ сказаы, якъ васъ вѣлычѣты? Вы менѣ я по бѣтькѣ кѣчыте, а я незнаю якъ васъ.....»

«Та я-жъ вамъ казѣла, що я не сударыня, а тѣлки Мелѣся, и билшъ менѣ нѣякого вѣлычѣнья негрѣба. Вы усѣ дѹмаете, що я панѣнка, а я зъ рѣду мужѣчка, прозывѣюсь Скѣбына, тѣлки що годѣванка панѣи, та закупѣю йѣ усѣ.....»

Отъ-такъ вонѣ то объ сѣмъ, то объ тѣмъ и розговѣрюють, ажъ пѣкы непрѣйде до ныхъ Марфѹша (се то вонѣ за-всѣгда зъ Мелѣсею йѣздыла), та ненагадѣ, що вже порѣ йѣхаты; а то безъ нѣи, тѣ некупѣе, тѣй непрѣдаѣ, тѣлки що розговѣрюють собѣ та поглядѣють одѣнъ на ѣдного веселѣнько. Якъ-же нагадѣ имъ Марфѹша, тогдѣ Мелѣся и згада, чоѣ

їй треба; а Анто́нъ Васи́лєвичъ подасть їй що на-лучшого то-вару и цїну дзьме саму послїдню, безъ усякого барыша.

Эге!.... такъ тїмъ-то Мелася и любила йиздыты купова́ты, що Анто́нъ Васи́лєвичъ їй дєшево уступавъ?.... мо́же!.... Се-жъ такъ вони собі зъ пєршу розговѣрювали, що ни обь сїмъ, ни обь тїмъ, и незна́ть обь чїмъ; а тамъ, дѣли-дѣли, вже вони и багатєнько дє-объ-чимъ розговѣрювали.

Разъ Анто́нъ Васи́лєвичъ похвалївсь Меласи, що винь вже дума́ женїтыся. «Намїтывъ», ка́же: «собї у одной па́ней годѣваночку, красывєньку та розумнєньку, що мїры нема́; она́ у неї и закупшцыя, и економша, и усє; и колы-бъ тїлки она́ пишла за мене, то я бѣвъ-бы самый щасливый чоловікъ на-свити.....»

Мелася, сєє слѣхаючы, Гѣсподы! и червонїла, и соромылася, и незна́ла куды и дїтысь!... Утеклѣ-бъ зъ лавкы, такъ Марфѣши нема́, и та їй незна́йде..... такъ и стоїть, похылївши голѣвку, та хѣсточку ту, що у рѣчечкахъ держала, вертила-вертила, ажъ у шматѣчки їй порвала.....

Ажъ ось, на їй щастья, убїгла Марфѣша и пытаєтця: «А що́, Меласю, чы усє купыла? Порѣ вже йїхаты».

— Ось зарѣзь, тїлки видмїряють. Мїрте-жъ. Такъ ка́же Мелася и сама́ незна́, що́ и для чо́го мїряты.

Нелѣчний-же бувъ и Анто́нъ Васи́лєвичъ: попавъ якєсь-то полѣтныще, що лежало передъ нымъ, та й давай мїряты!.... Знай мїряє та лїчыть. Вже аршынивъ дєсять намїрявъ, а усє лїчыть: чотыри, чотыри, та вгѣять чотыри..... А Мелася выняла, скїлки захопыла, мїлочи, та й зкладѣ передъ нымъ и ка́же: «Давайте-жъ здачу».

А Марфѣша, такъ ажъ за-бокы берєтця, такъ регѣчетця зъ ныхъ..... Що́ бѣдєшь робыты зъ такымъ наро́домъ!..... Що́-жъ, булы колысь и мы такї!.... Колы згадають и про мене мой тї, що булы колысь для мене Меласямы, то недадуть збрехаты!....

Не дєсять разївъ пристававъ зъ такымъ Анто́нъ Васи́лєвичъ до Меласи, ажъ пѣкы вже—и то черезъ Марфѣшу—добывся до свогѣ, що сказа́ла. «Якъ», ка́же: «мой благодїтельныця захѣче.... такъ и я.... зроблю.... поблагословывшысь у мого батєнька, що менї бїлшъ, чымъ рїдний.... Та ще....

щобъ и ваши..... неказали чогò? Я-жь кажу, що а ни щò бйльше, якъ мужычка, и братикъ въ мене прòстый».

Антòнъ Васыльёвычъ ажъ побожывся, що, каже: «и батушка и матушка чуды про васъ усò дòбре; вже й бачылы васъ неразь, полюбылы и благословляють», каже: «менè; и ось, тужь-тужь я зъ батушкою прыййдемо до вапыхъ благодителывъ за дòбрымъ слòвомъ и за моймъ щастьямъ».

От-такъ вонь усò потолковавшы, и стлы збиратысь почынаты своò дйло.

Се дйлось ув-осенй. Якъ ось прыйшла некрутчына. У Захаря бувъ братъ, Назарь Скъба, и хочъ мавъ пять сынывъ, та, на-лыхо ёму, старшый горбатый и на-ногу крывый, а менши тры дуже малòго зрòсту, та замлыли, та худй, ныначе у якй блызты; такъ собй зъ малу булы. Одынъ тйльки зъ усòей симьй, пидстаршый, Терешко, парень бувъ годящый, и здорòвый, и зрòсту хорòшого. Такъ щò-жь? Оженывся собй и вже прйдбавъ двоухъ хлòпчыкывъ и дивчá; такъ отъ и стлы сказка велычёнька: шуточка! зъ батькомъ и малымъ хлòпцями, якъ пысаръ налычувавъ, восьмыдупна!

Якъ прыйшла у се селò бумага, щòбъ стйлки и стйлки некрутъ постановыты, то й зибралася громада, а найпаче притюпалы старыкы велыкосимейни, щòбъ послухаты, на кòго черга паде. Зъ нымы прыйшовъ и Назарь Скъба, боячысь (незнаты, щò громада нарае), боячысь почуты и обь свой бидй; такъ за тымъ и тулывся по за усима.

Якъ тйльки пысаръ начытавъ: «Назарь Скъба, восьмыдупный», такъ старыкы и загулы:

«Такъ-òт-же вамъ и некрутъ! Чогò-жь бйльш? Ат-же восьмыдупный?... Зъ Скъбы зъ Назаря некрута.....»

Туть-же крычатъ, а туть мерщй и подають пысаревы рýки, щò-òъ за ныхъ пидпысовався, бо вже, по ихъ думци, порá и обидаты. Гарáздъ нарòбылы! Нерозибралы дйла, нерозсудылы ничòго, втопылы усю симью.... якъ-то кусòкъ у горло пйде? Чы, мòже, и ничòго? Та такъ-такы. Нехай другый стражда, абы не въ мене болйло!....

Почувшы сее, Назарь вылизъ изъ за кучи и ставъ, кланяючысь, прохаты: чы немòжно-òъ ёгò помыловаты на сей годъ, бо ныкого виддаты, тйльки щò Терешка....

«Такъ що-жь? И Терешка! не якє свѣято твѣй Терешко!» такъ сказала рыжа борода, що высила въ кинці голомозою головою; та якъ бѣвъ винъ зъ самыхъ багатыхъ, такъ за нимъ усь и пидтягнулы.

Ще такы обизвавсь Назаръ и каже: «Пры чому я зо-стануся, колы рипшусь Терешка?» Такъ и недалы ему и слова сказаты. Загомонилы, закрычали на него, винъ и замовкъ; и якъ бачыть, що зовсимъ бидѣ, мотнѣвъ швидче до брата, до Захарія, бо знавъ, що той вмивъ розумнише говорыты и що, часомъ, громада поважала его. Черезъ превельку сылу дошвандявъ до брата и нездѣжа слова сказаты; сякъ-такъ вымовывъ: «Лыбонь Терешка у салдаты!»

Затрусѣвся Захарій, подумавъ, зибрався самъ и каже Кбстю: «Иды, сыну, зо мною. Се бидѣ! Треба ихъ прохаты. Зкынемося по слову, чы невмолымо».

Отъ и пйшлы, поспишаючы, у двоохъ до ратуши.

Старый Назаръ потюпавъ до дому. Терешко щось робѣвъ у хати, а его жинка коло диточокъ возылася. А други хлопци, звысно, якъ мйли та тощи, недѣже хваталысь за роботу, а лежалы, хто на печѣ, хто на лави, а иншый и на току, та немолотывъ, а дождыдаючы обѣда, хрופакѣ дававъ у солдми.

Ище-жь тилки Назаръ увйшовъ у хату, вже Терешкова жинка и накынула окомъ, що старый щось не те, и стала пыльноваты за свекромъ; а тому ни до чого дѣла нема, мерщій нахыльвсь до Терешка, та ныщечкомъ и каже: «Абѣ забижы куды-нѣ-будь, абѣ-що; бо тебе нацѣлылы у привѣдъ». Господы мылостывый! Терешко ставъ якъ мѣртвый! Блidyй та блidyй, и бчи ему пидкотылысь!.... Якъ довбавъ щось долотомъ, такъ и пустывъ его зъ рукъ.... Дѣли перехрестывсь, узавъ шапку, одѣгся и каже: «Нй, тату; нехѣчу бездѣлнычаты; пиду самъ. Иды, тату, зо мною; непокыдай мене тепѣрь». Отъ и пйшлы, а куды, и неказалы.

Такъ що-жь-то жинкы? Чы така вже въ ныхъ душа, чы шо-нѣ-будь такѣ, що заразы видгада усе? Намъ ще треба розтолковаты, розказаты, щѣ до чого, и якъ-бы то зробыты; а жинка, тилки почѣла що, зырнула, вже й зна, щѣ до чого и куды усе йдѣ. Ось и тутъ такъ. Нихтѣ Терешковий жинци

и не сказа́въ, якá бидá ихъ посты́гла; та вона́ вже за́разь догада́лась, усё розибра́ла и, недума́ючы багáто, зна́ла, щó їй робы́ты у такій лыхій годы́ни.... Ухопы́вши диточо́къ, и соби́ до рáтуши за ны́мы, нына́че хто їй сказа́въ, щó тамъ усё дýло.

Заха́рий зъ Кòстемъ першъ усїхъ доби́гли. И якъ Заха́рий зна́въ якъ повóдытця, щó хто голосо́нише гово́рыть, та покры́куе на усїхъ, такъ тогò и слýхають, то дýмавъ и те-це́рычкы заляка́ты ихъ грозóю; отъ и загомонї́въ: «Щó-се вы, панòве грома́да, тўтечкы наро́былы? Чы о сво́ему вы уми? Дё ва́ша пра́вда? Дё ва́шъ то́вкъ? Якъ-такы́ мо́жно на Наза́рэву симъю́ положи́ты не́крута? Такъ се́, ста́ло бы́ть, нехай и ста́рый, и мо́лоды́, и ма́ненькы, попу́хнуть зъ го́лоду, бо ні-кому́ ихъ бу́де пропы́товаты? От-се́ сла́вно! А ну́-те лыше́нь, на ко́го тамъ слїдуе́ть, опри́ч бра́товой симъї?»

— Слїдуе́ть те́, Лукья́новичу, щó Наза́рэва ка́зка восьмы́душна—сказа́въ оды́нь зъ ста́рыкї́въ, ма́ючы ка́зку де́сяты́душну.

«Гово́ры, го́лово! восьмы́душна! Такъ колы́-жъ симъ не-сто́ять ничо́го до́брого: ста́рый та ка́лика, немо́шны та ма́нюсїнькы; отъ та́ка ка́зка!» такъ каза́въ Заха́рий, усё такы́ дýмаючы, щó винъ ихъ переспо́рыть.

Якъ-же пидня́лыся усї ув-оды́нь го́лосъ: «А намъ щó за ну́жда? намъ ве́лять. Отъ ка́зка ве́лыка, и бе́ры зъ Наза́ря».....

«Такъ вы́везить-же мене́ по-пе́редъ усёго, за жыво́та, от-туды́ у прова́лля, щобъ я нетерпї́въ лы́ха и небáчывъ бы, якъ мо́я кро́вь, мо́я боля́щи сыны́ та ма́нюсїнькы уну́кы, бу́дуть стра́ждаты, и пу́хнуты зъ го́лоду, и вмира́ты несво́єю сме́ртью!» Такъ каза́въ, гїрко пла́чучы, Наза́рь, ба́тько Те-ре́шкївъ. Да́ли якъ прыпаде́ до ны́х на вкòлишкы, якъ кы́нетця до ны́г голо́вы и багáччы́х ста́рыкї́въ, ци́луе ко́жному но́гы и жа́либно про́сыть: «Неосы́ротїть мо́ї ста́росты! Неви́дрїзуйте въ мене́ пра́вой ру́кы!.... Хочъ пья́ть сы́нївъ ма́ю, та щóжъ, колы́ вони́ немо́шны, незду́жають, непрого́дують и себе́, не то́ щó мене́ зъ ка́ликою и зъ уну́камы! Вы бу́дете душегубы́ и мо́ї, и отъ сы́х сы́рїточо́къ!»....

— Ба́течкы - голубчы́кы! обизва́лася жї́нка Терешко́ва, уби́гшы у рáтушу, мовъ не о сво́ему уми; дивчо́нку ма́ню-сїньку на ру́ка́х неслá, а дво́хъ хлòпчы́кївъ, оды́нь по

восьмому, а другій по шбстому гѣду, увелá за собдю, и кынулась до нѣгъ старыкѣвъ, а на нѣи дѣвлячысь, и хлѣпчыкы прыпáлы, та жáлибно плáчуть, а молодѣця просыть: «Бáтечкы-голúбчыкы, сокóлыкы! Громáда чéстна, и ты, пáне головá! Щѣ от-се вы хочете зо мнѣю робыты? Нá-що менѣ свѣить завязуєте? Лúчче рáзомъ побѣйте от-сѣю дитвѣру! Куды я зъ нѣю дѣнуся?..... Хтѣ ихъ пропытá и до рѣзуму доведѣ? Хтѣ бáтька старѣго прогодýе и хтѣ оплáтыть за нѣго? Сыны? Зъ ныхъ тѣй кáликá, а тѣ видѣ вѣтру вáлотця. А си манюсиньки, що тѣлки свѣить Бѣжый вздрѣлы, та вже прѣйшлось имъ и лѣхо терпѣты! Воны зъ нúжды швѣдче пропадúть, чымъ дѣждáты видѣ ныхъ пѣмочи!..... Прѣшу и молю васъ, лúчче менѣ смѣрть заподѣйте, а мужыкá зостáвте; винъ ихъ и пропытá и лúчче доглáдыть, чымъ я. Та знáю, що и я зáразъ звáлюся. Чы не грѣхъ же вамъ тогдѣ бúде? Чы боитесь вы Бѣга мылосѣрдного?.... Згáдáйте, що й вамъ трѣба вмирáты! Якъ вы бúдете одвѣчáты, що стѣлки дúшь рáзомъ погублáете?».....

И щѣ-то, Гѣсподы мылостѣвый! Якъ-то вонá жáлибно просѣла, та гѣрко, видѣ сѣрця, плáкала!... А тутъ, зъ дрúгого бѣку, старѣый, якъ молѣко сидѣый чѣловѣкъ, зовсѣмъ видѣ гѣря знемѣгся, та тожъ на вкѣлипкахъ стойть и зѣмлю змочѣвъ слѣзьмѣ, та просыть и собѣ, якъ молодѣця за плáчѣмъ переставáла говорѣты..... А тутъ хлѣпчыкы собѣ, знáй клáняютьця у нѣгы та прѣсютъ; стáршенъкѣй кáже: «Неберѣть вѣ насъ тáта! Мы пропадемѣ безъ нѣго, и мáты пропадѣ, и дѣдусъ!... Нехáй я вѣросту, такъ я пѣдú за нѣго.... а мѣншый перѣхопѣвъ, та шѣпелáючы и кáже: «Пѣкы ще брáтѣкъ вѣросте, я тепѣрь охѣтою пѣдú у москáли, тѣлки тáта вѣдпустѣть....

И бáгáто тамъ такѣго булѣ, що и розкáзуючы дúшá болыть. А старыкы щѣ? Нѣчогѣсинько. Сыдáть собѣ, понáдувáвшысь, та зѣмлю пáлычкáмы копѣрсáють. И незчúвствуютьця. Бо якъ Терѣшка ослобѣныты, такъ трѣба зъ ныхъ зъ когѣ зъ симѣй нѣкрутá назнáчыты. Щѣ имъ за дѣло? Хочъ усѣю симѣю чужú погубыты, абы-бъ свѣихъ позашыщáты. Дáли головá незтѣрпѣвъ; мáбуть печѣнкы пѣдъ сѣрце пѣдступáлы и крѣпко хотѣлося ѣмú обѣдаты, отъ и гукнúвъ: «Та гѣди-жѣ, гѣди! Усѣго непѣрѣслúхаемо и до вѣчера. Дѣсáпъки! а берѣть Терѣшка!»

Господы мылостывый! Старый Назарь такъ и впавъ безчувственный!.... Жинка якъ кынетця на Терешка, такъ и обвылася коло него и ажъ крычытъ та голосытъ; сынчкы чыпляютця за бѣтка, виднимаютъ видъ десяцькихъ, ёго рѣкы, нѣгы, усёго затуляютъ; десяцьки ихъ видпыхаютъ и хотѣтъ ёму рѣкы зкрутыты... плачь, крыкъ, гоминь!... Страсть одна!...

Кость стѣявъ окрѣме видъ усихъ, та тѣлки дывывся на усё що дѣтця; а самъ блидый-блидый якъ полотно! Бачытъ що усёму кинецъ, перехрестысь, пидйшдѣвъ до Терешка—и якъ пыхорнѣ десяцькихъ, такъ ажъ дѣ опынылысь, узявъ ёго за руку и виддавъ жинци. «Нежурысь, сѣстро!» сказавъ їй, «овьмы дѣтського бѣтка; живытъ соби!» А самъ пидйшдѣвъ до головы и кѣже: «Повелытъ Терешка видпустыты. Я йдѣ за него охѣтою». Та зъ сымъ слѣвомъ кынувся до Захарїя, впавъ передъ нымъ на-вкѣлишкы и кѣже: «Тѣточку риднѣнькый! Небороны мени у сямъ рѣзи!... Благословы менѣ на новѣ щѣстыя!...»

-- Що.... щѣ-се-ты, сыну, задѣмавъ?... лѣдвѣ змыгъ Захарїй сказаы, та невстѣявъ и прысывъ на лѣвку.

«Хѣчу дѣвгъ свѣй виддѣты» сказавъ Кѣсть бѣдро: «якъ вы менѣ пожадовалы, видъ вѣдымой смѣрты ослобонѣлы, такъ я тепѣрь, бачачы гиркѣ дѣлю сыхъ сырѣтокъ, хѣчу ихъ защытыты, йдѣ за ихъ бѣтка охѣтою Бѣгу и Государю служыты. Неборонытъ мени, тѣту; благословытъ менѣ, нехай си страждуци оживытъ».

— Чы на тѣ-жъ я тебѣ прызрѣвъ и выкохавъ, щѣбъ ты менѣ пры старѣсты, що вже одною ногою у ями стою, покынувъ безъ усѣякой пѣмочи, якъ былыну у пѣли, на усѣ лыка и бѣды?—сказавъ Захарїй и заплакавъ якъ малѣ дытына. Якый-бы нечувственный змыгъ, безъ усѣго, дывытыся на старыка, що видъ вѣлыкой бѣды плаче кровавымы слызмы!... И пры такыхъ слѣзахъ, ще-такы змыгъ Захарїй говорыты и кѣже: «Зглянься на Бѣга! Побѣйся Ёго, невиддавай мени за тѣ добрѣ, що, мѣже, я дѣмавъ зрѣбыты тоби, невиддавай мени вѣлыкымъ гѣремъ!... Ты менѣ живѣго у яму кладовышь!... Ты моѣ сѣрце на шматѣчкы рѣшь!... Грыхъ тоби!...

«Немѣ, тѣту, нѣякого грѣха мени!» такъ казавъ на весь гѣлосъ Кѣсть, а усѣ-жъ-то старыкы такъ и обступылы ихъ и слѣхаютъ, щѣ зъ ныхъ бѣдѣ. Терешко-жъ стоить якъ

деревьяныи, нечувствуете ничого, що край ёго робытця. А жинка ёго впала передь образами на-вкёлипки и хлопчыкивь свойхъ постановыла, и тилки що дывытця на святыи образы, та невна, чоґо їй бажаты: непромовыть слова, а жеде видь Бога мылосты. Хлопчыки незнають що робыты, плачуть та поклёны бьють!... Янголы святыи вѣрно тутъ лITALы и веселылыся, дывлячысь, що тутъ дѣтця!...

Кость-же каже свое: «Нема, таточку, тутъ мени нѣякого грихѧ! Ты ослобонывъ мене видь смѣрты не для себе, а для мѣру Божого и для усѣхъ людѣй. Ты мене до розуму довѣвъ; ты мени давъ урозумѣты, що мени трѣба межъ людмы зробыты для ныхъ. Якъ-же я, глѣдячы, що мѣжу ослобонѣты диточкѣ видь такои смѣрты, видь якои мене ослобѣжено, якъ-бы я дывывсь тилки и непомѣгъ-бы имъ? Отъ я и выкупаю имъ бѧтька. Тепѣрь вонѣ бѣдутъ щастлывы. Я одынокый, никто черезъ мене непостражда; а Терѣшко занудывсь-бы, покынувшы симью.... симья — вельке дѣло!.... а жинка ёго звелась-бы ни на-вищо!...»

— А про мене, про моѣ сырѣтство пры старосты, про мой нѣмоци, ничого неподумаешъ? — сказавъ сердешный старый.

«Бѣгъ мени свидѣтель, що покыдаючы васъ, сѣрце моѣ такы точнѣсинько нынѣче рѣжетця тупымъ ножѣмъ, та ще й калѣнымъ.... Жѧлко мени васъ!» казавъ Кость, та швыдѣнько и втѣрь слѣзку зъ очѣй. А тамъ влѣять ставъ бѣдро казаты: «Не одни вы, тату, зостаѣтѣсь. У пѣрвыхъ, Бѣгъ мылосѣрдный и передь нѣмъ — ваши дѣбрыи дѣла зъ нѧмы, сырѣтѧмы, и зъ дрѣтымы, котрымъ бѣднымъ помагѧлы. Вонѣ, сѣи дѣла, прыкльчуть на васъ мылостъ Бѣжу. У дрѣтыхъ, — сѣстра мой, Мелѧся, дочкѧ вапѧ; вонѧ вже у такыхъ годѧхъ, що отъ тужъ-тужъ выйдеть за хорѣшого чоловѣка, за купцѧ, що хоче їй узѧты; отъ вамъ и сынъ бѣде; вонѣ васъ доглянуть и недоведѣтъ васъ потерпѣты нѣякои бѣды. А ось-же ищѣ: Терѣшко, ийдѣ сюды. Я тоби верѧю и бѧтька, и жинку, и диточкѣ, и щѧстыя; самъ-же ийдѣ на трѣдѣ, на нѣжду и — воля Бѣжа! — мѣже й на смѣрть. За сѣ, дѧй мени на дорѣгу самѣ тилки щѧстыя, бѣлшъ мени ничого нетрѣба. Прыимы могѣ отцѧ, мою рѧдистъ, мою втѣху, моѣ усѣ, що маю дорогѣго на симъ свѣти! Прыимы ёго на свой рѣкы. Шануй ёго, бережы, недоведѣ ёго ни до якои нѣжды.... и глѣды! колы ёго старѣистъ що небудь потерпыть, и винъ зплакнѣ, та

хоть здыхнѣ черезъ тебе, то знай, що я тамъ, передъ Богомъ мылосѣрднымъ, де, якъ салдатъ, швѣдче буду, чымъ ты, я выплачу, я вымолю на тебе усѣ бѣды, усѣ нещастья тутъ, на сѣмъ свитѣ, а на тѣмъ, якъ явышся, я не дамъ тобі покою до сѣду-до вѣку, буду тобі поприкаты, буду тебе мучыты и непущу у царство. Я нагадаю тогдѣ тобі и теперешню радисть твою и симъ твою... тогдѣ тѣлки розкажу, що терпыть теперычки моя душа; и тогѣ зъ тебе буде!... Пам'ятуй добре, що за слѣзынку батькову мало менѣ твою усѣ и дитѣй твоихъ кривѣ! Надѣюсь на тебе, и за тѣмъ, не боячысь ничѣго, йду у Богу дорогу. Благословѣ мене, тату; потимъ—насъ усѣхъ... И я стражду, боюсь, якъ ты неподозво-лышь; а онъ и ты, ни живѣ, ни мѣртва, ждуть своѣи доли».

— Кѣстю мѣй мѣлый!—ставъ ёгѣ старѣй шѣ обниматы та прохаты: обдумайся, щѣ-се-ты рѣбышь? На якѣ мучѣныѣ йдѣшь? Описля роздумашся, будѣшь и на мѣне жалковаты.

«Тату! я не вѣтеръ якѣй, я вже не хлопѣцъ, не блазень. Я розумію, на якѣ велѣке, на святѣ дѣло йду. Чоловѣкови трѣба, скѣлки ёгѣ сѣлы е, рѣбыты не для сѣбе, а щѣбъ добрѣ булѣ усѣмъ. Такъ я давнѣ думавъ и усѣ бажавъ, щѣбъ менѣ не прѣсто прожѣты на-свѣти. Такъ менѣ Богъ и помѣгъ. Йду за брата, за ёгѣ дѣточѣкъ; йду за тебе, тату. Богъ, вѣдячы моѣ дѣло, тебе неоставыть и наградыть. Йду за увѣсь мѣръ хрыстыянскѣй, гѣтовъ кровъ пролываты. Вбѣютъ менѣ, замѣню тымъ якѣго дѣброго чоловѣка; а по смѣрты, Богъ царство дасть, якъ ёсть я мучѣнык!... Тутъ-бы я бувъ мучѣныкъ и бѣлѣшь ничѣго, и наўка-бъ моѣ пропала, и мѣже-бъ ищѣ и розбѣздылнычався; а тутъ я знаю, що я салдатъ, зашчытытель и вѣры святой, царѣ-отцѣ нашого, и мѣру усѣгѣ, и твѣй, тату! Цѣрква за мѣне мѣлытця, а описля помѣнѣ-теметъ и безъ грамѣтки вашѣи... Нѣ, тату! недержѣ менѣ. Послѣхаю тебе, вѣстанусь зъ тобою; яковѣ-жъ тобі будѣ ды-вытысь на сыхъ сырѣточѣкъ? Нѣхай и непропадуть вѣны: мы ихъ ѣзьмемо до-сѣбе; та имъ батька, а матери ихъ—мѣжа неврѣнемо. Яковѣ тобі, кажѣ, будѣ, якъ ты подумашъ: черезъ мѣне ся жѣнка бѣдствуѣ и дѣточкѣ страждають!... Тогдѣ и те добрѣ, що намъ зрѣбывъ, и тѣ тобі у грѣхъ пѣде, а менѣ заставышь пѣлый вѣкъ тутъ не жѣты, а нудѣтысь!...»

И щѣ-то ёму багѣто такѣго розумного говорѣвъ, що вже Захарѣй не знавъ, що и казѣты... Зпакнѣвъ, помѣлывся, пѣд-

нявъ рѹкы до Бога и сказаъ: «Бѹгъ мылосѣрдный, що тебе для сѣго часу сохранивъ видъ явной смѣрты, и давъ тобі такѹ добру дѹшу, Тѹй, зъ небесы выдячы твою дѹмку, нехай благословить тебе рѹкѹ менѣ грѣшного, що зподобывъ выкохаты такѹ дытыну, що ёмѹ и мѣры нема!» Дали обнявъ ёго крѣпко, заплакавъ дѹже и сказаъ: «Кѹстю!... сыну мѣй!... Тяжко менѣ... и радѣстно!... Служы!... вѣрю и надѣюсь, що за се дѣло Богъ тебе неоставыть!...»

— Бѹзю! неоставъ мого дѣдька, Кѹстю! — крѣкнуло менше хлопчѣтко, а за нимъ и старшый, и маты, и Терѣшко кынулись поклоны быты и просыты Бога, щобъ неоставывъ ёго. Старый Назаръ, що усѣ моливсь на-вкѹлишкахъ, такъ неустаючы и прыповзъ до нѣгъ Кѹстевыхъ. Той пиднявъ ёго и обняльсь собѣ. Назаръ довго дывывсь ёмѹ у вѣчи, усѣ держачы ёго за рѹкы, дали и каже: «~~Цы~~ ты чоловикъ?... Нѣ, ты янголъ, видъ Бога прѣсланный, щобъ менѣ помѣловаты, обороныты видъ биды...» и щѹ-то вже дѣковавъ ёмѹ, що вернѹвъ ёго на свѣтъ Бѹжый!... Немѹжно того ни розказыты, ни напысаты, щѹ тамъ було! яка дѣка Кѹстеви, яка молытва за нѣго?... А винъ-же-то веселѣнькый, радѣнькый, мовъ яке щѣстыя знайшовъ, усѣхъ цѣлѹе, усѣхъ прѣсыты, щобъ доглядѣлы бѣтенька ёго; кынетця до нѣго, стане ёго розважаты, щобъ нежурывсь за нимъ, щобъ нежалковавъ на нѣго, та усѣ такымы розѹмнымы словѣамы, що дали довывъ до того, що старый сказаъ: «Теперь я и самъ бѣчу, що ты дѹже вѣлыке и добре дѣло зрѹбывъ! Я вже нежурѹюся, а прошѹ Бога, щобъ тебе помѣловавъ и давъ-бы менѣ ищѣ побѣчыты тебе».

— И побѣчыте, и порѣдуетеся обѣ менѣ. Бѹдемо ищѣ у щѣстыи жыты, казавъ Кѹсть и усѣ распорѣжывъ: що було ёго, то даровавъ комѹ, то бѣтькови виддававъ про ёго нѹжду; усѣ рѣшывъ, а самъ, мовъ на панство куды збирывся: моторнѣнькый, радѣсенъкый, ажъ бѣга.

Голова незвелывъ ёго у залѣза коваты, хочъ винъ и некрутъ бувъ. Такы расудывъ, що невтечѣ, и що такому трѣба дѣты волю, щобъ порѣдокъ у хазѣйствѣ давъ. То отъ Кѹсть и бѹвъ дома у бѣтька; а туды, опрѣчь Назарѣвои симбѣ, що дывлятця на Кѹстя, якъ на янгола небѣсного, позыхѹдылыся усѣ рѹдычи и знакоми. И щѹ-то було назкладалы ёмѹ: и грошей чымѣло, и полотнѣ, и хусточѹкъ, усѣ-бъ-то ёмѹ на дѹрогу; такъ Кѹсть ничѹго и неберѣ.

*

«Не трэба мені нічога» каже; «мені нетакъ якъ вамъ; мені усё буде Государево....»

Вы-жъ думаете, що Кость безъ усякой журбы ійшоў у службу? Куды! Вже хыба такъ захваецця видъ усіхъ, щобъ ніхтò и ніхтò ёгò непобачыў и незамітыў за нымъ нічога; такъ тутъ тэйкі стане, задумаетця, дали зчэпыты рўкы, здыхнè, пидведè очи до Бòга.... нынàче и слèзынка въ очахъ зассяе.... винъ швèдче обйтре и перехрèстытця, и зъ весèлымъ лыцèмъ вбизыты до усіхъ, нынàче и нічога; и кынетця до Терèшковыхъ дитокъ и стане прыголубоваты ихъ.... Шò въ нèго на думци булò, чогò журывся?—невèстно.

Убравшы усè дòма и попрыказавшы усякому, що трèба, пшплы до Мелàси прощàтыся. Шò вже тамъ булò, такъ и непрыведы Гòсподы! Зпèршу вонà неповырыла, и думàла що се шўткы, бо Кòстèзь шўткою пополамъ сказаў ій объ симъ; якъ-же побачыла, що Захарій и усй рòдычи, що зъ нымъ прыйшлы, плачуть, вонà такъ и впалà нежывà: насылу одволòдалы, и водою брызкалы на нèи. Опислè вже и просыла, и молыла, и до нигъ ёгò плачучы прыпадàла, щобъ роздумався та вернўся, и чогò-то неробыла, щобъ ёгò вмолыты.... «Кòлы» каже: «грòши трèба положить на выкупъ тебе, то óтъ мой усй, óтъ двèсти рублèвъ, що пàни менй надаровàла; óтъ мой сèргы, и перстнй, и платòчки; усèгò ршшсь, усè виддамъ, щобъ чы не мòжно тебе выкупыты....»

— Нй, сèстро! каже Кòсть: салдàты не продàжня душà; немà тйèи цины, що-òъ за нèго заплатыты. Чогò ты журывся? Я тобй казàвъ, що мы, Бòжи дйты, небўдемо zostàвлени. Ійды за Анòна Васылèвыча; жывитъ щастлйво, а объ менй невбывàйтесь. И незчўемось, якъ я свй зрòкъ выслужу, и бўду твойхъ дитèй вчыты и помогаты имь....

Розслўхавшы, черезъ вйщо винъ ійдè у салдàты, пàнъ подумавшы сказаў: «Велыке дйло рòбышъ, Кòстю! Богъ и тебе помылуе, якъ ты помыловàвъ сырòтокъ». А пàни, такъ попрйкала, за чымъ старòго бàтька покыдае....

Хотила-нехотйла Мелàся, а видпустыла брàтыва, обмывшы слизонькàмы. И шò-то: и пàны плакалы, провожàючы ёгò. Кость прощàвся зо всимà до едйного, когò знаў у дворй, и усè бувъ веселèнкий, ищè и жартовàвъ дè-що; якъ-же Мелàся сказала: «ійды до Марфўши; тамъ такъ плаче за тобью,

що Гбсподы! ажъ злягла, нездужае й вѣйты. Пиды, попрощайся зъ нею».

— Нехай описля!—тилки и сказаѣв Кость, та трѣшки и змѣрщывся.

Пишѣв Кость видѣ сестры. Въ ранци одправылы молѣбень, покропылы Кѣстя святою водою и пойихалы у гѣродѣ. И щѣ-то за дывовыжа була людымъ, що некрутъ ийдѣ, и не въ зализахъ, и безъ калавурныхъ, и безъ отдѣтчыкывъ (вонѣ бо пойихалы по-пѣреду попысаты бамѣгы), а некрута провожають самѣ рѣдычи и винѣ ийдѣ, мовъ у гѣсти куды, веселый та мѣтѣрныи.

Прыйихавшы у гѣродѣ, зѣразъ пишлы у привѣдѣ. Судяци выкыкалы сказку Назаря Скыбы. Такъ имъ була пѣдана поперѣдѣ усихъ.

Увйшѣв Кѣстя бѣдро, вѣсело, жыво.

«Наѣмщыкъ?» зпытѣлы судяци.

— Наѣмщыкъ, сказаѣв Кѣстя гѣлосно.

Майѣрѣ зъ улѣнивъ, прыймщыкъ, зѣразъ и устѣв до нѣго и пытаѣтця: «За скѣльки нанѣвся и скѣльки дѣнегъ получыѣв?» Та осмѣтрючы и повѣрѣчычы ѣгѣ, каже: «Вѣтъ славныи молодеѣц!»

Кѣстя ѣму и каже: «Я дѣнегъ неполучѣтому, а ищѣ довжѣнѣ ѣму».

— Много ты долженъ?

«Се щѣ ийдѣ за ѣгѣ симбю, такъ и дѣсятои дѣбли невидѣю, чымъ вынѣнѣ».

— Какъ такъ?—зпытѣв майѣрѣ, и усѣ судяци прыступылы слѣхаты, щѣ се ѣ? Тутъ Кѣстя и розказаѣв усѣ, якъ ѣгѣ Захарий узѣвъ, спасъ видѣ выдымой смѣрты, якъ воспытѣвъ и якъ булѣ Захаровымъ рѣдычамъ прыйшла бидѣ; такъ винѣ, за мѣлѣсты Захаровы, пожелѣв охѣтою ийтѣ, щѣбѣ невиднѣты бѣтька видѣ дитѣй и худѣбы видѣ ровѣру.

Усѣ-жѣ-то похвалылы Кѣстя и, незѣже розглядѣючы, прынялы ѣгѣ у садѣты; забрылы лѣбъ и до прысягы привѣлы.

Кѣжутъ, щѣ хтѣсь-то пидглядывъ, щѣ якъ голылы Кѣстѣви лѣбъ, такъ бѣцимъ-то въ нѣго покѣтылыся зъ очѣй двѣ слызкы.... мабутъ брытва була не-с-такъ гѣстра, такъ трѣшки скубнѣла?... Мѣже й такъ!

Яѣз одѣгъ Кѣстя мундѣрѣ по-некрутъски, то ставъ ищѣ веселыйшыи. Майѣрѣ ѣгѣ полюбыѣвъ и гѣворыть ѣму:

«Хочешь оставятця пры мені? Я тебѣ щастлівымъ зроблю».

— Какъ прыкажете, ваше высокоблагородые!» сказавъ Кость, вже выпрямывшысь по салдатски. — Тилки, каже, въ денщыкы нежалаяу.

Майоръ засміявся и сказавъ ёму, що небуде у денщыкахъ, а буде пры нѣму спыскы и усякыи бамагы пысаты. Кость сѣму дуже зрадовався и, такы правда, непишовъ зъ командою, а zostався пры майорови.

Якь-же вже зовсімъ тутъ управывся, и трѣшки у служби оглядився, то и побигъ побачытысь зъ батькомъ и зъ сестрою. Старый Захарій зрадовався, побачывшы Кдства, и трѣшки заплакнувъ, що вже винъ у мундѣри: а дали той розважывъ ёго. Сестра-жь, такъ крый Боже! якъ плакала, що братови лѣбъ забрали....

«Незнаешъ ты, сестро, ничѣго,» казавъ їй винъ: «лѣбъ выбрытый, се означъ мовъ печать на мені, що я вже прысяжнныи чоловикъ, царскый слуга,» и усѣ такѣ говорывъ и роввадывъ їй, обещавшысь часто ходыты.

Якъ на ихъ щастытя, Кдствеъ майоръ та улубывъ панночку тыхъ панывъ, де Мелася жыла; и Меласю знавъ, що вона ё сестра Кдствеа, такъ черезъ тѣ билпъ и жаловавъ ёго. И якъ майоръ до своѣи панночки що въ Бога дѣнь йиздывъ, то иногда бравъ и Кдства зъ собѣю, або посылавъ ёго до неѣ зъ пысьмамы. Такъ отъ Кость ныначе и нерозлучався зъ своймы; частенько бувавъ у ныхъ и вже батько и сестра нестакъ объ нѣму журылыся. Отъ майоръ и оженився на панночки; а тамъ и Меласю виддалы за Антона такы Васылёвыча, що крѣпко собѣ лубылыся. А що весѣлья имъ паны зправылы, такъ-такъ! Цѣлу недѣлю гулялы то въ панывъ, то у молодыхъ. Паны надилылы свою Меласю усѣмъ, чымъ тилки здумалы; а що вже у мужа своѣо найшла усякого добра, такъ имено по-шѣю у золоти сыдыла. Кость дуже радовався, що Меласи трапылося такѣ щастытя.

Пожывшы зъ нѣмы, якъ вже майору трѣба булѣ йыхаты у полкъ, що бувъ посѣленный и нестакъ далѣко, тогдѣ вже Кость розлучывся зъ своймы, якъ трѣба, и на прощанья такы поплакалы удоволь.

Мынулося годывъ пѣять. Кость служывъ справно. Майоръ, началныкъ ёго, лубывъ и жаловавъ ёго за тѣ, що у-

во-всімъ бувъ на порядкахъ. Винъ, якъ траплялося майору, и бамагы пысавъ и усё зправлявъ лѣчче усїхъ. Усї началныкы зналы ёго, що винъ ё бравый уланъ и любылы ёго за тѣ, якъ и за тѣ, що зъ бездїлныкамы винъ неводывся. Не безъ того бувало, що майоръ шдглядывъ, що Кость тужыть; отъ и почнѣ ёго розговорюваты, а колы, то и видпустыть ёго до родычывъ, де Кость и прожывѣ радуючысь, ба-чачы, що Мелася жывѣтъ хороше, мужыкъ їй лѣобыть, и що, хочъ старому Захарію, якъ ни було у Терешка жыты (о, тамъ ёму у вичи дывылыся, щобъ чымъ тїлки вгодыты!) одначе перезвала Мелася ёго до себе, и обѣ зъ мужыкомъ кохалы ёго старість.

Якъ ось Ляхы, ни зъ чо́го билпъ, якъ зъ жыру, показылыся мовъ соба́кы, та зъ ду́ру, мовъ зъ пѣчи, задумалы видбыва́тыся. Треба дурни́въ провчыты, лапаса по морди да́ты, щобъ невередова́лы. Отъ и посла́лы протывъ нѣхъ, якї булы блыжче, полкы. И сей, де майоръ бувъ, пишовъ. Кость до сѣго торгу пишкы: мовъ на весїлля куды танцѣва́ты, такъ винъ на вїйну. Провожа́лы-жъ ёго, ба́течкы! и сестра, и стары́й ба́тько, и усї зна́ющи, якъ на вы́дыму сме́рть. Звї́стно, якъ мы тѣтъ застаемо́ся, а вї́сько провожа́емо, такъ дѣ́маемо, що вже ниоды́нъ и невёрнетця. Ажъ ничогїсинько! На́ши по-вча́тъ до́бре не́прыятеля и ве́рнутця у до́бримъ здо́ровьи. А тожъ їйшлы́ протывъ Ляхы́въ, такъ ни надъ чымъ було и ру́къ каляты. Такъ на́шимъ же жинка́мъ, та й на́мъ домосїда́мъ, що сїро, то й во́вкъ; чы тамъ пѣкне що зъ пысто́ля, а мы вже дѣ́маемо, зъ пу́шокъ паля́тъ и вже вбѣ́ито кого́ небу́дь. Такъ отты́мъ-то стары́й Заха́рїй и Мелася крї́пко вбыва́лыся за Костемъ и по-уся́къ де́нь мо́лылыся за не́го Бо́гу; а Мелася сво́йхъ диточо́къ, що вже дво́хъ ма́ла, та и Терешко-вы́хъ, усѣ заставля́ла мо́лытыся, щобъ Бо́гъ сохрани́въ ёго видъ уся́кои биды́ и сме́рты, и да́въ-бы ёму ща́стья. Мелася дѣ́мала, що, колы, ка́же, винъ пишовъ за дитѣ́й стра́даты, то Бо́гъ ёго и незоста́вытъ, послу́хаючы дїтє́ску мо́лытву.

На́ши былы до́бре Ляхы́въ, ажъ па́льци зна́те було. Не-мѣ́ловавъ ихъ и Кость. У скилкы́хъ вже бата́лыяхъ бувъ и усѣ бы́ля майора, и Бо́гъ ёго выно́сывъ; та ищѣ за ёго смѣ́львость и хва́брость усї зналы ёго и генералы жа́ловалы, що якы́й-то винъ бравый бувъ, и що чере́з вїщо винъ пи-

шовъ у слѣзбу, такъ усї похвалялы. Вже винъ и ўнтеромъ ставъ и хрѣсть заслужывъ, и усї уланы любылы, и казалы: «колы Кость зъ намы йдѣ, то й небоимось ничѣго».

Разъ майбръ зъ своєю кумандою бувъ посланный и Кость зъ нымъ, якъ и завсегдѣ. Якъ — тыць! и наткнѣлыся на Ляхы, що сѣла-сѣлоу, побачывшы що уланы дѣже небагѣцько прѣтывъ ныхъ, осмѣлылыся и кынулыся на ныхъ, крычаы, що усїхъ покрышуть. Майбръ пославъ звѣстку до свойхъ, що булы недалѣко, щобъ далы помочи; а самъ ставъ оборонѣтыся. Рубалыся-рубалыся, и якость-то майбра, що бувъ попереду, Ляхы захопылы и потаскалы до себѣ.

Кость бачыть, що лыхо, якъ крыкнувъ: «Пропадемѣ безъ командѣра! Хочъ усї ляжемо, а вырочимъ ёго! За мною, уланы!» Кынулыся уланы жыво боронѣты майбра, що бувъ вже крѣпко пораненый, та ще такы видбывався....

Ихъ старшый крыкнувъ: «Зрубайте майбра, тогдѣ и ихъ усїхъ поберемѣ». Якъ тутъ Кость, самъ несый и нетѣмлячы ничѣго, кынувся у кѣчу, пробывся, пидхопывъ майбра, що вже падавъ, пхнѣвъ ёго во всѣи сѣлы до свойхъ.... а самъ.... захытався на конї.... та тутъ и.... впѣвъ!... Якъ на тѣ набѣгла помичъ. Бесурменъскыхъ Ляхывъ усїхъ до едыного такъ и покрышылы. Майбра понесли до ликарѣвъ.... Кынулыся Костя сѣкаты.... Знайшылы ёго, сердѣшного! ливѣ рука видѣята и у головѣ рѣна велыка; одначе ще жывый. Черезъ дѣтську молытву Богъ ёго спѣсь!

Прынялыся ёго личѣты и выгоилы зовсѣмъ, тѣлки що безъ руки востався, служыты вже нѣякъ немѣжно. Зпысѣлы усю ёго хвѣбристь и якъ вызволивъ майбра, начальныка свогѣ, та й послалы бамагы. Отъ и пожадовалы ёго у охвыпѣрскыи чынь, ув-одставку.

Отъ-якъ отцѣвська и дѣтська молытва дѣржыть на-свити чоловика!

Що-жъ-то вже за радѣсты булы, якъ побачывъ ёго Захарѣй и Мелѣся, що вернѣвся вже зовсѣмъ зъ слѣзбы, та ще и благороднымъ ставъ, и хрѣсть получывъ, и сказано, щобъ за ёго калѣчество царьске жалованья даваты ёму по саму смѣрть! Вже радѣ та радѣ булы и Бѣгу усѣ дяковалы и роздавалы на бѣдность багѣто, бо було зъ чогѣ.

А ти паны, що Мелѣсю содѣржовалы, прынялы Костя якъ благодѣтеля, що вырочывъ зъ бѣды зѣтя ихъ. Отъ ихъ

добрѣ, що зробылы Меласи, незосталося такъ. Посадылы ёгѣ зъ собѣю за стѣль и незналы, чымъ ёму и дяковаты. Писля обидь Кость пишѣвъ зъ Меласею, щѣбъ поздорватысь зъ прыятелямы, що у дворѣ жылы. Отъ усыхъ бачывъ, дали—пыта зопынаючысь: «Де-жъ твой прыятелька Марфѣша?»

— Але! каже Мелася: Вона, якъ и пишѣвъ ты видь нась, усѣ журытця по тобѣ. Скъльки ни нахѣдылося до неѣ людѣй, и хорѣшыхъ, такъ вона и слѣхаты нехотѣла. Побожылась-поклѣлася до самой смѣрты тебе одного любѣты. Тепѣрь сыдыть собѣ и дожыда, чы зпытаешъ ты объ нѣй? и усѣ плаче; вона усѣ журытця, що ты нелюбышь ѣѣ.

«А ходѣмъ до неѣ!» сказавъ Кость, та ѣ пишлы.

Увишѣдшы Кость до неѣ, прѣмо и говорыть: «Зачѣмъ ты, Марфѣша, дѣмаешъ, що я тебе нелюблю? Я тебе щѣро и видь усѣгѣ сѣрця любѣвъ, якъ ще тылки пиднявся на-ногы. А тобѣ неказавъ и недавъ запрымѣтыты, що незнавъ, кудѣ мене Богъ поверне и якѣ моя дѣля бѣде; а чужѣго вѣку зайидаты, и свѣтъ тобѣ завязаты я ѣвси нехотѣвъ. Идучы у слѣжбу, тѣжко менѣ було и тебе покыдаты; затымъ и непрощався зъ тобѣю, щѣбъ ты чогѣ незапрымѣтыла собѣ. Тужывъ объ тобѣ и усѣ боявся, ажъ и сюды пидѣйизжаючы, усѣ боявся почѣты, що мѣже ты зъ кымъ дрѣтымъ одружылася. Тепѣрь-же, якъ усѣ мынулося, я вѣльный козѣкъ; ты мене, однаково, якъ и я тебе, любышь, такъ тепѣрь покинчѣймо те, що я тобѣ, Меласю, кажѣ було: нехай описля. Колы согласна....»

Щѣ Кость и недоговорывъ, якъ вже Марфѣша и кынула на шыю и зкрыкнула: «Кѣстенку!... сокобыку... лебѣдыку!... Я ѣ любыла тебе, и люблю—мыры нема!... непокынь мене.... Я твой по-вѣкъ!...»

— Ну, колы такъ, такъ и ходѣмъ до панѣвъ, сказавъ Кость и усѣ трѣйко пишлы до ныхъ и, якъ звычайно, впалы у ногы. Панѣ заравъ догадались, щѣ се ѣ, и поблагословылы ихъ; та тутъ и почалы радытыся, колы и якъ весѣлья ихъ одбѣты.

Кѣсть тутъ и почавъ прохаты: «Колы вже така ваша мѣлость до мене, то прошѣ васъ, весѣлья видгулаты по нашому закѣну».

— Якъ-се?—зпытавъ панѣ.

«Такъ, добродѣю, якъ мѣй дѣдъ и бѣтько женылыся».

— Якъ-се мѣжно? Ты теперъ ахвыщѣрь.....

«Такъ хыбѣ вже и трѣба сорѣмытысь своего рѣду? Ни, вже здѣлайте мѣлость, докинчайте вѣши мѣлосты....

Панѣ далы ёму волю, щобъ якъ хѣче, такъ нехай и рѣбыть.

И булѣ усѣ по закону. Марфѣша розрядылася по дивѣць-кому и зъ розпущенною косѣю, звысно, якъ сыротѣ, ходыла по селу, збирала дружечѣкъ на завтре.... и якы гарны писеньы прыспивувалы! А за тымъ жинкѣ, зибравшысь у йѣ хѣти, липылы коровай, и дижу носылы по хѣти вѣжно, зъ писень-камы, якъ законъ велѣтъ. А дали бувъ и дивычъ-вечиръ и танцѣвалы до пивнѣчи.

Уранци молодыхъ звинчалы и обѣдалы кѣженъ у себѣ зъ своеймы. Пообѣдавшы, Кость и шѣстѣро боѣрынивъ поси-далы на кѣни; а та жинка, щѣ замисцѣ мѣтери, вѣйыхала вѣрхы на кочерзѣ, у вѣвернутому кожуси и у шапци по-вѣрхъ своего очѣпка. Такъ вона и обѣйыхала трѣчи, обсы-пѣючы вивѣсѣмъ, горѣхами и денежками, та й узѣла конѣ, щѣ сыдѣвъ молодой, за уздѣчку, та й вывѣла зъ двѣра. Отъ и рѣшывъ пѣйиздѣ!... Якъ тутъ старшый боѣрынъ, паньскый такы пѣюрныкъ, та щѣ за завзѣтый! — пукъ! зъ пыстѣля..... и побѣглы собѣ, а за нѣмы поийхалы усѣ чыновни: дружкѣ, пѣдружыѣ, двѣ старостывъ, двѣ свѣшкы и дѣвчынка сви-тылкою зъ мечѣмъ у рукахъ, заквѣччанымъ калѣною, ва-сылкамы и усякыми квитѣчкамы, и трѣ свѣчѣкы, укѣпи злѣплены, пѣлѣлы.

Якъ бѣглы мымо цѣрквы, Кость заравъ и зскѣчывъ зъ конѣ, збѣгъ на рундѣкъ, вдѣрывъ трѣ поклѣны, попиловѣвъ замѣкъ цѣркѣвныѣ и побѣглы до своего дѣла.

Тѣлки щѣ стѣлы дойизжѣты до двѣра молодѣи, такъ боѣре и почѣлы пѣкаты зъ пыстѣливъ; тѣлки и чѣте: пѣкъ!—пули! пули!.... ажъ страшно булѣ слѣхаты! Вже на славу усѣ булѣ. У двѣрѣ-жѣ молодѣи щѣ дѣтѣя? Бѣтѣкы! Тѣлки почѣлы стрѣльбѣ, заравъ ворѣта и зачынылы. Выкѣтылы вѣлыке по-ламанѣ колѣсо видѣ вѣза, давѣй ёгѣ, замисцѣ пѣшкы, пѣскѣмъ у мѣточыну зарядѣты, та выкѣдѣты ёгѣ зъ колѣса, мѣвъ видстрѣлюютѣя; та усѣ зъ законнымы прѣговоркамы. Отъ прѣйизжи подѣжалы, видчынылы ворѣта, увѣйшылы у двѣрь.... тутъ хлопѣя у старѣсты и выхвѣтыло пѣлычку и почѣло на нѣй вѣрхы бѣгаты по двѣру, выбрыкуючы та ржучы, бѣцимъ

то кінь. Стáроста пидбигá за нымъ, та мóлыть, та прóсыть, щобъ вернѹвъ коня, немѹчывъ-бы ёгò, та незворовѹвъ-бы ёгò; дали дáсть хлопцеви грóшей, выкупыть пáлычку, и тогдѹ вже йдѹть вже у хáту....

Тамъ впгáть лыхо! Молодá зъ дружкáми сыдѹть за столѹмъ, похылывши гóлову, передъ важнымъ хлѹбомъ, передъ короваємъ, надъ коровайнымъ калачѹмъ, и вже чы хóче, чы нехóче, а щобъ плакала. Дружкы на увѣсь гóлосъ крычáть писенькы, осмѹють и молодгòго и увѣсь пóйиздъ. Два скрѣпныка рѣжуть на нѣтяныхъ струнахъ щось такѣ, що и розибрáты немóжно; а цымбалысть палычкáми выбывá свое. Былá молодгòи сыдѹть хлопчыкъ, брáтикъ йѹ, зъ прѣстрашѣннымъ кыйкóмъ у рукахъ, замисць пыстóля, утыканнымъ усякымы репгьяхáми. Дружкò пидйшóвъ, щобъ прогнáты ёгò; куды! хлопгья такъ и крычѹтъ: «застрѣлю, кáже, зъ свогò пыстóля!» Дружкò до нѣго, хлопгья тымъ пыстóлемъ ёгò у брòду, такъ и усѣ йѹ репгьяхáми.... Щò тутъ ё людѣй, усѹ потишáютця, регòчутця.... ти спòрять та крычáть, дивчáта писнѹ спивáють та крычáть, музыка рѣже що ё дѹху..... Чѹдо, якъ вѣсело! Дали брáтъ продáсть сестрѹ за скылки тамъ червóнцывъ, а вонò-то усѣ ё шагы, и пѹстыть молодгòго сѣстры былá молодгòи.

Тутъ стáнуть даровáтысь. Дружкы пересмихáють писенькáми подáрки молодгòго, а свашкы зъ свитылкою видсмихáють тежъ такымы писенькáми. Дáли усѣ йдѣ по закóну и выйдуть зъ хáты на двѹрь танцѣвáты.

Усѣ, усѣ, такы невпустылы ничгòго, усѣ зпóлнылы по закóну; и молодѹ увòзылы у двѹрь до молодгòго черезъ вогòнь. Нехáй йнши и смѹютця! Не видъ нáсь вонò стáлося, а ще диды и прáдиды, та такы зпокòнъ вѹку люды такъ и женылыся, и женютця. Смѹятця нѹчого. Закóнъ.

Отъ вже на дрѹгый день гáрно булò, якъ пѹшплы молодгòи вже по селѹ. Йдѹть собѹ пáрочкою, мовъ голубъ зъ голѹбкою, и йдѹть, якъ пáвы пливѹть. Молодá, якъ вже стáла молодыцею, такъ вже у очѹнку; самá румгьяна, якъ ё садовá рóжа, йдѣтъ и очыци понѹрыла..... а що крáснои квѹткы, прыкòлотои на прáвимъ бòци очѹпка, якъ звѹсткы, що вонá непостыдѹла свогò рòду... такъ-такъ и хóче, щобъ усѹ бáчылы. А молодгòй, веселѣнькый, що достáвъ свогò, йдѣ важно, и землѹ пидъ собѹю нечѹе. Дружкò та пиддрѹжый, покòнчывшы свое важне дѹло и за тѣ перевгязани рушныкáми и лѣнтамы,

йдуть и вѣсело собі розмышляють, що ище треба имъ робыты. Свашкы тѣж думаютъ, дѣ и якъ бы-то имъ ище погуляты. Терѣшкова жінка, дякуючы Костеву, що усѣ жыла непокинута мужыкомъ, такъ дякуючы ёго за се, и билишъ усѣхъ рада щастыю Костеву, а черезъ тѣ по-передъ усѣхъ пидгулявши, тутъ-же була у почѣти и веселыла усѣхъ и танцями, и усякымы выхылясами. Музыка тутъ-же рывала Дербѣнтскый маршъ. Якъ ще пры Царю Петру, якъ добулы наші Дербѣнта-города, такъ тогди ище бувъ сей маршъ, и тогди якыйсь-то полковый музыкантъ та навчивъ тутъ одного скрышныка гратъ сюю штѣву; а видъ нѣго одынъ по одному перенималы ажъ до насъ. Та мѣже дѣ-що и не такъ, бо давно діялось, а тилки гарна штѣва зъ нѣго! Такъ усѣхъ и тягне танцѣваты та скаваты; якъ почуешъ ёго, то нѣ, вже не всидышъ и не встоишъ, якъ заграють ёго. Та чогѣ! Хлѣпци, такъ тѣ, ирѣды, усюды бѣгають за весильямы, щобъ хочъ здалеку потанцѣваты пидъ такѣ бѣйку музыку! Вонѣ тутъ и у скѣкы, и у бѣкы, и у усѣки прысядки, и черезъ голову, и на головѣ, и колесомъ качаютьця, и на рукахъ ходють.... Ну вже огнепалы!....

Отъ такѣ весилья удралы за Костемъ и Марфушено! Цилю недѣлю гулялы!....

Майоръ прохавъ, а панѣ по ёго жаланню и зробылы: выстроили Костеву свитлыци, якъ самъ захотѣвъ; далы й землі, и робѣтныкы по смертъ. Жывъ нашъ Кость паномъ и Захарія до себе перевѣвъ, залысавъ ёго у купци и що-то ёму дѣбре було жыты у рѣскоши и у щастыти! Часто було сыдыты, дѣржучы за руки, зъ одного бѣку Костя, а зъ другого Меласю, та й каже: «Чы думавъ-же я, якъ бравъ васъ зъ пѣсткы, що черезъ васъ и видъ васъ бѣде менѣ такѣ щастытя?»

— Такъ, тату!—сказавъ ёму Кость, цилуючы ёго у руку: «Богъ завсегдѣ посыла своѣ мѣлость тѣмъ, хто мѣлуе диточѣкъ».

XIV.

ШЫРА ЛЮБОВЪ.

*Елисаветъ Николаевнѣ
Смирнитской*

*отъ шырой любви
посвящаетъ
Основьяненко.*

ЩЫРА ЛЮБОВЪ *).

Що то е любовь? Багато про неї и пышуть у книжкахъ и розказують, та бачытця менї, що усє щось нетаькъ. Потураты хлопцямъ, молодымъ парубкамъ, що вони розказують и про яку вони любовь кажутъ! От-такъ, абы-бъ-тылки! Поговорывъ зъ дывчиною, вже й каже, що полюбывъ, а частисинько незна, яке у дывчины сердце, яка душа! А тогѡ незна, що безъ сєго немѡжно никѡго любыты. Колы-бъ-же-то поговорывъ, такъ-бы ще туды-сюды; а то тылки забачывъ, що на нїй скиндячкы красывенькы, запасочка шовкова и сама уся чепурненька; що прыглядилася изъ усїхъ, отъ вже, каже, и полюбывъ, и вбываетця за нею..... А якъ щє въ неї на шыи намыста разкывъ дєсять, та хрестывъ тры-чотыри, такъ туть вже зовсымъ вмира!..... На друкыи денъ побачывъ него красывишу, а тылки йншу, вже впгьятъ сю любыты, а про учорашню и незгадуе! Чы сє-жъ любовь?

Иншыи, та нїгде правды дїты, такы прѡмо скажѹ, и йнша, слѹхаючы, що у вїчи єгѡ, або їи, похваляють: «яка гарна дывчына!—яка мотѡрна, чепурна!» або: «якый красывый парень!—якый штѡпный, бѡйкый!»—отъ, сєрденько заграло, и здастыця вже, що крїпко полюбыла тогѡ, що хвалыть. А се вїнъ, або она, не когѡ любыты, якъ себє, и дѹма, що от-сє правду такъ у вїчи и кажутъ. Такъ сє вже не любовь, а дѡка, що менє похваляють, та що вєсело менї про те слѹхаты. От-же дѡлеби, що сє не любовь, а такъ, йграшкы, вїтеръ! Вїтромъ навѡяло, вїтромъ и выжене.

*) На собственноручной рукописи автора помѣтка цензора: „С.-Петербургъ, 14-го февраля 1839 года“.

Переводъ этой повѣсти помѣщенъ въ „Современникъ“ 1839, т. XVI. Помѣтка цензора: С.-Петербургъ, 25-го сентября 1839. Подлинникъ напечатанъ небыль.

Та чы ма́ло въ людѣй черезъ що́ зовѣтця «любо́вь»? Въ ныхъ люббо́вь и черезъ ка́рыи о́чи, черезъ до́вгу ко́су, черезъ румя́ныи що́кы, черезъ га́рну пла́хту, черезъ вышывани рука́ва, черезъ та́нцы, черезъ проворство.... та я́-жь кажю́, що́ и черезъ намы́сто, и черезъ уся́ку худбо́у, усѣ́ въ ныхъ «любо́вь»! И та́мъ, ка́жуть, любо́вь, де́ йи и ни капелы́нны не́ма.

Послу́хайте мене́; я такы́ поживѣ́ на свити, ба́чывъ дѣ́чого чымало́ на своѣму́ вику́, а що́—йи чува́въ видѣ́ стары́кыи; ба́чывъ и до́бро, и ху́до, розберу́ по-трѣ́ху, де́ чо́рне, де́ бѣ́ле; ба́чывъ я, жы́вучы́ стылкы́ на свити, уся́кыи люббо́вы и якы́й зъ ныхъ то́вкы́ бува́: такъ о́тъ що́ то е́ «щы́ра люббо́вь».

Щы́ра люббо́вь непрыгла́даецця, чы́ ка́ри, чы́ чо́рни о́чи; чы́ зъ го́рбыкомъ ны́сь, чы́ бѣ́ла шы́я, чы́ до́вга ко́са: йи́ до се́го́ о́вси ну́жды ма́ло. Ча́сто бува́, що́ оды́нъ о́дного недуже́ йи розгя́дили, немо́вылы́ проме́жь собо́ю ни словѣ́чка, незна́ють, хто́ е́ и видкы́ля; а вже́ оды́нъ о́дного зна́, оды́нъ о́дного хочѣ́ дѣ́, то пизна́, оды́нъ на о́дного ды́вытця, оды́нъ безъ о́дного скуча́, и якъ бы мо́глы́ обде́, кы́нулы́ся-бы оды́нъ до о́дного, зчепы́лы́ся рученя́тами, та́ йи нерозлуча́лы́ся-бъ по ви́кы́.

О́тъ, якъ та́къ одна́ ду́ша́ дру́гу знайшла́, що́ якъ се́стры собо́и ридне́нны; якъ се́рце зъ се́рцемъ здру́жылось: то́ вже́ имъ и немо́жно на́ризно жы́ты, трѣ́ба имъ зойты́ся, трѣ́ба имъ о́дно о́дному́ втихо́у и пора́дою бѣ́ты. Такы́ недѣ́во́го бѣ́дуть до́жыда́ты: скѣ́ро зйидутця́, мо́въ да́внышны прыя́тели, бѣ́цимъ-то́ булы́ колы́сь у́ кѣ́пи, розризны́лысь, а те́перъ зно́въ зйишлы́сь. Ста́нуть проме́жь се́бе розго́ворюваты: дѣ́мка въ ныхъ о́дна, рѣ́чи знако́ми, обде́ однаковы́сьню́кы обѣ́ усимъ розмы́шля́ють, обде́ обѣ́ усимъ о́днаково зна́ють, о́дного хочѣ́ть, о́дне́ любля́ть, о́дного нехѣ́чуть, о́дного пу́раютця́.

Такъ бува́ межѣ́ людмы́; усѣ́ на́ривно, чы́ воны́ чо́лови́кы, чы́ чо́лови́къ зъ дѣ́вкою, чы́ жинкы́ проме́жь се́бе. Тутѣ́ тѣ́лкы ду́ши се́бе зна́ють, а до́ прѣ́чого дѣ́ла не́ма. Абы́-бъ тѣ́лкы воны́ у́ двѣ́хъ, то́ имъ ни до́ чо́го дѣ́ла не́ма: имъ и скрызъ хма́ры со́нце сѣ́, имъ и пидѣ́ дощѣ́мъ су́хо, на морѣ́зи те́пло, у́ пусты́ни вѣ́село. Мо́вча́ть, а оды́нъ о́дного дѣ́мку зна́; о́дному́ го́ре, дру́гый то́чнисьню́кы та́къ-же стра́жда; о́дному́ вѣ́село, дру́гый усѣ́ свое́ лы́хо забѣ́въ. О́дному́ трѣ́ба ны́-точку, ви́нь радѣ́ усю́ худбо́у видда́ты; оды́нъ захѣ́че що́ до́ста́ты, дру́гый турбу́етця́, ничѣ́го нежа́ліе, усѣ́ кы́да, абы́-бъ

ёго удоволыты. Одному прыхдытця слызку пустыты, другый усю крѡвь свою радъ виддаты, щобъ обороныты ёго отъ тогдъ; одного прытисняють, зобыждають, другый за нёго хочъ на мѹку, хочъ на смёрть готѡвь. Колы одному зъ ныхъ прыхдытця постраждаты, дѡ вику у биди жыты; другый, недумаючы дѡвго, самъ йдѡ у бидѹ, абы другому булѡ дѡбре: «постраждаю, каже, и невѣтерплю, вмиру? дарма! когѡ люблю, защыщѹ видѡ биды, збавлю видѡ гѡря».

Отъ сама щыра любѡвь, хочъ межъ нами, чоловѣкамы, хочъ межъ живѡчимъ рѡдомъ. Немѡ могѡ ничѡго, усѡ прыятелеве. Не для сѡбе живу, для прыятеля, якъ и винъ для мѡне.

А якъ така любѡвь та нарѡдытця межъ парубкомъ и дѣвкою, и вѡзмутця вѡны межъ собѡю, такъ ѡтъ благодѡтъ Господня! Жывѹтъ якъ у раѡ; нетылки свѡрки и лѡйки межъ нѣмы немѡ, та й дѹмки прѡтивной ѡднѡ прѡтивъ другѡго незнѡ; ѡднѡ другому дѡвытця у вѣчи, якъ бы вгѡдыты, якъ бы розвеселыты....

Колы-жъ полюбывшыся межъ собѡю парень зъ дѣвкою та бѡчутъ, щѡ имъ зѡвсѣмъ немѡжно побрѡтысь, а хочъ побѡрутця, такъ другѡе черезъ нѡго бѹде страждаты, бидѹ терпыты; такъ винъ лѹчче на усѡке гѡре самъ пидѡ, самъ по-вѣкъ щѡстытя незнатеме, зайде далѡко видѡ другѡго, щобъ прѡ нѡго и нечѹте булѡ, абы-бъ ёгѡ другѡви небулѡ лѡха, абы-бъ видѡ нѡго видвернѹты бидѹ....

Вѣ вже, знѡю, скажете: «такъ, Грыцьку, се межъ чоловѣкамы, такъ такъ; а межъ парнемъ и дѣвкою зѡвсѣмъ нетѡкъ. Имъ абы-бъ тѣлки у кѹпи жыты, то вѡны недумають ни ѡбъ лѡкѣй бидѣ. На усѡ пидуть, абы-бъ имъ нерозлучѡтыся; хочъ по вѣкъ гѡре терпыты, абы-бъ у кѹпи....

Такъ, та нетѡкъ зна сѡмая щырая любѡвь. У нѣи немѡ своѡи вѡли, свогѡ хотѣнья, свогѡ щѡстытя. Вѡнѡ живѡтъ для другѡго....

Та ѡтъ, усѡгѡ лѹчче, я вамъ розкажѹ сѡму йстынну прѡвду, щѡ не далѡко булѡ, а у нашѡму Харькови. Прѡвда, не тепѡрычкы; незнѡю, чы вѡдытця де тепѡрь щыра любѡвь? а въ старѡвынѹ се дѣлося; ё ще, мабутъ, старѣ лѹды, щѡ недадѹтъ менѣ збрѡхѡты.

Хѡрѡшый гѡродъ Харьковъ: велѣкый, весѡлый; щѡ церкѡвъ Бѡжыхъ, щѡ пѡнскихъ хѡрѡмивъ, щѡ казенныхъ до-

ми́въ: якъ ё палáты; шкóлы уся́ки, и для панычѣвъ, и для ра́ды панночóкъ; свято́го влады́ки хорóмы, по́шта, потю́рёмный за́мокъ.... ба́течки! якы́хъ-то доми́въ у нѣму нема́! хоро́ши та вель́ки, та усѣ му́рòвани, та верхы́ зелѣною краскою розмалѣвани.... Або дзвини́ця середь гóрода щó ка́же? Колы́ хочешъ вѣрхъ ѿ побáчыты, то першъ насунь кри́пше ша́пку, та тогди́ и задыра́й вже гóлову, шука́й, де вздры́шь вѣрхъ зъ святы́мъ хрестóмъ; та ѿ то гляды́, щó хочъ ша́пка и незлеты́ть, такъ сáмъ потóчышся чѣрезъ спы́ну.... така́-то вы́сока дзвини́ця наша́! А ски́лки-жъ у Ха́рькови ву́лиць, такъ ба́течку ми́й! Дóвги та прями́, та ё и мо́щени: хочъ у сáму у вель́ку грязь, нестра́шно, незавя́знешъ, хочъ якы́ поганѣньки во́лыки бóдуть. Такъ оттакы́й-то нашъ гóродъ. Я-жъ кажú, щó якъ-бы уста́въ хто-нѣ-будь зъ диди́въ нашихъ, щó гóдивъ симдеся́тъ, якъ успокойсѣ, то и непизна́въ-бы, щó вонó ё такé: нерозибра́въ-бы, де гóродъ самы́й, а де слóбоды, щó геть за гóродомъ булы́, якъ óсь: Мы́тривка, Ганчарѣвка, Пана́сѣвка и уся́ки прóчи. Винъ-бы здывова́вся, якъ-бы побáчывъ, щó ти́и слóбоды стáлы у самы́мъ гóроди. Пры́ нѣму отъ-тó тѣлкы́ и гóрода бу́ло, де собóръ, а протѣвъ собóру живъ панъ полкóвныкъ, де тепѣрь суды́ та палáты. Лáвокъ чы́ бу́ло зъ деся́токъ деревя́ныхъ, такъ и дóбре; а щó-налуччы́й купецъ́ бу́въ Мóренко. И чо́гò-то у лáвци у нѣго́ небу́ло! Бу́въ товáръ уся́кый купецькы́й, щó и для пани́въ и ихъ жинóкъ; бу́ло дѣ-чо́го и для прóстого наро́ду. На усю́ гóбу бу́въ купецъ́. За лáвками́ зара́зь ба́шта Деркачѣвська; а де тепѣрь сапо́жный ря́дъ, бу́ла ба́шта Протопо́пська; а трѣтя́ ба́шта та́мъ бу́ла, де спуска́емося тепѣрь, ѿдучы́ до Нетѣчи. Отъ́ и увѣсь гóродъ, а скрѣзь — дѣ хуторѣ́ць, двори́въ ски́лки и цѣ́ркава, отъ́ якъ на Подóли ¹⁾, за Ха́рьковомъ, за Лóпанью. Тамъ́ за Лóпанью, зара́зь за рѣ́чкою, де тепѣрь хорóши и вель́ки хорóмы, тамъ́ булы́ озѣра, очеретóмъ порослы́; а геть дáльшъ стоя́лы тогди́ паньскы́ буды́нки, вель́ки та хорóши, на красú тогди́ усимъ булы́. То булы́ буды́нки пана́ Дúнина... Гай-гай! Щó у тимъ́ дóми жы́ла за прáведная́ душá, пани́ Дúнинова! Старосвѣ́тцька пани́! Якъ ѿ́ недáвъ Богъ́ диточóкъ, такъ вонá кохáлася у чужы́хъ; та у якы́хъ? Самы́хъ бидни́шихъ сы́риточокъ́ набѣре́, де про-

¹⁾ Въ переводѣ: на Подолѣ у Тройцы.

чѹе, та якъ мѹты рѹдна за нѹмы вбывѹетця. Доглядѹ ихъ, пѣстѹе, кохѹ, до рѹзуму доведѹ; хлѹпчыкѹвѹ, повыростаѹють, у слѹжбу виддѹсть—глядѹ, щыголя ахвыцѹеромъ; дѹвчѹточокъ за-мижѹ повиддѹе, та усѹе за хорѹшыхъ людѹей. А якъ вми-рѹла, такъ имъ и вѹтчыны свой пооддавѹла.... От-такѹ булѹ она, нехѹй царствѹе! Отъ йѹ-то хорѹмы красѹю булѹ на усѹю За-лѹпань и на увѹсь гѹродъ. Недѹвно ще ихъ розламѹлы. Тамъ тепѹрычкы новѹй базѹрь.

А гетъ тудѹ дѹльше пишлѹ слѹбоды Панѹсивка, Ганча-рѹвка, а дѹли, якъ выстроили Кладбыщѹенську цѹркву Мѹ-трыя, такъ и на кладбыщѹахъ стѹлы лѹды селѹтыся, отъ и Мѹтрѹвка стѹла.

«На Ганчарѹвци пѹршый сѹвѹ», розказовала менѹ старѹ дѹже бабѹся—я булѹ до неѹ захожу розпытѹваты про ста-ровѹнѹ; такъ казѹла, що «пѹршый сѹвѹ якѹйсь-то Кузьмѹ Ганчѹрь; отъ видѹ неѹго, сѹнку,» (такъ менѹ бабѹся розка-зовала) и сталѹ Ганчарѹвка. А у неѹго булѹ тры сѹна жо-натыхъ и тры неѹисткы, та ажѹ чѹтыри дѹчкы. Та що-жѹ-то за дѹвчѹта красѹиви булѹ, такъ и сказѹты немѹжно! Такѹ точ-нѹсенько, якъ намалѹвани. А неѹисткѹ-молодѹщи, дѹ-то-вже винъ ихъ пѹдбирѹвѹ? Такѹ якъ однѹ: чорнѹви, повновѹбѹди якъ квѹточкѹ румѹяни. Видѹ нѹхъ-то, сѹнку, и пишлѹ Ган-чарѹвка, и дѹвчѹта на слѹву красѹиви. Небулѹ ни у самѹму гѹроди, ни по сѹламъ нѹгдѹ, ни межѹ панѹмы, ни межѹ по-пивнѹмы, такѹхъ хорѹшыхъ та красѹивыхъ дѹвчѹтъ, якъ у нѹсь на Ганчарѹвци. Аджѹ-жѹ, колѹ якѹ дѹвкѹ захѹчѹтъ похвалѹты, то и кѹжѹть: Якѹ гѹрна дѹвка! нынѹче зѹ Ган-чарѹвкы».

«Отъ-же и ѹ, сѹнку, и самѹ зѹ Ганчарѹвкы», кѹже булѹ бабѹся, та и стѹне выправлѹтыся и облѹзоватыся, а вже булѹ йѹ такъ мѹбутъ годѹвѹ девѹянѹсто: «и ѹ булѹ ко-лысь дѹвка непослѹдня и по Ганчарѹвци. Тепѹрь тѹлки тѹкъ-щѹсь, чы пѹслѹ лыхѹманкы, чы щѹ; а то и за мнѹю бѹгалы ахвыцѹеры, якъ ще тутъ стояѹвѹ грахѹвѹ Пѹнинъ зѹ вѹйськомъ, якъ Бендѹрь видѹ Тѹрка добувѹлы».

Отъ-же-жѹ-то у ту пѹру, якъ Пѹнинъ стояѹвѹ у Харѹкови, а вѹйсько скрѹзь по сѹламъ, то и у самѹму гѹроди, якъ нѹ-где булѹ салдѹтамъ стояты, такъ усѹе стоялы по квѹтырямъ

*

ахвыцѣры та начáлныкы и велыкы и малѣнькы, а салдаты прыхóдють булò тилки на мўштру²⁾).

Прыйшла весна. Обь Евдокія сòнечко злызало снйгь по гòрбыкамъ, стáло теплѣнько, увѣсь нарòдъ зь гòрода по празныкамъ рушà на Ганчарйвку. И щò-то: сыдїльцы позапирàють лáвки, пысарї зь канцылярїи покýнуть пысáты, шѣвчыкы, крáвчыкы, свѣтныкы, студѣнты зь бýрсы зь своймы спѣкторамы, а чáсомъ и учителї, и ахвыцѣры, и панкы, и настòйщи паны, и молодї, и вже пидтòптани, усї-жь-то лáвою йдúть... куды-жь-то? На Ганчарйвку. А чòгò? Дывытыся. якъ дивчáта тамъ у хрѣщыка грають, крывòго танцá водють. Мòже-бъ де блыжче подывылыся? Адже усюды дивчáта грають, усюды весна. Такъ нї; на Ганчарйвку, прытьмòмъ на Ганчарйвку! Нигдѣ немà такыхъ дивчáтъ красывыхъ, мотòрныхъ, жартовлывыхъ, непышныхъ, якъ на Ганчарйвци. На дрúтыхъ нехотятъ и дывытыся, нехотятъ дрúтыхъ и заньмáты.

От-же и гòродъ ставъ розсѣлюватися, и якогò у нѣму нарòду незавелòся, а усѣ Ганчарйвскы дивчáта невыхòдять зь слáвы; та нїгде прáвды дїты: и тепѣрычкы Ганчарйвка черезъ свойхъ дивчáтъ у велыкїй мòди.

А скїлки тамъ дїалось усякою усячыны! Неодынъ парнїюга зь умá зхòдывъ видъ чòрныхъ бривъ якди-небудь Натáлки! Неодынъ жывчыкъ зкручувався видъ повòду очѣй Мелáшкы! Неодынъ бáтькивъ сынъ и худòбу-бъ свою усю видáвъ, и у батракы пїйшòвъ-бы, абы-бъ ёгò полюбыла Тетяна! Такъ-бо нї: не на такївськихъ напáлы. Пожалуй: воны усї булы веселѣнькы, жартовлывы, прыятельни..... а тилки щò не такъ дýмаешъ зь нѣю обихòдытця, зàразъ видвернýлася, недывытпя, незаньмáй їй, вонá тебе незна. «Черезъ винѣць, кáже, я твой, а колы нетáкъ, то цýрь тобі!»

Я зрись у Хáрькови, бувъ мòлодь, такъ якъ менї знáты Ганчарйвкы!

Нý-те, бóдемо своѣ розкáзоваты.

Хорòши зирочкы на нѣби, та вечѣрня зирочка красывиша надъ усимы. Пòкы вонá ссáе, на нѣи на однý тилки дывыш-

²⁾ Въ переводѣ: вотъ въ ту-то пору, какъ Панинъ стоялъ въ Хáрьковѣ, то въ самомъ городѣ небыло достаточно квартиръ, а только помѣщены были необходимые чиновники, и то не изъ высшихъ: генералы немогли имѣть хорошихъ квартиръ, и Голенящевъ-Кутузовъ, отецъ прогнаннаго изъ Россїи Французòвъ, квартировалъ на Основї, въ домѣ вдовы полковницы Квятки, въ двухъ верстахъ отъ города.

ся, а до другыхъ дѣла нема. Хороши квичоккы по садкамъ: ненаглядышся, ненарадуешся, дывлячысь на ныхъ; а якъ зацвитѣ пѣшна рѣжа, такъ усѣхъ позабуваешъ, усѣ промынешъ, а тилки на ней и дывывся-бъ усѣ и їй одну бажашъ. Такъ у ти пѣры булѣ на Ганчаривци. Хороши, красыви, моторненьки дивчата у хрѣщыка грають, коровѣды вѣдють, та одна межъ нѣмы, якъ червѣна рѣжа межъ макивкамы, якъ вечѣрня зѣрочка межъ усима зиркамы. Чыя-жъ-то така?

Жывѣ на Ганчаривци хазяинъ замѣжный. Булѣ и товару скѣлки тамъ штукъ, булѣ й пѣле, бувъ и лѣсь. Чоловикъ той самъ усѣмъ орудовавъ, державъ батракѣвъ, и якъ до усѣго самъ доглядався и порядкы дававъ, такъ тилки и знавъ, що годъ зъ гѣду усѣ багатѣвъ. Хаты булы зъ двѣма верхамы¹⁾; у серѣдыни хата зъ кимнатою, черезъ сѣны—протѣвна хата. А на дворѣ у нѣго чогѣ-то тамъ небулѣ? И загорѣды для скѣтыны, и хливѣы, и инбары, и комѣры, и вѣходы....²⁾ а щѣ у ныхъ булѣ? Незбрѣхавшы мѣжно сказагы, що у йншого пана и у половѣну небулѣ стѣлки добра, скѣлки булѣ у сѣгѣ чоловика. Ввѣйдѣте-жъ у ѣгѣ хату, такъ тамъ-то хѣроше та прѣхѣроше булѣ! На пѣкути по усѣмъ стѣнамъ—усѣ свѣтыи образы, та усѣ хорѣшой робѣты, усѣ Борѣсивськихъ иконопысьцивъ; велѣки и сѣрдственни. Усѣ образы позаквиччовани булы усѣякымы квичкамы: колы у лѣтечку, то спрѣжнимы, а на зиму, то рѣбленымы зъ шпалѣривъ; а передъ образамы вѣсилы на шѣвковѣнкахъ голубы, зрѣблени тѣ-жъ зъ шпалѣривъ, та щѣ-то за прѣскѣсно булы зрѣблени! Такы настояще якъ жывѣ. Хтѣ-жъ-то ихъ зрѣбѣвъ? Вжѣ-жъ-пакъ не хтѣ, якъ Галѣчка, дочкѣ хазѣйска. Щѣ-то за дѣвка булѣ! Чогѣ-то вона невмѣла: чы шѣты усѣяке дѣло, чы щѣ вышывагы, чы якѣ-нѣбудь дѣло зрѣбѣты, усѣ знала, усѣ знала, и вжѣ якъ щѣ зрѣбѣты, такъ ненѣче золотѣмы рукамы вона зрѣблено.

Олексѣй Таранѣць, на-лыхо собѣ, поховавъ своѣю жѣнку ще зъ мѣлоду, а якъ въ нѣго зѣсталася однѣмъ одна дѣчѣчка-сырѣточка, Галѣчка, такъ вѣнъ, жалкѣуючы свогѣ дѣтыты, ни за-що незхѣтивъ узѣгы дѣругу жѣнку; бо яка-бъ вона дѣбра ни булѣ, а усѣ бѣде не рѣдна маты, а маѣчуха, нѣбѣде видѣ ней сырѣты дѣбра, та ще изъ-за своѣхъ дѣтѣй, хочъ якъ хѣтъ,

¹⁾ Въ переводѣ Съ двумя трубами. *Прим.* Признакъ богатаго мужика.

²⁾ Погребѣ.

а сыроту нехотячы зобыдыть. Якъ-же Галочка була тогди по девьятому годочку, и видно вже було, що дытына буде добра, то винь и прыдумавъ їй виддаты у наученые до черныць, у Хрошевський манастырь. Тамъ-то вона и була до вросту и навчылася тамъ усему доброму. Тб-такы, що знала усє робыты по дивоцству; та вывчылася хроще Бѳгу мольтыся, зъ страхомъ у цѳрки стоѳты, подаваты на бѳдность, бѳтька шановаты, старыкѳвъ почытоваты, и во усякѳмъ звычайною бѳты, и кому якѳй одвить дѳты. Якъ-бы їй воля, прывчылася-бъ и пысьма; такъ тогди-бо незвычайно було, щобъ дѳвка та вмѳла чытѳты: тогди и сама налучча и багатѳша пѳннѳчка невчылася и невмѳла чытѳты, бо їмъ сѳго нетрѳба було. То и Олексѳй, виддѳвши Галочку до черныць, просѳвѳ ихъ, щобъ пысьма непоказовалы, а замѳцъ тѳго, щобъ навчылы, що трѳба дѳвци знѳты. Кѳже було: ¹⁾ «недивѳче дѳло грамоту знѳты. Е їмъ дрѳга робѳта. Абѳ богобоязлѳва була, а тѳ и ѳ їй прочытѳю зъ пысѳныя». Во Олексѳй знѳвъ пысьма.

Такъ тѳлки черезъ тѳ Галочка и невчылася чытѳты. Одрѳче-такы, хочъ крадькомѳ, то у молодыхъ послѳшныць пытѳвшысь, то самѳ прѳслушѳючысь, перенѳлѳ дѳ-що и зумѳла дѳ-якѳ слѳво легѳнько по складѳмъ зложыты, и по верхѳмъ скѳже. Крѳпко розѳмна була: що ни вздрѳты, усѳ перенѳмѳ, и кѳжного, хто у нѳи спытѳетѳця, навчыты и розкѳже. На рѳчѳхъ була собѳ смѳрнѳнька: недѳже було выхѳпытѳця зъ слѳвомъ; колы-жѳ що скѳже, то усѳ до дѳла, усѳ розѳмно та зъ порѳдкомъ.

Олексѳй, бѳтько їй, такъ тѳй крѳпко пысьмѳнный бувъ: за дѳка, хочъ дѳ; такъ зпѳравытѳця. Чѳть-мынѳю мѳвъ своѳю и усѳ було чытѳ ѳй, та ѳ любѳвѳ, заклѳкавшы дѳка, говорѳты зъ нѳмъ зъ пысѳныя; та якъ билшѳ чытѳвѳ, нѳжѳ панѳ дѳкѳ, то ѳ билше знѳвѳ, чѳмъ винѳ. Черезъ сѳ, чѳсто, якъ зѳйдутѳця, та говорѳвшы багѳто, частѳсинѳько и заспѳрѳты; и дѳвго собѳ спѳрѳють: тѳй тудѳ гнѳ, а сѳй сюдѳ. От-же Галочка було, прѳслушѳючыся, до чѳго дѳло їдѳ, и розвѳдыты ихъ, и скѳже тѳкъ по самѳй прѳвдѳ, нетѳгнѳвшы рукѳ за бѳтькомъ. Хочъ тѳй було чѳсто и розсѳрдытѳця, що не по ѳго

¹⁾ Зачеркнуто авторомъ: „Буде пысьменна, то до нѳн зъ грамотныхъ хто такѳе що-небудѳ напише, що ѳ зѳвѳсѳмъ дѳвку зъ ума зведе; або ѳ вона розѳхѳтитѳця до якого, та ѳ напише, та ѳ утопыты своѳю голову“.

дочка говоришь, а описля роздума, та и скаже: «Правда твоё, Галочко! Що-то, якъ-бы хлопцемъ була! Я-бъ тебе дякомъ настановивъ».

— Не мудрость трѣбуеця у дяківстви», каже було кахы-каючы пань дякъ: «но паче потрібна сладкогласная гортань и крипкое знаные устава».

«Та вже-бъ зправылысь за васъ», скаже було Олексій, та й попощуе дяка; то той и прысмырнѣша.

Ненарадуеця було дѣхъ у Олексія, якъ узавъ свою Галочку зъ манастырѣ, дывлячыся на ѳи розумъ, що усякому дѣлу навчѣлася и дѣбре господарѣвала у него у дому. Частѣ-синько дяковавъ собѣ, що неженѣвся у друге: «небуло-бъ такого порядку у господарствѣ, а мѣже-бъ мачуха, яка-бъ ще прыдалась, загрѣзла-бъ бѣдну Галочку, мою Галочку, вѣтху мою, радисть мою и щастѣтя».

Душѣ нечѣвъ Олексій, такъ любѣвъ свою дѣчечку, и обѣ усѣмъ для неѣ вбывався. Хочъ вона ничѣго и небажала для себѣ, такъ бѣтько усѣ ѳѣ поставлявъ! Коженѣсинькѣй рѣзъ, що продѣсть хѣру, що уторгѣе чымъ, зѣразъ ѳѣ и накѣпыгѣ гостѣнцѣвъ, чоѣ тѣлки здѣматы мѣжно, що тѣлки ѣ на-свити лѣччого. Щѣ-то булѣ у неѣ за плахѣты, запаскѣ и усяка одѣ-жа! Вагаѣто було такоѣго, що зъ самоѣго Шлѣнська привѣзено. Намѣста зъ червѣнцѣмы, хрестѣвъ усякѣхъ, дукѣтивъ, ѣдну-сивъ золотѣхъ, бруштѣнѣвъ разкѣмы... та чоѣ у неѣ небуло! Сорѣбочкѣы, хочъ и самѣ тонѣсенько прѣяла, а и у бѣдень другѣи небрѣла, якъ зъ иванѣвського полотнѣ; а на головѣ, замѣсць стрѣчѣкъ або лѣнтѣ, що у Бѣга дѣнь золотѣ сѣтка повѣязана. Такъ ѳѣ бѣтько прыказовавъ, щобъ що-днѣ вбирѣлася. «Я для тебѣ», каже: «ничѣго нежалую; нежалуй-же и тѣ ничѣго. Спасѣѣби Бѣгу: що прыдѣбалѣ, неперенѣсышь тоѣго за свѣѣй вѣкъ. Однѣ знѣсышь, дѣсяѣть поставлю. Нехѣѣй моѣ дыѣѣна передъ усѣма вѣдна бѣде».

Чѣы трѣ, чѣы чѣтыри скрѣѣни превѣлычѣннѣхъ, усѣ на колѣсахъ, повнѣсинькѣи булѣ усякого добрѣ, опрѣчь подушѣкъ та постѣли, що лежѣло у комбѣри, дождѣдаючы своѣѣ часу.... а часъ усѣ неприяѣдывъ!

Щѣ-то перебувало и старѣстѣвъ по закѣну и такъ лю-дѣй зъ рѣчѣмы, щобъ-то высватѣты Галочку! Щѣ-днѣ було плѣвомъ плывѣть! Ганчарѣвскѣи парубкѣи, бѣачы рѣзъ и дѣ-

а сыроту нехотячы зобыдыть. Якъ-же Галочка була тогди по девьятому годочку, и видно вже було, що дытына буде добрая, то винь и прыдумавъ ий виддаты у наученые до черныць, у Хрошевський манастырь. Тамъ-то вона и була до взросту и навчылася тамъ усему дбброму. Тб-такы, що знала усё робыты по дивоцству; та вывчылася хроше Богу молытыся, зъ страхомъ у цёрквы стояты, подаваты на бидность, батька шановаты, старыкывъ почытоваты, и зо усякымъ звычайною буть, и кому якый одвить даты. Якъ-бы ий воля, привчылася-бъ и пысьма; такъ тогди-бо незвычайно було, щобъ дивка та вмйла чытаты: тогди и сама налучча и багатйша панночка невчылася и невмйла чытаты, бо имъ сёгò нетрёба було. То и Олексй, виддавшы Галочку до черныць, просывь ихъ, щобъ пысьма непоказовалы, а замисць тóго, щобъ навчылы, що трёба дивци знаты. Каже було: ¹⁾ «недивоче дило грамоту знаты. Е имъ друга роббта. Абы богобоязлыва була, а тò и я ий прочытаю зъ пысаныя». Бо Олексй знавь пысьма.

Такъ тйлки черезъ тэ Галочка и невчылася чытаты. Одначе-такы, хочъ крадькомá, то у молодыхъ послушныць пытавшысь, то сама прыслушакуючысь, перенялá дè-що и зумйла дè-якè слóво легенько по складамъ зложыты, и по верхамъ скаже. Крйпко розумна була: що ни вздрыть, усё переньмé, и кóжного, хто у нёи спытаётця, навчыть и розкаже. На ричахъ була соби смирененька: недуже було выхопытця зъ слóвомъ; колы-жъ що скаже, то усё до дйла, усё розумно та зъ порядкомъ.

Олексй, батько ий, такъ той крйпко пысьменный бувъ: за дяка, хочъ дè; такъ зправытця. Четь-мынёю мавъ свою и усё було чытá ий, та й любывъ, заклыкавшы дяка, говорыты зъ нымъ зъ пысаныя; та якъ билшь чытавь, нижъ панъ дякъ, то й билше знавь, чымъ винь. Черезъ сé, чáсто, якъ зйдутця, та говорывшы багато, частисинько и заспóрять; и довго соби спóрють: той туды гне, а сей сюды. От-же Галочка було, прыслушакуючыся, до чòго дило йдè, и розвóдыть ихъ, и скаже такъ по самй правди, нетягнувшы рукы за батькомъ. Хочъ той було чáсто и розсёрдытця, що не по ёгò

¹⁾ Зачеркнуто авторомъ: „Буде пысьменна, то до нея зъ грамотныхъ хто таке шо-небудъ напише, шо й зовсимъ дивку зъ ума зведе; або й вова розохопытця до якого, та й напише, та й утопыть свою голову“.

дочка говоришь, а описля роздума, та и скаже: «Правда твоё, Галочко! Що-то, якъ-бы хлопцемъ була! Я-бъ тебѣ дякомъ настановивъ».

— Не мудрость трѣбуеця у дякивстви», каже було кахы-каючы пань дякъ: «но паче потрібна сладкогласная гортань и крипкое знаные устава».

«Та вже-бъ зправылысь за васъ», скаже було Олексій, та й попѣтчуе дяка; то той и прысмырнѣша.

Ненарадуеця було дѣхъ у Олексія, якъ узявъ свою Галочку зъ манастыря, дывлячыся на йи розумъ, що усякому дилу навчѣлася и добре господарѣвала у него у дому. Часты-синько дяковавъ собѣ, що неженывся у друге: «небуло-бъ такого порядку у господарствѣ, а може-бъ мачуха, яка-бъ ще прыдалась, загрызла-бъ бѣдну Галочку, мою Галочку, втиху мою, радисть мою и щастья».

Души нечѣвъ Олексій, такъ любивъ свою дѣчечку, и объ усимъ для неи вбивався. Хочь вона ничѣго и небажала для себе, такъ бѣтько усѣ йи поставлявъ! Кожинынкѣй разъ, що продасть хѣру, що уторгуе чымъ, заразъ йи и накупыть гостынцывъ, чоѣ тѣлки здѣматы мѣжно, що тѣлки е на-свити луччого. Що-то булы у неи за плахты, запаскы и усяка одѣжа! Багато було такоѣ, що зъ самоѣ Шлѣньска привезено. Намѣста зъ червонцямы, хрестивъ усякыхъ, дукатывъ, ѣдну-сивъ золотыхъ, бруптынивъ разкѣмы... та чоѣ у неи небуло! Сорѣчечкы, хочь и самѣ тонѣсенько прѣла, а и у бѣдень другои небрѣла, якъ зъ иванивського полотнѣ; а на головѣ, замисць стричѣкъ або лѣнтъ, що у Бѣга дѣнь золотѣ сѣтка повѣязана. Такъ йи бѣтько прыказовавъ, щобъ що-дня вбиралася. «Я для тебѣ», каже: «ничѣго нежалую; нежалуй-же и ты ничѣго. Спасѣйби Бѣгу: що прыдбѣлы, неперенѣсышь тоѣ за свѣй вѣкъ. Одно знѣсышь, дѣсять поставлю. Нехай моѣ дытына передъ усима выдѣна бѣде».

Чы тры, чы чотыри скрыни превелычѣнныхъ, усѣ на колѣсахъ, повнысинькы булы усякого добра, опричь подушѣкъ та постѣлы, що лежало у комбри, дожыдаючы своѣо часу.... а часъ усѣ непрыхѣдывъ!

Що-то перебувало и старостывъ по закѣну и такъ людѣй зъ ричѣмы, щобъ-то высвататы Галочку! Що-дня було плавомъ плывѣть! Ганчарывськы парубкы, бѣчачы разъ и дѣ-

сять разівъ, що не тее, перестали и думаты объ Галочци. Та пробували и городянськи, и хуторянськи; и зъ якыхъ-то сѣль небудо? Зъ усихъ мѣсць; та ажъ изъ Водолагы: ажъ туды чутка про Галочку прійшла! видь-усиль засылалы старостивъ. А якы люды булы хороби! Вже небудемо казаты про свѣтныкивъ, ни про шевцивъ; тымъ будо Галочка тѣлки всмихнѣтця та губонькою пидморгне, то тѣлки почухають у потылицы, та й пидуть неоглядаючысь. Така честь була и хлиборобамъ, хочъ-бы и одынъ сынъ у бѣтка бувъ; недуже вона на сѣ дывылася. Сикалыся и мищане, и кушци; залыцялыся и попобычи, такъ и попадѣю нехотыла бѣты. Та щото: найизжалы и такы, що опричь усѣго и усякого добра, малы свой выннычкы и горилку добре збувалы; такъ и тымъ Галочка будо подякуе за ихъ працю, та й скаже любязненько: «Що-жъ мѣни, люды чесны, робыты, колы ваши женыхы мѣни не по натурѣ?»

Бѣтко тѣлки будо и зна, що зострича та провоня людеѣ; и видь него бувъ усимъ одынъ одвитъ: «Якъ дочка захоче. Я неприневоблюю ни за кого, положывся на неѣ». Бо и справды такъ будо: винъ иѣ сказавъ ще попереу: «за кого, дню, пожалашъ, той мѣ зѣть бѣде; хочъ за самого биднишого, абы тобѣ любязный. Хвалыты Бѣга, худобы и усякого добра бѣде у тебе стѣлки, що и на-десять выкивъ бѣде, абы жылось. Выбѣрай сама, хто тобѣ по серцю, и скажы мѣни: чы прѣдетця тебѣ на-сторону виддаты, чы у прѣмы когѣ узаты, мѣни усѣ однаковѣсинько; я усюды за тобѣю пидѣ».

Отъ-тымъ-то Галочка и неѣшла ни за кого, що ще не-трапывся иѣ нихто зъ парубкивъ, щобъ по серцю бувъ: дожыдала свогѣ. А дожыдаючы недуже журылася, бо знала, що сякъ-такъ, а бѣде такыѣ, що вона ѣго пособерѣ. А тымъ часомъ гуляла зъ подружкамы, якъ птычка у ѣри; була веселенька, якъ дѣнь у май мѣсяци; жартовлыва, якъ витерѣць у садкѣ межъ квиточкамы; прыязныва до усякого, якъ красна весна; звывайна противъ усякого, якъ панянка, а роботача якъ бджилка, и якъ та робыла усѣ медокъ, такъ и у Галочкы усяка робѣта була до дѣла и до добра. Черезъ увѣсь тыж-дѣнь, по бѣднямъ, нихто иѣ непобачыть ни гдѣ и ни зъ кымъ, хочъ зъ дивчатамы, чы зъ молодыцамы: усѣ за робѣтою та по господѣрству, цылыѣ дѣнь рѣкъ непокладѣ. Невѣдно будо иѣ

ни на вўлыци, якъ звычайно дивчатамъ збиратыся та писенекъ спиваты, и на вечерныци николы неходыла; а отъ вже на йгрышахъ, на Купала, весною у короводи, у вѳрона, у хрещыка, тутъ вона рада була граты зъ подругамы. «Бо», каже: «сѳ у дѳнь и пры усйхъ людяхъ. Усй бачуть, щѳ я роблю, якъ граю, и нихтѳ на мене ничѳго невыгадае».

Отъ затымъ-же-то и зходывся увѳсь харькивскый мѳръ зъ пив-дня на Ганчаривку, бо тутъ-вже пѳвно усйкъ надѳявся йй побачыты; опричъ-же тѳго нигде булѳ йй уздриты. И щѳ-то зберѳтця нарѳду на Ганчаривскый вўлыци! Молодй панычй окрѳме собй кўчею такъ и ходять, усѳ щѳбъ такъ статы, щѳ якъ бўде Галочка крывѳго танцй весты, такъ щѳбъ прийшла мымо йхъ: хочъ-бы имъ подывытыся на Галочку, и тѳ зъ ныхъ. Купцй позабувалы свой лавкы и замисць тѳго, щѳбъ розщытоваты, якй, на чымъ и скйлки барышывъ узаты, знай дывлютця на Галочку и розщытуютъ, якъ-бы такъ, щѳбъ и вона любѳнько та веселѳнько глянула. А тамъ прыказни, щѳ охѳчи самы грѳшыкы лупыты, а тутѳчка вони-бъ щѳ-небудъ далы, щѳ хочъ-бы постѳяты быля Галочки. А вже про шѳвчыкивь, про крѳвчыкивь и про усйке парубѳцтво, вже и сказаты ничѳго: стоять побдалъ, та тйлки облызуютця. Та не тѳ щѳ: и рыторысты, и хвылѳзѳхвы гурбѳю прычвѳндяють зъ своимы спѳекторамы, щѳ ходють вже у довгопѳлыхъ халатахъ и вже зъ заплѳтеною косѳю, щѳ стоить та тйлки плямка, поглядяючы на такў дивку, якъ ѳ Галочка.... О! щѳ-бъ-то робывъ! И хочѳтця-то ѳмў и зачѳпыты йй, та й несмѳе, и сорѳмытця, та й навчѳтъ другѳго край себе и скаже: «Домине Кутѳевскый! якъ бўде Галочка бйгты мымо мене, то вы пхнитъ менѳ на неи, бўцимъ я нехѳтя йй занявъ». Такъ щѳ-жъ-бо: домине Кутѳевскый пхнѳ, домине Пузанѳвскый потѳчытця, зачѳпыть Галочку, а та швыдѳнько видскѳчыть, якъ мўха видлетыть, то дѳмине—плюхѳнтусъ у грязѳнтусъ и закаляя своѳю пыкѳнтусъ (се-бъ-то по латынскѳму, якъ вони, морѳчучы людѳй, говорють). Непоженыхався ни трѳхы, а смихў зъ себе нарѳбывъ. А щѳбъ васъ зъ школярѳмы! Вони ничѳго до путь-тѳя недоведуть.

Та колы правду сказаты, такъ скйлки тамъ ни булѳ усйкого нарѳду, такъ нихтѳ-жъ непожывывся ничымъ видъ Галочки: хочъ-бы хто зъ купцывъ, зъ мищѳнъ, зъ усйкыхъ па-

нычывъ, та хочъ-бы и зъ самыхъ ахвыцѣривъ, що й самы по собѣ бойки: ты ёму слово, а винъ дѣсять видриже. Ще тилки що вѣйде Галочка зъ свого двора, озырнула очыцями усѣхъ, що зібралыся тутъ, вже вона й зна, якъ мимо ихъ пробѣгты, щобъ и подывытыся на неи кому не досталося. Тилки добига до якои кучи, де вже зна, що на неи пылнѣшь усѣхъ дывлютця, тутъ вона очыци опустыть у зѣмлю,— а шд за оченята булы! якъ ё самый спѣлый тѣрень-ягодка, та такъ скрызъ и бѣгають, ажъ сѣяють; и ни пѣвъ-бы и ни йвѣ-бы ничѣго, усѣ-бъ у ныхъ дывѣвся, бо дывлячыся у ныхъ, такъ гѣрно, такъ вѣсело, що нетилки розказаты немѣжно, та и нетѣмышъ самъ себѣ зъ якои-то радосты. Такъ вона-бо заразы и напустыть свой чѣрныи дѣвгыи ви, и скрызъ нѣхъ очыци. мовъ зирочкы скрызъ серпанокъ, такъ и блестятъ. И тѣ румѣяна, а тѣ ще почервонѣе, якъ звычайно чѣснѣй дѣвчыни, шанѣючы тобѣ, передъ кымъ стоить, або зъ кымъ говорыть; такъ така гѣрна, така красыва, що й розказаты немѣжно. Колы бачывъ хто, якъ часомъ бува зимѣю зорѣ погорыть, та червонѣе, що ажъ на снѣгу виддаѣ, оттакѣ стане и Галочка; и тилки добига до такогѣ, що вже зна, що хочъ словомъ ѣй зачѣпыть, якъ разъ тутъ и видвернула, чѣго-небудъ пѣдругу зпытаты бѣцимъ-то. А тутъ тѣ-жъ бѣда! Хочъ непобачышь ѣй красывенького лыцѣ, такъ побачышь билѣсенку шыю, що видъ бѣрхатокъ, що ѣднусы почѣплени, ще красывѣше виддаѣ.... такъ-бѣ и кынувся цѣловаты такѣ чѣпурнѣ шыю!

Зачѣпы-жъ ѣй хто словомъ, зпытѣй обѣ чимъ-небудъ; заразъ зырк! зъ пѣдъ своихъ вѣѣкъ, вже ѣ дагадалася, зъ якою дѣумкою пытѣють ѣй, вже такыи и одвѣтъ дастъ. Колы чѣснѣный, поважный чѣловѣкъ ѣй пытѣ обѣ дѣли, вона заразы уклѣнытця и скаже, що трѣба, та тыхѣнко, та прѣятнѣнко, мовъ чѣжычокъ проспѣва, та звычайнѣнко, та такъ розѣумно, що ѣншыи и пысьмѣнный такъ незконпонѣе. Нѣхай же зъ дурнѣю дѣумкою хто ѣй зпытѣ хочъ обѣ чимъ-небудъ; такъ тутъ вона глѣне на нѣго, мовъ та корѣлѣвна, та некажучы ничѣго, тилки гѣубонку пѣднѣавшы, нѣбы усмихнѣтця; то той, що пытѣавъ, и остѣвся якъ опѣченѣый, почервонѣе стыдѣ рады якъ рѣкъ, и, позычѣючы у сѣрка очѣй, стане хѣватыся за людѣй, щобъ вже ѣго и небѣчылы.

Такѣ-то була Галочка Таранцѣвна, на слѣву нетилки Ганчарѣвци, та и усѣму Хѣркову красѣ. Чѣтка обѣ нѣй да-

лёко ішла; а що писэнь на нёй поскладáлы, такъ усюды вонь прійшлы: усё-то про Галочку Таранцівну, якá-то вона хорóша, якá розумна и звычайна. Зпытáйте на Ганчарівци; тамъ ще тямлять, якъ розказовалы про нёй диды и батькы нашы, и якá їй выпала планэта.

И вжé їй булò такъ, що гòдивъ зъ двáдцять, та мòже зъ сòтню пороздавáла гарбузівъ женихámъ, що зъ усїхъ мїсць до нёй зыйизжáлыся; а и дòсе невыбрала соби ни одного парня; та прыйшòвъ же и їй чась....

Галоччынъ бáтько, Олексій, якъ дивчáта и ёгò дочкá грають на вўлыци и уся Ганчарівка зберётця дывытыся на ныхъ и на тыхъ, що ажъ зъ гóрода попрыхòдылы дывытыся; то и винъ булò вйде, сáде на колòди зъ кымъ изъ прыятельв, та й розговóрюють объ чимъ-тамъ прыйдетця.

Разъ сыдивъ винъ соби тамъ на колòди и дё-объ-чимъ задумався, ажъ зыркъ: ахвыцёръ їдэ, їдэ, та прýмо до нёго, повернўся та й сивъ рýдомъ зъ Олексїемъ, близэнько видъ нёго. Олексій, якъ трéба, зáразъ зкóчыть, поклонўся ахвыцёру звычайно, та й хотивъ дáльше видйты, бо непрыхòдылося мужыкóви ривнйтыся зъ ёгò благорòдыемъ.

А ахвыцёръ ёгò за руку сїпъ! та й кáже прòсто, по нашому: «Куды-ты, чоловйче дóбрый, устаэшъ? Сыды».

— Та ни,— поклонўвшыся впýть, сказавъ Олексій. Вже намъ неподóба противъ васъ ривнйтыся; мы й постóемо.

«Оттáкъ-же! Такъ сé я тебé зогнáвъ? Нехóчу сéгò, нехóчу. Сидáй-же, здйлай мýлость, а то я устану и пидў соби. Чогò-туть царамóнытыся? Хыбá не усé рóвно? И ты чоловйкъ и я чоловйкъ. Усé мы Бòже создáные.

— Якъ се мòжно? Вы-такы—вáше благорòдые, а я....

«Усё однаковисинько. Я ахвыцёръ передъ салдáтáмы, на мўштри; а ты мени ривный и стáръ прòтивъ мéне. Сидáй-же, сидáй». Та сéе кáжучы и усё прытягуючы Олексїя до сéбе, сылкўючыся, такы посадывъ ёгò, пры всїхъ, на тй-же колòди, и вже близэнько край сéбе, и почáвъ зъ Олексїемъ любязно розговóрюваты.

Зпёршу Олексій зопынáвся, несмйлко булò ёмў зъ такымъ лыцёмъ прòсто розговóрюваты, а дали-дáли, бáчачы, що ахвыцёръ—душá препрòста, и хочъ мóлодъ чоловйкъ, та

розумни слова говорыть, осмыльвса и ставь мовь зь своимь ривнымь про усё говорыты. Ахвыцёръ ёгò розпытуе, а Олексій розказуе: де жывётъ, чымь промышляе, и про усячыну тамь говорылы ажъ геть-геть.

Олексій такъ уподобавь ахвыцёра, такъ уподобавь, що тилки-бъ и слухавь ёгò розумныи рэчи; и якъ ахвыцёръ уставь, щобъ йты до дому, бо народъ почавь розиходытыся, то Олексій ажъ незтёрпывь, та сказаьв: «Будьте ласкави, ваше благородые, прыходьте сюды и у тую недилю. Я щось вась дуже полюбывь и усё-бъ вась слухавь. Пожалуйте прыходьте....»

— Прыйдү, дбрый чоловйче, непременно прыйдү. Бачь, увесь городъ зходытця дывытыся на вашу Галочку; такъ и я туды-жъ йдү, хочъ ще и нерозглядывь вашои Галочки, якъ трэба.

Олексій усмихнүвса и некаже, щò-то е Галочка. А ахвыцёръ одходючы ще сказаьв: «Будь-же, чоловйче, на симь-же мйсьци и на сйй колòди сыды, щобъ я тебе заразъ знайшовь. Менй зь тобю весело булò. Прощай-же».

— Йдйть здорòвы, ваше благородые! — поклонывшыся Олексй сказаьв и, дòвго ще дывлячысь за ахвыцёромь, усё думавь: «Щò-то за розумна дытына! Мòлодь чоловйкь, та якый прыятный! Я-бъ зь нымь по вйкь жывь». И зь тымь пййшовь до дому.

Незабарёмь прыйшла и Галочка, та чы роздзяглася, чы нй, чы попрыбирала своё усё, чы нй, а вже и пытаетця:

«Щò-то за пань зь вами, пан-òтче, сыдывь?»

— То такый пань, дòню, що благодать Господня! Я и небачывь никòго простйшого, якъ вйнь. Негòрдый; такы самь, своймы рукамы узывь та й посадывь менё край себе. Та що за преумныи розговòры говорывь! По вйкь тогò незабуду. Обищався и у тую недилю выйты до мене; каже, що ёму зо мною бұцимь-то весело булò.

Здаетця такъ, що Галочка, почувшы, що сей ахвыцёръ у ту недилю выйде, нынàче трòшечкы почервонйла, такъ, на одну годыночку, а дали и каже: «Мабуть, що десь що розумне говорывь, бо на насъ и недывывся, и хочъ я двйчи провòдыла дывчатъ у крывòго танця край самыхъ васъ, та вйнь и незырнүвь ни разу».

— Ёму не до васъ було. Винъ мені у ту пору розказовавъ, що, каже, не сонечко ходыть, а земля кругомъ ёго обиходыть.

«Бачъ-що!» сказала Галочка, дывуючысь.

— Э! чы тилки винъ премудросты и розказовавъ? Колы-бъ ты послухала ёго.

Галочка—хто їй зна, чы вона утомылася, граючы зъ дивчатамы, чы що, а щось нетака веселенька була увесь вечеръ, якъ завсегдѣ. Усѣ билшъ мовчала. А якъ лягла собі спѣты, то здыхнула и подумала собі: «Чому се паны красывиши видъ прѣстого народу?....»

Якъ сѣ було колѣ Теплого Олексія, такъ у ранци дуже гарно було: на двѣри сонечко ссѣло, зогривало увесь мѣръ, берѣзы почыналы розпуковатыся, травонька зеленѣла, и вже и прѣлискы у садку Олексіевому процвѣталы.... такъ було хѣроше, такъ хѣроше, що ажъ дѣхъ радовався. Галочка устала веселенька, румяная; красывиша и она здавалася; управшы що трѣба було, сидѣючы за робѣту, перелѣчыла скѣлки дѣнь зосталося до тѣй недѣли?.... Мабуць за тѣмъ, чы вѣспе докѣнчыты своѣю робѣту.... одначе личывшы, якъ сказала: «субѣтонька, а тамъ и недѣ...» та вгѣять щось-то зарумянылася трѣшкы, та нѣбы усмихнулася, махнула рѣчкою и сѣла швѣдче за робѣту.

«Тѣточку-голѣбчыку!» сказала Галочка, якъ увѣйшовъ бѣтько, управывшы батракѣвъ: «сѣ мені на вдывовѣжу! якъ такы мѣжно, щобъ сонечко стоѣло, а щобъ земля ходыла? Сѣ, мабуць, пѣнськы вѣгадкы?»

— Нѣ, дѣню, зовсѣмъ не вѣгадкы; вонѣ такъ и ѣ. Отъ якъ мені учѣра ахвыцѣрѣ розказовавъ....

Тѣтъ Галочци щось веселенько стѣло на сѣрденьку.... Мабуць вона зрадовалася, що почѣе, що и якъ у Бѣжому свѣти рѣбытца?.... Мѣже.

Бѣтько їй багѣто розказовавъ, що винъ чѣвъ видѣ ахвыцѣра и закинчѣвъ, що розумнѣшого чоловѣка ще и небѣчывъ. А Галочка ёму у видвѣть тѣлки и промѣвыла: «Эгѣ!» а то усѣ слѣхала пылно и усѣке слѣво запырмытыла, и жалковѣла, що нѣкому їй розказѣты тогѣ усѣгѣ, шо ахвыцѣрѣ казѣвъ бѣтькови.

У сэреду Галочка здыхну́ла, та й подумала: «Якъ-то ся неділя довго ійдэ! скільки вже днівъ, а ще й дѣсе середа! до неділи ще....»

И вп'я́ть вона закраснілася....

У субѣту увійшо́въ Олексій у хату швиденько, та й каже: «Зна́ешъ, Галю, що́ я надума́въ? ахвыце́ръ зовсімъ не пы́шний и ѓвси негѣрдый. Заклычу ёго до насъ полудноваты завтра». Галочка такъ и зторопіла. Дума — и незна́ що сказа́ты.

Ба́тько вп'я́ть їй зпыта́въ: «Чы дѣбре та́къ, чы я́къ дума́ешъ?»

— Та вѣно́-бъ-то, пожа́луй, дѣбре», лѣдѣе промѣвила Галочка «такъ гляди́тъ тїлки те́, чы піде-жъ винъ до насъ, до прѣстыхъ мужыкївъ?»

«О, я зна́ю, що́ піде», сказа́въ Олексій. «Колы поса́дївъ менѣ край се́бе и каза́въ, що́ мы передъ Бо́гомъ усї рївни; такъ такийъ вже неодцура́етця видъ хлиба-со́лы. Та и що-жъ? Зберї́мося, налагоды́мося; а непрї́йде, якъ хо́че».

— А що́-жъ мы ёму́ налагоды́мо? У насъ па́нського ничѣго нема́, та й незна́емо, що́ для панї́въ трѣба.

«Дурна́ ты, дѣшко! Не усѣ однакову хлибъ-сїль Бо́гъ даѣ, що́ па́ну, що́ уся́кому чоловїку? Чо́го тутъ? Що́ ё, то й подамо́. Мы не паны́, и винъ зна́, що́ въ насъ па́нського ничѣго нема́! Та и ѓвъ тїмъ нетурбу́йся. Я поста́чу усѣ. Ты і́йдї со́бї на вѣлыцю гра́ты, а я поклычу Дома́ху: та була́ у па́на на́нмычкою, та зна́ дѣ, що́, якъ звары́ты. А ты́ не турбу́йся ни ѓвъ чїмъ».

Якъ-же-таки́ Галѣщи, бѣдучы хазя́йци, та нетурбовá-тысь? Робѣту свою́ захова́ла, ка́жучи: «вже те́перъ ні къ чо́му почи́наты квиткы́ вышывáты, вже субѣтонька. Я лѣчче наро́блю квиткївъ зъ шпалѣ́ръ, та заквичча́ю святїи́ образы́; онъ и гѣлубы́ вже старѣ́ньки, трѣба новѣ́нькихъ зрѣбы́ты; та и пї́чь, ба́ць якъ поколупáлася!....

Отъ и поклы́кала зара́з на́нмычку и звелїла усю́ ту глы́ну на печї́, що́ поколупáлася, зтѣрты, та ново́ю позамá-зоваты скрізь. Бо пї́чь була́ зъ зелѣ́ныхъ водола́жськихъ ка́хливъ, та на спáнхъ червѣ́ною глы́ною позамáзовано, такъ-такъ хо́роше було́, що́ не то́ що!....

На́нмычка пї́чь пѣра; батра́къ доливку землѣю ривнѣ́, де повыбывáлося; а Галочка вѣя́же квитѣ́чки, та якї́ вміла.

якй знала, самыхъ гярныхъ наробыла и голубивъ новенькихъ попрывшовала.... а самá усё турбуетця думкою: «колы-бъ-же гярной рыбки прыдбалы! Хтó-то въ ныхъ бúde куповаты? Щó то, якъ-бы менй воля: я самá пишла-бъ на мисто, та й купыла-бъ, якди самá знала.... щобъ нестыдно будò».

Отъ у недёлю, чы пообídaлы мерщй, чы нй, заразь Гáлочка пидмелà велыку хату, повисыла на килдочокъ чыстый рушныкъ, довгый та передовгый, та мýдро усякымы цвитаы вышытый, накурыла ладаномъ крйпко и залёрла хату, щобъ невидыхалося, пòкы.... У кимнати стала вбиратся.... И щó то вырядылася! хóроше та прехóроше! Дорогòго ничòго небрала, такъ, лóчче видъ простёнького; та якъ-же-то на нй усё чепурненько, любёнко, штепненько, якъ на картынци. Чы порá, чы не порá збиратся, вжé вона и выбитла.... Бижыть вóлыцею и землй недоторкаетця, а на душй такъ йй чогòсь-то вёсело, такъ вёсело!.... Добйтла—и дивчатъ нема никогисинько!.... Зыркъ! и на колóди несудыть.... батько ще невыйшовъ. А вже зъ десятокъ халахуривъ вже и швандяють по вóлыци, дожыдають збóру дивчатъ.

Щó-туть Гáлочци робыты? Де йй дйтися? «А що за прелиныви дивчата,» дума собй, надóвшы губенята зъ сёрца, та мотáючы рушнычкóмъ, що узялà пидперезатысь. «Чы вонны сплять, чы щó? Алè и дòсе невыхóдють; а тамъ, гляды, и вёчиръ, а тамъ и пистъ зкинчатця. Колы-жъ мы нагрáемось? Побижу ихъ збираты мерщй».

Кынулася у пёршу хату.... тамъ ще обídaють. Сёрдыця нàша Гáлочка, выговóрюе, поспишà выкыкаты пòдругъ, бо вжé, кáже, нерáно, вже надъ заходы сòнечко, скòро вёчиръ. Кыдаетця по хатамъ по дрóгымъ: тамъ ще и недумалы збиратся, тйлки вбираютця.... Отаманýе нàша Гáлочка надъ дивчатамы, выганяе на пánщыну.... а дивчата регóчутця: щó се, кáжутъ, сталося зъ Гáлочкою? То мы будò зберёмся усй, та дожыдаемо-дожыдаемо, пòкы-то-вонà выйде, а тепёръ по-передъ усйхъ поспишà. Ще тйлки пивднй, а вона вже кáже: вёчиръ хóтко. О бодáй тебè!»

Сякъ-такъ зтягнулыся. Попéреду будò усё починаяють вóрономъ, а тогдй вже зъ писнямы пйдуть; такъ тепёръ Гáлочка кáже: «Нй, давайте у Кострúбонька». Мы розберёмó йй думку: у Кострúбонька якъ грáты, такъ трéба писню гóлосно

выклькаты, а дали, якъ вмере Кострубонько, такъ треба у долобшкы плескаты. Отъ лунá видь писень та видь ляскивь пиде, отъ пивидче и вййде.... батенько; «мені до дрúтыхъ дила нема,» такъ дума Галочка.

Отъ и почалы у Кострубонька. Пишла лунá скризь. Посыпавсь нарбдъ зо усихъ мисць. Бачыть Галочка, граючы у жоны, що вже и батько йй вййшовъ и сивъ на колоды.... якъ збркь!.... ажъ ровсёрдылася: «Чогò той Тымйшь, та сивъ быля могò пан-отця? Чы винъ же вміе зъ нымъ говорыты...?» ажъ ось.... Галочка понурьыла очыци у землю, та вййшла зъ круту, щобъ, знаете, пидтягнуты рушнычòкъ, чы ослабъ, чы щò; а самá зъ бòку усè дывытця, куды ахвыцёръ ййде.... а винъ усè ййде, та до колоды.... отъ и Олексій, и Тымйшь усталы, кланяютця.... от-же Тымйшь и выдййшовъ, спасыби ёму! От-же и посидáлы охвыцёръ зъ Олексіемъ; отъ Галочци и веселйшь стáло, що батькови небуде смúтно, ё-зъ-кымъ розмовляты, ё видь кòго розумныхъ ричей послухаты. Отъ якъ повеселишала, заразь и закомáндовала: «А нúте у хрещыка!»

— Та трывай-бо, Галочко! Закрычалы йй дивчáта: «ще у жоны незогралы, а вона вже у хрещыка».

Отáмань-Галочка неслуха ихъ: розирвала крутъ, попавала усихъ, настановыла грòбивъ.... полетылы дивчáта, мовъ пташечкы.... Эгè! та Галочку и тутъ знáты: не бижыть, а мовъ рыбонька прúдко плыве, и рученятами немотá, а тилки выхыляетця, мовъ той молоденькйй ясенòкъ, що легенькйй вййтерецъ колыше ёгò.... Пйймай же йй? Куды! хыбá мýха тилки за нею злетыть! «Та куды ты, Галочко, усè бижышь?» крычалы на неи ти дивчáта, що грòбамы булы. «Усè до колоды бижыть! хыбá небачышь, якá тамъ калюжа. Дòбре то-бйй, що ты такá легенька, що и перестрыбнешъ черезъ калюжу, а мы невдёржымося, та такъ у неи и шубòвтнемося. Бачъ, якъ позабрёховалыся!»

— Та тó я, дивчáтка, затымъ туды бижу, бо тутъ зъ горы, такъ лèгше.....

Такъ видбрййховалася хытра Галочка, бо óвси туды не зъ горы булò, а трòшкы горбовáто и попереу калюжа. Та йй нужды мáло: вона черезъ ту калюжу, якъ думка, такъ и перелетыть; а йй абы блыжче пидбйгты до колоды: на колоды сыдыть..... батенько йй.... а зъ батенькомъ.... ахвыцёръ.... та

щò то за хорòшыи! Молодёнъкый, чорнявёнъкый, очыци якъ жарь, на выдú румъянёнъкый та бйлыи..... вже вйдно, щò паньского рòду.... Та якъ чёпурно прыбрáвся!... и якъ прыятелно зь моймъ панотцёмъ розговòрюе!... Отъ вже хорòшыи та красывыи! Тепёръ я ёгò лучче розгядыла...» Такъ думала Гялочка, добитуючы усякъ разъ до колоды, и щò ни робыла, якъ ни выпывовала, незырнувь ахвыцёръ ни рáзу ни на неи, ни на дивчáть.

Не до писёнъ-бо и не до йгрыщивъ ёму булò. Винъ на сю пустòту недúже заглядáвся. Ёму и дивчáта байдужё. Винъ собй бувъ такый чоловйкъ, щò колы узявся за якё дйло, такъ вже ни дойсть, ни допёе и ни объ чòму недума билшь, пòкы незкинчá свòго дйла. Тепёръ винъ, побáчывшыся зь своимъ прыятелемъ, зь Олексёмъ, ставъ ёму розкáзоваты про усё, щò дйалося у нáшому царстви: якъ татары булò заполонены усйхъ насъ, якъ кумáновалы надъ нáпымы старшымы и якъ здыралы зь нарòду остáньнй, хто щò мáвь; якъ нáши видбылыся видъ татарвы, и дáли —який царь пйсля якòго воцарявся и якъ царь Пётръ по усймъ усюдамъ давъ порядкы; усё, усё розкáзовавъ зь вельыкою охòтою и недывлячысь ни на щò, щò край ёго дйетця; бо бáчывъ, щò ёгò слúха чоловйкъ розумный, усё понима и хòче ще билшь слúхаты, щòбъ усё знáты. Олексй такъ-бы и невыдйшòвъ видъ нёго и, бáчачы, щò вже нестáкъ рáно, ставъ пылно прохáты ахвыцёра, щòбъ пожáловавъ до нёго хлиба-сòлы одкúшаты.

«Пидú, мйи любезный!» сказавъ охвыцёръ устаючы, «зь вельыкою радйстыю пидú, бо бáчу, щò и ты менё полюбывъ, якъ и я тебё. Тйлки зь уговòромъ пидú: щòбъ ни ты, ни жйнка твой, ни симъя твой, щòбъ невелычáлы менё благорòдыемъ, та щòбъ неутрáчувалысь для мене ничымъ. Щò вы кúшаєте, те и я бóду. Усё Божый дáрь.

— Та чымъ богáти, тымъ и рáди васъ, такòго дòброго и мылого пáна, угостыты. Неположйтъ тйлки гнйву за нáшу простòту. А якъ же намъ и велычáты васъ, колы вы ё вáше благорòдые?

«На щò се благорòдые? Кажú тоби, нетрёба. Ты не салдáть и я не на мúштри; зовйтъ менё прòсто: Семёнъ Ивановычъ». Такъ розговòрюючы и дйшлы до дворá и Олексй увйвъ свòгò гòстя у вельыку хáту.... А Гялочка бйгала-бйгала у хрё-

щыка, зыркѣ до колоды.... нема пан-отця, нема и ахвыцѣра! «Мабуць вже пійшлы до насъ» подумала собѣ, та й прытыхла. И ногы въ неи болять, вже и утомылася, вже и нездужае. «Пиду, каже, до дому».

— Куды ты пйдешь? гукнулы на неи дивчата. «Ще тѣлки розыгрались, а ты вже и втикаы. Даваймо у кривого танця! Веды, Галю. Безъ тебе никто неыведе.

«Якъ собѣ хочете, дивчаточка-голубочки! а зправды кажу, що трѣба до дому. Такъ мени щось.... чы зь очей, чы щѣ....» и пійшла Галочка до дому, та перше тихю ступю, а якъ видійшла далшь видъ дивчатъ, такъ якъ стрила; и незабарылася добиты.

Увишѣдшы у протывну хату, мала прычепурытыся писля бѣганья, такъ бо и рѣкы и ногы трѣсютця, и незна, за що и узятыся.... Сякъ-такъ, ничого робыты, хочетця прійты у кимнату, та послухаты, якъ ахвыцѣрь будѣ зь батькомъ розговорюваты и що розказоватеме, а тутъ щось соромытця, и несме, и бойтця; та схопывши що попало, бѣчимъ трѣба зховаты, та й понесла....

Увишѣдшы у велыку хату, нызенько, звычайненько поклонылася гостеву и тѣлки що хотѣла прійты у кимнату, а батько йи и зопынивъ, пытаючы: «Чы вже ты, Галочко, и вернулася? А чому се такъ рано?»

Галочка, ще кланяючысь, нахынула очкомъ, що ахвыцѣрь щось розказовавъ, а якъ вона ввійшла, такъ винъ, уздрѣвши йи, такъ и замовкъ, и рука до горы пиднятая такъ ёму и зосталася, а самъ такъ-же пылно дывытця на неи, що ныначе зѣйсты йи хоче. Галочка, звычайно, якъ дѣвка, се усѣ пидглядила, та ще й пѣще засоромылася.... Перебѣгла-бъ мерщій у кимнату и заховалася-бы, такъ пан-отець пыта йи объ чымъ-сь; а объ чымъ—вона и нерозслухала. Та вже винъ у друге зпытавъ, а вона, стѣячы передъ нимъ, переминаетця та червонѣ, якъ е калына; а дали вже намырылася, та й сказала:

«Та незнаю... дѣщъ розигнавъ... тамъ дивчата... тѣе-то... поихалы....

— Дѣбре, колы пры такѣмъ сонечку та васъ дѣщъ розигнавъ. Йидь-же и тѣ, куды хочъ.» Такъ сказавъ Олексій усмихаючысь, бачачы, що Галочка и рѣчи незнайде, що ска-

заты. Невспівъ батько сѣгò сказаты, а Галочка вже, якъ таъ мѹха, улетѣла у кимнату.

«Сѣ моя дочка, Семѣне Ивановычъ! ставъ казаты Олексій. Неположитъ на неи гниву, що вона такъ обрябила пры васъ, и незумѣла одвѣту даты». Галочка прытулыла свое ўшко, та й недыше, щобъ дослѹхатця, що ахвыцѣръ про неи скаже.

А Семѣнь Ивановычъ дывѹючысь и пытаѣтця: «Такъ Галочка твой дочка?»

— Моя, Семѣне Ивановычъ.

«Нѹ, тепѣрь бачу, що тебе Госпòдь благословѣвъ дятя-тею. Я чѹвъ про неи багато чогò хорòшого; ѣй крѣпко усюды похваляють. Бачывъ разѣвъ зò-два на ѣгрыщахъ, красѣва показалася менѣ; а тепѣрь, якъ побачывъ блѣжче, такъ вона, мѣры нема, якá красѣва. А що найбилшь у неи, óчи. По óчамъ, Олексію, мòжно знаты, якá у чоловика душá. Истынно, ты щастлывыѣ батько, маючы такѹ дочкѹ дòбру, розѹмну, та ще ѣ красѣву. Я зъ рòду небачывъ такòи красѣвой».

Яковò-то булò Галочци, сѣе усѣ слѹхаючы?

— Сѣ, Семѣне Ивановычу, що вы менѣ, по ласци своѣй, полюбылы, сказавъ Олексій, такъ вже и дочкѹ выхваляете.

«Ни, Олексію, истынно такъ. И выпѣть такы скажѹ, що ты щастлывыѣ батько». Тутъ Олексій ставъ клѣкаты дочкѹ.... такъ куды-жъ! якъ ѣй булò выѣты? Не сто разъ вона чѹла, якъ ѣй и у вѣчи казалы, що вона дѹже красѣва, такъ тò ѣй и дармá булò. А тепѣрь, де-бъ вона дѣлася, чѹючы, що ахвыцѣръ ѣй похвалá; а тутъ батько клѣче; трѣба ѣгò послѹхаты, выѣты.... а якъ выѣты? якъ глѣнуты на ахвыцѣра, колы винъ по óчамъ усю дѹшу зна?... Скризь зѣмлю пѣйшла-бъ!

Якъ невыхòдыть Галочка, а Олексій нелюбывъ, щобъ ѣгò неслѹхалы, пѣйшовъ самъ за нею и ставъ ѣй уговòрюваты, щобъ несорòмылася, та выѣшла, бо трѣба полѹднуваты лáгодыты.

«Дòбре-жъ, таточку, выѣду, выѣду. Тѣлки нехáй ахвыцѣръ ничòго менѣ непытá, пòкы я нероздывлѹся».

Олексій увѣйшовъ до ахвыцѣра, моргонѹвъ ѣмѹ, усмихнѹлысь обѣдва — и стáлы свое розговòрюваты. Збиралася, збиралася Галочка и якъ увѣйшла, забѹвшысь, выпѣть поклонѣлася и Семѣнь

*

Ива́новичъ вже и незна́мавъ їй, а тїлки якъ куды ійдэ черезъ хату, або прыбіра́ що, то очей зъ неі непустыть, и що розказовавъ Олексіеві, забўде, замовчыть; а колы Олексій що розказуе, то винъ и нечуе ничо́го.

Агу́, огляділась трёшки и Га́лочка, мотаючысь тутъ передь нїмы; їй вже нетакъ мло́сно. Прыбіра́-прыбіра́, та прыслу́хаючысь до ахвыце́ровыхъ ричей, и ста́не, и дослу́ха усé. Уже й такъ, якъ винъ неба́чыть їй, вона́ розгляда́ ё́го... якъ же на ту пору́ гляне винъ на неі. такъ де-бъ вона́ ділася?... Се й не́разъ такъ лучало́ся, а усé їй на не́го хо́четця дывытысь, а ёму́ на неі. Сёрце сёрцю ста́ло вже вїсть подава́ты.

Подалы стра́ву, ста́лы вже полўдноваты. Га́лочка пра́етця, и прыся́де, и слўха, що́ вони́ зъ пы́санныя розговору́ють. Яко́сь-то Семёнъ Ива́новичъ осмілы́вся, та объ чимъ то и зпыта́въ Га́лочку.... Го́споды! трохы́ лóжки невпусты́ла! И незта́мылася, де́ вона́ сыды́ты; а да́ли, ничо́го робы́ты, од-вїть дала́. Такъ у дру́ге, у третё... вже Га́лочка огляділа́-ся, вже смїлыво гово́рыть и, ба́чачы, що́ ахвыце́рь че́стна и до́бра ду́ша, и що́ у не́го на дўмци́ ничо́го нема́ пога́ного, ста́ла смїлыва; пїсля́ полўдня, упра́вшыся зовсімъ, си́ла бы́ла сво́го пан-отця́ и ста́ла слўхаты, объ́ чимъ ахвыце́рь розказуе. А винъ про усé розказуе, чо́го Олексій и незна́въ: якъ у свїти пово́дытця, де́ яки́ зёмлі́ ё́ и що́ для чо́го на свїти ё́; объ́ усїмъ гово́рывъ и усé зна́въ, бо крї́пко розу́мный бу́въ. Олексій зна́й ё́го розпы́туе, то про се́, то про те́. Уже и Га́лочка осмілы́лась и сама́ де́ объ́ чимъ розпы́туе, и вже переста́ла ё́го велыча́ты «ва́ше благо́родые», а вже зоветь, якъ винъ звелї́въ: Семёнъ Ива́новичъ.

Отъ такъ розговору́ючы, просї́дїлы и довге́нько. Ще́-бъ непусты́лы сво́го Семёна Ива́новича, такъ одно́ те́, що́ не́ра-но, а дру́ге, що́ дўже да́леко ё́му ійты́. ажъ у го́родъ: че-резъ садкы́, степко́мъ и черезъ гребелькы́. То́гда такъ бу́ло: де́ го́родъ, а де́ Ганча́рївка. Крї́пко да́леко. Олексій, попро́щавшыся зъ Семёномъ Ива́новичемъ, прово́дывъ ё́го ажъ ге́ты; а Га́лочка, якъ си́да кінці́ стола́, якъ пидпе́рла свою́ голо́вку бы́лоу ру́чечкоу, якъ задўмалася...

«Чи чу́ешъ, Га́лочко?» крї́кнувъ пан-оте́ць.

— Охъ!— та зко́чыла зъ ла́вки, та й незна́, що́ каза́ты.

«Що се зь тобою сталося, дню? Увійшоў я у хату, нечүешь; трычы клыкнүвь, насылу розчүмалася. Чы задри-мала, чы що?»

— Такъ такы.... що.... тршкы....

«Утомылася, сердешна! Одно те, що набыгалася, а тутъ поралася. Иды-жь, лягай спаты. Богъ зь тобою». Перехрестывь й и пишовь.

Сыдыла-жь наша Галочка, сыдыла! Дүмала-жь вона та дүмала. А що дүмала? хто й зна! Тылки и промывыла: «А що-жь зь сего буде?» та й зплакнүла, перехрестылася и лягла вже, такъ до пивночи дохдыло.

Смутна сила за роботу наша Галочка, смутна и обидала, чы-то-пакъ не обидала, а тылки сыдыла за столемъ такъ. Олексій дывовався и пытавь й, чомъ вона ничого нейистъ и чому така смутна?

«Такъ, таточку! щось чы голова.... нй; мени усё нүдно та тшно», сказала Галочка, та й здыхнүла ваьжо.

— Чы не набыгала ты, нехай Богъ мылуе, лыхоманкы?

«Набыгала лыхоманку, що и по вйкъ незбүду», подүмала Галочка, а Олексій помовчавшы и сказавь: «Обищайся у недиленьку у Күряжь зходыты».

— А то-жь таточку! колы-бъ швыдче недиленька прыйшла.

От-тогб-то наша Галочка така й смутна була, що недиленька далёко: ажъ черезъ шисть день. У недиленьку ахвыцерь обищавсь прыйты до ныхъ.... Колы-жь-то-се буде?.... Колы дождепся тйи недиленькы, а тутъ такъ, що черезъ сылу хожу... та собй дүмала Галочка, перемываючы ложкы пшля обидь, якъ ось—рыпъ у двери и хто-жь-то? Семень Ивановыч!... Галочка усё зь рукъ такъ и повпускала...

«Сердся-несердся на мене, Олексію Петровычу», сказавь Семень Ивановыч, увишедшы у хату и поклонывшыся попереу старому, а тамъ и Галочци, «а я до тебе прыйшоў и сегодня. Якъ хочъ: мени безъ тебе скүшно. Я люблю зь тобою беседоваты. Якъ управся зь службою своею, заразь и потягъ до тебе. Скажы мени по истынній правди: чы не мшяю тоби у чимъ? Може ты свое робывъ? Я у друге урёмья прыйду».

— Та щò се вы говорыте, Семёне Ива́новичу? сказа́въ Олексій. «Я-бъ вамъ не то́ що, я-бъ усё передъ ва́шимъ здо́ровьямъ такъ бы и стоя́въ, и усё-бъ слуха́въ, щò вы намъ до́брого розка́зуете. Зна́ете що, колы́ такъ: якъ вамъ ё урёмъя, та колы́ тилки захóчете, такъ пря́мо и ййди́ть до насъ. И двёри и ду́ша моя́ для васъ видчы́нени по уся́къ ча́сь. Вы́ мени ни у чимъ непоми́ша́ете. Я зъ ра́нку поря́докъ да́мъ батрака́мъ, та и па́нъ на увёсь де́нь. И вжé мени худóба то-го́ неда́сть, що вы́ мени розка́жете, або прочыта́вши розтол-кúете, по ла́спи ва́шйй. Прыхóдьте-жъ, хочъ по уся́къ де́нь. Чи такъ, Га́лю?»

«Ей-же такъ!» сказа́ла Га́лочка, слуха́ючы такы́ ба́т-ковы рёчи, що йй здава́лысь такъ, нына́че хто на гу́слы йй гра́е. «Та́къ, пан-отченъку! И мени́ весели́шь бу́де на ду́шй, колы́ ва́мъ вёсело́ бу́де зъ Семёномъ Ива́новичемъ!»

— Такъ мо́же тоби́, Га́лочко, смúтно бу́де, що ты сама́ соби́ сыды́тешъ? зпыта́въ Семёнъ Ива́новичъ, пы́лно пры-гляда́ючысь йй у оцены́та.

«И то́ вже!» сказа́ла Га́лочка, опу́скаючы очи-зиркы́ свой у зёмлю. «Бу́цимъ я сама́ соби́ сыды́тешу? Ад-же ба́-тенько менé невидженé, колы́ и я́ тутъ бу́ду зъ своимъ дй́ломъ? тутъ такы́ робы́тешу своё, а тутъ слуха́тешу, объ чому́ бу́дете розговóрюваты, або щò чыта́тешете. Я, хочъ и чыта́ють, а де́-що второ́паю».

Такъ и положи́лыся, щобъ Семёнъ Ива́новичъ, колы́ тилки захóче, щобъ и прыхóдывъ.

Та й зачасты́въ-же! Щò въ Бо́га де́нь, поки́нчá своё дй́ло, зпра́вить що трéба, та неогляда́ючысь — на Ганчары́вку, ба́чыте, до Олексія... бйльшъ ничóго; ёму́ бу́димъ-то тилки ёго́ и трéба. Тутъ вони́ сыды́ть, розговóрюють, чыта́ють. Олексій розпы́туе, якъ що труднé та непоня́тне для нёго́ у Чети-Мынён; Семёнъ Ива́новичъ товкúе, та такъ чы́сто, що нына́че у ро́тъ кладе́; а Га́лочка такъ и слуха́: забúде и робóту, устро́мыть го́лку у полотно́, та й невы́бдыть йй, рúчку опу́стыла, го-ло́вку пидня́ла, а очы́ци якъ я́сочки, такъ и невхóдють зъ Семёна Ива́новича.... такъ-то щы́ро слуха!

Слу́ха!.... Ко́лы-бъ-же хто, та опися́ почавъ-бы йй розпы́товаты: що такé розка́зовавъ Семёнъ Ива́новичъ? то, ко-лы́-бъ тилки по пра́вды, вона́-бъ и сказа́ла, що хочъ и пры-

слухалася до усякого слова, та невторопала ничого; бо усё прыглядалася, якъ винь гарно гаворыць, та губонькамы, що червони, якъ та калына, поворочуе, и зъ-за нихъ, та зубонькы мелькають, билесеньки та ривнесеньки, якъ ё одынь; якито румыяни щокы, якй узесеньки чорни ёго бровы, якъ на шнурочку; а очыци якй-жъ-то! «Винь казавъ, що черезъ бчи мѡжно бачыты дѡшу у чоловѡка. Такъ и ё, що правда. Якъ зырнѡ на мѡне, то я й бачу, якѡ вѡ него душѡ дѡбра, якѡй винь жалостлывыѡ до усякъ; та такъ мени ёго жалко стане.... та черезъ тѡ ничѡго и нерозслухала, обѡ чимъ винь розказовавъ».

Сѡго Гѡлочка никѡму неговорыла, а тѡлки дѡмала собѡ, якъ булѡ провѡдыть Семѡна Иваныча обѡ пѡанѡму вѡчери; та лѡже на свѡемѡ лѡжку, щѡбъ-то спѡты, такъ йй и неспѡтця; усѡ-то сыжкѡтця згадѡты, що чытѡвъ або розказовавъ Семѡнъ Иванычъ, такъ-бо незгадѡ ничѡго.... «Нехѡй же зѡвтра, небѡду на него дѡже пылно прыглядѡтыся, а усѡ бѡду слухаты». Такъ скаже булѡ Гѡлочка зѡ вѡчера, а у дѡнь, прѡйшѡвъ Семѡнъ Иванычъ, почѡвъ гаворыты.... забѡла напѡ Гѡлочка слухаты, знаѡ роуглядѡ ёго и доглядѡетця, чѡго учѡбра недѡбачыла, що «онъ ямѡчкы на щѡкахъ ёго, що такъ бы и дывѡлася на нихъ; онъ ручѡнѡта невелычкы та билѡенькы, мѡвъ у пѡннѡчкы, та якъ заговѡрытця, якъ обѡпретця рукѡю обѡ гѡлову, та пѡльцѡмы перебирѡ свѡѡ волѡсься, чѡрне якъ смѡль, та мѡякѡеньке якъ шѡвкъ....»

От-такъ и по усякѡ дѡнь Гѡлочка що-небудѡ знаѡде у Семѡна Иваныча, чѡго пѡрѡшь нерозглядѡла: то гѡлѡсь прыятный, то якъ задѡмѡетця чѡго,— а вже щѡсь частѡнькѡ ставъ задѡмоватыся— такъ такъ ёго жалко: усѡ-бѡ на него и дывѡвся! А якъ пѡде по хѡти, такъ щѡ-то за стрѡйный! у станѡ, що двѡмѡ пѡядмѡ мѡжно ёго обѡнѡты, мѡвъ перелѡмленный, такъ и выхыляетця!

Семѡнъ Иванычъ прынѡсывъ и свѡѡ кныжкы, та щѡ-то за прѡрозѡмни! Про усѡ, про усѡ тамъ пысѡно булѡ. Олексѡй, бо винъ одынь ихъ и слухавъ, ненѡрадѡетця булѡ. И розказовавъ багѡ дѡ-чѡго розѡмного. И про сѡбе розказовавъ, що винъ е помѡщкы; що у него вѡтчѡна ажѡ былѡ Прылѡкѡивъ. укѡпи зѡ брѡтомъ, билѡшь чымъ сто дѡшь; бѡтька и мѡтери немѡ, пѡмерлы; брѡть господарѡе, а винъ слѡ-

жыть у вѣйску. Зъ братамъ жывуть, якъ законъ велѣть, любязно и согласно; братъ ему усѣ выстача, чоґо тѣлки трѣба, и що винъ самъ собѣ вѣднѣй козакъ, «щѣ, каже, хѣчу, те и роблю, ни хтѣ менѣ ни у чимъ несѣлуе и непоборѣныть ни у чимъ, бо я самъ панъ надъ собѣю. Служу у вѣйску, пѣкы трѣба. Колы стане замырѣные, пиду ув-отставку, та й оже....» тутъ щось и замѣвкъ; та зскѣчывъ зъ лавкы, ходѣвъ, ходѣвъ по хати, усѣ думавъ щось собѣ довгѣнъко.... дали зхопывъ шапку и ставъ збиратѣсь до дому, а щѣ-то й не порѣ була: винъ булѣ завсегдѣ просѣжуе до пизнѣго вѣчера, а тутъ ще тѣлки сонечко геть-геть зпустѣлося.

Олексѣй кѣнувсь, щѣбъ еґѣ прохѣты, щѣбъ щѣ посѣдивъ, бо ще рѣно, такъ нѣ: прытѣмѣмъ нѣколы, дѣло ѣ, трѣба сѣ-ґѣдня зрѣбыты то сѣ, то тѣ.... и невпросѣлы еґѣ, щѣбъ щѣ посѣдивъ; пѣшовъ собѣ тыхѣю ступѣю, похылывши гѣлову....

Олексѣй ставъ жалковѣты, дѣмаючы, чы не розсѣрдывъ еґѣ чымъ? такъ-бо нѣ: такъ прыѣтелно розговѣрювалы. «Хыбѣ чы не ты, Гѣлочко, чымъ еґѣ розсѣрдывла?»

— Щѣбъ-то я, пан-отченьку? лѣдѣе промѣвыла сердѣшна Гѣлочка, бо слѣзы такъ наляглы ѣй на дѣшу, що й дѣхаты вѣажко булѣ.

«Такъ-бо нѣ!» вѣпяты ставъ розмышлѣты Олексѣй: «ты ему сѣгодня и слѣва несказала. Незнаю, що се такѣ е! нехай чы не прыѣде завтра; розпытаю». И пѣшовъ зъ хаты.

А Гѣлочка якъ подумала: «А якъ непрыѣде?....» Та зъ сымъ слѣвомъ, якъ заплаче!.... Бѣтѣчкы! якъ-то гѣрко плакала до сѣмого вѣчера. А чоґѣ? и самѣ незна. Такѣ дѣмкы постѣглы ѣй, що и непрыдѣма, що ѣй и робѣты: то, дѣма, мѣже винъ занедѣжавъ, нѣкому еґѣ доглянуты, тѣажко ему, мѣже ще дѣ свѣта и вмрѣ!.... Та видѣ такыхъ дѣмогъ ажъ зъ нѣгъ звалѣлася, прылягла на лѣжку, слизонѣкѣмы облываючысь.... Колы-бъ мѣжно, побѣгла-бъ, мѣшкою полѣтила-бъ до нѣго, тѣлки-бъ глѣнула на нѣго, що зъ нымъ робѣтѣця?... колы ничѣго.... то и менѣ-бъ полѣхшало!.... Колы завтра непѣбачу еґѣ, то пѣвно до вѣчера вмру.... Такъ менѣ тѣажко!....»

Невмрѣшъ, Гѣлочко!.... бо ще дѣже зарѣннѣ, якъ ще и непрыхѣдывъ нѣколы такъ рѣно, Семѣнъ Иванѣвичъ вже и ѣйдѣ. Гѣлочка, ще тѣлки устала, та усѣ пѣлно на гѣродъ дывѣлася.... и трѣшки зъ гѣдомъ вздрѣла еґѣ, та ажъ за во-

рота выбигла, и якъ птѣчка веселѣнька, пидплыгуе, щибѣче до нѣго ще здѣлку: «Чы вы невмѣрлы, Семѣне Ивановичу? А булы-жъ недѣжи? Чы чогѣ розсѣрддылыся на насъ? Щѣ мы вамъ заподіялы, що вы насъ учѣра такъ хѣтко покынулы?»

— Ничѣго, Гѣлочко, ничѣго! Дѣло булѣ, билшь ничѣго, казавъ Семѣнь Ивановичъ, веселѣнькій вже, и любязно усѣ говорыть, и нехмѣрытця. Увишѣдшы зъ Гѣлочкою у хѣту, зѣразъ и пытѣ: «Де-жъ Олексій? Я вже увѣсь дѣнь у васъ посыжу».

А вже Гѣлочка и облытуе по усѣмѣ дворѣ, гукаючы: «Тѣту! Тѣточкѣ!... Та йдѣть-же швыдче! Уже прыйшовъ.... прыйшовъ!... ей-же-то-Бѣгу! прыйшовъ!...»

— Хтѣ-тамъ прыйшовъ? обизвавъ Олексій видѣ хлѣва, що залитавъ зъ батраками.

«Та винъ же, пан-ѣтченку, винъ! Винъ и невмиравъ, винъ и недѣжъ небѣвъ; ѣмѣ дѣло булѣ. Сѣгодня увездѣнычкы бѣде въ насъ», казала Гѣлочка, розмѣтуючы рукамы; а сама чы договорыла, чы нѣ, та вже и бижыть мѣрщій у хѣту.

— Та хтѣ?—ще такы гукнувъ на нѣи бѣтько.

«Та Семѣнь Ива....» билшь и нечѣты булѣ, що Гѣлочка казала, бо вже вбигла въ хѣту; вже й тамъ кыдаецця, пѣраецця, прыбирѣе.... и самѣ незна, щѣ вонѣ такѣ.... Нѣбо надѣ нѣю пиднялѣся, сѣнечко никѣлы такъ надѣ нѣю нессѣло; куды ни глѣне, усѣ йй вѣсело, усюды гѣрно, такъ гѣрно, що ажъ слѣзы йй пронылы!... Побыгла у кимнѣту, зплакнула трѣшкы зъ радощивъ; вмылася, втѣрлася, прыбралася и выбигла до гѣстя, веселѣнька якъ птѣшечка.

Впѣять пышло дѣло, якъ и зпѣршу! Эгѣ! та щѣсь не-такъ вже. Пожалуй, прыйде Семѣнь Ивановичъ и веселѣнькій, и розговорлывыый, и дѣ-щѣ жартовлыыве скаже и Гѣлочци; та дѣлы чы розказые, чы стѣне чытѣты, та почнѣ чѣсто поглядѣты на Гѣлочку, та й змишѣецця зовсымъ! Якъ устанѣвыть на нѣи свой карыи ѣчы, дѣвытця, забѣде, що й говорывъ, або й чытѣты перестѣне и бѣде на нѣи дѣвго дывытыся.... и чѣго-то въ ѣчахъ у нѣго непѣбачывъ-бы? Тамъ булѣ усѣ ѣгѣ дѣмка; усѣ, що булѣ у нѣго на душы, усѣ мѣжно булѣ бѣчыты.... Щѣ такѣ? мы бѣдемо знѣты опислѣ; а Олексій недѣжъ въ ѣгѣ ѣчы заглядѣвъ; винъ бы и нерозибравъ ничѣго, хочъ бы и подывывся въ ныхъ; винъ булѣ тѣлки и дывѣтця, чѣгѣ

Семёнъ Ива́новичъ такъ задума́вся? та й собі замовчыть, щобъ немиша́ты ёму́ объ чимъ тамъ думаты.

Одна́ Га́лочка трохи́ чы не зна́ла, що на думци у Се-
ме́на Ива́новича: бо якъ тїлки побачыть, що вінъ почавъ
на неї дывытыся пылно, нетакъ, якъ завжди́ дывытця, во-
на́ вже незырне́ зара́зъ на не́го, а похылыть го́ловку, та гбл-
кою неше́е, а тїлки по робѣти копырса́, а що дума́ соби́?...
такъ побожусь вамъ, що однаковисинька у неї думка́ буда́,
що у Се́ме́на Ива́новича.... Та якъ пу́стытця вона́ у тую
думку, якъ дастъ їй во́лю, такъ їй такъ хо́роше, такъ весе́ло,
що вона́ и нетямыть себѣ, чы вона́ на землі, чы у раю?...
їй здаётця, що вона́, мовъ пта́шечка Бѣжа, літа́ по-пидь не-
беса́мы и щастлы́виша видь усьхъ люде́й; та тутъ и гляне—
на ко́го-жъ їй билшь и глянуть?—гляне на Се́ме́на Ива́но-
выча.... та якымы очы́цями гляне?... що Се́ме́нъ Ива́новичъ
вда́рыть себѣ руко́ю, зату́лыть о́чи, прыпаде́ на стїль, до́вго
такъ полежыть..... пидня́вся..... вы́дно було́, що слезы́нка-
дру́га въ о́чахъ ёго́ блещыть.... обите́рся, уста́въ, походо́ыть
по ха́ти и впыа́ть са́де....

А Га́лочкы вже давно́ тутъ нема́: вже давно́ у кимна́ти...
тя́жко їй ста́не, ду́хъ захва́туе, зпакне́ и по́кы-то—по́кы
зпра́вытця зъ думка́мы, що увї́йде до ны́хъ.

А Олексі́й, той на усѣ дывы́всь по сво́ему. Ба́чачы було́,
що Се́ме́нъ Ива́новичъ такъ стра́жда, пры́нметця ёго́ розпрѣ-
шуваты: «чо́го вы такъ соби́, Се́ме́не Ива́новичу?»

— Та́къ, щось нездо́рово—ска́же було́ вінъ, та́къ, абы́
бъ що-небу́дь сказа́ты.

«Чы невѣ́кушала-бъ, мо́же, полынько́вою? Вона́ крѣ́пко
поле́зна вѣщъ видь усе́го....

О, щобъ тебѣ, па́не Олексі́ю, зъ твоєю полынько́вою!
Ну, та́къ, що прыслу́жывся! Видь усе́го, ка́же, поле́зна. Ты
вже до ста́росты дохо́дышь, такъ позабува́въ есы́, щѣ́ то є́
мо́лодь чоловї́къ. Нетя́жки тво́я полынько́ва, та й нищѣ́ у свити́,
невидведе́ тугы́ видь се́рця, хыба́.... Ох! тутъ и сво́я мо́ло-
дсть зга́дуеця!..... Якдо́го-то ды́ва неробы́лы зо мно́ю и ка́ры
о́чи, и румя́ныи щѣ́кы, и биленьки руче́ныта... Го́ди! нехо́чу
зга́довать; тїлки жа́ль бере́!.... Бѣде́мо своѣ́ розка́зоваты.

Такъ усѣ́ частїшъ, усѣ́ частїшъ дїя́лось межъ Га́лочкою
и Се́ме́номъ Ива́новичемъ. Вже й та́къ тра́плялося, що хочъ

винь и прыйде, то такій-же-то смутный, такій невесёлый, що й слова видь него непочуешь! Сыдыть, мовчыть, часомъ здыхне.... а на Галочку,—незвѣдчы очей дывытця..... и зъ тымъ и пйде.

«Чы не сёрдытця на насъ чоґ Семёнъ Ива́новичъ? Чоґо винь такій чудный ставъ зъ намы? Якъ ты думаешъ, Галочко? пыта бужо часомъ Олексій дочкы.

— Мбже! одвить повагомъ дастъ дочка, абѣ-бъ-то що небудь сказаты; а сама добре знала, видь чоґо винь такій. Та такъ знала, що видгадовала сама собѣ, якый винь прыйде: чы веселёный, чы ще билшь смутнёный? По своѣй души видгадовала и обь нему....

Що день, що день Семёнъ Ива́новичъ бувъ усѣ смутныйшый, якъ ось и овси непрыйшовъ.... Галочка просумовала и на другый день недожыдала ёґо.... нема; нема и на третій.... и на пятый нема.... Галочка сумуе, Галочка плаче.... то роздума и скаже: «Добре винь робыть, що покынувъ до насъ ходыты.... Що зъ тоґо?.... Нехай! Винь прывыкне безъ насъ.... забуде.... усѣ ёму рѣвно: одинаково-жъ я швидко вмру.... нембжу ёґо забуты!.... Хочъ сакъ, хочъ такъ.... Мени трѣба вмираты; нехай винь живе, нехай любуетця у билимъ свѣти!.... Нехай и имъ свѣтъ красуетця, якъ налуччою своєю квітчкою..... Колы-бъ тилки провидавъ, дѣ я лежатеу, та щобъ хочъ раздочкъ навидався до мого грббу.... Земля-бъ стала мени перомъ.... тисна домовына стала-бъ мени за веселую свѣтлыцю; запекшыися уста мой усмихнулыся-бъ до него; замёршыи бченьки мой глянулы-бъ, и скризъ насыпану зѣмлю вадрылы-бъ ёґо; сухая рука мой ищѣ-бъ простяглася до него!... Лучче смёртъ мени прыняты, лучче моѣ дивованьячко, и мою мблодость, и мою дивоу красу заховаты такъ, якъ вона ё, чымъ ждаты, покы я зсбхну, зчэхну, що винь и непожалкуе!.... Смёрте, смёрте! Дѣ ты? Пожалкуй батьяка видь диточокъ, жынку видь мужа, неберы ихъ: имъ хбросе на свѣти жыты, неберы ихъ: озьмы менѣ нещастну, сыроту! Мий батько ще нестаръ, ожѣнытця, дитѣй Богъ дастъ, менѣ забуде, безъ мене прывыкне, небуде журытыся; а мени за чымъ жыты на сѣму свѣти?..... колы винь справды менѣ любыть, якъ я ёґо, такъ ще лучче тутъ мени вмёрты; бо що зъ нашою любови мае буты? Смёрте, смёрте! озьмы менѣ! нежалкуй ни

моєи красы, ни дивованьячка!.... Мату сыра зѣмле! Прыймы менѣ до сѣбе, прыголубь менѣ и непусты менѣ на свѣтъ, де нема менѣ ни щастытячка, ни отрадонькы и ни якои втѣхы!.....»

Такъ булò Галочка по усякò дѣнь тужыть; и щòбò робыла зь нудгы? А Олексій, такъ той прытёмòмь зажурывся! Ни зыйцьтè ничòго до парядку, ни робòтою невтишаецця. У хати скуча, выйде до робòтныкывъ: усѣ, здаецця ёму, усѣ не такъ рòблять. Сёрдытця, грѣма, часомь налаець когò дурный-синько, покыне усѣ, побривь у хату; у хати сумѣе, розгòрне кнѣгу и ничòго непрочыта.

Такъ сумовавшы, у недѣлю гукнувь на Галочку: «Давай, дòчка, швыдце обидаты. Менѣ дѣло е у гòродь.» Негарядьтè пообидавь, подяковавь Бòгу, заразь за шапку и ворчачы самь собѣ: «Я незтёрплю такъ дòвго..... Пропадуть видь нудгы»..... пѣйшòвь зь хаты ажь у самыи гòродь.

Якь осталася Галочка сама, чы попрыбирала де щò, чы нѣ, журба ий узала..... Сѣла кинци столà, зхылыла свою голòвоньку и рукòю пидпёрла, та и задумалася.... Обь чимь-же вона тамь недумала?.... Обь чимь нерозмышляла?.... Чòгò-то незгадовала?.... Тѣлки щò слизочкы зь чòрныхь очей капалы на ий шовкòву запаску....

Нечула и сёрце ий звѣсткы неподалò, щò Семёнъ Ивановычъ увийшòвь у хату, стойть передь нею, дѣвытця..... вона плаче! Винь незтёрпивь, ухапывь ий за руку, та и крѣкнувь:

— Галочко! чòгò се ты плачешь?

Гòсподы! Щò сталòся зь Галочкою? Сама сèбѣ нетямить!.... Зкòчыла, дѣвытця, чы се винь, чы нѣ? И раденька-бь-то, и смѣтця..... а слизонькы, мовь той дòщыкь, щò скривь сòнця ийдѣ, такъ и капотятъ. На сѣлу зхаменулася, на сѣлу у чувство прыйшла, та розглядила, хто се ё противь неи и щò зхопывь ий рúку и прыгорнувь ий до свòгò сёрця, щò такъ и чуте, якь вонò крѣпко колòтытця....

«Се вы, Семёне Ивановычъ?» на сѣлу промовыла словцѣ и стала вызволяты тыхенько свою рúку, б̀уцимь-то, щòбь хусточкою зитёрты лавку. Зитёрла, та и стала ёгò прохаты: «б̀удьте ласкавы, сидайте, пòкы пан-отець вёрнетця зь гòрода. Вонѣ пѣйшли до чоловика за дѣломь».....

— Жалко, що ёго нема! сказаў Семёнъ Ивановычъ. Я й до него, я й до тебе прыйшоў..... Галю! зірочко моё!... Неможно мені безъ тебе пробуты!..... Усё тобi розкажу, якъ я страждаю безъ тебе. Побачышы тебе у перше, мені зда-лося, що я знайшоў якесь собі щастыя. Усё-бъ я на тебе дывыўся, усё-бъ я тебе слухавъ, усё-бъ хотiвъ, щобъ ты менё зывала по мённю, бо нiхтo менё такъ прыятно незовё, якъ ты! Душа у мене зтрепенётця, сэрце забётця и мені стане такъ вёсело, такъ вёсело! Згляну у твой оченята, що от-се напрасно ты рукю закрыла... закрый ихъ, та тiльки слухай. Безъ тебе я не жывъ, а маявся; чы зправлю хочъ трохы своё дiло, бижу до тебе. Была тебе—моё радостъ, моё щастыя, моё втiха! Безъ тебе мені увесь свiтъ невыльгi! Невмiо розказаты, якъ вёсело мені была тебе..... Дали думка така стала прыходыты: Галочка тебе неполюбыть..... Слухай бо, незакрываўся и другою ручечкою. Я тобi якъ розкажу усё, тогдi робы зо мною, що хочешъ. Видъ такiи думкы, я ставъ видвыкаты видъ тебе за тымъ: небуду iй докучаты, небуду ще бiлшъ до неi прывыкаты; перестану бвси ходыты, небуду iй бачыты, швiдче вмру: бо небачышы тебе и неслухаючы твoгo гoлосчка, знаю, що довго непрожыву. Отъ я переставъ до тебе ходыты; усё звавъ смёрть до себе....

— Та и я-жъ iн.... выклыкала.... черезъ велыку сылу, хлыпаючы, прoмoвыла Галочка.

«Якъ се мoжно? Тобi трэба жыты! ажъ зкрыкнуў Семёнъ Ивановычъ и, ухопышы iн руку, ставъ опьятъ казаты: «Ты втiха твоему пац-отцёви, ты красá усёму мыру! Тобi трэба жыты. Нехай я одынь постраждаю! Якъ мoжно мені жыты безъ тебе? На що мені и свiтъ, колы менё нелюбышь!...

«Хто-жъ се вамъ сказаў, що я васъ....» сказала смiливо Галочка, та вже лёдвe-лёдвe договорыла, та тыхёсенько, якъ кропыўьяночка закинчá свою пiсеньку, такъ она закинчала: «.....що я васъ нелюблю?»

— Такъ ты менё, Галочко, любышь? крiкнуў Семёнъ Ивановычъ, нетямлячы самъ себе зъ радосты. И ухопышы iн другу руку, ставъ пылно прыглядатыся iй у оченкы, усё допытуючыся. «Скажы: такъ ты менё любышь?»

Де-бъ дiлася Галочка! Утекты немoжно, вiнь за-рукы крiпко дёржыть. а тутъ ще у вiчи заглядá и пизна усё,

пизна́, що у не́и ё на душі. Що їй робы́ть? Куды́ очы́ци заховáты? Билы́шъ нйкуды́ — прыпáла ёму́ на плечé, и невы́дно ёму́ їй.....

А вынъ усé прбсы́ть та рýкы цилýе, та мблы́ть, щобъ сказа́ла, чы лбубы́ть ёгò хочъ трышечкы?....

Жáлко їй стáло ёгò; а на сёрци їй вéсело! такъ слéзы-жъ такъ и льбóтця и самá невна́ чогò; за хлы́паньямъ лёдвe промóвыла: «Я невна́ю, якъ лбубля́ть.... а ты́лки усé те, що вы розкáзовалы... то такъ... и мені булò безъ вáсь... и я нехоты́ла безъ вáсь жы́ты..... хоты́ла вме.....»

Вже остáньнёго Гáлочка и недоговоры́ла.... Вже Семёнъ Ива́новичъ, нетя́млячы и самъ себé зъ рáдосты, обня́въ їй, прыгорну́въ до сёрця и поцыловáвъ....

«Що зо мно́ю дйетця?....» сказа́ла тыхёсенько Гáлочка, лёжучы на рука́хъ Семёна Ива́новича, що дёржы́ть їй, цилýе-цылýе їй зовсы́мъ нечувствéнну, и стáне дывы́тыся їй въ очы́ци та впы́а́ть цилýе. «Що зо мно́ю дйетця? мені такъ хóроше, що я невзумю́ и розкáзаты. Ще якъ стáла знáты вáсь, то булò якъ задумáюсь-задумáюсь.... то мені тогды́ булò такъ хóроше.... Та нй, тепёръ лóчче. Тепёръ я невна́ю, хтò я, дé я и шб́ я? Я, мовъ пты́чка, выбы́лась зъ хмáрочокъ густёнькыхъ та тёмныхъ, бы́ля яснòго сòнечка лита́ю! Нестра́шно мені, хочъ по увёсь вы́къ гóречко, бйдонька, уся́кее лы́хо; мені усé байдýже! Я мáла тепёръ такý годы́ночку зъ вáмы, що и по-вы́къ незабу́ду сйен рáдосты.... Вы менé лбубы́те..... вы менé цылýете..... вы менé непокы́нете нйкблы?....» Та зъ сы́мъ слб́вомъ обня́ла ёгò рýчечкамы и прыгорну́ла до себe кры́пко и, гы́рко заплакавшы, жáлибно стáла прохáты ёгò: «Непокы́ньте, незабу́дьте менé! Вы мой душá и сёрце, и вты́ха и рáдысть. Невмы́ю якъ бйлы́ше сказа́ты.....»

Багáто-бъ вона́ дé-чого сказа́ла шé, такъ-бо Семёнъ Ива́новичъ недáсть їй слб́ва промóвыты. Цылýе їй у вы́чи, рýкы їй выцылóвуе и усé дáкуе, що й вона́ ёгò такъ лбубы́ть, якъ вынъ їй. «Тепёръ», кáже: «я не сыротá! И для мéне сòнце свйты́ть! У рáдосты вы́къ дожыву́..... Отъ їйдёть пан-отéць; скажý ёму́, бду́ прохáты.....»

— Пидожды́ть, Семёне Ива́новичу! сказа́ла Гáлочка. «Ще не порá пан-отцёви нйчòго говоры́ты. Ще мы непорáдымысь нй-объ-чымъ.... Я ще й тепёръ умá невберу́ усé те розкáзаты,

що у мёне на думци. Нехай ще описля; я ще непрывыкла до свогò щастья.....»

«Якъ знаешъ, такъ и робы!» сказаъв Семёнъ Ива́новичъ. «Якъ скажешъ, такъ и я робытему; бо ничогò незнаю и нехочу ничогò знаты, опрйчь того, що ты менè лóбышь.... що ты мо́я..... по-вйкъ мо́я?.....»

— По-вйкъ твой, сказа́ла Га́лочка и сама́ видъ усёгò сёрця поцйловала ёгò..... а да́ли и розйшлы́ся, бо вже Олексйй дохòдывъ до ворйть.

«Де се вы булы́, мйй мылы́й па́ночку?» зкры́кнувъ зъ радошйвъ Олексйй, увйшедшы у хату и побачывшы Семёна Ива́новича; та ажъ пидбйгъ до нёго, кы́нувся булò ёму́ рўкы цйловаты, такъ той неда́въ, та обня́въ и поцйлова́въ ёгò. «Я по васъ», ка́же Олексйй: «кры́шко скуча́въ та, невте́рпывшы, ходы́въ ажъ до васъ. Такъ мени́ денщы́къ ва́шь сказа́въ, що вы пйшлы́ на Ганчары́вку; такъ я—да́й Бо́же но́гы! мерщйй сюды́. Такъ и ё, що вы вь на́съ. Де се вы булы́?»

— Уся́ки дйла́ лўчылы́ся», сказа́въ Семёнъ Ива́новичъ, «такъ ны́колы булò у васъ бўты, та й са́мъ булò такъ зажуры́вся, що прытьмо́мъ прыйшлòся вмыра́ты». Та сёе ка́жучы, гля́дь на Га́лочку..... А та́ вже зъ ра́зу догада́лася, до чо́го вйнь ка́же, та мерщйй и перехопы́ла:

«А ну́-те, вже непомына́йте про смёрть! На сймъ свйты такъ вёсело, га́рно! А та́мъ щò ще бўде, незна́емо. Бўдемо ту́ть жы́ты у щастья́, у любòвы, ажъ пòкы зовсы́мъ зоста́рёмося».

— Та́къ, Га́лочко, та́къ! сказа́въ Семёнъ Ива́новичъ, нечу́ючы себè зъ радосты́. «Невйдгоня́йте менè видъ себè..... будемо́ жы́ты у любòвы.....»

Га́лочка за́разъ догада́лася, куды вйнь гнё, та й перехопы́ла ёгò рёчи, та за́разъ кы́нулася поштуваты ёгò то сымъ, то тымъ; и обйдаты ла́годытця ёму́ податы и уса́жуе ёгò..... такъ щò-жь-бо: Семёнъ Ива́новичъ, якъ узна́въ добрò, узна́въ щò-то е щастья́ видъ вйрной любòвы, такъ вйнь ничогò и нехòче, и ни обь чо́му и недума́: весёлы́й такы́й, якъ ще ны́колы ёгò и небачылы; говорлы́вы́й за усйхъ..... Га́лочка те́-жь землй́ пидъ собòю нечу́е: бйгае, мотаетця, у бчы ёму́ прыгляда́етця, до ба́тенька кы́даетця; веселёнька, жартовлы́ва.....

И Олексій ажъ радуеця, що вона така весёла; и якъ зпытався Семёна Івановыча, чы буде-жъ вып'яць часто прыходыты? такъ той и загнўвъ, усё наводячы на своё:

«Я, каже, нетылки часто буду до васъ ходыты; та дўмаю зъ вамы и по-вiкъ жыты, колы тiлки прыймете».

Олексій глянувъ на него.... и тiлки що мавъ зпытаты, до чо́го винь се говорыть, такъ Галочка вып'яць-такы перыбыла и недалá, недалá увесьденычкы Семёну Івановычу якё слово объ свойй дўмци сказаыты.

Гарно, лю́бо, весело мынўвся увесь сей дeнь, якъ одынь часочокъ; и невчулыся, якъ и вeчирь настыгъ! трeба розыходытысь.

Прощаючысь, Семeнь Івановычъ сказаъ: «Колы-бъ швыдче моe щастьтя прыйшло, щобъ я и по-вiкъ зъ вамы бувъ!....»

«Що се винь, дню, сказаъ?» пытавъ Олексій Галочки, проводывшы зъ хаты Семёна Івановыча. «Що се винь усё закъда, що якъ-бы ёму по-вiкъ зъ намы жыты. Га?»

— Незнаю, таточку! сказа́ла Галочка, ставывшы на мыснiкъ то мыскы, то талиркы. «Чы не протывъ того хыба, що казаъ.... чы кватeри имъ буду́тъ на Ганчарывци..... чы що; незнаю такы».

«Незнаю и я», сказаъ Олексій, та дывывшыся довго на Галочку, якъ вона вбирала усё, бўцимъ и не вона, дали перехрестывъ iй, здыхнўвъ и, сказаышы: «ты моа дытына», пiшўвъ у свитлыцю спаты.

Не спаты лягла на своeму лiжку на́ша Галочка! Ни, сонъ далeко видъ неи. Узялы iй дўмки та гадкы!.... Тiлки и чу́те iй, якъ ва́жко здыхне..... зплакне..... проговорыть: «Що-жъ зъ сeго буде?....» та вып'яць за дўмки. Дали ажъ гoлосно сказа́ла: «Чогò-жъ я журюся? Вже вiрно и винь такъ дўма? Такъ и зробымо, такъ и жытымемо.... Що-то за гарно буде.... Що-то я щастлыва буду! Ажъ дўхъ въ мене радуеця!... Винь мене любытeме ажъ пoкы я вмру́.... а я вже буду довго-довго жыты; бо у щастьти.... та у вiрний.... любó....ви....» та невчулася, якъ и засну́ла, дўмаючы про своё щастьтя....

Трeба-жъ булò такъ статыся, що въ рáнци прыйшўвъ до Олексiя чоловикъ, зъ котрымъ вони у кўпи купылы лисокъ, такъ трeба булò имъ тамъ порáдокъ даты: якё на сажни у

продáжу, а якé почи́стыты. А якъ Олексій у сѣмѹ вельку сы́лу знавъ, такъ безъ нѣго и немóжно булò. Сякъ-такъ, подѹмавши Олексій и пойихавъ, перехрестѹвши свою Гáлочку и, ничòго їй несказáвши, тѣлки пы́лно їй у вѣчи подывы́вся. Такъ не на такѣвську-бо напáвъ! Тà знáла ёгò дѹмку, та самá собѣ опислá и сказáла: «Нѣ, тáточку! Ты-жъ и сáмъ учòра сказáвъ, що я твой дытына.....»

Незабарѣмъ, вжé Семёнъ Ива́новичъ и тѹтъ. Якъ зѣй-плѣся, такъ бѹдимъ-то цѣлый годъ небачылысь. Намыловáвши собѣ, якъ ё межъ молодымы парубкомъ и дѣвкою, що хотáтъ собѣ побратыся, Семёнъ Ива́новичъ посадывъ Гáлочку былá себе и ставъ казáты: «Небѹду тобі, Гáлю мой мѣла, розказоваты, якé ты менѣ щáстытя дала, полюбывши и менé, якъ я тебе люблю. Колы менé щѣро любышь, такъ душá твой знáе тѣ-жъ щáстытя».

— Знáе, мѣй сокòлыку! Та немá такы́хъ ричѣй, щòбъ ёгò розказáты. Такъ сказáла Гáлочка, прыголѹблючысь до нѣго.

«Такъ, мой зѣрочко! Такъ и я невмію усѣгò розказáты. И якъ я знáю своё сѣрце, то знáю и твоё, що якъ я маю тебе любыты по увесь мѣй вѣкъ, то и ты непокы́нешь менé и незабѹдешь менé никòлы.....»

— Хыбá-жъ я захòчу своєи смѣрты? Бо знáю, що якъ-бы я, не що дрѹге, а тѣлки-бъ подѹмала тебе меншь любыты, то тѹтъ-бы зъ нудгы́ и пропáла! Черезъ те и жывѹ нá-свити, що люблю тебе..... Жыты и тебе любыты, се менѣ однако-висенько. Чы прожывѣ рыбонька безъ водыци? Чы розцветѣ якы́й квитòчокъ безъ рѣсонькы небѣсной? Такъ и я непрожывѹ безъ твоєи любòви. Перестáнешь менé любыты, то я тутъ зарáзь и вмрѹ! а усé-такы и вмираючы такъ-же будѹ любыты, якъ и у сѣй часъ!....

«Колы менé такъ любышь, то..... Гáлю! зрòбы усé для могò щáстытя!.....»

— Щò хòчъ звелы, на край свѣта пошлы... та немá нá-свити такои сѣлы, щòбъ менé вдѣржала видъ любòви до тебе; а затѣмъ, немá тогò и нá-свити, чòгò-бъ я незрòбыла для тебе, видъ щѣрои моєи любòви.....

«Гáлю!» сказáвъ Семёнъ Ива́новичъ, крѣпко їй поцѣловáвши: «поберѣмося собѣ!.... Я немóжу безъ тебе жыты..... Куды-жъ ты устаєшь?....»

Галочка, почувшы се видъ нѣго, пидняла свою голѳовоньку зъ ёго плечѣй, дѣ прыпавшы усѣ лежала, и выпручавшы тыхѣнко видъ нѣго свою рѣку, устала и стала побдаль видъ нѣго.... Гбсподы! блидна язъ стина, рученята зложыла на грудяхъ, тѣжко дѣше и незмѳже слѳва промѳвыты.....

Семѣнь Ивановычъ, здывовавшысь крѣпко, пытá йй: «Галочко! чоѳо се ты?.... Скажы мени, чы надѣятыся на такѣ щáстыя?.... Скажы!» и хотѣвъ булѳ узяты йй зá-руку... такъ вона видступылась щѣ видъ нѣго и, сыжкѣючысь, черезъ велыку сылу промѳвыла:

— Що це..... вы..... вáше..... благородые? та зъ сымъ слѳвомъ мерщѣй ухопылась за стѣль, щѳбъ удѣржатысь, а тѳ зовсымъ-бы впáла: тѣжко-бо йй булѳ видрыкатысь видъ своѳо щáстыя!....

«Галочко!» ажъ крѣкнувъ Семѣнь Ивановычъ, сáмъ себѣ нетѣмлячы: «Чы сѣ мени такъ почѣлось?.... Зъ кѣмъ ты говорышь? Когѳ такъ велычáешъ?»

— Вáсь.

«Чы такъ тобѣ трѣба зо мною говорыты?»

— Такъ. Колы вы сáмы забѣлы, що вы ѣ благородны, такъ прѳста дѣвка, мужычка, нагáдуе вамъ, щѳ вы такѣ ѣ», сказа́ла Галочка вже смилише и ныбы суровѣнко.

«Зъ чоѳо се ты такъ почалá?»

— Вамъ неподѳба тоѳо и дѣматы, що вы от-сѣ мени сказа́лы!

«Та щѳ зъ тобѳю стáлось? Чы се ты, Галочко, такъ говорышь?»

— Я, Галочка, дочкá обывáтеля Олексыя Таранця, нагáдую Семѣну Ивановычу, що вынъ ѣ благородный, пáнь, порѣчыкъ..... Ёму немѳжно сѣгѳ и дѣматы.....

«Такъ-же ты менѣ любышь?..... Такъ-же ты ось тепѣрь завиря́ла?»

— И вми́раючы будѣ тѣ-жъ казáты. Охъ! бачыть Бѳгъ, якъ я крѣпко васъ люблю и любытыму по-выкъ.

«Колы-жъ такъ любышь, чѳмѣ-жъ нехѳчешъ йты за мене?»

— Затѣмъ, що люблю васъ крѣпко; мѣры нема́, якъ люблю, щѣро люблю!

«Колы-жъ любышь, чѳмъ нехѳчешъ своѳо и могѳ щáстыя?»

— Моѣ щáстыя у моѣму сѣрденьку, а пы́лно хѳчу, щѳбъ вы щáстлывы бу́лы, и тѣмъ нехѳчу слѣхаты вáшыхъ рѣчѣй....

«Колы-жь хочешь мого щастья, чомь нехочешь ийти за мене?»

— Щобь незгубиты вась на вѣкъ, незавязаты вамь свѣту..... Семѣне Ивановичу! Я вамь не ривня!.....

«Неговоры ты мени сѣго. Любовьь усѣхъ ривня!.....»

— Мѡже й такъ, пѡкы мы жытымемо одѣнъ для одного; такъ немѡжно-бо сѣго зробиты!.... Обь мойй дѡли, обь моймь щастьи вы непомынайте: я ихъ поховала; а бѣдемo говорѣты про вась. Я незнаю, якъ у свѣти, межь панамы, усѣ прочее вѡдытця, а знаю, що усюды будѣть пытатись про вапу жинку: видкиля вона и хто така ё? Нехай вѣ, люблячы менѣ и незасорѡмытесь сказагы прѣмо: «вона мужычка!» та яковѡ вамь бѣде тогдѣ? Усѣ будуть зъ вась смѣятысь, усѣ осуждаты; усѣ цуратымутця вась, що у вась черезь жинку усѣ ридня мужыкы!.....

«Якѣ мени до ныхъ дѣло?... Я неподывлюсь ни-на-кого!...»

— Такъ вонѣ подывлятця на вась. Попрѣкамъ та смѣху зъ вась кинцѣ небѣде. Нездѣрпыте, зхаменетѣся.... и рады-бъ вернутця, та вже немѡжно. Отъ и возненавидѣте менѣ.....

«Галю! сѣго по-вѣкъ никѡлы небѣде! Нехай менѣ засмѣютъ, розвишнѣть, розтерзаютъ, я никѡлы неперестану тебѣ любыты!»

— Такъ я-жь не камьяна! Хыба менѣ лѣгко бѣде дывытыся, що вѣ черезь мене и за мене страждатемете, и я, усѣ тѣе бачывшы, змѡжу жыты? Однаковѣсинько вмиру, якъ и тогдѣ, якъ вы перестанете менѣ любыты. Та я обь собѣ и невбываюсь. Хочь якъ хочете менѣ переряжуйте, научить усѣму, якъ трѣба бѣты панею, та вже натѣры неперерѡбыте: усѣ вѣдно бѣде, що я коренна мужычка. Куды вы зо мною явытесь, усюды менѣ засмѣютъ.....

«Я усѣхъ покыну, видстану видъ людѣй, тѣлки тѣ менѣ!...»

— Негакъ-бо, Семѣне Ивановичу! Вѣ разумниши мене у сто рѣзъ, и вы знаѣете, що сѣго немѡжно и нетрѣба робыты. Вѣ собѣ богѡбоязливи, вы знаѣете, що грѣхъ на свѣти дѣрно жыты. Усѣхъ, хто мѡже, слѣжыть у вѣйську, хто у судѣ, хто крамарѣе, хто хлѣбъ робыть, а усѣхъ довжонъ жыты для усѣхъ, а не маятысь безъ дѣла. Вамь и скѣчно бѣде безъ дѣла и вѣ, побачывшы, що грѣхъ такъ жыты, явѣлысь-бы межь людѣй; такъ-бѡ я вамь каменъ на шыи.....

«Такъ такъ-то ты, Галочко, менѣ любышь!.....»

*

— Божэ праведный! Чымъ мені васъ ще бѣлшъ завѣрыты, якъ я васъ люблю? Чы й сѣ вамъ ничѣго, що я, для вѣшого щастья, на выдыму смѣрть свою ійдѣ? Бо зъ вамы розлучытыся—се смѣрть мені!

«Такъ нерозлучаймося, будемо жыты укѣпи.....»

— Якъ-бы я васъ, Семѣне Івановычу, любила такъ, легенько, а себѣ-бѣ любила ще бѣлшъ, чымъ васъ, такъ чо-гѣ-жѣ-бы мені и хотѣты? Я собѣ зъ мужычкы стала-бѣ панѣю, мѣжъ вѣ мѣне молодый, хорѣший—якъ намалѣванный, хочъ на мѣсяць, а пановала-бѣ; а описля, хочъ-бы щѣ зъ нымъ ни зрѣбылося, хочъ-бы винъ и постраждавъ що черезъ мѣне, хочъ-бы и покынувъ менѣ, а я собѣ и байдужѣ! Винъ видѣ мѣне, а я видѣ нѣго; добра свѣго и вѣ мѣне багацько; некажы мені нхтѣ ничѣго: я благорѣдна. Такъ я-бо васъ нетакъ люблю! Волосынка зъ васъ спаде, а вѣ мѣне сѣрця шматѣкъ видѣрветця; вамъ тѣлки бидѣ находыты, а я вже страждаю! И тымъ-то, лучче хѣчу цѣлый вѣкъ мѣчытыця, гѣре терпыты, усякы мѣкы самѣ прыняты, абы-бѣ видѣ васъ и малѣнку бѣдоньку видвесты!....

«Ты саму велыку бидѣ мені рѣбышъ, ты гѣбышъ менѣ, ты нѣжъ мені у сѣрце встромяешъ!....»

— А мені лѣгше? Нещасна моѣ дѣленька, що я родылась у мужыцтви! Пожалуй, якъ-бы я була панянка, я-бѣ и тогдѣ васъ такъ-же-бѣ крѣпко любила....

«Усѣ рѣвно! Я тобѣ кажѣ, що усѣ рѣвно, усѣ мы бѣже созданые!....»

— Такъ, бѣже созданые, та щѣсь мені здаѣтця, що не такъ вы кажѣте, якъ вѣнѣ ѣ. Неоднакови зирѣкы на небесахъ, неоднакова и дѣрѣвня по садкамъ. Небѣде вышенъка цвѣсты яблунѣвымъ цвѣтомъ: ій ѣ свѣй цвѣть. Непрыньме берѣзонька лыпового лыстячка. Непозберѣ соловѣйко дѣругѣй самѣчкы, якъ зъ свѣго рѣду. Усѣмѣ свѣй законъ, а чоловѣкови ще й набѣлшъ тогѣ.

«Якъ-же ты поперѣду обѣ сѣмѣ неподумала? Зачымъ-же менѣ полюбыла?»

— И нежалкѣю, що полюбыла васъ, такѣго красывогѣ, розумногѣ и зъ дѣброю душѣю чоловѣка. Щастьячко моѣ, що я васъ стала знаты, а не когѣ дѣругогѣ..... та нѣ, я-бѣ дѣругогѣ и зъ рѣду неполюбыла-бѣ. Велыке и моѣ щастья, що вы менѣ полюбылы. Вы менѣ зѣнову нѣначе на свѣтъ

породылы. Безъ вашой люббвы я пропа́ла-бъ. Хыба-жъ намъ неможно такъ щыро любытыся и невводты одынь-одного у биду? Бўдемо соби любытыся, якъ братъ изъ сестрою, колы уже намъ побратыся неможно, черезъ самё тё, що я вамъ казала. Колы бўдемо укупи—щастья наше; трёба вамъ бўде куды видлучатыся,—я знатему, що и за-моремъ вы за мною скучатемете, якъ я тутъ за вами. Звёрнетесь.... Якъ мы тогди зрадуемось! О, Семёне Ива́новичу! Що-то за жыть наша бўде! Бидности незнаемемо, пан-отця могд пановатемемо, васъ люды бўдутъ почитаты, якъ и теперь; ниhto васъ ни въ чимъ не осудыть, ничымъ неукорыть; я, глядячы на ваше щастья, души у соби нечутому зъ радосты, що такый чоловікъ любыть такъ крпко менё, дивку просту, нерозумну, тилки тымъ и достойну трохы, що любыть ёго, мйры нема! Семёне Ива́новичу! Нашому щастью люды позавыдують, янголы бжкы порадуютця, бо наша люббвъ бўде святá, чыста, безъ усякой дурной думкы. Любыть менё такъ, то я и вы бўдемо по-выкъ щастлыви!....» Та зъ сымъ словомъ и кынулась до него и обняла ёго крпко, облываючы слизонькамы.

«Неможно, Галочко! неможно, мой рыбочко, зйрочко мой! Незумию тоби усёго розказаты, що у мене на думци.... Та отъ-же добре; и пан-отець прыйихавъ. Бўду ёго просыты.... Вынь менё послуха. Тогди що, Галю?»

— Тогди и я своё скажу ёму. Нехай розсудыть....

И розвышлыся соби, втыраючы слёзы, бо обде наплакалыся такы добре!....

Старый увйшдовъ у хату, помолывсь, озырнувъ ихъ, що вжé тутъ щось ё. Роздыгся, сивъ и нетрбуе ничого, щобъ тамъ чы обидаты, чы що. Галочка стойть быля пёчи, и ни зъ мйсьця! Понурыла головоньку, и дывытця на свой сапьянови червони черевычкы.... И нейдё, щобъ тамъ батькови чогд пообидаты податы. Бойтця зъ хаты выйты, щобъ безъ неи Семёнъ Ива́новичъ нерозказавъ пан-отцёви, а пан-отець, щобъ заразъ и невдарывъ по-рукамъ объ йи дбли....

Поглядавъ Олексй и довгёнько, усё мовчачы; дали, трёба-жъ що-нёбудъ сказаы, отъ и каже: «Що вы соби такы чудни обде? Ненáче чогд плакалы. Одынь переличуе шыбкы у викни, а друта личыть писчынкы на доливци. Га? А я, якъ батько, щобъ вамъ у чымъ непоминавъ, такъ мени не-

трѣба ничòго и казаты? Га? Мòже и такъ, такъ глядѣть, щòбъ опислѣ на себѣ нежалковалы».

Такѣ вѣслухавшы, Семѣнь Иванычъ нестѣрпивъ, кѣнувся до Олексія, обнявъ ёго и ставъ розказоваты, якъ побачывъ Галочку у пѣрше и запримѣтывъ їй, якъ далше, далше полюбывъ и якъ тепѣрь любыть їй..... и щò-то гърно розказовавъ! Такы усю свою дѣшу, своё сѣрце, свой дѣмки, усѣ розказавъ дò чыста, якъ и Галочци такъ незмѣгъ розказаты. Галочка, сѣе усѣ слѣхаючы, плакала гѣрко.

Дали Семѣнь Иванычъ и сказавъ: «От-такъ їй люблò, такъ їй любытому по-вѣкъ! Немòжу безъ нѣи жыты! Олексю Петровычу! Отдѣй менѣ їй на мою радѣсть, на втѣху, на щѣстыя моѣ вѣчне! Хòчешъ, я вѣйду у одставку, у тебѣ жытому; хòчешъ, до мѣне перѣйдемо, бѣдемо усѣ укѣпи жыты, бѣдемо тебѣ шановаты.....» и багато такòго говорывъ и плачучы усѣ просывъ.

Олексій усѣ слѣхавъ мòвчкы и неподывывсь ни рѣзу на Галочку. А та, сердѣшна! блидѣ-блидѣ якъ глына, рѣкы зчѣпыла, сѣрце такъ и колòтытця, душѣ бойтця и усѣмъ тѣломъ трѣпѣцетъ, дѣмаючы: «якъ пан-отѣць звелѣтъ їйты? Пропала я тогдѣ!....»

Помòвчавшы, Олексій такъ сказавъ: «Знаю, щò вы ѣ чѣсна душѣ и щò ни розказуете, усѣмѣ вонò прѣвда! Вы не-такый, щòбъ позгнуцѣтысь надъ дѣвкою, а ще бѣлшъ, щòбъ погубыты їй. Вѣрю, щò вы такъ полюбылы мою дочку. Вѣрю, якъ отѣць, щò ёмѣ и нема и нѣ-свити никòго красывѣшого, якъ ёго дочкѣ. Якъ-бы я бувъ дрѣгый бѣтько, то-бъ мòже зрадòвался, щò мой дытѣна, моѣ рождѣные, бѣде благородна и рѣдъ мѣй бѣде пановаты. Я-жъ положывся такъ: когò Галочка самѣ позберѣ, зѣ кого похòче, то и мѣй зѣть. И тепѣрь я противъ їй вòли неpidу. Далѣби, Семѣне Иванычу, щò она менѣ про васъ ще ничòго и неговорыла. Я самъ тѣлки во вчорѣшняго днѣ запримѣтывъ за вамы обомѣ щòсь; та й їй непытѣвъ и видъ нѣи нечѣвъ. А бѣчу, щò вже вы собѣ поговорылы обѣ усѣмъ. Такъ нехѣй-же», сказавъ Олексій: «такъ бѣде, якъ Галочка сказала».

— Бидѣ моѣ, пан-òтче, колы ты здаѣлся на Галочку! сказавъ Семѣнь Иванычъ, вдѣрывшы себѣ рѣкою по головѣ....

«А щò хыбѣ? По свòему розсудыла?»

— Вона мені багáто наговори́ла, та усé не до дíла. Якъ чо́го чоловікъ нехóче, такъ вже зна́йде, що сказа́ты.

«Э, ни-бо, Семёне Ива́новичу! негниви́ть Бо́га!» обизва́лася Га́лочка, хлы́паючи бы́ля пéчи. «Отъ-ту́ть середь насъ Бо́гъ мы́лосе́рдный, тутъ мiй та́точко ридне́сенъкий, ко́гдò я, пiсля Бо́га, пёршого кохаю, такъ ту́ть я скажу́ и у такiй ча́сь збрéхаты немо́жу: нехай чу́е мiй пан-оте́ць и чу́е видь мéне пёрше зъ ро́ду, що я никóго нелюбы́ла; вáсь, Семёне Ива́новичу, полюбы́ла, и люблю́ точни́синько та́къ, якъ и вы́ ка́жете, що менé лю́бите. Однаковíсинька вь насъ ду́ша оди́нь до óдного. И ко́лы-бъ я вамъ бу́ла рiвня, я-бъ зъ ра́зу, не-дúмавши, кыну́лась-бы до сво́гдò щáстьтя; а то.....»

— А щó-жъ тó?—спыта́въ Олекси́й: Кажы́, дóню, усé, що зна́ешъ: я послóхаю и розсу́жу межъ ва́мы, чы до дíла твóй рéчи?

Ту́ть вже Га́лочка прыня́лася гово́рыты, а Семёнь Ива́новичъ ставъ по-óдалъ и знай слéзы втыра́.

Га́лочка розказа́ла усé те, що и Семёну Ива́новичу го-во́рыла; за чы́мъ и черезъ ви́що немо́жно iй iйти́ за нёго; и що, ко́лы iй такъ лю́быть, такъ и сáмъ нехóче, щобъ вона́ черезъ нёго стра́ждала. Ажъ поцилува́въ iй у гóлову Олекси́й, вы́слушавшы усé; дáли и сказа́въ: «Дóню! мýла мо́я дыты́но! Я тебé зна́въ и небо́явся ничóго. Тепéрь пиды́ соби́ у свит-лы́цю; менí трéба зъ Семёномъ Ива́новичемъ пере́говори́ты по-сво́ему, якъ е́сть я отéць сво́му дыты́теви. Ты зна́ешъ менé, Га́лю, то и нежу́рыся ни обь чы́мъ».

Га́ля выiшла́ зъ хáты, пéвно надiючы́сь на ба́тька.

— Семёне Ива́новичу! сказа́въ старiй. «Якъ Га́лочка ду́ши у вáсь нечу́е, лю́бячы вáсь, такъ вона́ тiлки обь вáсь и вбывáетця, а обь соби́ и недúма. Такъ я́, бóдучы iй отéць, до́вжонъ обь нiй и обь соби́ подúматы. Выiде вона́ за вáсь, а ми́сяць-дру́гый непрóйде, якъ мы́ iй побáчимъ на сто́ли!....»

«Видь чо́го-бъ се такъ?» спыта́въ Семёнь Ива́новичъ. «Я iй бóду зберега́ты: пы́лини неда́мъ пáсты на неi, видь усéго защы́щю iй....»

— Вы? та́къ. Вы бóдете iй лю́быты и шанова́ты. Такъ лю́ды зыiдiя́тъ iй свои́мы язы́камы! Вона́ вь ны́хъ зъ мужы́чокъ невiйде. И сяка́ и така́, и черезъ сé и черезъ те́ винь iй узiя́въ; навъязáлася на нёго, трéба бу́дò покры́ты грiхъ!...

А вы, Семёне Ива́новичу, грамотни, знаёте усё, знаёте, якъ ва́жко чоловiкови терпiты и переносыты худу́ сла́ву безпрычы́нно! Знаёте и тэ, що колы́ про чоловiка прыйде дурнои сла́вы хочь кра́пелька, то вже и черезъ цiлы́й вiкъ iй не-збу́дешъ. А у же́ньскому полу́ ще и гiршъ! Яковó-жь бу́де iй, моёму дытiатеви, що чы́ста и непорóчна у сымъ дiли, якъ голу́бця? а сё́годня—ножёмъ у се́рце, за́втра—у ту́-жь я́ву.... на-довго iй ста́не?... и зплакнóвь се́рдешный Олекси́й....

«Мы самы́ видцурáемося видъ людéй. Бу́демъ жыты оды́нь для óдного, незна́емемо никóго!... Така́ жыть са́мая благочесты́вая, свята́я, щастлы́вая....»

— Пра́ва ва́ша. Жы́темете у любóви, у своёму щасты́ти.... Богъ благословы́тъ васъ диточка́мы, такы́мы, якъ и менé на-градывъ дóбечкою, на нову́ вамъ рады́сть и на втишэ́ные.... Этé! тутъ замисць тóго, щобъ ма́тери—я ничóго некажу́ про васъ, я тiльки про моё рождэ́ные—ма́тери веселы́тыся диточка́мы, имъ нигдэ́ видъ людськыхъ язы́кiвъ прóсвiтку небу́де. Усi на ныхъ пáльцями штрыка́тымуть, усi зашыплáтъ: «ма́ты ихъ зъ мужы́чого рóду; ны́щи, сяки-таки́ усi риднi; и дiты iй такi бу́дутъ....» Усi бу́дутъ ихъ жахáтыся, цурáтыся, попрыка́ты тымъ, у чимъ вони́ и невыно́вни. А яковó се ма́тери?... Черезъ ныхъ, черезъ дiтську сла́ву вона́ дёр-жытыця на-свити; щобъ имъ до́бро бу́дэ, вона́ готóва на уся́ку мýку, усё перетэ́рпыть, ду́шу свою́ видда́сть.... О Семёне Ива́новичъ! Вы незнаёте, що то ё́ дiты для роды́теливы́!... А тутъ и у господáрстви ва́шому: ва́ши такы́ по́дданни, замисць тóго, щобъ iй поважáты, служы́ты, вони́ бу́дутъ по-прыка́ты, що iй вона́ така́ мужы́чка, якъ и вони́....

«О, ни! Я сё́гдэ не́тэ́рплю. Я стрóго прыкажу́, щобъ....»

— И вже, по прыка́зу! Колы́ чоловiкъ са́мъ по собi незнайде поважэ́ныя до се́бе, то хочь неприка́зуй! У вiчи бу́дутъ шановáты, а за-очи проклынáты. Достáнетця и менi на старóсты. Усы́мъ я бу́ду якъ бильмо́ ув-дци. Хочь якъ хочете, а iй вы́, пидъ часъ, засорóмытеся пры людяхъ менi чéсть виддáты, якъ трéба ва́шому тэ́стеви!... Гáлочка се ба́чытеметъ и надглядáтеме пýще чымъ я. Вона́ моя́ крóвь. Черезъ моё стра́жданья, черезъ людськи по́прэ́кы, черезъ не-порядкы у господáрстви, черезъ дiтськiй сóромъ за неi, и неогля́немося, якъ ляже вона́, моя́ голу́бочка, у сыру́ зэмлю!... Незна́теме, се́рдешна, щасты́ти и покóю у замужэ́стви, небу́де

имѣты радосты у диточкахъ; у гóри, у слéзaxъ, у журбѣ, погасне якъ свѣчечка!... Хорошѣ-жъ, колѣ ще ничóго; а якъ-же у такóму дѣли, яковò è брáтыся по нерывни, цурáтыся свогò рòду, та ё, мòже, грѣхъ?

«Эхъ, Олексію Петровычу! Се мѣ, лóды, вѣгадады, щò тò панѣ, а тò прòстый нарòдъ. У Бòга усѣ рывни».

— Тáкъ, рывни по дилáмъ своймъ, якъ явѣмося тудѣ. Тўть-же намъ трѣба знáты, щò то ё начáлство. Яковò булò-бъ безъ нѣго?

«Безъ начáлства-же и немòжно и блáго намъ за нѣмъ. А щò лóды, то усè рòвно».

— Охъ, щò се вы говорыте! Я прòсто чытáты вѣю, а такы начѣтую и розумію, щò щè зъ покòнъ вѣку, видѣ самòго Адáма, вже булѣ и блáгорòдни, и прòсти....

«Дѣ се-ты, Петровычу, начытáвъ?» ажъ всмихнўся Семѣнъ Ивановычъ, пытáючы.

— Нигдѣ-жъ, якъ у Святѣй Бѣбли. Ад-же пáмъятуете, щò Сѣфа, Адáмового сына, рѣдъ, та звáлы сынамы Бòжымы, а Кáинивъ рѣдъ—сынамы чòловѣчеськымы. Хочъ вонò и не те, щò блáгорòдни и прòсти, якъ мѣ тепѣръ зовемò; а усè однѣ лўчи, а дрўти ныжче. Зъ тогò-то вѣку такъ и пишлò. И якъ стáлы мишáтыся сынѣ зъ рòду Сѣфового зъ рòдомъ Кáиновымъ, отъ и умнòжылыся грѣхы на землѣ до нѣсть кинцá: и такъ, щò Богъ истребѣвъ ихъ водòю. Та й дáлшъ чытáемо, щò святѣмъ мужáмъ повелѣвáлося брáты жѣнъ усè зъ свогò рòду, а не зъ чужòго якогò-нѣбудъ. И у Іудеевъ, то булò однò колѣно лўчче перѣдъ прòчымы; и чáсто помѣнаѣтця у Бѣбли: «лóдые и нарòдъ». Такъ отъ бáчыте, ё розлўчыне. И якъ-бѣ се небулò одъ Бòга, для порáдку на свѣти, давнò-бъ вонò перевелòсь: давнò-бъ Бòгъ, гòрдѣмъ прòтѣвнѣй, давнò-бъ зтребѣвъ и зкоренѣвъ пáнство, якъ-бѣ вонò булò не видѣ Нѣго, а видѣ гòрдосты чòловѣчеськой! Сее усè бáчучы, якъ менѣ пѣйтѣ прòтѣвъ закòну и порáдку, видѣ Бòга дáнному, и у вашъ рѣдъ, блáгорòднѣй, виддáты свою дытѣну, рождѣнную одъ прòстòты и мужѣчества. Небўде блáгословѣныя Бòжого! А я сѣгò нехòчу ни Гáлочци, ни усѣмў рòду моемў, колѣ сымъ Бòгъ блáгословѣтъ.

Дòвго такòго бáгáто говорылы и спòрылы межъ собòю и изъ пысáныя, и тáкъ, своймы словáмы; а такы Семѣнъ Ивановычъ неперемѣтъ Олексія нѣякъ; на тѣмъ у той день

и зосталося. Усѣ булы укѹпи, розговѹрювалы любязно... и колы Олексій выхѹдывъ куды до робѣтныкывъ, то Семѣнь Иванычъ зъ Галочкою и голубылыся, и мыловалыся межъ собѹю: той усѣ просывъ, щѹбъ роздѹмала, та выйшла-бъ за нѣго, а вона усѣ свѹгѹ держалася и плачучы просыла незгѹдоваты вже билшь про сѣ.

«Дѹбре!» сказавъ Семѣнь Иванычъ вже передъ свѣтомъ, проходывшы усѹ ниченьку по своѣй кватыри и усѣ дѹмаючы та прыдѹмуючы, якъ-бы по свѹемѹ зрѹбыты. «Дѹбре» каже: «такъ зрѹблѹ. Наврѣдъ, чы бѹдутъ тогдѣ ще видговѹрюватасы!» И чы спавъ, чы неспавъ тый нѹчи, а ранкомъ вже и у Галочки.

Голублячы ѣй, сказавъ, щѹ спросывшыся у начѹлства, ѣйде завтра у своѹ стѹрону, ажъ до Прылѹкывъ.

«На довго-жъ?» ажъ злякавшыся, зпытала Галочка.

— Такъ, щѹ мѹже недѣли двѣ або трѣ пройзжу: неблызъка стѹронѹ.

«За чымъ-же вы пойдете?»

— Дѣло есть.

«Якѣ тамъ дѣло прыпало?»

— Галочко! сказавъ Семѣнь Иванычъ, поциловавши ѣй крѣпко. Невжѣ-жъ ты дѹмаешъ, щѹ я тѣлки такъ прѹсто поговорѣвъ зъ тобѹю и зъ пан-отцѣмъ объ моѹмѹ щѹстѣти, и выслухавшы, щѹ вы менѣ говорылы, такъ вамъ и пиддамся? Се вже лѹчче менѣ живѹмѹ у ямѹ лягты! Нѣ, я сѣгѹ такъ неостѹвлю. Поййду до дѹму, оземѹ видъ брата, видъ усѣхъ рѹдычывъ такѣ пысьмѹ, щѹ вони нетѣлки позволяють, та ще и прѹсють, щѹбъ я оженився на обывѹтелевѣй дочцѣ....

«Кажѣть-бо, Семѣне Иванычу, прѹсто: на мужычци.... Эгѣ! бѹчыте, вже вы зараньнѣ сорѹмытесь сказаты, щѹ ожѣнытесь на мужычци».

— Нѣ, дѹшко!... се не объ тѣмъ.... Отъ, узѣвши такѣ бамагы, оземѹ и видъ архыерѣя лѣсть, щѹ нема грихѹ женытыся на нерѣвни, якъ твѣй панъ-отѣцъ каже. Та тогдѣ вернѹвшыся, просытыму своѣхъ начѹлныкывъ, щѹбъ прыйхалы, та розговорылы васъ зъ пан-отцѣмъ, та и отцѹ протопба попрошѹ, щѹбъ зъ пысѹныя поговорѣвъ.

Галочка, якъ выслухала се, ажъ помертвила! Звелѹ очыци до Бѹга, а у очыцяхъ блеснѹла слѣзынка; здыхнѹла тяжко, а дѣли и промѹвила: «Вы такы усѣ своѣ?»

— И вмру́ зъ тымъ и доведу́ до свого́ кинца́! сказа́въ Семёнъ Ива́новичъ.

«Незнаю!» сумюючи та тихенько промовыла Галочка.... И увесь той дeнь крiпко чо́гось-то журылася и небороныла Семёну Ива́новичу розказоваты Олексiю, за чымъ винъ йiде у свою́ стóрону.

Олексiй выслулавшы про усё, казавъ: «Побáчу, що вашъ брáть и що рóдычи скажутъ. Та послухаю, що говорытеметъ и духовный чынь. Тогдi скажу́ свое послiднe слóво, та й рóбiть, якъ знаете».

Галочка, почу́вши се, пишла у кимнáту, рúкы ламáючи.

И черезъ увесь той дeнь Галочка крiпко смутнá булá: сыдыть усё протывъ Семёна Ива́новича, дывытця на нeго якъ ясочка, а тогó, объ чимъ гóвбратъ, и неслуха. Дывывшысь-дывывшысь, вже, выдно, якъ стáне iй на сeрци дýже вáжко, то выхопытця у кимнáту, и щó-то, Гóсподы, плаче!..

Прыйшлось прощáтысь.... Галочка, вже й мiры нема, якъ плакала! Цилóвала ёгó, прыгортáла до сeбе, хóче щось сказа́ты, та за слeзáмы слóва непромовыть....

Олексiй зложывъ рúкы, дывытця на се, а слeзы и у нeго такъ и капотя́тъ.

Семёнъ Ива́новичъ, хочъ и тогó слeзы пронялы, та усe-такы нетакый смутный бувъ. Цилуе iй и усe прóсыть, щóбъ нежурылася, що винъ скóро звeрнетця и щáстья свое привезе.

Вже й розпрощáлыся зовсiмъ. Вже Семёнъ Ива́новичъ выйшовъ зъ хáты, и Олексiй пiшовъ провожáты ёгó.... якъ ось Галочка крiкнула: «Семёнъ Ива́новичъ! ищe вернитесь!»

Жыво убiгъ Семёнъ Ива́новичъ и кынувся до Галочки; а вона кынулася ёму на шыю, обнялá ёгó, цилуе и сылкуетця промовыты: «У остáньнe.... у остáньнe....» такъ-бó слeзы и рiчъ зальвáють! «У остáньнe цилую васъ!» черезъ сылу говорыла Галочка: «У остáньнe прощáюсь зъ своимъ щáстьямъ! Немóжно бóде менi вамъ такогó слóва сказа́ты.... Незабувáйте менe!... Незабувáйте, якъ васъ я шыро любыла и щó для вашого щáстья зрóбыла!... Прощáйте!... Спасыби вамъ, що вы менe любылы!.... що вы менi далы знáты щáстья на симъ свiти!.... Прощáйте на выкъ!....

Выпустила ёгó зъ рúкъ, лeдвe дiйшла до кимнáты, та и впáла передъ óбразомъ. Якъ-же почу́ла, що вже у остáньнe

за нымъ зачынылыся двѣри, у останьнѣ загомонѣвъ ёгò гò-
лось, вона й зарыдала!... Дúшу свою гòтòва була выплакаты!...

«Устань, дòненьку! устань!... неплáчь, нежурься, невбы-
вайся такъ!... Колы зь правды, що такъ ёгò крèпкò любышь,
то щò-жь? йды вже за нёго.... Я, хочь и прòтивь-ночи, самъ
пиду и прыведу ёгò. Нерозрыва́йте свойхъ сёрденёкъ! Мòже
знайдете своё щáстыя?»

— Нехáй, тáточку, зáвтра обь усѣмъ зь вáмы поговорю.

Назáвтра увѣйшла нашá Гáлочка до свòгò пан-òтцá...
Гòсподы! Блѣдá тай блѣдá! Кровы́нкы немá у тыхъ щòкáхъ,
що до сѣй поры якъ мáкъ цвилы; очыци йй почервонѣлы и
позапухáлы (вѣдко булò, що усю ничь плакала), а самá такъ
видь вѣтру и вáлытця.

Олексѣй ажъ злякáвся, побáчывшы йй такú. «Дòню мой
мýла!» ставъ казáты до нѣй, выпцлòвуючы йй, «втѣхо мой.
Гáлочка сёрдѣшна! Ты-жь моё сёрце розрываешъ, страждучы
такъ! Яковò мени дывытыся, що ты самá себѣ жывú у домо-
вѣну кладешъ?... И я неспáвъ усю ничь, и я плакавъ обь
тобѣ и обь нашòму Семѣну Иванòвичу. Жáлко мени и ёгò.
Роздумáвшы усѣ, дáли помолы́вшыся Бòгу, порѣшывся: що
бúде, то бúде, небúду васъ розлучáты. Усáкый грѣхъ озмý
на дúшу свою.... Самъ постражду, а невиднимú вáшого щá-
стыя.... та зь сѣю думкою послáвъ батракá до нёго, щòбъ
мерщѣй ййхавъ сюды....

Гáлочка такъ и зтрепенúлася и зпытáла быстро: «Щò-жь?»

— Лыхá годы́на! Батракъ вже ёгò незастáвъ: «Чуть
свѣтъ, винъ вже и поййхавъ», сказáвъ деньщы́къ.

«Ажь мени лѣгше стáло!» сказáла Гáлочка оддыхнúвши:
«Нѣ, тáточку-голúбчыку! Неробѣть сѣгò; негубѣть менѣ óвси
и неберѣть на свою дúшу грѣхá. Невбывайтесь за мнòю; сѣ
мени вáжко тѣлки от-сю годы́ну, а то и ничòго. Тепѣрь,
пан-òтченьку, пустѣть мене у Хòрошивъ: я тамъ прожыву
до недѣленькы, та тогдѣ вже прòсы́тему зрòбыты послѣдню
мою вòлоньку».

— Щò хòчь, дòню, робы; куды хòчь, ййдь; ни у чòму
тобѣ запрѣту немá; абы-бъ ты перестáла вбывáтыся такъ.

«Перестáну, тáточку, и небúду, колы стáне сýлы зпòл-
ныты мою думку.... колы зовладáю зь моймъ сёрденькомъ!»

Зибравъ Олексій Галочку и выпроводывъ їй у манастырь. Вона тамъ усѣ молилася, одговилася, порадылася зъ черныцями, котры зналы їй и вмилы совѣтъ податы до діла.

Заразъ зъ неділи, у понеділокъ и вернула. Бачыть Олексій, що нѣбы вона стала крипченька.... Смутна, крипко смутна! Часомъ такъ якъ задумаеця, такъ будимъ и незна ничого: сыдыть соби, мовчыть и все рѣкы ломыть, та зъ выду выдно було, що вона щось надумала, та бойця панотцѣви сказаы.... А якъ нетѣ, такъ и проворненько ходыть, и навидуеця по господарству, и дѣ-що упорае.

У вивторокъ ранкомъ увійшовъ Олексій у велыку хату и сивъ жытыя чытаты. Галочка, у кимнати помолывшыся щѣро Богу, увійшла до бѣтка—насылу ногамы переступа—и заразъ пала до нѣгъ отцѣвськихъ.

«Поратуй мене, тѣточку-голѣбчыку!» ажъ закрычала Галочка, залываючыся слизымы. «Недай менѣ зовсімъ пропасты!»

— Що такѣ, що, моя дѣненько? кынувся їй пидниматы Олексій, дывуючыся, що се зъ нѣю такѣ: Устань, моя крышечко.... моя лебѣдочко!

«Невстану, пан-ѣтченьку, покы мене неввеселышь, покы невтышышь, кажучы, що зрѣбышь, обь чимъ я у останнѣхъ тебе попрошуй!»

— Усѣ, усѣ зроблю, моя зѣрочко! Хыба ты мене незнаешъ, що я радъ дѣшу за тебе положыты.

«Спасыби тоби, мѣй тѣточку риднѣсенный! Невидкажы и тепѣрычкы!» та и устала навколѣнны и цилѣе ѣго рѣкы: «Пан-ѣтченьку, голѣбчыку! Виддай мене замыжъ!»

— Дѣбре-жъ, моя дѣненько! Насылу-жъ-то ты надумалася! Я ѣ самъ хотѣвъ тебе обь тимъ прохаты. От-сѣ-жъ винъ незабарѣмъ и буде. Або наймѣмъ когѣ, та ѣ пошлѣмъ до нѣго, щобъ швыдче ййхавъ.

«Нѣ, пан-ѣтченьку! Зховай мене видъ сѣй биды!... Виддай мене, тѣлки не за нѣго....»

— За когѣ-жъ, дѣню, тебе виддаты?

«За когѣ хочешъ, за когѣ здумаешъ, тѣточку! абы не за нѣго. Поспишай, пан-ѣтченьку, покы винъ непрыйде».

— Що-се ты, Галочко, надумала? Устань-бо, та сядь быля мене, прыгорныся до мѣгѣ сѣрденька и розкрый менѣ свою дѣшу, що се за дѣмка така?

«А отъ, таточку, яку думку мени не хтѣ, якъ Богъ по-славъ. Тужь-тужь винъ вѣрнетца, прыстане, не до мене, а до васъ; приведе людѣй, начальныкы вь своихъ; а ти—що имъ за дѣло до нашего щастья?—абы-бъ ему услужыты—стануть васъ уговорюваты, прохаты, зобьютъ васъ зъ думкы объ моймъ щастьи; вы звелытѣ мени йты.... а тутъ ще и и моѣ сѣрденько змѣвытца зъ вами.... Я пиду, усѣ ровнѣ, що и на выдуму смѣрть!.. Сكيلки я ни роздумовала, якъ-то ни розбирала, непрыходытъ мени буть панею. Я пропаща усѣ ровнѣ, хочъ такъ, хочъ сякъ; тилки тѣ, що пишѣдшы за него, погублю и его на вика! Отъ-що менѣ вбыва! Такъ щобъ положыты одынъ конѣць, виддайте менѣ, батеньку, замижъ! Тогдѣ винъ, побачышы, що ничого робыты, самъ по-кыне такѣ думкы и.... знайде свое щастья!...»

— Ты будешъ-же ты щастлива, дѣню мою, зъ кымъ другымъ? Ты непогубышь-же ты себѣ, виддавши себѣ нелюбу, та ще и цѣлый вѣкъ зъ нымъ жыты?

«И вже моѣ щастья! Однаковисинько мени страждаты прыходытца! Хто-бъ ни узявъ менѣ, то колы не винъ, усякъ мени нелюбъ. Нехай винъ розвѣжетца зо мною; винъ розумный; описля дяковатеме мени».

— Ты-жъ збавышь собѣ вѣку? Ты зажурышся?

«Отъ-сѣ мени тилки крѣпко тяжкѣ урѣмья, покы усѣ зполнытца, а тамъ.... Таточку! я говила, я молилася; здаѣтца мени, що я добре роблю! Менѣ Богъ неоставытъ: я ще втѣшу тебѣ пры твой старосты!»

Дѣвго вонѣ собѣ такъ розговорювалы.... и щѣ-то, якъ людѣ зъ розумомъ? Порадылыся, потолковалыся, обсудылы дѣло кругѣмъ,—такъ и ѣ: прыходытца Галочки, щобъ неза-йсты чужѣго вѣку, йты за свѣго брата, за ривню, «а то зъ правды», сказавъ Олексій: «незѣрплю, переминю свою думку, прыставатему до тебѣ.... бо крѣпко хорѣшый чоловікъ!... О, що жалко мени его!...»

— Тымъ-то й трѣба поспѣшаты, кинчаты наше дѣло, а то якъ разомъ набижытъ.... тогдѣ пропала я!...

«За кого-жъ тебѣ, дѣшко, виддаты? Выбирай сама; ты знаѣшь усѣхъ женихы вь, що ще й недавно засылалы людѣй; скажы, заразъ пошлю и такѣ весѣлья зроблю, що ну! щобъ туга невидзывалася ни вь мене, ни вь тебѣ».

— Нехóчу я, пан-òтченьку, ни за яко́го зь тыхъ же-ныхивъ. Воны пышны, багáты, бóдутъ вередовáты. Тяжко моёму сёрцу бóде у пёршы годы; а воны недадóть мені во-лонькы и гарáздъ поплáкаты обь мо́й дóли. Чы незнаешъ, тáточку, яко́го сыроты у бідности? Озьмы ё́гò у прыймы, виддáй ё́му й худóбу нáшу и менé нещáстну. Винъ бóде, за добрò, щò ё́му зрòбымо, насъ поважáты и мно́ю-такы нестáкъ бóде ору́доваты. Знайды тако́го, прыведы и скажы мені: се твóй мужыкъ; я у нóгы поклонюся!

Дóвго дóмавъ Олексій, дé и когò у зяті узáты; дáли и ка́же: «Дóню, Гáлочко! колы такъ.... іды за Мыкóлу!»

— Дóбре, пан-òтченьку!—разомъ сказа́ла Гáлочка, а на сёрце мовъ кусòкъ лёду впавъ, бáчачы, щò усé блы́жче, усé блы́жче завъязуетця ій світь. А хтò-жъ-то такы́й Мыкóла? дáли зпытáла.

«Мыкóла крúглы́й сыротá; чéсного, хорóшого рòду, тилки бідность така́, щò й небуло́ и нема́ ничòго. Я, бáчывшы, щò винъ е па́рень розумнёнькы́й, роботáщый, розчòть усёму́ зна, перемòвивъ ё́гò видъ купцívъ, ще ё́му пятна́дцятый годòкъ бувъ и обищáвъ награды́ты ё́гò. И щò-то прыдáвся па́рень! За усіхъ усé зрòбыть, никòлы незалинýtця, хазыйсько́го добра́ якъ óка бережé и, спасы́би ё́му, багáто зберігъ и до-глядывъ могò. Я ё́гò, куды́ трéба, посылаю́ зь хуро́ю: усé зрòбыть, якъ лúчче, и розчòть у всимъ прывезé. Винъ, якъ е ме́ж купцáмы прыка́зчыкъ, такъ винъ вь мене́ права́ рúка мо́я. И товары́шство поважá ё́гò: знáешъ, ча́сомъ бува́, за́йде спòрь, лáйка; винъ ихъ усіхъ розсúдыть и по усій справед-лывòсты розберé. Та винъ-же собі́ и чепурный́, и мотòрный́, и красывенькы́й....»

— И-вже, тáточку! мені сёгò хочъ и некажы́!...

«Такъ колы́ такъ, дóню, такъ такъ. Колы́ вже пёвно намырылась іты́ за ко́го-небу́дь, такъ іды́ за Мыкóлу».

— Пиду́, тáточку, зь велько́ю радистью. Здйла́й-же мы-лость, пан-òтченьку, поспіша́й пшывідче! Колы́-бъ мòжно, щòбь сёгòдня насъ извинчáлы?

«Якъ се мòжно? Колы́-бъ хочъ у сю неділю....»

— Прыйдэ, тáточку, прыйдэ! И усé нáше пропáло тогды́!

«Вже-жъ щò робы́ть? трéба прыбрáтыся....»

— Якѣ тутъ прыбирánня? Чы до тánцивъ тутъ, до скокивъ? Абы-бъ у законъ уступыты. Моѣ сырiтське дiло. А то щобъ часомъ за прыбóрамы вы мені ненаробылы гiршого лыха.

Рáдылыся-рáдылыся, а дáли дочкá такы выплакала у бáтька, щобъ зáвтра винчáтыся и щобъ небуло нiякыхъ порáдкiвъ, що трéба по закону. Кáже Гáлочка: «Винь сыротá, и я сыротá! Чогó-тутъ? Поклыкаты самыхъ старшыхъ рóдычiвъ, поблагословытыся, звинчáйте насъ; що Бóгъ дастъ пообiдаете, чымъ здумае, попóтчуе гостéй, та й розпúстыте ихъ. Я неpidу ни дружечóкъ збирáты и нехóчу нiякихъ писенéкъ. Се весiлля—тежъ пóхороны».

Якъ сказа́ла, напрохáла пан-отцá, той такъ и положы́вся.

«Трéба-жъ», сказа́въ Олексiй: «поклыкаты женихá».

— Поклычте, тáточку, сказа́ла Гáлочка. Колы почалы, бóдемо и кинчáты.

Старый самъ пiйшовъ за Мыкóлою и iйдучы и кáже: «Чы ждáвъ-же винь собi такдо щáстья? Та и я, чы ждáвъ-же такiи дóли своéму дытáты?....»

Зостáвшыся Гáлочка самá-собi у хáти, зтрепенúлася и сказа́ла: «Тепéрь, Семéне Ивáновичу, прощáй на вышнiи выкы!... Мáбуць, що я тебе щiро любы́ла, колы видреклáся видь тебе, топлю свои молодыи литá, дивовáньнячко; iйду на вiчныи слéзы, на тóту, на усяке мучéные души, абы-бъ одь тебе видвесты усякее лыхо!... Некажý тоби: любы́ мене!—не мóжно; се прóтывъ закону—, а згáдуи мене у симъ дiли, що я для тебе зробы́ла.... и якъ знáешъ, такъ дякуй! Прощáй! Настаé годы́на, що и вздúматы про тебе грiхъ бóде. Прощáй, мiй мылénькый!...»

Хúсточку усю, що держáла у рукахъ, усю змочы́ла своимы гиркымы, кровавымы слизьмы; хочъ выжмы!

«Тепéрь», сказа́ла: «усé покóнчыла. Закрýвся для мене бiлий свiтъ!» и стáла Бóгу молы́тыся и поклоны быты, щобъ Богъ давъ iй сýлу перетéрпиты сiю годы́ну, перемогты своé сёрдёнко, у законъ уступыты.... а тáмъ—якъ Бóжа во́ля!

То плакавши, то поклоны бывшы, розкрасни́лася Гáлочка. И щó-то за хорóша булá! Отъ якъ, бувá, румя́на зорá догорáе, а тутъ чóрныи хмáры iй застылáютъ и вона нiбы спишы́ть красовáтыся и веселыты мiръ Бóжый, що

такъ-бы усѣ и дывывся на ту зѳрю, и хмары поодпыховавъ-бы гѣть, колы-бъ мѳжно будѳ; такъ и Галочка будъ тогдѳ. И чога-бъ незробывъ, чога-бъ невиддъвъ, щобъ она будъ щастлыва?

Увѳйшовъ Олексѳй зъ Мыкѳлою. Галочка стоить кинци стола, и неглянула на свога суженого. Она зъ батракивъ батьковыхъ недуже кога и знала. И чога будѳ вже дывытыся и розглядаты, якѳй собѳ той, зъ кымъ тяжкая дѳла прывела жыты?

Сившы Олексѳй на лавци, подумавъ, адыхнѳвъ и каже:

«Молодымъ дуже прыговорывъ я тебе служыты въ мене и обичався, колы будешъ менѳ вѳрно и чѳстно служыты, незоставыты тебе и наградыты. Ты служывъ менѳ такъ, що дай Бѳже, щобъ и товаришь такъ прыглядавъ добра, якъ ты вбывався за хазайськымъ. Спасыби тоби!»

Мыкѳла нызенько поклонывся.

«Прыйшла моя чѳрга», казавъ Олексѳй, «слѳво здѳржаты и тебе наградыты. Мыкѳло! Отъ-тоби одна моя радистъ на свѳти, втиха моя, щастыя моѳ, Галочка, однимъ одна дѳтына.... Озмы ѳй; худѳба, усѣ твоѳ; озмы и менѳ въ прынтымы. Непокынь....» та за слизымъ незмытъ далшь и говорыты.

— Щобъ-то-якъ, дядюшка?—пыта Мыкѳла, поблыдъ, трѳсытця и бойтця, дѳмаючы, чы такъ винъ чѳе?

«Такъ, Мыкѳло! Будь менѳ зѳтемъ.... кохай, шанѳй моѳ Галочку, що Богъ тоби даѳ у жонѳ. Зробы ѳй щастлывою, и тебе Богъ неоставыты....»

— Чы не смѳетѳсь вы надо мною?—лѳдѳве проговорывъ Мыкѳла.

«Не якѳй се смѳхъ и не жартованья; се важный, свѳтый часъ. Я, отѳць, маючы однимъ-одно на свѳти дѳтятко, уручаю тоби ѳга, надючыся, що ты, а не хто дрѳтый, зрѳбыть ѳй щастлывою....»

Мыкѳла такъ и кынувся Олексѳеви у нѳгы и ставъ казаты: «Чы я-жъ достойнъ такди чѳсты? Я крѳглый сырота.... ни рѳду, ни плѳду; вѳ менѳ на ногы поставылы, вѳ менѳ до рѳзуму довелы! Я васъ знавъ, почитавъ за отця рѳдного за вашу лѳску, за ваше научѳны!... Объ Олексѳевни, ось объ Галочци, и дѳматы несмывъ! Кто она, и кто я мызѳрный? Чы я-жъ смѳю?...»

— Колы́ я тоби́ йи́ уручаю́, сказа́въ Олексі́й, пидня́вшы ёго́ видь ни́гъ свойхъ, колы́ я прошу́ тебе: будь моймъ сыно́мъ! збережы́ мою́ Га́лочку?...

Тутъ Га́лочка пидйшла́ и, якъ ни́хто́ й нежда́въ, прыпа́ла до ни́гъ Мыкды́ныхъ... той сылкѹетця́ йи́ пидня́ты, а вона́ недаётця́ и про́сыть ёго́: «Ни обь́ чымъ тебе́ непро́шу́, тй́лки будь до мене́ до́брыи... непотура́й, колы́ ча́сомъ бѹду́ смутна́.... се мыне́тця́. Я бѹду́ тоби́ покй́рна, поважа́тому тебе́; доведу́ до то́го, що́ ты́, ба́чачы мою́ до́брость, полюбы́шь мене́.... Непопри́вай мене́, колы́ ча́сомъ.... я й сама́ незнаю́, якá я бѹду́? Невважа́й ты́мъ, а доведу́ мене́ до то́го, щобъ я тебе́.... черезъ́ тебе́ ма́ла хочъ ма́леньку вти́ху, нетерпи́ла-бъ ни́якого́ го́ря. Покло́нимося́-же попередь́ Бо́гу Свято́му, щобъ поми́гъ намъ жы́ты, якъ́ я́ кажѹ́; а да́ли на́шому пан-отце́ви, неха́й благосло́вить и мо́лытця́ за насъ, за свойхъ́ дитѹ́й».

Олексі́й зня́въ о́бразъ́ святы́й, молоди́ ста́лы мо́лытися́; отъ Мыкды́ла прыпа́въ передь́ о́бразомъ́ навко́лишки́ и ка́же:

«Петро́вичу! чы́, якъ́ вы мене́ повели́ваете, пан-отче́нчу! и ты́, Олексе́вна! Отъ-вамъ́ Бо́гъ мылосѣ́рдный, и передь́ ёго́ о́бразомъ́ запры́сягаю́ся, и передь́ ва́мы: любы́ты васъ, Олексе́вно, шанова́ты, почи́товаты́ васъ, не якъ́ е́ вы мой́ жй́нка, а якъ́ проти́въ мене́ госпо́дыня.... Никды́ и ни́ за́-що́ не почѹ́ете видь́ мене́ и жодно́го гру́бного́ сло́ва. Бѹду́ для́ васъ такы́й-же робо́тныкъ, якъ́ и до се́го́ ча́су бувъ́. Вы надъ́ со́бою во́лю ма́ете; вы розумни́ши мене́, вы и мене́ навча́йте. Петро́вичу! я ба́тька́ й ма́тери незна́ю. Вы́ мене́ отецъ́ и благоди́тель! Бѹды́те мене́, якъ́ и бу́лы, хазя́иномъ́ и повели́вайте́ надо-мно́ю. Однакы́синько́, якъ́ и до се́го́ ча́су, бѹду́ за ва́шымъ́ до́бромъ́ вбыва́тися́ и та́къ обь́ не́му радй́ты, якъ́ и тепѣ́рь. Вонд́о́ якъ́ бу́ло усѣ́ ва́ше, такъ́ и бѹде́ ва́шымъ́, и я́ й са́мъ по ви́къ ва́шъ. Тепѣ́рь на́ такѹ́ во́лю благосло́вите́ насъ, пан-отче́!»

Тутъ́ зъ́ нимъ́ прыпа́ла до ни́гъ отце́вськыхъ́ и Га́лочка, и що́-то пла́кала!

Олексі́й ихъ́ поблагосло́вйвъ́ и дѹ́же га́рно усѣ́ прыговѹ́вавъ́ и просй́въ́ Бо́га, що́ имъ́ посла́ты на мѹ́лость́ свою́.

Да́ли посады́въ ихъ́ укѹ́пи, розказа́вавъ́, якъ́ имъ́ жы́ты, якъ́ шанова́ты, поважа́ты оды́нъ-одного́.... такы́ до́вге́нько́ имъ́ усѣ́ гово́рывъ́.

Отъ посѣдившы, сказавъ, що треба прыбіра́тыся, бо за́втра и весі́лля.

Мыко́ла помага́въ вже сво́ему тэ́стеві, у чимъ-тамъ тре́ба бу́ло. Прыпросы́лы то дя́дынь, то сусі́дь, по́ратыся; Га́лочка, у чимъ ду́ша, туды́-жъ зъ ны́мы по́раетця, и усё поспі́на, и усі́хъ прыга́на, шо́бъ швы́дче усё справля́лы, нына́че бо́ялася, шо́бъ хто не поми́шавъ.

У бага́того и ё́ зъ чо́го, и ё́ ко́му усё зла́годыты; такъ и неды́во, що до за́втраго усё поспі́ло.

Зійшлы́ся сама́ блы́жня ридня́. Подыво́валыся, потовко́валы, що́ якъ-то Олексі́й, такы́й бага́ты́й, однимъ-одну́ дочку́, та ви́дае за свогò за батрака́, та ще и за бідно́го! Лучче-бъ ви́давъ, хтò ска́же, за купця́, хтò за поповы́ча; а хтò ка́же: та мо́же-бъ якы́й и па́нь непогорды́вся-бъ узя́ты таку́ кра́лю, та зъ тако́ю худòбою. И бага́то тако́го каза́лы; якъ-же ихъ обдара́лы подарка́мы, усё хустка́мы хорòпымы и вышыва́ннямы, и платка́мы шовковы́мы; такъ воны́ и замòвкы и за́тыхлы, надючы́сь и погуля́ты описля́ по зако́ну.

Вбра́лася-жъ и Га́лочка до винця́... а вбра́лася-жъ прòсто, неузья́ зъ доро́гого ни пла́хты, ни намы́ста, а та́къ, якъ звыча́йно сыроті́; та що́-то за га́рна бу́ла! Отъ вже зпра́вды, якъ на карты́ни нама́лёвана! Краси́ва та краси́ва!... Тылки чу́дно бу́ло на не́й дывы́тыся у тымъ, що́ якось-то бу́ла вона́, и ны́бы невона́! Очы́ци бы́стри, ажъ горя́ть, на вы́ду краса́ка у щòчечкахъ такъ и перельва́етця; то ча́сомъ ста́не блида́-блида́, то впы́ять румя́нецъ у не́й якъ жа́ръ зпы́хне. Пі́де прово́рно, порядку́е, усі́хъ поспі́на.... то впы́ять ру́кы опу́стыты, голòвоньку похы́лыты, и де сто́ить, незна́, и що́ робы́ла и куды́ ійшла́, усё забуде́!... Говòрышь до не́й, вона́ не на те́ отві́тъ дасть; та ста́не бы́стро-бы́стро гляды́ты и нына́че дыву́етця, чо́го се лю́ды позòдылы́ся и попере́вьязовани́ ходя́тъ? Озыра́етця-озыра́етця, гля́не на се́бе... и помертвіе́!... Отъ-такà усё бу́ла!

Увійшо́въ и Мыко́ла вже благословы́тыся, и шо́-жъ? не-нады́въ ни тій свы́ты, ни тогò жупа́на, що́ ё́му Олексі́й учòра пидъ винець подарава́въ; а оды́гъ, хочъ и дòбру, та прòсту свы́ту сы́рого сукна́, и усё на нёму бу́ло прòсто.

«Чомъ ты, Мыко́ло, неуряды́вся у ту свы́ту, що́ тобй тэ́сть подарава́въ? И жупа́нь бу́ло оды́гты». Такъ пы́талысь ё́го жиночкы́.

*

— Неїдѣ діло, сказаѣвъ Мыкѡла. Менѣ пагь-отѣць берѣ зъ наньмытївъ, и я такъ батракомъ довжднѣ явїтыся передѣ Господа Бѡга, и видѣ нѣго прыняѣвшы Гѡлочку зъ своимъ щѡстїямъ, тогдї вже стѡты чымъ-нѣ-будѣ луччимъ; а тепѣрь я, самъ ще по собї, ничѡго!

И поблагословївъ-же Олексїй Гѡлочку до винцї, и вї-проводывъ їй такї точнїсинько, якъ на клѡдыщѣ! А щѡ вже плакаѣвъ-плакаѣвъ! Якъ малѡ дитїна! Тяжко-бо їмѹ булѡ, вѡжко на душї, хочъ и сполнѡючи дѡчеччыну вѡлю, та якѡ се вѡля булѡ?... Се усѣ ровнѡ, якъ-бы вонѡ вїбрала нїжъ и просїла-бъ, щѡбъ їй отсѣмъ ножѣмъ зарїзали!....

Їйшла бїдна Гѡлочка до цѣркѣвы швїдко, бїстро и усѣ поспїшаючы; ни на кѡго недывїлася, никѹды неозырнѹлася. Пидъ винѣць самѡ пидїйшла, та якъ стѡла на рушныкѹ, кїнула очїямы на винцї, зтрепенѹлась якъ рыбочка, пидняла очїци у гѡру... такъ слизѡчкї ув-оченїтахъ зассяли!....

Одвїтъ попѡви, щѡ по своїй охѡти їдѣ и щѡ никѡму необищѡлася, сказаѡла гѡлосно, на усѣ цѣркѣву. Правду мѡжно булѡ сказаѣты, щѡ усѣ, щѡ вонѡ ни робїла збирѡючыся зѡмижъ їтї, и пидъ винѣць пидыхѡдыты, то усѣ робїла, мѡвь не о своѣму умї, а нїбы якѡсь сїла велѡ їй до сѣго прѡтивъ їй вѡли. Душѡ и рѡзумъ повеливѡлы їй хочъ погїбнѹты, а недовѣстї мѡлого чоловїка до нещѡстної жївѣты зъ нерївною побрѡвшыся; такъ сѣрденько бо нетѡго бажѡло! Вонѡ крїпко у нїй бушовѡло и хотїло по свѣму зробїты: хочъ на годѡчокъ, хочъ на мїсяць, хочъ на денѣчокъ знѡты щѡстїя, пожыты зъ мылѣнькымъ, щѡ ї вїнъ-же тогѡ крїпко бажѡ, и, хтѡ зна? мѡже ї небѹде ничѡго такѡго, чѡго душѡ бойтїця?... Такъ прѡтивъ такїхъ-то дѹмокѡв Гѡлочка усѣ борѡлася, щѡ тужъ-тѹжъ не подѡлїють їй!... И такї посїлылы-бъ, якъ-бы нетакѡ у нѣй душѡ булѡ, щѡ непиддаѡлася верѡдѡваньню сѣрденька, хочъ такї и дѹже вонѡ жѡлибно прохѡло зробїты по їго. А видѣ сѣго Гѡлочка, якъ свїчечка палѡ, пѡкы стаѣ вѡску; а якъ воскъ догарѡ, такъ и свїчечка гѡсне усѣ тїхше, усѣ тїхше; такъ и вонѡ крїпылася, щѡбъ стѡло сїлы, пѡкы зкинчѡ своѣ діло; а тутъ за усѡкымъ слѡвомъ, якъ одчїтовѡлы мольтѡвї, то и вонѡ мѡвь гѡсла, такъ щѡ якъ прыїшлѡся обвѡдыты кругъ стїльцѡ, такъ вонѡ вже и незмоглѡ самѡ-по-собї їтї, а шепнѹла старшїй дрѹжечци:

«Веды менё... бо впадү...» И справды: якъ-бы не дру́жечка, та щё одынъ зъ дядькывъ повелы йй, то тутъ и впала!

Якъ зовсымъ повинчалы и сталы поклёны быты, вона вдарывшы и непиднялася сама! Кынулысь до неи, брызнули водою, сякъ-такъ видволóдалы йй. Нездужала вже сама йты до дому; Мыкола зъ бойрыномъ черезъ сылу довелы йй.

Якё-жъ и гуляння на такймъ весильи? Чы почастувалы, чы побóдчувалы чымъ рдычывъ, то такъ усй и рóзйшлыся.

И щó-то: хочъ якъ Галочка ни чудно выхóдыла замижъ за свогó батрака, маючы женихывъ що на-луччыхъ и багáтыхъ, и що такъ хутко, безъ зборивъ, безъ прыбóривъ, безъ усякого весилья.... та й тó зналы усй, що ще видъ сáмого пóсту учащавъ до ныхъ якыйсь-то ахвыцёръ, що увезденычкы просыжувавъ въ ныхъ и чáсто дуже смеркомъ вертався видъ ныхъ; усё сёе зналы; такъ отъ-же нйкакъ недóбра слава непрохóдыла про неи, бо однó тó, що дóбре зналы Галочку, що нейдё ни на якё хóдо ни за усй золотыи гóры; а дрóге тó, що тогдй небулò мóды пащыковáты про людёй и шпыгáты ихъ языкáмы. А найпúще на дивóчу славу нитò несмывъ ни пив-словéчка ничóго сказáты. Попрóбовавъ-бы що брехнóты, такъ такъ бáкы и забьють, и вже зъ брехунывъ по выкъ невыйдешъ. Та й старй прыказують булò молодымъ: знáешъ-незнáешъ, мовчы; а колы пёвно знáешъ, що сáмъ що-нè-будъ йменно такé бачывъ, то й тогдй несмы розказоваты, а потыхёнку скажы старшóму, колы ще пылно трéба; а ни? такъ и мовчы собй; бо дивчáча слава—якъ биле полотнó: пылынка впадё, то й выдно. А черезъ такый поря́докъ и дивкы булò бережýтця, крый Гóсподы, якъ! Смýльво мóжно сказáты: нето, що у сóтни, у ты́сячи дивóкъ небулò нйбóднои, якъ тепёръ десáткамы личы, вóлыцею проходывшы. Святёе дйло старовына! Мáбутъ, невёрнетця вона никóлы!

Вже такъ, що и два ты́жня, а трохá чы и небылшъ мынóлося пислá тóго, якъ Галочка выйшла за Мыкóлу; якъ ось рáзъ, у день, старый Олексй сыдыть у хáти и чытá жытыя. Мыкóлы небулò дома, пшóдвъ до чоловйка за дйломъ. Галочка сыдыть край викóнца, зибралася мужыкóви сорóчку шыты, та покраяла, а тепёръ и нерозберё, що и якъ до чóго слйдуе, та мáбутъ видъ тóго и задумалася: ручкы повкладáла на робóти, голóвоньку зхылыла и дýма.... Та що-то за

гярна зъ нѣи молодычка! Вже йменно немѣжно було сказаць, чы гарнйша була дывкою у кдсахъ та у скындячкахъ? чы, якъ теперь, у парчѣвому очынку, що йй крйпко прыстало, що усѣ-бъ на нѣи и дывывся? Лычечкомъ собй хочъ и крйпко похўдла и румъянцю на щѣчечкахъ нестало, та все здавалася, що такъ йй гарнйше було.

Якъ такъ сыдять собй, ажъ ось двѣныкъ.... двѣныкъ.... и усѣ блыжче.... и якъ разъ быля ихъ хаты и ставъ.

Гялочка зыркѣ у вкѣнцѣ.... «Охъ!» тйлки и зкрыкнула.... рўкы и нѣгы затрусылася, лѣдвѣ устала.... и у кымнату-бъ-то поспышаты, и зъ мйсця нестўпыть.

«Що тамъ такѣ?» зпытавъ Олексй, недўже чўвшы, що щось прыбйгло.

— Вйнь, таточку, вйнь!—ажъ задыхаючысь крйкнула Гялочка и кынулася у кымнату.

А тўтъ якъ разъ у двѣри.... и хтѣ-жъ-то? Семѣнь Иванычычъ!

«Здраствуй, мйй любѣзный прыятелю, Олексйо Петровычу!» крйкнувъ Семѣнь Иванычычъ, убйгшы у хату, и кынувся ёгѣ обниматы. «Якъ», каже, «пожываешъ?»

— Спасыби Бѣгу!—сказавъ напрытывъ и Олексй, що и зрадовався, побачывшы ёгѣ, а якъ здўмавъ, щѣ безъ нѣго тутъ совершылося, такъ у нѣго душа такъ и покотылася, и незна, на яку ступыты, и дўма собй: «Бўде-жъ тутъ усѣгѣ дѣброго!»

— Де Гялочка твоя? Чы здорѣва вона? Вже теперь пѣвно вона моя! Ось, Петровычу, прывйзь тобй пысьма и вйдъ брата, и вйдъ дядюшкы могѣ, старшого брата отцѣвського. Тўтъ тобй усѣ дѣбре пышуть.—Такъ казавъ Семѣнь Иванычычъ—сердѣшный! веселѣнькый, говорлывый—и недожыдаючыся надъ собѣю биды, сивъ на лавку и ставъ доставаыты тй пысьма.

«Нетурбўйтеся, Семѣне Иванычычу!» сказавъ старый: «Пысьма описля прочытаемо.... А мѣже вы хѣчете побачыты Гялочку?»

— На, пан-ѣтче, чытай отъ-сйй пысьма, а я побижў знайдў Гялочку, що ще мѣже и незна, що я прывйхавъ. Знайдў и прыведў до тебе, а ты насъ и поблагословы, якъ дитѣй свойхъ. Теперь ни у чымъ небўде замйшкы.—И хотйвъ було бйгты за Гялочкою, такъ Олексй вопынывъ ёгѣ, кажучы:

«Та нетурбуйтесь; вже вы їй незнайдете; вона сама до васъ вийде», та й клыкнувъ: «Галочко! а вийды сюды. дүшко, на часынку!»

Галочка и увийшла! Семёнъ Ива́новичъ кынувся було якъ стрилá до неї, якъ зыркь!... ув-очынку!... ёго Галочка вже молодыцею! Винъ такъ и зтрепенүвся, поблидъ якъ стина и вправъ на стіль. Полёжавшы, зскочывъ и до неї: «Галочко, що-се ты наробыла?»

— Семёне Ива́новичу! сказала поклонившыся ёму Галочка, ковтаючы слёзы, що такъ видъ сёрця ійдуть и дүшуть їй. Першь усёго, каже, говорить зо мндою, якъ зъ мужнёю жонною. Пан-отець менё благословывъ и я по моїй самій чыстїй воли вийшла за чоловіка чёстного, дброго. Винъ менё любыть крпико, шанёе и жалёе менё. Такъ писля сёго мени непрыходытця ни видъ васъ ничо́го слүхаты, ни зпомынаты, та й самыи дүмки трёба намъ видганяты видъ себе.... Прощайте! Ще-разъ довелося вамъ сказа́ты на выку!... Забу́дьте усё и незпомынайте... Я вамъ розв'язала свить.... Вы знайдете своё щастья.... а я!... Слёзы такъ и залылы їй рёчи. Вона мерщій убитла у кимнату, зачынылась и чүты було, якъ зацепнүлась.

Довго Семёнъ Ива́новичъ, прыпавшы на стіль, плакавъ рыдаючы гирко. Дали зскочывъ, обнявъ Олексія, поцеловавъ ёго, кажучы: «Прощай, Олексію Петро́вичу, на вишніи выкы!» вдарывшы себе рукою по головї, выбигъ зъ хаты.

Тилки вони ёго й бачылы и нечулы нико́лы про него ничо́го.

Выйиздывъ я на своёму выку чы-мáло по-свиту! Бувъ и у Змієви, и у Чугуєви. А у другый кинець ще и далше. Проїзжавъ Охтырку, до Лубёнъ доїзжавъ, и въ Прылуци жывъ. Тамъ знавъ я сёго Семёна Ива́новича. Винъ вже видслужывся у вйську. Бесурма́ны-ту́ркы но́гу ёму прострелылы, а ливу рүку видрубáлы.

Разъ, позакүрєвавшы люлькы, лежалы мы у ёго садкү пидъ лыпою; такъ я тутъ зпытавъ ёго, черезъ що се такъ ёго окалычылы? Иншый вернетця зъ вйны цилисынькый и неосмáлений, хочъ и розка́зуе, що и таки и такї городы бравъ.

«Я, дру́же, самъ на себе ськавъ смёрты», сказа́въ Семёнъ Ива́новичъ, здыхнүвши ва́жко. «Невспила загбитысь нога, я

вп'яты на коня. Оттялы рўку; пўкы выгоився, стало замыреные..... пишлы мои дўмки геть!»

— Черезь шў-жъ такэ вы ськалы соби смёрты? зпытавь я.

«Черезь любўвь!» сказаьвь винь и здыхнўвь шэ вѣжче та й задўмаься. Дали й каже: «Я, дрўже, такь любўвьь одну дивчыну, ажъ у Харькови, шў трўхы зь умѧ по ній незйшўвь. Та й булў-жъ видь шўго. Полюбўвь йй—миры нема! Ну, такь полюбўвь, шў бѧчу, немажно менй безь неи жыты. Я подўмаьв-подўмаьв: шў-жъ? вона менэ лўбыть; розўмна, я йй скўро прывчў бўты пѧнею, та шэ такўю, шў лўчче прырождѣнныхь. Шў-жъ? Незахотйла йтй за мене! А шўбь чѧсомь непиддѧтыся, такь вона, безь мене, звинчѧлася абй зь якймь батракўмь, шўбь менй свйту собдоу незавѧзѧты, шўбь несорўмыты менэ собдоу, и усѣе прўчее говорйла».

«Правду тоби, прыятелю, скажў, шў якь вздрйвь йй вже молодйцею, жйнкўю другўго, а не моѣю, то незнаю, якь я туть и невмѣрь на тймь-же мйсци. Та такй и струснуло менэ! Билшъ пив-гўду хйривь. Дали пишўвь на вййну; невбйлы. Прыйшўвь до-дўму; шўбь робйвь зь нудьгы! И свйть менй немйлый, и ни-шў невеселйть. Тўть менэ пособрѧлы у капытань-справныкы, тйлки шў намйснычество видкрйлося. От-то и ставь я по невўли межь людѣй. Дали бѧчу, шў немажно такь прожйты, хочь и тогди Гѧлочкы (такь йй звѧлы) крйпко жѧль булў, бо любўвь йй якось-то нетѧкъ, якь прўчыхь лўбымо. Ну, дармѧ!... сѧкъ-тѧкъ, я и оженйьвся, та узѧвь соби жйнку дўбру, хорўшого рўду, та тйлки бйдну. Такь тўть-то побѧчывь, шў Гѧлочка правду казѧла, шў насъ зайидѧть лўды, якь дознаютця, шў вь мене жйнка зь мужычўго рўду; колй ось мой и благорўдна, такь нѧши тузы и ганьбўють ёю и непрйньмѧють до сѣбе, и менэ чѧсомь поприкають и чужй, и рўдычи. А шўбь булў, якь-бй я на Гѧлочци-бь оженйьвся? Зййлы-бь зовсймь; а вона незтѣрпила-бь бидй на мене и йменно вмѣрла-бь».

«Мой-жъ жйнка, спасйби Бўгу, дўбра, менэ лўбыть. Чѧсомь смйѣтця зь неправды людськди, а чѧсомь и усѣгб буьвѧ. Наградйвь насъ Богъ диточкѧмы: здаѣтця, дўбри бўдуть намь на втйху. Завсегдѧ згѧдую Гѧлочку и дякую йй, шў видвелѧ менэ видь бидй, невиднялѧ вь менэ шўѧстыя, якѣ тепѣрь маю, и якўго-бь зь нею черѣзь людѣй небулў-бь менй. Вона, мѧ-

буць, бэйшэ людзей знала, чымъ я, бо усё по ёй сталася. Розумна була, розумна!»

И якъ задумався, та й доўго сыдывъ усё думачуы, ажэ покы я ёго розважывъ; и винъ мені розказавъ усё, що въ нихъ було зъ Галочкою на Ганчаривци у Харькови.

Прыйшлося-же мені буть описля у Харькови. Куды люды, туды и я: на Ганчаривку прохажуватыся. Хбдучы сюды-туды по вўлыцямъ, поглядаю—знаете, тогды ще мблбдъ бувъ—на дивчатъ, що повыходылы на вдвирья, бо недвйленька була. Дывлбсь—не теперь зпбмынкы!—сыдять на прысьпя дивка та молодыця.... однб тб, що молодбнькы обде, а дрўте, що за красыви! Незнаешъ, котбра красывиша: чы дывчына, чы молодычка?

Я до сбгб тбргу пйшкы, якъ тамъ кажуть. Якъ вздрывъ, такъ и ставъ, якъ укбпаный. Стою и тйлки ихъ розглядаю. Ажэ ось и обизвалася—а я йй и недоглядывъ, що й она тутъ межъ нмы дбржучы дытыну сыдытъ—бабўся, не бвси старб, а такъ, дохбдытъ до старбсты, такъ що булб йй годывъ зъ пьятъдбсбтъ. Якъ обизвалася до мене, та й пытбетця: «А чбгб вамъ, пбнбчку, тутъ трбба?!»

Я й остався ни въ сйхъ, ни въ тйхъ. Трбба що-нббудъ, сказбты, а незнаю шб, и за чымъ я тутъ стою, незнаю. Якбсь-то менй попбло на дўмку, що я на Ганчаривци. Тутъ згадавъ я Сембна Ивбновыча, Галбчку Таранцйвну, та якъ нйгде дйтысь, такъ я и кажў: «Та менй тутъ трбба булб знайты..... чы незна..... мбже хто.....»

— Кбгб-жъ вамъ трбба? спыталася тбя жйнка.

«Чы незна хто, дб тутъ жылб, а мбже й жывб Галбчка Таранцйвна, такъ йй зъ мблбду звблы».

— А нб-що вамъ она? всмйхбючыся пытб она менб, а самб такъ бйстро на мене дывытця..... а чбрни бчы, правду сказбты, зъ мблбду, такъ, що бчы булы.

«Та тамъ..... видъ однбгб чблбвйкб покблбнъ йй передбты».

— Видъ кбгб-бъ-то? та такъ трбшкы и посмутылася, и кбже менй: «прбсымо, пбнбчку, у хбту; мбже и я вамъ що-нббудъ про нбй скажў. Посыдыте-жъ, дбнбнькы, за ворбтамы, та выглыдайте ббтькб. А тб, Натблко, сказбла она молодыця: «озьмы свою дытыну. Та невтыкбй ще до-дбму: нехбй мужыкъ за тоббю прыйде. Прбсымо, пбнбчку, до госпбды».

Ничого робыты: трэба мені йты за нёю. Увійшы. Отъ вонá и пыта, усё усмихаючыся: «А хтò-жъ-то поклòнь пересыла до Гáлочкы?»

— Чы ты-жъ й, пань-мáтко, знáешъ?

«Мòже и знáю, якъ скáжете, видъ кòго поклòнь».

— Та видъ Семёна Иванóвыча, изъ-пидъ Прылúкы.

«Я такъ и думала», скáзала жинка похылывшы гóлову. Дáли подумавшы и пыта: «Якъ винъ соби поживá?»

— Е, такъ ты-то и ёсть Гáлочка? зпытáвъ я.

«Мòже такы и я. Такъ винъ вамъ розкáзовавъ про мене?» пыталася Гáлочка, трòшкы зминяючыся на лыцi.

— Розкáзовавъ усё. — Отъ и розкáзавъ й, що чувъ видъ Семёна Иванóвыча и якъ винъ й дáкуе, и про усё говорывъ.

Якъ-же розговорылыся, то й вонá розкáзала усё, що яко-вó й булò, якъ зпёршу стáла знáты ёгò, и щò опислá булò зъ нёю.

«Я ёгò любыла крiпко», розкáзовала Гáлочка: «и для нёго, щòбъ ёму щáстыя дáты, пшлá-бъ на усáкую мýку. Не лёгка мýка, якъ я и зáмижъ пшлá, щòбъ ёгò видлучыты видъ мене. Йшлá, и самá незнáю, за кòго йдú, и для чòго йдú. Точнiсинько, якъ уви-снi булá! Ничòго нерозберú, що рòбытця, а усё поспшáю..... Незхамёнулася и зáмижъ пшэдшы. Усё нiбы я не у свòему умi булá. Якъ ось прыйхавъ и Семёнъ Иванóвычъ. Якъ я выйшла до нёго, щò зъ нымъ говорыла, ничòго нетáмлю, бо на мене затымъ прыйшла такá гарячка, що я шистъ недиль неуставáла. Думалы, зовсимъ вмру!»

«И одужавшы, я непрыхóдыла до умá. Усё менí булò тáжко, усё вáжко! Нудгá замúчыла. Чáсомъ булò незнáю, що се за чоловiкъ? А се бувъ мужыкъ мiй. Тiлки булò батенько, нехáй царствúе, розговорыть мене, то я хочъ наплáчуся дòбре, то менí и лёгше стáне. А то хочъ скрызъ зёмлю, хочъ свить за-очыма пiйты! Такá бидá булá!»

«Ажъ ось Господь давъ менí хлопчыка. Якось-то прыйшлòся, що новорождённому далы íмъя Семёномъ. Я зрáдовалася и прыйшлò менí на думку, нехáй винъ бóде Семёна Иванóвыча хрещёныкъ. Батенько мене послухавъ, а Мыкóла, мужыкъ мiй, той и дáвно! Винъ ще й тепёръ менí у вiчи дывытця, чымъ менí угодыты».

«Отъ мы и покумáлыся зъ Семёномъ Ива́новичемъ хочъ за́-очи. Що́-жь? Зъ першого хлопця зъ мене якъ рúкою зняло. Я перестала журы́тыся, ста́ло менí лёгоко ды́хаты; я почала розумíты, що я вже ма́ты, що трéба думаты объ дítяхъ, та да́льше-да́льше, и вдáрыла лы́хомъ объ-землю».

«Нехóчу брехáты, частíсинько думала объ Семёну Ива́новичу, зпомына́ла, якъ мы зъ нымъ зпизна́лыся, и здава́лося менí, що у ти поры, якъ я була зъ нымъ, що я не по сій землi ходыла, а по иншiй, по золотiй, межъ прехорóпымы цвiтóчками. Здава́лося, що й сонечко яснiше свiтыло и тiлки на насъ на двóхъ и ся́ло, и веселисть и радисть намъ подава́ло! Дали я ненáче упáла у якусь яму, де тёмно, пúсто, мовъ у гробу!.... Що робы́лося зо мною? ничóго нетя́млю!....»

«Якъ выйшла зъ ямы, свiтъ менí пидня́вся. Въ мене е мужъ, чесна, дóбра душа; шану́е, любыть, береже менé: пылыни недасть на мене пáсты.... въ мене хлопчыкъ, сынóчокъ, втиха мой!.... Дали-дали—менí усé лёгше, усé веселiше. Въ мене и дóчечкы: от-тò Натáлку бáчылы? Другый гóдь заму́жемъ, на Подóли; отъ-тò iй и дытына. Дрúга дóчечка пидростá и тó-жь будé красы́ва. Мой дóчки, кажутъ, по менí пiшлы; у велькiй слáви», усмиха́ючысь сее розказовала Гáлочка.

«Стáрший хлопецъ, Семёнъ, парёнъ друзя́ка. На той гóдь, диждемо, будемо жены́ты. Дрúги хлопцáта пидростáють: иншый у ремéстви, а иншый пысьма́ вчытця».

«Бáтенька поховáла, та вже тогдi, якъ оглядiлася, и у рóзумъ прыйшла. Винъ потишáвся унучáтамы, веселiвся, глядючи, що я перемогла́ своё лы́хо и жыла́ у щáстты, недумаючи колы́-небудь ёгò ма́ты. Благословы́въ насъ, дяковавъ менé, що я невыйшла зъ своёи дóли, незахотила пáнею бúты, и успоко́ився на-вiкы».

«Зъ Мыкóлою мы жывемо́, якъ Бóгъ нехай дае́ и уся́кому. У насъ одна́ думка, одна́ во́ля, одна́ душа́. Немá у насъ неты́лки свáрки, або лáйки, та й нечу́лы мы одынь видъ óдного проты́вного слóва. Жывемо́, багатiемо, маемо́ диточóкъ дóбрыхъ, слухы́ныхъ, и за усé хвалы́мо Бóга!»

— А Семёна Ива́новича чáсто згáдуешъ? зпытáвъ я.

«А якъ-же? Усякъ дѣнь молюся за нѣго: щобъ ёму Богъ пославъ щастыя за тѣ, що винъ менѣ хотѣвъ, по ёго думцѣ, щаслывою зробыты. Теперь, якъ чую, що винъ щаслыво пожива и що Богъ и ёго благословѣвъ диточкѣ, такымы-же дѣбрымы, то менѣ на сѣрци стало вѣсело. А то було не безъ того, що журуюся, нечѣвшы объ нимъ ничѣго. Вѣсело менѣ и тѣ, що винъ менѣ дякуеть, що зробыла для нѣго моя щыра любѣвь!»¹⁾

Самѣ йстынна правда була усѣму, що я от-сѣ розказывавъ. Ще й теперычкы е у Харькови на Ганчарѣвци старѣ люды, що чѣлы видѣ батькѣвъ свойхъ, а дѣ-котри и самѣ зазнають сюю Галочку и що зъ нею и якъ повѣдылося. Панотця йѣ по вѣлышному звѣлы и Лытвыномъ, такъ и вона видѣ того взывалася «Лытвынѣвна». Двѣрь Олексѣя Таранця бувъ самѣ на вѣлыци «Довгалѣвка», що на Ганчарѣвци, и часточка ёго пидъ дворѣмъ мищанына Головына, супротѣвъ Сырыкового дворѣ якъ разъ; а бѣлша часть видѣйшла на плѣщадъ, де стоять жандарскѣ конюшны.

Обищався менѣ чоловикъ и тыхъ писѣнь достаты, що на Галочку Таранцѣвну позкладѣлы тогдѣ люды, усѣ выхваляючы йѣ, якѣ-то вона була красѣва. Такъ колѣ достѣне, то я ихъ де-небудъ прыткну, щобъ нашоѣ Ганчарѣвки слава негынула.

Другое окончаніе повѣсти „Щыра любовь“.

Въ XVII томѣ «Современника» (1840) редакція «Современника» (т. е. П. А. Плетневъ) помѣстила слѣдующее:

«Въ XVI томѣ «Соврем.» помѣщена повѣсть г. Основьяненка, подъ названіемъ «Вотъ любовь!» Говоря нѣсколько разъ о сочиненіяхъ этого автора, мы уже имѣлы случай передать о нихъ читателямъ своимъ наше мнѣніе вообще. Оно, кажется, нигдѣ не встрѣчало противорѣчія. Въ талантѣ г. Основьяненка всѣ призналы самобытность, многосторонность, присутствіе истины, художническую полноту и удивительное чувство красоты—отъ комизма до самаго трогательнаго. Нѣтъ сомнѣнія, что въ

¹⁾ Въ переводѣ прибавлено:

— Кто научилъ тебя, Галочка, дѣвушка простая, безъ образованія, безъ свѣдѣній о свѣгѣ, кто научилъ тебя такъ любить? Вотъ любовь!

повѣстяхъ его еще болѣе совершенства, когда онъ излагаетъ ихъ на малороссійскомъ языкѣ; потому что лица, характеры, общество, бытъ и натура — все прямо требуетъ того языка, на которомъ до изложенія обрабатываютъ свои предметы умъ и воображеніе автора. Русскіе обороты, выраженія и слова часто неравносильно отвѣчаютъ движеніямъ души его. Но мы по этому дѣлу чистосердечно, вмѣсто автора, себя отдаемъ на судъ взыскательной критики. Онъ до сихъ поръ остается въ убѣжденіи, что ему надобно писать только по-малорусски. Неотступныя просьбы наши склонили его войти въ ряды писателей русскихъ. Уваженіе господствующей нашей литературы и патріотическое желаніе пополнить ея произведенія созданіями столь рѣдкаго таланта — вотъ что осмѣливаемся представить въ свою защиту. Мы, впрочемъ, сознавая необыкновенныя достоинства въ сочиненіяхъ г. Основьяненка, неувлекаемся ими до ослѣпленія. Въ подробностяхъ нѣкоторыхъ сценъ у него встрѣчаются излишества. Въ его воображеніи такой избытокъ жизни, что онъ, увлекаемый богатствомъ идей и образовъ, уступаетъ таланту своему побѣду надъ искусствомъ.

Несчитая себя въ правѣ вооружаться противъ того, что авторъ неподвергъ окончательному своему разсмотрѣнію (потому что неприступилъ еще къ изданію сочиненій своихъ въ отдѣльномъ собраніи), мы сообщили ему одно замѣчаніе о повѣсти «Вотъ любовь!» Наше замѣчаніе некасалось тѣхъ частныхъ, которыя, въ томъ или другомъ видѣ, нисколько не дѣйствуютъ на достоинство повѣсти. Мы говорили съ нимъ о самомъ созданіи, которое какъ-то странно разрѣшалось въ умѣ нашемъ. Предметы изящныхъ искусствъ, исполняемые художниками въ надлежащемъ совершенствѣ, никогда не выходятъ изъ-подъ законовъ естественности. Главное лицо, выведенное въ этой повѣсти (Галочка), соединяетъ въ своемъ характерѣ, въ своей жизни и всей индивидуальности изумительныя черты граціи, простосердечія и возвышенныхъ чувствованій. Природа и искусство должны здѣсь обняться въ восторгѣ передъ общимъ своимъ твореніемъ. Съ этой стороны разсматривая Галочку, кто не почувствуетъ, что ея появленіе украсило или, по крайней мѣрѣ, увеличило кругъ тѣхъ восхитительныхъ идеаловъ, которые увѣковѣчены художниками для эстетическаго созерцанія? Жертва, приносимая ею изъ любви истинной и глубокой, есть торжество безсмертной души. Но здѣсь,

по нашему мнѣнію, уже и предѣль всего, что можетъ вынести слабая природа человѣка.

Извѣстно, что великіе писатели ничего на природу не выдумываютъ. Мы неумѣли изъяснить, какъ случилось, что г. Основьяненко повелъ свой рассказъ еще на нѣсколько десятковъ лѣтъ. Къ счастью, люди съ истиннымъ талантомъ не возмущаются, когда надобно рѣшить вопросъ и объ ихъ ошибкахъ. Мы получили отъ автора самое удовлетворительное изъясненіе того, что казалось намъ непонятнымъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Читатели наши узнали уже изъ повѣсти г. Основьяненка, что онъ разсказаль истинное происшествіе. Но авторъ, нежелая впасть въ повтореніе окончанія прежней своей превосходной повѣсти («Маруси»), въ противность судьбѣ *Галочки* придумаль для нея конецъ собственнаго своего сочиненія. Онъ теперь раздѣляетъ наше мнѣніе и представляетъ здѣсь въ новомъ (т. е. истинномъ) видѣ окончаніе повѣсти. «Вотъ любовь!»

Примѣч. ред. Въ рукописи Квитки передъ вышеприведеннымъ окончаніемъ вставлено 4 страницы на другой бумагѣ, начинающіяся съ „Здравствуй, мій любезный...“ (см. выше, стр. 294). Затѣмъ, послѣ „вечули николи про него ничего“ (стр. 295), слѣдуетъ:

Олексій, zostавшыся одынъ у хати, довго нетямывъ себе, такъ ему вѣжко було дывытыся, якъ вони межъ собою побачылись и якъ розирвалыся на вишніи вѣкы! Прочунявшы трѣхы, заразы ставъ молытыся Бѣгу, що чы несогришывъ винъ тымъ, що розлучывъ такъ ихъ любовъ? «Щобъ побратыся имъ — нѣжъ того немѣжно було; и щобъ закинчаты усѣ, трѣба їй було выиты за дрѣгого. Сѣго и сама Галочка хотѣла; я їй выбравъ чоловіка дѣброи души, чѣсного; винъ Галочку, не те що любытеме, винъ буде їй шановаты, зберегатыме їй. Галочка по своей охѣти ийшла за него, вона нецураетця его, бачыть якъ винъ вбываетця объ нѣй, вона и дякуе ему..... А дали, якъ Семѣна Ивановыча тутъ небуде, то она его по трѣшку и забуде; а винъ, спасыби ему, и винъ побережеть їй, винъ небуде показоватця до неи и самъ, щобъ нерозважаты нудгы їй. Саме важке — у останнѣхъ попрощатыся, мынулося вже. Теперъ молытыся Бѣгу и видъ Его мѣлосты ждаты, щобъ мы усеи затыхлы соби и стали жыты безъ гора.

«Галочко! Выйды, дѣшко, до мене; вже я самъ». Такъ казавъ Олексій, стѣкаючы тыхѣнько до неи у двѣри.

Галочка, а ще лучче сказаты—тѣнь їй—такъ-то она зминѣлася ув-одѣнь часъ!—вѣйшла, лѣдѣ ступаючы, кѣнулася бѣтенькови на шыю, гѣрко плакала укѣпи зъ нѣмъ и нездѣжаючы стоѣты, прысѣла на лѣвци.

Сѣ вже у остѣннѣ», лѣдѣ промѣвила она. «Боже! простѣ менѣ за сю годѣну! Мѣже я зпиткнѣлася?... Я чоловѣкъ!... Тѣточку! И вѣ, и Мыкѣла непобѣчыте билшъ мойхъ слизочѣкъ, а дали-дали незамѣтите нѣякои журбѣ за мнѣю!»

Олексѣй, бѣачы, що она крѣпко зминѣлася пѣсля тѣго, якъ побѣчылася зъ Семѣномъ Ивановычемъ, прыголѣбывъ їй, просѣвъ, молѣвъ, щобъ она вѣплакала своѣ гѣре, що пѣсля тѣго їй лѣгше бѣде; щобъ недѣшѣла своѣи журбѣ, а по трѣху зовладѣвала-бъ їй.

Галочка вже мовчала, неплакала и—такъ-бы-то бѣчытѣця—слѣхала ѣгѣ, та ничѣго нечѣла, що винъ їй казѣвъ.

Вернѣвся Мыкѣла. Ажъ вжѣхнѣвся, побѣчывшы, якѣ стала Галочка у корѣткѣй часъ!

Олексѣй хотѣвъ булѣ казѣты, такъ Галочка зопынѣла ѣгѣ и швѣдѣнько каже: «Мыкѣло! От-се бѣвъ тутъ Семѣнъ Ивановычъ..... Ты знѣешь усѣ..... винъ незнавъ, що вже я за тобѣю..... Дѣбрыѣ! винъ поплакавъ трѣхы..... и ѣ незтѣрпила!... простѣ менѣ! Се святѣ слѣзы.... я вже никѣлы непобѣчу ѣгѣ....»

— Чымъ-же ты вѣнна, що кажешъ, щобъ я простѣвъ тебѣ? казѣвъ їй Мыкѣла, прыгорнѣвши їй до своѣгѣ сѣрѣця. «Чѣ ѣ хто чѣстышѣй тебѣ?....»

«Гѣди-жѣ, гѣди», сказѣла она, сылкѣючысь всмихнѣтыся. «Се хмѣрка набѣгла булѣ и вже..... никѣлы неврѣнетѣця. Побѣчышъ, що я любѣтѣму тебѣ..... Поможѣ менѣ лѣгодыты обѣдѣ, бо пан-отѣць нашъ хѣче обѣдаты».

Усѣ пѣшло на порядкѣхъ, якъ и булѣ спервѣ; тѣлки Галочка що-дѣнь зминѣлася. Дѣже вѣдко булѣ, що она сѣловала себѣ, щобъ и по господарствѣ старѣтыся, або робѣты что, або розговорѣтысь зъ кымъ; зазывѣла до себѣ пѣдругѣ, иногди самѣ ходѣла до нѣхъ, та се усѣ робѣла дѣже себѣ сылкѣючы: и за робѣтою, и зъ пѣдругамы, бѣчытѣця, и слѣха, що она розказѣють, она усѣ булѣ у дѣмкахъ; а слѣзы такъ и вѣдно булѣ, що отъ хлѣнуть зъ очѣй..... она ихъ здѣржуе, перемога нудѣгу своѣю..... И такѣ їй мучѣные зъ собѣю никѣлы булѣ немѣнетѣця їй: нетѣлки що кѣжнѣй дѣнь, она кѣжнѣй часъ подавѣлася усѣ билшъ, усѣ билшъ, и кѣжнѣй

вечирь вона вже була нетака, якь була ранкомь. Мыкола непокидавъ їй, розважавъ їй, у вичи дывывся, чого-бъ вона забажала; усё хотилось ёму, щобъ вона повеселишала, щобъ забула журбу свою. Пан-отець тѣ-жъ розговѣрювавъ їй, щобъ вона объ чимъ другимъ думала; усё понапрасно! Отъ и слуха Мыколу..... дали стане дывытыся на него, розглядаючи, мовъ у перше бачыть чоловіка; пизнаѣ ёго, згадуе, хто се такый?.... и тутъ..... здыхнѣ тяжко та тяжко, видъ сѣрця здыхнѣ, згадавши усё..... кынетця до него и жалибнѣнцько, та неплѣчучы — бо якь сказала, такъ и неплѣкала николы; вже и слизочѣкъ небуло, усї канулы на сѣрце — казала ёму: «Бачу усѣ, знаю, щѣ ты для мене робышь, дякую тобі за твою крѣпко добрую душу..... та що-жъ менї робыты? Немѣжу зовладаты зъ собѣю!.....»

И непосылыла такы гѣрѣя своѣго! Скѣро такъ знемоглася, що нездужала и зъ постѣли устаты.....

«Мыколо! сыну мій!... Бачытця.... вона насъ покыне?...» гѣрко плѣчучы та вбываючыся казавъ Олексій.

— Хыба-жъ мы достѣйни, щобъ янголъ небесный жывъ зъ нами? сказавъ Мыкола и пшвѣдче до болящой.

Вона неболіла, вона нестраждала, а часъ видъ часу догоряла, мовъ свѣчечка, засыхала, мовъ былыночка. Тѣломъ хочъ зовсімъ опустылася, такъ духомъ була бѣдра и небоячысь дожыдала, що їй нахѣдыть.....

«Тепѣрь я помырылася зъ Богомъ мылосѣрднымъ!» такъ казала вона, зпѣлнышы усѣ по закону святѣму: «я гѣтова..... їйдѣ передъ судьѣю праведного и мылосѣрдного Отця..... Винъ менѣ неотженѣть видъ себе!... Я спѣлныла самый святѣйшыи законъ Ёго: душу свою положила за могѣ друга..... щобъ видвернуты видъ него гѣре!... Себѣ незмогла, нездужала зберегты..... Я старалася..... незмогла..... я чоловікъ! Отець мій бѣде розбѣраты моѣ хотѣнныя..... винъ незоставыть покѣрной дочкы.....»

Такъ розговѣрювала вона, сѣдючи на постѣли своѣй, дѣржачы Мыколу за-руку и прыпавшы голѣвкою до батенька..... якъ ось..... бачыть, колѣ неи велыкій свѣтъ..... чѣе, клычуть їй якъ-то дѣже прыятно..... вона, мовъ їйдѣ у гѣру..... зырнула у нѣзь..... ажъ батенько їй и мужыкъ — надъ їй тѣломъ.....

xv.

ЛЫСТЫ ДО ЛЮБЕЗНЫХЪ ЗЕМЛЯКИВЪ.

ЛЫСТЫ ДО ЛЮБЕЗНЫХЪ ЗЕМЛЯКИВЪ *).

Знаючи, якъ вы, землякы мои любезни, лѹбыте чытаты, або слѹхаты, хто вамъ чытá розѹмну кнѹжку, и перениматы усѣ дѹбре, и бачачы, що мáло вамъ трапляетця такыхъ кнѹжокъ, бо на усяку кнѹжку трѣба грѹшей, та и зъ грѹшмы недотѹпшыся ихъ купыты; отъ я доложывся нашому началству—бо безъ него нетрѣба ничѹго робыты, хочъ-бы ты и дѹмавъ, що вонѹ дѹже гараздъ бѹде,—ѹтъ-же-то началство и подѹволыло мени обо всѹмъ до васъ пысаты, та усѣ по нашому, щобъ усякому розѹмно булѹ, и щобъ вы усѣ до слѹва розибралы, нетолкѹючи ёгѹ по свѹему. Такъ слѹхайте-жъ менѣ и казенни, и пánськи, и усякый нарѹдъ: нехáй хто пысьмѣнный вамъ чытá, а вы слѹхайте; и колы що до дѹла скажѹ, то, бѹдьте ласкавы, перенимайте и робите такъ, якъ тутъ вамъ совѹтуетця, та знайте: якъ-бы що-небѹдь не до дѹла зпысáвъ, або не до добрá васъ навчáвъ, такъ-бы мени неподѹволыло началство; бо якъ бáтько за дѹтьмы, такъ вонѹ доглядá, щобъ вамъ усѹмъ булѹ добрѣ жыты.

Землякъ вашъ.

I.

Попередъ усѣго розберѹмъ, щѹ-то означá: той казенный, той пánський, той обывáтель, той экономычеськый? Се, люде дѹбри, колы хѹчете знáты, се усѣ суть едѹно. Цáрство наше такѣ вельке, що й нема ёгѹ бѹлшого. На уси чѹтыри стѹроны, скѹлки тысячывъ верстѹвъ вонѹ сягнулѹ, такъ що и розказáты трѹдно! А у такымъ велькымъ цáрстви, скѹлки е усякого нарѹду? Тутъ вже не тысячамы ихъ трѣба личыты, а

*) Харьковъ 1839. Помѣтка цензора: Спб. Мая 11 дня 1839 г.

мыллыбнамы. Чы знá хто, щó-то знача мыллыбнѣ? Ось що: наличы чоґо нѣбудь тысячу, що у тысячи десять соть, оть-тѣ й тысяча; та такыхъ тысячивъ наличы тысячу тысячивъ, оть-тогдѣ буде мыллыбнѣ. Тѣлки подуматы мѣжно, та й тѣ невовсимъ додумашся, щó-то мыллыбнѣ людѣй; та такыхъ мыллыбнивъ у нашому царствѣ е билшь, чымъ пятьдесятъ. А щѣ? трѣхы народу? Трѣба-жъ имъ порядокъ дати; трѣба кожного защытыты. Ось для сѣго и е губерныя, оть-якъ и наша Хáрьковська, що и въ нѣй народу усякого е билшь мыллыбна, съ жѣнськымъ поломъ.

Щѣ жъ-бы-то, якъ-бы увѣсь сей народъ, та пидь однимъ порядкомъ бувъ? Чы вправывся-бъ хто скѣро? Чы мѣжно-бъ було усякому якъ разъ защыту дати? Колы посварылысь межъ собѣю, то чы вспивъ-бы одынъ чоловікъ ихъ розибрати, розсудыты? Тамъ Мыхáйло зъ Мыкытою объ левáдѣ—прымѣромъ кáжучы; тамъ Даныливци зъ Деркачывцями объ скотыни; тамъ Люботынци зъ Гийвцями объ лѣси; тамъ Богодуховци зъ Синнянцями объ тѣмъ: тамъ-таки зъ такымы объ другимъ, та й Господы! Куды-жъ тутъ одному начáлныку управытыся и усякому судъ дати? Оть-тѣмъ-то усяка губерныя розпысана на уйзды; а що людѣ по уйздамъ у слѣбодахъ та у сѣлахъ жывуть, такъ тѣ розпысани по своему сорту, и усѣ осбѣ. Войсковѣ обыватели, экономычеськи, казенни крестьяны, выморочни, помѣщыччи, ильготни, отставнѣ салдаты и усякый якый е народъ, усѣ розпысани по своему чыну и усякому сорту; у усякому селѣ и слѣбодѣ е свой начáлныкъ, а надъ нымы судящи и командѣры у уйздному гѣроди, а надъ тѣмы уйзднымы е у губерньскому гѣроди, а надъ всѣмы ими е губернаторъ, та ще и генераль-губернаторъ.

Панськи-жъ людѣ, що зовутця и по кнѣгамъ пышутця «помѣщыччи крестьяны», такъ тѣмы завѣдуютъ, управляютця и порядокъ дають самы паны, усякъ у свой державѣ. Якъ надъ казеннымы справнымъ, або становѣй порядкѣ, объ подушнимъ и усякимъ зборѣ хлопѣче, роботы загадуе и усякый порядокъ даѣ; такъ надъ своимъ подданнымъ усякъ помѣщыкъ убываѣетця, подушне розпредилѣя, порядокъ даѣ и защыща ихъ видъ усякихъ обыдъ чы по сусѣдству, чы видъ чоґо-бъ-то ни було; нѣкрутъ даѣ по своей воли коґо и скѣлки слѣдуе и усяке такѣ, якъ е у своему господарствѣ. За тѣ вонѣ по-

вынни помішыку своѣму робыты, слухаты ёго у усякимъ дѣли и якъ отця и началныка почытоваты; а черезъ тѣ облегченые е началству: вже имъ нема хлопотъ прѣмо зъ мужыкамъ: прѣмо пышутъ до пана, що оть-то и то трѣба зробыты, стылки пидвѣдъ пидъ военну команду выслаты, оть-таку до рогу або мѣсть справыты; оть помішыкъ и распорядытця, щобъ не у тягость було людымъ и зъ порядкомъ зрблено.

Оть-такъ и ійдѣ усѣ гараздъ. Нема ніякои замішкы: усякъ надъ своимъ распоряджѣ и усѣ ійдѣ справно и нікому нетяжко и ніхто незобыжденъ. Усімъ на-ривно, тѣлки для порядку по рѣзнымъ спискамъ ійдуть и щобъ незамишѣтыся, такъ ривно зовутця. Оть-такъ якъ и у війську: то зовутця уланы, то гусары, то пихотни, и надъ усякымы є свѣй началныкъ, а усѣ на-ривно, усѣ салдаты; хочъ усякому е свой робота, а усѣ до одного дѣла дохдытця.

А усѣму сѣму народови, хочъ салдатамъ, хочъ мужыкамъ усякого сорту, и купцѣмъ, и панамъ, и судящымъ, и усѣмъ-усѣмъ, хто є у нашому царствѣ, одна голова, одынъ началныкъ, одынъ Государь нашъ, Императоръ Николай Павловичъ, нехай Ёго Богъ, для нашего, и дитѣй и унучѣтъ нашихъ щѣстыя, довго на-свити продержытъ у щѣстыи и у здорѣвьи! Якъ Богъ на небесахъ, такъ Винъ у насъ на землі! И що-то? Якъ отецъ мылосѣрдный! Такы слѣвно якъ бѣтько у симѣ вбывѣетця за усѣхъ, доглядѣе за усѣма, щобъ усѣмъ було по ривно чы роботы, чы достѣтку, и щобъ ніхто зъ ёго дитѣй ни жѣдного незобыдывъ; такъ Винъ, Ёго Императорское Величество, ничъ и дѣнь трѣдытця, надъ усѣмъ доглядѣа, началныкывъ поставлѣа усѣды и яко мѣга повелѣва и указы посылѣа, щобъ усѣды була прѣвда, щобъ ніхто несмѣвъ нікого и ничѣмъ избыдыты; а колы е обыжденный, оборонѣты ёго, защытыты и усѣды-усѣды повелѣва доглядѣаты, щобъ усѣ було по порядку. Ёму, нашему Царю и Отцю, усѣ мы ривны-синьки, усѣ Ёму якъ дѣты. Якъ Богъ мылосѣрдный посылѣа намъ и жѣзнь, и свѣтъ, и хлѣбъ насущный; такъ и Царь нашъ мылосѣрдный объ тимъ усѣ и дѣма, щобъ намъ, Ёго вирнопѣдданымъ, було усѣ добре, и спокойно!...

Колы-жъ вы оть-се слухаючы сыдытѣ, то зарѣазъ устанѣте, перекрестѣтѣся, поклонѣтѣся и помолѣтѣся за нашего доброго и велыкого Государя и пылно молѣтѣся за Нѣго у рѣвнци

и у вѣчери, и згадай, що ты ничъ спавъ добре и уставъ соби якъ трѣба, а Винъ, Ёго Величество, надъ полусвитомъ Государь, чы зволывъ-же почываты сю ничъ хочъ трѣхы, хлопчучы, та вбываючыся, та прыдумуючы, якъ-бы тоби и усякому чоловику у Ёго царстви булò добре и спокойно жыты и щобъ одынь-другого незмигъ избыдыты. Молись за Царя и псля трапезы; бо Ёго трудамы и Ёго оберегательствомъ ты соби живешъ казьиномъ, ни хтò тоби немишае заробляты, ни хтò у тебе твогò невиднѣме, бо ё куды и кому пожалитыся и защыту получыты, дякуючы добрымъ и розсудлымъ начальнымъ, видъ Него-жъ постановленнымъ. Усё-усё що ё въ тебе, що прыдбавъ, що заробляешъ, що зберешъ, усё — черезъ Него, черезъ Ёго тоби защыту и черезъ Ёго труды и догляданья, щобъ намъ усѣмъ булò добрò.

И щò-то: нетилки у цѣркви, якъ почытують Ёго Вельке Имья, та и завсегдà молись за Царя. Такъ Богъ у святому Своёму пысаныю повелива. Учы и дитѣй сѣмю и незнающаго навчы и розтолкуй, то и Богъ благословить тебе уво-всѣмъ, що ты такъ по правди робышъ.

II.

Вы-жъ думаете, що тилки усёгò и трѣба, щобъ молятыся за Царя?—Э, нѣ. Трѣба усякому те робыты, що законъ повелива. Небуде ни хтò ничòго робыты, ни у чимъ помагаты, що-жъ зъ тогò буде? Замишательство, непорядкы. Подывѣтеся: усякъ-усякъ чоловикъ, хто живе на-свити, усякъ трудытця, усякъ сполня святыи законъ, що Царь повелива. Видкиля наши пѣрви начальныкы и найизжалы, и теперь е? Усё не зъ напыхъ мисць. Покыне и казайство и господарство своё, а иншыи и симью, та по Царьскому указу и повелыню йде здалека и служыть тутъ. Военни, и генералы, и охвыцеры и усякъ салдатъ, тилки прыйде Царьскый указъ, якъ разъ зибралыся и пишлы.... куды-жъ? на гряныцю, бороныты насъ видъ неприятеля, який осмилытця щобъ на насъ пиднатыся; отъ и йдутъ, и незнають, хто зъ нихъ жывъ вѣрнетця, а йдутъ бòдро и вѣсело, ще и писенекъ спивають и ни обчымъ нежурятця, бо знають, що святыи законъ сполняють, слухаючы Царьского указу; и що йдутъ защытаты виру святу и православныхъ хрыстыянъ, такъ ёмъ нестрашно и

вбѣтому бѣты, бо винѣ е мученыкъ, пострадавъ за віру свя-
тѣю хрыстыянску,

Отъ-такъ и намъ, землякы мой любезни, трѣба усякому
свое діло робыты. Мы не салдаты, мы не военни, такъ намъ
трѣба имъ зпомогу дати. Якъ-же-то?—Ось-якъ.

Салдату трѣба, хочъ у походи, хочъ на кватѣри, трѣба
и мундѣръ, и усяка одѣжа и харчѣ. А скылки ихъ ё у на-
шому славному царствіи? А скылки ихъ трѣба скрызъ по гря-
ныци? И протівъ Туркыивъ, и протівъ Черкесыивъ; и до Нѣм-
цыивъ трѣба, и у Сыбыри трѣба, бо скрызъ наша гряныця; хочъ
и замыреные, хочъ нашыхъ и боятця уся, та усѣ-жѣ трѣба
щобъ вѣйсько стояло на поготови по-быля гряныци, та ще
щобъ немалѧ и сыла! Трѣба-жѣ и зодягты, и зобѣты, и про-
кормыты; трѣба и коней, и оружѧ, и шѧбли, и пѣшки и
чогѧ-тамъ нетрѣба! Се-жѣ на вѣйсько по гряныци; а по гу-
берныямъ, а по уйздамъ скылки начѧльныкыивъ, судѧщыхъ! Ка-
зѧвъ я вамъ, що одынь начѧлыкъ неможѣ розпорѧдку дати,
одынь судѧ дя неможѣ усяихъ розсудыты; то и трѣба, щобъ
для усякого нарѣду бувъ начѧлыкъ и щобъ не одынь судѧ
бывъ; бо колы тебѣ ув-однымъ сѣди изобѣдють, то тоби можно
жѧловатыся у вѣщый судѧ, що зовѣтця пѧлатою, у губер-
нии. Скылки-жѣ такыхъ судыивъ? И уся доглядають, щобъ
усюды була правда! Трѣба-жѣ и судѧщымъ жѧлованья, трѣба
суды протопыты, трѣба имъ и свѣтла и чы-мѧло чогѧ! А ка-
раблѧ пострѣиты? А що карабѣль постройты, то усѣ наривно,
що и цѣлый гѣродъ. А на караблѧхъ тежѣ вѣйсько, що и на
землѧ, и тѣ имъ усѣ трѣба, що и тымъ! Та чы мѧло такѧго,
що трѣба содѣржаты? Усяки учылыща, усяки казенни хорѧ-
мы по городѧмъ пострѣиты, малыхъ диточѧкъ, сырѣтокъ вы-
годуваты, до наука-до розуму довесты, та такы на усѣ,
на усѣ трѣба казны!

Отъ-же то: якъ мы живемѧ мовѣ у Бѣга за дверьмы и
незнаемо нѣякого лыха, небоимѧся за своимы салдатушкамы
ни зъ землѧ, ни зъ мѣря нѣякого непрѧятеля; спымѧ собѧ
у ноцѧ безъ стрѧху, щобъ харцызы—якъ колысь бувѧло у
старовыну, не за нашѧ пѧмѧты—насъ необидрѧлы; хѣдымо
по дорѧгамъ, Бѣгъ зна якъ далѣко, зъ хѣрою и небоимѧсь
нѣякихъ злодѧйкъ и розбѣйныкыивъ, бо ихъ усюды поперево-
дылы наши начѧлыкы; недѣмаемо, щобъ хто наше сѧно по-

косывъ, нашъ хлѣбъ або скотыну виднявъ, нашу хату запалывъ, бо ё на се судящи, вонѣ заштытѣть и по правди зрѣблють; колы-жъ, кажѣ, менѣ такъ гараздъ, що я небоюсь ничогысьнюко: то трѣба-жъ и менѣ чымъ-небудъ прислужытыся. царскій указъ зполныты и помичъ по сыламъ дѣты.

А чымъ-же за такѣ мѣлостъ, не то щобъ виддяковаты, а щобъ хочъ мало-мало прислужытыся? Ось чымъ, и неважnymъ и непротивъ сылы нашої. Бѣдемъ знѣсыты тѣ, що и Бѣгъ повеливъ, и законъ прыказуе и по самѣй шырѣй правди вонѣ слѣдуеъ. Бѣдемъ, кажѣ, знѣсыты по трѣху видъ своихъ заробыткивъ, по чымъ-тамъ прыпадѣ зъ душы, по розкладци? Чы вельыка-жъ-то сумѣ зъ душы? Чы усю-жъ разомъ зъ тебе трѣбують? Чы нагло-жъ зъ тебе трѣбують? Поличы, на скылки ты у годъ прыдбаешъ хлѣба свѣтѣго и скылки зъ тебе трѣбуеъця? А скылки-жъ ты заробышь вѣлыкамы, шкѣпою—що въ кѣго ё, а ще и рукамы, хочъ ты и пѣшыи: чы зъ цѣпомъ, чы зъ сокырою, чы у якѣй послѣзи? Абы-бъ нележавъ, а то-слава тобѣ Гѣсподы! свѣтъ вельыкѣй, нардѣ багѣцько, робѣтныкъ усѣакому нѣжныи. Нележы, кажѣ, безъ дѣла небѣдешъ: и себѣ пропытаешъ и у казнѣ часточку знесѣшь.

Неусю-жъ разомъ трѣбують. Объ Сѣмени частку, та объ новѣму годѣ друкѣ. Отъ-тобѣ и полѣгкость. Видробывся у пѣли за-лято: чы самъ свѣй хлѣбець по благословѣню Бѣжому знявъ, чы зароблявъ де, отъ у тебе икъ Сѣмену и ё; розплачуйся, незапускай. Тутъ впѣять нележы: сюды-туды мѣтныся, сокыркою порубѣй, цѣпомъ помахаѣй, скотынюкою поробы, отъ въ тебе впѣять грѣшыкы: що собѣ зостаывъ, а що знисъ останыиѣ, отъ и квыть! Скачы козакъ на усѣ чѣтыри стѣроны и небѣйсь никѣго.

Не нагло-жъ зъ тебе и трѣбують. Нетѣгнуть тебѣ, щобъ усѣ давъ сѣгодня до копѣйки. Ни. Очысть свѣй знѣсь видъ Сѣмена до пѣщанья на Пылыпивку, а тамъ видъ новѣго году до Евдоки; такъ-слава тобѣ Гѣсподы! скылки тобѣ льѣоты? По малѣнькѣй часточци знѣсь, то и незѣамышся, якъ выплатышь.

Хѣчешъ ты царство небѣсне получыты? Хѣчешъ ты у Бѣга мылосѣрдного мѣлосты получыты? Невжѣ-жъ заразы усѣ худѣбу виддасѣ на цѣрковъ Бѣжу, або старцѣамъ роздасѣ? Ни. Що недѣли несѣшь шажокъ на свѣчечку, а друкѣи у кошелѣкъ укынуты, и старцѣви подаешъ копѣечку, то тогдѣ, то

тогді. Се-жь и для Гдспода Бга такъ робышь, робы-жь такъ и для Царя, Отця нашего и защитника: знось хочь по часточци; то сіи часточки та зрблять тобі велыке и усю подать зь себе очыстышь.

Або ось-якъ я вамъ совѣтую: зроби усякъ собі скрынку и забый крышку на-глухо, а въ крышци прорижь дѣрку, щобъ тѣлки пятакъ або цѣлковый пролизь; та тѣлки що прѣйдешь до дому зь гришмы, що Богъ тобі дасть абд заробыты, абд продаты що, то зь тыхъ грѣшей розщытай, скѣлки тобі трѣба пропытаты на день, або на тѣждень, якъ у тебе робота йде, то такъ часточку заховай, а останни укынь у ту скрынку, що я кажю, та й заховай їи бережнѣнко, та вже ни жаднымъ спѣсобомъ непосмій видтиля узѣты ни одного шага; хочь позычь, сякъ-такъ перебыйся, а несмій видтиля ничѣго выняты: то вже казенне; хочь ты ще и незнысь, вонд ще въ тебе, та вже ты ёго обещавъ у казню и трѣтыты ёго такыи-же грѣхъ, якъ-бы ты потратывъ те, що на цѣркву Бжю обещавъ. По закону, однаковисинько за потрату цѣрквонной сумы и казенной.

Отъ-такъ видкладѣючы, колы зибралось дѣ-чого у тѣй скрынци, тогді вже, подѣкуй Бгу мылосѣрдному, що помигъ тобі заробыты, отъ и видбый тую скрынку и несы до своего начальства, и виддай. Та давай-же зь разумомъ. Скѣлки такъ бува, що безтолковый прынесѣ, безтолковому виддасть и безъ толку грѣши пропадѣють, якъ незапысани и свидѣтелей нема. Ты виддавай пры свидѣтеляхъ, пры старыкахъ, пры чѣсныхъ людяхъ, та й озмы заразъ квытокъ и колы тутъ небуде когд пысьменного тобі прочытаты, то бижы мерщій до дяка, або до попа, або до якого пысьменного у селі, нехай тобі прочыта. Колы буде тамъ запысано вѣрно, то дома заховай бережно, яко мога, щобъ непропало; колы-жь буде яка хвалшь у квытку, заразъ обявляй началству и хочь до справныка дѣйдѣ, а доказыю свою правду, небоячысь никѣго и на свидѣтелей здавайся. Бездилныку, що тебе подумае обмануты, такъ немывѣтця, а твоѣ непропадѣ, зь него взыщуть. Колы нікому тобі буде квытка дѣты, що пысаря небуде, беры бѣрку и свѣи значѣкъ положы: и то дѣло дѣбре и праведне.

Знось, здѣлай мылость, яко мога, и незапускай удаль. Тобѣ лучче буде. Недумай: тамъ и тамъ зароблю, стѣлки и стѣлки получу, тогді разомъ и виддамъ. Казалы-жь намъ

батькы: «нехай—недобрый чоловікъ!» то й правда. Нездавайся на описля. Богъ зна, якъ ще твоё здорѣвья бѣде, та якъ ще заробышь и якъ ще гроши озьмешъ; а недимка ийдѣ, та й рѣсту прыбавля. Тутъ-же гляды, ще збираешся на старі зибратыся, а тѣтъ вже и новá половына настыгне! Отъ-тоби вже удвоє прыходытця платыты: вже тоби и сутужно! Та такъ якъ пиде старѣ зъ новымъ мишатыся, та стылки наростѣ, що лыхо та й годи! Тутъ вже по невѣли началству трѣба тебѣ грабоваты, скотынку, або що маешъ, продаваты, та пополняты тѣ, що твѣй нехай наробывъ, що, хочъ бувъ хазяинъ, булѣ и господарство, а тѣтъ зведѣшся ни на-що, черезъ тѣ, що у время незнысь, та запустывъ недимку.

Се-жъ тоби така бидá, а началству твоѣму, дѣмаешъ, и ничѣго? Ось послѣхай лышень, якъ вонѣ ё.

Прымѣромъ скажемо, нехай бѣде слободá Люботынъ. У тѣй слободѣ, звисно, отъ стылки-то дѣшъ. Зъ нихъ, отъ потымъ и потымъ узывшы, усѣго выхѣдытъ на годъ отъ стылки-то рубливъ, нехай бѣде, прымѣромъ, тысяча рубливъ. Отъ-же се и у казначействи, и у казенній палати, и у справныка, и у усякого началныка се запысано, що зъ Люботына трѣба у годъ зибраты тысячу рубливъ, усѣ-такы прымѣромъ.

Отъ, про сю тысячу, що трѣба зибраты, пысано у лепѣрти и до мыныстра, що пры самѣму Царѣви усѣю казною завѣдуе и розхѣдъ, по Государеву указу, держытъ, дано знаты, якъ и про усѣ сѣла. Отъ мыныстръ, надѣючысь, що усѣ справно знесутъ, порядывъ чы сукно для салдатывъ, чы правѣюнтъ для нихъ, чы порохъ, щобъ видѣ непрыятеля видстрѣлюватися, чы другѣ тежъ такѣ нѣжне. Отъ и предпысуе у Харькывъ до началства, щобъ заплатылы оттакѣму рядчыкови отъ стылки рубливъ. Началство кынулось—нема стылки грѣшей: такы и такы сѣла незнеслы, отъ и Люботынцы непозносылы. Щѣ тутъ робыты? Мыныстръ прогнываетця на нашыхъ началныкывъ, дѣмаючы, що нестаралыся зибраты, и грѣшей нестаѣ, и рядчыкъ неполучá своѣго. Началство грѣмне на справныка, дѣмаючы, що винъ поблážку даѣ людѣмъ и балуеть ихъ и невзыскуе. А справныкъ собѣ нападѣ тогдѣ на голову, щобъ якъ хѣче, а щобъ булѣ зибрано.

Такъ ѣтъ скылки черезъ твѣй нехай хлопѣтъ зберѣтця! Ты дѣмаешъ собѣ, невелыка за тобѣю сума, пѣять рубливъ,

абб-що. Вонѣ такъ, невелика сумѣ; та безъ пѣты рубливъ и тысяча вже не тысяча: недостаѣ пѣты рубливъ, трѣба попланыты. А якъ-же твой пѣть рубливъ, та другѣго, трѣтѣго, десятого, що такъже запусылы недѣимку, та невѣсылы у время; такъ скылки ихъ наберѣтца? Отъ и рѣдчыкамъ за поставку нема; салдѣатамъ правѣянту нема; ахвыцѣрамъ, генерѣламъ, судѣщымъ жалованья нема, нестѣѣ, що неусѣ люды щѣро повѣсылы. А що тогдѣ бѣде? Якѣй порѣдокъ у вѣйську, на караблѣхъ, по судѣхъ, пидѣ безъ грѣшей, що недостаѣ черезъ вѣшу недѣимку? А узнѣ про такѣ справѣ Самъ нашъ яснѣйшій Госудѣрь? Чы се малѣ дѣло, що Ёгѣ прогнѣвае? Що мы недѣстѣйни и Ёгѣ Велѣке Имѣя помѣянѣты, а мы, за усѣ Ёгѣ до насъ мѣлѣсты, що Винъ якъ е истынный отѣць, якъ за дѣточкѣкъ свѣихъ вѣывѣаетца и ничъ и дѣнь трѣдытца, щобъ усѣмъ булѣ и мѣрно и спѣкѣйно; а мѣ за сѣе усѣ жалкѣемо знѣсыты дѣже невеликѣу чѣстѣчку грѣшей, лѣнымѣся лышнѣй разъ цѣпомъ махнѣты, сокѣyroу цѣкнѣты або якъ нѣбудѣ лышнѣй порѣбыты, зарѣбыты и знѣсты подѣшнѣ! А бѣдѣй такѣй и незѣветца правослѣвнымъ хрыстыянѣномъ, що Бѣжѣго закѣну несполнѣя. Бо слѣхайте:

Се не видѣ насъ и не видѣ кѣго стѣло, якъ видѣ самѣго Бѣга. Пыталѣся люды у Госѣпода Бѣга, чы трѣба Цѣрѣви платѣты подѣшнѣ? такъ Винъ Самъ, Свѣймы Свѣтымѣ словѣмы такъ повелѣвъ: «воздѣйте бѣже Бѣгови, а кѣсарѣве Кѣсарѣви», Кѣсаръ-же все ровнѣ означѣ, що Цѣрь: Госудѣрь Имѣператоръ и Кѣсаръ. Такъ бѣчыте, якъ Госѣдѣ повелѣвъ? Та ще и тѣ. Якъ самъ Госѣдѣ на землѣ бѣвъ, такъ прышлѣ зъ нѣго трѣбоваты подѣшнѣ, бо дѣмалы, що винъ е прѣстѣй чѣловѣкъ, якъ и мѣ грѣшнѣи. Отъ Апѣстѣлы и пыталѣютца ёгѣ, чы трѣба платѣты подѣшнѣ? то Госѣдѣ повелѣвъ, що трѣба неперѣмѣнно и, якъ неимѣвъ грѣшей, то повелѣвъ Пѣтру апѣстѣлу пѣймѣты рѣбу и «у зѣбрахъ знѣйдѣшь», сказѣвъ, «грѣши, то ѣ заплатѣ и за мѣне и за сѣбе.»

Отъ вонѣ и выхѣдытъ, що на сѣ е Бѣжѣй закѣнъ. А хто Бѣжѣго закѣну несполнѣя, той е грѣшнѣкъ. Нѣхѣй насъ Бѣгъ усѣихъ сохрѣанѣтъ видѣ такѣго и видѣ усѣякѣго грѣха. Якъ у цѣркѣву знѣсымо по-трѣхѣу, та ѣ содѣржѣмѣ цѣркѣву, що ѣ почѣнкѣу мѣжно зрѣбыты и усѣякѣ новѣ украшѣны; такъ трѣба и у казнѣу знѣсыты, щобъ ни у чѣмъ нѣбулѣ недѣстѣчи. Тогдѣ

зпѣлнимо святѣй законѣ, воздамѣ «бѣже Бѣгови, а кѣсареве Кѣсаревѣ».

Та и недумайте-жь, люды дѣбри, щѣбь тѣлки прѣстѣй нарѣдѣ платѣивѣ у казнѣ по чѣмѣ-тамѣ зѣ душѣ. Нѣ. Нетѣлки вѣы, платѣютѣ, опрѣчь усѣхѣ, платѣютѣ и купцѣ, та платѣютѣ и господѣ, и панѣ, и усѣкѣ, хто ѣ у якѣму чынѣ: и военни, и штѣтѣцки, и уныверсытѣтѣцки, и судѣяци, и землемѣры, и казначѣи и усѣкѣй генерѣлѣ, и графѣ, и князь, хочѣ-бы у якѣму хто чѣни ни бѣувѣ, усѣкѣ платѣты, бо законѣу Бѣжѣго немѣжно никѣму переминыты. Дадѣуть хочѣ якѣму панѣу велѣкомѣу чѣнѣ, кавалѣрѣю, або хочѣ и жѣлованѣня у срокѣ выдѣдѣуть велѣкомѣу и малѣомѣу, до послѣднѣго; то тѣуть-же у казнѣу и ѣзѣмутѣ, скѣлки зѣ кѣго прѣхѣдѣтѣця, бо Богѣ повелѣивѣ, щѣбь воздавѣлы бѣже Бѣгови, а цѣрѣске Цѣрѣви.

Отѣ сѣмы-то небагѣцкѣмы зо всѣякѣго рублѣмы, та до кѣпы ихѣ зѣбрѣвшѣ, отѣ и е сумѣ чѣмалѣ. Слѣва тобѣ Гѣсподѣ! Е чѣмѣ содѣржѣты и вѣйскѣо, и караблѣ; мѣжно непустѣты непрѣятѣла до насѣ и зѣ землѣ и зѣ мѣоря. Е чѣмѣ и судѣ, и начѣлныкѣивѣ нашѣхѣ содѣржѣты, щѣ борѣнѣять усѣякѣо одѣ обѣдѣ и порѣдокѣ даѣютѣ. Жѣвемѣ, хвѣлячы Бѣга!

Иныѣй почнѣ розсуждѣты: якѣ-бѣ, кѣже, я бувѣ одѣночѣ чоловѣкѣ, то и зѣпомѣгсѣ-бѣ платѣты; а то за багѣто платѣты: бѣтѣко старѣй, дѣты малѣ, братѣ помѣрь. И усѣтакѣ стѣне казѣты, щѣ якѣ-то сутѣжно ѣмѣу. Потѣурѣй такѣму! Наговѣрытѣ багѣцкѣо. А якѣ-бѣ тѣмѣ чѣсомѣ, пѣкѣ розкѣзуе, та винѣ-бы махѣвѣ цѣпомѣ, або щѣ-нѣбудѣ робѣивѣ; то усѣ-бѣ зарѣблѣивѣ, усѣ-бѣ копѣйчына перѣпадѣла. Языкѣмѣ небагѣто нарѣбѣвшѣ и зарѣбѣвшѣ.

Розкажѣ вамѣ прѣповѣствѣ.

Опрѣдилѣивѣ панѣ дѣда до пѣсѣкѣы. Выѣставѣивѣ дѣдѣ бѣжолѣу и сѣивѣ былѣ курѣныка своѣго, и бѣѣтѣця ѣбѣ-полѣ рукѣмы, и кѣже: «отѣ-такѣго вѣ мѣне дѣла, такѣго дѣла, щѣ незнѣю, якѣ и упрѣвѣтысѣ!» Отѣ и сѣдѣты до обѣдѣ, и журѣытѣця, щѣ якѣго-то вѣ нѣго дѣла багѣто: и бѣжолѣу годувѣты, и ѣлики выпѣлюватѣ, та чѣ малѣо чѣго! Отѣ прѣнесѣуть ѣмѣу дѣты обѣдѣты; винѣ пообѣда, зѣпочѣивѣ, и вѣпѣать сѣде и прѣйметѣця журѣытѣсѣ, щѣ якѣго-то вѣ нѣго дѣла багѣцкѣо: та такѣ и прожѣурѣытѣця дѣ-ночи и ляговѣытѣця спѣты и бѣжѣлѣ непогодѣвавѣшы и за пѣлынѣня ѣликивѣ и непрѣймѣвсѣя. Та

такъ и зѣвтра, и писля зѣвтра, и по усякъ дѣнь, знай тѣлки що журытця, що дѣла багѣто, а непрыймаетця ёго видробыты.

Вже й половына лѣтечка. Найихавъ панъ до пасыкы: «Пўгу, дїду!» — Пўгу, пане! — «Чы багѣто въ насъ роивъ?»

— Та дѣ вамъ, добродїю, до роивъ! тутъ въ мене такѣго дѣла, такѣго дѣла, що незнаю, за що и узѣтысь.

Кынувсь панъ ўлики обглядѣты.... Бѣтечки! Инша колѣдка пропала, инша измѣтчылась, у иншьїй хочъ и бувъ роѣкъ, такъ видъ недѣгляду полетѣвъ до дѣбрыхъ людѣй....

Досталося-жъ томў пасичныкови, що такъ дѣбре доглядѣвъ, що дѣла, казавъ, багѣцько було, а самъ неробывъ ёго, а тѣлки журывся объ дѣли.

Отъ-сюю прыповиствъ трѣба усякому тѣмыты и незабувати тогѣ, що мѣншь говоры, а билшь робы, то и прыдбѣешъ стѣлки, що и оплатышь за усї дўшы, и про свою дўшу ще зостанетця що-нѣбудь. Розшытуй тѣлки дѣбре: за яку робѣту лўчче узѣтысь, чы до якугѣ хазѣина прыстѣты, щобъ неизобыдывъ, и куды заробѣтокъ повернуты; а пўще молясь Бѣгу, щобъ Господъ мылосѣрдный помѣгъ тобѣ зплныты святый законъ, та самъ старѣйся, трудысь, то тобѣ Господъ у всимъ помѣжетъ и пѣшлетъ свою мѣлостъ, що зможешъ воздѣты бѣже Бѣгови, а царське Царѣви!

III.

Подумаймо-лышень, видъ чѣго-то люды биднїють? Бувъ собѣ хазѣинъ заможенѣный, була й скотынка, було и усяке господарство, а тепѣрь звѣвся чоловікъ ни навѣщо!

А подумаймо, видъ чѣго-бъ-то?

Отъ, примѣромъ скажемо: у хазѣина е й пѣле, е и скотынка и рѣбыты винъ щѣро, чы у пѣли, чы якъ де прыхѣдытця ёмў заробляты; и помагають ёмў сынь парубокъ и дрўгый хлѣпецъ. Куды ни кынутця, усѣ ихъ трѣе и тры пѣры вѣлыкывъ; заробляють чы-мѣло, знѣсють подўшне за сѣбе трѣхъ, та ще и за бѣтька старѣнького, що вже тѣлки и здўжа на печѣ лежѣты; та за хлѣпчыка, що ще тѣлки гўсы пасѣ. И подўшне плѣтятъ, и содѣржуть вѣсимъ дўшь, бо ё ще двѣ дочкы, вже дивкы, и ё въ ныхъ на усѣ достѣтокъ и дѣ-що, гляды, и прыкупѣвуютъ, якъ чѣго трѣба по хазѣйству, и ма-

тери серпáнокъ новѣй, и дивкáмъ кожухы новѣ бабакòмъ оторочени, бо отъ-отъ трéба зáмижъ давáты. Хвáлять Бòга жывучы.

Такъ отъ-же пáрубка трéба женѣты, «Добрè дѣло», думаютъ бáтько зъ мáтирью; «òзмемо невѣстку, прыбúде роботныця. Гòсподы благословѣ!» Оженылы сына; невспѣлы гарáздъ видгуляты весѣлья и зáппоры пѣсля втрáты незѣйшлы, а вже молодожòнь и напáвъ мòкрымъ ряднòмъ: «Виддѣлѣй менè, бáтьку! Я сáмъ по собѣ хòчу бúты хазяиномъ. Чòгò мени зъ рукъ дывѣтысь? Я нехòчу бúты роботныкомъ на братѣвъ. Виддѣй моè. Якъ зъумю, такъ и господарèватему».

Ничòго бáтьку роботы. Почúхавъ потыльщю, сюдý-тудý кынувся, прочúвъ, щò чоловікъ продаè зальшнѣй двѣрь, пѣшòвъ, зторжѣвся. Дешèвше-бъ купѣвъ, такъ немá усѣхъ грòшей, повынѣвся объ проводахъ виддáты и рòсту положылы. Перебираèтця сынъ на новè господáрство, берè зъ дòму и чавúнь, и горшкѣвъ, и мысòкъ, и ложòкъ, и кочергú, и лопáту и усèгò потрòху; ёмú на новè хазяйство усèгò трéба, а въ бáтька è тогò у дòстачу. Виддѣлѣ бáтько пáру воливъ, даè и вѣзъ, даè и бброну, булá зальшнѣя; и щè тамъ чòгò сынъ познахòдывъ, щò вѣпрохавъ, а щò и тákъ узѣвъ, бо укúпи зароблѣлы. По справедлывости усѣмъ надѣлывъ зъ дòму, а тò ще и у пòли видрѣзавъ тамъ ёмú якѣй лánъ. Зовсѣмъ хазяинь.

Тѣлки щòсь нашъ новѣй хазяинь бѣетця-бѣетця, и сюдý и тудý кыдаетця, мотáетця, та щòсь усè не до ладú. Однá пáрка вòлыкивъ, то хочъ и спряжèтця зъ кымъ у супрúгы на бранку, то трéба и собѣ-бъ ораты, та трéба-жъ и людѣмъ видорáты, або видробѣты чымъ небудь. Отъ и пропáщи дни. Засѣяты нѣвку, хочъ и вѣкыдавъ зèрна скѣлки тамъ, такъ заволочѣты хочъ и вспѣвъ, та якъ, спѣшачы за годýну, нестáкъ гарáздъ, такъ и вродѣло абѣ-якъ. Сякъ-такъ чы вѣжавъ, чы зкосѣвъ у двоухъ зъ жѣнкою, у кòпы поставовѣвъ, такъ звòзыты-жъ-то невспѣвъ: тákъ у копѣцяхъ и порослò; бо неоднò дѣло, а винъ одѣнь: чы ораты, чы косѣты, чы сѣяты, чы возѣты? За однò прыньмáетця, дрúге переспѣвá; зъ тымъ невпрáвытця, дрúге вже видѣйшлò. Заробѣтку немá, та ще якъ хлѣба трòхы пропáло у пòли, то нестáне чымъ зѣму пропытáтысь и скотýну прогòдувáты. Дè узѣты хлѣба собѣ, а скотýни пáши? Звѣсно, трéба купѣты,

а грѣшей на-мали. А тутъ и Семена и Покрѣва прыйшлы, знось подѣшне. А тутъ жинка: трѣба йй лѣну, бо на-лито безъ сорочѣкъ зостанутця; трѣба прядыва, трѣба пидсытка, рѣшета, чавунъ розбывся; та усѣ-жъ купы, та на усѣ грѣши, а ихъ нема, и некажы щѣбъ заробѣты, бо одынъ, самъ-собѣ, помочи ни видкиля. Де грѣшей узаты? Позычыты. Нехай Богъ борѣныть усякого чоловика видъ позычки! Знаемо щѣ вондѣ е.

Позычывъ, понакуплѣвавъ чогѣ нужнѣшъ трѣба, ще часть и подѣшного знисъ; перезимовавъ, слава тобѣ Господы! Що-жъ? Лѣтомъ впѣять така халепа! Тутъ зъ робѣтою невправытця, а тутъ люды, комѣ выненъ, тягнуть, а тутъ на робѣту до вѣлосты, трѣба своѣ видѣты, рѣштантивъ препровождаты, або другѣ прѣче такѣ; а тутъ неочыстывъ недѣимкы подѣшною, нова зайшла! Бывся-бывся, вертився-вертився, нывку застановывъ, та усѣ-жъ трѣба описля выкупаты; а ничымъ! Рѣшывся йй, збувъ вѣлыкы, позбувала и жинка и намыстечко, и щѣ булѣ спѣршу залышненького, а дѣли и такѣ прывелѣ нуждѣ збуваты, щѣ прытьмомъ и самымъ трѣба. Та щѣ-жъ-то и розказоваты: звывся нашъ новыи хазяинъ ни на вищѣ! Збувъ и двѣрь, и усяке хазяйство и худѣбынку, пустывъ жинку зъ дытыною у наньмычки, щѣбъ хочъ на одѣжу зарѣбляла; та й самъ пишѣвъ по людямъ тежъ служыты. Служыть-служыть, щѣро служыть, и грѣшыкы получѣ, та якъ ихъ и сюды и туды трѣба, такъ никѣды и ненадѣсть. И одягтысь гарѣздъ ниввищѣ, а тутъ подѣшне дай та подѣй! А ѣгѣ нема. Начѣлство зъ нымъ мордѣетця, допекѣ ѣмѣ, бо й начѣлству трѣба уся сумѣ на срокъ выставыты, а тутъ за однымъ останѣвка, та бѣ, нема! Мѣже-бъ пишѣвъ до бѣтька? Чы не помѣже у чимъ сынови? Бо якъ сынъ виддилывся, такъ у старѣго дѣ-чѣго булѣ геть-геть! А нѣмо подывимосѣ, щѣ рѣбытця у старѣго?

Гай-гай! Якъ виддилывъ старыи сына, и зостався зъ хлопцемъ, ажъ все не пишть, а чѣтыри рукы, та ще двѣ и хлопѣячи, небагато нарѣблять того, щѣ скаже бѣтько, а самогѣ и недѣмай куды послѣаты. Нема й пѣры вѣлыкивъ; то такы, щѣ трѣ, то трѣ, а тѣ вже двѣ: не та робѣта, не та зпѣрава, усѣ не тѣ. А тутъ дѣвку прыйшлѣсь виддаваты, бѣтька престарѣго та немощнѣго поховавъ; сюды-туды грѣшей трѣба булѣ, позычывъ зверхъ старѣго дѣвгу; виддаваты ничымъ, зарѣбыты никоы, бо трѣба и у вѣлосты видѣты якѣ тамъ пан-

щыну; хлопѣць нерозуміе, самъ пишòвъ, а робòта нехай до за́втрёго! А тутъ и подúшне знòсь, хочъ и видíйшòвъ сынъ. такъ усé-такы за тры души; та сé, та тè... А тутъ и старíсть, и нéмоци! Те збúвъ, те застановíвъ, тогò незберíгъ, пишлò усé за вíтромъ; звíвъсь и бáтько, якъ и сынъ, ни-на-що!.....

Щò-бъ-то булò невиддiлiяты сýна? Щò-бъ-то робыты усíмъ укúпи? Бiлшэ рúкъ, бiлше сýлы, бiлше-бъ и заробiткiвъ. Хочъ и загадано щò поробыты на ты́жневи пры вòлосты, то усé-жъ одынь-бы пишòвъ туды, а двòе робылы-бъ собi безъ перéмишкы. Робòта, хочъ у пòли, хочъ у господáрствi, неждéть за́втрёго; колы сёгòдня чòгò незробывъ. то и недúмай ёгò за́втра зправлiяты: на за́втре впiяты ё своё, шкварчáче, щò впiяты недожыдá за́втрёго. Се по хазiйству скáзано: «нехай—недубры́й чоловiкъ». Немòжно ничòгò ни видложыты, ни перемiныты; тутъ трéба, щòбъ той и чáсь, и стiлки сýлы, скiлки трéба. Пошлы и дэсять хлопцiвъ зъ кóсамы, щò воны тобi накóсютъ? Такъ и усiяка робòта. Щò одынь, такъ одынь, а щò двá, то двá. Отъ и выхóдыть, щò нiякъ негрéба виддiлiятысь видъ сiмьi, хочъ-бы вь тебé дэсятеро дитéй булò. Прымёрòмъ скáжемо: жыветé вы собi тры брáта; отъ вь тебé жiнка и трéе дитòкъ; у дрúгòго брáта те-жъ жiнка и двéе дитòкъ; а трéтiй брáтъ пáрубокъ. Отъ васъ трéе брáтiвъ та двi ятрiвки. пiятеро стáло-быть, пропiтуете, опричъ сéбе, пiятéхъ дитòкъ; пропiтуете, и зодягáете, и усé. Виддiлыся-жъ ты видъ ныхъ, то ихъ трéе бóдуть пропiтоваты, опричъ сéбе, двохъ дитòчòкъ, а ты зъ жiнкою трéхъ; отъ вже тобi и не-схóдно. Нехáй-же и той брáтъ виддiлiвся-бъ, щò зъ двомá дитòчкáмы; то хочъ и прыйшлòсь-бы тобi зъ жiнкою та зъ пáрубокòмъ, отъ у трéхъ, робыты на трéхъ, якъ и томú брáту зъ жiнкою на двòхъ дитéй, та усé-такы вамъ схòднiшэ: у васъ ё комú и пáнщыну зправлiяты, и дóма робыты; а у тогò брáта—одынь винъ самъ и пáнщыну видбúты, и у пòли робыты, и колò господáрства зправлiятысь; усé-жъ-то якъ одынь, такъ одынь. Ще-жъ, якъ пры здорòвью; а якъ.... бороны Бòже усiякого!

Скажú вамъ и тутъ прыповiсть.

У одногò чоловiка булò ажэ пiятé сынiвъ. Жылы усi укúпи и нижòдынъ и недúмавъ видыхóдыты видъ бáтька. Ажэ ось бáтько, старъ-чоловiкъ, занедúжавъ и збирáетца вмирáты.

Отъ сыны зибра́лысь до нѣго и пыта́ютця: «Тáточку, пан-от-ченьку! Якъ намъ повелѣшь? Чы намъ пислѣ тебе роздѣлытысь и ко́жному на своѣму господарѣваты, чы такъ жыты, якъ и по сѣй часъ пры тоби жылы?»

Тутъ бáтько звелѣвъ податы до сѣбе пучокъ вербѣвыхъ прутьтивъ, звязаныхъ крипкѣнько (хто ёго зна, для чо́го вони тамъ стоялы). Подалы ёму той пучокъ; винъ давъ старшому сыну, парню здоро́вому, що пидъ-часъ и пидкову зогнувъ-бы. «На, ка́же, сыну, переломы от-сю пучку прутьтивъ». Узавъ сынь, сылкова́вся-сылкова́вся..... вжѣ винъ и черезъ ко́лино, вжѣ винъ и на колѣду ихъ нагына, такъ и неподаютьця. Ажъ впотѣвъ старшый сынь, а ничо́го незробѣвъ, виддавъ. Звелѣвъ бáтько ламаты дру́тому; ничо́го. Трѣтѣму, четвѣртому, усѣ рав-но; далы й пѣятому, а винъ такый замлѣлы, що видъ вѣтру впаде; сылкова́вся и той... та тѣлки розсмишывъ усѣхъ. «Не-мо́жно! никто́ неперело́мыть ихъ; нема́ такои сылы», сказа́лы сыны и подалы бáтькови пучокъ.

— А на тепѣрь, мѣншый мѣй сыну, що видъ вѣтру па-даешъ, на, та ламай тепѣрь, сказа́въ старый, та розвѣзавъ той пучокъ, та й даѣ по одному прутьыку хлопчыку; а хлопчыкъ берѣ ихъ, та жѣдного, знай, трѣсь та трѣсь, та ув-одыно́чку усѣ прутья полама́въ.

«Пожа́луй!» загулы́ старши чотыри сыны: «и мы такъ змо́жемо поламаты, якъ по одному; ни, нехай усю́ кучу ра-зомъ перело́мыть!»

— Эге, сыны мой любезни! тогди́ сказа́въ имъ бáтько: «сѣ вамъ сказа́но на дога́дъ. От-такъ и вы: колы́ будете усѣ укупи, нерозлучно та невиддѣляючысь жыты, то никто́ вамъ ничо́го незробѣть, няка́ васъ бѣда́ непостыгне. Хочъ и найде якѣ лы́хо, то усѣ гурто́мъ видтѣрпытеся; усѣ гурто́мъ будете робыты и усѣ у васъ буде..... Ко́лы-жъ роздѣлытеся та розѣдетесь, то тѣлки вамъ и ба́чыты щáстья! Маленьке лы́хо, не-вельѣке го́ре, абы-яка бѣда́ васъ одоле́ зовсы́мъ, зверты́ть, занасты́ть ко́жного и пропадетѣ усѣ.....»

От-такъ-то вонѣ бу́ло.

Подывѣтесъ, якъ вонѣ у москаливъ и́де? Нетѣлки рѣдни браты́ та й брáтовы сыны́, та и ихъ дѣты, повыроста́ють, зовсы́мъ люды, поже́нютця, дѣто́къ прыдба́ють, та й помышлѣныя нема́ выхѣдыты зъ симѣй. Усѣ живу́ть ув-однымъ дво́ри;

хата побыллѣ хаты, та и выгѣять хата; прыкуплять двора (прыкуплять, а нетакъ якъ наші, що продають), та ще хаты ставлять, та усї укўпи, душѣ трыдцять у сямьі... ажѣ скылки-жѣ тутѣ рўкъ? А скылки вонѣ у день урўблять? А скылки зарўблять? Та усѣ-жѣ-то до кўпы, до кўпы, чы хлѣбушку, чы дѣнежкы, до кўпы зкладають..... тымъ у ныхъ усѣгò ё, и ще и багато ё.

Ты скажешъ: «А зачымъ я бѣду на усїхъ робўты? А зачымъ мой жинка бѣде на усїхъ варўты и плѣтѣя стыраты? Мы, хочѣ и вѣажко, а бѣдемо самы на сѣбе робўты, а не зачымъ, щобѣ другыхъ пропытоваты.....» Дўрню, дўрню, якъ я подывлюсь на тебе! Ты сѣбе зѣ жинкою нетилки непропытѣешъ, а звездѣся, отъ якъ я зпершу казавъ, и по-вїкъ ничòго непрўдбѣешъ. Ты й тепѣрь не на когò рўбшъ, якъ на сѣбе, та зарўботокъ зкладаешъ тїлки до кўпы; а тыѣи кўпы стїлко, що щѣ стїлки хазяинївъ мòжно обдилѣты!.... Усѣ у васъ ё, ничòго ни вѣ когò непрўсите..... та що й казаты! Пиды, та самъ собдоу зарўбы стїлки!

И жинка твоѣ не робўтныця на усїхъ: вонѣ на тыхъ тыжняхъ плѣтѣя прѣла и мужыкòве, и своѣ, и ятрївокъ, и диверївъ, а їи прѣчи ятрївки варўлы обїдаты, хлїба їи напеклы, мѣзалы за нѣи, пò-воду ходылы; а тепѣрь чѣрга прѣйшла їмъ плѣтѣя прѣты, а твой жинци пòратысь по господѣрству. Ты тїлки роздывысь та розсуды, гòлово! Усїмъ вамъ робўта порївно, никòму несутўжно, а зарўботокъ бòйкый! Та й кругòмъ сѣбе подывысь: видѣ чòго се, одынòкый—хочѣ якъ хочѣ робў, хочѣ лòбомъ обѣ-стїну бѣйся, а усѣ бїдный; великосимѣйный-же, подывысь! бачытця нїхтò ничòго и нерўблять, и по вўлыци хòдють, и на вдвїрьѣ сыдѣять, а знѣй багатїють. Видѣ чòго се? Эгѣ! билшѣ рўкъ укўпи рўблють, такъ рѣзомъ и зарўбляють..... Адже бачылы, якъ на собòрну дзвїнцїю зтѣсковалы от-той велѣкый дзвїнъ? Чы змїгъ-же ёгò одѣнъ чòловїкъ, не тò вже пиднѣты, та зѣ мїсьця зворохнўты? Хочѣ дѣсять гòдивъ коло нѣго мурдўйся, незрўбшъ ничòго. Немòжно та й немòжно! Отъ и трѣба громѣды. Та й громѣда щòбѣ зрўбыла? Ничòго. Ти тягнўлы-бѣ на прѣво, а ти на лїво, та и дїло-бѣ звелòсь на пшѣкъ; такъ-бò до громѣды трѣба мѣйстера. Винъ знѣ своѣ дїло, винъ и кумѣндуе: «тягнїть!..... пидождїть!.... пиднимїте прѣвый бїкъ..... пидтягнїть верѣв-

кы.....» та и усѣ прѣчее прыказуе..... отъ сѣла и зтягнула, а черезъ майстерство, давна невпустылы, нерозбылы, повисылы ёго и прѣмо, и крѣпко, и гарно дзвѣныть.... От-такъ и у усякому дили.

Я-жъ кажѹ, що колы-бъ вамъ дѣ-якымъ двомъ-трѣмъ симьямъ прыказано булѣ видъ начѣлства, щобъ нерозихѣды-лыся, та щобъ и жылы укѹпи симьямы и укѹпи зароблялы; то ажъ побожѹся вамъ, що черезъ скѣлки годивъ уся-бъ прыступылы на тѣ, щобъ невиддилятысь..... Тогдѣ-бъ самы побѣ-чылы, що робѣта-бъ небула важка, заробитокъ великый, уся-бъ багатѣлы, подѹшне и обществѣнне платѣлы-бъ собѣ неохочы, и начѣлства нетурбѹючы, и хвалылы-бъ Бога мылосѣрдного!

IV.

Отъ ищѣ, щѣ видвѣдыть насъ видъ усякого добра, видъ цѣрквы святои видганѣ, Богу молытысь недаѣ, межъ добрыхъ людѣй непуска, видъ прыятелѣвъ и рѣдычѣвъ виддыхѣе, у симѣ роздѣрь, худѣби перевѣдъ, здорѣвѣя занашацѣ и звѣдыть чоловѣка ни-на-що. Се не хтѣ, якъ проклѣта горѣлочка, дѣ-вольскый напытокъ, чѣртивъ збытенъ, гѣспыдова душепѣрка, анахтемська прыпѣрка! Щѣбъ вона слызла зъ свѣту бѣжого для людскѣго щѣстья! И нема лютишого зла, якъ сѣя горѣлка!

И тѣ правда, що усѣ видъ Бога. И пѣрохъ, и нѣжъ, и огѣнь, и горѣлка, усѣ одѣ Бога. Пѣрохъ, щѣбъ видстрѣлюва-тысь видъ супѣстѣтивъ, стрѣляты чоловѣкови пѣтыцю на про-кормлѣные для себѣ, а не вбывѣаты людѣй, брѣта свѣго. Нѣжъ, щѣбъ видрѣзаты хлѣба и усякую пыщу, що Богъ посыла намъ, зробѣты якѣ нѣжне дѣло по господарству, а не рѣзаты горлѣ людемъ. Горѣлка вѣдумана для нашого здорѣвѣя: вѣпый хочъ по усякѣ дѣнь чѣрку, и законъ незапрещѣе, и тобѣ вѣндѣ по-лѣзно, а непѣый иѣ черезъ край, нетѣпы у нѣи своѣи душѣ, непѣрть черезъ нѣи здорѣвѣя свѣго, нетрѣть черезъ нѣи худѣбы своѣи!

Подывѣтыся: иѣншыѣ пѣе иѣменно по усякѣ дѣнь; та иѣкъ пѣе? Уставъ собѣ любѣнько, помѣлытѣца Богу якъ дѣвѣгъ хры-стыянскый велѣть, порѣбыть що-нѣбудъ щѣро, отъ и обѣдня порѣ настѣгла; винъ прыѣде, — обѣдаты налагожено; достѣне плѣшку, що у нѣго завсѣгда на усякый случѣй ѣ, и винъ зъ

*

нѣю неховаетця и людѣй несоромытця; ё такъ ё, и пѣе та й пѣе. Налывъ чарку, перехрестывъ, Бѣгу помолывся, выпывъ—отъ винъ и йистъ дѣбре, и здѣрово, и вѣсело ёму; пообидавъ, чы зпочывъ, чы нй, йидѣ на робѣту зъ новѣю сылою и зъ бйлшою охѣтою. И такъ по усякѣ бѣжый дѣнь: пѣе, та якъ ненапываетця, такъ вона ёму и здѣрова, и полѣзна, и сылы ёму прыдаѣ.

Не безъ чогад-нѣбудъ бува у сымь: самъ часомъ захворѣ, жинка такъ недѣжае, якъ часто трапляетця, що животѣмъ постражда; отъ чарка горилки зъ чымъ-тамъ, чы зъ сйльлю, чы бува зъ пѣрцемъ, такъ така полѣзна, що ниналучче усякого ликарства! Эгѣ! тымъ-бо, що непытѣщи, тымъ и чарка ползу даѣ.

У такѣго чоловика, глядѣте! По господарству усѣ справно, хазяйство и робѣты йдѣтъ дѣбре, ни у чоу ёму замйшки нема, жинка ёгѣ шанѣе, слѣхае, поважаѣе, хвалытця людямъ; дитѣчкы на порядкѣхъ, звычайнѣньки, або у шкѣли вчатѣця, або у ремѣстви где, або и дѣма помагаѣютъ бѣтѣкови. Людѣ ёгѣ поважаѣютъ, що скаже слѣхаѣютъ, совѣты прынимаѣютъ; колы у чимъ якый резѣнтъ скажетъ, то й вѣрять, бо знаѣютъ, що винъ никѣлы и ни за дѣя когѣ незбрѣше. Усѣуды, колы що трапытця, усѣуды такъ говѣрѣютъ: «ёму мѣжно повѣрыты, винъ чѣсна душѣ; винъ непытѣщый, винъ незбрѣше». Начѣлство поважа ёгѣ и усяке дѣло ёму пѣвно повѣрытъ. У цѣрквы бѣжѣи ёгѣ пѣрвого побѣчытъ; зна, що стоить передъ самѣмъ Бѣгомъ, такъ и стоить, такъ и мѣлытця. И самъ бѣтѣшка-пан-отѣцъ ёгѣ поважа, посища ёгѣ и розѣумны рѣчи зъ нымъ бесѣдуе.

У такѣго чоловика нѣякого нема зазѣру и вѣшыты чарку зъ нымъ и зъ хорѣшымъ людѣмъ. И хазяинъ зъ нѣю неховаетця, достаѣ пры усѣхъ, бо на нѣго нхтѣ неподѣма, щобъ винъ, якъ той злѣдѣй, крадѣкомѣ пронѣсь йи зъ вѣльнои; винъ берѣ йи, незакрываѣючысь, у кабацѣ, чы у пынкѣ, и вѣлыцею несѣ йи неховаѣючы, якъ якѣ злѣ, бо зна, що усякѣ, хто побѣчытъ ёгѣ зъ горилкою, ничѣго поганѣго про нѣго неподѣмае: винъ несѣ дѣя рѣды сѣбе и чѣснои кунпѣныи.

Такѣго чоловика и самъ Бѣгъ у всимъ благѣсловѣя.

Подывитесь-же на пѣянычкѣ, такъ зарѣвъ скажете, що й Бѣгъ видступѣвся видъ нѣго и людѣмъ гѣдко дывѣтысь на нѣго! А черезъ вѣщо се винъ такъ звѣвсь? Осъ черезъ щѣ.

Ще зъ мѡлоду покуштовавъ сѣгѡ анѡхтемскаго напѣтку. А вонѡ, якъ зъ мѡлоду почѣты, такъ у животѣ заведѣтця мовъ жабурѣннѣя и усѣ знай кортытъ чоловѣка, щѡбъ такы выпывъ. Отъ винъ и пѣе, ѣмѣ здаѣтця, щѡ и здѡрово; отъ ѣмѣ и вѣсело, и охѡтно на усѣке дѣло. Пѣвъ та пѣвъ, небагато й пѣвъ, а на зѣвтре дѣже поганѡ зъ похмѣльѣя. Щѡ тутъ ѣмѣ на-свити робѣты? дѣмѣ собѣ: «головѣ непѣдведѣ, робѣты нездѣжаю, на животѣ щѡсь мѡсно; кѣ-лышенъ выпѣю, та трѡшки». Выпывъ и такы зпѣвды трѡшки, такъ щѡсь ѣмѣ и трѡшки здорѡвѣше. Винъ бѣлшенъко, щѣ лѣчче, щѣ веселѣше; винъ и прыпустѣвъ на усѣ заставка, вже и пропѣвъ рѡзумъ: и гдѣ винъ, и щѡ винъ, незна ничѡго. Былѣ цѣрквы йдѣ и рукы непѣдведѣ, щѡбъ перехрыстѣтысь; когѡ зострѣне, непѡштытъ, хочъ и старѣшого себѣ, та хочъ и самогѡ начѣлныка, та щѣ усѣякы сквѣрныи слова самъ собѣ говорѣтъ, або соромѣцкыи писнѣ спѣвѣ и когѡ зустрѣне, усѣкого занѣмѣ, йншого лѣе.... А тутъ дѣтвѡра за нѣмъ: «кѣръ, кѣръ!» бѣжѣтъ та крычѣтъ, та регѡчутця зъ нѣго. Та якъ и нерегѡтѣтысь? пѣка ѣмѣ невмѣта, та мѣбутъ зъ кѣмъ завѡдывсь, такъ усѣ подрѣпана, волѡсься розкудѡвчене, пѣпкы катъ-мѣ! и сѣмъ незна, гдѣ вона. Хочъ и пѣдперѣзаныи, такъ одѣнъ кинѣць такъ и волѡчытця за нѣмъ; сорѡчка розхрѣстана, а чѣсомъ и пѡрвана, якъ и свѣтына; спѣна усѣ у глѣни, одѣнъ чѡбитъ на носѣ, а дрѣгый, якъ спѣвъ винъ у шынкѣ, такъ знѣто, а винъ и нещѡувъ, и неѣмѣтъ, та такъ и йдѣ..... А йдѣ-жѣ-то, такъ смѣхъ и дѣвѣтысь на нѣго! йдѣ, спѡтыкаѣтця, то почнѣ хвѣбровѣты, бѣцѣмъ винъ и зѡвсѣмъ чоловѣкъ, потѣжытця, выпрѣмытця, отъ и пѣпѡвъ, пѣпѡвъ, пѣпѡвъ, та дѣли..... тыць! У головѣ закрутѣлось, зпѣткнѣвся, вдѣржався, вгѣять-бы-то йтѣ, такъ вже не мѣ тиѣи сѣлы, йдѣ-нейдѣ, тѣѡпа на одѣнъ мѣсьци; сѣлкѣтця повернѣты на прѣво, а головѣ перевѣжуе на лѣво, та дѣба-дѣба, дѣба-дѣба..... та наткнѣвся на тѣнъ, або на пенѣкъ..... плѡсь!.... тутъ и звалѣвся и захрѣтъ небѡрѣкъ, дѣмѣючы, щѡ винъ дѡма спѣтъ на подушкѣхъ. Спѣтъ, сердѣга, и нещѡвѣствуе, щѡ собѣка прыйшла, облызѣла ѣгѡ усѣюды, вылызѣла ѣмѣ и пѣку, и у рѡти усѣюды чѣпурнѣнъко.... а дѣли и свѣнѣ пѣдѣйшла, хрѡка та облызуе ѣгѡ, а винъ дѣмае, щѡ се жѣнка коло нѣго пѣстуетця, та знай повѡрѡчуетця, та кѣже: «нецѣлѣй-же менѣ, Дѡмахо! гѡди-жѣ, гѡди!...» Тѣфу, гѣдкѣй та мер-

зёный!.... И згадоваты брыдко! А тутъ, якъ смёркне, знато зъ нёго и свытыну, хочъ и поганёнка, узато й пѡясъ и останній чѡбитъ.... Прокынувся на зорѣ, побривъ до-дому....

А дома-жъ-то щѡ робытця?.... Хазайка у хати, та нема ничѡго, ничѡго непрыдбано, ничѡго и прыставыты на обѣдъ! Хочъ и робыла щыро, рѹкъ непокладячы робыла, та якъ однымы рукамы, такъ чы багато-жъ наробытъ? Помочи нема ни видкяль. Пьяныця йй хочъ мало чѡго и йистъ, винъ жывъ самою сывѹхою, такъ на нёго трѣба багато положыты: купыты хочъ яку-нёбудъ свытыну, и пѡясъ, и шапку, и чѡботы, безъ чѡго ёму изъ хаты немѡжно выйты. Мало-жъ на се трѣба грѡшей? Та колы-бъ-же така бида разъ у годъ, такъ-бы и сюды и туды; а то двичи-трычи на-лито ёго одяга, а винъ нѣякои помочи йй недасть. Ну, нехай по тверезу и очувствуетця, и жалкѹе, и плаче; вже видцурався, нехѡче пыты, вже бѹде робыты: доставъ позаторишню сокыру, зкынувъ йй на плечѣ, пишовъ зъ двора тихѡю ступѡю робѡты ськаты. Якъ ѡсь по дорѡзи й пынѡкъ. Винъ, правда, ёму усюды по дорѡзи: куды-бъ винъ ни пишовъ, вже пынѡкъ бѹде ёму по дорѡзи. Такъ и тутъ. Ййдѣ побыля пынка и дѹма: «чы ё-пакъ такыи дѹрень, що пѣе ту навижѣну горылку? А кѣ зайду, подывлюсь!» Зайшовъ подывытысь..... та тамъ и застрѣвъ! Сокырчына и поганёнка буля, винъ и йй у дѣло пустывъ: пишла за пив-осьмѹхы. А тамъ далшь-далшь..... забувъ своё видцуранья, забувъ, що, мѡже, божывся и дѹшу свою проклянавъ: «колы, каже, и крапельну у ротъ озмѹ.....» та знай пѣе! Пѣе й сѣгодня, пѣе й завтра, пѣе, усѣ пѣе; вже й жѣнка незопы-ныть ёго..... пывъ-пывъ, покы незнайшлы пидъ тыномъ: горылка занялась, увѣсь посынивъ и.... пропавъ.... чѡрту баранъ!...

Жѣнка сердѣшна, збѹвши черезъ мужыка усю худѡбу, щѡ бѹде робыты? Почепывшы тѡрбу, пишла поидвиконьно мыркаты!.... Колы-жъ ще и дитѡчкы бѹдутъ, потаска и ихъ, прѡсючы, Хрыста рады, хлѣба шматѡкъ, та проклянаючы своѡго пьяныцю, що такъ йй довывъ и звывъ усю симѹю ни-на-выщо... А яковѡ-жъ ёго душы на тѣмъ свѣти?.... Господы сохраны и помылуй! и подѹматы страшно!....

Госпѡдъ сказавъ Своимъ слѡвомъ: «Пьяныця неувѣде у царство небѣсне». Отъ якѣ страшнѣ дѣло напыватысь!

Иншыи скаже: «Нехай Бѡгъ мылуе, я непываюся, а такъ иногди, та й то зъ прыятелямы, у кунпаныи». Ой, чо-

ловиче добрый, бережись сѣи западнѣи! Сѣ тоби такъ здаѣтца, що ты нечѣсто напываѣшся, а згадай-лыпенъ, такъ ты усѣ частѣишь та частѣишь напываѣшся, а затымъ скоро-скоро и зосѣимъ зипѣшся.

Окрѣме, що напываѣтца, хочъ рѣзъ, хочъ чѣсто, усѣ грихъ однаковѣсинькый; та ѳтъ до якого гриха горѣлочка прывѣдыть! Осѣ розкажѣ вамъ ѣстинну правду.

Одѣиъ чоловикъ захотѣвъ спасѣтись и пишѣвъ у пустыню, и усѣ-бъ-то молѣвсья Бѣгу, такъ дѣяволь ѣгѣ видѣдыть: то тѣ, то сѣ ѣму прѣставлѣ, та ѣ збывѣ ѣгѣ, и усѣ-бъ-то зкусѣты хоче, щобъ немолѣвсья. Чоловикъ и видхрѣшуетца и видмѣлюетца; сатана и видбѣжыть видъ нѣго, та впѣять за тѣжъ, та впѣять за тѣжъ. Остывъ и опогѣнивъ винъ чоловикѣви, дѣли и кѣже: «Чоловиче! Недѣамъ тоби покоѣю повѣкъ, недѣамъ тоби прѣсвятѣтись, непѣкѣну тебѣ, пѣкѣ непѣтишышь менѣ хочъ однѣимъ изъ трѣхъ грихѣвъ: або чоловика вбѣи, або грихъ зъ жѣнськымъ пѣломъ зрѣбы, або напыѣсья горѣлки. Колѣ хочъ однѣ-що зрѣбышь, я тебѣ зѣразъ покѣну и небѣду тоби докучѣты ажъ до сѣмои твоѣи смѣрты».

Чоловикъ подѣумавъ, и дѣума сѣмъ собѣ: «чоловика вбѣиты, грихъ велѣкый, смѣртѣльный, непѣрѣщѣный по-вѣкъ; нехѣчу; нехѣай Бѣгъ борѣныть! Блѣдъ сотворѣты, и тѣ грихъ велѣкый и на дѣшу, и на тѣло, колѣ ще и зпокутѣешь ѣгѣ черезъ увѣсь свѣи вѣкъ! Горѣлки напытѣсь, такъ, недѣуже, абѣ-бъ-то; я зѣразъ заснѣ, проспѣюсь, та пѣятнадцѣтъ гѣдъ бѣду сѣи грихъ видпокутѣувѣты, такъ за тѣ мѣи супѣстѣтъ, чѣртѣка, видстѣпытца видъ менѣ и небѣде менѣ скупѣты». Такъ подѣумавшы, пошукѣвъ у сѣбе,—ѣ щѣсь, що дѣбри лѣды подалѣ бѣло на мѣлѣстыну; узѣвъ ихъ и пишѣвъ надъ-вечѣръ, крадѣкомѣ, щобъ нихѣто и небѣчывъ, и щобъ лѣды неосуждѣлы. Убѣиъ у шынокъ, узѣвъ—щѣ тамъ? чѣ ѣ бѣло чѣрки зѣ-дѣви,—ковтнѣвъ и пишѣвъ собѣ мерщѣи у своѣю пустыню. Ёдѣ собѣ веселѣнькый, що вѣже зпрѣавѣвсья зъ чѣртѣкою, небѣде вѣже прѣставѣты. Ёдѣ и поспѣша..... и якъ бѣвъ собѣ непѣтѣущѣи, що, мѣже, зъ рѣду непѣвъ, то горѣлочка ѣгѣ и розѣбрѣла, запумѣло у головѣ, згадаѣлсья молодѣи литѣ, и сѣе и тѣе, и пѣяте и дѣсѣте..... ажъ гѣлькѣ! Молодѣица назѣстричъ прѣтивъ нѣго..... винъ до нѣи та зѣразъ зъ недѣбрымъ; вѣна-бъ-то и видъ нѣго, такъ винъ-бѣ сѣякъ-тѣкъ, подѣужавъ ѣи, побѣрѣвъ, согришывъ..... Молодѣица хѣвалѣтца, що, вѣже: «бѣду усѣимъ жѣлитѣсь, усѣимъ

розкажѹ, якъ ты обманюешъ народъ, бѹчимъ спасаешся, а бѣщю робышь!...» Винъ, бѣчачы, щю лыхо, вхопѣвъ голяку, чыркѣ йй по головѣ..... тутъ и дѹшу виддала!.....

От-такъ упорався!.... Мавъ невелѣкый грипокъ зробіты, тѣлки напытысь, та якъ напывся, такъ и усй грихы, щю найбѣлши, усй сотворѣвъ!.....

Отъ до чѣго-то сѣя горѣлочка доводѣты. Погубляе и тѣло и дѹшу у чоловика на вишнѣи вики! Колы-бъ сказаты гѣя-нѣця, такъ зъ перепѣю; такъ-бо нѣ! Зъ рѣду упѣрше вѣшывъ.... та бѣ, выпѣвъ-бо! Такъ дѹмаеця, щю у кѣжнѣи чѣрци вже чѣртъ и сыдѣты. Выпѣшь сѣтѣ, винъ на дрѹгу направля, бо небагато. Видъ дрѹгѣи и до Москвы недалѣко, а тамъ и прощѣй дѹша!

Цѹръ-же йй пѣкъ! Неудемо йй пѣтъ нѣкѣлы и нѣякъ. Бѣчате, до якъ га нѣтъ и одна дѣвѣ доводѣты. А якъ прыстаты до нѣи, такъ и здорѣвѣя забавѣты, жѣтку и дѣточѣкъ запропастѣты, худѣбу, щюбъ малѣся щю цѣркву подѣты, и на сѣмѣю щю справѣты, царствѣи и общѣственне видѣты, на бѣднѣсть подѣты, такъ тѣмъ щюбъ те переведѣ, сатанѣи-супостѣту у пѣльку засѹне и дѹшу твою погубѣты на вишнѣи вики, видъ чѣго нехѣй мылѣсѣрднѣи Бѣгъ борѣнытъ усѣякого хрыстыянына!

Сѣ-жѣ вамъ, любѣзни мой землякы, напысѣвъ дѣ-чѣго на пѣршѣи разъ. Колы побѣчу, щю си мой лысты бѹдете чытѣты, то я щѣ знайдѹ дѣ-чѣго, про-вищо вамъ розказѣты такѣ, щюбъ булѣ до дѣла и вамъ булѣ на добрѣ. Слѹхайте тѣлки, перенимѣйте и дѣтѣи свойхъ вѣчѣте, и щю бѣчате за нѣмы, щю не на добрѣ йдѣте, такъ вы недавѣйте имъ воли. Попередъ усѣго вѣчѣте ихъ Бѣгу молѣтыся, до цѣрквы бѣжѣи ходѣты, начѣлныкѣивъ, и бѣтька и мѣтирь слѹхаты, стѣршыхъ сѣбе шанѣваты и противъ усѣякого, хочъ противъ мѣншого сѣбе звычѣйнымъ бѹты. Отъ опислѣ напышѹ вамъ обѣ усѣимъ такѣимъ; а тепѣрь бувѣйте здорѣвы и нехѣй вамъ Бѣгъ помагѣ на усѣ дѣбре, а видъ худѣго дѣла нехѣй оборѣныты, а й самы бережѣитесь.

Землякъ вашъ Основьяненко.

3748
K87
1887
v. 1-2

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

SEP 27 1997 - ILL

--	--	--

